

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

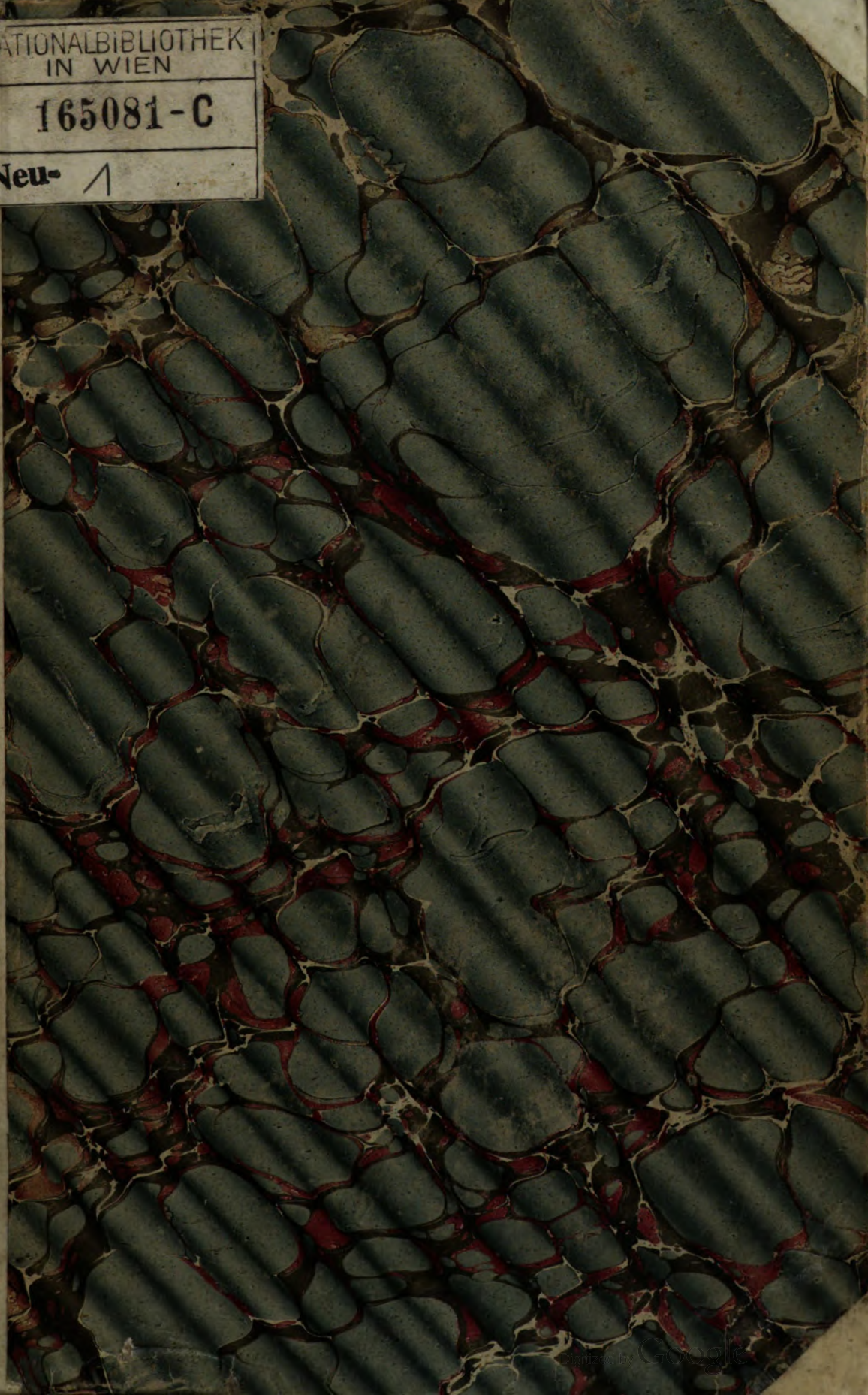
О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

NATIONALBIBLIOTHEK
IN WIEN

165081-C

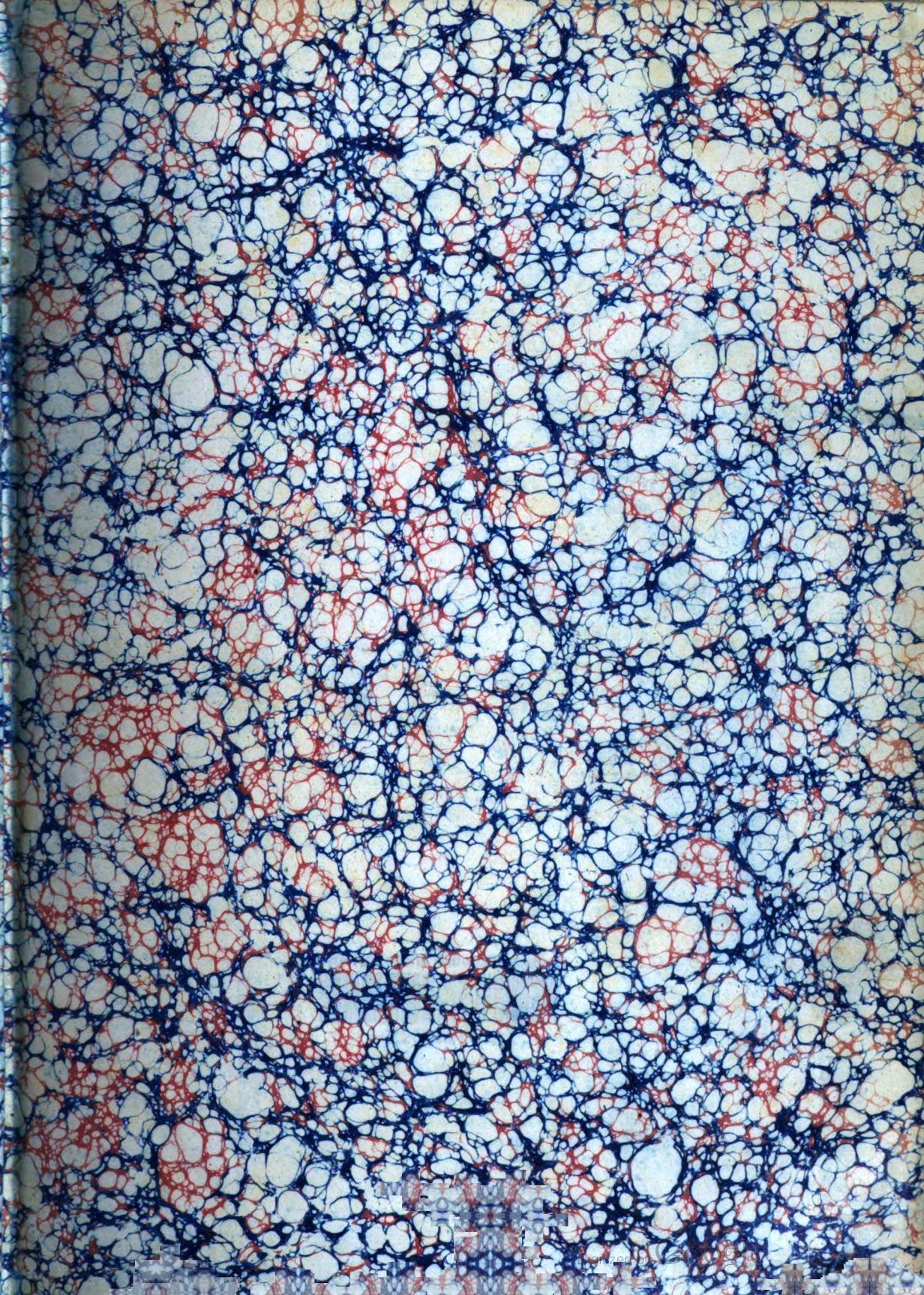
Neu- 1

155. C. 17

I.

Österreichische Nationalbibliothek

+Z203064409

165081-C

Digitized by Google

ГАЛИЧАНИНЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

издаваемый

Яковомъ Федоровичемъ Головацкимъ

и

Богданомъ Андреевичемъ Дядицкимъ.

КНИГА I.

В ы п у с к ъ I.

ЛВОВЪ.

Типомъ Института Стравропигійского.

1862.

165.081-C. Well

1

П Е Т Р О .

1.

Бѣе барабанъ, труба сзываетъ
Сынѡвъ Украйны на войну,
Уже и Петро коня лаштуе
И гострить шабельку свою...
Вже кѡнь готовъ, пора сѣдати,
Петро повѡдѣе въ руки взявъ...
Чогожъ онъ тяжко такъ зѡтхае,
Чого Петро засумовавъ?
Хиба первинка козаковъ
Изъ Туркомъ, Ляхомъ воевать,
Чи не траплялося нѣколи —
Татаръ далеко проганять?
Не разъ, не два Петро за волю
Зъ Ляхами битись выступавъ,
Якъ той орель, — у чистѡмъ полю
На вороненькому лѣтавъ;
Чогожъ теперъ нибы недужій
Не хоче сѣсти на коня?
Чого онъ журится такъ дуже?
Ему походъ не первина!..

2.

Почуемо, побачимо,
Можь и отгадаемъ...
Вже козаки на майданъ,
Выступну спѣвають...
Стоять помы зъ хоругвами
Воду освящаютъ;
Помогились, освятили,
И хрестъ погрузили,
Усе войско свяченою
Помы окропили;

Вже Отаманъ въ сѣделечко
Ногу закидае;
А Петро нашъ ѣще дома,
Ще думку гадае.
Надумався, якъ кинется
До старои въ ноги:
„Благослови мене ненько,
Въ далеку дорогу!
Чуе сердце: не вернуся,
Загину въ чужинѣ,
Въ чужу землю закопають
Въ чужой домовинѣ...
Не боюся, моя ненько,
За волю вѣрати,
Да жаль мѣнѣ Ганнусеньку,
Мамо, покидати!..
Не три ночи, а три роки
Мы широкохались,
Сюю весну одружитись
Уже сподѣвались.
А теперъ!.. Ой мамо, мамо!
Я Ганю покину...
Зъ могилою одружуся,
На вѣки загину...
Моя ненько, моя пташко!
Ты мене родила,
Доглядай мою комашку
Моя сизокрыла;
Голубь ѣи, кохай ѣи,
Вона сиротина!..”

3.

Въ сурмы, трубы затрублено,
Въ ушѣ дзвонъ задзвонено,

Попа въ церкву повертають,
 Козаченьки вже рушають,
 А Петро у себе дома,
 Промовляє свое горе;
 Бѣля его стоитъ Ганя,
 Стоять мовчки, да зѣтхае,
 Дрѣббри слезы утирае.
 Петро неньцѣ промовляє:

„Пора мамо, пора мѣнѣ
 Въ далеку дорогу;
 Прощай серце Ганнусенько,
 Да молися Богу.”

Стара мати свого сына
 Свяченою мыла,
 Хлѣбомъ, солю и образомъ
 Поблагословила.

А Ганнуса хустиною
 Сѣделечко вкрыла,
 Вороному бѣля уха
 Квѣтку причепила.

Обнявъ Петро стару неню,
 Обнявъ и Ганиусю;

„Прощавайте! молитесь,
 Може я й вернуся...”

4.

И зосталась Ганнусенька,
 Слезы проливаетъ;
 Свого друга, своего любя
 Що-дня выгладаетъ.
 — Не ма, не ма соколика,
 Мабуть его вбили,
 И безъ труны въ сыру землю
 Мабуть положили...

Або, може, покшнули
 Вовкамъ середъ поля...

Не такой сподѣвались
 Мы дождати долѣ..

Може тѣ ясни очи,
 Що я цѣловала,
 Орлы черни — хижи птахи —
 Въ его повыймали!

Може тую хустиночку,
 Що я вышивала,

Злѣе Турки — недовѣрки
 Въ кровѣ затоптали!

Не ма мого миленького,
 Чи вжежь и не буде?

Охъ! на вошо войну-люту
 Выдумали люде!..
 Ажь Господь велѣвъ у мирѣ
 Усѣмъ люлямъ жити;
 И на вошо брату брата
 Рѣзати и бити?..
 Боже милый! Боже правый,
 Що мѣнѣ робити?
 Де мой милый чернобрыый,
 Де его зустрѣти?“

5.

Мина лѣто, мина друге,
 Петра все не мае;
 Уже неньку старенькую
 Въ могилу сховали.
 Уже й хатина похилилась,
 Уже й верба зевяла,
 Все хозяйство добри люде
 Уже порозбѣрали;
 И на дворѣ, якъ у полѣ,
 Трава виростае,
 На городѣ табунами
 Воронѣ гулае;
 Усе гине, пропадае,
 Нѣкому глядѣти,
 Не ма кому у садочку
 Квѣтокъ посадити!
 Жде Ганнуса трейте лѣто
 Война затихае;
 Уже козаки вернулись,
 А Петра не мае...
 Де онъ дѣвся — козаченьки
 Того не сказали;
 Бо й вони про те не чули,
 И вони не знали.

6.

Зажурилась дѣвчинонька,
 Тяжко зажурилась,
 Уже и въ церкву не ходила,
 Уже и не молилась..
 Тай якъ ея молитися,
 Якъ серденько плаче!
 Якъ не чуе нѣ розваги,
 Нѣ ласки не бачить!..
 Стала Ганя въ темни ночи

По селу ходити,
 Стали єи злые люде
 Женихомъ корити.
 Не вынесло чисте сердце
 Великой боль,
 Не вынесла душа щира
 Безсчастной долѣ;
 Не вынесло грѣшне тѣло
 Пекѣльные муки:
 И сама на себе Ганя
 Наложила руки.
 На распутьи поховали
 За те, що любила,
 Що не вмѣла змѣнить слово,
 Серця не спинила!
 На могилѣ й хреста не ма,
 Тѣлько вѣтеръ вые,
 Строманцѣ спочивають,
 Да квітка синѣе...
 Такъ погибла дѣвчинонька
 И люде забули;
 А про Петра — больше того
 Нѣчого не чули. —

Въ Полтавѣ.

ОСТАННЕ СЛОВО.

(Василію Тарасовичу М...)

Сподѣвався васъ прохати,
 Сподѣвався васъ позвати,
 У сирѣтську свою хату
 На розмову, на пораду,
 На веселе пированье,
 На счастливее коханье,
 На веселье погуляти,
 Горе-тугу роздгнати.
 Сподѣвався... закохався,
 Непытавшись, залицявся,
 Сподѣвався, що полюбить,
 Серцемъ сердце приглубить,
 Сподѣвався одружитися,
 А пришлось помылиться...

Не бровами, не косою,
 Не очами, не красою,
 Еи сердцемъ любовався,
 И на сердце сподѣвався,
 И на серцѣ помылиться:
 Любви — правды не добився!..

И не добьешся въ тому серцѣ,
 Що зъ братѣвъ своихъ смѣется,
 „Противными” называе,
 „Невъжествомъ” дорѣкае!...

Не збулося сподѣванье!

Пропаде мое коханье;
 Може згине и минется,
 Може сердце схаченется,
 Перестане нудить свѣтомъ,
 Перестане ждаты привѣту...
 А коли не хватить силы,
 Нехай ляже зъ тымъ въ могилу,
 Що кохало, не пытавши,
 Роздивиться не дававши...

ДОЛЯ.

Де ты доле, де ты доле?
 Чи ты въ лѣсѣ, чи ты въ полѣ?
 Чи недужа подъ копою
 Притулилась самотою?
 Чи по селахъ тыняешься?
 Чи у морѣ купаешься?
 Чи на Дону зъ чуяками?
 Чи въ будынкахъ мѣжъ панами?
 Чи зъ хлопятками у школѣ?
 Скажи мѣнѣ моя доле:
 Куды йти тебе шукати,
 Одкѣль тебе выглядати?
 Я, здається, смиръ слухняный,
 Не лежняха, не лукавый,
 Братѣвъ темныхъ не цураюсь,
 Изъ панами не братаюсь:
 Чомъ же й доси, моя доле,
 Мы не стрѣлися нѣколи?
 Чомъ ты мене не витаєшь?
 За шо мене зневажаєшь?
 Чомъ не вырвешъ изъ неволѣ?
 Чомъ не даси мѣнѣ волѣ?
 Тѣлько волѣ прошу въ тебе,
 Бѣольшъ нѣщо мѣнѣ не треба..

ВЕСНА Й ЗИМА.

Виктору Васильевичу Лободѣ.

Не спѣвае соловейко,
 Не куе зозуля;

Весна швидко пролетѣла
 И лѣто минуло.
 Не ма листьа, не ма квіту,
 Зима наступила,
 Бѣлымъ килимомъ все поле
 На Украинѣ вкрыла.
 Куди глянешь — снѣгъ усюди
 Бѣлѣ блискучій,
 Стоять смутни, не весели
 Тѣ тополи гдучи,
 Що роскошно середь лѣта
 Въ зеленѣ кохались,
 И красою-вышиною
 Такъ гордо пышались.
 И береза похилилась,
 Завяла калина,
 Тільки сосна середь лѣсу
 Гордо зеленѣе.
 Все счорнѣло, все змарнѣло,
 Мовъ позасыхало,
 Або спати — оддохати
 Наче полагало....
 Такъ чорнѣють, такъ марнѣють,
 Оттакъ засыхають,
 Оттѣ люде, що зъ молоду
 Духомъ упадають,
 Свое сердце, свою душу
 Снѣгомъ засыпають,
 И безъ листьа, и безъ квіту
 Марно одцвѣтають.
 Оттѣ люде недолюди,
 Що сидять безъ дѣла,
 Мысли, розумъ зневажаютъ,
 А годують тѣло.
 Такъ чорнѣють, такъ марнѣють
 И гинуть въ неволѣ,
 Котри на вѣкъ забувають
 Прадѣдовську долю.
 Такъ чорнѣють, такъ марнѣють
 Духомъ засыхають
 Оттѣ люде, що олъ правды,
 Олъ працѣ втѣкають,
 Свои мысли, свои думы
 Нѣколи не будать:
 И зовутся въ насъ панами
 Оттакіе люде...

Сонце глянє — весна стане,
 Снѣгъ пѣде водою,
 Земля знову уберется

Квітками — красою;
 Зновъ тополя зеленою
 И гордою стане,
 Въ саду знову соловейко
 Гарно заспѣває;
 Зновъ весною розовѣється
 Червона калина,
 Знову стане вѣшовати
 Зозуля дѣвчинѣ.
 Усе стане оживати,
 Якъ весна приспѣе;
 А для того не ма весны,
 Хто духомъ змарнѣе!
 Той безслѣдно пропадає,
 На вѣкъ замерзає;
 Бо любви до народу
 Онъ въ сердцѣ не має...

Зна те люде, котри духомъ
 Якъ кринь зеленѣють,
 Крѣпнуть дурами своїми,
 Въ дѣлахъ добрыхъ спѣють,
 Таки люде духовною
 Вѣкъ цвѣтуть красою,
 Молодѣють, зеленѣють,
 Якъ древо весною!

Оттакъ ваша, пане-брате,
 Праця для народа
 Буде спѣти, виростати
 Олъ году до году.
 Буде спѣти, зеленѣти
 И уродитъ жито,
 Его жати, молотити
 Будуть наши дѣти,
 И розсѣють зерно правды
 По всѣй Украинѣ,
 И виросте зъ зерна воля
 На нашѣй родинѣ.
 И унуки и правнуки
 Всѣ васъ будуть знати,
 Вашу працю будуть довго
 Всѣ благословляти.
 Украина вашу славу
 Свѣтови розкаже,
 А на свѣтѣ добра слава
 „Не вмире, не поляже.“ —
 Въ Полтавѣ.

ДО МИНЫ.

(Вольный переводъ изъ Шиллера.)

Чи се во снѣ мѣнѣ здается,
 Чи се туманъ въ очахъ въ мене:
 Неначе Мила чорнобрыва
 Иде, — не познае мене?!
 Зъ якимсь бурлакою объ руку,
 Неначе паяночка яка,
 Иде и вверхъ кошелить губу,
 Нѣ, Мина не така...
 На головѣ въ ней хустина,
 Котору я подаровавъ;
 Въ косѣ та стрѣчка червонѣ,
 Що я для нея куповавъ;
 На грудяхъ тѣ квітки квітачя,
 Що самъ садивъ я и кохавъ,
 Вони въ невѣрної пышатся
 И нѣ одинъ не звявъ...
 Иди жъ зъ пустыми паничами
 Иди, иди, забудь мене;
 Иди зъ продажними душами,
 Знай: зневажаю я тебе.
 Для тебе сердце чесно билось,
 И жаль мѣнѣ теперь згадать,
 Що сердце такъ мое влюбилось,
 А въ кого? стыдъ сказать...

Краса твое згубила сердце,
 Стыдишься ты сама себе,
 И, може, завтра ты завянешь,
 Лице поблѣдне у тебе.
 Не счуешься: красы не стане,
 Втече якъ ластівка вона,
 Тодѣ й бурлакъ не привтає,
 А друга — вже не ма.
 Я бачу: ты въ красѣ останной,
 Смутна, заплакана, одна,
 Сидишь собѣ безъ сподѣванья, —
 Бо вже весна твоя пройшла.
 И тѣ, котри тебе весною
 Бажали вѣчно цѣловать,
 Теперь смѣются надъ тобою, —
 Що маешь имъ казать?!..
 Краса твое згубила сердце,
 Стыдишься ты сама себе,
 И, може, завтра ты завянешь,
 Лице поблѣдне у тебе.
 Тодѣ-то я попосмѣюся...
 Смиѣяться?.. Боже борони!
 Тодѣ я горькими зальюся
 Слезами по тобѣ...

ДО МОРЯ.

Хвилями-слезами бушуешь ты море,
 Мабуть и у тебе есть справжнее горе?
 Мабуть ты згадаю, якъ було зъ Лиману
 Козацькіе чайки по тобѣ лѣтали,
 Скутарѣ палили, Царградъ руйновали,
 Зъ славной Украины неволю змѣтали,
 Изъ рѣдного краю вороговъ ганяли
 И кровью своею тебе наповали?
 Теперь на Украинѣ не ревутъ гарматы,
 Зашѣсть Запорожья — осмалени хаты...
 А може ты море того такъ бушуешь,
 Що крашу годину Украинѣ вѣщуешь?
 Може твои хвилѣ сивые, сердигы,
 Того розревѣлись, щобъ насъ розбудити,
 Шобъ тюрьму пѣдмыти, увесь гнѣй обмыти,
 И чистыми снами на волю пустити
 Дѣтей предковской славной Украины,
 Зрабѣвшихъ панствоу и жидами лихими.

БАЖАНЬЕ.

Дайте люде, дайте добри
 Отруты напитись,
 Жить обридло, не хочется
 И на свѣтъ дивитись.
 Я не бачу на сѣмъ свѣтѣ
 Нѣ правды, нѣ волю,
 Нѣ любви, нѣ привѣту,
 Нѣ справжней долѣ.
 Куди глянешь, всюди кривда
 Вельможно правдуе,
 Святу правду зневажне,
 Псуе й коверзуге.
 А безъ правды — тяжко мѣнѣ
 На сѣмъ свѣтѣ жити,
 Краше мѣнѣ въ сырѣй землѣ
 На вѣки спочити.
 Дайтежъ люде, дайте добри
 Отруты напитись,
 Жить обридло, не хочется
 И на свѣтъ дивитись!

Александръ Я. Конискій.

ДУМКИ.

I.

Тюрма у господѣ,
 Тюрма у громадѣ,
 У полѣ, въ дорозѣ,
 У лѣсѣ и въ хатѣ;
 Заковане слово
 У тяжки кайданы,
 Пригнѣчени думки
 Панамы-катами;
 По всѣй Украинѣ
 Жидова пануе,
 Зѣ запорожскихъ внуковѣ
 Глузуе, кекуе.
 По всѣй Украинѣ
 Нудота и смута..
 Охъ! важки-тяжкіе
 Московскіе пута!
 Охъ! гѣрька неволя!..
 Зѣ московського „блага“
 Стали Украинцѣ
 И боси и наги.

Стогне Украина,
 Наче у могилѣ...
 Чи вона сзывае
 Молодые силы,
 Щобъ усѣмъ устати,
 Коруговъ подняти,
 Щобъ усѣмъ устати,
 Старину згадати,
 Прекѣвскую волю
 Въ вороговѣ одняти?!
 Скинути кайданы,
 Бажанье вволити,
 Славути напоити?!

Ворогу лихому
 Вѣку вкоротити,
 Широкою браму
 Правдѣ одчянити,
 Й вольными сынами
 Чесно доживати?!...
 Чи може рабами
 Мы будемо спати?
 По тюрмамъ сидѣти,
 Панамъ угождати,
 Въ залѣзахъ ходити,
 Жидѣвъ вдовольняти?!
 Може вже вмѣрае
 Мати-Украина?
 Може вже звелася
 Козацькая сила?!..
 Дежъ наше завзятье?
 Де наша одвага?!..
 Мы все промѣняли
 На московське „благо.“

II.

У тюремъ высокої
 Сижу одинокій,
 Нѣкого не ма!
 Вѣтеръ повѣває:
 Думку навѣває, —
 Охъ тяжка тюрма!
 Сонце заглядае,
 Зѣ ранкомъ привѣтае,
 Мѣсяць подобѣється,
 Наче засмѣється,
 Стане веселѣй...

Москаль поглядає,
 Душу розриває...
 Серденько змиває
 И смерть призиває
 До себе мерщій...
 Краще умерати,
 Якъ въ тюрмі страждати,
 Да ще безъ вини!
 Чи вжежъ, Боже правий,
 Вороги лукавы
 Одъ Тебе сильтій?!
 Чи вжежъ, Боже милый,
 Въ нашій Украині,
 Що правду вславляла,
 Воленьку кохала,
 Правды вже не ма?
 И замѣсто святомъ,
 Вѣчною — благомъ
 Выросла тюрма?! —

ПРОРОКЪ.

Миколаю Ивановичу

Костомарову.

Ходѣмъ, ходѣмъ, мерщій одсѣль,
 Мы тутъ не найдемъ счастья, долѣ,
 Тутъ тѣсно намъ, тутъ всѣ рабы,
 Привыкли жить въ гóрькій неволѣ.

Тутъ намъ привѣту не дадутъ,
 Тутъ братъ надъ братомъ коверзуе,
 Тутъ наше слово осмѣють;
 Бо тутъ за слово катъ катуе.

Тутъ намъ и вѣры не дадутъ;
 Бо вѣры въ правду тутъ не мають,
 За гроши волю продають,
 На гроши правду тутъ мѣняють.

Колибъ Христось сюди пришовъ
 Любовь народню возвѣщати,
 И Онъ тутъ вѣры бѣ не найшовъ,
 И Его стали бѣ зневажати.

Ходѣмъ, ходѣмъ въ далекій край,
 Куды ивбудъ, хочъ у пустыню,

А ты родинонько прощай!
 Прощай невольникѣвъ краино!

Ходѣмъ, ходѣмъ мерщій одсѣль :
 Бо мы обыва добре знаємъ,
 Що въ краю рѣднѣму нѣхто
 Зъ своихъ пророкомъ не буває.

На Украинѣ, 6. Юлія 1862.

К. О. Я.

ЗЪ СВЯТОГО ПИСЬМА.

1.

Царь Саулъ.

(Смотри 1. кн. VIII. гл. Кн. Царствъ.)

Старый ставъ вельми Самуилъ
 И судьями сынѣвъ поставивъ:
 Судивъ въ Юдеи Ионъ,
 А менший Авія въ Варсавъ.
 И судьи сѣи одъ року въ рокъ
 Все бѣльшь неправедно судили;
 И въ Армаеємъ збравсь народъ
 Просить царя у Самуила:
 „Не хочемъ, кажуть, мы судей,
 Вони неправедно насъ судять,
 Царъ у другихъ есть людей,
 Царъ нехай надъ нами будутъ!“
 Познавъ пророкъ лукаву рѣчь,
 А волѣ Божои не знае,
 И ставъ молитись день и нѣчь,
 И рады въ Господа прохае.
 И Богъ пророку такъ вѣщавъ:
 „Я Царь одинъ на всему свѣтѣ!
 На що имъ здавъ другій царь?
 Вони мои и слуги и дѣти.
 Я изъ Египта вывѣвъ ихъ,
 Для нихъ роздвоивъ Чермне Море,
 Кормивъ въ пустыни сорокъ лѣтъ
 И боронивъ одъ бѣдъ и горя;
 Колижъ забули вже мене,
 Поставъ царя имъ на наругу,
 Нахай ихъ въ муки ужене,
 Нехай на ихъ навѣ тугу.

Коли имъ мало ще добра,
 Коли вже имъ не мила воля,
 Поставь земного имъ царя,
 Нехай познють гóрьку долю!
 Царь все ихъ збóжься побере:
 Волóвъ, овецъ и всю худобу,
 Собѣ ихъ нивы пооре,
 Або роздасть по уподобѣ.
 Жѣнки ихъ въ наймычки пóдутъ,
 Ихъ дочки стануть кухарками,
 Сыны въ неволѣ пропадутъ, —
 Поробить царь усѣхъ рабами!
 Громадська рада пропаде,
 Имъ на ступень не буде волѣ,
 Самы поплачуть на себе.
 Тодѣ вони у тяжкóй долѣ,
 Рабами ставши изъ людей,
 Просити-муть Старого знову,
 Попросить волѣ и судей,
 Та вже не вчуе ихъ Егова...“
 Пророкъ народу все сказавъ;
 Народъ, бупѣмъ его не чуе:
 „Царя! царя! ты намъ поставь
 Нехай надѣ нами óвъ царствуе!“
 Заплакавъ гóрько Самуилъ
 И, бóльшь не кажучи нѣчого,
 Царемъ Саула нарядивъ,
 А за народъ молився Богу..

II.

Пѣсня Пѣсень.

(Дивись 1. главу книг. Пѣсни Пѣсень.)

Цѣлуй, цѣлуй въ уста мене,
 Твои уста солодши меду,
 Твоя краса роскóшній степу,
 Одъ тебе ароматомъ тхне.
 Я за тобою въ слѣдъ поду,
 Въ тюрмѣ зъ тобою я не згину
 Люби, люби мене дѣвчино,
 Зъ тобою счастье я найду!
 Лице рожевее твое —
 Дарма, що сонце осмугло,
 Красы твоеи не зменшило,
 Ты сонце, все-таки, мое;
 Й кохаю широко я тебе...
 Браты хочъ тебе й зневажають,

Овечки пасти посылають,
 Красы жъ не збавлять у тебе,
 Цѣвсти ты будешъ — розцѣвѣтатъ...
 Когожъ ты серденько кохаешъ?
 Кого въ садочку дожидаешъ?
 Назви его... я хочу знать...
 Скажи: овечокъ де пасешъ?
 Де ты о полуднѣ буваєшъ?
 Коли до дому повертаешъ?
 Съ кимъ розмовлять у дугъ идешъ?
 Я тебе выйшовъ бы стрѣчатъ,
 Я любовався бъ такъ тобою,
 Якъ тею зóркою святою...
 Колибъ схотѣла ты кохатъ,
 Я тебе бъ въ золото рядивъ,
 Въ габову плахту, наче панѣ,
 Ты въ мене їздила бъ въ рыданѣ,
 Дорогу килимами бъ кривѣ,
 Изъ кедрóвъ хату збудовавъ,
 Зробивъ бы лóжку кристалева,
 Пославъ перину бъ я пухову,
 Эфиромъ тебе бъ укрывавъ,
 И цѣлючи весь вѣкъ тебе,
 Не на годиночку нѣколи,
 Не знавъ бы туги я й недоли
 И вмеръ на грудяхъ бы въ тебе...

ДО ДѢВЧИНЫ.

Гавицъ Павловнѣ ч. Р.—ъ.

Нехай марно я загину,
 Пропаду въ неволи,
 Тебежъ сердце не забуде
 Дѣвчино, нѣколи.
 Молитися шо-дня буду
 Богови за тебе,
 И вымолю тобѣ счастье
 И доленьку зъ неба.
 Коли станешъ ты счастлива,
 Тодѣ й я счастливый,
 И на вѣки я забуду
 Свою злу годину.
 Тодѣ стану я прохати
 Собѣ въ Бога смерти,
 Шо-дня буду молитися,
 Щобъ мершѣй умерти...
 Товариству закажу я
 Вырты могли,

На той горѣ, де зо мною
 Ты серце сядѣла.
 Зъ домовини тихесенку
 О пѣвночи встану,
 И на тебе любоватись
 Невидимо стану.
 Якъ спочинешъ — бѣла лѣжка
 Я буду стояти,
 И одъ тебе усе злое
 Буду одганяти.
 А якъ встанешъ — я на-зырцемъ
 Пѣду за тобою,
 И кошадѣ спуститись
 Не дамъ надъ тобою.
 Якъ квѣточку, якъ пташечку,
 Якъ зелену руту,
 Якъ красолю середъ поля
 Доглядати буду.
 Колижъ буде бѣла тебе
 Метеличокъ виться,
 То дай ему на рученьку
 До тебе спуститись, —
 Не рушь его, моя мила,
 Не выганяй зъ хаты,
 Бо то буде душа моя
 Мотилькомъ лѣтати.
 Полѣтае, надивитсь,
 И полетить на небо,
 И зновъ стане молитись
 Боговъ за тебе...

ЛЕВЪ ТА БАРСЪ.

(Басня зъ Крылова.)

Левъ Барса вызвавъ на войну
 За кубла, за лиса й байраки.
 Дурный! дебъ въ судъ позовъ подати,
 Нехай бы тамъ судья и взявъ,
 За те вжебъ дѣло роздбравъ,
 Такъ нѣ же! Въ сильныхъ все не такъ,
 У нихъ на все свои уставы:
 У нихъ слабѣйшій виновать,
 А дужшій — завждъ правый.—
 Однече вѣкъ не можна битись:
 Рѣшили красче — розсудитсь.
 „Поставмо жъ, каже Барсѣ, скорѣй
 Одъ себе мы секретарѣвъ,
 И якъ вони розсудять,

То такъ нехай и буде.
 Я ставлю одъ себе Кота;
 Онъ хочъ и невеликій звѣрь,
 За те правдивая душа
 И... не любить хабарѣвъ;
 А ты поставъ Осла, онъ чинъ вели-
 кий мае,
 Его твоя уся и челядь поважае.
 Ну щожъ, согласенъ ты на се?”
 — „Согласенъ я, та не на все;
 Не все по твоему, бачь, брате буде:
 Нехай замѣсть Осла Лисиця судить.“
 А думку Левъ такую мавъ
 (Бо свѣтъ увесь онъ добрезнавъ):
 Кого намъ ворогъ выхваляе,
 То той намъ певно зла бажае.

ВЕЧЕРНЯ РОЗМОВА.

За селомъ, по-надъ горою,
 Ворскла рѣчка льється,
 Якъ шнурочокъ мѣжъ кущами
 Вона тихо льється.
 Надъ Ворсколю скрѣзь рядими
 Зеленѣють ивы,
 Похилившись головами,
 Вѣтъ опустили.
 — „Чого ивы сумуете? —
 Я у ихъ пытаю:
 Скажѣть сестры, нехай зъ вами,
 И я зарыдаю.
 Вы знаете, може, ивы,
 Чого Ворскла плаче?
 Скажѣть! зъ вами пожуритсь
 Серденько козаче!”
 Обдзвались стари ивы:
 „Тяжко жить козаче!
 Якъ згадаемъ гетьманщину,
 Нехотя заплачемъ.”
 — „Правда сестры, правда любі!
 Тяжко жить въ неволѣ,
 Загубили дѣды наши
 Предкѣвську волю...
 Може сестры вы знаете,
 Де волѣ шукати?
 Скажѣть мерщѣй, — вона наша
 Украинська мати.
 Я за нею свѣтъ сходивъ бы

Одъ краю до краю,
 Все прохавъ бы вернутися
 До дому въ Украйну.
 Подумайте, погадайте,
 Та дайте пораду:
 Кулы ити козакови
 Воленьки шукати?..“
 Мовчать ивы, вѣтеръ вѣе,
 Чорный воронъ криче,
 У козаковъ сердце ные,
 Украина плаче....

ВѢТЕРЬ.

Чого вѣтре, чого буйный
 Дмешь на Украину,
 Вона и такъ обдрана,
 Вона сиротина.
 Було колись и въ насъ тепло,
 Було — да пропало,
 Засвистѣла хуртовина
 И холодно стало.
 Стихли вѣтре, схаменися,
 Въ насъ не ма кожуха,
 Не рушь хмары, дошу треба,
 Бо буде засуха.
 Нехай поля Украины
 Зновъ зазеленють,
 Начинають жита сходить,
 Нехай же поспѣють.
 Не вѣй вѣтре одъ пѣвночи,
 Мы тебе благаемъ,
 Бо спинити, запретити,
 Мы силы не маемъ.
 Повѣй вѣтре тихесенькій
 Зъ-за Синѣго моря,
 Да принеси въ Украину
 Козацькую волю.

СПОМИНКИ.

Не згубила вража сила
 На вѣкъ Украину,
 Не розрытѣ висовѣи
 Предковъськи могилы.
 Наши хаты, наши села
 Не розруйновала,
 Нашу волю кайданами

Не на вѣкъ сковала.
 Не зробила насъ панами,
 Не переродила,
 Нашу мову довговѣчно
 Въ тюрьму не забила.
 Нашу славу народною,
 Славную вѣками,
 Дѣла предковъ незабутній,
 Мы памятовали.
 Незабутній намъ велики
 Мученники прави,
 Незабутній дѣла твои,
 Ланцюги кайданы.
 Незабутній, враже лютий,
 Намъ твои наруги,
 Твои пытки и застѣнки
 Каты и попруги.
 Пора прѣйде, часъ настане,
 Невинные встануть,
 И твои дѣла безславны
 Зъ Славою помянуть.

ДУМКА.

У киряхъ, у бриляхъ,
 Зъ люльками, зъ саквами
 Ишли наши на Ладолгу
 Битыми шляхами.
 Везли они за собою,
 Не зъ Стѣчи гарматы,
 Не рушницѣ й гакѣвницѣ, —
 Заступы, лопаты...
 Ишли вони не битися,
 Не Шведѣвъ смиряти
 И не волю боронити, —
 А ровы копати.
 Идучи вони сѣромахи,
 Не пѣснѣи спѣвали,
 А хустками, зъ мерешками
 Слезоньки втирали...
 Ишли полки козацькіи
 Смутными рядами,
 Наче батька-отамана
 Въ могилу сховали.
 По переду Полуботокъ,
 А за нимъ Сулима...
 Зарыдала за сынами
 Вдова-Украина...

Не вернулись ёи дѣти
 Зъ Ладоги до дому,
 Де копали, тамъ пропали...
 Така вже ихъ доля!..
 И за шо таку поругу
 Вони потерпѣли?
 Хиба за те, шо правдою
 Щирою служили?!
 Хиба за те, шо трупами
 Полтавщину вслали,
 Якъ одъ Шведѣвъ одбитися
 Москвѣ помогали?!
 Хиба за те, шо изъ волю
 Одались въ неволю,
 И на вѣки погубили
 Козацькую долю??..

КАТОРЖНЫЙ.

За велике слово правды,
 За рѣчь до громады
 Осудили праведника
 Катомъ катовати.
 И збѣралась на майданѣ
 Велика громада,
 Подивиться, якъ катуе
 Братъ рѣдного брата!
 Подивиться, якъ цѣвкою
 Кровь невинна лється,
 Якъ пугою режбиною
 Живе тѣло бьется!..
 Скатували... чуть живого
 На вѣзъ положили,
 Свѣжи раны глыбокиѣ
 Спиртомъ помочили,
 И въ больницю одслали...
 Тамъ его лѣчили,
 Полѣчивши, укрепивши,
 Въ Сибирь зварядили.
 Въ сѣрчяину его вбрали,
 Заковали руки
 И въ каторгу одслали
 На печельни муки. —
 Тамъ кайданы наложили,
 На цѣпъ приковали,
 Покѣль живий — землю рыти
 Ему приказали.
 Землю рыти, добувати
 Золотую руку:

Всѣмъ богатымъ на утѣху,
 Бѣднымъ на отруту.
 Двадцать рокѣвъ такъ томився
 Праведникъ у горѣ,
 Копаючи у Сибирѣ
 Глыбокии норы.
 Двадцать рокѣвъ онъ не бачивъ
 Нѣ сонця, нѣ свѣту,
 Двадцать рокѣвъ не чувъ слова
 И рѣдного привѣту..
 Двадцать рокѣвъ стари щоки
 Слезы умывали,
 Двадцать рокѣвъ живе тѣло
 У пеклѣ страдало.
 Серце плакало, болѣло,
 Шо-дня смерти ждало,
 Покѣль глыба землѣ впала —
 И правого не стало.
 Его земля задушила,
 Земля й привитала,
 Земля въ землю положила,
 Земля й поховала! —
 Кремишчугъ 23. Сѣчня 1862.

МОЯ ДОЛЯ.

Одинъ каже: дайте грошей
 Я счастливымъ стану,
 Усе гроши переможуть,
 Я всего достану.
 — „Ой неправда мѣй голубе,
 Гроши якъ полова!
 Не добудешъ ты за гроши
 Сердечного слова.
 Друга-брата правдивого
 Златомъ не добудешъ,
 Не за яки въ свѣтѣ гроши
 Матери не купишь.“
 Другий грошей цурается,
 А просить покою,
 Хоче жити — розмовляти,
 Тѣлько самъ съ собою.
 И я грошей не бажаю,
 Ору свое поле,
 Да орючи прошу въ Бога
 Нишкомъ волѣ, волѣ...
 О. Вернивола.

.....

НАШИ ПѢСНИ.

Пѣсни наши, тихи пѣсни!
 Якъ съ вами розстатись,
 Чи васъ въ слезахъ утопити,
 Зъ неволи смѣяться?
 Чи веречи васъ степами
 Въ нѣмое безлюдье,
 Тяжко серацю, больно съ вами
 Безъ васъ тяжше буде.

Или кинути васъ въ очи
 Ворогамъ на соромъ —
 Чи послати васъ по жebraхъ
 Далекимъ просторомъ
 Чи на тое мы васъ тихо
 Выгрѣвали въ груди,
 Щобы съ вами — тяжке лихо
 Вамъ ругались люди?

И хотъ тяжко, а чей слезы
 Горячи прольются, —
 И души нашей желаньямъ
 Чей други найдутся;
 И чей скажутъ по старому:
 Прийдѣтъ къ намъ, родимы,
 Заспѣваемъ по давнему
 На ладъ нашъ любимый.

И хотъ въ пѣсняхъ, сумныхъ пѣсняхъ
 Дамо воли волю,
 Чей въ кружку забудемъ братскомъ
 Темный свѣтъ — неволю.
 И съ тобовъ, народе бѣднѣй,
 Съ тобовъ, великане —
 Нашой пѣсни звукъ правдѣднѣй
 У насъ не устане.

И промчитя по-надъ горы
 И по-надъ долины,
 Заквѣчитя свѣжимъ цвѣтомъ. —
 Цвѣточкомъ калины.
 Иль о небо ѳтобѣся —
 Синими молньями
 Опережеса, сольеса
 Съ сильными громами.

Прокотится генъ по свѣту,
 Громомъ загрохоче,
 Или въ грозу приѳдѣтѣй

Судити захоче.
 Розвине стары скрижали
 Оповѣститъ миру:
 Якъ народъ нашъ роспинали
 За любовь и вѣру. . . .

Охъ вы пѣсни, наши пѣсни,
 Якъ съ вами розстатись,
 Коли безъ васъ свѣтъ не милый —
 Доли не дождаатись.
 Розлѣтайтежъ ся свѣтами
 Помежъ добры люде,
 Тяжко серацю, больно съ вами —
 Безъ васъ тяжше буде.

ПѢЙДУ СВѢТОМЪ.

ПѢЙДУ СВѢТОМЪ, БѢЛЫМЪ СВѢТОМЪ
 Долю отглядати, —
 Доле наша, давна доле,
 Якъ тебе спѣзнати?
 Давно тебе напосѣлись
 Злы люди убити,
 И они не покаяють
 За тобовъ ходити.
 Давно они предъ тобою
 День Божій закрыли,
 Давно они на распятыѣ
 Тебе осудили;
 Давно они тебе мучать,
 Бьютъ и забиваютъ,
 И въ могилу глубокую
 Кладутъ, зарываютъ.
 Давно они оковали
 Могилу въ кайданы,
 Щобъ она не показала
 Свѣту твои раны,
 Щобы она не распалась
 И не возрогнула,
 Щобы она былъ давную
 Собѣ не вспомнула;
 Щобы она вспоминаемъ
 Не отмолодѣла,
 Щобы она воскресенемъ
 Разъ не загремѣла.
 За то они и въ могилѣ
 Тебе оскорбляютъ,
 За то они на день трячи

Тебе разбиваютъ, —
И кидаютъ звѣрямъ лютымъ,
Щобъ тебе роздери,
Не даютъ тобѣ ни жити,
Не даютъ умерти.

И. Гумалевичъ.

—♦♦♦♦—

НОЧЛѢГЪ.

Гадка въ гадку гадковъ гоню, —
Ахъ, пасися милый коню,
Маешь травы, маешь кѣнты,
Поведу тя напоити.

Сходитъ мѣсяць, сходя зорѣ,
Везде тихо якъ въ поморѣ, —
Коню брате, ляжь спочити,
А я зброю йму острити.

Га, дивѣтся, якъ снае,
Ажъ ми сердце роспукае, —
Покладися также въ кѣнты, —
Доки часъ тя напоити.

А я ляжу трошки спати, —
Нѣ, волю плащъ узяти,
На муравѣ го роздѣти,
Тай шеждару настроити.

Якъ ся струны одозвали!
Га, а щожъ бымъ заспѣвали?
Цы за долю, цы за милу? —
Нѣ, спѣваймо за могилу.

СИРОТЫ.

На зарѣнокъ сонце грѣе,
Де ся хлопчикъ съ щенъемъ грае,
Цы морозъ, цы вѣтеръ вѣе,
Щенъе, хлопчикъ не пытае.

Ба и сонця ще не видко,
Зѣ-поза свѣта, зѣ-поза хаты,
Хлопчикъ кличе на песьетко,
Тай идуть обоє грати.

А хоть сонце не свѣтило,
Хлопчикъ мусить съ щенъемъ грати,

Бо хоть грати имъ не мило,
То ихъ гонять — добра мати.

И такъ грають Божа-днина,
Цы мело, цы сонце грѣло,
Бо и хлопчикъ сиротина,
Бо и щенъе осадѣло.

ДУМКА.

Ой лишить мя, най думаю,
Доки свѣтла, доки Маю,
Бо якъ зложуть въ домовину,
Тамъ думати вже покину.

А хоть въ гробѣ задумаю,
То нѣ въ свѣтлѣ, авѣ въ Маю, —
Бѣла черва точить груди,
Вся то моя думка буде.

І. Федьковичъ.

—♦♦♦♦—

ГУСИ.

Розмножились чередами
Гуси въ Днѣстровыхъ лугахъ;
Не плывали vzdolъ водами,
Лишь бродили въ мочарахъ;
Не збивали крыями сумно,
Бо не мали еще пѣрь,
Шепотали тихо, сумно,
Гусака имъ згубилъ звѣрь.
Залетѣло межи гуси
Ажъ зъ далекихъ десь сторонъ
Невидане ще на Руси
Стадо крикливыхъ воронъ
Бѣли гуси съ воронами
Не согласилися въ ликъ,
Незгодными голосами
Возносили дивный крикъ. —
Гуси прійшовши до силы
Гиготали въ гусій ладъ,
Вороны ся имъ глумили,
А такъ прійшло и до звадь.
Но що? горе стаду тому,
Де согласія въ немъ нѣтъ, —
Гусакови молодому
Сѣсти съ ворономъ на плоть!

„Жіють съ нами вразъ вороны,
Сказаль премудрый гусакъ:
„То кракаймо якъ и они!”
И самъ кракнулъ: „ось хогъ такъ!”
Скоро кракнулъ, отъ печали
Крики гуси: ра, ра, ра!
Крыми били и сычали,
Обсубали до пера.
„Выроде! зреть еоь ся своего,
Иди собъ до воронъ!”
Волокли що-но живого
И выгнали зъ стада вонъ.
Вороны го облѣтали:
„Ты ни воронъ, ни гусакъ,”
Ругалися, обсмѣвали:
„Иди собъ... ты... чудака!”

ВЛѢЗЛИВА МУХА.

Влѣзлива муха
Встрягла по уха
Въ сметану густу;
Борыкалась
Проклиналась:
„Кобы мя пушту
Збавиль кто зъ бѣды,
Стерегла бимъ съ и воды!”
Та збавиль ю зъ бѣды ктось,
Очуявши она — ось
Полетѣла просто въ горщъ,
Що на столѣ стоялъ -- въ борщъ.
Кухарка схватила
Влѣзливу за крыла
Тай шпурила вонъ;
Но не ту ей сконъ.
Еще ю понесъ бѣсъ,
Баши свѣсти на нѣсъ;
Зъ носа баши прогналь пазъ,
Она собъ гейже въ мазъ.
Ту влѣзливу уже, бачъ,
Замѣшае съ мажѣвъ квачъ.

ВОЛКЪ И БАРАНЪ.

Схвативъ барана хищный волчико,
Згадаь лукаво: прожру го цѣлкомъ!
Та удавился неборачико

Самымъ барана кудлатымъ хвостомъ.
По его смерти очулял баранъ,
Долго гоился зъ волчихъ зубѣвъ ранъ.
На стыпу волка збѣгся звѣрь всякій,
Дерь що мѣгъ зъ него сякій и такай;
И вороны ся злѣтали,
Похоронне му спѣвали:
Сърый сватъ нашъ неборакъ,
Кусаль много, не прожеръ,
Не буде барана деръ;
Ця во вѣки? Таже такъ!

Лука Данкевичъ.

ДО МОЛОДЕЖИ.

Жваво, жваво, молоджи цвѣты
Нашого краю, нашой Отчины!
Не загрѣбайте вашей силы, вашей
красы,
Въ нерадѣнья и лѣнивства глубины;
Коли нові блысли часы
И свободы свѣтитъ Май,
Взносьтъ мысли въ нові свѣты,
Въ челоуѣколюбія всеблаженный край!

Гляньте, що ся дѣе съ нами,
Гляньте, якъ ся на насъ дивить свѣтъ:
Все здорове, силы много, —
А по хатахъ все убого
И все дѣло иде въ-спакъ;
Бѣда съ нами, перѣлъ нами,
Бо намъ свѣтла, свѣтла бракъ.

Бо кто ажъ въ остатной годинѣ,
Збравшись на паяцъ выправы бѣжить,
Подобный незрѣлой дитинѣ —
Не помагае, но бѣльше вредить;
Подобный воину несооружену,
Безъ опору въ плѣнь несчасный иде,
Або знайшовши користь роздѣленну,
Со встыдомъ до давной вертае бѣды.

Тому, о братья, коли хочемъ,
Абы и наше було крѣпке дѣло,
Абы и зъ нашой нивы цвѣтъ
Былъ такъ славный и такъ милый,
Щобъ го цѣлый училъ свѣтъ, —
Сами перше скорше, выше

На солнечный взлетѣмъ свѣтъ,
И съ помазаньемъ пророчимъ,
Съ свѣтлѣйшимъ духомъ злѣтаймо
ниже.

Свѣтломъ народны укрѣпляймо силы
И въ одно крѣпке повяжемъ тѣло.

Бо ино свѣтла небесная сила
Будить и творить неслетельны дѣла;
Ино то свѣтло вадить всё препоны,
И веде певно до славы короны,
И зависть, пыху, ненависть зѣдливу,
Змѣняе въ милость и пріязнь счастливу.

То Вамъ дорога, молодежи красна!
Познайте вашъ часъ и вашу годину:
Вамъ ще сіе весновъ доля часна
До важной справы, до славного чину.

Ваша Отчина, то не стары Хины,
Въ одную форму заскорупѣлы,
Высоке ваше якъ всѣхъ Славянъ знамя:
Непобѣдимый духъ и сильне рамя,
Златнѣсть до книги якъ и до бою.
Тожь соединѣмъ такъ крѣпкіи силы!
На-передъ братья въ мирнѣмъ подбою
Въ просвѣщенія всеблаженнѣмъ краю!
Чисте золото зъ науки скарбницѣ,
Чистую воду зъ мудрости керницѣ,
Добудймо, а мыто невѣжества броду
Отвернѣмъ смѣло ѳтъ своего народу,
А вознесутся и Руски Атины,
И Руси блъсне сонце духовного Маю.

ЗГАДКА ЗА СЛОВЯНЩИНУ.

Ой думаю я, думаю
Надъ Вами Словянски роды!
Де широкій шлякъ Дунаю,
Куда Невы шумять воды.

И де Висла величава,
И де чорнй фалъ Буга,
И де Днѣстеръ, Руси слава,
И пороги его друга.

Де глубоки нурты Сяна,
И де Нѣмень преплывае,

Де Молдава увѣнчана,
Де граничный Донъ чувае.

И де Драва землю поре,
Отъ Ураля подъ Балканы,
Отъ поморья на поморье,
Вижу племя розсыяне.

Всѣ зъ одного гнѣзда птаки,
Сязы орлы и соколы,
Але звѣзды не однаки
Просвѣщаютъ вашей доли!

За то всюда суть Бояне,
Всюда пѣсни припѣвають,
Ихъ огнива непрерывны
Розлученыхъ зновъ спаяють.

Ой думаю я, думаю
Надъ Вами Словянски роды,
И всѣхъ сердцемъ обѣймаю
Подѣляю всѣхъ пригоды.

А. Подолянинъ.

РУСКА ПѢСНЬ.

Засвитай вже, красна зоре,
Яснымъ свѣтломъ надъ Днѣстромъ!
Щобъ со ночью зчезло горе
И умолкъ по бурѣ громъ!

Засвитай, якъ вже съ свитала
По весняныхъ любыхъ снахъ,
По тыхъ снахъ, коли настала
Радѣсть въ нашихъ сторонахъ!

Гей, тогда нѣчь утѣтала
Вѣтра дыхомъ по цвѣтахъ,
И даръ сонный всѣмъ сыдала
По палатахъ и хатахъ.

И встрясалися могилы,
Въ нихже спали рыцарѣ,
Що неразъ Татарву били
Въ наглѣй горестнѣй порѣ.

И здавалось, що зъ курганѣвъ
Высувались всѣ они —

Мовь ишли бы зновь на Хановъ
Вѣрнй отчины сыны...

Дивно! по долахъ Днѣпровыхъ
Розлягался голосъ трубъ,
Слава же въ полкахъ готовыхъ
Неслася на вражій зрубъ.

И та Слава загремѣла
Въ замкахъ и по городахъ,
Та животну грудь огрѣла
Пѣсню о походахъ!

О тогда розвеселялся
Нашъ Днѣстеръ въ своѣмъ краю,
И Русалкамъ придвлялся,
Що купались при гаю.

Втомъ зѣрниця уронила
Ясну слезу радости
И землицю украсила
Барвою молодости...

Бо-жь въ ладѣ ся розвивало
Сѣмья житія кругомъ,
А коли вже засвѣтало
Внѣсься Галичъ надъ Днѣстромъ!

И заблысло солнце ясне
Надъ престольнымъ городомъ,
Миръ-же и газдобство красне
Цѣловались съ гараздомъ....

Но щожъ то за страшнй хмары
Сунутся зъ лихихъ сторонъ?
Ей бѣда! бо смертнй чары
Зновь влекутъ живогъ во сонъ.

Ой померкли вже надѣи,
Якъ погасъ солнечнй лучъ
Та умокли соловѣи,
Бо ревѣлъ громъ середъ тучъ.

Отъ и нѣчь вже огорнула
Нашу долю туманомъ,
Такъ шо бѣдна Русь заснула
Пѣдъ несчастья тягаромъ....

Темно, сумно мовь въ могилѣ
Всюду сонъ и ночнй страхъ —

И росте тѣма въ ливнѣи силѣ
Та гнѣздится въ чагарахъ!

О! тутъ лачно, бо лишь краче
Воронъ на гробахъ села...
А зазуля плаче — плаче,
Бо калина ей усхла.

Гей, чи долго нѣчь ще буде?
Чижь не засвѣтае день?
Тутъ мовь не жиютъ вже люде,
Тутъ сторчить лишь мертвй пенъ!

Доки-жь маемъ ще дрѣмати?
Доки ползати во тѣмѣ,
Та въ журбѣ ще увядати,
Мовь цвѣтъ пѣдъ ледомъ въ зимѣ?

Доки-жь сонъ той... тихо, тихо!
Ось вже будится живогъ!
Вже зчезае ночне лихо,
Бо сплывае свѣтъ зъ высотъ...

Где-жь тѣ тучи? где-жь тѣ хмары,
Що боролися съ собовъ?
Ба, ще смертнй удары
Посылали въ грѣбъ готовъ?

О! тревога та минула,
Съ невѣ дрѣмота и бѣда,
Прецѣнь трудно, щобъ заснула
Геть на вѣки свобода!

Гляньте братьи, якъ зѣрниця
Всходитъ во природы храмъ:
Якъ та неба красавиця
Плыне воздухомъ ко намъ!

О! витай намъ зоре ясна,
Ты-то оживляешъ насъ,
Ты есь наша доля счастья,
О! витай намъ въ добрый часъ!

Бо-жь то тубо во дружинѣ
Жити отдыхомъ надѣи,
И думати при калинѣ
Где щечече соловѣи!

А коли вже засвѣтало, —
Нужъ снѣшѣмъ на ниву вразъ!

Тамъ-бо праць ней не мало,
Тамъ порось могильный глазъ!

Съ Богомъ землю ту справляймо!
Та-жь то нива отчимъ —
Съ Богомъ такожь въ ню всьваймо
Зерна вѣщю весны!...

Емилианъ Огородскій.

СВЯТОСЛАВОВА ДОЛИНА.

Помните, братья, Святослава,
Що землю обладавъ Древянѣ,
Нѣжь побѣдшился держава, —
И край, де Буръ, Днѣстеръ и Сянь,
Посѣвъ по брату Всеволодъ,
И первый рыцарь бувъ въ народъ.

А лютився тогда немало
На братій братъ ихъ Святополкъ,
Вже Глѣба, Бориса — не стало.
Однакъ, що лютився якъ вовкъ,
Нехай, де брата славу чути,
Его въ той пѣсня — ни спомнути!

Въ жестокомъ бою вже розбитый
Съ житьемъ уходитъ Святославъ;
А той побѣдою несый
Погоню ворогъ-братъ пославъ
За братомъ, ню на Руси кравецъ
Бѣжавъ въ Карпаты якъ выгнаецъ.

Но князь-бѣглець тамъ каже: „Годъ!
Нехай судьбу рѣшае бои;
Не скрѣе встѣдѣ въ чужомъ народѣ,
Кто край мовъ трусъ покине сводъ;
Черезъ Беснидъ хоть шлякъ отвертый,
Нѣжь такъ спасишь, волю вмерти!“

Се богатырь, кто для бѣчизны
Про славы пламенну любовь
Въ борьбѣ не тямить крови, жизни;
Но кто е той, шо душу-кровь
Якъ довгъ жертвуе для рѣдныи: —
Бо не поможе ей, то — гине?!

Такъ лягъ на горахъ, де граница,
Съ товаришами Святославъ.

Скала д эльничко-травница
Испими кровцю, шо пролявѣвъ,
А та, шо кости схоронила,
Уже сѣвду вѣгъ — де могила.

Но духъ его у збруѣ ржавой —
Якъ мракъ наляже на Беснидъ —
На найвысшой его вершавѣ,
Въ руцѣ судица, въ другой щитъ,
И въ мый край влививши очи
Стоить на старожи по-ночи.

Стоить — на сѣверъ позирае,
Стоить — подвигается на югъ:
Чи спить-же, чи живъ-коное,
Чи пробудивсь народъ вокругъ?
Чи паномъ ставъ надъ врагамъ,
Чи вороги ему панамъ?

Покѣи будь духу твоему, княже!
Жива ще Русь, здоровъ народъ,
И никто, щобъ вмерли, не доваже.
Та якъ-бы, княже, людъ не тотъ,
О тобѣ и твоѣй долини
Вже не булобъ и тямки нынѣ

Ксенофонтъ Климовичъ.

ДИТИНУ ХОВАТИ,

То камѣнь глодати.

(Народна пословица.)

I.

Невѣста, колишь якъ пѣть-калина,
Нинѣ со дже сидитъ зогнута,
Личко заналось, — колишь сына,
А зъ грудей тиспесь релива нута:

Ой сыну, сыну, моя надѣ!
Колышь подпоры зъ тебе съ дож-
лята?
Якъ довго мѣшъ кровь сердце грѣе,
Буду ты пѣтку любый плекати,

И голубити и колысати,
Хогъ бышь не спала ночей цымало,

Все, все для тебе понесе мати,
Бысь ся серденько яно ховало.

Не плачь цвѣтеньку, не плачь, бо згину,
Твоя ми слеза грудь розрываетъ —
Хоть разъ засмѣйся до мене, сыну,
А радѣсть въ грудихъ мы засіе.

Сыну засмѣйся до твоей мамы;
Она тя грудевъ своевъ вскормляе,
Якъ сонце росу зъ цвѣтѣвъ лучами,
Устами слезы тобѣ втерае. —

Най хоть разъ личко твое погляне
Весело, — сейчасъ отгѣе ненька,
Еленъ твоѣ усмѣхъ за все ми стане,
Бо жене журбы зъ того серденька.

II.

Съаголова въ кутику хаты
Журбовъ зломлена сидѣла ненька,
Слезъ не ставало, щобъ зарыдати,
Щобъ отогнати грузъ зо серденька.

Часами тѣлько слабенькѣй зъ груди,
Мовъ при сконанью голосъ слився:
Охъ я несчастна, шо скажуть люди?
Бодай такѣй сынъ и не приснився!

Я го ховала, серцемъ кормила,
Я отганяла отъ него злое,
Я го слезами моими мыла, —
А онъ втрувае серденько мое?

Рѣдненькимъ словомъ онъ ся встыдае,
Якимъ молитись вчила го ненька,
Негѣловый свое гвѣздо каiae — —
Прочь зъ моей мысли, прочь ми зъ
серденька.

Я тя во вѣкъ ся вже вырѣкао, —
А сли коли тя кто запытае:
Кто твоя мати? — повѣджь: не знаю,
Бо перекиничкѣ мамы не мае!

Павло зъ Шуткова.

КОЛЫБЕЛЬ ДѢДА.

И маковка не поможетъ, —
Старому не спати!
Якъ зъ вечера ся положить,
Тяжко дня дождати.
Думка сонъ му отбирае,
Хотѣй вѣкъ бровь вяже, —
Онъ думаетъ, вспоминаетъ
Давни часы вражѣ!
Онъ згадае, якъ лукавый
Свѣтъ не далъ му жити,
Якъ при своѣй ложцѣ стравы
Мусяль ся чужити;
Якъ былъ чужимъ въ своѣмъ доми,
Слуговъ власной хаты,
Якъ розговоръ своѣй пятомый
Мусяль толковати. —
А сонъ все ся не мае
Головы старого;
Очи жмурить, та думаетъ
Ажъ до дня бѣлого.
Вже и сонце скрѣзь оконце
Золотить му ложе,
Съ серебряною головою
Уснути не може. —

Ту ся дѣти пробудили,
Сыны та и внуки,
И старого обступили
И нуже въ принаuki:
Чи ся выспалъ? чи здоровый?
Дѣдуся вигаютъ,
Въ хвилѣ повна хата мовы,
Вже навѣтъ спѣвають.
Ой здорово бо, здорово
Старому якъ птицѣ!
Бо пѣснь кожда, кожде слово
Зъ родимой верницѣ.

Ночевъ сонъ втѣкалъ отъ дѣда,
А якъ дѣти встали,
Пѣснь родима и бесѣда
Въ сонъ го вколысали!

Ю. III.

ВЪ КЛЯСЬ.

При окнѣ снѣлъ онъ у класъ; —
Вмѣсто слухати важный урокъ,
Онъ буялъ собѣ по Парнасъ,
И писалъ такий-ось стишокъ:

„При окнѣ сажу я у класъ,
Въ ботаничный гляжу огородъ:
Красна Ляшка иде по терасъ, —
Якій смѣлый, веселый ей ходъ!

Кажу: Ляшка — и гдеже то Ляшка?
Познаю я по полету ей —
Ожъ то наша домашняя пташка,
Ино ляцка жалоба на ней.

То Гуцулка! — Плясалъ я нсъ нею
Коломыйку на рускомъ балю,
Говорилъ якъ съ сестрою моею,
Признавался, що страшно люблю...

И любилъ я въ той вечеръ неложно,
И до-нынѣ однако мѣ любилъ, —
А отъ нынѣ — ей Богу — не можно:
Я измѣну въ ей сердца открылъ.

Измѣнила она свою моду, —
Измѣнити могла бы такожъ
Своей Руси и своему народу —
Вже — ей Богу — любити не можь!“

О. Га. Д—й.

НЕ БУДУ СЪ ЖУРИТИ.

Не буду съ журити,
Журба не поможе,
Зъ журбы одурѣти
Борони мя Боже!

Зъ журбы волосъ свый:
Лице ся старѣе,
Тай серденько болитъ,
Отуха малѣе! —

Не дамъ ся недогѣ!
Боротись съ невѣ буду.
Пребувъ емъ неволю,
И нужду пребуду!

Богъ стане въ пригодѣ, —
Загрѣ соненько
Въ моей загородѣ
Хотай и пѣзенько!

К. А. Х-въ

зъ подѣ Обергына.

ПОСЛѢДНЯЯ МОЯ ПѢСНЬ.

Ой дѣтята-соколята,
Смагайтесь на крылята!
Бо я уже соколъ старый,
Ужъ мнѣ крыла поломали.

Горѣ, доловъ лѣтаючи,
Свои дѣти питаючи
Отъ юности до старости, —
Изнемогли жилы, кости.

Ахъ лѣталъ я и высоко,
Понурялся я глубоко,
Плава по шумнымъ струямъ
Безъ корищика правилъ самъ.

Ахъ колько то стихій бурныхъ,
Колько молній и стрѣлъ дурныхъ
Изнесъ отъ враговъ природныхъ,
И отъ чужихъ и отъ родныхъ!

Всюды напасть, всюды ловы
Строятъ недѣшны совы
На невинны лѣтята,
На безвредны соколята.

А зозуля, хитра птица,
Прогульная бездѣльница,
Выброшаетъ птеня мое
Несетъ въ гнѣздо яйце свое.

На тѣ хитростей громады
Годъ было дати рады,
Лишь по силамъ лѣталъ я
По-надъ лѣсы на поля.

Не красился пѣрьемъ чужимъ,
А крѣпился духомъ дужимъ,

Не изменяяя ни на страстяхъ,
Терпѣя бѣду въ тмхъ напастяхъ.

Скубли враги со всёкъ сторою
Выставляя мя на соромъ,
Разбивали якъ колоколъ,
Но я осталъ старый соколъ

Бывъ соколомъ -- для родины
Спѣвалъ пѣсни соколины,
Училъ такъ и васъ спѣвати,
По соколѣму лѣгати.

Такъ дѣтята-соколята,
Смагайтесь на крылята,
Старый соколъ ужъ не можетъ,
Онъ вамъ больше не поможетъ

Бѣлый вашъ свѣтъ, бѣлый свѣтъ,
Въ немъ доселѣ грѣха нѣтъ,
Не берите чуже перья,
Бо то нашимъ лишъ потеря.

Съ мыслію о горной жизни
Жійте благо для отчины,
А чужины стережѣтся,
Чуже въ васъ не устоится.

А я свершилъ мою жизнь,
Днесъ пою послѣдню пѣснь,
Пѣснь послѣдню для васъ милыхъ,
Соколиковъ хижокрылыхъ.

На Бескидѣ въ родномъ краю,
Въ томъ исконно-русскомъ раю,
Где свѣтъ узрѣлъ, тамъ лежати
Хочу вѣчно спочивати.

Схороните мя въ дубравѣ.
При скалахъ въ густой темравѣ,
Сами здоровы спѣвайте,
А на Батъка памятайте!

Въ Пршевѣ.

Александръ Духновичъ,

БАТЬКОВИ ДУХНОВИЧУ.

Здравствуй Батъку солоденькій,
Ты соколе нашъ сивенькій!
Здравствуй! желають дѣтята
Твои руски соколята.

Твоимъ чувствомъ воспитаны,
Твоимъ пѣньемъ взлелѣяны
Тебѣ пѣти помагають,
Родъ свой облагородяють.

Научившись изъ „Книжица“
Руски хлопята, дѣвци,
Въ церквахъ „Хлѣбъ души“ читають
Александра поминяють.

Отъ Попрада ажъ до Тисы,
Подъ Бескидомъ горы, лѣсы
Духновича поминяють,
Ему здравія желають.

Дастъ Богъ, Батъко, будешь жити,
Молодцевъ руководити,
На дружину назирати,
Ей полетомъ управляти.

Гдѣ такъ крѣпка духа сила --
Переминетъ недугъ тѣла;
Богъ не дастъ такимъ умерти,
Что народъ спасли отъ смерти!

Ты будилъ насъ всёхъ до жизни,
Вскормилъ любовь для отчины,
Первый былъ Ты межи нами
Славный умомъ и дѣлами.

Вождь народа знаменитый,
Не одинъ вѣкъ будешь жити,
Руси нашей Мужъ великій,
Прожіешь въ сердцахъ ей вѣки!

Подъ Карпатомаъ

Александръ Павловичъ.

ПАНСЬКА ВОЛЯ.

Оповіданно.

І.

Люблю я старцѣвъ!.. О! якъ широко, нелицемѣрно люблю, — люблю ихъ старечіе речи, люблю ихъ розмову, люблю ихъ усѣхъ... Може й мѣнѣ доведеться бути на старості старцемъ, — не ма й въ мене ні кола, ні двора: — хто его не знає, що ще зустрѣнеться у моему житій... Всяково буває чоловіку на вѣку. Не счастье, а гѣрька недоля да тяжка неволя роблять людей старцями.

Було лѣто, якъ-разъ у смѣсенъки жнива. Сонце стояло якъ-разъ о полудні и такъ палило, такъ палило, що земля ажъ перепалась. Зелено-верхіе вербы одъ курявы стали похожи на дѣдѣвъ, у котрыхъ головы почали вже сивѣть, не одъ лѣтъ, не одъ старості, а одъ безумтя. Тяжко рано состарѣться, а кого неволя не зстарѣе?!... Спена була велика, на що вже вороньє, а й те поховалось у холодокъ, тѣлько мухи та овяди лѣтали, та гули, наче сердились, що мало пробѣжихъ, що не ма коней, щобъ сѣсти да насрати крові. Рвчка стогла наче мертва, аѣсчаныи береги ёи наче стогнали одъ спеки. Усюды людей невидно було у сѣму мѣсці; тѣлько на греблѣ сидѣвъ босый, безъ шапки, въ латанѣй сорочкѣ старый — старенный, лысый дѣдъ. И сонце пекло, и мухи сидовились ему на лысиу, и курява сыпалась у его старыи слѣпыи очи.

Тѣлько-що порѣвнявъ мѣй вѣзъ зъ старцемъ, — старымъ розбитымъ голосомъ ёнъ проговоривъ: „Дайте души христіянська, ради Христа, старому калвцѣ на хлѣбъ.”

Я зупинивъ коня. Товарищъ мѣй ставъ радити, щобъ трохи спочити у холодку подъ вербами намъ и коняцѣ. Зѣхавши на бѣкъ зъ греблѣ, товарищъ ставъ выпрягати коня, а я пошовъ до дѣда.

— „Здоровъ старче Божій!“ сказивъ я:

„Дай Боже здоровья,” одповѣдавъ ёнъ.

— „Давно тутечки сидишь дѣду?“

„Да що давно: шосте лѣто.“

Слово по слову розговорились мы.

— „А розкажи дѣду, питаю я, черезъ що ты старцемъ ставъ?“

„Э! черезъ що!.. черезъ панську волю, да не всѣмъ можна про се розказувати; а то що й умерти на волѣ не дадутъ; у тюрму запрутъ“..

Догадався я, що дѣдъ думаючи, що я панъ, боится вести зо мною бесѣду.

— „Не бойся дѣдусю, кажу ему, я не панъ, я чоловікъ простый, бѣды тобѣ ніякои не зроблю, а питаю тебе черезъ те, що я люблю ваши старечи розмовы, люблю розпытувати, черезъ що хто ставъ старцемъ. Ажъ и ты дѣду не родився старцемъ?“

„Вѣстимо нѣ! и я бувъ чоловікъ, якъ усѣ люде, — да панська воля на все..“

— „А чувъ ты дѣду, що теперъ уже не ма крепацтва?“

„Та що, що не ма? Мѣнѣ все одно, — гарна ложка до обѣда.“

Пришовъ и товарищъ мѣй, ставъ онъ роспытовать дѣда.. Нічого.. дѣдъ не вѣривъ.

Загубивъ я уже всю надѣю знати, черезъ яку „панську волю“ дѣдъ зробився старцемъ. — Чимъ довше мы говорили, тымъ бѣльше бажалось мѣнѣ роспытать дѣда, а дѣдъ не розказувавъ.

„Боюсь, твердивъ усе одно, хто знае, що вы за люде; роспытаете, вы-пытаете всю правду, да тодѣ мене въ тюрму“..

Довго божились мы, довго увѣряли дѣда, що сего нічого не буде, що мы не судовныи и не паны..

„А шожъ вы таке? хиба богомольцѣ? спытавъ дѣдъ.“

— „Богомольцѣ, дѣдусю, ѡдемо до Кієва, святымъ угодникамъ поклонитъся.“

„И мѣжь богомольцями усяки люде бувають.“

На-силу, на-силу упросили мы дѣда, на-силу довѣрився онъ намъ и ставъ розказувати, да й то ще зѣйшовши зъ греблѣ до воза. — „А то, каже, ѣхати-ме часомъ становый, побачить да набѣе, або въ станъ забере; нашому брату старцю не приказано сидѣть по дорогамъ.“

III.

Ставъ намъ дѣдъ розказувати:

„Верстѣвъ сорокъ ѡдсѣля на рѣчцѣ Коломазу стоить село Свинкѣвка. О-тамъ я й родився. Кажуть люде, що дѣдъ мѣй бувъ вольный чоловікъ, живъ у подсосѣбахъ, та якъ писалась перша ревизія, то его и приписано у крепацтво.“

Послѣ батька, насъ осталось двойко: я и старшій братъ; мѣнѣ было восьме лѣто, а братовѣ дванадцате. Матерѣ я не знаю, малымъ бувъ я, якъ покійница померла. Царство ёй небесне!¹⁶ Дѣдъ перекрестився. —

„Отъ якъ померъ покійный батько, — нахай царствуе! — посадили до насъ у хату стару бабу, щобъ насъ доглядувала. Сердита покійница була, натерпѣлись мы всего: доводилось и такъ, що по два днѣ нічого и въ ротъ не брали.

Минуло два роки. Брата взяли у панскій двѣръ, а мене баба оддала у наймы. Хлопцемъ я бувъ ще-душный, такій, що, якъ кажуть, одъ вѣтру хлился.

Спасибѣ-Богови, хозяйны трапились люде богобоязливѣ, даромъ не обижали: инодѣ було штовхне мѣжъ плечи, або за чуба скубне, та се все дарма було; спасибѣ хочъ за те, що добре кормили. — Козаки вони були, а козача душа ще й досѣ не станѣла.. Рѣсь я, хвалить Бога, ставъ и здоровьемъ поправляться; — у сѣмнадцать лѣтъ паробокъ зъ мене вышовъ такій хлѣсткій — хочъ куда.

У хазяинѣвъ моихъ — только было и дѣтей всего; що одна дочка — Ганнуся, двома годами молодша мене. Що за хороша, що за вродлива була — такъ и сказати не можна! а що за сердобольна була!... що за прихильна була душа до вбогихъ! Чи праздникъ який було настане, чи такъ просто у Недѣлю, вона пѣсля службы Божои набере у принѣсъ буханцѣвъ, соняху, насѣвья, и пѣде по улицѣ роздавати убогимъ дѣтямъ. Всѣ ёи любили. Та якъ было и не любити ёи за ёи добрѣсть?!..

А старше ёи — батько и мати такъ и души въ ёи не чули, берегли свою Ганнусю, наче чисте злато. За тежъ и вона кохала ихъ. Отсе було у Недѣлю возьме гребѣнку, выськае головы и старому и старѣй, приспить ихъ, зачинить по-тихисѣвѣнку дверѣ, сама сяде на призьбы, и береже ихъ сонъ, наче той Ангелъ-хранитель. А коли бывало я дома, — то зо мною розмовляе. Жартовать вона не вмѣла, а было все роспытуе, якъ, що, и одъ чого воно такъ.

Прошло ще лѣто, и Ганнуся сіала, наче та пышна садова кѣточка. Повновида, бѣлолица, брови такъ шнуркомъ и протяглись, коса довга-довга, да товста, да роскошна, очи — якъ зоря, станъ гнуткій, высокий! Боже мѣй, яка хороша, да прехороша була вона! красче одъ ней я й не знаю нікого... Та, мабуть, и не бувае красчихъ — хйба одни Ангелы божи. А якъ вона голубка скѣнчала свое житѣ!¹⁶..

Дѣдъ замовкъ и горячіе слезы полились изъ его старыхъ слѣпыхъ очей... О! то були крѣвавы слезы! Такими слезами паны не плачуть, такіе слезы не всѣмъ и даются. Серце рвалось одъ болѣ, дивлячись на тѣ слезы...

- Трохи згода, дѣдъ перевѣвъ духъ, утеръ слезы и ставъ казати далѣ:

„А про шожь я росказувавъ?.. Эге! забудь уже.. слаба память стала. Трёхайте, згадаю.. Эге — що Ганнуса вступила въ сёмнадцате, а я въ девятнадцате лѣто. Братъ мой живъ у дворѣ, наставили его гуменикомъ. И онъ бувъ чепурный, хороший паробокъ, да про его послѣ буде рѣчь. Старымъ хозяиномъ мои все больше и больше любили мене. „Гарный парубокъ ты Грицю, каже було старый, душа въ тебе щира, правдива, да, жалко, що крепакъ; не тобъ бѣ бути крепакомъ. Отъ теперь усѣ грошій, що заслуговуешь ты у мене — забѣрають паны, а коли бѣ ты вольный бувъ, — то все бѣ вернувъ на себе“... Я ничого було на се не одповѣдуу, только тяжко-тяжко зѣтхну.

III.

Була осѣнь. На Покрову цѣлый день ишовъ дощъ, усѣ мы седѣли дома Ганнуса съкала стару, а старый розмовлявъ зо мною. Колижь ось двери очинились на-встежь и въ хату вбѣгъ стрѣлою товарищъ моего брата, увесь блѣдный, ажъ трусится, наче пропасница на его напала.

„Що ты, Ничипоре? пытаю: Чого такой блѣдный, чого дрожишь?“

— „Иди въ дворѣ, одказавъ онъ. Не все благополучно.“

„А шожь тамъ?“

— „Дмигра у Москаля берутъ.“

Я и не стамився. Якъ седѣвъ, такъ и обмаръ, наче мене хто варомъ обкотивъ. Старый, Ганнуса кинулись мерщій до мене, стали лить на мене воду... Одѣйшовъ я трохи, та не на добро! Красче бѣ було не одходити.

Взявъ я шапку и пошовъ у дворѣ. Бѣли конторы паньскомъ стоявъ возъ, запряженный у тройку, а бѣли возу стояло богацько людей. Кто сѣно носивъ на возѣ, хто гладивъ коней по гривамъ, кто голосивъ, а кто просто стоявъ, да колупавъ цѣпкомъ землю. Дмитро седѣвъ на рундуцѣ, закованный зъ другимъ паробкомъ у залѣзне путо. Да такой смутный, да такой невеселый, наче чорна осѣнни хмара.

„За що се тебе Дмитро везуть? пытаю. Що ты заподѣявъ?“

Дмитро пѣдаявъ у гору голову, подививсь кругомъ себе, усмѣхнувшись такъ тяжко, що другий такъ и не заплаче, тай каже: „Не пытай брате. Ничого я не заподѣявъ, а така вже паньска воля.“

— „Просто: наборъ!“ обѣзався хтось зъ людей.

„Нй, кажу я, тугъ дѣло не просто, чомъ же не берутъ кого другого, да Дмитра?“

— „Мовчи Грицю! Не роспытуй!“ обѣзався Дмитро.

Вышовъ зъ будынокъ пань — „подавай!“ крикнувъ. Ридванъ шестернею пѣдѣхавъ до паньского рундука. — „Эй! староста! крикнувъ пань, — вслѣдъ за мною пошелъ.“ — Ридванъ полетѣвъ.

„А нуте хлопцѣ! сядовѣтся!“ сказавъ староста.

.. „Прощай Грицію! Не забувай мене!“ ставъ казати Дмитро, обнимаючи мене... „Прощай! Я не виненъ“... Хотѣвъ ще щось казати, да не здо-лѣвъ, слезы не дали, жаять було ніколи; бо староста все гремѣвъ: „нуте, нуте, швидче, не гайтесь!“..

Повхали.... Я стоявъ, якъ вкопаний. За що его взято? за що ёго заковано? що ёнъ заподѣявъ? думавъ я собѣ. Кого роспытати? Хто знае?— Думавъ, думавъ, нічого не выдумавъ. Пришовъ до дому, розказавъ усе старымъ и ставъ просити рады у ихъ.

„Щожъ сыну, одказавъ мѣнѣ старый. (Ёнъ уже такъ вподобавъ мене, що друге лѣто звавъ сыномъ). — Нічого я тобѣ не поражу. Наборъ, кажуть, — добре, нехай и такъ: такъ есть же богацько у вашого пана и окреме Дмитра. Тутъ щось воно да не такъ... Ажъ ты ще казавъ, здається не давно, що панъ любить Дмитра?“

— „Уся дворян кричала про се, и самъ Дмитро хвалився, що панъ що-дня дяковавъ ему за працю, а тамъ хто его знае,“ кажу. —

„Тотожъ и есть, каже старый. Стрѣвай лишъ, потягну я, роспытаю.“

Пѣшовъ.. Я сѣвъ пѣдъ хатою на призьбѣ да плачу; довго плакавъ, нічого й не бачивъ, нѣ на що й не дивився. Колижъ-ось щось мене взяло тихенько за руку, тай каже:

„Грицію! годѣ плакати тобѣ.“

Дивлюсь, ажъ бѣля мене стоить Ганнуся и собѣ плаче.

— „Що ты, Ганнусю? пытаю ёй, чого плачешь?“

Вона мовчить, та ще бѣльше плаче. Я злякався, думавъ, чи не лучилось якон пригоды.

— „Кажы бо, чого плачешь?“ зновъ кажу ёй.

„Такъ!“ одказала.

— „Та якъ же се такъ! Ты ніколи не плавала, а геперь такъ рѣчкою слѣзы льешь! я самъ тожъ плачу.“

„Жаль тебе Грицію!“ сказала, и такъ жалѣбно, такъ жалѣбно подивилась!.. У мене серце тѣхнуло, наче хто кольнувъ его тамъ.

— „Що-жъ тобѣ я, Ганнусю? Наймытъ... безрѣдний... поплачу тай годѣ...“

„Не говори сего Грицію!.. Ты для мене..“ тай не доказала, слезы рынули зъ очей.

Що сталося зо мною — я й самъ не знаю... Я пѣдскочивъ изъ призьбы, ставъ, узявъ за руку Ганнусю и не змѣгъ нічого ёй сказати, мовчавъ тѣлько, да пильно-пильно дививсь ёй въ очи. И вона мовчала, да дивилась, и въ ней очи свѣтились, якъ зори.. На той часъ мѣнѣ такъ легко, такъ весело стало, що я забувъ и всѣхъ и все.. Э! не бывало бѣльше такыхъ

годинъ!.. Не було й не буде вже такого счастья.. И не забуду я тіен годныи и до вѣку и до суау... Чи довга мы тамечки стояли, побравшись за руки, чи нѣ — того я й не знаю; я тільки тоді опам'ятовавсь, якъ почувъ голосъ старого: онъ звавъ мене въ хату. — Я пошовъ, Ганнуса побѣгла на горѣль.

„А що сыну, почавъ старый, и тобѣ казавъ, що не просто Дмитра повезди.“

— „А хйба що?“ пытаю.

„Да воно, бачъ, нічого, дѣло звѣстае, — парубоче... та жалко, — гарный парубокъ бувъ Дмитро.“

— „Щожъ онъ зробиавъ? каждѣ двидче!“

„Та що зробиавъ? нічого такого не зробиавъ, а просто пану не сподобався за те, що его сподобала Катри... знаешъ: ключниця, чи якъ тамъ ёнъ звать. — Отъ и все.. ну, панъ дозв'явъ про ихъ жениханье тай квити!.. ма другий день у Москаля.. звѣсно у панѣвъ усе не такъ, якъ у людей.. усе по своему...“

— „Щожъ теперъ робить мѣнѣ? Навчѣтъ, якъ ослобонигъ брата?“

Старый усмѣхнувся, тай каже:

„Якъ ослобонигъ! Ніякъ не ослобонигъ, нічого й порываться, — а коли хочешъ, поди у городъ, довѣдайся до брата, попрощайся зъ нимъ, тай годѣ...“

Такъ я й зробиавъ. Узявъ у хозяйна три карбованцѣ, пошовъ у горѣль. Братовѣ, якъ я пришовъ, уже лѣвъ забрили. Довго мы плакали въ-двохъ, да не помоглось... Прощався я зъ нимъ на вѣки; бѣльше его й не бачивъ, бо его вбито пѣдъ Варшавою, а панъ за его получивъ зъ казни 300 карбованцѣвъ... .

IV.

На друге лѣто панъ дуба давъ. Наслѣдникѣвъ у его не було, взяли насъ въ опеку и пошла чутка, що повернуть у казну.

Якъ нѣ тяжка була мѣнѣ утрата брата, а зъ Ганнусею я забувавъ про неи. Стану було журиться, а вона обѣйме мене, здавить своими руками и цѣлуе-цѣлуе. Старые про наше коханье нічого не знали.

Прошло лѣто и осѣнь, настала зима, — рѣздвянй святки. Разъ старые були у гостяхъ десь, та довгѣсько й засидѣлись; Ганнуса була зъ ними. Пришли вони до дому, я однинивъ имъ дверѣ, засвѣтивъ имъ каганецъ, тай лѣгъ собѣ. — Сонъ щось не бравъ мене. Трохи згодя, дивлюсь: старые не ляговятся, огню не тушать, седагъ собѣ, усѣ смутные, невеселые, Ганнуса тожъ невесела; а далѣ старый озв'явъ:

„Уже жѣ доню, якъ знаешъ, и завтра треба дати одповѣдь, якъ при- дуть старосты.“

Якъ почувъ я отсыѣ слова, такъ и задрѣжавъ!... Такъ мѣнѣ ѣ бажалось: схопитися, упасти старымъ у ногя, рассказать про наше коханье; та якъ здумавъ, шо я крепакъ, а тѣн люда вольные, такъ мѣнѣ ѣ духъ заняло! Слухаю дальше:

— „Шо тату, озвалася Ганнуся, шо ямъ казать, просто скажу, шо я не пѣду за ёго, не хочу ще за-мѣжъ..“

„Чомъ не хочешъ? каже стара. Не вѣкъ же дѣвовать... А про те, якъ знаешъ, я тебе не буду неволѣть..“

— „Мамусю, мамусю! я не думаю вѣкъ дѣвовать, а за ёго не пѣду; бо не ёго я кохаю..“

„А когожъ ты доню кохаешъ?“ пытае старѣ.

— „Охъ мамо, мамо, лучше не пыгай, опѣсля скажу все, а теперъ не неволь мене, не роспытуй, я кохаю... тай не договорила, тѣлько зѣтхнула тяженько.“

„Чимъ же не парубокъ, чимъ не женихъ тобѣ Повторапѣвненко? каже старый. Молодой, пригожий, чесный, богатый — ѣ не крепакъ; чо-гожъ ще тобѣ треба?“

— „Мѣнѣ ничого не треба, я не люблю ёго.“

Усѣ замовкли.. Ганнуся вышла чо-гось въ комору.

„Не невольмо, старый, дочки, каже стара. Вона у насъ не переросла ще, хлѣба-соли не переѣла, хвалить Бога, достатки у насъ и свои е, нехай же вона сама собѣ выбере жениха, щобъ послѣ не нарѣкала на насъ..“

— „Такъ якъ же зо старостами?“

„Да такъ-таки. Скажемо, шо нехай ще Ганнуся погулае, тай годѣ.“

— „Чи гараздъ же воно буде?“

„Усе те гараздъ, шо робится по сердцю да по волѣ..“

— „Побачимо... а теперъ чи не пора лишень спати?“

„Чи спати, то ѣ спати.“

Увѣйшла Ганнуся, пѣслала старымъ, потушили свѣтло и полягали..

Я всю нѣчь не спавъ.. Ганнуся стала мѣнѣ ще красчею, ще милѣйшою. Чого я въ ту нѣчь не передумавъ! Боже, Боже! Чого не перекуевлялось у головѣ въ мене!..

Чуть-свѣтъ уставъ я и пѣшовъ швидче поратисъ по хозяйству: ставъ товару сѣно заносити, наповати. Тѣлько дивлюсь, ажъ Ганнуся у кошарѣ стоить; я ѣ роботу покинувъ, да до неѣ:

— „Ганнусю, тебе сватають?“

„Сватають, Грицю, да я не пѣду.. ни за кого, окрѣме тебе, не пѣду.“

— „А якъ не одатуть старые?“

„Вѣкъ здѣвую, а за нелюбѣ не пѣду, свѣта собѣ не завяжу. Чи знаешъ Грицю, шо?“

— „А шо, моя голубонько! кажи, шо?“

„Сегоднё будуть старосты, я скажу, шо не по́ду за Пóвторапóвненка.“

— „Ну?“

„А въ вечерѣ татуса не буде дома, а безъ его мы скажемо матусѣ, шо мы кохаемся... нехай насъ одружать.“

Я поцѣловавъ ёи, тай кажу:

— „Не одружать, моя сизокрыла.. не одружать, ты вольного батька дитина, — а я крепакъ; ты богата, — а я убогій наймыгъ, сирота, безрòднй.“

„Дарма Грицю! ты мѣнѣ милѣйшій всёго свѣту.“

„И для мене ты станешь крепачкою?“

„Чимъ хочь стану, абы быть съ тобою вѣствѣ, абы бугъ твоею. Да я не боюсь крепачтва; дякониха казала, шо васъ усѣхъ повернуть на казну.“

— „Все одно, мое сердце, и казенные такіе жѣ таки крепачки, або ще и гòрше.“

„Дарма, Грицю! все дарма! абы ты бувъ зо мною.“

Мы обнялись, мои губы упились пѣвкою до губки Ганнусѣ.. мы землѣ не чули пòдъ собою, коли-жѣ зиркѣ! ажъ стара стоимъ да дѣвится на насъ... Я такъ и обмѣлѣвъ.

„А шо се ты Ганнусю робишь?“

Ганнуса стояла красна, икѣ ракъ.

„Дакъ бачь, почала стара, ото кого вона кохае! . Теперь я знаю, чомъ ты не хочешь ити ка Пóвторапóвненка“..

Ганнуса мовчала.

„А ты безрòднй прибуду, каже до мене, чи на тежѣ мы тебе вы-кормили! Отъ и пригрѣла гадину у пазусѣ.. Ого и дѣка за нашу хлѣбъ-сòль!“

— „Боже, Боже! озвася и я! Панѣ-матко, чи не грѣхъ же отсе вамъ рòвняти мене до гадины! Шо отсе вы промовили?!“

„Те, шо чуешь! хиба не правда?..“

Я не здолѣвъ бòльше нѣчого казать. Кинувъ граблѣ, шо державъ у рукахъ и пòшовъ зѣ двору, не оглядаючись и самъ не знаючи, куды и чога иду. Такъ мѣнѣ тяжко стало! Такъ у мене сердце заболѣло, шо я самъ себе не тямивъ...

V.

Шо було зо мною? де я ходивъ? шо дѣялось у господѣ? шо казали Ганнусѣ? нѣчого не знаю. Згадую тòлько, шо якъ ставъ я приходити у себе, то лежавъ у своихъ хозяйнòвѣ у хатѣ, на полу; бѣла мене себѣла Ганнуса, вся зблѣла, зжовкла, зхудѣла, на себе не похожа стала. Опòсля вона мѣнѣ розказувала, шо на четвертый день, послѣ сварки зѣ старою, мене знайшли

десь за селомъ у сѣбгу, и недужого привезли до дому. Пролежавъ я безъ памяти усѣ мясницѣ и чотырѣ недѣлѣ великого посту. — Росказувала, що у мене була горячка, що я все кричавъ: „пустѣть мене на волю, пустѣть до Ганнуса!“

„Що, Грицю, чи швидко ты выдужаешь?“ Питають було мене старые.

— „Не знаю, одкажу имъ. Тай на що мѣнѣ одужувати? Не хочу, красче вмерти.“

„Христось съ тобою! скаже стара. На що вмерать! ще рано, ты ще молодой... прійде часъ -- усѣ помремо.“

Не утѣшали мене огѣ речи. Разъ старые пѣшли до церкви на пасію, а Ганнуса зосталась дома.

— „Ганнусю! кажу ёй, що тобѣ казали татусь да матуся про мене?“

„Ничого не казали, жалковали тѣлько, що ты не здужаешь.“

— „А не лаяли тебе?“

„Нѣ, не лаяли“

— „А за Пѣвторапѣвненка що було?“

„Не знаю, а я за другого не пѣду.“

— „А ничого про се не казали старые?“

„Нѣ, не казали...“

Тай замовкла... Коли такъ, думавъ я самъ собѣ, коли такъ, коли жить мѣнѣ безъ Ганнуса, красче вмерти... Думавъ самъ на себе руки наложить... А далѣ страшно якось стало, жить захогѣлось. Пѣдожду, подумавъ, одужаю, — тодѣ, якъ не оддадутъ Ганнуса за мене, пѣду свѣтъ за-очи. Земля велика, не клиномъ зѣйшлась; свѣтъ широкій, -- ле пропадать, то пропадать.

VI.

На другій тыждень Ганнуса говѣла. У субогу дуже рано пѣшла вона на молитву, стара захолилась коло печи, а старый сѣдѣвъ собѣ. Я ще не здужавъ вставать, и лежавъ.

„Черезъ тыждень, стара, кажутъ люде, Великдень; а тамъ начнутся у людей весѣлья, а мы жъ якъ будемъ?“

— „Якъ знаешь, старый! Треба бѣ ихъ одружити; обое сохнугъ.“

Одъ сѣхъ слѣвъ мѣнѣ у десятеро прибавилось здоровья.

„Одружить не штука, каже старый. Грицько паробокъ не абы-якій, маторный, слухяный, тудящий, — да крепакъ. Огѣ що погано, якъ таки наша дочка буде за невольникомъ!.. Якъ такій мѣй чесный, споконъ-вѣку вольный козацкій рѣдъ, та перейде у неволю? Подумай лишень стара...“

— „Да якій жъ онъ теперъ крепакъ? вони теперъ опекунскіе...“ каже стара.

„Не вѣкъ будуть опекунськими. Не буде Ганя — буде Другая.. Булобъ болого, а чорты найдутся.“

— „А ты бѣ распытавъ Панъ-отця, що чувъ ѓнъ?“

„Да що его пытати... Я й самъ добре знаю. Грицька я люблю якъ сына... Хѣба выкупить его, ѓдначе ѓнъ ѓдиниця!“

— „Якъ знаешь старый! чи выкупить, то й выкупить, а треба ихъ одружити; жаль Ганнусѣ... мариѣ вона бѣдолашна... Я й теперъ собѣ не прошу, що тодѣ посварилась, пѣдбила мене нечиста сила, ажъ теперъ и соромно и жалко.“

Довго ще вони радились, а я лежавъ, буцѣмъ спавъ и ничого не чувъ. Стали на тому, що якъ выдужаю я, то пѣдемо зъ старымъ до опекуна, дамо ему выплату за мене, дя тодѣ вже й до шлюбу....

У вечерѣ я се все росказавъ Ганнусѣ, — вона дуже зрадѣла, цѣлый вечеръ смѣялась, спѣвала, наче не та стала.

„Выдужуй же швидче, Грицю, мое сердце,“ сказала мѣнѣ.

И справдѣ, якъ прошла моя журба, да туга, ставъ я совсѣмъ другий! ставъ и выдужувати не по днямъ, а по часамъ. Наче, яка невидима сила засѣла у мѣнѣ... О! надѣя, да любовь — велика, цѣлюща сила!.. Навѣтъ крѣпчай силы и въ свѣтѣ не ма.

VII.

У чистый Четвергъ вышовъ я у-перше послѣ недугу на свѣтъ Божий. Такъ на мене и пахнуло свѣжою новою силою! Весна вже наставала вповнѣ, бо се було близько коло Юрія. Трава роскошно зеленѣла и пахла, луги покрылись снеговыми келѣвами; сады цвѣли, усе ожило, усе хвалило Господа. Птички щебетали свои веснянки. Весело имъ! Тай хто не защебече, живучи на волѣ! Коли-бъ люде були хочъ на половину таки вольны, якъ птицы! Може-бъ менше було и зависти, менше сварки, не лились бы людскія слезы на сыру землю, не стогнали-бъ люде по тюрьмахъ, не вмѣрали-бъ зъ голоду!

Добре жить птицамъ! Далеко красче, нѣжъ людамъ! Не ма ни въ одной птицѣ ничого своего, за те въ усѣхъ у-купѣ усе е: и не сварится вони, и не лаются, и не позываються, а живуть мирно, да любо. Не даромъ же кажутъ: що гарне братство — красче богатство.... Тай що зъ того богатства? Отъ же бувъ я богатый, а теперъ що? Зъ довгою рукою хожу, у людей прошу, а колись и я людамъ надѣлявъ, колись и въ мене засѣвки трещали; да все загуло!... Но все панська воля, а людскѣмъ не було...

Такъ ото, кажу, наставъ Четвергъ, наставъ и Великденъ, и выдужавъ; порадились зъ Ганнусѣю, да на третій день святокъ и кажу старому, а стара десь у гостинѣ була:

„Дядьку! Звали вы мене нолько лѣтъ сыномъ, зовѣть же ѿ повѣкъ.“
Старый буцѣмъ то не второпавъ, да ѿ пытае:

— „Що бѣ то якъ?“

„Такъ, кажу (знавши думку старого, я говоривъ смѣло): Оддайте за мене Ганнусю! Вона мене широко любить, та ѿ я безъ нея не жити-му на сѣмъ свѣтѣ.“

— „Знаю я, знаю Грицю, що ты Ганнусю любишь, и вона тебе любить, що се дѣло не погане, любить и Христось навчае. Знаю, що ты чоловікъ гарный, ставши нашимъ зятємъ, ты будешь поважати насъ, худоби не переведешь, догледишь нашої старості, — да коли бѣ ты бувъ не крепакъ!“

„Се нічого, кажу, мы опекунськи теперь; Ганнуса не боится крепцацтва. . . .“

— „Гой, гой, якіе-жъ вы обоє дурні! молодые вы, то тежъ и не знаете, що значить воля!... Чи знаешь ты, що чоловікъ безъ воли? Онъ и не чоловікъ, и не звѣрь, а все одно, що коняка спугана, да ще ѿ на припонѣ! Грицю! Грицю!... Не бувъ я зъ роду крепакомъ, а добре знаю, що гѣрше неволи не ма нічого на свѣтѣ... О! тяжко, тяжко жить безъ воли.... Я чоловікъ уже старый; — три днѣ до смерти, слухай же, що я тобѣ скажу: Рѣдъ вашъ старинный, козацькій, иде олъ Запорожцѣвъ, а нѣ Козаки, нѣ Запорожцѣ зъ роду не були ни-чими пѣдданками!... Чи чувъ коли небулъ, що то за Запорожцѣ були? Не чувъ! то-то и есгь! Ото-жъ коли не чувъ, такъ слухай: Запорожцѣ були такімъ народѣ, що ѿ самому чорту не оддавались живцемъ у неволю; а ты хочешь, що-бъ я свою дочку, свою едину латину, да оддавъ самохѣтъ у неволю! Да що-къ за козакъ тодѣ буду! Що я за чоловікъ тодѣ буду! Да тодѣ мене ѿ куры заклюють... Зъ правдѣю, зъ дѣда у нашої сѣмьи ведеться заповѣдъ „хто нѣде у крепактво самъ, або оддасть за крепака свою дочку — той чорту братъ, той анахвѣма да буде!...“ Отъ що, коли хочешь чутъ!...“

Я стоявъ не въ сѣхъ, не въ тыхъ. Старый розжѣвръвся весь, ніколи я его такимъ не бачивъ! Очи у его горѣли, видно було, що въ его душа заговорила.

„Щожъ намъ робити?“ пытаюсь скрѣзь слезы.

— „Що робити!?... Колибъ я самъ зъ молоду не любивъ, колибъ я самъ не знавъ, що то за любовь, — я сназавъ бы тобѣ: Роби, що хочъ, а дочку я не оддамъ за крепака, предкѣвськой заповѣдѣ не змѣну! — Ну, а теперь сего не скажу, грѣха на душу не вѣзму, — а снажу тобѣ отъ що: треба выкупиться.“

„Выкупиться! Коли ничимъ...“

— „Сорочку зъ плечей послѣдню продай, а зъ неволѣ выкупись...“

Я ставъ гѣрко рыдагь... Пѣдойшла и Ганнуса, и вона стала прохать старого и вона стала плакать.

„Чого плачете? озався старый. Плачъ не поможе. Бачу я, що кохаецьширо, не пѣду я противъ васъ, я не ворогъ своѣй дитинѣ!. Или Грцию до опекуна, спытай, що вѣзме выкупу за тебе, да торгуйся, наче за быка. Паны за все люблять торговаться, а за людей ще бѣльше... Я наложу за тебе выкупъ.“

Мы упали старому у ноги, стали его дякувать, стали цѣловать, я й не знаю вже, що мы одъ радості тодѣ робили.

VIII.

На другій день чуть-свѣтъ пѣшовъ я до опекуна, сказавъ, що хочу выкупиться на волю.

„А дежъ ты грошей вѣзьмешъ?“ спытавъ ѓнѣ.

— „Своихъ, кажу, крыхта е, а то въ людей позычу.“

„А щожъ ты даси?“

— „Не знаю! — що наложите.“

„Да що я наложу! Лишнѣго не вѣзму: двѣстѣ карбованцѣвъ даси?“

Я й похоловъ увесъ... Стали торговаться: довго торговались, на-силу на-силу зѣйшлись на пѣвторы сотнѣ.

Однѣсъ я опекуну гроши, ѓнѣ узавъ, перелѣчивъ, чи всѣ, сховавъ у скриньку и давъ мѣнѣ бумагу кажучи, що то вольна.

Повѣнчали насъ. Весѣлья бучного не справляли, а все було, якъ слѣдъ.. Я вже й не вмѣю розказаги, що тодѣ робилось зо мною и зѣ Ганнусею! Здаеця, на всему свѣтъ не було счасливѣйшихъ людей, якъ мы.

Стали мы жить собѣ. Господь благословивъ насъ дѣточками: двома сынами — Хведоромъ и Петромъ, — бѣльше й не було.

Старые бувало и не навѣщаються ними! Старый разъ-у-рязъ усе було пестится зѣ унуками, до хозяйства було вже не пріймаетя, тѣлько лѣтомъ у пасѣцѣ седѣвъ.

Жилось намъ мѣвъ у раю. Да видно не можна, щобъ чоловікъ вѣчно живѣ у счастій, видно не можна сего, або вже такъ людямъ на роду написано, щобъ вони мучились не тѣлько на тѣмъ свѣтъ, а й на сѣмъ. — И чого воно такъ? Щобъ здаеця усѣмъ людямъ быть рѣвными, усѣмъ счасливыми! Нѣ жѣ! Есть така личина зла, що псуе людське счасье... мабутъ ѣмъ завидно становится, коли чоловікъ не страждае...

Такъ було изъ нами... Пришла перша холера, стали люде мерти покотомъ; поховали и мы своихъ старыхъ: обохъ по одному тижнѣ... Царство имѣ небесне!.. Нехай надъ ними земля перомъ!..

ІХ.

Пройшло кілька роківъ. Дѣточки наши росли. Разъ у Неафію седи́мо мы підъ воробѣми, коли жъ дивимось: Їде щось протягомъ шестернею, прямо у панській двірѣ. Стали пытаться, що воно таке? кажуть: новий панъ. — Огъ-тобѣ й повернули въ казну, подумавъ я, а серце чогось такъ у мене й забилося.... Чуло воно щось недобре, да не вмѣло сказати....

Почали роспытуваться, який панъ? Оди́кля и якъ довелось ему се имѣние? Кажуть: бувъ десь далеко, служивъ у Сибирѣ, далекій якийсь унукъ покойному пановѣ. Ну, пріѣхавъ и пріѣхавъ! Катъ его бери, намъ и гадки не ма.

Такъ думалось, да не такъ сталося! Тыжнѣвъ черезъ два пришли звати мене у двірѣ, до пана. — Що тамъ таке, думаю собѣ, на-що я ему здався? Оди́наче, думаю, підду, хочъ подивлюсь, що тамъ за сибирійный панъ. Прийшовъ. Онъ зъ-разу, якъ гримне на мене: „Чому ты сякій, такой сыну на панщину не ходишь?“

— „Тому, кажу, не хожу я пане, що я вже тринадцатый годъ вольный, я выкупився на волю.“

„У кого ты выкупився?“

„Въ опекуна, у мене есть и бумага.“

„Брешешь! кричишь. Опекунъ не смѣвъ выпускагъ на волю чужихъ людей, покажи бумагу!“

-- „Вона дома у мене.“

„Поди, принеси.“

Принѣсь я. Онъ прочитавъ, та якъ швидко ёи мѣнѣ мѣжи очи! „Се каже, бумага що тобѣ можна на козацѣ женитися, а ты мѣнѣ ще теревенѣ гонишь, що ты вольный! На роботу завтра, — а не підешь, у Сибирѣ задамъ....“

Я своимъ ушамъ не вѣривъ. Чи вжежъ таки, думаю, опекунъ обманивъ мене? Нѣ, щось воно, да не такъ.

-- „Воля вапа пане! кажу, а я на роботу не підду.“

„Не підешь?“

„Нѣ, не підду, я чоловікъ вольный.“

Тільки що сказавъ отсе, якъ накинется на мене панъ, якъ ставъ мене трошити по вискамъ, по шелепамъ, крый Боже! на-силу вырвался! Прибѣгъ до дому й не стямлюсь, що й робить, що й жѣнцѣ казати. О! тодѣ то я згадавъ старого свого тестя! Тодѣ то я нагадавъ его речи про волю.... Нагадавъ, та якъ лѣгъ, то два годы й не встававъ. Якъ уже я вычунявъ — не знаю. А що переплакала моя сердешна Ганнуся, такъ и сказати не можна. Зъ тыхъ слѣзъ ёи добру бѣ калюжу можна зробить.

Позвали зновъ мене до пана. Ставъ онъ зновъ пытати, чи підду на роботу?

— „Не по́ду, пане! шо хоче, робіть, — а не по́ду.“

„Ну, одкупись,“ каже.

— „У другій разъ, чи шо? Дежъ таки воно видане, щобъ зъ вола двѣ кожи драли. Нічншь мѣнѣ одкупиться.“

„Плати оброкъ!“

„Да за що же пане платити, коли я вольный чоловікъ?“

„А не хочеш ні робити, ні платити — будешъ у Сибирѣ.“

— „И тамъ пане люде живуть, ажъ и вы зъ Сибирѣ прїѣхали.“

Розжеврѣвся мій панъ! кинувся до мене, щобъ бити, да й ставъ. Видно, Богъ переселивъ таки чорта.

„Отъ-тобѣ, кже, послѣдне мое слово: якъ черезъ три днї не вийдешъ на роботу, або не заплатишь оброку, будешъ у Сибирѣ.“

Пошовъ я до дому, порадився зъ жѣнкою; сходили въ городъ и тамъ радитись, усѣ одно кажуть: опекуну не можна було брати выкупу и бумага та, шо бнѣ давъ, не-куды не годится; треба покориться пановї! Робити було нічого, ставъ я платити оброкъ и плативъ шѣсть лѣтъ. То були кровавай гроши, да панъ на те не дивився, ему абы гроши...

На семе лѣто понѣсъ я пановї оброкъ 50 карбованцѣвъ; не бере, каже: мало, у тебе вже сыны паробки; плати и за ихъ.“

Не выдержавъ уже я на сей разъ такой пекельной муки.

„Знаете шо пане, кажу ему, вы мене били, нивечили, драли зъ мене и гроши и кожу, теперъ хочъ вѣзьмѣть да зъѣжте мене, а бѣльше не заплачу, бо нї зъ чога.“

Панъ нічого не сказавъ, тѣлько заскрежетѣвъ зубами, ухопивъ мене за комѣръ, та выштовхавъ на рундукъ. На другій день прїѣвгъ становий и забравъ мене и жѣнку у станъ, тамъ держали насъ двѣ недѣлѣ, а панъ тымъчасомъ повѣзъ моїхъ сынѣвъ у городъ, тай поодававъ обохъ у Москалѣ.

Ж.

Вернулись мы до дому, дивимось: пустка, дѣтей не ма, сосѣды все намъ розказали. У мене такъ сердце закамѣло, шо я вже й плакать не здужавъ, а сердешна Ганнуся, якъ начала рыдать, якъ начала биться у груди, объземлю... крый Боже, якъ билась, и сказати не можна! Не вѣла нічого, не пила, усе билась, усе билась, .. Люде стали радить, щобъ я не спускавъ ѣн зъ очей, нічого не помогло. Кричить було не-своимъ гласомъ, ажъ сумно становится. Недовго вона страждала... разъ, уже не здужаючи ходити, выбрала годину, якъ я пошовъ цо воду, вытѣзла рачки зъ хаты, прїѣвѣла у панськїй двѣръ, та якъ ударилась грульми объ рундукъ, — на тѣмъ мѣсцѣ и душу Богу оддала...

Охъ тяжко, тяжко... Дайте духъ перевести, оддыхать, уже не богацько, заразъ докажу.“

Довгенько дѣлъ оддыхавъ тяжко зѣтхуючи, а пѣтъ такъ и льется зъ его. Видко було зо всего, що въ его дуже душа болѣла, що днѣ богато выстрадавъ.

„Отъ — же слушайте даяльше. Панъ не вѣйшовъ и подивиться на Ганнусю, соромно мабутъ ему стало, що загубивъ неповинну душу. А я якъ почувъ про се, якъ прибѣгъ у двѣрь, якъ угледѣвъ мертву Ганнусю, якъ заголосивъ, якъ закрищавъ не-своимъ гласомъ, то тѣлько ѿ памятаю, що якыхъ два чоловікы взяли мене пѣдъ руки, одвели въ контору, да тамъ и замкнули: безъ мене ѿ покойницю поховали; не пустили мене кинуть ѣй у могилу жменю землѣ... Черезъ три дни панъ приславъ усю мою худобу забрати у двѣрь, а мене перевели до овчаря у хату...“

Съ тыхъ поръ ставъ я рыдати, наче мала дитина; инодѣ було радъ бы и перестати, такъ не здолѣю, сами слезы льются; да потѣдъ такъ плакавъ, покѣдъ я очи выплакавъ... Очей же не ма, а слезы ще есть и теперь.

Покѣдъ я бачивъ, я живъ у селѣ для того, щобъ що-дня бачити могилу Ганнаусъ; а якъ осѣпъ, никому мене провести на могилу. Опротивѣло мѣнѣ рѣдне село, одпрѣсився я у пѣна, таѣ пошовъ у старцѣ. Спасибѣгъ, що дусивъ, бо его паньска воля и на се була. Пошовъ, да отъ и хожу вже шосте лѣто... Отъ вамъ и все...“

Дѣлъ замовкъ.

Боже, якъ у мене стало тяжко на серцѣ, смутно на душѣ!... И не найшлось же, подумавъ я, живон души, щобъ оступилась за погубленѣй души! за души погубленѣй, такъ по варварськы паньскою волею!..

„О Боже судъ твой всеу,
И всеу царствіе твое...“

Полтавъ 27. Юнія 1862.

Олександръ Кониській.

ШКОЛЯРЪ.

Розказъ Грища Саламахи, реентого и писателя наукъ изъ Цапова.

I. ХАТИНКА.

На южнѣмъ передѣльствѣ престоального гѣрода Львова, гдѣ поближкѣмъ гадъ приазнимъ вѣють воздухомъ, гдѣ то невкусившая ще ивѣйскихъ ѣтходѣвъ Полтва мило журчить калыжи, крутыми руслаи, гдѣ въ мѣсто егонизмѣмъ

дышащего гамору мѣйскаго щибече гармонійное пѣніе крылатыхъ птишинъ сумѣшь съ шелестомъ тѣнистыхъ: деревь тамъ то находился до недавна невеличкій, старыми грушками и спорохивлыми на вполѣ яблѣнками отемненный садъ, котрый бывало суѣды „Чернымъ Садамъ“ называли. Передъ пять лѣтами стояла середъ него хатина, половиною зъ кецкого муру, половиною же зъ дерева поставленна, котрой престарый видъ отповѣдалъ мрачности саду. Стѣны той хатины измѣнили уже давно первобытную простую свою поставу на похиленную, та лише множество крестообразно повязаныхъ въ-округъ столпѣвъ тримало ю ще яко-такъ на ногахъ, и видѣлося, шо они были иллюстраціею приповѣдки, же „старѣсть на дитинячій разумъ переходить.“ Тая бо старенькая хатинка видѣлася межѣ тыми подпорами мовъ межѣ руштованьемъ, на котромъ гдесъ передъ кѣлькама стами лѣтъ на свѣгъ Божій народилася. Тое руштованье и бѣлыи стѣны хаты контрастовали дивно якосъ съ чернѣсенскимъ верхомъ, котрого гонты за-безъ многолѣтнѣе вудженься на добывающѣмся по-межь ними дымѣ та за-безъ дожджъ перейшли наскрѣзь краскою дерева гебанового, и лишень гденекуда межъ собою бѣлыи пятна полишали, походящѣн ѳтъ молодшихъ ихъ братчикѣвъ, котрымъ ѳтъ шпекулянтной властительки сущлованье мѣсць, старыми опорожненыхъ, поручено было. Въ-округъ хаты возносилися стосы камѣнны, пеголъ, балькѣвъ, гонтѣвъ и различныхъ мишихъ до латанья хаты здѣбныхъ гратѣвъ. Видъ всего того приводилъ зрѣтеля мимовольно на мѣнѣе, же господня хаты той гдесъ съ похожими шо до неи намѣреньями носится, якъ славная въ пословици дѣвчина, котрая зъ найденого случайно покладка напередъ курятка, потому поступенно назимка, озимка, коровоньки, худобы, господарства и, Богъ вѣдае, якихъ ще рѣчей доробити надѣлася.

Въ серединѣ хаты находилѣся кромѣ сѣней четыре покои. До первого изъ нихъ входилося великими дверьми, которыи помимо древности своей порученный имъ чинъ затвиранься для похиленности стѣны съ нечуванымъ усердіемъ исполняли; а если кто, несвѣдомый того ихъ хвалы достойного свойства, входячи не загамовалъ ихъ въ той-то благородной ихъ ревности, то спадали на плечи его та на одверки съ такою ярстію, же все потрясенныи части хаты почули красный той примѣръ ихъ трудолюбія, а перепудженный гѣсть кромѣ гудзѣвъ на плечахъ наслушался ще громобразно-пискотливого голосу розсерженной господинѣ, котрая въ справедливой журливости о „свою працю“ прилаганьемъ до него свойствъ, до котрыхъ ѳнъ може зъ роду не почувався.

Реченный покой пѣзнати ѳтъ разу по безладно пороскиданныхъ въ нѣмъ книжкахъ, мапахъ и письмахъ, за мѣсце обыванья молодыхъ сынѣвъ Музь. Но одно изъ находящихъся ту лѣжокъ розличалося ѳтъ прочихъ опрятностію и ладошъ. Надъ нимъ висѣло кѣлька красныхъ олвѣныхъ образѣвъ, а коло него стояла шафа, заполненна бѣольшою частію добѣрыми книжками.

Другая притыкающая до первой комната, съ окрепшими отъ оубней дверьми, была, если тое о покояхъ, для обыванья людей выставленныхъ, казати вольно, истинною кѣткою: маленька, же лишь кѣлько людей обернутися въ ней могло, низонька, съ однимъ, желѣзною кратноу убезпеченымъ ѳкономъ. Кѣтка тая была „святая святыхъ“ дѣвочомъ господинѣ дому и переходила первый покѣи чистотою и ладомъ. Не было ту правда всего якъ одно лѣшко, постелею красною по-пѣдъ стелю прикрытое, двѣ старосвѣтскіи комоды, одна магонѣвая шафа и меньшіи мебѣ; но все мовъ зеркало чистѣ-сенько повтыране, помѣстѣ зрѣкраснымъ турецкимъ дываномъ покрытый, а нигде и найменьшого пятенця, ни порошоку не найдешь. Коло ѳкна роспиралися въ зрѣкрасныхъ вазонахъ два превеликіи крѣслатыи мирты, которыи ѳтъ пѣдъ майже вѣку исполненья обычаемъ опредѣленной имъ долѣ нетерпѣливо, но все безуспѣшно ожидали; а зѣ-за печи виталъ входячого гости выбалушенными очима огромный, якъ крукъ чорный кѣтъ, старый любимецъ господинѣ, которая характеризующимъ ю образомъ, указующимъ, же она и фаворитови своему всякое нарушенье еи „працѣ“ добре памятае, кликала его многозначнымъ назвискомъ „хапусъ“.

Все реченное ставитъ господарнѣсть и ладолюбіе нашей господинѣ въ совѣстѣ приличномъ свѣтлѣ. Но люде — якъ всюда — злоязычныи перекрочовали все тѣи хвалы достойныи свойства на злое: называли ладолюбіе панѣ Чепѣжихи скупствомъ и позваляли собѣ доказовати тое нехристіанское свое мнѣніе розличными, неразъ досыгъ позорными доказами. Съ Богомъ а правдою должны мы имъ и признати, же наша паня приклонностію своею до гденекотрыхъ простонародныхъ обычаевъ бодий цы не за далеко запускалася. Такъ на примѣръ трималася она хвалы достойного народного звычая, повѣровати звонкую монету матери землицѣ, въ котрой она выховалася со всею совѣстною точностію; стравы еи были самыи чисто-простонародныи: бульбы въ униформѣ природномъ, борщикъ изъ рослинъ питомо-Галицкихъ, котрыи сбирати гденибуль никто не боронитъ, солодушка, пражушка и иншіи похожіи лакѣтки.

И тое винны мы спѣмнути, же въ пощенью выстигала наша паня ревность селянъ нашихъ далеко на передѣ; весь бо рѣкъ Божій былъ у нем однимъ долгимъ постомъ, перерыванымъ лишь дуже рѣдко коли, а и тое не зѣ ума, но изъ слабости чоловческой на видѣ якихъ пѣнавцѣвъ, котрыи ю якіи худей до позыченья грошей, або котрый должникъ до благосклонного продолженья речинця ѳтдачи наклонити нажѣрля. Но и ту покривдили бы мы православную нашу пустыницию, если бы мы залишили казати, що зѣ дачокъ тыхъ лише малая часть заразы пожитою была; остальное бо вандровало звычайно до коморы низшого котрого мѣйскаго чиновника, котрый за тое зменьшеньемъ тягарѣвъ кватирунковыхъ и тымъ похожихъ зналъ отплатитися.

Якъ видимо, дасться рѣчь тая судъ о характерѣ нашей панѣ Чепѣ-жихи — такъ и сякъ крутити; для того погадали мы перестати на одинокобѣ выгребленью рѣчи, а памятаючи на приказанье: „не судѣте, да не судимы будете!“ оставити дотычащій судъ остроумію самыхъ всечестныхъ и высокоумныхъ Г. Читателѣвъ.

Кромѣ помянутыхъ двоихъ покоевъ находилися въ нашей хатѣ еще два иншія малы, котры однакожь въ часъ нашей розказоватися мающей исторіи за-безъ различныи передъсудженья, котрыи злобный свѣтъ о згдливости нашей господинѣ и ветхости хаты обносили собѣ позволяя, порожными стояли.

Года выше реченного въ день св. великомученника Георгія переходился по первомъ изъ реченныхъ покоевъ двадцать и колька-лѣтний молодець, читающій въ отворенной книжцѣ. Лице его отверто-широкое знаменало вразъ съ синимъ, супокѣйнымъ, зъ-подъ темныхъ бровь сіяющимъ окомъ супокѣи и плохость, приклонность къ думанью и отвѣтную ей повольность въ дѣланью; словомъ чоловіка, котрого свѣтъ идеальный зове „злѣбнымъ индивидуумъ“, а свѣтъ практичный „фуярою“; котрого желяе собѣ жидъ продающій товаръ за купца, селянинъ за попа, шефъ бюро за пѣдручного; но котрого жаденъ дѣдичъ не прійме за экономичного чиновника; котрому — хороня Боже — быти предпринимателемъ индустрійного дѣла, або головою политичного уряда. Заодягнѣнье нашего хвата было троха залишенное, а волосье не устроеное по модѣ. На столѣ лежалъ паперъ, на котромъ читающій списовалъ прижѣчанія зъ читаного. Коло паперу курилася ароматичная пара отвару зъ кавы, зыркающого принадно зъ криштално лыщающая склянки, прикрытой солодкими сухарками. Бѣля склянки розтягнулися два замашистыи косатыи печеныи пироги, сусѣды закрывающихъ кокеговато въ собѣ различныи солодости слоевъ, зъ котрыхъ добывающаяся наркотичная воня, дрочася мило съ нюхательными органами, принуковала до испытанья цѣкавого содержанья ихъ. Дивно! уже раннійшая девята туй-туй доходила, а молодець гей-бы не видѣлъ ваблящихъ до себе лакѣтокъ.

Двери скрипнули легонько, а ними всунулися три школярѣ, поступенно межъ собою вѣкомъ различныи. Вбѣгли, покругилися хвильку, видно не знаючи, що дѣлати, и потому до книжки иидилися. Переходящійся по покою сталъ при входѣ ихъ червенѣти, непокоитися и переставалъ читати. Станулъ въ-конецъ передъ шафою, сягнулъ рукою — стримался — ще разъ сягнулъ и вынялъ скѣбряный футерадикъ; поглянулъ на него жадостнымъ окомъ, понѣсь до школярей и сказалъ голосомъ неспокойнымъ:

„На ти Багошинъ, возьми флетъ той, и занеси до червоного жидя, що заставы пріймае, най ти дасть за него пятку, котрую и вамъ виненъ; бо вынѣ ярмарокъ, то вамъ здасться.“

„Э, то ничо! якось то буде, есть тамъ на ярмарку иншіи, шо будутъ гдешо куповати,“ сказалъ старшій изъ Батошинѣвъ, съ лицомъ, зраджающимъ противное ѡтъ реченного.

„Но, но, я знаю, же то лише такое твое доброе сердце...“

„Нѣтъ! таки намъ ще не конче потреба, а и такъ надѣмся, же ще може нынѣ прійде помѣчь зъ дому.“

„Не бай! Вы были такъ добры, та коли мѡй многолѣтній флетъ трафился купити, дали менѣ несташую на него пятку. Отже и справедливо, шобъ я его теперь, коли Вамъ грошей потреба, заставилъ.“

„Але то Ваша единственная забавка!“

„Тажъ я не дитина до забавокъ; впрочемъ достану леда день за лекціи.“

„А Вы неразъ казали, шо Вамъ не жити безъ флета!“

„Ось не забавляй—но. Я пѡшолъ бы самъ, но менѣ то не въ—ладъ. Або вѣтъ: закличете его тутъ.“

„А може бы позычити...“

„Кланятися!...“

„Може ваша паня...“

„Но но! наша паня мае свои орудки, ще бы я малъ завертати имъ голову момми...“

Ту отворилися двери, а ними вошла паня господня дому Чепѣжиха: высока, жиласта, костиста; лице поздолжное, троха побабчене, котрое, зважачуи на дѣвичество властительки его, видѣлося, шо носить съ четыре жизненныхъ крестикѣвъ съ докладомъ; очи ярыи, а волосье дротообразное черное, сивыми пасмушками гденекуда посорокатое. Образъ такъ лица, якъ и всего тѣла и живыхъ его порушеній знаменалъ постоянность и енергію. Заодягненье прибылом панѣ не причинялося со—всѣмъ до пѡднесенья красотъ ея. Оно состояло изъ волняной кратястой хустки, прикрывающей великую часть волосья и лица; шось, буцѣмъ толубъ, зъ латъ розмантшого украшенья зложенное, а зовимое про тое ѡтъ легкодухѣвъ „всячиною“ або „кводлябетомъ“ суцльовало хочъ—нехочъ мѣсце сукіи верхной, а пѡдъ сомнительной бѣлости поньбохами кляпкали не дуже просто тримающіяся патынко—образныи черевки.

„А цы можете вы быти такъ недобрыи,“ стала паня Чепѣжиха: „та про тое, шо не люблю мою працю марно пускати, мати мене за нелюдску! Ось маете пятку, та ѡтдастьте, коли будете мати.“

„Дуже Вамъ вячый...“

„Но но! а Вы панове Батошины идѣтъ теперь и погуляйте собѣ на ярмарку.“

Батошины пѡшли урадованыи, а паня Чепѣжиха продолжала голосомъ свѣлѣйшимъ: „И чомужъ то не позволите собѣ, шо для васъ уготовленное? таже то днесъ твои именины.“

„Дякую! дякую красенько, уже и такъ много незаслуженою...“

„Якій же ты для мене добрый!“

„Я Вамъ все наилучшее желаю, я буду Вамъ все влячый...“

„Этъ ось не выгадовалъ бысь, що не треба! Ты все лише гадаешь, що Варвара не знае на честнѣмъ челоуѣку пѣзнатися. Та цышла бы я, хочъ бы и цѣлый склепъ черевикѣвъ выходила, такого супокѣйного, чемного, порядного комѣрика, якъ мѣй Юрій Михайловичъ! О, що розсточителямъ, когды бѣдною працею моею накидаются, то певно не дамъ, ни позычу шельюга. Такъ якъ тая совѣтничка; на похоронѣ еи мужа мѣла я и слезы потоками розливала. А дала она менѣ хочъ шматину на памятку зъ старосвѣтскимъ оставшихся гратѣвъ? Гдетамъ! волѣла все за вѣдѣль дармо жидамъ пускати, якъ бѣдну сироту чимъ пороговати. Пришлося теперь, треба грошей — тай далѣй, сунь до Варвары. Ага! або я ти така дур...“

Грымъ! ѳтворились и съ гукомъ заперлися ту ѳтсѣнныи двери за входящимъ молодцемъ. Былъ то хлопакъ высокаго возраста, костмистый, съ носомъ канючимъ, окомъ великимъ, ярымъ, волосьемъ, похожимъ на овое панѣ Чепѣжихи зъ онога часу, коли оно ще переставало на одной однакой красцѣ. Олежа была модна, шуцеровато залишенная.

По потрясенью, возникшѣмъ изъ напраснаго спаденья дверей, оцѣпенѣла на хвильку паня Чепѣжиха. Последное слово заумерло въ самѣмъ розцвѣтѣ бѣку своего на устахъ еи; но за тое надолужила собѣ наша дама, заверещавши тыми словами:

„А цы Богъ покаралъ якимись волокитами зо свѣта, що навыкли выгрѣсковати дверьми по кавярняхъ, та не знають, якъ вступити до поряднаго дому! А руки бы нѣ...“

„Всечестнѣйшая паня!“ перекричавъ ю ирйшовшій гѣстъ: „не псовайте собѣ прошу дружескимъ тымъ витаньемъ Вашу грудь лебдеву! Знаете, же красота, именно дѣвочия вяне сердженьемъ, мовъ той квѣточокъ за повѣненьемъ горячого юга. Але що вижу! яка для мене сюрприза! бѣгме! шемъ нѣмъ мого келишка не закусилъ! За изволеньемъ...“

Тай, закѣмъ здужала паня Чепѣжиха помѣрковатися, о що ту ходить, сидѣль уже одинъ пирѣжокъ въ кишени нового гѣста, и выставилъ лишь одинъ рѣгъ любопытно изъ неи, щобъ увидѣти, якъ товаришъ его трескотѣль и вертѣлся межъ голодными зубами плѣнителя. Другий мигъ ока, — тай пустился за другимъ пирогомъ, мовъ то въ погоню, спорый лыкъ кавы. Паня Чепѣжиха станула хвилькою оцѣпенѣла.

„А то що за бѣда зѣслала на мене зѣдню зо всего свѣта! та не положишь того!..“

„Ось знаешь що, Бучко,“ озвался Юрій до гѣста съ зле придушеннымъ гнѣвомъ: „я просилъ ты не разъ, щобысь пересталъ платати на мѣй счотъ.“

„Га, га, га!“ сміявся піючій и утѣкаючій передъ гонящою за нимъ та кляпающею черевичками панею Чепѣжихою Бучко, — „виджу, то для Юра сѣданье. За здоровье панѣ Чепѣжихи!“ — Прихилилъ, потягнулъ, замяскалъ, отворилъ губу, заакалъ, тай въ склянцѣ кавы ни капль не найдешь.

„Пожди мисколизе!“ добѣдала п. Чепѣжиха „наберешь ты ще въ свой часъ ложкою по челѣ; прійде колись коза до воза: але хочь бы ты видѣла на..“

„Але моя честная паня! не приводитъ Вашего вѣрнѣйшого обожателя до роспуки! помилуйте! молю, прошу, заклинаю!“

„Идешь негодный!“

„Черезъ Ваше кручое волосье!“

„Лядащо!“

„Черезъ Вашу дорогоценную униформу!“

„Идешь! пекъ ти осина!“

„Черезъ Ваши музыкальные черевички!“

„А ты шваный бѣсе! вонъ зъ очей!“ завершала паня Чепѣжиха, а Бучко сталъ коло неи танцьовати, вымаховати поднесеннымъ пирогомъ, та выбреньковати:

„Черезъ Твой бѣлы лицѣ

Не ма сѣна на копицѣ;

Гей нуте косари,

Що нерано зачали;

Хочь нерано зачали,

А богато нажали.“

„А ты волокито свѣтовый! а идешь до чор . . .“

Грымъ! ударилъ грѣмъ вторый, и скрушилъ каркъ другому зачатоу слову на устахъ панѣ Чепѣжихи. Теперѣшній Юпитеръ тонась былъ то маленькій, худый чоловікъ съ торбою листѣвъ на бакерѣ. Войшоу и поклонилъ съ флегмоу.

Паня Чепѣжиха не знала, що ся дѣе; — по хвилѣ засвирѣпѣла она вертѣющимъ въ ухахъ дискантомъ „А то шо? цы страшный судъ нытъ на мене! — гвалту! арабы, розбѣйники опановали мою працю! А рушаешь ты собѣ, зъ ѳтки ты принесло?“ — тай надъ головою незнающого ничо листоноша заблестало помело въ рукахъ розсерженной панѣ Чепѣжихи.

Чоловѣчокъ зогнулся, скрутился, скривился, руками защитилъ, тай крикнулъ филиутерно: „Гей имосцуню! на Вамъ письмо съ грѣшми! лише дайте менѣ спокѣй!“

На чародѣтельную клятбу стримала паня Чепѣжиха поднесенное оружье, тай встѣбила нѣсь до торбы листоноша, котрый, пошепортавши троха межъ листами, вынялъ одинъ изъ нихъ, и почастовалъ нимъ нашу всечестную по поважнѣмъ еи органѣ нюху; а закѣмъ таяже стигла посбирити въ купку всѣ свои пять змысловѣ, гримнулъ новый гѣсть разъ ще дверьми, и драпнулъ, а за нимъ

помело, изъ хаты. Паня Чепѣжиха погнала за ворогомъ, а тримающійся за боки изъ смѣху Бучко поднёсъ письмо, на котораго конвертъ стояло:
„Липско. До рукъ ч. Георгія Михайловича, слушателя правъ 4. года, во Львовѣ.“

Молодцѣ распечатали письмо и вычитали въ нёмъ слѣдующее:

„Любимый друже!

Що-ино прїѣхалъ я до Липска. Важнѣйшія прилученія и достопамятности зъ мои дороги опишу Ти коли нѣде. Теперь доношу Ти лишь тое, же зъ книжокъ, котры выгядати Ты менѣ поручилъ, найшолъ я у одного антикваря: Карамзина, Котляревского, Гетого, Пушкина, Шлоссера и Мицкевича, що все за 30 таларѣвъ я згодилъ, — сумму, якъ бачишь, дуже низкую. Отже, если хочешь помянутыя сочиненія мати, то присылай, що стигнешь, реченную сумму, бо я наибѣльше три недѣли въ Липску бавити гадаю. Твоѣи И. Павловичъ. — Адресса моя есть:

До И. П. въ Липску, площадь св. Петра., ч. 120.“ —

„Здоровъ былъ Павловичъ! — але що ту дѣлати?“ — зажурился Георгій.

„Куса рада; — мой кредитъ есть уже давно гласомъ вопіющаго въ пустыни“ — сказалъ Бучко.

„Булабъ хйба безуинною, терпѣти долше такой грѣхъ та соромъ“ продолжала своѣи монологъ вертающая паня Чепѣжиха; „мою працю давати такъ руйновати! Ого, не потребую я такихъ комѣриковъ — ха, ха, ха! алежь му доѣхала! шкода лише помела! Ага — а где гроши? гроши?“

„Ось прошу: то письмо до Юрѣя, а грошей въ немъ нѣтъ; листоношь лише франтовалъ.“

„Покажѣтъ! где? дивѣтъ, якій то теперъ свѣтъ обманчивый!“

„Але правда!“ поправился Бучко, — „все добре! — паня Чепѣжиха! поможѣтъ! помидуйте!“

„Що? тобѣ помочи? за твои пакости? за тое, що працею моею накидаешся? о! казала бышь собѣ...“

„Нѣтъ, нѣтъ; то Юр...“

„Що тобѣ“ перебѣтъ его Юрїй; „моя паня, онъ дурить. Що до тебе приступило?“

„Але прошу послухати: Ему потреба, якъ стѣи, 30 таларѣвъ.“

„Але прошу Васъ! не слушайте! — ошадѣлъ чоловікъ!“

„Тридцать таларѣвъ ему потреба, бо пропалъ якъ руда мышъ,“ обставалъ при своѣи упертый Бучко.

„То, то! я маю власнѣ 30 таларѣвъ выкинути, а ще для кого? цы то менѣ братъ, цы сватъ?“ отозвалася п. Чепѣжиха, спустивши гроха зъ сердитости.

„Плете, моя паня“ — перебивалъ Юрїй — „баламутить; то лише его выдумка, що менѣ такъ дуже потреба. Менѣ лише пишуть, що въ Липску суть танїи книжки.“

„А дуже тавім?“

„То дурниця; книжокъ всюда полно.“

„Но може не такъ тавім;“ сказала п. Чепѣжиха, спускаючи все зъ грозного тону, зъ чого взявъ Бучко по-подо́л боки братись.

„То ничо — ѓтповѣль забираючийся виходити Юрій -- „може где подыбаютьхъ 30 талярѳвъ; а сли нѣтъ, то и обѣдесе.“

„Ага! обѣдесе,“ втронулся знову Бучко: „ой борше подо́де послѣднее гратѣкъ къ Евреямъ.“

„Тобѣ за сѣ до того; прошу!..“ розсердился Юрій, и не мѳгъ ѓтъ гнѣву скѳнचितи.

„Та если бы Вамъ такъ доконьче потреба...?“ ступала п. Чепѣжиха на зачатой дорозѣ.

„Ой дуже доконьче,“ встѣбилъ непокаяный Бучко.

„Бучко!“ сказалъ Юрій и брался утѣвати.

„То я бы може поглядала.“

„Борони Боже! я уже не смѣлъ бы... я що-ино такъ у Васъ задолжился.“

„То ничо; Вы ми ѓтдасте. Може ше где найду.“

„Але гдежь бы я смѣлъ!...“

„Заразь, заразь!“

„Але нѣтъ, то за много!“

„Идѣтъ, Идѣтъ! поглядяйте, поратуйте чоловѣка въ потребѣ, якъ то на христьянина пристаго“ — натискалъ затвердѣлый Бучко; а коли уже п. Чепѣжиха пошла до кѣтки, доправилъ: „Чому лыка не дерти, коли даесе?“

„Говори! а я ше за-безъ тебе доведуся до клопоту. Знаешь, же она не любить быти щедрою?“ сказалъ Юрій чистымъ франпузкимъ словомъ.

„Я бы ти пыталъ на старую скупницу, що гроши бесполезно въ земли вязнить!“ зуховалъ Бучко по руски.

„А я тобѣ кажу, же ты еще съ нею до лиха дѳйдешъ. Говоришь по при ней, що ти лишъ приѣде на языгъ, а такъ знае она майже всѣ твои тайны.“

„Е, дѣти тобѣ полохати, а не мене.“

Ту вернула паня Чепѣжиха, и принесла паперы, котрыи Юрію съ великою точностію на долонь вычислила.

„Но може еще не заразь буду въ состоянню...“

„То ничо — Вы менѣ не утечете.“

„Буду Вамъ на вѣки влячный.“

„Га, га! бачите, таки Варвара знае кому добромъ прислужитися. А колижь пошлете гроши на почту?“

„Ось таки сей-часъ.“

„То напишѣтъ письмо, а я сама занесу е на почту; маю тамъ и такъ орудку.“

„А гдежь бы я смѣлъ...?“

„Point de pruderie!“ натисъ Бучко — „бо паня Чепѣжиха боятса, шобѣ ты въ товариществѣ такого блудного сына, якъ я, грошей не перегулялъ. Пиши, а потому, шдемъ на ярмарокъ, придивитися оригиналамъ зъ села.“

II. НА ЮРА.

Наши пошла до мѣста. При погодливомъ небѣ зѣшлося въ-около святоюрской церкви безчисленное множество праздничанъ и ярмарковыхъ. Всю площадь святоюрскую заняли долги рады продающихъ, а по межъ ними толпами проходились купующи и цѣквы. Ту говкалъ лопкающій батогомъ фрманъ, шобы ся усгупати, тамъ розбивалъ руки купующого череватый рѣзникъ; ту вигалися на весь голосъ, мовъ бы ътъ себе стаями ътдаленны были, давно не бачившиися кумы, а хлопчиско одного ревалъ и дерся за сопѣлкою; тамъ кидала и сварилася на бій-забій пискотливая перекупка съ селюшкою такожъ неслабыхъ грудей, а стражникъ полиційный пробовалъ безуспѣшно мирной интервенціи. Погадавши собѣ до того многообразными голосы сопѣлокъ, скрипокъ, таракхавокъ и иншихъ забавокъ, на котрыхъ дѣти первѣстного своего восторга вызбувалися, бренькѣтъ кѣсъ, чересель, рѣзакѣвъ, голоса розличной товарины, гомонъ звонѣвъ, запрашающихъ на Божую хвалу, меланхоличныи въ моль народныи пѣсни численныхъ дѣдовъ; погадавши собѣ тое, маемъ якій-такій образецъ того стиску, гомону, крику, той дивной многообразной розстроенной гармоніи, похожей дальшому зрѣтелю на жужжанье пчѣлъ торопающихся въ улюю.

Наши путеходцѣ сближилися ко средоточію праздничного житя: къ церкви. Дѣды указующии образомъ по возможности перспективнымъ розличными родаи своего калѣцтва, стримали ихъ якій часъ. Наши прислуховалися сумнымъ ихъ пѣснямъ о нападѣ Татарскѣмъ на Почаевъ, о богачу и Лазарѣ, о судьбѣ души по смерти и о страшныхъ мукахъ адовыхъ. Селяне ставали передъ калѣками, а поручивши лицемъ, указующимъ самую категоричнѣйшую вѣру, покойного якого родича ихъ молитвѣ, вытягали зъ кобель домашнии стравы, абы дѣлитись тымъ съ дѣдами. Нашъ Юрій розлюбовался въ меланхолийномъ томъ гомонѣ и сталъ отвѣтно своей приклонности до рефлексій розличными примѣчанія дѣлати: „Що за розличновидный а предцѣ гармонійный образъ нашой жизни! Кѣлько ту розличныхъ гадокъ крыеса въ такъ великомъ числѣ существъ чоловѣческихъ, такихъ якъ мы! Що за единственный видъ обнимающій такъ много: ту гаморъ и шамотаньеса безчисленныхъ людей за потребами и збытками жизненными, ту велѣпный видъ спокойно распостирающогося мѣста и прекрасной окрестной природы, а надъ всѣмъ туй передъ нами величавый дѣмъ Божій, гомонящій святыми пѣснями, соединяющій насъ земными существа съ небомъ!“

Наши вошли до церкви. Народа было такъ полно, же годъ допхатися на передъ. Сповѣдальницѣ обсажены были кающимися, передъ престолами правилися службы Божіи и акаѳисты, а народъ глотился на колѣнахъ въ-около освященныхъ мѣсць, цѣлуячи святыи стопы ихъ; въ-округъ возносилися молитвы, благословенія и созвучное пѣніе.

Коли Юрій, яко въ день свого Святого, тихою но теплѣйшою возгорѣлъ молитвою, блудило Бучковое око по всей церкви помежъ краснымъ поломъ, понеже властитель оного любилъ, якъ казалъ, всюду въ отношенью эстетичномъ хѳсновати. Георгій, молячись, задумался и поглядалъ въ одно мѣсце.

Наразъ стали очи его ясноты набирати и дивными якісь гадки взяли образоватися на нихъ. Не ѳтвертаючися, потягнулъ ѳнъ Бучка за одежду и шепнулъ:

„Цы видишь ты оного ангела?“

„Котрого ангела? — того богомаза?“

„Але не образъ. Дивися! въ другой лавцѣ — живой ангелъ — Боже!“

„Що? тая селюшка,“ шепнулъ, поглянувши скрѳозъ скла Бучко — „що такъ на всѣ боки обзираеся? — ничо.“

„Чоловѣче! що тобѣ? третья ѳтъ краю — ангелъ!“

„Ага — що такъ выбалушила очи въ синій воздухъ, — но но — якъ кому.“

„Ты нынька все менѣ перечишь. Та цы бачилъ ты коли такъ чудесными оченяточка! — якъ вѣрою оживлены къ небу поглядають, ѳтъ котрого суть чистѣйшии! — Якась сумненька! — не треба жалѳбнои сукнѣ, щобъ пѳзнати, же милую серцю душеньку недавно пострадала. Бѣдна сирота! Господь не може ѳтмовити молитвѣ, котрая изъ такъ чистыхъ невинныхъ усточокъ выходить.“

„Правду сказавши, вѳйде, хотя може трохи худерлява.“

„Охъ! оденъ поглядъ миленькихъ тѣхъ оченятокъ стане за всѣ молитвы. . . . Бучко! прошу. . . помилуй! . . . видишь? . . .“ — Его ангелочокъ обернулся до него, здумѣлся, увидѣвши воспаленный его поглядъ и дивился хвильку; „чудесными оченятами“ а затуманѣлый счастьемъ тымъ Юрій прозрѣлся въ нихъ, мовъ въ образъ райскѳмъ.

Зайшовши счастливо ажъ до того мѣстца, находимося въ дуже неприязной конечности, перепросити нашихъ всечестныхъ и высокоумныхъ Г. Читателей, же помимо всеи усердѣйшой охоты слѣдующи гадки нашего Юрія Михайловича жадною мѣрою не могли мы дословно списати. Они бо квапилися по собѣ съ такою запеченною скоростію, що при всемъ торопаньюся въ конецъ таки ажъ руки намъ подеревѣли, та не можъ было заснеграфовати, якъ лишь гденекотрыи поперерываныи ѳгломки, котрыми можемъ служити кождому зъ любопытныхъ Г. Читателей, котрый насъ о тое пѳдъ адресоу: „До ч. Гриця Саламахи, писателя наукъ въ Цаповѣ, poste restante Невидѳвъ — франко“ опѳинеса. Но, чтобы може кто зъ всеч.

Г. Читателей въ надѣи, же зъ реченныхъ ѳтолжкѳвъ чога дуже мудрого до-
вѣдаеся якъ го по якихъ-такыхъ дотеперѣшнихъ бесѣдахъ Юрія справе-
дливо надѣяться бы можно — горько не обманулся; за потребное мы почи-
тали, на-передъ явно сказати, що оныи неточныи нотатки наши суть того
рода, же они на первый видъ не дуже красноє свѣтло на здоровое состо-
яніе умственное нашего хвата кидати могли бы. Все змѣшаное мовь солома;
самыи знаки восклицанья и пытанья — а не знати за кого? и до чога? И тое
то всё было причиною, шо мы оныхъ нотатокъ ту не положили; а то такожь
ще для того, щобъ — хорони Боже! — не прійти въ тую, по мнѣнію нашѳмъ
ужаснѣйшую опаснѳсть, дати комусь хочъ бы слабую отуху до приписанья
оныхъ дивачныхъ выраженій намъ самымъ, Григорію Саламасъ, та до сомнѣ-
ваньяся о нѣкой кляпцѣ въ головѣ нашей питомой, о которой сущности, сла-
вити Господа, не хвалячися, ще якъ Цапѳвъ Цаповомъ, ани въ великѳмъ, ани
на малѳмъ селѣ вопроса не было.

Якъ уже казалось, смотрѣлъ Юрій на своего сице-рекомого „ангела“,
а по нашему на досыть красную, шестнадцять-лѣтнюю, въ печальную сукню
зюдагненну дѣвчину, та дивилъ и жоркотѣлъ пѳдъ носомъ, ажъ зъ окрестного
христіянського міру не одинъ соблазнился. Бучкови легкодуху вѣврилося
въ конци стояти, або лучше сказавши, штурханями ту то тамъ попыханымъ
быти, то и каже до Юрія, щобъ пѳшли. Той хотѣлъ его кѳлька разѳвъ часто
густо онымъ при откладанью чога практикованымъ „въ сей часъ“ подурити. Но
коли Бучко помѣрковалъ, же уже не одно такое „въ сей часъ“ минуло, а Юрій
байдуже бере рушанися зъ мѣстця; то поставилъ ѳнъ ему послѣднее ульти-
матумъ, та каже: „Або ходи, або иду самъ, а то до клубу, котрый гдесъ
уже собрался.“ — Ту принужденный я знову, всеч. Г. Читателямъ пригадати,
же лише тѣи самѣсенкѣи слова тутка наводжу, которыи выйшли изъ пито-
мыхъ устъ дѣлающихъ лицъ. Тому то прошу мене не виновати, если Вамъ
скажу, же оный, доси згѳдливый и супокѳйный хлопчиско, котрый — шо
правда, то правда — на похожіи запрѣсины своего друга уже кѳлька разѳвъ,
правда перечительно, но все мирно и людяно ѳтповѣдалъ, же кажу той самыи
миролюбный и звычайный Юрій Михайловичъ фукнулъ теперь на Бучка, и
сказалъ: „Часъ бы ты уже разъ постатковати, та перестати волочитися по
дѣрахъ за якимись небылицами. Ты гадаешь, же тое ся такъ якъ-нибудь вѳйде,
же уже профессоры не знаютъ. . . .”

„Добре! стѳй. досыть перорѳвъ; теперь хочешь еще гденешо о простой
дорозѣ и стежкахъ говорити. Бувай здоровъ!“

И пѳшолъ. Юрій смотрѣлъ еще долго на своего ангела, та числялъ точно
каждый разъ, коли той до него обернулъ и заглянути ему въ очко позво-
лилъ. Наконецъ вынѣсся ангелъ изъ церкви. Нашъ Юрій пустился за нимъ.
Зъ разу загубилъ его межъ глотою; но потому нашолъ знову, а то въ то-
варшествовѣ якомсь пѳдбылом панѣ, котрую въ сей часъ матерію ангеликѣ

наименовалъ, и маленького дѣвчатка, такъ якъ ангелокъ въ печальную одежду заодягненныхъ. Нашъ хватъ волочился за ними всюду, куда лишь обернулись; ставалъ изъ далека, коли що куповали, и брался уже просити, щобъ позволили ему нести гденекотрыи накупленыи куснички, що однакожь въ дѣло не привелъ, понеже на его несчастье не стало му на тѣлько цивильной ѳтваги. Налязавшыися наконецъ за своею ангелскою родиною до волъ, ѳтпровадилъ ихъ нашъ хватъ заболоченый, обкуреныи, обштурканыи на всѣ боки до дому ихъ, положенного на Городецкѣмъ межъ красными садами.

Ту была бы способная пора, почаствовати моихъ всеч. Г. Читателей чувствительною проповѣдію о вредливости рѣчей на око красныхъ, и о грѣхахъ, до котрыхъ довести може заслѣпленье -- нашего Юрія въ самой рѣчи очи хорошо стали болѣти — въ тварехъ Божихъ, сиче до безбожности, неуваги на слово Божое, до соблазна, презиранья дружескихъ союзѳвъ и иныхъ пороковъ, котрыи смиренный Вашъ слуга не залишилъ бы якъ найточнѣйше вытерebити, если бы му не былъ небѣщикъ Кодешъ — ный му того Богъ не тямитъ! — перелъ кѳлькома десятками лѣтъ не заѳхалъ дорогу якимись вопросами, якихъ ще жадень Цаповянинъ, якъ Цацѳвъ Цаповомъ, зъ роду не зачулъ, а котрыи менѣ не дозволили, выкормоватися на достоинство проповѣдника, та котрыи помимо самыхъ счастливейшихъ здѳбностей до чина сего и особливой симпатіи до книшѳвъ принудили мене, природженное менѣ быстроуміе на влоканье школярямъ азбуки, та искусное черепусканье полугубкою пѣсни „Иже херувимы“ марновати. Такимъ образомъ не поможе менѣ ничо, якъ покликатися на мудрое изреченье, котре я колись чулъ въ школахъ: „Квиске suo contensus esto,“ або по нашому: „Колись не пироѳъ, то не пирожися!“ и не вдаватися въ экскурзіи на поле проповѣдничое, до котрого нѣтъ ми законного ключа.

III. У СЕБЕ.

Вернувши уже добре зъ полудня до себе, не засталъ Юрій ни Батошнѳвъ, ни слугъ. Паня Чепѣжиха, кутающаяся коло кухни въ сѣняхъ, привитала го добре му извѣстнымъ дискантомъ: „А гдѣжь Вы, мой Юрій, такъ долго перебували? Та я бѣдна облетѣла кѳлька разы мѣсто, накупила, наварила и напекла, та наблaся дыму и огню, все для мого Юрья; а его якъ не ма, такъ не ма. Та нужъ но, прошу, на що есть.“ Тай въ мигъ ока возникли на столѣ, мовъ губы по долажи, розличныи стравы: то нѣмецкіи струдельки, то якінсь личіи печенѣ, то продукты пукорничіи, то розличныи смаженныи солодости и вкусныи обарѣночки, а въ серединѣ сіяла кришталъная фляшка жемчуго-окрытого вина; все красное, вкусное, видомъ и парю змыслы одуривающее. Георгій, знающій добре „господарность“ — зовимую ту то

тамъ крайнѣмъ скупствомъ — панѣ Чепѣжихи, здумѣлся, видячи тѣмъ нечужанымъ дива.

„Але моя всечестная паня! знаете, же я не люблю перебирати. Гдесъ ту мабутъ принесли обѣдокъ для мене зъ моеи трахтирнѣ.“

„А що той выдирдушнякъ людяного зробить! Гроши зъ християнина вытуманити, тое знае добре; але що гѣдного добрати, байдуже. А чому жъ не мало бы такое панятко хочъ разъ коли що гѣдного вкусити. Прошу—но, прошу!“

„Еще разъ благодарю красенько за Вашу благосклонность ко мнѣ; а теперь поѣду до моеи господы, може еще що найду.“

„Анѣ крыхти не найдешъ, мѣи соколонуку милый; я имѣ казала, що Вы не будете нинѣ у нихъ на обѣдѣ; то и шкода ходу. Прошу, возмѣтъ—но що до устѣ; оно бѣднѣтко може ще ничо и не кушало.“

„Но, то коли они такіи о мене недбающи, то поѣду до Петровича. Его днесъ такожъ именины, на котры на вечерѣ и я прошеный.“

„Ай, ай! якъ же Вы мене до живого грызете! мое розшибанься, мѣи — не вымавляючи — коштъ, а днесъ именины моего лучшего комѣрника! Цы не позволишь менѣ, хочъ разъ въ рѣкъ тебе погостити?“

„Алежъ моя паня, гдѣжъ я достоинъ...“

„Такъ, такъ! такій то ты добрый за мое доброе сердце! а я тобѣ ничего не жалу, я тобѣ бы неба прихилила; охъ!“ Ту зѣбрався нашой пани на плачки. „А ты менѣ найменьшой прѣятности не зробишь! Ой не ма добра на свѣтѣ! Я гадала, же надыбаю межи тыми нечестными зъ того свѣта хочъ на одного людяного чоловѣка! но ничо! ний буде! натерѣлася я уже не мало, треба и тую горенькую чашу выпити.“

„Моя честна паня! не гнѣвайтесь на мене, если може чимъ не хотячи Васъ оскорбилъ. Я знаю Ваше для мене ласкавое сердце; но гдѣжъ заслужилъ я собѣ на такъ великое отличіе?“

„Господи святыи! то ты все гадаешь, що я, если не шастаю грѣшми, або не позычаю такимъ легкодухамъ, якъ Бучко, що цѣлый Божій день гуляють, гроши марнують, та моею бѣдною працею накладываются, що я уже скупа. Нѣтъ, мѣи орле; если я познаю чоловѣка съ характеромъ, то признаю му тымъ лучше, чого бнѣ годенъ. Прошу ты, соколе мѣи, изволь того, що я для тебе зробила.“

„Але моя...“

„Если ми що доброго желаешь. — Та я ся такъ запекла въ огни.“

„Але прошу Васъ...“

„Если чувствуешь хочъ одробину вѣдчности за мою выгоду съ грѣшми.“

„Аде, коли я не маю надѣи, быти коли въ состоянїю, ѳплатитися Вамъ за Ваше добро.“

„Ай! якъ ты для мене самыи пакѣстными слова маешь! Кто же говорить о заплатѣ! Бѣдъ—но рыбонько, вѣдъ!“

„Але моя паня...“

„Але прошу...“

Юрій радъ—нерадъ засѣлъ до стола. Паня Чепѣжиха доносила, просила, захваляла, частовала такъ, що Юрій не мѳгъ и хвильку шо свобѣдно погадати, ни то зрѳбѣти.

„Напій же ся серденько того винця! О то дуже старое вино! Ше мѳй дѣдъ небѳщикъ“ — Юрьѳ прійшли на гадку часы Татарскихъ нападѳвъ — „закопалъ го былъ въ пивницѣ. А но, еще скляночку! дай намъ Боже обоимъ гараздъ и многая лѣта! такъ ось бачишь голубку мѳй — та я тобѣ такъ добре желаю!“

Юрій станулъ ѳтъ стола. „Бгагодарю, всечестная паня за Вашу гостину, а не такъ ше за гостину, яка она и была богата, но ше бѳльше за честь, котрую Вы менѣ, не заслужившому на тое, здѣлали.“ Тое сказавши, поцѣловалъ ѳнъ паню Чепѣжиху церемоніально въ руку.

„Нѣтъ, нѣтъ! такъ якъ сынъ рѳдную маму, ту, ту поцѣлуй!“ Сказавши тое, показала наша паня на побабчене лице свое.

„А гдежь бы я смѣлъ!“

„Я тобѣ позволяю; будь менѣ за сына.“

„Но я самъ не могу собѣ того позволить.“

„Така то теперъ вдяка на свѣтѣ. Такъ то ты мною цураешся!“

„Борони Боже! прѳтивно, всегда вячність для Васъ чувствовати буду.“ Тое сказавши, поцѣловалъ нашъ Юрій честную паню другій разъ въ руку.

„Таки ты мною цураешся. Правда; старыи кости! Гей, гей, не дѣло теперъ на свѣтѣ мае свою цѣну, але молодѳсть, пустота, грѣхъ...“

„Але вѣрте менѣ...“

„И якже не гадати, же въ крайнѣйшой мѣрѣ гадится ѳтъ мене, котра често матернѣ, прѳязныи чувства для тебе питаю!“

Юрій зажмурилъ очи, и цѣловалъ паню Чепѣжиху въ горячую зѣву, таѣ ѳтвернулъ зснѣлыми уста, мѳвъ скушали бы оцѳу.

„О голубоньку мѳй! мое ты діамантовое незнати—шо! Дякую! дякую ти за твое добро! же ты одинъ не ѳтвертаешся ѳтъ бѣдном, опущенои сироты. Рученьки мом золотыи, шо лише все пишуть...“

Закѣмъ Юрій стигъ змѣрковатися, цмокнула го наша паня въ одну и другу руку и — шустъ. — Може кто зъ всеч. Г. Читателей схоце о правѣ сего сомнѣватися; но дармо: волю незаслуженно съ злою по за Цапѳвъ славою до грѳбу сходити, якъ ѳтъ чистѣсенькои якъ слеза правды хочъ на волосъ ѳтскочити! — тай, якъ ше разъ кажѳ „шустъ“ сховзнулася до нѳгъ, и „цмокъ“ его въ одинъ и другій обкурений чобѳтъ.

Юрій скаментѣлъ — не зная, шо дѣлати, и где ся дѣти. А, если ему смотрящому на своего ангелика въ церкви гадки не мало поплѣнталися, то знову теперъ порѳбилося въ головѣ его такое хаосъ, яке мабутъ было пе-

редъ согвореньемъ свѣта; такъ все, и сграхъ, и слыаъ, и загадка про ангелика, и даренное думанье надъ средствами добутися зъ тои исторіи, и Богъ вѣдае, якимъ ще гадки, мовь бы ихъ блуаъ чѣпился, въ розгрѣтой виномъ головѣ его помоталися, що славный гудзъ Гордійскій былъ на-супротивъ того дурачествомъ для школяря, що лишь по верху азбуки понюхалъ.

„Во имя Отца и Сына . . . паян, отягнется!“

„Мое неоплатимое серденько! — ничо, мой ты дурню любимый; ничо, дякую тобѣ за твое доброе сердце для мене бѣдном, опущеной сироты. Ничо, ничо! Телерь може перейдешся троїтѣчна. Иди сыну мой діаментовый, привисия Божему свѣту, не читай такъ много, та и розвеселися часомъ, бо змарнѣешь. Такъ! — адіе! до хобачиска!“

Юрій одурѣлъ; не зналъ, где стоитъ, и шо зъ нимъ дѣся. Вылетѣлъ на двѣрь, мовь бы нимъ чихнулъ изъ цѣвки; бѣгъ, гей бы о закладъ, а допавши улицѣ, сталъ смѣяться въ голосъ, то руками выплесковати, то ногами выбрыковати, и якимъ невиданнымъ гопки вытинати, такъ, шо якійсь дѣль, идучій случайно тамтуда изъ ярмарку, ерекрестился, та гадалъ, шо до христіанскои дитины шо приступило. Но поволи сталъ нашъ хватъ и сумнѣти, та въ голову заходити, шо то зъ того буде. Помимовѣльно занесли его ноги на улицю, при котрой обиталъ его ангелокъ. Заглянулъ тамъ скрѣзь плѣтъ заглядае — не видко ангелика; — скочилъ потому ѳтъ плѣта, гей бы му кто скрѣзь ѳчи заѣхалъ, и вернулся назадъ, науди, где го ноги занесутъ. Дальше-дальше изникъ мусвѣтъ реальный въ умѣ, котрымъ заблудилъ гдесъ гень въ сѣеры мелодій. Якимъ новын пѣсни стали му по головѣ звенѣти, — стануль — гдесъ на верху дѣсистои горы, и втопилъ видъ свой въ западающее солнце. Вытягнулъ потому кавальчикъ паперу, и сталъ списовати мелодійныи нуты. Писалъ, затопленъ въ гармонійномъ морѣ, и слезами дитины залллся. Писалъ долго, а волны мелодій тиснудися потокомъ, шо мимо нѣгъ его журчалъ, до сердца, чувствами взволнованного. Писалъ — ажъ голосное „Шо ти такое?“ и легкій ударъ по плечахъ обудилъ его. Бучко стануль передъ нимъ. — „Охъ друже“ сказалъ Юрій, и сталъ его цѣловати, мовь бы его Богъ знае ѳтъ коли не видѣлъ, „друже, якій же я несчастливый!“

Водилися оба долго по горѣ. Бучко выдобуль зъ ѳткись, же ангелокъ Юрія звался Оленою Путницкою, былъ сиротою по досытъ богатѣмъ, а передъ полъ рокомъ помершѣмъ посѣдатею землѣ. Вдова Путницка мати ангелика — оставшая съ двома доньками, купила собѣ, продавши великое господарство, дѣмъ и поле на извѣстномъ намъ мѣстци, и ту полъ окомъ опѣкуна, якогось вышого чиновника, вела сумное вдовичое жытье. Юрій былъ Бучкови дуже вячный за тое донесенье, но самъ о своей авантурѣ съ панею Чепѣжихою ничо не споминалъ а на всякіи вопросы Бучка за причину его задумчивости ѳтповѣдалъ стереотиповое: „Охъ, я дуже несчастливый.“

IV. СЛОГЪ ЮРЬЯ И ПАНЪ ЧЕПЪЖИХИ.

Слѣдующою недѣлѣ стануль Юрій въ церкви на мѣстци, зъ которога гадаль найлучше видѣти ангелика своего; бо ѡнъ --- зъ ѡтки? тое не знати — бытъ уже на-безпечно увѣренный, що ангелокъ его сяде на томъ самѡмъ мѣстци, шо и на праздникъ. И въ исѣ ждалъ ѡнъ не дармо. За полъ годины може по своемъ прибытью до церкви узрѣлъ ѡнъ напередъ малую сестричку, потому Оленю, а за ними поважную маму. Съли всѣ въ назначенной имъ гадкою Юрья лавцѣ. Олена поглянула на мѣстце, где передъ кѡлькама днями видѣла Юрья, тай оченька ей замутились сумотою не узрѣвши тамъ того, кого видно ждали; но за хвильку подыбали они око Юрья, а послѣднѣму видѣлось, шо бачигъ явную радѡсть зъ того на краснѡмъ личеньку Оленѣ, краснѡмъ, ще краснѡмъ, якъ коли его послѣдній разъ бачилъ. Коли поглянула темненькими очками ко небу, видѣлося Юрью, шо небо му отворилось; коли срѣтилася ними съ его сумно — тужливими зѣнницами, затрепеталъ ѡнъ изъ радости и удивленья, мовъ листокъ ѡгъ вѣтру; коли зѡтхнула сердечно ко небу. говѣлъ Юрій къ Богу, соединенъ съ нею молитвою, мовъ два согласныи голоса въ красную гармонию.

Ще кѡлька недѣлѣ минуло му такихъ счастливыхъ. Юрій жилъ дома лишь думаньемъ; пѣсни плыли му потокомъ новыи, а всѣ огнемъ дишащѣи, задумчиво-говѣйныи, красныи, же все мѣсто, пѡзнавшое ихъ черезъ Бучка, пестилося ними, а незабавкомъ они до устьъ уличныхъ хлопаковъ досталися. Юрій упирался доконьче, уложити до нихъ якѣи придали стихи, но все, коли щось похожего зачалъ, не ставало му слѡвъ до высказанья чувствъ, котры нимъ волновали, а котры одна божественная музыка ще за-тепла зъ сердца похопити гѡдня. Наконецъ, а то уже въ часъ зстуженного восторга, водлиный чувствомъ елегійного думанья и сумного распаятованья злѣпиль ѡнъ слѣдующии стихи, до котрыхъ не мѡгъ ѡнъ однакожъ зъ уложеныхъ уже высокопарныхъ мелодій жадной добрати, та со всѣмъ новую уложити былъ принужденный. Кладешъ ту тѣи стихи, бо они хотя дуже штельгутающѣи и базаровныи, выдатся намъ быги живымъ образомъ души его задумчивои, по просту сказавши нударскои, тронутои по разъ первый стрѣлою крилатого божка.

Якимъ то дивомъ се мирненьке око
 Менѣ зранило сердце такъ глубоко?
 Иду до церкви; вмѣсто ся молити,
 Миленьке очко радъ я зострѣтити;
 Где стану лишь, всюда до милой хаты
 Вертають очи, рады ю витати;
 Колись я въ флетѣ малъ веселы нуты,

Якъ ю нѣзналъ я, годѣ ихъ добути;
 Где було цвѣтки я збиралъ по гаю,
 Теперь тамъ сяду, — лишъ о ней думаю.
 Тай щожъ? всё дармо! не менѣ до того;
 Но ангела не можъ забути своего.

Годѣ ми забути пресчастливой хвили,
 Где еи ся очка съ моими стрѣтили.
 Слп то было въ церкви, не карай мя Боже,
 Що про чудо Твое, Тебе забудъ може;
 Бо въ тыхъ очкахъ тѣлько тайной крысь силы,
 Же на нихъ смотрѣтибъ мило до могилы.
 Все же тѣлько бачу райскихъ въ нихъ гадочокъ,
 Якъ на чистѣмъ небѣ сверкае звѣздочокъ.
 Гадки тѣи милы щобы всё зловити,
 Треба бы ся вѣчно въ очка тѣ дивити.
 Я лишъ кѣлька хвиль малъ такихъ несчастливыхъ,
 Где ся мѣгъ прозрѣти въ очкахъ чернобровыхъ;
 Шо тыхъ кѣлька хвиль я тѣлько стигъ дозрѣти,
 Шо вже мушу сердцемъ поки живъ тужити.
 И въ конецъ, якъ сердце бити перестане,
 Въ очкахъ, шо на гадцѣ, небо духъ огляне.

Минула весна, настало лѣто. Школярѣ порозѣждалися на ваканци, въ мѣстѣ же лишилися зъ нихъ лишъ тѣи, котры ще съ професорами не довели доброго ладу, або котры мали добры лекциі въ мѣстѣ. Межи послѣдними были и наши подруженны хваты, котры кромѣ того ще для иншой причины не ѣхали уживати роскошей сельскаго житья. Причиною тою было намѣреніе гденѣкотрыхъ слушателей права, дати приватное зрѣлищное представленіе, котрое то намѣреніе и наши хваты дуже живо похопили; именно же Юрій не лише для того, же въ вознамѣреннѣмъ зрѣлищи передводимая нимъ музика важную мала ѳгрывати ролю, но такожь и для того, же бѣзъ при томъ случаю зближитися до своего ангелочка зъ далека надѣялся.

„Якій я несчастливый,“ говорилъ той разъ самъ до себе вертаючи зъ церкви „же я не свободенъ, сказати моему ангеликови чудесному мое почтеніе, мою жаркую любовь ко нему; бо музыка — незрозумѣла, а хотя мене пѣсни мои етеровыми крылами заносять въ чародѣтельное поближіе къ Оленѣ, то знову треба бы мене самого, котрый бы ними въ ангелской души еи похожи мѣгъ возбудити чувства. А слова можъ бы впустиити, вшверцовати якосъ, и она бы ихъ читала, восхищалась ними, поглядая на нихъ оченьками своими пестилась, ними! — Гмъ! и зъ ѳткнѣж та порука, же

такъ бы было, а не со всѣмъ може противно? Но нѣтъ! — оченька еи, вѣрнѣйшее тое зеркало ангелской души еи, чистенькое якъ солнце, а глубокое якъ море миролюбивыми, щирыми, доброжелательными думочками, они мене — охъ якъ дуже недостойного! — понимаютъ. Охъ якъ же бы и былъ счастливый, мовь въ раю счастливый, если бы то зналъ точно, зналъ се изъ усточокъ еи, що я въ истѣ ей не гидкій!“

Прійшовъ до себе. Не заставши тамъ никого, взявъ гитару въ руки и сталъ свѣвати:

„Бо въ тыхъ очкахъ тѣлько тайной крысье силы“ и пр.

Пересталъ — задумался — „Охъ може ще нинѣ буду такъ счастливый..!“

„И будешь, будешь! и ты годець того, мѣй соколенку!“ воспѣла вбѣгшая несподѣвано павя Чепѣжика. „Якій же ты добрый, мѣй ангелику! О я ти нагороджу, сто разъ ти нагороджу твою доброту и приклонность. Але ты ми не откажешь, о що ты буду просити; — не правда — Охъ! до когожь бо менѣ по порадоњу приступити, а сли не до тебе, душечка милая?— Ось бачишь графляе ми ся чоловікъ — може го знаешь? — Напивальскій, пекаръ; мае свою каменницю на Орменской нижшой улицѣ, каменница якъ звѣнь. Га? якъ бы ты ми до того порадила? що?“

Юрій спавъ гей бы зъ одного кѣнця свѣта на другій. Подумавши, сказалъ: „Щожъ менѣ ту радити? Таже Вы самі. . .“

„Мае красную крамарскую лаву, самъ зухъ, ходитъ съ окуляриками, мовь якіи панчикъ. Щоже ты? не стоишь ничо про долю опущенной сироты? — Гей, гей! такъ то нинѣ на свѣтъ!“

„Та гдежь я, такіи несвѣдомый, брати ему за свою совѣсть Ваше будущее счастье або горе?“

„Лише то бѣда, же ѡнъ любить неразъ напиватися. Щожь?“

„Та вы то лучше маеете знати, бо я не малъ доси чести, о тѣмъ пану що и чути.“

„Такожь доповѣли менѣ, же ѡнъ любить втогда, то втогда картами забавлятися, Щожь? може бы шкода мого майна?“

„Если такъ рѣчь стоитъ, то не ма сомнѣнія, же шкода.“

„Отже правда? ты менѣ со всѣмъ не кажешь?“

„Нѣтъ; я ничо не кажу, ни раджу, ни розраджаю; но гадаю, же, если ѡнъ такъ напиваеся и въ карты грае, якъ самы кажете, чтобы тота партія може была до ничего.“

„Добре серденько, послухаю тебе. Когожь бы я ся лучше порадила, якъ не мого комбрника честнѣйшого, мого друга вѣрнѣйшого? Гдежь бы ѡнъ на тое присталъ, чтобы роспустники працю мою розносили?! Добре; лякую тобѣ за твою добру раду и послухаю еи, якъ бы рѣдного тата. Теперь же зажди: Якъ бы ту его зъ майки зайти? Якъ бы то му деликатно сказати, що его не хочю? Почкай! Ану: може бы ты серденько написалъ листъ,

буцьмъ ђгъ мого дяька, котрый менѣ рейбы не каже ни за Напивальского? А нужь но сядь-но собѣ, та напиши!»

„Моя паня, я того со вѣмъ не розумѣю — може кто иншій прошу Васъ, увѣльнѣтъ мене ђгъ того,“ — ретировался змѣшаний Юрій.

„Такъ! то ты менѣ тои дурнички зробици не хочешь! но толькы доказамъ меси доброты для тебе! га! не ма, не ма правды межъ людьми! О! горе бѣдной опущенной сиротѣ на томъ недобрѣмъ свѣтѣ! Всякій цураецъ тобою, ђтвертаецъ ђгъ тебе! — Та прошужь, напиши то, напиши! а я ти, що буду розумѣла, тое розскажу, якъ.“

„Такъ, то добре. Но прошу, скажьтъ каждое слово; бо я лишъ Ваши самѣсенскія слова писати буду.“

Юрій сълъ, и забрался писати. Паня Чепѣжиха стала диктовати:

„Любезная Варвасенько — маешь Варвасенько? Пишешъ менѣ, що ти лучаеця — чоловѣкъ — и то зухъ — зажди но, ага; но я бы тобѣ со вѣмъ не радиль — ити за мѣщужа — Цы може оно такъ быти? що?“

„Щожь я могу знати? я лишъ пишу, що кажете.“

„ђтже ничо противъ тому не маешь; — добре. Якъ то тамъ было? — Ага! — не иди за мѣщужа — такъ? — теперъ же дальше: бо мѣщукъ звичайно дуже добрый чоловѣкъ. . .“

„Алежь моя паня, то не може быти. Перше кажете: щобъ не ити за мѣщужа, а теперъ знову, же мѣщукъ есть дуже добрый чоловѣкъ, то буде зъ того выходити, же Вашъ дяько не каже Вамъ ити за дуже доброго чоловѣка.“

„Ось видишь, же ты лучше знаешь, якъ я. Где моей бѣдной сиротицкской головѣ до того! Прошужь ты, напиши такъ, якъ самъ знаешь!“

„Дуже перепрашаю, же того зробици не могу. Я не бывалъ еще, поки живъ, въ такихъ орудкахъ, та мѡгъ бы цѣлу рѣчь лишъ поповати. Прошу казати, що писати дальше.“

„Ой такъ! таки тяжко допросигися чого ђгъ тебе. Ний буде! треба буде своею неученою головою якъ можна свѣта дохаратати. ђтже дальше: бо мѣщужки суть а дуже часто пѣяки, а я привезу тобѣ за пару дней чоловѣка молодого, якъ ты сама.“ — Юрій глянуль ту мимовѡльно на сорокате волосье панѣ Чепѣжихи, котрое было такъ импертинентне, кидати въ очи панѣ Чепѣжихи брехнею — „котрый буде ты такъ щиро любити, якъ тѡбѣ всегда тобѣ приклонный дяько Стефанъ де Чепѣги Чепѣжиньскій. Зложишь теперъ и напиши на верху: До рукъ всечестной Варвары де Чепѣги Чепѣжиньской во Львовѣ на Стрыйскѡмъ предмѣстью.“

Юрій зробиль все, що му казала паня Чепѣжиха; ђтдалъ ен листъ, я забирался ђтходити. Паня Чепѣжиха сховала листъ и стала розводитись:

„Почкай Напивальскій! ты гадаць бѣдану сироту легко змудроваги. Таже я ту маю честную пораду, любезного, доброго, мудрого чиншѣвника; та гдежь бы ѓнѣ менѣ далъ съ отвертыми очима яму пѣдъ собою копати; мое красное майно, на котрое я кроваво працювала, вѣтродухамъ дати жарно пускати! Таже я маю въ своей хатѣ доброе лице, душечку красную, що знае людей шановагн. Ходи-но любоньку, ходи, я ти покажу, шо то Варвара за майно мае, и ѓгъ всякихъ ворогѣвъ въ день и нѣчь якъ ока въ головѣ стереже, та для свого доброго гѣдного друженька ховае.“ При тыхъ словахъ завела паня Чепѣжиха отягающога Юрѣя до своен клѣтки, котрой пороги ѓнѣ ось-то первый разъ переступаль. — „Подиви-но,“ вела свою рѣчь дальше наша паня, „сягни, шо ту за сокровище! видишь? О! Варвара не така бѣдна, якъ то кому видится! Глянь-но мое панятко — ту маешъ 10,000 рубликѣвъ самого чистого серебра. Выкопала то бачишь нарочно, щобъ ихъ тобѣ показати, вымыла, вытерла, щобъ твои оченька тымъ розвеселити. А ту знову 1000 червонцѣвъ, жаденъ не обрѣзанный, ниже оскробанный, видишь — якъ огонь чистенькій. — А ту 2000 Голендерчукѣвъ; а ту, ту тысячка сорокѣвчиками, а ту 10,000 бѣленькими талариками, то нѣмецкими, а то нашими. Такъ, такъ рыбонько — будемъ собѣ „катуль, катуль!“ одно до другого; будемъ мати чимъ бавитися, шо чистити, чтобы намъ въ оченька свѣтило. О мое ты незнати шо! мой Юрѣй дукачевый!“ — тай пригудубилась до него, мовъ въ горячцѣ. Юрѣй кидалъ за кождымъ положеніемъ еи несмѣлое „але,“ то „прошу“ „за жадѣтъ“ и пр., но тое гамовало коловоротъ бесѣды еи не иначе, якъ капля воды, скроплена на огненную поломѣнь, жаръ тойже пригашуе.

„То всё для тебе! — Теперь же ось — бачишь сей діамантикъ! а той, а той — то такіи чистенькіи якъ твое личко. А тіи перстенѣ! Нужь-но стрѣбуи! якъ бы ти въ немъ было? — Або бачишь: шо ту того шматѣя! банкнотѣвъ и розличныхъ паперѣвъ, то й не рахуй! — А нуже стрѣбуи одинъ перстеникъ — покажи твоѣ діамантовый пальчикъ, покажи любонько.“

„Але моя честна паня, то уже менѣ не возможно.“

„Эгъ -- ось знову торгуешся. Ты за дуже несмѣлый. Таже Господь Богъ одно для другого сотворилъ — прошу...“

„Моя добродѣтелько — тое таки не зрѣблю — то уже за много ласки.“

„А —“ тай продолжала тую самогласну долгою фермою — „та малъ же бы ты для мене тѣлько пакости. Разъ мене самъ до того наводишь, а потому торгуешся. Хиба я не чула оныи стихи, котрыи менѣ спѣваешъ! Ого, казалъ менѣ добре Бучко; -- знаю я добре, знаю; хѣ, хѣ, хѣ.“

„Якъ то? малъ бы Вамъ Бучко казати...?“

„Ось и шожь зъ ѓтти злого? Не маешъ ся на него за шо дуже гнѣвати. Ось видишь, же ты дуже несмѣлый.“

„Але Богъ видишь, же то со всѣмъ шо иншого.“

„Такъ? — то ты маешъ вишую!“

„Нѣтъ! — маю казати — ага — то цѣлкомъ шо иншого — цѣлкомъ — отъ.“ —

„Но — отже, коли не маешь иншой, комужь бы были тѣ стихи, якъ не мей? Мѡй ти стихотворче краснѣй! чоґожь ту такъ дуже запиратися?! Ходи, най ти за твою доброту солоденько подякую.“ —

„Тарахъ“ залопотало щось ѡтсѣвными дверьми, а потому чути было, якъ ктось вѡйшовъ до покою Юрья. Той высмыкнулся и найшовъ у себе Бучка.

„Но сбирайся!“ казалъ Бучко, „бо маемъ еще много лагодити, а потому ити съ билетами.“

„Гмъ — за чимъ? — где? чоґо?“

„Но, абыжь не нинѣ розносити билеты на наше зрѣлище?“

„Якто теперь? заразь? — Николи въ свѣтѣ.“

„Теперь приготавли, а зъ полудня носиги.“

„Ага! добре — ходѣмъ; ходѣмъ хугше, щобъ не было за пѡзно“. Убрался, и оба пѡшли въ мѣсто.

„Що ты найлѣпшого дѣлаешь?“ казалъ прѣйшовши поволи до себе Юрѣй на дорозѣ — „по що ти говоришь передъ Чепѣжикою, же я для неи стихи робилъ, коли то не правда?“

„Кто казалъ?“

„Она сама.“

„Э, то я лише такъ смѣялся.“

„То дякую за такѣй смѣхъ, зъ котрого она собѣ готова Богъ знае шо погадати.“

„Що чую?“

„Ось видишь, я просилъ ты тѡлько разы, щобысь былъ въ бесѣдѣ осторожный, а ты все свое. Прошужъ ты теперь, выбѣй ей тое зъ головы.“

„Бучко! Бучко!“ учули наши хваты голось за собою. Онъ выходилъ ѡтъ сближающагося къ нимъ товариша, котрый продолжалъ рѣчь свою дальше: „Знаешь шо? сумную ти новину приношу. Я былъ теперь у совѣтника за свѣдоцтвами, та онъ говорилъ про тебе...“

„И шожь тамъ цѣкавого?“

„Тратишь рѡбѣ, и бодай цы не всякѣмъ виды на какое мѣстце.“

„Най му тамъ... паскуда хоче, щобъ му пѡдлазити пѡдъ ласку.“

„Казалъ, шо волочишся по подозрѣлыхъ дѣрахъ.“

„Такъ А зъ ѡткижь онъ тое знае?“

„Богъ тое вѣдае. Видится, же ктось ты обсаровалъ.“

„Або то оденъ подлець на свѣтѣ?“

„Казалъ, же шкода, шо такъ порядного хлопця другомъ маешь, якъ есть Юрѣй.“

„Но — ний ѓнъ свои дѣти здоровъ пильнуе, то буде ему лучше; та ний самъ перестане гонити за кубанами.“

Юрій упѣкъ рака, но ничо не казалъ; бо бывало нагадовалъ ѓнъ то неразъ Бучкови, коли тойже въ своѣмъ дѣланью занеховалъ всяку осторожнѣсть, и неразъ ворожилъ му такіи слѣдствія, якіи теперъ сбулися. Бучко зауважалъ тоє и застыдался.

(Конецъ буде.)

Г А Н Ц Я.

Повѣсть зъ життя Подбескидского народа (Лемков).

І. ЧАСТЬ.

Бескиде! — сѣдый Бескиде! ты опасалъ нашу землю, смотришь по-важно на жизненныи нивы и долины, на густы боры и просторныи степи, и освѣжаешь ихъ своими водами. Не одна уже туча и не одинъ громъ перейшоу по-надъ твою голову, — а ты стоишь все твердо и непоколебимо. Не разъ ты уже засумовался, видячи народъ, на который смотришь, въ кровавой нуждѣ, — а однакъ ты все веселый, и все съ весною новая зелень покрывае тебе, и новый цвѣтъ прозябае на тобѣ и новая вонь роздаеся отъ тебе. Не дивно про тоє, що смотрячи на тебе новыми надѣями наполняются люди.

Якъ мило сѣсти подъ Бескидомъ, отдохнути свѣжимъ воздухомъ, напиться свѣжою водою зъ его керницъ. Якъ мило перейтися по тыхъ холмахъ про-межи тѣи лѣсы и боры, въ которыхъ заховано много памятокъ зъ старинныхъ счастливыхъ и несчастныхъ лѣтъ. О нихъ роскаже Тобѣ всякій старикъ, лишь познае, що ты не на смѣхъ розказовати собѣ кажешь; — а если начнешь слухати, то слухалъ бысь день и ночь, и годѣ розстатись съ ними.

Межи горами по-надъ рѣки и потоки тягнутся села, въ которыхъ жиє въ невеликихъ, правда, но красныхъ и чисто удержанныхъ хатахъ народъ рускій и управляє ролю своихъ прадѣдовъ. Народъ то честный и добрый безъ лжи и безъ лести. — Колись — такъ кажутъ — малъ онъ ся добре мати. Были богачи, що сороковци и червонци въ шапкахъ высокихъ баранихъ складали, — а нынѣ уже и шапокъ тыхъ не узришь. Солтысъ давнѣйше отличался будынкомъ, маеткомъ а навѣтъ самою поставою отъ простого газды, — а нынѣ всѣ собѣ ровни, газда простый часомъ собѣ лучший отъ солтыса. Вѣдай то свобода всѣхъ порѣвнала.

У Василя — въ хатѣ.

Тому уже коло сорока лѣтъ — еще тогда, коли — якъ то кажутъ — добрыи часы были, стояла въ селѣ надъ Ославою на самѣмъ кѣнци хата, —

а при ней досыть великій будынокъ газдѣвскій. Хата нова — добре пошита и красна, — положенье веселе, бо на горбку и надъ рѣчкою, а въ-коло хаты садъ. Отъ сельской дороги на пѣдвѣрьѣ провадилъ малый выгонецъ, — и ту при самыхъ воротахъ стояли двѣ высокіи, тѣнистыи липы, — округлыи гей копицѣ сѣна. На одну и другу сторону ишолъ широкій ланъ поля и сѣножати, — а на горѣ тамъ черезъ рѣку стояла кошара для овецъ и колыба при ней для югаса, пѣдъ которою звыкъ лежати неотступный товаришь, сильный и великій бѣлый песь Дунай.

Уже по виѣшнѣму осудилъ бы каждый, що то солтыство. Василь Шемела жилъ ту съ своею родиною. Не велика то родина — но честная и добра, и со всѣмъ достойна, щобы мы съ нею познакомились. Зъ сѣней дверь провадить на право и въ лѣво. На право до хижи, — но ту теперъ нѣтъ никого. Стѣны, лавки на-около, а передъ ними столъ долгій и великій, та и полиця съ мисками и горцями розличного рода, — а все вымыте чисто, пѣчь выбѣлена, лѣжка широка, чистою накрыте плахтою. Все то свѣдичить, що газда, а не такъ газда якъ газдыня любить порядокъ. Стеля — правда чорна, но годѣ ей инакшой быти, коли хижя курна, бо у Лемкѣвъ коминъ теперъ еще рѣдкость велика, не то передъ сорокомъ лѣтъ. — По лѣвой сторонѣ входимъ зъ сѣней въ свѣтлицю, — а тамъ застаемъ теперъ цѣлу родину Шемелѣвъ. — Свѣтлиця сама чиста, и порядно удержана. Подъ стѣнами стоятъ лавки, дальше двѣ лады, а зъ другой стороны заселеное ложе. На вѣшалѣ при кутѣ висить чуга, гунька, мента и цинное одѣние; — а надъ двома ѡбнами и надъ дверьми образы Спасителя, Причистой и Отца Николая.

Пѣдъ окномъ, надъ когрымъ образъ Пречистой, сидитъ старый Шемела локтемъ опершись о столъ, и смотреть на двѣ женщины, которыи зъ одной лады вынимають платье — и связують въ зайдочку, гейбы глесь въ дорогу выбирались. Лице Василя было веселе и спокойное, и пріятное робило впечатлѣнье; — на оное спадало долгое, на половинну черезъ голову роздѣленое сивавое волосье.

Женщины же, которыи будто глесь выбиралися, — то одна уже надъ сороколѣтна — Василя супруга Марія, або впрость по-гѣрську, Мариська, а другая ихъ донька Ганця. Уже то много красныхъ дѣвчатъ можъ въ горахъ видѣти, но на околицю не было рѣвнои Ганцѣ. Выросла собѣ гладонько и гожо якъ тополя, красна и румяна якъ рожа, до того жива и робоча, — а голосъ якъ звонъ. Бывало, коли до церкви убереса, и возьме корали на шію, и гладонько причешеса, и стяжокъ навяже до своей долгой желтой косы, — то лишь дивитися на Ганцю и на ей уроду. Но не досыть на томъ, бо шождъ урода и красота, если нѣтъ внутреннихъ скарбовъ, если нѣтъ доброго сердца. На счастье была Ганця и тымъ увѣнована. Ей доброе сердце, лагодное обхоженіе со всѣми, а при томъ набожность и предан-

ность на волю Божу, прибрѣтали ей у всѣхъ знакомыхъ любовь и приклонность. Тому то Ганця и подобалась всѣмъ, и была всѣми люблена.

По свѣтлицѣ бѣгалъ еще малый хлопчикъ Андрей за свонни забавками; часомъ, коли мати або Ганця закликали, usługовавъ где що. Василя то сынъ и наслѣванкѣ.

„Ажь теперь знаю, чомъ я така весела днесъ отъ самого рана, — а то про то, що мала мѣ днесъ такіи сонъ дивный. Я щось весела, але не знамъ, що то значить, що ся мнѣ снило.“ Казала Ганця.

„Штожь такого? но-ле оповѣжь намъ,“ отозвался отецъ.

„Снилось мнѣ,“ оповѣдала Ганця: „и я и мама сидѣлиме деси на дуцѣ. Мы такъ сидиме, а ту надлѣтае великій птахъ — орелъ цы яка бѣда — съ великими нѣгтями, грубымъ дзюбомъ и широкими крылац, — и летить просто на насъ. Вдарилъ на передъ на Васъ мамо, а потѣмъ на мене, роздеръ наши груди, выдеръ намъ сердца и взялъ съ собовъ. Мы зачали плакати, кричати, тата кликати, але на дармо. Але лемъ що тотъ птахъ отлетѣлъ кусъ отъ насъ, не знати откаль взялося бѣльше иншихъ птаховъ, тоты стали на него такъ бити крылами, же ажь до насъ рѣкъ и намъ отдалъ наши сердца. Що ся далей стало, южь не знаю, бомъ ся въ тѣмъ страху обудила. — Я не знаю, що то значить, — але якосимъ ся ничъ не бояла, и щосимъ весела.“

„А яки были тоты птахы?“ спросила мати, которая дужѣ уважно слушала оповѣданіе доньки, заложивши руку за руку.

„Черны,“ отвѣтила донька.

„Ой то зле — зле!“ крикнула мати и опустила руки.

„То зле!“ повторила еще разъ и замурилась. — „Боже борони, рекла по хвильцѣ молчанія: засъ якого несчастья на монастырѣ. Тамъ згинуть нашъ Вань*“). Мила дѣтинка, — еще го все передъ очима вижу, який красный... южь былиме го женили были. Я ся щось бою, жебы не было якого зла!“ — казала Марія и расплакалась.

И кто знае, коля была бы ся уголила Мариська, еслибы не стала бытъ Василь приговорывати. Онъ ей ростолковалъ, що сонъ ничъ не значить, що во всѣмъ воля Божя, — „а якъ Богъ допустилъ, то ты бѣда и на пецу найде“ казаль онъ. Всталъ потѣмъ зъ лавки, отворилъ другую ладу, взялъ зъ ней чересь, розвязалъ ремень и вынулъ кошонку съ сороковцями: „Нажь ты Марисъ — то на дорогу и справулки; — а то на двѣ хвалы Божы. Дай Отцу Θεодору и проси, жебы отправилъ одну службу за наше здорovia, а другу за Ваня; якъ же, то ний му Господь Богъ дастъ якъ найдѣшѣ, а якъ вьеръ, то за его душу. А може намъ го еще Господь верне — ктожь то знае?“

„Ой дай то Господи!“ выповѣла Мариська.

*) Вань або Ваня — Нвась.

Межи тымъ посунулося сонце досыть далеко, и напоянвало нашимъ подорожнымъ, що имъ уже часъ, бо до монастыря досыть далеко; туда бо они выбралися.

Та они уже и скѣничили свой нарядъ; — Ганця взяла невеличкій тлумачокъ на плечи, попрощались съ отцемъ и Андреемъ и поѣшли стежкой геть къ Бескиду.

Давняя пріязнь наилучша.

На богомоля, або якъ то кажуть на ѡтпустъ идуть люди набожныи Богу помолитися, прощенія грѣховъ доступити и въ боговѣннѣ покрѣпитися; — а народъ нашъ, который все не забываетъ на Бога — стремится охотно до такихъ мѣстъ. Если однако приглянемся людямъ, которые идуть коли-будь ту або тамъ на богомолю, то узримъ, що все не безъ якогось побуженія. Одинъ захворѣлъ и въ недузѣхъ обѣщавъ поѣйти на отпустъ; другій шось утратилъ въ газдѣвствѣ, або въ родинѣ, то иде на богомолю, чтобы его Богъ отъ дальшихъ угратъ стерѣгъ. Сновь инный шось предпринимаетъ, иде упросити благословенія Божого къ тому дѣлу, — а инный еще хочетъ поблагодарити за счастливое поведење своего дѣла. Суть и такіи, що хотятъ ино придивитися множеству розличного народа, або шось купити, — а навѣтъ такіи, що хотятъ лишь передъ людьми показатися — та идуть на отпустъ. — Такъ кожного якась инна причина побудила поѣйти на отпустъ. Не отъ рѣчи про тое буде, если звѣдаемъ, що то побудило нашихъ женщинъ Мариську и Ганцю до того богомоля, тѣмъ бѣльше, що Мариська уже двадцать лѣтъ не была на Монастыря, понеже не могла смотрѣти на тое мѣсце, где утратила сына.

Причины не трудно отгадати. Ганця выросла красно и мило, — часъ уже за-мужъ ити. А важне то дѣло женитьба для цѣлого життя и для потомства, — такъ чи не въ томъ причина того ихъ подвига? Мы отгадали. Въ той самъ часъ, коли выбралися они въ свѣтлицѣ, находился тамъ еще молодой паробокъ — нареченный Ганцѣ. Осифъ сынъ давного знакомого и пріятели Василя, добрый и уродливый хлопецъ, прійшоць Ганцѣ пожелати счастливой пути; — самъ не ишоць тамъ, понеже такъ обычай не велить.

Еще то передъ шестнадцатію лѣтъ на крестинахъ Ганцѣ — было то, правда, уже не по первой чарцѣ, но все таки при полномъ разумѣ, хотя тамъ часомъ языкъ и заблукался, куда не треба, — въ той самой свѣтлицѣ каже Михаилъ Хома, отецъ Осифа, до Василя:

„Куме! дай Боже, жебы са твоя дѣвка ховала краснѣ, и вдалася въ свою матеръ; — але слухай, чи не погордишь ты мновъ, своимъ старымъ пріятелѣмъ, Михаиломъ Хоמוю, якъ прійду со сватами просити твою Ганцю за моего Осипа?“

„Я? николи, якъ лемъ вдасться твой сынъ въ своего ѡтця“ отповѣлъ Василь.

„Но, дай руку на того, най знаю, што ся южь мѣ ховае невѣстка“ провадилъ Михайль дальше, и вытягнуль руку свою къ Василю.

„Що вы уже днесъ хотите робити? — не вѣста, чесо твориста. Кто знае, чи дождете вы, чи ваши дѣти до того часу, а потомъ чи скоче одно другоё, бо на всёмъ Божа воля, — у Бога вся суть возможна,“ отозвался дякъ изъ-письменна говорячи, набравши духа зъ чарки або, якъ то кажутъ, зъ руки до головы, перебилъ Михаилови и Василеви.

„Э та што тамъ — якъ Богъ дастъ; — та южь якъ ся не будугъ любити, та годъ, жебы ся едно другому вѣшало на шію, або якъ не дожютъ але якъ воля Божа на вшитко може быти, та най знаеме, што мы а што кумъ Василь мыслить,“ впала съ своею бесѣдою Параска Хомиха, жена Михайля, которая прислунулась была тоже до тѣснѣйшой рады.

„Со мновъ страху нѣтъ,“ отозвался Василь: „я бы малъ гордити моимъ пріятелемъ Михаиломъ, або его дѣтьми? я зъ моей стороны пристаю.“

„Ба — але ты солтысъ, а я простый хлопъ,“ перервалъ Михайль.

„То въ мене ничъ не значить. И мы солтысы зъ простыхъ хлопѣвъ, та и ты якъ скочешъ, купишь собѣ солтыство. Але то байка, кто знае, якъ то ёще буде? Може такъ буде, што не буде солтысѣвъ, што и тямка загине о солтыствѣ. Отже видишь, я даю руку ту при людяхъ и при пану Реентѣмъ,“ и подалъ руку Махану.

„Такъ есть — посвѣдчаю, що видѣста очеса и слышаста ушеса моя. Но памятайте, що въ писмѣ св. стоить: еже Богъ сочета — человекъ да не розлучаетъ,“ сказалъ панъ Реентый. Такъ они любили часомъ, особливо если было много людей, а наибѣльше на крестинахъ або весѣлью, коли уже зо двѣ, зо три чарки перевернулося, зъ-письменна говорити, або и зъ книгъ церковныхъ шо. сказати, щобы всѣ знали, шо они то зъ института выѣшли. Вдалося часомъ и цѣлкомъ не до складу, — но не было въ громадѣ такого, щобы могъ пана Реентого скритиковати. Навѣтъ и Григорій дякъ зъ сусѣдного села нѣтъ, бо то еще зъ старой школы, а стара школа хоть бы и лучша, все таки новой уступити мусить. Лишь въ уставѣ и въ гласахъ не конче мѣрилися панъ Реентъ съ Григоримъ.

Такъ Ганцю едва окрестили, та уже заручили. И въ самомъ дѣйствіи отъ того часу дуже любили Хома тую дѣтину, и занималися нею якбы своею. А коли пѣросла, то першимъ унихъ было, щобы то еще въ дѣтинствѣ познакомити Осифа зъ Ганцею, та такъ ихъ до себе привычати; — и уже ей иначе не звали, якъ лишь невѣсткою.

Ганця выросла красно, Осипъ тоже собѣ хорошо, родичи одни и другіи жиють, лишь поженити свои дѣти. Не оденъ казалъ: якъ то Богъ дае, шо загадали передъ дѣтами, то и сполнится, бо и старыи все въ пріязни, и дѣти любятся, понеже отъ самой маленькости привыкли до себе, шо голѣ одному безъ другого и два дни быти. Сердился за тое не одинъ паробокъ,

не одинъ отецъ на Осифа, що хотьбы солтысу — а годѣ приступити до Ганцѣ. Творили они за тое неразъ и пакость Осифови. Бывало на веселью якоу — то змоватся всѣ паробки и бере одинъ за другимъ Ганцю въ та-нецъ, щобы лишъ Осифа не припустити съ нею до танца; а Осифъ лишъ смотритъ зъ боку и ворги закусуе. А прійде ити домѡвъ, уже готова цѣла череда паробкѡвъ, отправажати Ганцю, и лѣтарнѣ засвѣчени, лишъ щобы Осифа згрызти. Ганця и спрашаеся и благодаритъ имъ, — но то ничъ не помагае; а Осифъ иде зъ-заду самъ, бо и никто не промовитъ до него. Всѣ увесели-лися; лишъ онъ самъ одинъ вынудился. Коли вже така Божа воля, — то треба разъ и о веселью думати. Михаилъ неустанно напиралъ на Василя, що уже часъ, щобы робити веселье; но Мариська отпрашалася, щобы ей еще лишити доньку хоть на-троха, бо якъ ю разъ огдасть, то уже на все, а съ кимъ же она останеся? — нѣтъ другой доньки, нѣтъ сыновой, — кто ей выручитъ въ газдѡвствѣ, съ кимъ выйде въ поле жати, — съ кимъ поде до мѣста на торгъ? Та и таке то бо правда, що такъ. — Но таки то треба разъ о веселью подумати; — и стануло на томъ, що будуть помалу лагодитися до веселья и найдалше въ мясницѣ все укѡнчатъ, — а то тѣмъ бѡльше, що Хома уже пріѣхалъ бытъ съ просатарями, и выпросили Ганцю за Осифа.

На манастирѣ.

Подъ именемъ „Манастиръ“ розумѣють всѣ Лемки и ихъ сусѣды Кра-сный-Бродъ на Угорщинѣ, заразъ за границею лежащій, где находится мо-настырѣ ОО. Василянѣ. Славныи тамъ отбываются богомолия, а межи тѣми найславнѣйшее передъ Сошествіемъ св. Духа въ Пятницю. Огъ Середы уже есть тамъ много народа руского зъ различныхъ сторонѣ Галиціи и Угор-щины, и остасся ажъ до самого Сошествія. На той отпустъ стремилися и обѣ знакомыи намъ женщины, Марія Шемелова съ донькою. Устремѣся и мы съ ними тамъ, и придивѣмся рускому празднику.

На горбку, которого хорошій стелится видъ на ниже лежащее село, на рѣку, горы и лѣсы, стоить монастырская церковь съ обителію червориз-пѡвъ нашихъ — на-около обведена муромъ. Красно она стоить и величаво, а вколо ней внутрь и виѣ мура — на далеко — залегли численными толпы людей розличного вѣка и состоянія, въ найрозличнѣйшихъ видахъ и одеждахъ. Крикъ, шумъ и гулъ всюда. А въ церкви — то такъ много народа, що не пропхаеся туда, хоть бы и не знати шо; — а стояло бы ти брате загля-нути тамъ, — узрѣлъ бысь, якъ красно церковь устроена, якъ красно пра-вится тамъ, а все ведля греко-руского обряда а чернцѣ-то всѣ съ бородами. Тому то такъ много народа поде стѣнами церкви, то молятся, то крестомъ лежать, то сповѣдаются, то милостыню роздають каликамъ, що постѣдали ря-домъ по-подъ муръ и чудными нуты выводять. А народъ ту шо за различ-

ный! Отъ горстка Лемкѣвъ, — кусникъ дальше Словаки и Сибѣяки, ту снова Мазуры, дальше Марморошане, Лишаки, снова Галицкіи Бойки, — а тамъ снова якісь люди съ волями мабуть то гдесъ зъ полонинъ, и снова такіи, що то и мужчины косы плетуть. Навѣтъ и цыганъ огъ и цыганка креститса и оглядаеса на всѣ стороны, а красно убрани обое, сорочка бѣлѣсенъка якъ снѣгъ, но лице якъ нѣчь черне. — А всюда и старыи и молодыи, и малыи и великіи, мужчины и женщины, навѣтъ малыи и маленькіи дѣти суть ту.

Внѣ мура — то цѣлый торгъ Широко и далеко розложилися крамары съ своими товарами, — одянь вывисѣлъ стяжки и розличныи полотна и малѣванки, другій готовыи уже одежи, третій чоботы то желтыи, то червоныи, то черныи, лянній снова выложилъ перстеней, сплнъки, коралл и подобныи вещи. — На боцѣ чуемъ звоняра, который неустанно звонить, що ажь уха болятъ, и тѣмъ способомъ кличе людей, абы куповали звоны и звѣнки. И гончары розложили свѣй ерамъ, — и бачте, мають найбѣльшій отбыгъ, крожѣ бакуварѣвъ, которыи такожь не залишили сюда прійти. А люде — мужчины и женщины прохожаются про-межь товары и купують, що кому до вкуса. А коли вже всего накупили, то еще идуть до медѣвникарѣвъ купити медѣвникъ на колачъ для своихъ домашнихъ, и красну малѣвану свѣчку воскову до церкви. Осталоса еще кѣлька крайцарѣвъ, — то еще конечно пойти къ тымъ, що то пороскладали образы, — купити якого богомаза, а якъ найчервельшого, бо що червене, то найкрасше, щобы было потомъ чимъ стѣны и двери церкви у себе зъ-внѣ и внутри облѣпити, а щобы то кождому въ очи впало.

Въ той толпѣ народа есть и много зъ высшого сословія, господиновъ, госпожь, панячій и панянокъ, а если хочете то „урсіель и кясасонокъ,“ — бо и такъ Русины говорятъ на Угоршинѣ; — а всѣ выстроены въ праздничныи одежи.

Генъ за тою толпою, — бачъ: купка людей до купы сбилася. Въ середлянѣ стоитъ старій цыганъ и на скрипкахъ грае, а малыій танцюе и вытинае гопаки, що ажь за боки берутса люде; а цыганка — стара и слѣпа ходитъ и просить о нагороду за зрѣлище.

Но часъ намъ вернутиса назадъ до церкви та помолигиса, — бо отозвалися звоны, певно кличуть на Службу Божу. Наши знаемыи уже сугъ тамъ, стоятъ они подъ правымъ крылосомъ и молятся, — мати видно заплакала. Ахъ, бо на томъ мѣстци утратила она передъ двадцатью лѣтъ тридѣтного сына, — якъ же ей не расплакатиса на томъ мѣстци.

Не перейшло кѣлька хвиль, — якъ чути якісь шмеръ. „Маковичане — Маковичане!“ озвалися голоса. Всѣ звернулись къ той сторонѣ, откуда доходили голоса, а матери брали свои дѣти на руки. Надѣйшошь то отрядъ

Маковичанъ, або богомольцей зъ Маковиць.*) Ишли ту мужчины и женщины, старыи и молодыи, — и было ихъ всѣхъ до тридцати числомъ. На передѣ — яко проводники ишли два мужи: одинъ старенькій, свый якъ голубъ, но еще досытъ крѣпкій; а другій молодой, хорошій паробокъ. Цѣлый отрядъ звернулъ на себе увагу, но наибольше самъ молодой проводникъ своею красною поставою, бѣлымъ лицемъ, въ которомъ сіяло черное око, на которое спадали черныи кудры долгими локонами. Тожъ и не дивъ, що не одна дѣвица — хоть то и на отпустѣ — а таки забыла очи свои на Маковицькомъ паробку, а правду сказавши, бо нигде ей дѣти, — и наша Ганця зырнула кѣлька разѣвъ на него.

Уже мы видѣли кѣлька цыганѣвъ на Красномъ-Бродѣ. Есть ихъ тамъ на празднику еще бѣльше. Онъ и крестится и молится, а все таки не прійшошь онъ тамъ зъ побожности, якъ щобы щось заробити. А цыганъ то всякій — музыкантъ, — для тогожъ каждый зъ нихъ мае скрипки съ собою; а скоро укончится въ церкви богослуженье, нужъ стане цыганъ ходити помежи люди и наставляе каждого, щобы казалъ собѣ заграти „свою нуту.“ Если не може никого намовити, то стане собѣ самъ грати, и ледва зачалъ, а уже купка людей коло него; онъ грае и въ духу смѣся, бо людей щоразъ то бѣльше, и уже выдурилъ кѣлька дудковъ. Былъ тамъ одинъ цыганъ чорный и осмаленый якъ муринь, — но музыкантъ якого поглядати. — „Якъ Грицко заграе,“ казали люде: „то хотѣбы и деревляныи, а пѣдскочять.“

По вечерни, якъ уже солнце стало клонитися къ западу, станулъ собѣ Грицко — геть за базаромъ на площади, настроилъ скрипки, потягнулъ смыкомъ разъ и другій, и почалъ грати. „Грицко грае, — Грицко грае!“ ишло отъ усть до усть, а гурма молодыхъ и старыхъ бѣгла къ нему. Обступили Грицка на-около, — а той грае отъ сердца, а цѣла толпа якъ стоитъ, такъ и рушаеся то въ одинъ бѣкъ, то въ другій; где кто собѣ и выкрикне и руками плесне. Грицко тое мѣркуе и грае еще красиѣйше — ажъ годѣ выстояти ногамъ. Паробки, скѣлько ихъ ту было, каждый ногами рушае, а выступити боится, щобы припадково не поткнулся на земли — тай не упалъ, та не наробилъ собѣ сорому передъ такимъ числомъ людей зъ розличныхъ сторонъ. Ажъ-отъ выступилъ одинъ паробокъ на середину, выкинулъ ногою то въ-право, то въ-лѣво, — то собѣ тупне та острогами дзень-дзень, а все зъ-легка и зъ-вѣльна, и перегибаеся на всѣ боки, и рукою поведе, и обернеся часомъ и выкрикне собѣ, и въ долони плясне — и по холявѣ ударить, — былъ бо то угорскій танецъ — такъ званный маляръ. Такъ обѣйшошь онъ на-около — а зъ-боку, нечаянно — погледае на всѣ стороны за красною танечницею. Въ томъ станулъ, та острогами

*) Гора то на Угорщинѣ въ Шарншской столицѣ, отъ которой цѣла околица такъ прозвана.

зазвонилъ, и въ долони пляснулъ и взялъ собѣ танечницу. И ктожь то той такой смѣлый и моторный паробокъ? — то Маковицкій проводникъ, которого мы уже видѣли. Танцюе дальше и хорошо, — а не ма що казати, и его танечница, хотя Галичанка — бо то намъ знакома Ганця — иде рѣвно и гладко, що ажъ всѣ очи въ ню влѣпили. За ними стануло бѣльше паръ — бо уже набрали отваги. Скончилъ Грицко, — а пары розбѣшлися, та и Ганця сновъ до матери прѣйшла.

„Шумнѣ танцовала съ дѣвусь!“ сказалъ до ней старый Маковичанинъ, которого мы видѣли на челѣ Маковицкой громады, стоявшій теперь случайно при Марисьцѣ, „алежь бо вера Боже, шумне дѣвча маєте!“ говорилъ дальше до Мариськи.

„Божа ласка,“ отвѣтила тая.

„Грицку,“ крикнулъ Маковичанинъ на цыгана: „ходъ ту!“

„Заразъ,“ отповѣлъ тойже, занятый сбираньемъ грошей, „що розкажуть?“ — вопросилъ сближившись до него.

„На-маешъ за тотъ танецъ, а теперь заграй мѣ Галиційску,“ сказалъ Маковичанинъ вкладаячи гроши въ скрипку цыгана, и сталъ звѣдоватися нашихъ женщинъ, якѣи у нихъ танцѣ?

„У насъ розманты — а наибѣльше коломыйка,“ отвѣчали тѣи. Маковичанинъ не розумѣлъ — правда — що то е коломыйка; но меньше о то, цыганъ мае все знати, мыслилъ онъ, бо онъ свѣтовый человекъ, и казалъ грати коломыйку.

Якъ передше — такъ и теперь сталъ цыганъ грати. Що-но потягнулъ смычкомъ, — а старый нашъ трѣсъ въ долони и крикне: „а то домашня! а-но хлопці!“ и паробоктво пѣле якъ бы зълектризовалъ. „Домашня — домашня!“ говорили угорскѣи, — „коломыйка!“ галицкѣи Русины, и сейчасъ стануло бѣльше паръ, нежь до попереднѣго танця. И началася милая, гладонькая коломыйка, — а до такту, — и зъ-вольненька, — такъ, що ажъ любо было дивитися. Отцѣи матери поглядали на свои дѣти, и сами кляскали въ долони и рушались на оба боки, хотъ стояли на мѣстци.

И были бы кто знае якъ долго плясали, но озвался звѣднѣ великій на церковной вежи, даючи знакъ, що уже часъ до отпочинку, бо и солнце уже склонилось за гору. — Грицко пересталъ грати, а пары розбѣшлися, — и всѣ стали отходити и смотрѣти, где бы добре нѣчь переспати.

Межи тѣмъ Войнаръ — такъ бо звался нашъ Маковицкій старикъ — гдесъ отдалился былъ. Уже мали Мариська и Ганця отходити, и лишь зрѣли за своими людьми, щобы разомъ гдесъ обночовати, надѣйшошь Войнаръ засапаный тай до Ганцѣ: „Шумнѣ танцовала съ съ моимъ Янкомъ! — нажь тобѣ на памятку отъ мене тоту стужку,“ и давалъ ей хорошую стяжку, широкую червеную съ золотыми цвѣтами, которую нарочно для Ганцѣ що-но купилъ

въ крамѣ. Ганця покраснѣла, и не знала, що мае почати чи вѣсти, чи що сказати?

„Не робте собѣ шкоды, — того не треба!“ отповѣла Мариська за свою долю. Ганця не хотѣла прийати, — однакъ коли Войцаръ усердно просилъ, взяла и поблагодарила красно.

Якъ до теперъ всѣ были мѣшани, — такъ сталися сбирати до громадъ всѣ свои и разомъ отходити на ночлягъ.

Другого дня уже не долго были наши на Манастыри, -- еще были на утреннѣмъ Богослуженіи, а потомъ пошли домой. Ганця была рада еще видѣти своего танечника, и очи ей глядали его въ толпѣ людей, — но не наши, и она отойшла съ матерію.

Попращались наши женщины съ Краснымъ-Бродомъ, — попрашаемъ и мы его, — хотя признаемъ, що неохотно его опускаемъ. Намъ мило было смотрѣти на собравшійся тутъ народъ рускій. Якъ сбираеся вода въ различныхъ жерель, зъ лѣсовъ и горъ, долинь и пустарей въ одну велику рѣку, а тая поважно и величаво тече, и уже не различаешъ тамъ жерель ни погоковъ, лишь все одна вода — одна рѣка: такъ собралися тутъ люди рускіи зъ различныхъ мѣстцъ, одной и другой стороны Карпатъ, и сольялися въ вѣрѣ и обрядѣ, въ языку и обычаяхъ, въ одномъ чувствѣ и любви взаимной; — и уже не различаешъ тамъ ни Лемка, ни Бойка, ни Лишака, ни Подоляка — лишь все то Русинѣ, — одинъ рускій народъ величавый!

Повернувши зъ манастыря жила Ганця весело якъ перше, лише съ своимъ Осифомъ рѣдше видывалася, понеже было уже по спросинахъ, — та обычай такъ велить. Настали незадолго сѣнокосы, а потомъ и жнива; — Ганця ходила на поле съ граблями и съ серпомъ и спѣвала на всѣ горы. Часомъ она и призадумалась, мыслячи о своей будущей доли, — та часомъ ей и скучно стало, що не можъ поговорити съ Осифомъ, понеже была привычаена съ нимъ часто видѣтися; а теперъ годъ, бо по спросинахъ. Дивна то — правда — рѣчь, — но треба обычай батькѣвъ почитати.

Въ осени.

Осѣнь — то образъ старого вѣка въ нашей жизни. Она и нудна, и уприкрится своими слотами и бурями, — а дни коротшіи, и нигде уже той веселости, которая лѣтомъ и весною грае. Однакъ и осѣнь не есть безъ пріятностей. На селѣ собрали газды збѣже до стодалъ — и спокойно поживають плоды, которыми ихъ Богъ поблагословилъ, не поглядяючи, чи тамъ красно чи бридко, чи погода чи дожджъ, бо збѣже не на поли, а пѣдъ ляхомъ въ стодалѣ. Осѣнь есть про то порою, въ которой можно посвятитися семейнымъ дружескимъ увеселеньямъ. Въ осени праздники, весѣлья и всѣ гостини найлучше отбываються. Для тогожъ то и въ нашихъ горяхъ дѣвчата

хотѣли бы, кобы то лишь осѣнь, мясницѣ та по-великодни все было, бо и нагуляются до волѣ и все въ надѣи, чи не запукае якій староста о грядку.*)

И осѣнь не все бурлива и слогна, — есть въ осени и красни дни. Такихъ кѡлька дней даялъ былъ Господь нашимъ Лемкамъ передъ св. Димитріемъ. Соненько грѣло красно, шо можь было безъ кожуха, въ легкой одежинѣ, выйти на свѣтъ, — а вечеромъ свѣтилъ мѣсяць и блыщали тмы звѣзды на ясномъ небѣ, а морозокъ бралъ. Тогда то дѣялося въ домѣ Хоми шось незвычайного. На пѡдвѡрью стоятъ кони посѣдлани, а стоятъ ихъ пятеро — всѣ до плота попривязовани. Въ хатѣ ясно свѣтится свѣтло, — горять сухіи скипы на прилечку и свѣтится свѣчка воскова на столѣ. А за столомъ сидятъ Осифъ въ серединѣ, а ему по обохъ сторонахъ три поважныи гызды и старый отецъ. У всѣхъ миша весела, — а Параска ставляе на столѣ хлѣбъ и масло и брызю, то сновъ мясо и солоняну и кобасы, и просить гостей; а чарочка ходитъ одъ рукъ до рукъ и носить солодку медовую герѣлку до устъ, бо Михайлъ додае принуки.

Гостіи ѣдятъ, бо акъ кажю, принука естъ. И Параска усѣла при мужу — и бере участіе въ бесѣдѣ. На ѡкнѣ стоитъ еще красно выбивана фляшка съ горьлюкою, а пѡдъ окномъ на лавцѣ барылка, такожь не порожна. Обѣ добре заткани, — здаеся, шо где куда-то инде они привязачени.

Коли се у Хоми дѣялося, былъ въ домѣ Василія не малый тартасъ. Отъ самого рана горѣлъ въ печи великій огонь, а горцѣ присували и отсували до самого полудня. Газдынѣ и дѣвчата крутились по хатѣ, — по сто разѡвъ бѣгали отъ печи до коморы и все имъ чогось еще неставало. — По полудни сталися они уже порати та въ хатѣ порядки робити, — а шодъ вечеръ и себе наряжати. Мариська взяла на голову яеный чепецъ съ жолтыми блыстячими бляшками, якій лишь на свята брати звякала, и завязала хустку на колодки**). Ганца убралася въ бѣлую чистую соричку, новую картушовую спѡданицю съ великими цвѣтами и синій корсетъ. На шію привязала коралъ, и спустила зъ нихъ широкую червовую стяжку черезъ груди; — а на вышшой нитцѣ зъ коралій висѣлъ малый позолоченый крестикъ. На ноги завзула жолты сафіяны. — И самъ Василь выглядалъ выгѣ по праздничному; съ полудня бо еще принялъ широкій чересъ, зъ-пѡ-за которого висѣли конци мошонки съ звѡнками и пугавками, — а на голову заложилъ широкую крисаню. Часто выходитъ ѡнъ на двѡръ гейбы кого то выглядалъ.

Въ самъ уже вечеръ, коли по всѣхъ хатахъ позисвѣчали букowymi скипы, а дѣвчата съ матерію посѣдали въ кутокъ и або сказани собѣ оповѣдали, або пѣсни спѣвали та верегенами крутили, — затутнѣло шось на пѡдвѡрью

-
- *) Есть звычай, шо староста стае пѡдъ поперечнымъ белкомъ на серединѣ хаты. на которомъ вырѣзанный крестъ св., и о той белекъ палцею пужае, нѣхъ стане просити.
 - ***) Особый родъ завязыванья хустокъ на головѣ.

Василя. Ганця чимъ борше до коморы, а Василю выйшолю на подворье подивитися, шо таке затутивло — чи кто не прївхалъ. Тамъ стоятъ пять коней, якъ стояло на рынку Хомя, зъ нихъ скочило пять вѣдокѡвъ и они привѣзали свои кони до плота.

„Слава Иисусу Христу!“ сказалъ старѣйшина тыхъ, шо прїишли. „Слава во вѣки!“ отвѣлъ Василь: „просиме ближе.“ Гости прїишли до хаты. „Штожь вы за люде?“ звѣдовавъ сновъ Василь: „зъ якого краю идете — де вы ся пустили, же о такъ пѡзной годинѣ ту пришлисте?“

„Мы, добры люде, зъ далекого краю; идеме глядати пары для нашего крѡля; нѡчь насъ зарвала, сбились зъ дороги; — ту видѣлись, же ся свѣтитъ та пришлисте до васъ и просимеся на нѡчь.“

„Та счастье Боже! але ци маєте же вы яке писмо, што вы за люде?“

„Маеме,“ отвѣдае старѣйшина и показуе газдѣ письмо, а той оглянувши просить ихъ сѣдати за стѡлъ. Они посѣдали, выняли свою горѣлку и подчиваютъ себе, газду и всѣхъ домовыхъ, и зачали розговоръ межъ собою и съ газдою. Якъ посѣдали, было ихъ за столомъ пять — такъ, якъ было за столомъ въ хатѣ Хомя. Въ хатѣ являлося чѣмъ-разъ бѡльше людей, посходилися всѣ сусѣды Шемелы, и заняли всѣ лавки на-около.

За хвильку просить старѣйшина газду на слово, — и коли всѣ повставали, началъ говорити. Началъ отъ Адама и Евы, говорилъ о сотворенїи свѣта — то зъ-письменна то зъ-проста, — перейшолю потомъ на то, шо не добре быти одному человеку на землѣ, — шо они чули, шо ту у газды есть чадо, которое бы хотѣли взять для своего крѡля, и кѡнчилъ честно просьбою, абы имъ тое чадо показати.

Василь отвѣдае, шо они може замылился, — потомъ каже, шо есть и у него чадо, — но теперъ его нѣтъ дома, бо пошло до мѣста. На великое прошенїе старѣйшины позволяе Василь глядати собѣ чада въ хатѣ. — Ктожь мае глядати? Двохъ хлопцѡвъ идуть глядати — и приводятъ якусь дѣвчину, въ хустцѣ. Подорожни кажуть, шо они не тои глядають. Въ томъ сорвалъ ктось хустку зъ головы — и показалося, шо голова стрижена. Смѣхъ — и веселѡсть въ хатѣ, бо то смѣльчакъ-паробокъ перебрался за дѣвчину и будьто онъ е чадо, сховался но такъ, шобы его легко найшли. Пѡйшли хлопци сновъ глядати. Приводять. Гости дивять на ню: „Мы и тою не гордиме, але хочеме иншу,“ и подчивши ю чарочкою горѣлки, казали миной глядати. Вконецъ — по долгомъ прошенїи, привѣлъ самъ дякъ нашу Ганцю. Гости встали, познимали капелюхи, а за ними и всѣ въ хатѣ, — выйшли даже зъ-за стола, и звѣдаеся староста Осифа, — бо никто иншїй, лишь онъ сїдѣлъ за столомъ: чи се тая королева его. Осифъ отвѣтилъ, шо тая, подавъ Ганцѣ праву руку, и обернувшись разъ, сѣли обое за стѡлъ. Василь посажалъ сусѣдовъ за стѡлъ, такъ, шо заняли на-около всѣ мѣстця, — но одна лишь пара прехорошо выглядала — то нашъ Осифъ и Ганця. А Ганця

опустила головку несміло и соромливо въ дѣлѣ, а грудь волновалась, бо сильно играли въ ней чувства. На ню поглядывала зѣ-боку мать, и въ кутіку отирала тихіи слезы, по части отъ радости, по части отъ боли. Отъ радости, понеже мило есть видѣти родичамъ свои дѣти при весѣлью; отъ боли, бо жалъ матери отдавати свою доню геть отъ себе.

И стали давати на столѣ вареныи стравы, — а горѣлка уже не пила зѣ барылки, лише наливалъ Василь зѣ своей фляшки. Гости за столомъ ѣли и попивали, бо Василь все додавалъ принуки. По ѣвенью слѣдовало, якъ звичайно; подаване рукъ, и дары. Ганця пришила Осифови красну червену стяжку на капелюхъ и положила покрѣйки — павье перо. Сваты и суѣды говорили и говорили, — забывши, що ту уже геть по полуночи и въ барылцѣ уже на днѣ. Ажъ гдѣсь коло первыхъ пѣвнй стали съ выбиратьи назадъ. Ганця выпроводила своего нареченого, — а той сѣвши на коника, погналъ со сватами до своей хаты, где ожидала нетерпеливо мати.

Погасили свѣтло и полягали до солодкого спочинку. — Все спали, — одна лишь Ганця не могла уснути ажъ до самого рана.

Заручени. — Пріятельки.

Такъ уже заручена Ганця и Осифъ, — они уже однимъ крокомъ ближе до меты, бо уже межъ ними есть духовная связь. Не нечаянно прійшла Ганця въ тое состояніе, понеже уже отъ давна знала, що ю то чекае, все однакъ ей то ливно здавалося; во все бо нужно на передѣ вжитися. Такъ само и Осифъ. — Разомъ зросли, разомъ выховалися, а теперъ не встрѣтитъ одно другое незаполонившись. Осифъ отъ заручинъ дуже рѣдко бывае у Ганцѣ, лишь хіба въ бѣльшій праздникъ посѣтитъ ю и привесе якого колача, и то не на долгое время, — такій бо то уже обычай. И щожъ мы за то винни? Чей не поглумимъ за тое обычай багьковського.

И не разъ они тужили за собою. Ганця затужить, — то побавится тыми дарами, що достала отъ Осифа на памятку, и вже ей легче; — а Осифъ здойме капелюхъ зѣ головы, подивится на стяжку та покрѣйку, що ему положила Ганця на него, и уже ему легче. Такъ обоє проганяли тугу якъ могли. Не иначе бывае и въ высшомъ сословію. Не ма милой, то берешъ письмо отъ ней, читаешъ ще разъ, и ще разъ, хотя дословно его уже и знаешъ на память, и такъ проганяешъ тугу.

Мала Ганця и подруги, котори ю посѣщали; — той осени приходили они до ней частѣйше, якъ по инній лѣта на вечерницѣ. И збиралося ихъ тамъ бѣльше теперъ — вѣдай чи не для того, що уже ей не буде въ хатѣ своихъ родичей. Якъ то по рукоулинахъ приспѣвовали они Ганцѣ весѣльни пѣсни. — Потомъ говорили они о предстоячѣмъ весѣлью, на которомъ хотѣли бы добре выгулятися, — а вконецъ стали и жаловати Ганцю, що уже ихъ опускае. Одна, именно Таньга Тимкова зѣ-надъ берега найбѣльше ей

жаловала, и коли бывало заведутъ пѣсни весѣльны, то не было у ней иной пѣсни, лише:

Подумай Ганцю собѣ,
Чи не жаль буде тобѣ,
Отъ дѣвочокъ отставати,
До невѣстокъ приставати.

То снова:

Подумай Ганцю собѣ,
Чи не жаль буде тобѣ
Той жолтой косоньки
И дѣвочой подобоньки.

Ганця усмѣхається на тое и отспѣває имъ часомъ:

Ужемь собѣ подумала,
Що не буду жаловала; —

но часомъ и призадумается, головку склонить и сплече. Ахъ, бо хотя любить Осифа, все таки любить и мать рѣдну, — а тую треба опускати.

Дѣялося такъ що день — що другій. Сойдутся дѣвчата, — а все съ ними отъ и та вдовица, що жѣ сама одна въ невеликой хатцѣ на Паздеряковцѣ при самой дорожѣ; — хотя уже не молода, а все съ дѣвчатами приходять. Щось то не даромъ она такъ приходитъ, — бо видите, минувшими лѣтами ледви два — три разы черезъ годъ показалася до Василя и то тогда, коли чого ей не ставало; -- а теперь все приходитъ. — Дѣвчата спѣвають, и она спѣвает, дѣвчата жалуютъ своей подруги, и она жалуе, якъ бы была дѣвкою, а Ганця ей ровесниця; — ба она еще гѣрше всѣхъ ей жалуе. „Жаль тебе Ганцю, що такъ борзо отходишь отъ насъ, — ещесь ся не надѣвчила досытъ, — а тобѣ бы дѣвчити, бо то ты одна лишень, щобъ за тобою паробки шалѣли. О я — кобы якъ Ганця, одна и у богатыхъ родичей, то не пошла бы, ажъ бы досытъ головы позавертала хлопцямъ. Бо що то борзо отдаватися, хотя бымъ и якъ любила якого хлопця, то все слекроха якъ возьме тобою гаровати, а послуговатися, то вмѣсто щобысь мала веселитися — наплачешся до волѣ, и еще нѣтъ кому ты пожаловати.“ Такъ и подобно говорили дѣвчата, а съ ними и тая вдова Варвара. „Эй, що вы тамъ повѣдаете?“ — казала не разъ Ганця — „Оснѣвъ добрый, я его люблю, а и его мама добра.“ „Добра — добра,“ отвѣчали они: „уже мы ту знаемъ такихъ добрыхъ;“ и нужъ дальше наводити примѣры различныхъ свекрохъ, що то видѣлися наилучшими, а все однакъ не обходилися добре съ своими невѣстками.

Такъ повгарялося то що день — що другій, и що разъ гѣрше. Стали дальше и на Параску говорити то се, то тое, — и Осифу не ушло тамъ плазомъ. Ганця гнѣбалася въ души на свои подруги, и плакала не разъ сердечно. Уже хотѣла просити ѳтци, щобы заказалъ имъ ходити до себе, но

боялася оскорбити своихъ подругъ, та и думала собѣ: Перенесу на собѣ; не задолго будутъ рѣдвяни свята, скончатся вечерницъ, перестанутъ ходити до мене, а потомъ будутъ мясницъ и весѣлье, то всему буде конецъ.

Святый вечеръ.

Сошло по малу до рѣдвяныхъ святъ, — надойшоу и святый вечеръ, той милой семейный праздникъ. Ганцю, помни що послѣдній уже годъ празднуешь его съ гвоими добрыми родичами и твоимъ братикомъ! Ой не нужно ей того нагадовати, понеже она то добре тямить.

Нарядила Ганця стѣлъ — пристелила сѣномъ, а по-верха накрыла плахтою. До хаты внесли паробки соломы — и розстелили, а Василь самъ поставилъ ту въ кутъ сноу жита — тамъ пшеницъ, тамъ сновъ ячменю и овса, и свѣглицю застелили соломою и заставили снопами. Мариська пораеся съ вечерою, а погомъ стала съ Ганцею убиратися въ чистое одѣнье. Уже вечеръ -- смерклося. На столѣ лежитъ хлѣбъ, а въ немъ свѣтитсѣ восковая свѣчка. — Ганця побѣгла съ малымъ братомъ до рѣки умыгнися въ пролуби, а Василь поглядае, чи зойшла уже звѣзда. Засѣли за стѣлъ — газда и газдыня, дѣти и челядь всѣ въ одинъ милый кружокъ. Чи до пары — чи не до пары, на то не бачили. Що Богъ далъ, то ѣли. А была тамъ всего Божа ласка, бо Василь былъ богатый газда, — и всѣ свята обходилъ, якъ Богъ приказалъ. Была и горѣлка съ медомъ и квасокъ (варъ), и пироги съ олѣмъ, и капуста съ грибами, и сушени грушки и сливки, и много иного, а на конци чеснокъ съ медомъ. Передъ вечеромъ заспѣвали: Рождество твое, а по вечери: Богъ предвѣчный и Вселенная.

Василь и Мариська засѣли за столъ въ кутикъ, и стали говорити о своихъ домашнихъ дѣлахъ, и загнались въ своихъ воспоминаніяхъ ажъ до дѣтнихъ лѣтъ. Мальчикъ Андрей качался, тѣшучисѣ, по солому, а Ганця замышляла щось робити, чога дѣвчата николи не залишаютъ въ сятомъ вечери. Но въ томъ приходятъ ей подруги, щось чи не съ пять разомъ, а съ ними и Варвара. „Христось раждается!“ — „Славите!“ поздоровились взаимно, — та стали дѣвчата Ганцю просити, щобы съ ними пошла до еусѣды, понеже тамъ будутъ въ различное бавитися. Ганця не хотѣла ити. Коли однакъ тѣи неустанно просили, оговзвался Василь и каже: то перенесѣтся ту съ вашими забавами и ту робѣтъ, що хочете. Рады-нерады зробили такъ. И що они тамъ робили. Сами дурницъ — насмѣялъ бысь ся, кобысь видѣлъ: — они хотѣли довѣдатися, коли котра выйде за-мужъ.

А Варвара то во всемъ передъ веде, а дѣвчата слухаютъ якъ бы не знати того. Поробила колачки, покляла въ рядъ на столець: то Ганця, то Ксеся, то Феня и т. д., для каждой особый колачикъ. Покляла и кличе пса: на-ту, на, — а пемско якъ влетить, и якъ занюхае — та далѣй входилъ щось зо четири паразъ, а прочое скинулъ на землю, що и не знали розо-

брати, чіе взявъ, а чіе нѣтъ; — лишь Варвара змѣрковала, що Ганцинь кусокъ остался. „О Ганцю,“ каже она: „видишь? твѣй квалокъ, што то буде?“ Но еще разъ. Варвара укладае сновь, и сновь кличе пса; а той на-теперь уже скромнѣйшій, и взявъ лишь одинъ кусникъ, и то Ганцинь. Варвара и други дѣвчата ажъ ворги закусили. „Но добръ!“ каже Варвара, „теперь будеме видѣти, откаль иноши прійдуть,“ и кличе пса на дворъ та „гузя,“ а песь скочилъ тамъ, где му вказала и гавъ — гавъ. „Ганцю видишь,“ каже Варвара: „де песь бреше? — прійдуть иноши, але не отъ Осифа, зъ иншой стороны.“ Э таможе лѣпше -- кажугъ дальше то Варвара, то дѣвчата: або то лише Осифъ есть на свѣтѣ та Ганця? Ой о таку свекру, якъ стара Хомиха, не штука; и дальше ся розводити наць Хомихою. А потомъ видишь Ганцю, ты не научена ходити на паньске, а Хома не солгысь, та будешь мусѣла ходити; ой не такъ то на паньскѣмъ жати, якъ на своѣмъ ланѣ, — тамъ якъ стане надъ тобою окомонъ, — а що будь собѣ вьнайде, або же высоко жнешь, або же зѣстаешь, або же снѣпъ не твердо завязанный, а не разъ и цѣлкомъ за-дурно палипевъ потягне. — Але що то ей говорити; — она не была николи на паньскомъ, то не знае того. Ганця отповѣсть, що ихъ буде бѣльше въ хатѣ, що будугъ ся мѣняти и на паньске ходити, що Хомиха держитъ и служащу, — то они ей заразы: Добре, добре, — уже то не одна така свекроха была; — а служащей она держати не буде, бо уже казала, що скоро невѣсту достане, то служащу отпавитъ. Ганця и просилася, шобы ей дали съ тѣмъ спокѣй, но годѣ было выпросигься; Варвара и дѣвчата все свое — та свое, — а были межи ними двѣ уже не молоди, котри хьба лишь еще на вѣдвця могли позирати. Робили еще тамъ щось инного, — а все най-шли способность, Ганцѣ подѣбное говорити. Такъ зойшло ажъ недалеко до полуночи, и еще были бы долше творили свое, но Василь казалъ ити спати, бо уже о первыхъ пѣвняхъ треба буде вставати на Повѣчерницю и разомъ со всѣми заспѣвати: „Съ нами Богъ.“

В о р о ж б а .

Бѣдна Ганця! подруги набили ей голову розличнымъ бесѣдами, наговорили то на Осифа, то на его матеръ много злого, и тому она досыть наплакалася. Съ начала смѣлася Ганця зъ того всего, понеже она знала добре Осифа, его доброе сердце и его матеръ; однако познѣйше, коли чѣмъ-разъ бѣльше ей наговорили, стала она и роздумовати надъ тѣмъ. Уже то таке дѣвоче сердце: — туй ему стати подъ Божій вѣнокъ, а таки еще щось нагаеся, чогось боится. Еслибы она могла теперь видѣтися съ Осифомъ та наговоритися съ нимъ, якъ то перше бывало, то она бы отворила свое сердце ему, и выговорила бы та свѣдала бы ся не о одно; однакъ Осифъ рѣдко приходитъ, а еще менше говорятъ съ собою, бо заручени. Та и въ самомъ дѣйствѣ, кто знае, яка буде Параска для своей невѣсты? кто знае, що еще

ю ожидае, чи не надодѣ еще панщина? кто то знае? Не одна двѣница завелася, та кто знае, якъ и съ Ганцею быти може.

Такъ билася Ганця съ мыслями, — а ту уже наставали мясницѣ, и родичи зачинали о весѣлью мыслити, та помалу приспособлятися до него.

Было то по Богоявленіи; — день былъ красный и погодный, — лишь морозъ дуже сильный. Василь побѣхалъ былъ съ Марисьскою еще рано малыми саночками, однокѣнкою до Санока на великій торгъ; парѣбокъ и пастухъ молотили на боиску, а въ хатѣ осталася Ганця сама.

Коли человекъ самъ-на-самъ, тогда думаетъ и мечтается наилучше. Такъ и наша Ганця. Она взяла кудель, сѣла съ нею при окнѣ и стала прѣсти ленъ, засукала веретено, но якъ засукала, такъ и опустила руки, бо затопилася въ мысляхъ. За хвильку пробудилася будто зо сна, — вздохнула тяжело и зновъ засукала веретено. Она думала о своей будущей долѣ, о Осифѣ, и о томъ, що ей наговорили подруги. Билася съ мыслями, бо жаль ей было Осифа, — ае если то правда, що говорятъ, то якъ же?...

Межи тымъ скрипнули двери въ сѣнехъ и заперлися. Ктось иде, певно сусѣдки съ Варварою, — подумала Ганця. Заразъ отворилися двери и до хаты, а въ нихъ показалася высокая, тонкая и худая женщина. Зѣ-пѣдъ червоной брудной и мѣстцями попередираной хустки, которою обвязана была голова, вызірало черное, поморщенное, худое лице, а въ немъ блыщало одно око, другое бо давно уже не бачило свѣта Божого. Зѣ-пѣдъ хустки было еще видно троха черного волосья Долгій загнутый орлиный нѣсъ додавалъ цѣлому лицу остре выраженье. Худое, высокое тѣло покрывала брудная плахта, спадающая зѣ плечей въ долину, зѣ-пѣдъ которой вызірала новая еще, но трохи прикороткая, бо лишь по колѣна сягаюча спѣдница зѣ синей малѣванки, и пристарѣлая запаска. На ногахъ были керпцѣ. Въ высклой черной руцѣ держала она долгій патыкъ — защиту противъ злыхъ собакъ. Была то, якъ читатель певно уже отгадалъ, цыганка.

„Дай Боже добре полудне вамъ!“ сказала цыганка входячи въ хату, и два ряда здоровыхъ бѣлыхъ зубѣвъ показались зѣ-по-за черныхъ воргъ.

„Дай Боже добре здоровья!“ отвѣтила Ганця: „витайте Яго!“

„О якъ ту добрѣ, — тепло, ажъ мило; а на дворѣ такой морозъ, што мало человекъ не замерзне,“ провадила цыганка дальше.

Ой правда, што днесъ зимно, а тато и мама въ мѣстѣ, померзнуть на морозѣ,“ отвѣчала Ганця: „загрѣйтеся, бо и вы змерзли.“ Цыганка притулилася до печи, стала ся грѣти и провадила дальше бесѣду съ Ганцею. Съ пыганками можна до волѣ наговоритися, понеже они ходять отъ хаты до хаты, зѣ села на село, всюда щось чуютъ и видять и дальше тое розносятъ. Ганця насыпала цыганцѣ киселицѣ на миску — былъ бо пѣстный день, — ала кивалъ хлѣба и ложку, а цыганка ѣла и вела бесѣду дальше. Перейшла

отъ зимна на то, що по свѣтѣ водится, що по селахъ и хатахъ чути, — кто где женится, который мужъ свою жену выбилъ и т. п.

„Дякую,“ сказала цыганка зѣвши и откладючи миску на бѣкъ — „дякую! — Богъ ный ти нагородить дѣвусю!.. Вкажь-ле теперь твою руку — я ти дашто выворожу зъ ней.“

„Эй бо я не вѣрю въ ворожбы; тямлю, якъ еще мой дѣдо повѣдали, што не треба ворожкамъ вѣрити,“ отвѣтила Ганця.

„Правда, же не треба вѣрити такимъ, што не знаютъ ворожити, але якъ я выворожу зъ руки, то иста правда, бо на рудѣ то вшитко стоить, лемъ не каждый знае добръ розчитати.“

„А вы знаете добръ?“

„Но звѣдайся Курдыловой Ксенѣ, або Процишиной Настѣ, якъ я имъ выворожила зъ руки, — все до найменшого ся сполнило.“

„Я ся бою, бо бы еще што злого выйшло.“

„Не бойся Ганцю, — хоць бы и зле, то все дѣйше напередъ о томъ знати, и на злое приготоувитися. — О! — бо я ту заразы не буду, и хоць бышь и хотѣла, то кто ти такъ отгане якъ и? Но-но! звѣдайся Варвары якъ хочешь, — бо она то николи не повѣсть на-дурис.“

„Но! . . . то . . . ворожте Яго, але правду, хоць бы и найгѣршу,“ сказала Ганця подиваючи съ несмѣлостью руку цыганцѣ.

„О — што я повѣмъ, то иста правда,“ сказала на тое цыганка и взяла Ганцину руку въ свои высохлыи пальци, смотрѣла долго на долонь, покивала головою, кашлянула разъ и другий, мрукнула щось подъ носомъ, плюнула на землю и говорила такъ: „О, дуже ту стоить — а доброго! Ганцю... ты думаешь штось . . . но . . . дармо . . . бо тобѣ ся вказуе паробокъ красный . . . съ чорнымъ волосемъ . . . сѣбыными гомбиками .. въ скѣрняхъ съ острогами. Але ты не знашь о немъ, . . . ты о иншомъ мыслишь. . . А но то ничъ не шкодить . . . якъ Бескилы зазеленѣють и квѣты розовѣются. . . задуанѣють конички на твого тата рыночку. . . гуслѣ заграють и буде весѣлье.“ Ганця дрожала якъ листь, сердце ей сильно било, а блѣдость съ румянцемъ играли на ей лици. Яга смотрѣла непрестанно въ лице Ганцѣ, — и узрѣвши тую игру красокъ, такъ кѣнчила свою бесѣду: „Терпѣня — Ганцю! терпѣня! плачь. . . тяжки мысли, то буде, але перейде; а ты терпи, бо не знаешь, где твое счастье. Нѣтъ ничъ злого, щобы не выйшло на добре.“ Еще щось больше хотѣла говорити цыганка, но Ганця вырвала свою руку зъ цыганчиной долони и такъ перервала ей дальшю ворожбу.

Ганця поблагодарила цыганку за ворожбу, вынесла зъ коморы каваль хлѣба для цыганки, а тая приговорывала все: „добръ — барзы добръ стояло!“ и коли ей Ганця еще всыпала збѣжа до плахты, обернулася цыганка къ отходу. — „Дякую дѣвусю за гостину и за дарунокъ!“ повѣла Ганцѣ, — скрип-

нули двери одни и другіи, — и цыганка пошла черезъ подворье на дорогу. Она вшла отъ хаты до хаты, а морозъ скрипѣлъ подъ ей ногами.

Ганця сидѣла на той самой лавцѣ, задумалася и повторила въ мысли слова цыганки. Кто знае, якъ долго была бы такъ думала, — ажъ скрипнули двери одни и другіи, — и вошла въ хату Варвара съ куделію.

„Слава Іисусу Христу!“ — „Слава во вѣки — витайте!“ поздоровилися обѣ, и Варвара сѣла собѣ на лавцѣ, и нужъ Ганцю розвѣдовати, що ей цыганка выворожила. Ганця зъ початку стыдилася сказати, а потомъ таки и сказала. Варвара же толковала и выясняла слова цыганки. Уже не станемъ повѣдати, якъ Варвара ростолковала ворожбу, — а таки вже не въ пользу Осифови. За часочокъ прійшло и бѣльше дѣвчатъ, и стали снова своимъ давнымъ рѣчи говорити, — а все противъ Осифа, противъ Хомихи, и Богъ знае що они тамъ не наговорили.

Приготовленія до весѣлья.

Ничь не помогали бесѣды подругъ, — Ганця сплече, а все свое думаетъ, та повинусь отцю и матери; — а старый Василь далъ слово, — такъ и додержати хоче. Прійшли мисницѣ, — и сталися коло весѣлья порати. Уже и день умовили, и дяка просили, чтобы то онъ заходилъ до Василя домѣвъ, та такъ борше вывчилъ Ганцю „катехи,“ дабы панъ-отець не робили перепонъ въ весѣлью, — и выбрались были до панъ-отца, чтобы стали заповѣди голосити. Панъ-отець розвѣдали все, якъ свѣдчится, — все было въ порааку, однакъ заповѣдей голосити не могли, понеже Осифъ и Ганця не мали еще отъ пана мандатора сонзволенія, вступати въ станъ супружескій. Ити жъ было до доминіи.

На другой заразъ день выбрались Василь Шемела и Михаилъ Хома, оба батьки, до доминіи. Не ишлося тамъ порожно, що можъ было взялося подъ паху, а другое на плечи. И масло, и бриндзя, и гусь, и два когуты ишли съ ними. Еще передъ штахетами огорода сняли шапки, ничь не зважачаючи, що зимно и снѣгомъ курить, — отдали все излишнее, що съ ними прійшло, до кухни, а сами потомъ прійшли на курытарь, и на пальцахъ подслушаютъ, чи панъ сендзя въ канцеляріи. Есть, бо чути, що ктось други дверьми тамъ прійшоць и каже: хлопъ... генсь... масло... —

Пукъ... пукъ... въ двери, — а зъ середины; герайнъ!.. Войшли наши Василь и Михаилъ, — поклонились низко, ажъ до самой землѣ, и стали коло порога. Панъ сендзя пише щось, ани обертаеся. По хвилѣ обернувся: „а цо тамъ повѣще?“ Поклонилися еще разъ, и стали говорити, въ якой орудцѣ прійшли.

„Нѣ мамъ азъсь часу... ютро,“ былъ отвѣтъ пана сендзѣго, а батьки оба поклонилися, бо годъ опиратися, чтобы не уразити пана сендзѣго, бо

справа съ нимъ нагла; — готовъ бы еще спинити, та бѣда! Поклонилися и вернули дождѣвъ.

На другій день такій вѣтеръ, така буря, а снѣгомъ такъ сыпле и курить, що и свѣта Божого не видно. Батьки оба мали ити до доминіи; но дармо, не поѣдешъ, бо доминія ажъ въ третомъ селѣ, — дороги и шляхи позакуривало, а ту черезъ поля и лѣсъ ити, такъ еще где зблудишь або застрягнешъ въ снѣгу, — и пропадешъ, згинешъ съ твоимъ житемъ. Радъ-нерадъ жди, чи якъ не переймеша. — Ждутъ день одинъ у другій — не перестаетъ и не перестаетъ, ажъ въ Суботу рано переялось. Шемела и Хома чѣмъ скорше щобы выйти до пана сендзѣго, бо завтра уже Недѣля, а если заповѣди не буде завтра, то не выйдуть, и весѣлья не буде, бо вже лишъ три недѣли до мясопустной Недѣли, — а свята нѣтъ. Но якъ ту ити? ни ити, ни ѣхати. Не курить — правда, — а однакъ снѣгу много, що годѣ и перебитися черезъ него. Урадили запрачи по коневи до малыхъ саночокъ и однокѣнкою ѣхати до доминіи. Выѣхали, — но Господи! кони западають по сами животы, ани ступати не могутъ, а шляку нѣтъ. Мусять стари ити напередъ пѣхотою, а за собою кони провадити. Случилося, що и зъ дороги зойшли, та где до якої ямы западуть, що годѣ и самимъ выйти и коней вытащити.

Бѣдовали много, — и левни по полудни заѣхали до сендзѣго. Зойшли зъ саночокъ якъ впередъ, и прійшли до канцеляріи якъ впередъ, и панъ сендзя такожъ якъ впередъ. Были и въ кухни, тоже якъ впередъ, и стали росповѣдати свою орудку якъ впередъ.

Щожъ панъ сендзя на тое? Панъ сендзя стиснулъ раменами, покружилъ носомъ: „Га — добре, добре. Хотите дозволенья? Добре, но я мушу напередъ знати, чи они мають волю съ собою вступати въ станъ той; потомъ мушу ся довѣдати, чи они собѣ заслужили на дозволенье, чи обое все послушни? и т. д. О томъ мушу еще поговорити съ ксендзомъ и съ экономомъ, та и съ паномъ лѣсничимъ. Може тамъ коли що на паньскѣмъ або въ лѣсѣ зашло.“

Такъ панъ сендзя говорилъ, — а все лагоднымъ голосомъ. Наши батьки поклонилися, и просятъ, и падають до нѣгъ, увѣряють, що на нихъ нѣтъ ничъ ни у пань-отца, ни у пана окомона, ани у пана лѣсничого, и яросятъ о соизволеніе, понеже часъ короткій и не буде можно справити весѣлья, та щобы не оттягати до по-великодни, понеже уже прилагодилися, и про тое бы шкоду понесли.

Панъ сендзя лише раменами постискуе, а самъ не взрушимый якъ скала. „Га — то не поможе, то не робѣтъ такихъ весѣль, вы богачи, но гроши можете на шо инного обертати, якъ на весѣлья, гостины и пѣятики; — зробѣтъ весѣлье короткое. А впрочемъ най вамъ ксендзъ голоситъ заповѣди я не борю!“

Клямяся, просили и молили, но ничь не помогло. Що ту робити? Хиба еще у пань-отца прибіжище. Но якъ же? Пань-отець на таке позволеніе не пристануть, бо пань сендзя -- видится -- не мають право позваляти ксендзу, бо всюда есть право, и пань-отець мають свои права. Такъ розмыслили оба. Однакъ тонущій и бритвы ся хвагае. Такъ еще до пань-отца, чей стануть голосити заповѣди, якъ узрять, що часъ короткій, та вже не свѣчають, локи не буде сонзволюенія отъ доминіи.

Съ тою гадкою выѣхали назадъ. — Но было уже пѣздно, а въ ноци темно, такъ, що мусѣли въ дорожѣ ночевати.

Въ ноци снѣгу не было, но за то сильный вѣтеръ морозовый зъ горбѣвъ поздиралъ снѣгъ, замети ся поробили и сновь всѣ шляки позабирало. Выѣзжаютъ наши старики рано, щобы еще передъ Богослуженіемъ застати пань-отця; — ѣдутъ и ѣдутъ, а мало уѣзжаютъ, бо годѣ про замети и снѣгъ. Гдесъ-тамъ подъ лѣсомъ якъ запалъ конь Шемелы до замети, ажъ цѣлый сковался, такъ, що ледво оба съ Хоמוю его вытищили. Обѣзжае Хома, що за Шемелою ѣхалъ, замѣтъ, абы не запасти, и видѣлось, що тамъ снѣгу нѣтъ; но тамъ былъ ровъ, а въ ровѣ полно воды, та конь якъ заламлся, та по череву въ воду и въ болото, та и дышель у саночокъ зломался, та и самъ Хома выше колѣнъ въ воду мусѣлъ влѣзти. Пріѣхали до села, якъ уже на „Достойно“ звонили. Пропало, уже не можъ было пань-отця о ничь просити.

О горе! щожъ ту робити! уже бо надходить Недѣля о блудномъ Сынѣ. Приходникъ дуже честный и лагодный человекъ далъ имъ таку раду, щобы выстаралися о сонзволюеніе у мандатора, и заразы ѣхали до Санюка до циркулу, и тамъ сновь просили о диспензу отъ двохъ заповѣдей. Послухали той рады. Сновь выбралися до пана сендзѣго Шемела и Хома якъ перше, и сновь не съ голыми руками. Пріѣхали, — но пана сендзѣго нѣтъ дома, — отъѣхалъ до Санюка; и някто не зналъ, якъ долго онъ тамъ забавитъ, лишь знали, що досталъ якуось вѣсть зъ циркулу и въ ненайлѣпшомъ умѣ поѣхалъ, не обѣцуючися, ажъ за кѣлька дней назадъ. Полиціантъ лише казалъ, що здаеся, якісь тяжбы позаносили громады на пана сендзѣго до циркулу, и для того тамъ поѣхалъ. — Що ту робити? „Хиба ѣдьмо до Санюка, та може тамъ напише сонзволюеніе, та заразы пѣдемъ до циркулу по диспензу,“ каже Василь. — „Та добре,“ отповѣдае Михайлъ поскробуючися въ голову.

Вернули домѣвъ назадъ, и уговорилися заразы другого дня до Санюка выбиратися. На дворѣ зробилось лучше, бо стало тихо, на небѣ было ясно, и теплый южный вѣтеръ почалъ вѣяти; а дорога ставалась твердѣйшою, по-неже снѣгъ ся збивалъ, звычайно якъ на отвѣлжи. — Пріѣхали ажъ надъ Сянѣ. Ту стѣй, бо дальше не можъ. По краяхъ лѣдъ, а серединою якъ бы корытомъ вода тече, — треба ажъ на поромѣ ѣхати, — а до него еще съ пѣль мнѣ. Пріѣхали и до порому, — але поромѣ не перевозитъ, бо перевозники боятъся, що пуститъ лѣдъ и надбѣде вода, про то, що отвѣлжъ не-

устанно, и вѣтеръ южный гей-бы огонь забирае снѣгъ; а уже не разъ того дознали, шо якъ есть день отвѣлжи, то уже пускае лёдъ. Тай правлу казали, бо шо лишъ батьки покормили собѣ кони, якъ-разъ трѣсне лёдъ, гей-бы зъ моздѣра кто выстрѣлилъ.

Тра вертати назадъ, — шожъ бо робити. То Божа воля. Уже весѣлье быти не може. Згрызся тымъ Хома, а еще гѣрше Параска, его супруга, а уже найгѣрше самъ Осифъ. Мариська же казала: Отъ еще ся троха потѣшу своею донькою.

Въ Недѣлю мясопустную прійшошь Хома и его жена и Осифъ въ гостиану до Василя, чтобы ту въ родинѣ повторити и подтвердити зроблени руковины. Тутъ они уложили: скоро выстаратися о соизволеніе зъ доминіи, та заразы по великодни повѣнчати молодыхъ. „Добре, каже Василь, але коли уже такъ отводитя, то хочу, жебы весѣлья было, якъ ся належитъ; най знаютъ, што Шемела выдае свою доню и же ю любитъ. Всѣхъ спрощу — цѣле село угощу.“ „А и за то, што мѣ такъ парѣбки додѣвали — угощу ихъ капакомъ, хотьбы зъ-подъ землѣ, а мушу го достати; — пойду ажъ къ Бодрогу, тамъ я знаю, де ёше есть дуганъ,“ казалъ Осифъ.

Припадокъ.

Долгій-долгій былъ великій постъ нашимъ милымъ. Шемела и Хома стали заразы съ початкомъ поста ходити до доминіи и просити о соизволеніе вступати въ бракъ своимъ дѣтемъ, — носилось тамъ одно и друге, бо панъ сендзя все казали, шо еще часъ — бо и такъ постъ. — Ганця — все бѣдна съ своими подругами. Не хочемъ читателя мучити съ описываньемъ тыхъ забѣговъ и клеветъ дѣвчатъ и Варвары, — онъ самъ дорозумѣтся всего, дорозумѣтся и того, шо вже обстоятельство, же весѣлье отложилось, было имъ пальцемъ Божиимъ, шо Богъ не хоче соединенія Ганцѣ съ Ослѣомъ, — а ворожба цыганки уже имъ исполнялась. Вамъ молоди красавицѣ лишъ то скажемъ, шо николи не завѣряйте своего счастья вашимъ подругамъ, ани слушайте ихъ радъ, лишъ слушайте своего сердца и рады вашихъ родичей, братьей и сестеръ, — тыхъ, шо вамъ ни завидуютъ, ни злого хотять. — Мерзкое то дѣло клеветы, все однако всюда ихъ полно. И самого Осифа они не залишили. Нашлися у него пріятелѣ и пріятельки, которми ему умѣли на Ганцю много наговорити: шо она и не робѣтна, и хворовтня; зъ чого будь, леда зъ вѣтру захворѣе, шо старый отецъ ей скупый, та не дастъ ніякого вѣна; шо она за другими паробками поглядае; шо долго спитъ, шо не умѣе їсти варити, печи помастити... и многа -- многа инного, чого годѣ и стямити. Шо и намолился ихъ Осифъ, чтобы му дали спокой съ тыми бесѣдами, — годѣ, не порадишь, все и все приходять и свое говорятъ.

Такъ тяглось и не перерывалось ажъ до великодни. — На великоднѣ тѣшимся воскресеніемъ Христовымъ, веселимся и воскресеніемъ природы,

а съ нимъ соединяемъ наши надѣи на будущность. Ганця и Осифъ снова легче стали отдыхати и снова бавились гадками, — бо съ весною мало быти ихъ вѣщаніе. Того року весна не долго дала на себе ждати; на великдень было уже все зелено и розвито, а люди много уже понастѣвали. Не славятся наши Карпатскіи стороны ланами пшениць и жига, ани шолковыми травами степей, въ которыхъ дрѣмають лебеді и соколы, — они поважни своими борами и лѣсами, въ которыхъ обитають дикіи звѣри. А якъ зазеленится Бескидъ Боже мѳй милый! — якъ тамъ чудно - красно, а якъ легко отдыхати гѳрскимъ воздухомъ! Бескидъ не дарить — правда — селянина пшеницею, но достарчае ему дровъ и на опаль и на будынокъ; а той и при овсянѳмъ хлѣбѳ благодарить Бога, и сидитъ въ красной трамѳвѳ хатѳ, а тамъ такъ тепленько, ажъ люблю, хотьбы на дворѳ якій морозъ.

Кто не былъ въ горахъ, то не пускайся въ лѣсы, бо тамъ прійдешъ на крутѳи стѣжки по-межъ потоки и скалы, по-надъ вертепи и пропасти, такъ, що зъ нихъ не выйдешъ, бо ними ходять лишь лѣсовѳи звѣрѳ, та часомъ-часомъ человекъ.

Уже надъ вечеромъ. Черныи тяжкіи хмары насуваются, а въ далечинѳ юга видко лыскавиць. Вѳтеръ чѳмъ-разъ то сильнѳйшій — а буря чѳмъ-разъ то ближе. На дворѳ душно и парно, що кобы не вѳтеръ, годѳ бы и выдержати. Было то гдѣсь заразы по великодни. Тогда ишли горѳ-горою чѳтыре мужчины, и стремилися къ лѣсу, поросшѳму на самомъ верху Бескида. Они идутъ осторожно, — ани не говорятъ голосно, и направляюгся къ укрытой стѣжцѳ; — а на плечахъ несутъ тяжкіи тлумаки. То бакуняри. Они несутъ свѳй капакъ, а идутъ такъ осторожно, чтобы где якій стражникъ не почувъ та ихъ не сѳймалъ. Бакунярь то якъ дикій звѣрь пхаеъ лише укрытыми стѣжками, и не на долго ему одна стѣжка служити може, понеже, скоро перевѳдаеъ стражникъ о ней, она уже не безпечна, нужно инной.

Бакуняри ишли тихо, но хутко, не вважаючи ани на тягаръ, що несли на плечахъ. Не завистный ихъ подвигъ: вѳтеръ сколыше листьѳмъ, птакъ перелетитъ зъ конаря на конарь, а бакунярь уже цѣлый дрожитъ и напинае уха, а ноги строятъ къ бѳгству, готовъ весь свой маетокъ лишити, кобы лишь утечи. Перейшли уже одинъ вандоль, и направились на право къ верху, на которомъ находились великіи скалы и пѣчеры, мѳинами и ожиною порослени. Подъ тыми скалами думали они отпочати або и заночовати, бо туча туй-туй доганяла, и зробилось дуже темно. — Ещъ троха — а горбокъ уже ту. Вѳтомъ щось зашелестѣло — и „стой!“ озвался голосъ; — „стой... стой!“ повторилося, — и явились два стражники. Одинъ схватилъ одного, а другій другого бакуняря, — два же прочіи не дали на себе долго ждати, лишь въ ноги. Пѳйшли! — ино два остались въ рукахъ стражниковъ.

„А паньѳ — прецьжъ разъ!“

„А драбы — а гуяцвоты -- а люпы!“

„Теперь ся васъ панье научить, якъ за бакуномъ ходити!“ кричали оба стражники на перемяну. Бѣдныи бакуняри дрожали гей листъ. Забыли о тучи, которая за ними гонила! Годъ — напиши: пропало! — що дѣлати? — Гбр-някъ все смиренный — и все просить, чи выиграе, чи не выиграе; хоть умирай, а все еще просить.

„Подаруйте панове, — подаруйте еще тотъ разъ — вельможныи панове, егомосцѣ, паноньки подаруйте! — хоць тотъ разъ. Мы вамъ того не забудеме, — мы васъ будеме все ямти, — будеме васъ благословити, за вами до Бога молитися. Тотъ остатній разъ панове! — Якъ насъ поймаете еще разъ, то уже зробіте съ нами, што хочете, а теперъ подаруйте!“ просили бакуняри.

„О еще вамъ даровати? — а то за шо? Человекъ мусить за вами шлайховати, якъ еденъ песъ по почяхъ по лѣсахъ... а ту мударуй! — а за шо? Гальтсъ мауль! еденъ съ другимъ и маршь съ нами!“

„Паночку помилуйте! Мы не за дармо, возьте собѣ и дуганъ, и всѣ гроши, што маеме при собѣ, а тато вамъ еще додатутъ, якъ вкажетеся до нихъ. Лемъ пустте!“

„Форвертсъ алъе байде — маршь!“

„О Боже — паноньку, помилуйте! — тато вамъ вынагородитъ, а теперъ собѣ возьте всѣ мои гроши и дуганъ, маю о еще 15 ренскихъ.“

„Въ мейнстѣ ду?“ отозвался одинъ стражникъ до другого

„Вѣ? гмъ... гмъ... венигъ,“ отповѣдъ съ намысломъ другій: „чуръ шарфъ ауфъ инъ.“

„Никсъ — альзо съ нами!“ и взяли бакунярѣвъ съ собою.

Тымъ часомъ насупулись хмары. Еще въ лѣсѣ зарвалъ ихъ грубый дождь и пралъ черезъ цѣлу дорогу ажъ до самой касарнѣ; — а шли до касарнѣ полутора часа. Прійшли до касарнѣ — уже было 12 часовъ полуночи.

Въ касарнѣ велѣли бакунярямъ зложити дуганъ, а ихъ обохъ замкнули въ особой комнатѣ. Га! якъ добре ту — тихо и тепло, хоть на дворѣ буря и дождь: — а и безопасно, бо двери замкнени, а на окнѣ желѣзными крата.... Но шо буде дальше? — тяженькая гадка. Одинъ бакунярь кинулся на землю и заснулъ, шо ажъ храпѣлъ, а другій — молодъ-хлопецъ перевертался съ боку на бокъ, и годъ заснути хоть до самого рана.

Рано было уже ясно. Красно взошло солнце и радостно повитало новый день, а лучи чудесными барвами отбивалися въ каждой капля вчерашного дождя. Заразъ рано выпроводили вязниковъ, — зважили при нихъ тюнтю, каждую плахту зъ-особна и списали протоколъ. Сей-часъ явилося двохъ стражниковъ, которые взяли обохъ бакунярѣвъ и протоколъ, и отпр-вадили до мандатора.

У пана сендзэго.

Пань сендзя прохожаўся ў шляфроку і датынкахъ, съ люлькою на доўгомъ саклаковымъ цыбуху съ грубымъ бурштыномъ, по огородку про-межь цвѣтамі по-передъ окна своего помешканья, и придивлялся, много ли шкоды наробила ему вчерашняя буря. На головѣ малъ шапочку на конвѣ роблену, презентъ огъ своей доньки, а зъ рота выпускаль клубы пахнучого дыму. Узрѣвши стражниковъ съ шверцерами, приступилъ къ штахетамъ своего огорода, коло котораго вела дорога до доминіи.

„Слуга пана добродзѣя — день добрый!“ сказали кланяющіся стражники.

„День добрый — день добрый!“ отвѣтилъ сендзя зъ легка покивующи головою: „а то запевне шверцери?“

„Такъ есть — вчера мы ихъ достали. Чи есть уже у пана добродзѣя осма година?“

„Еще не буде, но то ничъ не вадить; — отпровадѣтъ ихъ панове до канцеларіі, — кажу заразъ отомкнути. Валентый! Валентый!“

„Слухамъ пана,“ далъ ся чути голось, и внетъ показался на крыльцѣ челоуѣкъ середнего роста — слуга пана сендзэго, носившій имя и должность возного и полиціяна разомъ. Его называлъ сендзя Валентымъ, понеже Ивана, Грица николи не было у пана сендзэго, лише Янъ, Гжегожъ; — а зъ бѣднаго Василя зробилъ Валентого.

„Канцеларію отворити!“ крикнулъ сендзя. И пѣшли до канцеларіи.

Въ канцеларію засѣлъ пань сендзя на креслѣ при столику — и прибралъ на себе урядовую мишу, хотя въ шляфроку и патынкахъ. Ани шапочки не снималъ зъ головы. — Стражники зложили справозданье, огдали принесенный съ собою протоколь, а пань сендзя писалъ.

„А то ты Осифцю ту? ты богачу? овъ... овъ!... то и богача злапали, — а шожъ съ весѣльемъ? дома ладятся до весѣлья, а ты ту.. но.. но.. но!“ казалъ пань сендзя довѣдавшись зъ протоколу, шо одинъ бакунаръ то намъ знакомый Осифъ.

„Хотѣлъ ся выкупити,“ казалъ стражники.

„Такъ — давалъ гроши? — и шожъ?“ спросилъ съ любопытствомъ сендзя.

„Давалъ — но мы не пріяли, о борони Боже того!“

„Добре зробилисьте!“ казалъ сендзя съ удовольствіемъ. „Ха, ха, ха! хотѣлъ ся выкупити; — гмъ, и то треба взяти до протоколу, — а якже, треба, бо то тѣмъ богачи то дуже мудрыи люди! за надто маюць розуму... але я маю еще бѣльше, то я ихъ еще навчу.“

„Было ихъ четыре но два втѣкли, понеже то было въ дѣсь и ганць’ темно, а передъ самою бурею Мы погомъ дурхъ’ перемокли,“ розказывали стражники.

„То не шкодить; я то ихъ вынайду, а якъ нѣтъ, то тѣмъ два огнюкутуютъ. О, я то мушу остро карати, бо уже неразь скаржился передо мною економъ, же що лѣпшого иде за бакуномъ, а на роботу выходитъ саме ледащо, черезъ що скарбъ терпитъ, бо работа иде помалу. На паньске пойти му не до смаку, а за бакуномъ то иде! — А потомъ есть острый заказъ за бакуномъ ходити. Отъ чокого трафики? — то й кури, сила хочешь, а тамъ не ходи! — Або то и лѣсъ не терпитъ на томъ, що ходять; все нови стежки робятъ, молодой наростъ вытлумляють, — а навѣтъ серны выстрашуютъ зъ леговискъ, що потомъ и не знати, где ихъ въ осени глягати, якъ будутъ ловы. — А ты Осифцю — о зле небоже, не треба было по бакунъ ходити; — теперь уже не поможе и до царкулу вхати. А що буде съ твоею женитьбою? га? Шкода менѣ лишъ твоей наречевой, но уже не поражу, ты самъ собѣ виненъ. А до того ещесь хотѣлъ перекуповати цѣсарского слугу, таку збродню пополнити важилъ есь ся! — знаешь, за тое криминалъ!“ Такъ говорилъ — и сердился сендзя долго. Потомъ зробилъ протоколъ, закликалъ Валентого и казалъ шверцерѣвъ всадити до арешту, „поки ажъ на дорозѣ грошевоѣ або арештовоѣ не отбубутъ кару.“

Осифъ поклонился низко ажъ до самой земли и сталъ ся молити: „Прошу Бога Найвысшого и ласки вельможного пана сендзѣго, жебы были ласкавы мене пустити, а мой тато за мене заплатятъ, што тамъ припаде.“

„Цѣхо дурню!“ крикнулъ сендзя гнѣвно и тупнулъ ногою. „Еще смѣешь отзываться? Слухай, що ти ся каже, и молчи . . . прошу кого . . . онъ мыслить, що то жарты . . . дурень одинъ съ другимъ . . . не ходи за бакуномъ, а до того еще перекуповати . . . чекай пташку!“ Межи тѣмъ надѣйшоу Валентый и взялъ обохъ бакунярѣвъ до тюрьмы.

Справа скѣдичилася. Стражники поклонилися и отошли.

„О пся кровь! — якій файный тютюнь курить — правдивый роткеръ!“ казалъ одинъ стражникъ до другого повертаючи отъ сендзѣго.

„А правда — на шверцерѣвъ якъ кричалъ, а самъ шверцованный курить!“

„Стояло бы законтрабандовати сендзѣго, — ѓвъ го тамъ мусить еще кѡлька фунтѡвъ мати.“

„Ба — коли не смѣемъ, нужно бы ажъ доносити и комисію спроважати — а за той часъ онъ довѣдаеся, тай тютюнь сховае.“

„А впрочемъ, чи то оплатится? Таже они знаются якъ лисы кони. Не даромъ нашъ комисаръ у сендзѣго бывае.“

„И певно той самъ тютюнь у него курить.“

„Не иначе.“

Такъ розговарывали стражники межъ собою повертаючи домовъ.

С в и д а н і е.

„Бакунярѣвъ поймали стражники;“ ишла чутка отъ села до села, — та дошла и до села, въ которомъ обиталъ Михаилъ Хома.

„Певно нашъ Ивасъ сѣманий!“ крикнула якбы передчуваючи Параска, и стала голосно заводити. Михайлъ старался усмирить жену: може-то кого инного поймали, — хотьбы и Ивася поймали, то заплатится, що припаде на тотъ конецъ. Но вскорѣ, — на третій уже день, донесли Михайловы, що такой въ самомъ дѣйствиі Ивасъ въ руки стражниковъ попался. — „Сталося — годъ противъ водѣ,“ сказалъ Михайлъ; сѣлъ на коня и повѣхалъ до стражниковъ. Отъ стражниковъ довѣдался онъ подробно о цѣломъ событію и о томъ, що Ивасъ уже у сендзѣго находится.

Такъ справа у сендзѣго, — нужно до него пойти, кланяться, но съ голыми руками даромъ тамъ поѣдешъ. Михайлъ взялъ подъ паху лѣвъ гуся, а Параска на плечи саганокъ масла и такъ пошли до пана сендзѣго. Параска сплакала, и даже змыдѣла зъ жалю и туги про сына.

Такъ сендзя сидѣлъ въ канцеларіи, и щось писалъ. Не было у него никого, понеже що-но вышли отъ него люди; якась добра справа была, понеже майже всѣ червонцы на лицахъ и со слезами въ очахъ ишли.

На пальцахъ приступилъ Михайлъ до дверей канцеларіи, и запугалъ зъ-легка.

„Кто тамъ?“ крикнулъ панъ сендзя зъ середины: „герайня!“

Двери отворилися зъ-вольна, и въшолъ Михайлъ съ женою до канцеларіи.

„Ага — що тамъ скажете?“ — спросилъ панъ сендзя, прибравши урядовую мину, и обернулся половиною къ нимъ на креслѣ, та зложилъ долгое перо за ухо.

„Слава Иусу Христу!“ сказалъ Михайлъ, кланяся низко, ажъ до самой земли.

„На вѣки аминь!“ отповѣлъ сендзя: — „що тамъ?“

„Мы прійшли просити ласки Вельможного пана сендзѣго, — гдесъ ту стражники отдали нашего сына до пана сендзѣго,“ казалъ Михайлъ.

„А есть онъ ту — есть,“ отвѣтилъ сендзя.

„Мы бы просили Бога найвышого и ласки Вельможного пана сендзѣго,“ казалъ снова низко кланяся Михайлъ: „жебы были якось ласкавы на насъ и на сына.“

„Ту не потребно ласки просити. На васъ ту не ма ничь, — а сынъ, коли ходилъ за бакуномъ, то най отбуде кару.“

„Мы бы все просили, жебы Вельможный панъ сендзя были ласкавы.“

„Якъ то?“

„Такъ бы мы просили, жебы были ласкавы панъ сендзя подаровати,“ говорилъ кланяючися низко Михайлъ.

„То не може быти, мой коханий, — то острый заказъ за бакуномъ ходити, — то мусить быти укаране.“

„Та уже прошу покорнѣ Яснѣ Вельможного пана сендзѣго, що тамъ припаде, то ся заплатитъ, — то уже о то постаратися я мушу, бо мой сынъ.“

„То добре,“ отповѣлъ коротко сендзя.

„Та уже я заручу и подпишуся на то, только жебы Вьельможный панъ сендзя были такъ ласкавы и казали его выпустити.“

„То добре, если заплатите, буде выпущенный, — но теперь не можно.“

„Я бы заразы завтра постарался о гроши.“

„Завтра еще быти не може, понеже еще не вымѣрена кара и не написанный мандать.“

„Та жебы Вьельможный панъ сендзя были ласкавы то зроби,“ просилъ Михаилъ.

„Я не маю часу — теперь въ доминіи много работы.“

„Мы то не схочемъ за дармо, — лишь кобы Вьельможный панъ сендзя были ласкавы якъ найборше,“ казалъ снова Михаилъ, помѣрковавши, къ чему то панъ сендзя стремится.

„Га — то не момаже,“ казалъ панъ сендзя стискаючи раменами.

„Най мають Вьельможный панъ сендзя зъ ласки своей милость надъ нами и надъ Ивановъ, — бѣдакъ зойде на ничъ, змарѣо! А мы будемъ старатися вываячитися Вьельможному пану за ласку.“

„Га видите,“ сказалъ панъ сендзя по хвильцѣ намысла: „то трудно поде, но понеже вижу, що хочеге смиритися, то уже для Васъ буду старатися якъ найборше сдѣлати.“

„Дякуемъ дуже красно!“ сказалъ снова кланяючися Михаилъ

„Но то добре, — бывайте здоровы!“ отозвался сендзя.

Михаилъ якомь скробнулся въ голову, поглянувъ на жену Параску цѣлый часъ въ слезахъ при немъ стоящу, — покрутилъ носомъ, и вкло-нившися снова низко пану сендзѣму сталъ просити: „Мы бы малп еще просьбу до Вьельможного пана сендзѣго.“

„Но яку?“ спросилъ сендзя.

„Коли уже таке право, що не можно пустити Ивася, то мы бы просили, чи не могли бы мы его хотъ видѣти?“ говорилъ Михаилъ.

„То не може быти, онъ ту въ арештѣ яко шверцеръ, и яко такий, що хотѣлъ перекуповати стражника цѣсарского. А знаете, яка за то послѣдуе кара? то криминалъ!“ отвѣчалъ на прошеніе сендзя.

Однакъ на томъ не переставали Михаилъ и Параска, они кланялися и просили неустанно. Параска даже въ голосъ расплакалася, — якъ бо можно было имъ отходити зъ-отси, не видѣвши сына. Панъ сендзя всегда отказывалъ, и не хотѣлъ удовлетворити прошенію. Межи тѣмъ вошелъ Валентый до канцелярии и шепнулъ щось сендзѣму до уха; — „двѣ гуси и масло!“ Тѣ слова якомь зайбѣльше отбилися. Панъ сендзя сталъ мягшимъ, и началъ иначе говорити. Михаилъ и Параска не переставали просити, и панъ сендзя наконецъ по долшой бесѣдѣ, въ которой ясно выложилъ, що то лише зъ великой ласки, лише для Михаила Хомы, щобы ему показати, що не хоче

жстатися надъ нимъ, закликалъ Валентого и казалъ Михаила и Параску от-
провадити къ Ивасеви до тюрьмы, ради свиданіяся.

Трогательна была то хвиля, когда родичи съ сыномъ узрѣлися. Они
обнялися, цѣловалися, — и ни одно не могло черезъ долгое время слова
произнести; — лише сильно плакали. „Мой сыну, мой любимый Ивасю! чего
я по тобѣ дождалася!... чему ты мене не послухалъ, и не осталъ дома?“...
казала голосно плачучи мать. -- Но Ивась потѣшалъ ю и усмирялъ ей
плачь. „Не тужьтъ, не плачте за мною,“ казалъ онъ: „я провинилъ, — я
отбуду мою кару, котору менѣ право назначуть.“ Вскорь минуло соизво-
ленное для свиданія время, — Валентый объявилъ, що уже долженъ замкнути
визницю. Родичи просталися со сыномъ, — а Валентый трѣснулъ дверьми
отъ визници, и обернулъ ключемъ два разы. Двери замкнулися, — за ними
Ивась, а родичи пѣшли домѣвъ.

На Маковницѣ.

Сумно стало по той сторонѣ Бескида — зажурилися двѣ родины Ше-
меловъ и Хомовъ, — зажурилась наибольше Ганця. Журилась бѣдня и майже
не выплакала своихъ синихъ очей, бо нѣтъ милого, нѣтъ Ивася. Но тѣши-
лися злыми люди, що то не хотѣли видѣти Ивася и Ганцю свѣтчанныхъ; —
тѣшилася наибольше Варвара и тѣи дѣвчата, що неустанно Ганцѣ то на Осифа
то на его мать злое говорили. Не мило ямъ стало въ той околицѣ, —
про тое перенесѣмся генъ за зеленый Бескидъ, — и зайдѣмъ ажъ на Ма-
ковцю. Тамъ все такъ мило бывало. Вѣтрець южный розносилъ тужли-
выи нуты Маковицкихъ сопѣлокъ, которыи колыхалися по воздухахъ. Бывало
особливо одна сопѣлка такъ сильно проговарывала, що ажъ разрывала грудь.
Но теперь и ту стало сумно, бо тая сопѣлка замолкла уже долшій часъ, —
юноша, который на ней пригрывалъ, въ якусь незвычайную попался
былъ тугу.

Былъ то Янко — знанный намъ зъ Красного Брода. Отъ того часа, якъ
лишь повернулъ зъ оного отпуска, не видно было веселости у него. Сопѣлка
его прикурилась сажею, лежачи нетыкана на грядцѣ. Змѣрковали то всѣ, —
змѣрковалъ и старый родичъ. Долго размышлялъ надъ причиною его туги,
но наконецъ рѣшился таки его самого о тую спросити.

„Чого ты Яничикъ“ каже разъ въ недѣлю якось еще передъ великоднемъ
отецъ до него, „такъ сумный? што тобѣ долѣгае, повѣчь мѣ.“

„Э — ничъ тату.“

„Ничъ не ничъ, -- повѣчь демъ мѣ, не тай ничого. Може ты хочешъ
женитися, може ты собѣ сподобалъ яку дѣвку, а вагаешъ мѣ то повѣсти?“

„Та якужь бы тату, тажь ту нѣтъ нигде такой.“

„Але може где инде, — повѣчь, не бѣйся.“

Янко молчалъ на послѣднїи слова, — но того было довольно отцю.

„Ей чи не завернула тобѣ голову тога Галичанка, щось съ нею танцоваль? Бо то шумне дѣвча?!“

Янко снова ничего не говорил, но тѣмъ и открылъ всю причину своей печали. Открылъ, але заразомъ и забилъ клинъ въ голову старенькому, который такъ любилъ Янка, що былъ бы му радъ неба прихилити; однакъ гдѣжь глядати той Галичанки, коли ани имени ей, ани села, въ которомъ же, не знали. А потомъ чи можъ бы подумати, щобы она рѣшилася такъ далеко отдалитися отъ родичей?

Може бы и рѣшилася — думаль неразъ Войнаръ — если она бѣдна, однакъ гдѣжь ей найти? —

По великодни выходятъ Маковичане за овцами на полонины, а часомъ ажъ къ Буковинѣ и Семиграду. Стари родичи тѣшились, що може въ свѣтѣ розбѣрвеса Янко, — и выправили его съ другими газдами на овцѣ. Впрочемъ не первый уже разъ онъ ишолъ за овцами. Яко все, и теперь было прашчаніе со слезами.

Несподѣвана встрѣча.

Коли и ту не нашли мы потѣхи для нашего сердца, — то вернѣмся хйба назадъ на тую сторону Бескида. Тамъ може уже переминала недола и печаль, — божъ то Богъ ино до часу карае людей; — а если нѣтъ, то може потѣшимъ нашу Ганцю, може заспѣваемъ ей милую пѣсоньку, що она розвеселится, або скажемъ, щобы не вѣрля злымъ подшептамъ лукавыхъ подругъ.

Теперь весною ходила Ганця съ другими дѣвчатами на Бескиды на траву, которая застелила горы гей зеленый цвѣточный коверъ, для коровъ до полю, — а за то мала отъ коровъ много толстого молока, и робила маселце жолтенькое, що ажъ мило. Подруги ей спѣвали пѣсни, що ажъ лѣсы гремѣли, а Ганця все задумана и молчалива, видѣлося, що сполнились слова ей пѣсоньки такрѣчной:

Спѣваночки мои — дежь я васъ подѣю?
 Пойду до лѣсика; тамъ я васъ поспѣю,
 Тамъ будутъ дѣвчата на траву ходити,
 И мои спѣваночки будутъ находити.

Одного дня вышла Ганця съ подругами своими на траву. Было то уже по полудни, — дѣвчата спѣвали якъ звычайно, а Ганця шла тихо. Въ томъ далъ ся чути голосъ звонковъ овчихъ. Дѣвчата скокнули на горбочокъ и узрѣли велику череду овецъ, а при ней пять мужчинъ. Перестали спѣвати дивлячись на овцѣ и чужихъ людей, а Ганця лишь покраснѣла якъ рожа и дрожала гей листъ.

За пару хвиль прибѣгае къ нашимъ дѣвчатамъ одинъ молодой паробокъ отъ овецъ. „Слава Иисусу Христу“ — „слава во вѣки“ поздоровились вза-

ивно. „А витайже дѣвусю, та...ты... ту...“ казалъ онъ дальше до нашей Ганць дрожащимъ голосомъ, а тая не отвѣчала ничего, лишь потупила очи въ землю, и было видно, якъ сильно грудь волновалась у ней. Былъ то Янко, знакомый Ганць зъ монастыря. „Мои дѣвчагки,“ казалъ онъ по хвильцѣ отдохнувши, „мы бы васъ просили, чи не досталъ бы въ вашомъ селѣ што ѣсти, въ корчмѣ, або у якого газды, мы бы заплатили, бо уже три дни не можемъ ничъ теплого достати, и лише хлѣбомъ жиемъ; — нигде ничъ не можемъ достати, все идемъ самими Бескидами.“

„Тяжко щобысьте за гроши достали у насъ, але ходьте до моего тата, то васъ радъ погостятъ теплыми стравами, бо есть чимъ,“ отвѣла на тое Ганця.

Не хотѣлъ съ начала ити Янко, но потомъ далъ ся упросити, и пѣйшоу съ своими товаришами, — овецъ оставили черезъ той часъ въ Шемелы кошарѣ, который недалеко стоялъ и теперь былъ порожній.

Уже не станемъ описывать, якъ ихъ пріялъ Василь, — онъ пріялъ ихъ радо и мило, бо былъ гостинный. Що было тамъ гошень, а Михаилъ слушалъ, що гости оповѣдали про куплю овецъ и про тѣ стороны, куда ходили. —

Утѣха.

Не нужно оповѣдати, якъ урадовался Янко, коли узрѣлъ Ганцю, и довѣдался, где она жие. Простившись съ нею, хотѣлъ онъ орломъ слетѣти на свою Маковицу, такъ оповѣсти родичамъ, що открылъ свою богданку, и съ ними думати надъ способомъ, якъ до посѣланья ей руки прійти. —

За колька дней прійшли они домовъ, и Янко свидался съ родичами. Тутъ было его первымъ дѣломъ похвалитися передъ отцемъ своимъ товаромъ. Старый обозрѣлъ овецъ и тѣшился, що Янко добре купилъ. Потомъ оповѣдалъ все въ рядѣ — шо приключилось черезъ дорогу, шо видѣло и чулося по мѣстамъ и селамъ, на нѣчлягахъ и пасовискахъ, на рѣкахъ и горахъ, мостахъ и перевозахъ, и подобными рѣчи. Лишь о встрѣчи съ Ганцею якосъ ничего не говоритъ. Суть чувства не разъ человеку такъ дороги, шо не може ихъ виявити, закимъ до воли съ ними не налюбуется. Такими были и чувства по встрѣчи съ Ганцею.

Родичи тѣшились, шо Янко и до повеселѣлъ. Звукъ его сопѣлки снова озвался, но дивною нутю. Веселый звукъ — замѣнялся напрасно въ унылый, тужливый — даже въ отчаянный, и въ томъ майже утихала сопѣлка. Но въ томъ якъ бы нечаянно забысла ему надѣя, пробиваетъ тую тугу, тое отчаяннѣе якаясь радость, сумная пѣснь замѣняеться въ веселый звукъ. То была найчастѣйша нуга его сопѣлки сего лѣта и была правдивымъ излияннѣемъ его сердца. Отчаяннѣе и надежда въ любви мѣшались взаимно.

За якийсь часъ осмѣлился Янко, и рѣшился сказати родичамъ, шо видѣлъ Ганцю. Разъ въ недѣлю, коли не было никого, а стари сидѣли по полуденку на лавцѣ, каже Янко:

„Ещеъ вамъ всего не повѣлъ съ дороги, а важнаго дуже, кого мы видѣли?“

„А но, што таке?“ спросилъ отецъ.

„Гадайте.“

„Та я тамъ знаю кого?... може коні або волю яки красны?“

„Ей коні тамъ або волю, я повѣдаю, же мы когось видѣли, — человекъ.“

„Человекъ? — та такъ говори, же человека,.... а якогось человека?“

„Ба! — та гадайте.“

„Э гадайте — гадай же, коли не знаю на кого гадати. Та може якогo пана великого, — може снерала — або владыку.“

„Не можете сгадати.“

„Не могу — бо не знаю.“

„Знаете — Ганцю, што была на манастырѣ?“

„А то де я якъ?“ крикнулъ старшій и ажъ подскочилъ зъ радости. Янко оповѣдалъ, якъ съ нею стрѣтился, и якъ у ей отца былъ на гостинѣ, и все, шо о ней зналъ.

„О то за тебе ту не поїде, коли така богачка и една дѣвка — то пропало“.... Янко молчалъ.... „якъ же ты думаешь?“

„Я не знаю, може бы прѣбовати.“

„Якъ хочешь.. то добрѣ, але я знаю, же зъ того ничъ не буде.“

За недалгій часъ уже стояло на рынку Войнаря пять ослѣданныхъ коней, на нихъ поѣхалъ Войнарь самъ, и Янко, и дякъ Андрей Кокинда и старшій братъ Василь Курдило, и сусѣдъ добрый другъ Михаилъ Бразда черезъ Бескиль. Они поѣхали, ѣхали, и зупинились ажъ на подвѣрью Шемелы.

Несподѣвани гості.

Вже солнце зашло, — а тиха пѣтьма залягла цѣлу окрестнѣсть. Уже утихли и пѣсни дѣвиць, и сопѣлки югасовъ, и ничъ не важилося прорывати глубокой тишины, лишь потокъ журчалъ та журчалъ. По горахъ свѣтилися ватры, на которыхъ югасы пороскладали огнѣ. На все тое поглядалъ зъ высоты мѣсяць ясный оточенъ множествомъ звѣздъ, -- а при мѣсячку говорили старшии подъ угломъ хаты свои вечерни молитвы.

У Шемелы въ хатѣ догаряло въ печи, а Ганця власне кѣнчила свои молитвы; въ томъ заудѣвало щось на рынку. Ганця, и Отець и мати глипнули всѣ въ окно, кто такій могъ о той порѣ прѣхати. Чей не иноши думала Мариська.

Были то Маковицкіи гості. Василь выйшовъ на подвѣрье — спросилъ, шо они за сани, а коли позналъ межъ ними Янка, — заразъ попросилъ въ хату. Сказавши обычное „Слава“ говорили, шо будто гдѣсь ѣдутъ на торгъ за волами, — и коли ихъ тутъ ночь зарвала, Янко повѣлъ ихъ въ той домъ дознавши уже разъ гостинного пріятія. Василь зъ своей стороны показывалъ

удовольствіе свое, а Мариська принесла борзо горѣлку, хлѣбъ и масло, абы гостей пріяти. Ганця же будьто чогось перепудилась, бѣгае по хатѣ а сама не знае чого, и все собѣ говорить: чого они ту? — добре, що заѣхали до насъ .. ей не треба ихъ ту... Але чого они ту? они ту не безъ причины...

Другого дня раненько уже приѣгла Варвара. „Дай Боже добрый день!“ каже она до Ганцѣ „якиси иноши до васъ пришли, якійси барзъ красный паробокъ? якже Ганцю колижъ буде весѣлье?“

„Што вы бесѣдуете Варваро, деже то иноши?“

„О ты мѣ не повѣчь, бо я вшитко знаю.“ И нужь Ганцѣ выхваляти того паробка, хотя го еще на очи не видѣли, а Осифа ганити.

По обѣдѣ поишли Войнаръ и дякъ и старшій братъ и сусѣдъ съ Василемъ до стѣтлицѣ, а Янко, Ганця, Варвара и тіи подруги, що то звыкли Ганцю съ Варварою отвижати, остались разомъ.

Въ свѣтлицѣ сказаль дякъ цѣль ихъ прибытія. Василь казалъ, що такъ далеко не дастъ доньки. Но тіи не уставали въ своихъ прошеніяхъ и представленіяхъ. Войнаръ казалъ: насъ ино двое, — до смерти насъ доховають, а потомъ най собѣ робять, що хотять. Мають грунтъ — обійсьте красне и велике, и худобины досыть, и грошей имъ ся лишитъ по нашой смерти, — та могутъ то продати, и ту собѣ купити грунтъ и хату, та коло васъ жиги и газдовати. Мы обое уже стари, намъ и не много-вѣка. А буде — удержитъ мене Господь при здоровью долше, то я вамъ ихъ щороку разъ и два разы могу прислати на три на четыре недѣли, або и на долше, щобысьте съ ними тѣшилися. Правда, то досыть далеко, — але коли е худобина, суть коні, то не тяжко ся отважити. Отъ и мы вчера рано зъ дому, а вечеромъ ту станули. — Такъ говорилъ Войнаръ, а его люди потвержали то. И въ самомъ дѣйствиі не было лучшихъ видовъ для доньки Шемены, якъ ту, — однакъ то далеко, инныи люди, инный край, инный законъ, хотя такъ Русины, якъ и ту. Тое роздумаль Василь, и цѣлкомъ не былъ до того склонный, абы свою доню одати, хотя ему Янко дуже нравился. Якъ жежъ ту дѣлати? а не выпадало бы такъ честными людьми презрѣти. Но онъ выдумаль инный способъ, ему прійшло на гадку, що если донька не схоче, то онъ зо своей стороны не презирае ихъ, а за волю доньки шожъ могутъ родичи? Василь закликаль Ганцю и каже ей все, — а Ганця просто отповѣдае:

„Якъ вы тату кажете, — я пѣду, если ваша воля.“

Не сподѣвался такого отвѣта отецъ. Протягнуль рукою по челѣ: „Га, добрѣ!“ отвѣтилъ: „але я обѣцяль свою доню моему пріятелю за сына дати, и они дали собѣ слово, — то не можъ безъ него ничъ робити, бо было бы нечестно.“

„Ого!“ отозвалася на тое Варвара: „Осифъ пѣде еще до Санюка сидѣти, то вчера повѣдалъ возный зъ доминія. Дасте за арештанга вашу Ганцю? а повѣдають люди, што онъ ани позволѣнья не лостане, бо арештантъ.“

„Якъ будь — такъ будь, я то безъ людей и безъ Михала не зрблю. И зрразъ послаь по людей, — заможныхъ газдовъ и по Михала Хома.

Говорили и толковали розлично. Михаилъ уже навѣтъ не малъ смѣлости за своимъ сыномъ дже обставати, бо таки ничь красного, що Осифъ въ арештѣ сидитъ; а Ганцю все бунтовала Варвара и нини двчата, — бо рады были ей ся позбыти. Такъ годъ было прійти до конца. Що робити? треба еще пойти до панъ-отця и его порадитися.

Приходникъ, человекъ уже до пятидесяти лѣтъ, выслухавъ ихъ и такое сказалъ рѣшительное слово: Обѣ стороны дже красно и честно съ собою обѣишлись. Вы зъ-за Бескида почтилисте Василя тымъ, що прійшли до него въ сваты, а онъ васъ мовъ, що не откаже вашему прошенію. Однакъ нусите зважити тое, що Василь не може дяти своей доньки на непевное мѣстце, тымъ бѣльше, же вы зъ иного краю и далеко зъ-ѣтси — вы и. п. прійшлисте ту и ужесъте позмали цѣлый домъ и отношенія Василя; — такъ треба бы, жебы и онъ ваши пѣзналъ. За кѣмъ але Василь поѣхавъ бы тамъ до васъ, есть моя рада зрбити въ слѣдуючій способъ: Отъ якъ то красно зъ Василя стороны, що онъ прійшовъ порадитися до мене, — такъ само порадижся еще вашого панъ-отца. Вы веряйтся теперъ домѣвъ, тымъ часомъ намыслится Василь, — а за якийсь часъ прїѣдете снова и принесѣтъ собѣ письмо отъ своего душъ-пастыря. Если вашъ панъ-отецъ подтвердитъ все, що вы говорите, то я самъ буду за тымъ, абы Василь отдалъ свою Ганцю за вашего Янка.

Слово тое понравилось всѣмъ, — и на тое пристали. Маковицкіи гости еще переночовали сью нѣчь, а слѣдуючого дня скоро свѣтъ поѣхали домѣвъ. Янко лишитъ Ганцѣ въ дарунку красную широку стажку подъ шію съ золотыми цвѣтами и двѣ нитки коралей французскихъ.

II. ЧАСТЬ.

Моя воля — несчастная доля.

Журился, хлопоталъ и ходилъ старый Хома неустанно за тымъ, чтобы сына его якъ найскорше выпущено на волю. Ходилъ, однакъ долго не мѣгъ ничего выхитити, повеже панъ сендзя малъ на него еще давнюю злость за то, що Хома не повиновался былъ рѣшенію власти доминикальной, але удался до окружного уряду, и такимъ способомъ рѣшеніе доминіи опрокинулъ. И теперъ зная Хома дорогу до циркулу, однакъ тогда былъ въ правѣ, а принайменьше не чувствовался въ ничѣмъ злѣмъ, теперъ же — таки нужно признати, що былъ виноватъ его сынъ. Про тое просилъ въ доминіи, и розличныи дарунки сендзѣму носилъ — но той все умѣлъ оттягнути справу на пѣзвѣйше.

Наконецъ не стало уже Хома и терпеливости. Будь що будь, треба удатися до піркулу. Пішовъ Хома до Савока -- розповѣлъ тамъ цѣлу справу, заручивъ своимъ нитіємъ, що заплатитъ, що вимѣряться, лишъ кобы его сына пустили зъ вязницѣ. И добре сдѣлавъ, бо незадолго прійшло велѣніе до кошилин, ибы Осифа пустити навольну ногу, и акты дотычашин его провинны прислати до окружного уряду.

Такъ достался снова Осифъ на волю. — Было то якось въ кілька дней потѣмъ, якъ отойшли Маковицкіи иноши. Прійшовши дождѣвъ, Осифъ привитался съ роднею и всѣ расплакалися зъ утѣхи. Тѣшитса бѣдний, но не показуеся нигде межъ людей, бо стыднєся того, що сидѣтъ въ арештѣ. Правда, не есть то у гѣрняковъ стыдомъ, про бакунь сидѣти въ вязницѣ, але на Осифа по-рвносили розлични плетивъ, будѣто онъ хотѣтъ перекуповати стражниковъ, и за то поде до тяжшой еще вязницѣ, — а то все для того, щобы розвести его съ Ганцею. И до Ганцѣ не показуеся, разъ, що не має смѣлости и стыднєся, а потѣмъ и для того, що чулъ о иношахъ зъ-за Бескида, такъ и не знати, якъ бы его Ганця пріяла, — а еще тѣмъ бѣльше, що онъ такъ нужденно виглядавъ теперъ.

Бѣдний Осифъ! высвободился вправдѣ зъ неволѣ, -- но що ему зъ того коли не може погуляти собѣ свободно такъ, якъ сердце хоче. Показавъ бы ся где на игру, межъ парубковъ або дѣвчата, то ужѣ заразъ назовуть его арештантомъ, а то лишъ зъ зависти.

„Иди но до Ганцѣ — отвидати ю, бо видишь инши иноши заходятъ до ней та еще готовы взати, если не будешь пильновати,“ каже неразъ мати або отецъ до Осифа, а онъ лишъ отповѣсть: „Мамо -- заждійте-ле, я теперъ не могу.“ И въ самой рѣчи не мѣгъ, бо подумайте, добри люди, Осифъ любилъ Ганцю, и любилъ ю дуже, и бавился и тѣшился всегда тою гадкою, що колисъ съ нею оженится. А еслибы онъ теперъ пішовъ свидати Ганцю, а тая нимъ яко увязненный, збѣднѣлымъ, блѣдымъ презрѣла, якъ же бы онъ то знести мѣгъ? Тутъ лучше времени лишити, щобы або перестали о Осифѣ люди говорити, або Осифъ усвоился съ гадкою, що Ганця не може быти его.

Много — много страдалъ Осифъ.

За кілька дней выбраіся Хома съ женою въ гостину до Василя, — а съ собою вытягнули и Осифа.

Василь якъ звычайно пріялъ ихъ съ отвертими руками. „Витайте! -- витайте инды гости! уже я васъ давно вызералъ, — просиме близше!“ казалъ Василь на встрѣчи съ ними.

„Ци и теперъ мого Осифа такъ пріймаете у себе якъ перше?“ вопро- саль Михайль.

„О все, все!“ отповѣдавъ Василь: — „што то мы за нимъ нажаловалися, — а Ганця што наплакалася! О барзъ тѣшуся, што прішлисте, — та ци не докончиме разъ весѣлья?“

„А якже? повѣдають, же дасте Ганцю на Маковцю?“

„Э де тамъ, де бы мы ю такъ далеко давали. Правда, честны люди и богаты, бо такъ и дротарь зъ того села мѣ повѣдалъ, та и видно по нихъ, отъ и на яръ таку кригу овецъ собѣ гналъ, же въ насъ и найлѣпшій газда ей не мае, — але што зъ того? Отъ такъ бестѣвовалося, жебы имъ якое честь зробити. А теперъ добрѣ, што Осифъ дома. Они може придуть еще або нѣтъ, а тымъ часомъ може буде и по весѣлю.“

„Добрѣ бы то было, — и мы рады, кобы то явѣ найскорше, а вамъ дякуеме за добре сердце и ласкаве слово!“

„О того не треба — заразъ по Петровцѣ было бы найлѣпше зробити весѣля, — але позволѣнія еще нѣтъ.“

„Нѣтъ еще — но, то моя рѣчь, о того я буду старатися, — а вы южъ ходьте коло весѣля.“

Такъ говорили межъ собою оба други Михаилъ и Василь. Мариська и Параска притакивали тому, а Осифъ и Ганця слухали. Ганця привтала Осифа такожъ мило и красно.

Съ соизволеніемъ однакъ трудно ишло, понеже въ доминія сказалъ сендзя Хомѣ, що не може дати Осифови позволенія до женитьбы, закѣмъ справа его не скончится; а коли тая скончится, то еще буде вопросъ, чи Осифъ, который такое зробилъ преступленіе, достойный позволенія?

Осифъ и Ганця.

Коли довѣдался Осифъ, що сказалъ сендзя о позволеніи для него вступити въ бракъ, замурился дуже, — и нигде не мѣгъ найти собѣ спокою. И Ганцѣ не посѣщаль, лишь нарѣкчалъ на свою долю, що му Богъ далъ полюбити доброе дѣвча, а не дозволяе съ нею соединитися; онъ жаловаль, що заручился съ нею, и тымъ способомъ робитъ дѣвчинѣ завѣдъ, понеже она бы за инного пойти могла. Дивныи страданія томили его, — онъ жалѣлъ и надъ собою и надъ Ганцею. Гадка, щобы Ганця пѣйти могла за инного и не была бы его женою, — была для него смертію, а зъ другой стороны, коли помыслилъ часомъ, що Ганця могла бы и за инымъ счастливою а може еще и счастливою быти, понеже она бы могла пѣйти за солтыса, та не робила бы паньского, то стало ему каменемъ тяжко на сердце: „на що я ей завѣдъ роблю?“ казалъ самъ до себе. — Помыслилъ не разъ, шо купить собѣ солтыство, — но кто знае, чи при такихъ обстоятельствахъ, яки теперъ суть, если злость буде мати доминія, чи допустятъ до того, абы купилъ собѣ солтыство?

Такими гадками занятій и томлень, ходилъ Осифъ замысленный и нулил собою и свѣтомъ. Ани Ганцѣ не посѣщаль, бо коли собѣ на ню спомнулъ, ставало му тяжше на сердце.

Одного дня прибігає онъ до Ганцѣ, которая сама дома находилась, понеже всѣ поѣшли были на стѣнжаты.

„Якъ ся маешь Осифе! — давно ты не видати чнась,“ крикнула Ганця узрѣвши его.

„Правда, же давно —“

„А то чому?“

„Така моя доля. Днесъ пришолъ емъ съ тобовъ проститися.“

„Хиба де идешъ?“

„Иду.“

„Дежь идешъ? — чи на долго?“

„Дежь? я самъ не знаю де. Иду въ свѣтъ счастья глядати, бо го ту не маю.“

„Што ты бесѣдуешь? я тебе не розумѣю.“

„Што чуешь, — идугеть, бо ту нѣтъ для мене счастья, лемъ пришолъ емъ съ тобовъ проститися, и просити, жебысь со мною въ гнѣвѣ не розставалася.“

„Я ся на тебе не гнѣвала и не гнѣваю, и рада бымы ся николи не гнѣвати, — але якъ же то мене покидаешь?“

„Ты останешъ при добрыхъ родичахъ, — отдашься за иншого и будешъ счастлива.“

„Теперь вижу, што правду повѣдала мѣ Варвара, же ты мене не любишь и лемъ женитися миль, бо ти казали!“ — и расплакалась при тыхъ словахъ Ганця сердечно.

„Ганцю! . . . Ганцю!“ отозвался Осифъ, и густыи слезы покотилися по его лицу; — дальше не мѣгъ говорити. — Такъ плакали обое черезъ хвилию. „Ганцю моя — ты зле о мнѣ судишь, але я не хочу тобѣ быти перепаною въ счастью!“ говорилъ по хвильцѣ Осифъ.

„То мя лишаешь? — колижь ты узрѣти сновь?“

„Въ томъ Бога воля. Якъ найду долю и... то мя узришь, а если нѣтъ, тогды... не знаю... Теперь на отходне подай менѣ хоть руку.“

„Осифъ бѣйся Бога!... хоть лемъ на мене не забудь!“ промовила съ бѣдою черезъ слезы Ганця и подала руку.

Осифъ стиснулъ руку Ганцѣ, — и отѣйшолъ; Ганця смотрѣла за нимъ, але не могла черезъ густыи слезы его видѣти. Опустила бѣдна руки на лоно, и задумалась глубоко, а слезы льются та льютъ по лицу. Межи тѣмъ солнце зашло за гору. Въ томъ озвался великій звѣнъ вѣстачи, шо слѣдующого дня сято, — Ганця упала на землю, вдарила три поклоны, и стала сердечно молитися, — и лекше стало ей въ груди. Испытавши той разъ силу молитвы, глядала ова всегда у ней прибіжища, коли тяжко стало ей на серци, и дивно, шо николи не завелася.

Не разъ — не десять повторяла собѣ Ганця бесѣду послѣднюю съ Осифомъ, чтобы догадаться, що онъ намѣрие, но все не могла ся толку добрати. Найвѣроятнѣйшимъ здавалось ей то, шо ю Осифъ уже со всѣмъ покинулъ. Оповѣдала она то и Варварѣ, до которой набрала была мимовольно мало привязанья, но тая лишь того потребовала. „Не повѣдала я тобѣ того? ты ино мѣ вѣрь, онъ не хоче ся съ тобовъ жениги. Ого и то, же сендзя не хоче дати позволѣнья, вичія ино ихъ симихъ справка; старый Хома пароконъ подмовилъ сендзѣго. О я знаю! Боже дай, чтобы ты скорше отдалася, якъ онъ оженится, то я бы ся гѣшила; — ой кобы тотъ паробокъ зъ Маковицѣ пришолъ, — Ганцю, яка бы ты счастлива была, бо то богачъ! тамъ бысь была до смерти старыхъ, а потѣмъ бысте собѣ купили ту перше солтыство, хопъ де и свѣтила бысь ся зъ Хома,“ — отвѣтила на тое Варвара; — тай нужь дальше свои стари рѣчи плести на родину Хомѣвъ.

Отъисканіе.

На успеніе пр. Богородицы былъ праздникъ храма въ томъ селѣ, где жилъ Шемела. Множество народа зъ сусѣднихъ селъ стеклося на той праздникъ; въ церкви и около церкви не дай Боже ся пропхати. По Богослуженіи забираютьъ честни газды то сродныхъ, то кумѣвъ, то пріятелей, то знакомыхъ до себе на гостину. Шемела повѣлъ до своего дому родину своего пріятеля Хома, — бѣльше гостей было у него звычайно на по-праздничы, — тому и Хома не отходили, хiba ажъ на третій день. Сего года — хотя и при празднику та гостинѣ не было въ домѣ Василя такъ весело, якъ по инымъ лѣта бывало, — томужь и Хома другого дня заразъ рано отѣйшли домѣвъ.

Кто знае, чи зайшли уже домѣвъ, — якъ на подвѣрью Шемелы станули другіи гости — зъ далекого свѣта. Было ихъ пять, а всѣ мужчины и всѣ на коняхъ — чегыри старыи а одинъ красный молодець. Если собѣ припомнимъ, шо уже разъ видѣли мы такихъ самыхъ гостей у Василя, — суть то ти сами зъ Маковицѣ. Не треба затѣмъ голковати, шо они за одни, ниже въ какой орудцѣ они ту пріѣхали, бо мы то уже знаемъ. Навѣрно они про праздникъ не могли рано зъ дому выѣхати, — про тое переночовавши гдесъ въ дорожѣ пріѣхали передъ полуднемъ до Василя.

Василь пріялъ ихъ своею звычайною гостинностію яко уже знакомыхъ гостей; — въ серци же не дуже былъ имъ радъ, понеже зналъ, въ какой цѣли они пріѣхали, а намѣреніе его съ Ганцею было иное. Шожь ту съ ними дѣлати? шо ятъ сказати? Если бы хоть Осифъ малъ се изволеніе, або самъ ту былъ, — а то гдесъ поійшоль и кто знае, шо съ ними водитѣя. Тяжелая гадка висунулася на Василя, но онъ того не датъ по собѣ пѣзнати, и равомъ съ своею сунругою гостить прибывшихъ, якъ въ праздникъ годитѣя. Прійшло и бѣльше гостей, — такъ, шо бесѣда велася о чѣмъ иномъ, а о сватѣбѣ ани слова; лишь Варвара кликала Ганцю все то до коморы, то на

огородъ, и тамъ выхваляла Маковицкаго паробка, який оль хороцій, який красній, а який богатій — а добрый, — а милый, — а ца все придатный; где-где ани сробнати Осифъ съ нимъ, а який его отецъ милый, — а якъ то за Бескидомъ мило, — якъ то красно буде для ней, если она скорше отдасться, нежь Осифъ оженится — и инны подобныи рѣчи плела. „Ганцю! скоро ино ты звѣдаются, чи хочешь его? кажи, що хочешь, що поѣдешь за него,“ казала Варвара: „и проси, щобы вѣсьле было якъ найборше.“

Коло вечера, — розойшлися гости, а остались лишь Маковичане. Теперь сказалъ дякъ цѣль своего прибыгя, и увѣдомилъ Васця, що мають и письмо отъ своего панъ-отца. Письмо тоѣ было запечатано и до Приходника того села подписане „Добре,“ отвѣтилъ Василь: „теперь не могу ничего казати, закѣмъ письма не прочитають нашъ панъ-отець, — будемъ видѣти, шо тамъ стоить. Але днесь уже пѣзно ити до панъ-отця, бо они богослуженіемъ праздничнымъ знуженн, а къ тому и гости отъ не давно розвѣхалися, — та видишь, еще ктось зъ родины и есть.“

„Най буде и такъ,“ отповѣли Маковичане; — тай поговоривши немного и повечерявши поійшли досыть вчасно спати, бо то на дорозѣ мали дуже коротеньку и невыгодну нѣчь. — Василь же пошолъ вечеромъ до панъ-отця, и просилъ о Службу для себе на завтра, абы Господь му далъ счастливо вывзятися зъ того клопоту.

Слѣдующого дня рано передъ обѣдомъ еще выйшли Маковицкіи гости на поле далеко, обозрѣти нивы, луки и пасовища, та зайшли ажъ тамъ, где Яйко койи пасъ пѣль лѣсомъ, абы видѣти, якъ ту люди газдуютъ, якое збѣже у нихъ, якіи урожаи, — звычайно якъ газды. Межи тѣмъ пошолъ Василь съ Марискою и Ганцею на Службу Богу до церкви. По цѣломъ селѣ рознеслося, шо у Василя иноши зъ-за Бескида, и всѣ были любовитни знати, шо тѣмъ Василь зробіть.

По обѣдѣ за хвилию, о ту пору, якъ худоба зъ поля повертае, поійшли Маковичане и Василь и Мариска и еще двоухъ сусѣдовъ до Приходника;— Ганця осталась дома съ Варварою, и ожидала нетерпеливо, шо тамъ рѣшится, бо уже ю добре Варвара переробила. — Приходникъ пріялъ ихъ мило, где шо вопросилъ, а потомъ свѣдался за письмо ихъ Приходника. Войнарь вынялъ зъ череса письмо и далъ панъ-отцу, а тамъ стояло такъ:

„Всечестивѣйшій братево Христв! На желаніе моего прихожанина Войнаря и на Ваше письмо, которое я почтою передъ тремя седмицами получилъ, — доношу Вамъ о отношеніяхъ Войнаря слѣдующее: Войнарь Николай есть газда въ моемъ приходствѣ, посѣдае пѣль орека або по Вашему пѣль роля красной земли, газдѣство у него дуже хороше, худобы и збѣжа есть, дича добра, нова еще, такъ, шо оль може есть найбогатшій въ моемъ селѣ. При томъ есть оль честный и спокойный газда, жие съ супругою своею и въ громадѣ мирно и правствено. Шо же касается Яйка — такожь есть

нравственный и добрый хлопец, — но то о немъ вѣдати вамъ подобаетъ, що не есть онъ рѣднымъ сыномъ Николая, а лишь принятымъ. Двадцать и одинъ лѣтъ тому, якъ его, яко маленьку дѣтину принесли на рукахъ съ Красного Брода. Николаева супруга казала, що его тамъ найшла, и выховала его, повеже своихъ дѣтей не мали и не мають. — При той способности пріймѣть отъ мене выраженіе достойного почитанія и пр.“

„Эй та-то намъ тогда згинула дѣтина — нашъ Ваньо!“ крикнула Мариська.

„Нашъ Ваньо! — то Ваньо муситъ быти, бо черезъ кѣлька лѣтъ не было чути о томъ, чтобы яка дѣтина згинула кромѣ нашего Ваня,“ говорилъ Василь, и кинулись обое на шію Яковни: „то ты наша дѣтина! ты нашъ сынь, що згинулъ былъ!“ Потомъ приступилъ Василь до Войнаря та сердито сталъ кричати забывши навѣтъ на то, що Приходникъ при томъ стоитъ: „То вы намъ вкрали сына — вы! ходьте заразъ до домини, и отдайте намъ нашу дѣтину.“

Всѣ присутствующіи здурѣли, а Войнарь поблѣдъ якъ хуста, и видно, що до чогось почувствовался, понеже ноги подъ нимъ задрожали, и онъ оперся о стѣну та на палицю и не отвѣчалъ ани слова Василеви. И кто знае до чого было бы прійшло, если бы былъ Приходникъ не виѣшался въ тое: „Тихо-но Василю, заждѣтъ, якось то буде,“ — и казалъ Войнареви оповѣсти цѣлое дѣло. Войнарь видячи, що уже не утаится, сталъ оповѣдати тое, о чемъ еще ани Янко не зналъ. Оповѣданіе его що до дѣла, времени, мѣстца и инныхъ обстоятельствъ совсѣмъ было сходне съ тымъ, якъ Мариська утратила Ваня, — такъ, що яснымъ было, що Янко есть сыномъ Василя и Мариськи. Василь то цѣловалъ Янка то отгражался на Войнаря. Выслушавши тое, Приходникъ такъ сказалъ до нихъ:

„Василю не злостѣтся и не гнѣвайтесь, — лѣпше благодарѣтъ Бога за то, що вамъ сына назадъ далъ. Правда, що малисьте велику грызоту, але теперь за то ваша утѣха сто разѣвъ бѣльша, за тое не малисьте съ нимъ труда ховати его, бо вамъ го выховали красно и добре, и для того не маете причины гнѣватися теперь на Николая, коли все добре. То была Божа воля, — а вы на томъ заробили, бо вашъ сынь мае свѣой мастокъ отъ Николая, а вашъ мастокъ есть для молодшого.“

„Такъ есть, все мое для Янка и теперь, хотя его отберете отъ мене,“ отозвался Николай.

„Та правда же такъ,“ казала сусѣды: „не гнѣвайтесь Василю, роздумайте ино надъ томъ.“

„Та такъ и я повѣдаю; — слава Тобѣ Господи!“ отповѣлъ Василь.

„Но видите, сказалъ приходникъ Теперь же погодѣтся съ собою сами безъ судовъ, мирно, безъ гнѣву и крику; я мышлю, чтобысьте Янка оженити ту съ якою дѣвчиною, а потомъ най иде на Маковицю газдовати, — най

тамъ дохове до смерти тыхъ, що го выховали, а по ихъ смерти може ту перенестися, — а вы Николаю, позвольте му шо-року на якій часъ отвѣдѣти родичей своихъ.“

„Чомъ нѣтъ“ коли лемъ ехоче,“ отвѣтилъ Николай.

„Но такъ — згода?“

„Такъ есть, добра ваша рада панъ-отче!“ сказали всѣ, и поцѣловавши руки Приходнику отойшли.

Законченіе.

Ганця не могла дожидатися поворота отъ Приходника, — такъ бо то молоді люди все не терпеливи — а коли ихъ долго не было, то стало якось тоскно въ ей груди. Приходятъ въ кѣнци, — а Василь кличе Ганцю: „ходино дою! твой братъ Инась нашолся и прійшоъ,“ и показуе на Янка, що то ей братъ. Ганця стала недвижима и не знала, що се таке, — но потомъ таки дѣзналася, що Янко то вѣрно ей братъ рѣдний.

Описалъ бымъ вамъ состояніе Ганцѣ, но мое перо не здужае того; бо представте собѣ мои красавички: О васъ старается якій женихъ молодой и гарный, и моторный, и вы уже готовы ему отдать свою руку; въ-томъ до-вѣдается, що то вашъ братъ и до того еще рѣдний; — вы его стали любить иначе, а теперь треба любити любовію братнею. При всемъ томъ Ганця была навѣи и удоволеная по той причинѣ, що вывзялася зъ борбы съ самою собою. Але Янко, Янко — онъ такъ розлюбился въ Ганцѣ, тѣлько про ню страдалъ долше якъ черезъ рѣкъ, — а теперь довѣдуесь, що то его сестриця. Га — подумайте собѣ о томъ, — я вамъ описать не годенъ.

Василь уже не сердился на Николая, якъ то въ первомъ запалѣ былъ зробилъ, — и тѣшился и цѣловалъ Янка, а гостей засадилъ за столъ и угощалъ. Заразъ послалъ онъ и по бѣльше гостей, и по Хому съ женою, и былъ третій день праздника у Шемелы. Тутъ стали радити, що теперь дѣлати, бо Янко уже принадлежалъ своему рѣдному отцю Василю. Войнаръ проситъ, чтобы ему Янка лишити, чтобы его смерти доховалъ, за то обѣцалъ Янкови все що мае лишити. Мѣрковали то люди и на всѣ стороны розбирали; вкѣнци присталъ и Василь на тое. Лишь желалъ, чтобы Янко женился ту въ Галичинѣ и часто посѣщалъ своихъ родичей. „Съ охотою пристаю на тое,“ сказалъ Николай: „лемъ найдте му жену.“ Тай стали думати, гдебы оженити Янка. „Я не хочу вѣна и богатства, бо я тое дамъ, тѣлько штобы была добра, честна та згодна,“ казалъ Войнаръ. Думали то о той, то о сей, — ажъ ось озвалася Ганця: „Я ему выберу жену, што певно буде добра, — Олена Волкова буде для него добра, — она така любя, а ничъ не завистна, о я знаю, якъ она со мною была.“ И въ самомъ глѣвѣ она одна Ганцю потѣшала, коли тая тужила за Осифомъ, и не чарнила его передъ нею.

„А правда,“ отвѣтили родичи: „правда, то буде добра жена для него, — и съ певностевъ“ подѣ, бо ихъ есть бѣльше дѣвчатъ.“

Коли тое договоривали, вбѣгае Осифъ до хаты задыханый, и впаде паперь на столъ: „Но, славити Господа! уже есть позволѣнье, — то мѣне стоило труда, але не жалую, бо есть.“ — И была радѣсть велика въ родинѣ Шемелѣвъ, а Варвара и ой товаришкы гей бы змыты.

Маковицки гостѣ отѣхали домѣвъ, но не всѣ, понеже Янко остался у своихъ родичей. Коло Покровъ были снова тѣи сами гостѣ и привезли съ собою еще Войнареву стару на весѣлье до Шемелы, коли вѣнчали Ганцю съ Осифомъ, а Янко былъ дружбою. А що за хороше весѣлье выправилъ Василь своей донцѣ. Шо тамъ была за гостѣна, — и занъ-отецъ съ сыномъ посѣтили тое весѣлье; — а приборы у Ганцѣ красни: нова мента зъ красныхъ лисѣвъ зимовыхъ, тонкимъ снимъ покрыга сукномъ, сподниця шолкова зелена со серебрянымъ галеномъ доломъ, сорочка колиньска красенько вышивана, сафяны ажъ зъ Дебрецина, — а коралий нитокъ уже и не знаю кѣмъ было. Вѣнецъ выплели ей дѣвчага зъ барвинку, навѣгъ зъ поповства дали цвѣтѣвъ до него, и ряса зъ богатого овса, а стяжки яки тамъ были! Коли заспѣвали свашонки:

Кланяйся Ганцю татови, мамонцѣ

И вшиткой родинонцѣ!

то всѣ плакали, а наибѣльше Ганця — та родная мѣнька. И Войнаря съ женою посадили на столецъ, где сидѣла родина, а стеренькѣй тѣшился, — але коли Ганця клякла передъ него, чтобы ю благословилъ, и показалася ему на вѣнку стяжка, що то купилъ былъ для Ганцѣ на Монастыри — росплакался въ годѣ старенькѣй.

За тыждень было снова весѣлье Янка съ Олсою, — миле и сердечне, шо ажъ сердце радовалося. Янко поѣхалъ съ женою на Маковицю, — а Ганця до тещи. — Добре было Ганцѣ при тещи, бо Параска берегла ей якъ ока въ головѣ, — еще бѣльше ей жаловала въ работѣ якъ родна дѣтка. Теперь познала Ганця якъ ширны были ей подруги, а Богу не могла передяковати, шо такъ добре пошла за-мужъ.

Янко посѣщалъ каждого года два або три разы своихъ родичей съ женою. За шесть лѣтъ поховалъ онъ своего покровителя Николая, который два лѣта уже жилъ вдовцемъ, — продалъ потомъ все имѣнѣ на Угорщинѣ и переселился въ Галичину къ своимъ рѣчанамъ, где купилъ собѣ солтыство, — ѣздилъ ино за душу своихъ докровителей отправляти панахиду на ихъ гробѣ.

Въ писъмѣ писался Янко до отцу Шемелю, а люди называли его Маковицкимъ Янкомъ, — такъ и zostало ему потѣмъ у народа тое имя, — а дѣтей его уже и въ книгѣ записали на имя Маковицкихъ.

Алексій И. Тороньскій.

СЕЛО КАМЕНКА ВОЛОСКА.

(Статья географическая.)

II.

Село тое положене въ Галичинѣ, окружѣ Жолкѣвскѣмъ, повѣтъ Равскѣмъ, по obu сторонамъ гостинца Варшавско-Львѣвскаго и рѣки Каменецкой, въ отстоянію пяти и полъ миль ътъ Львова. Границѣ его суть: ътъ востока села Пристань и Бестѣды, ътъ юга Добрусинѣ и Руда Матерѣвска, ътъ запада Улицко и мѣсточко Пѣтеличь, а ътъ сѣвера мѣсточко Рава и села Голе Равское, Гѣйче и Вѣльки Мазовецкіи. Каменка Волоска есть наибѣльшимъ селомъ Галичины, бо обнимае 21,000 австрійскихъ моргѣвъ, то есть, бѣльше якъ двѣ миль квадратовой, -- отже мало що меньше, якъ цѣлое удѣльное княжество Лихтенштайнѣ. Средняя долгота села того ътъ запада къ востоку выноситъ цѣлыхъ три миль, широта же ътъ сѣвера къ югу три чверти миль. На той то просторони находится 1226 домѣвъ, два дворы, три парохіальныи церкви (съ шести священниками), двѣ тривіальныи а двѣ парохіальныи школы, два водныи млыны, двѣ винницѣ (горальнѣ), 18 корчемъ и австерій, 980 грунтовыхъ господарей и 6250 душъ, зъ котрыхъ суть 6000 обряда гр. к., 100 обр. лат., а 150 жидѣвъ.

Назвиско Каменки выводятъ ътъ великанскихъ камней, на сѣверо-западныхъ горбкахъ села того пороскиданыхъ, котрыхъ величина, множество и видъ дивоглядныи высокое впечатлѣніе дѣлають, а котры изъ далека развиллинами великаго якого города быти выдаются. Волоскою называеся Каменка ътъ первыхъ основателей села того, Волохѣвъ. Давнѣйше (неразъ же и теперь еще) называли село тое Каменкою ътъ золотой бани, а то пѣсля позолоченои банѣ на церкви парохіальной обр. лат. въ Жолкви (двѣ миль ътъ К. В. отстоящей), котрую, хотя теперь значительно почернѣла, народъ за чисто-золотую и за велике чудо уважае.

Що до камней, на сѣверо-западныхъ горбкахъ Каменки пороскиданыхъ, то характеристичне о нихъ есть слѣдующее: они положеныи суть на верху землѣ, стремя въ ней меньше-бѣльше, ято одни группами, инчи же порос-

киданы по одному. Бóльша зъ реченныхъ группъ, зовимая Чортовецъ, находящаяся на нивѣ зовимой Чортомары, занимае около трехъ моргòвъ, на которыхъ около пять сотъ камней, а то частію оденъ при другòмъ, частію же меньше-бóльше óтъ себе óтдаленны лежатъ. Наибóльшія одинокія каменѣ суть четыре до пяти сажней долгія, три широкія, а пòлтора сажни надъ землю высокія; первоначально же мали гденекотрыи изъ нихъ далеко бóльшія быти, гденекуда бо отвѣтствуютъ собѣ противоположныи краѣ лежащихъ коло себе двоухъ, трехъ, або и четырехъ камней такъ точно, же они самы очевидно лише частями одного, ту на мѣстци розломаного камня быти выдаются. Каменѣ тѣи лежатъ плазомъ, въ направлєнію долгогы по наибóльшой части сѣверо-южнòмъ, на верхахъ горбкòвъ, або на стокахъ ихъ (найчастѣйше сѣверныхъ), относительно же до цѣлого ряда горбòвъ, продолжающогося въ направлєнію юго-сѣвернòмъ óтъ Львова къ Пòтеличу, на восточнòмъ стоцѣ тѣхже. Они суть не много позаокругляны, мають по собѣ ровки (происходящія правдопòбòно óтъ тертяя плынувшихъ колисъ коло нихъ масъ), котрыи теперъ уже не идуть горизонтально, но въ различнòмъ направлєнію укосно. Що до сложенія суть то грубо-зернистыи, чистыи, сѣраво-або рожаво-бѣлыи пѣсковыи каменѣ, не мѣстящія въ собѣ жадныхъ мушлей. Спòйность однихъ дуже тверда, а поверхность стеклообразно лоснящаяся; инши же суть лише на верху не много тверды, въ серединѣ же зерна пѣсковыи свѣзого рзалома рукою легко растирати даются. Зъ того обстояательства, же сего рода каменѣ въ поблизкихъ горахъ верствами нигде не находятя, а въ Вишенцѣ (о три милѣ на югъ) и Каменцѣ Струмиловой (въ óтдалєнію четырехъ милъ къ востоку) тѣиже образомъ, якъ въ Каменцѣ В. пороскиданы стремлять, заключаемъ съ вѣроятностію, же они належатъ до ряда камней при былыхъ (ergatische Blöcke), нанесенныхъ изъ далека (може ажъ изъ Финляндіи, если описанныи óтъ Пуша и Сташица скалы гòрь Сандомирско-Келецкихъ не суть тогоже самого рода). Народъ розказуе собѣ, же то злыи духи хотѣли зъ тѣхже камней замокъ (пòсля иногò толкованія церковь въ честь ихъ начальника) поставити. Но коли возносилися съ ними надъ Каменкою В., запѣлъ когутъ, а то принудило ихъ, каменѣ на мѣстце, теперъ ними занятое, пустити *).

Каменка В. не составляетъ одно непрерывное поселеніе, но на цѣлой великой просторони, занятой нею, пороскиданы суть хаты однакимъ образомъ по одной, по двѣ, три, а наибóльше тридцать хатъ въ купѣ. Такихъ группъ поселеній, зъ котрыхъ кождая мае свое назвиско, находится въ Каменцѣ В. 140. Остатняя хата на юго-западѣ К. В. отстоитъ тому óтъ остатнои на сѣверо-востоцѣ двѣ милѣ и три-чверти въ воздушно-простой линіи.

*) Мѣсто Львòвъ сдѣлало угоду о выкопаньє сихъ камней на брукъ, и не долго уже будемъ тѣшитися сганнымъ ихъ видомъ.

Розсѣяны хаты Каменки В. подѣлены суть на такъ зовимыя урочиска, которыи собою будьто поединокіи сельца составляютъ ; урочиска тіи зовутся:

1. Старе-село)	сосгоить изъ	164 хатъ*)
2. Дубрѳвка)	" "	55 "
(3. Липникъ	" "	120 "
(4. Березина	" "	54 "
5. Пѳмлынѳвъ)	" "	76 "
6. Мощанна)	" "	18 "
(7. Голе	" "	50 "
(8. Крушина	" "	53 "
(9. Пѳльце	" "	37 "
10. Буди)	" "	90 "
11. Криве)	" "	77 "
(12. Мелява	" "	36 "
(13. Ператинъ	" "	82 "
14. Бѳжкѳвъ	" "	160 "
15. Боброѳам	" "	154 "

Цѳла Каменка В. подчиненна правленію осми вѳйтѳвъ. При послѣднѳмъ помѳрѳ г. 1854 подѣлено село тое на два податковыи тѳла: Каменку Волоску (западно) состоящую изъ девяти, на первѳмъ мѳстци выше положенныхъ урочискъ, и Каменку Лѳсну (восточну) состоящую изъ прочихъ шести урочискъ. Въ отношенію душъ-старовничества подѣлена Каменка В. на три гр. к. парохіи: Старосельскую съ церковью пар. на Старѳмъ-селѳ, Липницкую съ церковью пар. на Липнику и Лѳсную съ церковью п. въ Боброѳдахъ. Училища тривіальныи суть въ Боброѳдахъ и Пѳльци, а парохіальныи въ Старѳмъ-селѳ и Липнику.

III.

Поверхность земли въ Каменцѳ В. есть на восточной бѳльшой части рѳвна, 700 стопъ надъ море вознесенна; западно, меньшу часть еи (Старе-село, Дубрѳвку и часть Липника) составляютъ горбки, изъ котрыхъ Волковица около 380 стопъ по-надъ окружающую рѳвню, а 1080 ст. надъ море возносится. На западныхъ горбкахъ принадлежатъ тѳнистыи, вонящии дубровы, холодныи керницѳ, чистыи, пѳніемъ различныхъ птицъ разбудженный воздухъ до милой прогулки. Станувши тамъ на поросшой игловатымъ та листовнымъ лѳсомъ Волковицѳ споглядаемъ по-за пропастистыми, крутыи лебрами по правой сторонѳ на выше упомянутую дивогляную купу каменей, похожихъ на мѳры предвѳчного замка; низомъ пересуваеся межъ дубровами товарина, дальше возносится зѳ-по-межъ милѳйшихъ садѳвъ сивавый дымъ изъ хаты селянина, а на долинѳ, орошенной серебрястымъ,

*) Урочиска, соединенныи скобками подчиненныи суть подъ одного вѳита.

мовъ пояскомъ, Липницкимъ потокомъ, сіяютъ по лѣвой красныи муры двора, на опрятное мѣстечко походящій, по-надъ котрыи возносится высокая бана мурованной Липницкой церкви. По правой стѣнѣ зѣ-помежь мрачныхъ бере-стѣвъ вторая Каменецкая церковь, за нею же бѣлѣютъ въ дали муры четырехъ-башневого замка въ Рудѣ Магерѣвской, посѣщанного колись многократно отъ Іоанна Собѣского въ часъ ловли; въ-около него пороскиданы бѣлока-менныи зѣ-помежь садѣвъ принадно прозирающіи хугоры, — а гень на лист-венномъ горбку блестятъ три банѣ церкви Рудо-Монастырской. Рамоу всего суть листовныи, розличновидыи, въ синой дали амфитеатрально губя-щійся горбы, въ котрыхъ мрачныи тѣни запускаеся широкой гостинець, те-перь приватный, бывшій же колись старымъ головнымъ трактомъ Варшавско-Лѣвѣвскимъ. Тѣмъ то гостинцемъ отъправляли колись цари и воеводы польскіи на чель войскъ свои походы; на входѣ до тѣхъ-то холмѣвъ, коло реченного замка пораженъ былъ г. 1657 Юрій Ракоцій отъ Стефана Чернецкого, котрое то пораженіе обыкновенно отъ сусѣднаго мѣстечка Магеры, где Ракоцій стоялъ съчею, называеме бывае; и зѣ тамтѣхъ-то вѣроятю времяъ похон-диль могила, возносящаяся тамъ середъ лѣса, въ мѣстци, въ котромъ теперь и стежки не ма, вѣчнана старою, поврежденною капличкою. Подъ верхомъ Волковицѣ стоитъ лѣсомъ осѣненная единственная корчма, много посѣщае-мое мѣстце прогулки для Равянь; не много же дальше зѣ-отси къ сѣверу указуеся премилый до-недавня, а теперь сумный видъ погорѣвшой (дня^{10/12} Августа 1862) Руской-Равы, четверть милѣ зѣ-оттамъ отстоящей, а окру-женной лѣсистаи холмаи.

Милѣйше еще и любопытѣйше перейтѣся по горбкамъ на Дубрѣвцѣ. Минувши красный двѣръ и темноосѣненную Старо-сельскую церковь пускае-мся по-надъ берегъ кругого потока въ гору: по обу сторонамъ дивоглянныи каменѣ, дальше старобылого вида корчма, тамъ малѣвничо пороскиданы бу-лыньки цегольнѣ; гаѣ зближаются и густѣютъ чѣмъ-разъ больше, а передъ нами мрачѣ таинственный, гористый, лебраи пороздираный лѣсъ. Дальше и не видко поселеній людскихъ; одна лише хата, схованна середъ мрачного садка, бѣлѣ въ сѣнной зелени, отдѣленна листовныи горбаи отъ прочого села и свѣта, передъ нею же роспространяеся прекрасный видъ на долину, всѣи природы красотаи сіяющую. Не ма, правда, въ томъ видѣ ничего не-звычайного; не видко ту величавыхъ мурѣвъ, ни дивачныхъ пропастиныхъ скалъ, ни шумящихъ водоспадѣвъ, ни озеръ прозрачныхъ, по котрыхъ си-вѣмъ зеркалѣмъ легкіи парусы гонили бѣ; видко — можъ бы сказати — лише долину, дерева и горбки: но що за пестрота рослинъ по долинѣ, що за многорозличное угрупованье деревиныи и корчѣвъ, що за прелестныи виды все окружающихъ горбѣвъ, по котрыхъ листовной одежи играющій солне-чныи лучи наирозличнѣйшии, а гармонійно сливающійся краски рощичили! Якъ милое согласіе пѣнія птицъ и голосѣвъ скотинны; легкой, воняи дыша-

щій воздухъ, чистая журчащая вода крутого корчами осыенного потока, а середъ тѣхъ красотъ природы до полусонной задумы принадлежащая, безгармонійныхъ свѣтовыхъ безавліи невкусившая самота — словомъ: красота, воля и гармонія, наполняющая роскошею всё чувства, же хочъ бы вѣчно ими наповатись, а тяжко разстатися съ мѣстоположеніемъ тѣмъ такъ милымъ, идиллическимъ, якихъ не много надѣбати лучится! Идемъ дальше, — лѣсомъ тѣмъ-разъ густѣйшимъ и бѣльшимъ неде стежка по-надъ потѣкъ, котрый лемежъ пропастистыми, простоотвѣсными, до шестьдесятъ стопъ высокими берегами тече; переходимъ его и стаемъ небавомъ въ малой котлинь, окруженной горбками, поросшими прекраснымъ листовнымъ лѣсомъ, середъ котрого старый, высокій, червоно украшенный крестъ увагу нашу плѣнае; подъ крестомъ широкая керница, котрой волны пѣсокъ негъ глубины вымѣтующи, поручемъ окружены, а низше тогоже мостомъ покрыты. Въ водѣ множество галузокъ, а на поручу висятъ розличны куснѣ шматъ, умѣщенны ту руками изцѣлившихся отъ той воды. Тая бо керница есть то извѣстный „Самецъ“, котрого водѣ нарѣдъ свойства цѣлительны приписуе. Зѣ далека приходятъ недужны до него, и о восходѣ солнца, на-тше по три разы мыются въ немъ, скача въ него въ той самъ часъ, коли новая волна съ пѣскомъ на верхъ выплыне, маючи при томъ на памяти св. Евангеліе, ведля котрого въ овчей купели тѣмъ изцѣвленны были, котры по возмущенію воды первыи до неи входили. Обмывшись недужный оставляе въ водѣ тое полотно, котрымъ умывался, будучи увѣреннымъ, же съ нимъ разомъ и медугу оставилъ. Передъ осьмнадцати лѣтами сходилися коло топ керницѣ процессіи изъ четырехъ сусѣднихъ парохій С гарого-села, Потелича, Улицка и Руды Монастырской, котрыхъ то всѣхъ границѣ въ томъ мѣстці сходятся. Св. писаніе повѣдае: „Никтоже пророкъ въ отечествини своемъ;“ такъ и „Самецъ“, положенный впрочемъ уже на Руденьской земли, мало есть посвѣщаемый ѡгъ Каменецкихъ, но наибѣльше ѡгъ постороннихъ людей, котрыи неразъ о десять миль до него приходятъ и по три дни коло него бавлять.

Отъ „Самця“ идеса границею до инои, недалеко положенной керницѣ, зовимой „Маруся.“ Въ дѣбрѣ (уже на Каменецкой земли), поросшой грабляю, березиною, ивою, свидомъ, зостелиною, смородюхомъ, глодемъ, свербигузами, выстеленной блющемъ, копытникомъ, первѣсночками, брочемъ и нынии достопамятныи зблями, волнуе зѣ-подъ примѣтного горбка зимнѣйша еще, якъ Самцева вода. Спомянутый горбокъ сложенъ изъ малыхъ, округлаво-вытертыхъ, найрозличнѣйшихъ родовъ камней: бѣлыхъ, зеленыхъ, желтыхъ, червоныхъ, черныхъ, временей, наконецъ изъ розлично украшенныхъ жушлей. А такъ и рѣнь тая не зѣ окрестныхъ гѣръ скотилася, во въ предвѣчныхъ часахъ страшного наводненія прибыла она зѣ далекыхъ-далекыхъ сторонъ, пригадовати въ тѣмъ-то мирѣмъ теперь, увеличенномъ за-

кутку древле лютьвшіи ся страшными революціи земль. Сего року має надъ „Марусею“ капличка въ честь св. Владимира вымуроватися, що до украшенія сего мѣстця не мало причинится.

Перейшовши назадъ потѣкъ, надыбуемъ численными колодызе-образными, неразъ до пятьдесятъ стопъ глубокии ямы, изъ котрыхъ гончарѣ, посуваяся въ земли коридоре-образно въ около, глину гончарскую добываютъ. Неразъ лучится, же яма мимо слабого забудованья (цимброванья) засудеся въ часть роботы и живцемъ погребаетъ копающаго въ ней робѣтника. Дня 8. Червня м. г. нашолъ ту (уже на Потелицкой земли) одинъ гончаръ симъ образомъ предвременный грѣбъ. Не много дальше зъ-ѣтси на сѣверъ приходимъ до мѣстця, въ котромъ добываютъ глину фаянсову (зовимую ту файфурскою) и каменный бурый уголь (Braunkohle). Рядъ бо горбѣвъ, протягающійся ѣтъ Львова ко сѣверу на Жолкву, Потеличь до границъ Россійско-Польском, на котрого восточномъ стоцѣ Дубрѣвка положена, состоитъ въ найнижшой, доси достигнутой верствѣ изъ червоного пѣсковатаго камня вапнистого; на тѣмъ лежитъ опока (Kreidemergel), дальше каменѣ формаци третерядовою, именно гипсъ, глина фаянсова, уголь земный бурый, каменѣ млыньскіи, каменѣ вапнистыи, туфъ вапнистый, наконецъ же осады потопоны и нанесенныи и орная земля. Въ Дубрѣвцѣ, положенной не много низше ѣтъ реченныхъ горбѣвъ, были формаци третерядовыи, съ изытіемъ лише найнижшихъ, водою змытыи, на ихъ же мѣстце осѣли осады потопоныи и нанесенныи. Глина фаянсова и уголь земный, находящіи ся въ тѣмъ то мѣстци, належатъ до оныхъ оставшихся третерядовыхъ формацій, до котрыхъ добратися не тяжко, понеже въ той цѣли жадныхъ верствѣ каменныхъ, но лише осады пѣску и глины перекоповати треба. Найвысша гора того ряда есть круглый Гарай въ Любичи, возносящаяся пѣсля мапы Кумерсберга 1224 стопъ.

Зъ далека ѣтъ того мѣстця, где глину фаянсову и каменный бурый уголь добываютъ, уже видко превеликии, повздожныи копцѣ, высыпанныи изъ выкопаной земль; пѣдъ ними зѣветъ пятьдесятъ стопъ глубокая, кѣлькканадцять сажней широкая а предолгая пропасть съ простоѣтѣсными стѣнами, въ котрыхъ ряды сходѣвъ вырубаны. На стѣнахъ отличаютъ различно украшенными пасма верствѣ земль, а въ глубинѣ чорнѣе межъ добывающеюся водою уголь, пѣдъ котрымъ около пятьдесятъ людей мовѣ муравлѣ одинъ копають, другіи вывозять, иними воду черпають и, сядя на сходахъ, черпало одинъ другому зѣ рукъ до рукъ подаючи выносятъ.

Копаящій фаянсову глину купуе ѣтъ властителя поле, за котрое ему по шестьдесятъ новыхъ крейцарѣвъ ѣтъ каждого выкопаного корца глины платити пѣдоймаеся. Звычайно есть при копанію властитель поля надзирателемъ роботы, веда въ мѣстѣ контролю надъ множествомъ выкопанной глины, за що окроме тридцати и кѣлька н. кр. щодневно зарабляє. Потому берутъ четыреугольную, кѣлькканадцять сажней долгую и съ-тѣлько широкую яму,

а покопавши въ пятьдесятъ робѣтника три до четырехъ або и пяти недѣль, приходятъ въ глубинѣ 35 до 40 стопъ на глину гончарску, подъ котрою шесть до осмь стопъ груба верства угля земного лежитъ. Давнѣйше возили тойже до Львова на топливо; но понеже перевозъ не оплачуется, тѣмъ больше, же въ Скваревѣ, селѣ, двѣчи отъ Львова ближшомъ, таиѣй самъ уголь добываеся, а въ мѣстци съ изыятіемъ одного лише селянина никто того угля не употребляе, про тое онъ въ реченной копальни яко нездавая перепона выкадаеся и съ прочею выкопанною землею мѣшаеся. Сожалѣти должны мы, же выкопанный уголь на окреминое мѣстце не складаютъ, може бо прійти часъ, въ котромъ онъ на мѣстци, або где не далеко зъ-отси дуже придатися мѡгъ бы. Подъ углемъ лежитъ шѣсть стопъ грубая верства „мулу“, подъ котрымъ въ глубинѣ пятьдесяти до шестидесяти стопъ отъ верха глина фаянсова верствою, одну до двоухъ стопъ грубою положена. Глина тая употребляеся сама, або съ примѣсею подобной, но лѣвшой глины зъ Ольѣва коло Сасова, въ Пѣтеличи, Селцскахъ и Любичи на робленье начиня фаянсового.

Еще малый трудъ! а выйдемъ на найвышшій верхъ горбѡвъ Дубровецкихъ; трудъ правда — но онъ забудеся за видомъ, роспрестрающимся въ-около изъ него; На западѣ многочисленныи гористыи верхи въ найрозличяѣйшой постепенности отдаменія, вида, умаенія и украшенія, — тамъ навѣстна намъ Волковица, за нею плывае око межъ многими иными высока гора Верхратска, носившая колись найдавнѣйшій по мѣвнѣю гденекотрыхъ монастырь Василянскій въ нашомъ краю, посѣщаемая теперъ ще многочисленными богомольцами; тамъ горы Брусеньскіи, по котрыхъ расходится отгломъ отъ молотѡвъ въ рукахъ Италянѡвъ, котрыи изъ нѣбаръ еи десять-сотнаревныи кубическїи каменѣ для желѣзной дороги вытесуютъ; тамъ гора Пѡтелицка, вѣчянна древле колись крѣпкимъ замкомъ, по котромъ лютоѡсть Татаръ заледва глубокимъ ровамъ дала остонтися; тамъ снова гора „Высока“ съ блестящими банями церкви у стока еи; тамъ середъ численныхъ содругѡвъ „Красный верхъ“, носящій издѣльницю стрѣльного пороха, и мракомъ темрявой древности освѣщенная гора „Городище“, съ просторными окопами на верху; дальше „Побѡйна“, гомонѣвшая колись воцнственными восклицанїями Татаръ и козакѡвъ, у спода котрой бѣлѣютъ далековядныи вежи монастыря Крехѡвского, дальше глубоко порозяранцїи Глинскїи дебры, надъ котрыми возноситея высоко дымъ, происходящій изъ найлѣвшой въ нашомъ краю фарфурнѣ; на крайномъ же концїи Собѣскимъ прославленный „Гарай“ коло Жолкви. Пѡлколье вида восточное составляе долина, а не однообразная долина, но умаена всѣми многорозличяѣйшими предметами и красотами: на краю сѣверномъ бѣлыи мурѣ Равы, на южномъ же вежи Жолковскїи ясно играютъ въ солници; въ середнѣй вся Каменка съ еи дворомъ и церквами, Руда съ замкомъ и хуторами; дальше надъ лѣсами мурѣ Угнова, Мостѡвъ и многихъ дворѡвъ, самыи премногихъ селѣ, луги,

поля, лѣсы, — ажь гдѣсь гень далеко губится ослабѣвшее око въ далекой Польщи, въ Золочѣвскѣмъ, Львовскѣмъ, где въ синей дали земля и воздухъ въ одно мовь сольялися.

Иный образъ представляе восточная часть Каменки. Тамъ за здающею не мати кѣнца пуганиною купокъ осѣдлостей селянъ, середь котрыхъ чужому по безчисленнымъ крижующимъ дорогамъ тяжко зборіентоватися, темнѣюгъ на сѣверо-восточной части Каменки мокрии, дугами и тростинами попередѣянны боры; многіи Каменецкіи потоки, соединенны ту съ Ратою, розливаюгся на бѣльше якъ пѣль миль въ ширь въ западающіи гтрѣстья, поросшіи высокою рѣзуюю, а поперегинаны въ розличныхъ направленіяхъ болотнистыми стругами и затоками. Лѣтомъ ховаеся тамъ безчисленное множество птицъ, ѳтъ котрыхъ розличнообразного пѣнія, кованья, пискотанья и гуку ведля выраженія народа „лѣсъ ходитъ“; тамъ захолягъ изъ далекихъ лѣсовъ, котрыи ѳтъ упомянутого на кѣлькадесять миль ко востоку непрерывно продолжаются, дики, волки, серны, борсуки; въ водѣ плюскаются избыльно рыбы, раки, мѣстцами же выдры и черепахи, а по болотамъ, именно надъ творящою восточную границу Каменки рѣкою Бѣлою, пѣявки; по полямъ часто можъ надѣбати ѳжи, а по хатамъ гденекуда домовыи ужи. Давнѣйше мали тамъ пребывати медведѣ, рысь и бобры, теперъ бо еще зовеса тамъ одна сѣножать „медвежіи лозы,“ иная же „рысьи лозы,“ а одно урочиско „Боброѣды“*). Въ осени стоить на тѣмъ такъ зовимѣмъ „лузѣ,“ продолжающѣмся по-надъ берегами Раты далеко на волостяхъ сосѣднихъ селѣ, безчисленное множество стоговъ сѣна, котрое ажь по леду можъ звести, давными же часами хоронилися ту жителѣ съ добыткомъ передъ нападами лютыхъ Татаръ.

Земля есть въ Каменцѣ В. иная на восточной, а иная на западной еи части. Въ восточной части есть она пѣсковата, въ найнижшихъ же мѣстцахъ иловатая, або глинковатая; на ней удаеся жито, горохъ, бульба (зовимая ту „болъба“ або картохъ), а гденекуда чеснокъ яко-такъ, пшениця же (съ изытїемъ ярой) и овесъ слабо, або со-всѣмъ не родятся. Причиною лихоты грунту тыхъ сторонъ есть верства спѣдня землѣ, въ глубинѣ бо одной до двохъ стопъ, находится ту пѣсокъ желѣзистый, або и каменѣ жужлевыи, изъ котрыхъ желѣзо топится дало бы, если бы избыльнѣйше находилися. Въ урочиску Кривѣмъ находится пѣдъ верхнюю верствою землѣ чистая бѣлая

*) Року 1811 зловлено въ Дворцахъ, селѣ, двѣ миль ѳтъ Каменки ѳтстоящѣмъ, въ рѣцѣ Ратѣ два бобры, котрыи потому до Львова до заряду цѣсарскихъ добръ ѳтставлены были. Народъ называе правда неразъ реченное урочиско „Дубровны,“ або „Доброѣды,“ въ списѣ же доходѣвъ Каменки В., сѣланѣмъ ѳтъ Андрея, старосты Рѣчницкого зъ р. 1769, читаемъ „Бобоѣды;“ по названїе „Боброѣды“ встрѣчаемъ найчастѣйше и правильно такъ въ атакахъ, якъ и въ шодневной бесѣдѣ, оно же теперъ въ письмахъ урядовыхъ всегда употребляеся.

глина, употребляема отъ селянъ на бѣленье печей и хатъ. Великую помощь имеютъ селяне той части въ пространныхъ сѣножатахъ и пасовискахъ (послѣднихъ въ цѣлой Каменцѣ В. около 3.000 морговъ), на которыхъ возможно имѣть значительное множество красной худобы и коней тримати.

Въ западной части Каменки В. есть земля глинистая, менше-болше масна и черна. Ту пшеница и всякіи роды збѣжа красно удаются. Глубина доброй земли несе ту двѣ до четырехъ и болше стопъ, подъ нею же лежитъ по наибольшей части непосредственно опока. Въ урочищу Дубровцѣ находится глина гончарская, зъ которой кольканадцать гончарей горницъ издѣляютъ, также выкопуютъ каменный бурый уголь и глину фаянсову. На Волковици ломляютъ камень вапнистый, зъ котораго курятъ вапно, инный же камень зъ той горы вывозятъ на выкладанье цѣсарского гостинца.

Въ отношеніи ботаническѣмъ различается въ Каменцѣ флора восточной части отъ той же на западѣ. Въ части восточной растутъ растения свойственныя мокрымъ доламъ. Тамъ примѣчаемъ при различныхъ родахъ травы, осокъ, сѣтниківъ и тростинъ блошичники, залягающіи прелеккіи пространства, черницъ, лохинъ, журавлины, брошницъ, бобовникъ, Божу росу, прекрасну водну лилію (*Butomus umb.*) стрѣлки, дикій чеснокъ, мечики (*gladiolus* и *Jris*), балъаріанъ, номичи (*Nymphaea*), зазульки (*orchis*), парнасцію, весь инныи. Черну бабку (*Scrophularia nodosa*) употребляютъ ту (якъ увѣряютъ, съ успѣхомъ) яко средство отъ скази. Лѣсъ есть сосновый, по мокрѣйшимъ же мѣстамъ березовый и ольховый; по одному найдется ту дубъ, грабъ, крушина, дражникъ (*Rubus fruticos.*), волча проскурка (*evonymus verruc.*), ива, ветла, верболѣзъ.

Въ западной части Каменки В. находятся растения, растущія въ масной земли и на листовныхъ горбахъ; примѣчательнѣйшіи же изъ нихъ: горичвѣтъ (*Adonis vernalis*), дягиль (дзянгиль *Angelica archang.*), головастый осетъ (*echinops sphaerocephalus*), девятисильникъ, суніца, горлачка (*Paris*), вовчникъ (*Daphne mezere.*), копытникъ, блющъ, подлѣшки, дика рута, кадило (*melittis melissoph.*), свѣчка (*phyteuma spic.*), чемерица мелотъ (*melilotus off.*), цикорія, люлекъ, дивдерево, переступень и пр. Зъ деревъ росте ту сосна, смерека, береза, липа (два рода), вязъ, берестъ, дубъ (два рода), ясень, клѣкѣчка, зостѣль (*Rhamnus cathar.*), лѣска, свиазъ, смородохъ, пострѣтникъ (*genista germ. et tinct.*), малива и пр.

III.

Зъ будовлей звергае церковь Воскресенская на Липнику зъ латка увагу путешественника на себе. Выставлена зъ камня и цеглы около р.

1770 стараніємъ двора и цѣлон громады Каменецкои. На мѣстци, на котромъ она теперь стоитъ, стояла давнѣе маленькая деревянная церковца, вы- ставлена вѣроятно межъ лѣтами 1616 и 1628*). Гола 1754, коли житель Ка- менки панщины и должностей подданныхъ исполнати, даяннъ же жадныхъ отдавати не хотѣли, спровадилъ на нихъ Андрей староста Рѣчицкій, завѣ- дующій Каменкою, не ожидая рѣшенія судебного, шѣстьдесятъ драгонѣвъ, ко- торыи, роздразненныи по части отъ селянъ, тамъ великыи кривды и шкоды подѣлаи. Зѣхавшыи на тую (и инныи) справу комиссія суда рефреендар- ского узнала рѣшеніемъ зъ первого Жолгня, 1755 касательно спроваженъя драгонѣвъ „winnych WW. Starostów, nakazując, aby pro incontinentia onych- że (жолнѣрей) grzywien 200, a zaś za szkody, przez nich poczynione, do ewinkowania których od gromady kilkadziesiąt przysięg wynikłoby, gdyby każdy seorsim swoją zaprzysięgał szkodę, praescindendo juramenta, kwotę grzywien 600 ex moderamine sądu swojego postanowioną, ciż WW Starostowie gromadzie zapłacili, sąd nakazuje.“ Тии 800 гривны были въ самомъ дѣлѣ громадѣ выплаченныи, а отъ тоиже на вымурованье церкви на Липнику оберненныи, до чого староста окроме причинился. А коли межъ нимъ а грс- мадою касательно доконченія церкви суперечка возникла, понежѣ староста церковь по образу латинскихъ костелѣвъ завершити, громада же банею вѣнчати упералися: пересталъ староста до усовершенія дѣла прикладатися, по чемъ громада, остановивши якийсь часъ строеніе, изъ складки, по талярови отъ нумера, за владѣнія уже австрійского церковь докончила. Передъ са- мыи оконченіемъ еи выпалъ похоронъ нѣкого шляхтяча п. Конопки, котрого тѣло до деревянной церковцѣ, стоявшей еще посередѣ новои, и дав- шои ажъ по оконченію тоиже розобраною быти, на нѣчь занесенное было. Изъ оставленныхъ коло небѣшика горѣющихъ лампъ взялся середъ ночи ужасный огонь, въ котромъ погорѣла церковца разомъ съ небѣшикомъ до основанія, новая же цукла правда, но болѣе ничего не пострадала, а противно такъ перегорѣла, же теперь по мнѣнію знатоковъ еще долше постояти може.

Другая Каменецкая церковь, такожъ Воскресеньская, на Старѣмъ-селѣ, отличается дуже краснымъ мѣстоположеніемъ: окруженна старыми липами и берестами**), возносится она на горбку, которого полошву рѣка полоче, передъ нею же распространяется премилый видъ по орошенной рѣкою сѣно- жати ту до листовныхъ горбѣвъ, тамъ до бѣлыхъ муровъ двора и генъ по- за высокую баню Липницкои церкви. Выставлена изъ дерева о двохъ баняхъ г. 1645. Настоятельно украшается она обмалѣваніемъ внутреннихъ стѣнъ, отновленіемъ образѣвъ, царскихъ вратъ и иныхъ приборѣвъ. Именуемая отъ

*) Зри няже илюстраціи Каменки В. зъ лѣтъ 1616 и 1628.

**) Пень найгрубшого зъ тыхъ берестѣвъ насъ три сажнѣ въ обѣмъ.

ней парохія есть найдавнішою въ Каменцѣ В. (споминаемая въ люстраціи Каменки В. зъ р. 1564) и была еще р. 1616 единственною въ селѣ. На звонницѣ находится одинъ (наименьшій изъ сушихъ тамъ) досыть старый зводъ, бо зъ р. 1639.

Третья церковь въ Каменцѣ В. храма Рождества Пр. Богор., зовимая такожь лѣсною (понеже давно середь лѣсовъ, котрыхъ теперь слѣду не ма, стояла), находится въ отдаленію полгора милъ на востокъ отъ Липницкой, а сѣмь четвертокъ милъ отъ Старо-сельской церкви. Деревянная, о трехъ баяхъ, выставлена отъ р. 1666 до 1701, а може ажъ 1721*) есть она въ посѣданію портрета своего основателя, отца Василія Гавриловича Курдобы зъ р. 1668 и оригинальной ерекційной грамоты парохіи отъ короля польского Михаила зъ р. 1671 на пергаментѣ. Иконостасъ церкви той, красной работы, писанъ г. 1666 Даміаномъ Роевичемъ, былъ г. 1859 разомъ со всею цѣрквою отъ Г. Антонія Манастырского зъ Любичи обновленъ.

Путешественникъ, вѣдучій мурованымъ гостинцемъ изъ Львова черезъ Каменку В., утомленъ мало не двомилевымъ по долині однообразіемъ, витаетъ восторгомъ прекрасный видъ, представляющійся ему надъ рѣкою Липницкою на западѣ. За четвертьмилевымъ майже полвоиннымъ ряломъ тополь и возносящаяся надъ ними церковь указуются зъ-поможъ купокъ деревины и садовъ якіясь вежечки, то округлыи, то гранястыи, колюмнады, каменіцѣ, домы и хатины, котрыхъ вкусныи формы на поверхности окружающихъ ихъ листовицъ горбовъ тымъ красше отличаютъ. Есть то двѣрць на Старѣмъ-селѣ, зовимый великимъ для розличія отъ иного меншого на Бобровдахъ, зовимого Гарайцемъ. Выставленъ г. 1829 и побольшенъ г. 1832. Въ головномъ дворци, украшенномъ съ переду велѣлпною колюмнадою, примѣчанія достойна осмигранная сая съ шести видами зъ-надъ Рена, на стѣнахъ такъ искусно изо-

*) На образѣ праздничномъ иконостаса находится слѣдующая надпись: „Р. К. 1721 мѣца Септемвриа дня 1, за панованья короля польского Іоанна Казимира четвертого и за державного пана Гарчиньского: сей образъ совершилъ расъ Божій Прокльмъ Св. предънѣвъ за свое спасеніе и отпѣщеніе грѣховъ. Ревинь, маларъ.“ Въ грамотѣ же ерекційной парохіи зъ 1671 спомнѣтъ: „przy rozpostwie i cerkwi nowej pod imieniem Narodzenia Najsw. P. M.“ Но въ старой Триоди цвѣтной три церкви стоятъ подъ образомъ Распятія на первой сторонѣ давно гдесъ сдѣланная надпись: „Церковь Рождества Бжцъ фундавалася рокъ Божій 1721,“ а надъ южныи дверьяи иконостаса: „Рождество Пр. Бжцъ дня 1. Октября года 1721.“ Тое несогласіе надписей може бы тытъ погодати, же г. 1666 може пресвитерія и корабль или середина церкви, року же 1701 або 1721 притворъ сконченъи были; або може — хотя не дуже вѣроитно — не безъ основанья есть устное преданіе, же первоначально церковь лѣсная коло хатъ „Дозовыхъ“, ате на иѣтци, на котрой теперь крестъ возносится, стояла мала, а зъ-отъ тахъ зъ причины, же уже при самой граници села стояла, на теперѣшное мѣсце, въ около котрого священникъ наданое собѣ поле малъ, перевесеною была.

браженными, же зрѣтель гадае, якобы былъ перенесеннымъ въ саму чудесную природу надренскую въ мрачныхъ часахъ середняго вѣка, и смотритъ живо на тѣ въ казки пребогатыя развалины замковъ, возносящіяся на горахъ, виномъ поросшихъ и водою подмываемыхъ.

Передъ колюнадою играе надъ пространнымъ бассейномъ охлаждающая фонтанна, а въ-округъ вабитъ роскошный огородъ въ своя воню дышащія тѣни. Огородъ заложенный г. 1832 вкусомъ французскимъ, есть безъ сомнѣнія однимъ изъ вниманія достойнѣйшихъ въ Галичинѣ; именно же обнимае часть оранжерійная и цвѣтовая все, що лише красного, рѣдкаго и достопамятного где находится може. Съ восхищеніемъ подивляемъ ту середъ милѣйшихъ корчѣвъ, котрыхъ таинственная тѣнь розбуджена прелестнымъ пѣніемъ птицъ, пречудесны цвѣтвыи виды Абутилонѣвъ, Кактусѣвъ, Калцеоларій, Фухсій, Камелій, Акацій, Ясминѣвъ, Бромелій, Пассифлорѣвъ, Амариллидѣвъ, Орхидеѣвъ и прочихъ; ту великолистыи Африканскіи пальмы, тамъ въ различныхъ узору пообразцеванныи листьа Бегоній зъ-пѣдъ Гималая, онде снова сочное Гумми, врачебное Цинхона, и живыи мухоловки (*Dionea muscipula*) зъ Америки; где инде снова Австральскіи дивогляды, зъ котрыхъ одни въ-мѣсто листьа сѣтничкообразное волосѣ спускаюйтъ, инныи пнемъ въ дѣль а корѣньемъ до горы ростугъ. Надъ все же возносится многовѣковый, вліанію времени уже слабенько опирающійся вязъ, а въ его пространной тѣни промавляе ѳъ предвѣчныхъ временъ великій, закаменѣлый пенъ грабовый, выбранный изъ-помежъ иныхъ многихъ на Дубрѣвцѣ. Иною достопамятностію сего рода, хороняемою въ дворѣ Каменки В., есть закаменѣлая лопатка якогось предтопового погвора, долга три, а широка двѣ стопы, найдена г. 1845 кѣлька сажней на сѣверъ ѳъ мурованного моста передъ дворомъ въ ложищи рѣки, въ глубинѣ трехъ стопъ въ опоцѣ; достойная примѣчанія геологовъ зъ той причины, же въ формациіи крейдовой, котрой членомъ есть опока, дуже мало остаткѣвъ звѣрей хребтовыхъ находигся. — Коло дворцевого огорода закладае Бл. дѣдичъ Каменки. В. инныи вкусомъ англійскимъ. Старый дворъ стоялъ на юго-востокъ ѳъ теперѣшного въ мѣстци, зовимѣмъ „замокъ.“

Хаты селянъ суть деревянныи, соломою пошитыи, но о много показнѣйшіи, якъ въ иныхъ сторонахъ Галичины, именно же на Подѣлю. Всѣ оберненныи фронтомъ до полудня; ѳъ запада находится звычайно комора, середину занимае покѣй, дальше сѣни, а восточный конецъ хаты составляе комѣрка на дрова; зъ заду попричепляны вкусно комѣрки на дрѣвь и молотникъ. Всѣ мають плетенныи болдуры и коминки (въ послѣднихъ свѣтять скалками). Въ покою, до котрого входъ ѳъ сѣней, находится заразъ при дверехъ по лѣвой превеликая пѣчь, по правой коминокъ, до окола идуть недвижимыи лавы, а на серединѣ стоитъ стѣлъ, звычайно накрытый, на котрѣмъ — именно въ Недѣлѣ и свята -- бохоня хлѣба положено.

Пѣчь есть то святая святыхъ въ хатѣ селянина: на ней родится ѡнь, пребываетъ половину житья, лѣчится въ недугахъ, а лише передъ самою смертію прашаеся съ нею въ опасности бо жизни находящегося кладуть „на смерть“ на лаву сѣверну, а упокоившогося на лаву южную; лава западна есть мѣстцемъ почительнымъ, надъ нею висятъ образы святыхъ. Якъ споминялося, есть печь для нашего селянина самое любезнѣйшее мѣсце и предметомъ чувствительныхъ воспоминаній въ чужинѣ. Хотячи сказати: „у себе“ въ смыслѣ всегѣснѣйшомъ, каже ѡнь: „на своемъ пьецу,“ а недостатокъ пѣкавости въ кѣмъ означае ѡнь, говоря, же „ѡнь на своемъ пьецу заблудитъ;“ — „обставати за своимъ пьецомъ“ значить тое, шо латинское *pro aris et focis*. А лежъ то и практичная печь для нашего селянина! Щобъ ю выставити, не потреба анѣ кусника желѣза, анѣ бляхи, ни цеглы, ни вапна, ни жадныхъ искусныхъ мулярей: зъ глины и дерева „вбивае“ собѣ самъ „сподарь“ печь, въ котрой варя и пекучи заразомъ хату огрѣвае, збѡже сушитъ и, если треба, въ недузѣ парится, а до того всего якъ найменше дровъ — на рѡкъ осмь до двадцати фѡръ — потребуе. На западѣ практикують то алло- то гомео- то гидро- то органи- и, Богъ вѣдае, якін тамъ еще-п а т и; нашъ же селянинъ знае иный, цивилизаторамъ доси неизвѣстный образъ лѣченья, котрый бы можъ назвати симпатією, або курацією збожевою, а котрый есть тымъ еликсиромъ, для котрого нашъ селянинъ при всѣхъ своихъ погрѣшностяхъ насупротивъ правилъ діететики и неуважѣ на вредивыи вліянія воздуха, зимна и пр. такъ мало коли слабуе. Послухаймо, якъ менѣ одинъ селянинъ родъ сей лѣкѡвъ описовалъ: „Ось прошу Господа Бога и Вашу ласку*), пьецъ то наша рѡдна мати, ба ще бѡльше, бо мати -- дай ей Господи царство небесное — разъ мене грѣшного на свѣтъ покинула**), а пьецъ не десять разъ ѡтъ самѣсенкои смерти выкупивъ. Ось разъ приходитъ грѣшный христіанинъ — не кари Боже! — пѡдохоченный, ба, ний ся правда скаже, пѡдпитый, а то не якъ ни будь, иле такой по людски, до шалаша, и кладеса, где ближше, ось на лаву пѡдъ окно, тай далѣй въ храпы! — ѡкно ѡтворенное тягне - небавки чую, же ми верхня рука нежива, хочъ клади до деревиска! — обертаюся на другій бѡкъ, ба скостенѣла и тая! — а обудився за якісь часъ, гей гвалтъ! бѣда и побѣда! оба боки мертвы, а въ трупку коле шиломъ, а стиска за душу, хочъ

*) Звычайна формула промовы селянъ тыхъ сторонъ. Прийшовши до кого зъ гонорациорѡвъ, зачинае бесѣду, говоря: „Прийшовъ емъ до Господа Бога и Вашоу ласку:“ вопрошенъ же. кѡлько худобы мае, каже: „Мае тияъ Богъ съ десять хвостѡвъ.“ Послѣдній тропъ (яносказаніе) употребляеся, говоря о вѣнѣ (звинѣнѣ ту зъ Волооска дзѣestro) лѣвчынны, же она мае „одинъ хвостъ,“ або только а только „хвостѡвъ.“

**) „Народитися“ выражають ту словомъ „вѣйтися.“ Отжежъ не кажутъ: „а уродився,“ и: „я вѣйшовся.“

гинь! Хочу поднести, тай гримъ на землю, якъ довгий, — же ажъ шановавши на передъ Господа Бога, и образы святых, тай якъ то повѣдаютъ, день и праведное солнце и мѣсячекъ съ звѣздами на небесахъ, та ту святу землейку и Васъ яко гречныхъ — распережався: Баба, дѣти въ крикъ: „умирае!“ — далѣй шити на смерть сорочку, убирати, по ксендаза закладати, и Богъ вѣдае, що починати. Но я не много гадаючи, крикну: „затопи!“ — Затопили, четвертку овса на пѣецъ всыпали, тай христьянина на него выволокли. Отжеж и весь секретъ! челоуѣкъ напарився въ парѣ, шо изъ сырого овса выходила, и вставъ на другій день, якбы ничо и не було.“

Больше еще, якъ о хату, дбае селянинъ въ Каменцѣ В. о красны будынки господарскыи, и суть ту господарѣ, котрыи кромѣ необходимои кошары*) двѣ до четырехъ столбѣ, столбокъ шопѣ, съ-десять до двадцати стаянъ и хлѣвѣвъ, съ-два шпихлиры и розличныи поддаша, оборогы, кормыики и пр. мають. Можъ казати, же селянинъ въ Каменцѣ В. цѣлое житье будае, а гденекотрыи изъ нихъ обитають въ третой або въ четвертой хатѣ, за ихъ житья на тѣмже мѣстци поставленной, а каждый порядный а съ-троха вѣковый господарь „пересыпывалъ“ за своего житья три або четыре разы всѣ свои будынки. Роблять они тое не конечно для правдивой потребности; неразъ бо поставивши нову хату, продають стару еще со всѣмъ добру, а много есть селянъ, котрыи заледво половину тѣлько збѣжа або худобы мають, кѣлько въ ихъ будынкахъ помѣстило бы ся: но они будують частію изъ выссаного съ материнимъ молокомъ норову**) и для всеобщого ту обычая, частію же изъ взгляду на отвѣчыванье дѣтей (до тепѣрѣшныхъ бо грошей, подлагающихъ частымъ змѣнамъ, не мають они довѣрія), частію же изъ спекуляци; при добромъ бо счастьи и оборотности отбирае будущій за оставшимся, а на латы, крокви и пр. переробленныи куснѣ дерева во Львовѣ гроши, на закупленье матеріала будовельного выданныи и зыскуе еще трѣски, гиле и отломы, служущи на долговременное паливо.

Ставляючи нову хату, сохраняють тое предрозсуженіе, же на причолку даху середній (вертикальный) рядъ китиць отъ спода ажъ до верха цѣлый рѣкъ непошитый оставляють, гадаючи, же въ противномъ случаю пошивающій зъ даху упаде, а мешкающимъ въ хатѣ какое несчастье приключится; въ новыхъ же отъ покоя дверяхъ дають одну дошку або хочъ колокъ старый.

Мало не при каждой хатѣ находится значительный запустъ бѣльшины,

*) Стайна на худобу, состоящая изъ четырехъ угольника стѣнъ, покрытыхъ окремѣшными, съ собою соединенными дахами, котрыи внаутр на столпахъ спочивають, такъ, же въ середнѣи родъ бездашного подвѣрѣя остае.

**) Еще г. 1755 былъ въ Каменцѣ процесъ селянъ съ старостою о тое: же селяне, мавши втогдавольный врубъ на паливо и будынки, тѣмже за вѣдомостію правда старосты ставили, но поставленныи до посторонныхъ селъ продавали.

або березини; садів же не много, до чого лише западна часть має придалую землю. Пасткою трудяться правда всюда по-троха, но и тая лише вь западной части съ добрымъ успѣхомъ ведеться.

Лѣсовъ має Каменка В. вь отношенію до своєї пространи дуже мало, бо лише 1800 морговъ. Инакше было давнѣйше; вь шестнадцатомъ бо вѣкѣ была далеко бѣльша часть Каменки В. однимъ лѣсомъ, зовимымъ вь люстраціи зъ 1564 „царскою пустынею“, вь котрой бортярѣ, колодѣи, ловцѣ, углярѣ, корчующи лѣсы, трачѣ, ставляющи на продажъ хаты своимъ, отвѣчны лѣсы Америки пригалующимъ лѣгамъ отдавались.

IV.

Вь преданія историческіи Каменка В. не дуже богата. О мѣстци зовимомъ „Гараецъ“, положеномъ коло мурованого гостинця на Бобровдахъ, повѣдає преданіє, же на немъ первая вѣйна зачалась, а послѣдняя отбудеться. Тое лонкою не конечно отличающееся преданіє може мати за подставу яку битву, вь томъ то мѣстци вь давнихъ часахъ сточену.

Гленекотри вьводятъ назвиско нивы „Чортомары“, находящейся на Старомъ-селѣ, изъ волоского „четате маре“, що означає: обварованный замокъ, котрый тамже давно колись существовати малъ, що однакж вѣроятнымъ не есть, понеже ни физическихъ ни историческихъ слѣдовъ ниже народного преданія о томъ не ма. Може однакж быти, же мѣстце тое ради находящихся на немъ выше описанныхъ великанскихъ, на развалины замка похожихъ камней „четате маре“, а по тому зъ руска „Чортомары“ названное было, чого аналогію масмо у тепершнихъ Волоховъ вь Седмоградѣ, где коло мѣста Vögb-Patak гора одна лише для подобія скалъ ей съ развалинами замка „Четате маре“ называєся, хотя на ней замка нѣтъ и не было.

На урочиску Ператинъ находится середѣ сѣножатей пѣль-морговая пространь, оточена широкимъ, водою наполненнымъ ровомъ, зовимая „окопъ“, котрая колись ведля преданія якомусь Кошиковскому за мѣстце хороненія сокровищъ передъ Татарами служити мала. Сокровища тѣи мають тамъ еще доси вь земли находится, а многократно уже кусилися — хотя безуспѣшно — тамъ ихъ откопати. Може однакж быти, же вѣсть о находящихся тамже еще теперь сокровищахъ возникла отъ блудного свѣтла, котре тамже указатися коли могло, а котрое народъ „горѣніемъ грошей“ называє.

Лѣсъ на сѣверѣ отъ реченного окопа, положенъ на совсѣмъ незначительныхъ пѣсковыхъ горбкахъ, протягающихся зъ-отси помежъ мокрыми низинами далеко ко востоку, малъ колись Татарамъ за природный шлякъ вь ихъ походахъ служити. Не давно тому найдено тамъ колька желѣзцовъ изъ копій чи стрѣлъ.

Дальше еще на сѣверъ возносятся незначно середь лѣсистыхъ мокрыхъ луговинъ кѣлька сѣножатей, зовимыхъ „буковыи острова“, на котрыхъ ведля преданія нарѣдъ съ худобою и майномъ передъ Татарами ховался, выстеляючи при тѣмъ дни бродѣвъ и иныхъ, приступъ посредствующихъ мѣстпъ боронами, зубами до горы оберненными. Нарѣдъ розказуе собѣ изъ тамтыхъ часѣвъ слѣдующее приключеніе, которое, хотя не отличаея ничѣмъ необыкновеннымъ, яко свое въ пытомой простотѣ примѣтити не завадитъ: Татаре хотячи выслѣдити похованныхъ въ лѣсахъ селянъ, розбѣгшися гугали и кликали: „Грицю! Иване! куме! холѣтъ! уже пѣшли поганцѣ!“ чимъ однакомъ наши здуритися не дали; а коли разъ купка Татаръ до мѣстца, въ котрѣмъ они хоронилися, неосторожно сближилася, выпалилъ нѣкій Сухорукій, котрого рѣдъ доси существуете, зѣ-помежъ гяля дерева, на котрѣмъ на стражи стоялъ, и забилъ одного Татара, по чѣмъ другіи чѣмъ скорше поутѣкали, крича: „Иванъ пукъ! Иванъ пукъ!“

Не могу еще минути два въ отношенію природоиспытательнѣмъ достопамятныи мѣстца :

Въ Старѣмъ-селѣ находится коло хатъ, зовимыхъ „Пѣдкуймуха“*), и на западъ тыхже по-надъ границею Руды Магерѣвской мѣстце, въ котрѣмъ послѣ выраженія народного „блудъ чѣпаея.“ Розличныи о гѣмъ ходять вѣсти: Спѣзвившиися на рѣцѣ прачки, або вертающіи зѣ ярмарку селяне принужденныи суть неразъ, наблудившиися тамъ безъ кѣнъца, ночовати на поли, а обудившиися рано, съ удивленіемъ видять передъ собою малый корчъ, когрый въ ноци видѣлся страшнымъ лѣсомъ, або находится передъ своею хатою, котра видѣлася вчера горою; бывали случаѣ, где тамочный житель, выйшовши вечеръ изъ хаты, щѣбъ блудящего путеходца на добру дорогу вывести, зблудилъ съ нимъ разомъ. Писатель сего блудилъ тамъ такожь кѣлька разовъ, и може увѣрять, же потреба на тое доброй уваги, притомности и знаемости мѣстца, щѣбъ вѣдучи тамтуда въ ноци, тое само не зрѣбити. Причиною того есть се обстоятельство, же разъ при крижующихся тамже многыхъ дорогахъ не на жадныхъ отличающихся предметѣвъ, котрыи бы оку за точку дирекційну служити могли; во вторыхъ сходятся ту сухіи пѣсковатыи горбки съ мокрыи сѣножатами. Въ воздухѣ сухѣмъ видъ предметѣвъ сменшаея, въ волкѣмъ побѣдшаея, чого примѣръ маемъ на солици, котрое въ полудне мен-

*) Початокъ назвиска того такъ выводять: Одинъ зѣ князей Воронѣцкихъ, бывшихъ по сѣдателяи Каяски В., малъ дуже доброго коваля, котрого прійшовши разъ до кузнѣ згудилъ, товара: „Предѣ лихій зѣ тебе найстеръ, коли ты мизерну муху пѣдковати не сможешъ.“ — „Пѣдкую пане!“ — „Ану, або десять золотыхъ, або десять бабогѣвъ!“ — „Добре пане.“ — Коваль ростошилъ воскъ, а умочивши въ немъ кѣнцѣ ногъ мухи, бѣдалъ такъ пѣдковану муху пану. Выгралъ закладъ и досталъ зѣ-бѣси назвиско Пѣдкуй-муха.

шое выдаеся, якъ рано, або вечеръ (понеже втѣгда скрѣзь мракъ возносящійся надъ землею на него дивимося). Отжежъ вѣдучи реченнымъ мѣстцемъ въ ночи, видимъ предметы не такія, якія въ день мы видѣли, но одні въ видѣ природномъ, инны же въ сменшенномъ, а инны въ побѣльшенномъ видѣ, а такъ при найменшой неувазѣ, або незнаемости мѣсця зблужаемъ. Може быти, же ту гденеколи щось на образъ славныхъ маякѣвъ на горѣ Брокеня (Brockenspektrum) появляеся, котрымъ въ томъ состоять, же при заходѣ солнца предметы, на западной сторонѣ зрѣтеля сущіи, указуются побѣльшенными (по правиламъ ятарнѣ магической) на восточной сторонѣ тогоже зрѣтеля, и то въ верствахъ воздуха, который въ нѣмъ состоянію волхвосты находится, якъ той, въ котромъ зрѣтель стоить.

Другое, въ томъ же отношеніи достопамятное мѣсце есть высыхающая въ сухіи лѣта струга на Боброфдахъ и Бѣжковѣ, зовимая Солотвиною, надъ котрою неразъ люди блудящій огонь примѣчали.

V.

Жители суть во обще происхоженія и чертъ лица Славянскихъ, Мало-Рускихъ, жежъ котрыми однакожъ примѣтити можъ типы Волоскія: тѣла сухіи, лица долги, узкіи, темравыи, волосье черное, простое, долгое. Доховалися и гденекотрыи назвиска Волоскія: Чаусъ (значить: офицеръ), Фарина (мука), Либеръ (вольный), Канцѣръ (ракъ), Мандзякъ (жрецъ), Кобринъ (ужеватый), Джусъ (долинный), Сусъ (гѣрнякъ), Степина Чулида. Вѣно называють ту всегда зѣ-волоска дѣзѣстро. Неславянского происхоженія мають такоже быти назвиска: Брунецъ, Бутринъ, Шведъ, Турко (послѣднее выгасло). Можна такоже гденекотрыи истинно татарскіи фizioноміи со всѣми признаками того племени примѣтити. Въ загалѣ суть черты лицъ мужей въ Каменцѣ В. цѣло оказали и красны; кобѣты хитрыи и жывыи теряють въ тяжкой работѣ гладкость кожи. Они сохраняють Волоскій обычай, въ потребѣ инатися роботы, обыкновенно мужамъ свойственно: молоченья, кошенья, за плугомъ ходженья; неразъ же можна видѣти селянину зъ Каменки В. пускающуюся смѣло за фѣрманна въ далеку дорогу до Львова або и Болехова, а то часомъ въ одежи мужеской (Срвннай Paget's Ungarn und Siebenbürgen. 1842, Leipzig. Томъ II. ст. 162.).

Бѣсѣда жителей есть Мало-Руска, нарѣчія Галицкаго съ гденекотрыми признаками нарѣчія Волянско-Подольскаго: я выговорюють по согласной якъ *e*, на пр. льедько; передъ *o* кладуть въ вымовѣ съ початку слова букву *z*, на пр. говесь; *ѣ* вымовити со всѣмъ не мога, заступають гласомъ *xa*, або *h*, на пр. прохвесоръ, Осипъ; *ʒ* выговорюють якъ *k*, н. пр. кесподарь; *быти* (sein) вымавляютъ *бути*.

Одежа мужей состоитъ лѣгомъ изъ годомяного капелюха съ широкими крисами, а наголовкомъ во всей высотѣ рѣвно широкимъ; въ зимѣ же зъ каптурка, зовимого такожъ колпакомъ, т. е. волняной, шляпницеобразной, бѣлой, у спода червонымъ пояскомъ украшеною шапочки, або шапки изъ баранѣго кожуха, не много цъ задъ обвислои. Волосье або по славянски пѣдголюють, або зъ-волоска непѣдголеное, долгое носятъ, роздѣляя на серединѣ тѣмни и цѣдтиная рѣвно у спода; або наконецъ зъ-нѣмецка коротко стригутъ. На себе заодягають грубу, полотняну сорочку съ искусно вышиванымъ колнѣремъ и нарукавками (обычай волоскїи), накрывающую низше узкого пояса полотняны або зъ грубого сукна нагавицѣ, впахаемы до чобѣтъ. На сорочку берутъ полотняну плахту, т. е. кафтанъ сакообразный, волоского крою, безъ стана, съ рубцеобразнымъ, широко выкроеннымъ колнѣремъ, а швомъ на заду не вертикально, но горизонтально пдушимъ; въ свято же сѣрую, або бурюю опанчу съ станомъ и стоящимъ колнѣромъ, съ шнурочками найчастѣйше червоно-зелено-жолтыми, и каптуромъ (капишомомъ) на плечахъ; въ зимѣ заодягають бараньи кожухи съ узкимъ колнѣремъ, накрывая ихъ плахтою. На узкомъ пояси съ калиткою увязанъ на ремѣнцї або ланпушку необходимый ножикъ. На ноги вдягають чоботы издѣлія Угнѣвского, або черевики, пѣдъ котрыми неразъ на цалъ грубыи липовыи або ольховыи пѣдшвы дротомъ пѣдчиненї, що д е р е в а к а м и называютъ. Употребляемыи гденде практичныи ходаки ту мало коли можъ увидѣти.

Кобяты покрывають голову бѣдою або сино украшеною хусткою, завязуя ю въ-около верха головы такъ, же долгїи конецъ на заду висить; дѣвчата ховають пѣдъ нею волосье со всѣмъ, замужнїи же опускають е на дѣдъ, обтинаючи (зъ-волоска) рѣвно на сподъ. Короткїи малѣванкїи або шорцы, плахты, свиты, кожухи и Угнѣвскїи чоботы составляютъ прочую ихъ одежу. Маючи ходити необутыи, обвивають лытки въ образъ поньчоухъ полотномъ, зовимымъ перевоями. На шеї носятъ розлично украшенныи пацерки.

Жителѣ Каменки В. жиють изъ земледѣльства; но понеже изъ него малое лише ихъ число всѣ потребности жизни залагодити може, присоединяють они съ тымже скотоводство, котрое по пространныхъ выгонахъ и сѣножатяхъ Каменекныхъ дуже добре ведеться (гденекотрыи господарѣ тримають ту пятьдесятеро худобы и кольканадцать коней), фабрианку по всей майже Галичинѣ, трактво (а то лише въ-двѣйку), справленїе будовельного деревяного матеріала и торговлю тымже до Львова; на Старѣмъ-селѣ и Дубровцѣ горничарство и добыванье глины фаянсовой (файфурскою ту зовимой); есть такожъ въ Каменцѣ В. съ 200 варстатѣвъ ткацкихъ.

Въ отношеніи санитаріомъ подвѣренъ естъ житель здѣшній не многимъ недугомъ, именно же при широко роскиненныхъ хатахъ не дѣлаютъ ту эпидеміи великихъ опустошеній; одна лише ядуха (asthma) естъ недугою мѣстною, на котру бѣльшая часть жителей слабеетъ и умераетъ, а котра по бѣльшой части изъ тяжкой ту всеобщей работы по лѣсахъ возникаетъ, а въ тяжкомъ, волжкомъ воздухѣ Каменецкомъ тымъ сильнѣйше развивается. О ней естъ пословица, же „ядуха въ седмѣмъ роцѣ не даруетъ.“ Кромѣ той болѣзни распространена естъ дуже кила (произникающая изъ тяжкой працѣ, у дѣтей же изъ безмѣрного плачу, коли отъ родичей, працюющихъ въ поли, самыи по цѣлымъ днямъ дома затворенныи остаются), частію же и колтунъ.

Зѣ обычаевъ, котрыи въ прочемъ сходныи сѣть съ обычаями сель сусѣднихъ, примѣчанія достойныи той, же ту по смерти отца соотвѣтно праву Волоскому (и Правдѣ Руской) всегда наймолодшій сынъ на мѣстци отца остае, старшии же — подѣливши впрочемъ все имѣніе на ровныи части межъ себе — на стороны ставлятсѣ. (Зри Алекс. гр. Стадницкого „O wsiach tak zwanych Wołoskich na rópnosnym stoku Karpat. Lw. 1848,“ стор. 7, 68, 69). На весѣлю называеся пріѣздающая по молодуху вся дружина „боярами.“

И.

ІОСИФЪ ШУМЛЯНСКІЙ,

первый Львовскій уніятскій Епископъ.

Въ библіотекѣ Перемышельского Епископского Капитула греч. каѣ. обрядя оберегается подъ N. XVII L. 44., въ одномъ переплетѣ съ отрывкомъ печатанныхъ сочиненій польского поэта Самуила Твардовского на стр. 33 — 38, въ спискѣ съ конца XVII. вѣка: „Соборная Грамота Іерусалимскаго Патріарха Досіея, изданная въ Яссахъ 1670 года мѣсяця Юлія... къ Духовенству и народу Львовской Епархіи, извѣщающая о неправильномъ поставленіи Іосіфа Шумлянскаго въ Львовскіе Епископы.“ На странѣ же 66 — 71. помѣщено: Media abo wynalazek do gruntownego postanowienia pokoju y zawarcia traktatu od Jasnje Wielm. Imci P. Marszałka y Hetmana W. Koron. Imci P. Piotrowi Doroszenkowi Hetmanowi Zaporozskiemu z woyskiem Zaporozskiem y całą Ukraїną w Zamku Stryskim dnia 8 Januaria 1679 podane.

Оба тѣ акта, сколько мнѣ извѣстно, не были до сихъ поръ печатію обнародованы, ни Архиграфическою Комиссією, въ актахъ, относя-

щихся къ исторіи Западной Руси (Т. II СП. 1853), ни въ Памятникахъ Кіевской Комиссіи.

По смерти Львовскаго Епископа Аѳанасія Желяборскаго (1666 г.), явились два претендента на упраздненную Львовскую Епископію, т. е. Евстафій Свистельницкій избранъ на мѣсто Аѳанасія галицко-рускимъ Дворянствомъ и Духовенствомъ при депутатѣ Митрополита Антонія Винницкаго, и посвященъ нимъ въ Епископы въ церкви Львовскаго Ставропигіальнаго братства, — другій Іоаннъ, въ монашествѣ Іосифъ Шумлянскій, избранъ въ Епископы нѣсколькими лицами изъ низшаго Духовенства — и, какъ увѣрялъ онъ, посвященъ за границею Грекомъ Доснѣемъ, называвшимъ себе Митрополитомъ Филиппольскимъ и Хіоскимъ (3. Февраля 1668. г.). См Лѣтопись Львовскаго Ставропигіальскаго брат. въ Журн. Мин. народн. просвѣщ. 1849—1850 подъ 1666. г. Въ Актахъ относящихся къ исторіи Западной Руси Т. V., въ напечатанной тамъ же подъ Nro 70 грамотѣ Софронія Митрополита Филиппольскаго, писанной въ Высочцѣ 1. Февраля 1668. г. говорится о Хиротоніи Шумлянскаго нимъ однимъ; а Митрополитъ Іосифъ Тукальскій изъ мести къ сопернику своему Антонію Винницкому, владѣвшому митрополичьей кафедрою, хотя и призналъ Шумлянскаго Епископомъ, но въ грамотѣ отъ 8 Мая 1668 г. подъ Nro 72 напеч. въ Актъ Зап. говорятъ, что онъ Шумлянскій поставленъ Митрополитами Софроніемъ и Теофаномъ. Послѣ Шумлянскій, котораго большая часть Львовской Епархіи не признавала Епископомъ, исходатайствовалъ себѣ у Александрійскаго Патріарха Пансіа утвердительную грамоту, изданную въ Могилевѣ 8 Октября 1669 года (подъ Nro 76). Очевидная разность сихъ показаній наводитъ уже сомнѣніе на обстоятельства посвященія Шумлянскаго, и что поставленіе его въ самомъ дѣлѣ было совсѣмъ неправильное, въ доказательство чего приведу здѣсь упомянутую Соборную Грамоту Іерусалимскаго Патріарха Доснѣя, до сихъ поръ неизвѣстную. Надобно еще замѣтити, что вся Львовская Епархіа не признала Шумлянскаго скорѣе своимъ Епископомъ, какъ по смерти Епископа Еремія Свистельницкаго 1676 года, и что Іосифъ Шумлянскій, кажется, опасаясь послѣдствій Доснѣевой Грамоты, въ слѣдующемъ году (1677) 7 Марта тайно отрекся отъ послушанія Цареградскому Патріарху, въ Варшавѣ, въ присутствіи короля и папскаго Нунція (Лѣтоп. Львовск. Ставроп. брат. подъ 1676 и 1677 г.). Покровительствованъ теперь королемъ Польскимъ Іоанномъ III, не опасаясь Шумлянскій уже въ 1681 году, посвященнаго Цареградскимъ Патріархомъ Іаковомъ, Панкратія, въ санъ Галицкаго Митрополита и Ексарха всея Малыя Руси (Семейная бібліотека. Львовъ 1856 стр. 163). Соборная грамота, Іерусалимскаго Патріарха Доснѣя, въ весьма нечеткомъ спискѣ ея съ конца XVII вѣка гласитъ словно какъ слѣдуетъ:

„Печать Святѣйшаго Патріарха.“

„Досиѣей Милостію божією Патріархъ божія града Іерусалима и всея Палестины, Сирія, Аравія, и объ оны поль Іордана Кана Галилейскія и Святаго Сіона.“

„Преосвященныи и благочестивыи Митрополитоме, боголюбивыи Епископи въ Духѣ Св. возлюбленныи Братія нашего смиренія и Сослужителіе, всепреподобныи Архимандритоме, преподобѣйшіи Игуменн, Иноцы, благовѣннѣйшіи Священницы, священнодіаконы, пречестнѣйшіи Намѣстницы, богоизбранныи крестоносныи Братства, наипаче же Львовскіи, Галицкіи и Каменца Подольскаго благородныи Паны, благопріятныи Купци и прочіи честнѣйшіи Христіане, всякато состоянія и всякаго чина Святѣйшіи и православныи, великодушныхъ Россовъ части, соборныи и Апостольскія восточныи Церкви Чада о Христѣ, нашего смиренія, благость, миръ и милость, буди Вамъ всѣмъ отъ Бога Отца Господа нашего Іисуса Христа, и святѣйшаго Гроба Господня и животворящую кровью обогрѣнныи Голгобы, и владычняго вертепа иже въ Вышеемъ, и прочіихъ богопроходныхъ поклонничествъ помощь, посѣщеніе и освященіе, отъ Насъ же молитва, благословеніе и прощеніе!

Непрестаегъ всегда сѣятель плевелъ и Церкви неусыпный врагъ діаволъ воставляти соблазни и брани на Церковь Христову оподвизати, нешвенную спасителя нашего одежду раздирати: но всеу труждается, понеже соборныи Церкви женихъ Христосъ Богъ нашъ, не имать оставити невѣсту свою Церковь въ порадованіе его, но хранитъ отъ него и попираетъ яко татя и разбойника, да не вредитъ словеснаго его стада. Аще же и нѣкогда за множество долготерпѣнія или искушенія или наказанія и издвоздаянія ради мнится опять и попускаетъ Церкви своей бѣдствовать, яко кораблю Апостольску и погружатися въ моръ искушеній, яко божественнаго Петра: но обаче поминая, яко откупилъ ю есть, якоже (глаголетъ Апостолъ) честною еи кровью, запрѣщаетъ вѣтромъ и пріемлетъ ю всесильною рукою, и изимаетъ отъ волихъ сверѣпныхъ сатаны. Въ таковѣхъ бѣдахъ аще и днесь обрѣтается Церковь Христова, Чада о Господѣ! но множае обрѣтается Ваша Россійская, занеже якоже слышимъ и извѣстихомся: яко избрѣтатель злыхъ діаволъ избра орудіе прилично своея злобы, беззаконнаго и Лжеепископа, инаго Іскаріота Іосифа Шумлянскаго, иже подвизается яко лестивый раздирати Христову Церковь, растлити Паству, яко татъ и разбойникъ, но осуется безумный, занеже явленна бысть злоба его, и вся лукавства его, яко совѣтъ Божій болѣе можетъ ниже безуміе его, изяви вся беззаконія его всей Церкви Христовой, зане толика суть велика, яко и нѣсть большимъ быти немошно.

Первое же есть, яко рукоположись выѣ предѣла, кромѣ собора боголюбивыхъ Епископовъ Россійскихъ и своего Митрополита Кіевскаго, иже

избраніемъ общимъ, но яко тать вскочивъ въ Христіанскую ограду, яко разбойникъ въ стадо, и яко волкъ Аравитскій въ словесныя Христовы овца.

Второе яко рукоположись отъ двоухъ изверженныхъ Архіереевъ, иже за своя прѣмнога беззаконія изгнаны быша отъ Архіерейска чина (о нихъ же глаголетъ духъ св. Іосіемъ пророкомъ въ глав. 4. „Ты разумъ оставилъ еси и азъ оставляю тя въ еже не священствовати ти“), и по соборныхъ святыхъ Отець Судомъ извержени быша, законно и соборно и за кое дѣло изверженни суть, стоятъ въ свитцѣ Константиноградскія великія Церкви, иже и мы видѣхомъ и подписахомъ.

Въ мимошедшее убо дѣто братъ нашъ вселенскій Патріархъ Константинопольскій Киръ Меѳодіе соборнѣ усмотри Жеєпископа быти Іосифа, сего ради, наипаче, яко рукоположись отъ изверженныхъ и невѣрныхъ мужей, ихъ же пореченія показаны писаны въ свитцѣ. Сего ради законно истинно изверже и отлучи окаяннаго Жеєпископа Іосифа. О немъ изверженнымъ написа книгу соборную послалъ намъ, дабы есмо ю видѣли своими очима. Аще убо окаянный Іосифъ непослушавъ соборнаго суда, и непокаяся, яко Бога небояся, на негоже свидѣтельствуеть божественный Софоній глав. 3. „Священники оскверняютъ святая моя и нечествуютъ законъ мой.“ А вы чадца, како неслышасте о семъ, како непокористесе, яко праведну, яко законну и истинну суду, но вѣроставе сыну погибели Іосифу глаголющи: „не истинно се быти писаніе,“ еже не токмо истинно но истиннѣйшее. Како Вы не слышасте сосуда избранна глаголюща: „не приобщайтесь дѣломъ неподобнымъ тьмы, пачеже обличайте.“ Обличите убо сего беззаконнаго, и отвержите его, и аще не уразумѣте нечестія своего и не возридаегъ беззаконія своего прокленѣте его, занеже сотвори дѣло егоже никтоже, николиже отъ Христіанъ сотвори. — Или мнѣте сему имѣти прошеніе и благословеніе, яко онъ глаголетъ Вамъ, отъ Святаго Апостольскаго Константиноградскаго Престола — иститъ Вамъ. Не иститесе Возлюбленныи! Нѣсть мощно въ истинныхъ вещехъ Святому Престолу и его Собору двоедушествовати. Или не вѣсте яко прощая непрощенна самъ непрощенъ, яко же окаянный Іосифъ. Его же, аще кто именуеть Епископомъ ложъ есть, да вѣсте чадца о Христвъ! яко житель есть, первожителя діавола сынъ. И яко сынове брачныи, сынове царствія, изволятъ быти сынове діавола? Кто его именуеть Епископомъ страха ради человѣческа, да слышитъ отъ Господа глаголюща: „не убойтесе отъ убивающихъ тѣло, но убойтесе имущаго власть послати въ геену.“ Кто его именуеть Архіереемъ, любви ради человѣческой, да слышитъ Павла Святаго нанъ свидѣтельствующа „ничтоже честнѣе есть любви Христовы.“ Кто его глаголетъ Пастыра даровъ рады, да помыслитъ, яко есть таковый Юда занеже продаетъ Господа, еже есть честь Христова. Кто его любитъ любве ради мірскія, да слышитъ Апостолъ: „любве міра сего вражда есть Богу.“ Кто его зреть облеченн въ святая нестыдится его, да не подѣла-

еть чувству, но разуму, и да воспоминаеть яко есть лицеиъръ, и да слышитъ Господа глаголюща: „яко уподобитесь гробомъ повапленнымъ иже извну являютя красни, внутръ же исполнены суть костей и всякія нечистоты.“ Но аще лстятъ Вы злый Іосифъ? слышите что глаголетъ Ісаія: „благашіи васъ прелщаютъ васъ и стезя пугей смутятъ.“ Который аще коимъ нѣмъ образомъ его восхоцетъ имѣти всяко за священна есть сопотивникъ Христу и Святымъ Отцемъ; кое бо общеніе свѣту къ тмѣ, кое общеніе Христу съ Веліаромъ? Что сообщается чада къ врагу Церкви? Егда прелстятесь, слышѣте Іеремію: „овца погибшая быша людіе мой, пасущи ихъ совратиша ихъ по горахъ.“ Которыи суть погибшая овца? развѣ тіа иже послушаютъ Лжеепископа Іосифа, а не послушаютъ соборныя Церкви? И которыи суть Пастыри, еже я совратиша, развѣ окаанный Іосифъ тать и разбойникъ смѣй? И которыи горы развѣ лстѣ его Сатанина Стреминую претящая. Слышѣте Господа глаголюща: „аще имате вѣру яко зерно горушно, рцѣте горѣ сей двигнись... Что оставите законнаго и праведнаго возлюбисте беззаконнаго и неправеднаго? Нѣли боитесь запрѣщенія Господня: „Горе глаголющимъ добру зло, и злу добро; глаголющимъ тмѣ свѣтъ и свѣтъ тьму.“ Но нѣсть еще се дивно мирскимъ, но Вы братіе како умолчате, ли не слышасте, что повелѣваетъ Господь, яко болѣ Церкви годѣ, болшій есть законъ новый отъ ветхаго. Но како тогда обрѣтѣся Финеей обличя беззаконіе и преста съчь, нмѣвъ никтоже обрѣтается да обличитъ беззаконнаго Іосифа. Не слышасте Св. Павелъ Тимоѣею глаголетъ: „облечи, запрети, благовременно и безвременно!“ Что боитесь страха, мучителя Іосифа, а не поминаете, яко имате издовозданіе имѣти по Апостолу глаголющу: „не достойныи суть страданія вѣка сего, къ будущей славъ хотящей открытися.“ То Господь глаголетъ у Езекиіа пророка: „Священницы оставиша законъ, скверняху святая моя посреде скверни и чиста и неразсудима и осквернишася по средѣ ихъ.“ Но пакы что много козненный врагъ (умысли) яко великаго Аванасія Амена (sic) тшхуся показати убійцу, рукою Арсеніевою, тако Іосифъ тшится да покажетъ, Господина Іеремію Епископа Львовскаго за симоніака: но что о немъ велегласный Ісаія: „лице блудниче бысть тебѣ, обестудился еси ко всѣмъ.“ И божественный Іеремія: „о немъ очи твои недобра и сердце твое лукаво.“

Мужіе Россійстїи непрелщайтеся словами Іосифа яко суть ложныя, всяко бо нѣсть симоніакъ Еремея, верукоположися бо дарами, яко сей злый Іосифъ, якоже Даванъ и Авиронъ отъ немущихъ власть рукоположити, и лалъ имъ сребро довольно, поставися. И аще Іеремея Свистелинцкїй належашу Іосифу, имѣлъ дати гроши, нѣсть се симонія, яко не благодати ради прїятія Духа святаго, но умиренія ради Церкви божія; понеже и Господь глаголетъ: „аще кто хоцетъ отъ тебе взяти одежду даждь ему и хитонъ;“ и самъ Андрамна дѣлѣсть міра ради: тако и Господинъ Іеремея, понеже Лже

епископъ Іосифъ восхотѣ Церковь божію умирити на златѣ, восхотѣ дати ему отъ имѣній своихъ, мира ради Церкви божіи. Въ таково убо время, яко дни лукавыхъ, блаженіе дати нежели взимати. Но аще Вамъ симонія се мнитси, по что не умолисте его, да онъ ничтоже возьмъ, яко Лжеепископъ праведну и посвященну Іерею изволитъ Епископства пустити: но яко Юда Христа, тако онъ тѣло его церковь божію, восхотѣвъ продати. О несмыслѣ! о како паки живеть Юда, живеть Искаріотъ!

Возлюбленныи, ихъ же благочестіе явно есть всему миру, како вбро-
васте прелестнику Іосифови, непознасте ли яко продаи святая есть священно-
крадецъ и тать, якоже глаголетъ Св. Василій: „Всяко сокровенное и такъ
бываемое татьба и священнокрадство есть.“ Не вѣсте ли яко нужда Вамъ есть
благословенія, и како Вы можете благословити, самъ проклятый, правилному
самъ подлежа за прѣщению. Какъ можетъ освящати самъ освященія дара
неимѣий; сего ради паки глаголемъ, отвращайтесь, бѣгайте новаго Симона
Юды, Іосифа Шумлянскаго, бѣгайте ученія его, яко лжива сугъ; како Вы
можете научити православія вѣры, многожде самъ отъ сея Апостата? Бѣ-
гайте общенія его, яко дасть вредъ душевенъ и смертоносенъ. Неглаголи
его и не нарицай никтоже Епископа, да не оскверниши устъ своихъ; не-
любизай его никтоже скверную руку, да не продаси Христа беззаконнымъ
лобзаніемъ; неимѣйте его за святителя, яко есть неосвященъ: никтоже да
рукополагается отъ него, яко неимать на се власти, и аще кто сотворитъ
инако есть съ нимъ проклятъ отъ животворящія и всесвятія Трона, и есть
посрамленъ отъ Святыхъ: есть отлученъ по Святыхъ вселенскихъ Соборахъ
и странахъ, отъ Церкви Христовы, есть проклятъ отъ Святѣйшаго Констан-
тиноградскаго Патріарха и Собора его; есть непрощенъ и отъ Насъ и отъ
Архіереевъ иже ся прилучили при насъ и подписали на семъ; за еже кто
любитъ Іосифа нелюбитъ Христа. Вѣсте ли что глаголетъ Павелъ: аще кто
нелюбитъ Христа анаѣма да будетъ. Но сообщайтесь и имѣйте и возлюбите
законнаго Вашего Архіерея Іерею и отъ него освящайтесь и приѣмѣте
благословеніе и благодать и освященіе, яко да будете благословенныи и
освященныи отъ Господа нашего Іисуса Христа, и благословеніе Святыхъ
Святѣйшихъ Патріарховъ да будетъ съ Вами, вкупѣ со домами и чади Вашими,
и да обѣнитъ вы благодать Св. Духа. Аминь. Аминь. Аминь.

Данъ въ Іаскъ року 44х о мѣсца Юлія днѣ . . .

„Подписалъ рукою власною Святѣйшій Патріарха Грецкій великими лѣ-
терами имя свое, на тутулѣ виразное и изнимъ будучи на тотъ часъ Ми-
трополитове и Епископове, также печати свои поприкладали и поподписовалися,
которыхъ имена таковыя напередъ. Мѣсце печати: Ледеонъ Митрополитъ
Сочавскій и всел земли Молдавской. Мѣсце печати: Іовъ Митрополитъ
Внолеемскій. Мѣсце печати: Досоей Епископъ Романскій. Мѣсце печати:
Отапойносъ (sic) Митрополитъ Неокессарійскій. Мѣсце печати: Епископъ

Родоскій того не можъ прочитати имени. Мѣсце печати: Іоанъ Епископъ Гушскій.“*)

Изъ выше приведенного явствуетъ, что Шумлянскій, чрезъ долгое время игралъ двоякую роль, т. е. Неуніаты и Уніаты. Еще въ 1667. году, яко мірянинъ именемъ Іоаннъ, отправился онъ въ Воздвиженско-Скитскій Ставропигіальный Монастырь, у подножія Карпатъ, гдѣ ему тогдашній Игумень Скитскій Теофилъ, исповѣдающемуся и клявшемуся на Евангеліи, издалъ письменное свидѣтельство, что онъ Шумлянскій, „истинно въ преданіи Церкви восточныя, матери нашея, обрѣтается,“ и по званію его духовника, представилъ его достойнымъ избранію въ санъ Львовскаго Епископа (см. Акта Запад. V. N. 69.). Послѣ смерти Епископа Свистелницкаго, освободився Шумлянскій отъ суперника, поѣхалъ въ Варшаву, и тамъ же 7. Марта 1677, въ присутствіи Короля и Папскаго Нунція, отказался отъ греческой шизмы: наконецъ въ году 1700, сбросивъ личину, въ Варшавѣ всенародно изложилъ свое исповѣданіе вѣры, предъ Папскимъ Нунціемъ и Примасомъ Кардиналомъ Радзѣвскимъ, которыхъ Папа назначилъ для того акта своими особенными комиссарями, о чемъ Король универсалами объявилъ Рускому народу. Іосифъ Шумлянскій скончался въ 1708 году и своимъ послѣднимъ завѣщаніемъ отъ 12. Ноября 1707 года въ Львовѣ, записалъ неунитской Воздвиженско-Скитской Обители 1000 золотыхъ польскихъ, поминанія ради о душѣ матери своей, погребенной въ тойже обители. *Za dusze matki mojej (говоритъ духовная его писана на польскимъ языкѣ), której exuviae tamże w tym Monasterze złożone 1000 zł. leguję, aby duszy oney piis suffragiis dzwigali!* Впрочемъ нашъ первый, Уніатскій Львовскій Епископъ скончался въ совершенномъ соединеніи съ западною Церквою, посему пишетъ онъ въ своей духовной: *Protestuję się u oświadczam, że w Wierze podług professyi mojej żyję, żyć i umierać mocno postanawiam; w Wierze tej, z którą Święci Apostołowie, Męczennicy poumierali; w Wierze tej, w której, po doczesnymъ pożyciu do Nieba są przeniesieni Bazyli Wielki, Hrehory Nazianzenski, Jan Złotousty, Athanazy i inni Święci Bożi; w Wierze tej, która ma w sobie zgodę powszechną, niłość i jedność Chrześcijańską starożytną Ojców Świętych, z Cerkwią Świętą wschodnią, a Cerkwią Świętą zachodnią.* Слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнья, что Шумлянскій, исполненный благочестія, естли въ актѣ поставленія его въ Епископы произошло нѣчто неправильнаго, испрошивалъ въ свое время удобренія высшей духовной вла-

*) Досноей Епископъ Романскій и Іоаннъ Епископъ Гушскій была Епархіальный Епископы Сучавской Митрополіи. Переписчикъ той Грамоты, якъ самъ утверждаетъ, не былъ въ состояніи прочесть имени Родоскаго Епископа, подобно же имени Цескарійскаго Митрополита, ибо „О тапойность“ есть греч. *ο ταπεινός* т. е. смиранный, титулъ обыкновенно прибавляемый къ именамъ духовныхъ лицъ.

сти, о чемъ насъ, въ томъ же намѣреніи, изданныя грамоты Киевскаго Митрополита Юсифа Тукальскаго, и Александрійскаго Патріарха Пайсія по части удостовѣряють.

Новица въ Маѣ 1860,

Антоній Петрушевичъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

о состояніи польскаго Народа.

Подъ такимъ заглавіемъ подаемъ читателямъ нашимъ переводъ изъ польской рукописи оглавленной: „Stan historyi narodu polskiego,“ писанной въ Варшавѣ 1791 года, какъ въ началѣ ея читается, въ интересѣ Св. Вѣры, и въ доказательство сего, что для блага Польши надобно учредить іерархію греко-неуніанскую и диссидентскую, обоимъ евангелическимъ вѣроисповѣданій, въ областяхъ польской Рѣчи-посполитой. Неизвѣстный, по имени, современный польскій политикъ толкуеть съ большимъ знаніемъ предмета о томъ, что было поводомъ паденія древней Польши, именно свободо-губная система религіиной централизаціи, подобно нинѣшней языковой, которыя обѣ отграничили навсегда Русь отъ Польши и до сихъ поръ чрезмѣрно препятствуютъ развитію русской и польской народности, не меньше же и политической свободы. Такъ приступаемъ къ вѣрному переводу польскаго подлинника:

„Докогда Греки Неуніаты въ Польшѣ, начиная отъ IX вѣка даже до 1595 года, не были въ Уніи, но всегда въ духовныхъ дѣлахъ повиновались Цареградской Патріаршей столицѣ, такъ долго вся Русь вѣрно боронила польскую свободу, и въ рускиихъ земляхъ не знано ничего и мятежахъ и якомъ нибудь вѣроломствѣ.

Римское духовенство отличалось гражданскими достоинствами и засѣдало въ сенатѣ, имѣя сановничества (Dignitarie), а греческое Духовенство, никогда не завидовало такимъ почестей, но довольствовалось своею духовною властью и отличіями духовному сословію принадлежащими, при чемъ равнѣ почиталось съ Духовенствомъ латинскаго обряда.

Диссиденты обоимъ евангелическимъ вѣроисповѣданій, не пришельцы, но граждане державы, засматриваясь на времена Папы Льва X, отступали отъ Римской Церкви, еще до владѣнія Сигисмунда I въ Польшѣ, по примѣру заграничныхъ протестантовъ, и умножившись при Сигисмундѣ Августѣ, учре-

дили отъ Римской отдѣльную церковную Иерархію, на Судомѣрскомъ Соборѣ, въ 1570 году, изъ обоихъ евангелическихъ вѣроисповѣданій состоящемъ, за свидѣтельствовавши еще свое существованіе на Виленскомъ Соѣмѣ 1563 года; потомъ въ 1564 году на Соѣмѣ Бѣльско-Подляскомъ; въ послѣдствіи 1568 года на Городенскомъ Соѣмѣ; снова 1569 года на Соѣмѣ Любельскомъ; наконецъ 1573 года на Соѣмѣ Варшавскомъ Конфедераціонномъ королемъ Генрихомъ и послѣдующими затвержденомъ.

Възъ короля Сигисмунда III. былъ для Польши несчастнымъ отроженіе наукъ и духъ любознѣдія, за Сигисмунда I-го и Сигисмунда Августа возникшій, началъ при Сигисмундѣ III-омъ упадати. Введены за Стефана Баторого Езуиты, размножившисъ подлѣ Сигисмундомъ III, препятствованы въ своемъ апостольствѣ въ Японіи и Хинахъ, пришли апостоловати въ Подышу, стали гонити Грековъ и Диссидентовъ, и заниматься политическими и духовными дѣлами.

Тотъ же Сигисмундъ вступивши на польскій престолъ, засталъ весь Сенатъ обсаженный Греками Неуніятами, именнѣо великими родами Острожскихъ, Заславскихъ, Корепкихъ, Вишновецкихъ, Збаразскихъ, Черторійскихъ, Сангушновъ, Рожинскихъ, Друцкихъ, Соколинскихъ, Любецкихъ, Огнискскихъ, Сологубовъ, Сапѣговъ, Абрамовичей, Ходкевичовъ, Юзефовичовъ, Глебницкихъ, и другихъ тысячныхъ родовъ, которыми всѣ воеводства Русское, Белзское, Волынское, Кіевское, Брацлавское, Черниховское и вся почти Литва, послѣдующія русскому обряду, была наполнена, прочіи же послѣдователями вѣроисповѣданія Евангелическаго и реформованого Аугсбургскаго, именнѣо родами: Горковъ, Реевъ, Шляскихъ, Шафранцовъ, Мышковскихъ, Фирлеевъ, Горайскихъ, Озаровскихъ, Графовъ Остророговъ и прочими; такимъ образомъ польскій Сенатъ при Сигисмундѣ III. числилъ только трехъ Санаторовъ римскихъ католиковъ, а пословъ едва десятую часть, состоящую изъ католиковъ, напротивъ Грекииъ и Евангеликамъ, о чемъ увѣряетъ насъ исторія господствованія Генриха, Стефана и Сигисмунда III-го.

Король Сигисмундъ управляемый Езуитами, именнѣо Пегромъ Скаргою, вѣденный ревностью римской религіи, вознамѣриль изъ головнѣйшихъ вѣроисповѣданій разновѣрцовъ, т. е. Грековъ Неуніатовъ, Евангеликовъ двоякого вѣроисповѣданія, реформованого Аугсбургскаго и Социніановъ, или такъ званыхъ Аріановъ, вопервыхъ ближайшихъ римской Церквѣ Христіанъ, тогда Греческими Католиками, нынѣ Неуніатами названныхъ, притягнути къ соединенію съ римскою Церковію, чтобы потомъ ему возможно было Лютерановъ, Калвиновъ и Аріановъ истребити.

Въ 1593 году удалось Сигисмунду Кіевского Митрополита Рогозу, Іосафата Концевича, Архіепископа Полоцкого, Терлецкаго и Потѣя Епископовъ, склонити къ тому, чтобы тѣже снова другихъ греческихъ Епископовъ

къ Уніи приводили, обѣщая первымъ изъ нихъ мѣста въ Сенатѣ равно съ латинскими Епископами.

Ипатій Потѣй Володимірскій и Берестейско-Литовскій Епископъ, которій изъ Берестейскаго Кастеляна избранъ былъ въ Епископы, а потомъ и въ Митрополиты, созвалъ русскихъ Епископовъ и много мірскихъ вельможъ на соборъ въ Берестъ Литовскій; но соборъ тотъ не совершился съ такимъ успѣхомъ, якъ ожидано, понеже князь Острожскій и другіи Волинскіи, Кіевскіи и Литовскіи вельможи, съ Епископами, Львовскимъ, Перемыскимъ, Луцкимъ и Бѣлорусскимъ сдѣлали также въ Берестѣ другій противный Соборъ, и не хотѣли приступити къ Уніи: когда напротивъ тому Митрополитъ Рогоза, Архіепископъ Полоцкій Иосафатъ Концевичъ, Терлецкій и Потѣй приступили къ Уніи съ Римскою церковью, и послали своихъ пословъ въ Римъ, которыми (по свидѣтельству Баронія въ его лѣтописяхъ) покоряясь Папѣ, объявили, что Русская Церковь никогда не была подчинена Риму, только восточнымъ Патріархамъ: но понеже восточная Церковь престала теперь мудрствовать (*hujz mađra*) и остается подъ Турецкимъ игомъ, по той причинѣ вступаютъ они въ союзъ съ западною Церковью, яко мудрою и славною. Такимъ образомъ произнесли они въ Римѣ свое исповѣданіе вѣры, были на дѣлены почестями и утварями церковными, а возвратившись въ Польшу, хотѣли остальную часть Руси насиліемъ обратити къ соединенію съ Латинскою Церковью. На мѣстѣ томъ надобно вспоминати, что Сигисмундъ III, хотя былъ отступникъ Лютра, однако въ послѣдствіи стался ревнѣйшимъ римскимъ Католикомъ. Онъ то, въ интересъ римской вѣры, не хотѣлъ, чтобы сынъ его Владиславъ наследовалъ шведскій престолъ, опасаясь, чтобы не стался Лютеряномъ.

Якъ извѣстно, тотъ же Владиславъ былъ избранъ на великое Московское Царство, подъ условіемъ, чтобы принялъ греческій обрядъ, но отецъ его Сигисмундъ III. не хотѣлъ ніякимъ образомъ соизволити на перемѣну вѣры сына своего.

Первую русскую войну, за Сигисмунда III., имѣла Польша по поводу Уніи русской Церкви съ Римскою. Когда же Ново-Уніаты стали насиліемъ Церкви Неуніатамъ отбирати, отняли нѣкоторые русскіи области, и нѣкоторые роды Шведскіи и Русскіи тогоже обряда начали въ Россію переселятися и за свое гоненіе искати отомщенія.

Предъ Берестейскою Уніею никто не слышалъ того названія „Схизматикъ“, по Уніи первѣе стали давати тое названіе Грекамъ, въ послѣдствіи же другіи съ Христовою и Святыхъ Апостоловъ наукою несогласны прозванія: въ прочемъ якимъ способомъ Уніаты отбирали Неуніатамъ Церкви, и якъ съ ними обходились, о томъ свидѣлствуютъ многочисленныя жалобы въ Трибуналахъ, Гродствахъ и Земствахъ, а между прочимъ письмо Льва Сапѣги, Подканцлера Литовскаго, писанное къ Иосафату Концевичу Архіе-

пископу Полоцкому, таковыи злоупотребленія Уніятвъ и злополучія для Отечества изъ Уніи произшедшіи, тому же Архіепископу вибняющее. Впрочемъ и о томъ вѣдати подобаетъ, что Левъ Сапѣга, тотъ славный Подканцлеръ, своего вѣка Министерь, даже до смерти своей не соединился съ Римскою Церковью, оставаясь однако всегда вѣрнымъ королю и отечеству, хотя не былъ вѣрнымъ Риму. И тое еще добавити нужно, что розновѣрцы, Греки Неуніаты и Евангелики, такъ многочисленныи въ томъ вѣцѣ, николи не были измѣнниками Отечества, и руки своей на оное не поднесли, подобно членамъ Римской Церкви въ послѣдующихъ вѣкахъ, якъ на примѣръ Радѣвскіи и другіи.

Хотя съ каждыи днемъ упадала Неуніятская Церковь въ Польшѣ за владѣнія Сигисмунда III, но имѣя еще многихъ членовъ, изъ первыхъ славнѣйшихъ родовъ состоящихъ, не уважая на притѣсненіе свое, во первыхъ призвала она Еремію Патріарха изъ Царегорода въ Кіевъ, который туда пріѣхавши, учредилъ во времена Сигисмунда III. Греко-Неуніятскую, Іерархію, избравши на престолъ Кіевской Митрополіи Неуніату, и Епископовъ Львовского, Луцкого, Перемыского, Бѣлорусского посвятивши, тѣмже правленіе русской Церкви подъ вѣдомствомъ Царегородского Патріарха поручилъ.

Непріятеля Греко-Неуніятвъ оклеветывали Еремію Патріарха, будто бы онъ пріѣхалъ возмущати край, но оправданъ съ цѣлю Церковью, самъ Сигисмундъ грамотою своею затвердилъ Іерархію Неуніятскую. Ревныи Апостолы всякими способами покушались, чтобы ту Іерархію уничтожити, и старались пріобрѣсти греческихъ Стященниковъ, приклонныхъ для Уніи, и такихъ избранныхъ Езуитами, не уважая на даны привилегія и клятвы, Сигисмундъ возводилъ на Епископскіи столицы: для чего сильно жаловались на тое послы на соймахъ, и такая духовная борьба продолжалась отъ 1595 до 1632 года т. е. до смерти Сигисмунда III.

Съ 1632. годовъ казалось, что окончится упомянутая борьба, когда посредничествомъ Владислава IV. учреждено двѣ греческіи Іерархіи, одну уніятскую, другую же Неуніятскую. — Уніятамъ дано: 1. Митрополита Кіевского и Галицкого, 2. Епископа Владимірского и Берестейского, 3. Архіепископа Полоцкого, Епископа Оршаньского и Ошмянского, 4. Епископа Холмского и Белзского. Неуніятамъ же дано: 1. Митрополита Кіевского, 2. Епископа Львовского, 3. Епископа Перемышельского, 4. Епископа Луцкого, 5. Епископа Бѣлорусского или Могилевского. -- Такое важное событіе должно было успокоити на всегда всякіи неудовольствія, если Апостольскій духъ былъ бы прекратился. Такой обоюдный договоръ былъ чрезъ раста conventa присягою Владислава IV. и конституціею тогоже года затвержденъ, король издалъ обоимъ сторонамъ дипломата, опредѣлялъ комиссарей половину Грековъ и половину Латиняковъ на соймѣ, чтобы во всѣхъ городахъ роздѣлено

Уніатовъ и Неуніатовъ Церквами, и Монастырями и Архимандріями, все тое сдѣлано и раздѣленіе совершено. — При всемъ томъ, польска рѣчь-посполитая не была свободная отъ интригъ и чужостороннихъ вліяній, ибо хотя становила у себе права на соймахъ, то однако римское и уніатское Духовенство, и нѣкоторые сенаторы и послы датинского обряда ставили противъ нихъ свои домогаательства: Духовенство отпослосъ въ Римъ, который въ конгрегаціи de Propaganda fide уничтожалъ своими приговорами соймовыя постановленія; слѣдственно мудрыя намѣренія Владислава IV. николи не осуществились и народъ не наслаждался миромъ.

Не сдержано Неуніатамъ того всего, что имъ обѣщаво на Соймахъ, духъ гоненія чѣмъ разъ больше возматался, и съ кончиною Владислава IV. прекратилось все блаженство Неуніатовъ, а съ побѣжденіемъ Неуніатовъ стали гонити Протестантовъ и Аріановъ.

Съ послѣдующимъ господствованіемъ Іоанна Казимира въ Польшу представилось новое зрѣлище: пониженный и гонимый Неуніатъ, былъ названъ Схизматикомъ, а Неуніатъ, хотя былъ бы и шляхтичъ, хлопомъ, который, не мога дальше терпѣти пониженія, былъ возмущенъ и покровительствованъ Московскими Царями и Господарями Валахіи и Молдавіи, исповѣдующими греческую вѣру и обрядъ. Теперь схватили за оружіе противъ королю и отечеству, Хмельницкій и Выговскій.

Послѣдовавшія конституціи за Іоанна Казимира всенародно изданными, для изгнанія всѣхъ Аріановъ, которые не отказались бы отъ своей вѣры, два раза повторяемы (о чемъ свидѣлствуетъ томъ IV краевыхъ законовъ), приспорили для Польши новыхъ непріятелей. — Такимъ способомъ латинское духовенство, притиснувши Грековъ, стало гонити Лютерановъ и Калвиновъ въ Великой и Малой Польшѣ, которые негодуя теперь на народъ (шляхту) и короля, не иначе будто объявили войну. Инфантцы перешли подъ владѣніе Шведовъ, ибо почитано ихъ яко еретиковъ и чужоностранцовъ. И вотъ благородный Инфантскій народъ, недопусая къ краевымъ достоинствамъ, забылъ о томъ, что самъ добровольно Сигисмунду Августу прислужился и имѣлъ торжественно затвержденное Аугсбургское вѣроисповѣданіе. Прусаки, гонены Куявскими, Хелминскими и Варминскими Епископами, призвали Брандбургскаго курфюрста, который приобрѣлъ два повѣты Бытомскій и Лимбургскій съ Елблагомъ, а договоръ Оливскій казался быти несчастіемъ для отечества, и Прускій вазаль пересталъ быти вазаломъ.

Гадяцкая комиссія, по побѣненіи короля Іоанна Казимира, своими родами составленная, казалась кончити несчастную эпоку гоненія Греко-Неуніатовъ въ ихъ отечествѣ, что все доказывается томомъ IV. краевыхъ законовъ. Но все тое не удостоивалось вѣры, постановленія соймовыи, договоры и угоды были ложны; ибо ревнивость римской религіи, отъ всѣхъ сихъ обещаній освобождала короля и народъ. Скоро потомъ Уніаты получили

письмо въ Архивъ данное (skrypt ad Archivum dany), изъявляющее, что всѣ права, конституціи, статуты и льготы, когда нибудь для уніатовъ изданныи не Неуніатамъ но Уніатамъ принадлежать: слѣдовательно что выше написано, то ниже изчеркнено.

Говорено о Русинъ: что Русинъ не додержуетъ вѣры, но ей не сдержалъ и Полякъ: за что отплативаясь Русинъ, доказалъ сего, что для спокойнаго исповѣданія своей вѣры старался перейти подъ владѣніе Самодержцовъ Россіи.

Поляки, за короля Михаила, были тѣмъ наказаны, что Турки Камянецъ съ Подолію загрибли, а Россійскіи Цари воеводства Смоленское, повѣтъ Стародубскій, Черниговское, Сѣверско-Новгородское и Кіевское, по оной сторонѣ рѣки Днѣпра, съ сей стороны Кіевъ, а въ немъ мѣста упокоенія греческихъ Святыхъ, къ которымъ каждый Русинъ съ большимъ благоговѣніемъ смотритъ, въ свое посѣданіе заняли. Такии заборъ былъ Грималтовскимъ договоромъ затвержденъ, дозволяя притомъ свободныи сношенія, епископамъ Львовскому, Галицкому, Перемышельскому, Луцкому и Бѣлорусскому, остающимся въ неунія, съ Кіевскимъ Митрополитомъ пребывающимъ подъ чуждымъ владѣніемъ. Такии образомъ великое королевство, къ которому подъ Ягайлонами, даже до Сигисмунда Августа, прибывали области, для религіиной вѣротерпимости, подъ владѣніемъ Вазовъ ревныхъ католиковъ управяемыхъ римскими священниками, стали тѣже области отпадывати.

Польскій народъ (шляхта) николи не могъ опамитатись въ своей религіиной ревности, и такъ въ 1710 году епископства Львовское, Галицкое, Перемышельское, Луцкое, противъ Грималтовскому договору отнялъ онъ Неуніатамъ а предалъ Уніатамъ.

Въ 1717 году тотъ народъ (шляхта) написалъ конституцію противъ Грекамъ Неуніатамъ и Диссидентамъ, уничтоживши давнѣйшіи договоры, не сохраняя привилеевъ, общаній, правъ и конституцій тимъже данныхъ, и присягами королей утвержденныхъ, что все розаражняло и къ ищенію розполагало сердца самыхъ Поляковъ розновѣрцовъ. Въ томъ времени окончилась лена (feudum) фамиліи Кетлеровской въ Курляндіи, по прекращеніи которой по договору подчиненности (juxta pacta subjectionis) Курляндіа должна была подѣлена быти на воеводства: но Курляндцы вѣроисповѣданіемъ Протестанты, потомки славныхъ нѣмецкихъ крестоносцовъ, видя гоненія своихъ братьей въ Польшѣ; и опасаясь сами подобной участи, что имъ явно въ конституціяхъ за Августа II. изданныхъ предсказано, за благо розсудили искати чужого покровительства, нежели подчинити себе подъ законы, гоненія и оскорбленія своихъ привилеевъ, съ которыми пришли къ Польшѣ. Отвращеніе Курляндцовъ противъ Полякамъ сдѣлало, что польскіи конституціи были для нихъ тягостнѣйшии, и Россія дала имъ отдѣльнаго князя Бирона, чего мы и Олцы наши были свидѣтелями.

Притѣснены Диссиденты и Греки Неуніаты въ 1717 году не перестали быти съ сего времени обижаемы въ трибуналахъ для тяжбойной формы Аріянизма (z rejestru Arjanizmu) въ Королевствѣ, и для тяжбойной формы міхіті fogi въ Литвѣ, такъ отнимано имъ церкви, училища, фундаціи и опозировано ихъ сословіе. Они подносили свой голосъ на Соймахъ въ 1764 и 1766 годахъ, но заграничная политика и польскій фанатизмъ не позволялъ сего, чтобы прошенія диссидентовъ и Грековъ были выслушаны, что болѣе, издано еще постановленіе, которое отправляло ихъ просити милости у епископовъ (pro clementia do Biskupów).

Теперь Польскіи Диссиденты были принуждены искати помощи у сусѣдныхъ державъ противу народу, который имъ николи недодержалъ изданныхъ привилеевъ, и въ самомъ дѣлѣ бывши пособствованы тѣмже, приобрѣли обновленіе своихъ правъ въ 1768 году, но и при томъ договорѣ сдѣлано въ Польшѣ большую ошибку, не соизволивши Неуніатамъ Грекамъ на учрежденіе отдѣльной Епархіи въ Польшѣ, допуская отправлятися въ Кіевъ Фединаку Бѣлорусскому епископу, который не могъ не повиноватися Митрополиту. Противу тому договору съ 1768 года завязали религіиные ревнителі конфедерацію Радомскую, опустошившую край и прискорившую роздѣленіе державы: такая то была корысть для Польши, хотящей искоренити Грековъ Неуніатовъ и Диссидентовъ, для чего ей всегда убываютъ воеводства, поныты, послы и люди, такъ католики, Неуніаты, якъ Уніаты и Евангелики.

Чтобы, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ просвѣщенномъ вѣцѣ прекратити миссіонерское дѣло и быти поборниками народа, неподчиняющагося фанатизму и чужимъ державамъ, потреба признати людей за людей, оставити каждому свободу совѣсти, подобно мудрымъ нашимъ предкамъ, поки возникшіи при Ягайлонахъ свѣтъ, за Вазовъ не притемнилъ, подъ Саскими Августами не погасъ, а тогда будетъ еще тотъ народъ счастливымъ. Надобно обратити вниманіе на тое, яка польза для народа изъ цивилизаціи слѣдуетъ, а не изъ вѣротерпимости (толеранціи) Грековъ и Диссидентовъ. Утверждаю изъ цивилизаціи, понеже толеранція, ничто больше есть, якъ только временная терпимость отъ милости зависящая, кто совѣтовалъ и совѣтуетъ единственно толеранцію для розновѣрцовъ, тотъ есть явнымъ неприятелемъ отечества и пріятелемъ сосѣдовъ; ибо каждый пражданинъ есть оложенъ такъ мыслити, чтобы всему отечеству было благо, а не одной только его части. Духовенства всегда было и будетъ интересомъ, чтобы въ державѣ не было розновѣрцовъ, дабы оно для послѣдователей одной вѣры было безусловнымъ провѣдальствомъ, которое розновѣрцамъ не совѣтъ достоинимъ можетъ оказыватися, понеже здѣсь нужно не раздумывати о томъ, якимъ угодити Духовенству, но якимъ образомъ удовлетворити бы требованіямъ державы для устраненія всякаго несчастья. Когда держава будетъ для всѣхъ вѣроисповѣданій отворена, и не дозволитъ тѣмже утѣснати, тогда изъ

всѣхъ чужихъ многочисленныхъ областей, гдѣ розновѣрцы гонятся, привлечетъ множество промысленныхъ людей, роспространяющихъ въ краѣ торговлю, ремесла и прекратитъ вывозъ грошей за границу. Напротивъ тому, держава затворена для розновѣрцовъ и гонящая тѣхже, или отказывающая для нихъ справедливость, такая и оставшюся еще часть жителей своихъ розгонитъ, и край слабо населенный, совсѣмъ опустошитъ.

Если кто нибудь думаетъ, будто теперь прекративши сношенія Неунитовъ съ Россією, неучредивши имъ особой Церковной Іерархіи, предасть остатокъ Грековъ пониженію и угѣшенію, и тѣмъ же принудитъ ихъ къ соединенію съ римскою церковію, и устранить чужое вліяніе, тотъ весьма поверхностно мыслитъ, и не милуетъ своего отечества.

Допустивши даже то, чтобы такимъ способомъ въ самомъ короткомъ времени держава освободилась отъ Неунитовъ, что однако безъ принужденія, тиранніи и притѣсненія не осуществилось бы, и сотни людей переселились бы до сусѣдныхъ державъ, неуважая на всяки предосторожности и численнѣйшіи войска, чѣмъ наконецъ въ наше время водворилось бы въ краѣ спокойствіе, но на будущее не уготовалось бы тѣмъ ніякого счастья: ибо въ такомъ случаѣ всѣ Неунитскіи и Протестантскіи державы признали бы насъ тираннами и гонителями, а всѣ заграничныя Неуниты и Протестанты николи не появились бы въ предѣлахъ Рѣчи-посполитой съ своимъ промысломъ, торговлею и рукодѣліями. Напротивъ тому, когда мудрое правительство наше обезпечитъ посѣданіе имѣнія каждому, предпишетъ для каждого справедливость, дастъ всякому человѣку свободу Богопочитанія по своему убѣжденію, тогда каждый чужостранецъ, зная о томъ, что въ томъ краѣ обезпечено будетъ вѣроисповѣданіе, его имѣніе, и найдетъ здѣсь справедливость, станетъ переселятися въ польскую землю, яко въ землю обѣтованную, землю собственную, и будетъ туже своимъ разумомъ и имѣніемъ помоществовати, и даже кровь за отечество свое новое, яко за свою мать, проливати не будетъ жалѣти.

Въ доказательство того имѣемъ много примѣровъ:

Во первый хъ. Когда договоръ съ 1768 года растворилъ Польшу для розновѣрцовъ, тогда многочисленными семействами торговцовъ и рукодѣльниковъ поселились въ нашихъ городахъ.

Во вторыхъ хъ. Когда городъ Житомиръ приговоромъ комисіи *Вони отдінів* съ 1783 года, къ своимъ привилегіямъ возвратился и на оборотъ въ Россіи муниципальный законъ, польскимъ городамъ, а теперь Россійскимъ, надѣленный былъ уничтоженъ, и на мѣсто его полицейское управленіе завелено, Киевскіи граждане и другіи изъ російскихъ городовъ, Кременьчуцкіи и Переяславскіи, пріѣхавши въ Бердичовъ на славную ярмарку съ товарами, отправились въ Житомиръ и объявили свою волю оставить Киевъ и переселитися въ польскій городъ Житомиръ, чтобы имъ только заручено, что польское Правительство не выдастъ ихъ Россіи, такъ, якъ прежде не малое число

россійскихъ выходцовъ выдало, и что имъ обезпечить свободу греческой вѣры и городу Житомиру привилеи егѡ затвердить. Жители Кіевскіи хотѣли уже покупать землю въ Житомирѣ и созидати дома, но пріѣхавши вторично въ Житомиръ, и увидѣвши, что ксендзъ Полуцкій оффиціалъ Кіевскій тогдашній предсѣдатель комиссіи *Вопі Ordinis* тогоже города, и Бугарь судья Житомирской земли и другіи не совсѣмъ понимаючи политику комиссары, благосклоннѣйшими явились для Евреевъ, якъ для Христіянъ, и городскія площади, противъ желанію магистрата самовольно надѣляли и раздавали на мѣстахъ публичнѣйшихъ Евреямъ, а стали отдавати оттуда Христіянъ; когда для истца (актора) Еврейского изслѣдовано весь магистратъ въ Житомирѣ, неуважая на занесенную аппелачію до ассесорскихъ судовъ сямъ магистратомъ, и тотъ же ввергли въ тюрьму, и несправедливымъ способомъ насылали войсковую ексекуцію, тогда такимъ поступкомъ оскорблены Кіевляне, оставили той городъ и отиѣнили свое намѣреніе въ немъ поселитися.

Во третихъ. Когда Бѣлорусь поступила подъ владѣніе Россійское, и магистрату города Могилева, перешедшого въ 1773 году подъ чужую державу, приказано было россійскимъ правительствомъ, присягнути на вѣрность Россійскому Государю, тогда магистратъ тотъ, хотя изъ самыхъ Грековъ Неуніатовъ состоялъ, возбранялся таковую сдѣлати присягу, и отправилъ къ польскому королю отъ себе пословъ съ предложеніемъ, что магистратъ и весь городъ должны быти вѣрными королю и польской Рѣчи-посполитой, для чего не желаютъ такую присягу сдѣлати россійскому правительству: но получивши отвѣтъ, что дѣлежнымъ договоромъ уже суть преданы чужому правительству и тѣмже договоромъ освобождены отъ вѣрности и присяги королю польскому, съ плачемъ возвратились теперь во свой городъ, и сдѣлали такъ принужденны изъ себе жертву. Тѣже Могилевскіи жители, всегда тоскуя за Польщею, стали незамѣтно часточно переходити подъ владѣніе польское, тоже дѣлали и граждане Полоцка, Витебска, Орши, Рогачева и другихъ городовъ; но когда въ 1776 году на конфедераціиномъ Союзѣ, къ большому несчастью Литовскихъ городовъ было рѣшено уничтожити Магдебургію въ поменьшихъ Литовскихъ городкахъ, розвязати магистраты и всѣ прислужащии имъ муниципальніи права, и подчинено ихъ власти старостовъ, и съ устраненіемъ прежнихъ льготъ, наложено на тѣже города подати, тогда не только Греки Неуніати и Диссиденты граждане, но сами даже католики оставляли Литовскіи города, переселяясь за границу, лишены своихъ свободъ и привилеевъ. Тая конституція въ 1776 году, подъ титуломъ постановленія податей въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ, больше изгнала городскихъ жителей изъ Литвы, нежели дѣлежныи договоры (*traktaty rozdziałowe*) отняли отъ Польши; слѣдовательно нѣтъ блага для области, когда въ ней не умножается народонаселеніе: съ которымъ только возрастаетъ торговля, промышленность и богатство.

Для умноженія народонаселенія и обогащенія области лучше всего содѣйствуетъ гражданская ровность, ровная справедливость, и свобода богопочитанія по всей вѣрѣ и убѣжденію. По той причинѣ, если Рѣчь-посполитая учредить Іерархію для Грековъ и Диссидентовъ и дать имъ гражданскую ровность и ровную справедливость, то въ ней николи не возникнутъ нѣмныя мятежи, ибо тѣже не изъ чего иного, якъ только изъ притѣсненія или гоненія религіи рождаются. — Притѣсненіе и гражданская несправедливость сносѣе, нежели религіиное гоненіе, ибо для человѣка не есть только дорогое имѣніе и жизнь, но еще болѣе сего вѣра, которую онъ изъ молокомъ выссалъ.

Мрачныя Ишпанскіи фанатики и Индійскіи Апостолы вознамѣрили обращаться въ Христіанскую вѣру Индіановъ, которые охотно были бы приняли Христіанство и отдали свои богатства Ишпанцамъ; но понеже тѣ фанатики не умѣли обращаться, только убивати и забирати Американцамъ золото, то мало удалось имъ снискати въ Индіяхъ католиковъ, погубивши при томъ миллионы людей, и опустошивши многочисленныя области Америки. Россійская императрица не лише только пріобрѣла новыя области, но еще вѣротерпимостью всѣхъ религій пріумножила число народонаселенія.

Прусскій король пользовался глупостью французскаго Правительства, изгнającego Гугенотовъ, обогащая ими свои области. — Тогоже счастья была бы доступна и Польша, ибо французскіи Гугенотты желали въ ней поселиться, но совѣты польскихъ Епископовъ тому сопротивились. При всемъ томъ Польша тая, яко смежная область деспотическимъ державамъ, якими суть: Россія, Пруссія, Австрія и Турція преисполнена разновѣрцами, если бы въ своемъ республиканскомъ народѣ шляхецкую аристокрацію уменьшила, а папскую Монархію въ своихъ областяхъ уничтожила, то имѣла бы между тѣми державами, многочисленнѣйшія области. Тогда каждый переселялъ бы ся въ Польшу, когда была бы ему обезпечена личная свобода, гражданственная ровность, и вольное вѣроисповѣданіе по убѣжденію его, чего ей всѣмъ сердцемъ желаемъ.“

Примѣчаніе. Была-ли переведенная мною статья уже печатью обнаружена или нѣтъ, сего мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно, но намѣстѣ томъ не могу не замѣтити, что около сего времени въ томъ же намѣреніи и дусѣ была напечатана на польскомъ языкѣ брошура съ оглавленіемъ: *Zdanie obywatela ukazujące istotną Rzeczypospolitey Polskiej potrzebę ustanowienia w iey państwach Hierarchii Polskiej Grecko-Nie-Unickiego kościoła*, странъ 15. въ четвертую долю листа, безъ означенія года и мѣста печати, яко-же и имени сочинителя ея. Къ тому же предмету относится, и въ тѣснѣйшей связи съ обоими выше приведенными статьями стоитъ также безымяннаго сочинителя весьма дѣльное твореніе, напечатанное въ Варшавѣ еще 1789 года подъ заглавіемъ: *Uwagi polityczne do prawideł Religii y zdrowey Filozofii zastosowane, tyczące się władzy kościelney in Temporalibus, ulepszenia Duchowienstwa katolickiego*

Obrządku Greckiego, nieutwarzania Hierarchii Nieunieckiego kościoła w krajach Rzeczypospolitey i udzielenia sprawiedliwości Poddaństwu Polskiemu, przez Anomina krótko w jednym Liście zebrane, stronъ 68, въ осьмую долю листа. Всѣ приведенныи мною сочиненія сберегаются въ библиотекѣ Митрополичей Капитулы Святогергiевскаго Собора въ Львовѣ, и кажутся миѣ быти творенiемъ извѣстнаго въ томъ времени поборника правъ русскаго народа и Духовенства въ Польшѣ, Θεодосiя Бродовича Архиприсветера греч. униат. Епископскаго Капитулы въ Лупку и составителя книги: Widok przemocy na słabą niewinność zrogo wywartej, напечатанной въ Львовѣ 1861-1862. въ двохъ частяхъ.

А. Петрушевичъ.

А К Т А

относящiяся до затвержденiя Капитулы Епископскаго Собора
во Львовѣ.

I.

Litterae D. Miselli ad D. Augustynowicz die 11. Julii 1772
Roma scriptae.

Per momentum temporis impedita mihi est expeditio Bullarum et indulti super gratia distinctorii favore Capituli Leopoliensis. Jam omnes expensae solutae fuerant, jam conscriptae tres distinctae Bullae cum suis transcriptis aureo caractere, jam omnia approbata fuerant in singulis officiis Datariae et Cancelariae cum solutione consvetae taxae. Verum cum hesternae die eadem Bullae plumbandae erant, et ad hunc effectum venerant ad consvetum officium, nescio quis ex nostris inimicis rem detulit Emmo Praefecto S. Congregationis de Propaganda, qui est infensus Clero Saeculari et non vult permittere, *ut parifectur Clero Latino*. Hic igitur Emmus Praefectus dedit Epistolam Emmo Prodatario, obtinuitque supersederi in relaxatione Bullarum. Explicare vix possum suae Perillustri' Dominationi qualis fuerit inea consternatio et hinc intelliget, cur ego nolui adire Congregationem de Propaganda, ubi certo certius repulsam habuissem et potius adivi Datariam Apostolicam, ubi gratia non modo signata fuit, sed etiam fuerunt expeditae Bullae, quae hodie solum ob respectum dicti Emmi retinentur. Sciat autem quod

Emmus Prodatarius et omnes Datariae officiales mihi sunt favorabiles, et aegre ferunt contradictionem dicti Emmi Praefecti S. Congregationis. Nunc adnitimur ipsum emollire ac etiam eo dissentiente gratiam obtinere ex oraculo Papae. Haec est causa retardationis, sed sua Perillustris Dominatio nihil exinde timeat, quia etiam in pessimo casu, quo gratia revocaretur, *debebit Dataria Apostolica et omnes officiales restituere pecunias, et ego semper sum promptus de recepto Cambio reddere rationem.* In caeteris non possum respondere, quia nimis sum conturbatus ex hac violentia, debuique pro hoc negotio huc illuc excurrere per totam urbem, et totus fui occupatus. Satisfaciam tamen futura posta et exitum notificabo. —

III.

Litterae D. Miselli ad D. Augustynowicz die 18. Julii 1772
Roma scriptae.

Nostri Capitulares Secretum non servarunt, ut ego insinuarem, et hinc orta est in expeditione indulti retardatio et impedimentum, quod ego anteriori posta significaveram. Illustrissimus Archiepiscopus Leopoliensis ritus latini habita notitia signatae gratiae, dedit literas nescio ad quem in urbe correspondentem, et fortasse, ut opinor ad P. assistentem Carmelitatum. Hic vero cum non posset impedire relaxationem indulti post jam factas a me maxima sollicitudine *omnes solutiones*, adiit Emmum Praefectum S. Congregationis de Propaganda, qui praetendit omnino revocari a sanctissimo gratiam jam factam. Plura opposita fuerunt. Et primo, quod concessio istius modi indulti postulari omnino deberet, et private concedi ab eadem S. Congregatione de Propaganda. At in hoc habuit contradictorem Emmum Cardinalem Prodatarium. Et Sanctissimus persvasus jam fuit, quod indultum rite voluit, debuitque imo concedi a Dataria Apostolica solutis consvetis emolumentis, quia non agitur de expeditione necessaria prout sunt expeditiones beneficiorum, episcopatum et similium, quae gratis fiunt in S. Congregatione de Propaganda fide; sed agitur de expeditione voluntaria. Unde omnino decet, ut qui assequitur gratiam cujus caeteroquin non indiget, debeat solvere consvetas taxas. Cum itaque hoc primum molimen in irritum cesserit, aliud deterius tentarunt adversarii: Opposuerunt enim, nostros Capitulares esse prorsus indignos distinctorio propterea, *quod sint personae vilissimae et rustici, qui terram ipsam arant, adeoque non deceat eos condecorari cruce et Latinis parificari.* Et ad hoc probandum exhibuerunt literas Archiepiscopi Sierakowski, quas ego vidi et characterem genuinum agnovi. Maxima hinc orta est contentio inter Datariam Apostolicam et S. Congregationem de Propaganda. Emmus Praefectus et Illmus Secretarius S. Congregationis favent Latinis, et Ruthenorum postulationi sunt contrarii, nec ego eos potui emollire pluribus adductis rationibus. Contra

vero Jllmus ac Reumus Ferri Subdatarius Sanctissimi, qui vices gerit Emmi Datarii pro sui senectute inhabilis, caeterique officiales Datariae nobis favent.

Et quamvis ex adverso magna virium contentione peteretur a Sanctissimo revocatio indulti, Jllmus Subdatarius obtinuit, ut res in suspensio maneret pro capiendis melioribus informationibus. In hoc rerum statu Jllmus Eppus Leopoliensis Ruthenus duas Epistolas scribere debebit, unam scilicet Sanctissimo directam, alteram Jllmo Subdatario etc. Interim ut vere agnoscat Sua Perillustri Dominatio, quod omnia jam erant in promptu, et omnes expensae jam solutae sint, imo conscriptae non solum tres distinctae Bullae pro distinctione Capitulorum, sed etiam tria distincta transumpta, solumque per momentum temporis remota fuerit expeditio. Transmitto unum ex iisdem transumptis quod iterum debebit ad me remitti. Parcat Deus nostris Capitularibus, quod intempestive gratiam signatam propalaverint contra meum consilium . . . Archiepiscopus Armenorum non debuisset dare contrarium testimonium, quia etiam Armeni hoc Exemplo poterant sperare et obtinere, si voluissent, aliquod Distinctorium.

III.

Litterae Comitis Sierakowski Archieppi Leopoliensis rit. lat. ad Beatissimum Patrem die 1. Augusti 1772 scriptae.

Beatissime Pater !

Afflicta undique praesenti temporum calamitate Polonia, dum totam desolatam, ac merore confectam se esse existimat, exinde etiam adversam suam conditionem deplorat, qui Antistitum Latino-Unitorum his respective in partibus Russiae excitentium novis dissidiis perturbatur.

Reumus enim Leo Szeptycki, Leopoliensis, Haliciensis et Camenecensis Podoliae Ruthenorum Eppus inconsulta S. Sede insciis totius Reipublicae ordinibus, non vocatis de jure vocandis rem a saeculis inauditam insolito stylo, cum summa admiratione totius orbis Poloni minus quam intra 24 horarum spatium tria Capitula Cathedralia Cleri Saecularis ejusdem Rutheni Ritus Leopoliense videlicet, Haliciense et Camenecense more in Ecclesia Graeca orientali inpracticato, nullum habens fundum proprium, sed in aliena Ecclesia monachorum videlicet D. Basilii M. Leopoliensi erigere dignitates et canonicos creare cum gravi derogatione jurium Capitulorum Latinorum totius Status Ecclesiastici informiter, clandestine et proprio ausu praesumpsit.

Hinc est Bssme Pater! quod me uti Metropolitanum Provinciae Leopoliensis nimium reddit afflictum et cum summo animi mei dolore ad paternam Clementiam, sanctamque ejus justitiam, implorandum circa osculum pedum Sanctitatis vestrae confugere compellit etc. etc.

IV.

List pisany do Warszawy podczas trudności w daniu konfirmacyi w Rzymie dla przeszkody WW. OO. Bazyliańców y IW. Jego Mci X. Arcybiskupa Łacińskiego od W. Imci X. Officyała gnlgo Lwowskiego *diversi Nominis ad ejusdemque Cognominis Procuratora gnlgo y Archidyakona K. Ł. 1773 A. die 3. Martii.*

Odebrałem nielada nadeszłą z Rzymu wiadomość, z której tak byłem kontent, iak żrzebiec po urznięciu. Niech woła Boga z Nami dziecie się. Kapituły Łucka, Włodzimirska, iakie takie one są, są iednak, choć bez Approbaty Rzymskiej. I my byśmy się byli Rzymowi nie naprzykrzali y Nasz majątek na Los szczęścia byli byśmy puścili, gdybyśmy taką trudność byli przewidzieli; lecz kiedy odezwaliśmy się, y zato miasto wdzięczności taką obieramy trudność, to konsekwencya, abyśmy się w innych Interessach nie referowali. Zapewnie nie referowali byśmy się, *gdyby Nas boiaźń przysztých czasów do tego nie przyswiedła była*, żeby in post y Kapituła Nasza y peculium na nią ofiarowane nie zginęły, iak z dawniejszemi kapitułami y ich dobrami stało się. Już dosyć zainformowany iest Excellentissimus D. Nuncius:

1. *Że u nas Kapituły wszędy bywały, y iakie takie fundusze miewały.*
2. *Że te kapituły cum adminiculo OO. Bazyliańców Illmi Dni Eppi suppresserunt, a Dobra Kapitułne, gdzie były, na siebie obrócili, iako to łatwo, gdyby się godziło y pozwolono, wyprobowało by się.*
3. *Że post cassata Capitula nastąpił Absolutismus, z tego Despoticismus, a z despoticismu ruditas in Clero et populo*, bo chiba by szalony a nierozumny chciał podać szyję pod takie despotyczne iarzmio.
4. *Latini Eppi et Clerus téry prostoty przygodzie bardzo radzi byli*, bo Ruś do swego Obrządku łatwiej przeciągnęli y z przeciągnionej licznej y obszernej Dyecezye w Xięstwie Ruskim, w którym przed trzema sty lat ledwie iaki Polak Ritus Latini *znaydował się* dla siebie porobili. A nawet od roku 1714 *myslą y zawsze między sobą radzą*, iakby nakoniec y samych Biskupów Naszych pod moc swoją podbić mogli, y do tego mało im braknie. Ależ bać się mocno, *aby ta pretensya nowej Schismy nie zrobiła albo dawnęj nie odnowiła.*
5. Projekt 1.17. nie iest to myśl Rzpltey ale privati hominis malitia contra Ritus Nostrum succensi, wynalazek na zniesienie tego i bezbożną środki (które on zbawiennymi śmie nazywać) podane. Nie musi Illmus D. Minister Romanus bydz zainformowany, *że tu iest Xięstwo Ruskie y Xiążęta Ruscy w niem dsiedzieli.* Nie musi wiedzieć, że kiedy Ruś 1340 Kazimierzowi W. poddała się, to sobie *obwurowała liberum exercitum Ritus sui Graeci.* Nie musi wiedzieć, że przedtem non obstante identitate Ritus Rusi z Moskwą Xiąże Ostrogski choć Rusin, obstając za całością Xięstwa Ruskiego, iuz do

Polski należącego, 30 y kilka bataliy z Moskwą wygrał, y to *non nocebat Bono Regni et Religionis Catholicae in Polonia*. Nie musi y tego wiedzić, że *wiele razy Polacy zamyslałi Ritum Graecum Unitum w Xięstwie Ruskim suppressere, zawsze a Deo cladem insperatam odniesli*, iako Susza Biskup Chelmski w swoim skrypcie 1664 A. w Nunciaturze znajdującym się przyświadcza. Chcieli y teraz y *na konsulcie Kukizowskiéy**) uchwaliłi przed zaczęciem Konfederacyi 1768 in Januario, *aby Ruś była przez konfederatów albo do Obrządku Łacińskiego przyięcia przymuszona, albo wycięta*. Owoż dokazali, że może za to samo Bóg rozniewany dopuścić podziału Państwa z tak znaczną oczewistą Oyczyzny szkoda. Myli się więc supposito, żeby to było lepiej, aby in Uno Regno Unus sit Ritus Latinus. Owszem gdyby tego chciano, toby *Ruś szukała Protekcyi Moskiewskiéy, a Moskwa zapewnie większe znalazła by prawo do całego Xięstwa Ruskiego, iak inne poteneye*, co ieszcze z większym iak teraz Krolewstwa Polskiego byłoby pokrzywdzeniem, nie mówię millionowym dusz straceniem, bo ta Maxyma u wielu żadnych względów nie ma. 6. Proiekt ten mógł bydz pokazany ad persuasam reddendam S. Sedem Apostolicam, iak *zdawna niektóre osoby R. latini Rusi naszey in Natio Solo będącéy nienawidzą y ten obrządek extinguere usituią*, który Oycowie Święci Grecy postanowili, a S. Sedes za dobry y Święty uznaie y utrzymaie. Ta to sama *nienawiść* y teraznieyszéy robocie konfirmacyi Kapituły naszey przeszkadza. 7. Ieżeli Ssimus in scripto assekurował Illustrissimos Episcopos Latinos, quod non sit admissurus de hoc negotio discursum, a *czegoż się mamy dobrego spodziewać a Communi hoc Patre et Pastore tanta praeventione praecupato*. Wszak gdy unius Matris Ecclesiae catholicae iesteśmy filii, aequaliter z drugimi cierpliwie słuchani y wysłuchani bydz powinniśmy, chiba że *gwałtem nas chcą przymusić do recessu* od siebie; ale tego nie day nam Boże, owszem day nam cierpliwość a S. Stolicy Krzywd y *praejudyciów naszych istotne rozpoznanie* y fałszywych przeciwko nam wielokrotnie pozmyślanych zarzutów odkrycie. 8. Obawia się Rzym vel minimas Latinorum oppositiones, a tego nie obawia się, że *iak tylko Latinos praeferrendo nas ponity, tak zaraz na całej Ukrainie, a może y na Podolu y na Wołyniu, actum erit de Unione*, tot annorum spatio et laboribus conquisita. 9. *Ruś* Latinorum dispositionibus nec se opponit (chiba żeby ich w czém z pokrzywdzeniem tykali), *ani w ich rządy miesza się*, a za coż Latini mają Naszym rządóm opponować się? albo w nie mieszać? Wszak my iako *żadnéy od Nich dependencyi nie mamy*, bo we wszystkim z nimi iesteśmy porównani, tak wolność mamy uchwałać y stanowić, co się nam zdawać może lepszego, a prawóm tak koronnym iako y kanonnym niesprzeciwiającego się. Wszak my milczeli na to, kiedy Imci Xiądz Arcybiskup tu teyszy, mający actualiter kapituły katedralną Lwowską y dwóch kollegiat

*) Kukizow, Кукизовъ, село въ Жолковсконъ округъ въ Галициі.

Stanisławowskiej y Żółkiewskiej, trzecią kollegiatę w samym Lwowie przy kościele Panny Maryi*) postanowił. Jeżeli zaś *Nas nie mogą cierpieć y sobie równych wiedzieć*, niechże pierwéy pokażą przywileje y dekreta purificationis y wyprobnią, że *my nie powinni mieć żadney dystinkcyi od prostych Chłopów albo Żydów*. Ale prawda, *u nich Żydzi w lepszym są respekcie iak my katolicy* we wszystkim im równi. 10. Żeby nasi Illustrissimi vel major eorum pars pisali ad S. Sedem pro desiderata Confirmatione, tego żadną miarą spodziewać się nie można, owszem Illustrissimi *Metropolitanus et Premisiensis* są *per expressum przeciwni*. Pierwszego przeciwność iest WM. Panu wiadoma, drugi Naszemu fortiter radził, aby téy promocyi odstąpił. Inni zaś Bazyljanom lepiéy iak Naszym sprzyiając nad nich Naszych praeferre *nie chcą y nie życzą*. Jeden Łucki, drugi Brzeski mogli by co za nami dla Ceremonii napisać. 11. Sama ratio Status Naszych Illmorum odradza im, aby w tym za Nami nie wdawali się, bo praevident, że *wczasie mogła by ich absolutność*, u niektórych etiam *despotica, ustać*. 12. *Zakonnicy także mają swój Interest psuć cum Illmis Latinis* nasze zamysły, raz że *chcą in Hierarchia Nostra sami gubernare, co iak było tak i będzie, ieteli my w poniżeniu a z poniżenia w prostocie zostaniem*, drugi raz, że *się boją, aby my mając Kapituły nie zagarneliśmy do siebie Szlachty a daley y na Biskupstwa nie promovali się*. Te to téy pokory Zakonney są fundamenta y nas wniwecz obracanie. Wreszcie poradź się WM. Pan Illustrissimum Promotorem Nostrrum, co y iak daléy robić mamy. To pewna, że takowe zatrudnienia etiam w Naszym Pasterzu taedium sprawiają, y ręce opuści, a my na śmiech, ohydę y szyderstwo u XX. y obywatelów Polskich y OO. Bazyljanów poydziemy, iako szydzić iuż y zaczyna-

*) В то время, когда по смерти Льва Шептицкого Митр. Киевского и всяя Руси 1779 г. довольствовались русскими Епископией Львовская, Галицкая и Каменецкая, равно и Перемышльская, Самборская и Саноцкая, а капитулы тѣхже Епархій еще не подтверждены едва дышала, величалася Архидицезія лат. Львовская четырьмя капитулами съ многочисленными прелатами. Архидицезію былъ тогда извѣстный Венцеславъ Іерон. Страковскій, его суффарганъ Фердинандъ Епип. Таргенскій. Межъ канониками считались епископы, архидицезіи, даже патріархи in part., тоже инфулаты и каноники другихъ епархій. Львовскій капитулъ считалъ 5 прелатовъ, межъ ними деканъ Стан. Райн. Езвскій носилъ титулъ еписпа Баковскаго, а кустость Крисп. Цышковскій Ниссенскаго еписпа; канониковъ грех. было 21; кан. свыше числа (canonici supernumerarii) 14 челоу. Между первыми, Алекс. Требнискій инфулатъ Замостскій, Георг. Годзѣмба (comes de Laszaris) патріархъ Іерусалимскій, Аспль Теонозіиск. Аббатъ инфулатъ Жолковскій, Іоаннь Ал. Александровичъ коад. Епип. Холмск., Ф. Кицкій коад. Львовск., Стан. Свѣйковскій инфулатъ Тарновскій. Капитулъ Жолк. кромя вышереченнаго Аббата, шесть прелатовъ и столько же канониковъ; Станиславовскій капитулъ три прелаты и 4 каноники, предстоитель ихъ Франць Канд. графъ Тенчинъ Осолнскій еписп. Киевскій капитулъ же коллегіаты Львовской имѣлъ 4 прелаты и 4 дѣйств. а одинъ почестный каноникъ. Сверхъ того консисторія, суды заворныя, низшее духовенство и несчетныи монашескіи ордены! (См. Schematismus der Kbn. Galiz. u. Lodom. Lemb. 1780.) Прик. Я. О. Г.

iących. *Jać nie długo eierpić będę*, bo dies mei a ieszcze przy tych zgryzotach breves, *ale wy młodzi goluście się na dłuższe Uragań cierpieni.* Co mnie naywięcący boli, iak się o tych trudnościach dowię IMC. X. Kiiowski, to zacznie swóy maiątek rozdawać na klasztory y Ubogie, a My y Bracia Nasi w dawnym Ubóstwie zostawać będziem. Kiedy się tak Bogu podobało, niech y w tém wola Jego Święta dzieie się.

P. S. Świec kóp 10. propter Excellmum Dominum Nuntium posyłam y WMJPan wiadome mu naznaczone Dukatów 50 odday. Jeżeli nulla spes boni eventus Negotii to może i nie wezmie. A iesli weźmie y bezskutecznie, to trzeba Nam imaginować: Czy to sami, co nam Pan Bóg dał, gratis rozdamy, czy że po naszej smierci chyba kto nie zechce, brać nie będzie, kiedy takiego któryby pilnował nie zostawimy. A ieszeli życie nasze przewlecze się, to kiedyśmy od Boga przeznaczeni bydź w ostatnim poniżeniu y uraganu, niech będziem w większym iak ieszemy y ubóstwie. Coż mamy robić? Z wolą Boską zgadzać się nam trzeba. A z tym wszystkim nie spodziewam się, aby S. Sedes instytuowanych nas pokassowała. Przychodzi mi na myśl, po oddanych offertach wytrzymawszy z kilka dni (ieszeli tak radzić będzie Illmus Consiliarius) wyiednay sobie audyencyą sekretną apud Excellmum Dnum Nuncium y wyraż mu intrinsecas rationes, propter quas my żądamy a S. Sede Confirmationem. Exponuy co się dzieie, za co się Dobra kupnią, kontrybneye nakaznią, etc. etc. Możesz temuz y cały mój list pułarkuszowy przeczytać, który pierwey przeczytay Illmo Consiliario y iakie Iego w tym zdanie będzie, czy go komunikować czy nie komunikować Nuntio upraszać. His omnibus malis obvianđi non superest ullus alius modus tylko formalis Capitulorum resuscitatio per S. Sedem demandanda et confirmanda. Capitula bowiem omni modestia mogliby perswadować, a nakoniec opponować się przeciwnym prawu y słuszności dyspozycyom. *Póki zaś kapituł po Diecezyach nie będzie, polity bezprawia dsiac się nieprzestaną z ostatnia braci naszych miseryą, uciskiem, zniszczeniem y oppressyą a nakoniec y prostotą.* Na nasz los szczęścia ciekawi wszystkie inne Dyecezye zapatruią się: a Ukraina tak obszerny kray dosyć trwale, kiedy w tak ciężkich prześladowaniach, więzieniach, z Unią utrzymie się. *Niech tylko parem cum Latinis respectum apud S. Sedem nie znajdziemy, to Ukraińcy nieochybnie szukać go będą u Moskwy* nie zważaiąc na oczewistą dusz swoich zgubę, czego nie day Boże Amen.

V.

List Imci X. Lewińskiego Officyała do Imci X. Lewińskiego Archidiakona y Prokuratora w Warszawie 21. Aprilis 1773.

Excerpt z listu Imci P. Anticego *nie wielką* nam nadzieię czyni, kiedy aż do plenae Congregationis resolutionem Interest nasz póydzie, a ten nie

wiedzieć iaki wypadnie. Kiedy Pontifex *tak mocno szacuje y za sprawiedliwe niby sądzi remonstracye Latinorum, który plenariam et absolutam ma potestatem, a iakże będą konsylerowali Emmi?* Wyperswadowany ia już iestem, że *przełzey Ruś zginie, iak my czym będziemy.* Szkoda wielka, żeśmy się do tey oplakaney, nieszczęsney Promocyi porwali, szkoda, żeśmy już *kilka Tysięcy stracili*, których już iest 8000 zgóra, *szkoda, żeśmy się czego uczyli*; bo gdybyśmy byli nie tak iak nasi Oycowie nie umieli i nie wiedzieli, tobyśmy i *tych krzywd, które niewinnie ponosimy, nie poznawali, a per consequens nie tylko te nas poniżenie, ale y podwod, iak nasi Oycowie czynili, odbywanie nakoniec y samey panszczyzny robić nakazywanie* iako głupim y niewiadomym nie było nam tak przykre, iak uciążliwości terażnieysze. *A ieśli by się nam były sprzykrzyły Panszczyzny y podwody, to iako prostacy Schizmatyce łatwo mogli byśmy byli znaleźć Protekcyę u Moskwy,* teraz w całej Europie apprehensią mającey. I pewnie prędzey byśmy ją byli tam znaleźli, *iak teraz w Rzymie.* Boga proszę, aby mi dał trwałość w Wierze świętey y nie przypuścił na mnie apprehensyi do desperacyi prowadzącey. Że propter fidem opprimimur a Moschis, opprimimur według ich zdania sprawiedliwie, iako od nich odszczepieni, y to nam iest gloriosum et meritorium. Ale że *opprimimur propter Ritum Catholicum a Catholicis*, to wzbudza żal nieznośny y do tey desperacyi przywodzi. I gdzie szukamy persecutionum medellam, tam znayduiemy perseuentes nos wiarę mających, wysłuchanych y apprehendowanych, a nas Bogu dzięki że *ledwie co tylko za Jego Stworzenie (mają).* Ah Boże! day że *nam cierpliwość, a starszym tandem aliquando prawdy rozpoznanie,* albo żebyśmy już daley na tym świecie (kiedyśmy ladaco i niczego nie warci) lepszym y wierniejszym od nas niezawadzali y wykorzystani byli? *Szkoda, że Konfederatom nie powiodło się, boby nas już może byli wyręśli, y zaspokoiłi się, a tak bię nas bię, a nie zabię.*

Jakie te Latinorum contra Nos remonstracye, niechby uam onych komunikowali, żebyśmy na nie odpowiedzieli? a ieżeli pisano pro Responso na te Remonstracye Latinorum do takiego, co mniey rzeczy świadom, iakże ten na nie odpowie? iak ten Rany moiey boleść opowie, która mnie a nie iego boli. Niech się wola Boża dzieie, ia tego tylko boię się, *aby takowe Latinis in Urbe pobłażanie, a nas za nic mianie, gorszej iak Cerulariusz nieznawito. Schizmy.* Boię się mocno, ieżeli X. Stopczański nie dowiedział się o tyłu z nami w Rzymie procederach, że będąc mężnym y statecznym w Wierze Ś. y nawet w więzieniu przez Niedziel circiter 16. ścisłym, trwałym, niedawno migravit in reprobum sensum, y do Pereiasławia dla wykonania perfidae fidelitatis poiachał. Boię się, żeby y drudzy więźniowie o tymże z nami postępku w Rzymie dowiedziawszy się, bezbożnego przykładu Xiędza Stopczańskiego nie chwycili się, y nie apostatowali. Suggestum medium JWo Ministra Rzymskiego ut committatur Nancio, aby on temperamentum wynalazł do stron po-

godzenia, nie sędzę być dla nas skutecznym, chyba na większą naszą oppresyą y zgubę. Pisałem ia dawniey, kiedy miano delegować ten nasz Interest Nunciuszowi do wyrozumienia y zakończenia, iż to nie będzie medium skuteczne. Bo ieżeli w Rzymie już się Ichmców *wielu nalezwało przeciwko nam krzącących, to w Warszawie wszyscy hurmem przeciw nas pójdą*, z którymi Nunciusz za nas wojny prowadzić nie będzie, ale będzie musiał Interest cały z Informacyami posłać do Rzymu. Co y stało się. I choć już tak dawno Informacye od nas powzięte, a y te nie wiem dla iakiey polityki y końca do tych czas tu haerent, *podobno czekają, aż nas Schizmatycy zagurną: ale już wten czas Rzymsku łaska na nic by się nie zdała dla nas*. Niech Bóg broni, ale mocno boię się, żeby do tego nie przyszło. Co z pierwszą komissyą dzieie się, tożby się działo y z powtórną o wynalezienie temperamentu. Trudno tu o Temperamentu wynalazek, gdzie XX. Łacińscy chcą, abyśmy byli prostymi popami, im we wszystkim usłużnemi, kiedy resztę Rusi do swego obrządku przeciągać będą, w tym im nie byli sprzeczni, y w niczym z nimi nie porównywali się. My zaś według praw nam służących chcemy z Ichmciami in Omnibus parificari.

Dostała mi się casu Copia Resuscytacji Kapituły Przemyskiej od pewnego Diecezjana tamecznego. Tę przyłączam, ieżeli się zda na co. A była by potrzebna, aby Imci X. Biskup Przemyski tego słowa *Kapituła cierpieć nie mogący* nec Umbram miał w Suspicyi na którego z swoich. Każesz Dobrodziejcu poszukać w Metryce Przywileju Confirmationis y z tamtąd authenticie wyiąć, a nie znalazł by się w Metryce, to musiałbym z Grodu Premyskiego wyiąć. Lecz nie rozumiem, aby *ten Przywilej był potrzebny stantibus morderniis in Urbe dispositionibus, chyba na placki, tak y innych wiele, które w ręku mamy*. Upatrzywszy porę komunikacyi Dobrodziejcu tych moich wyrazów Imci X. Audytorowi, które mi nie żadna desperacya, ale *żał i boiaźń przyszłych*, uchoway Boże, aby nie sprawdziły się, *emergencyi* dyktowały.

Antonius Lewiński.

Offic. gnalis Leopoliens.

VI.

List JM. X. Lewińskiego Officyała do Jmci X. Gutza do Wiednia
31 Martii 1774.

Obietnicy moiey dołeniając poselał WMPanu dokumenta nie tylko naszej, a y innym kapitułom, iakie zebrać mogłem służące per Notarium Apostolicum legalizowane, oraz y informację co iak y kiedy działo się.

Pomiiam różne okoliczności, które w przeszłym liście wyraziłem, to tylko nadmieniam, jak XX. Bazylianie aż nadto Illmo Domino Nostro dokuczają, Cerkwie katedralne za swoje zakonne depredykować, y od nich śmieszna

mocą swoją Biskupa odsądzać zaczęli, tak Illmus dalej tego nie mogąc znosić, na ichże wielorakie prywatne proźby odesłaną sprawę naszą o katedry, Parochie y uzurpacye po wielu klasztorach curae animarum z Nuncyatury 1769 ad ubi et coram quo de jure przypozawwszy ich ad reassumendam causam in Anno 1751 inchoatam in terminis in quibus stetit, reassumował stawiających y exceptionem fori wnoszących nie przyjął: od tego gdy appellowali y recesserunt, in contumaciam onych dalsze terminy byli formowane y finalny nastąpił dekret, którym nam nietylko Cerkwi katedralne, parochialne, et cura ubivis animarum przysądzone, ale y kapituły resuscitatio obiecana, a w roku 1771 die 11 Martijj uskutecznona. Nim to nastąpiło JW. JMX. Młodziejowski kanclerz koronny intuitu zasłużenia się y przypodobania się mu IMci X. Lewińskiego Archidiakona terazniejszego Lwowskiego ile razy był w Warszawie Illmus noster zawsze mu rekomendował Cleri nostri elevationem zachwalając mu, że ma y godnych y usłużnych. Illmus Noster częścią ugryzkami od Bazyljanów, częścią temi JW. kanclerza pochwałami y stymulacyami pobudzony ad resuscitationem Capituli postąpił, y te pod protekcyą króla JMci poddał. Gdy to nastąpiło, pisał zaraz Illmus tak do Oyca S., iako y do Propagandy, y iey Sekretarza, prosząc o konfirmacyą: też kroki poczynił, y do króla JMci, y do JW. IMci X. Kanclerza, y do innych Ministrów królewskich przyjaciół Swoich.

Propaganda była in optimo z razu erga nos statu, kiedy oppozycye czyniącemi a Capitulo Latino Leopoliensi Sekretarz Propagandy powiedział, aby napisał, do swoich pryncypałów, żeby od tey niesprawiedliwej kontrydykcyi odstąpili, bo się przy niey nie utrzymają z dyzhonorem ieżeli urgere zechcą. Ale JW. JX. Kanclerz k. non item, kiedy bowiem nalegał Illmus Noster o konfirmacyę krolewską zaczął trudnić wyrażając: „że powagi Majestatis Compromittere nie można. Lecz niech będzie w Rzymie approbata, od króla JMci bez żadney ludności nastąpi.“ To się zaś stało, że OO. Bazyljanie podali do niego Memoriał, ktorego treść że JW. JX. Biskup ich własne ex fundatione zakonne Cerkwie za katedralne sobie przywłaszczając, aby się przy nich bardziey ugruntował nowych do nich Prałatów y kanoników pokreował, o co sprawa w Nuncyaturze agituie się, y nowo kreowanym Prałatom z teyże wydana Inhibicya ne audeant functiones suas praetensi praelati in praefatis monasticis eorum Ecclesiis exercere sub poena excommunicationis et 3000 aureorum Hungaricalium.

A do tego musiał ten Minister mieć y od JX. Arcybiskupa Lwowskiego instancyę y remonstracye niepoślednie, który choć Rusi nienawidzi ale Bazyljanów (iako się przed nimi oświadczył) kocha, y który resuscitowaną kapitułę naszą (choć miał sobie od Illmo Nostro dokumenta in parte komunikowane) ma pro novitate in Ecclesia graeca inaudita, et schismaticis scanda-

losa. Toż samo y w Rzymie y po Polsce rozsiewa, y Biskupom y kapitułom ritus Sui wbiia.

Gdy w Warszawie trudność zaszła o approbację żadaną seu verius o wzięcie in protectionem regiam tey kapituły, roznieciła się bez pomiarkowana cheiwość distinctorii noszenia w JX. Piaseckim Scholastyku, ktore miał więcey od roku na osobę swoją wyprokurowane. Illmus Dominus tego mu nie pozwolił, dając między innemi rację tę, że sam cum distinctorio pokazał by się, iak Filip konopi, y przydał: gdyby to było pozwolono wszystkim kapitularnym to insza, w ten czas nie bronił by owszem cieszył by się zaszczytem. Doniosł o tym zdaniu Illmi Domini do Rzymu nieiakiemu IMci Panu Misellemu adwokatowi na pieniądze łakomemu Włochowi. Ten odpisał mu, że to się dla wszystkich stanie, ale trzeba konsensu Illmi Domini ordinarii. Takowy list odebrawszy X. Piasecki zaczął nas sektować niektórych tu podczas kontraktów znajdujących się. Replikowaliśmy mu wielkie dając remonstracye y reflexye: 1. Że tym Latinos bardziey incitabimus ad contradicendum et sese opponendum nobis, ne confirmatio subsequatur, którzy nie mogą y nie chcą cierpieć nas sibi pares. 2. Że bagatela była noszenia przez naszych kołnierzyków, a ztąd magnus motus, et jurgia orta.*) 3. Że gdyby y były pozwolone distinctoria, rzadki z naszych capax noszenia onych, a gdyby cum dedecore nosili, toby Latini większą mieli rację opponowania się onych depowania, że im przez naszych ztąd ohyda. 4. Że latina Capitula były sine distinctoriis przez kilka wieków, bo dopiero co w tym wieku krakowska a pozniey Lwowska od lat circiter 30, et subsequenter insze o nie postarały się. Nie napieraymy się my tego czacka, ale raczej usoliduymy wskrzeszone dzieło, a distinctoria zachowaymy następcom naszym etc. Te y inszych wiele remonstracyi nie przekonały kochanego Scholastyka naszego, osobliwie gdy do iego zdania przywiązał się y JX. Bielański. Stało na tym, że radzi nieradzi byliśmy u JW Pana y prosiliśmy o konsens, który non renuit, y kazał popisać listy tu WM. Panu copiatim przyłączone, do Papieża y Propagandy.

Cóż robi kochany Pan Mizelli? Miasto do Propagandy udał się do Datarii, otrzymał pontificiam gratiam na wydanie Bulli pro gestandis distinctoriis. W Datarii podano mu registr potrzebney expensy na to 900 szkodow, to jest naszych zł. 9000, a osobno Panu Misellemu za wyprokurowanie hujus Gratiae X. Piasecki dawniey obiecał dukatów 100. Pisze tedy Pan Miselli donosząc, że gratia signata, y żeby pro expensis przysylać zł. 9000, a jemu, za jego pracę dukatów 100.

*) Въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Истор. и Древн. Росс. М. 1859. Кв. III стр. 45. помѣщена о томъ любопытная „Переписка между греко-уніатскимъ митроп. Аоднасіемъ Шептицькимъ и римско-като. Аеппомъ Львовскимъ Ник. Выжницькимъ.“ (По ошибкѣ переписчика названъ сей Вячеславомъ Іорон. Сѣраковскимъ). Прим. Я. Ѡ Головацкого.

Posłane pieniądze odebrał, Bulla już była wygotowana, y tylko co miała plumbari, alias plumbo obsigillari; dowiedziawszy się o tym od naszych adwersarzow Bazylianów y Łacinników Propagandy Emmus Praefectus posłał do Papierza Sekretarza teyże Kongregacyi, exponował congregationi suae krzywdę do której privative wszystkie interesa Ruskie należą y to u Papieża zyskał, że posłał do Dataryi cum inhibitione, ne Bulla extendatur, (która już była extensa), neve extensa extradatur. Successive dowiedziawszy się Papież, że już expensae były popłacone, te kazał powracać et ne D. Miselli pro sua cura aliquid a nobis praetendat, sed omnia restituat, kazał mu Papież ze skarbu swego wypłacić szkudów 100 alias naszych zł. 1000. Lecz P. Miselli mając nasze pieniądze w rękach swoich y od nas obiecanych wziął zł. 2,000 y z kassy papieżkiej zł. 1000, a tak za 2000 wziął 3000, y nas w ostatnią swoją do Dataryi promocyą podał hańbę y pośmiewisko, y interes tak pomysłnie zaczęty do szczętu popsuł. Pisał bowiem Emmus Praefectus Propagandae ad nostrum Illmum Dominum, żeby od pomowania tego interesu velut novitatem redolentem przestał, y nam abyśmy vigore tey resuscytowaney (mniemaney według niego) kapituły żadnych honorów, prerogatyw nie usurpowali, przydając quia Sanctissimus nunquam approbabit.

Po długim wytrzymaniu Illmus Antici Regius in Urbe Minister, mając sobie imieniem królewskim zalecony ten interes intuitu approbandi Capituli Nostri, różnemi perswazyami y mocnemi racyami przelożonemi zmollifikował, tak kardynała Praefekta, iako y Sekretarza Propagandy, że oświadczyli się pójść in partem nostri, ale aż iak przyidzie informacya od Nuncyusza Polskiego a teraz do Wiednia naznaczonego.

Nuncyusz już napisał informację et quidem, ut subauditur, nobis dosyć favorabilem, do której explorabat quoque Illmorum Episcoporum ritus nostri sensum y ci wszyscy za nami favorabilissime pisali. Ale tey swoiey informacyi do Rzymu do tych czas nie posłał propter quasdam politicas rationes, te iak domyślam się, nie insze są, tylko że omnes Episcopi et Capitula Latinorum są nam contrarii, on zaś w terażniejszey porze formowania nowych w Polsce rządów obawia się, aby pokazawszy nam fawor, nie dał ansam Latinis Episcopis ad procurandam aliquam per eosdem constitutionem jurisdictionis Nuntiaturae circumscriptivam vel saltim limitandam, dla tego temporis niezwygotowaną informacją.

Niech będzie y to notum WMPanu, że przez pewnego Pana oświadczaiącego się bardzo ku nam, daliśmy informacją y dokumenta Synoptice probujące kapituł naszych existentiam, z tą konkluzją, aby on viis secretis wyrobił u delegacyi Prawa na przyszłe czasy dla Polski, formiającej aby taż Delegacya uformowała konstytuęę approbiającą dawne przywileie kapitułom ruskim służące. Tłumaczyliśmy sobie, że tym samym byłyby approbowane kapituły nasze. Ale Sekret niedotrzymany, owszem JW. Marszałek konfederacki (wielki

derus) mając sobie komunikowaną naszą informację, chlubił się przed różnemi, że ma w ręku 10000 dukatów; to on bardzo dobrze wie, że my nie jesteśmy Capaces tę dać mu sumę, ale podobno umyślnie dla tego rozgłosił, aby a Latinis contradictoribus in contrarium wziął dwa lub trzy tysiące dukatów, bo oni są capaces. Miał y JW. kanclerz koronny od pomienionego Marszałka komunikowaną też informacją y X. naszemu Archidiakonowi kazał sobie podać pro memoria, które dla wiadomości także tu przyłączam: Po danym y przesłanym Promemoria, gdy w kilka dni tenże Minister z rzezonym JX. Archidiakonem naszym zobaczył się, taką mu dał replikę: „Móy Pralacie kochany! czytałem Twoją informację . . . widzę wasze sprawiedliwe żądania, ale cóż kiedy jesteście sub alieno Dominio? Delegacya Rzeczypospolitey nie może iść in alienam mesem . . . staraycie się pierwey y JX. Biskup niech się stara o potwierdzenie dwóch pryncypalnieyszych Lwowskiej y Halickiej kapitul z Dworu Wiedeńskiego, a potem łatwo Rzeczpospolita trzecią Kamieniecką potwierdzi.“ Albo nie ministrzowska odpowiedź? Ale kiedy tak iest, toć už y w Wiedniu nam starać się potrzeba, abyśmy w ostatnim niebyli pośmiewisku y urąganiu u PP. Polaków nie tylko duchownych lecz y świeckich, a nawet sameyże Rusi.

Przytaczam także restrietum sprawy o kapitulę włodziwską pod bytność w Rzymie JX. Wyhowskiego circa Annum 1764; z tego dokumentu poznasz WMPan że Rzym nie miał trudności approbować kapitulę Włodziwską, ale ośła trudność była na ułożeniu planum, iak ta kapituła in publici fundationibus ma comparere i iakie jey obligacye. Co dla Rezolucyi non subsequutum. Mając przeto WMPan te dokumenta y one przeczytawszy poradź się kogo tam masz poufałego y mocnego iak by tam y zkał zacząć. Nie przepominam y tego donieść, że pod bytność tu Cesarską, gdy u niego nasz Illmus miał audyencyę y półtory godziny na niey w różne wpadając dyskursa bawił; między innemi była wzmianka y o kapitule resuscitowaney, w której w Rzymie konfirniacy Arcybiskup z kapitulą swoją oponuje się y innych do oppozycyi pobudził; kazał sobie Cesarz cały dyskurs pro memoria dać in scripto co factum. Chociaż za powrotem do Wiednia musiał Cesarz ministrom swoim dawać czytać, ponieważ do Gubernium tuteysnego przystano o informację między innemi y o kapitule. JW. Pergen convenit cum Illmo Nostro, aby pro informatione, y dla dokumentów pokazania kogo z swoiey strony naznaczył, a on z swoiey. Factum że ia byłem naznaczony, a od Gubernatora konsylarz Knop. Byłem u niego, według pozwolonych mi czasem kilku momentów (bo ten sam rad wiele mówi, i drugiemu mówić trudni), pro posse informowałem go y też samego WMPanu poselałem dokumenta onemu oddałem, ale wyrozumiałem, że osobliwie o kapitule naszej iest z przeciwney strony dobrze napompowany. Jaka zaś ztąd do Wiednia informacya poszła nie jest nam wiadomo do tych czas. —

Wziąwszy się do tego interesu, to naybardziej przekładać, że nasza kapituła zprodukowanych dawnych dokumentów okazuje się nie ulla novitas, iak Latini depradicant, ale rzeczy starey studio OO. Bazylianów (niech im Bóg tego nie pamięta) zatartej odnowienie. Powtóre: że kiedy nayiaśnieysza Cesarzowa Jmść 1771 Biskupstwo Munkaczowskie fundowała, zafundowała y kapitułę de nova radice, a przecie o tym w Rzymie żadney trudności nie czyniono y approbowano: tylko to nasza kapituła choć stara, za udaniem przecie XX. Bazylianów y Polskich... novitas inaudita. Nasi niczym bydź niegodni, choć po Ukrainie y teraz propter fidem catholicam krew przeliwają, więzienia cierpią y z majątków ubogich odarci bywają, a IchMościowie, że mają za co ięść, pić, brzuchy paść y paradować, to im privative należy się bydź Prałatami. O tempora! o mores! Co tam zaś robić macie, chcey mię Dobrodzieju zawsze uwiadomić. —

VII.

Audiencya u Cesarzowey Jmci miana die 26 Februarii 1775.

Z listu X. Gutza do X. Lewińskiego officyała die 1. Martii 1775 pisanego.

Gdym wyraził podziękowanie za pozwolenie edukacyi dla dwóch kleryków (w Collegium s. Barbary w Wiedniu) przerwała mi dyskurs Cesarzowa Jmść, czyli zdrowo przybyli po tak długiej y złej drodze. Odpowiedziałem: że ieden był zasłab ale się teraz lepiej ma. Pytała potem o ich lata oświadczyła chęć oraz protegowania naszego obrządku. W tym oddając list Excellentissimi Domini oświadczyłem, że miałbym co powiedzieć gdyby Wasza Cesarska Mość pozwoliła. Powiedziała mi więc z wszelką łagodnością, abym mówił, co mam do mówienia. A zatem mówiłem w ten sens. Gdy Wasza Cesarska Mość z iedney strony ritum graecum łaskawie protegować raczysz, a przeto z tej miary spokojnymi czynisz, z drugiey strony trwożą nas rozchodzące się po Galicyi te dwie wieści 1. Rozgłaszaiają, iako by wolno było świeckim odmieniać obrządek. 2. Jakoby Biskupi łacińscy starali się nad naszymi Biskupami o Jurisdycyę.

Ad 1m. Powiedziałem, że się sprzeciwia wyrażonym dekretem Stolicy Apostolskiey cytując Urbana VIII. i Benedykta XIV. Potym gdyby haec disciplina relaxaretur, same by się tylko pospółstwo in ritu graeco zostało, bo każdy świecki mogąc bezkarnie odmienić obrządek, zawsze by łaciński przekładał, dla pożytków któryby in statu ecclesiastico et civili znajdował. Na to Cesarzowa Jmść: to jest bardzo prawda. Do tego pogarda naszego obrządku y posty surowe y liczne. Tu Cesarzowa powiedziała, macie ich dosyć. — Byłyby mocną pobudką odmienienia obrządku greckiego. Tu po-

wiedziała Cesarzowa Jmść ale niewiem do czego aplikować: Będziemy teraz lepsze mieć porozumienie się z Papieżami.

Smiem wyznać przed Panią moją, że y iabym był powinien odmienić obrządek, gdybym się był innemi nie rządził pobudkami, bo zostając w łacińskim obrządku przynajmniej bym był pewny moiey na dalszy czas subsystencyi, gdy teraz pro titulo congruae sustentationis niemam więcey iak ryńskich 75. Na co Cesarzowa z podziwieniem: Tylko tylo? I na to ieszcze przez 13 lat służyłem edukując dzieci pewnego polskiego Pana, a nie mając więc do czego powrócić do Oyczyzny ile nie przyzwyczaiony pracować koło roli, — na to Cesarzowa z śmiechem: — bez wątpienia — jak drudzy czynią parochowie — muszę tu ieszcze zostawać przy kawalerze polskim za guwernera. Tu się pytała, iak się nazywa y czyli iest z pod panowania Jey. A przytem sprawiam funkcją agenta moiey diecezyi od miesiocy 16 nie mogąc pretendować od ubogiego duchowienstwa rekompensy, chociażbym był potrzebny iakowego wsparcia dla ćwiczenia się w ięzykach niemieckim francuskim i włoskim. — Na to Cesarzowa: umiesz to więc ieszcze po niemiecku i włosku? — A naybardziej w prawie, którego za moich w Polsce szkół nie uczono. Na to Cesarzowa: wiem ia o tem.

Pytała mnie potem Cesarzowa: czylim kanonikiem? Nie wiem nayiaśnieysza Pani, iezeli się nim mam nazywać — tu się roześmiała Cesarzowa, — ponieważ mamy wiele przeszkód do umocnienia naszej kapituły. Na to Cesarzowa tonem upewniającym: To się powinno stać i to będzie.

Mówilem daley: Otoż nayiaśnieysza Pani przyczyny, które bardzo łatwo nakłonić mogą Ruś do odmiany obrządku, czemu ażeby zapobiedz, zdaie mi się rzeczą być przyzwoitą.

1. Aby Wasza Cesarska Mość proprio motu wydać kazala edykt, iż chcesz aby Jey poddani ściśle zachowywali dekreta Papiezske wydane przeciwko odmieniającym obrządek y żeby łacisńcy Biskupi nie śmieli przyimować nikogo do swego obrządku bez dyspensy Papiezske, oraz aby powrócili do obrządku greckiego, którzy go ilicite et mala fide odmienili. Nato Cesarzowa: To iest punkt bardzo delikatny, zwłaszcza gdy macie w sąsiedztwie Schizmatyków. 2. Aby zaś, mówilem, utrzymać łagodniey in ritu graeco, zdaie mi się potrzebne bydz coaequatio iurium cum Latinis iako iest w Węgrzech ex decreto W. C. S. Mści iuz od lat dwóch ustanowiona. Natym zastanowiłem się a potym powiedzialem: Przydał bym y to za pozwoleniem V. M, abyś kazala Dyrektorom poprzestać wexacyi, którey tylko ieden przyklad przywodzę z Paletu p. Lomkau. Pytała się, czy to iuz za Jey panowania? Odpowiedzialem, że tak, y natychmiast powiedzialem cały Palet executionis przeciwko parochowi Firljowskiemu, przydaiąc te wszystkie reflexye, które są w nocie do kanclerza Excellentissimi Dni posłane. Na to słowo *Papa* powiedziała Cesarzowa: że to tylko tak Schizmatyków nazywaią. Pytała się zatym, iezeli znam. JW.

Werbua kanclera, y żeby mu to in Scriptis podać. Na to ia mówiłem, że w dalszym czasie za pozwoleniem Najiasnieyszy Pani to uczynię przy powzięciu od mego Pasterza dostatecznych Informacyi, gdyż tu teraz z okazji namieniam, ażeby Naiasnieysza Pani wcześnie o tym wiedziała. Pytała się, w którym czasie takowy Palet wyszedł. Odpowiedziałem: że elapso mense Octobri.

Ad 2. Przystąpiłem zatym do drugiego punktu mówiąc, iż podanie naszych Biskupów pod jurisdycyą Latinorum iest 1. niepotrzebne, ponieważ sami mogą rządzić swoją owczarnią. Nato Cesarzowa: To być nie może, owszem wiadomo, że Biskupi Munkaczewski, Swidnicki, Fogaraski są uwolnieni zpod Jurisdycyи Łacників a teraz będzie uwolniony Eppus Magno-Varadiensis. Mam, prawi, dobrych y zacnych Biskupów ritus graeci. I wy macie bardzo dobrego Biskupa Lwowskiego, zapomniałam iak się nazywa. Odpowiedziałem: Szeptycki. 2. Mowiłem, że poddanie naszych Biskupów nie iest pożyteczne kościołowi, bo Latini nie są informowani de rebus et disciplina nostrae Ecclesiae, 3. Żeby to było szkodliwą rzeczą dla kościoła. Zapewnie, prawi, bo Schismatycy blisko, — tak dla tego, że to byłoby rzucić nasienie wiecznego nieukontentowania y niezgody, iako też tym sposobem na zawsze by się odrazili Schismatycy od przyięcia Jedności.

Rekomendowałem więc Protekcyи Cesarskiey ritum graecum, a na odeyściu prosiłem, aby kazała dla kleryków dyspozycye poczynić co do odzieży y stancyi.

Примѣчаніе. Наконецъ со стороны Австрійскаго правительства съ обновленіемъ Галицкой Митрополіи послѣдовало и затверженіе Львовскаго греч. кае. Митрополіческаго капитула высочайшимъ дипломомъ Его Величества Императора Франциска I. отъ 25 февруарія и грамотою Митрополита Антонія Ангеловича отъ 3 октобрія 1813 года, въ слѣдствіе рѣшенія надворной канцеляріи отъ 3. Сентября 1812. Ч. 13.320. Затверженіе же тогоже капитула отъ Римскаго Престола все таки еще ожидается.

Сообщилъ Ант. Петрушевичъ.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

о студіяхъ Славянщины.

Законъ „познай самого себе“ — долженъ быти отнесенъ отъ человѣка въ особенности къ народу вообще, ибо есть тое не только моральный законъ отдѣльнаго человѣка, но и обвязокъ всего народа; при томъ для народа есть рѣчею необходимою, познати край, въ которомъ онъ проживаетъ, ознакомиться съ власною жизнію, съ власною исторіею, характеромъ и обычаями. Котрый же народъ потребуе бѣльше того познанья самого себе, якъ не славянскій? Чась бо уже разъ, щобы достигъ онъ власнаго народнаго самопознанья, щобы дѣзнався о своѣмъ положенью, своѣмъ достоинствѣ, о цѣнѣ межи прочими народами и щобы почувствовать свое преимущество, въ многихъ отношеньяхъ передъ другими. И справедливо. Той человѣкъ достигаетъ счастья и долѣ, котрый познае себе и свои здѣлности, ибо познавши себе, онъ дѣлае то, шо ему приноситъ истинную пользу. Если кто способный до какой науки, то най онъ нею занимается и достигаетъ въ ней досконалости; досконалость же есть не только перва цѣль, но и найвысшее добро человѣка. То само дѣсаетъ и съ народами. Греки и Римляне добре знали самыхъ себе, и для того, утвердившия въ собѣ и въ своей силѣ, проистекшой въ слѣдствіе такой увѣренности, пановали надъ толикими сильными народами черезъ много вѣковъ, себе же называли первыми, а всѣ прочіи народы варварами. — Давножь то учены труженники въ своихъ скромныхъ углахъ стали работати надъ изысканіями о Славянахъ, скрываючися якъ отшельники, не думаячи ни о вниманіи къ собѣ, ни о славъ? Давножь то въ Европѣ говорили о Славянахъ якъ о какой нибудь ногайской ордѣ? Пятьдесять лѣтъ тому — о Славянахъ никто и не думавъ, сорокъ лѣтъ — мало кто о нихъ писалъ, три десятки лѣтъ — мало кто хотѣлъ расправляти о нихъ. Мы сами не знали себе, быльсьмо peregrini in patria, студія Славянщины лежали обломомъ.

Но чась надойшошь — самъ далъ знати о собѣ, самъ звернулъ дѣятельность къ тому, шо ему треба. Не каждый отгадае, къ чему онъ ведетъ, но каждый иде за нимъ: хотяи неспоро, хотяи лживо. Нынѣ здвиглися студія Славянщины на тое становще, съ которого изслѣднати можна прошедшее, розсмотрѣти настояще и проникнути будущность Славянъ и ихъ литературы. Мужи труда и науки, оцѣнивши по належитой своей вартости мысль всеобщаго, взаимнаго стремлѣнья ко развитью славянской народности, горячимъ чувствомъ своимъ ко всему, шо звеса славянское, отгадали ту блистательную будущность, котору вѣщуе славянскому народу велика мысль взаимности.

Пользуясь тылъ всѣмъ, чимъ современный станъ науки мѡгъ ихъ засилити, поддвигли аматорство рѣчей славянскихъ на степень умѣтности, приватныи, заулковыи студія на степень занимательной, общепользеной науки. Студія Славянщины вызволены изъ тѣсныхъ закутковъ ученыхъ перейшли до академїи столицъ европейскихъ. Старанностію оныхъ мужей открылися аудиторія лекцій славянскихъ. Въ публичныхъ училищахъ, изъ публичныхъ кафедръ стали они учить, якъ познавати себе, свѡй народъ, его жизнь и состоянье. И недаремы были ихъ труды. Мысль славянская засѣяна въ счастливой годинѣ богаты и обильныи принесла плоды

А однакожь обширное поле раскрывается еще наблюдателю, съ ученымъ вниманіемъ звертающомуся ко славянству; обширное и еще не совсѣмъ исследованное, обширное и розманите. Той бы ошибся, кто бы думавъ, же студія Славянщины розсмотрѣнемъ литературной дѣятельности Славянъ кончатся и остаточной своей цѣли доходятъ. Есть и ту надъ чѣмъ застаноятися, — маемъ памятники ледви не десяти вѣковъ, а въ нихъ свѣтъ проблески славянскаго духа, почавши отъ найдавнѣйшихъ, которы были современны раннему роспространенію старославянскаго нарѣчія а разомъ съ нимъ и свѣтла вѣры Христовой у Славянъ, а оставившиися на тмхъ, которы современны суть оживленію славянской мысли въ нашихъ часахъ. Впрочемъ, хотяи любопытный есть обзоръ тмхъ памятниковъ, Славянцъ не познае изъ него всего себе, довѣдается скорѣе, якъ до сихъ поръ онъ мало старался о познанье своей народности, якъ часто и сильно увлекался чужимъ, якъ часто и сильно былъ тѡлько отзывомъ чужой мысли, тѡлько тѣнью отъ чужого свѣтла. Старославянцыи повторалъ Грека, Чехъ — Латинника и Нѣмца, Полякъ — Латинника и Француза, Сербинъ — Латинника и Италианца, Русинъ — Грека Поляка и Нѣмца. Славянство въ литературныхъ утворахъ Славянъ частѣйше всего являлося яко недостатокъ, яко слабѡсть, або яко пересада; старался ѡтвыкнути ѡтъ него выкоренити его изъ своихъ мыслей. Литература отдѣлилася ѡтъ народа, народъ ѡтъ литературы.

Наблюдатель Славянщины не задоволивши себе письменною литературою; по-новомъ зверне увагу свою на словеснѡсть народну. Но и ту предвесѣтъ пробудитса въ немъ сумное чувство. Народная словеснѡсть сталася у Славянъ простонародною; народная мысль жѣ не подвигаючися ни крокомъ впередъ; народная память сохраняе то, чого не хотѣли переховати перо и папѣръ; она смѣшала памятники всѣхъ вѣковъ въ однои безъ времени и утратила много. Во всякомъ случаю изученіемъ простонародной словесности необходимо должны быти роспространеныи кругъ литературного изученія Славянъ. Еи памятники суть памятниками живото слова, суть живыми свѣдками судебъ народа; они очевидно доказуютъ, же народъ не умирае житьемъ духа. Памятники простонародной словесности выкрываютъ, що ожидае славянскаго литерата-художника, который рѣшится звергнуть съ себе яго чужой на-

родности, рѣшится доказати, що и Славяне могутъ заняти свое власне мѣстце въ черзѣ народѣвъ, дѣлающихъ на мѣръ мыслию и словомъ. Лишь такє подвоѣне изученє словесности Славянѣ, изученє словесности, письменной и изустной може по части задоволити наблюдателя Славянщины. По части мовлю — ибо оно выкликує три повьи ряды вопросѣвъ. Щобы поняти словеснѣсть народа, треба пѣзнати его слово, его языкъ: щобы поняти народнѣсть въ словесности и языкѣ, треба изучити народѣ, его характеръ, обычаи, бытъ, умственныи понятія; щобы поняти все тое въ временнѣмъ развитію и поняти вліяніє того развитія на дѣятельнѣсть народа, треба выикнути въ его минувшѣсть.

Що въ студіяхъ Славянщины на литературѣ збуває, тое дополняютъ филологія, этнографія и исторія. Задачею филологіи єсть: представити духи славянскаго языка и его развитіє во всѣхъ нарѣчіяхъ, познати ихъ характеристику способомъ срѣвнительнымъ, розсмотрѣти хемично славянскіи звуки по ихъ силѣ и средству и физиологично розбрати слова, яко сліянія звукѣвъ для выраженія идей и формы тыхъ сліяній яко словныи образы мышленія. Мужи якъ Добровскій и Шафарикъ, Востоковъ и Копитаръ, Линде и Миклосичъ облегчили труды до розвязанія реченой задачи славянской филологіи. Языкъ єсть памятникомъ жизни народа, его образованія, его духовной силы, его народности; но его пѣзнаніємъ може ся ограничити только той, кто не має иныхъ средствъ пѣзнати народѣ. Языкъ объясняючи много, самъ наводитъ на вопросъ: якъ въ народѣ въ са можѣ дѣлѣ жило то, що озрастилось въ языкѣ? — оже языкъ самъ наводитъ на важнѣсть науки народностей. Чимъ єсть наука старожитностей для народѣвъ ѳтмившихъ своѣй вѣкѣ, тымъ єсть наука народностей, для всѣхъ народѣвъ, мертвыхъ и живыхъ. Наука тая звертає увагу наблюдателя: а) На физичне образование народа, на физиогномію, темпераментъ, тѣлеснѣсть, животныи силы, словомъ, на все, що становитъ характеръ народа, якъ массы лицъ, родинъ и поколѣній, б) На образование промышленное, на физичный бытъ народа, его способъ мѣшканія и одѣванія, привычки, труды и занятія земледѣлчии, ремесленничии и купеческии, в) На образование моральне, на понятія его о Бозу и природѣ, о чловѣку и его обовязкахъ и правахъ о его фамилийномъ житію и на выраженія тыхъ понятій въ религии и законахъ, въ обрядахъ и обычаяхъ, въ литературѣ и художествахъ, г) На образование общественне, на его общенародное уссройство яко одного, нероздѣльнаго моральнаго лица.

Не знаючи того всего наблюдатель Славянщины не зможе совершенно пѣзнати своихъ соплеменникѣвъ. Но притѣмъ всемъ изученє народностей еще не вполнѣ задоволитъ его. Що жє, то дѣлає во времени, и жиючи въ обрубѣ дѣятельности, не тѣлько своими дѣйствіями має вліяніє на себе и на тое, що его окружє, но и само находится пѣдъ вліяніємъ посторонныхъ дѣйствій, такъ и народѣ. Кругъ дѣланій народа єсть розширенный; въ тыхъ

дѣлянъхъ не всегда принимае участіе весь народъ, но только та або иная часть его, та або иная особа; а единокъ всѣ они такъ сильны въ своихъ послѣдствіяхъ, якбы дѣйствовалъ весь народъ. Исторія, яко образъ связи дѣйствій, которыми выражаея жизнь народа изъ-внѣ, которы мають на него вліяніе, и посредствомъ которыхъ онъ самъ производитъ вліяніе, не може не увлекати наблюдателя. Исторія окончательно пояснить ему тое, що позналъ онъ, яко литерать, яко филологъ, яко етнографъ. Правда, же изученіе исторіи Славянъ и народностей славянскихъ не есть такъ легкое, якъ познаваніе славянскихъ литературъ и нарѣчій; но працѣ людей ученыхъ, працѣ многочисленны и рѣзнообразны облегчаютъ труды наблюдателя. Литература, филологія, народность и исторія Славянъ: ото предметы студіевъ Славянщины. Цѣль тыхъ студіевъ есть: познати самого себе и побратимовъ яко одно племя славянское. Колись Славяне пановали надъ народами съ мечемъ въ руцѣ: теперъ коли насталь девятнадцатый просвѣщенный вѣкъ, въ которомъ народы борются межи собою духомъ и розумомъ, теперъ въ той борьбѣ най убѣгаея о пальму первенства 80-миліонове поколѣнне Славянъ въ мирѣ и покорности Провидѣнію, по праву народовъ най стремить къ едності, сознаючи его въ рѣдныхъ началахъ своей жизни, въ литературѣ и на дорожѣ поступу въ духу часу.

Кипріянъ Гарасимовичъ.

З Е Р Н А

для популярнаго сровнанія и познанія достоинства живущихъ славянскихъ нарѣчій.

Съ якого становища ни поливийся на славянскіи нарѣчія, всегда тебѣ ближе всѣхъ стане передъ очима покойный праотецъ-ихъ, *языкъ старославянскій*. Въ немъ бо сосредоточена вся сила коренныхъ согласныхъ, въ немъ сливаея вся гармонія изобильныхъ самогласныхъ звуковъ; словомъ онъ есть А и Ѡ славянскаго языкословія; въ немъ лежить сокровенна минувшость и будущность его.

И потому то такъ единодушно, а часто и безсознательно, учении и неучении черпають изъ сего непробраннаго скарбу матеріалъ для дальшихъ трудовъ и подвиговъ своихъ.

Не входячи въ то, якій жребій сужденъ провидѣніемъ для шоединокихъ нарѣчій; но то долженъ всякій признати, що старославянскій языкъ есть огнищемъ и осью, около которой обертаея весь организмъ живущихъ на-я рѣчій; но и того еще мало: онъ есть даже овою животною силою, кого ра

мовъ бьющее сердце жене кровь въ найотдаленнѣйшіи члены, а накормивши и покрѣпивши ихъ принимае сейже живительный сокъ назадъ въ свои вѣдра, абы снова сіе круженіе нимъ обновляти и вѣчно продолжати.

Се чувствуютъ и признають всѣ Славяне, и мы Русины съ ними; въ томъ сомнѣнія нѣтъ.

Но тутъ натручаеся нинный вопросъ: въ какомъ особенномъ отношеніи стоитъ достоинство сего покойника къ поединокимъ живущимъ нарѣчьямъ? въ какомъ стоятъ они межи собою? кто ближе изъ нихъ, а кто подальше сего бьющаго сердца? и якъ слѣдуютъ они по достоинству, звено за звеномъ, въ сей непрорванно-кружащей цѣпи другъ за другомъ?

Вопросъ тотъ не рѣшенъ еще. Въ неровномъ спорѣ семъ толкуется различно. Русины вправдѣ говорятъ: „нашъ языкъ наиблизшій; докажемъ того есть благозвучная плавность, простой и натуральный выговоръ, полнота формъ его.“ — Россіяне же собѣ твердятъ: „мы наиблизши; понеже мы переняли и одѣдичили всѣ богатства старославянскаго языка.“ — Поляки снова толкують собѣ: „мы найвѣрнѣйше сохранили вокализацию старославянскую и пр.“ подобнымъ способомъ величаютъ себе и прочіи западни и южныи Славяне, якобы имъ принадлежала честь, въ прямой непосредственной линіи происходить отъ сего общего праотца.

Не ма що и спорити о томъ; всѣ мають равное право до наслѣдія, и пользуются нимъ въ самомъ дѣлѣ; даже у всѣхъ есть свои доказы и примѣты, яко бы дѣйствительно ихъ правда была. Але поки всѣ сію правду хотять и здаются имѣти, поти жаденъ ей не доведеть.

Историческимъ путемъ сей правды довести трудно и почти невозможно, по причинѣ недостатка историческихъ жерель и литературныхъ памятниковъ изъ той еще doby, коли славянскіи нарѣчія творитись и образоватися почали. Учлѣвшіи старо-русскіи, сербскіи, чешскіи, польскіи и т. п. рукописи суть лише рапсодическими, и могутъ сами собою служити матеріаломъ тѣлько для вышепомянутыхъ выводовъ и одностороннихъ догадокъ; но цѣль наконецная: которое изъ нарѣчій есть старославянскому наиблизше по достоинству и совершенству, т. е. що до силы коренныхъ согласныхъ и що до богатства самогласныхъ, остаеся доси еще недостиженною.

Дадѣи старанося путемъ филологическимъ также сей вопросъ розъяснити, и треба правду признати, що сія дорога въ многомъ приблизила къ цѣли: она приняимѣи опредѣлила положительно различіе славянскихъ нарѣчій такъ межи собою, якъ и межи ними и старославянскимъ языкомъ; однакже органически-природной и постепенной связи межи ними и сей путь еще не нашеть, ба навѣтъ едва ли глядѣтъ.

А то правѣ кажеса намъ найважнѣйшою быти рѣчью, именно: опредѣлити, которми звуки суть полныи, совершенныи въ себѣ, а которми суть лише приближеніемъ до оныхъ, недостигшимъ изъ якои нибудь причины

къ полному развитію. Абы се примѣромъ объяснить, представимъ собѣ двоихъ мужей; одинъ изъ нихъ говоритъ чисто и полно: *братъ, чело, жало, шапка, тѣсто*; а другій есть сепелявый, и вмѣсто того произносятъ: *блатъ, цевъ, завъ, сакка, цѣсто (кѣсто)*; тутъ не вопрошаея, що краше, милѣе для уха; понеже ухо, особенно матеря до всего легко навькне; але тутъ ходитъ о то, що есть полнѣе, совершеннѣе? Нѣтъ сомнѣнія, що у первого органъ есть или бѣльше одарованный или выше образованный, и онъ безъ трудности возможе сепелявому подражати, але тотъ оному не голенъ.

То само въ великомъ размѣрѣ дотычнеться и славянскихъ нарѣчій, если достоинство ихъ, т. е. бѣльше или меньшее совершенство языковыхъ орудій и произносимыхъ ними звуковъ опредѣлено и оцѣнено буде, тогда уже не будемъ пытатися, которое нарѣчіе естъ найстарше или литературою найбогатше, найобразованнѣйше; но вопросъ обернея въ слѣдующій отвѣтъ: нарѣчіе, которое имѣе найполнѣйшіи звуки, содержащіи въ себѣ неполныи или производныи звуки и корни другихъ нарѣчій, есть отъ природы наибѣльше одарованно и къ найвысшему образованію способно, а для того и наибѣльшого вниманія достойно!

Якъ ни тяжка бы здавалася сія задача, а таки она по нашему мнѣнію въ самомъ дѣлѣ не трудна, если бы тѣлько удалося найти ключъ до развизанья ей, и употребити его совѣстно и безсторонно.

Ключъ до сего затвора можно найти найлегче дорогою природоиспытательною, т. е. строгимъ наблюденіемъ и изслѣдованіемъ развитія человеческихъ звуковъ вообще, а славянскихъ въ особенности. Хотя сія наука и составляетъ часть филологіи яко звуко-и корне-словіе; однакоже тамъ она изслѣдуетъ тѣлько языкъ людей dorosлыхъ и здоровыхъ, а того намъ недостаточно для нашей задачи. Намъ необходимо есть познати способъ постепенного развитія языка, зачавши отъ первого зубка у нѣжного немовляти ажъ до послѣднѣго зуба у старца надъ гробомъ стоящего; словомъ къ той цѣли потреба наблюдати языкъ рѣвно въ дѣтнствѣ якъ старости, въ здоровьи якъ и въ немощи, т. е. намъ потреба познати физиологію и патологію языка. Однакже наблюденія въ томъ взглядѣ може дѣлати всякій, даже неученый человекъ; къ тому требуея тѣлько здоровый языкъ и добрый слухъ, нѣсколько меньшихъ или бѣльшихъ дѣтей, и наконецъ добрая воля, абы прилѣжно смотрѣти за ходомъ развитія ихъ языковыхъ орудій. Языкъ дѣтннчій есть въ томъ взглядѣ важнѣйше всего, понеже въ немъ видно зародышь языка возмужалого человека, онъ продолжается у немощного черезъ цѣлую жизнь, а наконецъ повторяея въ многомъ и у сѣдоглавого старца.

Наблюденіе подобное приступно для всякого человека, и сіе есть поводомъ, для чего мы тотъ родъ сровнанія славянскихъ нарѣчій назвали *популярнымъ*, — къ чему теиерь еще придаемъ слово — *природнымъ*.

За исключеніемъ нѣсколькихъ весьма немногихъ звуковъ, суть почти всѣ прочіи звуки и корни нашего богатого алфавита всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ вслѣбныи; а различіе состоитъ тольکو въ томъ, що одни нарѣчія пользуются въ употребленіи сихъ звуковъ меньше или больше полною свободою, инныи же суть въ томъ взглядѣ меньше или болѣе ограниченныи.

Откуда же, вопрошается, произошла сія свобода, полность у однихъ, а ограниченность, неполнота у другихъ? Отвѣчаемъ на се по просту: оттуду, откуда и у дѣтей встрѣчается болѣе или меньшее природное дарованіе, материнскому языку научиться скоро и чисто. Мы не видимъ причины, для чего языкъ у цѣлыхъ племенъ имѣлъ бы образоваться подля инныхъ законовъ, якъ у поединокихъ дѣтей, болѣе или менѣе природою одарованныхъ.

Ибо вообще можно доистно полати, що Славяне въ оныхъ предѣсторическихъ временахъ стояли на весьма низкомъ степені образованія, и пользовавшися только домашнимъ, семейственнымъ воспитаніемъ носили въ своемъ языкѣ вѣрнѣйшій отпечатокъ такъ природныхъ дарованій якъ и врожденныхъ недостатковъ. Также и тѣ томъ нѣтъ сомнѣнія, що ихъ было меньше, и не жили такъ густымъ населеніемъ, якъ нынѣ, а однакже на пространствахъ, може быти, мало меньшемъ якъ сегодня.

Для примѣрного объясненія творенія и образованія нарѣчій представимъ себѣ въ воображеніи двѣ родинѣ, употребляющіи одного языка. У обохъ родинъ есть родичи здоровыи въ полномъ смыслѣ слова; языкъ и слухъ у нихъ рѣвно превосходны. У одной изъ тѣхъ родинъ есть десятеро дѣтей мужеского, а у другой стѣлько же дѣтей женского пола. На несчастье судилъ такъ Богъ, що всѣмъ дѣтемъ чегось-то въ губѣхъ недоставало, у всѣхъ были свои вады. У одной пары дѣтей были зайчи распалыи губы; у другой превеликій носъ, у третей премаленькій почти жадного носа; у четвертой большіи кривыи или жадныхъ зубѣвъ; у пятой приросшіи, у шестой предолгій языкъ; у седмон розрѣзанный язычокъ; у осьмон волчье горло; у девятой преширокая гортанка, а у десятой пары преузенькая, огромнымъ вольемъ стѣсненная, гортанка. Словомъ всякая бѣда дѣтемъ, а наказаніе Божіе родителямъ. Въ слѣдствіе сихъ органическихъ недостатковъ ни одна дѣтина не могла выучитися чистой бесѣды родителей своихъ.

Особенныи же трудности находили они въ выговорѣ звуковъ: *дъ, ть, ж, ш, ч, лъ, рь, хв, в, ж, ѡ, ѣ, и* проч.

И такъ они на примѣръ выѣсто:

<i>хвала</i>	произносили	<i>фаа, фалья, фава, фала;</i>
<i>быль</i>	"	<i>биль, біо, бывъ, боу, бувъ;</i>
<i>была</i>	"	<i>быа, біля. бола, була;</i>
<i>дълго</i>	"	<i>дугъ, длугъ, длаугъ, довгъ, долгъ;</i>
<i>плкъ</i>	"	<i>пукъ, пукъ, плукъ, поукъ, півкъ, полкъ;</i>

<i>вѣтрѣ</i>	„	<i>ветрѣ, вѣтрѣ, віатрѣ, ветарѣ, ветерѣ, веторѣ;</i>
<i>хѣтъти</i>	„	<i>(гѣти, чѣти, хѣти, хѣецѣ, хѣтіи, хѣецѣ, хѣтьети; хотіи);</i>
<i>хѣтъла</i>	„	<i>(гѣла, чѣла, хѣла, хѣцѣла, хѣцѣла, хѣцѣла, хѣцѣла, хѣцѣла);</i>
<i>дѣтя</i>	„	<i>дѣте, діѣте, дітье, дѣзецѣ, дітья, дѣтъя;</i>
<i>тѣло</i>	„	<i>цѣло, цѣло, кіло, тіло, тѣло, тѣло, тѣло;</i>
<i>тѣля</i>	„	<i>цѣлье. тѣлье, тѣлья, тѣля, тѣлье;</i>
<i>дѣло</i>	„	<i>(дѣсло, дѣсло, дѣсло, дѣло, діѣло, діло, діло, дѣло);</i>
<i>вѣрѣти</i>	„	<i>вѣрѣти, вѣрѣти, вѣрѣти, вѣрѣти, вѣрѣти;</i>
<i>члѣвѣкѣ</i>	„	<i>(цѣкѣ, цѣкѣ, чѣвѣкѣ, члѣвѣкѣ, члѣвѣкѣ, члѣвѣкѣ, члѣвѣкѣ);</i>
<i>чѣто</i>	„	<i>ца, цѣ, чѣ, чѣ, шта, што, сѣо;</i>
<i>чѣши</i>	„	<i>чѣса, чѣше, чѣше, чѣши;</i>
<i>жѣльзо</i>	„	<i>залѣзо, зѣльзо, жѣльзо, жѣльзо, жѣльзо;</i>
<i>жѣльзѣкѣ</i>	„	<i>(залѣкѣ, жѣльзѣкѣ, жѣльзѣкѣ, жѣльзѣкѣ, жѣльзѣкѣ, жѣльзѣкѣ);</i>
<i>рѣка</i>	„	<i>рока, рука, рѣка, рѣка; и проч. и прочая.</i>

Словомъ, всякого рода перекручованья языка можно было учути у сихъ двоухъ родинъ, подобно якъ и нынѣ часто у маленькиихъ дѣтей на время, и у славянскихъ племенъ постоянно слышимъ.

Бѣдными родичи мучилися, научали дѣточокъ якъ могли, призывали навѣтъ бабъ и знахорей (бо вѣдъ лѣкарей тогда еще не было), казали то языки подрѣзовати, то губы и язычки съшивати, то воля подвѣзывать; но всѣ тѣ операции не много помагали, а при звычайномъ домашнемъ воспитаніи по-выростали дѣти сильны вправдѣ и здоровы, але въ бесѣдѣ все таки не переставали то *затинатися*, то *сенетлявѣти*, то *харкавѣти*, то *гугнявѣти*, то *штакати*, *штоктати*, *сѣкати*, *какѣвати*, *чѣкати*, *чѣкати*, *цакати*, *цѣкати*, *сѣкати*, *сокати* и т. д. безъ конца.

По нѣякомъ часѣ родители поумерали, а съ ними и слѣдъ чистоты, полною, совершенной бесѣды загибѣ. Оставшіися десять паръ дѣтей, рады якъ звычайно *similis simili*, побрали и поженилися взаимно, а розойшовшися по бѣлому свѣту, поселилися въ широкихъ просторонныхъ степяхъ, далеки другъ отъ друга. Тамъ стали они господарити, всякая пара на своемъ собственномъ хлѣбѣ; плодили дѣтей, не знати уже чи бѣльше даровитыхъ якъ сами; воспитовали и обучали ихъ по своему, т. е. ни бѣльше ни лучше, якъ сами умѣли, — а въ продолженіи нѣскольکو поколѣній или столѣтій образовали и размножилися сін осады въ численныи племена, носящій нынѣ,

кроме иных разнородных внешних знаменъ, также и вѣчное пятно первоначального внутренне-органическаго недостатка языковыхъ орудій.

Вотъ Вамъ, почтенныи читатели, живыи, вѣрный, понятный и совершенно естественный образъ развитія нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій; вотъ ихъ книга бытія, написана природою самою, безъ выводовъ историческихъ и безъ ученаго краму филологическаго. — Прародители умерли и ляжили по себѣ только неудалыхъ дѣтей, которые отеческой и материнской бесѣды ни сами чисто говорити, ни своему потомству чисто передать не умѣли. — Впрочемъ, сохрани Господи всяку родину отъ — и еще столько неудалыхъ дѣтей, и мы сами не вѣруемъ, чтобъ коли существовала така родина, отколи свѣтъ стоять; но мы хотѣли въ семь образѣ лише сосредоточити, олицетворити весь процессъ образованія нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій, продолжавшійся може быти, выше тысяча лѣтъ подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, межи которыми однакже органическии недостатки языковыхъ орудій и небреженіе въ воспитаніи найголовнѣйшую играли ролю. Изъ той точки зрѣнія мы не можемъ жадному изъ живущихъ славянскихъ нарѣчій дати безусловное предпочтеніе или преимущество, хотя бы они не знаютъ якою силою душевною или вещественною пользовались, пока ажъ ихъ внутреннее, органическое достоинство вполне оцѣнено не буде. — Для того самого уважаемъ всякое стремленіе, одно нарѣчіе розширять на счетъ другого, еще предвременнымъ, одностороннимъ, пагубнымъ.

По нашему мнѣнію головная задача состоитъ въ томъ, чтобъ

1. опредѣлити, якъ подлинно звенѣла бесѣда сихъ помершихъ, и живущаго сѣбѣ по собѣ не лишившихъ прародителей? или въ чѣмъ именно состоитъ найвысшее достоинство, совершенство и весь скарбъ славянской бесѣды вообще? а въ
2. выслѣдити, въ которомъ изъ живущихъ нарѣчій сохранилось наибольше примѣтъ сего органическаго совершенства, а осталось наименше органическихъ недостатковъ.

Тогда не нужно буде манити, вербовати, по волѣ и неволѣ, ко одному или другому нарѣчію. Голосъ образованныхъ и просвѣщенныхъ людей и природный смыслъ буде безъ сомнѣнія сихъ достоинствъ глѣдѣти тамъ, где они въ истину находятся; ибо совершенству покоряся духъ человѣческой, даже мимовольно.

Розумѣся само собою, що подобная задача може только прилѣжнымъ, безпристрастнымъ трудомъ и наукою въ обще осягненна быти, що однакже не всякому дано, ни суждено. На потѣшеніе отчаивающихъ и гнѣющихся можемъ сказати, що взглядомъ точки 1-ой ученыи слависты уже дѣло правѣ закончили, отгадавши и опредѣлявши подлинный выговоръ старославянской бесѣды. Стоитъ только ихъ готовыи сочиненія въ руки взяти, и прилѣжно въ нихъ листовать, а половина работы готова.

Взглядомъ второй точки должны мы примѣтити, що и сія работа для насъ Русинѡвъ весьма легка. Мы уже изъ родительскаго дому знаемъ и умѣемъ два живущіи нарѣчія, и то одни изъ найполнѣйшихъ касательно органическаго развитія, а въ Церкви нашей святой ещѣ къ тому слышимъ и читаемъ забытки старославянщины. Приучитися еще другимъ живущимъ нарѣчьямъ есть для Русина только игрошкою — а польза немовѣрна. Для того возьмѣмся заруки, наблюдаймо крокъ за крокомъ развитіе языковыхъ орудій, зачавши отъ первого, нѣжного голосу нашихъ немовлятъ и дѣтей, сровняваймо сіи звуки съ извѣстными намъ другими нарѣчьями, и доведѣмъ свѣту, що сіе достоинство и совершенство принадлежить намъ Русинамъ; или — если въ книгахъ нашихъ бытія написано и суждено иначе — покоримся але не прежде, поки о правдѣ вполиѣ не увѣримся.

Иванъ Ѡ. Головацкій.

ВЫВОДЫ О НАЧАТКУ ИМЕНИ: РУСЬ.

Въ новѣйшѡмъ времени многи настали споры о имени Русн. — Имя Русн, котре съ хилкомъ минувшаго, а началомъ теперѣшнаго гѣсячлѣтія, преимуществно-же за часѡвъ Кіевско-рускаго князя Володимира В. якъ тое зо собывшихся посольствъ различныхъ народѡвъ европейскихъ до спомяненаго князя, въ намѣреніи приведѣннѣя го на свою вѣру, постерѣгаемъ, роскошнѣ цвѣло, и по всей Европѣ величане було; — съ перевихнѣваемся доли Русн, въ сорозмѣрїю наступившаго потѡмъ роспаданнѣя ей, и саме имя ей пригасало. — А по скѡнченнѣя послѣднѣй самостоятельной крѣхтипы ей — Запорожнѣя — майже зо всѣмъ слѣдъ му въ свѣтѣ загибалъ. — И уже на послѣдъ такъ правѣ стало быти, що самы таки сусѣднїи народы, которы неколись въ содружнѡмъ ѡтношеннѣя съ народомъ рускимъ були, въ послѣднихъ часахъ радше за вѣдомостевъ Пелорѡвѣ, Готентѡтѡвѣ та Ескимѡссѡвѣ ся гонили, нѣжъ бы о содружнѣхъ собѣ колись Русинахъ еще пригадати малѣ; — а земля руска, то уже такой на правду terra incognita для нихъ ся стала. — Имъ майже гѣпше знаны були околицы предалеко ѡтлеглого американскаго Оринока та африканскаго Захары, нѣжъ руска о межу съ ними сосѣдующа краина.

Въ такъ непрїязнѡмъ росположеннѣя для Русн, противники имени ей ходили еще и около того скрутнѡ, щобы лишь зовсѣмъ тямку его во свѣтѣ — а кобы лишь удалося — и въ Русинѡвѣ самыхъ — чисто загла-

дити. — Тож коли заблысла въ Австріи зоря свободы и отрожденьяся народѣвъ, де и Русины такъ яко и други за свое имя та права народны ѓтозвалися, стали они здрадохѣтно на всѣ стороны свѣта проглашати: „що Русины, то лишъ природна ѓтрасль созидатися маючої Польщы;“ — а бесѣда руска, полѣтали они, ба ще и нынька съ присгранностію пригваряють собѣ: „то лишъ повѣтщина“ будь-бы первенствующой въ славянскѣмъ мѣрѣ „бесѣды ихъ польской.“ — Та ще кобы уже на тѣмъ и сталося, — они але дальше ще затеклись. Появились бо межде нима и таки пристрастѣ, котры будучи посередѣ народа руского, въ краинѣ его власной, въ-бровь му имя его занѣтковали, говорячи: не ма жадного имени Руси, лишъ самое, по гордѣмъ мѣтнію ихъ, на весь мѣрѣ славянскій имя Польщи. А подслухавши они, що Несторъ тамъ десть править за якихъ Кривичей, Дулѣбѣвъ, Древлянъ, Полянъ, Плотичей; ухопивши за призѣбне имя Нестора слово, „Поляне и Плотичи,“ казали они: отъ самы у Нестора ширѣсенъки Поляки, — Русинѣвъ же не ма. — А що Несторъ пише: „Отъ тѣхъ прозвася руска земля,“ а въ другѣмъ мѣстци: „Отъ толѣ начася прозывати руска земля,“ — въ тое они не входили, бо имя тое и не на дяку було. — То го тежъ тихонько обѣшовши, свое лише проглашали: не було николи Русинѣвъ, та и теперъ ихъ не е. — А видячи, що Русины не дають ся занѣкати, та ѓтъ домаганься правъ народныхъ нѣякимъ способомъ ѓтвести, обернулись они зъ яросердіемъ на другу сторону, та выгадовали де що ино могли, полѣтаючи навѣтъ, що Русины возникли зъ хитрости политики ракузской, именно же, ще Гр. Стадїонъ малъ ихъ зъ небытѣя выкликати. — А што зъ того потѣмъ и не звелось, отъ, нашлись таки остроумцы, котры для играшки та посмѣшка ставляли въ мѣсяцословцяхъ число лѣтъ ѓтъ времени вынайѣнья Руси, — кладучи изобрѣтенія рѣкъ ей 1848, въ котрѣмъ Русины при оголошенью Всемилоствѣйшимъ царемъ Фердинандомъ всеобщой конституціи съ рѣвноуправненіемъ всѣхъ народѣвъ Австріи стали зарѣвно съ другими народами домагатись о права свои народны.

Но мы всѣмъ тѣмъ неправдамъ впрѣсть отвѣчаемъ, що уже въ началѣ 12. столѣтѣя — тожъ трошенька передъ 1848 рокомъ — князь Мстиславъ Володиміровичъ писался въ грамотѣ межде 1128-1132 нимъ выданой: „Се азъ Мстиславъ Володиміръ сынъ, держа рускоу землю во свое княженіе“ (Доп. къ Акт. Ист. Т. I. с. 2). Князь же Мстиславъ бувъ на той часъ в. княземъ Кіева; тѣмъ способомъ уже тогда называлася окреснѣсть Кіева русковъ землевъ, якъ тое зъ наведеной, грамоты высвѣтлєся.

А поступаючи дальше въ историчнѣмъ слѣдѣнью, найдемо въ Несторѣ (Лав. ст. 13.) подъ рокомъ 907, коли онъ споминку чинить о гражданскихъ договорахъ Олега князя съ Греками, що ся ѓнъ домагалъ ѓтъ Грековъ дани на „руски“ и други города, яко тамъ стоять: „уклады на рускіе города... и на Полтевскъ и на Ростовъ . . . по тѣмъ бо городамъ сѣдяху князя подъ

Олегомъ суще.“ — Таковъ рѣчевъ назва Руси уже съ зачаткомъ 10 столѣтъя свѣту историчнѣ вѣдомовъ була, коли Олегъ ѓтъ Грековъ 907 года дань въ укладахъ на руски города пожадалъ. — Ба што бѣльше, тойже самъ Олегъ будучи опѣкуномъ осиротѣлого малолѣтнѣго Игоря Рюриковича, князя Новгородского, пришовши съ нимъ 881. року на кораблі Днѣпромъ пѣдъ Кіевъ, призвалъ тамо лестно Осколда и Дира, осадомившихся на той часть въ Кіевѣ на престолѣ князскѣмъ, а рекши до нихъ: „Вы нѣсте князя, ни князя рода — се (сказавши на Игоря) князь,“ велѣлъ ихъ потомъ будьбы неправыхъ привластителей княжого достоянія убити. — Потѣмъ-же зосполивши сѣверны области Новгорода съ южными Кіевскими въ одну цѣлѣсть величаву, обрекъ мѣсто Кіевъ за столицю Руси, мовлячи: „Се буди мати рускихъ земель.“ — А такъ засѣвши самъ на престолѣ княжѣмъ въ Кіевѣ, владѣлъ нимъ до смерти своей, называючися в. княземъ рускимъ, — якъ тое посвѣдчають слова попередъ намѣненого договора съ Греками, де сказано есть: „Иже посланы быша отъ Олега великаго князя рускаго“ (Нес. Лав. Москва 1824 ст. 13. 14.). Зъ чого съ явно показуе, що уже тогды и Греки о назвѣ Руси добрѣ знали.

Теперь-же, коли Олегъ заразъ на вступѣ своемъ у Кіевъ нарекъ го „матерью рускихъ земель,“ — тожъ уже попередъ пришествія его тамо, мусѣли ся тѣи землѣ рускими называти: — бо прецѣ нового незнаного людемъ имени не мѣгъ народови либо и краинѣ, де котрой по первый разъ самъ вкročалъ, произвольно натручати. — Та если-бы вже и загадалъ бувъ тое вчинити, то певно же не инше якъ свое, либо своего пѣдопѣкуного князя Игоря бувъ бы ния области, або и самому народови наверхъ; — а такъ прозвалъ бувъ бы ихъ або Олеговыми або Игоревыми землями. — Но того ѓнъ не малъ на гадцѣ, щобъ краинѣ, до которой ѓнъ яко прибылецъ вступовалъ, либо и народови тойже краины, ѓтъ себе чужому, нове незнаное имя имъ накидати. — ѓнъ лишъ прибувши зъ Новгорода въ Надднѣпрянскіи стороны, прозванныи у попередъ его прибытія не иначе рускими землями, и по напроснѣмъ страченью тайнымъ способомъ на кораблі тогдышнихъ тамошнихъ князей Асколда и Дира, занялъ мѣсто Кіевъ, а съ нимъ области его самъ; — тай обрекъ при тѣмъ и Кіевъ, яко преимущне въ земляхъ рускихъ мѣсто, на столицю Руси, — якъ думаемъ, для привлеченья емъ жителей рускихъ къ собѣ, а прилучивши и Новгородски области къ ихъ, створилъ тѣмъ величаву державу руску.

Коли такъ, зъ-ѓтки же и ѓтъ коли имя тое „Русь, руска земля“ настало?

Несторъ розказуючи о призваніи черезъ Новгородчанъ варяжскихъ князей изъ-за моря на правленіе до себе, пише: „Идоша за море до Варяго Руси ... *) рѣша Русь, Чудь, Словѣны и Кривичи (посланники): земля наша

*) Несторъ кладучи, що ния Руси ѓтъ Варяговъ походитъ, здаєсь, що ѓнъ тутъ самовольно, будь-то-бы на потверженіе своего положенья, — до слова „Варяго,“ придалъ слово „Руси.“

велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да пойдѣте княжить и володѣти нами — . . . И избраша ся З. братья Рурикъ, Синеусъ и Труворъ со роды своими, поюша по собѣ всю Русь, и отъ тѣхъ прозвася руска земля 6370 (862).“ А ниже зновъ при намѣнцѣ о нападеніи Руси на Гречину, пише Несторъ такъ: „Во лѣто 6360 (852) индикта 15 наченьиу Михаилу (грецкому царю) царствовати, начася прозывать Руска земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходили Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаніи Греческомъ“ (Лав. с. 7). Зъ чого ся показуе, що Несторъ разъ выводить назву Русь отъ Варяговъ, а другій разъ зновъ, же ю въ грецкихъ лѣтописняхъ якобы першій разъ историчнѣ намѣнену открылъ.

Примѣтити нужно, що нѣкотры замѣтують Несторови тутъ ошибку о положенію року напада Руси на Гречину, розказуючи: що Михаилъ грецкій Царь наслѣдовалъ по отци своемъ Теофилю 842. Но за часъ малолѣтности его заступовала го въ правленіи мати его Теодора черезъ 14. лѣтъ. Додавши отже, кажутъ они, тое до 842., зробіть 856, въ котромъ то роцѣ Михаилъ обнялъ правленіе самъ. — Симсонъ же Логоветъ, прибавляють они дальше, пише, що нападъ Руси на Гречину припавъ въ 10. роцѣ правленія Михайлового. Додавши отже теперъ тыхъ 10 лѣтъ до попереднихъ 856., вчинить того разомъ 866., въ котромъ то роцѣ мавъ бувъ, ведля Логовета, нападъ Руси на Гречину припасти. — Мы однакъ на тое зауважаемъ, що если Логоветъ подрозумѣвалъ зачатокъ правлѣнья Михайлового ажъ отъ обнятія нимъ самимъ царства, то нападъ Руси на Гречину припавъ бы доперва 866. года. — Если же онъ подъ началомъ царствованья Михайлового розумѣлъ перейстя лишь трона на Михаила, по смерти отца его Теофила, тогды Несторъ въ положенію року о збывшомся нападѣ, хотяиъ що до прибавки его о зачатюся на той часъ царствованья Михайлового не соглашаеся, бо ажъ въ 10. роцѣ таковъ мѣровъ оно припадалобъ, завсе однакъ що до положенья року Несторъ право мае; ибо додавши тыхъ 10. лѣтъ попереднего правлѣнья Михайлового, зачѣмъ нападъ Руси ведля Логовета збытися малъ, до 842; яко року смерти Теофила, вчинить того 853. Що намъ и правдоподобѣйшимъ изъ всего ся надае, ибо Логоветъ мѣгъ въ своей росправѣ о другомъ нападѣ Руси на Гречину розумѣти, котрый 866-го ся доиста збылъ, и такой съ лѣточисленіемъ Логовета си здае, принявши на увагу, же Логоветъ отъ обнятъя самимъ Михаиломъ царства своего, отже отъ 856. року тыхъ 10. лѣтъ числитъ.

Бо зновъ дальше каже: „рѣша Русь, Чудь,“ и пр., що якесь запутанье здражае, ибо и Варагамъ прячепле приножъ „Руси,“ и зновъ медже посланниками такой видѣнне „Русь.“ — Цъ зновъ на послѣди каже: „поюша по собѣ всю Русь,“ — де тутъ въ послѣднѣмъ явсци здаеся якій огрядъ людій означати. — А може що подъ „Варяго-Руси“ — подрозумѣвае онъ попередъ изгнанныхъ варяжскихъ князей зъ Руси, — котрыхъ на отворѣтъ приглашати на правленіе въ Русь. — Тожъ про то ихъ уже рускини Варягами называе.

Мы однакже що до зачатка имени Руси, якобы отъ Варяговъ походити, либо и доперва въ лѣтахъ 866, 856, а хотябы и 852 настати мало, Несторови притакнути не можемъ; по перше бо, же Несторъ самъ собѣ не соглашаеся, ибо разъ кладе онъ положительно яко несомнѣнну рѣчь, що имя Руси походить отъ Варяговъ, а другій разъ знова, що зъ греккихъ лѣтописцей догадаеся, яко имя Руси съ началомъ царствованья царя Михаила зачалось, котрый съ всякою вѣроятностію, если не 10., то бодай 6. роками передъ пришествіемъ Варяговъ на Русь, въ Гречинѣ правленіе обиялъ; тожь и имя Русь, только лѣтами передъ прибытьемъ Варяговъ тамо, Грекамъ уже вѣдоме було, а тѣмъ самымъ дома уже давнѣйше существовати мусѣло. Зъ чого ся показуе, же Несторъ самъ не бувъ допевненъ о своѣмъ твердеженью начала имени Руси.

По друге, же если-бы земля наша мала прозватися отъ рода варяжского, то-бы допевна прозвановъ зостала „Варяжска земля.“ — А припустѣмъ, щобы отъ Рурика такъ называтися мала, то-бы зновъ „Рурицковъ землевъ“ призватовъ була, а все не „Русь, Руска земля,“ — якъ власнѣ называеся.

Русь затѣмъ наша производитъ имя свое отъ чогось иншого, — котре десь тамъ въ глубокой старинѣ время, посередъ самого народа зъ его власныхъ внутреннихъ меже собою отношеній ся завязало. — А о такомъ то зачатку назвы Руси, а зособлива отгаднѣнью, зъ чого оно настало, — загадали мы Ч. Родимцамъ нынѣшновъ росправовъ о домыслѣ нашомъ въ томъ взглядѣ обвѣдомити.

Сказали мы уже попередъ, же намъ годѣ притакнути Несторовому выводу о зачатку назвы Руси, — а того мнѣнїя бувъ такоже и Д. Зубрицкій, де онъ въ „Исторіи древ. Гал. рус. Княжества“ Ч. I. ст. 121—126 въ примѣчанью до словъ Нестора: „Отъ тѣхъ (князей рода варяжского) прозвася руска земля“ (Лав. с. 9.) каже, що ему неимовѣрнымъ видится, щобы отъ трехъ князей варяжскихъ пришельцовъ съ колька сотъ дружины ихъ на руску землю, мали только различныхъ племенъ словянскихъ, яко Кривичей, Дулибовъ, Словѣнъ, Древлянъ, Плотичей и Полянъ, на такъ великой пространи земли розстеленыхъ, прибирати собѣ имя; коли, придаемъ тутъ свою увагу, за Олега еще були князѣ своеродны, яко въ Полтевску и Ростовѣ, Олегови поддлегли. — Не отъ рѣчи припомянути тугъ ще и тос, що Несторъ намѣняе трехъ братьей князей славянського рода зъ древинѣйшихъ временъ, с. е. Кїя, Щека и Хорива, зъ котрыхъ первый мае бути заложителемъ Кїева. — Про то не були тугъ Варяги самы первыи князями, абы отъ нихъ край ними заняты, а даже и не заняты мали собѣ имя прибирати, — а то тѣмъ меньше, каже Д. Зубрицкій, же Несторъ самъ при намѣнцѣ первого похода Руси на Царьгородъ, котрый ведля Нестора еще 6360 (852) роцѣ, затѣмъ 10. лѣтами передъ Варягами, котры доперва 6370 (862) года до Новгорода пришли, збытися мнѣ, пишс: „Наченьшу

Михаилу царствовати (въ Цариградѣ) начася прозывати руска земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари Русь приходиа на Царьгородъ. . . .“, т. е. въ началѣ царствованья; Михаила дознали Греки нашествія на Царьгородъ, при чѣмъ познали народъ нападающій на нихъ, котрый ся называлъ рускимъ народомъ. Потѣмъ же той самъ Несторъ (придае Д. З.) споминае о владѣющихъ Козарахъ Рускихъ: „Якоже бысть, володѣютъ Козары рускіе и до днешняго дне“ (Лав. с. 7). Зѣ-откѣль же тутъ взялись у Нестора тѣи владѣючи Козары руски, пытаемся теперь? Ци може маемо перекрестити ихъ на Козарѣвъ варяжскихъ, абы такъ безъ замѣтки, съ ними имя Руси ѡтъ Варягѣвъ выводити? — Зо слѣвъ же Нестора: „Якоже бысть“ показуеся, судимо, що тѣи Козары руски зѣ давень давна, тожь еще передъ Варягами, а и за самого Нестора еще, якъ приказуютъ зновъ слова: „володѣютъ и до днешняго дне,“ пѣновали на Руси. — Тожь и дивно съ намъ видить, якъ Несторъ имя Руси ѡтъ Варягѣвъ выводити може, коли самъ намѣняе, же Козары руски здавна уже владѣли на Руси, про-то и прѣзва „Русь, рускій“ безъ Варягѣвъ знаую уже була.

Потѣмъ если бы ѡтъ Варягѣвъ имя Руси походити мало, то бы области Новгородски, Бѣлоозера и Изборска, де трѣ братья Рурикъ, Синеусъ и Труворъ князѣ варяжски на сампередъ засѣли, Русѣвъ прозыватися настали; а ту тѣмъ часомъ окрестности коло Кіева и Дѣпра начались передъ всѣма, закѣль Варягѣвъ тутъ еще и не було, котры доперва 881 года съ Олегомъ пришли, рускою землѣю прозывати, якъ тое постерѣгаеся зо слѣвъ Олега пришовшого ѡтъ Новгорода, а убившого тамошнихъ князей Аскольда и Дѣра, и обрѣкающого Кіевъ за столицю: „Се буди мати рускихъ земля.“ — А и при договорѣ съ Греками 907 желалъ тойже самъ Олегъ, сѣдѣчи въ Кіевѣ, уклады на рускіи города, и на Полтевскъ, и на Ростовъ, „по тѣмъ бо городамъ сѣдаху князя подъ Олегомъ суще.“ Де затѣмъ на тогды еще 907 р. Полтевскъ и Ростовъ не принадлежали до рускихъ городовъ, коли Олегъ окремѣшиє при укладахъ ѡтъ рускихъ городѣвъ ихъ вымѣняе. — Та и самъ Новгородъ также не мѣгъ до рускихъ городѣвъ си числити, коли Несторъ описуючи переходъ Славянъ наддунайскихъ въ западны и сѣверны стороны, меже иннымъ пише: „Словѣны же сѣдоша около озера Ильмера прозвашася своимъ именемъ, и сѣдѣлиша градъ, и нарекоша и Новгородъ“ (Лав. с. 3.). Новградяне отже имя Словѣнъ задержали, про то и Русинамъ называтися не могли на тогды, такъ якъ и мѣсто ихъ Новгородъ до рускихъ мѣстъ принадлежати не могло.

Въ прочемъ намѣняе Д. Зубрицкій, же въ Лав. и Ипат. лѣтописи Нестора при описѣ призванья Варягѣвъ стоить: „Рѣша Русь, Чудь, Словѣны и Кривичи“ (посланники тѣхъ); зѣ чого съ показуе, же зачѣмъ еще пошли по Варягѣвъ, „Русь“ уже була, коли Русы или Русины сами по Варягѣвъ ходили.

А по́дъ буквою ж), що найголовнѣйше, розправляє дальше еще Д. З., же Несторъ самъ при описцѣ по́знѣйшихъ событій, Русинѣвъ опредѣльно ѡгличае ѡтъ Варягѣвъ, пишучи: „Во лѣто 6526 (1018)... Ярославъ же со-вокупивъ Русь и Варягы и Словѣны, поиде прогиву Болеславу и Святополку“ (Лав. с. 63.). Лѣтопись розличае опредѣльно Русь ѡтъ Варягѣвъ и Словѣнъ; слѣдственно якъ Русь и Словѣны, такъ Русь и Варяги не одно и того саме, но или особны народы, или особны племена, или яки тамъ особны сословія. Тѣи важны дуже слова, заключае Д. З., опровергують всѣ толки, що Варяги и Русь едно и тое саме, и що прозва Руси ѡтъ Варягѣвъ произошла.

А на послѣдъ прилучае Д. З. одну еще увагу въ тѣй рѣчи, пишучи: „Есть и другое по крайной мѣрѣ для насъ замѣчанія достойное обстоятельство: Въ руской Правдѣ скоро бесѣда есть о Русинахъ, то оно воспоминае о нихъ яко-бы-то о якѣмъ ѡтдѣльнѣмъ отрядѣ народа, на примѣръ дакѣмъ тамъ особнѣмъ сословіи, а не о цѣломъ народѣ, ставляючи го на рѣвни съ якимисъ гридами, купцями, горожанами, якъ: „Аще будетъ роусинъ либо гридинъ, либо коупчина, либо ябетникъ, либо мечникъ... А ци ли будетъ роусинъ горожанинъ, или гридь, или купецъ... Аще ли будетъ роусинъ или гридь, либо коупецъ.“ — Очевиднѣ, що ту „Роусинъ“ означае якійсь ѡтрядъ людей, а не народъ цѣлый; въ противнѣмъ бо случаѣ законодатель выразивъ бувъ бы ся: „Аще будетъ Русинъ, либо Чудь, либо Словѣнъ, либо и Варягъ,“ або и Русины и Чуды и Варяги могли бути купцями, горожанами, и пр. — Такъ (заключае Д. З.), якъ въ 17. столѣтїи ѡтъ сословія козаковъ называли Малу-Русь Козаччиною, козацкою землею, такъ може бути, ѡтъ якогось тамъ, намъ теперь неизвѣстнаго, многочисленнаго, препочтеннѣйшаго сословія въ народѣ, Русинами званого, стали называти надднѣпрянски стороны Русевъ, русковъ землевъ. Ѳтъ такъ правѣ, якъ ѡтъ сословія Лехѣвъ, Лехитѣвъ стали называти Польшу Ляцковъ землею: „Poczesze kmety, lechy i wladuku, — kde se snechu lesi i wladuku, — Moji kmeté lesi i wladuku“ (Rukopis kralodw. Libuszin sud. IV издан. Ганки ст. III.).

Мысль тутъ кинена здогадковомъ способомъ ѡтъ Д. Зубрицкого, же въ тѣмъ, сословіе въ народѣ знаменуючѣмъ словѣ „Русинъ,“ будыто-бы въ дакѣмъ гордїйскѣмъ узлѣ скрывался зачатокъ назвы Руси та и цѣлого народа рускаго, понудила насъ надъ тѣмъ подумати. — А затѣкавшисъ надъ нимъ разъ и другїй, покушуемся го теперь и росплѣтати.

Но абы того доконати можъ, припадае намъ вглянути въ первобытныя времена народѣвъ, овыи то времена, де люде зъ дикаго скитальства своего связею общаго имъ якогось знамени тѣснѣйше въ союзъ сполятася, и тѣмъ составъ однолитой сущности своей въ свѣтѣ представляти начинаютъ. Вглянути мовлю въ оное перво-время, для распѣзнанья, якимъ то способомъ народы, въ первѣвчнѣй онѣй старинѣ зчинаньяся ихъ еднозначенныхъ началобитїй, назвы собѣ присвоили? — зъ чого они ихъ приберали? — та

и яка то тїи знамена быти могуць, що то людей дикого состава въ еди-
литнїй союзъ той лучили?

Уже тое само, же люди зостаючи въ дикомъ скитальствѣ розвержены,
не мають жадного народного во свѣтѣ знаменанья, та про-то же и не звыкли
мати жадныхъ власныхъ именъ народныхъ, кремъ общей назвы: дикїй людъ,
дикїй народъ, веде насъ ко пересвѣдченью, же знамя оное единой связи,
появляючыся съ завязуючоюся гражданскою жизнью своею въ свѣтѣ
народа, не заперчено есть: возникаюча въ таковомъ народѣ просвѣта. —
Но чѣмъ же зчинаеьь тотъ просвѣта въ народѣ? вопросятъ допевна нееденъ?
Тожъ скажемъ тутъ такъ по власномъ домишню: Человѣкъ будучи въ дикомъ
составѣ не знае ничь бѣльше, кремъ щоденныхъ потребъ похѣвка своего, —
гонитъ за нима, розбиваеьь за добычѣвь. — Въ томъ стаюць му различно-
родны перепоны; — онъ удаеьь на ловы придатныхъ му звѣрей, звѣри же
операютъ его настиганью, и на отворѣтъ возстаюць на него, яко на добычъ
свою. — Въ томъ спорѣ видяеьь человекъ слабымъ, покликуюеьь на товари-
шей своихъ; — а если тыхъ приспѣха къ помочи его не ма, — съ возра-
стаючою опасностевъ жизни его, змагаеьь зарѣвно и жаднѣе въ немъ за по-
мочѣвь, помочѣвь всеконечновъ. — Утративши але зо всѣмъ надѣю въ на-
часнїй достигъ помочи людской, возстае въ немъ, при таковомъ отчаянїи, жадъ
высшой якоьь помочи надлюдской. — А сли ся му власть въ томъ умы-
слнѣю спасти, тогды основуеьь въ мысли его упомысленное (идеальное) якеьь
существо, котрому онъ спасенїе свое признае. — Но и вообще взявши, че-
ловѣкъ видячися слабымъ сотворѣнїемъ противъ околяючой го, та понекудъ
непрїязно нанъ влїяючой природы, при томъ же досвѣдаючи на собѣ мно-
гочисленныхъ скорбей и обидъ, яко голода, печали зъ неудобства якогось,
та различныхъ надо-все въ житью своѣмъ злоклученїй, понимае неудольнѣсть
пособїй своихъ до удовлетворѣнья собѣ самому въ свѣтѣ, — и оглядаеьь про
то за высшовъ якоьь помочѣвь. — Въ томъ веденъ конечностїю той надлюд-
ской помочи, упомысле си въ умѣ могучише якеьь надъ людей, упомысленное
(идеальне) естество, — и увѣряеьь, попудомъ всеконечной потребности натисненъ,
самъ въ собѣ о возможности обсягнѣнья ѳтъ него возжеланной помочи.

Зъ того потѣмъ розвиваеьь въ человекѣ понятїе о высшихъ надлюд-
скихъ упомысленныхъ существахъ, — о Бѣгахъ, — котры онъ собѣ ведля
рѣжныхъ околяючихъ го рѣчей и потребъ своихъ въ умѣ упомысле, и по
природномъ своѣмъ мовозвѣцѣ, ведля признаныхъ имъ силъ, имена имъ на-
дае, та таковыи и окружнымъ своимъ товаришамъ преподѣляе; а тїи при-
ступуючи къ ѳго понятьямъ, однолиту звязь еднозначности тѣмъ единообра-
зными понятьями своими о Бѣгахъ межде собою творять.

А такъ подобнымъ способомъ основуеьь первнїй зарѣдъ просвѣты въ
дикомъ народѣ, котра заразомъ становитъ общее оно знамя единой образной
нравственной звязи людской, ведля котрой люде одинаковымъ понятїемъ о

Богамъ разомъ сполены, одинъ собственный чередъ завязуютъ, та и по назвѣ, зъ именъ Богѡвъ своимъ наданныхъ, походячей, людей, службу богочестія имъ справующихъ, яко до заведенія ихъ принадлежныхъ, именемъ ихъ прозываютъ. — Котра то прѡзва, тыхъ обрядо-правителей богочестія ихъ, потѡмъ въ загалѣ на цѣлый народъ, яко богочестцѡвъ одного имъ поспѡльного Бога, попередъ въ вѣрознамену, потѡмъ же зльавшись въ естество народне съ народомъ, въ саму народну назву переходить.

Говорилисьмо доталъ зъ власного домишнїя; Ч. же Читательство не схоцесь може удоволити тѣми нашими догадками, та сли ихъ такъ, по мишнїю деякнхъ тамъ може остроумныхъ судїй, назовемъ выдумкани, — а жаেলাють историчного доказа на тое домишнїе. — Тожъ скусимъ дешто и зъ того жерела, до попертыя своего мишнїя, навести, — и ось:

Ведля всемирного дѣрѣчїя начатокъ рода человѣчого, а тѣмъ самымъ и заселенїя цѣлой вселенны, походить зъ Азїи То тежъ въ тамошнихъ народѡвъ первобытнїй ихъ звычай наименованься требуемъ мы, для пояснїня той рѣчи, возрѣти; ибо цѣлый славянскїй рѡдъ, якъ не мнѣше и самъ рускїй народъ нашъ, колись тамъ передъ вѣки ѡтъ-тамтѡлъ вышолъ, та и звычай тамошнїй поименованься тутъ несомнїтно съ собою вынесъ. А правѣ же всѣ азїйски народы, ведля новѣйшихъ изслѣдованїй зъ имене Богѡвъ ними почитаныхъ назвы народны приберали; якъ о томъ ученїй Joan Kollar въ дѣлѣ своѣмъ „Slawa Bohyne“ выданѡмъ въ Пештѣ 1839. ст. 58. править, „Narod a naboženstwi we starem swete tak spolu splywali a stotožnowani byli, że obema jedno a tez jmeno dawano bylo; tak k. p. narod židowski a naboženstwi židowske byla a jsau wyrazy wzajemne. Tak Brami Bramowe, Brahmané Birmani od Boha Brahma; Buddhisté Budhané, od boha czili zbožen nence Budha; Dalajlamané od Boha Dalailama; Fetiszané od Fetisze; tak Sabejstwj Sabeismus Sabeowé (hwezdoctitelé) w Arabii od Saba (hwezdy); tak Parsi, Parismus Perszane (ohnjocfilelé); tak Athenczané od bohyne Atheny, a. t. d. Mythologické jméno narodu czili pojmenowanj jeho od bohuv a bohyn jest dukazem jeho vysoké starobylosti, kde lidé nad bohy nie wysszjho neznali aniž knjžatum swym pochlebowali. Narodnost (Nationalitas, Volksthum) jsau plody a wyrazy noweszych czasuw: narodnosti starych narodu zalezela w naboženstwi; jeden narod delil a rozeznawal se ode drehého nejwjce skerze swé bohy a sposob ctenj jich toto bylo jejich narodnj Palladium.“ Такъ отже видимо зо словъ Kollara, же народы въ Азїи приберали имена ѡтъ богѡвъ своихъ. ѡтъ-тамтудъ то пришолъ и нашъ народъ славянскїй, на 2000 лѣтъ и скорше еще передъ Христомъ, зъ котрыхъ едни осѣли на Дунаи, а други розошлись скитаючися по европейскѡй Скитїи, утримавши сперва богочестїе азїйскѡй всеобщой имъ богинѣ „Suawa,“ славянске „Слава,“ зъ чого ведля Kollara возстало всеобще Славянѡвъ имя „Славяне.“ -- Въ 9-тѡмъ але роцѣ по Христвѣ по мишнїю Д. Зуб. (Ист. Гал. В. к. Ч. 1. с. 118) гонены ѡтъ

Римлянъ надъ Дунаемъ застаючи Славяне, выступили декотри племена ихъ зъ-надъ Дунайскихъ сторонъ, и получившиися съ сородными скитающимися братьми своими, едни зъ нихъ ослили надъ Молдавою, Моравою и Висловъ, а други надъ Двиною, Суловъ, озеромъ Ильмеръ, еще инши зновъ надъ Днѣстромъ, Днѣпромъ, Бугомъ, якъ тое Несторъ описуе, и тутъ рѣжны подрѣбны имена мѣсцевы прибрали, яко: Поляне, Древяне, Полочане, Кривичи, Дульбы, Сѣверяне или Словѣны. Зъ котрыхъ то подрѣбныхъ потѣмъ именъ новши загальныи настали имена, и то: Чехи, Поляци, Моравяне, Русины и Россіяне.

Рѣчь намъ тутъ иде о выводѣ, зъ чого имя „Русь, Русинъ“ настало. — Мовилисмо пдучи за мѣвнѣмъ Kollara, що Славяне прибувши зъ Азїи, звычай азїйскїй, имена зъ Боговъ нима почитаныхъ приберати, собѣ задержали, и зъ нихъ имена народны собѣ присвоили. — Но зъ якихъ же древныхъ языческихъ Богѣвъ могли Русины имя „Русь, Русинъ“ собѣ приняти? Они почитали въ часѣ поганьства ихъ Святовида, що посвѣдчае вынайдѣнне камѣнного зображенья ёго 1848 рока въ рѣцѣ Збручъ по-ниже села Личковѣй Тарнопольского округа, котре то зображенье Гр. Потоцкїй далъ до Кракова перевезти. Почитали такожъ и Перуна, якъ тое видно зъ договора Игоря князя Руси съ Греками въ 945 роцѣ, де стоить: „И елико ихъ есть нехрещено, да неимуть помочи ни отъ Бога, ни отъ Перуна да будетъ клять отъ Бога и отъ Перуна.“

Почитали не меньше и Ладу, Фырду (Фрайду),*) Дивянну, що посвѣдчають пѣсни народны; а надо-все, всядыи и всенароднѣ почитали праотцѣ наши Богинѣ водны. — О томъ посвѣдчають древны писателѣ; яко: Прокопъ, пишучи III, 14: що Славяне обожали рѣки, Нимфы и некотрыхъ духѣвъ водныхъ. — Левъ Дїяконъ пише I, 8. О Русинахъ языческихъ: „Воины Святослава погружали въ струи Дуная молодцѣвъ и когутѣвъ, по совершенною погребенїя воинѣвъ павшихъ въ битвѣ.“ — А Несторъ пише въ Нов. Лѣт., що „Русины язычески кладяземъ и озерамъ жертву приношаху“ (Зри Очеркъ баснословія Я. Головацкого). Тотѣ убожены естества воды называли Русины и называютъ доталъ еще: Морянами, Воинами, Топелицями, водными богинями, а всеобщо Русалками, — котрымъ то Русалкамъ Русины, якъ ся того домыслиати можъ, въ рѣцѣ, „Русь“, вѣроятно ѳте Русалокъ Русою названѣй,*) особлившу честь ѳдавати мусѣли.

ѳтъ тѣхъ то языческихъ Богинѣ водныхъ „Русалокъ“, люде богочестїя обрядъ на рѣцѣ имъ ѳтправляючи „Русы, а може и Русляны, либо и Русины“

*) Зъ того здасться походити слово „Фрайръ,“ любовникъ. —

*) Рѣка Руса есть ниже Кїева и впадае у Днѣпръ коло мѣста Родна, якъ того дочитуемся зъ Ист. Гал. Д. Зуб. Ч. I. с. 159., де посередъ нишого стоить: „Несчастнїй князь (Ярополкъ) попался въ обманъ, пустился съ лукавымъ совѣтникомъ и съ отрядомъ вѣрныхъ собѣ воинѣвъ по березѣ въ низъ Днѣпра къ устью рѣки „Русы“ в тахъ за-творился въ городъ Роднѣ.“

прѣзваны, а рѣка, на котрѣй, якъ догадovati кажеться, преимуществно, а хоть первѣстно, богочестіе Русалкамъ ѡтдавалось, „Руса“ названовъ зѡстала. Ѳтъ той рѣки потѡмъ окрестнѡсть ей, тай такъ коло Днѣпра и Кіева, якъ уже сказано, Русевъ, та русковъ землевъ наречено. — Зъ того дальше потѡмъ цѣла область, дальше еще цѣлый край назву „Русь,“ тай на послѣдъ и самъ народъ: „Русы, Русичи, Русляны, ажъ пришло на Русины,“ иня свое ѡтъ Богинь Русалокъ переялъ.

Же того, яко имена Боговъ и Богинь въ предавной старинѣ на рѣкѣ, край и самы народы, а часомъ и имена самыхъ рѣкъ на околницѣ и цѣлы крайны переходили, есть рѣчевъ историчновъ, маемъ того слѣды зъ давныхъ времянь такъ въ Азїи, якъ и Европѣ. О чѣмъ Kallar въ предспомяненномъ дѣлѣ стр. 60. такъ пише: „*Że uż w nejstarszych czasach i w Indii jmena bohów a bohyń na lidy, kmeni a narody prenaszena byla, toho dukaz wizte w Boppowe Glossar. st. 175., gde stoj: Siva mas deus Sivus; Siva fem. dea Siva, Sivi uxor; Sivi mas Sivis, nomen regis cujusdam; Sivi, collective, hujus regis posterii. — Tak i Brahma buh, Bramapatnam, Bramiowo mesto; Bramarsi, Bramowa krajina. — Wisznu buh, Wisznuwité, sekta czili trzida. Tak i Indra buh, a Indrapura, kraj na ind. ostrowe Sumatra. Saraswati, bohyne a małżenka Bramowa; Saraswati, reka do Gangesa tekucej; Saraswati, narod nad tau rekau bydlicj. — Tim sposobem i u nas Slawa bohyne, Slawa, Suawa, Oslawa, Uslawa, Sawa, reki; Slawi, Slawowé, Slawjané, narod.*“ — Отже такъ само и въ насъ: Русалки, Богинь воды; Руса, рѣка по-за Кіевомъ, о котрѣй попередъ на-мѣнялисямо; Русы, Русляны, вѣроводцѣ, или обрядочинцѣ, с. е. по нашѡй назвѣ: Попы Богинь Русалокъ; Русь, руска земля, околїця коло рѣки Русы; Русь, потѡмъ цѣла область Кіевска; Русь, на послѣдъ цѣла теперѣшня руска краина; — Русины, весь народъ рускій. — А такъ само еще и Морена или Морянѣ, богиня пог. Славянъ; Моравѣ, рѣка; Моравѣ, краина; Моравяне, Моравцѣ, люде зъ той крайны. — Орава, рѣка; Орава, область крайны угерской; Оравяне, мешканцѣ тойже области. — Вугъ, или Угъ либо Унгъ, рѣка, зъ-тутъ Унгваръ мѣсто столицне закарпатской Руси; Угры, закарпатски Русины, а зъ-тутъ и всѣ народы угерской короны Уграми ся называють.

Що той домыслъ нашъ о зачатку назвы Руси ѡтъ Богинь Русалокъ всяку вѣроятнѡсть за собою мае, привказуе на тоє многѡсть руско-народныхъ пѣсней русальныхъ, присвѣдчаючи товѣ многѡстю своевѣ, же Русалки у Русинѡвъ були всенароднѣ чтены; — та про то и знамя оное едволитости богочестїя ихъ, зъ котрого народы поганьски назвы народны съ часомъ собѣ приберали, въ нихъ до-иста становили, — а то тѣмъ барже, же саме знакомѣтше въ роцѣ свято „Русали,“ котре було безъ сомнѣнья всенароднымъ рускимъ святомъ, назначенымъ во честь преимуществно ними почитаныхъ Богинь Русалокъ, тоє саме притверждае, зособлива, если и на то еще увагу нашу звернемо, же въ тїи свята люде домы свои, будь-бы-то въ признакъ

торжественности всенародной, къвѣтъмъ и деревнымъ зеленычъ листьемъ приберають.

Тѣмъ то выводомъ поясняемъ мы насунену увагу Д. Зубрицкого въ наведенѣй попередъ росправѣ его о значенію слова „Русинъ“ особного икогось сословія въ народѣ; же тѣмъ сословіемъ не мѡгъ хто иишій бути, якъ священники, обрядъ богочестія Русалкамъ ѡтправляючіи, котры сами сперва назву тую ѡтъ Русалокъ переявши, онужъ потѡмъ цѣлому народови передали. А же выразъ „Русинъ“ въ наведенѡмъ мѣсци зъ русской Правды, истно словіе священства означати мѡгъ, привказуе на тое и то, що слово „Русинъ“ будъ-бы въ ознакъ преимущности сана того, котрый означае, на початку завсе каждого поставленія въ русской Правдѣ стоить. — Що згаджаеся съ ирвнымъ обычаемъ Русинѡвъ, въ котрыхъ санъ священскій въ найвекшѡй почести здавна бувъ, и догѡль завсе еще есть.

Kollar правда выводигъ назву Руси ѡтъ божка Ragavat, Rugevit, кой въ Slawa Bohune стр. 353 пише: „Rana, Rani, Rugiani, Rutheni, Rothrussland, Russi, Rusini, wsze od Ragawat, Rugevit.“ — Но мы на тое не соглашаемя уже про то саме, же у Русинѡвъ не знано Ругевита; Яровить, Ругевить или Руевить, Поревить и Поренуть, були божества прибережныхъ надъ-Бальтійскихъ и Полябскихъ Славянъ, а не Русинѡвъ, про то и имя зъ нихъ не могло на Русинѡвъ переходити. Потѡмъ же зо слова Ragavat, Rugevit, можъ бы производити слова Rugiani, зъ-кудъ и назва острова Rugia, Rügen, Руяня, доиста походитъ, а не Rutheni, Rothrussland или Rothrussinen, котра назва, по нашему Червена Русь, ѡтъ такъ зовимыхъ Червенскихъ городѡвъ походитъ; а тѣмъ меньше дастся назва Русины, Russi, Rusini зъ Rugevita натягнути.

Прозвѣвши такъ зъ баснословія аналогичнѣй зачатокъ назвы Руси ѡтъ Русалокъ, не ѡтъ рѣчи буде дешто еще о древности имени того истѡричнѣй проуказати. — Бо що имя тое, скоро оно ѡтъ языческихъ еще богинь Русалокъ походитъ, десь тамъ дуже старовѣчне бути мусить, не ма що и сомнѣтись о гѡмъ. — Уже Kollar право зауважалъ, що митологичне имя народа проуказуе на ѡтвѣчну стародавнѡсть его, мовлячи въ Slawa Bohune стр. 58.: Mitologicke jmeno naroda, czili pojimenowanı jeho od bohuv a bohuvı, jest dukazem jeho wisokę starobylosti.

То тѣжъ доиста и имя „Русь, Русь, Руслянъ, Русинъ,“ походяче ѡтъ богинь Русалокъ, вѣками, а правѣ тысячелѣтїями древнѣйше есть, якъ-бы го собѣ новѣйши оспоривателѣ его загадати могли.

Такъ отже уже передъ Несторомъ имя тое постерѣгаемъ у грецкихъ писателей Симеона Логовета и Григорія Монаха въ продолженію Теофана, именно-же въ книзѣ о царѣ Декаентѣ и Михаилѣ, де си находятъ слова: οί Ροσ, τουσ Ροσ, των Ρωσ, Ροσ ιττος, и зъ того прилагательне имя вчинене: των ροσιμων — котру то назву Ροσ, ροσιμωνъ съ всякою вѣроятностію

писатель тѣм переяли ътъ Прокопа Цезарійскаго называющаго въ письмахъ своихъ Славянъ древней Скітіи и Сарматіи: *Σποροὺς*, — котре то прѣзвѣско нашему народови ътъ Прокопа*) надане, мусѣло, якъ ся догадуемъ, знаменати заселенцевъ зъ Поруся, т. е. зъ окрестности коло рѣки Русы, такъ якъ и теперъ еще обычно называютъ поселенцевъ зъ-по-надъ рѣкъ, н. п. Надъ-попрудянь, Надъ-вислянъ, Надъ-вислочанъ, Надъ-днѣстрянь, Надъ-днѣпрянь, Надъ-бужанъ, Надъ-русянъ. — Такъ само якъ и означаючи мѣстность надрѣчну, на вопросъ: зъ-къудъ человекъ? отвѣчаеъ: зъ Попрудя, зъ Повисля, зъ Повислоча, зъ Поднѣстрыя, зъ Побужа, зъ Поруся, — т. е. зъ околицъ тѣхъ рѣкъ. Тое отже выраженіе „зъ-по-Руся,“ Прокопъ незнаючи духа бестѣлы русской, совокупилъ, якъ ся здае, въ едно слово *Σποροὺς*, и прозвалъ именовъ тѣмъ по грецки народъ рускій. — Тоту однакъ назву познѣвши по Прокопѣ писатель грецки, познавши, що есть зложена зъ больше словъ, предлѣгъ ей *σπο* ътъкинули, и назвали уже троха лѣпше народъ рускій именовъ: *Ρος*, зъ чого они потѣмъ прилагательне уже правильнѣ выробили *ρουσικον*. — Тойже самъ писатель Прокопъ пишучи 852 года исторію военъ готицкихъ, посвѣдчае, що народъ славянскій перебуваючій по бѣлшой частіи въ Скітіи, Савроматіи, котрый, якъ ътъ споминае, премногій е, доперва коло половины 6. столѣтія ъдѣ назвою *Σποροὺς* Европѣ ознаемѣнь зосталъ, хотій самъ тою назвою давно уже у себе назывался, мовлячи: „Славяне зъ давень давна назывались *Σποροὺς*,“ с. е. Русь, Русы или Русины. Же нашъ край та и народъ самъ, уже въ першихъ вѣкахъ временъ христіянскихъ назывался „Русь, Русія,“ — можъ о тѣмъ довольно увѣдатися зъ исторіи такъ сухоzemныхъ якъ и наморскихъ военъ Руси съ крѣлями Даніи Фортиномъ I, III, IV, такоже и Норвегіи съ Гальфаномъ, и Швеціи зъ Гольбордомъ, ведля описа исторіи Саксо Грамматика, помѣщенной урывками въ Карамзинѣ. — Що бѣльше, же на 300 лѣтъ и бѣльше передъ Христомъ, тое имя „Русь, Русы, Русляны, Русины,“ укывалось уже у грецкихъ писателей въ назвѣ *Ροζολανοί* происходячой несомнѣнно зъ Руслянокъ, Русалокъ.

Тожъ доиста имя тое старе и предвѣчне есть; — а же зъ богочестія походитъ, про то тѣмъ такъ святе и почитане для Русинѣвъ есть.

Осифъ Теодосовичъ Щавинскій.

*) Прокопъ объясняючи надану нимъ назву Русинамъ „Спорусь,“ прибавляе, що Славяне называются „Спорусь,“ якъ думаю, важе онъ, ътъ слова нини уживаемаго „спорадейнъ,“ котре ведля него мало бы значити, же суть розверженны, розсѣяны.

ПРИРОДА ВЪ ГОРАХЪ КАРПАТСКИХЪ.

(Цѣлебныя жерела въ Подлютомъ, — проездка въ околицѣ Перегиньска.)

Видится, же судьба Всевышняго пріятнѣйшіи часы хоще для теперѣшняго племени руского роду приготовить, когда неодо сокровище, въ земли его укрытое, теперь изъявляе и ново воспользоваться нимъ дозволяе. — Ктождь бы могъ сомнѣваться, же и горы Карпатскіи въ области Галицко-русской протягнувшіяся, неодо еще сокровище въ собѣ утаенное имѣють, которое бы землю нашу богатшою здѣлати, и жигельства здѣшнаго состояніе лучшити могло бы.

Думасмо мы меже прочими про жерела цѣлебныя, о которыхъ, же существуютъ, еще до вѣдомости общой не пріишло. Если бо стороны закарпатско-угорскіи такъ богатыми суть въ источники водъ цѣлебныхъ, же если не ошибаемся, число ихъ до 60 подають, чемушь бы тѣи саміи горы и по нашей сторонѣ хоць не такъ богатымъ, а однакожь множайшимъ числомъ, якъ до теперь, помянутыхъ жерель отличатися не имѣли? Такъ зачували мы росказъ о существованью презряднаго жерела, обрѣтающагося въ селѣ Ясѣню надъ Ломницею, которе якъ то всему тамошнему народу извѣстно есть, никогда еще никому не повредило, хотяи бы и якъ согрѣвшися воды его употребилъ (изъяснили намъ врачи тѣмъ, же оно жерело должно теплую минералическую воду имѣти); где противно другое есть, зъ котораго якъ только кто въ такомъ состоянію нашлъ бы ся, неминуемой слабости и даже смерти напрасной подвергаеся. О первомъ то жерель, не только то говорятъ простолюдины, но извѣстно оно и людемъ умственнымъ, которые такожь не могутъ ся нахвалити свойствъ воды реченой, особливо въ часъ лѣтнихъ жаровъ, где никто не зашигилъ покрѣпитися водою жерела сего.

Но о много превосходитъ всѣ тѣи сосѣдніи жерела, жерело воды цѣлебной въ Подлютомъ. Знаходитъ же ся жерело тое, трохи що-то бѣльше якъ двѣ мили отъ поселенія Перегиньска, а половину той дороги отъ Ясѣни отдаленне; лежитъ въ красной полонинѣ нашихъ гѣръ Карпатскихъ, недалеко отъ рѣки Ломницѣ; земля сія есть собственностію руско-Галицкой Митрополіи.

Воды цѣлебныя жерела сего, якъ будто они уже давно открыты суть, бо еще за жизни блаженной памяти Ангеловича открыты они были, который то великій мужъ Руси нашей въ поблизью жерела въ мовѣ будущаго такожь печь къ произведенію желѣза очищенного заложилъ, и котораго то величавыи мурованыи зломіща „Ангеловка“ зовимыи о предпримчивомъ духу Митрополита помянутаго еще и нынѣ свѣдчатъ. Однакожь, якъ ся тое мовить,

воды цѣлебни въ Подлютомъ не прійшли еще до общей вѣломости, до общего вниманія и оцѣненія такого, какое бы имъ ся принадлежало.

Но анализъ Ч. Родимца нашего Дра Воляна іодъ и бромъ кромѣ иныхъ частей суть главными частями воды въ мовѣ будущей, що ю чинигъ подобною до воды „Ивоницкой“ — и якъ знатоки изрекли, не уступае оно въ ничемъ прославленнымъ водамъ заграничнымъ. И отже при такой многоцѣнности, — якбы то нарочно сокровищамъ земли русской таинственною якою новолокою закрытыми уже отъ какой-то судьбы быти подобало, — не розпространилося извѣстіе про воды цѣлебны въ Подлютомъ принадлежащимъ способомъ.

Однакожь треба вризнати и тое, же бѣльше якъ двѣ миль дороги, вѣдущиіи полониною изъ Перегинска по одной сторонѣ Ломницѣ, а отъ Ясѣня бѣльше якъ миль по другой сторонѣ Ломницѣ, суть прикрыми, бо не исправлены принадлежно. Но що еще бѣльше препятствовало, щобы воды въ Подлютомъ не были такъ посѣщаемы, якъ на тое заслужуютъ собѣ, было тое обстоятельство, же не обрѣталоса туже достаточного обывалища, бо всего тѣлько два дома съ нѣсколко комнатами знаходилися тутъ же, не было такожь гостиницы принадлежно заосмотреной; а кто ту для подвигненія здоровья своего прїѣздилъ, долженъ былъ о своемъ харчу пребывати, що и для поблишихъ великою недогодностію, а для дальшихъ и невозможностію было.

Но неудобствамъ тымъ конецъ положить, есть то теперь стараньемъ неутомимымъ нашего Высокопреосвященного Куръ Митрополита Григорія. Легво бо що минуло кѣлька недѣль, якъ Высокопр. Владыка ту прибыла, а уже въ Подлютомъ все перемѣнилось. Въ томъ бо времени короткомъ началася ту уже Церковь соиздати, кромѣ сего началася работа около палаты для Владыкѣ, а небавомъ начнеса робиги коло гостиницѣ и розпространенія многочисленныхъ обывалищъ для гостей. Кромѣ всего того сталь ту уже готовый такъ зовимый штурць-бадъ въ обширномъ объемѣ и дуже хорошо снабженный. А всю тую дѣлательность тѣмъ бѣльше удивляти подобае, же въ такъ короткомъ времени тяжко ту было за дѣлателя. Ибо людъ сторонѣ здѣшнихъ выходить лѣтною порою въ чужину и дальшиіи стороны для заробку. — Если же тая дѣлательность такъ продолжится, то можъ надѣятися, що съ весною слѣдующою, знайдутся ту обывалища съ прочою догодностію для многочисленныхъ и далѣкостороннихъ гостей. Буде же до того всего еще другое жерело водѣ минералическихъ, которе отъ сего въ мовѣ будущего на яку то $\frac{1}{4}$ милью отдалено быти имѣе, належито розсмотрено и оцѣнено, и нѣ воспользованіюся нимъ пріуготовлено, то станутся тиі купели въ Подлютомъ, которы при ослабленныхъ силахъ бл. п. Кардинала и Митрополита въ такъ глубокой старости, при здоровію удерживали, въ которыхъ уже многіи изъ тутейшихъ сторонѣ въ слабостехъ ревматичныхъ, где ихъ

всѣ врачи оставили, совершенное исцѣленіе свое знайшли, станутся небавомъ голосными, и надѣяться, що не оденъ въ недузѣ своей помощь тамъ найде. А Подлютый станесе при томъ хоть скудненькою надгородою за всѣ тѣи волости, которы имѣ ту въ тыхъ сторонахъ за польского владѣнія насильно отнято.

Но щобы купели въ Подлютомъ принадлежно поднести могли, здало бы ся гдѣякіи перемѣненія и удучшенія починиги, на которы, якъ ся видить, уже и теперъ увага звернена есть. Предовсемъ здало бы ся, бѣльше якъ милою дорогою черезъ полонины, коли ся уже до самого Подлютого зближае, лучшею завлати, потому изъ той стороны, шо на Ясѣнь веде, на Ломниці мость поставити, а было бы сообщеніе много догоднѣйшимъ.

Заосмотреніе гостинницы мѣгъ бы ту обитающій надзиратель лѣсу на себе взяти, шо и состояніе его о много поллучити бы могло. Но шо ся еще важнѣмъ видить, было бы сполученье съ купелями цѣлебными купелей жентичныхъ, еслибы ту съ-пару сотъ овецъ на тутейшіи полонины нарочно спроважено, черезъ которы и придану рогову скотину можъ бы такожь отвѣчны неприкосновенны полонины тутейшіи по трохи управляти.

А такъ сполучены съ водами тутейшими жентыца а до того и купели рѣчныи чистой гѣрской рѣчки Ломниці, той прихорошіи видѣ необыкновенный полонинъ, дугѣвъ и огвѣчныхъ лѣсѣвъ сдѣлають Подлютый тѣмъ мѣсцемъ, которе много посѣщенія и взятости собѣ приобрѣе, особливо же для жителей зъ Покутья и Подолья, которы въ поблизью подобныхъ купелей не имѣють.

Подавши извѣстіе невеличкое о купеляхъ въ Подлютомъ, не завадитъ, и асрогу до купелей тыхъ ведущую коротко описати; а сіе наибѣльше придасться для жителей понизья Подольского, шо то не суть ознакомленіи нѣсъ сторонами гѣрскими, и которымъ то неразъ выдаесе, же нѣтъ дороги утяжлившой, якъ тѣи, шо то въ горы ведуть. Но якъ вообще шляхи гѣрскіи, которы по-надъ корыто рѣкъ протягаются, прикрыми не бывають, такъ и шляхъ, ведущій до Подлютого, не есть утяжливный. Отличаесе онъ отъ дороги той, шо на Сколье веде тѣмъ, же дорога на Сколье есть то тѣсняна гѣрская, которая веде помеже горы дуже высокіи; шляхъ же до Подлютого тягнесе лугами пространными по-надъ Ломницю, а горы не сягають ту той высокости, якъ горы Скольскіи, на всякій же случай странствующій може быти певнымъ, же не наскучитъ му ся дорога тая.

Вотъ выѣзжае онъ изъ Рожнятова, городка подгѣрского, лежащего на шляху цѣсарскомъ, подкарпатскомъ, бересе зъ городка сего вздолжъ рѣчки „Дуба“ до Цѣневы; веде го ту дорога рѣвненька, совѣмъ на цѣсарску по-хожая, по-при Княжовске, Дубу, Ольховку до Перегинска. Воздухъ гѣрскій оживитъ ту путешествоющего, а веселѣйшимъ чувствомъ начне исполнятися душа его; но небавомъ уступитъ тое пріятное чувство сумнѣйшому рос-

положенью души его, коли странствующій погляне на тіи горы, которы ту якъ бы муръ предѣльный, лавою передъ взоромъ его розстеляются; мимо-хотно со вздохомъ погадае онъ собѣ: Горы родимой земли моей! Былиж вы коли свѣдителями счастливой доли руского роду?... И якъ бы сумный отгомонъ застогнае изъ нихъ: „Мало, дуже мало!... Видѣли мы терпѣніи и укоризну — но мало коли лучшую долю народа того!“..

Но по щоже їдущому до купелей въ Подлютомъ, сумными гадками занимати голову свою? Кто ту їде, печали на бѣкъ отложить долженъ; для того нуже повозчикъ, жваво натри конѣ, а твоѣй повелитель небавомъ стане въ Перегинску! Ту въ томъ великомъ поселенію (звышь 3000 душъ) роздѣляея дорога до Подлютого на двое, по одномъ и по другомъ бережѣ Ломницѣ, и обома доѣхати можна до Подлютого. — Одна дорога веде черезъ село, а їдеся по правой руцѣ берегомъ Ломницѣ; ту їдеся самыми тольکو дугами и полонинами по-пѣдъ горы, дорога тая есть трошки утяжливѣйша, ту втрѣчаются „соколы“ такъ зовимыи скалы, которы крѣпко стремятъ изъ гѣръ противо дороги, где оденъ такій „соколъ“ нужно было изсѣчи, щобы ся далѣй сообщати возможно сгало. Друга дорога дуже мало шо дальша, но за то бѣльше утерта, веде на поселеніе Небыловъ. Береса ту, доѣхавши до первой Церкви въ Перегинску, на лѣво, переправитса Ломницю, а заражъ по другой сторонѣ Ломницѣ лежитъ Небыловъ, поселеніе такожъ великое, въ которомъ, подобне якъ въ Перегинску, тое увагу путешествующого займе, же хижи тутейшіи всѣ деревяніи не суть бѣлены ани глиною облѣплены; суть такожъ многіи хижи съ дахами на взоръ гѣрско-швайцарскихъ, где дошки каменемъ прикрытіи. Въ Небыловѣ подивляги странствующій буде еще и красніи овощевыи дерева.

Чѣмъ разъ далѣй отъ Небылова, тѣмъ бѣльше окрестность гѣрское прибирае лице. Обернешся ту вснять, увидишь все тое, шо уже переми-нулъ, и всѣ тіи мѣстцевости, которы ты переѣздилъ, мовъ на коврѣ зелено-шолковомъ розпростерты. Вержешъ твоѣй взоръ на передъ себе, увидишь якъ гостинно и привѣжливо розступаются ту горы въ два ряды, мовъ бы хотѣли для странствующого все, шо тольکو имѣють; предложити и его въ объятія свои приняти. Око увеселяея ту розличною барвою гѣръ; тутъ увидишь горы найближшіи передъ тобою украшены барвою темнозеленою, далѣшніи, блѣдаво-зеленою, а тамъ въ дали генъ-генъ синѣются они и якъ бы помалу въ воздухъ розплываются. Тамъ за тыми найдалѣшними сидятъ братья твои подкарпатскіи.

Но и сторона, путешественника окружающая, не есть лишена своихъ увеселяющихъ видовъ; ту їдучи онъ дорогою зъ Небылова до Сливокъ имѣе по лѣвой руцѣ горбки невеликіи, по правой луги съ многими жерелами при самой дорожѣ. їдучій зближаея рѣвненькою битою дорогою до Сливокъ; взоръ его перелѣтае по лугахъ, которы по одной и другой сторонѣ рѣки

опирають о горы малевничіи, въ различныхъ фантастичныхъ влахъ розпространяючіися; ту видить онъ надъ Перегинскомъ мовь три башнѣ, якіи обыкновенно украшаютъ Церкви веда здчества и вкусу греческого, тамъ сновъ въ различни терасы уложены верховины; не уйде передъ взоромъ его ту такожъ подъ самую горою, на мѣсци взнесеномъ, велка каплиця мурована. Испроситъ чужинець, що бы то за каплиця ту могла быти, въ мѣсци, где нѣтъ вельможи ніякого? А кождый ту дасть му отвѣтъ: Же тая каплиця созданна естъ на гробъ славного и извѣстнаго во всей окрестности богача, Петрышича, жителя и Селянина изъ Перегинска, о которомъ, якъ то обыкновенно о заможныхъ, людъ говорити много умѣ. Сей то держалъ волость Перегинско черезъ долгій часъ въ посессіи своей, и якъ за житья своего добре употреблялъ имѣнія своего, такъ и умираючи (около года 1843) на многіи благополезны цѣли неодну сотку записалъ. Для похвалы помянутого Петрышича, якъ и наслѣдника его, который уже такожъ года текущего упокоился, тое доброе можъ сказати, же николи не встыдался, ба и не употреблялъ иншой якъ своей родинной бесѣды, ни цурался здѣ употребляемого чорного сѣрака, хотяи онъ исъ высшимъ сословіемъ сообщался, его радо въ дому своемъ гостилъ, и отъ того высшего сословія даже и высшихъ чиновниковъ угощаемый бывалъ. Знали тіи заможныи Петрышичи, отецъ и сынъ, що то бѣднѣй, а сожители ихъ могли всегда на помощь ихъ числится, передъ всѣмъ же не тольکو церковь мѣстцевая, но и въ Гомовѣ недавно создана, ихъ щедротою запомагаемы и украшаемы бывали.

Но скоро утрагитъ пробѣжающей изъ очей своихъ отдаленое Перегинско. Коиъ его за-для жару лѣтного, полуденнаго въ другой половинѣ Августа умѣреннымъ начали иги шагомъ, а ихъ властелинъ не велитъ принуждати ихъ къ скоршому побѣгу; онъ бо упоенный новостями гѣреками, тою, для ока пріятною зеленью гѣръ и луговъ, котору тольکو ту по-надъ береги споловѣлая пшеничка и жито ярое перерывають, — тыми вонями цвѣтѣвъ и зелъ гѣрскихъ, вониями сѣнами, которы ту недавно лишъ шо робити начали, а которого копицѣ дуже искусно уложены, ту и тамъ стоятъ. Копица бо така около кола суковатого, ту „островкою“ зовимого зложена, въ сподѣ досытъ широка а при земли подмыкана, шо-разъ вузша къ верху, на которой кромѣ сего кусникъ кола стремитъ, похожою буде со всѣмъ на велатную грушку.

Уже являетъ ти ся новое село: Сливки, но нѣмъ загостишь до него, еще одно пріятне, гѣрской природѣ свойственное зрѣлище увеселитъ тя. Тамъ подъ двома галузистыми деревьями чорвѣся купка ягнятъ съ овцами, которы передъ жаромъ солнца паствиско опустили, и передъ нимъ въ тѣни, головы свои до сирой поприкладавши земли, прибѣжша глядають. Тамъ зновъ купка роговой скотини, то лежащей, то стоячей, а посредѣ нихъ безпечальный молодець свободно отпочивае. Истинно, пензель Рубенса достоинъ

живописати красоту тоя природы, тыхъ группъ скотинныхъ! Все утомлене огпочинку употребляе, тѣлько тамъ подъ самымъ горбкомъ якъ бы ничѣмъ не утомленны, бѣлого мовъ свѣгъ долгого волоса, пары старыхъ и молодыхъ кѣвъ поскаками своимъ до увеселенья побужаютъ тя, а дѣти твои въ руки восплещутъ, бо моторностію звѣрины взволнуеса и молодецкая кровь къ увеселенью и желала бы такожъ погуляти свободно зелеными лугами!

Переминувши Сливки, стаешъ по $\frac{1}{2}$ часу вѣды въ Ясѣню, въ остатномъ селѣ, которе ту въ селѣ провалѣ надъ Ломницею лежить. Но впередъ може хотѣлъ бы ты познати трохи ближе жителей здѣшныхъ, для того побачивши коло другой подобной сурмы овецъ молодца, сѣдающаго близъ дороги, заходяшь въ разговоръ съ нимъ, и начинаешъ по польски. — Но съ задивленіемъ увидишь, же молодець упорно ничога не отвѣчае; — втогда ты начнешъ до него по руски, и якъ бы разрѣшилса языкъ его, онъ начинае на всѣ вопросы отвѣчати. На вопросъ, не розумѣеть ли польской бесѣды, повѣдае: „Я ся не осквернилъ нѣякою ломаною бесѣдою, и шваркотати не умѣю.“ Тѣлько не треба ту слово: „осквернити,“ яко що — то съ пристрастіемъ выреченого розумѣти. Повѣдае бо ту обыкновенно человекъ: „Я ся не оскверняю въ Понеаѣлокъ,“ то значить, що доброхотно въ той день постъ соблюдае. Для того и въ такомъ изреченію не треба пристрастія нѣякого глядѣти. Истинно бо можъ сказати, же счастливъ человекъ здѣшныхъ сторонъ, онъ, думае, же на цѣломъ свѣтѣ нѣтъ нишого народа и нишой бесѣды, тѣлько руска, а если подумае, же есть еще яка народность кромѣ русской, то хибя тую становить жидъ, до того, по его мнѣнію, опредѣленный, чтобы му горѣлку и иншія якія вещества продавалъ. А кромѣ того житель тыхъ сторонъ ани за тѣи роздоры, якіи соплеменники его ведутъ, чтобы право природное для русской бесѣды выворотити, знае що, ани знае за тое, що съ польскимъ народомъ существуе ту яка польска бесѣда. И не диво! Житель тутейшей мало где отходитъ въ даль и чужину, мало посѣдае города, хибя найблизшимъ подгѣрскимъ, где нишой кромѣ русской бесѣды не учуе и отъ жиды. Що же ся касаетъ Львова, то для него terra incognita такъ, якъ для географовъ центральная Африка. Суть бо премногимъ и таковымъ горяне, що и вѣкъ свой пережіють, а кромѣ найблизшого сосѣднаго города бѣльше и ногою никуда не поступили. Що до веществъ, ему нужныхъ, постарае онъ ся за нихъ самъ у себе. Волну домашнюю жепщина здѣшная пряде на сукно, которе въ дому ся выробить, въ ступахъ на домашнихъ рѣвахъ выбѣе и до употребленья выготовится, ба даже еще и на продажъ ежегодно прилятса. До того знае жепщина, на особливомъ варстатѣ, „кросна“ зовимомъ, для себе полотно уткати. По той причинѣ жители гѣрскихъ, которыя ся тѣлько пѣянства хоронять, могутъ до имѣнія знаменитого прійти, въ чемъ скотоводство нѣбѣльше имъ помоществуе. Скотоводствомъ занимающіися горяне нѣбѣльше въ природѣ проживаютъ; за-для того придыблеса у нихъ всегда що-то дикого,

но и свободного, подобного до этого сокола, що на диких и высокихъ скалахъ съдлаише собѣ уготовляѣ.

Жаромъ солнечнымъ и вздою уголеннымъ пугешественникъ скотѣвъ бы може ту въ Ясѣвю попасти и отпочинку отдагися; и такой учинити такъ треба. Ясѣвъ есть послѣднее село. Но заклопочеся онъ, где попасти въ такомъ горскомъ поселенію? . . . Можешь однако спокойнымъ быти; знайдешъ бо въ Ясѣвю 6 -- 7 родинъ комплетныхъ жидовскихъ, що може безвечно овое старанностию узаконенне число -- 60 душъ становити. Що? вопросишь, а чимъ же ся ту они занимають? Будь певный, же такъ якъ всюда, ни сѣють, ни орютъ, ни жнутъ, ни придуть, не все на оденъ ладъ проживають. Оденъ ту нѣбы гандлюе кѣнми, а мѣсце къ тому найпридательшое, бо и граница не далеко. Другому удалося отъ селянина нашего за гроши невеличкіи землю на свою собственность приобрѣсти; и чимже ся занимае онъ? Похоже, думку думае тай -- добре же. Тамъ снова увидишь на полиціи, всередѣ окна умѣщенной, два три обаранки и бохонецъ малый хлѣба, -- есть то нѣбы выставка (шилѣтъ), звучаща, що ту можешь получить горѣлки, и на „шожь и чокогожь бѣльше, если есть горѣлка,“ якъ нашъ мудрый жидовинъ повѣдае. И будь певный, же хотяи бы ты зробишь докторатъ зъ любомудрія, а 18-лѣтній жидокъ взялъ бы свое универсальное врачество, отъ такъ зъ два гарцы горѣлки, и осли бы вы оба въ одномъ поселенію, то певне ты за 10 лѣтъ не доказалъ бы того, що онъ за два лѣта! А такъ увидѣлъ бы ты, що истинно ему не тра бѣльше якъ горѣлки (той огравы руского простолюдна) и его жидѣвского таланту, щобы ту все доказати! . . .

Що? вопросишь еще, и ту въ остатномъ закутку горскомъ, а еще жиды? Не подивуйся, бо гдѣжбы жиды не было? где Русинъ есть, онъ за нимъ якъ тѣвъ за чедовкомъ. Ани ся сомнѣвати можъ, же еслибы Русинъ оставилъ свою землю родиму и выишолъ где до Сагары, оставилъ бы и жилъ Галичину и переселилъ бы ся на тое отлюдное мѣсце, на которое ся Русинъ переселилъ . . . Ажъ бо то нѣ и гараздъ съ Русиномъ! А если Тальмудистъ межъ утѣхами райскими, которы собѣ смыслово представляе, не вспоминае ничего, же ихъ во власти своей будутъ имѣти Евреи (якъ то она обыкновенно выражаются), то певне ничего не зналъ за „руского гоа“ -- иначе былъ бы передъ всѣма тыми утѣхами и логедностями, якіи имѣти будутъ изъ своего великанского вола, рыбы, птицы, изъ ового великанского винограду, которого одна ягода мовъ бочка, а до котрой лишь рурку приложити, щобы полныи сосуды пектару наполнити -- передъ всѣмъ мовлю тымъ на первое мѣсце былъ бы положилъ: Же будутъ толькы и толькы „russische goit“ подъ властию своею имѣти!

Для того вели завѣжати жваво до которой булъ пространной гостиници въ Ясѣвю; отъ рускихъ людей будешь ту мѣгъ получить свѣжого пструга; а може вкусною брызною или инымъ набѣломъ почестуе ты житель завѣш-

ный. А хотѣи бы ты любимый путешественнику, мѡгъ скорѣе зъ Ясѣня vybrаться, поѣди за мной совѣтомъ, и оттягни ѣзду ажъ на пѡзвѣйшую пору, щобы насладитися зрѣлищемъ, якое половина вечернымъ часомъ справляе, а ты можешь черезъ хвилю тую оглянути тартакъ, ступу для грубого сукна; якъ збиваютъ дерево (дарабими ту зване) къ сплавленю долѣвъ рѣкою. Увидишь, же и ту еще суть хорошия дерева овощевыи и всѣ прочіи плоды збожевыи; а тогда въ добрый часъ выберешся дадѣи vzdоль села, по-надъ берегъ Домницы и уже обрѣтаешся на колоніиѣ. Ту дорога уже меньше утерта, но потѣшаешся, же и ту слѣды людского животвѣнія и печальности житейской не устають; ба видишь и ту еще нявы управлены, видишь по горахъ посредѣ лѣса выкорчованіи кусники поля, всюда розвержены хажы бѡльшии и меньшии разомъ съ зданіями газдѡвскими! Суть то такъ званіи „зимѡвки,“ поставлены отъ газдѡвъ на своихъ парцеляхъ, где до кошаръ скотина ся заганае, а позволивши ту сѣно зъ дальшой стороны, скотину ту и въ зимѣ держатъ. Кромѣ тыхъ ямѡвокъ, ажъ до самого Подлютого розверженныхъ, встрѣтишь ту снова оденъ тартакъ, и ту берешь собѣ проводника; а небавомъ увидишь, якъ заходящее сонце кидает послѣдніи лучи свои на зломища, мовъ бы якої опустѣлой старинной палаты величави останки. Есть то Ангелѡвка, шурованіи зданія къ очищеню желѣза, отъ руского Митрополита Ангеловичи поставленіи.

Отъ Ангелѡвки вже тѡлько полъ милѣ до Подлютого. Конѣ уныло ступаютъ на перель, бо ту уже рѣчный камень перемѣняеся на широку плыту. Думалъ путешественникъ, же онъ ту кромѣ якого овчаря въ его нарочно засмоленной шемѣзѣ никого бѡльше не увидать, но отъ-тамъ гонять противъ нему дерзкій ѣздокъ; не може го еще росвѡзнати, но видить, же конѣ широкогрудый, лучшой расы и самъ ѣздокъ дерзко держится и не щадитъ коня хотя и подъ гору! Помыслить собѣ спостерегшій, же выѣхалъ який-то зъ гостей знаменитшихъ купельныхъ на прогулку. Но немедленно въ живыхъ поскакахъ зближася и самъ ѣздокъ, а хоть пробѣжающій омылился що до ляца, но тѣмъ бѡльше буде подивляти тую дерзкосгъ ѣздока — простого селянина. Постава велитна, круглый капелюхъ стройно лежитъ на чорномъ въ дробненькѣи кудри буйно ажъ на рамена спадающомъ волосю; гунька сива коротка, зъ тонького, темно-синѣго сукна шаравары, вузенькимъ ремешкомъ около костокъ хорошо окрочены, дуже на ладъ козацкѣи похожѣи, и новѣи жолтавыи ходачки. Костюмъ и постава, яка и на сценѣ драматической вниманія свого не уйшла бы! Суть то звычайно богатѣи властелины многочисленныхъ овецъ, котѡры подъ надзоромъ кѡлькохъ овчарей въ отдаленныхъ кошарахъ стоять, а котѡрыхъ самы властители що другѣи-третѣи день надзирають и запровѣантовують. Для того го и для розширного газдѡвства своего скоро они люблять жвавыми и рослыми кѡвьями своими тѣи колоніи переганяти. — Но уже и нѡчь шарый свой плашь роспространяе, котѡрый

що-разъ чорнѣйшимъ стаеся — и новіи возникаютъ явленія. Тамъ звонить нѣсколько звонкѣвъ возвращающей череды до своей кошары; тамъ пастырь кличе принадно на пріоставшуюся скотину. Тамъ громогласнымъ отгомонѣтъ своихъ товаришей взывающего овчаря розлягаеся голосъ по дебрахъ и лѣсахъ. По зимѣвахъ возникли свѣтла, а по одной и другой горѣ блыстятъ ясныи огняща, и тысячными искрами въ гору ся взносятъ. Се естъ вечеръ на полонинѣ!

Твоѣй проводникъ, который заосмотрившися въ вязку долгихъ скипъ яловыхъ, якихъ ту вечерами въ дорогахъ лѣсистыхъ употребляютъ, запаливши три четыре такихъ скипъ разомъ, заимпровизовалъ ти новый „факельцугъ;“ а небавомъ задержалъ ояъ и повозку твою надъ берегомъ Ломнипы, крикнулъ на сѣдящихъ тамъ на другомъ березѣ около огню косарей, що ту на пару дней до сѣнокосѣвъ выйшли, — а два сяжнистыи мужи съ бѣльшими еще отъ себе колами переходять рѣку, берутъ за вѣзъ, оденъ зъ одного, а другій зъ другого краю, а путешественникъ перевѣжае широкими и грубыми плытами ту наѣжену рѣку.

За $\frac{1}{4}$ часа стоишь уже у цѣли вѣзы твоей; хотяи то нѣчь, ты однако занявши твою комнату, упорядковавши вещи твои, выходишь на луку, котора ту о купельное мѣсце опирае, идешь кѣлькадесятъ шагѣвъ далѣй, мѣсяцъ власне шо по-надъ гуши вознесся; ты розпознаеши ту темный боръ, видишь деревья, надъ которыми вѣки перешумѣли, — все отпочивае — тишина глубока, которой и наименьшій вѣтрець не дерзне перервати, страхъ святый преисполнитъ душу твою, якъ бы почувшующа быти въ поблизью самого Божества, — руки твои мимохотно совокупаются, щобъ отправити первое благодарное моленіе — въ Подлютомъ!

В. Н. Р.

ГОСПОДАРКА

въ нашихъ сольныхъ жупахъ.

Маючи способность недавно бути въ Добромиліи, постановилъ емь собѣ оглянути недалеко находящуюся тамъ жупу въ Ляцкѣмъ, тѣмъ бѣльше, щомъ си пригадавъ, якъ то передъ кѣлькома лѣтами въ одной польской временописи читалъ емь о торжественномъ положенію угольного камня на велику солеварню съ вежою въ присутствіи тогдашнего краевого намѣстника гр. Голуховского.

Я видѣлъ тую солеварню, и воистину, шо за велике и красне на око тое зданіе! Вежа съ часосказомъ высока, хорошо пріукрашенна — оздобленна написію золотыми буквами „Sudhaus des Grafen Goluchowski;“ округъ нем

жельзными кателѣ, та асфальтомъ выложенными тарассы, на котрыи зъ двоухъ бокѣвъ ведутъ жельзными сходы и пр. Но вглянувши ближе во внутрь задивовалъ емь ся дуже, шо такъ новая величественная будова, котра по начертанію якогось славного инженерѣ ставилася (а котра то надъ 10,0000 рень. коштowała), а теперъ вже непридатною узнала, бо нынѣ вже цѣлое внутріе ея розрушають, и на ново печи, панвы и пр. перебудовують. Чулъ емь такожь, якъ то саміи робѣтники съ посмѣшкою собѣ приговорювали: Отъ паны жупнѣ не мають вже де гроши дѣвати, та все будують, тай зновъ руйнують, отъ абы ся все щось ставило. . . .

Бѣольшою цѣквостію веденѣ, придивлялъ емь ся всему, а найбѣльше занимали мене печи жельзными до огрѣванья магазинѣвъ, котрыи якобы органы выдавалися, и котріи помянутому губернаторови инженерѣмъ на паперѣ предложенными такъ подобалися, шо тойже на слѣпе довѣріе томужь не зважаючи на такъ великіи кошта, ѣтъ разу безъ пробы такіи до всѣхъ жупѣ, а то майже по 12 штукъ назначилъ, котры теперъ безъ ужитку по подвѣрью валяються. Треба бо знати, же така одна пѣчь 150 рень. а. в. мае коштувати, а затѣмъ на одинайцятыхъ жупахъ 132 печей 19,800 р. а. в. стоить. Не лѣпшежь було зробити пробу на одной такой печи, щобъ дурно таку суму не выложити, — зъ-ѣдки показуесь, шо до такъ великихъ жупѣ який практичѣйшій инженерѣ здалъ бы ся, тай шо въ ц. к. краевой финансовой Дирекціи во Львовѣ, предложенными пляны инженерскіи не чрезъ фаховыхъ и такую рѣчь розумѣющихъ людей испытанныи бувають, токмо черезъ яко го тамъ юриста перегляданныи потвержаються, про шо вже не разъ по кѣлька сотъ тысящъ реньскихъ дурно выложено.

Не мало подивлялъ я тамъ жельзну колѣи до розвоженья по магазинахъ соли уложенну, та зновъ машину, до вытяганья тойже на гору, и зновъ до спусканья на дѣль устроєнну; — шо бѣльше дивовалъ емь ся такому нерозумови, бо машина дурно стоить, а сѣль ношами на гору та зновъ на долину носить, якъ давно носили, ино съ тымъ розличіємъ, же давно не роблено топокъ якъ теперъ, при чѣмъ меньше было заходу, бо перше производили сѣль въ грубшомъ зернѣ, то есть сѣль неформовану, якъ теперъ топки, котру куцѣ въ мѣхахъ або бочкахъ розвозили, котра то сѣль выдатѣйша и чистѣйша була, якъ теперѣшніи топки, меньше тогда давано до ней каляфоніи и воску, тай була поволи варена и сушена, про шо сила (Salzstoff) чрезъ такъ сильный якъ теперъ огонь невыкипала, — при чѣмъ такожь ошаджалисъ дрова, понеже однимъ сягомъ дровъ 48 сотнарѣвъ соли було варено и высушено. При всѣхъ одинайцятыхъ жупахъ выраблялося рѣчне 500,000 сотнарѣвъ соли, про то выходило 10416 сягѣвъ дровъ; сягъ дровъ коштує въ жупѣ 5 р. а. в., разомъ 52,080 р. а. в. коштowali дрова, теперъ але про штучніи печи и иншіи устроєніа на 48 сотнарѣвъ соли выходить два сяги дровъ, про то вже о другихъ 52,000 р. а. в. бѣльше.

Давно при жупахъ былъ токмо оденъ урядъ, складаючіи ся зъ троухъ урядникѡвъ до выробу и спродаванья соли, котрыи рѡчне зъ одной жупы свои платиѣ въ сумѣ 1500 реньскихъ поберали, а зо всѣхъ одинадцати жупъ ино 16,500 рень.; теперь але отъ року 1856 сугъ ведля новой организаціи два уряды на каждой жупѣ поставленны, а то оденъ для выробу, а другій до спродаванья соли. При кождѡмъ такомъ урядѣсть троухъ системизованыхъ урядникѡвъ, а затѣмъ разомъ шѣсть урядникѡвъ ино на одной жупѣ, котрыи зъ 90 рень. а. в. свои платиѣ побераютъ, а зъ одинадцати жупъ 42,790 рень. на урядники выходить, про тое теперь бѡльше на урядникѡвъ 26,290 р. а в. выкладаеся.

Чижь не мѡгъ бы теперь такмо оденъ урядъ дѣйствовати, якъ давно було? И на шожь то уряду побѡрчого, котрого утриманье рѡчне на всѣхъ жупахъ 20.790 р. а. в. коштуе, а до того помешканья для урядникѡвъ, огоромы, та дрова (шо такожь рѡчне 1760 рень. а. в. ино дрова коштуютъ, понеже побѡрчій погыгае рѡчне 18 сягѡвъ дровъ, контролоръ 14 сягѡвъ, а сягъ дровъ коштуе въ жупѣ 5 р. а. в.), до того для каждой особы по 15 фунтѡвъ. соли рѡчне, шо такожь учинить для всѣхъ урядникѡвъ 21 сотнарѡвъ 45 фунтѡвъ теперь немалъ кождый женатый, про то 64 сотнары 35 фунтѡвъ, а теперь зновъ немалъ кождый по двое слугъ мае, шо такожь 42 сотнары 90 фунтѡвъ, шо разомъ для всѣхъ ино соль 128 сотнарѡвъ 70 фунтѡвъ, котра 900 рень. 90 кр. а. в. коштуе; а затѣмъ побѡрчій уряды зо всѣмъ 23.450 рень. 90 кр. а. в. рѡчне коштуютъ; а помешканья, реперациі около тыхже, бѣленье, опалъ и освѣтлѣнье канцелярій и пр. не числячи. — Кромѣ того ту отвозить побѡрчій зѡбранныи за соль гроши шо тыждень два або три разы зъ Стебника до Дрогобыча (одну милю) на почту, за шо за каждый разъ 4 рень. а. в. яко діеты поберает, шо такожь рѡчне надъ 576 рень. а. в. выносить.

Не лѣпше бы то було, щобы такъ було уложено, абы кождый потребующій Стебницкой соли, де дорога черезъ Дрогобычъ веде, мѡгъ въ касѣ жупной въ Дрогобычи соль заплатити; або шо еще лѣпше, чижь не можна бы въ каждой ц. в. касѣ, въ котромъ будь мѣстци соль до котрой будь жупы заасигновати, и зъ готововъ асигнаціевъ до жупы ѣхати, про шо излишнѣи були бы по жупахъ побѡрчій уряды, котрыи рѡчне во всѣхъ одинадцатыхъ въ Галиціи жупахъ кромѣ помешканъ, городѡвъ, доплату соли та дровъ 23.450 рень. 90 кр. а. в. коштуютъ, понеже якъ ту въ Стебнику, такъи въ каждой инной жупѣ потягае рѡчне побѡрчій 735 рень., контролоръ 630 рень., ассистентъ 315 рень., амтсдѣнеръ 210 рень., до того соль, дрова и пр.; а при томъ всѣмъ дуже мало шо робити маюгъ, бо на примѣръ: якъ прѣде 30 фѡръ денне по соль, и жадае кождый фѡрманъ 15 сотокъ соли, то панъ побѡрчій загляне въ табелю, де вже стоитъ 139 р. 5 кр. и. в., при чѡмъ потребуе наибѡльше 8 секундаъ часу, тогды ѡтбере и перечислитъ

гроши, при чомъ не забавить якъ 3 минуты; и такъ якъ отъ тридцати отбере гроши и ти перечислить, забавить $1\frac{1}{8}$ години; заки цѣлу сумму запише, наибольше потребу: 20 секунда часу; заки зновъ касу и канцелярію замкне, 5 минутъ — и така то есть цѣла служба побѣрчого уряду. По що же то побѣрчихъ урядовъ по жупахъ? чижъ не мѣгъ бы тое здѣлати пѣлжупокъ (Salinenverwalter), еслибы не асигновано по п. к. касахъ сѣль, що лѣпше булѣть для всѣхъ купцѣвъ, або котрихъ служащихъ своихъ по сѣль высылають, и тымже гроши повѣряти мусять? Чижъ не лѣпше булѣть для каждого, чтобы си по сѣль съ готововъ асигнаціевъ прѣвхаль, на котру бы си заразъ соли набрати мѣгъ, та не потребовалъ бы, якъ то тутъ не разъ дѣсь, асигнацію не оденъ отъ жида, котрый на передъ кѣлькадесятъ сотокъ соли закупить, съ переплагою откуповати, про що потомъ дома дорожше сѣль распродуе, а оттакъ то зъ многихъ сторонъ ожалются, же дорога сѣль, — тай же не въ каждомъ мѣстци и каждомъ часѣ по одной цѣнѣ продаеся.

Понеже але сѣль есть монополь такъ, якъ тютюнъ, котрый всюди и въ каждомъ часѣ по одной цѣнѣ продаеся, котрого контрагенты завсегда пѣлж карю достарчати должны, и котрого николи не забракне, хоть безъ него не оденъ на якусь хвилю и обѣйтися мѣгъ бы, а однакъ такъ заряджено, чтобы тойже въ каждомъ хотѣи наименьшомъ селѣ всегда въ запасѣ знаходился; про що же такъ не заряджено съ сѣлевъ, безъ котрой человекъ ани худобина обѣйтися не може, а однакъ ей не въ каждомъ, хотѣи и въ наибольшомъ селѣ за гроши дѣстати годѣ?

Що ся касае соли для худобы, много людей ожалются, же тая сѣль (Vieh Salz), котру теперъ производять, про червону фарбу, котру до тойже мѣшають, тай котру ажъ зъ Праги зъ сярчанной фабрикаціи, яко останки (фусы) отъ квасу сярчанного (Schwefelsäure) отпадаючу и солсотар зовомую спроваджаять, есть для худобы не полезною, а наветъ и шкодливою; для того ю такъ мало кудують, же ей ту по магазинахъ тысячами сотнарѣвъ дурно мѣстце занимае.

Чижъ не лѣпше то продавати готови омоки, сѣль чисту, котра для худобы есть найполезнѣйшою, до котрой не тра зъ заграницъ фарбу спроваджати? — ба, коли таке господарство!

Не лѣпше бы було, чтобы продавати омоки, не вывозити ихъ по каналахъ та до рѣки, та залишити таке господарство, про котре рѣчне во всѣхъ жупахъ на омокахъ ино надъ

на непотребныхъ будовляхъ та репераціяхъ до	42.000	р.	а.	в.
на печажъ сего року надъ	60.000	"	"	"
на побѣрчихъ урядахъ каждого року	19.800	"	"	"
на дворахъ шо року	24.026	"	"	"
	52.000	"	"	"
разомъ надъ	197.826	"	"	"

безъ потреби тратится. По щожъ зновъ при каждой жуяѣ тѣлько финансовыхъ стражниковѣ утримовати, котры рѣчне такожь не малу суму поберають, коли кожда жупа свою власну стражь мае, которая день и нѣчь колѣйно по собѣ слѣдуе.

Хотай въ правдѣ часто контролѣ по жупахъ бувають, якъ на пр. сего года вже ѡтѣ колѣкохъ мѣсцей комиссія зѣ Вѣдня по нашихъ жупахъ бавить, однако годѣ надѣятися якого полущеня, по причинѣ, же чужин люде нашихъ обстоятельствъ такъ добре не понимаютъ, тай нужды нашей якъ мы не чувствуемъ, — про тое нужно есть нашимъ честнымъ посламъ на краевомъ соймѣ и въ Вѣднѣ усильно о тое дбати, дабы конче инное господарство по жупахъ Галиційскихъ чѣмъ скорше введено було.

Петръ Кочиндыкъ.

ТЫСЯЧЕЛѢТНАЯ ПАМЯТЬ СВ. КИРИЛУ И МЕӨОДИУ.

Выходящая въ Празѣ часопись пѣнславянска „Словѣникъ“ помѣстила въ ч. I. 1862 года слѣдующую статью велико-русского историка Погодина:

„Славяне намѣрены праздновать тысячелѣтїе своей грамотности, своего христіанскаго просвѣщеня, 1863 году, 11-го Мая, въ день посвященный памяти ихъ первоучителей св. Кирилла а Меөодїа.

Мысль животворная! Западныя европейскїе народы считаютъ эрою основанїе своихъ государствъ остріемъ меча. Мы, восточныя, должны начинать нашу исторїю именно съ апостольской дѣятельности безсмертныхъ братьевъ, изобрѣтшихъ пашу азбуку, и возвѣстившихъ намъ Слово Божїе на родномъ языкѣ, между тѣмъ какъ католики осуждены были долго слыщать Его не слышать, и видяще не разумѣть.

Гдѣ же справить намъ нашъ славный праздникъ?

Въ Царьградѣ? Правда, апостолы наша получили свое образованїе изъ Царьграда, пошли они на святую проповѣдь, прїобрѣвъ всѣ нужныя для того средства и пособїа. Но увь! Градъ Константиновъ давно ужъ томится подѣ властїю Турокъ, надѣ святою Софіею висится полумѣсяцъ, и языкъ Кирилла и Меөодїа преслѣдуется греческими патріархами гораздо жесточе римскихъ папъ во время оно.

Въ Болгарїи, съ которой началось благовѣстїе, для которой переведены первоначально наши священныя книги? Нѣтъ, тамъ не посїтемъ мы и ударить въ колоколъ, чтобъ созвать православныхъ христіанъ на молитву.

Въ Москвѣ Въ Москвѣ, пріившей священное наслѣдіе, хранящей искони и чтущей древнее слово во всей чистотѣ его, считавшей всегда много искреннихъ ревнителей славянскаго дѣла? Нѣтъ, вся Европа всполошится за свое равновѣсіе и припшетъ церковному, народному, ученому торжеству политическій характеръ, всѣ посланники и дипломаты прозрѣютъ здѣсь съ трепетомъ панславянскіе замыслы, и въ смиренныхъ паломникахъ, заподозрятъ опасныхъ революціонеровъ, угрожающихъ обществу нарушеніемъ спокойствія. Нѣтъ, въ Москвѣ нельзя быть торжеству, — еще менѣе, чѣмъ въ Константинополѣ.

Такъ въ Брюннѣ (Брно), гдѣ св. Меѳодій святилъ церковь, гдѣ покоится прахъ Добровскаго, третьяго изобрѣтателя славянской грамоты! Или въ Прагѣ, гдѣ училъ св. Прокопій, гдѣ въ XI-мъ еще вѣкѣ процвѣталъ его православный монастырь, гдѣ Гуситы напомили народу первоначальное ученіе? Или въ Краковѣ, древней столицѣ Польши?

Но тамъ вездѣ раздается латинскій языкъ, совершается богослуженіе по римскому обряду!

Какъ можетъ быть славянское собраніе въ честь св. Кирилла и Меѳодія, безъ совершенія литургіи ими переведенной, на ихъ языкъ, ихъ собственными словами, тѣми словами, которые, въ тысячу лѣтъ ими произнесенныя, сохраняются у насъ въ цѣлости и неприкосновенности, какъ будто въ это мгновеніе излетѣли изъ ихъ устъ? Развѣ мыслима латинская мша въ честь св. Кирилла и Меѳодія? Не будетъ ли она ругательствомъ надъ ихъ памятью, вмѣсто возданія ей подобающей чести?

Нѣтъ, торжеству слѣдуетъ совершиться тамъ, гдѣ есть православная церковь.

Въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ? Въ Вѣнѣ оно

Въ Берлинѣ все населеніе питаетъ враждебныя чувства къ Славянамъ, тамъ воздухъ носится антиславянскій; тамъ собраніе можетъ подвергнуться публичнымъ оскорбленіямъ, насмѣшкамъ и подать поводъ къ прискорбнымъ столкновеніямъ.

Неужели-же въ Парижѣ, подъ покровительствомъ Наполеона III, или въ Лондонѣ, подъ охраною англійской конституціи? Избави Господи! это первые друзья Турокъ.

Бѣдные Славяне! Васъ чуть-ли не сто миліоновъ, полъ-Европы занимаете вы даже теперь подъ своимъ поселеніемъ, а прежде рассыпаны были вездѣ по всему ея пространству, до крайнихъ предѣловъ, — но сынамъ нашимъ, смиреннымъ, безоружнымъ, слабымъ поклонникамъ, негдѣ приклонить голову! Нѣтъ мѣста во всемъ раздольномъ Божіемъ мірѣ, гдѣ-бы они могли помолиться спокойно и свободно, не оглядываясь, не стѣсняясь, не тревожась!

Господи! Неужели все это должно быть такъ? Неужели Славянамъ нѣтъ никакой надежды на спасеніе?

Лице Европы обновляется. Народы уразумѣваютъ свои нужды и стремятся къ улучшенію своего быта.

Въ Европѣ образуется новая держава, безъ центра и предѣловъ, безъ бюрократіи и дипломатіи, безъ палаты и министровъ: это — общественное живіе, которому начинаютъ мало по малу подчиняться самые сильные и самые умные міра сего.

Къ нему, къ нему должны обратиться Славяне. Другихъ средствъ теперь не предвидится. Никто за нихъ заступиться не можетъ, не хочетъ, или не умѣетъ. Вездѣ слышатся одніи клеветы, напраслины, корыстныя, живыя показанія. „Друзи мои и искренніи мои прямо мнѣ приблизишася . . . далече ста ша . . . и ищущіе душу мою . . . ищущіе злая мнѣ, глаголаху суетная, и лъстивнымъ весь день поучахуся.“

Славяне въ настоящую минуту не питаютъ никакихъ лишнихъ желаній, не даютъ сбрасывать съ себя чуждое иго, готовы служить каждому своему правительству, не ищутъ своей собственности, владѣи ею кому она досталась, вслѣдствіе историческихъ событій, но оставьте имъ по крайней мѣрѣ ихъ языкъ, не считайте ихъ илотами на собственной родной землѣ, не отнимайте у нихъ того, что случится имъ приобрести въ потѣ лица трудами рукъ своихъ, дайте имъ средства учиться, и сдѣлаться достойными европейскими гражданами, на общихъ правахъ со всѣми.

Не законны-ли эти желанія? Что въ нихъ есть чрезмѣрнаго и неудобносполнимаго или опаснаго?

Но Славяне должны быть согласны между собою.

Да и теперь, стояя подъ игомъ, развѣ выучились Славяне этой все еще непостижимой для нихъ наукѣ согласія, наукѣ взаимныхъ уступокъ? Развѣ умѣю они пользоваться вѣковыми тяжелыми опытами?

И вотъ, оплакивая это несчастное расположеніе, осмѣливаемся мы, русскіе, меньшіе и младшіе изъ братьевъ, сохраненные судьбою въ политическомъ отношеніи, обратиться къ старшимъ братьямъ съ словомъ мира и любви, въ день нашего общаго праздника, празднуя тысячелѣтіе славянской литургіи и грамотности, съ которыми, по удивительному стеченію обстоятельствъ, сходягся всероссійское тысячелѣтіе.

У насъ у всѣхъ есть благонадежная точка соединенія; это—языкъ, прошедшій цѣло и невредимо чрезъ всѣ испытанія, чрезъ всѣ пожары и наводненія, чрезъ всѣ войны и нашествія, не смотря ни на какія козни, ухищренія и сатанинскія усилія враговъ, достигшій высокой степени совершенства по всѣмъ почти нарѣчіямъ въ твореніяхъ великихъ писателей. Языкъ — это наше сокровище, наша крѣпость, наша честь и слава, опора нашей національности, якорь нашего спасенія, залогъ нашихъ успѣховъ.

При началѣ славянской исторіи, по какому-то таинственному предопредѣленію, одѣвшимъ и тѣмъ же рукамъ досталось рассыпать одиѣ и тѣмъ же сѣмена

по всѣмъ странамъ славянскимъ: о если бы теперь, исполняющемуся тысящелѣтію, о если бы теперь за литургією свитыхъ Кирилла и Меѳодія, услышаныхъ вѣщіе звуки, встрепенулось одинаково сѣраце у всѣхъ равномыслящихъ, враждующихъ между собою, братьевъ!

О, если бы возродились они всѣ въ единѣмъ любовномъ чувствѣ, и сознали себя единымъ родственнымъ семействомъ, единымъ народомъ!

Вотъ была бы достойная награда нашимъ бесцѣннымъ учителямъ, вотъ на что бъ они откликнулись, кажется, съ высокаго неба, и низпослали бы намъ долу отеческое благословеніе.

Вотъ было бы вѣстѣ и сладчайшее утѣшеніе, лучшее выраженіе нашей признательности трудамъ, усиліямъ и заботамъ милыхъ, дорогихъ покойниковъ, которыхъ мы въ послѣднее время, одного за другимъ, отнесли въ могилу: Шафарика, Ганку, Зубрицкаго, Делевеля, Коляра, Мицкевича, Сметану, Челаковского, Аксакова, Кирѣевскаго, Хомякова, вслѣдъ за Милутиновичемъ, Линде, Венелинымъ, Иннокентіемъ, Добровскимъ. Увы! никто изъ нихъ, умирая, не могъ воскликнуть съ Симеономъ: „нынѣ отпускаеши, владыко, раба твоего по глаголу Твоему съ миромъ, яко видѣша очи моя спасеніе Израеля!“ Увы! всѣ они скончались въ душевныхъ мукахъ, истекая кровію, точившеюся изъ сердца, не видя единого луча надежды.

Помолимся братья, въ этотъ приснопамятный для насъ день, молитвами свитыхъ Кирилла и Меѳодія, всѣ вѣстѣ, безъ различія вѣроисповѣданій, позабывъ наслѣдственную ненависть и злобу, прощая другъ другу и врагъ врагу, помолимся едиными устны и единымъ сердцемъ Милосердному Богу, да не до конца прогнѣвается, ниже во вѣкъ враждуетъ; помолимся, да спойдетъ къ намъ миръ, — и будемъ мы хотя въ духовномъ, нравственномъ смыслѣ едино стадо и едины пастырь!“

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Разбуженны до крѣчайшаго житія духовного, мы нынѣ съ жадностію смотримъ за появляющимися шо-разъ численнѣйше у насъ плодами литературными, и стараемся пріобрѣсти собѣ, о сколько можно, полное знаніе современной словесности, преимущественно домашной, галицко-русской. Читанье русскихъ книжкокъ, якого бы они ни были содержанья и формы, стало уже у насъ необходимою потребою, которой абы хоть указаньемъ на явленья литературными удоволити, намирли мы сообщати въ нашомъ „Галичанинѣ“ подробныя библиографичныя извѣстія по части нашей же домашней словесности. Для той цѣли собраны вже у насъ богатые матеріалы, которые власне

однако аж до II-го выпуска „Галичанина“ едино для того отлагаемъ, же днесъ, коли печатанье I-го выпуску кончатся, получили мы значительный запасъ изданныхъ недавно въ Петербурзѣ украинскихъ сочиненій, — а тіа, яко свѣжо до насъ отъ братной Украины явившіися гости, вымагають нынѣ преимущественного увзглядненья.

Взмагающеся стремленье къ ближайшему сообщенью литературному съ за-кордонскою Мало-Русію, яко же и растуцій повсюду духъ взаимности славянской побужають и насъ мало помалу росширяти искаючительное становище наше по части словесной, выкликують и въ насъ потребу ознакомленья съ производами литературъ соплеменныхъ, которми за условіемъ взаимности успѣвати могутъ тѣмъ живше и природнѣйше, оразъ и выполнять себе съ рѣвною для всѣхъ корыстію. Оже соумѣстнымъ уважаемъ мы въ библиографичной части „Галичанина“ не разъ вниманіе звертати также на словесны дѣла Велико-Руссовъ, Поляковъ, Чеховъ, Словаковъ, и южныхъ Словянъ, особливо же въ томъ случаю, если дѣла сіи и насъ Русинѣвъ могутъ обходити.

Добрый примѣръ таковой взаимности для насъ Галицкихъ братьей показалъ недавно литературный органъ Украины, выходящій отъ начала 1861 г. въ Петербурзѣ подъ заглавіемъ „Основа.“ Въ шестой сегодочной книжцѣ той „Основы“ (за мѣсяць Червецъ 1862 г.) помѣщена статья съ заглавіемъ „Библиографическій Указатель Галицко-русской литературы, составленный Вл. Изм. Межовымъ. Посвящается Я. Ѳ. Головацкому.“ Въ той статьи наведены галицко-рускіи книги, временописи и брошуры, якіи являлись отъ 1837 до первыхъ мѣсяцовъ 1862 г., числомъ 253. А хотя списъ тыхъ книжокъ оказуесь намъ еще месовсѣмъ полный, за то особенного вниманія нашего достойне есть предисловіе до сего „Указателя“ изъ стороны Редакціи „Основы.“ Не можемъ повздержатись, абы се предисловіе вполнѣ ту не навести. Оно звучитъ дословно:

„Галицко-руське, или Русинское,*) племя къ намъ ближе всѣхъ Славянскихъ племенъ, живущихъ подъ чужеземными правительствами. Русины кровные братья наши. Печальная судьба оторвала ихъ отъ Русскаго міра, и насильственно ввела въ круговоротъ двухъ враждующихъ народностей. Представители сильнѣйшихъ народностей — польской и нѣмецкой, не щадили въ Русинахъ ничего: не были пощажены у нихъ ни вѣра, ни языкъ, ни обычаи, — ни одно изъ священныхъ правъ челоуѣка. Незванные, непрошенные опекуны обращались съ несчастнымъ народомъ какъ средневѣковые побѣдители съ побѣжденными... если не хуже. Самымъ тяжкимъ ударомъ, для Га-

*) Выраженье: „Русинское,“ у насъ вовсе неупотребляемо, придумано и заводитьсянынѣ Поляками и Велико-Руссами для различенья мало-русского племени отъ велико-русского. У насъ существуете имя „Русинъ.“ но прилагательного „русинскій“ нигде рѣшительно нѣтъ; вмѣсто того умиваєсь въ народѣ постоянно: „рускій.“ Изд. Гал.

ляцкой Руси, было — отступничество дворянства и затѣмъ — разрывъ между образованнымъ, богатымъ сословіемъ, и простымъ народомъ. Кромѣ разныхъ общихъ для той и другой стороны — бѣдствій, этотъ разрывъ отразился и на народномъ языкѣ и литературѣ: подъ враждебными вліяніями, они не могли развиваться. Казалось, духъ народа, полнѣе всего выражающійся въ словѣ, былъ подавленъ на вѣки... Но и Поляки, и Австрійцы ошиблись въ своихъ расчетахъ: едва Русины успѣли вздохнуть свободнѣе — они и въ цѣпяхъ неволи вспомнили родные звуки и запѣли пѣснь жизни. Правда, въ этой пѣсни слышатся часто фальшивыя ноты: но какъ не бытъ имъ въ фальшивой -- невольницкой — жизни? Довольно и того, что народъ желаетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть по своей природѣ и уже имѣетъ своихъ представителей между образованными людьми, — что онъ хочетъ итти собственной дорогой, что онъ искренно ищетъ свѣта жизни, и заявляетъ свои благородныя стремленія тѣмъ словомъ, какое кажется ему пригоднѣе для выраженія его пробудившагося самосознанія. Часто Русинъ пользуется орудіемъ, существующимъ для выраженія иныхъ потребностей, духовныхъ и вещественныхъ: ничего... пусть Русинъ пытается выражать себя на чужомъ языкѣ,*) пока не выработаетъ своего: когда будетъ у него что сказать такое, что собственно его уму и сердцу, его жизненной обстановкѣ, его прошедшему и настоящему, — въ чемъ должна сказаться его собственная дума, Русинъ броситъ подражательность, и выразитъ себя своимъ роднымъ, самобытнымъ словомъ... Такъ было и будетъ не съ однимъ Русинскимъ народомъ, не съ одной его словесностью...

Нынѣшняя Русинская литература еще очень молода. Начало ея можно отнести къ тому времени, когда Австрійское правительство слѣдуя знаменитому правилу *divide et impera*, и испуганное движеніемъ Польско-шляхетской партіи, разрѣшило, въ 1849 г. Русинамъ, кромѣ разныхъ льготъ, печатать книги русскими гражданскими буквами (гражданкою). Съ 1849 года немного прошло времени, а между-тѣмъ, въ Галицкой литературѣ, уже видны несомнѣнные слѣды своеобразной умственной дѣятельности. Будемъ надѣяться, что развивающееся съ каждымъ днемъ, общеніе между народами и другія благопріятныя обстоятельства, дадутъ намъ болѣе средствъ и возможности — узнать покороче нашихъ братьевъ, уразумѣть вполне ихъ положеніе и борьбу съ враждебными стихіями, и одѣннть великую пользу взаимнаго сближенія.

*) Ред. „Основы“ розумѣе подъ тѣмъ выраженьемъ на той чужій языкѣ, котораго въ р. 1848 оставлено намъ „еще до часу, ажъ пока рускій не выработается,“ але языкѣ велико-русскій. Недорозумѣнью тому дае безсомнѣнно поводъ наша исторична правопись словено-руска, котора по близко-похожимъ правиламъ уживаеся вправдѣ также въ письменности велико-русской, но котора мимо того вовсе не дѣлае нашъ мало-русскій языкѣ по произношенію и формѣ языкомъ велико-русскимъ. Предметъ той постарается при нишой способности блявше пояснити.

Благодаря содѣйствію почитнѣйшаго Львоськаго професора, Якова Теодоровича Головацкаго, и гакже съ помощію разныхъ каталоговъ и книгопродавческихъ объявленій, — Вл. Изм. Межовъ составилъ тотъ дорогой для насъ, по своей полнотѣ и новости, указатель Русинской словесности. Думаемъ, что за помѣщеніе его будутъ благодарны многіе, съ теплымъ и разумнымъ участіемъ слѣдящіе за всѣми современными явленіями въ Славянскомъ мірѣ, и въ особенности — ближайшіе родичи Русиновъ — Украинцы. — Ред. Основы.“

Украинска словесность.

Г. Даниль Семеновичъ Каменецкій, выдаватель новаго сборника „Украинскихъ пѣсень“ въ Петербургѣ, удоволяючи съ истинно братскимъ благоволеніемъ просьбѣ нашей, прислалъ въ мѣсяцъ Октябрь с. г. до книгарни Ставропигійской во Львовѣ многоцѣнный запасъ новѣйшихъ въ Петербургѣ издаваемыхъ украинскихъ сочиненій, которыхъ списъ тутъ помѣщаячи, исполнимъ на теперъ задачу нашу по части библиографичной. Списъ тыхъ книжокъ велѣвъ по азбучному порядку заглавія ихъ або имени авторовъ и авторикъ. яко то суть:

- 1) Бабуся съ того свѣту, оповѣданія про померші души. Петербургъ въ друкарні П. А. Кулиша 1861. Въ 16. стор. 14. Цѣна 15. кр. а. в.
- Барвінокъ* Ганна: 2) Въ осени літо, оповѣданье. Птб. 1860. Въ 16. стр. 16. Ц. 15 кр.
- „ 3) Лихо не безъ добра, оповѣданье. Птб. 1860. Въ 16. стр. 10. Ц. 9 кр.
- Вовчокъ* Марко (псевдонимъ, властиво М. А. Марковичова): 4) Чари, оповѣданье. Птб. 1860 Въ 16. стр. 17. Ц. 15 кр.
- „ 5) Повістки (народні оповѣданія). 2. изданіе, съ малороссійско-руско-польскимъ словаремъ. Птб. 1861. Содержить повѣсти: Сестра, Козачка, Чумакъ, Сонъ, Горпина (панська воля), Викупъ, Свекруха, Отець Андрій (знай, Лише!), Максимъ Грімачъ, Данило Гурчъ. Въ 8. стр. 158 и словаря 21. Ц. 1 ренск. 50 кр.
- „ 6) Народні оповѣданія. Томъ другій. Коштомъ П. А. Лобка. Птб. 1862. Содержить повѣсти: Два сини, Не до пари, Мелашниця, Чари, Три долі. Въ 8. стр. 206. Ц. 1 р. 50 кр.
- Гоголь* Н. В. 7) Размышленія о божественной литургіи. Изданіе второе, безъ перемѣтъ, П. А. Кулиша. (По велико-руски.). Птб. 1859. Въ 16 стр. VIII и 132. Ц. 90 кр.
- Гречулевича* Василя протоіерей: 8) Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ. Изд. второе, исправленное, Птб. 1857. Въ 8. стр. XII и 203. Ц. 2 р. а. в.
- Продчукъ*: 9) Сіра кобили, оповѣданье Птб. 1860. Въ 16. стр. 10. Ц. 15 кр.
- Каменецкій Данило*: 10) Украинскі пѣсни зъ голосами. Десятокъ первий (Дві пѣсні козацькі, дві бурлацькі, дві жіноцькі и дві дівочькі). Птб. 1861. Въ 16. стр. 28. Ц. 30 кр.

- 11) Казка про дівку Семелітну. Птб. 1861. Ц. 9 кр.
- Казюка* Панько: 12) Півпівника, гишпанська дитська казочка, по-нашому розказана. Птб. 1861. Въ 16. стр. 12. Ц. 9 кр.
- Квитка* Григорій (Основаєнко): 13) Маруся, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. 120. Ц. 1 р. 50 кр.
- „ 14) Салдацький патретъ, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 121 — 151. Ц. 45 кр.
- „ 15) Сердешна Оксана, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 152 — 229. Ц. 90 кр.
- „ 16) Мертвецький великдень, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 230 — 264. Ц. 45 кр.
- „ 17) Добре робя, добре й буде, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 1 — 48. Ц. 60 кр.
- „ 18) Конотопська відьма, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 49 — 156. Ц. 1 р. 20 кр.
- „ 19) Отъ тобі и скарбъ! повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 157 — 192. Ц. 45 кр.
- „ 20) Козирь-дівка, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 193 — 276. Ц. 1 р. 5 кр.
- „ 21) Перекотиполе, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 277 — 320. Ц. 60 кр.
- „ 22) Пархімово сніданне, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 321 — 336. Ц. 30 кр.
- „ 23) Драматическія сочиненія, въ двухъ томахъ. Томъ I-ий. (Томъ II-ий печатається). Птб. 1862. Содержится въ I. Т.: Шельменко, волостный писарь, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ; Шельменко-леньщикъ, комедія въ пяти дѣйствіяхъ; Сватинна на Ганчарівці, малороссійская опера въ трехъ дѣйствіяхъ; Щира любовь, драма въ пяти дѣйствіяхъ. Въ 12. стр. 335. Ц. 4 ренъск.
- Котляревскій* И. П. 24) Писання, зъ ёго портретомъ и картинкою ёго будничка въ Полтаві. Птб. 1862. Содержится въ нихъ: Виргиліева Енеида, на украинську мову перелицѣвана; Наталка Полтавка, украинская опера; Москаль-Чарівникъ, украинская опера; Ода до Князя Куракина. Въ 16. стр. 452. Ц. 2 р. 50 кр.
- „ 25) Наталка Полтавка, украинская опера. (Отдѣльное изд.) Птб. 1862. Въ 16. стр. 80. Ц. 75 кр.
- „ 26) Москаль-Чарівникъ, украинская опера. (Отдѣльно) Птб. 1862. Въ 16. стр. 66. Ц. 75 кр.
- Костомаровъ* Николай: 27) Гетманство Выговскаго (Изъ журнала „Основа“ 1861 г. N. 4 и 7. На велико-русскомъ языкѣ.) Птб. 1862. Въ 8. стр. 112. Ц. 2 р. 50 кр.

- Кулішъ* Пантелеймонъ. А. 28) Записки о южной Руси. Томъ первый. Птб. 1856. Въ 8. стр. IX и 322. Томъ второй. 1857. стр. XIII и 354. Цѣна обохъ томѣвъ 7 реньск.
- „ 29) Чорна рада, хроніка 1662 року. Птб. 1857. Въ 8. стр. 423. Ц. 4. р. 50 кр.
- „ 30) Граматка. Птб. 1857. (Въ школахъ народныхъ на Украинѣ запрещена). Въ 12. стр. 149. (въ переплетѣ) Ц. 1 р.
- „ 31) Григорій Квитка и его повісті. Слово на новий виходъ Квітчинихъ повістей. Птб. 1858. Въ 12. стр. XXXVI Ц. 15 кр.
- „ 32) Повѣсти, въ четырехъ томахъ. (По велико-руски.) Птб. 1860. Въ первомъ томѣ есть повѣсть: Черныя рада, стр. 357.; во второмъ: Алексій Однорогъ, стр. 357; въ третьемъ т. Воспоминанія дѣтства Николая М. стр. 412; въ четвертомъ т. Майоръ, Потомки зданьпровскихъ Гайдамаковъ, стр. 323. Въ 8. Цѣна всѣхъ четырехъ томѣвъ 7 р.
- „ 33) Хата. Видавъ П. А. Кулішъ типомъ другимъ. Птб. 1860. Содержится: Погляявъ на украинську словесность. Коліи, украинська драма (актъ первый) П. А. Куліша, Поезія: Щоголева, Кузьменка, Гребінки, Шевченка, Три слѣзи дівочи. Повѣсти: Чари; Марка Вовчка; Сіра кобила, Иродчука; Лихо не безъ добра. Въ осени літо, Ганни Барвинокъ; Дідъ Мина и баба Миниха, М. Номиса. Въ 8. стр. XXII и 215. Ц. 2 р. 50 кр.
- „ 34) Граматка. (Второе изданье). Птб. 1861. Въ 12. стр. 68. Ц. 15 кр.
- „ 35) Орися, идилія. Птб. 1861. Въ 16. стр. 16. Ц. 15 кр.
- „ 36) Хмельницщина, историчне оповідання. Коштомъ Ѳ. И. Чорненка Птб. 1861. Въ 12. стр. 128. Ц. 1 реньск.
- „ 37) Досвітки, думи поэми. Птб. 1862. Въ 16. стр. 256. Ц. 2 р. 50 кр.
- 38) Листи съ хутора. Птб. 1861. Листъ I и II. Про городи й села. Въ 16. стр. 30. Ц. 15 кр. — Листъ III. Чого стоить Шевченко, яко поетъ народный. Стр. 17. Ц. 15 кр. — Листъ IV. Про злодія у селі Гаківниці. Стр. 29. Ц. 15 кр.
- Мордовцевъ* Данило: 39) Дзвонярь, оповідання. Птб. 1861. Въ 16. стр. 15. Ц. 15 кр.
- Номисъ* М. 40) Дідъ Мина и баба Миниха, оповіданне. Птб. 1860. Въ 16. стр. 60. Ц. 30 кр.
- 41) Очаковська біла, козацьке оповідання. Птб. 1861. Въ 16. стр. 8. Ц. 6 кр.
- 42) Підбрехачъ, оповідання. Птб. 1861. Ц. 9 кр.
- 43) Сіра кобила, оповідання. Птб. 1861. Ц. 15 кр.
- Шевченко* Тарасъ. 44) Кобзарь, коштомъ Платона Семеренка. (Съ портретомъ автора) Птб. 1860. Оглавъ: Думи мої, думи мої. Думки. До Основъ-

ненка. Иванъ Пидкова. Тарасова Нічъ. Гамалія. Катерина. Наймичка. Гайдамаки. Псалми Давидови. Въ 80 стр. 344. Ц. 2 р. 50. кр.

Отдѣльно въ 160 перепечатаны : 45) Тополя, баллада. Птб. 1860. Стр. 13. Ц. 15 кр. — 46) Тарасова Нічъ, поэма. Стр. 9. Ц. 9. кр. — 47) Гамалія, поэма. Стр. 12. Ц. 15 кр. — 48) Катерина, поэма. Стр. 36. Ц. 45 кр. — 49) Наймичка, поэма. Стр. 29. Ц. 45 кр. — 50) Псалми Давидови, переложивъ по-нашому Тарасъ Шевченко. Стр. 17. Ц. 21 кр. — 51) Гайдамаки, поэма. Птб. 1861. Стр. 96. Ц. 60 кр.

Юркевичъ Михайло: 52) Разокъ Намиста. (Поезіи) Птб. 1861. Въ 120 стр. 41. Ц. 1 р. 70 кр.

Вище наведенихъ сочиненій получить можно по указанной цѣнѣ въ книгарнѣ Ставропигійской во Львовѣ. Посредничествомъ тойже книгарни спроважати можъ также инныя сочиненія по дѣламъ Малъ-Руси въ Россіи издавныя, однакомъ належить при заволеніи зложити половину цѣны требуемого дѣла. Къ того рода сочиненія належать межъ инными на пр. слѣдующіи:

Исторія Малороссіи. Соч. Маркевича. 5 томовъ. Москва 1842. Цѣна съ пересылкою (въ Россіи) 10 рублей.

Исторія Малой Россіи. Соч. Бантышъ-Каменскаго, съ портретами, картами и рисунками. 3 томы. Птб. 1842. Ц. съ пер. 9 руб.

Исторія Руссовъ, или Малой Россіи. Соч. Преосвященнаго Георгія Конискаго. М. 1846. Ц. съ пер. 11 руб.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Соч. А. Ригельмана, съ 30 рисунками М. 1847. Ц. съ пер. 4. руб.

Лѣтопись Самовида о войнахъ Хмельницкаго. М. 1846. Ц. съ пер. 1 руб.

О Козакахъ. Соч. Н. Маркевича. М. 1859. Ц. съ пер. 50 копѣекъ.

Историческое сочиненіе о Малороссіи и Малороссіянахъ. Соч. Г. ф. Миллера. М. 1847. Ц. съ пер. 75 коп.

Богданъ Хмельницкій. Соч. Н. И. Костомарова. Два тома. Второе дополненное изданіе. Птб. 1861. Ц. съ пер. 3 руб. 50 коп.

Лекціи по Русской исторіи, Н. И. Костомарова. Выпускъ первый, Русскіе лѣтописи. Птб. 1862. Ц. 50 коп. ср. безъ пересылки.

Литовская церковная унія. Исслѣдованіе М. Кояловича. Птб. Два томы. Птб. 1859 — 1861. Ц. съ пер. 4 руб.

Начало Уніи. Соч. Д. Зубрицкаго; перев. съ польскаго А. Майкова. М. 1848. Ц. съ пер. 55. коп.

Также преуперевати можно въ той книгарни на журналъ „Основа“, складаючи за 12 книжокъ „Основы“ зъ 1861 г. — 10 руб., за 12 книжокъ зъ 1862 г. — 12 руб. съ пересылкою.

Обзоръ югославянської журналистики.

Югославане числять вправдѣ большѣ 10 миліонѣвъ народа, но територіально и политично роздроблені, не совокупились они еще въ литературнѣмъ взглядѣ. Найважнѣйшою перешкодою есть и тутки азбука. Языкѣ Сербѣвъ, пишущихъ славянскою азбукою, не розличается правѣ ничѣмъ одѣ языка Хорватѣвъ, пишущихъ латинскою, — а прецѣмъ до сихъ порѣ не получились наибольше изъ той причины литературы обоихъ тыхъ народѣвъ въ одну цѣлѣсть.

Словѣницѣ есть то по Лужичанахъ найслабша славянська дѣторосль, — и они заледви же тримаются передѣ напирającym изъ всѣхъ сторѣмъ германскимъ элементомъ, але прецѣ посѣдають они найстаршу югославянську часопись „Новицѣ“ (Novice), котри выходять вже одѣ 20. лѣтъ въ Люблянахъ, рязъ на тыждень, а подѣ рд. П. Блейвейса становились они заразомъ политичнымъ, господарскимъ и литературнымъ органомъ. Крѣмъ той выходить еще одна педагогична, для учителѣвъ сѣльскихъ (Tovarsz) и церковна (Zgodnja Dаница) въ Люблянахъ, и литературна (Glasnik) въ Целовцу. Мала ще теперъ за стараньемъ Др. Томна выходить ежедневна политична часопись въ Люблянахъ, але забракло закладового фонда, но не бракло бы читателѣвъ, якъ може у насъ, бо „Новицѣ“ мають до 6000 предплатителѣвъ (на 300,000 всего народу!).

Хорваты мають 2. велики политични часописи, выходящї ежедневно въ Загребѣ: „Narodne Novine“ и „Pozor“, одну въ Карловцу: „Glasnosza“ изъ додаткомъ господарскимъ, и ще одну политичну: „Glasnik Dalmański.“ Крѣмъ того ще одна беллетристична, „Nasze gore list“, 2 педагогични „Napredak“, „Narodna Szkola“, господарська „List gospodarski“, и церковна „List Zagrebacki katolicki.“

Сербы въ Австріи выдають: „Српски Дневникъ“ ежедневно въ Новѣмъ Садѣ и „Србобранъ“ 3 разѣвъ на тыждень. Ще выходять тамже 2. белл. „Яворъ“ и „Даница“ и ще одна для сѣльскихъ учителѣвъ. — Въ княжествѣ Сербскѣмъ мають большѣ политичныхъ часописей: 1) „Српска народностъ“, 2) „Видованъ“ во память св. Вита, которого — то дня Сербы заприсягли собѣ выбитись на волю. 3) Святovidъ, 4) Српске тргвачке новины.

Болгары мають наименьше часописей: 1) Дунайскїй лебедь, политична часопись, котрой рд. П. Раковскїй теперъ замѣнилъ перо на мечъ, — выходила въ Бельградѣ, 2) Болгарія въ Царгородѣ. — Въ Черногорїи выходивъ „Соколъ“, политичнїй органъ князя Миколы.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
ПОЕЗІИ. <i>Александра Я. Кониського</i> : Оганне слово. Доля. Весна и зима. До Мины (вольный переводъ изъ Шиллера). До моря.	1—6
<i>К. О. Я.</i> : Думки. Пророкъ (М. П. Костомарову)	6—7
<i>Ө. Вериволь</i> : Зъ святого Письма (I. Царь Саулъ. II. Пѣсня пѣсень). До дѣвчины. Левъ та барсъ (байка зъ Крылова). Вечерня розмова. Вѣтеръ. Спомирки. Думка. Каторжный. Моя доля	7—11
<i>И. Гушалевича</i> : Наши пѣсни. Пойду свѣтомъ	12—13
<i>І. Федьковича</i> : Ночлѣгъ. Сироты. Думка	13
<i>Луки Данкевича</i> : Гуси. Влѣзлива муха. Волкъ и баранъ	13—14
<i>А. Подольщина</i> : До Молодежи. Згадка за Словянщину	14—15
<i>Емилиана Огоновского</i> : Руска пѣснь	15—17
<i>Ксеофонта Климковича</i> : Святославова могила	17
<i>Павла зъ Щуткова</i> : Дитину ховати, то камѣнь гладати (народна пословица)	17—18
<i>Ю. Ш.</i> : Колыбель дѣда	18
<i>О. Га. Д-га</i> : Въ клясѣ	19
<i>К. А. Х-ва</i> : Не буду съ жениги	19
<i>Александра Духновича</i> : Последняя моя пѣснь	19—20
<i>Александра Павловича</i> : Батькови Духновичу	20
ПОВѢСТИ. <i>Александра Кониського</i> : Паньска воля	21
<i>И.</i> : Школяръ, розказъ Гриця Саламахи, реентого и писателя наукъ въ Цаповѣ (Конецъ той повѣсти слѣдуе въ II. выпускѣ)	35
<i>Алексія И. Торонского</i> : Ганця. Повѣсть зъ житя Подбескидского народа (Лемковъ)	57
ЕНОГРАФІЯ. <i>И.</i> : Село Каменка Волоска	99
ИСТОРИЯ. <i>Антонія Петрушевича</i> : Іосифъ Шумлянскій, первый Львовскій уніятскій Епископъ	117
<i>Тогоже</i> : Историческій очеркъ о состояніи польско Народа (Статья съ 1791 г)	124
<i>Тогоже</i> : Акта относящіяся до затвержденія Капитулы Епископского Собора во Львовѣ	134

	Стр.
СТУДІЯ СЛАВЯНСКІИ. <i>Кипріяна Гарасимовича</i> : Нѣсколько мыслей о студіяхъ Славящины	150
<i>Ивана Ѡ Головацкаго</i> : Зерна для популярнаго сровнанія и познанія достоинства живущихъ славянскихъ нарѣчій	153
<i>Осифа Θεодосовича Щавинскаго</i> : Выводы о началку имени: Русь	159
ПРИРОДОПИСЬ. <i>В. И. Р.</i> : Природа въ горахъ Карпатскихъ (Цѣлеб- ныи жерела въ Подлютомъ, — проѣздка въ околницъ Пере- гиньска).	172
ГОСПОДАРКА въ нашихъ сольныхъ жунахъ, соч. <i>Петра Кочиндыки</i>	180
<i>Тысячелѣтняя память св. Кирилу и Меводію</i> , письмо Погодина	184
СЛАВЯНСКАЯ БИБЛЮГРАФІЯ. Украинска словесность	187
Обзоръ югославянскон журналистики	194

Поправки въ статьяхъ историчныхъ:

на стор. 118	въ 4	строч. зъ г.	стоитъ:	претенлента	вм.	претендента
„ „ 124	въ 11	„ зъ д.	„	ничего и мятежахъ	вм.	ничего о мятежахъ
„ „ 133	въ 3	„ зъ г.	„	по всей вѣрѣ	вм.	по своей вѣрѣ
„ „ 134	въ 5	„ зъ г.	„	Митрополичей	вм.	Митрополичого
„ „ 134	въ 8	„ зъ г.	„	въ Лупку	вм.	въ Луцку

ГАЛИЧАНИНЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

издаваемый

Яковомъ Федоровичемъ Головацкимъ

и

Богданомъ Андреевымъ Дьдицкимъ.

КНИГА I.

Выпускъ II.

ЛВОВЪ.

Типомъ Института Ставропигійскаго.

1863.

ДО ДНѢСТРА.

Днѣстре! водъ русскихъ красо и короно,
Рѣкъ нашихъ стоки тулишь въ свое лоно,
Въ кристалльныхъ струихъ по синивой фали
Шлешь чужинами — генъ ко морской дали.

Въ твоёмъ зеркалѣ лицюешь природа,
Звѣздъ миллиарды зъ небесного свода
Бриллиантне око въ нурты запускають,
Лазурне личко принадно купають!

Въ кѣнты убранный, величавымъ ходомъ
Гордо ступаешь неотмѣннымъ бродомъ,
А погулявши по крутыхъ завояхъ
Плывешь дугою въ зеленыхъ закрояхъ.

Шовковій травы и цвѣтуще зѣля,
Пчоламъ принада, погулька лотыля,
Въ чудесный коверъ по-надъ берегами
Стелятся оку — барвы красотами!

Въ лозахъ щебечуть птичокъ миллионы
Хорошъ пораннымъ Творцу антифоны,
По буйныхъ дугахъ скотина гуляе,
Меланхолийно пастухъ выгравает.

Только оздобы и милой принады
Попритягало и людски осадм;
Тулятся докола въ чудесномъ уроку
Мѣста и села до твоего боку.

О якже любо — но якъ сумно разомъ
Спняешь око величавымъ сказомъ —
На тѣи згарки — вже отцвилой славы,
На тѣи злишки — затихлой державы.

А коли око вблудитъ въ тѣи муры,
Красы увялой стрѣтитъ видъ понурый,
Где то, въ высоки впоисанй ваямъ,
Крѣпость и замки княжески стояли.

Топится память въ задуму глубоко,
Слѣды упадку встрѣчае шо кроку,
А сердце стыгне и кровь ся стинае,
Коли въ минувше гадку посувае!! —

Ктожь, о кто зъ нашихъ въ потирѣ, въ жалобѣ,
Въ томъ великанскѣмъ, всенароднѣмъ гробѣ,
Скитальчимъ крокомъ заблукавъ въ тѣ тыны
Не плакавъ болемъ сироты-дитины? —

Въ грузы запала — колисъ славна Троя,
Тронъ и корона и книжеска зброя;
А де блестяла комната Данила,
Нынѣ муравовъ земля ся укрыла.

Не ма вже свѣдка, шо бы мѣгъ сказати,
Где то стояли книжески палаты;
Стихло, ахъ стихло! якъ въ безмолвнѣмъ гробѣ,
Нарѣдъ въ сиротствѣ, столица въ жалобѣ!

Лишь ты намъ можешь тое розказати
Днѣстре славутный! будешь памятати —
Скажижь намъ батьку, якъ же то бывало,
Поки ще Царство Галицке стояло?

Скажижь, скажи намъ, чи й за дней Данила
Руска родина оковы носила?
Чи Русь николи доли не зазнала,
Стогла заедно, болѣла — рыдала?

Чи та краина, шо ю оплываєшь,
И тая земля, шо ю орошаєшь,
И тїя троны, и тїя столицѣ,
И рускій народъ — то все неблицѣ?

О Днѣстре батьку! загреми водами,
Роствори доно, страся берегами,
Отъ нуртъ Бескида ажъ до морской навь
Выкрый намъ слѣды згаслой нашей славь!

Збери тѣхъ кости, шо полягли въ бою,
Згорни кровь стыглу въ едину остю,
Абы свѣтъ видѣвъ, а потомнїи знали,
Якъ то за рѣлю и аши погубали!

І. Яковичъ. Д.

ЖАЛОБНЫЙ СТИХЪ ПОГАСШОМУ ДРУГУ.

І.

Въ приходѣ сельскомъ съ вежи церковной
Тоскно-печальный роздался звонъ
Взывая овцы паствы духовной,
Пастырю дати должный поклонъ;

Поклонъ послѣданій огдати тому,
 Що днемъ и ночью съ ними дѣлалъ
 Горе и счастье въ церквѣ и въ дому
 И ихъ якъ дѣти свои любилъ;
 Люби якъ дѣти училъ любити
 Бога во вышнихъ, церковь святу,
 Николи брата не оскорбити,
 Да благо будетъ въ небѣ и ту.
 Плачетъ, рыдаетъ звонъ на звоницѣ,
 На крылахъ вѣтру розноситъ жаль:
 Бѣдныхъ сиротъ и бѣдной вдовицѣ
 Грудь розрываетъ тяжка печаль.

II.

Въ лонѣ святыни сгаслого тѣло:
 Вдругъ катафалка тридцать свѣчокъ,
 А у подножья вонне кадило —
 Образъ стремленя къ Богу гадокъ;
 На трумнѣ чаша, съ нейже покойный
 На животъ вѣчный Паству кормилъ;
 Въ церквѣ численный людъ богобойный,
 Знать, що усопшій былъ пастыръ милъ.
 Тѣло елеемъ ужъ намастили,
 Смыли рососою воды святой,
 И цѣлованьемъ съ нимъ ся простили,
 Умолякъ на хвилю печальный строй.
 И двига съ церкви людъ слезно-робкій,
 Сновь погребальный озвался гласъ:
 „Святый Боже, святый крѣпкій,
 Святый безсмертный помилуй насъ.“

III.

Друже! отходишь въ земну хатину,
 Где сплать предолгимъ, глубокимъ сномъ;
 Хоть грѣть солнце въ лѣтнюю днину,
 Мертвеца кости сцѣплятся льдомъ;
 Взлелѣеть вѣтеръ цвѣтки плохивы,
 Не поцѣлуешь твоего лица.
 Тамъ не учуешь пѣснь русской дѣвы,
 Ни жаворонка, ни соловья;
 Любовь не тронетъ студене сердце,
 Не приголубишь милой жены,
 Тебе муравы вскрыеть коверце
 И брыла мокрой, сырой земли.
 Хоть улыбнется ранное солнце,
 Безмолвной ночи прогонять мракъ:
 Но, охъ! не глянетъ въ твое оконце,
 Въ твоихъ зѣницахъ потухнулъ зракъ.

IV.

Однако, друже! хотя обитель
 Твоя студена, темна, узка:
 Будешь счастливый, нежели житель,
 Живущий въ свѣтъ середь рая.
 Для тебе сгасли радости свѣта,
 Но съ ними таюжь смутокъ исчезъ;
 Тиха дремота, въ вѣчность одѣта,
 Тамъ затворяетъ источникъ слезъ
 Тамъ вразъ съ дремотой миръ нерушимый
 Скипетръ владѣнья въ рукахъ держить,
 И шо въ житю былъ непремримый,
 По смерти мирно съ ворогомъ спить.
 Тамъ ты не тронуть боли ни горе,
 Тамъ не розлить ты паляща страсть,
 Тамъ ся не пѣнить сомѣнній море:
 Лучша, хотъ въ гробѣ, твоя участь!

V.

Въ свѣтъ за счастьемъ толпятся люди,
 Предъ нимъ чоломъ бьютъ бѣдакъ и царь;
 Но счастье лестно, всегда и всюды
 Не по заслугамъ дѣлится свой даръ.
 Лукавецъ ловить золото, чести,
 О немъ весется добрая вѣсть;
 А праводушный не зная лести,
 Въ нуждѣ, незванный дни свои ѣсть.
 Тутъ клеветливый въ словесъ калужъ
 Мараетъ имя честныхъ людей,
 Свѣтло животне въ душевной сгужѣ
 Гасить убійци лютой борей.
 Обманщикъ съ ложи сбиваетъ тратвы,
 На легковѣрье пускаетъ въ плавь,
 Употребить онъ неразъ и клятвы,
 Щобъ лишь у своей пристани стать.

VI.

Такъ ростеть, друже! въ сей земской жизни
 Помежи рожи терять и осеть,
 Но незмутиме счастье отчизны,
 Где духъ твой правый снаеть отчетъ.
 Съ слезою въ оку пускаю грудаку
 Сырой земли на трумну твою,
 Но въ томъ тяженькомъ розлуки смутку
 Тѣшитъ надѣя душу мою:
 Ты Бога, церковь и своихъ ближнихъ
 Любилъ, якъ кажетъ законъ Христовъ,
 Тожъ духъ твой отанетъ въ хоромахъ вышнихъ,
 Где цвѣтеть радость во вѣкѣ вѣковъ,

Где нѣтъ печали, ни воздыханья,
Где всѣхъ голубить Божа любовь.
Прашайже друже мой! до свиданья!
На другомъ свѣтѣ узримся снова!

М. О. П.

ДРУЖБА, ГОСТИННОСТЬ
И ПѢНЬЕ.

Весело братья! въ томъ колѣ,
Друзья не знаютъ облуды,
Що было предкамъ по волѣ,
Воспойми съ радостной груди:
Дружба, гостинность и пѣнье,
То предковъ нашихъ имѣнье.

Гостинность каждому рада,
Ие любу видить прашанья;
Въ прашаньи сердцю отрада
Гостинный зовъ: до свиданья!
Гостинность предки любили
Съ колыски ажъ до могилы.

Дружба проводникъ незмѣнный
На земскомъ томъ бездорожьи,
И въ счастья бисеръ то цѣнный,
И въ горѣ стелить намъ рожи.
Дружба чи въ мирѣ чи въ бою
У предковъ была красою.

О! пѣнья дивныя стезы:
По волѣ движеть грудь нашу,
Осушить, вытиснетъ слезы,
Льетъ нектаръ смертному въ чашу.
И наши предки играли,
Тай въ горѣ, счастью свѣтали.

Друзья! гостѣмся и поймы,
О! поймы родными звуки!

Кто видѣлъ наши соймы,
Не схочеть знати розлуки.
Дружба, гостинность и пѣнье
Живуть посредѣ насъ нынѣ.

М. О. Попель.

КІНЕЦЬ ДУНАЙСЬКОЇ ДУМИ*).

„О безумне хлопство!
Сліпі въ тебе очі:
Подивися — наступає
Хмара одъ півночи!

„Не хотіло ясній
Шляхті догожати;
Вкриє тебе нічъ на вѣки
У похилій хаті.

„Не хотіло панству
Повидну робити;
Буде тобі до роботи
Блискавка світити!“

VI.

„Правда ваша, правда:
Темна нічъ надходить . . .
Довго, довго въ Україні
Сонечку не сходить!

„Мертвимъ сномъ опочинемъ
По тяжкій роботі;

*) Первая половина „Дунайської думи“ П. Кулиша напечатана была въ „Основѣ“ (за мѣсяць Октябрь 1861), а оттуда перепечатана въ „Досвіткахъ“ (особно въ сборничку стихотвореній П. Кулиша, изд. въ Петербургѣ 1862); друга половина (власне тогъ повысшій „Кінець Дунайської думи“) печатається тутъ єъ первый разъ по рукописи самого автора, на желанье которого и правопись его ненарушило ту задержана. („Досвіткы.“ въ которыхъ помѣщена перва половина сеп думы, ижебно уступы I, II, III, IV и V, продаются въ Славропийской книгарнѣ во Львовѣ по цѣнѣ 2 р. 50 кр. а. в. за екс) Изд.

Чи до-віку намъ лежати
У темній темноті?*

VII.

Прокинулись люде:
„Ой де жъ наша сила,
Що шаблею, мовъ косою,
Панство покосила?“

„Ой припадімъ, браття,
До землі сирої:
Що намъ скажуть батьки наші
Зъ могили німої!“

— „Сила ваша, діги,
Спить у домовині,
Що простяглась підъ землею
По всій Україні.“

— „Домовино славно!
Роскрийсь передъ нами,
Дай намъ глянуть въ твою тайну,
Ясними очами!“

„Домовино славно!
Верни нашу силу:
Дай намъ ще разъ звеселити
Україну милу!“

„Щобъ зновъ Україна
Садомъ процвітала,
И въ холодку дітей своїхъ
Одъ спеки ховала;

„Щобъ росла трава
Не слізми, росом
И хижаківъ не втішала
Своею красою.“

Тихо Дунай, тихо
Несе чисту воду;
Задивилися дуброви
На свою уроду.

Тихо Дунай, тихо
Жовті піски мие.
Якъ згадаю Україну —
Серденько заніе.

Вже й Орда лихая
Съ Криму позбігала,
А ти стоїшь степовищемъ,
Якъ здавна стояла.

Уже й недоляшки
Стали Москалями,
А ти глухо розмовляєшь
Зъ буйними вітрами.

И Дунай сумує,
И Кубань у тузі.
Хто жъ панує — веселитця
Въ Великому Лузі?

Сумно по Сібіру
Вигнанці дубують,
А по селахъ українськихъ
Хижаки панують.

П. Кулиш.

ЗАГУБЛЕНА ДУША.

Бретонська балада
зъ феодальнихъ часівъ.

I.

На ставочку, на кладочѣ
Я рушники прала
И почула — божа птичка
Тяженько зѣтхала.
Т, зѣтхала передъ смертю
Въ останню годину....
Може мати покидала
Дочку сиротину....
У ту пору невѣдоме
Щось мѣнѣ сказало:
— „Чи ты знаєшь, серце Гаю,
Що продана пану?..."

II.

— „Матусенько, голубонько!“
Я ненѣ спытала,
„Скажи моя зозуленько,
Чи правду я взнала?
Буцѣмъ мене, моя мамо,
Дочку твою Гаю,

Запродано богатому
И старому пану?
— „Я не знаю, моя доню!“
Сказала матуся,
„Поди сердце, распитайся
У своего татуса...“

III.

— „Татусеньку, татусеньку
Голубоньку сивый,
Скажи мерщій ширю праву
Дочцѣ несчастливой!
Чи то правда, шо ты мене
Промѣнявъ на злато?
Що продавъ мене ты пану
За велику плату?“
„Дорогая моя доню!“
Одказуе тато,
„Я и самъ сего не знаю,
Спытай своего брата...“

IV.

„Брате милый, брате любый!
Чи правду я взнала,
Що за злато мене, брате,
Ты продаешь пану?“
— „Правду, сестро! ты почула..
Швидко часъ той буде,
Що до себе забѣрати
Тебе панъ прибуде...
Ты продана сестро, пану
За велику плату:
За двѣ сотнѣ карбованцѣвъ
И за стѣлько злата.
Усѣ гроши вже у мене...
Не журись небого!
Годѣ плакати, тужити,
Збѣрайся въ дорогу...“

V.

У панськомъ рыдванѣ
Вже Галю везуть,
И жалѣбно дзвоны
У селѣ гудуть...
Охъ вы дзвоны, дзвоны,
Годѣ вамъ гудѣть!....
Великой болѣ
Въ душѣ не будѣть....

Нехай спочивае
Все лихо на лиѣ,
Легше тодѣ буде
И вамъ и мѣнѣ...
Не згадуйте дзвоны
Вы лѣтъ молодыхъ,
Лѣта вже минули,
Не вернемо ихъ...“

VI.

Гудуть дзвоны!.. Плаче Галя,
Плаче по родинѣ.
„Прощай село мое рѣдне,
Любая крайно!
Прощавайте любі дзвоны
Рѣдного приходу!
Прощай мамо! прощай тату
И увесь мой роде!
Я загину на чужинѣ
Безъ долѣ, безъ волѣ,
Поховають мое тѣло
На чужому полѣ...“

VII.

Ось богатый замокъ и тѣсовый ганокъ,
У будынкахъ пышныхъ панъ старый
сидеть,
Нїкого не має, одинъ позыхае
Передъ нимъ у грубѣ огонѣкъ горить.
Борода вся бѣла лягла на колѣна,
Очи, мовъ уголье у ночі блыщать,
Голова вся сива, карлючкою спина,
На чолѣ высокомъ безпутья печать.
Замки заскрипѣли, дверѣ росчинили
Повбѣгали слуги, наче до царя,
И дѣвчину гарну привели до пана,
Хорошу, хорошу, неначе зоря. —

VIII.

„Отъ-се такъ дѣвчина! отъ-се такъ
калина!“
Голосомъ хрыплымъ обѣзався
панъ,
„Чого-жъ смутна душко! сядися на
лѣжку,
Тобѣ я и грошей и усего дамъ.
Пѣдемо въ комнату, въ тѣсовую хату,

Тамъ собѣ по волѣ будешь спочи-
вать;
Побачишь богато усякого злата
Тамъ будешь зо мною все гроши
считать...“

„Не хочу я пане,
Нѣ грошей нѣ злата,
Красче мѣнѣ дома
Полѣна щипати!
Красче мѣнѣ пане,
Спати на соломи,
Абы бачить нею,
Абы бути дома...“

IX.

„Ходѣмо дѣвчино, ходѣмо рыбчино,
У мой богатый великий лѣхи,
Тамъ солодкий вина, тамъ гарнее пиво,
Ходѣмъ, покоштуемъ зъ тобою по-
троху...“

— „Не хочу я пане
Нѣ вина, нѣ пива,
И безъ ихъ я дома
Вѣкъ була счастлива.
Красче мѣнѣ пити
Зъ того броду воду,
Де я наповала
Батьковську худобу...“

„Ходѣмо дѣвчино, ходѣмо рыбчино,
Купимо хустину, купимо шовкову,
Габову запаску, и наместа вязку,
Купимо сапьянцѣ и юпку баѣву...“

— „Красча мѣнѣ, пане,
Одъ шовку ряднина,
У котрѣй я дома
Вѣ матерѣ ходила.
Красче мѣнѣ, пане,
Выбійку носити,
Абы въ своѣй хатѣ
Зъ ненею седѣти.
Не хочу я, пане,
Ніякого краму,
Пусти зъ честью мене
До рѣднои мамы...“

X.

Огнѣ въ замку потушено,
Пана спати уложено...“

Усѣ спали, почивали,
Що робилося не знали
Тѣлько въ замку щось стогнало,
Да чогось сова кричала,
Щось не добре вѣшвала;
Да у лѣсѣ вовки выли,
Вѣтры буйный голосили.
А якъ свѣту все мовчало,
И сова вже не кричала,
И сѣроманцѣ вгомонились,
Вѣтры буйный ухोмились,
Тѣлько въ замку щось рыдало,
Слѣзы горьки проливало, —
Да про те нѣхто не знаѣ...
Нѣчь собою все укрыла,
Стонѣ за вѣтромъ распустила,
Слѣзы сонечко сушило,
А до сердца — що за дѣло!
Нехай мовчки собѣ тужить,
Тихе лихо всѣмъ байдуже....

XI.

— „Птичко Божа! птичко Божа!
Ты всюди лѣтаешь!
Ты живешь собѣ на волѣ,
Неволѣ не знаешь.
Ты лѣтаешь и щечечешь,
А я сидя плачу, —
Ты свѣтъ увесь оглядаешь,
Я й сонци не бачу!...
Лети птичко въ мое село,
У рѣдну краину,
Поклонись моѣй тамъ ненцѣ,
Що мене родила,
Привитай мого татуса
Старого благого,
Скажи ему, що молюся
Я за его Богу.
Скажи братовѣ, що гину
Не маючи долѣ,
Що рыдаю, погибаю
Въ роскошной веволѣ.
Скажи ему, що за себе
Я его прощаю!
И на вѣки ему счастья
И долѣ бажаю.“

XII.

Усе село покійно спить,
 Усюди нѣчь, усюди тихо,
 Нигде и листъ нѣ шелестить,
 Мабуть усюди спить и лихо!...
 Нехай ще спить, на що будить,
 Колибъ на вѣкъ воно заонуло...
 Такъ нѣ жь! встае усе и те,
 Що вже давнымъ давно минуло!
 Встають дѣла святыхъ людей,
 Встають и мученики правѣ,
 Встають грѣхи, встають на судъ
 Всѣ беззаконники лукавѣ...
 На судъ неволю воля зве,
 Читае вѣчныи скрижалѣ
 И правымъ праве воздае,
 А деспотѣвъ усѣхъ карае....

XIII.

Мине мѣсяць, мине другій,
 Стара мати плаче,
 Старый батько вбивається,
 Що дочки не бачить.
 А братовѣ и байдуже!
 Живе, богатѣе,
 Не згадае про ту душу,
 Що у замку ные...
 Нѣчь настала, шось у дверѣ
 Стукнуло въ хатину,
 И тихимъ голосомъ, скрѣзь слѣзы,
 Такъ проговорило:
 — „Прощай мамо! прощай нене!
 Голубонько сива!
 Помолись за мене Богу,
 Я вже въ домовинѣ!
 Прощай тату! помолись
 За свою дитину,
 Помолѣться всѣ за мене,
 Я вже у могилѣ!...
 Мене, мамо, збездечено, —
 Не знесла я муни,
 И на пана и на себе
 Наложила руки....

А. Я. Кониській.

Полтава 24 Октября 1862.

— ❦ —

ДО РОДИНЫ.

Ой що зъ тебе, — що зроблено:
 Жидамъ тебе запродано,
 Твои нивы поорано,
 Твои степы покошено,
 И могилы роскопано,
 И Сѣчь твою зруйновано
 Родино моя!

Въ наймы тебе заручено,
 На свѣтъ Божій не пущено,
 Твою славу потоптано,
 Твою мову занедбано,
 Речи правды задавлено,
 Думки — мысли придавлено
 Родино моя!

Твои ризы роздрано,
 И худобу роздрано,
 Все — що мала — залучено,
 Зъ дѣтьми тебе розлучено,
 Усю тебе зграбовано,
 Святу волю зрабовано
 Родино моя!

За що жъ тебе такъ скручено?
 За що тебе замучено,
 Въ тюрьму за що посажено,
 И свѣтъ тобѣ завязано?
 И чомъ не рвешся ты на волю
 Изъ каторы, изъ неволи?
 Родино моя!

Цвѣтень 1862 р.

УСЕ ПЛАЧЕ!

(*Д. П. Пильчикову*).

И ты плачешь, и я плачу,
 И усѣ мы плачемъ;
 Бо нѣхто зъ насъ счастья-долѣ,
 На волѣ не бачить.

Вѣтеръ вые, трава ные
 И байракъ сумуе,
 Степь зеленый — половѣ,
 Сѣчь-мати пустуе.

Лѣсъ высокій — лѣсъ широкій —
И той зажурився,
Славуть сивый и шумливый
Слѣзами упився.

И могилы и долины
Разомъ почорнѣли;
Але давно ще, — такъ славно
Вони зеленѣли.

На дзвоницяхъ, — камяницяхъ
Кричить пугачъ „пугу!“
Вѣщуючи Украинѣ
И горе и тугу.

Воронъ криче, — козакъ плаче,
Скиглять сѣроманцѣ;
Стогнуть дѣти козацькїи
Зъ вечера и въ ранцѣ...

Стогнуть, плачуть и здыхають,
Вся Украина плаче;
Бо вїхто зъ насъ счастья-долѣ
И волѣ не бачить. —

ПѢСНЯ.

(*Олень Михайловичъ Филофернъ.*)

Сиротою живу
На чужинцѣ,
Слезы горькїи лью
По родинцѣ!
Зосталась тамъ родня
Моя любая —
Украина моя
Незабута!
Тамъ и батько старый
Сивоусенькїй,
Тамъ дѣвчина моя
И матусенька...
Якъ згадаю про ихъ,
Про невольку,
Про загубленцю
Нашу доленьку;
Про бунчукъ, булаву,
Про гетьманщину,
Про ту волю лиху,
Про казачщину:

Стане тяжко мѣнѣ
На чужинцѣ, —
Слезы лью, слезы лью
По родинцѣ...

НЕ ПРИЗЫВАЙТЕ ВСУЕ БОГА!

Не призывайте всуе Бога,
Не призывайте вы Христа,
Не оскверняйте вы ститого
Животворящего хреста!
Христось учивъ народъ любити,
И за народъ Христось страдавъ;
А вы грабуєте освѣту
И те, що Богъ народу давъ.
Христось носивъ вѣнецъ терновїй,
Святую кровь свою проливъ,
Своею смертію святою
Народъ зъ неволѣ искупивъ,
А вы народъ рабомъ зробили,
Братѣвъ за гроши продали,
Народъ у тернїяхъ водили,
И потъ и кровь его пили.
Не христїяне вы! — Іуды!
Цѣлуєте вы хрестъ святой,
А хрестъ народовїи на груди
Що-дня вы кладете тяжкїи.
Вы горшѣ Іуды! Той вдавився,
Вы тими грѣшми живеге,
Що меншїй братъ для васъ трудився,
И брату жить не даете!..
Не призывайте жъ всуе Бога,
Не призывайте вы Христа,
Не оскверняйте вы Святого,
Животворящего Хреста! —

НЕ ВѢРЮ КЛЯТВѢ Я РАБА.

Не вѣру клятвѣ я раба;
Бо правды рабъ не знае,
Не вѣру я слезамъ раба;
Бо слѣзъ въ раба не мае.
Не вѣру я рабамъ-панамъ,
Бо вѣры въ ихъ не мае,
Вони давно свого Христа
На идолѣвъ змѣняли.
Не вѣру панськой добротѣ;

Бо сердца панъ не мае,
 Правивый зъ серцемъ чоловѣкъ
 Братѣвъ не обижаетъ.
 Кажу: не вѣру я панамаъ,
 Вони нѣ въ що не вѣрятъ,
 Вони зъ жѣнками, и зъ дѣтьми,
 Зъ собою лицемѣрятъ!
 Се фарисеи нашихъ днѣвъ,
 Тѣлько хрестомъ покрытъ,
 Брехнею спутани кругомъ,
 Неволею повитѣй.
 Не той ихъ Богъ, що въ небесахъ,
 Що на хрестѣ роспятѣй,
 Ихъ богъ брехня, ихъ гроши богъ,
 Ихъ богъ — ихъ рабъ богатѣй.

ДО В. В. ЛОБОДЫ

Де ты друже? де ты брате?..
 У невольнѣй седишь хатѣ,
 У затворахъ изнываєшь,
 За святѣ — святѣй страдаєшь.
 За народню справню долю
 Узяли тебе въ неволю,
 Батька зъ дѣтьми розлучили,
 Жѣнцѣ сердце отруили...
 И за вѣщо тебе брате
 Мучить ворогъ благодатѣй?
 И за вѣщо милѣй друже,
 Розтерзали твою душу?
 Не журися, укрепиися,
 Не журися брате!
 Часъ настане — Богъ ўстане
 На лютого ката!
 Судомъ правимъ, не лукавымъ,
 Богъ усѣхъ розсудить,
 Розобѣ тяжки кайданы,
 Роздрвуться пута!
 И по Божому глаголу
 Устануть Славяне,
 Воцарится правда, воля,
 А кривды нестане.
 И здивуются лукави,
 Окаянни люде;

Стануть каятися, да пѣзно,
 Воротья не буде.
 Оцѣмѣють окаянни,
 Замовкне ихъ слово,
 Не посмѣють апостоловъ
 Вони сквернословить.
 А озвуться — грѣмъ удерить,
 Замовкне ихъ слово,
 И пожре огонь лукавыхъ
 Дѣтей Вавилона . . .

Полтава, 1го Октобрія 1862 р.

НА СМЕРТЬ Я. Г. КУХАРЕНКА*) (Степану Як. Кухаренкови).

1.
 Чого, чого въ Чорноморѣи
 Въ усѣ дзвонѣ задзвонено,
 Въ таламбасы забубнено,
 Въ сурмы-трубы затрублено?..
 Чого, чого въ Чорноморѣи
 У гарматы ударено,
 У ружницѣ запалено,
 Такъ жалѣбно заплакано?..
 Чого, чого полки идуть
 Такъ жалѣбно зѣтхаючи,
 Такъ голосно рыдаючи,
 Труну слѣзми обливачи?..
 Чію, чію труну везуть,
 Кого въ труну положено,
 Кого въ житѣя подкошено,
 Зъ божимъ свѣтомъ розлучено?..

2.
 То задзвонено по хозяйну
 Чесному и замѣжному,
 До воленьки прихильному,
 Вѣрному, непохибному,
 По славному по отаману!..
 То забубнено, затрублено
 По бравому панцернику,
 Храброму характернику,
 Не зраднику, а пораднику

*) Кухаренко бувъ щирѣй Украинецъ, Чорноморскій Генералъ. Умеръ въ первыхъ дняхъ
 Листопада 1862 р.

Свого краю служъ вѣрному!..
 По любому, по батеньку
 Заплакали, рыдаючи,
 Надѣньки не маючи,
 Вороговъ проклинали,
 Чорноморськи всѣ козаченьки!..

3.

Заплакало Чорноморье,
 Свѣчь заголосила,
 Предковская ѳи слава
 Лежить у могилѣ.
 Заплакали очереты,
 Зашумѣли лозы...
 Выливайтесь слова мои,
 Выливайтесь слѣзы!
 Плачте, плачте козаченьки,
 Плачь вся Украина;
 Бо не стало найкращого
 Козацького сына!
 Нехай гудуть сумно дзвонь,
 Голосять гарматы,
 Вже не буде Кухаренко
 Козакѣвъ сликати.
 Вже не встане орель сизый
 Коруговъ підняти...
 Ой хтожь буде Чорноморцѣвъ
 Теперъ ратовати!..

4.

Чорноморцѣ, брати мои!
 Підборкани орлы мои!
 Зберѣтесе у громаду,
 Да порадѣте власну раду:
 Що безъ батька намъ робити,
 Якъ намъ лихо задавити?
 За Кубань васъ выселяють,
 Край вашъ рѣдний одбѣрають,
 Скасовують вашу долю,
 Якъ овець женуть въ неволю...
 Хтожь теперъ за васъ озвется,
 Словомъ правды одкликнется?..

Сами братья уставайте,
 Свою матѣрь выручайте,
 Краще братья всѣ умрѣте,
 А воленьку боронѣте;
 Не то!.. батько изъ могилы,
 Якъ почуе вражу силу,

Що вона у вашомъ краю
 Ваше право занедбала:
 Вѣнь устане васъ карати,
 Зрадниками дорѣкати:
 И на того прокѣднѣ ляже,
 Хто ворогу не докаже,
 Що жива ще ваша доля,
 Що не вмерла ваша воля,
 Що вы справдѣ сыны щирі
 Чорноморья ѳи Украины!..

10 Листопаду 1862 р. У Полтавѣ.

ЖУРБА.

Не хочу я, щобъ люде знали,
 Чого душа моя бажає,
 Чого такъ нудитсе, болить,
 Чого ѳи тяжко въ свѣтѣ жить.

На вѣщо людянь тее знати,
 Що мусить жалю задавати!
 На вѣщо имъ казати про те,
 Що въ мене высшее святе?

Замѣсто щирои утѣхи,
 Буває стрѣннуть гѣрцькимъ смѣхомъ
 И вразить сердце ажъ до дна..
 Чужа печаль усѣмъ смѣшна.

Чужее лихо всѣмъ байдуже!..
 Нехай же мовчки сердце тужить,
 Нехай мовчить — кого коха,
 Нехай мовчить — чого бажа...
 —

ПОКРЫШКА

Жено, жено! усѣ тебе
 Покрышкою дорѣкають,
 Всѣ одъ тебе утѣкають,
 Головами всѣ кивають,
 Якъ зустрѣннуть жено тебе...

Щожъ ты, жено! имъ зробила?
 Нїхто того не пытає,
 И нїхто про те не знає,
 А тымъ тѣлько дорѣкають,
 Що дитину ты родила...
 —

Сестро-жено! не журися!
Ты свѣй грѣхъ вже тымъ скупила,
Що такъ широко ты любила,
И зъ любви себе згубила...
Не плачь сестро, я молися!..

Нехай люде тебе судять
А Господь тебе прощас,
За любовь грѣхи знимае,
За любовь у рай пускае...
Одни люде любовь гудять

СИРОТА.

Кругомъ куряво лягае
По битѣй дорожъ;
Пѣль вербою сиротина
Утирае слезы.
Безбатченко, босый, голый,
Роду бѣгъ не знае.
До прохожихъ, до проѣзжихъ
Руку простягае.

Христа ради людей молить,
На хлѣбъ ему дати,
И одъ смертѣ голодной
Просить ратовати.
Люде ѣдуть я не чуютъ,
Сироту минають...
Даромъ слезы сиротськин
Землю поливають.

О Ч И.

И на що, Боже, очи черни,
Таки ясни, таки моторни
Ты показавъ отъ-сѣ мѣнъ?
Хиба на те, щобъ сердце мѣло,
Душа, кохаючи, болѣла
И разъ у разъ пеклась въ огнѣ!
Ажъ знаешь ты Святый, Великий,
Якъ тяжко серденьку любити,
Коли въ одвѣтъ любви не ма?
Тай на що жить тодѣ на свѣтѣ,
Коли вже боязко й любити,
Коли любовь, якась, мана?
Пошли Ты такъ, щобъ до могилы

Мѣнѣ очицѣ сѣ свѣгили,
Тодѣ не жаль и умирать.
Коли жъ на те я, Боже, очи
Отъ-сѣ узрѣвъ ясни-дѣвочи,
Що бѣ цѣлый вѣкъ просумовать:
То краще вырвать сердце зъ тѣла,
Або зробити, щобъ зкаменѣло
И бѣльш не важилось любить,
А то колибъ одъ болю й муки
Не наложитъ на себе руки...
И годѣ дурно въ свѣтѣ жить.

САМА ДО СЕБЕ.

(Ганнѣ Миколѣевнѣ С...).

Насадила на городѣ
Зеленой руты,
Не на счастье, на недолю,
На горьку отруту.

Нехай цвѣте нехай спѣе,
Бѣльше силы буде;
Пора прійде — я напыюся
И жити не буду.

Жить не буду и забуду,
Що я сердце мала,
И своего сердца горячего
На цепь не ковала.

Жить не буду, и забуду,
Що змѣнить не вмѣла,
Що кого разъ покохала —
Того вѣкъ любила.

Жить не буду и забуду
Тѣ карые очи,
Що колмсь я цѣловала
Въ любя середь ночи.

Жить не буду, все забуду,
На що споминати?
Безъ споминнокъ легше буде
Въ могилѣ лежати.

Тамъ не будутъ дорѣвати
Мѣнѣ сердцемъ люде;
Тѣлько зрады невѣрного
И тамъ я не забуду...

НА ПРОЩАНЬЕ.

Г. М. С.

Ше година, ше хвилина
 И васъ вже не буде,
 Забдете вы далеко,
 Тяжко безъ васъ буде.
 Стане вечеръ и приду я
 Зновъ у бѣлу хату,
 И почну я теплымъ словомъ
 Про васъ споминати.
 Нагадаю про ту пору,
 Якъ вѣстѣ сидѣли,
 Якъ дивились пильно въ очи,
 Якъ слова нѣмѣли,
 Якъ спорились, якъ сварились,
 И якъ ворожили,
 Якъ смѣялись, пустовали,
 Якъ въ школу ходили;
 Тѣмъ горы Павленскіи,
 По котрымъ ходили;
 Тѣ дорѣжки узенькіи,
 По котрымъ блудили;
 Усе тое я згадаю,
 Згадаю Ганнусю...
 Нагадаю, зарыдаю,
 Тяжко зажуруся...
 Споминайте и вы мене
 И бѣлую хату,
 Споминайте невеличку,
 Да щирю громаду.
 И на память, у садочку,
 Щобъ насъ не забути,
 Насадѣть вы барвѣночку,
 Любистку и руты;

Якъ барвѣнокъ почорнѣе,
 Зеленѣтъ нестане, —
 То примета, що вже мене
 На свѣтѣ не мае...

МОЯ ЛЮБОВЬ.

(Ганнѣ Викентьевнѣ П. . .)

Була пора — знававъ и я
 Дѣта веселы паробочи;
 Була пора — любити и я
 Дивитися въ блакитни очи!
 Була пора — не разъ и я
 Безъ сну одинъ проводивъ ночи;
 Не разъ слѣзми вливавсь и я
 Черезъ пѣснй весели дѣвочи.
 Була пора — и въ мене кровь,
 Мовъ хвиля въ морѣ, бушовала,
 Була пора — я внавь любовь,
 Була пора — й мене кохали!..
 Теперь не те — друга пора,
 Друга любовь теперь настала;
 Любовь до волѣ и добра
 Мене на вѣки закохала.
 И важше сѣя, нѣжъ та, любовь,
 И душу й сердце роздирае,
 И гѣрше сѣя хвилюе кровь,
 И гѣршу тугу навѣвае.
 Уже сю любовь не вдоволишишь,
 Нѣ поцѣлуемъ, нѣ коханьемъ,
 Тутъ больше мукъ и слѣзъ терпишь
 Одъ безконечного бажанья...

Ө. Вериволя.

ЦѢСНЬ БЫВШОГО ПОДДАНОГО.

Дѣти мои милы, любезны соколы,
 Позрите, якъ тяжко въ ярмѣ тягнуть воли.
 Не доавна и мы такъ тяжко робили,
 Ахъ, насъ непрестанно на панскомъ трапили.
 Мы дармо робили, тяжко працювали,
 Во дни ани ночью покоя не мали.
 Робили мы бѣдны отъ свѣта до мраку
 За подду чверточку скленяного знаку.
 Горьки прегоречны были наши працы:
 Чести намъ не дали ани жадной плацы,
 Але, слава Богу, зломилося ярмо;

Въ котромъ мы якъ воли тягали задармо.
 Слава Богу грозны законы устали,
 А намъ чловеченства право святе дали.
 Скончалася нашихъ праѣдовъ покута,
 Ярмо поламане, поторганъ пута.
 Богъ далъ равнопрывность, святую слободу,
 Сонце правды свѣтитъ русскому народу —
 Тоты божи дары, дѣти, сохраняйте,
 До ярма запрягча никада ся не дайте!
 Волите я саме житья утратити,
 Якъ въ нечастномъ рабствѣ на томъ свѣтѣ жити.
 Жійте дѣти честно, Бога прославляйте,
 Храньте свою власность, чуже не жадайте,
 Працовито свои управляйте поля,
 Счастливица якъ наша буде ваша доля.
 Вамъ буде о много легше якъ намъ жити,
 Старайтеса силы розума розвити!
 Розвивайте въ сердцахъ чувства побожности,
 Развивайте почки русской народности!
 Вѣра да народность — блаженности мати
 Духомъ русскимъ велить Бога прославляти.
 Азбука священна отцовъ сокровище,
 Она намъ всѣмъ мати, дя насъ прибѣжище;
 Азбукою ваши умы просвѣщайте,
 Дя ней жизни вашей цвѣты посвящайте.
 Азбука священна жизни нашей мати
 Вѣнцемъ славы будетъ Русскій родъ вѣнчати!

Александръ И. Павловичъ.

БУРЛАКЪ.

Поки мой батько жилъ,
 Добрый я газда былъ;
 Якъ отца не стало,
 Газдовство пропало,
 Я вшитѣо пропилъ.

Поалый я газда днесъ,
 Ганьбюся яко песь,
 Хожу оторганный,
 Бридкій, заваланный —
 Я ги циганъ днесъ.

Я уже не знамъ,
 Что чинити мамъ,
 Ахъ нѣтъ съ чого жити,
 Где ся маю дѣти,
 Ни мяя гевъ, ни тамъ

И самъ не знаю,
 Где долги маю:
 Съ каждой страны просятъ,
 Долги листы носятъ:
 Давай гроши намъ!

Но я силу маю,
 И робити знаю,
 Буду честно жити,
 И на хлѣбъ робити,
 Что псота знаю.

Ахъ я блудно жилъ,
 Неврестанно пилъ;
 Перестану пити,
 Во груди ся бити:
 Бо я согрѣшилъ.

А. И. П.

ДУМКИ ИЗЪ БУКОВИНЫ*).

I.

Мавъ я рожу бѣлу, красну,
Цвѣта въ день и въ ночи,
Полюбивъ я одно дѣвча
Черезъ черны очи.

Перестала моя рожа
Цвѣсти бѣло, красно,
Перестали мои очи
Тай сіяти ясно.

Якже рожѣ красно цвѣсти,
Осень приближае,
Якже оку та сіяти
Сердце омѣвае.

II.

Ты дѣвчино молоденька,
Чомъ ты такъ сумненька,
Не смутися, не тужи ты,
Бо шесь молоденька.

Якъ же менѣ не тужити,
Що наймильше мѣ мала,
То ѡтъ мене могилонька
Та чорненька взяла.

Могилонько! ты сумненька
Я далѣ загину,
Прійми, прійми до хлопчини
Молоду дѣвчину.

III.

Дѣвчинонько ты маленька
Мицла дѣвчинонько,
Чогожь ты ся засмутила
Бѣднажь головонько?

Приславъ милый соколонька
Изъ далекихъ сторонъ,

Вже му краче надъ головковъ,
Черный, темный воронъ.

Якъ менѣ ся не смутати,
Сердце роспукае,
Дѣвчинонька незмѣренны
Слезы проливае.

IV.

Онъ прійшовъ я до ворожки
И ставъ ёй пытати:
„Чи могу я дѣвчиноньку
Ту малу кохати?“

„Ты хлопчино та маленькій,
Хочешь ю кохати,
Маешь менѣ хоть таляра
За чароньки дати.“

„Дамъ ти, дамъ ти ворожитко,
Десять, не одного,
Злучи, злучи съ дѣвчиноньковъ
Хлопця молодого.“

Далажь менѣ ворожитка
Любистку листочокъ,
И казала зъ барвѣночку
Заплексти вѣночокъ.

Той листочокъ дѣвчинонцѣ
Дѣ сердцу притулити,
А вѣночкомъ зелененькимъ
Головку ёй вскрыти.

Ворожитка, та старенька
Добры чары мае,
Дѣвчинонька молоденька
Уже мяя кохае.

V.

Ой ворона чорнокрыла
На могилѣ краче,

*) Съ правдивою радостію читаемъ тѣ думки не ино для того, что суть такъ прекрасны. але же и тоу сочинены они православнымъ священникомъ на Буковинѣ, — въ той Буковинѣ, которая хотя и есть частію святой земли русской, но до того часу отъ православныхъ сыновъ своихъ правъ не участвовала еще въ подвигахъ литературныхъ прочей Руси. Тутъ въ первый разъ православный изъ Буковины присылаетъ намъ первоцвѣты своего поэтического труда, въ которомъ дабы и надалъ съ успѣхомъ подвизался, мы ему усердно желаемъ. — Изд.

А въ дѣвчины сиротинь
Та серденько плаче.

Дѣвчинонька молоденька
Зъ жалю омиѣваетъ.

Козаченька молодого
Ой Татаре вбили,
Середь степу, мертве тѣло
Воронамъ лишили.

Зачавъ коникъ вороненькій
Копытомъ топтати,
Своему пану, козаченьку
Ямоньку копати.

Заржавъ, заржавъ полъ оконцемъ
Коникъ вороненькій,
Погибъ, погибъ Маріанко,
Козакъ молоденькій.

Козаченька молодого
Сыровъ земель вкрыли,
Верхъ могилы высокой
Крестикъ положили.

Съдай, съдай Маріанко
На мня молодого,
Полетимо поховати,
Козаченька твого.

На могилѣ та ворона
Чорнокрыла краще,
А дѣвчина, сиротина
Безконошно плаче.

Разомъ съ вѣтромъ вороненькій,
Степами лѣтаеть,

Исидоръ Воробкевичъ.

СПѢВАНКИ ГУЦУЛѠВЪ*).

I. Про знесенє панщины.

Ой у том Коломы дубовая брама,
Заказала ту панщину контролѣва мама.
А молода контролѣвна нїчого не робить,
Съ хлопцями се¹⁾ записала, въ вербеириць ходить.
Ой она се заказала и хрестъ закопала,
Тогды паны за панщиновъ ревно заплакали.
Куеть, летить зазучка у далекий край, край,
Бо занесла панщиночку на тихий Дунай;
Ой занесла панщиночку сѣла спочивати,
Стьемили се ляшки-панки, яли бановати.
На бануйте вы панове! мы того хотѣли,
Ой мы вамъ се наробили, не мали мы въ вистъ вѣры.
Мы не виѣмъ молотити, наши жѣнки жѣте²⁾,
А якъ будемъ у сѣй Польшѣ теперечки жити?
Хлопъ умѣе молотити, хлопъ умѣе жѣти,
Даютъ паны даютъ грошѣ, не хотѣ³⁾ робити.
Ой дай Боже здорověчко нашему Царевнѣ,

*) Спѣваня тїм, сочинены народнымъ гетемъ ГуцулѠвъ по случаю событїи 1848 и 1849 года, поются въ околїцяхъ Коссова. Повѣщаеъ ихъ тутъ съ соблюденїемъ нѣкоторыхъ отличительныхъ прихѣтъ гуцульскаго нарѣчїа, поясняячи тїмъ примѣчанїями Г. Книгнїцкаго на своеъ мѣсци. Изд.

1) Се вымавляє Гуцулъ вѣсто ся. — 2) Самогласны А и Я въ тыхъ случаяхъ, где они отповѣдають старославянскон носовой ѡ (ѣ), звучать у Гуцула рѣшительно якъ ЁѢ. Навѣтъ въ случаяхъ, где наше Я отповѣдае старославянскому ѡ, выголошуе Гуцулъ иногда якъ Е, на пр. еко вѣсто яко; есно ви. ясно. — 3) хотѣе вѣсто хотятъ.

Шо давъ полекшиночку нашому краевн.
А дай Боже! здоровьечко и нашой царёвнѣ,
Ой то же насъ изробила зъ панамн на рѣвнѣ.

II. Про войну въ Угорщинѣ.

Загадала Ниталія Кѣсарика вбити,
Та хотѣла усѣ гверы канслами палити.
А якъ прійшовъ панъ Радецкій, та не много радивъ,
За два, за три часы добрый Ниталію зладивъ. —
Ишовъ, ишовъ та панъ Кѣсаръ зъ мѣста Кромержу,
Бо онъ мае на серденьку велику огрызу,
А не тмѣй!¹⁾ огрызу мае, шо не мае шо вѣсти,
Але тмѣй угрызу мае, шо не матъ де сѣсти²⁾.
А онъ мае вѣсти, пити, не пріймае трунокъ,
Бо онъ пише до Москаля: ставай на ратунокъ!
Москаль ему описуе, шо я пойти, пойдю,
Менѣ нишо Венгершины бит' лишь до обѣду.
Шобы буи удѣли³⁾ наши сапоньеры⁴⁾,
Якбы не бувъ приславъ Москаль свои каноньеры?
А якъ приславъ свое войско и свои гарматы,
Ажъ тогда се урадовали всѣ наши камраты:
Якежъ було файне мѣсто, яке було ладне,
Якъ оно се называло? отъ вѣдавъ Комарне.
Якежъ було файне мѣсто, муромъ наокола,
Нѣхто его ба не розбивъ лишь Москаль Никола.
Ой якъ яли у Комарнѣ кульками брнѣти,
Заплакали у Комарнѣ и маленьки дѣти.
А якъ яли у Комарнѣ кульками свистати,
Зачѣли ся у Комарнѣ муры розсыпати.
Якъ убили старый косціолъ и середну браму,
То вѣнесли⁵⁾ передъ войска бѣленькую фану.
А якъ вѣйшовъ старый Венгеръ, зачѣвъ ся просити:
А даруйте люде добрый свѣта, не будемъ се бити.
А якъ вѣйшовъ старый Венгеръ, а внавѣ на колѣна:
А даруйте люде добрый! дамъ бутельку вина.
Мы не прійшли, ты Кошуте, твое вино пяти,
Але прійшлисьмы, ты Кошуте, твое жнтье взѣти. —
Перебили⁶⁾ мы бай Кошута, шье⁶⁾ кобы то и Бима,
Тогда бы намъ, тей камраты! шьеслива⁷⁾ година.
Перебили мы Кошута, шье кобы то Турка,
Отакъ Кошутъ той утѣкавъ, якъ зъ лѣса вевюрка⁸⁾.

Сообщилъ Александръ Клягиницкій.

¹⁾ Тмѣй значить: у тому, для того. — ²⁾ Розумѣе, шо не мавъ Царь спокойного и стаого мѣстца; но мусѣвъ зъ одного мѣста до другого переходити. — ³⁾ Удѣли вл. удѣляи. — ⁴⁾ Презрительная назва пѣшихъ воиновъ. — ⁵⁾ Вы - Гуцуль вымавляе ту якъ вѣ (wi). — ⁶⁾ Шье вл. шѣ, еще. — ⁷⁾ шьеслива вл. счастлива. — ⁸⁾ Вевюрка иначе называесть у Гуцуловъ также бѣлиця.

ШКОЛЯРЪ,

розсказъ Гриця Саламахи, реентого и писателя наукъ изъ Цапова.

(Конецъ)

V. Бердега.

А сли несподъваннѣмъ прибытьемъ Бучка Юрій перепудилса не мало, знову настрахалася тымъ паня Чепѣжиха въ дѣвчи только. Ем бо ту ходило не лише о тайну сердца, котрой нежданное выявленье было бы ей цѣло не на руку; но и о другую, въ ея очахъ не менше важную тайну, дотыкающую того, що она не лише передъ очима людей, но и передъ самовъ собою и праведнымъ солнейкомъ глубоко въ землю ховала. Заперла и засунулася що-стигла, въ покою, поприкрывала суммы, а потому тихцемъ въ мѣшки и горниѣ складати ихъ ялась. Дальше и выйшли наши, а до паня Чепѣжихи сталъ духъ чѣмъ разъ смѣлѣйшій ступати.

„Гмъ“ — гадала, то мормала собѣ наша паня — „кобъ не той навѣдженый Бучко! былъ бы може мой плохенькій соколикъ позволи выхопилса съ якимъ теплѣйшимъ словцемъ. Алежь бѣднятко несмѣлое, гей тая четырнадцатъ-лѣтняя дѣвчинна. Но правду сказавши, и не дивота! Ось сиротятко ни тата, ни мамы; — где ся лишь оберне, всюда самыя самолюбы, выдридушники, камѣнныя сердца; та я гадае, що и я лише свой хосень маю на тямцѣ. Ой! кобъ то оно прочитало въ моемъ серденьку, що лише для него самого такъ сильно толчеся, осмѣлило бы ся оно, та заговорило бы широко; — та чей и прійде тотя часинка, где проговорить. — Бо, цы найшолъ бы онъ где въ свѣтѣ лучшой долеки для себе? — Може яля молоденька горличка? — До чого то? Мой зачитанный книжникъ не любитъ и дивитса на такую пустоту. Бо и щожъ въ томъ такъ великого, глядшия скѣрка, або густѣйшее волосье? — ось хйба клопѣтъ та нужда! — Такое хотѣлось заразы, щобъ коло него мовъ коло тои павы вѣчно веретеномъ обертатись; щобъ мой паничикъ, кинувши у куть все свои книги та письма, все свои

звычай, весь часъ лише про ен суету журялся, та изъ всего свѣга — Богъ вѣдае — чого на грѣшное ен тѣльце насплювалъ. — А гдѣжь бы такое хахлятко знало всякое бажанье мого князика отгадати, цы бѣленькое шматье вразъ-вразъ готовити, цы вонное цигарко пѣдъ руку пѣдложити, цы вкусного лажѣтка поставити, цы за моимъ панничкомъ, якъ треба, парасолю або калоши послатоньки; цы зналобъ, цы хотѣлобъ оно все чистейко, хутнейко вылагодити? — А може ще яка выглажена дрань, же потому мого цвѣтонька нужда напосѣлабъ, та звинуль бы передъ часомъ, мовь маленькая рожа ѓтъ пекушого морозу! Нѣтъ! ему не такіи недоваренни, надутыи, а въ се-, редицѣ пустыи пѣнавцѣ! — Ему треба особы ученои на всякую всячину щобъ знала вхопити за горяче и зимне, щобъ поставилась всюда за мого паничка, щобъ хухала на мое незнаги-що, щобъ му не дала и чимъ потрудитись, щобъ мала и за що всего постаратись; бо свѣтъ нынѣ лихій, тисне изъ всѣхъ бокѣвъ, а моя дитина не бувала, деликатна, красная, та лише Варвара полужае, щобъ ен чѣчко дѣзнало счастья пѣля ен серденька. — Най но ѓнъ лѣпше навикае до гдѣякои выгѣдки, за котру я все на самъ добрый часъ постароусь, то певно ему не схочеса, того ѓтстрадатись. — Та то хотьбы и дурному скажи! Онъ розумный, та видко уже и пѣзнае, е поволи ще бѣльше змѣркуе, же не всѣ золото, що ся свѣтитъ, та що лиша одна Варвара придасться до его звычайности та его туземного счастья. — Алежь и для мене! — Богъ видно самъ такъ хотѣлъ, же я съ моимъ красенькимъ мийномъ доси никому змантити не далася. Правда, и ѓнъ троху любить роскидати гроши на якісь тамъ книжки; но съ часомъ приїде оно и лѣпшій розумъ; а ѓнъ и такъ такий плохій, то не буде и съ тымъ дуже намагатись. А який ѓнъ знову за тое звычайный, привѣтливый, який отратный! якъ въ бесѣдѣ чемный! — марное слѣвце не выйде му зъ уст! — якъ на всяку пустоту беспечный! — А який миленький! око сине, — задумане — кучерочки темны — усикъ щось ино порѣсь пухомъ — личко меланхолійное, интересное, ручка кругленька, мовь точена — нѣжечки дрѣбненьки! — Нѣтъ! иначе не буде и быти не може! самъ Господь сотворилъ его такимъ для мене! Юрій мой, хочъ бы за тымъ и пропасти!“

Такъ потѣшалася наша паня, та стала думати, якъ бы то своего хвати знову къ собѣ складно привернути.

Симъ часомъ пустилися наши съ билетами запрашающими на вознажѣренное зрѣлище. Но короткомъ тепломъ дощичку и малой громовицѣ заясвѣло недѣльного оногo пополудня поголивое небо. Зъ окрестныхъ дебрѣвъ загуляли по Львѣвской долини охочіи потоки, та стали положати наше мѣсто изъ непріязныхъ пороховъ та смѣтъя; красныи улицѣ мѣста выпрятаны и вычищены мовь просторный салонъ, оставляли вѣольный видъ на гарным

формы домовъ и церквей; зъ поблизкихъ лѣсовъ завѣяло ѳтъ темнолистныхъ деревь и розлично украшенныхъ цвѣткѳвъ, вымытыхъ що-ино изъ всякого порошку, бальсамный аромать. Премногѳ мѣйскѳи путеходцѳ квапились веселымъ умомъ на оныи прѳязныи мѣстца и съ нашими хватами стрѣчались; а была то бѳльшою частѳю члены середной и нижшой классы, люде работающѳи, що лишившися въ той день щодневныхъ орудокѳ, высыпалися теперъ ролями изъ мѣста, всякѳй въ одежи святочной, видомъ веселый, надѣю полудневного счастья озаренный. Тамъ то всякѳй жене, всякѳй ся квапить, всякѳ показуесь: кто съ своею новою люлькою, кто съ завѣшенною на бакеръ шапкою, кто съ новыми, зъ пѳдъ старомодного сурдута добре показуемый чобѳтки; тамтоѳ ось кокетуе съ кптчкою ирекарсныхъ цвѣтѳвъ, та бѣжитъ съ нею, узрѣвши Свою, счастливый, же може задертыѳ троха носочокѳ своего земного божества прѳязною, вонею подрочити. А сей ось ремѣсникъ що такъ поважно споруе черевчину передъ собою двигае, — що за красныѳ вѣнокъ родивный пригортаеся къ нему! Задеръ голову до горы, та зъаламушиѣлъ, же челяди оскома на его дѣвчатка. Гей всѣ вы, що сей пѳдъ-днины гадаете надолужити цѣлотыждневую тяженькую працу, що сего пѳдъ-дня такъ живо гоните за счастьемъ, що для всякого готовый усмѣхъ маете на устахъ, що до всякого нынѣ радо пристае, всякому знаега сказати доброе, веселое, широе слѳвце; до васъ кличе нынѣ изъ широкого сердца и Григорѳй Саламаха: „Веселой забавы!“ — божъ тяжко вы на ню весь тыжлень праплювали, много о ней шесть долгихъ день думали, немало и нынѣ про ню ся кутали. Радуйтеся недалгимъ счастьемъ; бо Господъ съ працею, а то лаше съ працею подружилъ и счастье.

Наши билетносцѳ не много зважали на гонящихъ за радостѳю, хотя идучи изъ самого прѳязнѳйшого Львѳвского перемѣстья, немало пускающихся ко тѣнистымъ гаямъ тамтыхъ сторонъ стрѣчали; они квапились за своимъ, та бѣгли. Юрѳй зажуренный, якимъ бы то слѳвцемъ по первый разъ до обоженного нимъ существа промовити, радъ былъ тому, же передъ запросинами у Путницкихъ численныи дома въ самѳмъ мѣстѣ облѣтѳти мали. Но, коли уже стали тѣсныи обнятѳя мурѳвъ за собою лишати, коли заблѣстала имъ высоко въ воздухахъ величавая святоюрская бана, коли лишивши гостинецъ, запустилися крутою улѳчкою межъ вонныи сады, и ту перелъ ними указался высокѳй синѳй столпъ дыму, добывающогося изъ хаты Оленѣ, затревожился Юрѳй и лишплѣя далеко за Бучкомъ.

„Потревай-н хочъ тронѣчка, най собѣ наряджу лѣпше хустку, бо мы гнали, мовъ тыи шевцѣ на ярмарокъ — пѳдожди-но!“

„Но уже?“ „Сей часъ! — лишень порохъ зъ чобѳтъ. . .“ „А щожъ еще?“ „Уже, уже! — еще капелюхъ.“ „А теперъ що?“ „Роспялся . . . уже.“ „Славити Господа!“ „Ось, якъ мѳ волосья роскудлалось!“ „Ха ха! а цы не на еще що?“

„Уже, уже — ходѣмъ! — Але цыть! видишь ты?“ озвался придушеннымъ въ собѣ голосомъ Юрій — „дивися, молю, дивись!“

И взяли наши скрѣзь парканъ заглядати на огородъ и подвѣрье Олены. За грядками рѣсною ботвина стояла на подвѣрью середъ деревини маленькая Олены на сестричка, а въ-коло неи парпали, дерлися, вертѣлись и шварготали куры, индики, качата и гуски. Що кине малая межъ птахи дробненькою жмѣнкою зерно, сварятся, троняють и ближше ся тиснуть. Она пѣймае шо красше, голубить до себе, глаше, пестить и пригортае, то знову пустить и съ другимъ бавится, шебече. А краснымъ тымъ сварливымъ пгички даются пѣймати ѓтъ рясной стравы и прѣймають охочо пещенье маленькомъ ихъ панѣ. Но ту якійсь голосъ изъ хаты роздался; голосъ ще не чутый ѓтъ Юрья; но не треба ту того; ухо его заправне ѓтъ разу пѣзнало, же лише дѣва-ангелъ може нимъ володѣти. Слухае восхищенный, тай въ души глубоко ховае нуту и слѣдующии слова:

Звѣздилъ я коника,
Звѣздилъ вороного
За тобовъ милейка,
Ци буде шо зъ того?
Ой цы буде, ой цы нѣ?
Скажи сердейко менѣ!

Цы чуль ты коли, любезнѣйшій читателю, простонародную тую пѣсню, выходящую изъ чистой груди русской дѣвицы? Чуль ли тужливый зойкъ пречудесной тон нуты, якъ то ѓтъ звенить миленько зъ разу, а чимъ разъ зослабѣвши, при кѣнци въ послѣднѣмъ мѣсе! Пѣсня прекрасна! Но лишь грудь русской дѣвы ѓтдасть ю въ природной, чистой, чудесной красотѣ. Гей вы молодшии та небувалми изъ любезныхъ читателейѣвъ, если почуваетеся хочъ до одробины якого чувства, а хотѣлибъ супокѣйно по ночахъ почивати, утѣкайте драпцемъ ѓтъ мѣстця, где заводить руская дѣвица. Бо ти ось сяде, буцѣмъ запуджена, та заполонится; сяде, очка въ дѣль, рученьки на подолку; та мовь не гадае за то, шо спѣвае, бавится рубцемъ стяжки; — пыщенятко отворить несмѣло, и загомонить ти въ уху, мовь бы ся просила, голосомъ не ученымъ, якъ лише ѓтъ матери природы; пѣсни мовь ничо не додае личной прикрасы, а тамъ, где пѣсня гуде съ шумомъ, мягонько запестить, а где туга заводить, хутко перелетить; а такъ гдесъ не знати якъ надрочится съ тобою, приглаше, голову заверне, же ти твое сердце на гойдавцѣ мовь ходить, уха не выстають на гармоніи збытокъ, очи твои глядятъ пѣвчинѣ очатокъ, и загинуть въ нихъ, мовь въ пропасти крайной а самъ ты цѣлѣсенькій пропалъ — пропала сердца твоего молодецкаа радость.

Голосъ пересталъ — пѣвица не видко — знати орудуе въ хатѣ, бо голосъ поволи звенить ѓтъ ѓкна до ѓкна, а где и тишѣе, то знову змагаеся,

Перестала, но въ Юрья уха все пѣсня гомонитъ — слушае — и знову голосомъ миленькимъ пѣсночка поднялась:

Ой умру я си, мой миленькій,
 Умру я си, умру;
 Ой роби менѣ, мой миленькій,
 Кедровую трумну!
 Поховай мене, мой миленькій,
 Въ калиновомъ саду;
 Будешь ходити, будешь ходити
 До мене по раду.

Слушае — не чути — дивится — я въ дверехъ отъ двора ангеликъ шѣстнадцатилѣтній являесь. Сукня чорненька одинока одежа; на шею лебедевой крещичокъ жовтѣсь, личко гей асна, понова бѣлецьке, черты ей гей дѣвы — богиня вкусно девиненькин; очка — небо! — въ рученькахъ дробненькихъ держитъ кошничокъ съ сѣменемъ для потаты. Смотри на дѣвцю, не можь и догадати, щобы яка гадка хочь далека злого въ красотѣ той могла помѣститись; видь личка вѣчно такъ миленькій, який чоловічка, коли добре творить. Вступаючи кѣдила послѣднихъ стихи; станула, а кругомъ горнулись до неї потата малыи. Кормить, голубить, цѣлуе, бавитя, бесѣдуе съ птичками звычайными тыми, а обѣ съ сестричкою указують собѣ красоты, котриі одна лучше отъ другой увидитъ.

„А ты видишь ты Настунейко, якъ тая дзямдзя крыльцями трѣпече — задавилась бѣдненька.“

„Охъ Оленю, що то за дузя красненька; що за чистенькое пыщенятко.“

„Тое жось тымъ то сестричатка, гей мы обѣ; диви, що за красна парочка!“

А голосъ зазвенѣлъ знова:

Взялъ собѣ нашъ пань
 Прекрасну паню;
 Не знала вкликати
 Качать до дому:
 Шепетлявки, затачайки!
 Ходѣть до дому! —
 Взялъ собѣ нашъ пань
 Прекрасну паню;
 Не знала вкликати
 Курей до дому:
 Покладуши, кокодашки!
 Ходѣть до дому.

Гейбы острогъ подемъ въ сердце му займаъ, завертъль въ Георгія уху, улосларитъ мелодіи струевъ, дикий и грубо храпливый голосъ, про-

дираюційся. Їсть другого кінця огорола. Олена здумала перестала, и тепер познати было можь слѣдующїи слова:

За паньскимъ вугродомъ,
 За паньскимъ фѣльваркомъ;
 Гей пѣль мы тамъ, пѣль,
 Горалѣну збанкомъ!
 Гей вѣвать горалѣна
 У рудого жнда,
 Хочь дай му що не свого,
 Вѣнь цѣбеє вѣе выда!

По каждой строфѣ гулюкаль крикунь такъ страшно, громко, же пѣяки ѓть другого кінця мѣста ѓтгулюковали братному возванью; спѣваючи вышшіи тоны, заганялся ѓтъ все на полъ голоса вышше, що надавало пѣнїю его дикїй якїйсь характеръ. Вгоромъ пѣсни былъ трескотъ ломаного нимъ плота; до чого потому присоединилсь брехотъ розсержденного тамъ песка, а гнѣвножалостный дискантикъ выбѣгшон на тоє Настунѣ усовершилъ квартетъ дисгармонїи.

„Та дивѣтъ-но люде! шо той негоднищъ дѣлає“ — жаловлася мала Настуня.

Въ мѣсто ѓтповѣди тягнулъ пѣвецъ свое:

Гей добра же то была
 Горалѣна зъ мьодомъ,
 Гей пѣль мы ю пѣль,
 За паньскимъ вугродомъ! — ѣхъ га!

„Ха ха ха!“ пересталъ смѣючися, а наши увидѣли замашистого, горѣлкою розъиндиченого, волосѣемъ розкудланого чоловічка, котрый закасавши рукавы, съ великимъ розмахомъ, но нескладно плѣтъ ломилъ и на свое по-дворѣе выкидалъ.

„Та идешь собѣ паскуднїй!.. Дїанка гуза! не дай насъ! гвалту Оленю! ратуйте! Федьку! — идешь, бо выпущу Вербуса!...“

„Господи! —“ заломила руки Олена — „Федько еще не вернулъ, а мамця будутъ мати новую сухоту.“

„Га га! така мала, а така щебетуха! ось иди; полися до святого Авакума, гей твоя сестра... ха ха!“

„А ты напастнику! — въ сей часъ ми иди! — идешь? га! —“ ставилася чупурная Настуня.

„Ха ха! кобъ вы були добри сусѣды, тобъ не ѓтгороджовалися ѓтъ Бердеги такимъ высокимъ плотомъ; знаешь? — шо то, цы я злодѣй, цы шо? — то уражає мой гоноръ! ха ха ха!“

„Оже и злодѣй! злодѣй! розбѣйникъ! — идешь собѣ! идешь?“

„Настуню ходи до мене, бо ты той убьє Господи! —“

Олея побѣгла до Настунѣ, но не смѣла до самого плота приступить, та поднесши очи ко небу, зъ оттамъ потѣхи выглядати видѣлася. Но, закѣвъ ще стигла домовити послѣднїи слова, поднесла Настуня тычку обома руками и ударила нею разъ, другїй и третїй по руцѣ напастника.

„Га! —“ загудѣлъ Бердега голосомъ страшнымъ — „дамъ я ти за тое чоргику мерзеный.“ — Плѣтъ загрескотѣлъ подъ тягаромъ его, той пересадилъ его и махнулъ предолгою гѣлею, а Настуня утѣкаючи передъ нимъ упала. Олея, забывши на себе, полетѣла до сестры, а на обѣ туй-туй спадугъ удары нелюда.

Юрїй скочилъ, за нимъ же Бучко, и въ одной хвили станули оба поручъ запеченого Бердега; — друга хвиля, тай поштурки и удары нашихъ хватѣвъ звалили на землю пьяного напастника. Упалъ, застогналъ, зѣрвался знову на ноги; но обнятый двѣчи въ поперекъ, мовъ двома великимп клѣщами, повалился на Бучка, вымахнулъ въ-округъ ногами, спирался, прѣлся, боролся, но все на дармо; — мовъ твердыми шрубамп обняли го нашї, а спутанный всюда надолужовалъ собѣ Бердега всего тымъ, що ревлѣлъ не своими голосами.

Отворенною нашими хватами форткою вбѣгли двѣ кобѣты — хутко и сквапно; но обѣ всѣмъ видомъ розличїи. Одна въ одежи печальной, засумована поглянула на настоящее несчастье, и гадкою ще бѣльшого боятн видѣлася. Прибѣгла до дочокъ, котрї, узрѣвши ю, поглядомъ радостно-сумненькимъ горнулись до нея.

„О мамцю любима, що вамъ ту терпѣти!“

„Та що вамъ мои дѣтоньки? — цыть! щожъ то? Господи! та скажѣтъ но! а то кто моеї Настунї личелько такъ подерѣ?“

„Ой мамцю! нѣтъ нашего тата, щобъ насъ теперъ оборонилъ!“

„Цытте! годѣ то и згадовати! а може вамъ що гѣршого зробилъ? —“ Тай пригорнула до себе двоє невинныхъ дѣтей; а Юрїй, зырнивши на группу розговѣлся, та шепнулъ до Бучка, же „не досаджаючи высокому достоинству Божом матери, не можъ собѣ образъ покрова ея лучше погадати, якъ смотря на благородное оное, надъ пригорнувшимися до неѣ дочками съ журбою и надѣю къ небу оберненное лице панѣ Путницкѣ; —“ на котрое то мнѣнїе однакожъ Бучко видно не конечно безусловно писатися хотѣлъ бы, коли учувши тое, вусомъ скрутилъ и усмѣхнулся.

Другая кобѣта, убрана святочно, напоемъ червона, знаменала пискотливымъ крикомъ свою дорогу, и пѣишиа просто до Бердеги, руки поднесла зъ декляматолика; подѣйшовши же до меты своего похода, заблудила ними межъ кучеры своего чоловіка.

„То ты лядащо, волокито, тому мене отойшоу, щобъ людемъ пакости дѣлати, га? — ты гадюко! ты! — ты! то ты мой чоловікъ, та жѣнку лишаешъ саму межъ чужими людьми, щобъ ю хто побилъ, покриванлѣ, а въ кѣнци

обійсь! а самъ по людскихъ межахъ пантруешь! То жѣнка не мае у тебе и въ Недвлю съ кумами супокойно побалакати, та лишъ тебе пильновати! волоцюго! плюгавче!..“

Бердега струсился весь, почувши голосъ витійный своей невѣсты, та уже мабутъ и лишился всей надѣи, выдобутися на ноги, бо лише стогналь та грозиль: „Дождайте но багръ! загрѣю вамъ въ вашей хагѣ — скупый двѣчи тратитъ — коли вамъ жаль плота, стрѣбую на хагѣ.“ — Его половица пописовалася дѣйственнымъ словаремъ розмантихъ предлагаемыхъ, котри до чоловіка свого неконечно съ хѣсномъ чести тогоже прикладала, а котри та списовати почитую за рѣчь невдичну; каждое же слово водилось поручъ съ отвѣтнымъ рукодвиженьемъ розсерженои яги, котрыи лице Бердеги понабирало розмантихъ носообразныхъ гудь, та украсилося всѣма красками дуги, чуприна же его щось походити стала на китагскую, такъ, же по всей операциѣ нашъ мученикъ супружеской тираніи безпечно за зовѣмъ иншое лице, якъ передъ хвилею, носигися мѡгъ бы.

„Буде уже! буде! честная кобѣто“ — отозвался Георгій, котрому видѣлося, же той оборотъ справы въ предѣлы екстрема переходить „треба го отвести до дому.“

„Що? отвести? — коли ся спилъ, гей св... (цѣкавѣйшій изъ вс. читателей отгадали — задолжуся, — же ту вышло изъ усть честной панѣ Бердеджики простонародное назвиско той звѣрины, котрой Жидамъ и Туркамъ вѣсти, а намъ по просту называти не годится), то теперъ наляйся, якъ с...; аю: цыкъ! цыкъ!“ — тай стада свого выбранного, котрому сдюбовала „послушенство малженское,“ за лишившійся хвостикъ волося въ фѡртцѣ таскати.

„Але честная кобѣто, то таки не годится, не позволю...“

„Кто не поводитъ? — менѣ? — кто ми заборонить, покарати чоловіка, коли ми ся хоче, та есть за що. А ну, увидимо: а маешь! маешь! на, ще разъ маешь! — Гайда неробо, волокито!“ — Тай показавши за кожымъ положеньемъ, шо ей слова изъ губы не марно пускати, выштурхала, вытронула, и выкинула она свого адониса за фѡртку. Зъ улицъ ще чути было: „Явдоненько! сердейко! дайже менѣ псы!“

„Маешь! маешь! собака вѣро! — пѡлъ лаву — выхростися.“

„Ой ой! буде“ стогналь Бердега, затачаючися „ой Явдоню; та ты мене такъ дуже кохаешь!“ — Еще кѡлька слястичныхъ, далеко роздаючихся плясканокъ, кѡлька ейкѡвъ, лоцотъ дверьми; тай честная пара изникла изъ очей и слуху нашихъ.

„Мои честны паны“ — запытала журливо пана Путницка — „кому маю подяковати за оборону моихъ дѣтей?“

„Георгій Михайловичъ и Герасимъ Бучко, укончивши права;“ — сказалъ загикуючися Юрій — „счастливою судьбою...“

„Прошу! войдѣтъ мои защитники — прошу! — най Господь поблагословитъ всѣ ваши дороги зѣ вашу жертву для опущенныхъ сиротъ.“

Вошли до хаты. Правду казати, не было тамъ уже *comme il faut*. Стѣни обходились хочъ-нехочъ безъ помоста; чисто правда, но таки самую глиною вымазаны; въ кутѣ же мѣстилися простыя сельскія жорна, указующія, же Путницкимъ и въ мѣстѣ годѣ на сельское жигѣ зо всѣмъ забути. Въ головномъ покою не ма ни паркета, ни малѣваныхъ стѣнъ, ни пухкои софы, ниже фотелѣвъ; не видко тамъ жадныхъ остентаційно уложеныхъ романсовъ Димаса, ни Павла де Кокъ, ни фортепьяна, ни потъ *Concert brillant*; противно были тамъ мебели старосвѣтскія, выгнаны въ крайное рококо, а horrible! въ головномъ томъ буцѣмъ салонѣ стояло чиселько правда тримане, но таки спальное лѣжко; часосказа столового ни слѣду, въ его же мѣстце талаяло старое стѣнное таралайло, котрое шо-годляна кукало немилостиво. Во второмъ покою причалося правда до кута шось фортепянообразного; но легкодухъ Бучко, моргнувши до Юрья на оное, приложилъ до него презрѣнное назвиско „клявицимбалокъ.“ И образы на стѣнахъ не отвѣтствовали вымаганьямъ мѣйскаго дандиса. Не было тамъ жадныхъ *Etudes aux deux crayons*. Исабея, ни пейзажовъ швайцарскихъ Гауерманна, ни портретовъ славныхъ акторокъ; та были лише дуже середной роботы иллюминованыи копештихи, представляющія поступенную долю блудного сына и двѣ сцены изъ военъ Наполеонскихъ. Изъятіе робилъ середину стѣны занимающій образъ пречистой Дѣвы малѣваный прекрасно на полотнѣ, дѣло нашего родимця Луки Долинскаго, котрого хата слодяла недалеко хаты Путницкихъ. Въ другомъ покою отличался токожь портретъ Митрополита Ангеловича, дѣло тогоже маларя.

Зо всего того видимъ, же салоновичъ малъ бы ту ще не за одно носомъ добре покрутити. Але Юрью шло не до того: Онъ выходилъ ту во всѣмъ зѣ цѣлкомъ иншого становища. Ту величалъ онъ старину и искусную роботу мебели, тамъ чистоту помоста, тамъ снѣжную бѣлѣсть стѣнины, ясноту лежащего на столѣ домового хлѣба; тамъ знову почиталъ лихоту образковъ за рѣчь адафорную и почтеньемъ ко давнѣйшому властителю ихъ извиненую. Надъ все же удивлялъ онъ ладъ во всѣмъ устроенью лому, садку, стежокъ и красѣту, доборнѣсть и великое число цвѣтовъ, котрыхъ упорядкованье, триманье и вкусъ вазонѣвъ возносилъ онъ полъ небо; а щобы все пѣтими словами Юрья высказати, былъ ту буцѣмъ „всюда розлитый якійсь етиръ невыговоримо пріязной, крайное удоволеніе и симпатію будащон гармоніи;“ котрое то послѣднее мнѣніе нашего Юрья мы якъ зѣ одной стороны силою нашон авторской поваги укрѣпляти не гадаемъ, такъ знову, зѣ другой стороны яко любящій миръ и согласіе оспоривати не хочемо.

Сямъ часомъ заставила паня Пугницка старо-рускимъ обычаемъ стѣлъ всѣми приборами до вкусного пѣдвечеря. Тамъ выходили нарпотичныи воцѣ

изъ отвару то зъ зерень арабскихъ, то зъ листьа китайского; тамъ бѣлѣ густый пльнъ принадной сметаны; тамъ стосикъ сочныхъ малинъ, то крохкихъ обарѣночкѣвъ, ту знову заживнѣйшая страва. Файфуръ, срѣбло, скло и всѣ приборы блестили зеркальною яснотою.

„Прошу, на що Богъ дали!“ — принуковала мати — покрѣпѣтся дѣти, бо такъ потомилися! прошу!“

„Мы лишъ прійшли, просити на суботное зрѣлище.“

„Якже намъ пускатися хаты, коли нашъ вѣрний Федько не вернулъ ще отъ своякѣвъ, а ту нашъ сусѣдъ грозить намъ огнемъ.“

„То мы можемъ нынѣ черезъ нѣчь повартовати“ — сказалъ Георгій, та покрасилъ, мовъ бы ся съ чимъ недорѣчнымъ выхопиль.

„Най вамъ буде вдяка опущеныхъ сирѣтъ надолуженьемъ за вашу добрую волю; но мы маемъ кривного совѣтника при магистратѣ, то може бнѣ варту...“

„На що? — И такъ уже вечеръ; до мѣста не близко, а може при нынѣшнѣмъ дни не буде пана совѣтника дома.“

„Извольте честная пани“ — сказалъ Бучко — „приняти нашу услугу; мы не гѣдны ваше довѣрѣе на зло употребити. Доки вашъ слуга не вернется, будемъ за вашимъ позволеньемъ вашими гѣстями.“

„Най и такъ буде! коли вы такъ добры. А теперъ прошу.“

Наши засѣли; имъ же услуговала Олена, котора разъ-вразъ мала якисъ вопросительными шепты до матерного уха. Найгѣрше мался на той гостинѣ нашъ Юрій. Хотачи своего ангелика при даванью кавы подпомочи, вывернулъ бѣдняка начинье съ сметанкою, та лише складное ухопленье Оленѣ не дало прійти до большоу бѣды. Якъ бы ту такъ пало на приклонного до подозрѣванья, можъ бы въ послѣднѣмъ несчастью Юрья бачити кару Божу за возможное намѣренье его, тикнутися при реченой помочи нышкомъ Олениной ручки. Но выходячи отъ правила любви христьянской, розрѣшаемъ торжественно нашего хвата отъ похолоу помовки, и додаемъ еще тоу наше крѣпчайшее увѣренье, же нашъ Юрій, гадкамы правда неразъ хватъ великій, що до дѣла былъ необмавляючи трусь за всѣ трусы; а весь капиталъ вопрошебноу его отваги мался до рѣшенья на реченное намѣренье не иначе, якъ сила Мостеньской хабеты до силы махины желѣзничого товарного тягла. Гѣршое ще придалося ему потому. Видячи, якъ ангелоу его складно, нѣжненько, щиро и безъ всякой претенсїи имъ услуговалъ, роздумался Юрій надъ розличемъ тоу сердешности отъ вырахованомъ наскучности панѣ Чебѣжихи. И коли нашъ хватъ середъ тоу задумы любовался поволенькимъ потаганьемъ напигка, дѣланного бѣленькими ручками Оленѣ, запыталася его таяже, цы не желалъ бы больше цукру. Юрій сердига струсился, мовъ пастухъ, пѣйманый на людской сѣножати, тай лыкъ заблудилъ гдесъ на жидѣвску стежку, а хватъ нашъ закахикался, же ажъ Бучко заполюѣмый

сталъ тому рѣчь чимъ иншимъ заговорвати, а и я приневоленный ту, стыдаться якъ единъ Горватъ, же такого Мазницю выбралъ за героя своего розказа. Первая гадка Бучка по томъ случаю была: „фуяра!“ — нанѣ Путницка погадала: „Якійсь плохій та не бувалый!“ — Настуня захихавшись тихцемъ, выбѣгла до сѣней, смѣяться отъ сердца; Олея же бѣдненька виновала себе за цѣлу исторію, тай грубая, чистая слеза покотилась по прекраснѣлому ея личку.

Но поволи-поволи росходился нашъ Юрій. Бесѣда перейшла на поле землеписной романтики, музыки, отечественной исторіи; и ту то почувся Юрій на своемъ мѣстци. Съ фантазією и жаромъ розказовалъ онъ прелести естетичными, прородописными и историчными розличныхъ земель и народѣвъ, попри котрыхъ однакожъ и своему отъказовалъ онъ свое непослѣднее мѣстце. Наня Путницка слухала съ истинно матернымъ чувствомъ мовь бы пописѣвъ своего сына; Настуня пригоргалася до Юрія, мовь то до знакомого; въ души же Оленѣ взялися возникати чувства удивленья, почтенья и бодай цы не серешной доброохотности.

Встали отъ стола.

„Мамцю!“ — пригорнулася до уха матерного Оленя — „Горпина дае саму мерву на постелю гостямъ, а мѣнѣ може не въ ладъ, тое ей згудити.“

„Бодай тую Горпину!“ — сказала зажуренная мать.

„Мамцю! може имъ буде на тыхъ подушкахъ за низко, та може бы тыи зъ горы. . . .“

„Добре, добре Оленю!“

„А тое простираю троха змяте.“

„Дай иншое, дай!“

„А тое якъ ось эле выпране; скажутъ, же у насъ нѣтъ ладу.“

„Дай тое тонѣйшое.“

„А не буде подъ накрываломъ холодно? ночи зимныи. . . ,“

Георгій чулъ послѣднюю журбу Оленѣ. Вознясь очи до горы, и сказалъ нишкохъ голоснѣйше, якъ бы былъ самъ того хотѣлъ: „Такій ангелъ! и я ли достоинъ тѣлько журбы ей причиняти!“

Мати отойшла, а Юрій охоробрѣвши всѣмъ бывшимъ за трохъ, сказалъ: „Прошу не робѣтъ изъ насъ паничиковъ; вартѣвника рѣчь, спати на досцѣ.“

„На досцѣ вы? —“ зачудувалася Оленя, тай заполонѣлася.

„Дякую вамъ за доброту вашу, котрой сотной часточки я не достоинъ ниже надолужити въ силѣ.“

„Якъ то вы? — або не вы нинѣ намъ....?“ — поглянула въ горячое око Георгія, востхнула, хотѣла щось сказати — нестало ей слова — поднесла руку ко чолу, а Георгій притисъ до неѣ горячій поцѣлуй.

„Яки вы для мене добри, ласкави! — о Оленю! нинѣшний день не выйде ми зъ памяти моеѣ до гробу!“

Олея не знала, що дѣлати; востхнула, поглянула разъ ще шире въ розъяреное око молодца, изъ которого сіяла любовь и ширѣсть; — фтойшла пѣдъ окно, задумалася и скропила лице росю слезъ радости.

Нѣчь минула супокѣйно, а завтрашній день розпочали два счастливыя вѣстуны. Первый былъ вытверезившійся Бердега, съ женою, просящій словами смиреннѣйшими помиловаць за вчерашнюю галабурду. Другій былъ Фелько, слуга Путницкихъ. А такъ не было уже жадном перецонъ Путницкихъ, котрая бы пѣйти на зрѣлище не давала.

Вертаючія хваты наши до себе почули ще третью радостную вѣсть, Урядовый слуга приступилъ до Юрія, и подавъ ему письмо, именующее его практикантомъ при судѣ апелляційномъ.

IV. Зрѣлище.

Надѣйшолъ часъ зрѣлища. Мало то быти представленьє, которого дохѣлъ былъ назначеный въ хосень убогихъ. Въ той цѣли выбрачо перелцованый переводъ „Дѣвницъ зъ рукъ природы“ (Ecole des femmes) Молиера. Кусникъ той, плодъ пречудесный гениального автора, перероблено такъ, же тденекотріи мѣстця, знаменающіи зопсованный вѣкъ, въ котромъ выйшли на свѣтъ, а котріи бы чувство приличности нашего народа могли непріязно тронуть, опущены або до нашихъ обстоятельствъ приноровлены, характеры лицъ перенародовлены, пѣсны народныи подаваны, а все на нашъ ладъ такъ перетвореняо было, що можъ было смѣло надѣятися доброго успѣха.

Часъ зрѣлища надѣйшолъ, а Юрій чимъ разъ бѣльше непокоился, чимъ разъ бѣльше трепеталъ. Знаючи зъ минувшихъ часѣвъ, якъ мало колѣ надѣя, совершенно збуваеся, и якъ часто-густо они если не зовѣтъ обманывае, то хочъ много лишае до желанія сталъ Юрій пригадовати собѣ многіи забавы, по котрыхъ бѣ много радости надѣяся, а або зовѣтъ тамъ дѣзналъ грызоты, або далеко не тое, чого ожидалъ. Дальше сталъ бѣвъ розгадовати возможныи перепоны, котрыи бы ему надѣянное приближеньє къ Олєѣ въ часъ зрѣлища спинити могли. Первая прійшла на гадку павѣ Чодѣжиха; но Юрію видѣлося, же будучи весь майже часъ бѣтъ недѣльной исторіи пѣдъ покрывкою пробъ зрѣлищныхъ не въ дому, бѣвъ теперъ надѣятися можъ, же направленьє той-то недогодности на правую дорогу добре започалось. Другою завадою мѣгъ быти крєвный Путницкихъ урядникъ, съ котрѣмъ однакожь Юрій надѣяся легко дѣйти до ладу, предполагючи, же бѣвъ люкєвный Путницкихъ бѣтъ честного характера такъ же не бѣтроился. Въ надѣи, мати орудку съ онымъ чиновникомъ, далъ собѣ Юрій наплунити бѣтъ жидка чиновничій мундуръ.

Надѣйшолъ наконецъ и зрѣлищный вечеръ. Нашъ Юрій вѣйшолъ до сали передъ всѣми; же и не може дождатися дороговѣннѣйшихъ му лицъ;

перекидае ноты, пробуе инструмента музыкальны. — Посходились въ ко-
нець гостѣ. — Юрій яко диригентъ зачалъ увертуру — иде добре — скон-
чилъ. Оглядеся — водить окомъ по сали — Оленѣ нѣтъ. Зрѣлище зачалося —
Юрій спѣзнился съ музикою до одной пѣсни — змутился — обзираеся —
еще не ма. Прерозличныи сомнигельныи гадки волнують въ умѣ его. „Цы
не уразилась чимъ? Може той несчастный поцѣлуй пречудесной ручки? Охъ,
я все такій нерозважный! въ важнѣйшой хвилѣ трачу всю притомность!
Цурь ми! Я самъ на Оленѣ мѣстци не уразилъ бы ся такую смѣлостію? —
Але якжежъ и не забудися, коли поглядъ оценять еи блестае огнемъ святымъ,
нестерпимымъ, змыслы завертае, мовь той блескъ ясного солнца! — А може
мати догадалась? Охъ! може Олена тоскливо бажае, удоволити моему живѣй-
шому прошенью, а винный послухъ ко мамѣ удержуе ю дома?“ Засумовался
сердега, потому мовь зъ глубокого сну збудился пуканьемъ суфлера.

Музыка спѣзвилася до другой пѣсни. — Збитый тымъ зъ толку на
амниль, брался нашъ хватъ салию до всѣмъ побидати, коли, глянувши въ лѣво
по за себе, стрѣнулъ два маленькїи оченятка, котрыи за нимъ съ тужливымъ
удовольствомъ смотрѣли. Коло Оленѣ по одномъ боцѣ Настуня и мама, по
другомъ же Бучко, котрый такъ счастливый, быти имъ толкователемъ пред-
ставляемого дѣланья. Пресчастливый Бучко! Онъ выступае ажъ въ послѣд-
ной части драмата, и може весь часъ розговоромъ съ оною ангелскою не-
винностію забавлятися. Георгій приневоленный весь майже часъ пильновати
оркестры за-для многихъ пѣсней.

Но теперь передъ третимъ дѣйствіемъ вѣльно нашому хвату ѳдали-
тись до своєю на хвильку. Иде, и мовь грѣшникъ передъ исповѣдію трепетае.

„Цы можемъ назватися такъ счастливыми, же уприязлили вамъ нашимъ
усиліемъ тыхъ кѣлька хвиль?“ — сказалъ, загикуючися, Юрій до мамы,
которая заговорившись съ сусѣдною якоюсь пѣдылою панею, не чула его
чемностей. Настуня хропала тѣста, та бѣгала зъ одного кута салѣ до дру-
гого. Бучко посмѣхнувшись зъ запутањся Юрѣя, отѣйшоць, лишивши своему
другови прїязную должнѣсть, Путницкыхъ забавляти.

„О мы не знаемъ сами, якъ вамъ ѳдгачити за вашу превосходную
игру“ — зашебетала Олена, осмѣлена уже бесѣдою съ Бучкомъ — „я и
Настуня не можемъ налюбоватися красотами вашего зрѣлища; — а музыка!“

„Що за музыку, то ажъ паленѣти мушу.“

„Вы лише такъ себе умаляете. Вѣрьте ми, що и въ церкви николи не
чула такъ красного пѣнїя.“

„Хвальба ваша надолужуе намъ тысячкратно труды наши.“

„Безъ сомнѣнїя, то вы такъ выучили всѣхъ красенько свѣвати?“

„Правда, що доброй волѣ я не жаловаль; но слабыи силы...“

„А цы то дуже тяжко, такїи пѣсци выучитися?“

„Для васъ было бы то дѣломъ кѣлькохъ хвиль.“

„А менѣ знову видится, чтобы въ свѣтъ не научилась, такъ красно спѣвати, и говорити такіи прекрасными рѣчи.“

„На шо вамъ ся учяти, шо вы далеко складѣйше и природнѣйше щодень творите.“

„То вы мене рѣвнаете до онои красной панѣ, шо...?“

„Борони Боже! щобъ я малъ смѣти, рѣвнати оную паню, шо лише выучена франтуе невиннѣсть, до самого ея наела!“

„Щожъ вы тымъ гадаете?“

„То, шо тая паня, котрая говоритъ, якъ невинная, простодушная дѣвця, не здѣлала бы того сама изъ себе такъ, якъ вы тое безъ всякого труда дѣлаете.“

„Я того не понимаю; но коли вы такъ говорите, то мае быти и правда. Тое ми еще дивно, якъ тѣ двое молодыхъ людей такъ ѓтъ первого разу крѣпко полюбилися.“

„Бо вы ще не мали уважати, шо то за сила ховася въ зеркалѣ души нашой: оку. О ваше...“

„Не кажѣтъ того, щобъ зо всѣмъ не знала. Ось и я...“ — Бѣдненька спекла рака, бо пѣймалася сама на тѣмъ, же трохи не за далеко загнѣлася; та щожъ робитоньки, покраснѣвши мовъ сунчика коло Ивана кѣнчила: „Правда, я такожь знаю изъ очей пѣзнавати, цы не мае кто шо лихого на гацѣ.“

„Отжежь видите: Каждая невинная душа мае якусь надприродную силу притягательную въ чистѣмъ своемъ оку; а если стрѣнутя случаемъ двѣ пары такихъ очокъ, то тымъ уже вѣчный союзъ межъ ними сплетеся.“

„Коли мама прѣймали директора для нашой Настунѣ, то я, узрѣвши его, ѓтъ разу боялася, цы не буде ся ѓнъ на бѣдну сердити. Та и правда; неразъ бѣдненька не мало ся наплаче. Мамця бы го были уже давно ѓтпразили, но ѓнъ такій бѣдный!“

„Коли такъ, то извольте, щобъ ѓнъ зо мною замѣнялся; я му дамъ за Настуню иншу лекцію.“

„Якъ бы мы всѣ тому радѣ были!“

„Настуня не буде и разъ про мене плакати; лише може ваши очка будуть знову боятись...?“

„Але гдѣжь подобіе! нашъ директоръ а вы! Онъ все такъ зажмурено дивится.“

„А може былъ бы я вамъ въ чемъ на завадѣ?“

„Про шо? Я уже вчера казала мамѣ, щобы ся здалъ якій лучший директоръ для Настунѣ, а при тѣмъ гадала никого иншого, якъ...“

„Якій же я вамъ вячнѣй за вашу приклоннѣсть! О якже бы мы всѣ охочо учились! Всѣ, шо лише умѣю, всѣ переходилѣмъ мы; читали красненькіи книжки; пѣсней шо-сила спѣвалилѣмъ у кулѣ...“

Юрій розговорився мовь старий, та былъ бы ще балакалъ безъ мѣры. кобъ на счастье ихъ обоихъ не были зазвонили на печатокъ трегого дѣйствія, та не збудили забывшого о всемъ свѣтѣ нашего хвата.

Пойшовъ, вымаховалъ руками тактъ, ажъ свѣчки позыгашовалъ, та не мало наробилъ смѣху. Злову вернувся, говорилъ, плѣлъ, загаявся, лѣталъ по-подо небесами, змався съ нею, якбы маму просити о принятіе за директора. Ось балакали то тое, та сѣе.

Но занятыя собою, не бачили нашій, же за ними чыгаль ктось на нихъ: ижея вытарама, очи зъ-подоъ поднесенныхъ бровь мѣрили ихъ зызомъ; губа въ гору задерта, на подоъ отворена, часомъ въ посмѣшокъ выривлена; все тѣло выпружене, неружимое, зачаеное; — чыгаль, мовь той половикъ на розбѣглихъ путята.

Зрѣлище скончилось.

„Цы помочи ти, отвести Пугницкихъ до себе?“ — пытался Бучко.

„Ось или-но помочи декорации спрянути; я самъ отведу.“

Роздѣйшлися. Юрій счастливѣйшій отъ всѣхъ людей на свѣтѣ, счастливѣйшій надъ всяку надью. Дробенька ручка Оленѣ почивала на трепетающомъ рамени его; онъ обкрывалъ ю отъ нѣчного холоду, нестился бесѣдою; на нешъ почивалъ поглядъ оченять пречудесныхъ.

Усердиному и чемному прошевью его не отназала мати, а Георгій малъ быти учителемъ обоихъ обожаемыхъ нимъ существъ. Що за розличныя пляны укладали, то знову залишали и новыми заступали! — що за гадки: якъ учити? — що? — коли? — Ту щось Оленя закине, тамъ Настуля свое вствѣтитъ, ту Юрій межъ ними голицъ, ту смѣясь зажурить, ту знову розвеселить. Про бесѣду, посмѣшки, мечтанья не стало нимъ дорога. Гдесъ видѣлося, що що-ино зачали, тай отянули уже передъ хатю Пугницкихъ.

„А такъ“ — сказала Юрій, притиснувши мимохотѣ пускаемую Оленю ручку — „могу уже завтра прійти на лекцію?“

„О не забудьте, прійдѣтъ!“ — кликнула Настуля, пригорянувшись до него.

„Просимо, будеъ вашими пыльвѣйшими ученицями.“

„Лише не бавтеса долго!“

„А не забудьте пѣсней!“

„А менѣ образки, що обѣцали!“

„Гей дѣти!“ — промовила мати — „ходѣтъ же разъ спати!“

„Все, все принесу; — добра-ночь! моя маленькая, добра-ночь!“

„Добра-ночь!“

„Добра-ночь! а памятайте на завтра мое! а на Настуню не забывайте!“

VII. Що жь дальше?

Юрій пойшовъ — пойшовъ; а новъ бы му що голову гнуло до землѣ, водилъ нею то въ право, то въ лѣво; — обглянувся ще въ задъ, и узрѣлъ

при бѣлявѣмъ свѣтлѣ полного мѣсяца мильи три тѣни при хатѣ. Они вошли въ хату, а ѡнъ стоялъ ще хвильку; пошолъ на конецъ, самъ одинъ, та за каждымъ ступаньемъ его сыпалися ѡтъ темноты, окрытыхъ каменницъ голо-сныи лусы. Укладалъ собѣ, где бы то чимъ лучше постаратись о гроши, котрыи ѡддатибъ панѣ Чепѣжисѣ, щобъ потому въ сей часъ перенестися изъ еи хаты ближше-где Путицкихъ. Гадалъ и тое, щобъ и нынѣ где-ниде ступити на нѡчь; но закѣмъ задуманый на тое рѣшился, занесли его уже ноги туй передъ хату п. Чепѣжихи, а видъ бѣлыхъ стѣнъ еи середъ темного въ-округъ саду бачился ему, не знати чому, мовъ бѣлая улирица середъ сумного цмнтаря.

Всунулся тихонько до хаты, засунулъ двери покою и розѡбрался при мѣсячнѣмъ свѣтлѣ. Зновилъ теплѣйшую ѡтъ сердца молитву, положился въ лѡжку и зажмурилъ очи въ счастливой надѣи, ще во снѣ мильнѣкѣи лица побачити.

Але не Юрью нынѣ заснути Въ головѣ и очехъ палило; думи про нынѣ и про будущее отворили зажмуреныи очи: Юрій думалъ мильнѣко.

Въ-округъ тихо; — на ѡкна падають бѣлявымъ мѣсячнѣмъ свѣтломъ изъ поблизкихъ деревъ долгѣи фантастичныи тѣни, котрыи посуваючися и переображаючися тихцемъ за посувающимся поволи мѣсяцемъ, розъяряли умъ магичнымъ якимсь образомъ до прѣязного просонного думанья. Тихо; — лише гдєколи збудившаяся муха забычить, комаръ заскомлѣе, шпиль за-вертитъ, або мышъ въ порохнѣ зашепортае; Юрью сновалися гадки одна за другою.

Ѡтъ разу сталося Юрью видѣти, мовъ чує сильнѣйшое якесь шепорта-нье. Оно выходило зъ-разу зъ той стороны, въ котрой положенный былъ покой п. Чепѣжихи, поволи же перенеслося до Юрья дверей. Дальше ры-пнули и ѡтворилися непонятнымъ Юрью образомъ що-нио нимъ самымъ за-суненыи двери, а ними вѡйшла паня Чепѣжиха — она сама — съ горящою свѣчкою въ рукахъ и станула передъ ложемъ Георгія. Стоитъ и вдвляєся въ него. Стоитъ — дальше тихимъ голосомъ зачала:

„Ѡнъ спить! — спить! — Ты спишь?“

Тихо. —

„Чуешь Георгій! — ты можешь нынѣ спати?“ — и стала его рукою будити.

„А шожъ, моя паня? чей уже часъ спати.“

„И ты можешь супокѡйно спати! — подла душе! — твоя книжками запаморочена совѣсть позваляе тобѣ супокѡйно спати?“

„Якъ-то?“

„То ты не знаешь? не знаешь моей кривды?“

„Якои то кривды?“

„Поллецъ! — то тобѣ тое казати? розказовати свою гачьбу? Зажди но! То ты гадаешь, що я така послѣдна, що я дурна тада, же мене леда

вырвась легко змудруе! Ты гадаешъ, що бѣдная сирота безъ отца, безъ матери, середь недобрыхъ людей, сама якъ слабая былинка на чистомъ поли — ту стала паня Чепѣжиха ревни плакати — „въ котру сторону вѣтеръ нагне, на тую похилися; що мене можъ своевольно за нѣсть водити, дуриѣти, спѣвати баналюки, ѡграджовати ити за мужъ, а потому якъ ѡтъ послѣднѣйшой дѣвки пойти, мудровати другу?“

„Коли я вамъ що говорилъ?“

„Тя ты гадаешъ же запрѣщешся, що ми въ живыи очи не разъ не два казалъ: „що мене почитаешъ, якъ никого въ свѣтѣ,“ що „лишень не смѣешь ничо казати,“ що „мене такъ любишь, якъ свою рѣдную маму,“ що „доки життя твого, на мене не забудешъ!“

„Але то лише о добродѣянїяхъ...“

„А я несчастная сирота ѡтказала на твою раду чоловікови порядному, богатому, що менѣ лучился, я“ — ту стала паня Чепѣжиха знову переходити въ шльохи — „я недосвѣачена, замантачена здалася на невѣрного, дала ся здурити облестному; а теперъ собѣ на весь вѣкъ свѣтъ завязала! Я гадала, що Юрїй душенька честна; та розчибалася, где могла, щобъ мому соколикови що найлѣпшого налагодити, я бѣ ему неба прихилила, я въ нѣмъ всю надѣю покладала! — Душенько моя! любое серденько! правда, що ты не годенъ, покривдити бѣдну сироту?! — нѣтъ! ѡнъ не малъ бо на тѣлько злобы въ своемъ сердци! ѡнъ не кине на мене за хлѣбъ каменемъ, за доброе слово клятбою, нѣтъ; правда мѣй ангеле, правда?“

„Алежъ молю...“

„Не правда? скажи! — правда, же ты не годенъ, довѣрїе мое такъ страшно на зло обернути?“

„Алежъ моя паня...“

„Ты будешъ мати на тѣлько совѣсти.“

„За извоеньемъ...“

„Та я бы безъ тебе дня не пережила.“

„Прошу-но...“

„Я бы на тебе вѣчно нарѣкала.“

„Най скажу...“

„Але...“

„Дивись соколе: все мое майно, дѣмъ, садъ, гроши; що цѣле житье тяженько запрацювала, що собѣ ѡтъ губы ѡтняла, для чого весь свѣтъ покинула, — все, все для мого Юрья.“

Юрїй видячи, що чемностью не далеко допхаеся, добылъ голосу такъ торжественного, на якїй его лишь стало:

„Честная паня! часть уже опамататися, и пригадати собѣ розличїе, какое заходитъ межъ нами що до лѣтъ; такожь не пускати зъ памяти, якъ и що я вамъ коли казалъ. Простѣтъ, що разъ уже буду приневоленый, острымъ

може словомъ правды до васъ промовити. Ожеж прошу пригадати собѣ, що якъ вы благоволили намагатися менѣ съ вашими пѣнавцями, и менѣ зъ далека о любви споминати, то я все ѳгъ того по силѣ ѳтрицався; а если коли сказаль що о почтенію моемъ ко вамъ, то было то зъ должною вѣдчності за вашу добрую волю. О любви николи згядяи не было, и гадаю, не можете бѳльше ѳгъ мене желати, якъ почтенія, вы, котрыи — выбачте ми слово! — моглибъ менѣ быти матерію.“

Сказавши тое, гадалъ Юрій положитися на другое ухо, и съ Богомъ лягати. Але не квапъ но ся такъ дуже, та послухай троха!

„Такъ? такъ? — добре! за мое добро выгрѣла за пазухою гадюку. За мои доброохотны слова мене зневажати! за мое добре сердце менѣ мои лѣта выпоминати! То ты гадаешь мене такъ легко, якъ старого нездалого дрангя позбутись! Го го! —“ ту скривила наша пана зсинѣныи уста въ страшный посиѣхъ поруганья — „го-го! — ще ся той не уродилъ, щобъ Варвару змудровалъ. Зажди, коли такъ! — Завтра иду на-самъ-передъ до твоей любви, и скажу, що то ты за зѣльце! иду до совѣтниківъ, и скажу такожь, що знаю. Зажди, послѣднего характера чоловіче! поѳду до всѣхъ, ѳгъ первого до послѣднего, упаду до нѳдгъ и скажу: „А сли маєте на макове зерно правды въ собѣ, помилуйте бѣдану сироту, сьриважену на чести, если хочете, щобъ Господь Богъ далъ счастье дѣтемъ вашимъ! Зажди-но!“ ту стала пана Чепѣжиха широкими кроками по покою ходити — „зажди! поѳду до всѣхъ старшихъ, до всѣхъ честныхъ людей, до всѣхъ ѳтцѣвъ и матерей дочкамъ, щобъ всюда, где лише обернешся, были ти затвореныи, двери; всѣмъ буду заводити о моей кривдѣ, щобъ ты, якъ выйдешъ изъ хаты, не малъ где головы приклонити, щобъ всѣ люди ѳгъ тебе утѣкали, мовъ ѳгъ зараженого чумою. Зажди-но! ще бѣдна сирота найде може съ троха правды для себе! — Поѳду до попѳвъ, дамъ на службу Божу, сама крестомъ постелюсь на земли, свѣчку розжарену оберну сподѣ огнемъ, щобъ ты такъ скапавъ передъ часомъ, якъ она свѣчка скапае; дѣдамъ широко-далеко дамъ милостиню; во всѣхъ церквахъ будутъ молитися на твою погибель . . .“

„Ха ха ха! смѣюсъ цѣлымъ сердцемъ зъ вашей шалености смѣюся, ха ха! безбожная чарѳвице!“

„Що? — ты ще смѣешь зъ мене и зъ Бога насмѣватися! тв . . .“ — и тронула Георгія въ груди.

Георгій струслился, затрепеталъ; стануль однимъ мигомъ ока на рѳвныи ноги; кинулся и стрѣмался; голову поднѣсъ высоко и видѣлось, мовъ бы въ той хвили головою зрѳсь по-надъ себе. Кинуль на пана Чепѣжиху вѣдній взоръ крайного поруганія и крикнуль не-своимъ голоесомъ:

„Негѳднице! я понижилъ бы достоинство свое, слибъ ти удостоилъ и меншого отвѣта на твои безчестныи слова. Иди, куда хочешь, роби, що

здумашь! Еще разъ: смѣюся, покепкую собѣ всюю грудію изъ твоихъ дурныхъ страхѠвъ, пушенныхъ на вѣтеръ!“

Положился назадъ, Ѡтвернулся, закрылся и не сказалъ ни слова на слѣдующую бесѣду панѣ Чепѣжихи. Тая бѣгала ще по покою, грозила, плакала, смѣялася, додавала собѣ охоты: заперлася въ конецъ въ своемъ покою не переставучи шлохами перерывати нѠчную тишину.

Юрій заснулъ уже далеко по пѠлночи. Спалъ не долго и несупокѣино. Снилось ему, що бѣлъ дитиною и ишолъ за якимись прекрасными цвѣтами; а чимъ дальше, то чимъ разъ красше, чимъ разъ розмайтше, видъ чимъ разъ ширѣе. И выйшолъ на горбокъ, а на тѠмъ стоялъ явѠръ; Юрій сталъ на него дертись, щобъ по бѠльшѠмъ просторѣ окомъ розглянутись. Гулялъ Ѡкомъ по иречудесной окрестности; море, горы, рѣки, мѣста, лѣсы, доли сіяли передъ нимъ чудесными красотами. Но ту глядитъ око его пѠдъ себе та бачитъ зъ ужасомъ, що рѣка съ шумомъ и пѣною берегъ, въ котрѠмъ явѠръ стремилъ, домила. Корѣнь уже на верху — заколебалося дерево вѣтромъ — буря здрвалася — грѠмъ загудѣлъ — все тѣло костецѣе — дерево гряне въ пропасть. Георгій збудился, сидячи на лѠжку; руки вшрубованы въ нѠчную шафку, а зо всего тѣла пѠтъ лился потокомъ. Уже бралося свитати — тихо — лише шлохи панѣ Чепѣжихи часами Ѡтзывались.

Заснулъ знову. Якїсь темныи мары стались теперь крутити ему по головѣ, по котрыхъ знову настали якїсь мотылѣ, дивныи блискавки, якїсь смѣхи перерываныи плачемъ, що соотмѣнно якъ вѣтеръ гонились, якїсь думки, половиною поугинаныи, безъ основы, безъ вида, безъ отличной красы, безъ тѣни, перелѣтающїи мовъ тїи нѠчныи хмары скрѠзь указующїйся то ховающїйся мѣсяць. Будился долго, ажъ овладѣлъ всеми смыслами; будился, но якоесь дивное мовъ ласкотанье не давало приходити до полнои самовѣсти. Збудился; — дивится — страшно му зробилося! — видить п. Чепѣжиху у нѠгъ его на колѣнахъ, якъ она пригортае ноги его до себе, обливаючи ихъ рясными слезами.

Юрій горячка струсился цѣлый. Ему теоритикови видѣлось тое крайнымъ пониженьемъ достоинства челоѣческого. Въ одной хвили, безъ нагаданья зогнулъ ногу, що нѠгъ, во двое, и шпурнулъ ю въ лице панѣ Чепѣжихи, котрая тымъ ажъ въ задъ заточилася. Кинулся просто на ноги, и станулъ видомъ страшливый: похиlena на-передъ голова стрѣлава ко небу водосемъ, очи выбѣгли на верхъ побѣлали, уста синїи затялись, руки и шея посинѣли долгими набреѣлыми жилами, а въ затятыхъ пастяхъ втопились нѠгтѣ глубоко у мясо. Юрій сталъ такъ мерцемъ долгую хвилю, а панѣ Чепѣжиха шустнула изъ страху до евого покою. Ще стоялъ хвилку; заскреготалъ и зазвонилъ зубами, а потому заревалъ голосомъ не-своичь: „Слѣбъ не тянѣть на Божю часгичку, котрая валася въ твоємъ обрѣдѠцѣ

тѣлѣ, здопталъ бы, обезчестилъ ты негоднице гѣршь плю . . .“ — дальше, духъ му заперло, та не мѡгъ скѡнчити.

Не перерываючи моего розказа, приневоленъ я ту мому хватови сказати въ очи, же така робота таки до илчого. Ось звычайно пусто въ молодой головѣ. Молоде гонить всюду за идеаломъ, а таки его нигде не ухопить. Я бы спытался лише его, цы то его любовь къ Оленѣ уже така платонична? Цы бы то было ему до ладу, еслибъ она зъ-першу его добре не порозумѣла, та слухала его баналюкѡвъ, отъ такъ, якъ читается книжку; а потому розгадавшись, его мовъ воробця на нитцѣ водила? Ще до того бнть молодой легкодухъ, асли не ту, то тамъ. А ту, мѡй Боже! такъ гѡрько, ой гѡрько самому, самѣсенькому вѣкъ свѡй харатати; а ту не казалъ той „егъ инъ сене“ и пр.; а ту далеко въ другой половинѣ житъя въ пѡлъ дороги ставати, и — розступися земля! — не знати где? и якъ? на ново зачѣпати! — Тому ше разъ кажу: шкода ми дуже, що мѡй козакъ, котрый доси ще яко-тако держался, теперъ такъ дуже пересолилъ. Алежь не казалъ той Ляхъ: „Сталосье моця панно!“ тай годъ!

Нашъ Юрїй отямился поволи, розсыпался, спѡдчулъ собѣ и ялъ ся убирати, гей бы малъ летѣти до сграшного суду. Тихо было зъ разу; — по хвили роздалося зъ покою панѣ Чепѣжихи зъ разу тихенькое, потому поступенно сильнѣйшее, скрѡзь затяты зубы звенящее скомлѣнье, то незрозумѣлое якоесь муркотанье. Знову стало тихо; потому же рознеслося по воздухахъ страшное, роздирающее сердце заводженье:

„Татуню мѡй рѡдненькїй! — — — мамо моя рѡдна!“ — — — послѣднїи самогласнїи кожного положенья перетягала панѣ Чепѣжиха предолгимъ многократно утинанымъ шльохомъ — „а цы не чуєте вы кривду вашои сироты! — — — а цы не видите вы! — — а цы не болитъ васъ сердейко! — — — що ту тое, що вы на рукахъ выкохали — хухаючи выпестили — кровїю зъ-пѡдъ сердца выгодовали — тое теперъ люде безчестятъ — катують — мордуютъ! — — — То вы на тое Варвару выховали, — — — щобъ ся мали люди надъ чимъ збытковати! — — а все за еи добро! за еи ласкавое сердце! — — — А на що вы мене учили, людей любити! — — — людемъ прислуговатися! — — — щобъ они менѣ за тое сердце выдерали! — — — Было мене учити, виѣсто молитися, проклинати — за доброе слово кидати каменемъ — за любовь вороганье — за вѣрность. . . .“

Громообразный трескотъ загудѣлъ въ ухахъ панѣ Чепѣжихи и перервалъ гѡрькїи еи ереміады. Юрїй убрался дохватомъ, взявши — мишоходомъ рекши — въ хуткости урядовую шапочку на себе, и пѡгналъ стрѣлю, мовъ изъ зараженной чумою хаты. Зъ-разу гадалъ бнть, легонько вынестися зъ нею; но погадавши собѣ, що уже часъ, все дороги до возворота на все затворити, трѣсулъ, що малъ силы, дверьми, и ѡтсипнулъ на дворѣ свободнѣйше чистымъ раннимъ воздухомъ. Было то коло семен рано. Почислилъ вѣтромъ

въ трепетающихъ рукахъ свои гроши, щобъ знаги, сила му еще дозичити, щобъ мати ѓддати долгъ свѣй Чепѣжисѣ; по чемъ покотился, пущена мовь куля, до мѣста.

VIII. З м о в а.

Георгій бѣгъ хвильку, не виаячи ничо коло себе. Не задолго учуль ѓнъ голосъ мимо лежащего Бучка: „Юрій! — Михайловичъ! — стѣй во!“

„Не маю коли!“ — сказалъ той, и хотѣлъ бѣгчи въ свою сторону.

„Бѣйся Бога! позычь менѣ пягьдесять реньскихъ, бо жида уже за мною!“ — просилъ сквапно Бучко.

„Не маю! не маю! — пусти мене!“

„Але бѣйся Бога! пѣйду до цюпы! ратуй! сказалъ затримуючи Юрья Бучко

„Ще разъ, не маю, не маю, не маю!“ — сказалъ Юрій, тай брень покотился мѣшокъ его съ грѣшми по земли; ту мѣшокъ рѣзворился, а зъ него забѣгли густо напханми сороковѣцѣ. Сталося то тымъ, же Бучко пѣймалъ утѣкающоу Георгіа за тую руку, въ котрѣй ѓнъ що-ино численными а на ѓдданье Чепѣжисѣ назначенными гроши свои держалъ; рука вылетѣла зъ кишенѣ, а за нею и мѣшокъ съ грѣшми.

„То ты менѣ такій другъ въ бѣдѣ! такъ дотримуешь пробу дружества?“ — сказалъ Бучко, посмѣхнувшись съ поруганіемъ.

„Не маю!“ — сказалъ сердито Георгій, сховавши мѣшочокъ съ грѣшми — „а если дружба твоее основанное на грошехъ, а не на моемъ словѣ, то есть оно ложю, и можешь залишити, нею кого дуриги.“

Георгій полетѣлъ стрѣлоу, а розъяренный и здумѣлый Бучко поскочилъ до дому панѣ Чепѣжихи.

Найшоль ю сидящу при работѣ.

„Дай Боже счастье и добрый день! якъ ся мають всечестная паня?“

„Якъ я маюся? гмъ!“ — сказала заговорена, съ явно франтованнымъ супокоемъ — „якъ ся маю? — ось якъ то я.“

„Не былъ ту теперъ Георгій?“

„Панъ Георгій? — а щожъ менѣ до пана Михайловича?“ — сказала паня Чепѣжиха зачатымъ голосомъ.

„Моя паня! можебъ зробили для мене великую ласку! Потребую духохъ хочъ 50 золотыхъ, а то въ сей часъ, том минуты. Мѣй другъ Михайловичъ былъ такій недобрый, та не хотѣлъ ми ихъ позычити, хотя я самъ видѣлъ, що ихъ має.“

„Такъ? — то коли уже панъ Георгій, тавій честный чоловікъ и вашъ искренній другъ, що —“ перестала, а очи ея заблестали; но не змѣнивши голосу, кѣнчила: „що на васъ всюда такъ добре говоритъ, коли ѓнъ не хоче дати, щожъ и . . .“

„О моя доброцько! хочь на мѣсяць! на тыждень! на три дни!“

„Най вамъ той дасгь, що въ очи каже, що есть вашимъ другомъ.“

„Та кто?“

„А ктожь вамъ скалнѣ зубы въ очи, кто кленеси перель вами . . . е, шо мы тамъ!“

„А по за очи шо?“

„Або я знаю? — а менѣ шо до того? — не пхай пальць помежь двери!“

„А предцѣ шо такое?“

„Щожь я могу знати? — га га! — а цы вы то вчера дѣйстно такъ дуже пѣдмошались до той навѣдженон бахурки зь-пѣдъ Юра?“

„Кто казалъ? — якъ то? ага! то зь ѳси бы малъ вѣтеръ вѣяти?“

„Ха ха! мало то щось такъ быти.“

„И не мати на тѣлько смѣлости, сказати!“

„То ѳнъ вамъ ничо не казалъ? гмъ, дивно ми.“

„А шо же ѳнъ казалъ?“

„Отъ ничо! — лише прѣйшолъ, якъ опареный, муркотѣлъ щось скрѣзь зубы; — е! шо ми тамъ до того! —“ и ялася дальше шити.

„Але предцѣ, молю!“

„Кто бы тамъ хотѣлъ собѣ голову сушити людскими орудками! я маю шо иншое памятати, якъ о его добиранныхъ тигулахъ.“

„Господи! шо чую!“

„Хъ хъ хъ! — цы ходили вы коли пѣдъ чортика?“

„Та щожь?“

„Та ось, щось казалъ, шо буцѣмъ вы тамъ колись пѣдъ лавою свата-лися съ собаками, цы шо тамъ — або я знаю, якъ то межь вами.“

„И многожь того было?“

„Го го! на воловой скѣрѣ не списалъ бы половины того! Где моя бѣдна голова тое бы стяжила! — Повѣдае — е, шо мы тамъ!“

„Заклинаю васъ на все, говорѣтъ!“

„Та щожь! шо правда, то вѣльно сказати и въ очи. Повѣдае: шо? той, шановавши васъ — мочиморда важится свою негѣдную охоту ажь до Оленѣ пѣдносити! ѳнъ хоче зь-пѣдъ лавы — ага такъ д бре — ѳнъ хоче зь-пѣдъ чортиковой лавы ѳтъ чортиковой коростявки до того ангела свою — не гнѣвайтесь — морду вытяти! Слибы я не зважалъ, шо въ его обридѣмъ стервѣ искра Божая валяесь, то бы его збезчестилъ, подошталъ и прочая и прочая. Е, най васъ тамъ не-хрѣсть самъ годить!“

„Такъ? а щожь бѣльше?“

„Ха ха ха! дайтежь менѣ супокѣй! ще скажете, ще я настаю на ваше дружество. Ха ха ха! лишебъ вамъ не радила, намагатися ему съ вашими услугами, если хочете зь него мати друга. ѳнъ каже: Не знаю, зь ѳтки

тому безстыдникови тільки мѣди взялося на выгертѣмъ чолѣ, що ми всюда намагаєся свсею услужностію! Кѣлько разѣвъ уже далъ я му тое по-знати!“

„То ѣтъ то тому буцѣмъ задуманій не зважає на мене!“

„Я тамъ не знаю вашихъ орудокъ; но щєбъ вамъ радила, разъ постатковаги, бо той совѣтникъ, до которого ѣтъ все ходитъ, сваришь неразъ на него, що съ вами заходится. Та и неразъ и пытаєся про васъ. А знаєге, Юрій самъ каже не разъ не два, що ему не возможно, неправду говорити.“

— „Господи святий! могложь бы то быти! То ѣтъ чєй тому нарядилъ на себе, мовъ паяць якій, тую урядовую шапочку? — почервонѣлъ недавно тому, якъ чулъ . . . — зъ ѣткижь бы знала? гмъ!“ — муркотѣлъ, лѣтаючи великими кроками по покою Бучко. Станулъ потому, поблѣвший хустою, и вдивился въ лице панѣ Чепѣжихи. Та я стала дальше:

„Нѣтъ прошу, дайте менѣ супокѣй! Я лише кажу, що и другіи комѣрники неразъ чули, же они оба съ совѣтникомъ журились неразъ про васъ. Але мене до того не мѣшайте! Осъ вымовилася не хочачи, але уже бѣльше и слова не скажу; ще схочете потому мене до вашои справы потягати.“

Настала хвиля тишины. Бучко смотрѣлъ задуманій на паню Чепѣжиху, котра свое шитьє супокѣйно проложала. Въ кѣнци сказаль Бучко грозно супокѣйно:

„Хочете маги Юрѣя? що?“

„Шо? ябъ мала собѣ на голову брати такое послѣднего характера лице? такого интриганта, що мало говорить, а радъ бы чоловѣка затруилъ своими обманчивыми заходами. . .“

„Алебъ вамъ не заваяло помститися на немъ?“

„О! що кривды моеи, то не подарую ему, хочъ бы скрывался передъ мною и въ пекѣ! за мою працю, котрою набивался, за мою грызоту, пакости, що ми дѣлялъ. Коли чула, якъ ѣтъ выгадує на васъ, то кажу, щѣбъ если не людей, то хочъ Бога боялся, та вригадалъ собѣ численныи ваши услуги. А ѣтъ, якъ не усѣлъ на мене! Що зъ роду не чула, тое я ѣтъ того ливачиска слухати мусѣла; я, котру всѣ . . .“

„Отже за всѣ тое и за мене можете ся легонько помстити; а то такъ же ѣтъ буде приневоленный, мати собѣ то еще за счастье, если пойдете за него. Но за тое треба менѣ позичити 50 рывьскихъ.“

„Я не маю зъ-ѣтки, 50 рывьскихъ вынудати.“

„То хочъ тридцать.“

„Дайте менѣ супокѣй!“

„Коли такъ, то и ничо; но я вамъ про тое скажу. Идѣтъ лише до полиціи, и скажѣтъ, же Юрій свроваджує заказанныи книжки зъ заграницѣ, а буде все добре.“

„Гмъ — та оно и правда, що ѓнъ книжки зъ всего свѣта зволѣкае, а за правду не ма грѣха — але . . .“

„Цы правда, цы неправда; вы идѣть лише до полиціи и скажѣтъ, що чуете. ѓнъ поѣде въ камаши, а вы можете его выкупити поѣвъ условіємъ, щобъ тое, якъ вы знаете. . . А що? добра рада? га?“

„Гмъ — але цы не буде ему що бѣльше? може Берно?“

„За тое че бѣйтеся; зваю справу въ самъ добрый смакъ досолити.“

„Е — гдѣбы я на кого передъ полицією доносила! — Але правда! якій ѓнъ для мене, такъ я ему. Почкай! допѣкъ ты бѣдной сиротѣ, прійде и на тебе ключка. Позычу вамъ 50 реньскихъ, але за квитомъ.“

„Добре; — въ сей часъ напишу — ось и штемпель.“

Паня Чепѣжиха пошла до другого покою, заперлася, обкрутивши ключъ два разы, и вынесла по доброй хвили обѣданныхъ 50 реньскихъ. Бучко написалъ тымъ-часомъ давно кбигъ и ждалъ еще на ню не мало.

„Щось вы дуже долго перебирали въ мамонѣ; мае ея тамъ быти не мало. Теперъ же идѣть около полудня до полиціи, а я тымъ-часомъ постараюся, що треба.“

Бучко вылетѣлъ изъ хаи и надыбалъ сторожемъ коло вен стоящего жидя. По долгихъ торгахъ присгалъ жидъ на якійсь часъ на 50 реньскихъ, а Бучко пустился по всѣхъ союзникахъ, дати имъ голосъ о вѣроятномъ незабавки пересмотрѣ полиційномъ. Вернулся потому разъ ще до дому панѣ Чепѣжихи, сховалъ якійсь книжки на самъ задъ ѓтворенной витрихомъ шафы Георгія; и сказавши пани Чепѣжистѣ, же уже може вти до дѣла, пустился знову до мѣста.

IX. Той туда, а той тудя.

До сихъ поръ шло Бучкови все легко, та не думалъ, якъ лишь о томъ, чтобы якъ справно заложити ланку. Но теперъ, коли уже все было готове, та нашлося досыть часу, подумати надъ своимъ дѣломъ, стали сомнѣнія въ немъ возникнуть. Якъ передъ хвилею всѣ дѣли Юрья уназовалися ему въ самѣмъ горшѣмъ свѣтлѣ, такъ стали му теперъ самія благородныя свойства его на тянку приходити. Взаяся переходити всѣ обстоятельства, котрымъ перше подозрѣнне въ немъ возбуждали; а дивнымъ для него образомъ видѣлось ему теперъ, же всѣ они ничо не доказуютъ. Теперъ пригадалъ ѓнъ собѣ, що Георгій самъ не разъ выкидалъ ему неосторожнѣсть въ бесѣдѣ, та що безъ сомнѣнія Чепѣжиха могла коли нибудъ подслухати его и зъ ѓтси дознатися оныхъ обстоятельствъ, котрыхъ рѣзказованьемъ его недавно такъ дуже перепудила и въ вѣрѣ вины Георгія утвердила. Же Георгій кидался при кождѣмъ случаю, коли му що ѓтъ него не было до ладу, тое видѣлось ему теперъ знаменати его отвертѣсть. Зъ всего сталося му теперъ видѣти рѣчию невѣроятною, щобъ его малъ Георгій передъ совѣт-

никомъ олеветати; а то тымъ ббльше, коли собѣ пригадавъ многихъ ворогѣвъ, когрыхъ малъ межи сотрудинками. Дальше сталъ онъ розбираги характеръ панѣ Чепѣжихи, и перепудитя великимъ розличіемъ тогоже отъ характера Георгія. Одну лишъ неохоту Георгія, позычити ему грошей, когрымъ власнѣ малъ, не мѣгъ собѣ Бучко жадною мѣрою вытолковать, а такъ видѣлося ему всё въ характерѣ Георгія двоюзначное.

Въ самъ часъ непокоящихъ тыхъ сомнѣній ударилъ Бучко, мовъ громъ лкій, голосъ Георгія. Занятый догадками, не зважалъ онъ, же Георгій переходячи коло него, закликалъ звычайнымъ своимъ дружескимъ голосомъ:

„Бучко! прошу тя, ступи но до мене, та вынеси ми мой новый плащъ и свѣтскій капелюхъ; ось маешь ключъ до шафы.“

„И я не стою о обманчивыхъ“ — кинулся Бучко.

„Ты розсерженный може на мене, же тобѣ може що прикрого сказаль. Прости брате, бо менѣ втогда тая навѣлжена Чепѣжиха сотно надѣла.“

„Но но! ты не маешь грошей для мене.“

„Вѣрь ми, що теперь гадаю плащъ заставиги, щобъ мати тому чортовнѣ отдати; бо тое, що маю, не стане и на половину долгу. Нынѣ переносуся со всѣмъ отъ неи.“

„Якъ то? а що говорилъ ты на мене?“

„Коли?“

Бучко сталъ трепетати. „Въ самѣмъ дѣлѣ ничо?“

„Передъ кимъ?“

„Чепѣж...“

„Въ имя Отца... або я що?“

„А передъ совѣтникомъ? — але правда! до чого то?! Бывай же здоровъ; маю ще важную орудку.“

Закѣмъ Юрій отямился, угѣкъ Бучко и полегѣлъ вѣгромъ до п. Чепѣжихи. Той не было уже дома. Глуха Зоська сказала, що она передъ хвилею уже пошла до мѣста. Бучко вынялъ чимъ хугше вложенны нимъ самимъ недавно книжки изъ шафы Георгія и хотѣлъ ихъ на огонь кинути; но же той не былъ еще розложеный, яся що сила розгоргати стѣсъ камѣня, стоящій подъ стѣною хаты. Вываживши спѣдний огромный камень изъ мѣстца, завадилъ онъ огородинкомъ о шмагу, когрую дармо брался выгнуги изъ землѣ. Откинулъ землѣ ще троха — тягне — тѣй пѣзнае закопаный мѣшокъ грошей. „Ага! сокровище нашей панѣ! Шкода же нѣтъ часу, познакомитися съ нимъ ближше.“ Положилъ на мѣшку книжки, приложилъ камень и береса отходити. Въ томъ часѣ надѣтае до его уха отъ улицѣ щось мовѣ гомонъ идущихъ и бренькотъ оружья. Допалъ чимъ хугше плота, скочилъ верхъ него до сусѣдного огорода, гай махнулъ садами но-за мѣсто.

Симъ часомъ пошла паня Чепѣжиха до полиціи. Скулена во двое ступала тихенько, мовь бы ся бояла, щобы кто не учуль ей холоу. Повеже дирекгора не было дома, то казали ей ити до комисаря. Механичымъ образомъ послушала наша паня тое, що ей казали, и запукала тихенько до дверей. Никто не просилъ до покою, лише сильная фортепяновая гармонія далась зъ-отгамъ чути. Напукавшись еще колька разовъ дармо, набрала въ конецъ наша пани отухи, и запукала такъ голосно, що иво могла, аж сама перепудилася своего пуку. Голосное „прошу,“ вытяганое при отгомонѣ полной фортепяновой гармоніи театральнымъ образомъ по всей музыкальной драбинѣ геть и назадъ, отозвалось на пуканье; а другое: „щожь тамъ паню ту приводить?“ отспѣванное тымже образомъ, повитало входящую паню Чепѣжиху.

Станула передъ паномъ комисаремъ полиційнымъ.

Разительное было розличіе межъ обома противъ собѣ стоящими лицами. Паня Чепѣжиха скулена въ двое, почорнѣлая, видѣлася, мовь бы всё живое тѣло въ себе ближше трусизогося сердца втягнула; изъ-верху бо всё ей члены, цы то дрожащія а горячковаго высохшии уста, цы столпомъ загавшиися очи, цы зимнымъ потомъ скропленная скбра, цы трусомъ холящія руки та ноги, всё осередному источнику жытя гейбы послухъ отказали. Супротивъ же неи сіяло полное, пообѣднымъ удовольствиемъ покраснѣлое, лысинкою увеличенное лице спорое череве передъ собою носящего чиновника, передъ котрымъ лоснѣла величястая холява пѣноокрытого шо-ино напочатого затецкого напитка; видно нашъ лайтомышльскій крайнинъ покрѣплялъ утомленныи ранѣшними бюровыми прадами силы, утѣшаючися любезнѣйшими свого народа забавками: музыкою и пивомъ.

„А! витайте!“ — скочилъ галантерійно комисарь — „витайте переднѣйшій взоре всёхъ дѣвиць! Якому счастливому обстоятельству долженъ я честь вашей визиты?“

„Приходжу; — ги — при...“

„А прошу но, прошу сѣдати у старого кавалѣра. — Ге Іоганъ! принесь семъ еще одну склянику! — Що вамъ скажу! Маю вамъ мурины коло самого Затецу; охъ выборныи хлапѣкъ! Онъ есть такъ буцѣмъ седлякъ. Але ний ся сховае въ кугъ вашъ панъ передъ нимъ. Що онъ їсть и пѣе въ Пятницю, то вашъ панъ не видитъ и въ Недѣлю. И онъ то прислалъ менѣ бочку ехтъ-Затецкого пива. Прощу, що то за барва! ехтъ-пивныйи бронзъ; якъ чисте! шо за пѣна! а ароми! Прощу-но скушати; цы было коли въ вашомъ Польску шо похожого? Баварске пиво лише такъ обкричали; але то есть найлѣпшій напитокъ на весь свѣтъ. Прощу!“

„Цѣлуу руцѣ; ещебъ ся панна у молодца такимъ превосходнымъ напиткомъ упила. Криснобъ то было?!“

„Ничо не вадить. Тобъ семъ поѣшолъ съ вами ческа-полька, або вал-сера; а такъ буде аллесь гуть:

Якъ семъ былъ за Вислу
На тамту страну,
Видѣлъ семъ голѣчку
Упудрувану.

Не умѣете того спѣвати? О то есть ческа пѣсня, а знаете, Чехъ спѣ-вае, закѣмъ ся уродить, такъ ще въ матерной утробѣ. А ну прошу покушати!“

„Менѣ иде до плачу, а не до таяцю! — но коли така воля вашего вы-сокомудрїя . . .“ — Пани Чевѣжиха потягнула до половинч склянки, а то не безъ нагаданься; разъ, щобъ собѣ додати отухи, во вторыхъ же, понеже видѣла, що ту не выпадае, брати оставое съ собою, якъ то бывало у людей потребующихъ ей помочи.

„А що, правда? — О то не Винникеръ, анѣ Ланцутеръ, шо не гѣдныи и доброго слова. Тамто то простый хлопскїй борщъ на супротивъ тои ес-сенциї. У насъ драусенъ то и песь не кушалъ бы такои затраченои мик-стуры. Где ту анѣ такого хмелю, ни ячменю, ни воды, анѣ майстра. Е — и дерева на кѣлштокѣ не ма ту такого. У насъ семъ мае ячмѣнь колосье, якъ у васъ кукуруза, а вуса, якъ малярскїй гранатиръ. Одинъ ученый довазуе недаромъ, же нектаръ греческихъ богѣвъ, то было Затецкое пиво. Прошу—но покушати того нектара, а журба утопится въ немъ мовъ въ Летѣ. А чому то мало бы нашой пани ити до плачу? — Пѣвнѣ не хоче котрый должникъ платити проценту, а може и капиталу? Угадалъ? — Е моя пани! не будѣте такъ строгїи. Вы весь свѣтъ приволите до роспуки: молодць то-пять то стрѣляются, же жадного не хочете отличити благосклонностїю ва-шого дѣвичого сердца; а должники, же не даете имъ жити за-безъ процента! — А ну вольсайнѣ!“

„Ваше высокородїе изволятъ жартовати; — где менѣ вольсайнѣ въ го-ловѣ, менѣ житѣ не миле!“

„А ктожь то смѣе супокѣй вашего житѣя мугити? Скажѣтъ, а пѣсля всеи строгости права укараемъ его.“

„Охъ . . . гмъ . . . я сповѣдалася нынѣ у священника, шо одинъ мѣй ко-мѣрникъ . . . охъ я такъ боюся . . .“

„А щожъ? той комѣрникъ не хоче комѣрное платити? А ктожь тое на сповѣди говорить?“

„Охъ где-тамъ! Я сповѣдалася, шо мѣй комѣрникъ, молодой школяръ, цы урядникъ . . .“

„Ага! туда-то, туда! той молодикъ ваше дѣвоцкое честолюбїе уразилъ. А не можъ бы знати, въ якѣмъ ступни?“

„О — дуже перепрашаю и прошу дуже, въ томъ отношенїю зъ-далека! Еще шо! — гмъ! — гадалъ бы кто Богъ знае шо! шо якъ ока въ головѣ свято

стерегла, щобъ анѣ на макове зерно тѣни на менѣ не было — дуже прошу, мене такими рѣчами не афронговати!“

„Нуже, до тисящъ миліонѡвъ бутелѣкъ пива съ кварглями! що тамъ такъ тайного; може той казусъ належить лише пѡдъ печать сповѣди?“

„Казусъ цы не казусъ; але я сповѣдалася, же ѡнъ заказаны книжки зъ свѣта спроваджає.“

„Ба ба ба! мол паня! а цы знаєтеся вы на тѡмъ, що то заказаны книжки?“

„А якже не заказаны, коли ся съ ними ховає, мовъ той шверцоръ съ горѣлкою передъ стражниками. Огже казалъ менѣ мѡй сповѣдникъ, щобъ я для супокою моеї совѣсти сказала тое пану директору; а же паня директора не ма дома, то . . .“

„Ага — а якже ся той молодой школяръ цы урядникъ называє?“

„Георгій Михайловичъ.“

„Михайловичъ? кто бы того по немъ надѣяся! — Еть ось надѣтъ! то вамъ такъ лише видятся; такій порядный хлопакъ!“

Новоли прійшла паня Чепѣжиха до себе. Коли уже прійшло, доказовати вину, разъ уже Юрію причеплену, вернулася ей вся притомлѣность духа. „Охъ! красно ми порядный, що цѣлыи ночи Гогъ вѣдає куда по-пѡдъ Юра уганяє, гроши на якінсь тамъ книжки зъ заграницъ марнує, не иде якъ другій на феріи, лише по мѣстѣ вытрибенькує.“

„Коли такъ, то що иншого. Но розважайте добре, що говорите; що може вся будучность того чоловѣка теперъ въ вашихъ рукахъ.“

„А щожъ ему буде за тое?“ — спыталася съ тихонькою осторожностью.

„Если не много завинилъ, камаши; сли много, Берно.“

„Га!“ сказала паня Чепѣжиха, урадована, що все добре иде — „треба свою совѣсть очистиги: онъ такъ есть, якъ кажу.“

„То прошу за мною до канцеляріи. Іоганъ! позбирай! —“

И пѡшли до канцеляріи, где списали немалый протоколъ. Незабавки розѡшлися полиційныи слуги на всѣ боки.

Що ино розѡйшлося Бучко съ Юрьемъ, приступилъ до послѣднего товаришь его Поповичъ въ одежи зъ дороги.

„А ты ту що робишь Поповичъ? не на селѣ?“

„Пріѣхалъ где-що свого забрати, а гдешо купити.“

„А що тамъ нового въ нашѡмъ селѣ?“

„Ничо. А сли хочешь, вѣдь со мною; — тамъ тебе страхъ вызирають.“

„Мѡй Боже! якъ бы я самъ того радъ! Але ще який часъ мушу ту забавити; маю долги.“

„Долги?“

„И то не малыи.“

„Много ти гребя?“

„Правди! Може ты въ состоянью, мене теперь поратовати. Не маешь зъ шѣстьдесятъ реньскихъ, котрыи ми ше нестаетъ; може за мѣсяць, або два надѣюся ти ихъ ѳдати.“

„Дуже добре! За ѳсотки можешъ ми где-нещо въ моемъ предметѣ, зъ котрого испытъ я ѳтложилъ. Ходѣмъ же ту ось до сѣней.“ . . .

Пѳшли до недалекихъ сѣней, и стали раховати гроши, пригорнувши головы въ купу. Ту вразъ учули голосъ: „Въ имени цѣсаря! межъ насъ!“ Здумѣлися оба; — Поповичъ сталъ ся просити, но все не помогло ничо; а такъ приневолены были оба посередъ шести жолнѣрей ити на полицію. Глота цѣкавыхъ неробѳвъ гналася за ними.

„Бучко! Бучко!“ — кликалъ за идущимъ улицею Бучкомъ одинъ изъ сотрудинокѳвъ его — „пы знаешь, що ся стало?“

„Що такое?“

„Завели Михайловича и Поповича до полиши.“

„А зъ-ѳткижъ ту ся взялъ Поповичъ?“

„Бѣда принесла го по рѣчи до дому.“

„Онъ мае паперы!“

„Ктожъ то мѳгъ знати, що такъ придастся!“

„Господи! що ту дѣлати? Видѣлося, що все добре, а ту що ось! — Га! такъ — най буде! пропало. Знаешь що? Якъ прійде до чого, зложѣтъ все на мене. Лише не заразы, ось такъ за двѣ недѣли. Розумѣешь? Все а все най я буду виненъ; ту для мене и такъ не ма ничо, хѣба сами долги. — О бывай же ми здоровъ друже! цѣлую всѣхъ а всѣхъ въ тобѣ. Цѣлуй Михайловича! — чей му ничо не буде; а не забывайте на мене! Отъ нынѣ за тыждень буду — Богъ дастъ! — далеко ѳтъ васъ — напишу.“

Бучко попрашался, мовъ бы на вѣки и побѣгъ, не сказавши, куда.

Х. Б ѳ д а.

Наша рѣчь дѣялася по тѣи часы, коли ше правительство тое за переднѣйшую свою должнѳсть почитовало, щобъ надъ бесѣдами и занимаемъ своихъ пѳдданныхъ самую точнѣйшую контролю провадити. Система тая домагалася превеликого числа тайныхъ надзирателей, котрыи, не боялися жадном контролѣ, неразъ въ намѣренью припѳдхѣбитися вышше, помститися на кимъ або для иншихъ якихъ мотивѳвъ, въ донесеньяхъ своихъ правды не все держалися; а пановавшій втогды въ вышшихъ сѣерахъ непонятный якійсь переполохъ передъ тайными махинациями неразъ за вѣру давалъ такимъ доносамъ, котрыи въ очахъ не такъ трусливого теперѣшного правительства ува-

жаются перезрѣнья достойными выдумками; а дѣлалъ тамъ трепеть и ужась, где заглянувшій подобнымъ страхопудамъ неразъ безопасно въ очи теперѣшній правитель изъ всего смѣются, та всё само собѣ оставляють, и того звычайно дожидаются, же рѣчь нездалая сама въ собѣ распадается.

Нашихъ плѣнникѣвъ завелъ до великой салѣ, до котрой впустили ихъ обохъ купно. Понеже оногo року былъ въ сусѣдствѣ несупокѣй, то брали и во Львовѣ многихъ до политическихъ вязницъ, а такъ нашли наши въ оной сали уже зъ десять соучастникѣвъ лихои ихъ долѣ, котрыхъ число множилося за каждою майже четверть-годиною. Были тамъ люде различныхъ сословій: елегантскіи пань зъ села, звычайно купно съ своими гувернерами; были и мѣйскіи паннички; были школярѣ, адвокаты и адвокатскіи писарѣ; ремѣсники, именно челядь; былъ и одинъ священникъ; лише жиды и хлопы не было жадного. Каждый держался самъ въ собѣ; и хотя не олинъ изъ нихъ малъ тамъ знакомыхъ въ той сали, то задавался всякій, же жадного зъ нихъ на свѣтъ не знае. Бесѣды было дуже мало, бо всякій боялся въ другѣмъ шпѣгуна. Лише одинъ якійсь панъ робилъ въ тѣмъ изъятіе. А былъ то якійсь отличный, дивный чоловікъ той паниско. Вѣку былъ онъ середного, гдесъ коло сорока; убранный зъ-польска; волосье и борода долги. Лице его было якоесь много и ничо не знаменующее, покрайне всюда въ прерозличныхъ наставленьяхъ малыи морщками, котрыи однакожь зъ-далека, выдѣлося, зливались въ гладкое тѣло. Очи малъ дявнои якось барвы, такъ, буцѣмъ долго-долго не спали, та теперъ хочъ дивляться на кого, та якійсь полу-мертвыи, вѣчно однакій, же, хочъ панъ нашъ говорить до смѣху, цы до плачу, на нихъ ничо зъ того не знати, они все однакисенькіи. И той то панъ не боялся видно ничого, бо правилъ свое смѣло, категорично „Що то мосане, они гадають край настрахата тымъ, же насъ кѣлькохъ мученикѣвъ казнити гадають! Горѣ имъ! часъ тираніи уже почисленый! Станѣ народъ! потрясе кайданами, и вложитъ ихъ на своихъ томителѣвъ. Во Франціи уже гдесъ нынѣ — маю точныи извѣстія — революція торжествуетъ; прійде молодой Наполеонъ, и надолужитъ ошибку своего дядька, черезъ котрую онъ упалъ. Онъ воскреситъ Польшу, а втогда ты, що нынѣ ту въ кайданахъ, будутъ диктовати права нынѣшнимъ владѣтелямъ землѣ! — Що то ихъ сила противъ силъ народа? Москаль не поставитъ николи въ свѣтъ бѣльше, якъ 100.000 мужа въ поле за границу; о Австріи и Прусахъ и не говори! А ты миліоны народа, одушевленныхъ идеєю свободы! каждый герой, стае за десять платныхъ салдатѣвъ . . .“ и пр.

Такъ и бѣльше ще правилъ втогда паниско; правилъ слова, котрыи нынѣ уже со всѣмъ зъужитыи, находятъ всюда недовѣрчивое сомнѣванье; слова, котрыи втогда и погадати никто не посмѣлъ; но котрыи разъ где учутыи, при невозможности свободной дискусіи про и контра, пріймались въ недосвѣдченыхъ умахъ втогдашнихъ молодцѣвъ, мовъ самая дѣйственная

полная правда. Большая часть пльнниковъ, задавался, же той бесѣды не чуе; али нашлись гдєкотры, именно зъ помежь чєлєди, котры окруживши витію, слова его живцємъ пожирали. Межь послѣдними былъ такожь Поповичъ, котрый тронутый живою бесѣдою, захотѣлъ чийъ подобнымъ пописатися и кѣлька разѣвъ — хотя безуспѣшно — голось брати рвался. Но, коли уже недалеко того было, же надѣя его, прійти до слова, мала ся исполняти, шепнулъ ему ктось до уха ужаснымъ слова „молчи! то шпѣгунъ!“ — по чемъ нашъ Поповичъ, гей змытый, стягнувшись во трое, въ кутикъ сховался. Шепоть оного неизвѣстнаго друга учули и другіи, а такъ розбѣгся кругъ слушателей оного цѣцєрона по сали, а незабавки настала крайная, душная тишина.

Долгий часъ было въ сали тихо, лєчно, сумно: той смотритъ зъ пѣдъ ока передъ себе; той, пѣднесши голову бокомъ, видятся, щось пѣдслухує, чого никто не чує; той вѣдпиль очи въ заставленое кошємъ ѡкно; тамтой сидитъ задуманный, голову пѣдперши; а другий ось, оперши голову до стѣны, плакати берєся. Были и такіи, що по сали ходили; но ступанье ихъ было тихе, на пальцахъ, мовъ то боялися, поступитися такимъ образомъ, котрый неизвѣстному котрому шпѣгунови яко полиціи противный видѣлъ бы ся. Томлящая такъ тишина трєвала долгую хвилию. Въ конецъ озвался ѡтъ крайнаго ѡкна слабый, тужливый, сумный голось, выводящій слѣдующую пѣсню:

Господари раду дайте!
Несчастлиаго ѡтбивайте!
Руки, ноги повязали,
И тяженько змордовали!

Пѣвецъ пересталъ; послѣдний пѣдземный зойкъ его звєнѣлъ долго въ ухахъ пльнниковъ, и всѣ задумалися молчки.

По хвили озвалося зъ другаго кута дѣйстно гробовымъ голосомъ:

Не плачь мамо, не плачь,
Що на вѣйну иду!
Втогда си заплачєшь,
Якъ зъ неи не прійду.

Плаче моя нєнька,
Плаче сєструнєнька,
Що ми ся мигоче
При боцѣ шаблєнька!

Бодай тое мѣсто
Вже ся разъ запало!
Що нашъ тѣлько хлопцѣвъ
Нашихъ гєть забрало!

„З!“ — озвався ктось зъ кута — „ту и такъ не весѣлье, а вы приведете вашими стогнами кого до роспуки. Нужь-но шо веселого!“

Тай вразъ сталъ котрыйсь охочо:

И шумить и гудить,
Дрѣбный дощикъ иде;
А хтожь мене молодую
До домоныку заведе?

Юрій розъохотился; и видячи, же новый пѣвецъ слабо держится, выручилъ его, впадаючи звонкимъ своимъ теноромъ:

Навинувся козакъ
При солодкомъ меду:
„Гуляй, гуляй чернобрѣва,
До дому тя заведу.“

„Ой прошу я тебе,
Не веди ты мене;
Бо я маю злого мужа,
Буде бити мене.“

Ту ѓтворилися входныи двери. Пѣвниими гадаючи, же ними впусять нового обвиненого, не переставали спѣвати. Но новый прибылыи былъ капраль полиційный, котрый покраснѣвши ѓтъ гнѣву, ударилъ кѣлька разѣвъ палицею сильно по дверехъ, и крикнулъ акцентомъ зраджающимъ жида, цы быхреста:

„Молчѣть! — Шо то? такъ вамъ ту весело, мерзениими ребелянты! Лише не будьте тихо, то вамъ заспѣваю, шо вамъ охота до крикѣвъ въ сей часъ оіѣйде!“

Наремно пересталъ капраль говорити. Око его узрѣло Юрья, стоящего мѣвъ-то на челѣ спѣвающихъ. въ несчастной урядовой шапочкѣ. Полиційникъ розѣлся тымъ страшно, и крикнулъ шо мѣтъ, стронувши зъ Георгія палицею шапочку:

„И вы ту? — вы! лукавый Іудо! — Вы, котрого цѣсарь кормить, платить, мѣвъ свою дитину! И вы смѣете противъ вашему татови ворохобню распочинати! — Ой!“ — ту стала бесѣда его страшно грозною, а каждое слово выговоривалъ скрѣзь затятыи зубы, поволи и важко — „Ой! кобъ я былъ цѣсаремъ! я бы ты ту на мѣстци повѣсилъ! — На мѣстци въ сей часъ! ребелянтъ затраченый!“

Юрью стало страхъ жалъ на души, же не почуваячися до ничего, такую зневагу малъ слухати. Но вразъ мѣвъ бы пристуцила до него, розъяреного ще пѣвнемъ, дивная якась, десперацкая охота, котра може и Васъ коли, любезный читателю, въ похожихъ крайнихъ бѣдахъ нападала; заспѣвалъ

нашъ обернувшись до соучастниковъ своей долѣ, нагикаючи на жидовскій выговоръ капраля:

Кшиклѣ вшѣсцы еанымъ гльбосымъ: ай вай! ай вай!
по чешъ всѣ гей бы на знову поѣтвергалися ѳъ капраля, тай стали спѣвати на знакому нугу:

Ай вай, вай вай, вай вай вай,
Ай вай, вай вай, вай вай вай,
Ай ва й!
.

Пѣсня якъ пѣсня; але найгѳрше было ту тое обстоятельство, же спѣвающіи, обернувшись въ часъ спѣву а фронтѣмъ до капраля, за каждымъ вай по жидовски кланялися, а такъ тѣи поклоны, поверненныи въ противную ѳъ капраля сторону, для тогоже значевіе дуже проничное и оскорбляющее мали. Коли наши пѣвцѣ обернулися назадъ до полиція, не было его уже въ сали.

Плѣнники урядованыи своею смѣлостію, регогалися по ѳтохѳъ капраля добрую хвилю. Юріи смѣялся за всѣхъ; но незадолго стала природна его задума и тревога брата верхъ у него. Небавомъ озвался на дворѣ гаморъ и пукъ; чути было ступанье приходящихъ и различныи межъ ними крики. Въ разъ розпустилися широко двери; ними же влетѣла цѣлая купа полицаевъ и жолнѣрей. — „Где ѳиъ? — котрый то? — бери! — давай го ту! — ходи но пташку! — Гайда до монастыря! — до целѣ! —“ Такіи и похожіи крики загудѣли по сали. Вразъ подыбали Юрья, ухопили, вытаскали зъ салѣ и поволокли до поблизкого превеликого монастырского муру. Коли ишли подвѳрьемъ монастырскимъ, учули зъ противной его стороны выходящій печальный зойкъ невѣсты. Сгалъ великій различнозвучный гаморъ; улчники, бѣгшіи доси за Юрьемъ, полетѣли въ сторону, зъ котрой зойкъ озвался; Юріи глянулъ такожъ тамтуда, и увидѣлъ омѣлную Оленю, упадающую на руки якогось пѳдыблого паца. Нашъ розѳгнался, бѣгчи до своего ангела; но ухопленный твердою рукою за плечи, заточился въ-задъ межъ стражу. Ту знову голось якійсь, заганяющій на ческое „Матесь! маршь помочи до пана консиляря Путицкого!“ перелетѣлъ мимо нихъ, а вразъ скочилъ одинъ сторожъ въ сторону Оленѣ. Юріи гадалъ, же може той Путицкимъ приклонный голось схоче и его пѳдратовати, и сталъ рвати и кидатися на всѣ боки; но все тое не помогло ничо; весь свѣтъ забылъ нынѣ на него, та небавомъ затаскали его на невидный коридоръ, а зъ того до тѣснои, темной цюпы. И ту ще не давался нашъ сердега шо мога; чѣпался руками, ногами дверей и кричалъ пѳдъ небеса; но въ конецъ и тымъ не порадилъ: шпурнули нимъ сильно на спорохнѣлый тапчанъ, котрый пѳдъ нимъ завалился, трѣснули тяжкими дверьми, обернули въ нихъ ключемъ три разы, тай лишили нашего Юрья схованого на-безпечно.

XI. Конєць.

Бѣдный былъ Юрій въ своей темницѣ. Не давно жвавыи, охочій, чистый молодець, одушевленъ надѣєю ще бѣльшого счастья, стогналь ѓтъ теперъ надъ заломанымъ барложискомъ въ тѣсной, невидной, мокрой, нагостѣнной ямѣ. Рвалъ собѣ бѣдняка густыи кучеры, котрчи колись паню Чепѣжиху такъ живо въ очи закололи, билъ рукою по бѣломъ, молодомъ личку, то головою до твердого камня; то знову заломуючи руки, ѓтъ кута до кута затѣчался. Очи его, синіи, чернобрѣвыи, меланхоличныи, колись такъ подобныи очи помрачѣли густыми слезами, та судорожнымъ изъ жаю глыпаньемъ; духъ запирала му крайная, пекушая туга.

„По що я такій лихій! убійца! тронитель домашнего счастья! — Я дуракъ! негодный — не зналъ до ничего — не годенъ по людски и разъ поступитися самъ! — Видкое, явное проклятіе ходитъ въ слѣдъ за мною! Где лишь поступлюся, всюда непорозумѣнье, плачь — заводъ — несчастье! По що менѣ, назначенному несчастною судьбою, было ходити, мутити спокойной ангелского того существа! переднѣйшого дѣла Божого! его чистое серденько занечищати гадками о менѣ негодномъ! а теперъ видѣти, якъ тии очка — небо! — потемнѣли! а може и не отмятятся! якъ житейко тое, достойное счастье, рай земскій кому сотворити, той цвѣточокъ пречудесный, теперъ зовяне гореноснымъ повѣннемъ моимъ! — А все все за-безъ мене, мене ледащого! що не знаю самъ собою провадитися! що дурною якоюсь роботою дѣстался ту до того злоповѣстного мѣстця!“

Такъ и бѣльше заводилъ нашъ Юрій, засумованный крайнѣйшимъ горемъ. Якоесь сильное ступанье, гаморъ и многіи голоса по коридорѣ далися небавомъ чути.

„А где той саперженцкій хлапѣкъ!“ — отличился одинъ голосъ надъ другимъ — „гераусъ! — где той убійца, мятежникъ? — давай го ту!“

Двери до темницѣ Юрья ѓтворилися, ними же вѣйшоль извѣстный намъ полиційный комиссаръ.

„А! — такъ мой пане? —“ продолжалъ комисаръ — „то вы на-передъ одной пѣдылой паннѣ голову завернули, а потому взялись молодыхъ мянтити! А що найгѣрше, вы дерзаете капральскій гоноръ оскорбляти, мятежи пѣдносити! — Гей! такій молодой, а такъ небезпечное, полиціи протѣвное индивидуумъ!“

„Господи святой! —“ просился Юрій — „перестаньте уже разъ мучити мене; та помилуйте, если не мене, то хочъ бѣдну сироту, що ту гдєсь незнати за що, передъ часомъ марно иде зо свѣта Заклинаю васъ, скажѣтъ чи жие Оленя?“

„Вы бы хотѣли може ще трету? --- Го го! ничо зъ того. — Гей гей! — то я старый гадалъ, що собѣ хочь пѣдъ Юромъ що выховаю, а ту ось бѣда нанесла паничка, що менѣ хапъ дѣвчинку зъ пѣдъ носа! А я ще теперь на свою бѣду та нужду омаѣлу тверезилъ; всѣ прелести сіяли зъ близка на мене! щобъ мене на вѣки запаморочити! — Але ходѣмъ зъ той затраченой пещеры, бо ту чути щось, гей гробное предисловіе. Я бѣгъ за вами, щобъ васъ ту не запхали, але знаете, що тамъ ось съ вашою дамою дѣлося; а дамы мають всюда первенство.“

„А гдѣжь она теперь?“

„Но но! — есть она у добрыхъ людей; у своего дядька, що ту обytae въ монастырѣ. Але правда! — тому росправу до Альгеймайнера писали вы?“ и показалъ извѣстныи Юрію паперы.

„Або що?“

„А бодайже васъ! а ту недавно тому была вся полиція на ногахъ за авторомъ той статейки, и не успѣла. Красно! отже то ми права дорога; а не то, що тамъ Вуттке и похожи куромазняки смарують, що ажъ чловѣкови назадъ вергаeся. Онъ бы противника въ сей часъ зѣблъ и попилъ по нѣмъ гальбу пива. То не той способъ: Ту иде все, якъ мае быти, съ повагою, умно и розумно; всякому своя правда: ту маeшь рацію, а ту выбачъ! Тое я люблю, и вамъ пророкую добрыи надѣи. А тотъ нуты, то може ваши композиціи?“

„Но и щожъ?“

„Браво! брависсимо! Зъ васъ буде колись дѣйствый мeстро! А! — то превосходное! Трамъ та рѣта! галъ ля ля ля! — Е! то сипербъ! А тоe въ Бе моль, то самое чоло композиціи! А що за переходы, а тая чортова фуга! Но но! що то мы вмѣсто заказаныхъ книжокъ у васъ познаходили! — Знаете що? вы маeте быти конечно изъ ческого роду.“

„А то знову зъ-ѣтки?“

„Цы не звался може вашъ честный отецъ або дѣдъ Михайлчекъ?“

„Нѣтъ! Правду сказати, звали мого дѣда по просту Михайлѣвъ.“

„А не можъ бы знати честной родины, зъ котрой походитъ ваша мама?“

„Шведицка.“

„То то то те! А видишь? — Не казалъ я? Перекручене, перекручене! Зъ ческого Шедивиль; чуete Ше-ди-виль; чисто ческое назвиско: на мою душу ческе!“

„Але анѣ гадати! мѣй дѣдъ и прадѣдъ по мамѣ писался все Шведицкій.“

„То не може быти! — Така музыка! така композиціи. То хйба кто до вашей крови перешверцовалъ вусъ ческой стихии. Друмъ думъ дѣ да ля ля ля! А! ексцелентъ!“

„А щожъ Олена!“

„Е вамъ все иде въ ладъ; лише менѣ плачѣ! Но, коли менѣ выдерли тое брильянтъ-соло, то хочѣ давайте руку, же я буду старостою. А я вамъ спроваджу на весѣлье такого ехтъ-Затецкого пива, шо вашъ прадѣдъ такого и о сто миль не нюхалъ! аккордъ!“

„Але прошу! заведѣтъ мене уже разѣ до пси.“

И пѣшли — стрѣгились — повитались — якъ? тое описовати не Григорію Саламастѣ. Щось тамъ много выпытовались, перебѣгались, смѣялися и плакали; всё же закончила невинная, дитиняча радѣсть.

Незадолго по Юрью выпустили и Поповича. Счастье для него было, же куфры его вынесены были, яко заваджающіи непотребно въ покою, на гору; а господиня его, котрая уже неразѣ по такихъ бувалищахъ набывалася, вмѣсто его куфра куферъ иного школяра полиційникамъ указала. А же въ томъ не было ничо заказаного, то и не тримали Поповича долго, но пустили на волю.

Паня Чепѣжиха вернулася при недѣлѣ охотѣ до себе. Цѣлый тыждень не показовалася бѣдна изъ своей хаты. За двѣ недѣли по оной несчастной для неї катастрофѣ принѣсъ ей извѣстный намъ листоносецъ листъ зъ Берлина. Содержаніе его было слѣдующее:

Всечестная паня!

Дуже мене болитъ, шо въ тяженькѣмъ вашѣмъ горю и я може зажурити васъ буду приневоленный. Понеже Господь Богъ далъ такъ несчастный оборотъ спѣльной нашей справѣ, а за-рѣвно разумъ якъ и право наказуе, щобъ коштовъ програнои справы ѣтъ того, кто до неї далъ первую причину, отже ѣтъ васъ домагаться: то прошу, не возьмѣтъ менѣ за зло, шо малъ тѣлько смѣлости, позмычти собѣ зъ доброго схованья вашего пѣдъ каменемъ тысячку таярѣвъ, котрыи, скоро лише до чого прійду, ѣтослати вамъ не заялшу. Прошу васъ ще и раджу, щобъ за мене до Господа Бога широко помолитися, щобы тойже въ неизмѣримой своей благодати сонзволитъ менѣ грѣшному и окаянному догюпатися счастливо до береговъ Америки и тамъ вашими грѣшми чого доробитися. Въ противнѣмъ бо случаю не возможно бы ми было, зъ долгу моего выплатитися; именно, коли гроши ѣтъ васъ позыченны, пѣйшли уже для лѣпшой обезпеки иншою дорогою до новой мови отчины; а такъ я самъ, посватанный до того не мало съ жидѣвскими ляхводерцами, не мѣгъ бы съ вами по совѣсти обчислитися. При томъ случаю маю честь, писатися вашего шкодопостроительного остроумія великій почитатель а несчастья спѣльникъ

Герасимъ Бучко.

КАЗНЬ НЕБА.

Оповѣданіе Анатолія Кралицкого.

На цѣломъ подь-Бескидѣ во свое время Властичъ былъ найбогатшимъ. — Казалъ емь во свое время, бо знай, что го еще тогда сталося, коли нашъ подь-Карпатъ управляли крайники, та жураты; былъ — не хвалячися, и князь свой. А нашимъ пра — Богъ знае которымъ еще — прапрадѣдамъ не такий гараздъ былъ, якъ намъ теперь.

Что было то ся минуло, каже руске присловко, а намъ тутъ не иде, лише про пана Властича, та его долю.

А она досыть сумна!

Якъ помѣщикъ трѣхъ сель, наслаждался онъ немалымъ уважаніемъ и честью у своихъ земляковъ, но уже якость-то ци слабость ци Богъ знае что, звыкло вести богатого и поважаемого человека зъ большой чести въ объятія почтенной госпожи — гордости.

Та и не легко позбыгтися такихъ объятій.

Не иначе дѣсяя и съ нашимъ Властичемъ; же богатый, шкода про-тое больше и говорити, но молодой, уродливый, а къ тому еще ученый. — Такъ итъ и сомнѣнія, же закрутилъ онъ неодной дѣвщици голову. Где-будъ появился, всяды пріймали его щиросердно; за-мужъ готующися дѣвки пасли по его мужеской постати свои черныи очицѣ, та и при гадцѣ: кобы то онъ привелъ уже разъ жениховъ, не разъ изъ глубины сердца вздыкали.

Але бѣда, бо Властичъ якъ гранить, малъ емь казати, — якъ вѣчно-снѣжный верхъ Карпатовъ, на который дармо стрѣляетъ ясное солнце свои огнении лучи; не есть то воскъ, та и не хоче топиться. Га, у Властича своя воля, онъ не хоче знати, что есть черевяковое правительство.

Велося тое мае быти за три, ци больше годовъ, же Властичъ оставалъ собѣ Властичемъ, гранить гранитомъ; та и годѣ прелестнымъ очамъ зроби зъ него воскъ. — Ажъ наконецъ сполнилось на немъ якогось-тамъ мудреца такъ часто повторяемое слово: „quod differtur, non aufertur“. — Якость его счастливый, — ци несчастливый жребій снѣсь съ Оленою Бактушевою, которой жаркимъ стрѣламъ очей годѣ было уже далей поставитися. Тутъ Властичъ принужденъ былъ вывечися Властичевской натуры.

Склонилъ голову, и поддадася. А случай сей зробилъ въ его житю новую эпоху; вывелъ конецъ, который любятъ называти траги-комичнымъ.

Лучше было остатися тобѣ гранитомъ, та не слѣдовати норовамъ поблбныхъ тобѣ смертныхъ! Но конечно ты тому невиновать, же кромѣ тебе суть на свѣтѣ и Олены; а у нихъ такии узавляющіи стрѣлы.

Та уже кто то былъ виновникомъ его такой перемѣнѣ? Что же есть то за Олена, може яка княгиня?

Нѣтъ, — сирота.

А коли кажешь: сирота, разумѣй при томъ: и бѣдная.

Властичъ же богачъ на весь свѣтъ.

Сталось, якъ звычайно звыкло ставатися, Властичъ взялъ Олену за жену. Та и не окламался. Супруга зъ ней яку глядати; любяща, скромна, а къ тому доглядлива господиня; Властичъ не стесалъ подъ черевиковымъ правленіемъ. И свѣтъ имъ былъ такъ переживати минуты життя, которыми бѣгли будьто мысли. На лонѣ всеоживляющей и увеселяющей природы, подъ тѣнью розложистыхъ деревъ въ опрятномъ и вкусу отповѣдномъ домѣ, прожили ужи три лѣта, будьто три години. А Богъ ширше ихъ супружество пожегналъ двома дѣточками... здоровыя были якъ жолудь, а здоровыи якъ макъ.

Тоже и радость была зъ нихъ немала для родичей; только съ тымъ розличіемъ, же у Олены она была глубокшею, чѣмъ у Властича; въ самой рѣчи и дѣточки якось охотитѣше пригорталися къ матери, нежь къ отцу, которого и за колька дней не видали... Властичъ сталъ оставати зъ дому уже и за долшое время, а се начало бывати густо-часто. Властичъ холоднѣе что-день горше, стае быти суровѣйшимъ. Бѣдна Олена проливае слезы, предвидитъ якусь грозящую ей лиху долю! Дѣти видичи мать слезящу, сами плачуть, тай наплакавшись... засыпають, и сплять, солодко мовъ ангелы у раю, а мати бѣдна лебедить надъ ними будьто св. хранитель, та пригляджуе ихъ жолтыи кучерѣ.

Гробную тишину наразъ прервалъ топотъ конскихъ копытъ. Властичъ по пятидневномъ отсутвіи надойшолъ; вступилъ у комнату жены, прибралъ суровый видъ, и бѣгшую ему въ объятія Олену жестоко оттрутилъ...

„Збери сейчасъ свои цупдры, якіи есь принесла; ту маешь сто таларовъ на дѣти, годуй ихъ собѣ, — и вонъ ми зъ дому!“... зарвалъ на ню не-по-людски Властичъ, бросивши ей у пазуху сребро.

Бѣдна Олена — здавалось — хотѣла чгось промовити, но не стало силъ, мовъ у Лотовой жены. — Не очувала борше, ажъ якъ ей выложили на возъ и кинули на колѣна дробныи дѣточки, тай погнали бѣсомъ къ родному селу.

Вылежала несчастная цѣлый мѣсяць у горячцѣ; якась добра душа пріяла ей до своего дому, тай кормила дробныи ребята, а недужну якъ мога дѣчала.

Стало на томъ, что Олена помалу прійшла къ собѣ; и коли уже значно выздоровѣла, взяла одно дитя на плечи а другое на руки, — тай нужь до крайниковъ жаловатись на Властича.

Крайники зобрались, и составили судъ.

Властичъ позыву ихъ повиновался и зъявился на судъ.

„Знаешь женщину сію?“ спросили они.

— „Не знаю —“ отвѣтовалъ онъ холодно.

„Она жена твоя! —“

— „Нѣтъ!“

„Присягай. —“

— „Я Властичъ, божусь разъ — другій и третій разъ, ожь женщину сію я незнаю и что она не естъ и не была моею супругою николи. —“

— „Мужу! поглянь на небо, оно отомщати звыкло кривды! —“ заголосила съ отчаяніемъ Олена.

Властичъ затвердѣло поднесъ очи идъ небу.

А у облакахъ правѣ згромадилися тогда тяжелыя облаки громовы; была великая спекота. — Стоялися хмары; тай грянуло страшенно. . . .

„Но найже ударить до тебе перунъ только разы, колько разы ты надармо божилися!!! —“

Сповѣла, тай схватила одно на плечи, а друге на руки; и пошла тамъ, где найглубша естъ Латюрка.

На берегу рѣки, надъ самою зѣвающою пучиною пала на колѣна и стала молитися Богу. — Якъ скончила, взяла старшее дитя на плечи, привязала ручейята къ грудямъ; а молодшое прижмала сильно къ собѣ. . . . зажурила очи тай — у глубину! . . .

Волны зашипѣли надъ ей головою. —

У самъ той часъ блысло . . . трясло . . . перунъ ударилъ до судсбного дому и запалилъ го. —

Властичъ зо страху простерся vzdолжъ на землю, и думалъ, же уже туй кончина!

Но лѣтъ, то лишь Олена прощалася съ свѣтомъ. Она еще два разы мае озватись. — Властичъ схопился, выбѣгъ изъ горяшого дому, тай якъ-бы и о ничемъ не зналъ, — прямо бѣгъ въ объятія своей Ксенѣ.

Ксеня была дочь богатого крайника, любила Властича всѣмъ дѣвочимъ жаромъ, мимо того жебы была знала что объ Оленѣ; Ксеня была невпнна, не знала, же Властичъ женатый. А нашего героя несчастлива кончина бѣдной Олене и не тронула; онъ фараонски затвердѣлый былъ, не опаматался и на первый погрозы неба, та безъ всякого возмущенья провадилъ свое делей. — Между тѣмъ Олену съ дѣтьми вытащили рыбаки, и прилично похоронили на берегу. Чужи люде зробили ей послѣдню выслугу, — чужи слезы капали на домовину, бо Властичъ гулялъ у Ксенѣ, и готовился на другій день съ нею до слюбу.

Но небо иначе судило!

День тогъ наступилъ, такій красный часъ былъ, такъ ярко свѣтло солнце на небѣ, же ажъ мило было. На цѣломъ синѣмъ поднебьи ни одного облака, только одна чорна точка на азурномъ морѣ, а и то такъ маленька,

что ледво доглянешь окомъ. — Казалось, и сама природа празднует, и она бере участь въ radoшахъ Властича.

Весела толпа свабедныхъ сближалась къ св. храму, саміи крайники и жураты съ своими женами, а на челѣ Властичъ съ Ксенею. Стали у порога церковныхъ воротъ. — Священникъ сталъ держати свою рѣчь о важности и значеніи брака, о догробной любви и вѣрности; и просился дальше Властича, слюбуесть-ли онъ все то своей Ксенѣ? Отъ разу трѣсло страшенно.... перунъ ударилъ у саму середину толпы свабедной.

Якъ очунали гостѣ, съ удивленіемъ видѣли, же не сталося никому ничь, только Властичъ на двѣ сяжни отъ своей невѣсты лежалъ у пороку. — И ему не было ничь, лише потопилося сребро и золото на дорогой одеждѣ.

„Га, то былъ уже второй голось, то было второе прощаніе Олены!“ казали до себе старыи бабушки, утираючи слезу изъ лица.

И второе сіе прощаніе, поколебало уже Властича; зробило зъ него инакшого чловѣка, вступилъ до себе. — Ксеня съ презрѣніемъ посмотрѣла на него, и сказала: „Еже Богъ разлучаетъ, чловѣкъ да не сочетаесть! —“

Всѣ розойшлися; — а Властичъ бѣгъ прямо къ гробу Олены; помоллся „Отче-нашъ и Богородице“ три разы за упокой души ей, и о корог кое время построилъ надъ гробомъ Олены часовню, и приходилъ на гробъ каждоденно молитися.

Долго жилъ онъ по сему; и когда видѣлъ, же збирають хмары, заразъ бѣгъ на гробъ Олены, и ожидалъ послѣднего удара, послѣднего прощанія Олены. Но не дочекался. — Роздѣлъ все свое имѣніе на церкви и монастыри; осталъ сирота убогій, и померъ убого.

Люде его погребли честно, и устремили до гробу крестъ, — а коли стали росходитися, ударилъ перунъ до гробу ! То было третое прощаніе Олены. !

А росходящіяся гробарѣ казали: „То казыи неба!“

ПРОТАЩИ ЛЮДЕ.

О п о в ѣ д а н ь е.

(Гань Олексіевъ П-а-ч-к-в-д-й.)

I.

Посля довгой холодной зимы, якіи у насъ на Украинѣ бувають дуже рѣдко, наступила весна. Все ожило, все стало пѣдниматись! Травница позеленѣла, выпрямилась и дарма що ще була невеличка, а гордо и смѣло диви-

лась у гору: вона чула, яка велика обуза деспоту-снїгу звалилась зъ нею; вона памятовала, якъ ей тяжко було у неволї підъ снїгомъ, и вповнїт впи-вала въ себе свѣжу, непорочну волю. Такъ само и деревья стали иншими, веселїйшими, гордовитими, показнїйшими: здається, и вони розумїли, якими неграми-невольниками були вони зимою!

И люде на видъ повеселїйшали, наче бъ то и имъ полегшало весною. Одначе у де-кого чулись важкіи зѳтханья, а въ тыхъ зѳтханьяхъ для чу-лого сердца, чулась розуцна зависть: люде завидували травѣ, деревьямъ, птицямъ; завидували усему вольному . . . И не диво! Птиця, котра сидить у клѣтцѣ, хочъ бы се въ золотїй, завидуе своєї подрузї, котра живе на волѣ, перелѣтае зъ вѣтки на вѣтку, сядовиться бѣля того листка, де бѳльше блищать роса, и пье живущу струю Божой благодати.

Людамъ не дано такого блага, такого вольного житья, бо не всяка душа и постигае велику — вѣчну красу такого житья! Може воно й краше, не всѣ способны проникаться такимъ чутьемъ и завидувати птицямъ. Таке чутье мають тѳлько великіи мученики; люде, котрымъ дано чуле сердце и непохибна душа. Тяжко имъ зъ тымъ сердцемъ, зъ тїєю душею жити на свѣтї! не втерпяти вони, щобъ не проговорити слова правды; не вдержати, и пу-стятъ божу искру, а вона ихъ же и палить . . . Не ма имъ покою, не ма имъ утѣхи! . . . Тѳлько и всего ихъ, що весною полюбуються вольною волею матери-природы, да тымъ любованьемъ наклічуть на себе ще гѳршу, ще тяжчу тугу, згадавши другу матѣрь — свою родину . . . Плакати бы хотѣ-лось; — такъ слѣзъ не ма . . . предки всѣ заплакали . . .

Такъ ото разъ весною у ранцѣ, якъ тѳлько ще, що начинало небо пѳдбиватись свѣтомъ, якъ гармонична хвала и пѣсня безловесныхъ не псо-валясь ще людськимъ словомъ, Василь Олександровичъ Кленъ гулявъ по гро-мадському саду. Утомившись одъ ходнѣ, сѣвъ вѳнъ на ослонѣ спочити и вы-нявши зъ пѳдъ помы книжку, ставъ читати. Читавъ вѳнъ довго, грудь у его колыхалась, очи выясняли, дагѣ швырнувъ вѳнъ книжку объ землю и вы-крикнувъ: „а надъ дѣтми козацькими поганцѣ панують!!! . . .“

Кленъ читавъ „Кобзаря“ и читаючи, перенѣсся мыслями въ давню дав-нину; „Кобзарь“ пѳднявъ передъ нимъ завѣсу, котра закрывае исторїю Украй-ны. Въ очахъ, Клена замигѣли бунчуки, ратища, червоної жупавы, воронны конѣ, вольнее вѳйсько и вольныи рады на чистѳмъ полѣ пѳдъ яснымъ небѳмъ Украйны! . . .

Глянувъ Кленъ кругомъ себе и нагадавъ собѣ инчу картину; тюрмы-камьяницѣ, блакитныи мундиры, суды запечатанныи канцелярскою тайвою, и сердце въ его загорѣлось другимъ огнемъ; вѳнъ ставъ самъ не-своїй и не выдержавъ! кинувъ свою святаину, свое евангелїе, котре разъ-у-разъ, якъ тѳлько принявся Кленъ читати его, глыбоко разило его у велику рану! Знавъ Кленъ, чога стоить, — якъ розворушити ту рану, знавъ, що „Кобзарь“

безпремѣнно вразить ему ту болячку, одначе жъ не змѡгъ побѣдити себе, не здужавъ положити запергъ патріотичнымъ бажаньямъ!...

Седѣвъ Кленъ задумавшись. Чоловѣку зъ боку легко було прикмітити, якъ у Клена горѣли очи тымъ небеснымъ огнемъ, когрымъ палають души праведныхъ мученикѡвъ за недуги рѡдного краю!

И довгобъ ще седѣвъ такъ Кленъ, колибъ чійсь голосъ у низу за кущами не розбудивъ его. Кленъ спершу самъ собѣ не вѣривъ, думавъ, що ему приверзлось, бо въ той ранній часъ, здавалось ему. ще нікого не було въ саду. Ставъ вѡнъ прислухатись: голосъ справдѣ, да ще жѣночій голосъ!

Кленъ цѡдѡшовъ тихенько до того куща, зъ-за котрого чувся голосъ, и ясно почувъ, якъ женськи уста прорекали:

„Зъ дѣтьми и внуками втопить
Въ слѣзахъ жѣночицъ и дѣвочицъ,
Пролитыхъ нишкомъ, середь ночи!...
А матчиныхъ горячихъ слѣзъ,
А батькѡвськихъ старыхъ крѡвавыхъ,
Не рѣки, — море пролилось“....

Кленъ увесь ставъ слухомъ.

„Трѣвай, ставъ говорить одинъ голосъ, спочину трохи, духъ захватуй!“

— „Спочинь! одвѣтовавъ другій тожъ женській голосъ. Да скажи мѣнѣ, серденько Олено! на шо ты такъ часто читаешъ отсю велику твору великого Тараса?“

„На шо? Першъ усього на те, — що, по моему, се сама краща, високо художественна твора Тараса, а потѡмъ на те, щобъ вивчити ёй на памѣть. Я ставлю Щевченка на рѡвнѣ съ Пушкиномъ, зъ Мицкевичемъ. Ты, Маню, читала шо нѣбудь Мицкевичеве?“

— „А якъ же“.

„А его Reduta Ordona читала?“

— „Не доводилось.“

„Жалко! Нагадай мѣнѣ дома, и тобѣ дамъ прочитати. — Коштовна штука Мицкевичевѣ „Дѣды“, у насъ вони не всѣ надрукованѣ, а въ парижському выданью — сповна усѣ частѣ.

— „Мицкевичеве все гарне. Жалко мѣнѣ, що не вмѣю читати по англицьки, а дуже бажаю прочитати Байрона. Переводѡвъ я не люблю. Мѣнѣ здається, щобъ конячь и врозумѣть такихъ поетѡвъ, якъ Байронъ, Шиллеръ, треба читати ихъ творы у первообразѣ, а не въ переводѣ“.

„Я начала учитись по англицьки, може до зимы добре вивчусь ... Ты знаешъ Мицкевичевѣвъ переводъ зъ Байрона „Прощанье“? Я перевела его по украинськи, да щось не гараздъ выходить.“

— „Чомъ же ты мѣнѣ не показала?“

„Кажуъ тобѣ, не гараздъ выходить. Слухай, я на память прочитаю першій пунтикъ :

„Прощай, прощай, мой рѣднѣй краю,
Ты вже ховаешся въ туманѣ,
Вже вѣтеръ свище, море грае
И хвиля хвилю доганяе . . .
Въ заходнѣй сонце сторони
У бѣлу пѣню понырае,
Его не бачить тамъ мѣнѣ . . .

Прощай! прощай мой рѣднѣй краю . . .“

Довго ще Кленъ слухавъ таку жѣночу бесѣду и, слухаючи, самъ собѣ не вѣривъ. Говорили и про Бичеръ-Стоу, и про Квѣтку, и про Дикенса и про Жоржъ-Занда. Видно було, що говорящій розумнѣй головою, доброго батька дѣти, багато учились, багато читали.

„Чи вони? подумавъ Кленъ. Треба розѣзнати, треба познакомитись зъ ними; такого золота на Украинѣ треба зъ огнемъ шукати, та й то рѣдко де найдешъ.“

Стали дѣвчата виходити зъ саду, Кленъ здалека пѣшовъ у слѣдъ за ними, думаючи прикинути, у якій двѣръ вони пойдуть. Да ба! не довелось! вышовши зъ саду дѣвчата сѣли у брычку и поѣхали, бѣднѣй Кленъ ставъ якъ укопанный, ажъ волосѣ на собѣ рвавъ. Чи вони? де живуть? — не знае, се роспытать не можна нѣ въ кого; бо на видѣ вѣнъ добре не прикиньтивъ ихъ, тѣлько голосъ тиѣм, що читала, добре врѣзався ему въ память. — Въ саду бѣльше не довадилось ему чути того чудесного голосу, хочъ и що-дня Кленъ ходивъ ранкомъ и въ вечерѣ у садъ. . . .

Разъ Кленъ, идучи по однѣй улицѣ, зразу остовбенѣвъ и ставъ у бѣчиненного ѡкна невеличкого чепурненького буцманочку. Вѣнъ почувъ знакомый голосъ! той самый голосъ, що читавъ у саду, теперь спѣвавъ:

„Ой поѣхавъ въ Московщину
Козакъ молоденькѣй . . .“

Кленъ не втерпѣвъ, зайшовъ у двѣръ и ставъ пытати у дворника: „хто тутъ живе?“

„Панъ!“ одвѣтувавъ дворникъ.

— „Якѣй Панъ?“

„Якъ якѣй!? Нашъ панъ! Михайло Феодоровичъ Барвѣнокъ.“

— „Се его й оселя?“

„А то жъ-чѣя, якъ не его! звѣсно его!“

— „А хто жъ вѣнъ такѣй самъ?“

„Хто панъ?“

— „Ѣге.“

„Да хто жъ — учитель!“

— „А то въ буццнку хто спѣвае?“

„То панночка наша, дочка его, Олена Михайловна. Да вамъ на що се все треба знати? Вы сами хто будете?“

Кленъ догадався, що вѣнъ якось не-яково зробивъ, роспытуючи дворника, повернувся и мерщѣй пѣшовъ зъ двору, не одвѣтувавши дворниковѣ ни слова.

Мѣжь учителями Кленъ мавъ доброго прїдателя Павла Ивановича Гречку, до его прямо и метнувся вѣнъ.

— „Ты знакомый зъ Барвинкомъ?“ спытавъ вѣнъ у Гречки.

„А якъ же, одказавъ Гречка. У мѣсць служимо. Гарный чоловікъ Барвинокъ. На що се тобѣ?“

— Познакомъ мене зъ нимъ.“

„Добре! хочъ и сегодня! вони люде хочъ и заможненькї, а простї.“

Недовго откладувавъ Кленъ. Умовились зъ Гречкою и пѣшли до Барвинка на другїй день. Старого не було дома. Олена Михайловна сѣдѣла одна у своѣй національнѣй одежѣ. Товка сорочка зъ широкими рукавами дрѣбно розмержанними и вышитыми; блакитна корсетка и рожева сїданиця. Коса у ёи була заплетена у дрѣбну стрѣчку.

„Добрый-день, озвався першїй Гречка, вѣйшовши у хату. Отсе, Олено Михайловно! щирый мѣй прїятель Василь Кленъ, — дуже бажае познакомитись зъ вами и зъ вашимъ татусемъ.“

Кленъ уклонився.

— „Дякую! Дуже рада познакомитись зъ паномъ Кленомъ, одвѣтовала Барвинковна. Сѣдайте панове! татуса не ма ще зъ уроковъ, вѣнъ незабаромъ вернется. — А давно вы у нашому городѣ?“ спытала вона у Клена, глянувши на его своими палкими ясными очима.

„Не що й давно! друге лѣто. Здається — я тутъ и выросъ, такъ сподобався мѣнѣ вашъ городъ.“

— „Вы першїй такъ кажете, а то у кого зъ прїѣзжихъ не спытаешь, усѣ лають, кажутъ: людей не ма!“

— „Неправду вони кажутъ, заговоривъ Гречка. Якъ людей не ма? Якихъ имъ людей ще треба? Да хѣба Пегербурзскї верхогляды придивляютьсѣ до людей! Вы один, Олено Михайловно, чого стоите?!“

„И я такъ кажу,“ додавъ Кленъ.

— „Дякую вамъ панове, сѣзала усмѣхнувшись Барвинковна. Тѣлько чулно мѣнѣ, що вы такъ кажете, нехай уже панъ Гречка — давненько насъ знае, а вы пане Клене уперше бачите — да вже й хвалите. Чи воно жъ годиться такъ?“

„Того що не въ першъ“, одказавъ Кленъ и почавъ розказувати, якъ чувъ ёи у саду. Тымъ часомъ вернувся и старый Барвинокъ. Поздоровились, познакомились, перекинулись прївѣтными теплыми речами и роспрощались.

Барвінокъ прохавъ Клена не цуратись его хаты и завертати до ёго вечерами, коли забажас.

— — „А що“, спытавъ Гречка у Клена, вышовши зъ двору, „якъ тобѣ сподобались Барвінки?“

— „Золотии люде! Здається: въ обохъ щире украинське серце и правдива козацька душа. Спаси Богъ тобѣ, брате, що познакомивъ. У мене, наче камень упавъ зъ душі, такъ мѣнѣ легко стало! . . .“

II.

Предки Клена були споконвѣчый Украинцѣ, люде богатии, мали вони на Украинѣ великии маетности: села крепакѣвъ, степы, лѣса, водяныи млыны, да звелись ни-на шо, и не диво! маетностей тыхъ вони не куovali, не працевали на ихъ, а все же добро подаровано имъ Московською Царицею Катериною II. у пору розруйнованья Украины.

Старый Кленъ — бунчуковый товарищъ — ничого не жалѣвъ на одплату за московськии ласки; елиного своего сына отдавъ на службу у московську гвардію, и записавъ его уже не Кленомъ, а Кленовымъ! . . .

Поступивши на послугу Москалямъ, Федоръ Кленъ не вертався вже въ рѣдну хату и вмеръ не бачивши рѣднои своеи Украины. За жытя своего вѣкъ худобу усю перевѣвъ, то въ карты попрогрававъ, то попропивавъ, то на собакъ, да на коней прожѣнявъ. Жѣнна его, зъ Московокъ, умерла за першою дитинною — сыномъ Александромъ; може бъ и зовсѣмъ перевелись Украиньски Клены, а завелись бы Московськии Кленовы, колибъ у малого Александра не зосталась на Украинѣ далека роличка, людина старосвѣтска и щира украинська душа.

Прочувши, що Олександръ зостався на чужинѣ сиротою безъ приставища, вона не довго галялась, не довго думала и забрала его зъ Московщины до себе. Богацько выдилось зъ неи поту, покѣль выгнала вона зъ Клененка чужий духъ и напоила его праведнымъ рѣднымъ животворнымъ духомъ и словомъ.

„Потѣль нѣ виру, каже було вона, покѣль не выкуру зъ своего Санника (такъ вона звала Клененка) отого вражого дзеканья!“

И справдѣ выкурила. Зъ Кленова ставъ Клененко зновъ, и ставъ завзятый Украинецъ!

По тридцатому року Клененко женився, не взявши за жѣнкою ничого кроме ширості, коханья, честі и красы. Тѣлько й було у ёго худобы, шо зоставила ему стара роличка его, невеличкій кусокъ землѣ, да оселье зъ хатою.

Отежъ якъ гѣрько було ему убѣдності, а служивъ вѣкъ чесно, хабарѣвъ не бравъ, хочъ служба его и прихильна була до сего. Служивъ вѣкъ „стряпчимъ“ у тѣй „конторѣ“, шо позаваджало московське правительство, ска-

совавши старыи украинськіи порядки, законы и суды. Питають було у Клена: „чомъ ты не просишься на кращу службу? тыжъ чоловікъ розумный?“

— „Проситись! у кого? у кого проситись? одвѣтуе вѣтъ, у своихъ вороговѣ! а щобъ вони не дождали! Я на сѣй службѣ и умру: тутечки все таки хочъ трохи есть своего рѣдного, хочъ трохи, — да запоможу своимъ братамъ. А що, якъ я выйду, да посажать такого сѣпаку, що й зъ мертвого здере? що тодѣ — хиба буде краще!? Добре раете, щобъ братовѣ продавъ! тѣфу! ажъ бридко слухати. . . .“

У ту пору часъ одъ часу, все бѣльше и бѣльше скручували Украину, все бѣльше и бѣльше зрабовували ёи, добиваючись власной московской нивелировки. Въ тридцятыхъ рокахъ скасовали и тѣ „конторы“, де служивъ Кленъ, а за-мѣсто ихъ спорядили „Округи“; Кленъ zostався безъ службы „за штатомъ“. При его бѣдностѣ, при его семьи се все одно було для ёго, „що сказатибъ ему: „твоя черга чоловіче умѣрати, ты за „штатомъ“ одъ житья, жди случного часу.“

Вѣсѣмъ лѣтъ крѣпився бѣдный Кленъ, вѣсѣмъ лѣтъ перебуивався вѣтъ, покѣль не прѣйшовъ случный часъ и выпущено его зъ-за „штату“. . . . Умеръ Кленъ, zostавивши вдову и пятеро дѣтей, да споминки у громалѣ, „що вѣтъ бувъ чесный чоловікъ.“

Старшому сыновѣ его тодѣ йшовъ 16., а меншому 3. рѣкъ; Василевъ жъ толькы шо наступивъ восьмый. Боже, Боже! тяжко згадати, у якѣй бѣдностѣ, у якому убожествѣ zostалась вдова Клениха! Доводилось и такъ, шо дѣти ёи по цѣлымъ днямъ, опрѣчь картоплѣ, вѣчого и въ очи не бачили, а Клениха дивлячися на свою семью, на свое убожество, наплачеться було, напьеться своихъ слѣзъ гѣрбкихъ, крѣвавыхъ слѣзъ, да тымъ и сыта була, покѣль не роздобуде чого и для себе! . . . Отаке то вдовине житье на сѣмъ свѣтѣ! . . .

Минули два роки одъ смертѣ Клена, старшій сынъ его Федоръ кивувъ учитись, бо треба було хозяйновати. А надъ чимъ то его було и хозяйновати. Ставъ Клененко зарабатывать копѣйчину, возячи крамарокъ по торгамъ зъ одного села въ друге, заробивъ у два роки 50 карбованцѣвъ, порадовся зъ старою, тай одвезли Васида у повѣтовый городъ учитись у школѣ. Шо то за наука була, шо за школа! — крѣй Боже! сумно и згадувати! Зъ чимъ прѣйде було дитина въ школу, зъ тымъ и вернется: толькы воно й похвалиться пришовши до дому, шо у школѣ того выбивъ учитель рѣзками, того палими; отъ и наука!

Спытае було хазяинъ у Василя: „а шо ты хлопче учивъ сегодня у школѣ?“

„Нѣчого, каже; на первыхъ часахъ — учитель чотырохъ хлопцѣвъ высѣкъ рѣзками, на другихъ — усѣхъ перебивъ палими, на третыхъ — писали, а на четвертыхъ такъ седѣли, велѣвъ на завтра вытвердити на память табличку складанья.“

— „Що-жъ то за складанье?“

„А хто его тамъ знае, не знаю; учитель не розказувавъ, велѣвъ вытвердити, тай годѣ!“ . . .

Въ такій науцѣ Клененко за цѣлій рѣкъ тѣлько й вивчився, що лаятись. Вдова Клениха не знала, що й подумати про свого Василя. „Таке вже дурне вродилось, каже було на его, нічого зъ его не буде, дурне зо всѣмъ! Куди ему учитися; навить бы его до кого у пастухи, або у ремесло яке оддати, бѣльша-бъ користь була, дакъ соромно жъ; все таки воно дворянське дѣтя. . . . Радить учитель оддати у Кієвъ у кантанисты — послухаю его рады. . . .“

И задала-бъ була дитину у кантанисты, да найшлись кращі люде, нѣжъ учитель, подвали вдовѣ кращу раду.

„Ты, Сиклито, стали ёй казати, одвезлабъ свого Василя у сирѣтську школу у Черниговѣ.“

Клениха послухала, поѣхала у Черниговѣ и довго-довго билась вона по панськимъ переднимъ, богацько одтоптала черевикѣвъ, ходячи по высокимъ драбинамъ у панскій будинки, довго попокланялась вона, довго попогнула свою стару спину, покѣль прняли ён сына у сирѣтську школу на казенный коштъ.

Бувъ и я у тѣй школѣ, да не хочу усего про неї згадувати: тѣлько й добра тамъ було, що великій ѡкна, да вымалѣваній стѣны; одъ тѣхъ ѡконъ, одъ тѣхъ стѣнъ такъ и пахло тюрмою, мабуть черезъ те, що школа не громадська, а казенна.

На счастье Клененка учитель бувъ чоловѣкъ гарный, да кругомъ запутанный „программою.“ Прикѣтивъ вѣтъ, що у Клененка хорошиій розумъ, гарна память, що се дитина не абы яка; и ставъ до его ласкою, а не сваркою, не бѣйкою; черезъ те и Клененко ставъ ничимъ: ставъ смѣлымъ, ставъ гарно учитися; ниголи було промовить до учителя таке пытанье, що й учитель здивується.

Три роки пробувъ Клененко у тѣй школѣ и учивъ все одно, да одно, бо у школѣ було всего тѣлько двѣ клясы; Клененка прямо прняли у другу клясу и держали его тамъ три роки, черезъ те, що вѣтъ бувъ малый, треба було выждати, щобъ сповнилися ему лѣта. Покѣль сповнялися лѣта для ничої школы, Клененко не-защо губивъ свои кращі лѣта. А стара Клениха ажъ помолодѣла, дочувшись, що ён сынъ гарно учиться и що, якъ мине ему 13 лѣтъ, его одвезуть на казенный коштъ у комерческую школу. Радѣла Клениха, радѣвъ и Клененко, малюючи у своѣй молодѣй годовѣ, якъ повезуть его у Москву, якъ оддадутъ у школу, якъ вѣтъ учити-меться, якъ вивчитися, выросте, и чого-чого ему не приходило у голову! Одно лякало его, „к олицѣ не били за те, що не виѣю гараздъ говорити по московськи. —“

Одначе правду люде кажуть: якъ сирѣтъ женитись, такъ и нѣчь мала.

Не ждала Клениха, якъ привезли до неї оповѣстку, щобъ прїїхала забирати до дому сына, бо у Черниговѣ велика холера появилася.

Полились зновъ двоиний слѣзы и окропили всю дорогу до Чернигова.

Холера справдѣ була велика. Клениха поховала двоохъ дочокъ и меншого сына. Легко сказати: поховать одного тыжня три душї зъ семьї!!

Минула холера: пришла до Кленихи друга оповѣстка, щобъ уже бѣльше не привозила сына у Черниговѣ; бо вѣнъ уже перерѣсь, у комерческу школу не годиться, а другого мѣсця не ма, — буцѣмъ Клениха виновата, що черезъ холеру сынъ єї перерѣсь! . . Пѣшовъ зновъ Клененко у повѣтову школу, ѡкѡля черезъ три роки випущено его зъ свїдѣтельствомъ, що учився „отлично“ и мае право служити „у государетвенной службѣ.“

Клененку тобѣ було 16 лѣтъ: се саме та пора, коли просыпається душа, загоряється охота до науки, розбужується розумъ и наповняється духовнымъ жаданьемъ знанья. Повѣтова школа тѣлько розворушила у Клененка жаданья розуму, жаданья молодой горячой души, а не вволила ихъ, ди не могла вволити, мѣшавъ и тутечки программъ. Клененко весь загорѣвся до науки, а учитися нїгде було и нї-нащо: нї-нащо було розлабути книжокъ, нїчѣмъ заплатити за „право учитися,“ нї съ кимъ було порадитись. Просити Клененко не вмѣвъ, не така була у єго натура; вѣнъ добре памятовавъ завѣтъ своего батька, котрый було каже: не проси сынку нїчого у панѣвъ. у ихъ добро окрѣвавлене, не кланійся тымъ, у котрыхъ браты пѣдданками; не цѣлуй тїей руки, котра бѣе людей. И свято Клененко держався сего завѣту, сихъ неписанныхъ святыхъ скрижалѣвъ старои Украйны. Неразъ вѣнъ лаявъ, неразъ дорѣкавъ своимъ товаришамъ-школярамъ, котри дружились зъ паненятами. — Клененко мавъ якїйсъ строгїй поглядъ: було якъ гляне своими свѣтлыми очами, то хочъ кого, такъ на-вскрѣзь и перейме. И не диво! у тыхъ очахъ горѣла, якъ свѣчка, чиста непохабна правда; така правда, якою свѣтять тѣлько чеснї души, и яка не горить у великихъ вельможъ! Рѣдко де е така правда, а колись вона обитала по всѣї Украйнѣ, колись безъ неї не можна було прожити, такъ якъ и безъ души. Недаромъ же Тарасъ спѣвавъ:

Украино, Украино!

Рѣдна моя ненько!

Якъ згадаю тебе краю,

Заплаче серденько!

Не ма теперь старои Украйны!

Ө. Верниволя.

(Далѣ буде).

ПОРЯДОКЪ ШКОЛЬНЫЙ

или Уставъ Ставропигійской школы въ Львовъ 1586. года.

Наша галицкая или подкарпатская Русь никогда не оставалась въ дѣлѣ просвѣщенія и образованія за другими народами. Она стремилась всегда въ своихъ представителяхъ напередъ; хотя въ самыхъ непріязненныхъ обстоятельствахъ пользовались предки наши всякою уаобною способностью къ учрежденію благополезныхъ заведеній, къ подкрѣпленію упадающей народности, къ поднесенію народного духа. Въ самыхъ опасныхъ временахъ соединялись передовыи люди нашего народа къ общеполезнымъ цѣлямъ и ставили смѣло отпоръ кознямъ злоумышленныхъ противниковъ. Умственное образованіе и воспитаніе юношества въ народномъ душѣ лежало имъ наибольше на сердцѣ.

Учрежденіе школъ на Руси современно крещенію Руси. Уже Владиміръ Вел. основалъ школу и приводилъ дѣти на книжное ученіе, тоже дѣлалъ сынъ его Ярославъ и другіи князи наслѣдники ихъ. Не только въ монастыряхъ и при епископскихъ соборахъ издревле заводились училища, но учреждались школы по всѣхъ большихъ городахъ, и если при церкви Успенской Львовской было братство, оно безъ сомнѣнія по давнему обычаю удерживало и школу. Киприанъ Митрополитъ возобновлялъ во время розгрома Татарского упадшіи училища и возстановлялъ книжное ученіе на Руси.

Послѣ великихъ переворотовъ политическихъ и религіиныхъ въ западной Европѣ началось стремленіе ко всеобщему просвѣщенію. Во всѣхъ большихъ городахъ заводились училища или учебныи коллегіи. Въ тое время совпадаетъ исправленіе учебной системы въ школахъ во всей Европѣ. И наша Русь прикоснувшись посредствомъ Польши, съ которою неумолимая судьба связала насъ на долгии вѣки, не промешкала воспользоваться лучшими нововведеніями того времени. Въ XVI. столѣтіи славился нашъ Львовъ просвѣщенными людьми не только по межѣ духовенствомъ но и между почетными мѣщанами, якъ н. пр. Макарій Тучапекій, Семень Сѣдляръ*) и др. И въ

*) Макарія Тучапекского, мѣщанина Львовского избрали духовнымъ, шляхта, мѣщане и всепольство закона греческого православного въ наместника Митрополитичего, который послѣ посвященъ въ епископа Львовского. Князь Курбскій, ревнѣйшій поборникъ православія на Волыню, удостоилъ великой на оное время чести письменного сообщенія и личного совѣщанія въ дѣлахъ вѣры со свѣтлыми мѣщанами Львовскими. Въ доказъ тому приводилъ письмо его къ мѣщанину Львовскому Семюу Сѣдлярю, которого князь называетъ своимъ

томъ нашемъ рускомъ Львовѣ нашлись мужи умны, слѣдующіи дѣла, ревни ко своему родному языку и къ православію и по внушенію патріарха Антиохійскаго Іоакима учредили 1586 г. первую того рода школу или коллегію во Львовѣ, которая процвѣтавши нѣсколько вѣковъ выдала много знаменитыхъ мужей для Руси, и есть незыблемымъ памятникомъ народного сознанія нашей Руси и ревности гражданъ Львовскихъ ко своей народности и праотцевскому православію. По образу Львовской школы заводились другія братскія училища. Наши школы отличались тѣмъ отъ польскихъ, чешскихъ и другихъ Европейскихъ, что въ нихъ не мучили дѣтей схоластически-варварскою латинщиною, а обучали на природномъ рускомъ и ли церковномъ (т. е. славяно-

любимымъ братомъ и единовѣрнымъ другомъ: Посланецю краткое Андрея кн. Курбскаго къ Семену Сѣдларю, и ѣщанину Львовскому, ну жу честному, о духовныхъ вещахъ вопрошающему.

О превозлюбленный мой брате, правовѣрнѣе украшенный!

Епистолю твою пріяхъ, и прочтохъ, и выразиухъ, и познахъ въ тобѣ искры отъ Божественнаго огня возгореніемъ являемыя. А желалъ еси насъ о духовной вещи, иже пѣщны раскольники, взявши предъ себя упрямство, и отъ Оригеня будучи въквашены, утверждаютъ, и на свидѣтельство ереси своей приводятъ Апостольское слово, яко писалъ еси къ намъ во епистолю своей. Твоя же Честность, ревность ко благочестію илуще, хотяще ся Учителя вселенскаго толкованіа о семъ доведати, яже златыи усты протолковалъ Павло въ епистолю: свѣше благодать огъ Животворящаго духа пріемши, желаніе Твое исполнихомъ безъ закосненія, не фолгуючи, или не щадячи старость и недуга ниѣ належащаго, и прочихъ приключившихъ ми ся напастей, искорѣ предложихомъ отъ римскаго языка во словенскій, не токмо о семъ речений виршь или стихъ, но всю цѣлаю бесѣду оную и со правоченіемъ, и послахомъ къ твоей Честности, брату моему любимому и другу единовѣрному, послушанъ будучи во всемъ по любви духовной. А Вашей Милости прошу: пріими сей мой подарокъ духовный завдочно, и внимаи, читаючи себѣ, и услаждайся шъ со правовѣрными восточныхъ церквей; а схизматикомъ онымъ не показуй того, ани споруйся съ ними: бо зѣло сварливы и упрямы; бо и Апостоль великій не совѣтуеъ сваритися, а ни супротивитися, ни шуци ко Апостолу Тимооею о семъ, ну жу благодати исполненному сушу и пророчества дарованіемъ украшенному. А проси отъ мене отца Мина^{*)}, иже бы мя навѣдалъ, или самъ потщися навѣдати мя, прошу тя въ тѣхъ приключившихъ ми ся бѣдахъ; аще бы могло быти, тогда благодать духа на помощь призвавши, усты къ устамъ бесѣдовати о томъ будемъ, яко съ нимъ подобаеъ поступовати, да не возмогутъ прогнвнати правдѣ: бо иже естъ обычай въ томъ, зѣло искусными силлогизмами поганскихъ философъ, сиѣшавши ихъ со упорностію своею, истинѣ Евангелской софистизмами супротивлятися, и проповѣдь Апостольскую разорати, а паче же на таковыхъ нападають и супротивъ тѣхъ возмагають, которые зброя оружія отъ священнаго писанія аще и имѣють, а дѣйствовати ими не умѣють, и супротивлятися врагомъ неискусны. Мудрому и разумному долѣеъ. Давъ зъ Милеговичъ року (15) 80, мѣсяца Генваря. *Андрей кн. Курбавскій и Ярославскій.*

^{*)} Отецъ Мина, монахъ и типографъ въ св. Онуфрейскомъ монастырѣ во Львовѣ

русскомъ) но все народу понятномъ языкѣ. — Еще въ 1860. г. подали мы въ особой статьи (Зоря Галицкая, Альбумъ) извѣстіе о братской Ставропигійской школѣ, нынѣ помѣщаемъ тутъ въ дополненіе оной подлинный уставъ братской школы. До сего времени почитывался уставъ братства Луцкого (съ 1620 г.) найдавніѣйшимъ памятникомъ письменнымъ, изъ котораго можно было узнать о внутреннемъ устройствѣ югозападныхъ русскихъ училищъ, авторъ исторіи Кіевской Академіи утверждаетъ, что Луцкая школа, в сего вѣроятіѣе заимствовала свой уставъ у Кіевской*). Напротивъ того примѣчено было нами въ статьѣ нашей, что Львовская Ставропигія становила „первое братство,“ устроенное и подтвержденное патріархомъ; оно служило образцемъ для учрежденія Виленского, Кіевского, Луцкого, Могилевского и др.**). Нынѣ подтверждаемъ то и прибавляемъ, что и первый уставъ получила Львовская школа, отъ которой всѣ другія, не исключая и Кіевской, заимствовали свои уставы. Въ доказательство тому приводимъ тутъ „Порядокъ школьный“ или уставъ Ставропигійской школы, обрѣтающійся въ Ставропигійскомъ Архивѣ писанный современной скорописью, (см. Альбумъ Ставроп. Института). Въ актахъ временной комиссіи напечатаны два устава школы Луцкой съ 1624. года. Первый изъ нихъ составленный, кажегся, по образцу среднихъ училищъ, существовавшихъ тогда и въ Польшѣ и въ другихъ краяхъ западной Европы. Самъ языкъ сильно спольщенный показываетъ на источникъ происхожденія устава. Второй же порядокъ школьный, сходный съ нашимъ, безъ всякаго сомнѣнія переписанъ изъ первоначальнаго устава Львовской школы, сочиненнаго вмѣстѣ съ уставами Ставропигіи Львовской во время учрежденія Львовской братской школы (1586. г.) подъ руководствомъ патріарха Антиохійскаго Іоакима черезъ избранныхъ мужей нашего города. Львовскій уставъ яко подлинный — полнѣйшій. Въ Луцкомъ пропущены не только слова, но, якъ изъ 12. арт. видно, преподавались науки въ Луцкой школѣ не въ той полнотѣ якъ у насъ, ибо когда въ Львовскомъ уставѣ приказуется дидакаду учить и ученикамъ на письмѣ подавати уроки изъ грамматики, регорикки, діалектики, музыки, и отъ прочихъ виѣшнихъ (иностранныхъ) поетовъ, и сверхъ того изъ евангелія и книгъ апостольскихъ, то въ Луцкомъ требуется только преподаванія отъ святаго Евангелія и отъ книгъ апостольскихъ. Изъ заключенія дополняющаго уставъ Луцкій показуется, что тогда уже различали точно языкъ словенскій (церковный) отъ обыкновеннаго, разговорнаго, обучано бо въ семъ послѣднемъ яко народномъ (простою мовою), и учено словенскій и греческій, яко жертвymi книжными языки. —

*) Исторія Кіевской Академіи соч. воспитанника ея Іеромонаха Макарія Булгакова. Спб 1843. стр. 23.

**) Начало и дѣйствованіе Ставропигійскаго братства въ Львовѣ по отношенію историко-литературному.

Въ языкѣ и правописаніи устава Львовскаго примѣчаемъ всѣ важнѣйшія свойства нынѣшняго нарѣчія рускаго, однакоже есть и нѣкоторыя старинныя формы. Вліяніе польскаго языка тоже слѣдно въ нѣкоторыхъ словахъ и видахъ, однакоже меньше нежели въ другихъ тогочасовыхъ письмахъ и даже у многихъ нынѣшнихъ галицко-рускихъ писателей.

Вообще сказать надлежитъ, что тѣ уставы школь нашихъ достойны вниманія, они выше стоятъ нежъ статуты многихъ училищъ въ давней Польшѣ. Стоитъ только поровнати нашъ уставъ со статутами извѣстныхъ бурсъ славимой академіи Краковской и др.*). Уставъ нашъ составленный столь умно и оглядно, что артикулы его могли бы еще нынѣ послужити хорошими правилами для якого нибудь учебнаго заведенія; онъ даетъ свидѣтельство о высокому образованію переднихъ людей русскихъ XVI. вѣка во Львовѣ.

Яковъ Ѡ. Головацкій.

ПОРЯДОКЪ ШКОЛНЬЙ.

Бѣгоколѣніемъ Бѣга Ѡца, и со поспѣшеніемъ ѣдинороднаго его Сна, и дѣйствомъ стараго Дѣла, бѣгословіемъ же советомъ и поклѣніемъ стѣжшаго Іоанкіма Патріарха великаго Інтіуѣха, Книжника, Икѣрша, Сириша, и всего востока сѣнца, сѣшъ ѣмъ здѣ къ градѣ Львовѣ рокъ лѣтис мѣсца Генваря а днѣ.

Соквершеніемъ же и ѡтверженіемъ вселенскаго Патріарха Іереміи, Ірхѣпископа Константинополя новаго Рима и всего Ѡрона великаго цркви Коньстанътинополскіа, рокъ лѣтис. составиша ѡчнѣнше къ градѣ Львовѣ, при храмѣ ѡспеніа Пречистыа Бжїа матере, грѣческаго и славенскаго писаніа, по чинѣ стѣхъ вогононѣхъ Ѡца, православа грѣческаго, великою пилностю, стараніамъ же и наклдомъ (иждивеніемъ) всего братства Львовскаго, храма ѡспеніа пресѣтыа Бца, и всего посполитаго народа Россійскаго,**) даже и до

*) Ся. Michała Wiszniewskiego histor. liter. polsk. T. IV.

**) Въ Луцкомъ уставѣ введеіе и начало нѣсколько отлѣнно гласитъ слѣдующимъ способомъ: „Болю Божїю вси кѣпно братїа въ Хѣ храма къзвѣдженїа честнаго и жнѣотворищаго креста Гїа граждане Луцкїе, жаляючи имѣти строенїе изрядное въ ѡчнѣнше семъ въ немже ѡчнѣнше писанню словенскѣ и рѣскѣ, вѣдохомъ ко снмъ Ѡ братиамъ нашимъ мѣжа два, ради всякаго брѣженїа, и всяко не по ѡзаконенїю строенїа сего, безчинне исправити твореннїи же и глаголаннїи; да достоверно бѣдетъ всякомѣ хотѣшъ испытно видѣти ѡчнѣнше сего строенїе или штрока своего ко наѣченїю отдать.

Болю Божїю советомъ и повеленіемъ Святѣшаго Кирилла Ірхѣпископа Кон-

оубогихъ вѣдѣнцѣхъ, промышляюще въ всѣмъ недостаткѣ законно наѣки, перадибыхъ чѣкъ подвижающе, протѣкнымъ же оустѣ загражающе, дабы ѿсюдъ злобѣ ѡзмѣнившесѣ бл҃гнхъ начало воспрѣяти, ѡ по всѣмъ братѣмъ сп҃нїю распространѣтисѣ: ѡзмѣненїе бо злобы, начатокъ естъ въ сп҃сенїе, близъ бѣды сп҃сенїе.

а) Дида́скалъ*) ѡнѣ оучитель сѣмъ школы, маеть бѣти бл҃гочѣтнѣхъ, разумнѣхъ, смиреномѣрнѣхъ, крѣтокъ, коздержливнѣхъ, не пищнїца, не бл҃зденнїкъ, не лихѣимецъ, не сребролюбнїцъ,**) не гнѣбнѣхъ, не завѣстнїкъ, не смѣхостронтель, не срамословнїцъ,***) не чародѣй, не баснесказатель, не посекнїтель бр҃сѣмъ, но бл҃гочѣстїю поспѣшнїтель, ѡбразъ бл҃гнхъ, въ всѣмъ сѣбѣ прѣстаклѣющнй не въ сицевыхъ добродѣтелехъ да вѣдѣтъ ѡ оучнцѣмъ ѡко оучнтелѣ ихъ.

Мають бѣти прѣстаклѣны ѡ братнѣ двѣ чѣка ѡскѣныя рѣднї стрѣбнїи школьного, да соглѣдають наѣки, ѡ дѣла дида́скаловыхъ бл҃гнхъ и лѣкавыхъ, ѡже бо сѣветъ чѣкъ, тоже ѡ пожнетъ. ѡ тымъ братнѣмъ маеть бѣти данъ рѣвстръ по печатнѣ брѣтскою, въ которнѣ мають дида́скалн кнѣсоватн дѣтн даныя до наѣки, ѡ вѣдѣлѣтъ ѡ наѣки днтннов маеть бѣти ѡ запла́та имъ, то естъ дида́каломъ.

ѡ кто бы хотѣлъ взѣти дѣтн своѣ ѡ наѣки, гдѣ прѣдъ кварталѣ, при тыхъ же братнѣхъ ѡпѣститисѣ мають порѣне, оучнннвшн дида́скалѣ за то дѣсѣтъ вѣдѣлѣтъ постановенн брѣтскогѣ, ѡкъ по чомѣ постановнть на кварталѣ дида́скалѣ дакѣтн ѡ хлопца,****) таковома оучнтелю кажднѣ прнко́днчн сна ѡ прнѣтнѣмъ ѡ прочнхъ на наѣкѣ, маеть взѣти изъ собою сѣсѣда бѣднѣго ѡнѣ двѣохъ, да при оустѣхъ двѣю ѡнѣ трнѣхъ стѣнетъ глѣ, ѡ чнннтн въ дида́каломъ

стантннѣграда новаго Рнма и вселенскогѣ патрѣархн ѡблагословеннѣмъ Архнвнскѣпѣ Метрополнтѣ Кнвскогѣ, Галнцкогѣ и всѣмъ Россн Купъ Іѡанн-Борнцкогѣ въ мѣстѣ Лѣцкѣ при церквѣ вѣздѣнженнѣ честнаго Крѣста Гнѣмъ составннѣ школа грѣцкнѣмъ и рѣскаѣмъ вѣдѣлѣ стародавннхъ шемчавѣхъ и порядковѣхъ свѣтнхъ Отнцѣ законѣ грѣцеского великннѣмъ стараннѣмъ и накладѣмъ и плнностнѣмъ мѣщанѣ Лѣцкнхъ рѣсского народа свѣтаго законѣ грѣцкогѣ и мнѣстннншнмн всѣхъ православнохъ хрнстнанѣ, ѡко станѣ дѣховногѣ, также всѣмъ кннжннцѣкнхъ, панскнхъ, шлѣхнцѣкнхъ и всѣмъ посполнтѣмъ народѣ.

*) Въ уставѣ Луцкоѣ: даскалъ, по прѣстѣнародному ѡспорченнѣ, въ нашѣмъ же всюдѣ писалн знателн грѣцеского языка правнльно „дида́скалъ“ отъ грѣц. *διδάσκαλος*.

***) То слово пропущѣно въ Луцкоѣ уставѣ.

****) Въ Луцкоѣ уставѣ: срамословннѣ.

*****) Отъ словъ: „мають бѣтн прѣстаклѣны“ досн опущѣно въ Луцкоѣ уставѣ.

постановленія ѡ нащѣхъ и ѡ всемъ порядкѣхъ и повинности егò*) вѣле рѣестръ сего ниже писанного; и маеть емѣ напекѣи той рѣестръ прочитатиса, абы вѣдалъ шкочыма спосокѡмъ вѣдѣтъ сѣна егò оучити, и што за то повинень,**) и ѣко бы мѣлкѣ емѣ къ томъ порядкѣхъ не прешкажати, але помагати всѣкимъ спосокѡмъ дѣтинѣхъ къ нащѣхъ, и посасшнствѣхъ дидѣкалокомъ прикодѣчи, ѣкъ правдыи шѣхъ, хотѣчи потѣхъ по пращи и наклады***) вѣгъи плѡдѣхъ видѣти, и маеть рѣестръ по шкочаю вписатиса.

- б) И дидѣкалъ взѣвши порѣченное емѣ дѣтинѣхъ, маеть егò оучити съ промыслома доброй нашки, за непосасшнствѣко карати, не тирански, но оучителски не кѣше, но по силѣ, не рѡпзетне, но покѡне и смиренѣ, не толайко мирски, но и кѣше мирскихъ, абы тѣ непиланостю скѡбою, или заздростию, или лѣкакѣствомъ незосталъ виненъ ни за единого Бѣс вседержителю, и потомъ родничѡмъ егò и емѣ самѡмъ, гдѣ бы чѣ емѣ зколокъ, а егò ѡ иного забавилъ, писано вѡ естъ: злыи, лѣкакыи, леникыи рабе, по что не ѡдѣ сребро мое тѡжнникомъ, да прише азъ взѣмъ вѣхъ скѡе со лѣхкою; и паки: шадѣи жезла не накидѣтъ сѣна, и аще безъ наказанѣа кыли вѣхѡмъ, оубо прѣавѡдѣчициа кыте были а не сѡке.
- в) Оудѣти мають каждыи на мѣсци скѡемъ невномъ назначенѡмъ вѣдѣи нашки, котрый бѡлше оумѣеть, сидѣти вѣдѣтъ кѣше, бы и бѣво нищѣ былъ, котрый мѣньшѡ оумѣети вѣдѣтъ на подѣкѣшомъ мѣсци сидѣти маеть; речѣнно вѡ: и мѣшѣмъ вѣздѣ данѡ вѣдѣтъ.***)
- г) Богатыи на оубѡгимъ къ школѣ нѣчимъ кѣшшнн не мають быти, толко самѡю нашкою, плѡтию же равнѡ вси, всѣ вѡ есми ѡ Хрѣтѣ братѣа, Хѣ глакы единоп оудѣ, ни единыи же оудѣ, ѡко рѡцѣ и рѡка носѣ рѣщи можетъ не трѣбѣ ми еси.
- д) Оучити дидѣкалъ и любѣти маеть дѣти вси зарѡвно, ѣкъ сѣкъ богатыхъ, такъ и сирѡтѡ оубѡгихъ, и котѡрые ходѣтъ по оудѣцѣмъ живности просѣчи, ѣкъ котѡрый вѣле силы нащчитиса мѡжить, толко не пилѣи единого нѣжан дрѣгого оучити, писано вѡ: всѣкомъ вѡ просѣшѣмъ оу тебе дай и хотѣшѣмъ оу тебе взѣати не возбранѣи, хошѣ вѡ всѣмъ сѣтисѣа, и къ разѣмъ истинныи прити.

*) Слова „и повинности его“ пропущены въ уставѣ Луцкомъ.

***) Слова; „и што за то повинень“ пропущены въ уставѣ Луцкомъ; тоже слово „наклады.“

***) Слова: „речѣнно вѡ“ и проч. пропущены въ Луцкомъ уставѣ.

- б) Схѣдитися мають ѿрочища*) до школы на годѣнс пѣкнѣю, то бѣтъ дни великого на девѣтѣю годѣнс, авѣ всѣ стали, также тѣ ѿ иишихъ дний меншихъ, ѿкъ востановитъ дидѣкаль, ѿ пѣщати нѣхъ по наѣце до дѣмс къ пѣкнѣю годѣнс: писано бѣ: всѣ да дѣйствиемъ къ славе Бжю ѿ къ подѣкнов времѣ.
- в) Къ кодыи порѣнокъ мають пиане смотрѣти дидѣкаль, бѣсли которого къ ѿтрѣка**) небыло, маѣтъ по него послѣти зарѣзъ ѿ дождѣтисѣ причинны, для которон не пришолъ, бѣсли сѣ не забавилъ ииде игранѣмъ, ии сѣ дома ѿбленилъ, ии на потребе спѣлъ, ѿ за тымъ къ до школы не пришолъ. дождѣтисѣ всегѣ ѿ прикѣсти егѣ мають; ко писано: ииныхъ страхомъ и нѣжду спасай.
- г) Рѣно сѣ зшѣши кѣи на годѣнс назначѣнѣю не мають почѣтисѣ оуѣити, ѿжѣ мѣткѣ ѿ прѣсловѣ ѿмычнѣ проговѣратъ: рѣчено бѣ: къ началѣ дѣла твоегѣ Бгѣ поминай.
- д) Въ школѣ мають бѣти дѣти раздѣлены на трѣе: бѣны которые сѣ вѣдѣтъ оуѣити словѣ познавати ѿ складѣти, дрѣги которыми сѣ вѣдѣтъ оуѣити читѣти ѿ на пѣмѣть многихъ сѣ рѣчнѣ оуѣити, трѣти сѣ вѣдѣтъ оуѣити читѣючи выкладѣти, разсѣжѣти, ѿ разсмѣти; рѣчѣ бѣ Павѣль стѣи: бѣгда бѣхъ младѣнѣцѣ, младѣнѣцкѣ мѣрѣствовахъ ѿ смышлахъ, бѣгда достигохъ къ мѣ совѣшнѣ, мѣка непотребѣю.
- е) По рѣнс наперѣкѣ по мѣткахъ мають мѣкити кодыи кчорѣшнѣю наѣкъ своѣю, ѿ писмо своѣ што дома писалъ, выклѣ наѣки своѣи показѣвати маѣтъ ѿ потомъ оуѣитисѣ мають дрѣбѣлѣ, ѿгалтири ии грамматики зѣ разкѣзѣканѣмъ еѣ, ѿ иинымъ многимъ потребнымъ наѣкамъ, ѿко ѿбѣчнѣ на тотѣ чѣ вѣлѣ потребы.
- ж) По ѿбѣдѣ хлопци мають писѣти,***) сами на таблицахъ кождѣи своѣю наѣкъ выданѣю намъ ѿ дидѣкала, крѣмъ малыхъ, котрымъ самъ кнѣнѣ вѣдѣтъ дидѣкаль писѣти, ѿ въ школѣ наѣчнѣшисѣ ѿ трѣднѣхъ словѣ нѣхъ****) снѣтовати маѣтъ бѣдинѣ дрѣгѣго, то естѣ диспѣтоватисѣ*****) ѿ до дѣмс ѿходѣчи стѣхъ потѣдѣти, ѿбѣ оуѣ рѣчѣ изѣ школы пришѣши до дѣмс дѣти оуѣмѣли прѣ рѣдичми своѣими ии пѣсторѣннѣи дѣти всѣкого стѣнс живѣчи

*) Въ Луцкомъ уставѣ: хлопята вѣ. ѿтрѣчища.

**) Въ Луцкомъ уставѣ: хлопча вѣ. ѿрѣка.

***) Въ Луцкомъ уставѣ: „писати согѣ.“

****) Въ Луцкомъ уставѣ: „ѿ трѣднѣхъ словѣхъ.“

*****) Слова: „то естѣ диспѣтоватисѣ“ пропущены въ Луцкомъ уставѣ.

въ гѣпѣдѣ прѣ господаремъ своимъ наѣкъ, што къ школѣ оучилн, прочитати повинни въ выкладомъ по ѡбѣчаю наѣки школнн, а што оучилн того дни мають оубѣе дома написати ѡ до школы принѣти порѣнъ показати прѣ дидакаломъ своимъ, дабы всякий плѣ наѣки познавалъ ся; всяко бо древо ѡ плода познавати подобаетъ.

вї) Новиннѣ вѣдетъ дидакалъ оучити ѡ на пѣмѣ имъ подавати ѡ грамматикѣ,*) риторикѣ, діалектикѣ, мѣсикѣ, ѡ ѡ прочихъ книжныхъ поетовъ ѡ ѡ стѣго ѡвѣлѣ, ѡ книгѣ ѡпласкихъ, всѣ бо ѡлика писана сѣтъ къ нашемъ наказанію писана сѣтъ.

гї) Въ сѣботѣ съ поранкъ мають поноклашти всѣхъ рѣчий, котрыхъ сѣ оучилн презъ тѣдѣнь, а по ѡбѣдѣ**) ѡхъ оучити мають пахалѣн ѡ лѣнного течѣнѣ, ѡ личевъ, ѡ рахованѣ, ѡ лѣ мѣсикѣ црковного пѣнѣ; всѣ бо писанѣ Бѣгодѣновѣннѣ ѡ полезна сѣтъ къ наѣченію.

дї) По вечерн***) въ сѣботѣ маветъ дидакалъ въ дѣтѣми намовлѣтисѣ часъ немалый болше нѣ въ дни ѡныѣ, оучачѣ ѡхъ страхъ Бѣжѣмъ ѡ ѡбѣчаемъ встыдливымъ младѣнческимъ ѡко мають быти во цркви прѣтѣкъ Бѣгъ, дома прѣтѣкъ родичѣкъ своихъ, ѡ ѡ ѡнѣ ѡнымъ, цнѣтѣ ѡ встѣ захѣвѣвати, Бѣгъ моклѣ ѡ ѡго стѣмъ чѣ ѡ страхъ, родичѣки ѡ дидакалокѣ послѣшѣнство, поспѣдѣ прѣтѣкъ всѣмъ покѣрѣ ѡ ѡважѣнѣ, совѣ самѣмъ встѣ ѡ цнѣтѣ. ѡ тѣѣ рѣчи знѣѣ влѣканы къ дѣтинкѣ мають быти, на што имъ ѡ памятного маветъ нѣ коронити по чѣши школнн; писано бо естѣ: любѣи сѣна прилѣпѣе наказѣветъ, а нелюбѣи шадѣтъ жѣзла; ѡ пѣки: ѡтрѣчатѣю кѣзѣмѣ на срѣци привѣзано, жѣзломъ же изжѣнѣши ѡ, нѣковъ бо вино къ мѣхѣ нѣковыѣ влѣкають ѡ ѡбѣе соблюдетъ сѣ.

вї) Въ недѣлю ѡ въ прѣзники Госпѣскѣмъ со всѣми маветъ дидакалъ покѣ пойдѣтъ до Литѣгѣн розмоклѣти ѡ ѡхъ оучити ѡ свѣтѣ ѡ прѣзникѣ томъ ѡ оучити ѡхъ волѣ Бѣжѣ, а по ѡбѣдѣ ѡвѣлю ѡ ѡплас прѣзника того маветъ всѣхъ наѣчѣти: влѣжѣ бо, рѣчѣ посчѣмѣсѣ законѣ Гдѣню дѣнь ѡ нѣщѣ.

зї) Дѣвохъ ѡ лѣ чѣтырѣхъ хлопѣѣвъ на кѣдыѣ тѣдѣнь ѡнѣшимъ порѣкомъ мають на сохрѣнѣнѣе выставлѣти, въ чоѣо сѣ ни ѡдинѣ

*) Слова: „отъ грамматикѣ, риторикѣ, діалектикѣ, мѣсикѣ, ѡ прочихъ книжныхъ (иностранныхъ) поетовъ“ пропущены въ Луцкомъ уставѣ. Въ тѣхъ словахъ значѣтѣся полный перечень преподаваемыхъ предметѣвъ въ школѣ.

**) Слова: „съ поранкъ“ „а по обѣдѣ“ пропущены въ уставѣ Луцкомъ.

***) Въ Луцкомъ уставѣ: „по обѣдѣ“ вл. „по вечерн.“

вымокаѣти не можѣтъ, гдѣ на него чѣрга придетъ. Дѣло ихъ вѣдѣтъ ранѣи до школы прийти, школы неместѣи, къ печи затопити,*) и оу дѣрнѣи снадѣти, а которыи выходятъ и вхождѣтъ, ѡвсѣхъ вѣдѣти, и которыи са бы неѣчили, пѣстовали, или въ цркви неѣтне стоѣли, или до дѣмѣ и дѣчи ѡвѣчайне бы са незахѣвали, напн-сокаѣти и ѡпокедѣти ихъ маюѣтъ; рѣчено бо: блюдѣте како да ѡпано ходите, не ѣко немѣдры, но ѣко премѣдры и скѣнѣюще вре-ми, ѣко дни лѣкаѣн сѣтъ.

зѣ) Кдѣ бы тѣжъ хлѣпецъ къ ѣдинѣ днѣ до школы ходилъ, а дрѣгий занѣвокалъ, и такъ ѣдно чѣ бы сѣбѣ трѣтилъ въ рѣчи при школѣ, таково колѣшѣ неприямати, бо и бѣрѣкръ кдѣ бы хорого въ ѣдинѣ днѣ лѣчилъ а въ дрѣгий занѣвокалъ, кмѣсто лѣчѣнѣи къ колѣшю бы хорогѣ ѣго приправилъ, рѣче бо: всѣ-кого бѣрата не по чѣнѣс ходѣща ѡрицаѣса.

иѣ) ѡщѣи ѡ дѣтѣхъ ихъ или гѣподарѣе ѡ порѣченнѣхъ имѣ дѣтѣхъ стороннѣхъ маюѣтъ быти оупоминаны**) ѡ дѣдѣкала и ѡ бѣратѣи стрѣнѣлѣи школнѣхъ, абы дѣти въ дѣмѣхъ вѣлепорѣкъ наѣки школ-нон справокаѣнѣса, цѣнѣнѣи илюскѣсть повиннѣю часѣвъ своѣхъ по-казѣючи кѣѣкому стѣнѣс. Ѣ ѣсли бы иѣшто наѣцѣ спрѣтѣкногѣо къ дѣтѣхъ са найдокало, доскѣдѣчено маѣтъ быти. Ѣсли кмѣ дѣ-дѣкала непланѣстѣю ѣакоюжѣ или рѣдичѣи или гѣподарѣи непорѣ-комѣ, своѣмѣ къ наѣцѣ и ѡкѣчѣвѣхъ дѣбрѣхъ бы прѣшкажѣли, маѣтъ то быти повинномѣ прѣсѣжено.

дѣ) Кдѣ бы тѣ кто хотѣлъ ѡ дѣдѣкала сѣна своѣго на потрѣбѣ иѣнѣю взѣти, тѣдѣ***) неѣзѣчнѣ, а не прѣзѣ когѣо иѣного, толко сѣмѣ своѣю ѡсѣбою и при томѣ чѣкѣ ѣдинномѣ, или дѣвома, при которѣхъ ѣго ѡдалъ на наѣкѣ взѣти ѣго маѣтъ, абы са тѣмѣ оублѣжѣнѣи наѣкѣло, оучнѣю и ѣмѣ самѣомѣ за непорѣнов постѣ-пована, такъ тѣ и дѣдѣкаловѣи, ѡ которѣго бы не ѡновѣдне оучнѣи взѣлъ, гдѣ тотѣ порѣдовѣи кѣи иѣнѣе рѣмѣнѣици маюѣтъ, кдѣ при людѣхъ и порѣнѣе не толко сѣна, аѣе и сѣлѣс до рѣмѣ-снѣка прикѣзѣютъ, и потомѣ кдѣ са чѣго наѣчитѣ, тѣмѣ бѣзѣкѣи занѣхѣати того нехѣтѣтъ, многнѣхъ зѣбравѣши статѣчнѣсть и терпѣ-ливнѣсть рѣдичѣкѣи ѣго залѣцаюѣтъ, ѡколѣи и мѣстрѣнѣи вѣлѣикаѣи по-тѣхѣа кдѣи кѣдитѣ оучнѣи не полѣйшого, што далѣко бѣошѣ въ шко-

*) Въ Луцкомъ уставѣ: „запалити“ вл. „затопити.“— Луцкимъ братьямъ заѣтся неиз-вѣстно было коренно руское выраженѣе „затопити,“ употребляемое до сихъ порѣ у насъ на погорью Карпатскою.

**) Въ Луцкомъ уставѣ: „имѣти оупоминанѣе“ вл. „быти оупоминаны.“

***) „Тѣм,“ пропушено въ Луцкомъ уставѣ.

лахъ ѿ людехъ хриѳіанскихъ мѣти потрека; писано бо: всіакъ дкланій слави не приходитъ ко свѣтс, ткорій же истинс, гредеть къ свѣтс, да іагагетс дѣла єго ꙗко ѿ Бѣк сѣтъ содѣанна.

- к) Если вы ѿ самъ оучитель ѿли ѿ оученикъ нѣкто быль твѡ-
цемъ речий тыхъ, иуже законъ непокаѣкаеть, но ѡбаче ѿ прѣ-
титъ, сиречь, блѣнникъ, пиѣница, тѣтъ, коцѣнникъ, нерадникъ,
серебрювецъ, каветникъ, величакый, такокый не толико*) оу-
чителемъ, но ниже жителемъ здѣ ѡню да не кѣдетъ; да не се-
блзните, рече, ни єдинѣго ѿ малыхъ сѣхъ крѣсующихъ въ ѿмѣ
мѡе, поне самъ сопротивенъ сѣи заповѣдемъ Гднимъ, како ѿ-
нѣхъ оуцкломѣрити, ѿ на ползв настѣвити мѡжетъ. Самъ во Гдѣ
рѣкъ: не мѡжете добрѣ глати слѣ сѣще; ѿ пакѣ: всіакъ лѡзв не-
творѣющъ плода добра посѣкають ѿ въ ѡгнь калѣтають. Извѣстно
кѣдѡше оубо, ꙗко ксѣ ѿмами прѣстатѣ сѣдѣи нелицемѣномъ Хсѣ
Бѣс, ѿ ѿмѣтъ воздѣти комѣдо по дѣломъ єго, ѡвѣмъ оубо ꙗко
твѣдѣиши сѣ, къ подаиѣи сѣлы слѡва, ѡрѣмъ же ꙗко землѣ
блѣвѣ сѣмѣи приемающимъ, ѿ сторичный плодъ пакѣ ѿнимъ при-
подающимъ, ѡвѡѣи пиюще премѣрости кѡдѣ живѣ ѿ источника
нечисѣпаннаго ѿ стрѣи прѣотекѣшаго ѿ скѣгаго оутѣшительнаго
Дѣа, тѣ кѡ лѣчше есть кѣповѣти паче серебра ѿ зѡта, ѿ каменѣа
многоцѣннаго, занѣ сѣю состоитсѣ живѡтъ чѣскый.

И та бѣтъ мѣти, ѿ корень, ѿ ѡснованіѣ невесѣ ѿ зѡли, мѡрю ѿ
вѣмъ безднѣмъ, єю ѡбладающимъ непостижимомъ Бѣс твѡцѣ всѣчес-
кихъ, ѿ ѡкрывѡющимъ ѿ дарѣющимъ младенцемъ.**)

*) Въ Луцкомъ уставѣ: „токмо“ вл. „толико.“

**) Приѣчаніѣ. Цѣлый текстъ со словъ: „Извѣстно бѣдѡше оубо“ до конца
пропущенъ въ Луцкомъ уставѣ; вѣсто того же прибавлено въ немъ слѣдую-
щее заключеніѣ: „Школы словенскѡе навѣа починаетсѣ. На перѣѣи навѣившисѣ
складѡкъ антерѣ, потомъ грамматикѣ оучатъ, при томъ же и церковномъ чинѣ
оучатъ, читають, спѣвають; также оучатъ на каждый день, аемъ дѣти єдинѣ
дрѡгого пыталъ по грецкѣ, аемъ емѣ ѡповѣдалъ по словенскѣ, и тѣмъ пытаются по
словенскѣ, аемъ имѣ отповѣдано по прѣстой (звѣчайной) мѡвѣ. И тѣмъ не мають
сѣ сокою мѡвѣи трѡстою мѡвою, єно словенскою и грецкою. И такъ нынѣ томъ
оучатсѣ, до большѣхъ прѣстѣпающе, въ диалектикѣ и риторикѣ, котѡры навѣи по
словенскѣ перевѣданы, рѣскимъ ѡзкомъ списано дѣалектикѣ и риторикѣ и инымъ
философскѣ писма школѣ належачѣе.“

Ш. О. Г.

СОСТОЯНІЕ

Епархія руской Перемыской передъ стома лѣты.*)

Начало епископства руского Перемыского ѳносится до одинадцатаго столѣтія, хотя именно року учрежденія и основателя того престола для недостатку памятниковъ зъ оныхъ часѣвъ съ певностію опредѣлити не можно. Неизвѣстны намъ также имена свѣтвннхъ на томъ престолѣ епископовъ одинадцатаго и дванадцатаго столѣтія: ажъ въ началѣ тринадцатаго вѣка появляеся въ исторіи епископъ Антоній, котрый долгую чергу святителей Перемыскихъ распочинае. Епископы тіи, подчиненны первоначально митрополитамъ Кіевскимъ, избираемы были духовенствомъ епархіяльнымъ и шляхтою рускою, а такъ избранныхъ подтверждалъ всегда митрополитъ, а при томъ и князь рускій, по завладнію же Перемышля Поляками и король польскій. Славный ученостію былъ въ епоцѣ православія епископъ Мемнонъ, ревностію Аѳанасій, а дѣятельностію Антоній Радловскій. Коли при концѣ шестнадцатаго столѣтія епископы рускіи въ Польщи подѣ предводительствомъ митрополита Кіевского Михаила Рагозы на синодѣ Берестейскѣмъ пріяли унію съ Римомъ, епископъ только Перемыскій Михаилъ Копыстыньскій съ епископомъ Львовскимъ Гедеономъ Балабаномъ не согласился на тое соединеніе и осталь со своею епархіею при православію. Но король польскій, не уважаючи совѣтъ на тое обстоятельство, начали теперъ присылати зъ рамени своего епископовъ уніатскихъ до Перемышля; а понеже шляхта и духовенство на подставѣ старинного прислужавшого имъ права не переставали избирати для себе епископовъ православныхъ, то дѣялося, що въ едномъ и томъ самѣмъ часѣ епархія Перемыска по двоухъ мала владыкъ: одного уніатского, присланного ѳтъ короля, а другого православного, избранного клиромъ и народомъ, а подтвержденного королемъ. Епископы тіи пересѣдывалися погому взаимно, выдирали си церковъ престольну то въ Перемышли, то „въ святѣмъ Спасѣ“ коло Старого Самбора, ѳбтирали си добра владычин, при чемъ однакоже найчастше епископы православныи верхъ мали, бо происходци зъ посреди народа, а яко такіи мали за собою и шляхту и духовенство. Въ томъ часѣ зъ епископовъ уніатскихъ ѳтличался ученостію Антоній Терлецкій, дѣятель-

*) Помѣщаючи сію статью, пригадуемъ Ч. Радичаю, що въ Альбувъ „Зоря Галицкая на г. 1860“ есть столь же достопамятно справозданіе о состояніи „Львовской епархія передъ стома лѣты.“ Два тіи справозданія служатъ собѣ нѣяко дополненіемъ и вѣрно представляють состояніе руской церкви передъ стома лѣты въ цѣлой Галичинѣ. Изд.

ністю Аванасій Крупецкій, а зъ православныхъ Антоній Винницкій. Сѣмьдесятъ лѣтъ тревалъ той роздоръ и замѣшательство въ епархіи, и не было спокою, ажъ послѣдній православный архіерей Иннокентій Винницкій р. 1691 соединился съ Римомъ, а за нимъ и его стадо епархіальное поволя пріяло унію. Якое состояніе епархіи Перемыской было по пріятію уніи а именно за другихъ сѣмьдесятъ лѣтъ, то естъ р. 1761, описуе оно третій Иннокентія Винницкого на престолѣ епископѣвъ въ Перемышляхъ преемникъ Онуфрій Шумлянскій, котрое то описаніе составилъ по повелѣнію тогдашнего митрополита Флоріяна Требницкого на соборѣ епископѣвъ въ Новогородку и далъ втягнути такъ до актѣвъ митрополитальныхъ, якъ и городскихъ. Отписъ описанія того сохраняется въ бібліотекѣ всечест. Собора Крылошанъ въ Перемышляхъ, котрый ту зъ латинского вѣрно переведеный по руски слѣдуе:

„Року якъ выше (1762) дня 23. Сѣчня ст. ст. зъ приказу Высокопреосвященнаго Кирь Флоріяна Требницкого Митрополита всея Руси, архієпископа Полоцкого и проч. втягнутого списокъ подлинный и подозрѣнія знамени жадного не маючій, власною рукою преосвященнѣйшого Кирь Онуфрія Шумлянскаго, епископа Перемыскаго, Сяноцкаго и Самбѣрскаго, подписанный и печатію тогоже преосвященнѣйшого епископа скрѣпленный, состояніе епархіи Перемыской, Сяноцкой и Самбѣрской представляючій содержания слѣдующаго.

Состояніе епархіи Перемыской, Сяноцкой и Самбѣрской обряда греческаго съ латинскимъ соединеннаго зъ посѣщеніи еeneralныхъ составленое рукою преосвященнѣйшого Онуфрія на Шумлянѣхъ Шумлянскаго, Перемыскаго, Сяноцкаго и Самбѣрскаго епископа подписаное и печатію тогоже скрѣпленное року Божого 1761:

Епископъ Перемыскій обряда греческаго съ латинскимъ соединеннаго мае три епархіи: Перемыску, Сяноцку и Самбѣрску разомъ соединенныи подъ правленіемъ своимъ. Часто однаковъ случалося, що одною зъ тыхъ епархій епископъ униатскій, другою же шизматичкій колісь управлялъ. Но Иннокентій Винницкій, епископъ Перемыскій и Самбѣрскій, отрѣкшися писмы, позыскалъ всѣ тѣ епархіи коло року Божого 1694 для святого Римскаго Костела такъ, що нынѣ въ тыхъ епархіяхъ и една шизматичка церковь не находится.

Церковь соборна Перемыска подъ именемъ Рождества святого Іоанна Крестителя была первоначально создана посередъ высшего замку Перемыскаго, котру Владиславъ король року 1412, выгнавши Русинѣвъ зъ неи, вручалъ Латинникамъ. Тѣ розобравши ю, зъ каменя чотыреугольного тойже руской церкви соборной за епископа латинскаго Николая въ теченію часу костель катедральный латинскій подъ тымже самимъ именемъ, нынѣ посередъ мѣста стоящій, воздвигнути постаралися. О томъ посвѣдаче Іоаннъ Длугошъ въ своей исторіи Польши (Т. I, кв. XI, стор. 334) такъ: „Зъ Медыки

Владиславъ король, маючи въ сопровождѣніи своемъ архіепископа изъ Стригоніи и Михаила кухмистра, удался до Перемышля и желавши въ очахъ ихъ зъ клеветы Нѣмцами на него, якобы шпсмагикомъ былъ покровителемъ и особливѣмъ добродѣтемъ, несправедливо накиненою, очиститися, велѣлъ церковь престольну прекраснымъ вкусомъ зъ камня четырехугольного построенну, посередѣ замку Перемыскаго стоящу и доси по обряду греческому Владыкою рускимъ управляему, выкинувши выкопаныи перше тѣла и попелы Русиномъ, на костелъ католическій и обряда латиньскаго посвятити. Шо рускіи священники и люди яко остатню зневагу и оскорбленіе обряда своего уважючи, на событіе тое съ горькимъ нарѣканьемъ, крикомъ и рыданіемъ спозирали.“

Церковь тую въ теченіи часу, именно року Божого 1470 за епископа Перемыскаго Николая розвалено, а поединкии каменѣ зъ неи четырехугольными на построеніе костела катедральнаго въ мѣстѣ лежащаго обернено и положено. Лишеныи прото Русины на внушенія непріятелей стариннои катедры своей, видѣлися принужденны до инои церкви подѣ тымже именемъ Рождества святого Іоанна Крестителя въ окружности мѣста зъ цеголь построеннои, котра доси въ посѣданью епископомъ греческо-русскихъ счастливо остае, архіерея сѣдалище перенести. Жаловати также не менше потреба, шо множай даренія и привилей князей рускихъ епископамъ рускимъ и церкви престольной прислужавшимъ коло року 1535, коли огонь выбухъ въ Перемышли, якъ розличными акта посвѣдчають, въ поломени погибли. Существуютъ однакожь еще три записы подлинныи Льва князя Руси съ датою отъ сотворенія свѣта по численію рускому 6800, шо отповѣдае рокови спасенія 1292; существуете привилей Владислава короля зъ року 1407, Сигизмундомъ въ Вильнѣ р. 1535, и Іоанномъ Казимиромъ въ Варшавѣ р. 1659, великодержавными королями польскими, утвержденный, въ котромъ исчисляются всѣ села соборной церкви святого Іоанна и святителямъ рускимъ великодержавными князями рускими съ правомъ наслѣдственнымъ записаныи и дарованыи, именно Валява, Натковичи, Тарнавцѣ, Нѣновичи, Калинковѣ, Грушевичи, малое Стибенце, Макунево, въ Вилюнничяхъ три хуторы, Коростовичи, Десятчи, въ Боневичахъ шѣсть хуторомъ, въ Бушковичахъ два хуторы, въ Плешевичахъ два хуторы, въ Гороховничяхъ три хуторы, въ Яскманичахъ два хуторы, въ Корманичахъ два хуторы, въ Клоковичахъ хуторъ, а коло Перемышля мѣста на самомъ краю Мосгище, то есть Вѣльче монастырь, Микулинцѣ къ замку пять хуторомъ, Щеголчичи хуторъ; а въ Самборахъ Страшевичи, Бабина, Волковыи иначе Бусовиска, монастырь святого Спаса и церковь престольна, монастырь Созань, Сибльница, и Лавровъ монастырь святого Онуфрія. Однакожь изъ всѣхъ тыхъ селъ въ привилейхъ исчисленыхъ множай отъ епископства Перемыскаго отдорваныи, а Польско-Латинниками такъ мирскими якъ и духовными несправедливо овладѣныи въ рукахъ ихъ остаются. Епископы же рускіи Перемыскіи мають нынѣ до церкви соборнои въ Перемышли толькы певныи дома

внутрь и въ муру, самими владыками или епископами Перемыскими великимъ накладомъ къ оборонѣ мѣста созданнаго, съ полнымъ судовластіемъ и съ изытіемъ зъ подъ судовластія капитановъ и зъ подъ всякихъ тѣгаровъ пивильныхъ, также къ зашюви кѣлька домовъ, на передмѣстьяхъ певнымъ огородами зовемыми Псяры и Цвѣркоцкіи, села Мостише или Вѣльче, Валяву, Вилюичи, часть въ Грушовичахъ, Шагивихъ и Витошняцахъ, а до престольной церкви Самбѣрской мають лише двѣ селѣ Страшевичи и Бусовиска янче Волковыи. Тѣ добра старяностію теперѣшного преосвященнѣйшого епископа Перемыского хотя и приведенни до лучшого состояннї, однакѣжъ всѣ доходы рѣчныи зъ нихъ бѣльше якъ десять тысячи золотыхъ польскихъ не чинятъ, зъ котрыхъ еще для войска королевства и податку зовемого „поголовное“ рѣчно девять сотъ золотыхъ заплата потреба. Прочїи же выше выражены добра и села перейши наибѣльше черезъ вагубу привилеевъ по ложнымъ доносамъ подъ предлогомъ, якобы то были добра королевскїи, въ поствданье людей свѣтскихъ. И теперѣшнїи еще пречестнїи староста Перемыскїи село Вѣльче, поля и домы въ Перемышли се всякнмъ судовластіемъ ѳтъ церкви престольной Перемыской ѳддорвати и собѣ присвоити доконче стараея, що былъ бы и здѣлялъ, еслибы вынѣшнїи преосвященнѣйшїи епископъ Перемыскїи sprawy той великимъ иждивонїемъ не былъ боронилъ и рѣшенїя въ судахъ королевскихъ для себе виробилъ.

Церковь тая престольна ѳтъ непамятныхъ часѳвъ пресвитерами мїрскими, соборно при нѣй находящимися и крылошанами зовемыми, управлялася, зъ котрыхъ каждый кромѣ церкви престольной другу еще церковь яко приходску на передмѣстью мала, котрыи то церкви, именно: пресвятой Тройцѣ, святого Николая, Благовѣщенска, Рождества и Успенїя пресвятой Богородицѣ, святого Михаила, и святого великомученика Георгїя, числомъ ѳсемъ, дося на передмѣстьяхъ города Перемышла существуютъ, прочїи же обстоятельствомъ часу и пересѣдованїемъ запропащенни. Крылошане мали прого душъ-пастырство при тыхъ церквахъ а для Богослуженїя собиралися въ церкви престольной. Переконатися о томъ можно не тѣлько зъ метрихъ найдавнѣйшихъ, но и зъ различныхъ пересправъ тяжбныхъ, угодовъ и рѣшенїй, силою котрыхъ капитула или крылошане добра столовыи епископскїи по смерти архїереевъ людьми свѣтскими насильно занята назадъ ѳбшарили, шо и Иннокентїи Винницкїи святитель Перемыскїи въ уставахъ синода діецевального въ Краковѣ р. 1694 напечатаныхъ утверждае, мовячи: „А найперше хотя капитулу здѣшной катедры обстоятельствами часу и роздѣленїемъ власти епископской по великой части подѣлуалу и мїла тѣлько самомаючу, найже зъ мертвыхъ воскресилсьмо и до кановитеской въ катедрѣ Перемыской при церкви Рождества святого Іоанна Крестителя по старому и вѣщислову ѳемнадцатого Октоврїя 1687 привелїсьмо формы, шо коли и Его Величество всемагнївнѣйшїи король въ Варшавѣ по всеобщимъ королевства соймѣ пнтого Мая

1690 подписомъ руки своей и печатію порукою утвердити благоволилъ, а при томъ и високопреосвященному Кипріанови Жоховскому, всея Руси митрополиту, на соймъ въ Городѣ нынѣшняго року разумови не сопротивляющееся, ни зрѣвъ католической противное, но еще лучшему порядку соответственное видѣлося,“ и проч. Но коли инои чина святого Василя великого области руской имени Покрова пресвятой Богородицѣ зъ подѣ судовавствія епископовъ изъятимъ въ конгрегацию перетворилися, старалися всѣми силами церковь тую престольну клярови свѣтскому отнати и ю на монастырь свой перекрестити. Но теперѣшній преосвященнѣйшій епископъ зъ певныхъ и основныхъ причинъ сопротивился тому и справа о тое выточилася передъ митрополита Руси Атанасія Шептицкого, котрый на основѣ истязаній и доказательствъ рѣшеніемъ своимъ подписаннымъ въ Мальчицахъ въ среду 15. Іануарія 1746 духовенство мірское при церкви соборной утрималъ. Нынѣ кромѣ пресвитеровъ, котрыи при церквахъ на предмѣстьяхъ остаются, а до церкви престольной для всенародного Богослуженія, для крестныхъ ходовъ и для священнодѣйствія по дивному уставу приходятъ суть должни, находится при самой катедрѣ шесть пресвитеровъ свѣтскихъ, зъ котрыхъ еденъ должность каштєнника, второй прокуратора катедрального, третій проповѣдника, четвертый миссіонера и духовника, пятый учителя поставляющихся на пресвитеровъ, а шестый должность викарого исполняе, при томъ всѣ въ крылосахъ Богослуженіе отпавляютъ и душъ-пастырствомъ занимаются. Для удержанія тихъ пресвитеровъ, при соборной церкви остающихъ, записалъ высокоблагородный Богуславъ Устрицкій, каштелянъ Иновроцлавскій, суму десяти тысячи золотыхъ польскихъ за душу Іеронима Устрицкого, допередного епископа Перемыского, а до того тримають еще поле на черемѣстью Перемыскимъ для олтаря святого Онуфрія благороднымъ Волчаньскимъ записаное. Дальше теперѣшній преосвященнѣйшій епископъ кромѣ тысячи золотыхъ уже записанныхъ и выплаченыхъ еще десять тысячи золотыхъ для той же катедры и для пресвитеровъ при ней подарити и записать ласкаво обѣщаль. Но понеже зъ отсотковъ рѣчныхъ отъ одинадцати тысячи золотыхъ и зъ оного поля удержатися не могутъ, то приходники обоухъ епархій для удержанія ихъ и для учрежденія стѣннша силою опредѣленія епархіяльного отъ пяти лѣтъ зъ докладовъ церковей своихъ по возможности сжмадки зъ милости чинять Церковь сама зъ цеголь мурована, во внутри стариннымъ мадеваньемъ по подобію мозаики приукрашена. Кромѣ старинности своей має церковь таа и тую достопамятность, що на стѣнахъ еи образы всѣхъ рускихъ епископовъ Перемыскихъ и Самборскихъ съ надписами ихъ дѣяній и подвиговъ ряломъ отмадеванди даходлєся.

Церквою престольною Самборскою есть церковь святого Спаса въ горахъ имени Преображенія Христа Господа, недалеко мѣста Старый Самборъ, Старое Мѣсто званого. Церковь таа первоначально была деревяна, но благоче-

святѣйшій Левъ, князь Руси, сынъ короля Давида, а правнукъ великого князя Володиміра, не тільки що ю вымуровалъ, але ю еще за соглашеніємъ митрополита Галицкого и Иларіона епископа Перемыского въ катедру Самбѣрску перетворилъ. Тойже князь Левъ записалъ и подарилъ на вѣки той церкви и ново поставленому епископови Самбѣрскому Евфимію, кромѣ села Волковыи или Бусовиска, еще иными два села Страшевичи и Созань, року ътъ сотворенія свѣта по численію греческому 6800, котрый ѡтповѣдае годови спасенія 1292, якъ явствуе изъ содержанія записи подлинной. „Яко прадѣдъ нашъ царь великій Володиміръ и отецъ нашъ придалъ митрополитомъ и епископомъ по всѣмъ землямъ рускимъ, такоже и мы даемъ къ церкви святаго Спаса монастыръ и владыцѣ нашему епископу Евфимію и по немъ будучимъ епископомъ и суды духовнымъ судить столечная“ И доистно были епископы Самбѣрскіи всегда въ посѣданью церкви той и тихъ дѡбръ; но коли монахи чина святого Василія великого области имени Покрова пречистой Дѣвы Маріи зъ подѣ судовластія епископского вышли, выточили попередному и нынѣшному архіереєви Перемыскому а разомъ и Самбѣрскому справу, котра по долгѡй тяжбѣ и по трехъ рѣшеніяхъ конгрегациі для роспространенія вѣры тимъ закончилась, що теперѣшній преосвященнѣйшій епископъ, хотя ему и наслѣдникамъ его посѣданье дѡбръ признано, былъ однакожъ принужденный, для удержанія осми монахѡвъ при церкви святаго Спаса остающихъ, часть подланныхъ села Бусовискъ зовему Подсааки и поля до той церкви припиврающихъ съ пропинацієвъ корчмы поучиненой угодою ѡтступить, и ѡтступленіе святѣйшій Папа Венедиктъ XIV посланіємъ своимъ апостольскимъ подтвердилъ. Епископія Самбѣрскѡй ѡтлорвано село Созань, которое нынѣ шляхтичи посѣдають. Велику также часть грунтоѡвъ селъ Страшевичъ и Бусовискъ заняло королевское староство Самбѣрское, на котрыхъ то грунтахъ епископіи Самбѣрской лежатъ села Воля Коблянська и Лужокъ, котрыи не епископови, якбы повинни, ино староству королевскому въ Самбѣрѣ дани платять и послушаютъ, о що попереднѣи епископы также правовалися.

Въ мѣстѣ Новый Самбѣръ церковь имени Рождества пресвятой Боголицѣ, хотя первоначально лише яко парохіальна основана, уважаєся прецѣ нынѣ яко престольна и была создана еще р. 1554 стараніємъ и иждивеніємъ благочестивыхъ мѣщанъ Самбѣрскихъ. Для воздвиженія той церкви вселѡстойнѣйша королева Бона придѣлила и вызначила два огорода жидовскіи въ томъ самѡмъ мѣстѣ и въ мѣстци, где церковь со своимъ принадлежностями днесъ стоить, а то на прошеніе преосвященнѣйшого Радяловского владыки или епископа Перемыского и Самбѣрского, позвалаючи ему, чтобы такъ для двора своего, якъ и для поѡбѡвъ мавшихъ при той церкви оставати, дома построилъ, котрыи то загорода и всѣ дома мавшіи на нихъ создатися при-совокупила на всегда ненарушимости церковноѡй, и освободила ѡтъ всякихъ

тягарѣвъ такъ краевыхъ, якъ и королевскихъ, якъ видно зъ привилеи тоїже королеви Бонѣ зъ дня 20. Януаріа року якъ выше 1554, королемъ Сигизмундомъ Августомъ въ Люблинѣ тогоже року утвержденнои. До того причинися еще даръ для тоїже церкви, для епископа Радиловского и его собора учиненный благородною Констанціею Смочковою, мѣщанкою Самборскою, котрый то даръ состоялъ въ двѣдичноѣ доми, якіи въ тоїже мѣстѣ доси посѣдала. Даровизну тую и записъ на рѣчь епископа и собора церкви Рождества пречистой Дѣвы Маріи въ Самборѣ подтвердилъ, а домъ реченный со всѣми его принадлежностями ненарушимости церковной присовокупилъ король Сигизмундъ Августъ въ Петриковѣ въ самъ день святого апостола Фомы р. 1558. Дальше послѣдовала записъ на огорода, Станчевскій зовомый, на передмѣстьи Краковскѣмъ мѣста Самбора благороднымъ Счастливымъ Брозиною въ субботу по Богоявленію р. 1570 здѣлана. Король Сигизмундъ Августъ выдалъ привилею въ Варшавѣ дня 22. Цвѣтня 1564 для созиданія и воздвиженія домовъ въ окрузѣ церковной площади ѳъ стороны муру епископомъ вознесенного: всѣ реченныи дома уже созданы и еще создатися мавшіи вспомянутой церкви Рождества пресвятой Богородици присовокупляючи и записуючи, а жителей ихъ ѳъ правосудія мѣстowego Самборского изънимаючи такъ, щобы самому правосудію церковному подлягали и чиниць зъ тихъ домовъ реченой церкви и еи настоятелямъ платити была должна, výroбы свои на продажъ выкладати и ихъ свободно и безъ всякой перепоны спродавати могли; а щобы мѣщане Самборскіи до тихъ домовъ и до правосудія ніякъ втручатися, ихъ жителей якимъ будь способомъ непоконти не важилися, король Стефанъ рѣшеніемъ изданнымъ въ Варшавѣ на всеобщімъ соймѣ державнімъ дна 17. Декемврія 1579 строго запретилъ. Колиже въ реченой церкви икона пречистой Дѣвы Маріи чудами прославлятися начала, высоблагородный Илія Комарницкій стольникъ Жидачевскій вразѣ съ Еленою Комарницкою супругою своею, веденый благоговѣніемъ къ пречистойъ въ той иконѣ ласками и чудами прославленой Богородици, ину церковь зъ каменя и цеголъ муровану власнымъ накладомъ при заходѣ и усилюю всечестного Константина Керновича, офиціала Перемыского а настоятеля тогоже храма, вмѣсто старои деревянои церкви р. 1738 создати и такъ во внутри, якъ и виѣ пристроити постарался. При той церкви находится нынѣ трехъ пресвитерѣвъ свѣтскихъ, еденъ настоятель, другій проповѣдникъ, а третій викарій, котрымъ частію изъ завѣщательныхъ записей, частію зъ милостынъ вѣрныхъ до иконы Богородичнои прибѣгающихъ утримуются, для котрыхъ честнѣйшого удержанія теперѣшній преосвященнѣйшій епископъ Шумлянскій десять тысячи золотыхъ польскихъ записати обѣцялъ.

Кромѣ тихъ церквей соборныхъ находится тысячь двѣстѣ иныхъ церквей приходскихъ въ епархіи Перемыской, Сяноцкой и Самборской. Всѣ они парохіи пресвитерами свѣтскими управляются и власти епископа Пе-

ремышского подчинены. Но, якъ показуеся зъ визитъ каноникъ, мало находится такихъ приходникъ, котрымъ бы при тихъ церквахъ удержаніе приличное мали, для того зъ праць рукъ своихъ, и зъ милостивъ вѣрныхъ жити принужденни. Грунта бо благочестивыми ктиторами церквамъ для удержанія парохъ записаны по найбільшій части отторгнуто; а десятину отъ Русинъ парохі латиньского обряда и въ мѣстяхъ, где латиньскіи костелы не существуютъ, собирають, хотя Русинамъ жадныхъ Таинъ не удѣляютъ. Тіку десятину присволяютъ собѣ въ мѣстѣ Самборѣ пресвитеры общества (конгрегаціи) миссіи святого Викентія а Павла, котрымъ, выпросивши недавно по ложному представленію отъ Его Королевского Величества привилею на завлаченіе собѣ десятины и мешного (messalia), сілуютъ до того русикъ парохіанъ различными способами во всемъ майже королевскѣмъ староствѣ Самборскѣмъ, коли тимъ часомъ парохове рускіи, котрымъ душъ-пастырство у тихъ Русинъ провадятъ, соотвѣтного для себе утриманья въ томъ же староствѣ Самборскѣмъ совсѣмъ не мають. Тимъ еще незадоволены приходники латиньскіи и саміхъ Русинъ, котрыхъ епископы и душъ-пастыри рускіи со святою Римскою церквою соединити старалися, различными средствами и предлогами до обряда латиньского вертегають, переходъ радятъ и для того въ многахъ мѣстахъ мѣщанъ латиньскихъ, щобы Русинъ до магистрату не принуцали, вопреки привилеямъ и уставамъ державнымъ для Русинъ прислужающимъ, поджигаютъ. Повѣдъ къ тому подалъ самъ преосвященнѣйшій Страковскій епископъ обряда латиньского Перемыскій, тепершній архіепископъ Львовскій, котрый въ часѣ обворинъ епаркіи своеи Перемыскои незаконного того перехода не только не запретилъ, но еще Русинамъ, зъ обряда греческого на латиньскій безъ всякои праведнои причины и безъ соизволенія святого престола перейшовшимъ, уже крещеннымъ, и вразѣ по обряду греческой церкви муропомазанымъ, злову Тайну муропомазанія по латиньскому обряду удѣлятъ или муропомазовалъ, зъ чого простояюдныи обрядомъ своимъ тимъ больше горяти и до латиньского переходити начали.

Въ епархіи Перемыскѣи находятся инокинѣ святого Василя и мають свой монастырь въ Смольниці, также въ мѣстѣ Яворовѣ и въ селѣ Розгорчу, но понеже суть бѣдныи и соотвѣтного удержанія опредѣленного не мають, также зъ праць рукъ своихъ и зъ милостивъ жити принужденни. —

Нынѣшнее состояніе епархіи Перемыскои, Сяноцкои и Самборскои власною рукою и печатію моею скрѣпити приказую. Новгородокъ дня 23. Августа по старому 1761 року. — Онуфрій Шумляевскій епископъ Перемыскій, Сяноцкій и Самборскій. — Мѣстце печати. —

По зягаченію нисьяма того подлинникъ его на каданіе воевничего Янушавьского, куріи Перемыскои аудиторъ зверенный. Великикъ Верыпа Но-

гарій. — Вытагнено зъ книги актѣвъ митрополитальнихъ отъ р. 1762 до р. 1769, стор. 1003 — 1010. Варшава дни 19 Юнія 1825. Павло Щицанскій Дек. Кап.“

Сообщилъ А. Д. зъ Валлем

Уваги на статью:

„ВЫВОДЫ О ПОЧАТКУ ИМЕНИ — РУСЬ“,

замѣшну въ передѣхъ выпуску Галичанина за 1862 рѣкъ.

Каждый народъ приходячи до самосвѣду и до своей народном дозрѣлости, ибритъ свою минушность, а роздзрѣвшись въ ней стелить собѣ дорогу до своей будущности. Въ томъ его стремленію вяже го исторія. Слѣдять про тое за первобытомъ своимъ и сягаючи по-за предковщину, отгребуе свою минушность и свою завѣтну правду. Тымъ способомъ спѣзнае онъ свое международне становиско и свое назначѣнье, котре въковѣчна правда ему яко народови опредѣлила.

Для выясненя бубальщины причиняеся богато и слѣженье за початкомъ имени народного. Подля Зубрицкого було то лишень простою любопытностью не приносячою жадного хѣсна для исторіи — для того онъ шо до назвы „Руси“ своихъ читателейъ лишъ намекомъ возбужъ, не довѣвши ничъ рѣшительного, шо бы каждого переконати могло. Но Зубрицкій не увзглядывъ становиско международне Русинѣвъ. Руководячись голыми фактами исторіи снявъ о едноти народовой всей Руси. Не увзглядывъ онъ нѣ характеръ, нѣ языкъ, нѣ обряды и звычай такъ Великон якъ и Малон Руси, а подтягнувъ лишъ подъ единство народное все, где ино назва „Русь“ чутися дала. Тымъ-то у него назва Русь була родовой, давною, славянскойю.

Но никакше явится дѣло, если намъ посчастится указать неславянскѣсть назвы Руси. Бо тогда могли два, три и десять народѣвъ приймати назву „Русь“, т. е. назву по побдителяхъ правительственну, но черезъ то не перестали они були каждый для себе окремою, ипшою народностью. Тогда, народи называвшися „рускими, Руссами, Русинами“ не стали быти еще Россіянами або Москалами, такъ акъ иныя народы зовущися Австрійкамы, не суть черезъ тое уже Нидцами або Германамы. Тогда назва сама народна не рѣшитъ вопреку о народности. Тогда треба въ характеры и въ тѣмъ народу загадути, и послѣ того судъ свой въ исторіи выречи. И дѣйство читалсьмо въ „Основѣ“ статью Костомарова, котрый съ глубокимъ званьемъ рѣчи дѣтъ руски, но и двѣ протыви собѣ народности довѣвъ. Судъ Костомарова цѣнится высоко по всей Россіи, и не дивъ, шо сами Россіяне давну свою мысль о едноти и тожсамости народнѣй нымъ залищаютъ.

Однако разъ приутивши, що назва Руси виробилася въ самѣмъ народѣ, и що она есть Славянскою, такъ тымъ и еднѣсть межинародна припускаея. Маючи однако незбити доводы, такъ зъ инныхъ писателѣвъ якъ и нови еще доси не узгляднени, мы свои доводы по́дъ судъ читателѣвъ пускаемъ — боронячи тую до нынѣ общу гадку, по́сля которой назва „Русь“ вяжеть до своихъ побѣдителѣвъ, до первого князя руского Рюрика и до его дружины руской.

Доводы сіи взяти такъ зъ рускихъ лѣтописей, якъ и зъ заграничныхъ, а именно зъ нѣмецко-франконскихъ, зъ греческихъ, еврейскихъ, арабскихъ, польскихъ, скандинавско-русскихъ и пр., подтверждать сказаное выше.

Авторъ „Выводѣвъ о началку имени „Русь““ хотячи давноту той назвы вывести, ссылаея на свѣдоцтво Прокопа и на подобнѣ слова Русь зъ Роксолянами.

Що ся тычить Прокопа, то его слова авторъ сшибочно розумѣвъ. Прокопъ вправдѣ дае Славянамъ и Антамъ мешкающимъ около Днѣпра назву Спорѣвъ, но въ нѣмъ змыслѣ. Слова бо его: *Σποροις γαρ το παλαιον ἀμφοτεροϋς ἐκαλουιν* не стягаются на его — Прокопа — часы. „*το παλαιον*“ означае старожитнѣсть, а по́дъ старожитностію розумѣли Греки лишь себе самихъ або Римлявъ. Отже „*Σποροις*“ була то назва не славянска, а лишь назва, яку Греки надавали по́зднѣйшой Скитіи. Для бѣльшого розумѣнья не завадитъ навести текстъ латинскій. И такъ читаемъ въ переводѣ латинскѣмъ: „*Utraque enim (т. е. Sclavenos et Antas) appellavit „Sporos“ antiquitas, ob id opinor, quia sparsim et rare positis tabernaculis regionem obtinent, quo fit, ut magnum occupent spatium.*“ Зъ чого видно, що Прокопъ назву „*Σποροις*“ отъ греческого „*σποραδην*“ (*sparsim et rare*)“ а не отъ слова Славянами уживаного выводять. Ба даже слово „*Σποροις*“ не скрываетъ въ собѣ назвы Русь, бо оно есть лишь падежомъ четвертымъ, а той у Грековъ на „*οις*“ кѣньчится. Корень есть *Σπορ*, а же въ *Σπορ* не крется назва Руси, то вже ачей буде ясно.

Нарушевичъ и инни хотѣли въ назвѣ *Σποροις* згречену назву Россіянъ узрѣти, но той доводъ е ничтожный. Бо хотяи греческое „*Σποροις*“ дословно взявши значить „Розсѣяннѣ“, то однако назва Россія есть по́зднѣйша и сягае недавнихъ часѣвъ, бо доперва 16. вѣку. Врештѣ о сихъ Спорахъ Прокопа не завадитъ навести слѣдующи слова Шафарика: „Прокопомъ надана назва „Споры“ есть исторично нечувана, есть неславянска, ба навѣтъ не-европейска. . . Нѣгде въ пѣлой, а хотъ и въ далекой старосвѣтчинѣ, не дадутся и наименьши слѣды о якомъ народѣ вынайти, котрый бы въ свѣйнѣ або въ чужинѣ звався Спорами. . . Смѣшными суть тѣмъ, шо на свѣдоцтво Прокопа завелику вагу кладуть. . . Въ выясненню давнихъ славянскихъ назвѣ, не можуть намъ Греки — зѣ-всѣмъ несвѣдоми славянскои мовы — нѣколи бути проводниками.“

А що ся дотычить назвы Роксолянѡвъ, то тѣмъ не мали жадного дѣла съ пѡзднѣйшою Русію. Пѡдля историкѡвъ були Роксоляне якогось-то гордою Сарматскою. Мешкали они вправдѣ межъ Днѣпромъ и Доломъ, но чутка о нихъ пропала давно. Бо уже въ четвертѡмъ вѣцѣ, по паденью Готѡвъ, о нихъ исторія не споминае. Здаеся, що они пѡдлягли той самой судьбѣ, що Сарматы, котри перти зъ востоку Алянами, посувалися на западъ, и служачи въ чужихъ войскахъ и мешкаючи на чужихъ земляхъ, сплылися въ чужонародной стигіи. Зъ того часу еще якійсь часъ они появляются въ Галліи, въ Италіи, ба и въ Египтѣ, доки о нихъ исторія зо-всѣмъ не забуде. Тымъ способомъ Роксоляне — чи они були Сарматами, чи, якъ няни хотять, були Алянами — то ихъ назва есть лише припадкова, они до назвы словянської Руси ничъ не мають. Если пѡзднѣйши ѡтъ Роксолянъ народы, котри на нашой землі колись жили, якъ Аляне, Готы, Гуны, Чуды (Финны), Обры (Авары) — безъ слѣду пропали, то тѣмъ бѡльше могли въ исторіи пропасти Роксоляне, котри уже съ четвертымъ вѣкомъ по Хр. замовкли на всегда.

Взявши доси нами розказаное на увагу, то упадають всяки толки за древностію назвы Руси, а выводи якъ н. пр. Руси ѡтъ Русалокъ суть лише допущеньями, на котрыхъ исторія опертися не може. А такъ должны мы Несторови его выводъ Руси ѡтъ Варягѡвъ Скандинавскихъ вповнѣ признати, що и съ удивительнымъ согласіемъ всѣхъ историкѡвъ, такъ питомыхъ-власныхъ, якъ и сторонскихъ писателѣвъ подтверждаеся.

Русію звався нашъ край ажъ въ девятѡмъ вѣцѣ, а все що переджо писано о Руся, стягаеся до яномъ Руся неславянської.

Найдавнѣйша споминка о Руссахъ походить зъ року 839, и тая ѡтносить Руссѡвъ до народу шведского. Пѡсля „Annales Prudentii Trecentis“ въ „monumenta histor. german.“ стр. 434, повный текстъ о тыхъ Руссахъ гласить такъ: Misit (Теофилъ царь греч.) cum eis (т. е. съ послани своими) quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum, Chacanus vocabulo ad se amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat, petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per imperium suum totum habere possent, quoniam itinera, per quae ad illum Constantinopolim venerant, inter barbaras et nimiae feritatis gentes immanissimas habuerint, quibus eos ne forte periculum inciderent, redire noluit. Quorum adventus causam imperator diligentius investigans, comperit eos gentis esse Sueonum, exploratores potius regni illius nostrique, quam amicitiae petitores ratus, penes se eosque retinendos judicavit, quod veraciter invenire posset, utrum fideliter eo neone pervenerint.“

Такъ отже межѣ высланныками Теофила до цара Людовика Побожного, находилися и послы народу „Rhos“, ѡтъ котрыхъ Людовикъ звѣдаея, що они суть „gentis Sueonum.“ Sueones то суть Несторови „Свино“, Шведы, котрыхъ Несторъ таиме кладе межѣ Варягѡвъ. Тое вѡдъ року 839 у франконского

писателя наведеное мѣстце, якъ зъ одной стороны сильно подтверждаетъ Нестора, такъ зъ другой стороны посвѣдчае, що ще на той часъ вымышленна славянська Русь, Русію не звалась.

Извѣстно бо, що въ той часъ Норманы на своихъ лодяхъ увиваючися по всей Европѣ, до Греціи дѣлалися черезъ Днѣпръ и черезъ Чорное Море. Такъ и тіи послы „gentis Rhos Sueonum“ дѣлалися до Царьгороду. Прибувши однако до Людовика просили его, абы имъ дозволивъ до Швеціи черезъ „imperium suum“ повернути, понеже тамта дорога, котрою дѣлалися до Царьгороду, т. е. черезъ Днѣпръ, лежить „inter barbaras et nimiae feritatis gentes immanissimas.“ Такъ отже назвали тіи Шведы-Русь нашу пѣзднѣйшу славянску Русь, що бы певно не забывали, слибы яку стычнѣсть съ Ниддѣ-прянською землею мали.

Кто однако бувъ сей Chaganus rex -- не извѣстно. Где-некотри хотять въ немъ Гакона узрѣти, но Гаконъ живъ пѣзднѣйше. — Не буде тутъ бѣ рѣчи, навести одно мѣстце зъ книжки „Turcograeciae libri octo a Martino Crusio.“ Книга тая зъ 16. вѣку, находящаяся въ Львѣвской Семинарцкой библиотекѣ, переае нѣкотри подробности о нападахъ Руси на Царьгородъ. Дивна тамъ матанина, однако кидаяча нѣяке свѣтло на походы Аскольда и Дири. Авторъ листу тамъ замѣщеного именемъ Zygomala, зачувши щось о вышѣ наведенѣмъ нами „Chaganus“ и „de gente Rhos,“ назвавъ Дири (и Аскольда) Chaganus, а въ назвѣ Rhos приснився ему „Chozroes“ царь Перскій, и такъ помѣшавши особы веде свою рѣчь о нападѣ Скитѣвъ и Перзѣвъ на Цариградъ. Патріархъ Фотій есть у него Сергій, и не дивъ, що Crusius, не поймивши о що рѣчь иде, цѣле событіе положивъ пѣдъ р. 626 circiter (!) Christi.

Но мы перейдемъ до самого листу того. Zygomala писавъ до Crusiusa такъ: „Audi itaque narrationem maxime utilem, ex vetere historia petitam, mira exponente de hac urbe (Constantinopoli): quae contigerunt temporibus illis: quibus Persae aliique Barbari, hanc Imperatoris sedem bello appetentes, obsidione cinxerunt: iudicio autem divino perculsi perierunt, ipsa urbe beneficio opitulantis Dei incolumi conservata. Quo tempore Heraclius imperio Romano praecerat: Chosroes Persarum Rex maximas copias emisit, duce Sarbaro: totius Orientalis tractus, qui Romanis parebat, depopulandi causa... Haec ut vidit Heraclius, qui recens . . . imperii habenas ceperat, magnum dolorem et cruciatum animo sensit. Relicta itaque sede regia: per Euxinum pontum . . . confestim nec opiuantibus Persis, in ipsorum regnum irruit. Ibi Chaganus Scythia, imperatoris expeditione longinqua, occasionem sibi pulchram oblatam ratus, haud segniter ea utendum duxit. Mare itaque navium . . . multitudine replevit . . . Ac praefectus quidem moenia firmabat“ . . .

Отвѣтственное тому мѣстце зъ лѣтописи Гамартоли пѣсля переводу рукописного зъ 15. вѣку, есть слѣдующе: „Царь же на Агаріяхъ измде воевати,

Орпѣяга въ Костянтинъ градъ оставивъ; дошедшу же ему Черныя рѣки глаголемы, и се абіе вѣсть ему епархъ посла, яко Русь на Костянтинъ градъ идуть, Аскольдъ и Дирь.“

Zygomala пише дальше: „Patriarcha vero in preces ad Deum intentus erat, ipse et sui . . . Nondum triduum effluxerat, cum urbem oppugnavit Scythia copiis omnibus. Tanta autem erat phalanx hostilis, tum innumera hominum multitudine, tum armorum genere impenetrabili: ut, si totum parva parte declarare velim, deni Scythae contra singulos Romanos essent. Nihilominus tamen divino auxilio intercessione S. Deiparae . . . a militibus, quibus sorte locus obvenerat, magnus Scytharum numerus caesus est: eoque facto non modo ducis eorum spiritus dejecti: verum etiam futuri interitus universalis, qui paulo post eventurus ipsis erat, haec clades loco arrhae cujusdam interim fuit. Hinc animis receptis Romani, magnaue fiducia completi, crebris conflictibus cum hoste contendebant. Qua in re divino auxilio roborabantur: quo ipsis animi praesentia crescebat: Scytharum vero machinationes confundebantur: viresque et peritia bellica debilitabantur. Post haec de communi sententia mittuntur legati cum muneribus ex urbe: qui de pace cum Scythis, sociisque tractarent. Verum bestia illa potius, quam homo, Chaganus, non modo conditiones nullas pacis admittit: sed dona quidem allata accipit, legatos vero re infecta dimittit, hoc solum addito: „Videte, ne decipiarnini a Deo, cui confiditis. Certo enim cras urbem vestram capiam, eamque devastabo. Hoc vero misericordiae exhibeo vobis: ut nudi egressi, abeatis, quocumque velitis. Proinde discedite: aliud humanitatis officium ne expectate“. — Haec ubi a legatis audiverunt, qui eos emiserant: ex imo pectore ingemiscere: ad coelum manus extendere: vim equidem lacrymarum profundere . . . Duo proinde aut tres consecuti dies: quibus velitationes, et certis in locis pugnae commissae, bellumque continuatum fuit. Consilium autem illi cani captum erat: terra quidem, machinas oppugnatorias et tormenta muris admovere: mari vero, Scythica navigia innumerabilia explicare: ut ita uno tempore, hora, urbem terra simul marique oppugnaret. Dum haec ad hunc modum apparantur: ipse cum omni lectissima equitatus manu, in superiorem ponti Euxini partem accedit.“

Сіа подробности зъ Дироваго походу на Цариградъ зъ Нестора не суть известны. Несторъ якъ звыкло войны рускыхъ поганьскихъ князѣвъ лишь намъякою наводитъ, а такъ здылавъ онъ и тутъ. Онъ ино коротко повѣдае: „Ся (Русь) же внутри Суду шедше много убійство крестьяномъ створиша, и въ двою сотъ корабль Царьградъ осугуиша. Царь же едва въ градъ виде (?); съ нагрѣяхомъ . . . всю ночь молитву створиша“.

Решта событій записанныхъ въ Несторѣ, майже вся сходится съ повѣстію Zygomalae, котрый, якъ самъ мовить, се списавъ „ex veterе historia“. Отъ его слова дальши: „Verum quis mirabilia, quae Deus tunc fecit, eloquatur? . . .“

Nam cum Chaganus Ceratinum sinum navigiis implevisset: eaque in litus prope muros, facillioris ascensus parandi causa impingere conaretur: et e terra innumero exercitu pugnaret: Deus spes ejus vanitatis convicit. Tanta namque animorum vi, singulis in partibus moenium pugnatum est et tantae Barbarorum caedes a Romanis factae: ut ad mortuos cremandos non amplius sufficerent vivi. Hoc eventu in terra pugnatum. In mari vero, navigia cum epibatis, in parte, quae Blachernaeum Deiparae virginis fanum respicit, Deus subito demersit: illius scilicet intercessione lacrymis populi ad misericordiam commotae. Ingentem ea violentumque ventum et procellam in illos excitaverat. Mare enim cum hostes ad templum illud appropinquassent, in sublime elatum... interruptum et hians, cunctos ad fundum usque dejecit: et cum navigiis, quae lintres erant, absorbit. Erat tunc cernere maximum et ineffabile miraculum. Etenim mare fluctus ad montium instar elevabat: in modum ferae bestiae intumescens furebat: in hostes Dei immaniter insiliebat, immisericorditer deglutiens: quemadmodum Aegyptiis quondam fecit, antiquos illos Israelitas persequentibus. Tunc temporis ipse quoque Barbarus, suis oculis tantam exercitus sui perniciem cernens (ibi enim alicubi cum cataphractis equitibus in loco editiore stabat) manibus pectus et frontem feriebat. Oppidani autem, qui in moenibus cum hoste pugnabant, percepto Barbarorum marino interitu: continuo divina quadam vi confirmati, denso agmine facto, portas moenium aperiunt: magnoque clamore et exultatione in hostes erumpunt. Tanta tunc laetitia, praesentiaque animi nostros incessit: ut etiam pueri et feminae in illos irruerent: atque in ipsa castra eorum penetrarent. Ibi cernere erat, ab uno mille fugari: a duobus decem millia loco pelli... Cum sol jam occidisset et nox supervenisset: machinas et tormenta hostilia, quibus potiti fuerant, omnia combusserunt. Ita beneficio Dei cum caetera, tum incensionem, suis manibus feliciter peregerunt... Ita barbari, qui cum copiis numerosis advenerant, turpiter cum paucis hominibus recesserunt.

Тіи суть слова Zygomalae, котрыми описуе Дира походъ на градъ Константина. Имъ отвѣдае слѣдующе мѣстце зъ Георгіи Гамартоля: „Царь съ Патріархомъ Фотіемъ къ сушеи церкви святыи Богородица въ Влакернѣхъ всенощную молбу створиша... Таче божественную святыи Богородица ризу зъ пѣснями изнесше, въ мори скугы омочивше. Тишинѣ же суци и мору укротившюся, абіе буря съ вѣтромъ воста, и волнамъ веліемъ воздигшимся засобѣ, безбожныхъ Руси лодіи возмие; и къ берегу привержени избіени, яко мало отъ нихъ таковыя бѣды избѣгнути, во свояси съ побѣжденіемъ возвратишася.“

Слѣдуе вопросъ, чи дѣйстно Zygomalae исторію належить отнести до Руси. Уже саме подобенство исторіи, потомъ битва со Скитями, и сама назва Chaganus, подтверждаетъ тое. Що теперѣшня Русь въ середковѣччїи звалась Скитією, доводомъ сего Длугошъ, котрый въ исторіи своей, після

изданія въ Дѣбрину на стр. 22 такъ пише: „Scythia nominatur a scriptoribus, quam cum processu temporis Poloni et Rutheni populandam introissent. Scythae et ipsi a nonnullis vocati sunt.“ И Несторъ зве тую землю Скуфїю. Тымъ отжр способомъ „Scythae“ 9. вѣку суть дѣйствію Русины. А що ся дотычить назвы „Chaganus“, она не означае ничь иного, якъ лишь володѣющаго. Въ такомъ змыслѣ треба брати ового „Chaganus“ въ анналахъ Prudentii, и ового „Chaganus“ при осадѣ Константинополя. Chaganus или властивѣйше Chagan була общою назвою и для нашихъ давныхъ русскихъ князѣвъ, и встрѣчаеся такожь въ давныхъ памятникахъ русскихъ. Такъ и. пр. въ проповѣди Иларіона, Митрополита Кіевскаго и всея Руси, читаемъ заголовни слова: Похвала кагану нашему Владимиру, отъ него же крещени быхомъ, и пр. Каганъ первобытно означало Владыку (дари, князя), — но якъ имя Владыки перейшло потомъ на духовну особу, такъ и имя кагана затратилось — а лишь въ Халдейскомъ, где здася его первобытностъ глядати належить, доховалось довго, и означае тѣлько, що „sacerdos.“

Объяснивши такъ гдѣщо значенье назвы „Chaganus“ и открывши гдѣ-яки дося незнани событія зъ выправы Дира на Грецію, мы вертаемъ назадъ до выше наведеного мѣстця у франконьскаго писателя дотычно Шведскихъ Росѣвъ. Учени слѣдючи за тою назвою Росѣвъ, открыли въ побережной Швеціи мѣстце зване „Rodslagen“ и дойшли до важнаго откритья, що Шведѣвъ Финны еще до днесь зовуть Россами або „Ruodsi.“ Пѣсли ученаго польскаго Шайнохи въ его „Lechicki początek Polski“ означае Ros-lagen societas nauticariorum, spółka żeglarska, и сходится ѣтъ со своимъ выводомъ съ нѣмецкими писателями, котори Шведскихъ Росѣвъ на рѣвнѣ кладуть съ значѣньемъ „Ruderleute oder Seeleute.“ Тымъ способомъ „Rhos“ означало бы жеглярѣвъ, корабельникѣвъ, якожь и розглянувши въ початкову исторію Руси, видно ихъ, Руссѣвъ корабельне искусство на огромнѣи степени розвите. Майже въ одноѣмъ часѣ являються Руссы со своимъ суднами и лодями поль Царьгородомъ на Чорномъ Морѣ, на Каспійскомъ Морѣ въ выправѣ противъ Арабѣвъ усадовились въ числѣ до сто тысячъ съ своимъ кораблями на берегахъ Волги — о чѣмъ доносить Карамзиномъ замѣченный писатель Арабскій Ибнъ-Фолянъ — розѣшлись яко купцѣ по рѣжныхъ сторонахъ, и кружили по Чорномъ Морѣ въ такой численности, що, якъ колись Балтицке Море по Варягахъ звалось Моремъ Варяжскимъ, такъ теперъ Чорне Море, почалося называти Рускимъ.

Для того и мы выводимъ назву Руси ѣтъ Варягъ Скандинавскихъ, тымъ бѣльше, що кроиика Ерика (Czasopism księgozbiogu Ossolińskich 1828 вышубъ 4. стр. 25) тое выразно повѣдае, що „за панованья Логева Канута, се есть въ вѣку девятѣмъ, третя часть людности забралася зъ краю и на колудне перенеслася; а такъ ту осадовившиися потѣмъ еще бѣльше краѣвъ

пѣдбѣла и знайшовши тамъ выгоде житя, вже бѣльшь вернути до отчѣин не хотѣла.“

Пѣсля исторіи шведскои „Гайера“ находятся въ Швеціи численни арабски монеты, а то особливо зъ краѣвъ на юго-востокъ ѳтъ Каспійскаго моря лежашихъ и то зъ часѣвъ 9-го и 10-го вѣку, зъ-ѳтки явно е, що межъ Руссами, воюющими съ Арабами, а межъ Шведами была якась велика, безъ сомнѣннѣя племенна, родовѣ звазь. Ведля тогожь Гайера находится въ тойже Швеціи множество руничныхъ камѣней, ставляныхъ въ помину рускихъ воєвникѣвъ въ Цариградѣ. Тыми воєвниками були то руски князѣ и руска дружина, — ожежь межѣ Руссами а Швецією було велике межѣнародне и родовѣ сообщеніе. Для того то Лютпрандъ, владыка Кремонскій и посолъ Італійнскій на аворѣ греческомѣ, а свѣдокъ Игоревѣи выправы на Грецію, зѣзнѣе, що называни Греками Руссы, суть властвиво Норманы: „Russios, quos alio nomine Nordmannos appellamus.“

Що Русь не була назва Словянська, посвѣдчають и гречески писателѣ. Вправдѣ ѳтъ року 800 черезъ бѣльше пѣтворѣ вѣку не ма межъ Греками истинного дѣписця, но и въ тыхъ; що були, можъ свѣдоцтво знайти, що Русь не була роду словянскаго. Такъ пѣсля Георгія Гамартоля, Русь була племенемъ Варяжскимъ: „пришу Русь на Костянтинѣ градѣ лодіями, тысячь десѣть, иже и скеди глаголетъ, ѳтъ рода Варяжска сущимъ“ (Рукописъ зъ 15. столѣтїя). А хотъ и иншихъ доводѣвъ въ тоглашнихъ писателяхъ гречкихъ не знаходимъ, то однако повѣсьше свѣдоцтво Лютпранда доказые, що звани Греками Руссы були властвиво Норманы.

Юсуфъ Горіонѣчикъ (пѣсля Лелевѣя: *Narody na ziemiach Sławiąskich* стр. 643 и 648) давъ описъ родовѣду Яѣетскаго (Индо-Германскаго!) племени. Славянъ выводить ѳнъ ѳтъ Доданѣмъ, а Русишъ розложившихъ свои наметы надъ рѣкою Волгою, зве ѳнъ вразѣ зъ „Англисами“ потомками Тираса. Зваживши, що Англо-Сасы пѣдбавиши Бреттонію були Германями и походили изъ Скандинавіи, то тая родовѣсть межѣ „Русишъ“ а „Англиси“ есть великимъ свѣдоцтвомъ про се, що Руссѣвъ не межѣ Славянами, а гдѣсь-то инде и межѣ иннымъ народомъ глядати належить.

Дивнымъ способомъ навѣтъ самъ Длугошъ, сей баєчникъ Длугошъ, признає германскій початокъ народу русскаго. Пише бо на стр. 22 выданѣя Добромильскаго: „Rusj non Lechonis nepotem sed Germanum exstitisse,“ хотѣи въ своей наивной добродушности, трохи пѣзнѣтѣйше додає: „Scriptorum tamen varietas de origine Ruthenorum plus connubilat eorum originem, quam declarat.“ Кого однако пѣдъ симѣ „Rutheni“ Длугошъ обѣймає, то е для мене загадка. Разъ говорятъ ѳнъ, що „Polonorum atque Ruthenorum communis locutio,“ то зновъ „Polonia Russiave,“ то зновъ „Poloni et Rutheni,“ то зновъ описує, якъ Русишъ Одожеръ 509 года злобуєвъ Римъ, не знѣючи навѣтъ,

що Одоакеръ бувъ Ругіянинъ не зъ Руссін родомъ але зъ Ругіи, лежашой въ пѣтомъ вѣцѣ въ нынѣшней горной Угорщинѣ и Австрій.

Съ тѣмъ всѣмъ оказуеся наковецъ, що назва Руси не е родова, славянська, а лишъ накинена завоевателями-Варягами на славянську землю. Такъ якъ Англо-Сасы подбивши Бретонцѣвъ накинули назву Англіи, Нормане на горну Францію назву Нормандіи, Лонгобарам на Италію назву Ломбардіи, Болгаре зъ-надъ Волги на Славянъ Наддунайскихъ назву Болгаріи — такъ Русь завоевавши нынѣшню руску Словянщину навергли на Словянъ назву Руси.

Назва народна звыкло переходить зъ побѣдителейъ на побѣжденныхъ. Побѣдителиъ накидуютъ свою назву, а побѣденни побѣдителейъ языкъ свой и мову. — Такъ сталося и зъ назвою Руси. Що однако писателиъ лишъ закъмѣтили, оно стверждаеся въ повнѣ домашними письмами. А до сихъ причисляемъ договоры Олега и Игоря зъ Греками, Правду Руску, и лѣтопись Несторову.

Договоры сіи Олега и Игоря суть весьма важны, понеже ти заключали сами Варяги-Руссы зъ Греками. Они суть и достовѣрны — понеже, якъ зауваживъ Миклосичъ (*Chronica Nestoris, Vindobona 1860 IX*) не ма причины абы тѣ договоры були подложеными. Огъ Миклосича слова: *De foederibus factis cum Graecis confitemur nos non intelligere, quomodo haec foedera, paucissimis exceptis, continentia nonnisi scandica, findi potuerint post Nestoris aetatem, Russis tam brevi tempore oblitis haec nomina.*

Договоръ В. князя Олега съ Греками 912 г. звучить такъ: „Мы отъ рода Рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Чулы, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ Актеву, Труянъ, Лидульфостъ, Стемидъ иже посланы отъ Олга и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущихъ Руси.“ — Имена якъ Карлы, Инегелдъ не суть славянски, а лишъ скандинавски, но однако тѣ Скандинавцѣ звать себе отъ рода Рускаго. Слова же: „и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его — сущихъ Руси“, значать „отъ тыхъ ему подвладныхъ, що суть Руссами.“ Руссы отже були лишъ явнымъ окремимъ межъ Славянами отрядомъ народнымъ, котрый, догадуючися зъ имениъ пословъ тыхъ Руссовъ, принадлежавъ племени Скандинавскому.

Въ договорѣ Игоря съ Греками звется послы такожь „отъ рода Рускаго“, — но середъ множества словъ скандинавскихъ обрѣтаются вже и словянски — а такъ тѣ договоры суть явнымъ доказательствомъ, якъ Русь, племя скандинавске, поволи словянщилася. Же назвы, якъ Русь, рускій, не суть словянски, доводомъ сего „Правда руская“, т. е. книга законодательна, въ котрой Ярославомъ Владимировичомъ, и его сынами суть списани давни права руски. Если бы „рускій“ означало „славянскій“, то тогды зъ самого заголовка можъ бы подумати, що „правда руска“ содержитъ въ собѣ права словянски. А однакожь по одноголосномъ мѣвнью всѣхъ ученыхъ, котры изъясненіемъ Правды Руской занималися, стоятъ нынѣ незаперечною правдою,

що тіи правда не суть що няшого, якъ лишъ права тіи, яки изъ собою Варяго-Руссы зъ Скандинавіи приесли. Словянського елементу въ тыхъ правахъ есть лишъ на стѣлько, о скѣлько въ протягу 150 лѣтъ, т. е. ътъ Рюрика до Ярослава, той законъ руско-скандинавскій пересловянщитися мѡгъ.

Врештѣ тая Правда Руска була списана найперше для Новгородской земли и для Новгорода. А Новгородъ въ тыхъ часахъ словянську стпхію майже цотерявъ зѡвѣсмъ. „По тѣмъ градомъ — пише Несторъ — сугъ на-ходьници Варязи, и первии насельници въ Новѣ Градѣ Словѣне.“ Такъ тая „Правда Руска“ була списаною для Варяго-Руссовъ, и не для Славянъ-Руси, котра рѡзниця и зъ самой внутренней основы тыхъ законѡвъ являеся. Слова бо: „ачели будетъ Русниѣ . . . любо Словенинѣ“ дѣлягъ очевидно Русинѡвъ ѡтъ Славянъ, що бы певно не було, еслибъ Русинѣ и Словенинѣ въ своей первобытной основѣ означали одно и те саме.

Напослѣдокъ Правда сесья есть сумный забытокъ нашої давной Руси. Встрѣчаеиъ въ ней то, що по обычаю Славянскѡмъ мѣстця не мае, — то есть подѣлъ людей на классы, на свободныхъ и невольныхъ; той подѣлъ маеиъ завдячти первымъ нашимъ князямъ скандинавско-рускимъ. Довго, бо еще въ десятѡмъ вѣцѣ повтаряли Нѣмцѣ: *Liberi, sicut Slavi esse solent* — ажъ врештѣ сами занесли неволю въ нашъ край, и научили Словянъ торговати людьми. — Якъ далеко тая неволя сягала, опредѣлити тяжко. Зважаючи однако на Гримма, котрый въ „*Deutsche Rechtsalterthümer*“ самъ признае, що въ Германіи найменше половины людности належала до классы невольничѡй, — а взглянувши въ исторію Италіянъ и Бретоньцѣвъ, котри подѣ обухомъ Лонгобардѡвъ и Англо-Сасѡвъ гѡрко стогнали, то мы се признати должни, що неволя и въ нашъ край широко розгостилася. По торгахъ греческихъ и нѣмецкихъ зганяно множество невольникѡвъ зъ нашего краю, и въ короткѡмъ часѣ имя Славянина перейшло въ презрѣніе.

Нѣмцѣ, якъ у насъ, такъ и где-инде, поработивши Словянъ, обернули назву Словянъ... въ назву невольника, и „*Slave*“ у нихъ почало то значити, що „*Slave*.“ Тая назва перейшла и въ пѡзднѣйшу латину, а въ мѣстце „*servus*“ употребляно назву „*Sclavus*.“ Тымъ тѡ способомъ вѡйшло въ житье „*Slavus et Sclavus idem sonat*.“

Однако завдавши собѣ вопросъ, яки те права були тѣ давнѣйши, що Ярославъ звелѣвъ пѡзднѣйше въ одно зѡбрѣти — огвѣтъ не трудный. Безъ сомнѣнїя були то тіи, о котрыхъ вспоминають договоры Олега и Игоря. — „Мы ѡтъ рода Рускаго . . . судихомъ . . . любовь извѣстити и утвердити по вѣрѣ и по закону нашему;“ „по уставу и по закону Рускѡму;“ „по закону Рускѡму“ — своминяеся въ договорахъ выше неведѣихъ. Зваживши отже, що зовущися „ѡтъ рода Рускаго“ були Скандинавцѣ, тогда и „законъ рускій, уставъ рускій“ будутъ тѣжкожь скандинавскѣ — а такъ безъ сомнѣнїя

тін въ договорахъ спмнени уставы и законы вѣшли пѣзднѣйше въ „правду руску, или судъ Ярослава Володимирица.“

Предпоставши тѣмъ уваги, мы перейдемъ до обороны Нестора, котораго Зубрицкій, а за нимъ и авторъ „Выводѣвъ“, компетентнымъ въ той справѣ не узнали. Зубрицкій трактуячи цѣлу справу лишь за-для любопытности своей, яко справу не приносячу жадного хѣсна для исторіи, не углублявша въ той вопросъ — лишь списавъ въ короткости все, що родило нѣяке сомнѣніе, и що могло говорити противъ Нестора. А однакъ, находятца въ Несторѣ где-негде мѣстца, що хотьбы и найменьшого сомнѣнія не постереже противъ скандинавскости и нѣмецкой родовости сихъ первобытныхъ Руссоѣвъ. Въ Несторѣ не тѣлько сомнѣнія нѣтъ, але противно сама аподиктична певнѣсть, котра обявляеца майже на кожой картинѣ его початковой исторіи. — Примѣтнимъ лишь тое: Цитаты, яки наведемъ, будемъ брати зъ Нестора пѣсля выданья Миклосича; и въ тойже его старославянской правописи. А щобъ сею росправкою гдѣшо и прислужитца науцѣ, мы наводачи гдѣкотри уступы изъ статьи Вч. автора, запустимоса часомъ по-за властиву рѣчь — що намъ най буде прошено.

Читаемо на стор. 161 улоду: „Несторъ розказуячи о призваніи черезъ Новгородчанъ (лише?) варяжскихъ князей пѣз-за моря на правленіе до себе, пише: „Идоша за море до Варяго Руси . . . рѣша Русь, Чудь, Словѣны и Кривичи: земля наша велика и обильна, . . . да пойдѣте княжить и володѣти нами . . . И избрашася 3 братья, пояша по собѣ всю Русь, и отъ тѣхъ прозвася руска земля.“ — Вч. авторъ признаючи славянскѣсть Руси, ѣткнуде зъ Нестора выраженья „Варяго Руси“, и „пояша по собѣ всю Русь“, понеже тѣмъ слова говорятъ за норманскимъ началомъ Руси, а припускае лишь тѣмъ слова яко автентични: „рѣша Русь, Чудь, Словѣны и Кривичи,“ понеже тутъ Русь стигаеца до послѣѣвъ, а послѣ тѣмъ прибули изъ славянской землѣ. — Кто тутъ поступивъ самовольно, чи Несторъ, чи авторъ — не знати. Однако тое недоумѣніе зчезне, если лучше слова Нестора розберемъ. Слова бо его: рѣша „Русь, Чудь, Словѣны“ дѣлятъ точно Русь ѣтъ Словенъ, що бы однако мѣстца не мало, еслибъ Русь а Словѣны були одно и те саме. Врѣштѣ спмнени Несторомъ межъ высланниками Русь, були то здаеси остатки зъ тѣхъ Руссоѣвъ, котрыхъ Новгородцѣ за море прогнали, и котрыхъ якъсь часть мешкала въ Новгородѣ. — А може бути, що цѣла тая исторія есть лишь самовольно втручена Несторомъ. Несторъ бо пишучи въ томъ вѣцѣ, где письменнѣсть цвила не тѣлько межъ монахами, но и межъ свѣтскими и саници князями, шѣтъ передъ будущностию затанти закладыны Варяго-русской державы на Словяньщинѣ. Може ѣтъ добре знавъ, що Варяги „*Rurikъ et consortes*“ силомѣцъ и оружьемъ завоювали пѣвнѣчну часть пѣзднѣйшой Руси — а може лишень передъ ономъ Рюриковымъ потомства, котре зословявлящилося, може за-для чести, яку мавъ до особы св. Владимира,

иначе записавъ исторію, а нежь она истинно збулася. Дивно! Славяне проганяють своихъ отвѣчныхъ вороговъ, котри ихъ долго мучили и рабували, а потѣмъ сами идуть запрашати морскихъ тыхъ розбѣйничковъ, абмъ ними володѣли и княжили. Моглижъ они — вольни Славяне — дивитися, якъ тѣмъ Руссы ихъ прива ломили, якъ они феодализмъ запроваждали, а землю Славянъ въ край великой и широкой неволѣ замѣняли? — Могли они дивитися, якъ чайки Варяговъ, загомы рускихъ князѣвъ, новый народъ-побѣдитель тѣмъаи горюлися въ ихъ край, забирали города и села и оружьеаъ адобували собѣ царство нове: „Се буди мати рускихъ земель!“ Несторъ или инакшо записавъ исторію, или его найдавитѣйши переписчики опинули правду, тымъ бѣльше, шо слова Нестора, яки кладе въ уста выслаиникѣвъ-послѣвъ, суть цѣлкомъ подобни словамъ, якими Бретонцѣ приглашали Сасѣвъ въ помѣчь противъ Пиктѣвъ и Шкотѣвъ. Пѣсля Витикинда говорили Бретонцѣ: „*Bretoni terram latam et spatiosam et omnium verum copia refertam vestrae mandant ditioni parere*“. А Несторъ выписуе тѣже слова: „Земля наша велика и обильна . . . да помѣте княжить и володѣти нами.“ То уже чей ясно, шо Несторъ исторіюку тую самовольно втрутивъ до своешъ лѣтописи, а нисъ въ нашѣмъ домыслѣ тѣмъ бѣльше подтвержае, шо ведля „рукописи Королевской“ Нестора, Рюрикъ на челѣ Варяго-Руссѣвъ еще въ 862 роцѣ воювавъ Славянъ и окрестни народы принудилъ до даванья оидаты. Если отже въ 862 р. Рюрикъ и „его коллеги“ воювали нашу землю, то вже дивно, якъ въ тѣмъ самѣмъ часѣ могли Словяне своихъ побѣдителейъ запрашати на княженье и на володѣнье собою . . .

Но и припустивши, шо первы руски князѣ володѣли не по силѣ оружья и по силѣ умовы, то завсе слова Нестора; „вояша по себѣ всю Русь, и отъ тѣхъ прозвася руска земля,“ суть такъ ясно выражени, шо Несторови и найменьшого сомнѣнїа о чужеродовости Руссѣвъ поѣдати не можливимъ есть.

А же Несторъ повѣдае о Варяго-Руссахъ, то хоть неправильно, однако по его точнѣ зрѣнїа зо всѣмъ янично. Пѣдъ Русію бо розумѣе лїшь одно племя Варяговъ, а пѣдъ Варягами розумѣе всѣ племена Скандинавски. Говорить бо (Миклоос. стр. 10.) „И идоме за море въ Варягомъ, къ Роуси, сице бо ся зваху ти Варязи, Роусь яко се друзани зовуться Свинь, друзани же Ноурмане, Аглане, друзани Готе, тако и си“.

Шо ся касае Нестора оловъ „Начьаъшо Михайлоу цѣсарьствовати, начеса прсызвати роусьска земля. О семъ бо оувѣдахомъ, якоари семъ цѣсари приходише Роусь на Цѣсарь грааъ, якоже пишеться въ лѣтописани гречьстѣмъ“ — то тѣи слова, если не суть втручени пѣдѣлѣйше, понеже юсова форма въ Несторѣ кромѣ сего „начьаъшо“ нѣгде не находится, то они свѣдчатъ о збаламученью Нестора, понеже, якъ мы се вже поперѣдъ доказали, Греки черель Олегомъ знали о Руссахъ, але о Руссахъ яко „*gente Sueonum*“. Несторъ все, где вычитавъ назву „Руды“, обѣйнивъ въ свою исторію, не

ны раздѣляемо исторію Руси, на скандинавско-руску и на славяно-руску. — Же Несторъ помѣшавъ исторію, доводитъ сего „Договоры Олега и исторіа Аскольда и Дира“, що все стоитъ по за обрубамъ Словянскою Русю, и Словниѣ не каснеся власиво.

На стр. 163 цше авторъ „Выводѣвъ“: „Если бы земля наша мала прозыватися отъ рода варяжского, то бы до певна прѣзвановъ zostала „Варяжская земля“. — А припустѣмъ, що бы отъ Рюрика такъ называтися мала, то бы зновъ „Рюрикововъ земля“ привановъ була, а все не „Русь, Руская земля,“ — якъ власне называеся.“

Отповѣдаемо: „Варяжскою землею“ нашъ край прѣзватися не мѣгъ — бо назва „Варягъ“ не була назвою родою, и уживалася лишень Словянами, а потомъ Греками и Арабами для означенья Скандинавскихъ племенъ. Скандинавцѣ правда уживали назвъ „vargangus и vering“, но назвы тѣи не означали ихъ родовѣсть, а служили лишъ яко назвы означающыи. И такъ „vargangus“ пѣсля Гримма означало „Vagabund,“ по нашому волоцюга, опрышокъ; а „vering“ отъ слова скандинавского „vege“-раствин, по нашому условіе, означало пѣсля угоды или вымѣнокъ служащихъ въ войску. Руссы-Славяне пѣзлавши Скандинавцѣвъ яко „vargangus,“ цѣлу зъ того Скандинавію звали Варяжиною. Греки пѣзлавши Скандинавцѣвъ яко „veringi, Βαράγγιοι, Φαράγγιοι,“ звали вообще лишь зятягцѣвъ тѣмъ именемъ. — Варяги отже въ тѣмъ змыслѣ, якъ Несторъ бере, то есть яко назва народовъ, не существовали на свѣтѣ, и такую назву не могли Руссы выкинути на нашъ край.

Же земля наша не называлась „Рюрикововъ земля“, то не дивно. Доки свѣтъ свѣтомъ, народы не называлася по якомусь тамъ имени особистому, але по имени народа побѣдителейъ. Тамъ вѣдь се и Несторъ подтверждаетъ: „повша по собѣ всю Русь, и отъ тѣхъ прозвася русьская земля.“ Натурально, що „тѣхъ“ не означаетъ тутъ Рюриковѣвъ, але тую Русь яко народъ, котрый въ огромнѣмъ числѣ найшовъ до Словяньщаны, коли „kronika Егука“ именуе его третою частію людности Скандинавской, а Несторъ на выразѣмъ додае, що вся Русь переселилась подъ знаменами трехъ братьей до землѣ Новгородской, Чудской и Словянской.

На стр. 164 авторъ „Выводѣвъ“ слѣдуя Зубрицкому споминаетъ о владѣтичыхъ Козарахъ Русскихъ: „Якоже бысть, володѣють Козары рускіе и до двещяго дне“ — и задне вопросы: „Зѣ-откиль тутъ взялись у Нестора тѣи владѣтичи Козары рускіи? чи може наемо ихъ перекрестити на Козарѣвъ варяжскихъ, абм такъ безъ заштѣки съ нимъ имя Руси отъ Варяговѣвъ выволати? — Изъ словъ же Нестора: „Якоже бысть“ показуеся, що тѣи Козары рускіи зъ дивея дивна пановали на Руси.“

Замѣчаемъ, що Хазары — Жиды були не-Славяне, а за тѣмъ слови „Козары рускіи“ не можемъ браги въ значенью, яко бы Козары були Руссы, оже и назва „Русь, рускіи“ сягала дивнѣйшихъ часѣвъ, а нежъ первымъ ру-

ських князів. Зъ основи Несторового оповѣданья явствує цѣлкомъ инна мысль, а нѣжъ авторъ „Выводѣвъ“ Несторови підсунувъ.

Несторъ бо описує, що Козары підбивши Полянъ, т. е. Кієвщину, побирали отъ нихъ данину „отъ дыма мѣчь.“ Мѣчь Полянъ бувъ „обоюдоуострий“ — а Козары, понеже ихъ мѣчь бувъ лишень „единою стороною остроумъ,“ вѣщали зъ того, що колись Поляны побѣждени ихъ — Козарѣвъ побѣдителѣвъ — подъ свою кормигу загорнуть. Несторъ для того додає: „Якоже бысть, владѣють бо Козары русьти князи и до дньшняго дьне. (Миклос. стор. 8).

Зъ того явно, що не „Кобзары русьти володѣють до днешняго дьне“ — бо держава хозарска уже давно передъ Несторомъ упала, але володѣють Козарами руски (князѣ). Слова же: „Яко бысть“ означають лишъ по просту: „сталося, якъ Козары предповѣли.“

На стор. 164 пише авторъ „Выводѣвъ“: „Еслибы отъ Варяговъ имя Руси походити мало, то бы области Новгородски, Бѣлоозера и Изборска, де три братья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, князѣ Варяжски, насампередъ засѣли, Русѣвъ прозыватися настали; а ту тѣмъ-часомъ окресности около Кієва и Днѣпра начались рускою землею прозывати, якъ тоє постерѣгаємъ изъ словъ Олега . . . „се буди мати рускихъ земель.“

Учени руски и російски и всѣ историки, межъ ними навѣть и нашъ Костомарѣвъ (и. пр. въ исторіи: „Богданъ Хмельницкій“) були того мнѣнія, що Кієвщина насампередъ рускою землею зватися почала. Причиною сего були слова Олега: „Се буди мати рускихъ земель.“ А однакь рѣчь маєся инакше. — Еслибы Олегъ бувъ хотѣвъ Кієвщину тѣмъ обречи рускою землею, бувъ бы выразився въ числѣ единственимъ. Вглянувши однакь, що Олегъ не підбивши собѣ еще Полянщину цѣлу, а уже выразився о рускихъ земляхъ, то тоє множественне число стягаєся безъ сомнѣнія на тіи землѣ, котри уже були подъ властію его. Якоже се буда и мысль Нестора, а не инна. Знаємъ бо, що Олегъ обнявъ по смерти Рюрика, въ малолѣтності Игоря, правленіє Рюрика землями, то-єсть землею Словѣнскою, Кривическою, Чудьскою, Мерійскою. А такъ осадивившиися на княженіє, підприємчивый духъ Норманьскій не мѣгъ спочити — и Олегъ обернувъ взоры свои на сусѣдніи края. Якожъ — пише Несторъ — „Ольгъ, поимъ вои многы, Варягы, Чудь, Словѣны, Мерю, Вєсь, Кривича, и приде къ Смольнскоу... и прия градъ, и посади моужь свой... и взя Любѣчь и посади моужь свой... и сѣде Ольгъ княжа въ Кієвѣ. И рече Ольгъ: „се буди мати градомъ роуьскимъ: се буди мати роуьскихъ земель.“ Очевидно, що выразы „руьски землѣ,“ або якъ автентичнѣйши источники мають „роуьскы грады,“ стягаются не на Кієвщину, где Олегъ свѣжо засѣвъ, але бѣльше на тіи землѣ, що доси посѣдавъ, на тіи грады, где були нимъ постановлени мужи, и где по словамъ Нестора були „находьници Варязи.“

Потому Олегъ яко побѣдитель не мѳгъ въ тамъ побѣжденныхъ говорить, и яко завоеватель для побѣжденныхъ столицю закладати, що тѣмъ бѳльше подтверждается, если зауважить, що еще за часѳвъ Игоря рѳжницѳ кладено межѳ Русію и Полянами. „Игорь съвъкоушивъ воя многы: Варягы, Русь и Поляны“ — повѣда Несторъ на рѳжныхъ мѣстцахъ, и мавъ до того совершенно слушнѳсть.

Наибѳльшій однако довѳдъ на нашу сторону маемъ въ Арабскѳмъ писателю „Massudi“ въ его дѣлѣ: „Morodż udz-dzahabi u Ma'aden-ul-dżawaheri.“ Приводимъ его слова розказомъ Бѣловскаго въ его дѣлѣ: „Wstęp krytyczny do dziejów Polski,“ стр. 184. Бѣловскій такъ говоритъ о семъ современнику князя Олега: „Rozróżnia Massudy Słowian od Rusi, która w jego czasach wargęskiego charakteru swego bynajmniej nie zatarła i pielęgnowała jeszcze osobny swój język, jak to widzieć można ze społecznego Massudemu opisu porohów dniewprowych przez Porfirogenitę, który ruskie, słowiańskie i greckie ich nazwiska podaje. Atoli wie nasz autor, że Ruś zostaje w ścisłych ze Słowianami stosunkach. Zna on tych Słowian i tę Ruś, jako lud podzielony na wiele szczepów i kraików, zostających pod osobnymi książętami, którzy w ustawicznej z sobą są wojnie. „Jedni z nich, powiada, są chrześcianami sekty Jakuba; drudzy poganami nie mającymi ani ksiąg świętych, ani objawionej religii.“ Wie że Ruś i kraje północniejsze jeszcze od niej dostarczają futer najpiękniejszych; że hobry, które z handlem nie tylko do Hiszpanii, ale na cały świat się rozchodzą, poławiają się nad rzekami Rusi, Bołgaryi i Kijow szczyzny (Kujaba), której pod imię Rusi nie zagartuje, a rozpowiadając, że jej król imieniem Dir, do którego kupcy Mahometansey uczęszczali, najpotężniejszym jest z pomiędzy królów słowiańskich, że ma miasta wielkie, liczne wojska, a pola dobrze uprawione — zadaje fałsz twierdzeniom Szłöcera o nikczemności Kijowa przed przyjsciem tamże Olega, a popiera wybornie słowa Nestora o Kijowskich Polanach, miłośnikach i uprawiaczach roli, i o ich xięciu Dirze, co to władał jeszcze polskoją zemleją.“ — Зѳставляючи собѳ на пѳзднѳйшій часъ о сей польской земля Кіевской говорить, примѣчаемъ, що Массуди совершенно попирае нашу гадку, Русію лишь пѳвночноу насъ нашей землѣ именующу, а то есть власне тая земля, где першій князь Рюрикъ и тая Варяго Русь осадовалася. Дѣйстви оже не Кіевска земля зъ-першу назву Руси носила, але оная земля Словѣвъ, Чуди и Кривичей, и оныя города Новгородъ, Бѣлоозеро и Изборскъ.

Авторъ „Выводѳвъ“ лише дальше: „при договорѣ съ Греками жѳлалъ Олегъ... уклады на рускіи города... „и на Полтевскъ и на Ростовъ, по тѣмъ бо городамъ съдяху князья подѣ Олегомъ суще“. — Де затѣмъ на тогды еще 907 р. Полтевскъ и Ростовъ не принадлежали до рускіихъ городѳвъ, коли Олегъ окремо при укладахъ ѳтъ рускіихъ городѳвъ ихъ вымѣняе.“

Текстъ Нестора властивый есть сей: „Уклады на роусьскыя грады, первое на Кыевъ таже на Черниговъ... и на Полотьскъ и на Ростовъ, по тѣмъ бо градомъ съдяхоу князи подъ Олегомъ сущии.“ Тутъ Полотьскъ и Ростовъ суть дѣйствио руски города, суть дополненіемъ ового: „первое на Кыевъ“. Тѣмъ способомъ Полотьскъ и Ростовъ принадлежали въ составъ рускихъ городѣвъ и обѣймались въ назвѣ Руси. — Потомъ тѣмъ „князи подъ Олегомъ сущи“ не суть, якъ ч. сочинитель „Выводѣвъ“ на инномъ мѣстци разумѣ, родови, словяньски князѣ. Нѣтъ! слова „князи подъ Олегомъ“ стягаются на се, що Несторъ о Рюрику повѣдае: „и раздая мужемъ своимъ грады, омовоу Полотьскъ, омовоу Ростовъ...“ Если про тое уже за Рюрика правили тѣми городами „мужи“ — то не могли тамъ за Олега бути власни князѣ. Выразъ отже „князи подъ Олегомъ сущии“, означае толькo, що мужи або бояре. Слово отже „князь“ не мае ся брати въ розумнѣню пѣзднѣйшихъ вѣкѣвъ, но мае ся брати яко слово въ своей початковой ознацѣ. Яко выречене Скандинавлями: Карломъ, Фарлофомъ, Вермудомъ, Роулавомъ и Стемидомъ должны мы слово тое „князь“ брати въ скандинавскѣмъ значѣнью. На счастье давни скандинавска мова выручае насъ зъ того недоумѣнія. Скандинавское: „*chuninc, kuning, kuniggs*“ мае бѣльше значеній. Яко въ протвиноположнѣбгъ выразови: *chena* = *mulier* означае *chaninc* = *maritus* мужа т. е. сопруга; яко отъ слова *chon, konr* = *genus* означае *chuninc, kōngr* чоловѣкка знатного роду, вельможу или „мужа“ въ значѣнью лѣтописи въ своѣмъ происходѣ отъ: „могчи, можный.“ Наконецъ „*chuninc*“ означае одно зъ найвысшихъ достоинствъ, владѣльца, князя.

Зъ выразу „*kuning*“ виробилося въ славяньскѣмъ „*kning*“, або пѣсли руского, где носовыхъ не ма, княгъ (княг-ниа) „князь“, — тѣмъ отже способомъ и оное князь въ лѣтописи беручи, дадутъ ся слова „князи подъ Олегомъ сущии“ легко розпутати, и примѣрити до сихъ мужей, котрымъ Рюрику, а пѣзднѣйше и Олегу города злобутыи роздавали.

Тѣми нашими увагами легко прійде розвязати и оное мѣстце лѣтописи, где Олегъ передъ убитьемъ Аскольда и Дира до нихъ промовлявъ: „вы нѣсте князя... азъ роду княжа“. — Олегъ бо, хотяи не вѣвъ своѣй рѣдъ изъ пануючої лѣни, мѣгъ однако зватися отъ „роду княжа“, если выразъ князь возьмемъ въ значѣнью „бояра, мужа, знатного уроженьця.“ Въ такѣмъ змыслѣ промавлявъ и Олегъ до Аскольда и Дира: „вы нѣсте князя“ — понеже пѣдля одного списку Несторовои лѣтописи о Аскольдѣ и Дирѣ доистно говорится, що они не були навѣтъ и бояре.

Наконецъ примѣчаемъ, що еслибы ови князѣ зъ Полотьска и зъ Рустова могли якимъ свѣтомъ бути родови, то сей зъ Ростова не мѣгъ бути Славяньскій, понеже пѣдля Нестора не були тутъ Славяне а лишь „Мѣра и находильшии Варязи“. Зъ того заключаемъ, що Ростовяне, племи Мѣрийское, — чи оно звалось Русію, чи може и не звалось, — що Ростовяне, повтаряемъ, для

выводу словянскости назвы Руси, жаднымъ мѣриломъ для насъ быти не могутъ . . .

Пише ч. авторъ „Выводѣвъ“ далѣше: „Самъ Новгородъ не мѣгъ до рускихъ городѣвъ числитися, коли Несторъ, описуючи переходъ Словянъ наддунайскихъ, пише: „Словѣмъ же сѣдоша около озера Ильмѣра, прозвашася своимъ имевемъ“ . . . Новгородяне огже . . . Русинами называтися не могли на тогды, такъ якъ и мѣсто ихъ Новгородъ до рускихъ мѣсть принадлежати не могло.“

Той выводъ яко найслабшій, поминаемъ цѣлкомъ. Бо жь Несторъ и наддѣпрянську землю не зове Русію, а лишъ Полянщиною. Аналогично огже можна твердити, що и Кієвъ на тогды до рускихъ городѣвъ не мѣгъ числитися. Врештѣ переходъ той Словянъ, збувшійся въ началку другого вѣку, не може бути впливомъ на часы пѣзднѣйши: и не одно, що могло статися въ другѣмъ вѣцѣ, могло за часѣвъ князей переобразованію совершенному подлягнути.

Читаемъ далѣше на стр. 165: „Ярославъ же совокупивъ Русь и Варяги и Словѣны, поиде противу Болеславу и Святоподку“ (Лав. стор. 63). Лѣтопись розличае опредѣльно Русь отъ Варягѣвъ и Словѣнъ; слѣдственно якъ Русь и Словѣны, такъ Русь и Варяги не одно и того саме. . . . Тѣи слова, заключае Зубрицкій, опровергають всѣ толки, що Варяги и Русь одно и тое саме и що прозва Руси отъ Варягѣвъ произойшла.“

Примѣчаемъ, що хотяи назва Руси отъ Варягѣвъ иде, то однако въ мѣгъ ока весь край овладаный Варягами, „Русію“ назватися не мѣгъ. На тое треба було довгого часу, и не дивѣ, що еше въ одинайцятѣмъ вѣцѣ вправѣ меньша, але завсе рѣзниця була межъ Славянами и Русію. Чужесторонцѣ ужѣ досытъ скоро нашъ край называли Русію, але тое понятіе въ самѣмъ народѣ доводи выраблялося. Найперше „Русь“ було имя побѣдителейъ. Потомъ по находѣ Варягъ въ мѣста, почали ся города называти рускими. Ажъ пѣзднѣйше гдѣсь „Русинами“ почати съ звати всѣ, що иво въ составѣ русской державы вѣйшли. Иѣмъ еше славянскіи край отъ моря балтицкаго ажъ по Карпаты одну державу вспѣдну становили, они перше пороскиданѣ рѣжной углядѣи судѣбѣ. Будучи по бѣльшой частѣ подъ нужою кормигою, они заглядѣной назвы народиной въ собѣ выробити не могли. Бо назва народна вырабляеться тогда, коли рѣжніи племена сполучаются въ одно, и выступаютъ до своего посланинчества народнаго. Такъ було и съ Словянами, пѣзднѣйшою Русію — котрий край ажъ Варягами сполученый въ одно, мѣгъ общимъ именемъ въ свѣтѣ званитися. Для того и постерѣждемъ, що лишъ тѣи край носятъ назву Руси, котри подъ державою рускою стояли — ще бы однако повше не було, елибы Русь свою назву завдячала Русадкамъ, бо тѣи Русадки почитало найже до всей Словянщинѣ.

Такъ якъ имя Славянъ, ані отъ богини „Слава“, ані отъ краю Словы (якъ хотѣли нѣкии писателѣ) не походятъ, але доперва въ VII вѣцѣ почало появлятися въ Европѣ, т. е. тогды, коли люди словянськи, получившиися въ одно подѣ вождомъ „Самомъ“, выступили въ бѣи противъ своихъ тираннѣвъ — Франкѣвъ и Обрѣвъ, и коли Само выкликавъ народы до бою въ оборонѣ „слова“ и „славы“ . . . такъ точно потому одна часть тыхъ народѣвъ Словянськихъ выступивши громадно подѣ однимъ знаменемъ на поли исторіи, не могла поединчими мѣстцевыми назвами бѣльше забавлятися, но конечно выступити подѣ однимъ загальнымъ именемъ: и допство выступила, якъ где иде, такъ и тутъ подѣ именемъ своихъ побѣдителейъ, подѣ именемъ Руси.

Но хотъ тоє имя Руси не могло утворитися такъ скоро, щобъ въ одномъ мгновенію Словѣны, Кривичи, Поляне, Древляне, Угличи, Тиверцы и прочіи могли называтися Руссами, то однако съ расходячоюся назвою „Руси“, почали Скандинавски Руссы поволи словянщитися, удомащнитися, свѣой варяжскій характеръ теряти, — и не дивъ, що вже за часѣвъ Владиміра В., а тѣмъ бѣльше еще за его сына Ярослава повстала рѣжниця межи „Русь“ и межи „Варяги.“ Слова про тоє: „Ярославъ же совокупивъ Русь и Варяги и Словѣны“ не дѣлають жадного запутанья, бо допство Русь и Варяги були на тогды уже собѣ противни стихіи. Врештѣ назва Варягъ мала, якъ замѣтилисьи, двояке значѣнье. Разъ брано ю для означѣнья всѣхъ опрышкѣвъ Балтицкого моря, ба наѣвъ и для наименованія всѣхъ племенъ Скандинавіи — а другій разъ брано назву Варягъ въ змыслѣ „verding Флора“ оς“ для означѣнья затыгнѣвъ, т. е. завербованыхъ до войска. Съ такими Варягами, т. е. затыгнцями Скандинавскими здобувъ Владиміръ Кієвъ. . . и о такихъ Варягахъ мають ся богато мѣсце лѣтописи розумѣти, а межи инними и оное: „Ярославъ совокупивъ Русь и Варяги и Словѣны.“ За-для того вырзъ „Варяги“ не треба тутъ брати, яко назву народову, лишъ въ томъ змыслѣ, якъ мы сесе въ горѣ указали.

Що ся касеє остатного мнѣнія автора „Выводѣвъ“ взглядохъ „Правды Руской“, мы уже передже о томъ говорили — а дотычно „Ляхѣвъ“, то доводѣ сей не въ автора, але въ нашу п лѣзу говоритъ. Бо якъ Русь отъ своихъ побѣдителейъ такъ прозвалася, такъ и Ляхи отъ своихъ владѣльцѣвъ Ляхѣвъ тую назву дѣстали. Стверджають то, хотни противными выводами, учени польски: „Moraczewski, Pierwotne dzieje Polski i Litwy“ — и Шайноха въ своемъ дѣлѣ: „Lechicki początek Polski.“

Зъ доси сказаного заключаемъ, що Несторъ если що писавъ о початку назвы Руси, то все Русь выводивъ зо Скандинавіи. Приведемъ еще гдекотри мѣстца зъ Нестора, о котрыхъ Зубрицкій знати не хотѣвъ.

„сиче бо ся звахоу ти Варязи, Роусь, якъ се друзини зовуться Свие, друзини же Ноурмане, Агляне, друзини Готе, тако и си.“ (Миклос. стор. 10).

„и бѣша оу него Варязи и Словѣни и проче прозвашася Роусию.“ (стор. 12).

„и Ляхове и Поляне, яже нынѣ зовомаю Роусь.“ (стор. 12).

„Асетоу бо и то колѣно: Варязи, Свие, Ноурмане, Готе, Роусь, Аглине, Галичане (Gallia), Влахове, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Венедици.“ (стор. 2.) и проч.

Наконецъ еще додаемъ слѣдующи уваги. — Такъ якъ нынѣ и пр. въ Галичинѣ обрѣтающіеся села: Ляшки, Прусы, Печенѣжинь, Татарско, Угорско и пр. пригадуютъ намъ чужихъ закладниковъ тыхъ сель, то такъ и назвы давнѣйши и новѣйши: „Руса (Новгор. лѣт. подъ р. 6702), Русинь, Русинѣвъ, Ростовъ, Русанѣвка, Росошь“ и пр. припоминають на то, що першими закладниками тыхъ мѣстъ або сель були чужесторонці, чужи помежи людемъ, середѣ котороу на имя свое закладали мѣста або села.

Потому самая назва Русь, котра въ южной Руси съ паденіемъ княжества пропала, и до нынѣ въ народѣ майже нѣгде не обрѣтаеся, есть уже сама въ собѣ загадкова, и по своей дивачной формѣ прогивна духови Словянскому. Кажемъ: Сербія, Сербщина; Лехія, Ляччина; Россія, Московщина; Венгрія, Угорщина, — послѣ того, еслибъ Русь була назвою словянскою, свойскою: то можъ бы лишь писати: „Русія, Русчина. . .“

Замыкаючи, тѣмъ наши „Уваги“, простуемъ ще де-котри мнѣнія вч. автора „Выводѣвъ“, котри хотий непосредно не тыкаются нашего предмета, однако яке-таке свѣтло на нашъ вопросъ кидають.

Слѣдуя Зубрицкому, авторъ кладе переходъ Славянъ Надунайскихъ до пѣзднѣйшой Руси и Польши, на 9-тый рѣкъ по Христвѣ. Що до того переходу и коли онъ збувся, суть учени рѣзного мнѣнія. Шафарикъ, розумѣючи подѣ Влахами Нестора Галлѣвъ, доводявъ, що напѣръ Галлѣвъ на Словянщину збувся въ четвертомъ вѣцѣ передѣ Христомъ, и клавъ для того оный переходъ Славянъ на той часъ.

Но сей выводѣ Шафарика оказався слабый. Влахи бо Нестора не були Галлове, але Римляне, якъ се и до нынѣ Италянѣвъ звать Влахами. Тымъ способомъ потребовала рѣчь нового слѣдженя, и якъ мовить Зубрицкий, рѣшенъ вопросъ сей черезъ Юрія Венелина. За Венелиномъ пѣйшовъ и Д. Зубрицкий и положивъ цѣле событіе на першій вѣкъ по Христвѣ . . . то есть около р. 9-того.

Но и тое мнѣніе безъ важныхъ доводѣвъ, не устоялося — и нынѣшни историки розрѣшили вопросъ сей цѣлкомъ. Послѣ нихъ збувся сей переходъ Славянъ ѳтъ Дунаю на нынѣшни мѣстця въ началѣ другого вѣку по Хр., т. е. за часѣвъ Римского Траяна. Поводомъ до битвы межи Траяномъ а Словянами-Даками бувъ Декебаль или Кебаль. Найперше вождь Дакійскихъ войскъ, а потомъ князь Дакіи, онъ бувъ погрозоу для римскихъ краѣвъ. Домиціана побивъ на полю битвы и Римлянъ присловывавъ до даваня данины. — Траянъ, наслѣдникъ Нервы, загадавъ отмстити думному Славянину. Съ огромомъ войскъ выступивъ

противъ Декебаля, и въ кѣльяхъ божьихъ огнемъ и мечемъ разправлялся въ Даціи. Не помогли штуки воени князя Славянскаго, союзники его отступали, а его универсалы не относили пожеланнаго успѣху. Лишенный людьми и Богомъ не сдержавъ онъ дожидати сорочнаго конца битвы и задавъ смерть собѣ власною рукою. Съ нимъ погибла слава и самостоятельная словянская Дація, и Словяне доси свободны мали заправлятися до неволѣ. — Но ошибся Траянъ; по доволгѣтней войнѣ завоевавъ онъ край, але уже пустыню. Люднѣсть переинулась черезъ Днѣстеръ, и отъ того часу повстала Дація на сѣверовостоцѣ Европы, где ослѣла полъ рѣзными Несторомъ описанными именами.

Же власне тогда збувся сей переходъ Словянъ зъ надъ Дунаю, то видно зъ римской исторіи, пѣсля которой сенатъ римскій въ цѣдой своей обширной имперіи стягавъ людности до оцувствѣю Иллиро-Дація; доволемъ статуа Траяна, на котрой выходъ народа представленъ есть.

Тымъ отже способомъ впаде переходъ нашихъ пращѣвъ до нынѣшнихъ земель на часы около 106 р. по Хр., то есть на часы Траяна. Имя Траяна перейшло въ нашъ народъ яко историческое лице, и доси уживаеся въ пѣсняхъ нашихъ. Имя Траяна переходалося черезъ 18 столѣтій въ народъ — а пѣсни тужебны за Дунаемъ суть великими замогильнымъ проклономъ того, котрый нашихъ пращѣвъ выперь изъ власной землѣ. О чѣмъ то — Траянъ, много спѣвае пѣвецъ о полку Игоря, а слова его: „рыца въ тропу Трояню“ означаютъ, здеся, овѣй шляхъ, котрымъ гонивъ за утѣкающими Даками Траянъ, вождь вправдѣ добрый, але для Славянъ неумолимый. На колоннѣ Траяна представлено попереду череды и стада, потомъ мудръ старецъ, дѣти и жены исъ своими знарядями и рѣчами господарскими, а зъ заду рядами поступаютъ молодцы и воики узброени, отпирющы преслѣдователѣвъ своихъ.

Тымъ отже способомъ появившися Словяне на нынѣшнихъ земляхъ польскихъ и русскихъ въ началѣ другого вѣку по Христу не могли, якъ авторъ „Выводѣвъ“ при конціи росправы своей указуе, уже на триста лѣтъ передъ Христомъ зватися Руслянами або Роксолянами — ими про тое „Русь“ сагае пѣздныхъ часѣвъ Варяго-Руси. — Такъ отже Несторъ, котрый намѣникомъ о переходѣ Словянъ стѣлько прислужився до розясненя инакше певно нерозгаданной нашей предѣковщины, заслугуе и що до вывода „Руси“ на непогрѣшимѣсть. И въ томъ своемъ выводѣ есть певно вѣры достойный, бо онъ стѣлкою любовью обнимающій руску землю и русскихъ своихъ братьей, бувъ бы певно имя своего люду увѣчнѣвъ якъ найлавѣнѣйшою старшиною, еслибы мавъ до сего яки-будь поволамъ. Такъ той Несторъ, пѣсля Бѣлгородскаго попросту „неука“, перемѣгъ свою лѣтописню всѣхъ своихъ критикѣвъ и стоить своею всесторонною ученостію учителемъ своей будущности. — Праведный монахъ Кіевопечерскаго монастыря, не гадавъ певно, що его лѣтопись ужие Россіянина, пѣсля Лелевѣла „сродный цѣ и выродный смѣтъ

Руси“ ни негацию Малоруского, бережного краю. Не зная нашъ Несторъ, но его Поляне стануть каменемъ прѣткновенія въ будущихъ вѣкахъ. Но народъ, котораго исторію отъ списывавъ, не звѣлся мимо только-тѣковой новизны и недѣль — перейшовъ той народъ, якъ золото черезъ огонь. Свободный и поважный, якъ степь и Бескиль, е оны самостайный, одноплеменный, не потерявшій своей Слвиньскости. На него не складался чужі племена, якъ на Велику Русь, котра выйшла изъ смѣси „Словѣнь, Веси, Финновъ, Меры, Муромы, Вотакѣвъ, Мешеры, Моравы, Черемъси, Болгаръ, Перми, Югрѣвъ, Хазаръ, Узѣвъ, Самоедѣвъ и инныхъ Уральчикѣвъ, котри тую Велику Русь по языку и по понятіямъ переобразили. Она, Мала Русь, не выйшла изъ Полявъ лядскихъ, съ котрыми черезъ довги вѣки правотилась мечемъ и кровію и историчный розбратъ збѣжала. Въ той Малой Руси животить якась нова идея, для которой предстоить еще совершити свою будущиость. Розгадати тую будущиость, розкрыти тое становишко межинародне, олицетворити идею довго глумлену и давлену — есть задачей нашей независимой словесности — литературы.

Если словесность наша, держана довго ино въ однихъ рукахъ, дасть живнѣншь и инныхъ писателѣвъ свободно розповѣстися, и если нашъ „Галичанинъ“ станеи зборникомъ безсторонного свободного слова, то вѣдавъ лѣнше зъеднаются доси розстрѣленные партіи, и розъяснитя тая правда народна, котру оживити и розъяснити и я по силѣ хотѣвъ быль.

О. П. Р.

ПИСЬМО О ГАЛИЦКО-РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Профессора Михаила Максимовича,

писаное въ 1840. году изъ Кіева.

Милостивый Государь!

Письмо Ваше для меня чрезвычайно было пріятно во всёхъ отношеніяхъ, — и самый русскій языкъ, ежечасно здѣсь слышимый становится чѣмъ-то новымъ, болѣе внятнымъ и роднымъ, болѣе краснорѣчивымъ въ Вашихъ устахъ, чѣмъ колъ перомъ нашихъ премногихъ писателей. Хвала и честь Вамъ, что Вы его усвоили себѣ, не смотря на полявка жизни Вашей! Пишите по мнѣ и по другимъ Русскимъ, ради Бога, по-русски: не повѣрите, какое это наслажденіе доставляетъ, хотя для Васъ, — намъ Вы говорите — труднѣе то, чѣмъ писать по-польски (*польска мова — цуръ ей, пекъ ей — обрыдла и тутъ до ката нашому брату, южному Русину. . . : нехай вона зтамится!* *Буде зъ нею и того, що вы книжки на ей пишете да друкуете!*) Возрожденіе русской словесности въ Червоной Руси есть

явленіе утѣшительное; дай Богъ, чтобъ обстоятельства къ тому благопріятствовали и чтобъ молодое ваше духовенство не прекращало сего прекраснаго и достопамятнаго начинанія. На какомъ бы ни писали языкъ Галичане, все равно, лишь бы писали они о своей милой Руси; но молодому — нынѣшнему и будущему поколѣнію надо писать на своемъ родномъ языкѣ, подобно Нѣмцамъ, Французамъ, Чехамъ и всѣмъ почти другимъ націямъ. У насъ въ имперіи Русской, Русскимъ языкомъ сталъ Великорусскій языкъ, которымъ и говоримъ, и пишемъ, и думаемъ, какъ языкомъ общимъ, живое употребленіе и въ Украинѣ (въ образованномъ классѣ народа) имѣющемъ. Потому все, что у насъ пишется по-малороссійски, есть нѣкоторымъ образомъ уже искусственное, имѣющее интересъ областной только, какъ у Нѣмцевъ писанное на Аллеманскомъ нарѣчій. У насъ не можетъ быть словесности на южнорусскомъ языкѣ, а только могутъ быть и есть отдѣльныя на ономъ сочиненія — Котляревскаго, Квитки (Основяненка), Гребенки и другихъ. Южнорусскій языкъ у насъ есть уже какъ памятникъ только, изъ котораго можно обогащать Великорусскій или, по преимуществу у насъ Русскій языкъ. Народныя Украинскія пѣсни и пословицы суть также только прекрасныя памятники для словесности русской. Но для Руси новъ Австрійской имперіи живой языкъ южнорусскій; пора языка польскаго для нихъ давно прошла, пора Великорусскаго языка для нихъ еще не наступала. Потому весьма желательно, чтобы они подобно Вамъ усвоили себѣ Великорусскій языкъ; но ваша Червонорусская словесность — по моему мнѣнію — должна быть на Вашемъ родномъ русскомъ языкѣ — т. е. на южнорусскомъ; и только въ Галиціи она можетъ быть на этомъ языкѣ. И потому для вашихъ молодыхъ писателей наши народныя пѣсни должны быть не только какъ памятники прекрасныя, но и какъ живые образы языка русскаго; тамъ и формы уже готовыя для Галицкихъ сгхотворцевъ. Это хорошо поняли Головацкій, Вагилевичъ, Устіяновичъ и Шашкевичъ и потому ихъ стихи читаю съ большимъ удовольствіемъ и сочувствіемъ, чѣмъ стихи Лѣвицаго и прочихъ мнѣ извѣстныхъ, кои отъ своего народнаго отбиваются, а къ Великорусскому не пристало, и плаваютъ между ними на искусственной срединѣ, весьма неблагоприятной ихъ поэзіи. Такъ писали у насъ Сумароковъ и Кантемиръ и другіе въ XVIII. вѣкѣ. — Гоголь пишетъ совершенно въ Малороссійскомъ духѣ, между тѣмъ пишетъ по великорусски и лишь немногія слова Украинскія употребляетъ; а между тѣмъ читая его, кажется читаешь по южнорусски*). Ваши молодые писатели должны писать чистымъ южнорусскимъ языкомъ, ка-

*) То само впечатлѣніе чувствуетъ и нашъ Русинъ при чтеніи другихъ писателей прородныхъ Малороссовъ, не исключая я самого Г-па Максимовича.

кой представляется особенно въ пѣсняхъ и думахъ Украинскихъ и старинныхъ червонорусскихъ; а этотъ языкъ пополнять могутъ изъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ Галицкихъ и Украинскихъ, гдѣ много есть словъ и оборотовъ — а потомъ уже пополнительнымъ источникомъ пусть будетъ Великорусскій языкъ, преимущественно передъ другими Словенскими. Для правописанія сообразуемъ долженъ быть старинный способъ писанія южнорусскій приноровленный къ народному языку надсторичнымъ знакамъ (а не " ибо у Русскихъ ѣ, ѓ, ꙗ=іа). Я предложилъ этотъ способъ въ 1827 году; многіе оный одобрили; старинное употребленіе въ немъ сохранено. И я не вижу причины, для чего, н. пр. Вагилевичъ**) упрекающій Лозинскаго за писаніе польскими буквами, защищающій по справедливости нашу Русскую азбуку, самъ вопреки ей пишетъ не по-русски, изгоняетъ *ѣ*, *ы*, вмѣсто *ѣ* даже въ глаголахъ пишетъ *ѣ* *ѣ* и вводитъ Молдавское *джа* (ц) какъ будто недовольно ясно будетъ поставить *дж*: правописаніе его Русалки, признаться, *очень дико*, а правописаніе Лъвickaго болѣе подходит на русское. *Если эти расколы и разногласія будутъ продолжаться въ начинающей словесности и не примутъ всѣ одного правописанія, то это замедлитъ успѣхъ.* И у насъ Тредьяковскій хлопотался очень о нововведеніяхъ; пробовали изгонять буквы *ѣ*, *ѣ*; Лажечниковъ издалъ недавно цѣлый романъ „Басурманъ“ писанный какъ говорятъ (н. пр. *маво*, *пашолъ*, *вм. моего, пошелъ*), какъ по украински пишутъ Харьковцы и Поляки (польскими буквами); однако основою Великорусскаго правописанія все таки осталось церковнословенское правописаніе, изъ коего развилась и Великорусская и наша Южнорусская письменность. Что хорошо Вагилевичъ (собт. Шашкевичъ) сдѣлалъ, такъ это двоякое *е* (*ѣ*, *ѣ*) и употребленіе *ѣ*, (только не *вездѣ*). Прошу Васъ покорно передать мои мысли вашимъ Львовскимъ писателямъ русскимъ и поклониться имъ. Желаю имъ полного успѣха, Богъ да поможетъ имъ въ томъ! — Я писалъ бы къ вамъ, да не имѣю силы для этого; кромѣ гемороя и ревматизма, коими страдаю другой годъ, я уже десять лѣтъ не вижу правымъ глазомъ, а лѣвымъ могу читать только до обѣда, и то теперь съ трудомъ. — Не знаю, получилили Вы посланные мною Вамъ описаніе Кіевософійскаго собора и мою Iю часть Исторіи древней русской словесности? — Если Вамъ попадобится какая нибудь книга, пишите ко мнѣ, и я охотно Вамъ буду высылать. Теперь посылаю Вамъ Кіевлянина, изданнаго въ 1840 году. Вотъ начало такого изданія, котораго назначеніе южная Русь и коего Вы желали. Теперь посылаю только три экземпляра, для Васъ, Вагилевича и Головацкаго; при

***) Должно читать Маркіанъ Шашкевичъ, который былъ собственно главнымъ редакторомъ Русалки Дифстровой 1837. изданно въ Будиновѣ, и авторомъ статьи о Русскомъ вѣствію стр. 130.

оказіи пришлю больше. Если у Васъ есть какія матеріалы, то одолжите меня присылкою ихъ для помѣщенія въ Кіевлянинѣ. Если можно къ Октябрѣ мѣсяцѣ напишите мнѣ статью о Львовѣ (о началѣ его, состояніи особенно въ XVI. XVII. вѣкѣ, когда была академія тамъ, — о церквахъ замѣчательныхъ и проч.); хорошо бы составить и статью небольшую о Галиціи всей или Австрійской Руси Червонной и Карпатской (показавъ округи всѣ, границы ихъ, народонаселеніе, церковное состояніе, нарѣчія и пр.). Статьи Ваши будутъ очень замѣчательны и примутся у насъ съ удовольствіемъ большимъ и успѣхомъ. Пишите хоть на польскомъ языкѣ; я переведу ихъ на русскій. Попросите Вагилевича, Головацкаго и другихъ однородцевъ моихъ быть моими сотрудниками и учествовать въ Кіевлянинѣ статьями о Червонной Руси; хорошо естъли бы къ Октябрѣ или Ноябрь что нибудь я получилъ для второй книжки Кіевлянина. Пусть и Галичане помогутъ Кіевлянину и въ немъ отзываются ихъ голосъ!

Апрѣля 22. дня 1840 года.

Михаилъ Максимовичъ.

П. С. Сообщите мнѣ вѣрную копию послѣсловія Ивана Федоровича въ Апостолу Львовскому (1574) и копию герба его. — Г. Вагилевичъ занимается много миеологіей; не можетъ ли онъ написать для Кіевлянина статейку о Дивахъ, вѣрованіе коимъ осталось въ Карпатахъ и было въ Украинѣ, какъ видно изъ пѣсни Игоревой. — Желалъ бы я имѣть еще подробное извѣстіе о Ветхомъ Завѣтѣ, переведенномъ съ еврейскаго (?) и хранящемся въ Львовѣ, о которомъ вкратцѣ упомянулъ Головацкій. Современемъ я очень желалъ бы получать краткія описанія Галича и прочихъ Червенскихъ городовъ, подобно тому какъ у меня въ первой книгѣ описаны нѣкоторые: прочта ихъ Вы увидите, чего мнѣ удобно. Все замѣчательное относительно Галицкой Руси будетъ у меня имѣть мѣсто, только Бога ради присылайте и пригласите другихъ.

Если мнѣ поможетъ Богъ нынѣшнимъ лѣтомъ освободиться отъ моей болѣзни и стать на ноги (ибо я такъ слабъ ногами, что больше года почти не выхожу изъ дому), то я надѣюсь въ будущемъ году побывать у Васъ во Львовѣ и объѣхать всю Галицію, и даю въ этомъ себѣ обѣтъ!

М. М.

Предлежащее письмо писалъ еще въ 1840. году ученый профессоръ г-нъ Михаилъ Максимовичъ къ покойному Денису Ивановичу Зубрицкому, который то письмо сообразно желанію автора сообщилъ мнѣ — и я оцѣнивъ важность его содержанія снялъ съ него копию. — То было первое сообщеніе писателей нашихъ съ Украинною, первое почутье сродства и одноплеменной взаимности межъ Галицкими и Украинскими учеными въ то время, коли близшее сообщеніе между ними утрудняемо было непреодолимыми пре-

пятствіями. Письмо то писано было въ самое время первого пробужденія нашеі словесности, когда на нашемъ небосклонѣ литературномъ появились первыя покушенія въ родномъ языкѣ; когда Іос. Левицкаго переводы Шиллеровыхъ балладъ, воззрѣніе страшилища, благожелательныя стишки іерархамъ и та несчастная Русалка Диффуровая, причинившая столько хлопотъ своимъ издателямъ, становили всю сумму литературныхъ произведеній русскихъ въ Австріи. Письмо сіе походило отъ знаменитого писателя, собирателя пѣсень народныхъ и ревнивішого друга и защитника малорусской народности. — Обзорѣніе словесныхъ плодовъ нашихъ съ осьмью сотъ тридцатыхъ годовъ сообщилъ г. Максимовичъ въ своемъ Кіевляннѣ, осуждаючи тіи первенцы литературны со всею снисходительностію и истинно отцовскою ласкою.*)

Въ семь писемъ высказанны мысли и разсужденія прямо, безъ малѣйшого пристрастія, предложенъ всесторонно обдуманый совѣтъ для Русиновъ отъ многознающаго и опытнаго мужа. Онъ похваляетъ лучшія вѣчки словесности, разбираетъ положеніе наше, предостерегаетъ отъ излишнихъ нововведеній и безвотребныхъ крайностей. Предвидя препятствія въ книжномъ образованіи языка, яковыи многимъ тогда и въ умъ не приходили, подавъ онъ ясный и положительный совѣтъ, отъ котораго отклонитися трудно было. Мы молодыя труженники на поприщѣ родной словесности повинувалися зрѣлымъ наставленіямъ опытнаго и доброжелательнаго мужа и слѣдовали почти безусловно его совѣтамъ. Доизакомъ тому служить могутъ всѣ книжки изданныя послѣ 1840. года: Галицкіи приповѣдки, Вѣнокъ ч. I. особенно же часть II. Затѣмъ шли издатели нашихъ газетъ съ 1848. года, и нынѣ мы поступаемъ всѣ по тому же пути. Етимологическое словено-русское правописаніе Максимовича принято нами, въ головныхъ точкахъ соглашаются всѣ писатели наши касательно письменнаго языка.

Непоявились у насъ больше сочиненія съ отжитыми церковно-словенскими формами, яковыи старался было ввести почт. Стеф. Сѣмашъ, ни дугаютъ насъ больше воззрѣніа страшилища, иже напечаталъ былъ 1838 г. Лисовецкій въ Вѣднѣ. Согласно съ предложеніемъ проф. Максимовича полагаютъ всѣ писатели наши безъ изыатія въ основаніе народный рускій языкъ, пополняютъ по возможности словами и реченіями изъ старинныхъ Галицкихъ и Украинскихъ письменныхъ памятниковъ а наконецъ, никуда правды дѣти, дополнительнымъ источникомъ нашего языка есть и книжный рускій языкъ употребляемый въ Россіи, о сколько слова и реченія не противятся етимологіа нашего языка. Дѣется то уже по той причинѣ, что вся древная сло-

*) Кіевляннѣ изд. Михаиломъ Максимовичемъ, годъ 1841 Ки. II. въ Кіевѣ. — Стр. 20 и 21 Нры. Вечерницъ 1862.

весность развивалась на попрощь нашей южной Руси и что книжный язык Россіи въ вѣковомъ своемъ развитіи принялъ сильный приливъ нашей южной Руси. Всѣ писатели наши безъ изыатія поступаютъ на той дорожѣ, различаясь въ словѣ соотвѣтно предметамъ, о которомъ кто нибудь изъ нихъ пишетъ. Есть разногласіе между ними, але только въ мѣрѣ и количествѣ матеріала, о сколько одинокіи писатели заимствуютъ больше изъ народной стихіи изустныхъ говоровъ, или же изъ давнихъ памятниконъ письменныхъ русскихъ и произведеній текущей литературы. И судя по большимъ или скуднѣйшимъ свѣдѣніямъ въ объемѣ русской словесности одинокихъ писателей иначе быти не могло. Большая часть нашихъ пишущихъ не обучалась рускому языку въ ніякихъ школахъ, всякіи свѣдѣнія свои стяжали они частнымъ и собственнымъ трудомъ. Кто изъ нихъ имѣлъ случайность познакомиться съ народнымъ говоромъ различныхъ сторонъ русской земли или читалъ произведенія нынѣшней литературы, а при томъ изучалъ и старинныи памятники словесности русской, тотъ изыясняется свободнѣе, пользуясь изобиліемъ словъ и полнотою формъ, которыи усвоилъ себѣ писатель собственнымъ ухомъ или черезъ чтеніе книгъ; у кого же не было способности либо охоты поднимати тѣлкіи трудъ, и чіи знанія ограничуются на недостаточныи свѣдѣнія вынесенныи изъ родинного села или немногихъ и недостаточныхъ учебниковъ школъ нашихъ, той принужденъ вращатися въ кружѣ немногихъ реченій и фразъ, якіи остались у него въ памяти — прочій же недостатокъ реченій пополняется у него очевидно нужды ради изъ языковъ, которыи наиблизше при руцѣ, или коваются по произволу новыи небывалыи слова, хотя часто и совсѣмъ противу духа руского языка.*) Вотъ въ чемъ разнообразіеи разноличіе слога, и если угодно сказать, и языка у нашихъ пишущихъ людей. Одному подобалося писати: товаръ, другому мѣстносъ выраженіе: маржана, третему лучше понравилось имѣнье, че-

- о) По той причинѣ находимъ мы въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ слова живцемъ изъ польского взяты: вонтпяти, вскурати, увзгляднати, упорядкованье, пересвѣдчитися, сумѣльный, цюплывый; изъ чешского: вымѣнка, зберка, догичный, благобыть; новоукраины: отченьскій, пановницкій, озиркъ, вѣршунка, ненадѣянка; изъ чужихъ слова: потрафити, смакъ, штальт, штучный, квестія, колюмна, стосунокъ, коперштыхъ, коштувати, (въ двойномъ значеніи) кассовати, пантровати, ексеквовати, елстичность, остентаціонный, тенденціонный, екстремъ, плюмянованый, раптовный, операціи, претенсія, консеквенція, и пр. барбаризмы Стережась словенщины и староруцианы, гребуть тін господа цѣлыи горстями латинщину, вѣмечливу и прочее чужее слѣдѣе. — Одна изъ нашихъ газетъ пробовала различнымъ составленіи слогого слова и писала: обюгный, обоЕгный, обшгный, обоѣгный, и обоЮгный, а наконецъ увидѣвши, что все таки оно не пристаеетъ до руского вкуса, стала употребляти ровнодошныи.

твертый кричалъ: то не по народному, народъ, т. е. прослоюдинъ родного села, того не понимаетъ, и зачалъ писати (съ польска) быдло, быдлина, быдлѣтя, представляя собѣ подь народомъ свое село или даже относительно понимаемости и себе самого. Сграсъ очищенія языка отъ мнимой церковщины пошла у другихъ еще дальше. Если кто употребилъ слова въ иныхъ сторонахъ въ общемъ ходѣ у народа живущи, и. пр. скотъ, скотина, перстъ (вм. палець), путь, очередь, годъ, казнь, дешевый, ознобити, повинуватися и пр., то подыались возгласы: то по московски! то по церковному! то не по народному! А межъ тѣмъ, якъ ни село, ни повѣтъ не становятъ народа, такъ и говоръ или нарѣчїе одной околицы не представляетъ народного. Народъ нашъ составляютъ миліоны — а народный языкъ, народная словесность обнимаетъ всѣ произведенія слова, письменны и изустны, въ которыхъ въ вѣковомъ существованію народа выразилася духовная жизнь народа, т. е. мысли его ума, нравственныя движенія сердца, творческія мечты его воображенія, со всѣмъ запасомъ словъ, реченій, выраженій, со всѣмъ изобиліемъ языка.*)

Но возвращаемся до нашего письма. — Уже 22 лѣтъ минуло послѣ написанія того письма. Премное измѣнилось отъ того времени. Многія желанія профессора Максимовича исполнились, чи други исполются и якъ — ожидать надлежитъ. Многія положенія поставлены нимъ стоятъ незыблемы, получивши еще подкрѣпленіе новыми событіями, и достойны полного уваженія. — Въ особенности предостереженія Максимовича касательно правописанія вышли на нашу пользу. Мы выше стоимъ въ томъ отношеніи отъ нашихъ братьевъ Украинцевъ, ибо когда у нихъ все еще продолжается споръ о правописаніи и безпрестанно дѣлаются опыты новыхъ орфографическихъ покушеній, когда у нихъ намножилось правописныхъ проектовъ до безконечности, изъ которыхъ многіи поражаютъ своею диковиною, мы не теряемъ времени на бесполезныя споры, а отложившись рѣшительно отъ нововводимыхъ какографій держимся крѣпко одного историческаго словенорускаго правописанія. Такъ поволы выравниваются и исправляются небрежности, недостатки и другіи несообразности въ нашемъ образующемся письменномъ языкѣ, и надѣяться надлежитъ, что при лучшемъ испытаніи грамматическихъ началъ родного языка и прилѣжнѣйшемъ изученіи памятниковъ нашей словесности незадолго станемъ на твердой почвѣ развитого письменнаго языка, удовлетворяющаго всѣмъ потребностямъ литературы.

Яковъ Ѡ. Головацкій.

*) Ср. Разправу нову о южнорускомъ языкѣ. Львовъ 1849. г. стр. 58 — 61.

ДѢДЪ-ИМПРОВИЗАТОРЪ.

Съ першимъ заревоиъ сонця свободы, коли просвѣщеніе народа ледве начинаеся, коли при нерозвитомъ еще народомъ житію ледве одиноиъ ревнители на кругое политики поле заходятъ, вже поезія протонародна перша, мовь та весняна птаха землю перелѣтаючи, будить силы народа до праць, и звеселивши такъ свѣтъ, зновѣ якъ та сердечна пѣстунка, съ религійною вѣрою стае и спѣвае — будь то вже надъ колыбелію будущаго народнаго героя — пѣсни свои золотіи . . . тому дитятку, що колись мужомъ мае стати, и за дѣло народне прийнятись. — Чудесный то ей голосъ! Оиъ то выкликуе тую тьму птахомъ-спѣвакомъ, пѣснетворцемъ, рапсодистомъ, импровизаторомъ, бардомъ, трубадуромъ и якъ ихъ тамъ ще народы называютъ. Ти то ставши першими рядами спѣвають по нутѣ своей пѣстунки — пѣснь колыбельну, воскресну доживнаго народа, котораго молодое поколѣнне наставляе слухъ, пріймае отвертими очима и сердцемъ, . . . жажде . . . житья, возрасту, . . . росте, доростае!

Отъ чи не такъ и у насъ нынѣ на Руси . . . на нашей воскресающей Руси?! А то оиъ времени наданой свободы. Поютъ и поютъ наши пташеньки-посты: . . . но намъ ихъ рѣзнодорожни отряды минути, а станути передъ рядомъ импровизаторомъ; — та що перше въ загадѣ о томъ родѣ поетомъ сказавши, нашихъ рускихъ, особливо нашего дѣда-импровизатора вспомнути. Его импровизациі, въ перепискахъ рукъ рѣжныхъ насъ дошедши, рускому свѣту хотъ где-некотри показавши, увагою надъ тими и во обще надъ поезію думанье наше закончити. — Така наша нынѣ цѣль, такое намѣреніе. Отжежъ начнемъ оиъ импровизаторомъ.

Що то импровизаторъ? — Импровизаторъ (отъ лат. *improvisio*, непредвидимо, несподѣванно) зовеса такій поетъ, котрый неприготованный, на кождо ему опредѣленну задачу или для какой надареной способности, стихотворенія отъ-разу складае, тое выголошуе або при яковомъ инструментѣ высцѣвуе. Импровизаторы являютя толькы у народомъ, сильною, живою и непригнетеною выобразнею одаренныхъ.

Гвѣздомъ таковыхъ импровизаторомъ была стара, свободна Греція, а Гомеръ ихъ патриархою. Зъ-отти они, особливо по разоренію Греческаго царства, численно розлетѣлись по свѣтѣ, особливо осѣло ихъ множество въ Италиі, Ишпаніи и межъ другими поетическими народами, . . . а всюда несли они съ собою чудный вкусъ своихъ наукъ и теплоту своей поезіи, котрою будили духа, выпроваджовали на явь импровизаторомъ. Наибольше перейнялась ними Италиі, где по той часъ еще найбільше пановала политическа свобода, и. п. въ рѣчи посполитой Венецкой, Тосканіи и пр., особливо коли откинувши мертву латину своимъ новымъ житиемъ народнымъ отжила. —

Італіанська простонародна бесѣда розвинувшисьъ въ свою пісню, народну словесність, такъ пристрасну любовь до себе у свого народа выкликала, що безчисленні особи обоєго пола мнозначного объема прекрасніи поємы неприємованіи, где имъ ся случило, складали. Першін, вѣчнои славы италіанскіи поєты, а властиво возбудитель, основатель и утвердитель италіанской бесѣды, яко: Петрарка, Тассо, Серафино де Аквиля, Вернарло Акольти, Кристофоро и другіи були першими и найревнѣйшими импровизаторами.

Исторія литературы италіанской дає красній доказъ, що може свобода ума у такого якъ италіанскій народъ. Народъ той, роздерши дусящій пута класичной латини, почувши въ собѣ собствєнну жизнь, горѣлъ ніяко народною поезією, а радѣсть свою, свое счастье золотое выголошалъ сїдою необыкновенною. Не було забавы, учты нѣ весѣлья, где бы не було народныхъ импровизацій. Самі Папы, яко Левъ X, Климентій VII утримовали въ своеѣмъ Ватиканѣ импровизаторѣвъ, ба наветь ихъ густо лавровыми вѣнцями вѣнчали. -- Не було сословія нѣ пола, въ которѣмъ бы не було импровизаторѣвъ: простолюдины, войсковіи, граждане, адвокаты, профессеры, игумены и инокинѣ, видушіи и слѣпці и пр. и пр. . . а кардиналъ Сильвіо Антоніано, оный славній знатокъ всѣхъ умѣтностей, глубокоученій языкословъ, былъ такожь одинъ зъ пристраснѣйшихъ импровизаторѣвъ . . . Всѣ красніи и цвѣтушіи силы посвящались общому благу: ту богатая выобразия, тамъ чистота вымовы, ту звонкость, плавність, тамъ краснорѣчіє . . . на перегѣнѣ отличались въ импровизаціяхъ.

И до Словянъ нашихъ, а особливо на нашу Русь не мало тыхъ вѣкомной Греціи генієвъ налетѣло, где ихъ такожь способное, въ рускихъ сарцяхъ уплетене гнѣздечко радо чекало, бо нашъ рускій народъ зъ давнихъ вѣкѣвъ славился своею творческою силою поетического духа. И наша исторія каже намъ, що омаля жадное событіє не минуло, котре бы не було ошебетане и оспѣване нашими боянами, кобзарями, бандуристами, душцями, козаками, слѣпуючи, лирниками и др. . . Спѣвала Русь свою славу, спѣвала свои борьбы, свои страданья, свое домашное жїтьє, свои степы, свои могилы . . . пословицею сталоь у насъ, що пѣснь руска и воздухъ рускій съ собою зрослися! — Но тая наша руская земляца перебувала и перебуває тяжкіи зими, лютіи морозы; — но тїи рускіи чувственніи серця дѣзнавали и . . . еще дѣзнають тяжкихъ временъ лютой вражды, неволѣ! . . . Але скоро лыпло коли тепленькое соньце, вже наша земляца и середъ зими зазеленѣе свѣбамы, борами, барвѣнками; скоро умѣхнулось коли леда теплѣйшимъ лучемъ сонѣнько долѣ нашой, вже середъ недолѣ и неволѣ знеселѣло лице руское . . . а грудь пѣснію, думкою ѳтѣхнула. — Свѣдками того наши щирорускіи забавы, празники, весѣлья временъ минувшихъ, временъ задумливыхъ. Не надивитись тамъ, не наслуhatись було, якъ импровизовались пѣсни наши, та тїи наши неизчерпаеміи разговоры! . . . Уже ты сама Над-

бужаньска сторононько, гдѣсьмо лѣта наши прожили, можешь лучшими повеличатись земль нашей импровизаторами; не забути буде Русинамъ твоихъ пѣснетворцѣвъ Кирила Т. . . , Іосифа Г. . . и твоего ударованного, неизчерпаемого Іоанна зъ Оглядова! А щожъ далѣй и далѣй сказати о твоихъ, Мати Руси импровизаторахъ? . . . школа тѣлько, що много такихъ гибне импровизацій, — для недостатку таковыхъ стенографѣвъ, якими другіи, счастливѣйшіи народы величаются, для браку збирателѣвъ, скорписцѣвъ.

Но кромѣ безчисленныхъ импровизаторѣвъ народныхъ думъ, пѣсень, коломьскъ, приспѣванокъ и пр. . . имѣла Русь такожъ импровизаторѣвъ декляматорѣвъ, котріи стихами, прозою або сумѣшь свои чувства при рѣзнихъ случаяхъ передъ вдохновеннымъ народомъ выливали; но тыхъ импровизаторѣвъ рѣдше подыбати. Такихъ н. п. межъ простонародомъ не знаеме мы въ Жолкѣвскѣмъ окрузѣ тѣлько одного, а то нашего дѣла-импровизатора Николая, котрый будучи зо-всѣмъ неписьменный, незнаючий ни одной буквы, самъ зъ себе высовуе неразъ удачній рѣмованій розказы, пѣсеньки, приговоры, котрыи онъ въ округахъ Жолкѣвскѣмъ, Золочѣвскѣмъ, Львѣвскѣмъ и Перемыскѣмъ нашему народу немало познакомился, и съ котрыми мы нашу руску публику тымъ нынѣшнимъ зривкомъ зазнакомити хочемо.

Никола Коваль уродился въ Цебловѣ, округа Жолкѣвского, въ повѣтъ Белзскѣмъ г. 1810. Еще дитямою отъумеръ его отецъ Яцко, — а коли по отца смерти, якъ за паньщины звыкле ся дѣлаю, панъ грунтъ и що на немъ було, чужому отдалъ, розѣбрали вдову съ дробними четверо сиротами милосердїи люди. Нашъ Никола vyrѣсь затѣмъ межъ чужими, а еще до того на чужихъ селахъ. Коли подрѣсь въ парѣбна, жогляз его бездѣтний господарь Петро Курило въ Пѣщинѣ, у которого онъ сѣмъ лѣтъ служидъ, со своею доброю и красною (якъ Никола повѣдае) сестрѣницею Настею оженил и до себе на грунтъ прїяти; но панъ О. . . , до которого онъ сиротою належачи передъ женитьбою по сонзволенью удаюл, загналъ его назадъ до Цеблова, и казалъ ему тамъ съ якоюсь бѣдною, да на дуже господарною вдовою женитись, где онъ колькашайцятъ лѣтъ набаждовавшию, — коли г. 1842 своего пасынка оженил, — съ своимъ рѣдкимъ сѣмъ-лѣтнимъ сынкомъ сталъ громадеку худобу пасати. — Тамъ на самотѣ въ полю межъ възгѣрками и гаями, въ прекрасной меланхоличной сторонѣ Цеблова, пробудилось его чувство до поезїи, котре онъ въ собѣ вже изъ дитинства носилъ; тамъ сталъ онъ собѣ старіи весѣльнїи пѣсни, що му колись въ дитинствѣ спати не давали, припоминати, та по ихъ примѣру свои власнїи думки складати, тїмъ выспѣвовати, або вернувши въ село силащимъ по колодкахъ громадянамъ расповѣдати, н. п. „о сиротѣ въ полю . . . „о неволїи народа“ и др., котріи то Т. Хомицъ, учитель въ Хлѣвчаныхъ перенесавши во Львовѣ г. 1848, яко плодъ природного пѣвца до друку малъ былъ подати,

а которыхъ выпечатавхъ доси не видати*). — Года 1843 слабавалъ Никола тяжко на голову, ажъ му робактво въ лѣве ухо кинулось було, а коли гостецъ зъ головы въ цѣле тѣло ся кинулъ, свель отъ того часу до працѣ тяжком со-всѣмъ неспособнымъ. — Г. 1846 слабавалъ онъ на воздержнѣсть отъ всѣхъ горячихъ напоевъ, що де нынѣ честно дотримуе. Пѣсни и думки, и выголошенье тыхъ-же було затѣмъ его едимымъ занятіемъ и забавою. — Насталъ г. 1848, а съ нимъ свобода рускому челоуѣку и рускому слову. Тогда то звернулася увага въ некоторыхъ нашихъ образованныхъ Русинѣвъ а именно самого приходника бл. п. Мартина Лотушки, одного зъ першихъ ревнителѣвъ народности нашей. Отъ того часу зачались списованья рѣзныхъ импровизацій нашего Никола черезъ рѣзнихъ особы, наибольше черезъ дяковъ и учителѣвъ рускихъ.

Але лучше даймо самому Николау передъ рускимъ свѣтомъ за житье свое своимъ способомъ поговорити. Отъ въ одной импровизаціи каже онъ:

Ставь я складати, то сѣе, то тое;

А люди сказали, то все не есть злое.

Складавъ я отъ рана ранного,

До полудня жаркого;

Отъ полудня до вечера,

А все безъ письма, безъ шера;

А все павъ емъ поволли,

То о рускомъ счастьи, то его недолли.

По слабости смутно ми чогось

На свѣтѣ велось.

Ставь я гадати, таи ставъ шѣрковати:

Якъ то колись люди робили

И въ полю пасали, и въ полю жили,

А менѣ тое стало пріемно мило.

Не ходявъ я по наполахъ,

Нѣ съ гѣршними по розбояхъ;

Але ходявъ въ добру справу

До церковцѣ на отправу,

И неразъ якъ добра дитина

Ишовъ я до Отца Мартина.

Небѣшникъ Священникъ слухали мои розказы

О моѣмъ житью та зарѣбку, —

*) Сказано Т. Хомицу, що то онъ самъ силеиъ тинъ шибамидъ, а не простый челоуѣкъ-пѣвецъ, отжежъ нать чудны въ дѣе недосѣдлимъ предъ письменного печатати!

Усміхнуся — тай бувало скаже:
 Николо! кобъ ты на спялений трунокъ шлюбовавъ,
 Тобъ ты здоровъ наролови не одну пѣснь заспѣвавъ,
 Дуже ми та бѣсѣда Отца пристала,
 Душа моя зарадовалась,
 Коли передъ образами
 И святыми Отцами
 На свадений трунокъ шлюбовала.

Въ два роки по слюбахъ, на великодни свята
 Вийшла зъ мене пѣсня, здалась сяка-така —
 А то въ Понедѣлокъ великодний
 Сорокъ въ осьмѣмъ року,
 Коли-мъ повѣвъ яловлята на толоку.
 Не хотѣлось по обѣдъ голову власти,
 Оже-мъ повѣвъ яловлять двоє
 Межи збѣжѣ пасти.
 Повѣвъ на пустку, на облѣгъ,
 И кажу: Боже мѣй милый!
 Кобъ то я пѣсеньку яку зложити мѣгъ.
 И якось зложилась! побѣгъ я до Жужелъ,
 Бо пѣсня не дала Николѣ спочити на постелѣ.
 Небѣжчикъ Деканъ Лотушка — праведна душа руска,
 Слухали и якъ тое побачили,
 Такъ менѣ заразъ стлумачили:
 Кобъ то Николо! мѣгъ хто тое списати,
 Вартъ бы тую пѣсеньку до друку дати.
 Не поїшовъ я зъ-оттамъ на сосѣдмъ,
 Анѣ межи кумы,
 Але-мъ побѣгъ до Хлѣвчанъ
 До учителя руского Хоми,
 Онѣ взявъ мою пѣсеньку, и зъ кѣнца въ кѣнець
 Сплѣвъ такъ красенько, якъ молодомъ вѣнецъ.
 И довго-мъ ѣи списану носивъ,
 Ажъ гдесъ пропала, чи-мъ гдесъ згубивъ!

Никола розказуе свою слабость и свое горе:
 Николай на убогой постели лежавъ,
 За свою бѣду, та за свою нуждоньку думавъ.

Его постѣль — жменя сѣна, соломы снѣпокъ,
 Спочивавъ звичайно якъ сподарь-дѣлокъ,
 Плакавъ гѣрько, ажъ му рукавъ промокъ.
 Слѣзами промывавъ бѣднй свои лицѣ,
 Никола правду говорить, а не хвалится.
 Очи заплющивъ, голову втиснувъ,
 Тай такъ зъ бѣдою, фрасункомъ заснувъ.
 И снить му ся : о якѣйсъ великѣй тревозѣ,
 Чи о припадку въ далекѣй дорозѣ :
 Же му худоба злохла, що буда у возѣ,
 Їсь ся зломла, при самѣй снозѣ.
 Ажъ емь збудився и перехрестився !
 Боже мѣй милый ! знать я все, що быль навѣ,

Марно въ свѣтѣ пострадавъ ! . . .

Але не ось то .я самъ Никола,
 Бѣдали люди всюди до окола,
 Бѣдали гѣрько славетнй сподарѣ,
 Працюючи въ недѣлю, въ свято въ броварѣ.
 Встѣчъ було гѣрькомъ недолаѣ,
 Коли стояли у Пана коло топовѣ.
 Въ немаломѣ були они страхунку,
 Коли йшли въ свято до порохунку.
 Не доставляли они нѣ сребла нѣ грошѣ,
 Ретельно платили : то за волосѣ,
 То по плечахѣ, а въ лада справѣ
 За воротами кляли на муравѣ.
 И такъ еднихъ битѣе ѳгъ стѣпѣ до уха,
 Другихъ мерзенна губила паруха,
 Нѣмъ Ѳтця Матвѣя груди
 Привели до памяти люди.
 Учили Отци духовнйи, учили владки,
 Що пиянство всяке грѣхъ превеликйи.
 Службы Божн Отци ѳтправляли,
 Щобн ся люди не поневѣряли,
 Щобн горѣлки люди не пили,
 Щобн тверезо, побожно жили.
 И давъ Богъ якъ було треба
 Свободу людямъ зъ всного неба.

Счастлива того чоловіка душа,
 Що не потребує ні́ отъ кого гроша.
 Счастлива дитина, котрой отецъ, мати
 Не дадутъ безъ часу зъ голоду умерати.
 Не такъ було зо мною, коли-мъ бувъ дитя,
 Хтожъ не знае, якъ горько сироты житья?!
 Вмеръ Отець, вмерла мати, а намъ на ярѣ
 Бѣдныиъ сиротятѣмъ зникло сонце въ хмарѣ.
 Четверо насъ було, я и три сестрицѣ,
 Лялиси нашѣ слѣзы, якъ вода въ криницѣ.
 Въ хатѣ нашой остѣ чужѣй зъ воля пана,
 Лялиси нашѣ слѣзы, отъ noci до рана.
 Гралиси людски дѣти въ нашомъ садочку,
 Мы сидѣли сиротята въ сѣлѣ на горбочку.
 Прийшовъ якийсь сподарь а зъ-за третей границѣ,
 Пытаеся дѣвчатѣ, хлопцѣвъ, пытаеся молодицѣ,
 Всѣхъ ся пытае, копальницѣ и ярички,
 И приступивъ ближше до одной богачки.
 Перекидаются хлопцѣ по-за ворота якъ коты —
 Не знайшовъ бы я ту на службу якого сироты?
 Богачка зъ того чогось засмѣяла:
 Отъ того возмѣтъ себѣ! на мене всказала.
 Бо бѣда зъ нимъ громада и менѣ немала,
 Неразъ я въ змѣтѣ его зъ хаты выльхала!
 Забувъ мене чужѣй, не мѣгъ си припоблинути,
 Щобъ му лѣпше показала, хотѣвъ зновѣ до неи вернути.
 Хлопцѣ закричали: Дядьку! мѣтѣ сюда,
 Мы вамъ покажемо, котра тотѣ бѣда!
 Неразъ мы го били, неразъ ажъ звязали!
 Горько я заплакавъ, коли мене покавали.
 Плакавъ я горько, плакавъ до розпущи,
 Коли мене вѣвъ за село, взялиши въ свои руки.
 Тяжко сиротѣ Николай тогда було,
 Сто-разы оглянувся на свое село.
 Вывѣвъ мене на гору бѣдну сиротину,
 Не плачь! каже: въ мене буде тобѣ добре сишу!
 Вѣвъ мене безъ Вербѣжъ, Себечивъ, въ Пящину
 Впровадивъ; тутки въ якуюсь хатину
 Впровадивъ, въ хату, шо острѣжокъ мае, —
 А его господня хлѣбъ зъ пѣца выймае.
 Хлѣбецъ повиймала, хлѣбенько паруе,

Въ мене, каже, добре тому, хто себе шануе.
 Господыня хлѣбець по лавкахъ ставляе,
 Вымыла руки, за мене съ пытае.
 Хлѣбець стоить свѣжій по лавкахъ докола,
 Сподарь каже: хлопецъ той зовеся Никола.
 Жѣнка его тому, щомъ малый, нерада,
 И вже мужи ними була якась звада.
 Не поде ѓнъ, каже сподарь, за разомъ орати,
 Але хоть дитята буде колысати.
 Поглянувъ я по хатѣ: въ двоухъ колыскахъ дѣти!
 Якъ я ихъ ту заколышу, бѣдный, горькій свѣте!
 Пойшла жѣнка въ городъ, пошла потомъ мати,
 Дѣти плачуть, я колышу, а не йдуть до хаты.
 Вбѣгне котра въ хату, то сподаря лае,
 Що изъ мене Николайка злу послугу мае.
 Каже: яке съ чудо зо свѣту тугъ приволькъ,
 А мене кулакомъ то въ голову, то въ бокъ.
 Ой правдиве сиротинѣ станувъ день за рокъ!
 Таку зъ мене няньку кѣлька недѣль маи,
 Потомъ безъ сорочки, платиѣ одогнали.
 Кума кумѣ мене передавала,
 Ще богацько зъ сироты съ насмѣвала.
 Каже: возьмѣть кумо того Николу,
 Намъ треба бѣльшого, — ставимо стодолу.
 Але кума мягкого уже сердца була,
 Дала сорочку бѣлу и голову змыла.
 Змыла головоньку, тай дала сорочку,
 Спѣвае вже сирота, пасе быки на горбочку.
 Пасе быки зъ рана, въ полудень напоить,
 Каже мати дочцѣ, то дитя святое.
 Шануй тую сироту, шануй доню Насте,
 Оно бо вже умѣе худобоньку пасги.
 Жила съ Богомъ Настина мати,
 Знала и сиротину помиловати.
 Красила бувало мѣтки, синила, зеленила,
 Побожной невѣстѣ и чужа кровь мила.
 Сиротѣ Николѣ засвѣтивъ иншій свѣтъ,
 Радо ѓнъ для неи збиравъ зеленицѣ и синій цвѣтъ,
 Звивавъ мѣтки, робивъ, шо було тра,
 Добре ми було у Корнилы Петра.
 Семъ лѣтъ, якъ семъ день минуло,

Сиротѣ Николѣ и горе съ забуло.
 А була Петрова жвава сестриница,
 Набожна, красна, якъ зоря дѣвнца.
 Сердешна звалась Мариня зъ Мошкова,
 Тую полюбити не треба два слова.
 Петро каже разъ до Настѣ: Любко,
 Не давъ намъ Богъ дѣточокъ моя ты голубко!
 Никола якъ рѣдкий сынъ намъ служитъ,
 Буде насъ любити, коли въ насъ полюбить
 Марину нашу, котрую ѓнъ любить.
 Настую, при нѣмъ мы съ собою
 Прожіемъ вѣку, прожіемъ въ спокою.
 Бо то добрый дѣти, ѓнъ добрый хлопчина,
 Она наша сестра, якъ ангель дитина.
 И скликали людѣй, и слово зробили,
 Ждемо позволѣнья, абы насъ злучили.

Боженько милый!

Якъ то мене все тогда охотило,
 Якъ то ся все перуномъ робило!
 Ту садилось деревину, тамъ щепилось груши,
 А все ся зъ воды удавало,
 Бомъ все робивъ зъ души.
 Завели насъ до Себечева, до Отца каплана,
 А небѣжчикъ ми сказали:
 Тебѣ треба позволѣнья ѓтъ твого пана,
 Йду я до Лешкова, до Пана старого,
 А ѓнъ каже: ще що? я тебе небого
 У себе ожению. Ще що! то бы ся вело,
 Колибъ я парѣбки женивъ на чуже село!
 Маю я въ Цебловѣ для тебе вдовицѣ,
 А дамъ на весѣлье дровъ и корецъ пшеницѣ.
 Живъ я вже въ Лешковѣ, вже мя не пустили,
 Доки зъ старою вдовою не оженили.

Оженили мене зъ старою вдовою!
 Працюю рукою, гоню ногою,
 Не выштудерую нѣчого,
 Хоть кручу по много
 Свою бѣдною головою.
 Страшно я журился,

Колинь оженився,
 Только пожитку мого,
 Щомь где наробився.
 И все журюся, неразь ажъ плачу,
 Бо вже, люди добрі, сили не настарчу.
 Сила ушалае, а жѣнка не дбае,
 Безъ счастья чоловікъ нічого не мае.
 Ані въ городѣ пожитку, ані на поли,
 Бѣда чоловікови при его недоли.
 Голова слабая, бѣда немалая,
 Бѣда молодому, якъ жѣнка старая.
 Не разъ не два бывало плачу,
 Но годъ того, долъ не перешичу,
 Не ма порядку, не ма маєтку,
 А жѣнка въ додатку спѣває кольєдку.
 Бѣда велика, губа голодна,
 Жѣнка старая, еще недоводна.
 Ставъ я ся журити, та рѣзне думати,
 Бувало выйду въ люди изъ моеи хаты,
 Дивуются люди зъ моеи бѣды,
 Що я будую якъ зъ лободы.
 Кажє сусѣда, кажє кума:
 Николоньку Сусѣде!
 Зъ твого сподарства, кождый видить,
 Пожитку не ма! —
 Черестань ся журити,
 Треба дорослого пасынка оженити.
 Якъ прійде до дому кобѣта,
 Що мае молодши лѣта,
 Буде тобѣ Николо лѣпше,
 Буде тобѣ все Недѣля свята!
 Мѣркую: ѓтъ напасти — не пропасти,
 Пасынокъ буде сподаривъ,
 Я громадѣ худобу пасти,
 А якъ пѣдѣмо громадского хлѣба,
 Може здѣправдѣ погибне бѣда! . . .
 Весна пѣдходить, я ся наймаю,
 И страшно ся журю,
 Коли погляну, що малого пѣдпасыча*) маю,

*) Сынокъ его рѣдний, семь-лѣтній тогды хлопцѣ.

Велику пасу стаду,
 А и ту не йде до складу.
 Пасу коровы, пасу и быки,
 Дивуюсь, чудуюсь, що то таке,
 Що голова болить, тяжело піднести,
 Руки, ноги упали, трудно ся звести,
 Ані підбїгчи, нї завернути,
 И вь полю бїду треба вспомнути.
 Що ту почати, що погадати,
 Тяжко огь тебе бїду оїгнати,
 Но якось минуло тяжкое лїто,
 Дали спасное то хлїбъ то жито.
 Та шожь нї мовь, нї роби,
 Мою заслугу за довгь взяли жиды.
 Потекли слїзы рїсною водою,
 Менї зновь зимовати съ моею женою.
 Цїлу зиму то мь плїввь, то мь тесавь,
 Що мь могь сказати Хоминь списавь.

Ой убогїй я, на свѣтъ народився,
 Только ного було, що мь набїдився.
 Не мавь я що їсти, не мавь лахманы,
 Все тое забрали дворски гатаманы.
 Ой плакавь я неразъ, гдемь только усвѣь,
 Пшеничку забрали съ житомь на освѣь.
 Прїйде бувало великдень,
 Богачь має масла фаску,
 А у мене разъ вь жалный Четверь
 Извѣвь вовкь стрый паску.
 Иду до сосѣда, чей ми шо удѣлить,
 Дали порося, що му було двѣ недѣли
 Жѣнка его спекла, — и двѣ ячочкь,
 Такий бувь великдень,
 Для насъ и дѣточокь.
 Не хтѣвь я плакати,
 Сами слезы текли,
 Толькосьмо зварили,
 Толькосьмо спекли.
 Дякувалисьмо Господу и за тое,
 Жесьмо пообѣдали съ дѣтьми обое.

Пѣдрѣсь мой пасынокъ, и вже оженився,
 Ажъ теперь гадаю, не буду журився.
 Где-тамъ! мой бѣдъ не конецъ,
 Вмерла заразъ жѣнка, и зѣставъ вдовецъ.
 Пасынокъ о мене старого не дбае,
 Сваригся, грызе, ще ся напивае.
 Чужа дигина, несчастна година:
 „Вонъ!“ каже, „нѣ твое поле,
 Нѣ твоя хатина! . . .

. . . Рушай!“

А такъ Огчиме, що хочѣ гадай,
 Зробивши силы зъ голоду вмерай! . . .
 Бо нѣ роду, нѣ хаты, анѣ гдѣ сѣсти,
 Нѣ чѣмъ ся вкрыти, нѣ где що зѣвсти.
 А люди радять: „Николо, не дайся
 За свою кривду до суау удайся!“ . . .
 Но я згадавъ на мои порожній кишентъ,
 А еще бѣльше, що буде згѣршенье,
 Пѣшовъ до Церкви, — тамъ Бога благаю,
 То бью поклоны, то крижемъ падаю.
 Ахъ! змилосердися Божая мати!
 Не дай менѣ марно въ свѣтѣ загибати!
 И змилосердилася Божая мати,
 И менѣ дала способъ верши складаги.
 Выйшовъ я зъ церкви ставъ верши складаги,
 Стали мене Николу люди пріймати.
 Где прійду до хаты, тамъ менѣ рады,
 Огъ минувъ якъсь день
 Безъ грѣху безъ звады
 Перебувся такъ день,
 Перебувся рѣкъ,
 Отъ такъ ся Николай
 Въ той свѣтѣ поволѣкъ

**Якъ онъ теперь свое бурлачое житье
 назначеньемъ называе.**

Якимъ ся человекъ зродивъ,
 Такимъ ся и хрестивъ,
 Туды ся и носитьъ,
 Куды го Богъ пустивъ.

До тои мѣры дѣставъ,
 До якои зрѣсь,
 Яка голова, такіи и носъ,
 Якій ся вродивъ, такіи и буде,
 Якая губа, такіи зубы,
 Якіи руки, такіи ноги, —
 Ой вже не верне Никола
 Зъ своєю дороги!

Николай по свѣтъ бурлакуе.

И сказавъ духъ Божій до Николиныхъ грудей:
 Говори Никола зъ головы до своихъ людей!
 Нѣкого не бѣйся, нѣкого съ не встыдай,
 Говори правду всюды,
 У мене заплатоньки ждай!

И цвите цвѣтъ,
 Я иду въ свѣтъ,
 Що где зголошу,
 Заразъ попрошу,
 Щобъ хто написавъ,
 И тоє менѣ въ торбу
 Сховати давъ.

А тоє письмо письменямыи ношу,
 А людыи простымъ зъ памяти голошу;
 И стали письменни письмо читати,
 А простіи люди мене пытати:
 Чи ты убогій, чи ты простій дѣвъ?
 Никола имъ скаже:
 Богъ мене звѣвъ на той бурлацкій слѣвъ.
 Инши спытали: а вѣвъ ты обѣвъ?
 Я разъ заплакавъ, руки заломавъ,
 Бо вже другій день ничъ въ устахъ не навъ.
 Люди мене отгалали,
 Красный обѣвъ менѣ дали.
 Я за нихъ Бога благаю,
 Що у нихъ обѣвъ такіи маю.
 Якъ убогого мене люди прощавъ,
 На дорогу хлѣба, грошей дають.
 Я грошей тыхъ не марную,
 За нихъ въ дѣвъ дерево,

Во Львовѣ кресты купую,
 И такъ каплицю мою фундую!
 — Мы померемо, люди ся остануть,
 Чей насъ помершихъ хоць колись згануть.
 Згануть, що живъ на свѣтѣ
 Никола чоловѣкъ,
 Що посвятивъ Богу свои ноги, груди
 И цѣлый свѣтъ вѣкъ.
 Чей мя помянуть, чей мя згадають,
 И вѣчна пам'ять
 Менѣ заспѣвають! —

На одной карточцѣ такъ має написано:

Зъ одного дому Никола виходить,
 А до другого весело входить,
 И розкаже: где дѣмъ спалився,
 Где образъ Божій люлямъ явився,
 Где люди добри и якъ собѣ радять,
 Где красно сѣють, деревину садыть.
 Ой ославилося вже людій много
 Черезъ мене Николу грѣшного!

Его частѣйшіи приговори:

— Не одное зложу красно,
 Если свѣтитъ сонце ясно.
 — Будьте добри написати,
 Буде мило прочитати.
 — А нѣ за срѣбло, нѣ за банкноты —
 Если пѣснь спѣваю,
 Спѣваю зъ охоты.
 Чи мя хто просить,
 Чи менѣ грозить,
 Никола безъ Бога
 Нѣчого не зложить.

**Колисьмо му сказали, що его стихи дамо до
печатанья, отвѣтивъ:**

Кажете: дайте до друку
 Мою нужду, мою муку,

Вѣшутся хлопці молодіи,
 Що такъ рускій пѣвецъ пѣе.
 Подякуйте нѣ за тое,
 Я любивъ доброе, а покладавъ злое!

**На одномуъ празднику у руского латинизатора
 такъ намъ сказавъ:**

Не забавлю! — поїду зъ-отги,
 Не дяють ту пѣсню пѣти! —

**Никола оновѣдає свою слабость и початокъ
 своєї капиці.**

Ой неразъ Цеблѣвъ Николу видавъ,
 Якъ вінъ пустий своїй, городъ корчовавъ,
 По межахъ базникъ то дикій хмѣль
 Дванайцять лѣтокъ и кѣлька недѣль,
 Нѣмъ персправивъ на землю чисту,
 Нѣмъ переблагавъ за грѣхъ Пречисту! —
 Каже разъ Мати Божа зъ Краснобрѣда:
 — Поставъ ми Николо коло, города
 Капицю, — на памятку тую,
 Щобъ вѣрили люди въ Тройцу святую.
 Люди, котрій нинѣ у насъ и всюды
 Лишили правду, жють зъ облуды! —

На тую будовлю Господь Николѣ
 Не давъ грошей, нѣ сили доволѣ;
 Но давъ му слабость тяжку на тѣль,
 Котра го мучила не двѣ недѣль.
 Тысячь ђсьмь сотъ сорокъ въ третѣмъ року,
 Пасъ вінъ худобу въ полю на Потоку.
 Така ся Божа мѣць показала,
 Що въ головѣ его жива слабѣсть стала;
 Жива! — бо грызла го хробаками,
 Ахъ Боженько нашъ! змилуйся надъ нами!
 Нудився Никола. нудивъ самъ собою, —
 Ходивъ, лязивъ неразъ вѣчною порою.
 Коли спали люди, куры пѣвночь пѣли, —
 Николѣ въ уху хробаки вертѣли.
 Вартѣвники, що при Церквѣ спали,

Колинь прійшовъ разъ молитись,
 А чорна нѣчка тогды була —
 . . . мене съ полякали,
 Варьятомъ мене люди называли.
 Не лякався Николай имя варіята,
 Знавъ, що за потерпѣнье чекае заплата.
 — Разъ заснувъ ѓтъ. — Чуе голосъ зъ переду:
 Николо! дай въ свое ухо святого меду!
 Пречиста сказала грѣшному зъ небесе:
 Меду, — що святився на „Христось воскресѣ“.

Дѣставъ я того меду до уха,
 ѓтъ Химки жѣнки, Петришиного Андруха.
 А сила Божа на мнѣ показала,
 Що голова чиста якъ слѣза стала.
 Твердо мѣ увѣривъ, що Божа мати,
 Дала мѣ помѣчь, — и ставъ емъ до людей казати:
 Добрї люди! вѣрьте на тое,
 Що выльченье мое есть чудне, святое!
 И ставъ Никола собѣ гадати,
 Якъ бы ту Богу каплицю зладнати? —
 Хто ту пѣсню вчуе, най ся не дивуе,
 Бо Никола зъ алмужны рѣзное купуе,
 И носить тое до своей каплицѣ
 На подяку Богу, небесной Царицѣ!

Якъ онъ мѣстце на каплицю въ Цебловѣ
 найшовъ.

Една зъ Цеблова мати
 Хотѣла дочку за-мужъ дати,
 И пошла до Белза мѣста,
 Щобъ що вторговати.
 Стала дѣтемъ говорити,
 Щобы хату побѣлити,
 А старый образъ въ пѣцу спалити.
 Свекруха съ невѣсткою ѓттакъ розойшлися;
 Не спалила невѣстка образа,
 Руки ей тряслися.
 ѓторвала рамцѣ, въ пѣць ихъ кинула,
 А старый образъ въ трубку звинула.
 Инший розумъ у молодыхъ дѣтїй,
 Ч. II.

Грѣхъ, кажутъ, палити образъ,
 Бо то естъ образъ святой.
 Повный страха и божои науки
 Павлунъ взявъ образъ въ бѣлы свои руки,
 Несе на воду
 До малого броду.
 Тогожь дня рано зъ Бутынъ три милѣ,
 Для доброй дороги и красной хвилѣ,
 Привезъ капицю майстеръ готову
 И хоче зложити, якъ мавъ умову.
 Но на тое ще мѣстця не мае,
 Зъ возбѣ про тое никто не збѣймае.
 Сходятся люди, зачалась рада,
 Рѣдко ся где згодить цѣла громада.
 Еднѣ на крижевой хочуть дорозѣ,
 Хто, кажутъ, пѣйде, згане о Бозѣ.
 Други въ селѣ, кажутъ, краснѣйше
 А для капицѣ и безпечнѣйше.
 Радли весь день, ажъ соньце запаю,
 На чѣмъ зачали, на томъ и стало.
 Никола не спитъ, Бога благае,
 Що вавтра буде, не розгадае,
 Гдесъ коло пѣвночи
 Замкнувъ Николай очи,
 Задрѣмнувъ, далѣй заснувъ,
 И снитъ му ся — що якась панѣ передоднемъ
 Ъде до него однимъ конемъ.
 Збрывся на ноги хутко умывся,
 Змовивъ молитву и перехрестився,
 И пѣшовъ до сосѣда Максима,
 Щобъ съ нимъ порадився.
 Ишовъ коло своего города, —
 На небѣ була погода,
 Стали куры по селу пѣти,
 Гляне, ажъ ту лежить образъ на водѣ,
 Що выкинули дѣти.
 На воду склонився,
 На мѣстце подивився,
 А такъ Божа воля дала,
 Що капиця на томъ мѣстци стала.

Мае онъ много приговоровъ до пьяницъ на карточкахъ посещенныхъ, зъ тыхъ помѣщаемъ одинъ :

Господь Богъ сотворивъ той свѣтъ, —
 Мученъ були мы пятьсотъ лѣтъ.
 Не було Недѣль, не було свята,
 Шанщина була, була волокига.
 Якъ Господь навъ освободити люди,
 То спустивъ на землю ђгъ горѣлки слюбы,
 Щобы люди на спаленый трунокъ слюбовали,
 И о даръ свободы Господа благали.
 А коли той даръ дѡстануть, щобъ го шановали.
 Але не всѣ до слюбовъ спѣшили, —
 Були и такі, що ся ними засмутили.
 Не еденъ господаръ старый,
 Що ставъ у Церквѣ близько аверій,
 Коли го зайшли слухи,
 Же Духовный Отець,
 Якъ Настырь своихъ Овецъ,
 Ѡтвертае нарѡдъ ђгъ парухи,
 Дивився на тое немилю,
 Що ся слово Боже сполнило,
 И каже: Я досыть нажився
 И много нарѡбился, —
 Якбы то було, жебъ я горѣвки не нажився!
 Якъ я прійму горѣвки до своихъ грудей,
 То я лвише знаю говорити до людей. —
 — А люди молодіи
 Собѣ повторили слова тїи,
 За старыми сказали дурніи :
 Мы ще въ свѣтъ не нажились,
 Нѣ горѣвки не напились,
 Намъ тра буде заручитись,
 Намъ тра буде оженигись,
 Намъ тра горѣвки не разъ напитись!
 Заплакала Божа Мати,
 Не було кому на спаленый
 Трунокъ въ Церквѣ слюбовати.
 Много не прійняли Божу правду,
 Але поїшли до горендаря на пораду. —
 Горендарь ихъ дуже витаеть,
 И такъ ся за Церковь пытаетъ:

Що они тамъ вамъ казали,
 Мы гадали, що весь тамъ вже всѣхъ повзали.
 То вы же нынѣ не ѣли —
 Ай-вай! якъ вы бѣдніи зчорнѣли!
 Горендарь панокъ,
 Поставивъ пива збанокъ,
 И горѣлки кѣлька фляшокъ,
 И шабасового положивъ кусокъ.
 Чесни господарѣ напивайтесь,
 А тымъ поцамъ звести не дайтесь.
 Мы старшу библию маемъ,
 Мы лѣпше ѳгъ нихъ гдещо знаемъ,
 И вамъ правду повѣдаемъ. —
 Библия каже: наѣстись, напитись,
 И зъ розуму не дати зводитись;
 Бо они не тое кажутъ горѣвки не пити,
 Ано хочуть съ панами Польшу ту зробити!
 А нашъ Цѣсарь молодой
 Не потребуе васъ простыхъ людій,
 Онъ мае красній жовнѣры,
 А Полякамъ ничего не вѣре. —
 А такъ сгали люди пити, гайновати,
 Свою працю пропивати.
 Богъ однакожъ за добрыхъ людей подобу
 Давъ людямъ гаряздъ, давъ и свободу.
 А за ваши нестатки —
 Настали драчи, та великіи податки,
 А потомъ за додатками, новыи додатки!

На одной карточцѣ у Николы стоитъ: Що то дѣти матеръ?

Не една мати
 Жалуе зъ хаты
 Подати зъ скринѣ
 Божой святинѣ —
 Полотна нѣру
 Богу въ офѣру, —
 Бо не зважае,
 Що зъ Бога мае.
 Коли ей дѣти
 Красній якъ цвѣты
 Съ нею постають,
 Воскресе спѣвають. —

Не такъ робѣтна,
 Але бездѣтна
 Жена вздыхае,
 Великдень мае!
 Серце ей плаче
 Коли зобаче,
 Якъ другій счасній
 Ихъ дѣти красній.
 А она мати
 Не мае вбрати
 Кого въ сорочку —
 Сына нѣ дочку!

**Якъ Никола одному рускому поповичови-школяреви, появив-
шомуся зъ Львова на селѣ въ рогачцѣ, заспѣвавъ :**

Я Поликъ, неборакъ,
Уживаю гойне,
То я тѣмъ, то я нѣю,
Якъ не бачу войны.

А якъ бьютъ, шапки друтъ,
Ихаеся до хаты,
Рускій смѣхъ тогда онъ —
Руска его мати.

Добрый часъ на край нашъ
Тихій вѣтеръ вѣе,
Батько нашъ во своѣй часъ
Пшениченъву сѣе.

Наша Русь, куда рушь,
Красна и богата;
Алебъ зновъ спалибъ въ ровъ
Шапочка рогата.

Ой кобъ вы, Русины,
Въ письмо съ подвѣили,
Не йшлибъ вы межъ враги,
Имъ бы не служили.

Не йшлибъ вы, Русины,
Чужу пѣсню спѣвати,
И собѣ въ польщицѣ
Грѣбъ живый копати!

А въ инномъ мѣстци написано у Николы :

Тѣшилися старіи люди, же зазуля вже куде,
Радуется хлопцѣ въ школѣ, що Николай съ ними е.
Зимна вода на потоцѣ, гдѣсь ся взяло джерело,
Смутилися перше люди, Николая не було.
Чиста вода изъ потока упадае у рѣку,
Дай намъ Боже шановати Николая до вѣку.
Въ лѣсѣ проста где лѣщина, тамъ сугъ здалий обручѣ,
Дай намъ Боже вспомянати Николая и въ ночи.
Купишь собѣ мои хлопцѣ, дайте менѣ луката,
Бо та пѣсня есть здалека, ѡтъ Николы бѣдака.
Бо Никола пѣсню спѣвавъ, и въ ней людямъ такъ прорѣкъ,
Що нашъ Цѣсарь у Вѣльвовѣ корцовый хлѣбъ буде пѣкъ.
Воли сивы, воли красны, золотое ихъ ярмо,
Провадили руски дѣти той хлѣбъ въ Львовѣ барзѣ славно,
Везли его зъ Юра Церкви, везли его въ Львѣгородъ. —
Списавъ Русинѣ тѣи верши, щобъ читавъ ихъ весь народъ.

Вжежъ буде на той разѣ тыхъ вершѣвъ нашего импровизатора зъ
Цеблова, котріи онъ при рѣзныхъ случаяхъ ѡтъ рѣзныхъ списователѣвъ спи-
санимъ то въ своей торбѣ пачками носить, то въ своей каплицѣ съ благо-
вѣніемъ мовѣ якіи реликвиѣ покладами переховуе.

Подалисьмо зъ тыхъ нѣкотори рускому читательству яко плѣдъ при-
родного импровизатора, — ѡтъ звычайно на показъ, чинючи при томъ увагу,

що найбільша часть зъ нихъ яко по́зятійше нимъ самимъ отъимпровизованихъ и рѣзними руками переписанихъ той суғъ вартости, що страва отварена. Иначе бо есть говорити съ вотхновеніємъ, коли то ся грудь чувствомъ порушена розгорить, фаями безчисленнихъ гадокъ волнує, а иначе силуватись такіи прошедшии вотхновенья прикликати, та ихъ комуся тамъ съ вычѣкованьемъ выдикговувати; до того треба знаменитого таланта, вправы и чрезвычайной памяти. А и тогда годѣ, — звѣсно бо, що при импровизаціи, якъ при кождой декламаціи, часомъ одинъ гестъ, одно выголошенье слова, само обстоятельство, въ которомъ провозноситься, выголошенью силы и красоты або додає або зменшає. Отжежъ подяємо ихъ яко отписане отъимпровизованье. — Бачили босьмо Николу, коли онъ импровизує, а коли импровизацію давтійшу, або на яку учиненну му задачу диктує, — и кажемо, що Николай въ своемъ элементѣ любопыттійшимъ есть тѣлько тогда, коли онъ межъ рѣвными собѣ людьми и. п. межъ громадянами або отпустовымъ народомъ стане и начне свое отъ сердца безъ женды выголошовати . . . Булисьмо разъ свѣдомъ такомъ импровизаціи, а то при новобудуючійся Церквѣ въ М. . . , где онъ прійшовши случайно розревнявшись видомъ прекрасной святинѣ та щирою працѣ тамошнихъ жителѣвъ, скѣнчившихъ дневну роботу, съ истиннымъ поетическимъ талантомъ — виталъ и величалъ; а заговорилъ такъ отъ сердца и трафилъ такъ до него, що всѣхъ мовъ зачарованихъ держалъ при собѣ — не меньше и насъ, случайно и непостережено нашедшихъ. — Съ правдивымъ заятіємъ слухалисьмо близько чверть години его удачній приговори. Токмо стенографа нужно було, абы прииѣръ зняти бесѣды простолюдина, промовляющего съ вотхновеніємъ до своихъ — дневному працею потомленнихъ — братей, — а фотографа еще бѣльше, абы похватити тоє сіяніє внутренней радости той заентузіазмованой групи. — Мовилъ онъ душею и сердцемъ, полнымъ благовѣнія; голосомъ отъ жалости и радости дрожащимъ — бѣльше прозою, якъ стихами, вершѣвъ своихъ употреблялъ мовъ приточеній зъ письма святого для добитности сказанного слова. Досить сказати, що по работѣ о заходящемъ соньцю, где если не кождый, то принаймтій гдекотримъ пыльно требовали до себе отойти, а однакожъ никто ся зъ мѣстця не поквапилъ. — Доказъ впечатлѣнтя мовы отъ сердца!

Друге, що ся намъ потребнымъ видить здѣлати, есть, перепросити не одного читателя, що мы ся поважили съ простымъ дѣдомъ межъ свѣтъ ученой показати. Истинно мѣшало насъ то не мало, якъ намъ самимъ, худому прозанствѣ, приступити съ божимъ старцемъ-простачкомъ до горы чудесной Парнасу. Долгосьмо нерѣшиміи оба, — онъ съ своими торбинками, а мы съ своимъ несмѣлымъ проводомъ — на сѣножати подъ тою чудовною горою стояли, ажъ насъ осмѣлилъ вспоминокъ на наши базарѣ при чудовныхъ мѣстцяхъ, где всякій всякѣвщины зъ крамѣвъ ся свободно розстелюють. Приступили таджежъ погадавши, що мы претцѣ до своихъ съ своимъ приходимо,

и розстелюемо токмо на показъ, що вже и до насъ Русинновъ животворящее соненько ся зближае, що вже и у насъ дробненькіи первесенькіи земляцю нашу засѣвати начинаютъ; мы вправдѣ знаемъ, що зъ того цвѣту овощу, ни сливки, ни яблока, ни дуль не буде, — осьъ звычайно якъ цвѣтка зацвила, тай счезне; але ей явлѣнье такой намъ весну вѣщуе и каже, що коли первесенькіи отцвигуть, сады нашій незабавкомъ рожаянымъ цвѣтомъ накрываются. Мы знаемъ, що тамъ на Парнасскихъ полонинахъ вамъ, наши Соколы-пѣвцѣ, нишого товариша потреба, а то глубоко природу испытующого, чтобы зналъ и разумѣлъ всѣ штуки, та якого зѣлья назбирати, чтобы въ немъ Рускіи дѣти скупати, абы вразъ живымъ козацкимъ хоромъ стали, та такъ засѣвали, чтобы ихъ весь свѣтъ почулъ и вразъ съ ними возрадовался! — Отжежъ перепрашаючи за наше, хочемо сказати: Зѣльчко то зъ нашей крапыи мѣзерне, мѣзерне, але насъ тѣшитъ, що оно тамъ прозябае, где доси свѣги и леды лежали!

Тѣшимся нимъ. бо у насъ вѣра, а то чи не тверда, що наши еся сила, душевна и матеріальна въ нашомъ, прекрасными свойствами обдареномъ народѣ корень свой мае. Такіи вотхновенія импровизаторовъ и такіи вотхновенія слышающего громаднаго народа доказъ живѣйшій, — що нашъ садъ, хотяи зъ листя и цвѣту зимою обраный, еще сирый, — еще полный жизненныхъ соковъ, що ему толькыи зимніи вѣтры и зимовіи заметы завадою, же доси бѣлого цвѣту дымомъ не бухне, та радостною вонейю землю свою не наполнить, -- бо у насъ

вѣра, же мы нашу земляцю самими черезъ зиму въ вазонкахъ зѣльника переховаными цвѣтами не заставимо, иъ закрасимо, хотъ ихъ намъ выиѣ такъ мило свѣжими видѣти и витати, що нашому народови не сотиѣ, але тысячи тысячъ цвѣтушихъ головъ потреба, — бо у насъ

вѣра, що нашъ народъ хотъ може еще на такъ низкомъ степеніи стоять просвѣту якъ передъ г. 1848, однакожъ коло него и у него вже веселѣйше и теплѣйше!... Тадажежъ кажутъ, що въ Листопадѣ и Сѣчню сонце къ намъ стонгъ въ одномъ склонѣ; однакожъ въ Листопадѣ казало сонце: Я отъ васъ утѣкаю,... а теперъ въ Сѣчню: Я до васъ иду, вамъ теплу весну, цвѣтъ, радость.... несу.

Оже бо намъ такой весны и теплого ей життя — той поезіи потреба! Якомъ поезіи? спытаете, — поезіи, що то животворящую своею силою всѣ отношенія життя нашего, во всѣхъ своихъ закутахъ, по всѣхъ высотахъ и низинахъ, мовъ той весняный теплый дощикъ росойю размочитъ, развеселитъ и оживитъ....

Поезіи, котра сама едино розумѣе розсѣянимъ силамъ народнійъ въ одну живущу цѣлостъ, хотъ рѣзными — але до одной святой цѣли змѣряющими дорогами привести, злучити,....

Поезія, котра любовію другъ друга загрѣвши житє пріятнѣмъ надземнѣмъ творить... и до дѣланья веде, влече...

Поезія, котра всѣ учтивѣи працѣ, всѣ искусства времєнъ небесною ау-реолою ослѣпявши — дорогиши — свитѣми народами покаже...

Поезія, котра всѣмъ сокровищамъ розуму и досвѣдченья житє, прелесть и плодovitость дати знае...

Поезія, котра розумѣ своей власной землѣ плодами прибраться, своими формами и образами пристроитись, на своей власной нивѣ цвѣтати пріукраситись, котра свои ажбы найменьшии силы розбудивши, ними же возрастает, со временемъ разомъ творить... алежь и со временемъ — о горе! переходить...

Мыжь бо тои весны нашей тужливо выглядаеть... про тоє тѣшатъ насъ весняного житья найменьшии появы...

Ахъ колижь начнется наша жизнь! коли прибудешь до насъ небесна дѣво! — коли наши гаи, нивы, огороды, села кожду хатоньку нашу звеселишь? коли тепломъ сердца розгрѣбешь и поясомъ своимъ таинственнымъ всѣхъ опережешь — въ одну мысль свяжешь?!

Кднчѣтъ сами! — менѣ бо завада — перо зъ рукъ выпадає. Я бымъ нынѣ не писалъ, я бымъ мальовалъ, спѣвалъ — птахомъ лѣталъ, кожде деревце на нашей землянцѣ, его красу... пожитокъ показовалъ, — во все тоє годѣ! — Годѣ кропельцѣ росы сонце объяти, его въ величествѣ своемъ показати, хоть оно цѣле въ нѣй такъ живо — ѳтбилось.

Феодоръ Лыскъ.

О ПѢНІЮ МУЗИКАЛЬНОМЪ.

Нелучилось менѣ до нынѣ въ письмахъ нашихъ рускихъ читаги дещо о пѣнію музикальномъ, — а знаю, же такое въ народѣ существуете, же суть у насъ сочиненія чисто-музикальныи и же суть заведенія, постановленныи для обнародовленія пѣнія музикального, такъ церковного якъ и мірского. — Не требую доказовати, же пѣніє вообще есть намъ Русинамъ природне, бо не только же есть оно при Богослуженія докончычѣ потребнымъ, но и мірскіи пѣсни въ кругахъ всякого сана такъ часто употребляются, же безъ нихъ не ма и забавы. Намѣреніє мое есть, ту только о пѣнію чисто-музикальномъ згадку учиняти, а особенно о заведенію музикальномъ въ Перемышля дещо написати.

Существуете въ Перемышля при нашей престольной гр. к. Церкви заведеніє цѣвческо-музикальное, заложеноє и фондомъ обдареноє черезъ бл. п. Его Превосх. Епископа Іоанна Сибѣурского. Передъ рокомъ 1827. не су-

ществовало въ реченной церкви престольной пѣніе музыкальное и здѣсь, же такого не бывало, а то не только въ Перемышли, але навѣтъ и въ престольномъ градѣ Львовѣ и нигде, бо въ каждой церкви навѣтъ въ митрополитальной былъ обычай, же дяки своимъ способомъ безъ всякихъ вѣдомостей музыкальныхъ, такъ только, якъ нынѣ въ церквахъ сельскихъ и мало-городскихъ дѣся, при Богослуженію спѣвали.

Перву мысль до заведенія пѣнія музыкального на мѣстце дяковскаго повзаялъ въ Перемышли знанній намъ добре бл. п. Юсифъ Лѣвицкій, издатель Грамматяки руской, бывшій тогда капелянъ Его Прев. Епископа Іоанна Сявгурского. Абы тую мысль осуществить, объявилъ ю Лѣвицкій Его Превосходительству, который на заведеніе сей-часъ согласился и реченному капеляну повелѣлъ, дабы записалъ ноты музыкальны изъ Петрограда, поглядѣлъ яко учителя и перву пробу того пѣнія съ домашними Своей палаты здѣлалъ. — Неутомимый въ трудѣ І. Лѣвицкій не залишилъ ни хвилѣ, но получивши изъ Петрограда записаны ноты, сей-часъ глядѣлъ учителя; але ту показалось, же въ Перемышли нѣтъ человека здѣбнаго до обученія въ музыкальномъ пѣніи, — только одинъ старикъ (имени не тямлю) стратившій голосъ, державый при костелѣ кафедральномъ обр. лат., былъ о только здѣбный, же злужалъ при скрипкахъ ѳданыхъ ему пѣвцѣвъ хотъ яко тако поучати. Лѣвицкій, не хотѣвшій ѳтволоки, пріялъ старика на учителя, а ѳдавши ему на науку четырехъ домовниковъ палаты епископской, тѣшилса, же основалъ вочатокъ школы пѣвческо-музыкальной, — въ надеждѣ, же съ часомъ знайдѣся умственный учитель, который пріобрѣвши хотъ малое приготованье, возьмѣся крѣпкими силами до дѣла, и тѣмъ способомъ стане хотъ колѣса школы пѣнія музыкального, до которой приступить молодежь учащася въ школахъ лицеумъ Перемышского, обдарена голосами и талантами, — же погомъ розширится тое пѣніе въ различныхъ стороны, а на конецъ и въ цѣломъ народѣ рускомъ.

Старикъ учитель ходилъ щоденне съ скрипками до палаты епископской и поучалъ ѳданныхъ ему пѣвцѣвъ, и лучилось, же между ними одинъ, именемъ Яковъ Нероновичъ, бывшій тогда слушатель любомудрія на лицеумъ Перемышскомъ, обдаренный ѳгъ природы добрымъ голосомъ и талантомъ музыкальнымъ, — борзо поваялъ, що то есть пѣніе музыкальное, и чога до него потреба, а почувствовавши себе уже въ короткомъ часѣ здѣбнымъ до проваженья тогоже, почалъ яко импровизованный Директоръ съ прочими пѣвцами въ церкви престольной гр. к. въ Перемышли въ недѣлѣ и свята при Богослуженію на хорѣ спѣвати.

Была то перва проба пѣнія музыкального на Руси Галицкой, было то вправдѣ пѣніе неоглаженое и много очищенія требующее; но яко новорожденное дитя возрастало, крѣпилось и ожидало лучшихъ временъ, бѣльшихъ силъ и дѣльнѣйшого управителя. Были и различные мнѣнія, чи тое дитя

годовати, чи въ юности убити; но крѣпкій характеръ Іосифа Лѣвицкого побѣдилъ мнѣніе послѣднихъ, казучи: „най си (тоє пѣніе) вытирає, а съ часомъ вытресь и чистое буде.“

Долучилъ І. Лѣвицкій до хору бѣльше домовникѣвъ, обыгающихъ въ палатѣ Его Прев. Епископа; но однако не споро наука възмгалася, бо такой умственнаго учителя и Директора знающаго генераль-бассъ не было ни въ Перемышляхъ ни въ окрестности. Ажъ въ концѣ второго року, по заведенію той школы пѣвческо-музыкальной, явился въ Перемышляхъ Алойсій Нанке, получившій науки музыкальныя въ Бернѣ и Вѣднѣ, одаренный великимъ талантомъ музыкальнымъ, знающій генераль-бассъ и всесторонно образованный. — Лучилосьъ, же реченный А. Нанке малъ способность дати въ Перемышляхъ доказъ своихъ музыкальныхъ талантовъ; отожъ не зашишилъ І. Лѣвицкій скоро познати его, представити ему, же существуете тамъ школа руска пѣвческо-музыкальная въ палатѣ епископской — и до принятія обязанности учителя и Директора той школы завозвати. — А. Нанке пріялъ надаваемый ему обовязокъ, и скоро укончилъ І. Лѣвицкій згоду възглядомъ рѣчной платы (400 р. м. к.) за удѣлянье науки въ реченной школѣ и дирекцію на хоръ. — Его Прев. Епископъ Снѣгурскій, всирающій всякое заведеніе стремящее до образованья народа своего, хотящій и ту отрасль образованья воздвигнути и обнародовати, скоро рѣшился до принятія обязанности плаченья ремунараціи Алойсію Нанке за удѣлянье науки въ реченной школѣ и Дирекцію на хоръ. — А. Нанке принявши реченныя обязанности на себе, взялся крѣпкими силами до дѣла, оглядиль скоро приготованое старикомъ учителемъ и Яковомъ Нероновичемъ пѣніе музыкальное, дѣбралъ до бывшихъ пѣвцѣвъ за посредствомъ І. Лѣвицкого изъ лицеумъ найздѣбнѣйшу молодежь до своей школы и хору, и въ короткомъ часѣ, *sicut deus ex machina*, поставилъ хоръ такъ чистый, же бѣльше и желати не было возможно. — Ктожь зъ живущихъ тогда въ Перемышляхъ и любящихъ музику не вспомяне и нынѣ радостно о томъ пѣнію? Было оно въ полѣцѣ цвѣту своего и далеко подобнаго ему не было.

Счастье хотѣло, же три обстоятельства допомогли, абы тоє пѣніе на такъ высокомъ степени стануло, — а тѣи суть: 1.) получила школа записанныя Іосифомъ Лѣвицкимъ ноты изъ Петрограда, сочиненныя Д. Бортянскимъ въ стилю классичномъ; бо Д. Бортянскій, якъ то кажамъ правдиво ученый музыкъ осудить, есть у Русинѣвъ тѣмъ, чимъ есть въ западной Европѣ Моцартъ, Гайдень и пр. 2.) держалъ дирекцію хору глубоко ученый музыкъ Алойсій Нанке, который скоро зрозумѣлъ духа пѣній русскихъ, написавыхъ Д. Бортянскимъ и свои творенія музыкальныя въ томъ духу писалъ и училъ. 3.) Ученики-пѣвцы одарены были ѳтъ природы рѣдко существующими красноручными голосами, между которыми особенно сопрано-пѣвецъ Іоаннъ Христомъ Снѣлковичъ, альто-пѣвецъ Маея Нильковскій и теноре-пѣвцы

Григорій Чижевичъ и Спиридонъ Алексевичъ такъ красивыми и чистыми голосами одарены были, же выгядными пѣвци при операхъ могли бы счастливыми быти, еслибы ихъ природа такими голосами одарила.

При тѣхъ обстоятельствахъ розвивалося пѣніе музыкальное на великій розмѣръ: вмѣстѣ до школы музыкальной много лицъ изъ молодежи учащейся, прызвачею щоденне певну годину до науки, однихъ поучано въ началѣ пѣвчомъ, а съ старшими роблено пробы поединокихъ сочиненій музыкальныхъ и враздолго оказалось, же Алойсій Нанке самъ не былъ въ состоянію всѣмъ потребамъ школы и хору зараджати, отождъ подумано о второмъ учителю, котрый бы начало музыки училъ и поединокихъ пѣвцевъ до общихъ пробъ музыкальныхъ приготавливалъ. Предложено тую потребу Его Прев. Епископу Іоанну Сибѣгурскому, котрый сей проектъ охочо принялъ и до оплаты второго учителя (200 р. м. к.) рѣшился. — На той подставѣ спроваженный зѣсталъ зъ Берна Винкентій Серсавы бассо-пѣвецъ, ѡтъ природы дуже красносозвучнымъ голосомъ одареный и въ музицѣ во обще добре обученый. Тѣмъ способомъ станули въ школѣ пѣвческо-музыкальной въ Перемышли два учителя, котрымъ роздѣливши между собою обязанности, такъ ся рѣшили, же В. Серсавы училъ начало и приготавлиенія, а А. Нанке укѡнчалъ дѣло.

Въ р. 1830. осягнула школа пѣвческо-музыкальная и хоръ въ церкви престольной гр. к. въ Перемышли пунктъ кульминаційный, бо школа стала консерваторіумъ въ малѣ, а хоръ рѣвнялся доброй оперѣ, — и оказалось, же существуете въ Европѣ кромѣ трехъ характеромъ розличающихся каеогорій музыки, т. е. нѣмецкой, италіанской и французской, такождъ и четверта характеристична каеогорія: руска.

І. Лѣвицкій спровадилъ численными сочиненія музыкальными именованныхъ и не именованныхъ издателей, въ стлію церковной писанны, и основалъ при школѣ малу музыкальну бібліотеку, котору Алойсій Нанке своими и чужими сочиненіями значительно побольшилъ. — Не ограничилась реченна школа тѣлько на пѣніе церковное, но заведено въ ней и мірское и то не лишъ руское, но и италіанское и нѣмецкое розличныхъ издателей, спѣвано такождъ терцеты, квартеты, секстеты и хоры исключительно мужескими голосами, котрыхъ при розличныхъ обстоятельствахъ употреблялно.

Видѣлось, же реченное заведеніе пѣвческо-музыкальное на твердомъ камени заложено было; бо, хотя Алойсій Нанке, первый учитель, потомъ ведугомъ сложенный, ѡтклонился ѡтъ дирекціи хору, однакождъ тая страта не выдалась дуже значительна, бо Винкентій Серсавы, второй учитель, обнявши дирекцію хору, не допускалъ хиленія и школу достойно провадилъ. — Докѡль І. Лѣвицкій въ школѣ и хорѣ надзиралъ, ишло все въ порядку: наука школьна и пробы музыкальными ѡтбывалися порядочно въ опредѣленыхъ годинахъ и число пѣвцевъ побольшалоса; но по ѡтшествію его на приходъ въ Шкль осталось дѣло, але ревнѡсть схлоднѣла, бо не стало приуки. —

Отъ того часу зачались перемѣнять пѣвцы, одни отходили по званію своему то до Львова, то до иныхъ городѣвъ на студія, а на ихъ мѣстце вступали новыи.

Его Прев. Епископъ Іоаннъ Сибѣгурскій не пересталъ на томъ, абы пѣніе музыкальное лишь въ церкви престольной существовало; но обмыслилъ способъ, абы оно и въ діецезіи по городахъ и селахъ розширилось, що тѣмъ здѣлалъ, же купилъ село дѣдичное Новосѣлки подъ Кальваріевъ и назначилъ доходы изъ него на воспитаніе 24. молодцевъ, котормы способитися мають до сану учительского и дяковского, и кромѣ того, шо до ихъ званія потребнымъ естъ, также и музыкального пѣнія черезъ 2 роки учитися должны, абы, укѣнчивши дворовный курсъ, могли на опредѣленныхъ имъ посадахъ учительскихъ, въ школахъ тривіальныхъ и приходскихъ молодежь посѣщающую школы заразомъ и въ пѣнію музыкальнѣмъ обучати, якъ то подобно ѡтъ давна въ Чехахъ дѣлается, ѡтколь много музыкальныхъ людей по пѣдѣмъ свѣтъ розшедшихся зымбати можна.

Село купленое Новосѣлки подъ Кальваріевъ наданъ Его Превосходительство Епископъ Іоаннъ Сибѣгурскій съ выше реченнымъ обовязкомъ року 1841 Высокопреподобной капитулѣ гр. к. Перемыской, а грамоту на пергаментѣ писану въ книгахъ ц. к. табулѣ краевой во Львовѣ интабуловати повелѣлъ. — Отожь существующее заведеніе пѣвческо-музыкальное при церкви престольной гр. к. въ Перемышли, назначеное до того, абы въ народѣ рускомъ пѣніе музыкальное роскоренили. Красное воистину заведеніе, но видко, же еще не на часъ, бо до нынѣ не вышолъ изъ него жаденъ питомецъ, котормый бы въ музыкальнѣмъ пѣнію науки удѣлати здобный былъ, — и коли тое наступитъ, годѣ предвидѣти. — Первымъ учителемъ музыкального пѣнія въ реченномъ заведенію былъ Винкентій Серсавы, Директоръ хору, плаченый изъ особенного фонду, Его Превосходительствомъ Епископомъ Іоанномъ Сибѣгурскимъ въ тестаментѣ легованого. — По смерти тогожь учителя спроваженъ зѣсталъ зъ Чехіи на учителя музыкального пѣнія и Директора хору Г. Людвиъ Селякъ, подъ которого правленіемъ въ заведенію пѣвческо-учительскомъ жаденъ питомецъ ничего не научился, а хоръ такъ полѣупалъ, же зъ давного ани тѣмъ не осталась!

На конецъ должно и тое извѣстигися, о сила черезъ реченное заведеніе пѣніе музыкальное въ народѣ рускомъ въ Галичинѣ розпространилось; бо изъ школы Алойсія Нанкого вышли не только такіи лица, котрымъ здобныи суть науку музыкального пѣнія удѣлати, но и такіи, котормы чисто-музыкальными сочиненія писали и пишуть. — Первая отрасль музыкального пѣнія повстала въ бурсѣ Института Ставропигійского во Львовѣ, занесена тамъ Яковомъ Нероновичемъ изъ школы Перемыской; но тая до нынѣ не зацвила въ полнѣ, зъ чого оказуется, же правдивого замилванья недостае. — Вторая отрасль тогожь пѣнія явилася въ Чернівцахъ въ року 1835, занесена

тамъ Іоанномъ Хрѣстостомомъ Сѣнкевичемъ, бывшимъ ученикомъ и краснопѣвцемъ школы Перемыской. Тая отрасль скоро и красно зацвѣла, но по отшествію основателя згасла. — Третья отрасль тогожъ пѣнія, зацеплена Іосифомъ Лѣвцкимъ зъ Болшова, зачала огъ року 1835 красно процвѣтати въ Сѣменищи г. к. во Львовѣ. Найревитѣйшимъ управителемъ ей былъ І. Хр. Сѣнкевичъ, питомецъ тогожъ Сѣменища. Тая отрасль до нынѣ красно и полно процвѣтае и ограничилась на мужескіи голоса. — Тая, здаесе, не згасне, бо цвѣте черезъ замилованье. — Четверта отрасль того пѣнія явилась въ Самборѣ, зацепилъ ю тамъ І. Скобельскій катехитъ, и тая красно цвѣте. — Бѣльше дасть Богъ!

М. В. зъ М.

Примѣчаніе. Прекрасную сію статью дополнилъ тѣмъ, что о пѣнію нашегъ церковномъ писалъ Іосифъ Лѣвцкій (изъ Болшева) въ Зорѣ Гал. 1852 ч. 33 и 34., и тогожъ тезоявеникъ бывшій профессоръ похѣстель росправку въ Перемышлянинѣ 1853 стор. 81, въ которой признается не малая заслуга въ развитію музыкального церковного пѣнія и самому автору подлежащей статьи и отдаесе принадлежащая признательность его музыкальному таланту. Впрочемъ повгоряель приснопамятныи слова, которыми заключилъ проф. Лѣвцкій свою статью: „Найже буде честь и слава похощенуся праху бл. п. Іоанна Снѣгурскаго епископа, которого духъ радуется тѣмъ полезнымъ и славнымъ Христіанскимъ дѣломъ такъ, явъ за жытя николи безъ тихъ пѣвчихъ не малъ Онъ въ каплицѣ палаты Службы Богом, радъ ихъ слухалъ и не жаловалъ выдатковъ до захохоченія студентовъ ко пѣнію и удержала цѣлого заведенія, о чель въ своей духовной грамотѣ тямалъ и на то заслужилъ, щобы ния его отъ рода въ родъ передавалось.“

Пр. Я. О. Г.

О ПОТРЕБѢ УЛУЧШЕНІЯ ШКОЛЬ НАРОДНЫХЪ ВЪ УГОРЩИНѢ.

I.

Съ взоромъ школь народныхъ.

Познати каждый повинень, что народы просвѣщенныи суть счастливыми, нежели въ слѣпотѣ пребывающіи, послѣдніи бо суть токмо тягаромъ сполечности людской. Просвѣщенному что природа утаила, то разумъ нагородитъ; на тое намъ служатъ примѣры иныхъ народовъ образованныхъ, которми животь легко проводятъ.

Что просвѣщенье народа нашего вѣрного, такъ за-долго мгла прикрито держала, тому головною причиною были панове, которми за часовъ панщины, за часовъ владѣнія надъ бѣдными подданными предъ р. 1848, когда всѣ средства и способы къ поднесенію обще-народного розцвѣтанья въ ихъ рукахъ были, всѣ усилія на тое звертали, абы корчмы свѣтились, про добытокъ марный; слѣдственно съ-отси наслѣдовало жалобное невѣжество на-

рода такъ смиренного и спокойного. Но слава да будетъ Богу Всемогущему, корчмы уже зачинають упадати, а школы изъ дня на день двигаются, ибо сила Бога тьму розогнала, искра образования начала сіяти — жарится, — и величественно жизнь народная процветаетъ.

Время такъ счастливое всѣми силами всягда воспріятое есть, такъ и у нашей Пряшевской Епархіи числячой сверхъ 142,230 душъ; якъ тое Шематизмъ указуе, находилося р. 1861 школъ парохіальныхъ 203, и посѣщало школы 10,858 дѣтей, но по правдѣ сказати, четвертая часть дѣтей лишь въ Шематизмъ выказанныхъ школы тѣи посѣщала. Хотяи что-мѣсячно распоряженія отъ власти церковной и свѣтской въ дѣлѣ такъ важномъ присылаются, но сіи черниломъ на бѣломъ папѣрѣ начертанны спочивають. Едине В. Спизская, Боршодская и Черегадская долина можетъ ся прославляти, что успѣхъ школьный хвалы достоинъ.

И на початку школьного сего года головнымъ администр. жупаномъ Шариской столицы возбудительнымъ распоряженія въ дѣлѣ школьномъ есме получили, которыми чрезъ судію походного (Орсадского) Г. Іоанна Завадского были народу сердечно предложены, точно выяснены и наложены, и надѣмся что чествѣйшій сей мужъ, своимъ благимъ поступованіемъ посылитъ намъ дорогу ведущую къ просвѣщенію.

Въ нашей епархіи Пряшевской станъ пѣвческій съ учительскимъ по большей части споеный есть, и то про бѣдность народа; платня таже учительская съ пѣвческою споена есмь досыть довольна. Якъ пѣвци посѣдають грунта, имѣють штолу, подбирають всыпку въ зернѣ и пр. А учительства платня по разположенію Высшому мае выносити выше 100 зл. в. а цѣнности, что если такъ не вынаходается, мае подвиситися, но надѣмся, что то легко дастъ ся завести. Намъ народъ рускій есть дуже наклонный къ добруму, послушный, только демъ най видитъ успѣхъ на своемъ бѣдномъ дѣтятку, и готовый придати что нужно, но жаль не малый, успѣха такъ теляющого не видимъ.

II.

Прочто успѣхъ школъ народныхъ недовольный.

Заведваніе школъ народныхъ происходитъ изъ того, что школъ домо-строительство по большой части еще непорядное, несогласное требованіямъ, ибо громады саміи безъ надзору, безъ плану дома такъ великой важности строятъ. Между прочими сталося и въ моемъ приходствѣ р. 1856 еще предомною, что громада имѣла выставити домъ школьный, то по в. разположенію извѣстила уряднику безцрковому, и по опредѣленію сего, высланный былъ архитекторъ, который съ великими крочайми перешолся по назначенной площацѣ, и незадолго воскликнулъ: „туй маєть стояти.“ Съ тымъ стиснулъ троши и отойшолъ въ своя-си. Громада сему ся непротивила, ибо по волѣ

могла дѣлать, что какъ сдѣлала, выясненія и описанія не потребуеть. Где-куда и комора на школу обернута. Таже братья узнавайте, что въ непорядно строеной комнагъ школьной порядокъ удержувати за тяжко и невозможно, а безъ и при чепорядку духъ охотности слабѣегъ; сего ради при такъ важномъ дѣлѣ строенія не жалуйте накладовъ вашихъ, и познавши лучшее подражайте искуснѣйшимъ къ сему.

Не имѣемъ школьныя комнаты убранны, снабжены способными лавицами, столами и всѣмъ нужнымъ снарядомъ. За 12. годовъ прешедшихъ легко далось восставити столпы выше и низше веси съ вкуснымъ помалеваніемъ, запроваджено новыя печати, лядици громадскіи и пр. о что ани насъ ся не просили и можно не знали, ци потребуемо, и то всё устроено у одного ремесленника, значнымъ накладомъ громадскимъ. Но сипевыхъ знаковъ съ взоромъ школъ народныхъ лишь на папирѣ оставили по себѣ. Нужно тоже въ семь дѣлѣ не снуститися цѣлкомъ на громаду, которая звычайно при сипевой нуждѣ съ одной доски склѣтитъ столъ, а съ другой лавицу, но где сипевая нужда зановуется, не просящися и насъ найподобнѣйше есть походному уряднику заказать у одного ремесленника нужная, и со всѣмъ ляднѣйше прійдетъ и припровадится.

Занедбаніе сіе и изъ того происходитъ, что годъ школьный не вразъ зачинаемъ и заключаемъ; одніи зачинають отъ Покровъ Пресв. Богородицы, другіи отъ св. Михаила Архисратига, где куда и отъ праздника св. Отца Николая; случается, что еще по празд. св. Отца Николая выпрошается учитель отъ своего друга: „пріятелю, ци вже зачинаешъ учити?“ Аще такъ дѣлати будемо, то вонстину другій Вавель настанегъ, ибо народъ поколотится. Наолѣдуйше мы В. Спизскаго деканата упорядкованья, и на истѣ стрѣтимося на благой дорозѣ. На послѣдокъ: — Причина еще заедно бракъ снзъ учительскихъ. Кромѣ того на колько стаяъ пѣвческій съ учительскимъ спонимъ есть, старыи дяки званіемъ на ученіе неполиканы, аки насліемъ, нуждою на исполненіе ученія притѣсненіи учать, — но что дѣлати? где молодой вѣкъ утратили, на старость отдаити то грѣхъ и не пристойно, а пенсіи и такъ для сипевыхъ не маемъ. — Къ сему але и молодыи учителя суть непрактичнн еще: всё вразъ бы хотѣли нальяти, на послѣдокъ розлѣють, ибо зѣло чватаются, въ такъ але еще значномъ невѣжествѣ нужно дуже острожно и по малѣ въ-передъ ступати, слѣдственно потребно школу тымъ, которыхъ касается, не нуждою, но волею, постояннымъ надзоромъ удержувати.

III.

Средства къ поднесенію школъ народныхъ.

Зачѣмъ еще доми школьны по большой части суть непоряднн для удержанія порядку наилучше бы было, чтобъ цѣлкомъ неужн рано, а обученнѣйшимъ по полудни приходили до школы, молодежь бо школна есть значна,

а въ одной комнатѣ порядокъ удерживати за тяжко и едино каждому задосыть. учинити не можна наипаче такъ, где много дѣтей наполнятся. — И такъ легко ослабнетъ духъ охотности.

Нужно далѣе, чтобъ и дорослѣйшіи порядочно чрезъ пятый годъ недѣльными школы посѣщали, абы доброе сѣмя не задавилоса. Въ моемъ приходствѣ вся молодежь всѣми силами, съ охотою зачинаетъ недѣльную школу посѣщати, и на колька въ чтеніи еще съ большой части суть неучки, то всѣ разомъ и 30 рочнии въ чтеніи упражняются. Чобъ успѣхъ наслѣдовалъ то комечнѣи нужда заносигъ, къ старенькимъ дякамъ супплентовъ дати, при томъ старенькіи бы еще дышали, а молодой супплентъ бы ся упражнявалъ.

Желательно бы было, чтобъ платня учительства отъ уряду сельскаго судіи походному ся преподала. Громада бо отъ бѣднаго учителя при выплаченію что-то вымагаетъ, непорядно отдаваетъ, учитель але своего сядомагаетъ, съ народомъ про сіе ся грызетъ, слѣдственно неприемность съ того походить, и такъ повага учительская и дерзновеніе, яки найважѣйшая драгоценность, упадаетъ. — Но и то желательно, чтобъ порядно всѣ празъ свою платню получили.

Желательно бы было, чтобъ свѣтская власть взоромъ касающихся должностей школьныхъ частѣйше надзираля и порядокъ постояннымъ надзоромъ удерживала, учителей лѣнливыхъ укараля, и то не лишъ словомъ, но при выплаченію съ платнѣ такъ лѣнливого учителя, слушно есть, якъ то и Пресвященнѣйшій Архіерей нашъ расположилъ, грошми карати и до учрежденія вдовическо-спротскаго препослати. Разнымъ способомъ про небалость родителей и дѣтей сдѣлати отвѣчательными.

На всякій але случай потребно, чтобъ священники въ семь важномъ дѣлѣ просвѣщенія выступили согласно, и съ охотою, сн бо едине могутъ направить что нужно. — Верховный бо школьный надзиратель токмо можетъ розположити что потребно, и выдати что нужно, но якъ Сенека кажетъ Ер. 6. *Longum iter est per praescepta, breve et efficax per exempla*, тоже розположеніе верховнаго надзирателя едине въ селѣ всегда притомный домашній надзиратель, то есть священникъ можетъ народъ и дѣти возбудити волю къ ученію наклонну творити — ученіе порядочное завести — учителявъ водити и сичевыхъ повагу поднести. На сію должность напоминаетъ Пророкъ Исай 58. I. „Возопій крѣпостію и не пощади, яко трубу возвыси гласъ твой и возвѣсти людемъ моиимъ грѣхи ихъ.“

Надъ користями, выплывающими зъ просвѣщенія, не намѣряю застановитися, едине кедь уважше, что въ день недѣльный народъ, при своемъ просвѣщеніи скорѣе къ книжцѣ якъ горѣлцѣ прилѣпится, и таланта въ земли ржавѣти не будутъ, -- то уже можетъ насъ заспокоити и мзда позостанетъ отъ рода въ родъ. •

Григорій Бескидъ
русскій приходникъ.

Мнѣнне двохъ польскихъ часописей о Украинской Руси.

Изъ золотой Праги.

Народность есть то се величье слово, которе у устахъ каждого чловека звучитъ, а идея народностей есть звѣздой, котора теперъ мировъ просвѣчуе и ёму лучшу будущность звѣщуе. Ся идея не терпитъ жадныхъ заставъ, жадныхъ межъ нѣ исторіи, нѣ политики, — она высша надъ исторію, надъ политику, — словомъ, ся идея есть-то найвысше понятье, которе лишень у людскости выробитися змогло! Теперъ побѣдила она всѣ интереса дипломатіи и торговлѣ, и керуе усѣми справами сѣго свѣта, — и можна сказати, що теперѣшній токъ исторіи иде тымъ шлюхомъ, которымъ она справляе. Исторія за теперѣшнихъ временъ характеризуется стремлѣньемъ розсыпанныхъ и розбръванныхъ народѣвъ, скупитися у одну народню и политичню цѣлѣсть. Тѣлько-що передъ нашими очима одбувся величній образъ зъединення Италіи у одно крѣпке и независиме государство. Нѣмцѣ хлопчуться, щобъ зѣбратися у-купу, а якъ бы они не хотѣли розширятися на щотъ Славянщины а передовѣшъ Чехѣвъ и Полякѣвъ, то тогдабъ кожде славянське сердце бажало имъ счастья у тому дѣлѣ. Поляки, которыхъ реминисценціи историчній есть такъ свѣжій, также и Югославине слѣшати до той самой цѣли, и хтожъ бы имъ тее за зло взявъ! — А и мы Русины стремимъ также туды, а хотя теперъ лишень на умѣ имемъ литературню едноту зъ нашими украинскими братьями, то прецѣнь и намъ мрѣе у далекой далечинѣ звѣздочка лучшей будущности. И хто намъ вѣзьме се за зло, що мы жиѣмъ надѣєю? Отже бачите, що усѣ люди наче мурашки на моровищу хлопчуться, одинъ одного перебѣгае и перестигае, щобъ скидувати камѣнь до камѣня на величню народню будову, на величавый „народный Дѣмъ.“

Каждый, хто помѣчню руку прикладае до того великого дѣла, до прослѣву идеи, у лицѣтворяе людскость, есть ангеломъ-хранителемъ сѣго міру; — но якъ же назвати того, который сѣму святому стремлѣнью подсувае поганій намѣренья, который народамъ, туды стремящимъ, заступае дорогу, и имъ заставы передъ ногами кладе! Чижъ не можна го называти зрадцемъ у очахъ міра, ворогомъ цѣлон людскости?! Такимъ зрадцемъ, такимъ ворогомъ може буги одинъ чловекъ, якъ на пр. десногъ Зѣпада, а ворогъ сильной Влащины; а знову также и одинъ народъ, выражающій тутъ свою волю черезъ органа публичней опиніи, черезъ газеты. — Надъ украинською Русью допускається той кривды, становиться ёи ворогомъ — народъ, котрый кривды ѡдъ другихъ самъ поносить, и помилованья у Европы просить. Изъ неустаннымъ крикомъ: „Польша ажъ во Днѣпро“ пре ѡнъ зъ цѣлымъ натискомъ моральней силы на украинську Русь, торгається на еи найсвятѣйшую справу, народню едноту, и крае безъ милосердя еи тѣло на

куснѣ, беручи одянь собѣ, а кидаючи другій на лупь Москвѣ! По Днѣпро мае нѣбы сягати ихъ историчне право! Яке то право, если оно оперте на утисканью другой народности и на розрыву еи цѣлости? Се не есть историчный правомъ, а скорше историчнѣю ложью! Що колись-то, по мнѣнчнѣму преданію, Болеславъ Хоробрый мечомъ побѣдителя назначивъ на Кіевськѣй брамѣ Польщѣ границѣ и надъ старымъ Днѣпромъ вбивавъ желѣзній стовбы, тожъ теперъ мае надъ тою крайною совершитися моральна побѣда, моральный заборъ! Послухаймо, що каже органъ опиніи Полякѣвъ, жиющихъ на галицькѣй Русі, „Dziennik Literacki“ въ 83. числѣ 1862 г. въ артикулѣ „Moskwa“ (бо що те естъ выразомъ публичнѣи опиніи, вляко зъ того, що доси не було протесту). Отже каже голубчикъ, що передъ Днѣпромъ не ма Русі, но Польща, а за Днѣпромъ сама погань, татарва, москва!

Не знае, бачите, сердешный, що за Днѣпромъ ще бѣльшѣ 8 милл. народа широ руського, такъ справдешнѣго, якъ на Подѣльи, Волинї або й на Галичи. Далѣй каже, що: *ustalamy nasze pretensje aż do Dniepru, wbijając słupy granic naszych aż po brzegi tej rzeki.* Соромъ и згадати! Та щежъ вы братчики, не одбудували свою о й чизну, а маютете уже границѣ ажъ по Днѣпро, — та бажаєте чужого добра, чужої батькѣвщины, одбираючи увесь край по Днѣпро, по которого обомъ сторонамъ розсѣвся украинськїй народъ, до которого всѣ ручки его народнѣи жизни сплываються. Якбы вамъ — ляцкии братья, — було прїятно, слябъ гордый Прусакъ сказавъ: Нѣмеччина по Вислу, бо тамъ живѣ якїйсъ германськїй народъ, *verschollener Völkergstamm*; Варшава то нѣмецкїй городъ (саме якъ тутъ Кіевъ, бо тамъ выходить: „*Warschauer Zeitung*.“). — Ще въ давнѣйшомъ артикулѣ: „о вѣтъ Будущности“ кличе „*Dziennik lit.*“ — а за нимъ и „*Gazeta narodowa*“ у рѣзнихъ мѣсяцяхъ — Москву на кровавый пиръ, щобъ якъ двѣ вороны кинулись на свиту Русь, на матѣрь Украинну, а кличе побратимовї: на тобѣ отсю пайку, заднѣпряньску Украинну, *gdyż Ukraina zadnieprzańska dobrowolnie do Moskwy przystąpiła*, а менѣ лиши всенѣкѣ, що передъ Днѣпромъ. А то для чого? спытаешъ. Отже репегуе тобѣ навѣсный: „*Moskale przebywający na Ukrainie, Podolu i Wołyniu także inaczej nie nazywają tego kraju jak Polska, — spytasz u chłopu, to on ci odpowie Polska po Dniepr, do Kijowa, a dalej neznaju, ale liudy każut, szezо tam Nimci або i Turczyny, ditko znaje szezо za bida tam sydyt!* — *W prowincjach zabranych przez Moskwę ziemia cała jest w rękach polskich aż po Dniepr, wujawszy kilka majątków*“ . . . На тобѣ доказы! Противъ двохъ першихъ не варто й говорити, бо то можуть бути або индивидуальный мнѣнья, або походящи изъ несвѣдомости; але дотыкаючись до третѣго издрогнуться у тобѣ всѣ найсвятѣйшия чувства. Тожъ просвѣщенный и постѣпови Ляхи щотають руську землю ажъ по Днѣпро своєю, за-для того, що уся краина складається лишень изъ польско-шляхотскихъ маєткѣвъ; а що тамъ украинського народа не ма, то рѣчь исна, бо Русины то

єсть хлопы, пѣдданї, glebae adscripti, а Поляки сунь панамцї, властїгеламцї маєнгкѣвъ, сунь польскїмъ народомъ, которого отчїзна тягнеться ажъ по Днѣпро. Правдиво шляхогьскї консеквенцїя у доводахъ!

Помїнемъ плюгавї мїтїня „Dziennika literackiego“ о идєї Русикїзму, помїняемъ его перекручуванї фактѣвъ, дотычащихъ нашего батька Тараса, — а переступаемъ до мїтїня иншої польскої газеты про украинську Русь „Tygodnika Poznańskiego“, котора въ ч. 42 въ артикулѣ пѣдъ надписью Aforizma замѣщає тамъ „Rusinów, którzy nigdy Dnieprem gozerwać się nie dadzą, i z tym razem pójdą, co im najwięcej samodzielności ofiarować i zabezpieczyć będzie w stanie.“ . . .

Се єсть мїтїньє Поляка, угнетєнного нѣмецкїмъ элементомъ, а не угнетающого. Подобьє положєня и ситуацїи выкликєє въ нѣмъ зрозумїньє sprawy нашой народнєї єдноты.

До сихъ слѣвъ Туг. Pozn. не треба богато примѣтокъ, — они говорятъ самї за себе. — Такъ, Панове! Мы нѣколи не дамо розѣрватись Днѣпромъ, а доки ще тїєє у серцї послѣднєго Русина любовь батькѣвщїны и жаръ для народнєї sprawy, то доги нехай на сконаньє выдыше изъ своимъ остатнїмъ вздохомъ протєстъ противъ Днѣпровыхъ границъ Польши. *Л. Л.*

МОСКВА И ШИЗМА.

Зъ Галицкого Воляня.

Для якихъ причинъ Поляки чернятъ Русинѣвъ, же тїи тяготѣють до Москвы и шизмы, учить исторїя, бо политика Полякѣвъ нынѣшна — та сама, що и давна.

Въ проектѣ до выкорѣненья обряду греческого зъ року 1717 читаємо (Widok przemocy Бродовича Ч. II. ст. 95.):

Jeżeli całość i bezpieczeństwo państw na wzajemnej funduje się miłości, miłość zaś najszczególniej utrzymana bywa jednością wiary: toć my Polacy chcąc być w swoim ocaleni i ubezpieczeni państwie, o jedność w mieszkańcach wiary z największą starać się mamy i powinniśmy usilnością; że zaś tę jedność w krajach ruskich tak do korony jak i WX. Litew. należących, najbardziej psować zdaje się, ile prostym ludziom obrządków różność, zacem stany królestwa i każdy w szczególności Polak, jeżeli chce ocalić i ubezpieczyć ojczyznę, ten na siebie włożyć powinien obowiązek, ażeby obrządek grecki, obrządkowi łaciuskiemu przeciwny, już to wzgardą, już prześladowaniem, już uciśnieniem tenże zachowujących, już innymi, ile być może, najskuteczniejszymi znosił sposobami.

А же тїи скугечни способы въ 13. обширныхъ пунктахъ выложєни, за много бы мѣсця забрали, абы ихъ ту повторити, помѣстїмо ту тѣлько

лхъ короткій вытязъ, яковѣ въ повышѣмъ дѣлѣ стор. 108 и 109, пунктъ 4. находимо:

Szlachtë ruską do żadnych ojczystych urzędów nieprzypuszczając; w kompaniach od Rusina stronić; w sąsiedztwie żadnej z nimi przyjaźni nie zabierać; przy Rusinie przytomnym o ruskich zabobonach najwięcej i najobszerniej mówić; — do żadnych usług znaczniejszych, na których mogliby nabierać oświecenia, onych nieprzypuszczając; Rusinów majątnych w miastach i miasteczkach przez żydów na przedmieścia wysadzić i powoli przez starostów do pańszczyzny wciągać, a którzy zostaną w mieście, tych od wszelkiej zwierzchności miejskiej i od wszelkiej korzyści odsadzić; — a że Władykowie i popi na przeszkodzie są, z tych pierwszych zaślepić, żeby nie wiedzieli wszystkiego, a najbardziej biskupi łacińscy mają to z usilnem staraniem wyrabiać, aby Władyków suffraganami swoimi poczynić, drugich, to jest popów obarczyć w ostatniem niedostatku i w prostocie onych utrzymując, aby nie poznawali ani lud nauczać umieli, że ich obrządki od ojców świętych pochodzą, i nie są zabobonne, familie ich do zwierzchności dworskiej pociągać, dzieci ich przez konstytucję w poddaństwo poddać, Cerkwiom erekcyi (krom kawalka roli, i to bez opisanja i nadania wolności) niedawać, a gdzie są dawniesze erekcye, od prezenty znacznego opłacania się bez skrupułu popelnienia symonii (jako mnie, powiada autor projektu, nasi teologowie nauczyli) wymagać; lud ukraiński, podolski i wołyński, który przy swojej obstajac wierze, gotów podjąc rebeliją, Tatarom oddać; ani tu sądzić, żeby Moskwa za Rusinami, kiedy już unitami zostali, miała się interesować, których bardziej jak nas nienawidzi i t. d.

Ту кажуть Панове Поляки: „Росо одсвіжає проект якогось jezuita, którego sejm nigdy nie potwierdził!“ Мы знаємо, же соймъ польскій того проекту не potwierдивъ, але знаємъ также, же вінъ мимо того найстараннѣйше бувъ виконуваний, бо слухаємо, що каже далѣ нашъ авторъ:

Wzywamy wszystkich obywatelów województw ruskich, Boga i prawdę kochających, ażali nie w rzeczy samej z biednymi Unitami to wszystko się działo? Azali nie bardzo dawno Biskupi łacińscy Rzymowi się zbyt nie przykrzyli, aby ruskich Biskupów i wszystkich pod swoją jurysdykcję poddać, i biskupów suffraganami swymi porobić? Izali nie świeżo konfederaci Ukrainę i Podole Turczynowi już byli zaprzędali? — Owoż piękny i powabny przykład dla Greków pociągnięcia ich do jedności z kościołem rzymskim! Owoż miłe dla Rusi porównanie duchowieństwa zjednoczonego z duchowieństwem rzymskim we wszystkich prerogatywach i wolnościach! Owoż droga właśnie apostołska rozszerzenia wiary katolickiej takimi środkami, przerabiając ruskich katolików na katolików rzymskich! etc.

Але вернемся до нашого проекту назадъ, — тамъ на концѣ сказано: Tu przy końcu i tę maxymę uważamy, że jako Ruś w swoim zostawiona obrządku lub za oderwaniem się od moskiewskiej szyzmy, lub za powróce-

niem do teje zдала by się grozić upadkiem Polsce, tak gdy ją przemienimy na Rzymian, odbierzemy najprzód nadzieje Moskałom jej odzyskania, potem ściśle z nami złączoną uczynimy Moskwie nieprzyjaźną.

Отожь де укывається причина гоненія и черненія обряду греческого, въ цѣли латинизованья а властиве колонизованья Русинѡвъ. Для того то Θεодосій 'Бродовичъ, Архи-Презвитерь гр. к. капитулы Луцкой, въ свомъхъ увагахъ р. 1789 (Widok przemocy Ч. II. ст. 50) пише:

Wiedz o tem zjednoczony Rusinie, a w kraju twoim do użycia praw, swobod, prerogatyw na zawsze oddalony, że próżno wysilasz się na okaza- nie wierności, posłuszeństwa twego, próżno na dowód w Unii wytrwania od- dajesz się w niewolę, i gotów jesteś nie tylko majątek, ale i życie tracić; nie będziesz wierzonym nigdy! Los twój zawsze jest smutny. Polak cię prze- śladować będzie w tem uprzedzeniu, żeś przychylny Moskwie.

Такъ правдиве смутна есть доля наша! Унія намъ не помагае, аиъ насъ хоронитъ, бо тои Полякамъ не погребя; хотять они, абысьмо вѣроломне зрадили народовость нашу, и стали Поляками, инакше вѣры намъ не дасться.

Поляки завсе насъ оскаржати будутъ передъ тронѡмъ Монарха, же мы сприяемъ Москвѣ, — а передъ тронѡмъ святѣйшого Отца, жесьмо прихильни Шизмѣ.

Хотий Поляки на тыхъ подставахъ сильной Польши не уфундували, и противно черезъ гоненія Русинѡвъ выкликали домовыи войны, котори до обаленія Польши прачинилися; однако мудрость ихъ полмгичма та сама нынѣ, шо и перше, особливо теперь, де Польшу въ давныхъ границяхъ будо- вати замышляють — хотячи на ново въ очахъ Европы заяснѣти народѡмъ 20- миллионѡмъ. А же въ тыхъ границяхъ 15 миллиѡнѡвъ мешкае Русинѡвъ, жеки которыми и Русь Червона або Галицка, Польши неприхильна, есть положенна, вотребя ю оскаржати въ Вѣдню и въ Римѣ о склонность до Москвы и Шизмы, абы тымъ способѡмъ Русины, не найшовши вѣры иъ охоровы, тымъ лекше на ласку Полякамъ були зоставлени.

Поляки хваляться, шо они були ширителями вѣры кат. на Востоцѣ, но исторія учитъ противне. Польша завше, якъ въ року 1553, соединенію Москвы съ Римѡмъ всѣма силами сопротивлялася, абы зъ той Уніи сама не отнесла шкоды, абы Москва соединенна тымъ лекше Малої Руси не загорнула.

Зъ того явно, шо Польша не вѣру кае., иъ Унію на Востоцѣ не вспомагала, але пѡдъ плашемъ вѣры, а наветъ со шкодою с. Уніи, тѡлько вла- сное добро передъ очима мала и мае. Зъ-ѡтси походили и походягъ донесенія и черненія Русинѡвъ, абы тѣи въ такій способъ позбавлени були ласки В. Правительства Австрійского и с. Престола Римского.

Якакъ зъ того для насъ наука? Ото робьмъ свое, бо Полякѡвъ не пе- реконаемо. Хотий вѣдомо есть, же гражданкою бѡльше 100 лѣтъ на передъ друковано книги въ Венеціи, Стратинѣ и т. д., нежели въ Россіи; — хо-

тій Петро Великій пославъ въ р. 1701 молданхъ людей до Малой Руси до Кіева, абы ся тѣ тамъ учили шкуки друкарской цырилкою и гражданкою; хотѣи пише Lelewel (Dzieje Litwy i Rusi str. 170): Kancellaria jagellońska uformowała piękną ruską skoropis, i pisała nim więcej niż językiem polskim, Поляки кричати не церестанугъ, же то друкъ и пасьмо московске, бо такъ имъ потреба.

Понеже наша рѣчь справедлива, то намъ здавалося, же мы Полякѡвъ переконати мусимо; такъ не есть. бо Поляки правды не шукають, они вынаходятъ фалши, перекручуютъ исторію, абы на ихъ стало. То зоставмо ихъ, а за тее обернѣмо силы наши на освѣту народа, бо де освѣта, тамъ и почутѣ народове легко ся будить. Народовость може бути притлумленна черезъ терроризмъ посредствомъ темноты, але тымъ сильнѣйше ся обудить, коли нарѡдъ прійде до освѣты, и пѡзнае себе, хто ѡнъ есть, и чимъ бути може и повиненъ. Абы тое легше осягнути, треба на теперъ чуже залишити а увагу звернути на все, що свое — землю, исторію, обрядъ.

У насъ противне, мало дѣеся для народа, шкѡдъ або не ма, або де суть, не отповѣдаютъ потребѣ, бо служатъ яко средство для науки нѣмецкого язика, — не ма стосовной газеты, якъ то були 1861 року „Додатки до Слова“, за которыми вже неразъ горячо промовляно; — народъ спить, для того Поляки не тратятъ надѣи, же прійде часъ, де слабой русской партіи заспѣвають Requiescat in pace.

Ту еще мѡгъ бы хто запыгати: Для чого Поляки такъ радо съ нами починають диспуты политични, коли не шукають правды? Ото для того, чи бы имъ не удалось кого зъ нашихъ на свою сторону перетягнути, а въ найгѡршѡмъ разѣ абы насъ выбадати. Ту часто, або не могучись оперти силѣ аргументѡвъ, здаются потакувати, — намъ здаеся, жесьмо ихъ переконали, але де-тамъ; — зачешимо ихъ завтра, а они тотѣ сами, що були вчера — бо у нихъ тѡлько Польша на гадцѣ. Отожъ у насъ най буде передовѣстѣмъ на оку освѣта народа.

Ст. К.

КОРОТКІЙ ОПИСЬ МОНАСТЫРЯ МАРІЯ – ПОВЧАНСКОГО,

Чина СС. Василя В.
(въ Угріи.)

Въ восточной части комитата Саболчанского на песчаныхъ равнинахъ лежатъ мѣстечко Марія-Повчъ съ 820 жителями, которое славнымъ чинить великій монастырь и церковь ОО. Василянѡвъ, и пять ежерочно тутъ дер-

жаемнн отпуста. Два суть рускіи на праздникъ Успенія и Рождества Пр. Богородицы, а три латинскіи на латинское Успеніе, Рождество и имя Маріи. Сборъ народа есть великій, 15 — 20 тысячъ горнется изъ разныхъ сторонъ Угорщины толпами, множество Русиновъ, Словаковъ, Мадяровъ и Нѣмцевъ, ба навѣтъ и изъ Семиграда та Банату прибываютъ Армяне. Побудкою сего великанского богомольного стеченія есть преимущественно чудотворна икона Пр. Богородицы, о которой на самомъ передѣ пристойтъ розповѣсти:

Лѣта 1715. м. Августа 1. 2. и 5. по новому численію (по ветхому же 21. 22. 25. Юлія), находящаяся тогда въ парохіальной деревянной церкви на мѣстна икона Пр. Дѣвы Маріи, чудовнымъ Божиимъ промысломъ слезы изощала. Икона сія въ новой нынѣ уже Монастырской церкви надъ царскими вратами на иконостасѣ поставлена называется второю; по причинѣ, зане изображена есть по образцу первой, въ томже храмѣ Повчанскомъ г. 1696 въ м. Ноембрѣ за 14 дней слезившой, и послѣ до Вѣднѣ подѣ Леополдомъ I. отнесенной, и тамо въ соборномъ храмѣ С. Первомученика Стефана (где и до днесь находится на великомъ престолѣ) на почитаніе выставленной.

Дотычно втoрoй чудотворной иконы: якъ скоро вѣсть о слезѣи ей дошла въ слухъ Епископа Ягерского, тогдашняго Преосв. Гавріила Антонія графа Ердьдія de Мопуогó-kerék (которому тогда епископы Мукачевскіи яко обрядовыи намѣстники подчиненіи были), то сей вскорѣ отъ двоихъ канониковъ, именно же Іоанна Кишшъ, Архипресвитера капитулы, и Іоанна Антонія Кишшъ, чтеца-каноника, на мѣсто, учиненія ради порядочного изслѣдованія, выслалъ. На самъ передѣ взято подѣ вопроса Михаила Папцъ, тогдашняго Пароха Повчанского 27-лѣтняго, и его пѣвца Іоанна Молнаръ 28-лѣтняго, которіи подѣ присягою, — дѣлу тако, безъ всякой лести и обмана случитися, — исповѣли. Подѣ присягу якъ очевидны случая взятіи были еще многіи разнаго вѣроисповѣданія, пола и возраста люде, числомъ 15, которыи всѣ случай приписовали чуду самого Бога, въ слѣдствіе чего Епископъ Ягерскій, своимъ писаніемъ зъ дня 19. Септембрія г. 1715. къ Георгію Бизанцію, пароху Калловскому и генеральному викарію клира и народа руского (а поздѣйше епископу) — помянуту чудотворну икону Пр. Богородицы на народное почитаніе въ церкви Повчанской выставити повелѣлъ.

Произведену сущу сему Георгію Бизанціи слѣдующаго 1716 г. въ Епископа Мукачевского, сталъ онъ г. 1731 будовати велику теперѣшню церковь изъ цеголь, которую продолжалъ Симеонъ Олшавскій и Гавріилъ Блажовскій, а докончилъ Мануилъ Олшавскій г. 1756, якъ то явно и изъ хроностикона, вырубаннаго на каменн великихъ дверей церковныхъ, зъ котораго доказуются роки 1731 и 1756.

Видъ ей ни округлый ни четыреугольный, только на серединѣ крестообразно зъ двохъ боковъ подносятся двѣ вполѣ округли ронделлы, на верху которыхъ двѣ вежы, Фронтъ будучи дуже широкимъ, здается же, три церкви

въ одно спосны; долгота церкви 138 стопъ а ширина 31, дверь суть три, отъ юга, запада и сѣвера. Подъ дверями отъ юга почиваютъ земныи останки покойного Епископа Мануила Олшавского († 1767) въ особенной криптѣ. Въ ризницѣ сохраняются еще два его фелоны. Подъ церковію разлѣгается просторная крипта, но котора замурована. Храмъ церкви есть дѣя 8. Новембра на соборъ св. Арх. Михаила. Живописаніе иконостаса началось года 1785. а докончено 1788; незнати кѣмъ, а особливо 4 царствени образы Спаса, Богородицы, Михаила и Николая своею искусственностію звертають на себе узвгу знатока, такъ само и фреско на склепованію. Олтарей есть 8, шкода только, что великій олтарь не по восточному обряду устроенъ.

По иконостасѣ видимыи суть численныи знаки: разныхъ частей тѣла, руки, ноги и пр., выліянныи изъ серебра и обще называемыи „voitsh“, подарованныи людми, получившими ходатайствомъ Пр. Богородицы извѣловіе болящихъ дотычныхъ удовъ. Яко достопамятность позираются у сѣверныхъ дверей на стѣнѣ висящии желѣзныи пута, о которыхъ преданіе каже, что колись въ отпустовое время два спуганыи вязиѣ изъ Кяловской вязницѣ, подъ надзоромъ гайдука, прійшли отъ богомольцевъ на часть своихъ несчастныхъ содруговъ просити милостыню, и зъ одного яко невинного — коли сей молился предъ иконою — мали спасти пута сіи.

Церковь есть о 5 вежей, двѣ большіи, а три меньшіи. А. 1833 высокой покровъ двоихъ переднихъ вежей про обветшалость сталъ упаденіемъ грозити, прото предъохраненія ради небезпеченства, приближающимъ отпустамъ збурено высокимъ верхи, и покрыто довременнымъ дашкомъ. Слѣдующого, 1834 г. было землетрясеніе, въ слѣдствіе чего церковь на многихъ мѣстахъ попукалася, а особливо склепованье утерило много; изъ пятой вежи упалъ тогда и крестъ. Неоткладно стягли розпуклины вантами, и церковь въ такомъ состояніи перебыла ажъ до г. 1856. Сего сирѣчь 1856 года подъ игуменствомъ Манассіи Гармадій началось отбудованіе двохъ переднихъ вежей чрезъ архитектора Іосифа Маіоръ. Муръ поднято выше о 4 сажни, и верхъ одиннадцати-сажневый покрыто бляхою, такъ что высота обоихъ переднихъ вежей съ крестомъ выноситъ на 180 стопъ. Подъ игуменствомъ Мавея Микиты докончилась сія работа, и продолжано покрытія трехъ меньшихъ вежей, которіи взято 1862 полъ бляху. Корабъ покрыто гонтами, и всю виѣшность мѣстѣ съ обводнымъ муромъ обновлено. Будовля сія кончилась ижливеніемъ самого монастыря, которая выноситъ на 25,654 зол. а. в. На задѣ есть еще внутріе церкви, которое также требуетъ якового обновленія, такъ и пр. великій престолъ на форму восточныхъ престоловъ съ бальдахиномъ належало бы переправити, иконостасъ обновити, и пр.

Съ церковію соключена есть обитель монаховъ, будовиско четырехугольное о одну поднимку, съ 51 келіями, которое созыдатися почало г. 1749 м. Мая 18. чрезъ Епископа Мануила Олшавского изъ цеголь. Угодный ка-

мень положилъ Вбл. Г. Дмитрій Раць (рускій дворянинъ), Пленнпотенціарій добръ гр. Каролія de Nagy — Karoly. Будовля провадилася безъ всякихъ переронъ до года 1751, въ которое время повстали нѣкоторыя тяжести отъ части латинниковъ, о которыхъ обширнѣйше пишетъ Юанникій Базиловичъ Протоигуменъ въ своей исторіи: *Brevis notitia foundationis Koriathovitsianae*, pag. III. cap. I. pag. 13. — Однако Епископъ Мануилъ и симъ вскорѣ заповѣбъгъ. Первыи иноки Чина св. Василя запровадженіи помянутымъ Владыкою до Повчи, жили прежде за три лѣта въ парохіальномъ домѣ, а г. 1753 перенеслися до новой обители. Имена ихъ суть: О. Юанникій Скрипка, Игуменъ, — Леонтій Староста, Духовникъ, — Антоній Смолюко, Администраторъ парохіи, — Боиначій Грецула, — Амвросій Телепчикъ, Діаконъ.

Дѣло сооруженія обители довершилъ реченный Дмитрій Раць, записавши на сію цѣль 14 тысящъ флореновъ. Сей ревный Русинъ збудовалъ словимъ накладомъ и Мукачевскій монастырь, лишивши и на церковь тогоже значну суму грошей.

Графъ Каролій на выпосаженіе монаховъ Повчанскихъ, яко властитель сего села, передалъ всю свою посѣдлость, котора чрезъ розныи перемѣны перейшла; теперь по отбывшойся г. 1844 коммассаціи имѣніе монастыря состоитъ изъ 1083 морговъ (hold) земли, съ половиною доходовъ регальныхъ.

Стараніемъ иноковъ г. 1819 поднесено село Повчъ на степень града съ додаткомъ отъ здѣшной иконы Пр. Д. Маріи: „Марія - Повчъ,“ и данно свободимость на держаніе 4 ярмарковъ у родѣ.

По выразному желанію графа основателя обязаваши здѣшни иноки безплатно двѣ нормальніи класы учить, хотя теченіемъ времени заведено больше. Подъ давнымъ системомъ существовали обокъ нормальныхъ и двѣ грамматикальныи класы. Теперь же есть головное нормальное училище о 4 класы, и пѣвце-учительска предъуготовня, для мадаро-рускихъ приходовъ Епархіи Мукачевской, на которомъ послѣднемъ предписанныи предметы преподаваются не только на мадарскомъ, но и на рускомъ языкѣ, бо прихоятъ ту и рускіи молодѣцъ изъ Берегу, Угочи и Мармароша. Чинъ содержитъ училища сіи на собственномъ иждивеніи. — Навонецъ въ семъ монастыри имѣетъ чинъ св. Василя угорской провинціи сѣменище Св. Богословія съ двома профессорами — иноками, на которомъ предметы богословскіи выкладаются въ языкѣ рускомъ.

Анатолій Кралицкій.

~~XXXXXXXXXX~~

КОНКЛАВА

Полъ тымъ надписомъ сообщилъ Др. Е. Брехеръ Вѣденской часописи III. Haus und Familienbuch Heft 17, 1862 статью, якъ самъ каже, въ таку пору, коли о здоровью Е. Св. Папы римского все и все носится безпокои-

Ч. II.

20

тельна чутка, такъ що въ послѣдній часъ доносили о близкой сумной катастрофѣ и о предпринятыхъ въ Ватиканѣ мѣрахъ; впрочемъ додае, що сама старость уже недугъ небезпечный, для того о „конклавѣ“ (т. е. о соборѣ кардиналовъ для выбору папы) сообщае подробности, которыя перенялъ отъ одного авторитету, що побывалъ въ Римѣ тогда, якъ Пія IX. выбирали въ папы; еще же додае, що нѣкоторые погляды въ той статіи pochodять лише отъ особы упомянутого авторитету, но Др. Е. Брехеръ перемѣнилъ ихъ такъ що до вида якъ и до выраженія.

Тыи подробности займуть и нашего читателя. Чей мы положили великую, а майже единую надѣю на Его Святость Папу Пія IX. во власной нашей церковной справѣ; а еще же тую надѣю самъ Его Святость подкормилъ послѣднимъ своимъ Бревемъ; такъ намъ лачно ожидать какой перемѣны на римскомъ престолѣ, бо кто знае, въ какой стороны тогда бы напоръ перемогъ? Ино бы нашъ тую статію справно перевести, а тугъ дѣло неподрадное, бо треба переводити майже дословно; отже где-кто изъ нашихъ эстетиковъ выбачить, если погрѣшимо противъ складу русской рѣчи и неволю потелепаемъ деликатнымъ ихъ ухомъ.

Наперелъ говорится въ той статіи, що въ первыхъ трехъ столѣтіяхъ христіанской поры избирали папу: собранное духовенство и весь притомный народъ.*) Избранный папа платилъ каждочасному владѣтелю Рима „таксу инсталляційну“, котора не борше якъ за папы Григорія VII, по упокоренію цѣсара Гейнриха IV, зовсѣмъ устала.

Уже 1179 р. за Александра III. установлено на Латеранскомъ соборѣ, чтобы папу избирали кардиналы, чтобы избранный папа самъ побывалъ перше кардиналомъ, и що съ конклавою не вольно сообщатись ни писемно ни устно.

Въ сто лѣтъ потомъ (1274 р.) установилъ Григорій X. на Ліонскомъ соборѣ, що конклависты должны отъособнени быти въ окремихъ коморкахъ; и такъ буллами позивѣвшихъ папъ подѣлано ничіи установы, заприсяженъе кардиналовъ, приписано способъ, якъ отдавати голоса на карткахъ и т. п., доки способъ выбора не набралъ нмѣшного вида.

Черезъ девять дней и девять ночей звонять у великій звонъ капительный, который дае знати о смерти папы Римлянашъ и всему христіанству. Въ тую девяти-дневную жалобу (жалобныя ноны) молятся, отспѣвуютъ псалтырь и гонятся за — чисто свѣтскими орудками. Театръ, суды, училище затворени; бо скоро папа умре, кончится всякій урядъ, застоиваея всякое публичное дѣло и устае всяка публична забава.

*) „De plebis quae tunc adfuit suffragio et sacerdotum antiquorum et bonorum virorum collegio (Cyprian).“

Теократическое владычество переходит назад до св. Коллегии и до поры, коли оно въ полнѣ не соберется; доки конклава не распочнется, то кардиналь-коморничій (Camerlengo) будто голова царства, онъ дочасовый правитель, ба онъ бѣе даже монету со своимъ именемъ и знакомъ (гербомъ), и якъ кажутъ, не одна Еминенція похосновала отъ такой однодюшки (ефемерного владычїя).

Смерть папы надае и римскому народови якоеь право до владычества, именно народъ въ правѣ вооружиться, однако тое вооруженье народа зовсѣмъ безъ значенїя, оно бездѣльное и безцѣнное: справедлива забавочка. Скоро по смерти св. Отца, скликують „хоровители римского народа“ Совѣтъ Ста на капитоли; подъ ихъ предсѣдательствомъ вербуютъ около 200 мужа, дуже преданныхъ Ватиканови, строятъ зъ нихъ компанїю и надають имъ капитана зъ помежи найзнакомитшой дворянской родины римской. Прапороносца именуе самъ Камерленго. Головна квартира того зовсѣмъ невоенного войска въ самомъ капитоли; она розставляе въ 14 округахъ Рима свою стражу, кругле по мѣстѣ въ день и въ ночи и стереже Гетго и мосты; мостъ же архангелскїй стереже по давной привилеи княжескїй домъ Маттеевъ, который къ той цѣли ставитъ на томъ мостѣ купку людей въ своей либерїи. Вотъ, такое теперь вооруженье римского народа.

За полицейскими дѣлами смотреть (а лучше кажеся що смотреть) Сенаторъ Рима и Капрїоны, которые во всю пору конклавы у воротъ своего дому выставляютъ церковну хоругвь въ знакъ ихъ — ничества. Бо всё то ино показъ для ока: капрїонїй (начальникъ округа) въ самомъ дѣлѣ меньше значитъ нежели полицейскїй комисарь, а Сенаторъ Рима словно хинска тѣнь. Еще въ середномъ вѣку игралъ тотъ дѣдичъ древнихъ *patres conscripti* велику ролю. Яко напередовникъ и диктаторъ народа былъ онъ больше трибуномъ якъ сенаторомъ, а память *Brancasione d'Andolfia*, который розорилъ богато замковъ и такъ дуже много отбилъ упорныхъ головъ дворянскихъ, носилась долго въ сердцахъ римского народа полна любви и вдяки, межъ тѣмъ якъ дворянство вспоминало его имя ино ненавистно и съ перепудомъ. Потомъ однако за каждымъ столѣтїемъ все и все бѣльше менчилось значенїе сенатора, и мимо его золотистого убранства, мимо золотого ланцуха и слонно-костяной булавы, тотъ найвысшїй чинъ вѣчного города теперь ино простый Едилъ, що въ карнавалѣ распочинае конское бѣганье. Однако и такъ пѣдтята тога не достаетя кому низшому якъ ино вкому римскому князеви; его сѣдалище все еще на капитоли, а его три адъюнкты, также пышно приодѣтны, горлятся упомянутымъ титуломъ „хоровители римского народа.“

Ну, отже папа, сталося, мѣртвый; тая далеко-голосна чутка напрасно розбудила задревнѣлый Римъ зъ его сну и сильно подруляла тую заумершу махину. Розшамотанъ зъ оспалости, поднялся отразу весь народъ на ноги.

Однако было то ино пусте орудованье, безъ дѣла, безъ цѣли. Люди ходили и повертали, громадами ставали по публичныхъ площадяхъ: народъ, князи, черницы, купцы, Англички, Французы, Австрійцы, зашѣшь всякого стану, всякого народу.

Про умершого папу, ногорого тѣло еще зовсѣмъ не похолодило, ино мало гадали люди, а якъ желѣзо наворачаетъ къ магнету, такъ у всѣхъ наворачали гадки, подколени желаніями, пустолюбіемъ и ожиданіями всякого рода, на нового, на будущего папу.

И такъ на публичныхъ улицахъ стало обрадовати множество конклавъ; тутъ ванъ нарекли и скасовали хоть 20 папъ; якъ при картахъ або про яку англійску кандыбу бьются объ закладъ, такъ тутъ, на перекоръ булламъ Пія IX. ишли о закладъ про того абоничого кардинала, а тысячи ривализующихъ партій клопотались, щобы збагнути глубину того бесѣдливого моря и выхосновати про свои цѣли; Санфедисты, революціонисты, всѣ заграничны посланники, всѣ партіи орудуютъ тутки черезъ своихъ агентовъ, которы лѣзугъ собѣ въ дорогу, гдесъ-куда съ ударятъ себе носами, та розставляють лапанки, а знаючи, якъ хитро замасковати свою зашѣдку, загартуютъ толпы невидимыми сѣтями.

Такой характеръ публичныхъ площадей въ Римѣ въ тую пору межцарства и выбору; но въ Римѣ и по палатахъ иде живо. Таки сами лапанки, яки низка дипломатія клаетъ собѣ по улицахъ, и по салонахъ клаетъ высочайшая дипломатія. Всѣ Ексцелленціи, всѣ Еминенціи запустили свои загоны, ихъ кареты и ихъ выѣздовщики въ словномъ смыслѣ переходятъ собѣ дорогу и бороздятъ по громадахъ людей, ногоры предъ ними розступаются, а за ними назадъ засуваются, якъ Червоне море предъ и за Мойсеемъ. Заграничны посланники то справедливи Мойсеи папизма, а дальна звѣзда отъ ихъ дворовъ, що уже въ предвѣку ишли за Виолеемскою звѣздою, то огненный столбъ, що въ наши дни веде статокъ св. Петра; бо електорска республика въ Ватиканѣ, будьто бы яка новомодна еократична Польша, достае мудре слово зъ Вѣдня, Парижа, Мадриду и Лиссабоны.

Жалобны ионы уже покончились, конклава уже отъ осьми дней якъ распочалася, однако дотеперьшна еи работа еще дуже мацѣселька. Противны стороны, добре выладившись, уже попоставали противъ себе, но они еще покуда ино позоръ даюгъ, мѣркують свои силы, мѣрятся окомъ, вѣдь еще не взяли въ запашки; теперь то еще ино напады на око, ино маленьки схватки; треба силъ пощадити, якъ прійде до рѣшительного удару.

Маларія, котора въ горячу пору перелазить докольными стѣны Рима и вникае даже въ резиденцію духовного монарха, загнала тѣмъ разомъ св. Коллегію въ здоровѣйшу и продувѣйшу квиринальну палату, котора все

годна стати побѣчь Ватикана*); однако затарасованн за чегырма досчанныи стѣнами своихъ низкихъ и теплыхъ кѣтокъ, не могли св. избиратели ужитковити ни великомъ пространн той величнѣи палаты ни здороваго повѣгря въ величавыхъ ен огородахъ.**)

Затворенныхъ бывае все богато; конклава представляе свѣтъ въ малечивѣ: лекари, хирурги, бородобригваки, апотекари, камердинеры и пр.; ничего не бракъ; кромѣ того при каждой Еминенціи, для блага тѣла и для спасенія души, есть не ино свѣи секретарь, но также свѣи камердинеръ и свѣи исповѣдникъ.***)

Если конклависты уже разъ затворени, то имъ не вѣльно выхидити зъ кѣтокъ; а если выйдуть, то на того, чтобы тамъ бѣльше не вернути, бо переведенный выборъ папы надае имъ назадъ полу свободу. Вступаючи въ конклаву, складае каждый избиратель предписану присягу.

Полиція въ палатѣ поручена высокому свѣтскому официру, „маршалкови собора.“ Онъ жѣ въ палатѣ, стереже у себе все ключи, и лише у него одного право отвирати и затвирати кѣтки, у дверей которыхъ стоятъ швейцары на стражи. Первый „хоронитель народа“ подпомагае маршалкови въ его урядовомъ орудованьи, отже маршалокъ справдешный черберъ конклавы; его обовязкомъ переглядати каждого, кто ино вступитъ до палаты, ба щодень долженъ зондовати стравы, що идуть на столъ до каждого кардинала, чи не ма въ нихъ якого письма або билетика; бо стравы для Еминенцій не вартятъ на мѣстци, где собываеся конклава, ино у пекарни въ ихъ палатахъ.

Каждого дня, въ пору обѣду, выхидатъ слуги кардиналовъ зъ ихъ палатъ. Все стравы вложены въ великой бляшаной, пурпурно намазаной скринци; двое слугъ въ великой либерии съ помпою несугъ ю на ношахъ, также пурпурно намазанныхъ. Наперелъ стулае пѣшки двое слугъ съ булавами въ рукахъ, а по зади ѣде парадна карета Еминенціи, за-одно чи сѣдигъ

-
- *) Церковныи установы дозволяютъ кардиналомъ вызначити мѣстце для конклавы, котора однако майже все собираеся въ Ватиканѣ. (Hierarch Eccles.)
- **) Великии сали въ палатѣ (въ Ватиканѣ напр. sale ducale) перетворяютъ въ рядъ тѣсныхъ кѣтокъ, позбыванныхъ зо-смерековаго дерева, 10 стопной пространн; помежи каждую кѣткою находится на $\frac{1}{2}$ стопы пустого мѣстца; зъ каждой кѣтки веде мала лѣзница въ верхній отдѣлъ, куда почѣщени секретарь и исповѣдникъ каждого властителя кѣтки. Кѣтокъ такъ много, сила конклавистовъ, бажда обозначена числомъ, кардиналы достають ихъ собѣ лосаля. У каждой кѣтки зверху прибивають гербъ властителя, а въ сереринѣ обивають стѣны тельно волняною матерією. (Histoire des Conclaves.)
- ***) Каждый камердинеръ, который съ своимъ господиномъ былъ затворенъ въ конклавѣ, достае по переведеномъ выборѣ зъ кассы 400 лировъ и кромѣ того въ нагороду рынское мѣщанство безъ таксы. Секретары, майже все сердечѣишии повѣренники кардиналовъ и дуже хитрыи, оборотныи пересправники, производатъ дуже часто значительный впливъ на выборъ (Hist. des Conclav.)

кто въ ней або нѣтъ. Тыи кардинальскіи кареты съ тяжелою своею пышно-стью — одна изъ особенностей Рима. Карета намазана пурпурно — бо то краска церемоніальная, — а на четырехъ углахъ выстаетъ въ верхъ высокая массивна рѣзба, также пурпурно намазана; еще же до того безвкусна груба позолота, гербъ и части за-дуже свѣтова живописна роскраса: то все бѣльше казять якъ красить тыи кареты.

И такъ въ каждое полудне отбываются по Римѣ тыи готскіи походы, щобы покормити просвѣщенныхъ боябѣвъ. Тыи помпатичныи походы сунуть спокойно улицами и въ процессіи достигаютъ до предсѣнику палаты, въ которой кипить борьбою *) Римскій народъ, который, якъ его предки, дуже любеетъ въ пышныхъ выставахъ, николи не заспитъ тыи гастрономическіи церемоніи; по улицахъ, куда иде походъ, постае рядами и около полудня массами пхаеся подъ ворота конклавы.

Иначѣ церемонія, котора Римлянь также дуже надить, есть „Фумада.“ А зъ тою фумадою такое дѣло: избиратели идуть кажлого поранку и по полудни на скрутинію (т. е. до отдаванья голосѣвъ); тая формальность повтаряетъ такъ долго, доки которому изъ кандидатовъ не дѣстанутся двѣ третины всѣхъ голосѣвъ; по установѣ Александра IV. то число абсолютно потребное, щобы уходити за выбранного папу; доки на скрутиніяхъ не дѣйде до того числа, то поодавани картки каждого разу паять, а дымъ отъ нихъ пропускають горѣ долгои цѣвки (пурки), на котору Римляне зо двора довольно насмотрятся. Вотъ, то зовеся фумада.**)

Отже о каждой 2. и 5. години пропыхаетъ преогромна масса народа подъ мистеріозну палату; тутъ всѣ очи наворачтаются на оную пророческу цѣвку, и каждый, силующисъ умомъ, тревожно жде, якъ тамъ разрѣшатъ его долю; если цѣвкою выходитъ дымъ, то еще прійде будущій папа подъ выборъ; если же дымъ не выходитъ, то уже по выборѣ.

Такою новохотъ тяжко назвати пустолюбною и дѣтскою, такъ якъ новохотъ за церемоніями кардинальскаго обѣда. Папское паньство, що до его свѣтской правительной формы, все еще абсолютна монархія; для того каж-

*) У головныхъ воротъ конклавной палаты зладжены четыре протворы, въ которыхъ находится обертальныи колеса и на тыхъ колесахъ просувають стравы для догычного кардинала, при чемъ за каждыи разомъ выкликують имя того кардинала. День и ночь стоять тутъ стража, вызначена самыи маршалкомъ. (Brown.)

**) Формула, котору каждый кардиналь пише на своей выборовой карточцѣ, така: Ego eligo in summum pontificem Reverendum Dominum Cardinalem N. N. (Выбираю въ папы преп. Гна кардинала Нн.) Картку обвиваетъ кардиналь въ четыре обертки, на верхней пише свое имя и все запечатуетъ. Въ каплицѣ сядять избиратели по порядку на лавкахъ и держатъ свои картки въ рукахъ; потомъ иде каждый до престола, на которомъ стоитъ чаша, и въ тую чашу мече свою картку. (Hierarchia Eccles.)

дому важно знати, що за особа буде выбрана въ будущего владыку, бо папѣ яко свѣтскому владыцѣ годится еще нынѣ сказати такъ якъ Людовику XIV: „Панство — то я!“ Онъ стоитъ по-надъ правомъ и самъ онъ живое право; онъ пересмотриваетъ засады, касуе и ничижитъ приговоры, у него даже въ рукахъ право такъ званное *bessenale*.

Побачивши еще до того на сильну побужку интересу и на остре бодило пустолюбія (бо въ Римѣ майже каждый стоитъ въ связи съ якимъ кардиналомъ), то легко поняти, съ якимъ горячковатымъ а тревожнымъ усиленіемъ каждый вышѣряе очи на августальну фумаду.

Що же до самыхъ конклавистовъ, то держатъ ихъ на мотузку за-дуже короткомъ, чтобы не далося имъ вознаки. Постарѣвшимъ и слабовитымъ тяжко имъ обходитисъ безъ выгоды своихъ палатъ, до которой понавикали, а арештъ стане имъ часомъ такъ невыносный, що, повывставлявши свои чутливыи усики со всею силою своего быстроумія и намацавши богато докола, наконецъ напрасно согласятся и кинутся на одну злогадку, чтобы лише заблати дѣлу конецъ. Отъ того пошла италянска пословица: „Папа стане уже тогда, якъ кардиналамъ наувѣрится.“

Внутренній губернаторъ конклавы естъ великимъ маршалкомъ (надзирателемъ) палаты. Хотя затворникамъ по апостольскимъ сгатутамъ сурово заперечено зноситисъ съ по-за-палатою, таки могутъ они побочными дверьки (*aportello*) принимати визиты: все однако ино въ притомности четырехъ аудиторовъ (*auscultatori*), которые хотя не на руку, таки въ потребѣ также услужливы, а у нихъ то обовязкомъ контроловати шо кто говоритъ словомъ або лицемъ.

Особливый вступъ дозволенный посланникамъ заграничныхъ царствъ; понеже всѣ они черезъ смерть папы уходятъ за фактично откликаныхъ, то одинъ по другомъ съ помпою являеся, чтобы передати свое свѣже довѣрие письмо. Маршалокъ конклавы (маршалокъ церковный) вводитъ ихъ въ аудиенціональну салю и тутъ передаютъ они свою кредитиву Кардиналь-коморничому и тремъ кардиналъ — ореновымъ верховникамъ (*Ordensobere*), которые занимаютъ ихъ принятиемъ. Екцелленціи (посланники) постаютъ на колѣна, а Емиенціи стоятъ на ногахъ съ накрытыми головами, для того, бо, коли помежи ними въ ту хвилю находится будущій папа, кардиналы въ ту хвилю представляютъ собою такъ божеское величество якъ и свѣтское владычество.

Ореновыи верховники змѣняютъ себе взаимно каждого поранку въ своемъ высококомъ урядованью; чрезъ всю пору конклавы они справедливии представители духовного и свѣтского владычества Ватиканского; якъ кардиналъ-камерленго въ пору жалобныхъ новѣвъ, такъ тыи три мужа до самого wyboru папы владычють Римомъ и церковью.

Через весь тотъ часъ духовенство зъ цѣлого Рима затоплено въ молитвахъ; всякіи братства такъ духовными яхъ свѣтскіи не посидятъ, а ино ходять отъ церкви до церкви, щобы поклонитись св. дарзъмъ. Каждого утра собираются всѣ приходники Рима и жебрацкіи монахи въ церкви св. Лавра и идуть походомъ до конклавы, спѣваючи по дорожѣ литаніи до всѣхъ святыхъ. Такъ бывае щодень, доки не выберуть папу.

Во внутри конклавы также пѣдъ подобными церемоніями топлятся въ модебныхъ. Каждого утра, еще передъ скрутинією, огправляютъ въ каплицѣ Службу Божу до „Духа святого“, а по-полудни спѣвають „Царю небесный.“

Если же обняти цѣлу тую рѣчь однимъ взоромъ, то показуеся, що въ наши часы тую старобыгну выборону машину справляе „veto“ со стороны четырехъ католическихъ царствъ, которымъ прислужае право „ексклюзи“, а тое право такое, що одно царство може прогнати кандидата, предложенного другимъ ривализующимъ царствомъ, если тотъ кандидатъ, на области ожидающей политики, оказуеся або недоступнымъ для интересу первого царства, або еще и неприязнымъ. Такъ на пр. Австрія може прогнати французского, испанского и инчого кандидата, Франція же може прогнати Австрійского и такъ поперебънно. Но понеже каждый дворъ ино одинъ разъ може изречи свое „veto.“ такъ избератели неугрализуютъ тое право тѣмъ способомъ, що спершу дають свои голоса ино на таку особу, о которой напередъ знаютъ, що тиару на свою голову николи не возложатъ. Для того подсудаютъ они дотычнои партіи все тѣкого кардинала, о которомъ знаютъ, що овъ нелюбый дотычному дворови; если ѳттакъ тотъ дворъ (относно его посланникъ) возьме то за правду, илѣзе въ сѣтку и вырече свое veto, то уже процало его право, а того то ино и хотѣли; и на такой то тѣсной ограниченной области развивае старый геній Махіавеля и Сфорцы удивительну премудрость и перебъжность (Subtilität).

Бачна однако загранична дипломатія и пѣддержуе на безпечно связи даже среди самой св. Коллегіи. Сугъ у нея вѣрно преданыи кардиналы, а маршалокъ не такъ бачно стереже арешту, а „хоронители народа“ не такъ дробносточчо перегладаюгъ стравы, щобы повѣреники до отели князей землі, а билетики до клѣтокъ князей церкви не найшли собѣ безпечнои дороги.

Результатъ той тайной маневры бывае однако майже все одинъ и тотъ самъ и можно на безпечно предсказати, що побѣдигъ кардиналъ, неприналежній ніякой партіи, и що три-вершна корона, хотя черезъ долшій часъ уносилася то надъ тымъ, то надъ овымъ кардиналомъ, таки наконецъ опустится на таку голову, на котору доси никто не бачилъ и даже во сибъ не маячилъ о ней, и котора сама байдуже того ожидала; бо якъ Анзелмій, кардиналъ Петралийскій сказалъ былъ, що тиара вѣнчае ино неутральне чело и отъ того пѣйшла италіанска пословица: „Кто въ конклаву входитъ папоу, выходитъ зъ ней кардиналомъ.“

СОЧИНЕНІЯ И ИЗДАНІЯ

Николая Ивановича Костомарова.

Межи писателями, дѣйствующими на полѣ русской исторіи и публицистики въ Малой и Великой Руси, одинъ изъ самыхъ отличившихся есть Николай Ивановичъ Костомаровъ. Онъ, родомъ Украинецъ, былъ отъ самой юности соподвижникомъ великихъ соотчичей своихъ, Шевченка и Кулиша, съ которыми у-купъ составляетъ славное оное троєзвѣздіе, що яркимъ свѣтломъ знанія и воли сіея нынѣ для всей Малой Руси. За владѣнія Царя Николая Павловича, коли свѣтлу не льзя было свѣтати въ народахъ, заточено Шевченка въ Новопетровску, Кулиша и Костомарова въ Петро-Павловскую крѣпость, где послѣдній, томленный въ мокрой подземельной избочкѣ, за-рана потерялъ зоркость очей своихъ, на которыя уже и донныѣ больно страдае. Послѣ кѣлькохъ лѣтъ выпущенъ на волю, Костомаровъ, отличаясь основнымъ знаніемъ руской исторіи, получилъ за ходатайствомъ вліятельныхъ людей кафедру тогоже предмета на университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ, а оттуда призванъ въ г. 1860 министерствомъ народнаго просвѣщенія на профессора исторіи въ Петербургъ, где именно поднеслась слава его имени до значенія первыхъ авторитетовъ въ цѣлой Россіи. Замѣшательства въ Петербургскомъ университетѣ 1861 г., по поводу узавненія профессора Павлова и писателя Михайлова, понудили Костомарова послѣ трехкурговыхъ преподаваній отступить отъ учительской кафедры, и зъ той поры жіе онъ приватно въ Петербургѣ, посвящая труды свои въ головной вѣрѣ Матери-Украинѣ.

Що до словесныхъ сочиненій его, тіи суть, особливо для насъ Мало-Русинѣвъ, чрезвычайно примѣчательны. Первые труды его явились въ г. 1839 въ нарѣчій украинскомъ, которымъ писалъ онъ и пише донныѣ превосходно, бѣольшою частію подъ псевдонимомъ Іереміи Галки. Зъ г. 1842 началъ онъ писати и по велико-русски, а то слогомъ, въ которомъ явно пробиваются свойства плавной и легкопонятной бесѣды Мало-Русина. Изъ бѣольшихъ сочиненій науковыхъ найвысше оцѣняются его: „Богданъ Хмельницкій“, „Гетманство Выговскаго“ и „Сѣвернорусскія Народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада.“

Наводимъ тутъ списъ сочиненій и изданій Костомарова, якъ тойже составленъ нимъ же самымъ и помѣщенъ въ Журналѣ министерства просвѣщенія

I. Въ малорускомъ языкѣ:

1. Сава Чалый. драматическія сцены (1839).
2. Украинскія баллады (1839).

Ч. II.

21

3. Вѣтка. Собраніе стихотвореній (1841).
4. Переяславска нѣчь, трагедія (1841).
5. Розличныи мѣлкіи статьи и стихотворенія, напечатаныи въ сборникахъ: Молодикъ (1843), Снопъ (1846), въ журналѣ Основа (1861 — 1862) и въ Львовскомъ Словѣ (именно „Пѣвецъ Митуса.“ 1862).
6. Загадка (народная сказка въ драмат. формѣ). Основа 1861.

II. Въ росейскомъ языкѣ:

1. О значеніи уни въ Западной Россіи (1842).
2. Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи (1843).
3. Первые войны малоросейскихъ козаковъ съ Польщею (Молодикъ 1843).
4. Князья Острожскіе (Тамъ же 1843).
5. Мысли объ исторіи Малороссіи (Библ. для Чтенія 1846)
6. Славянская миеологія (1847).
7. Гетманъ Иванъ Свирговскій (Москвитяинъ 1855).
8. Горе Злосчастіе, древнее стихотвореніе (Современникъ 1856).
9. Борьба украинскихъ козаковъ съ Польщею до Богдана Хмельницкаго (Отечественныя Записки 1856).
10. Рецензія на книгу П. Кулиша : Записки о Южной Руси (Отеч. Зап. 1856).
11. Богданъ Хмельницкій. Два томы. (Отеч. Зап. 1857, потомъ отдѣльно въ 1858, вторымъ же исправленнымъ изданіемъ 1862).
12. Рецензія на книгу П. Кулиша „Чорна Рада“ (Современникъ 1858).
13. Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ (Современ. 1858, потомъ отдѣльно въ 1861).
14. Бунтъ Стеньки Разина (Отеч. Зап. 1858, потомъ отдѣльно въ 1859 г.).
15. Должно ли считать Бориса Годунова виновникомъ крѣпостнаго права въ Россіи (въ Архивѣ юридич. и практич. свѣдѣній Калачова 1858).
16. Рецензія на Архивъ Югозападной Руси (Отеч. Зап. 1859).
17. Сынъ. Историческій разскізъ („Архивъ“ Калачова 1860).
18. Рецензія на книгу г. Ламанскаго: „О Славянахъ въ Малой Азій“ (Архивъ Калачова 1860.)
19. Могильныя преданія (Современ. 1859—1860).
20. Начало Руси (Современ. 1860.)
21. Замѣчанія г. Соловьеву о козакахъ (Современ. 1860).
22. О козачествѣ (Современ. 1860).
23. Отвѣтъ г. Палалицѣ по вопросу о козакахъ (Соврем. 1860).
24. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI. и XVII. вѣкахъ (Современ. 1860—1861, потомъ отдѣльно въ 1861 г.)
25. Русскіе инородцы (Русское Слово 1860).
26. Мистическая повѣсть о Нифонтѣ. (Русское Слово 1861).

27. Рецензія на „Архивъ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній о Россіи Калачова“ (Русское Слово 1861).
 28. Объ историческихъ трудахъ Константина Аксакова (Русское Слово 1861, потомъ отдѣльно въ томъ же году).
 29. О федеративномъ началѣ въ древней Руси (Основа 1861).
 30. Черты южнорусской исторіи (Основа 1861).
 31. Замѣчанія по поводу мѣстной газеты Czas и журнала Revue contemporaine (Основа 1861, также въ Львовскомъ Словѣ 1861).
 32. Двѣ русскія народности (Основа 1861 и въ Льв. Словѣ 1862).
 33. Гетманство Выговскаго (Основа 1861, потомъ отдѣльно 1862).
 34. Правда Московичамъ о Руси (Основа 1861).
 35. Правда Полякамъ о Руси (Основа 1861).
 36. О значеніи великаго Новгорода въ древней русской исторіи (Отч. Зап. 1862).
 37. Иванъ Сусанинъ Историческое изслѣдованіе (От. Зап. 1862).
 38. Іудеизмъ (Основа 1862).
 39. Кремуцій Кордъ. (Драма изъ временъ римскаго императора Тиверія. 1862).
 40. Сѣвернорусскія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада. Два томы (1863).
- Сверхъ того небольшія статьи по разнымъ предметамъ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ въ теченіи 1861—1862. годовъ.

Редакція историческихъ литературныхъ и народныхъ памятниковъ:

1. Памятниковъ старинной русской литературы изд. графа Кумелевымъ Безбородко. Томъ 1-й (1860.) Томъ 2-й (1861.) Томъ 3-й (1862.)
2. Народныя пѣсни Волынской губерніи (Въ Малорос. сборнику изд. Мордовцевымъ. 1859).
3. Народныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губерніи (Лѣтописи русск. литер. и древи. Тихонова. 1862.)
4. Акты, относящіяся до исторіи Южной и Западной Руси, изд. археограф. комиссіею. Томъ III. (1862).

СОЧИНЕНІЯ И ИЗДАНІЯ

Антонія Стефанова Петрушевича.

Кго изъ Галицкихъ Русиновъ не знаетъ Антонія Петрушевича?

Онъ рожденъ 18. Января 1821 года въ селѣ Добрынахъ близъ города Стрыя, сынъ приходника Добрянскаго, Декана Стрыйскаго Стефана Петрушевича и Маріи рожденной Кайзеръ.

Окончилъ нормально-нѣмецкія школы въ городѣ Стрый въ 1833 году; гимназіальныя, философскія и богословскія науки въ Львовѣ 1845 года. Посвященъ въ священнической чинъ Преосвященнымъ Епископомъ Помпеополитанскимъ и Суффраганомъ Галицкой Митрополи Господиномъ Григоріемъ Яхимовичемъ 21. Марта 1847 года въ Львовѣ, и опредѣленъ въ должность сотрудника при Перегнскомъ приходѣ въ окрузѣ Стрыйскомъ; того же года 29. Сентября призванъ на придворного священника и Нотарія Митрополитическаго Уряда покойнымъ Кардиналомъ и Митрополитомъ Галицкимъ и Архіепископомъ Львовскимъ Господиномъ Михаиломъ Левицкимъ, при которомъ неотступно пребывалъ даже до смерти его, послѣдовавшей 14. Января 1858 г. Въ томъ промежуткѣ времени получилъ онъ 17 Января 1851 года титулъ и характеръ Консисторскаго Совѣтника; достославное Львовское Ставропигіальное Заведеніе грамотою своею отъ 14 (26) Октоврія 1851 причислило его въ почетнаго члена своего Соединенія; 14 Августа 1856 былъ онъ надѣленъ Новицкимъ приходомъ, стоящимъ подъ патронатомъ Его ц. к. Апостольскаго Величества; Всевысочайшимъ приказомъ ц. к. Апостольскаго Величества 15. Юлія 1857 года послѣдовало, на предложеніе Митрополией Львовской духовной Власти, произведеніе его въ почетнаго Каноника Львовскаго Митрополитическаго Собора Св. Великоученика Георгія.

По кончинѣ Кардинала и Митрополита Михаила отправился онъ въ свой Новицкій приходъ, заступленъ приватнымъ сотрудникомъ, занимался археологическими и библіографическими поисками по бібліотекахъ частныхъ лицъ и Монастыряхъ чину св. Василія, особенно же пересмотрѣлъ Архивъ и бібліотеку Львовскаго Митрополитическаго Капитула, тоже Черемышльскаго Епископскаго капитула и сдѣлалъ норидочное Описаніе въ послѣдней бібліотекѣ находящихся рукописей и актовъ; тоже отправлялся на Буковину для описанія древностей и рукописей, находящихся въ той области по всѣхъ *ромунскихъ Монастыряхъ*. Упомянутыя науки поѣздки, хотя при скудныхъ вещественныхъ средствахъ его предприняты, доставили весьма много матеріаловъ для отечественной исторіи и древностей.

Въ 1861 г. 3. Апрѣля избранъ въ выборномъ окрузѣ Калушскаго и Войнилоскаго повѣта на посла до Галиційскаго Сойма; наконецъ того же года благоволили Его ц. к. апостольское Величество высочайшимъ рѣшеніемъ отъ 17. Августа надѣлти Антонія Петрушевича достоинствомъ дѣйствительнаго Каноника Львовскаго Митрополитическаго Капитула при Соборѣ Св. Георгія въ Львовѣ, где онъ отъ введенія своего въ упомянутое достоинство 13. Января 1862 года теперь непрерывно пребываетъ.

А. Петрушевичъ сталъ уже съ молодыхъ лѣтъ съ большею ревностью заниматься отечественною исторіею, словенскими языками и древностями, и такъ, яко богословъ втораго года на Львовскомъ Университетѣ, сочинилъ въ 1843. г. на латинскомъ языкѣ первое большое разсужденіе подъ заглавіемъ:

De versione slavica Sacrae Scripturae, подавая въ немъ историческіи извѣстія о переводѣ священнаго писанія на древнословенскій и другіи словенскіи языки и о первопечатныхъ изданіяхъ библейскихъ книгъ. Впрочемъ сочинялъ онъ тогда и позднѣе стихотворенія на польскомъ и русскомъ языкахъ, изъ которыхъ много, безъ выставки имени Сочинителя было печатью обвародовлено, якъ на примѣръ: „*Братьямъ Галичанамъ*” (Зоря Галиц. 1848 N. 1.) „*Плачь русской Матери надъ блуднымъ сыномъ*” (Тамъ же N. 11.), „*Голосъ изъ Галича*” (Зоря Галиц. 1849. N. N. 51. 52.), „*Русская пѣсь воспыта Львовяниномъ въ радостное торжество славнаго прибытія Его Велич. Франциска Юсифа I. во Львовъ 10 Октоврѣя 1851 года*” (Зоря Галиц. N. 82), и другіи безъименно напечатаны сгихи. Но пригомъ непрестанно упражняясь русскою исторіею и древностями, завозванъ своими настоятелями и друзьями сочинялъ онъ различныи розсужденія въ предметъ исторіи русской Церкви, отечества, библиографіи и археологіи. Большая часть статей упомянутого содержанія встрѣчается съ подписью Сочинителя почти во всѣхъ нашихъ русскихъ журналахъ. Важнѣйшіи изъ нихъ суть въ предметѣ:

а) Археологіи.

1. *Представляетъ ли открытый истуканъ въ русль рѣки Збруча въ восточной Галиции, божка Святовита или Хорса?* Археологическій вопросъ предложенъ и рѣшенъ Іереемъ А. С. Петрушевичемъ. Напечатано въ Вѣстницѣ издаваемомъ во Вѣднѣ 1851. Статья состоящая изъ шесть отдѣленій продолжается чрезъ нѣсколько номеровъ.

2. *О чудотворной иконѣ Пресв. Богородицы находящейся въ костелѣ О. О. Доминикановъ въ Городѣ Львовѣ и польской легендѣ ея.* Зоря Галиц. 1851. N. N. 56. 57.

3. *Каменные развалины близъ села Урчьа, Стрыйского округа, суть остатки древняго русского города Тустань.* Зоря Галиц. 1854 N. 10.

4. *Древняя икона нерукотвореннаго образа Господа нашего Иисуса Христа съ старословенскою надписью (находящаяся въ Ватиканской базилицѣ въ Римѣ, извѣстная подъ именемъ иконы Св. Вероники). Въ Церковномъ Вѣстницѣ.* Будинь. 1858. N. 7.

5. *Уставная таможенная грамота Берладского князя Иавна Ростиславича съ 1134 года 20. Мая.* — Въ „Словѣ“ Львовск. 1862. N. 86.

б) Библиографіи.

1. *Подробное описаніе поминника Крестовоздвиженской Церкви Успенія пресв. Богородицы въ Львовѣ.* Зоря Галицкая 1851 отъ N. N. 67 до 72.

2. *О Русско-словенскихъ толковыхъ псалтыряхъ.* Церковная Газета. Будинь 1856. N. N. 8. 9. 10.

3. *Обозрѣніе древнѣйшихъ Евангельскихъ списковъ на старословенскомъ языкѣ.* Церковная Газета. Будинь 1857 N. N. 2. 3. 4. 5. 6.

4. (Письмо къ Редактору Церковного Вѣстника. Будинь 1858. N. 7.) *Новица въ Галиціи 18 (30) Августа.* Толкуеть о источникахъ для исторіи южнорусской Церкви.

в) Исторія.

1. *Słów kilka napisanych w obronie ruskiej narodowości.* Lwów. Gród Rusi Austrijackiej 1848 — in 8° 56 stron.

2. *Словене, ихъ древній жилища и образование между ними первыхъ словенскихъ государствъ.* — Семейная Библіотека. Львовъ 1855 N. 1.

3. *О Соборной Богородичной Церкви и Святителяхъ въ Галичѣ.* Съ приложеніемъ вида и плана нынѣшней Галицкой Церкви Рождества Христова, яко единственного памятника византійскаго стиля изъ XII. вѣка на Галицкой Руси. Зоря Галицка 1852, 1853, 1854. Когда дальше печатаніе упомянутого сочиненія въ Зорѣ Галицкой прекратилось, стала Галицко-русская Матица своимъ иждивеніемъ издавати тоже въ особой книжцѣ, подъ заглавіемъ „Галицкій историческій Сборникъ“, котораго первый и второй выпускъ вышелъ 1854., третій 1860. года въ Львовѣ; дальши выпуски еще послѣдуютъ.

4. *Краткое извѣстіе о Галицко-русскихъ Епископахъ и Митрополитахъ.* — Въ Семейной Библіотецѣ. Львовъ 1856 N. N. 9. 10. 11.

5. *Историческія извѣстія о древней Архимандріи чину св. Василія В. въ селѣ Уневѣ Золочевского округа.* Въ Пчелѣ. Львовъ 1849 N. N. 17. 18. 19. — Для прекращенія Пчелы едва пятая часть статьи была напечатана.

7. *Польша, Русь и Ромуны.* Очеркъ историческій. Пчела. Львовъ 1849. N. N. 1. 2.

6. *Словицкій женскій Монастырь чину св. Василія В. и его дѣвочье воспиталище.* Краткое историческое извѣстіе по грамотамъ и актамъ тогоже Монастыря сочиненное. — Зоря Галицкая 1851 N. N. 13. 14. 15.

8. *Краткая историческая роспись всѣмъ русскимъ Церквамъ и Монастырямъ, такъ уничтоженнымъ, какъ до сихъ поръ существующимъ въ престольномъ Червонорусскомъ городѣ Львовѣ.* Зоря Галиц. 1851 N. N. 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 86.

9. *Жизнь преподобнаго отца Іова основателя ставропигіальной Скитской обители чину св. Василія В. списана современникомъ Іеромонахомъ Игнатіемъ изъ Любарова.* (Ризваины сей насильно уничтоженной обители находятся близъ села Мниавы въ окрестъ Станиславовскомъ въ Карпатскихъ горахъ. Игумень Скитской Крестовоздвиженской обители писася Протомъ въсѣхъ Монастырей Червоной Руси въ XVII. вѣцѣ. Подробное описаніе жизни основателя сей обители Іова, постриженца Аѳонской Горы, подаетъ весьма ва-

жныя матеріалы для Церковной исторіи южно-западной Руси, особенноже чину св. Василия на русскихъ земляхъ). Напечатано въ Зорѣ Галицкой яко Альбумъ на годъ 1860. стр 225—251.

10. *Иосифъ Шумлянскій первый Львовскій уніятскій Епископъ*. Галичанинъ 1862 I. стр. 117.

11. *Историческій очеркъ о состояніи польского народа*. (Памятникъ изъ конца XVIII вѣка.) Тамъ же стр. 124.

12. *Акта относящіеся до затвержденія Капитула Львовского епископского Собора*. Тамъ же 134.

Кромѣ выше приведенныхъ статей и большихъ розсужденій писалъ А. Петрушевичъ много иныхъ; нынѣ пишегъ онъ политическо-историческіи статьи до журнала „Слово,“ безъ выставки своего имени, хотя удобно замѣчаемы своимъ содержаніемъ и чисто-русскимъ слогомъ.

Но на томъ кажется не окончилась уже литературная дѣятельность А. Петрушевича, ибо сообразивъ тое обстоятельство, что онъ съ 1862 годомъ переселился въ Львовъ, где ему доступными сугь Архива и бібліотеки, доставляющіи потребныи пособія, и притомъ собралъ уже богатый матеріалъ для исторіи нашего отечества, русской Церкви, особенноже южнозападныхъ Епископствъ и Монастырей, то же для исторіи славѣйшихъ русскихъ родовъ, не менѣе для исторіи древнорусской словесности, и вообще русскихъ древностей, можно надѣяться, что онъ, о сколько ему занятія и дѣла его званія позволятъ, обогатитъ южно-русскую словесность еще важными монографіями въ пользу русской исторіи по различнымъ вѣтвямъ ея. Впрочемъ на мѣстѣ томъ, не можно промолчати того, что А. Петрушевичъ уже посѣщая гимназіальными школы въ Львовѣ стоялъ въ близкихъ сношеніяхъ съ историографомъ Галицкой Руси, покойнымъ Денисомъ Зубрицкимъ, пользовался его богатою русскою бібліотекою, и потомъ помоществовалъ тому же при его историческихъ изслѣдованіяхъ, для чего послѣдній въ своей *Исторіи древняго Галицко-русского Княжества*, не обинивался назвати его „*проницательнымъ испытателемъ историческихъ древностей.*“ Яко знатокъ и любитель словенскихъ древностей, имѣгъ А. Петрушевичъ въ своей бібліотекѣ большее собраніе старословенскихъ рукописей и старопечатаныхъ книгъ и важныхъ сочиненій для русской исторіи и словенской филологіи.

Наконецъ надо замѣтити, что А. Петрушевичъ при своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ по отечественнымъ источникамъ, не оставялъ обращати свое вниманіе за ходомъ словенской филологіи, и основно изучати русскій языкъ, сравнивая его такъ съ древнословенскимъ языкомъ и всѣми словенскими нарѣчіями, якъ и индоевропейскими языками, въ слѣдствіе чего составилъ онъ *Корнесловъ словенорусского языка*, самое богатѣйшее сокровище всѣхъ словенскихъ нарѣчій, сведенныхъ въ одно цѣлое по своимъ корнямъ. Сочинитель упомянутого Корнеслова занимается подробнымъ изслѣдо-

ваиешъ всѣхъ нарѣчій разныхъ словенскихъ языковъ, особенноже малорусского, и такъ употребилъ до сихъ поръ мало изслѣдованный, хотя богатый словенскія областныя нарѣчія, тако же и топографическую номенклатуру словенскихъ земель и собственныхъ словенскихъ именъ, встречающихся въ исторіи словенскихъ народовъ. Такимъ способомъ приобрѣлъ онъ весьма богатый филологическій матеріалъ для сравнительнаго изученія словенорусскаго языка, и тѣмъ же для разъясненія темныхъ мѣстъ древней исторіи словенскихъ племенъ и словенской филологіи. Упомянутый Корнесловъ, списанъ на отдѣльныхъ картахъ, въ осмью долю листа, обнимаегъ 30 томовъ, хотя число чисто-словенскихъ корней, съ исключеніемъ иностранныхъ словъ, не доходитъ до восьмисотъ.

Подавая тотъ краткій очеркъ трудовъ и упражненій А. Петрушевича, не можемъ на мѣстѣ томъ не изъявити наше благодареніе тому же, за доставленны намъ нѣкоторыя данныя для біографіи его.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Рускія учебники для низшихъ и среднихъ школъ восточной Галичины печатаются правительственнымъ накладомъ подъ зарядомъ особенной ц. к. Дирекціи школьнаго книгоиздательства въ Вѣднѣ. Таа то Дирекція школьнаго книгоизд. дѣйствуетъ отъ времени Маріи Тересіи зъ 1772 въ пользу просвѣщенія народнаго, занимаясь печатаньемъ школьныхъ книжокъ для всей Австріи, съ изытіемъ Угорщины и Чехъ, где особныя книгоиздательства того рода зъ-двна уже существуютъ. По министеріальному роспоряженію зъ 4. Дек. 1856 и 2. Дек. 1858 обязана тааже Дирекція еще и бесплатно роздавати убогимъ ученикамъ трехъ первыхъ класъ въ школахъ народныхъ часть одну изданныхъ нею книжокъ, именно 25. отсотку загаллон дѣяности проданныхъ въ одноѣ роцѣ учебниковъ. — Для рускихъ народныхъ школъ въ Галичинѣ издавались до 1848 года даякіи маленькіи букваря во Львовѣ, отъ года же 1848 печатаются учебники рускіи школьнымъ книгоиздательствомъ въ Вѣднѣ. Сихъ послѣднихъ наводимъ тутъ полный списокъ ведля каталогу, изданнаго тѣмъ же ц. к. школьнымъ книгоиздательствомъ (въ Вѣднѣ 1863 года).

I. Изданія Вѣденскаго книгоиздательства.

Учебники для школъ народныхъ и головныхъ (изд. отъ 1848 до 1863 года.)

1. Малый катихисизъ съ вопросами и отвѣтами, для малыхъ дѣтей. Цѣна 6. кр.

2. Катихисмъ или наука хрістіанско-каѳолическаго богочестія, въ вопросахъ и отвѣтахъ. 25 кр.

3. Великій катихисмъ или наука хрістіанско-каѳолическаго богочестія, основана на правилахъ и законахъ святой церкви каѳолической восточнаго обряда. 28 кр.

4. Апостолы и Евангелія на весь годъ Недѣлямъ, Праздникомъ и памяти Святыхъ, по уставу святыхъ восточныхъ каѳолическихъ церкве. 32 кр.

5. Повѣсти біблскія изъ писма святого старого и нового завета. 52 кр.

6. Букварецъ. (табличка). 2 кр.

7. Букварь для школъ народныхъ въ австрійской державѣ. 17 кр.

8. Букварь съ малымъ катихисмомъ для школъ народныхъ въ Цѣсарствѣ Австріи. 21 кр.

9. Руска первая языкоучебна читанка для другого отряда школъ народныхъ въ цѣсарствѣ Австріи. (Составилъ А. Добрянскій) 27 кр.

10. Руска друга читанка для третёго отряда школъ народныхъ и городскихъ въ цѣсарствѣ Австріи. (Составилъ Б. А. Дѣянцкій) 27 кр.

11. Читанка для третёго отряда въ сельскихъ школахъ въ цѣсарствѣ Австріи. 39 кр.

12. Обязанности подданныхъ къ своему монарху. 6 кр.

13. Нѣмецкій букварь для школъ народныхъ. 16 кр.

14. Практична грамматики нѣмецкаго языка. Часть первая, для третёго отряда городскихъ и головныхъ школъ. 46 кр.

15. Практична грамматики нѣмецкаго языка. Часть вторая, для четвертого отряда городскихъ и головныхъ школъ. 47 кр.

16. Нѣмецкій букварь для другого отряда першого отряда въ мѣстскихъ школахъ. (Давнѣйшее изданіе) 7 кр.

17. Грамматика нѣмецкаго языка для студентѣвъ першой и другой классы. (Давнѣйшее изданіе.) 35 кр.

18. Практична грамматики нѣмецкаго языка для третёго и четвертого отряда городскихъ и головныхъ школъ. (Давнѣйшее изданіе) 53 кр.

19. Книжка упражненія въ науцѣ счетанія для школъ сельскихъ 23 кр. (Современно печатаются: Книжка упражненія въ счетанія для третёго отряда, и друга для четвертого отряда.)

20. Книжка упражненія въ науцѣ счетанія для учениковъ III. и IV. отряда школъ народныхъ. 34 кр.

21. Правило и образцы рускаго краснописанія въ пользу школъ народныхъ. 79 кр.

22. Сиванія и ядовитія губы въ ихъ найважнѣйшихъ видахъ. (Перевелъ съ нѣмецкаго Дръ В. А. Волянъ) 40 кр.

23. Поученіе для каѳолическихъ душъ-пасырей въ ихъ отношеніи къ народній школь, въ краяхъ Угорціи, Хорваціи и Славоніи, Сербскій Воеводина съ Темещкимъ Банатомъ и Семиградъ. 5 кр.

24. Наставленіе для мѣстнаго надзирателя школы. 2 кр.
25. Провизоричное поученіе для каѳолическихъ школьно-обводовыхъ надзирателей. 6. кр.
26. Книжка вспомогательна къ употребленію букваря и первой языкоучебной читанки школъ народныхъ каѳолическихъ. 27 кр.
27. Методика счтанія въ умѣ въ связи съ численными заданіями упражненіями, для 1. отряда школъ народныхъ. — Для учителейъ и кандидатовъ учительства. 34 кр.
28. Методика счтанія цифрами. 39 кр.
29. Новая австрійска валюта, обще-понятно выложена. 8 кр.
30. Читанка руска для учениковъ школъ повторительныхъ. Часть первая. 77 кр.

Учебники для низшихъ школъ реальныхъ:

32. Наставленіе къ рахованію или счтанію для первого отряда нижшюй реальной школы. 42 кр.
33. (Geometrie mit eingeschalteter Terminologie in ruthenischer Sprache. 62 кр.)
31. Галерія святыхъ образовъ къ улегшенію обученія въ школахъ, церквахъ и домахъ, подля нѣмецкаго сочиненія князя-епископа Бриксенскаго Бернарда Галуры. (Кождыхъ 100 образковъ подля выбору стоитъ 1. р. 40 кр., каждый поединокій образокъ 2 кр.)

Учебники для школъ гимназіальныхъ:

34. Руска читанка для нижшюй гимназіи. Часть первая. (Составилъ В. Ковальскій) 72 кр.
35. Начальное основаніе звѣрословія, соч. В. А. Волянъ. 51 кр.
36. Начальное основаніе рослинословія, соч. В. А. Волянъ. 58 кр.
37. Первіи понятія о царствѣ ископаемыхъ, соч. В. А. Волянъ. 58 кр. (Современно печатается: Словарь нѣмецко-рускій и руско-нѣмецкій.)
38. Хрестоматія церковно-славенская и древне-русская. (Составилъ Я. Ѳ. Головацкій 1 р. 32 кр.)

II. Изданія русской Матицы.

Кромѣ сихъ выше наведенныхъ, школьнымъ книгоиздательствомъ въ Вѣднѣ напечатанныхъ учебниковъ русскихъ, изданы еще и Рускою Матицею въ Львовѣ гляекии книжки, которыми за соизволеніемъ в. Правительства заводятся въ школахъ гимназіальныхъ восточнои Галичины. Тѣи суть:

39. Грамматика рускаго языка. Соч. Я. Ѳ. Головацкаго. 1849 г. 50 кр.
40. Слово о полку Игоря Святославича. Изд. И. Гушалевича 1851 г. 15 кр.
41. Учебная книга каѳолическаго вѣроученія для высшюй гимназіи. По Дру К. Мартину составилъ Л. М. Цыбыкъ. Часть втора 1861 г. 1 р. а. в.
42. Учебная книга каѳолическаго правоученія для высшюй гимназіи. По Дру К. Мартину сост. Л. М. Цыбыкъ 1861 г. 80 кр.

43. Исторія церкви Христовою для высшей гимназіи. По Дру Феслеру сост. Л. М. Цыбыкъ. Часть первая 1862 г. 90 кр.

44. Исторія церкви Христовою — для высшей гимназіи. Сост. тотъ же. Часть вторая. 1862 г. 1 р. 10 кр.

45. Библейская священная Исторія ветхого Заѣта. Сост. Л. М. Цыбыкъ. Часть первая. 1863 г. 1 р. 30 кр.

46. Библейская св. Исторія нового Заѣта. Сост. тотъ же. Часть вторая. 1863 г. 1 р. 30 кр.

(Современно печатается тогоже автора: Учебная книга кае. вѣроуче нія Часть первая.)

47. Литургика церкви греческо-каеоличѣской. Учебная книга для школъ середнихъ въ державѣ австрійской. Соч. М. Ѳ. Попеля. 1862 г. 90 кр.

(Ещежъ выдала Матиця руска въ 1849 — 1850 г. Букварь и Читанку (М. Щашкевича), которы то обѣ книжицы служили черезъ кѣлька лѣтъ учебниками въ школахъ народныхъ, — но ихъ накладъ нмыѣ цѣлкомъ уже вычерпался.)

III. Изданія Ставропигійского Братства.

Также Братство Ставропигійское во Львовѣ, занимавшееся еще передъ 1848 г. издаваньемъ букварей и поменьшихъ учебниковъ для давнѣйшихъ сельскихъ школокъ, не оставляло сего занятія и послѣ 1848 г., выдавши кѣлька учебниковъ, которы высокимиъ Правительствомъ тоже для школьного выкладу суть дозволены. Учебники тѣи суть:

48. Руско-славенскій Букварь во употребленіе рускаго юношества (Два изданія, зъ которыхъ существуетъ лишь второе зъ 1857). 18 кр.

49. Числыло або снарядъ до узмысловленя науки рахункѣвъ зъ памяти. 1862 г. 15 кр.

50. Примѣрники руской скорописи для учащейся молодежи. 1863 г. 25 кр.

(Братство сіе Ставропигійское получило зъ разрѣшенья високого Правительства г. 1862 исключное право, учебными книжки для школъ руско-народныхъ въ Галичинѣ выдавати, — однакожъ дотеперь пользуется тымъ исключнымъ правомъ заедно еще ц. к. Дирекція школьного книгоиздательства въ Вѣднѣ, а зъ того поводу провадитъ Ставропигія переговоры съ высокимиъ Правительствомъ.)

IV. Изданія частныхъ лицъ.

И частныи лица занимались изданіями учебныхъ книжокъ, которы за дозволеніемъ Правительства упогребляются въ нашихъ школахъ. Такъ именно:

51. Граматика рускаго языка Юсифа Лѣвницкаго, изданна въ Перемышли и бывшая черезъ кѣлька лѣтъ въ употребленіи по нѣкоторыхъ гимназіяхъ.

52. Граматика рускаго языка Михаила Осадцы, изданна самымъ авторомъ во Львовѣ 1862 г. и заведена теперъ для преподаванья въ гимназіяхъ. Ц. 1 р. 20 кр.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	Стр.
ПОЕЗІИ. <i>І. Яковича Д. До Двѣстра.</i>	3
<i>М. О. Попеля:</i> Жалобный стихъ погасшему другу. Дружба, гостинность и пѣнье	4—7
<i>П. Кулиша:</i> Кінець Дунайської Думи	7
<i>А. Я. Кониського:</i> Загублена душа (баллада)	8—11
<i>Ө. Верниволь:</i> До родини. Усе плаче. Пѣсня. Не призывайте всеу Бога. Не вѣрю клятвѣ я раба. До В. В. Лободы. На смерть Я. Г. Кухаренка. Журба. Шокрышка Сирота. Очи. Самъ до себе. На прощанье. Моя любовь	11—16
<i>А. И. Павловича:</i> Пѣснь бывшего подданого. Бурлакъ	16—17
<i>И. Воробкевича:</i> Думки изъ Буковины	18
<i>Спѣванки Гуцуловъ:</i> Про зясенье панщины. Про войну въ Угорщинѣ	19—20
ПОВѢСТИ. <i>И:</i> Школяръ, розказъ Гриця Саламахи, реентого и писателя наукъ изъ Цапова (Конецъ)	21
<i>А. Кралицкого:</i> Казнь неба	57
<i>Ө. Верниволь:</i> Пропация люде	60
ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА. <i>Я. Ө. Головацкого:</i> Порядокъ школьный или Уставъ Ставропигійской школы во Львовѣ 1588 г.	69
<i>А. Д. зъ Валды:</i> Состояніе Епархіи рускои Перемыской передъ стома лѣты	79
<i>О. П. Р.:</i> Увага на статью: „Выводы о початку имени — Русь“	87
<i>А. Ө. Головацкого:</i> Письмо о галицко-русской словесности Профессора Михаила Максимовича	107
<i>Өеодора Лысяка:</i> Дѣдъ-импровизаторъ	114
О ПѢНІЮ МУЗИКАЛЬНОМЪ. Соч. <i>М. В-ого зъ М.</i>	136
О ШКОЛАХЪ народныхъ въ Угорщинѣ, <i>Григорія Бескида</i>	141
О УКРАИНѢ мѣнїе двоухъ польскихъ часописей. Кореспонденція <i>Л. Л-а изъ Праги</i>	145
ШИЗМА И МОСКВА. Кореспонденція <i>Ст. К. зъ Галицкого Воляня</i>	147
ОПИСЪ монастыря Маріа-Повчанского Чина св. Василя В. въ Уграхъ. Соч. <i>А. Кралицкого</i>	150
КОНКЛАВА. статья изъ Вѣденской часописи <i>III. Haus und Familienbuch</i>	153
БИБЛІОГРАФІЯ. Сочиненія и изданія <i>Н. Костомарова</i>	161
Сочиненія и изданія <i>А. Петрушевича</i>	163
Школьная библиографія	168

ПОСЛАВІЕ ШКОЛѢ.

Въ товоленіемъ эта чѣца, и сопоствѣшеніемъ въ
Ермноронато, это сна, и въ створамъ Спато
Аха, въ то словеніемъ же совѣто и пове
леніемъ стѣшато Іоанніа Патриархи
великоа Антисохіа, Киликіа, и Беріа,
Сиріа, и всего востока Слѣца, съшѣ
емъ же въ графѣ Льовѣ ро : а : ф : п : з
мѣца : је : а : р : н : а : .

Совершеніемъ же и утвержденіемъ всеяснаго
Патриархи Іереміа, Архиепископа Констан
тино поли Новато рима, и всего фронѣ великия
цриве Константинополиа, ро : а : ф : п : и : .
Составиша зѣмше въ графѣ Льовѣ, при Храбѣ
Зстеніа претистина Іѣна Матере, Третеснаго
и Славескато писаніа, потинѣ Свѣтѣ Ботононѣхъ
вѣцѣ, православіа Третеснато, великоа поли
стѣ, стараніемъ же и намазюамъ всего Браства
Лво вснато, Храма Зстеніа претѣпѣнѣ Іѣца, и все
постоитѣто народа Россійского, да феіаго зѣоти
вдовѣцѣ, промышлюти и вснѣкомъ недостатѣ
законоу наѣни, нехрѣвѣ елѣ поубижающе, про
тивнѣ же зѣта затрафающе, даѣне ѡ сѣрѣ рлоу
вѣ изаѣни вшесѣ, вѣтѣ натаю вострѣнѣти, и по
все Брастѣи Стѣно, распро Странѣти сѣ .

ГАЛИЧАНИНЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

издаваемый

Богданомъ Андреевымъ Дедицкимъ.

КНИГА I.

Выпускъ III. и IV.

Л Ъ В О В Ъ .

Типомъ Института Ставропигійскаго.

1863.

 Бывшій досель соиздатель нашего „Галичанина,“ ВПр. Г. Проф. Яковъ Θεодоровичъ Головацкій, принужденъ былъ отъ дальшого издательства уступить, понеже въ теперъшнихъ, для обряда нашего не дуже потъшнихъ временахъ ему опасно прихотилобъ иногда отвъчательность пріймати за гдеякіи обрядовыи статьи передъ тою властію, отъ которой онъ, яко Священникъ, въ спеціальной стоитъ зависимости. Мимо того однакъ сотрудіе его для „Галичанина“ на будучность ніякъ не прекращается.

Б. А. Дьдицкій.

НАМЯТНИКЪ НАГРОБНЫЙ.

въ часть посѣщенія гроба

Его Превосходительства

КУРЬ

ГРИГОРІЯ ЯХИМОВИЧА

Митрополита Галицкой Руси

упокоившагося дня 17. (29.) Мая, года 1863 въ Львовѣ.

И пѣматъ его отъ рода въ родъ.
(Псал. 101.)

Въ нѣмой печали, въ сумномъ задуманью
Номежи гробы мертвыхъ поступаю,
Въ глубокой тузѣ, тяжкомъ ваздыханью
Могилы моего Владыки глядаю.

И чуй! гробовый вѣтеръ ся зрываетъ,
Якбы покойныхъ збудилися дусы,
Гомонъ озвался: „Ту! ту! почиваетъ
Отець Г р я г о р і й, Архіерей Руси!”

И страхъ обнявъ мя, члены задрожали,
Колѣна гнутся, лице на гробъ впало,
Руцѣ сами ся ко молитвѣ сложили,
А сердце тяжело тужити почало:

Владыко рускій! Пастырю предивный!
Надежде наша, гордосте и славо,
Всѣхъ дѣтей русскихъ Отче незабвенный,
Нашого житья поранку, начало!

Учителю благій! сладкій Наставниче!
Младенцевъ друже, старцевъ потѣшенье,
Сиротъ и вдовицъ ревный защитниче,
Вѣры и Руси славне воскресенье!

Ахъ, чожъ такъ скоро съ лягъ до сей могилы,
Чо съ насъ оставилъ въ тяженькой печали,
Коль мы Тя сердцемъ цѣлымъ возлюбили,
Колѣ съ Тобою но жити почали!

Тажъ мы на Тебе столѣтія ждали
Якъ на Мессію утисненный родъ,
Но ледво Тобовъ тѣшитись почали, —
Ты уклонился въ сей студеный гробъ.

Судьбо небесна! чого такъ играешь
Тымъ несчастливымъ народомъ на свѣтъ,
Далась намъ Отца и зновъ отбераешь,
Щобъ сиротами остались на вѣки?!

Онъ былъ намъ Пастырь добрый — а мы дѣти,
Онъ возлюбилъ насъ — мы го возлюбили,
Онъ просвѣтилъ насъ — мы начали зрѣти,
Онъ воскресилъ насъ — ахъ, и мы отжили!

Отче! колисьмо вѣками вмерали
И вѣра гасла и народный цвѣтъ,
Колисьмо въ долгой неволи стогнали,
Богъ на насъ забувъ и люди и свѣтъ:

Тогда явился Ты намъ избавитель
Мудрый, постоянный, святой, милостивъ,
Доткнулся мертвыхъ, мовь міра Спаситель,
И погибшій народъ къ житью пробудивъ.

О тогда вѣ сыны рускіи востали
На голось Отца: „Дѣти! жатвы часъ!
Солнце высоко, а вы задрѣмали, —
Богъ намъ допоможе! а-ну дѣти вразъ!“

И зри! якобы небесная сила
Къ працѣ подвигла цѣлый рускій родъ,
Спѣшно ся нива плодами стелила,
Старцы съ юношами ишли въ заводъ!

Дикіи нивы въ жизни съ обрацали,
Въ народну красу погорѣлица,
Для русскихъ сыновъ фонды воскресали,
Младенцей — дѣвщцѣ воспиталица.

Яко бо звѣзды коло яснои луны
Явились съ Тобою народны свѣтила:
Вѣры защитницы и наукъ звѣстуны —
И чудомъ руска народность зацвила!

Ахъ, скорбей нашихъ бувъ есь потѣшитель,
Отъ кривдъ и гоненій Ты насъ заступавъ,
Бѣдныхъ, несчастныхъ бувъ есь покровитель,
Сиротъ и вдовицъ слезы съ обтеравъ.

Отче! колисьмо къ Тебѣ приходили
Жалѣти нужду, кривды и печаль;
А устна сладко къ намъ заговорили
И окомъ ласкаво съ на насъ поглядалъ,

Коли мѣ лагодность, святоеть Твою зрѣли,
Мудрость, справедивость, сердця доброту:
Ахъ мы Тобою съ уже насладили
И счастливы вертали въ нашу нищиту!

И дѣла Твои свѣту ся явили,
Миръ возлюбилъ Тя, а мы величали,
Ници въ молитвахъ жертвы приносили,
Вдовицы нозѣ слезми умывали! — —

Но Ты скончался! — свѣтлость солнца згасла! —
Пораженъ Пастырь! — овцы зарыдали! —
Завѣса съ роздерла — земля ся струсла —
А отцы Руси въ гробахъ застогнали!

И скорбь рознеслаеь зъ западъ до востока
На вѣсть ужасну: „Григорія нѣтъ!“
Пастыри збѣглись мовъ на смерть Пророка,
А любовь руска здивовала свѣтъ!

И вѣрны прійшли съ прапоры, крестами,
Русь не мѣстилась въ князей своихъ градъ,
Старцы боролись съ своими внуками
Нести ко гробу мощей Твоихъ складъ.

А пѣвцей гласы сердця розрывали,
Яко бѣ послѣдній минулся Отець,
И звоны церковей ужасно стогнали,
Яко бѣ Мессии звѣщали конецъ!

А когда въ гробъ сей моци Твои клали,
„Вѣчная память” сягало Небесъ,
Вѣрны рызъ Твоихъ концы урывали,
Щобъ чудотворца дознати чудесъ! —

И вопль — и жаль — и плачь — тоска велика,
Яка не была отъ начала Руси;
Бо померъ большій, святѣйшій Владыка,
Якимъ вѣрнымъ просвѣщали доси! — —

Тому такъ тужимъ и будемъ тужили,
И рускимъ нашимъ перекажемъ сынамъ:
Бы Ты во книги Святыхъ умѣстили
И славу Твою передали вѣкамъ! —

Ахъ тому и днесъ вѣрный Твой рыдае
И гробу Твоему сердца жаль жертвуетъ,
Отче! онъ Тебѣ въ слезахъ сихъ звѣщаетъ,
Що кожде сердце на Руси чувствуетъ! —

О прійми стихъ сей въ памятникъ нагробный,
Котрого творитъ вѣрный Твой служитель,
До Тебе молюсь Духу Преподобный:
О будь и въ Небѣ Руси покровитель!

Умоли Бога, Спасителя міра,
Дабы рукъ Твоихъ благословилъ плодъ,
Дабы не гасла народность и вѣра,
Дабы нашъ рускій не погибалъ родъ!

Пошли намъ Отца съ Твоими свойствами,
Котрый бы духа, сердце Твое малъ,
Щобъ проживъ — якъ Ты! въ любовь межи нами
И дѣло Твое счастно продолжатъ! —

Алексей Заклинскій.

СМЕРТЬ.

(Душа Петра Прерадовича,
из хорватского).

Надъ всѣ силы найстрашнѣйша сило!
Ты едина постоянность въ свѣтъ,
Западъ міра, слезъ его точило,
Правда насаждена на всѣ вѣки,
Отвѣчного ладу тайный слогъ,
Мечъ сѣкущъ руками творческими,
Власть верховна всюда и надъ всѣми,
Надъ тобовъ жесамълишь то́лько Богъ.

Незмѣрность тче тобѣ прапоры;
Всю твердь неба, всѣ гугуень сѣтъища,
Теплыя моря, верхоблачны горы,
Червь и чоловіка Боговъща,
Все займае твоего сѣрпа мигъ.
Всѣ созданыя суть тобѣ рабами,
Всѣ просторы свѣта — кладбищами,
Всюда дыше твой въ всебытью дыхъ.

Средь Вселенной мчишь и обалаешь
Вѣкъ ей тайный въ времена нѣмїи;
Разореньемъ бытыя сотворяешь
Путь новый, помершннѣ свѣтъ надѣи.
Все, що спить подъ снѣию гробовъ,
И шо въ хвили нынѣшной бывае,
Шо въ будущей хвили быти мае,
Было, есть, и буде твой половъ.

Отколи природа вѣкъ свой смие,
Все и тѣнь твоя скрѣзъ ню морочить;
Где ей нѣдро кольцо яке клеюе,
Где животь яка ей болѣзнь точить,
Тамъ и свѣта снѣтитя твоя.
Животворного лица ей зора
Налицуюсь темно, и опять змора
Всего плода ей грызе житя.

Надъ всѣми миромъ свѣта ты розвила
Черный шатеръ твоего пановинья,
Подъ нимъ тревесь вънапорѣ людска сила;
Въ стонахъ отчаянныхъ удержанья
Бѣе съ тобою всякъ до гробу бѣи,
Ахъ и боресь долше или куртше,
Да найпослѣдже сложить оружье
И житемъ сплатить ти гарачъ твоѣи.

По твоей неумолимой груди
Поэтыяють тея Адама дѣти,
Людскій зойкъ отколи плячуть люде,
Пискъ живннѣ наколь розчалъ кѣлвити,
Слабъ чи силенъ всякъ природы гласъ
Вачигъ къ Тобѣ, милости благая;
Тыже грозна отъ скалы твердая
Неумилосердна съ ся о насъ. —

Мирно, хладно чрезъ вѣки ступаешь
Стезю званья, где тея небо звало;
Ту звѣзду отвѣчну затераешь,
Тамъ искру, шо ледво блысла мало,
Ту розсадишь главу, свѣтлый домъ
Сильного духа, судьбу свѣту всему,
Тамъ червачка, свѣту недозриму,
Неизвѣстну въ безъ-имени своемъ.

Неотмѣнна отъ нащѣвъ въ свѣтъ,
Неотмѣнна куда людей, вѣтры,
Всюда таже; грозна по вся вѣки,
А въ той грозѣ непремѣнной мѣтры
Во вѣкъ вьезде предъ тобою страхъ,
Въ-околы тебе мерва, розвалины,
Умы, трупы, кости и падлины,
За тобовъ же пепель самъ и прахъ.

Що жъ ты ешь, когда ты такъ строгаю?
Що зъ породу если червь въ немъ снїе?
На шо жазни сли болить тобою?
По шо свѣтъ весь? вѣдь онъ быти мае

Жатвою твоею весь со всесть?!
 Ктобы зналъ на се отвѣтъ подаги!
 Ктобы рекъ, же силентъ складъ познати
 Твой межъ створами и ихъ творцемъ?!

Естество твое недостижимость крые;
 Въ мыслей морю духъ, мовь средь
 глубины

Нурокъ туманѣющъ, ледво о немъ мрѣс,
 И слѣда тобѣ конца, правилъ, причины,
 Лишь надомыслъ найде бисеръ скрытъ:
 Же ты толькы тайнымъ переходомъ,
 Черезъ гробовый сумракъ опроводомъ
 Въ жизнь, на второй тайный свѣтъ.

Будь-шобудь ты есь, ты зъ рукъ Оного
 Що розсвѣляе огнѣ небесами,
 Да горя, учагъ насъ правды строга,
 Же отца любви суть зорками;
 Про любовь его вся жива тварь
 Въ безчисленныхъ доказахъ вѣщае,
 Все дѣло его любовью сыае,
 Такъ я ты его любви даръ. —

Н. Устьяновичъ.

БРАТЬЯМЪ НА УКРАИНУ.

Ой минають лѣта мои,
 Не минае горе,
 Що-дня бѣльше, що-дня гѣрше
 Воно мене боре!
 Що-дня чую, якъ по искрѣ
 Потухае въ серцѣ,
 Що-дня чую: коло серця
 Кровь холодна льется.
 Ой минають лѣта мои,
 Огонь потухае;
 Ой и смерти на родинѣ
 Мене не пускають!
 Ой минають лѣта мои,
 Я гину въ чужинѣ;
 Душа рвется, летѣть хоче
 Въ рѣдну Украину!
 Пустѣть мене на годину
 На Двѣпръ подивитись,
 И зъ братьями живымъ словомъ
 Ще разъ обмѣнитись!
 Дайте мѣнѣ заплющати

Очи мѣжъ своими,
 Дайте мѣнѣ, хочъ мертвому,
 Рѣдну домовину!
 Не чуете! вамъ байдуже,
 Що я погибаю...
 Душа жива — вамъ нѣ почѣмъ,
 Нехай пропадае!
 Вамъ не вперше й не в послѣднє
 Невинныхъ губити...
 А колись зѣ наши души
 Богъ буде судити.
 Вѣнъ згадае и про мене,
 И мене не забуде...
 Хочъ вы сильни и богатѣ,
 Тай вы смертны люде;
 И на васъ покута ляже
 За невинни души;
 И за те, що я, не живши,
 Умѣрати мушу!
 Умѣрати на чужинѣ,
 Пѣдъ тыномъ на дворѣ!..
 Боже, Боже милостивый,
 Глянь на мое горе!
 Браты мои, пришлѣть мѣнѣ
 Землѣ зъ Украины,
 Легше буде мѣнѣ зъ нею
 Вмѣрати въ чужинѣ...

СПОКОЮ РАБСКОГО НЕ ХОЧУ Я.

Спокою рабского не хочу я,
 Рабомъ въ покоѣ жить не вѣю,
 Дарма, що тѣломъ я марвѣю,
 А жити-ме по вѣкѣ душа моя!
 Спокою рабского не хочу я!..
 Вѣнъ гѣршѣ менѣ нудѣги, неволѣ,
 Дарма, що я живу безъ долѣ,
 Дождусь, зоря засвѣтитъ и моя...
 Спокою рабского не хочу я!
 Вѣнъ серце трунѣть и морозитъ,
 И сѣтгомъ душу вѣнъ завоситъ,
 Не любить вѣнъ розумного житѣя.
 Спокою рабского не хочу я!
 Нехай рабаиъ покой и доля,
 А я въ чужинѣ, у неволѣ,
 Бажаю зъ ураганами житѣя!

ДО СТАРОЙ МОЕЙ НЕНЬКИ.

Завтра рано, моя мама,
 До тебе у хату
 Придутъ дѣти и унуки
 Святомъ поздравляги.
 И почнешь ты своихъ кривныхъ
 Широ цѣловати,
 Великому и малому
 Крашанки давати;
 И останется единая
 Крашанка на столѣ,
 Та безъ словъ тобѣ промовить:
 „Смиѣ твоѣй у неволѣ!..
 У неволѣ, мѣжъ чужими,
 У чужому краю,
 Сумуючи, самогую
 Свято зустрѣчае.
 „Христось воскресъ!“ промовити
 Нѣкому до ёго,
 Все чужая чуженица,
 Родного никого.
 Только ролу: нудьга, туга,
 Пекельное горе,
 Да на серцѣ слѣзъ кровавыхъ,
 Якъ пѣни на морѣ.
 Зѣ ними сывъ твоѣй, бабусенько,
 Празники стрѣчае,
 Да минувшу свою пору.
 Мовчки, споминае..“

Дарма мама! дарма нене,
 Не печалься дуже!
 У неволѣ злу недолю
 Пережати мушу.
 Переживши разъ неволю,
 Не поймають вдруге,
 Перебули пригодоньку,
 Перебудемъ тугу!..
 Не печалься моя нене,
 У грудѣ не бѣйся,
 Сподѣвайся на кращее,
 До кѣнца крепися.
 Нехай гнунуть твои дѣти,
 Уже растутъ унуки,
 Якъ выростуть — роскуются
 Невольникамъ руки. —

РОДИЛАСЬ ТЫ УБОГОЮ.

Родилась ты убогую,
 Въ наймахъ выростала,
 Нѣ хатини, нѣ юпчини
 Своєи не мала.
 Росла, росла и выросла
 Хороша, пригожа,
 Въ убожествѣ пышалася,
 Наче тая рожа.
 Очи сяли, — якъ зори,
 Щѣчки червонѣли,
 Нѣ одъ працѣ, нѣ одъ горя
 Лице не марилло.
 Щожъ тецерь зѣ тобою стало?
 Ты въ золотѣ съєшь,
 Въ оксамитахъ, наче панѣ,
 Важно похощаєшь;
 По улицѣ у рыдванѣ
 Шестернею вѣдєшь;
 На убогихъ своихъ сестерѣ
 Уже й окомъ не кивєшь;
 Уже забула про запаску,
 Про вбогую хату...
 Зовєсьмѣ, зовєсьмѣ измѣнилася,
 Стала вже не та ты. —
 Скажижъ мѣнѣ, скажи людямъ,
 Якъ се ты зробила,
 Вѣдѣюла така худоба
 Тобѣ провалила?
 Чого стали такі тмяни,
 Очицѣ у тебе?
 Чого щѣчки такъ поблѣдли,
 Чорни зубы въ тебе?
 Мовчишь... казати тєє соромъ!
 Я й самъ догадався,
 Якъ побачивъ, що до тебе
 Панѣ старый побрався...

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ.

Ис. Аит. Кршитофу.

Останній день, останній часъ
 Браты мои сижу я зѣ вами,
 А завтра — крѣдкими стѣнами
 Може й на вѣкъ розлучати насъ.
 Розлучати зѣ нами сонця свѣтъ,
 Набыють на насъ тямки кайданы,

Глумитись стануть, якъ зъ рабами,
 И будемъ всѣ въ тюрьмѣ сидѣть.
 Въ Сибирь далеку одведуть,
 Непроходиму и безкраю,
 Де зъ роду лѣта не буває,
 У темній норы тамъ запруть.
 Тамъ мы безгласными рабами
 Унорахъ будемъ землю рыть,
 Богатымъ золото носить
 И промывать его слезами.
 До насъ не дойде Божій гласъ,
 „Христось воскресъ“ не будемъ чути;
 Бо й на ухахъ надѣнуть пута,
 И Божій даръ вѣзьмуть одъ насъ.
 Отакъ усѣ мы пропадемъ,
 Мы не въ моголы, въ норы ляжемъ,
 За те унуки наши скажуть:
 „На ихъ роля мы жито жнемъ!..“

ПРОРОКЪ.

(Зъ Лермонтова.)

Богдану Андрееву Дадичкому.

Съ тыхъ поръ, якъ вѣчный Судия
 Мене поставивъ на пророки,
 Ставъ мѣжъ людьми вбачати я
 Усюду зависть, да пороки.

За те, що ставъ я возвѣщать
 Любви и правды чисте вченье,
 На мене стали всѣ швирять,
 Неначе бѣшенны, кашѣне.

Мерщѣй въ пустыню я утѣкъ,
 Голодный, голый, необутый,
 И тутъ свой трудный тягну вѣкъ,
 И тутъ я Богомъ не забытый.

Покорне все мѣнѣ земне;
 Бо правды заповѣдь сполняю;
 И горы слухаютъ мене,
 Якъ въ небѣ весело гуляють.

Черезъ село, мовъ боючись
 Коли наду куди тихенько,
 Дѣламъ тамъ кажуть, смѣючись,
 Хлопцатамъ всѣмъ своимъ маленькимъ:

— „Дивѣтсья! се пришлѣръ для васъ!
 Вѣнъ не хотѣвъ ужитись зъ нами;
 Дурный! хотѣвъ завѣритъ насъ,
 Що Богъ гласить его устами.“

Дивѣтсья дѣти на ёго:
 Якій мугаръ, худый и блѣдный,
 Якій голѣсеный и бѣдний,
 Якъ зневажаютъ всѣ его!...

ДО П. М. АР . . Т-А.

Ты рано, рано брате вставъ,
 У досвѣта збудивъ ты долю;
 И рано, рано ты начавъ
 Оратъ непахачее поле.

Поглянь ширица скрѣзь яка,
 Яка тверда, якъ скаменѣла,
 Давно плугатѣра рука
 Тутъ гострымъ плугомъ не водила.

Давно дощу тутъ не було,
 Все безъ росы позасыхало,
 Скрѣзь бурянами поросло,
 А жита — и слѣдѣвъ не стало.

Пропаша праця, друже мѣй!
 На камень кидаешъ насѣвья;
 Даремно трудъ загубишь свой,
 Не буде пользы й поколѣвьямъ.

Покинь же мертвыхъ, брате мѣй,
 Були живыхъ! иди орати
 Свои степы, да жито сѣй, —
 То хлѣбъ и долю будемъ мати.

9. Марта 1863 р.

ДО СЕБЕ.

На во-що я теперъ живу?..
 Пора, пора уже въ могилу,
 Тамъ я спокой собѣ знайду,
 Тамъ, може, духъ трохи спочине.

Одживъ свое я вже давно,
 Ничо теперъ мѣнѣ не мило!

Дививсь на Божій світъ въ окно;
Вже и окно въ тюрмі забили!

Взяли у мене все, що мавъ:
Господь не давъ нязь-малку долѣ,
А чоловікъ заграбовавъ
Добро останне — мою волю.

И засадивъ мене въ тюрму,
Мои слова забивъ въ кайданы,
Однавѣ дѣтей, однавѣ семью.
О Боже! дежъ той Судъ Твоій правий?

Сирота, зъ України.

ТО НАШІ ЛЮБИ ВЫСОКИ КАРПАТЫ.

Знаешъ тѣ горы, дружино милій!
Шо ранкомъ миленькимъ,
Вечеромъ тихенькимъ
Солнце ихъ укращае?
Сердешно ихъ любить,
До себе голубить
И якъ мати рідненька дбае?
Я тобѣ скажу, не треба пытати:
То нашій любій високій Карпаты.

Знаешъ тѣ горы, дружино милій!
Где въ небо ясне,
Сине и красне
Смереки, сосны зазирають?
Бѣлыми скалами,
Темными лѣсами
Орлы, соколы лѣтають?
Я тобѣ скажу, не треба пытати:
То нашій любій високій Карпаты.

Знаешъ тѣ горы, дружино милій!
Где въ зеленѣмъ гаю
Якбы при Дунаю
Птахи, соловѣи свѣвають?
А въ водѣ быстренькій
Тай студененькій
Рыбки, струги ся грають?
Я тобѣ скажу, не треба пытати:
То нашій любій високій Карпаты.

Знаешъ тѣ горы, дружино милій!
Где чорній хмары

Якбы Татары
Людежъ страхъ насылають?
Бури и грѣмъ
Якъ въ смертельній звѣнъ
Страшно и тоскно загравають?
Я тобѣ скажу, не треба пытати:
То нашій любій високій Карпаты.

Знаешъ тѣ горы, дружино милій!
Где въ Черногорѣ —
Орловѣмъ дворѣ —
Гайдамахи танцѣ водили?
Червонцѣ красній
И талары ясні
Межи собою дѣлили?
Я тобѣ скажу, не треба пытати:
То нашій любій високій Карпаты.

Миленькій друже!
Якъ недоля тя пригисне,
И сконае вся нады,
И мечъ врага тобѣ блисне,
Въ тѣмъ горы утѣкай!
Тамъ воскресне твоя доля,
Счастье твое повернется
И зацвѣте добра воля —
Лишь на Бога памятай!

РОЗЛУКА КОЗАКА.

Треба хлопцѣ молоденьки
Коники сѣдлати,
Зѣ Украинны нашої милой
Поганцѣвъ гоняти!

„Такий розказъ, дѣвчинонько,
Свѣч-мати прислала,
Абы цѣла Украиньонька
Коники сѣдлала.

„Будь здорова ты миленька,
Бо на танецъ просять,
На той танецъ, где верхъ трупа
Вороны голосать.

„На томъ танци, дѣвчинонько,
Шабля въ скрипку грае,
Вторувати якъ въ бандуру
Сисна помагае.

„Гурра! гудить на томъ танци
Далеко степами,
А Татара вороненькій
Мѣсить копытами.“

„Будь здорова, дѣвчинонько,
Голубко миленька,
Я тя возьму, лишь ты прошу:
Будь ментъ щиренька.“

„Якъ не будутъ зѳричоньки
Въ ночи тай сѣяти,
Перестане дѣвчинонька
Тогда ты кохати.“

„Якъ не буде мѣсяць ясный
Вечеромъ свѣтити,
Перестане дѣвчинонька
Тогда ты любити.“

„Якъ не будутъ соловѣи
Въ лузѣ щебетати,
Тогда дѣвча за хлопчину
Зачне забувати.“

„Якъ не будутъ та у лѣтъ
Квѣты розцвѣтати,
Тогда дѣвча перестане
Тебе споминати.“

„Якъ престане въ моихъ грудяхъ
Сердце мое бити,
Ажъ тогда тебе дѣвчина
Престане любити.““

„Будь здорова дѣвчинонько,
Не забудь хлопчину —
Якъ въ томъ танцѣ у крѳавомъ
Марне я загину.“

„Прошу тебе конецъ головъ
Руту посадити,
На могилу теменькую
Крестнѣ положить.“

„Не плачь, не плачь дѣвчинонько,
Не нуди собою,
Якъ Богъ скоче, що ся верну,
Злучуся съ тобою.“

„Не вернешся мой миленькій,
Загнешь марненько,
Чорный воронъ надъ головковъ
Крякне жалѳбненько.““

„Якъ до тебе та въ ѳконце
Сярый орелъ пукне,
А въ дубровѣ зазуленька
Миленько кукувкне:“

„Тогда прїйде твой миленькій
Зъ дальной сторононьки,
Цѣловати твои краснѣ
Румнянй губоньки.“

Вже до уха буйнѣ вѣтры
Заносять „Гурра-га!“
Лети коню вороненькій
Лети же на врага!

КОЗАКЪ И ЗАЗУЛЯ.

Сидитъ козакъ надъ рѣчкою
Думочку думаетъ,
И зъ личенька старенького
Слезы отираетъ.

Надлетѣла зазуленька
Сѣла коло козаченька,
И витаетъ, и пыгае
У старого козаченька:
„Чомъ козаче небораче,
Сердце, очко твое плаче?“

„Тому плаче, зазуленько,
Друженоньку сивокрыла,
Бо исчезли зъ сего свѣта
Давни часы, моя мила.“

Райски птахи полетѣли,
Пѣсни краснѣ понѣвѣли,
Позчезали атаманы
Якбы морскїи туманы

Навѣтъ сердце молоденьке
Красноличкой красавицѣ
Перестало такъ любити,
Якъ любило въ нашѣмъ вѣцѣ.

Тому снжу, зазуленько,
Думочку думам,
И зъ личенька старенького
Слезы отараю.“

ЧЕМУ РУСИНЪ ПЛАЧЕ?

Чему Русинъ плаче?
Бо позчезали князй старенькй,
И понявйли пйсни красненькй,
Бо на могилй ворона краче,
Счастья и долй нйхто не баче,
Тому Русинъ плаче.

Чему Русинъ плаче?
Бо за Свч-матеръ вже нечувати,
На коню козака вже невидати,
Бо счастье скончало, а руская слава
Травою заросла якобы мурава,
Тому Русинъ плаче.

Чему Русинъ плаче?
Бо братья въ купй не тримають,
И мову рйдененьку вже забувають,
Бо братъ брату злое желяе,
О долй русской мало кто дбае —
Тому Русинъ плаче.

ГДЕ СЕРДЦЕ МОЕ?

Где вйтры вйють
И травы зеленйють,
Где бждлка лйтае,
На квйты сйдае —
Тамъ сердце мое.

Где горы высокй
И лйсы широки,
Где воды шумять
И скалы гудать —
Тамъ сердце мое.

Где птахи соловйи
И цвйты золотыи,
Где кашнонька,
Зелена рутонька,
Тамъ сердце мое.

Где степь широка,
Могла висока,
Где козакъ спйвае,
На милу гадае —
Тамъ сердце мое

Где жовтенька нива
И зазула сива,
Где конй степами
Бйють копытами —
Тамъ сердце мое.

Где звйзды ясны
И очи красны,
Где люде спйвають
И въ купй тримають —
Тамъ сердце мое.

МЕЛЬНИЧКИ ДОЧКА.

У млынь, у млыночку
Любывй хлопецъ дйвчиночку,
Съ ясными оченьками,
Съ чорными бровоньками.

Дйвчинонька го любила,
Неразъ къ сердцу притулила,
Але матеръ лиху мала —
Чароньками чаровала.

Дала хлопцю зйлья пати, —
Вже не може бнй любити,
Пойшовъ свйтомъ та бйдененькымъ
И лйсочкомъ та темненькымъ,

Блукаючи, гукаючи,
Дйвчиноньку шукаючи, —
Дйвчинонька омййвае,
Горькй слезы проливае.

Ой рано тай раненько
Плачуть въ млынь жалобненько,
Дйвчинонька спокой мати
Скончйа въ воду, лягла спати.

Скончйа въ воду, лягла спати,
Тамъ на вйкй спочивати,
Бо хлопчину, що кохала,
Стара мати вчаровала,

ФАТА-МОРГАНА.

„Дай воды Аллагъ, бо пропадаетъ,
Вже языкъ въ ротъ намъ усьхаетъ,
Остатну надѣю намъ истиннае

Жаркое солнце Загары.“

Мурадъ старенькій, бородастый,
Окомъ сокола по пуши дивився,
Разомъ акъ бы дитина схопився

И до дочки приступивъ:

„Вставай Зулеймо молоденька,
На щось такъ сумно головку склонила
И волосъ черненькій ты розблѣла?

Вставай, надѣя сіае.

„Аллагъ великій и его пророкъ,
Гай, оазы зелені витають,
Норы студеній на насъ чекають,

Вставай Зулеймо, вставай!

„Въ збанахъ двѣницъ воду носитьъ,
Но оазъ зеленій коні пасутьъ,
Отъ цвѣту и роду гадузи си гнутьъ,

Вставай Зулеймо, вставай!“

Остатна надѣя вѣсѣмъ силу дала,
До того гаю, до той оазы

Бѣжуть и падутъ не мало разы

Бѣдныи Магомедане.

Все далъ, далъ летить каравана,

Страхъ и жиль сердце стинае,

Остатна сила всѣхъ отпускае:

„Аллагъ прости намъ грѣхи!“

Шо то за диво, за чудо ся стало?

Передъ очима надѣя стояла,

Норами, травами до насъ махала,

И якъ сонъ милій исчезла?

Фата-морганя — та чума погана —

Туманъ пустыни — вась туманила,

И очи ваши мраковъ укырила

На несчастье ваше.

Ще бьется въ грудяхъ сердце горяче,

Но вѣтеръ свѣсочкомъ вже тѣла вкырае

И орелъ сѣрый очи выплае

Въ пустыни великой Загары.

МОЕ СЕРДЦЕ БЕЗЪ ВЕСНОНЬКИ.

Чему квіты, красноцвѣты

Цвѣтуть такъ красенько?

Чему птахи въ лузѣ, въ гаю

Поють такъ раненько?

Весна мила, весна красна

Въ свѣтѣ загостила,

И квітами, пташыними

Природу вкрасила.

Птахи співваютьъ,

Квіты розцвѣтають,

Лишь я несчастный погибаю;

Отъ року до року

Слезы въ оку —

Счастья и долѣ не знаю.

Коли будуть въ моемъ сердцу

Квіты цвѣсти, птахи співати? —

Тогда, якъ въ могилѣ

Твое сердце буде спочивати.

Данило Млака, зъ Буковины

— ❦ —

ДУМКА.

Ой выкохавъ я въ садъ яблѣночку

дуже роскошну,

Ой выкохавъ я рѣдненьку дочку

надъ всѣ гарнѣйшу.

Скоро розцвилась моя яблѣночка

дуже рѣсненько,

Скоро розцвилась моя мила дочка

дуже гарненько.

Давъ же я тогда мою яблѣночку

садѣвнякови,

Оглавъ я такожъ мою милу дочку

человѣкови.

Садѣвнякови отдавъ яблѣночку,

щобъ дозиравъ ю,

За человѣка отдавъ милу дочку,

щобъ шанувавъ ю.

Охъ отъ дозору жь моя яблѣночка

ажъ ся зломилла.

Отъ пошанѣвки моя мила дочка

ажъ почорнѣла.

Ужежъ теперъ на мой яблѣноцѣ

листья повилло,

А ужежъ теперъ на мой милу дочку

лице съ змѣнилло.

Смутна стала надъ долею яблѣночки

вси садѣвнина,

Слезы лѣ надъ долею милоу дочку

плѣла родина.

— ❦ — *Ф. Г.*

АКЕРМАНСКАЯ ПЛѢННИЦА.

Поэма Тита К. Блоньского.

Блаженной памяти
Любезного Отца моего

КИРИЛЛА

посвящаю.

Когда Галицкая страна уныло
Вже погрузилась въ безднѣ темноты,
Нѣсколько скромныхъ ей звездъ свѣтило,
Межъ ними Отче былъ милый и ты!

Съ мужами твердой вѣры й воли
Среди гоненій и жизни невзгодъ,
Хотя стогнало сердце отъ боли,
Съ ними ступалъ ты отважно въ передъ.

Вы розширили свѣтло просвѣщенья,
Отецъ небесный ваялъ благословилъ,
И претерпѣвши грозы гоненья
Народъ опять ся возобновилъ.

Еще дитяткомъ, русскімъ дѣти
Когда лептали языкомъ враговъ,
Училъ мене ты роднымъ владѣти,
И въ грудь вщеплялъ мнѣ ко Руси любовь.

Тебе вже крые сумракъ могилы,
Съ времени токомъ загние и сльдъ,
Где твоя мощи въ землѣ зложили,
Но память твоя не загние, о нять!

Трудясь для Руси все воспоминаю
Тебе, мой милый покойный Отецъ,
Тобѣ жь и плодовъ дѣвственныхъ вѣнецъ
Скропленъ слезою я посвящаю!

I.

Во Львовѣ предъ небольшимъ домоу
Сстроеннымъ лишъ въ одинъ этажъ
Остановился съ грескомъ, громомъ,
Дужий жидовскій эквилажъ;
Выльзъ жидокъ малый пузатый,
Съ розчохраноу боролоу,
Съ которой свился пейсь кудлатый;
Держа багоуъ грязной рукоу
Сльзъ, и звольна тащась въ комнату
Сказалъ: Здравствуйте Аѳанась!
Якъ выросли хорошо! На ту —

Юдка шось-то привезъ для васъ.
Панъ Аѳанась тогда съ друзьями
Мучилъ Альвара за столомъ,
Ладя невкусность формъ шутками
Тѣсной бабой, иль дурачкомъ.
Узрѣвши жидя сейчасъ схватился,
Принялъ пакетъ, розвилъ письмо,
Читати сталъ, и засмутился,
Нелоброе вѣститъ оно.

Такъ близко въ жизни смѣхъ отъ стона
Якъ диг и мол — авкордаш два,
Въ коихъ розница о полъ тона!
Нашъ молодецъ узналъ зъ письма,
Що родного вже нѣтъ отца.

Розстатись треба; такъ прощай
Ты академя -- темница,
Где я прожилъ свой цвѣтнй май,
Прощай ты шумна Льва столица!

Такъ розпрощался Аѳанась,
Кинулъ сьренькую капоту,
Въ которой то въ тогдашнй часъ
По Львова смѣтью и болоту,
Незаботясь о змѣнѣ модъ,
Ходилъ ученый весь народъ;
Надѣлъ жупанъ и ферезею,
Содругамъ долони пожалъ,
Вышелъ къ извощику-еврею,
Который вже на него ждалъ,
И на козлѣ тряся возжами
Кричалъ и харкотѣлъ съ жидами.

Когда втащился въ углубленье
Будки, покрытой полотномъ,
Извощику далъ повелѣнье
Коней тронуты багогомъ.
Нуу, вста вѣе! крикнулъ еврей
На тройку гнѣдихъ лошадей, —
И рушилася колымага;
Заторкотѣло, затрясло,
Счезла уже жидовъ ватага
Сварившихся о маклерство.
По улицѣ поднялся прахъ,
Якъ на Сагарринихъ степяхъ.
Вже бродская котилась будка

Ч. III. и IV. 2

За валъ, на большую площадь,
 Якъ ни крикве пузатый Юдка:
 Прру, говъ, ай вай! А що тамъ снова?
 — Ясневельможный панъ! подкова
 Сгубила мой гвѣда лошадеъ. —
 „Эхъ не медали!“ Жилъ торопился,
 Швигнулъ на кони батогомъ,
 Но снова вразъ остановился
 За башнями передъ крамомъ:
 Я, панъ, иду до мое Рѣвка,
 По дѣготъ, гуглофъ и горѣвка!
 Такъ ѣхалъ жидъ, но всегда снова
 То все ставалъ, то поправлялъ, —
 Когда жъ оставилъ стѣны Львова,
 Вечеръ на землю ниспадалъ.
 Зъ хребта горы нашъ молодецъ
 Въ послѣдній разъ на видъ столпцы
 И на окрестныхъ горъ вѣнецъ
 Быстры свои возвелъ зрѣвницы.
 Въ-томъ солнце свой походъ кончило
 И свѣтъ пурпурно золотый
 На башень маковки розлило,
 Но въ мигъ — вже скрылось за горой.
 Зарумянился небосклонъ,
 Надъ нимъ сребритса вже луна,
 И путникамъ изъ города
 Дошелъ глухий вечерній звонъ.
 Уже прозрачна мгла спадае,
 Сѣрую купу стѣвъ, муровъ
 Темною мантией вкривае, —
 И счезъ цѣлый дремлящій Львовъ.
 Настигла ночь, и свѣжій вѣтръ
 Выдобывшись во своеволий
 Изъ Бескида косматыхъ вѣдръ
 Съ травницею шутилъ по поли, —
 Чему же онъ и молодцу
 Не вывѣялъ зъ сердца тоску?
 Вѣтомъ крикнулъ жидъ: панъ Аеннасъ,
 Теперь поѣдемъ мы якъ-разъ!
 Не сабашѣвка, но помщи
 Щобы глоталъ Юдочка вашъ,
 Если пакъ завтра въ Коломыѣ
 Не доѣде на самъ сабашъ.
 И такъ ну въе, вѣста гвѣда!
 Жидовскій крикъ, трескъ батога
 По поли громко отзывался,
 И экипажъ стрѣлой помчался.
 Безъ особенныхъ приключений
 Спокоенъ, миренъ былъ ихъ путь;

Много успѣли вже селений
 И городковъ они минутъ, —
 Препятствій нѣякихъ не знали
 Развѣ дѣравый мостъ який,
 Коего доски трепетали,
 Надъ болотнистою рѣкой;
 А отдыхали въ корчмищахъ
 Безъ крышъ подпертыхъ и нечистыхъ,
 Нерѣдко такожде въ кустахъ,
 Или на поляхъ розложистыхъ.
 Трактиръ тогда не нуженъ былъ,
 Путникъ съ собою все возилъ.
 Прошелъ ужъ день и ночь прошла
 И ближе все, и ближе къ цѣли
 Черезъ холмы, поля и лѣса,
 Къ родной стрѣвѣ они свѣшили.
 Уже верховины недалеко —
 Одианъ полудень лишъ ѣзды, —
 Уже молодца быстрое око
 Синий видитъ туманы
 И дымъ вносящійся высоко.

Счезло уже сіянье дня,
 Когда по острой злой дорожѣ,
 Трясая на рѣшеточномъ возѣ,
 Въѣзжалъ ужъ путникъ до села.
 Настигла ночь; на небесахъ
 Хмары дождевыи насѣли,
 И на торчашихъ вершинахъ
 Мглистыи облаки сѣрѣли.
 Звѣзды на небѣ ни одной!
 Въ низенькихъ хижкахъ лишъ мѣстами
 Межъ яблоней и грушъ вѣтвями
 Сверкали окошка порой.
 По лѣсѣ листьемъ дождь шумѣлъ,
 И вѣтръ могущій полонинскій
 Началъ свой танецъ исполинскій
 И съ сѣрымъ волкомъ заревѣлъ.
 Вотъ вже и церковь, и при ней
 Гробы усопшихъ ей дѣтей:
 Будто подъ матери крыломъ
 Дремятъ они спокойнымъ сномъ.
 Подъ яворомъ видна могла,
 Крестъ каменный на ней торчитъ,
 Коего плющи вѣтъ обвила, —
 Вѣрно изъ знатныхъ кто лежитъ.
 И тихо шепнулъ молодецъ:
 Тутъ моя мати, мой отецъ,
 Тутъ вышли вы на встрѣчу сыну!
 Уже не прижете къ грудямъ мя,

Креста лишь хладны рамена
Обнимутъ бѣду сиротину!
При томъ зросилъ лице слезами,
Кудряву голову склонивъ
Каменный крестъ объялъ руками,
И долго, долго молчаливъ
Стоялъ на гробѣ, помолился
И озираясь въ путь пустился.
Вже видно дворъ. Онъ былъ во зрубъ
Зъ плениць еловыхъ построенный,
Крыша гонтова, пара трубъ
Надъ ней, подашьемъ обведенный,
Въ боку стожеръ, тамъ оборочи
Полныи хлѣба, сѣна стоги, —
Подальше долги хлѣвы,
Тамъ кони, овцы и волю, —
И весь дворокъ словно вѣнкомъ
Былъ оплетенный острогомъ.
Серденько сильно трепеталось,
Коли къ высокимъ воротамъ
Вже подъѣзжалъ. Пожди! кто тамъ?
Громко за вратами озвалось,
Отдвинулись со скрипомъ врата,
И явилася тварь усата, —
А то былъ стражникъ Николай.
Въ-томъ страшный псы подняли лай,
И услышавъ знакомый гласъ
Прибѣгъ Бровка дужій кудлатый;
Лаская пса панъ Аванасъ
Добрался вже къ дверямъ комнаты.
Въ комнатахъ красны адамашки
Были розпнуты по стѣнахъ,
На нихъ узоры, райски пташки,
Стоявшіи на вѣтовкахъ;
Среди стѣны пѣль образами
Тисовый долгій столъ стоялъ,
Лавы прикрыты коврами;
Въ углу избы якъ холмъ торчалъ
Дужій камивъ, близко дверей
Стояла шафочка старая,
Вдовольтамъ кубковъ, чашъ, крошней,
Рухлядъ серебряна, золотая,
Добытокъ то еще дѣдовъ,
Память минувшихъ вже вѣковъ.
И книги въ шафѣ тамъ мѣстились,
Но нетронутыи рукой,
Насѣвшимъ порохомъ покрылись
Якъ перстью металъ дорогій.
Есть тамъ и другіи комнаты

Тѣсныи, все на древній ладъ,
Стрѣльбы тамъ висятъ и булаты,
Ловчьи сѣты и конскій рядъ.
Въ спальнѣ узкой ложе стояло,
На немъ медвѣже одѣяло,
У головахъ Христось Спаситель,
И чулотворецъ Николай,
Георгій змія побѣдитель,
Висѣлъ тамъ адъ, надъ адомъ рай.
Вѣчный фонарь подъ образами
То поблѣдѣлъ, то вспыхивалъ,
И тусклого свѣтла лучами
Лица святыи озорялъ;
Они жъ угрюмо такъ глядѣли!
И Николая полна тварь,
На коей видѣтъ киноварь,
Пронзающіи кидала стрѣлы.
Со сердца трепетнымъ биеньемъ
Аванасъ избы проходилъ,
Смотрѣлъ на все съ благоговѣньемъ,
Каждый кутокъ ему такъ милъ!
Но непорядокъ особенный
Замѣтенъ былъ во всѣхъ кутахъ,
Даже псаломникъ розтворенный
Лежалъ близъ ложа на креслахъ
Чарки и всякая судинна
Лежала смѣсью на столѣ,
Видно, що тутъ нѣтъ господина.
Грובה тишина въ дворѣ.
Лишь гулъ дождливой бурной ночи
Наводитъ сонъ на томны очи, —
Уныло, тяжко на душѣ.

II.

Вже ночная блѣднѣла тьма,
По небу звѣзды розтрясенны,
Рукой Всевышняго зажженны,
Въ вѣчную славу Божества
Блѣднѣли разомъ съ неба сводомъ
Предъ свѣтлымъ солнечка восходомъ;
И вотъ на синѣмъ неба сводѣ
Сіяе вже планетный царь,
И встрепетнувшойся природѣ
Зове: Добрый-день, божа тварь!
Коли заглянулъ солнца глазъ
Въ полудетныи избъ просторы,
Уже зъ крыльца панъ Аванасъ,
Глядѣлъ на лѣсъ и сини горы,

Вспомнилъ дѣтства блаженны дни,
 Прошедшія якъ легъ стрѣлы.
 Но между тѣмъ прійшоль Стецько:
 Въ службѣ старого господина
 Посивѣлъ онъ якъ молоко,
 Онъ мальчика училъ вже сына
 Владѣти списомъ и булатомъ
 И всякихъ ратныхъ дѣлъ и штукъ;
 Онъ знакомилъ его съ бахматомъ,
 Такій былъ давно курсъ наукъ!
 Мѣсяць живешь, сказалъ онъ, дома,
 А закоснѣлъ якъ домосѣдъ;
 Гайда со мной за звѣрю въ слѣдъ!
 Най лѣсъ гудитъ отъ стрѣльбы грома!
 Богъ вѣсть, не будемъ ли когда
 Съ Татаринномъ рубаться въ поли,
 Якъ то съ покойнымъ паномъ я
 Прежде гулялъ, гулялъ до воли!
 Тѣло твое, бачу, звѣжилось,
 Нужно щобъ трудомъ закалилось.
 Панъ Аванасъ тому былъ радъ,
 Приодѣлся въ уборъ стрѣлецкій,
 Погладилъ усокъ молодецкій,
 Чорнѣвшійся словно бархатъ;
 Топоръ, ружье, нагайку снялъ,
 На голову шапку покладъ
 Барашкову съ краснымъ верхомъ
 И вышелъ вонъ съ старымъ Стецькомъ.
 На подворью передъ окнами
 Кони гребли вже копытами,
 И на ременныхъ сворахъ псы,
 Знающіи звѣрей слѣды,
 Скауля кивали хвостами.
 Ворота же брусовы
 Ъзюкамъ въ тылу заскрипѣли,
 И ополки мостовыи
 Подъ копытами затутнѣли;
 И ѡзюки вперивши взоры
 На западъ, где въ синявой мглѣ
 Торчатъ черны лѣсисты горы
 Гордо ко неба высотъ,
 По каменистой злой тропинѣ,
 Що извивалась надъ рѣкою
 Шумящей быстрою волною,
 Рѣзко ступали къ верховинѣ.
 Все выше, выше къ небесамъ
 Крутая взносится дорога,
 И горы тутъ, и горы тамъ,
 Межъ горами узка улога;

Надъ ней каменье и скалы
 Торчатъ якъ будто быши града,
 Где обитають колдуны,
 И сволочь шумная изъ ада
 При свѣглѣ звѣздъ въ полночи часъ
 Выводитъ свой волшебный плясъ.
 Тамъ снова верхъ якъ сѣна стогъ,
 Въ дали гора — вѣдьма съ лысиной
 Глядя на когти скверныхъ ногъ
 Думаетъ що-то надъ щеляминой.
 Смѣло ступають рысаки
 По твердыхъ каменьяхъ дороги,
 То предираясъ черезъ кусты,
 Или хворостъ гадовъ берлоги,
 И углубившись въ лѣсъ дремучій
 Дойшли до зимныхъ колонинъ,
 Где обладалъ медвѣдь могучій,
 Царь черногорскихъ верховинъ.
 Тутъ розложившись псы пустили
 На слѣдъ, и слухи заострили.
 Повсюду тихо, лишь порою
 Надъ главой каня закрячитьъ,
 Иль вѣтвь сухая подъ ногою.
 Иль дробенъ грехотъ захруститъ.
 Помчались псы, но звѣрей нѣту!
 Мохнатое величество
 Придворному внемля поэту
 Въ дуплѣ дрѣмати вже пошло.
 Волкъ умылилъ податъ новую
 Накинути на пастуховъ,
 Щобы наухати все худую
 Казну запасомъ барановъ.
 Прехитрый лѣсъ стронялъ проказы
 Въ селахъ газдынямъ, а борсуку
 Сдѣлавши тайны пролазы,
 Щобъ утечи отъ вражихъ рукъ,
 Сидя въ кугочку кабинета
 Болелъ лучъ узрѣти свѣта.
 Вевери живя задолго въ пирѣ
 Забыли нравъ военный свой,
 Пузатыи во плотномъ жирѣ
 Зарылись въ хвояхъ подъ елою,
 И тамъ храпѣли твердо такъ,
 Що не тронуть ихъ лай собакъ.
 Серну лишь гожую, трусливо
 Скачущу вѣрно къ райлеву,
 Спугали гонцѣ невѣжливо
 И гнали съ лаемъ черезъ гору;
 Но между тѣмъ удалось ей

Перебѣгнути ярь глубокой,
 Зайти въ утесовъ градъ высокій,
 И збытись такъ своихъ друзей.
 Панъ Аванасъ грубой далъ знакъ,
 Скликалъ къ себѣ стрѣльцевъ, собакъ,
 И далѣ пошелъ стежками
 Межъ стѣнами зеленыхъ ель
 Гордо возросшихъ межъ скалами.
 Иде, иде, вже лѣтъ рѣдѣлъ,
 Уже засіяли неба своды,
 И очамъ быстрымъ молодца
 Стали вже виды огороды
 И хижи близкого села,
 Розметанны наъ рѣкою.
 Чорнѣются горячъ хаты,
 А въ осередку полъ гороу
 Церковны бани и кресты
 Въ тѣни садовъ зеленыхъ зъ дали
 Пугнику ясно засіяли.
 Въ лѣщины тутъ пахучой тѣни
 На мягкой якъ диванъ травѣ
 Слѣзъ Аванасъ, и въ сладкой лѣни
 Протягивалъ члены свои.
 Но за кустомъ вотъ шевелитъ
 Щось-то и слышенъ голосъ чистый,
 И дробный смѣхъ въ ухо звенить,
 Якъ колокольчикъ серебристый:
 „Сюда ходи Орфино мила,
 Що за орѣшки висятъ здѣсь,
 Все чернобровки, що за сила!
 Ходи сюда, ай! торопись!“
 Въ-томъ незнакома красавица
 За вѣтовку хватясь рукой
 Скочила словно вѣверица
 На пень похилый и толстый.
 Панъ Аванасій за кустомъ
 Видѣлъ сподницы цвѣтъ понсовый,
 Видѣлъ опертый лишь концомъ
 Получоботякъ сафьяновый.
 Но щожъ? русалка лѣсовая
 Колыхалась не въ добрый часъ,
 Въ рудѣ треснула вѣтвь сухая
 И тамъ, где былъ панъ Аванасъ,
 Похилилась, — но дѣву ижно
 Услужный молодець схватилъ
 И на мягкой травникъ бережно
 Якъ многоцѣнный кладъ спустилъ.
 На бѣломъ личику дѣвницы
 Вспыхнулъ румяный стмѣдъ, и взоръ

Осѣнился тѣнью рѣсницы
 Темной якъ черногорскій боръ.
 Ай, вы трудились мене ради!
 Она сказала: вотъ я вамъ
 За то замѣстъ лучшей награды,
 Чернобровыхъ орѣшковъ дамъ.
 Улыбаясь въ свою котомку
 Сягнула бѣлоу рукой,
 И въ надставленную еломку
 Сыпала ихъ якъ пчельный рой.
 Но съ незнакомымъ въ разговоры
 Мѣшались больше не хотя,
 Голубыи педнесши взоры
 Порхнула прочь словно серна.
 Аванасъ стоялъ безъ движеня, —
 Грустно ему, що такъ скорѣй
 Будьто призрачного явленя
 Образъ ея счезъ изъ очей!
 Сошелъ на дугъ, на немъ копицы
 И островерхій стѣна стогъ, —
 Но любезной своей дѣвцы
 Онъ бѣльше зрѣти вже не могъ.
 Но солнце было на закатѣ,
 И зъ горъ спадали туманы,
 Коли уже при крайней хатѣ
 И прочи сошлись стрѣльцы.
 Назадъ вертатись не пора!
 Нужно глядати ночлега.
 Глядати, гдѣжъ? Тутъ каждый житель
 Руси великой и святой
 Отворитъ сердце и обитель,
 Странникъ коли вступитъ ногой,
 Якъ мирный мира посѣтитель.
 Въ той деревнѣ священникъ жилъ,
 Его дитя тутъ всяке знало,
 Отець Денисъ! и всѣмъ онъ былъ
 Благоговѣннй зеркало.
 Его дворокъ близъ церкви статный,
 Не серебро ни злато тамъ,
 И не богатствомъ онъ пріятный,
 Не аламашки по стѣнамъ
 Или шелковыи приборы
 Безстыдно въ верхъ подносятъ взоры,
 Благополучья только радость
 И баговонна чистота,
 Сердечіе и мира сладость —
 То была вся его краса!
 Тутъ загостилъ и Аванасъ.
 Топотъ коней ледва роздался

Передь подашьемъ, вже сейчасъ
 Хозяинъ дома показался:
 Средный ростомъ, въ ризѣ длинной,
 Поновидный, немножко лысъ,
 А взоръ его дѣтски невинный —
 Таковъ то былъ отецъ Денисъ!
 Хотя и съ гостемъ незнакомъ,
 Держа рукой воскову свѣчу
 Вышелъ съ усмѣхомъ онъ на встрѣчу
 И попросилъ войти въ свой домъ.
 Сердешное тутъ угощенье
 Ему сдѣлали и стрѣльцамъ,
 Хозяйка дала повелѣнье
 Овса подать лошадямъ.
 Вотъ вже вечера на столѣ
 Манить запахомъ всѣхъ къ себѣ.
 Якъ молодцу страхлось серденько,
 Когда зъ алькова якъ серна
 Выйшла дѣвица хорошенька
 И глянула на молодца.
 Ай, то его русалка! волосъ
 Той самъ, и жаръ гладкихъ лантъ,
 Той блескъ очей, сребристый голосъ,
 Даже той самъ сподницы цвѣтъ!
 Но межъ тѣмъ хозяйка мила
 Гостей своихъ къ столу просила.
 Отецъ Денисій говорливъ
 Радъ, що имѣ съ кѣмъ болтати,
 Якій то анегдотъ шутливъ
 Началъ весело сказывати,
 И не узнѣлъ, якъ сладкимъ взоромъ,
 Що милый гость на дочь кидалъ,
 Больше нежели розговоромъ
 Все серденько вже ей плѣнялъ.
 По вечерѣ въ углу комнаты,
 Где отвели гостю ночлеги
 На пуховой мягкой кровати
 Помолившись онъ спати легъ.
 Уже дремле все! только зъ алькова
 Слышевъ шопотъ; Денисъ отецъ
 Читалъ еще зъ молитвослова
 При тусклой свѣчѣ, наконецъ
 Уснулъ и онъ и молодець.
 Пріятный сонъ якъ ангелъ мира
 Изъ высоты сошелъ небесъ
 И легонько крыломъ зѣира
 Коснулся спящего очесъ, —
 И чистѣя его душа
 Оставивъ брѣнну плоть прозрѣла

И къ райской странѣ воспаря
 Со ангелами полетѣла; —
 Тамъ встрѣтилась съ душой дѣвицы
 Чистой якъ ясный свѣтъ денницы, —
 И поцѣлуй звучилъ въ одно
 Въ вероздѣлимо ихъ звено.

III

Налъ струей чистого ручая
 Межъ вѣтвями зеленыхъ лозъ
 Стоитъ дѣвица молодая,
 Словно кустикъ румяныхъ розъ;
 На личеньку ея улыбка
 Съ сердечною шутитъ тоскою,
 Среброчешуйна будто рыбка
 Съ алмазною рѣки волною;
 И гуслъ въ рукахъ яко снѣгъ бѣлыхъ
 Тронутая перстомъ звенитъ,
 И отъ звуковъ ея унылыхъ
 Дѣвицы грудь якъ тростъ дрожитъ.
 И голосочкомъ соловья
 Спѣваетъ пѣсенку она:

„На неба сводѣ солнце сіяе,
 Хмарки не видно одной!
 Ахъ! вже улетѣлъ якъ птичка зъ рай
 Сердца моего покой!

Въ саду зеленомъ руга, майранокъ,
 Роза, лилія цвѣте,
 Смотрять на дѣву въ вечерѣ и рано,
 Но ихъ небачна не рве.

Ставуть подружки передь окнами
 Вести при пѣсенкахъ плясъ,
 Зовуть сестричку: выйди любезна,
 Выйди, о! выйди до насъ!

Любимы сестры, съ вами я плямбѣ
 Якъ рыбка въ чистой водѣ,
 Вамъ легки сердца; грусть помутила
 Чистое серденько ментъ!“

Когда послѣдани пѣсни звуки
 Тонули въ воздуха волнахъ,
 Отъ струя огня свои руки
 И погрузилась вся въ мечтахъ;
 Богъ вѣсть со мною що такое?
 Головка вся плехтитъ огнемъ,
 Сердце тоскуе дорогое,
 И думы всѣ мои — о немъ!
 Шити начну, игла круглится,
 Вается въ узелъ шелкъ мягкій,

И въ мирномъ снѣ онъ мнѣ грезится,
 Даже въ молитвахъ онъ со мной!
 Ахъ, я боюсь, не сатана
 Внушае ли такіи думы,
 Щобъ погубилъ грѣхами мя
 Якъ испареньемъ адской чумы?
 Пречистая! на тыждень разъ
 Постъ и молебень обѣтую,
 Адскихъ храни мене проказъ
 И мнѣ подай участь благою!
 Въ томъ королицы бѣлый цвѣтъ
 Дрожащою рукой сорвала,
 Желая знать, любить нль нѣтъ
 Ю милый другъ? цвѣткомъ гадала;
 Отдергала уже цвѣточокъ, —
 И розъяснился дѣвы глазъ,
 Послѣдній ей вѣститъ ласточокъ:
 Любить тебе твой Аванасъ!
 На грудяхъ легче, будто камень
 Тяжшій желѣза зъ нихъ упалъ.
 Ахъ, яже рада! любви пламень
 Ея серденько вже снѣдалъ.

IV.

Въ дѣвичей съ скромностью убранной,
 Въ креслахъ, въ коихъ Денисъ отецъ
 Сидя съ лучемъ зори поранной
 Хвалити звыкъ Бога сердцецъ.
 Поздно уже коло стола
 Денисова сидитъ жена.
 Столъ скатертью прикрытый чистой,
 И на столѣ въ дужихъ мискахъ
 Товаръ поварскій, свѣжъ, душистый,
 А якъ численъ? смотрѣти страхъ!
 Пампушки, коржики, крендели
 И пирожки средъ колачей
 На житимъ хлѣбъ презрѣнно зрѣли
 Наружностью хвалясь своей;
 Тамъ що-то Богъ вѣсть, якъ зовется,
 Що вкусно варится, печется.
 Глядя якъ знатокъ на издѣлье
 Трудолюбивыхъ рукъ своихъ,
 Чувствовала жена веселье
 И легонькій издала смѣхъ.
 При матери стоитъ дѣвица
 Тоненькая будто елица,
 Личко ея якъ розы пухъ,
 Нетронутый лерзостью рукъ;

Чело увѣчичанно косою,
 Убранною въ красный уплетъ,
 Черны брови гнутся дугою
 Надъ очками, зъ которыхъ свѣтъ
 Якъ звѣздочка ясна сіяе
 И сердце стрѣлою пронзае.
 Стихарь отцеви вышивая
 Иа праздникъ завтрашній шелкомъ,
 Мечтае дѣва молодая
 Такъ якъ всегда только о немъ,
 Якъ рада, рада бъ дорогого
 Друга прижати до грудей,
 Слышати звукъ пріятный слова
 Всмотрѣтись въ ширыхъ свѣтъ очей!
 Скажи-но мнѣ, моя Прасковья,
 Начала мати свой вопросъ:
 Що се тобѣ? нль вѣтъ здоровья?
 Проходишь тѣломъ жаръ, морозъ?
 Весельшая въ-передъ ты была!
 Тоски не знала ніякой, —
 Що се тобѣ Прасковья мила?
 Дай окроплю святой водой!
 — Ай матенько, я нѣтъ, не хора!
 Сказала ей съ улыбкой дочь:
 Я день цѣлый постигла вчера
 И работала поздно въ ночь.
 Но мудрая мать по опыту
 Говоритъ снова: Ну, ничего!
 Зло всякое бродитъ по свѣту, —
 Не урочилъ тебе ли кто?
 Мнѣ кажется . . . я замѣчала,
 Що то хорошій Аванасъ,
 Коли ты съ нимъ бесѣдовала,
 На тебе зрѣлъ уже не разъ.
 Око жъ его темнѣйше ночи,
 Въ которой модныи доскъ блестятъ,
 Дуже вредятъ такіи очи,
 И голова больно болить.
 За Кашулихой я старую
 Пошлю, она спалитъ урокъ,
 И шептаньемъ будто рукою
 Боль отниме и обморокъ.
 А завтра праздникъ, музыканты!
 Треба, щобъ красной была ты,
 Надѣюсь, що сосѣдны франты
 Пріѣдутъ може къ намъ въ сваты. —
 Но дочь слыша такіи рѣчи
 О слабости мнимои своей,
 Будто зажечь восковы свѣчи

Отъ матери пошла скорбій.
 Еще дитина молодая!
 Сказала мати ко себѣ:
 Но я, доколь еще живая,
 Мужа найду своей дочѣй.
 Кто знает? може завтра того...
 Пріѣде къ ней женихъ якій,
 Но знатному я дамъ лишь слово
 И оаарю еи рукой.
 Эхъ глуность, глуность бы сдѣлала,
 Шляхетныхъ я Жабецкихъ дочь
 За дурака если бы дала
 Или за другу тамъ сволочь!
 Благорозумно такъ думая
 Она двинулась изъ креселъ
 И взоръ въ послѣдній разъ кидая
 На красоту собственныхъ дѣлъ,
 Въ переднюю избу съ полнымъ вѣсомъ
 Шла радитись съ отцемъ Денисомъ.
 Отецъ Денисъ по повелѣнью
 Царствующей жены своей
 Списалъ нотатку къ доученью
 Корнати куры и гусей.
 Нотатку тую взявши въ руки
 Читалъ собѣ отъ-такъ отъ свуки—
 То проходился въ доль комнаты
 И приклонивъ къ полу лице
 Носовымъ тономъ пѣлъ догматы:
 „Всемирную“ и „Кто тебе.“
 Но только шо лишь распѣвался
 И возвысилъ протяжный тонъ,
 Жены знакомый гласъ роздался
 Якъ въ утрени зовущій звонъ.
 А! тото вы моя мосцѣва?
 Сказалъ Денисъ: ну, якже вамъ
 Удались вкусныя печива?
 А вотъ пойду спробую самъ.
 Да, хорошо, жена сказала:
 Смотрите, все вже на столѣ,
 Но не тому я васъ призвала,
 Поговоримъ мы о дѣлѣ.
 Наша росте, якъ ель, Прасковья:
 Доколь ты живъ еще отецъ,
 Доколи Богъ дае здоровья,
 Треба вести ю подъ вѣнецъ. —
 А, не забыли вы нарочно
 Гостей призвати, мамо? — Нѣтъ!
 Якъ слѣдуе сдѣлалось точно,
 На мене въ томъ вже ся спускѣтъ:

Буде Кипріянь Филиновичъ,
 Аванасій и зъ жениховъ
 Найлучшій всѣхъ: Юръ Догматовичъ!
 Буде и больше молодцовъ,
 Межь ними же Юрій, думаю,
 То богословъ, то обучень!
 Коли спросилъ: а былъ ли въ раю
 Поставленный сакраментъ?
 При диспутѣ съ отцемъ Мириномъ
 Въ протоерея онъ спросилъ!
 Ну, въ разговоръ томъ ученомъ
 Каждый лишь ухо опустилъ.
 Хотя и прежде я немало
 Зналъ богословья на изусть,
 Читалъ: Политику, Зерцало,
 Но вже теперь мой черепъ пустъ.
 „Лѣкарство“ чту, но въ глубиню
 Такову лѣзти не могу.
 Ховайтесь въ книжку съ нимъ коробку!
 Сказала мати: вѣрно онъ
 Уже має толстый носъ якъ пробку,
 Шо зъ того мнѣ, шо онъ ученъ?
 Прасковью я на то родила,
 Щобъ лучшій кто зъ пановъ якій,
 Коего доля обдарила
 И знатностью и красотю,
 Любезной ю назвалъ женою.
 Такъ мати дальше толковала
 Свои замыслы, — а отецъ
 Якъ не противился зъ начала,
 Такъ и прислалъ на все въ конецъ.
 По широу села удолюю
 Ледва роздался зъ башни звонъ,
 Началъ громадно къ богомолю
 Зъ улицы села и всѣхъ стороноу
 Ити народъ. Въ сподницахъ, шитыхъ
 Въ споду блестящимъ галуномъ,
 Въ запаскахъ красныхъ и обвитыхъ
 Уpletкой косахъ шли роємъ
 Чернобровныя красавицы,
 Спустивши скромно въ доль рѣсницы.
 Тамъ парубковъ весела шайка
 Въ красивыхъ свиткахъ и шапкахъ,
 У каждого зъ боку нагайка
 И топорець стальной въ рукахъ,
 На грудяхъ крестъ пѣзъ жолтой мѣди,
 Блестящій ножъ за чересомъ
 И вилючки для мясной сѣди,
 И люлька съ малымъ цибучкомъ;

Але изъ люльки не дымится,
 Предъ службой Божой не годится.
 Зъ верховъ горане отдаленныхъ
 Позавѣжали на коняхъ
 Въ гуглахъ и свиточкахъ черченыхъ
 И въ испещренныхъ киптаряхъ.
 Нерѣдко тоже появлялись
 И зажигочны жупаны,
 Шапкама сивыми кланялись
 Поважно на всѣ стороны;
 Такъ всѣ пошли узкой тропиной,
 Ведущою на большой холмъ,
 Обсаженный красной рябиной
 И елями, во Божій домъ.
 Въ кутъ церковном ограда
 Подъ башнею мирникъ игралъ,
 Мамунечки и батька ради
 Богоговѣйну пѣснь спѣвалъ;
 Спѣвалъ Святого Николая,
 О мукахъ въ адѣ богача, —
 Ему, чудующись, вздыхая,
 Внимае большая толпа.
 Долго старухи полъ притворомъ
 Болтая свой хозяйскій вздоръ,
 Приветствуютъ знакомыхъ взоромъ
 И попрашиваютъ дѣвъ уборъ.
 При воротахъ, въ церковь ведущихъ,
 Богомолка стоитъ съ кружкою,
 И безъ разбора всѣхъ жаждущихъ
 Студеною поить водою;
 Изъ ковшика ей напойтесъ
 Благодаря богачъ, убогъ,
 И богомолка веселится,
 Коли ей сважутъ: прости Богъ!
 Началось вже богослуженье,
 Руси святою нравъ таковъ:
 Въ-передъ дай Богу поклоненье,
 Потомъ или гуляй здоровъ.
 Когда дѣйствители служенця
 Выйшли, склонился имъ народъ,
 И якъ волны шумящихъ водъ
 Улицами поплылъ селеня.
 Прицеркви зъ древа построенный
 Стоитъ приходскій статный домъ,
 Бѣлый якъ снѣгъ, пріосѣненный
 Деревъ вѣтвями якъ вѣнцомъ.
 Отпѣвши службу въ славу Бога,
 Своихъ сосѣдовъ, тетъ, сватовъ,
 Ставши Деянисій у порога

Просиль войти подъ мирный кровъ.
 Услужная въ избѣ супруга,
 Статно празднично убрана,
 Смотритъ, щобъ гостямъ вся услуга
 Якъ слѣдуетъ была дана.
 Мужчины всѣмъ клоняся серьезно,
 Въ гостинную пошли съ отцемъ,
 Цѣлуючисъ жены любезно
 Начали толкъ о томъ, о семъ...
 Здравствуйте добра Кипрянова!
 Аяно, Орфино, ахъ, здравствуй!
 Юлитта, Фежда, щожъ, здорова?
 Ходи сюда, дай поцѣлуй!
 Начали прежде о погодѣ,
 О дѣвочкахъ и о коврахъ,
 Потомъ о платью и о модѣ
 И о сосѣднихъ женитьбахъ;
 Былъ бы никакъ не истощился
 Обильный бесѣды предметъ,
 Если бы вчасъ не появился
 Столъ чистой скатертью прикрытъ.
 Изъ чистого олова блюда
 Якъ зъ серебра рядомъ блестятъ,
 Такая жъ была вся посуда,
 И стакамы съ медомъ стоятъ.
 Вже коливо на столъ поклада
 Вареное съ воннымъ медомъ,
 Котре вѣточки украшали
 Зъ наткнутыхъ овощей кругомъ.
 Всѣ приступили ко обѣду;
 Сълоглавый протоерей
 Началъ спѣвати панахида,
 И вспоминалъ нашихъ князей:
 Володимира, Осьмомысла,
 Данила, Романа и Льва,
 Ольгу и Ланку зъ Перемышля,
 Коихъ вся руска чтить земля,
 И пастырей благочестивыхъ,
 Церковью правящихъ святой,
 И всѣхъ вельможъ боголюбивыхъ,
 За родъ стоящихъ твердо свой.
 И наконецъ вспоминалъ въ молитвахъ
 Всѣхъ сродниковъ и христіянъ,
 Усопшихъ дома, или въ битвахъ,
 Или въ плѣну лютыхъ Агарянъ.
 Вѣчная память якъ запѣла,
 Слезами очи всѣ зросили,
 И старику по борода
 Зъ очей упали двѣ слезы.

Но гости вже кресла заняли
 И що Богъ далъ, то поживали.
 Все было вкусно: масла, жиру
 Не жалѣли до блюда никакъ,
 Ни сафрану, перцу, имбиру —
 Въ пирогахъ былъ обыльно макъ.
 Всѣхъ радостно сѣли взоры,
 Всѣ были сыты якъ не лъзал, —
 Началась дальше разговоры,
 И веселился друзья.
 Поднявши въ-томъ Денисѣй чару,
 На нейже написать въ большихъ буквъ:
 „Выпій здорово господарю,
 И дайъ дай отъ рукъ до рукъ!“
 Налилъ старю медовинной,
 Сверкающей будьго рудинь,
 И говоря: нехай съ родиною
 Протоерей же Анеимъ!
 Къ почтенному поглянулъ мило
 И глотъ! въ чарцѣ меду не было.
 Принялъ Анеимъ старикъ почтенный,
 Съ свдой по полю бородой,
 Къ небу поднесъ свой вдохновенный
 Полный тоски взоръ голубый,
 И произнесъ: Люби дѣти!
 Мы тутъ не знаемъ, що бѣда,
 Но всюда вѣдъ лихи примѣты,
 Теперь страдаиіи времена!
 Турии и лютын ординцы
 Грабятъ несчастный русскій край,
 Наши невѣсти и младенцы
 Гонятъ въ неволю ихъ нагаи.
 Крымъ, Требизонтъ и Черне Море
 Розказуютъ про наше горе!
 Но и межъ нами лицедѣры,
 Слабого духа полдецы,
 Стыдаются оцтевской вѣры,
 Вѣять чужин колбасы.
 За здравіе пійте ребята
 Вельможъ, любящихъ русскій родъ,
 Коимъ не стыдна родна хата,
 Кто другъ за счастья и невзгодъ:
 Память его отъ рода въ родъ!
 И отъ почтенного Анеима
 Ила отъ рукъ до рукъ кругомъ,
 Была ко губамъ подносима
 Чарка съ родиннымъ нектаромъ.
 Каждый желая зъ сердца пьеть
 Память тому — отъ рода въ родъ!

Помолившись напередъ Богу,
 Помоги Денису и женѣ
 За хлѣбъ и соль, услугу многу
 Благодаря отъ всей души,
 Гости зъ кресель и лавъ повстали
 И сердечно себе обнимали.
 Въ пзбы просторной уголку
 Собрался кругъ почтенныхъ лицъ,
 Сколько было тамъ сѣха, толку,
 Всякихъ басней и небылицъ!
 Конецъ стола горяча тройка
 Взядась играти въ дурачка,
 При стаканяхъ старая двойка
 Вспоминала юны лѣта.
 Въ комнатахъ шумъ и разговоры:
 Юръ Догматовичъ и Миронъ
 Опять свои начали споры,
 Одинъ и другій страхъ учень!
 Отецъ Денисъ прислухивался
 Съ солодкой миной якъ бурсакъ,
 Все жиурилъ очн, усѣхался,
 И говорилъ: ну такъ, да такъ.
 Тамъ говорилъ о Жигмонтѣ,
 И о московскомъ же-царѣ,
 Якъ бисурмане въ Требизонтъ
 Жгли Запорозцевъ на кострѣ,
 Якъ заведось въ русской отчизнѣ,
 Якъ слышенъ тамъ лишь вопля зовъ,
 Якъ къ большой нашой укоризнѣ
 Стыдаются свои отповъ.
 Въ-томъ Аванасъ въ покоръ сына
 Съ дѣвой къ Денису приступалъ,
 И приклонивъ свои колѣна
 Благословенія просилъ.
 Ростерялся отецъ Денисѣй.
 Глянулъ съ улыбкой къ молодцу,
 Поскобилъ лобъ немвожно лысы
 И милую спросилъ дочку:
 Ну що бѣ ты, дочь, на то сказала?
 Що сляжешь: да? чи скажешь: нѣтъ?
 Но дочь отцу руку лобзала,
 И тѣмъ дала ему отвѣтъ.
 Такъ хорошо! въ жарѣ, здоровью
 Живи счастливо Аванасъ
 Съ моею любезною Прысковью,
 Я благословлю съ Богомъ васъ!
 Пошелъ въ дѣвичью за женою,
 Котора знала все, и съ ней
 Дѣлая крестъ святыи рукою

Благословилъ своихъ дѣтей,
 Пошли во церковь; обручене
 Тамъ совершалъ Анеимъ старый,
 И такъ свадьбы увеселенье
 Въ гости прійшло цѣлой толпой.
 Юръ Догматовичъ якъ витіѣ
 И богословія кимвалъ,
 Съ полнымъ вѣсомъ и не робѣя
 Орацію славно сказалъ:
 „Несоразитрно, чтобъ дыханья,
 Елика зрими заѣ кругомъ,
 Жили въ единствѣ пребыванья,
 Но все бываетъ лишь двойствомъ.
 Мужу не дѣть есть тако быти,
 Якъ птицѣ бѣдующей на заѣ,
 Но хоцетъ Богъ, во еже жити
 Во треблаженномъ замѣ двойствѣ.
 Царь небесе съ всевышня ерона
 Премудръ такъ есть устроилъ,
 Чтобъ сей отрокъ до своего лона
 Сію дщерь Евы притудилъ.
 Се Аванасъ якъ кедръ ливанскій,
 Аки едець Веоильскихъ горъ,
 И жемчужинъ уріястѣй
 Уподобись прекрасный взоръ!
 И дѣва аки крикъ юдольный,
 Якъ стадо козлищъ ея власть,
 Сибѣдущихъ злакъ Галлады польный
 Якъ звукъ псалтыря ея гласъ;
 Жій Аванасіѣ съ Прасковью
 Во долгоднствію, здоровью,
 Аки со Саррою бѣднѣ —
 И азъ желаю многихъ дѣтъ!
 Деидсь сказаць въ восторѣ Духа:
 Хороша вирша! ну вже Юръ!
 Словно скочоче коло уха,
 И голову хватае дуръ!
 Молодежь тоже не дѣнилась,
 Піясаа скочно козачка,
 Пѣла, шумѣла и бѣсилась,
 Не такъ якъ въ наши времена.
 Всюда сіне взоръ угѣхи,
 Слышно бантурки звукъ и сѣвъъ,
 Говоръ старыхъ и юнцѣхъ смѣхи
 И хохотъ любезныхъ дѣвъ.
 Но макодець — всему конецъ
 Царица ночной тьмы дремота
 И аи другъ могучій сонъ,
 Залого ждавши коло плота,

Сквозь плющъ зеленый у охонъ
 Втиснулись въ мирныи притворы
 И туманомъ прикрыли взоры.

V.

Знаешь ли братъ ты, руское Покутье,
 Где Черемошь и быстрый Пругъ шу-
 мить

Остановись! внимай на слуха чутѣ,
 Якая пѣснь ти серденько разить?
 Войди въ село; въ селѣ ось вечерницѣ,
 Въ липяницѣ тамъ чега обходить бракъ,
 Глянь въ личко чернобровом дѣвицѣ,
 Отъ пѣе пѣснь, ахъ пѣе пѣснь, но якъ!
 О! таа пѣснь плыве изъ устъ поволи
 Долгимъ русломъ, якъ долгиі бѣдствій

токъ

Въ ней Зельманъ есть, и горести недоли,
 Татарскій бичъ, и пѣна жалкій рокъ!
 Покутска пѣснь, роса перловыхъ слезъ
 Кропяща воинный пукъ зъ цвѣтучихъ

думъ и грезъ

Нахмурился взоръ палишаха,

Списомъ его козакъ кольнуть;
 Началъ бѣснитись, и отъ страха
 Мертвы везиры и Стамбуль;
 Погнала чауши летучи
 Съ письмомъ въ Буджакъ и Аверманъ,
 Щобъ навести ордынцѣвъ тучи
 На Покутье и Подолянъ.
 Сердитый баша Ахермана
 Схватясь внезапно словно чортъ,
 Поцаловалъ фермацъ Султана,
 Велѣлъ созвать буджакскихъ ораъ,
 Взяти веревки и кандалы,
 Много телегъ и тму кодей, —
 И русски поля застогнади
 Подъ стопами тыхъ дикарей.
 Шо люгая хоче голога?
 И въ ораѣ слышенъ говоръ словъ:
 Злата, сребра, невѣствъ и скота,
 И бити всѣхъ невѣрныхъ цсовъ!
 Села счезаютъ, замки, грады,
 Туча Татаръ залила ихъ,
 И храманъ божимъ нѣтъ пощады,
 Конь топче крестъ въ позоръ и смѣхъ!
 Дятятка, старцы и старухи
 Въ огняхъ родинныхъ избъ горать,
 И надъ огнемъ якъ злыи духи

Враги съ усмѣшкой ада зрятъ.
 Жены, невѣсты и дѣвицы
 Пойдутъ въ гаремъ, будутъ рыдати,
 Доколь не выплачутъ зѣнницы,
 И ворогамъ ложиска стлати.
 Тебе, несчастный русскій цвѣтъ,
 Не озаритъ надежды свѣтъ,
 Загинешь тамъ якъ капля въ морѣ,
 Горе тобѣ! о, горе, горе!

VI.

Въ бѣломъ, якъ снѣгъ ранномъ уборѣ
 Въ огородку дѣва сидитъ,
 Чиститъ цвѣточки, и въ просторѣ
 Взоромъ любви за кѣмъ-то зритъ,
 И думку думас: навѣрно
 О будущей своей судьбѣ,
 Якъ то она счастливо, мирно
 Жити буде въ мужа аворѣ.
 Тамъ вотъ она повелѣвае, —
 Послушна ей толпа дѣвокъ
 Все движется, все работаетъ,
 Подъ цѣпами туляте токъ;
 Поляный амбаръ, полна комора,
 Волна и лень тамъ въ сундукахъ,
 На подряхъ бузъ, и ен звора
 Замѣтенъ взглядъ во всѣхъ кутахъ.
 Авотъ изъ лѣсовъ со стрѣльцами
 Любезный мужъ домой иде
 Съ отвертымъ сердцемъ и руками,
 У воротѣхъ она го жде.
 Вотъ дома онъ, — она такъ рада!
 И поцѣлуй, съ улыбкой взоръ
 Солодшая для ней награда —
 Все прочее на свѣтъ вздоръ.
 Еще кое-что ей грезилось,
 И къ ней смѣсь оно еще,
 И краскою стыда облилось
 Дѣвственное ея лице.
 Въ томъ слышенъ потопъ на площади
 Коней, и лай веселый пса,
 Оглянулася: уже зъ лошади
 Скочилъ ея женихъ — душа.
 Що дѣлаешь Прасковья мила?
 Спросилъ со взходомъ Аванасъ:
 И улыбаясь отвѣтила
 Поднесши свой чудесный глазъ
 Прасковія: я чищу зелье,
 Вѣдь за плечима вже веселье!

Тогда оставлю дворъ родимый,
 Цвѣтушій садъ, зеленый лугъ,
 И готова въ свѣтъ незѣримый
 Итти съ тобой, мой милый другъ.
 Цвѣтки мои! чрезъ колька дней
 Поласкаюсь еще я съ вами.
 Васъ придавитъ бурянь, пирей, —
 Останетесь вы сиротками!
 Но Аванасъ къ грулямъ дѣвицу
 Страстно прижалъ крѣпкой рукой,
 Къ родителямъ помоло въ свѣтлупу,
 Щобъ имъ поклонъ отдать свой,
 И розсказать имъ дѣло,
 Яке его къ нимъ привело.
 Онъ розсказалъ: шо зъ Агермана
 Вышолъ на добычу баша къ намъ;
 Шо словно море изляна
 Бушуе орда по полямъ;
 Шо взоромъ крюка въ самъ Снятынъ
 Смотритъ уже собачій сынъ.
 Но въ крѣпкомъ замку коло Пнѣва
 Кушится збройный вже народъ,
 Доходитъ вѣсть, шо тягне зъ Львова,
 Солацтва къ намъ нѣсколко ротъ;
 Шо се я онъ на поле рати
 Отправится съ шайкой горятъ,
 Для того треба съ бракомъ ждиги,
 Доколь не выйде тиа поганъ.
 Хмарой затьмилися свѣтъ очей,
 Когда то дѣва услышала, —
 Надарно, ахъ, она думала
 О блаженствѣ будущихъ дней!
 Прочъ изъ сердца печаль, терзанья
 Сказалъ онъ ей: чижъ милый сонъ,
 Когда разитъ вопль отчаянья
 Несчастныхъ жертвъ, и плачъ, и стонъ?
 Коли, о мила, подумаю,
 Щобы тебе ласкалъ Татаръ,
 Ярость во груди ощущаю,
 И пробьжитъ сквозъ жилы жаръ.
 Нѣтъ милая! на брань, на брань,
 Нѣтъ мечъ вонзу въ врага гортань!
 Не печались Прасковья дома, —
 Дастъ Богъ съ врагомъ скончится бой,
 Скоро грохотъ утихне грома,
 Вернусь къ тобѣ — и вѣчно твой!
 То говори слугѣ нежданно
 Далъ знакъ вѣсти въ комнату выюкъ,
 И якъ уже тотъ розмотано,

Вынял платковъ нѣскольکو штукъ,
 И другія хороши вещи —
 Тое подарокъ былъ для тещи.
 Тожъ приступилъ къ отцу Денису,
 Склонясь колѣно пѣловаль,
 Шапку съ бобромъ и шубу лисью
 Ему въ даръ якъ зять отдалъ;
 Любезной же своей Парасѣ
 Монисто далъ съ снуркомъ бисеръ,
 Молебеникъ въ сребрянной блясѣ
 И дорогій зъ камки уборъ.
 Скропивши даръ горькой слезою
 Сказала: Друже, йди здоровъ,
 Нйй Богъ всегда буде съ тобою!
 И больше ей не стало словъ.
 Лишь крестичокъ, що былъ у неи
 На свѣтлой груди подъ кафтою,
 Привязала ему на шеѣ
 Дрожащою своей рукою.
 И нехота обвилися руки
 О крѣпку шею молодца, —
 Но щожъ? насталъ вже мигъ розлуки:
 Уже вывели на дворъ коня,
 И Аванасъ свою дѣвицу
 Спустилъ леговько на ослонъ,
 Уцѣловалъ слезну рѣсницю,
 Родителямъ отдалъ поклонъ,
 На дѣву жалко подивился
 И на коня якъ вихоръ взвился;
 Поглядилъ чернйй усъ рукою,
 Свиснулъ перстомъ, поднесъ нагай:
 Лети мой ковъ, лети стрѣлою,
 Лети, лети, слезу утай!
 Долго еще Прасковья тѣло,
 Аи, только тѣло безъ души,
 Сквозь оконце за нимъ глядѣло,
 Доволь не скрылся межъ кусты.
 Отецъ Денисъ весь засмутился,
 Крестъ знаменалъ рукою за нимъ,
 И шепота тепло молился
 Къ Всевышнему и всѣмъ святымъ.
 Денисова лишъ половица
 Не потеряла добрый духъ,
 И тѣшитъ дочь: Не плачь горлица!
 Мой зять козакъ що зухъ, то зухъ,
 Вѣрно поверне къ намъ здорово,
 Уже въ томъ спустись на мое слово.
 Не плачь дочка, не плачь горлица!
 Къ тобѣ поверне мужъ здорово!

VII.

Уже позано въ вечеръ въ долѣ комнаты
 Панъ Аванасъ еще ходилъ,
 То искушалъ свои булаты,
 Ловкость руки и крѣпкость смѣлъ;
 Снималъ ружье, кинжалъ гурецкйй,
 Смотрѣлъ чи добре замокъ бьетъ,
 Порохъ сыпалъ въ рожокъ стрѣлцкйй,
 Долгйй зъ колка снялъ пистолетъ;
 Роздумывалъ, якихъ съ собою
 Взяти въ походъ зъ села людей,
 И приказъ далъ, щобъ все скорѣй
 Предъ горами было готово.
 Не докончилъ еще онъ слово,
 Ажъ дослулъ свѣтъ въ стеклахъ оконъ.
 Смотри Стецько! шо за огонь?
 Развѣ луна вже выкотилась,
 Или горить где будъ костыръ?
 Ай нѣтъ, луна не выкотилась,
 И не горить въ верху костыръ,
 Каже Стецько: видатся мнѣ,
 Шо край села вѣха въ огнѣ!
 Когда они тамъ бесѣдали,
 Бѣжитъ кто-то зъ цѣломъ смы
 И зъ далека кричить: охъ паяъ,
 Поможи намъ, вотъ бисурманъ!
 Да где? и онъ всказалъ рукою:
 Ай тамъ въ селѣ отъ за горою!
 Панъ Аванасъ вздымая груди
 Ставуль якъ буй-туръ уязвленъ,
 Въ-томъ вже завывлъ церковный звонъ
 Зова на сборъ; — купатся люди,
 Схвативши мечъ уже сейчасъ
 На рысану былъ Аванасъ,
 Тожъ и Стецько; за нимъ ватага
 Шумить удалыхъ молодцовъ,
 Изъ лицъ сіяе имъ отвага,
 Въ жилахъ кипитъ сердита кровь.
 Долгйй розвился межъ кустами
 Горповъ удалыхъ хоровахъ,
 Часомъ зарева лишъ лучами.
 Осыпанъ лосне острый гротъ,
 Ружье шль бляхи капелюховъ,
 Иль острія стальныхъ обуховъ.
 Уже на форъ; уже зъ возвышенья
 Спустились въ долъ; о, шо за видъ!
 Въ осередку самошь селенья
 Много горскихъ хижинъ горитъ:
 Головни, искры, клубы дыма

Неслись столбомъ ноль небеса,
 Сквозь дымный мракъ ледва що зрима
 Багряная груститъ луна.
 Слышенъ трескъ древа, вопль и стоны,
 И плачь женщинъ, и мужей кликъ,
 Дѣтя рыдаютъ, звонятъ звоны,
 Носится скота сумный рыкъ.
 Видите добры христiане,
 Сказалъ со вздохомъ Аванасъ :
 Якъ грабятъ насъ люты погане?
 Удармо жь хлопцы, вдармо вразъ!
 Лучшая смерть при русской хатѣ,
 Нежели жизнь въ пѣту собаки!
 Якъ сторожей пастырскихъ стая
 Спаде въ оборѣ на волка:
 Такъ шайка храбрыхъ удалая
 Напала съ крикомъ на врага.
 Вотъ тамъ, где божи́й храмъ сіяе,
 Волнуется куча Татаръ,
 На нихъ ватага набгае,
 Первый на нихъ наде ударъ:
 Ружья пукнули долгоствольны
 И копья грогъ засіялъ,
 Доснулъ и мечъ искрами молнии,
 И топорецъ тѣжко падалъ.
 На рисаку предъ молодцами
 Рыще якъ туръ панъ Аванасъ,
 Враговъ онъ топче копытами
 И гомонить: ей хлопцы вразъ!
 Колѣте, бѣйте тѣхъ собакъ,
 Лашъ хорошо! а такъ, да такъ!
 Въ-тошъ самъ одного бисурмана
 Рогатиной долгой достигъ,
 И струей брызвая кровь баграна.
 Завлаши то въ одинъ лишь мигъ,
 Уже другого шабнулъ обухомъ,
 А третѣму кулю волзилъ
 Въ самый черепъ надъ лѣвымъ ухомъ.
 Всюду враговъ якъ левъ разилъ,
 И молодцы сѣкли и били,
 Но врагъ ползецъ, битись не радъ,
 Не ставитъ силу противъ силы;
 Зѣ далека лишь сичитъ якъ гадъ.
 Панъ Аванасъ больше не дрался,
 Послалъ погоню за врагомъ,
 А самъ скорѣй стрѣламъ помчался
 Туда, где дворъ стоитъ знакомъ.
 Ось вже и дворъ. Розбиты двери
 Загородили къ избимъ путь,

Сомнѣнья нѣтъ, шо живодеры
 Цѣлой толпой гуляли тутъ!
 Стануль якъ столпъ, и взоры тщетно
 Людей ищутъ, никого нѣтъ!
 И пса слѣдовъ въ немъ незамѣтно,
 Никто на встрѣчу не идетъ.
 Кликнулъ громко, — наставилъ ухо:
 Въ пѣломъ дворѣ умыло, глухо,
 Лишь равный вѣтръ звеня стекломъ
 Грустный Богу пое псадомъ.
 Но межи тѣмъ первый зарева
 Сквозь оконце лучъ загостилъ,
 И темныя стѣны изъ древа
 Полуосвѣтломъ алымъ облилъ;
 Уже видно все; въ сѣняхъ покутъъ
 Близко дверей лежитъ мертвецъ,
 Видно крѣпко сцѣпленны руки,
 И обгаенъ кровью чепецъ;
 Татьяна то, Прасковья мати —
 Мертва лежитъ горь лицомъ:
 Ахъ! такъ дождалась ты вѣнчати
 Любезну дочь брачнымъ вѣнцемъ?!
 Счастлива ты, не знаешь боли!
 Въ сердцѣ твоємъ застыгла кровь,
 Слышь маменька: дочка въ неволи!
 Но мертвая не слышитъ словъ, —
 Счастлива ты, не знаешь боли!
 Хаты селенья догорали,
 Где домъ стоялъ, радость очель,
 Голы обжого лашъ торчали,
 Добытокъ дѣтъ во мигъ исчезъ..
 А жители? недоли жертвы!
 Рыдали родныхъ женъ, дѣтей,
 Кои пошла въ ясмръ, нль мертвы
 Пали отъ сабель дикарей.
 Молодая ось-тамъ супруга.
 Груди свои руками бьетъ,
 Тщетно гладитъ своего друга,
 Онъ въ жизни сей для ней ужъ нѣтъ!
 При згарищахъ грустна невѣста.
 Держитъ дитятко на рукахъ,
 Не движется бѣднажка зъ мѣста,
 Въ очахъ замѣтны боль и страхъ;
 Къ грудямъ она дитятко тисне,
 Но мертвое уже не писне.
 Уже и отецъ Денисъ явился;
 Онъ былъ убѣгъ въ зарослый саль,
 Якъ бисурманъ за нимъ гонился,
 Но Аванасъ упалъ якъ градъ,

И спасся онъ, чтобы унылый
И одинокий въ свѣтъ жилъ,
И надъ иплыхъ своихъ могялой
Ждалъ кончины и слезы лаль.
Предъ нимъ грустна стоитъ громада,
Онъ горькихъ токъ удержалъ слезъ
Видя больше несчастье стада,
На крестъ Господень взоръ поднесъ,
И такъ сказалъ: Не плачте дѣти,
Зрите на крестъ, на крестъ Спасъ!
Сердце, руки, ноги пробиты,
Больно страдае онъ за насъ!
Вооружимся ми терпѣньемъ,
Лишь въ займы даннй тѣннй свѣтъ,
И смертнику есть смерть спасеньемъ
Отъ житейскихъ невзгодъ и бѣдъ.
Дѣточки! въ церковь соберитесь,
За тыхъ, коихъ тугъ не видать,
Усердно Богу помолитесь,
Господь даде, Господь пріяты!
И грянули во церковь люди,
Крестъ водрузили надъ луною
И облегчили тошны груди
Теплымъ моленьемъ и слезою.
Руки скрестивши тамъ молился
И Аванасъ въ толгѣ людей,
Но видъ лица не розъяснился,
Сверкае молнья изъ очей, —
Якъ моря бурного рытвны
Надъ бровями стяглись морщины,
Крѣпко стиснулъ онъ мечъ рукой
И горестный побрелъ домой.
Несчастнй ролъ! саваль могялы
Храбрыхъ покрылъ твоихъ отцовъ,
Старшия братья отступили,
Не слышетъ твой опомощъ зовъ,
Одинъ остался божий храмъ,
Твоя потѣха только тамъ!

VIII.

Въ Коломнѣ обширный рынокъ;
Середъ рынка тамъ надъ багномъ
Стоять большій отъ другихъ шинокъ
Подъ кровлею, обросшой мхомъ;
Подпѣртыя стѣны столбами
Въ грязь багна хотѣли съестъ,
Небольшими на нихъ пятнами
Бѣдилась самъ то тамъ извѣсть.

На Руси хать такихъ богато;
Неохогенъ въ земли чужей
Строити жидъ, ссезъ только злато
Якъ пъявка кровь изъ жилъ людей,
Дужае будто за годину
Повернется онъ въ Палестину.
Передъ дома того кружкакомъ
Остановилъ коня вѣдокъ,
Ему на встрѣчу съ полнымъ збанкомъ
Бородатый вышелъ жидокъ:
А тото вы панъ Аванасъ,
Миромъ ли Богъ веде до насъ?
Здорово, охъ, ай-вай здорово,
Проситъ въ избу на добре слово!
Есть и мелокъ на угощенье,
Много теперь у насъ пановъ,
Посполите движутъ рушенье,
И каждый пье, ний пье здоровъ!
Охъ, той Татаръ, надъ рихнй рихъ
Нехай подъ хвостъ загорне всѣхъ!
Но Аванасій молчаливо
Скочилъ зъ коня, велѣлъ овесъ
Дати ему, выпивши пиво
Въ жидовскую комнату вѣзъ,
И усѣвши за столъ дубовый:
Слышнйшъ, сказалъ онъ и свой взоръ
Вперяхъ во жила взоръ суровый:
Лихо зайшло до нашихъ горъ,
Виала на насъ Татары тма,
И вже теперь несчастнймъ я!
Встрепенулся отъ страха Шлѣмка,
Що ажъ на нось пала еломка:
Ай-вай! ай-вай! гроши забрали,
И вышь толстый хорошій скотъ
Тотъ ганефъ съ собой угнали?
Но гнѣвлюсь на васень, отъ!
Чому гроши не закопали? —
Добытокъ мой, воловъ оборя
И дворъ врагомъ незаграбленъ;
Обручницу мою лишь вчера
Порвалъ съ собой въ проклятый плѣнъ.
Вотъ окупъ! дамъ черенцевъ триста,
Продамъ воловъ и двадцать паръ,
Щобъ вольная была невѣста
Отъ горького плѣна варваръ. —
Вы жидова прехитры люди,
Иди Шлѣмка въ татарски буды!
То говоря, кожаный ворохъ
Гроши набитый отвязалъ;

Изъ внутри слышенъ звонкій шорохъ,
 И тяжело онъ на столъ упалъ.
 Жидъ задумался, и рукою
 Натисъ ямурку на чело,
 Встряхнулъ пейсомъ и бороδοю
 И отвѣчалъ: Охъ панъ! по що?
 Най Татаре будутъ Татаре,
 То котюга, ганефъ, пся-пары!
 Панъ Аѳанасій делникагый,
 Крѣпкій якъ дубъ, лицомъ хорошъ,
 У него есть дворочокъ статный,
 А въ сундукахъ прекрасный грошъ,
 Ему найдется имостанка,
 Не поповна, но старосгянка!
 Но Аѳанасъ вздохнувъ глубоко
 Готовился вже выйти вонъ,
 Но жидъ кинулъ на чересь око.
 Его прельстилъ золота звань.
 Не выдержалъ сальной принады,
 И онъ сказалъ: Есть тутъ Шудимъ,
 Къ нему пойду глядѣти рады,
 Онъ знае Яссы, Стамбуль, Крымъ,
 И страхъ учоный во Тальмуды,
 То гловъ мудрѣйшій надъ всѣ люди.
 Панъ Аѳанасъ остался самъ;
 Жидъ шатался то симъ то тамъ,
 Перебродилъ калужный рынокъ,
 Вступилъ въ одинъ и другій шинокъ
 И наконецъ приобрѣлъ, — за нимъ
 Патынками хлопалъ Шудимъ.
 Начали тайно розговоры:
 Жидъ головой покачивалъ,
 И въ разговоръ тайно взоры
 На кожаный чересь кидалъ.
 Вотъ стануло уже рѣшенье:
 Щобы на путь и утруженье
 Червонцевъ далъ имъ пятьдесять,
 Иначе жалъ и ногъ двигать. —
 Татарска орда недалеко:
 Ось-де старый стоить Снятынъ, —
 Розгульнии поля широко
 Станомъ покрывъ Буджакъ сымъ.
 Гордо торчатъ буды кожанымъ
 Аговъ и мурзъ, одинъ шатеръ
 Изъ красного шелка истканый
 Выше отъ всѣхъ зрѣть на просторъ;
 Луна надъ нимъ въ лучахъ сверкае,
 И на дворъ бунчукъ воткнутъ
 Съ буйнымъ вѣтромъ волей играе,

Зъ дали вѣститъ: шо баша тутъ!
 Якъ падшая зъ небесъ зорница
 Въ слезахъ клячить у башы ногъ
 Несчастная тамъ красавица, —
 Потѣшь бѣду, о лобрый Богъ!
 Врученными жидокъ денежми
 Зишылъ у вагу кактана,
 И до малой старой тележки
 Худенього припрягъ коня.
 Цмокнулъ пишисъ, ударилъ, гаркнулъ,
 И конь худый ногою шаркнулъ. —
 Прошла вже ночь, ахъ! ночь безсонна,
 Такую ночь лишъ знае адъ,
 Она и мрачна и бездонна,
 Не миръ душъ, но лютой ядъ!
 Панъ Аѳанасъ сѣлъ за столомъ,
 Нетерпѣливо посла чае,
 Сквозъ оконце зрѣть въ даль кругомъ
 И думу думой догагае:
 То надежды лосие сѣянне
 Якъ утренняго солнца лучъ,
 То зновъ вгнѣздитса сомнѣванье,
 И мысль тогда — сумракъ дремучъ.
 Промолъ вже день, ночь темна близко,
 Землю уже туманъ прикрывъ,
 Вотъ и приобрѣлъ трудный жидско
 Въ комнату влѣзъ и носъ спустилъ:
 Уѣфъ панъ, ей Богу, охъ невозможно,
 Трудился такъ, якъ вже не лѣзя,
 Но дармо все, охъ все ничтожно,
 Баша завязягъ якъ сатана.
 Забудь свою любезну, панъ!
 Розсказывали мнѣ Татаре,
 Що баша дѣвы и мычары
 Вышла сегодня въ Акерманъ.
 Всталъ Аѳанасъ, брови нахмура,
 Съ грозной морщаной на челѣ,
 Въ жилахъ кипить лютая буря,
 И выкрикнулъ: Дамъ я тобъ!
 Есть Богъ еще на небесахъ,
 И острый мечъ въ моихъ рукахъ!
 Эхъ ты король и вы вельможи!
 Що имъ до насъ? ихъ не болитъ,
 Въ Варшавѣ спятъ на мягкомъ ложѣ,
 Имъ въ головахъ лишъ сеймъ сидѣть.
 Радятъ, радятъ, и шо изъ рады?
 Нашъ надъ чужимъ забыли край,
 Ноги во полкъ влекуть изъ зади,
 А вражій насъ сѣче нагай!

Нѣтъ Романа полковъ желѣзныхъ,
 Нѣтъ сильного Льва воеводъ,
 Никому русской вже отчины
 Отъ напада хранити орды;
 Ихъ крые прахъ гробовыхъ норъ,
 А насъ недоля и позоръ!
 Тугъ и для мести нѣтъ роздолья,
 Нигде на волю погуляти,
 Наша доля — пустая роля,
 Лишь Свѣчь одна несчастнымъ мати!
 Панъ Аванасъ сѣлъ на коня
 И въ тѣмъ якъ ночна счезъ мечта.

IX.

Що за вѣдокъ рыще по поли
 За нимъ трава лишь шелеститъ,
 И вѣтръ поранный въ своевольи
 Съ темными кудрями шутитъ,
 То отавине широку бурку
 Изъ красного шпиту сукна,
 То петлями бѣе о мисюрку.
 Що молодца жене? тоска?
 Хоче ли добрый-день сердечный
 Сказали самъ душѣ своей,
 И провести часть скоротечный
 Въ объятыхъ ласкъ, въ дали людей?
 Може дѣло якое? Нѣтъ!
 То всадника лишь мѣсть ведетъ.
 Вотъ тисне онъ саблюку цѣпко
 И въ стременахъ держится крѣпко.
 То Аванасъ! предъ нимъ извился
 Дивстровыхъ водъ сребристый токъ,
 Онъ переплылъ на другій бокъ
 И въ широкій просторъ пустился.

Уже ему цѣь зади Бугъ,
 Но далѣй рыще онъ на югъ.
 Вотъ вже достягъ къ рѣцѣ Тисмину
 Брату великого Днѣпра,
 И въ безконечную ровнину
 Наворотилъ уздой коня.
 Якъ плаватель неугомонный
 Бурной игрѣ зеленыхъ волнъ,
 Вкрывающихъ просторъ бездонный,
 Вѣтрае свой досчатый чолнъ:
 Такъ съ рысакомъ — лодью степовой
 Въ рывнинахъ травъ вѣдокъ пропалъ,
 Мисюрки только верхъ пунцовый
 Якъ дикій макъ въ травѣ жѣлькалаъ

Глухо въ степи и одиноко,
 Лишь вѣтръ травой выводитъ свистъ,
 Иль степовый въ хмарахъ высоко
 Надъ головою крикне аистъ.
 Самъ Аванасъ въ просторѣ моря, —
 Не встрѣтитъ житель нѣякій,
 Ахъ якъ же самъ? вѣдь думы горя
 Предъ нимъ бренятъ якъ мушокъ рой.
 Долго скакала неугомонный
 И наконецъ тамъ, где востокъ —
 Якъ лента синяя былъ зримый
 Днѣпръ величавый и глубокий.
 Онъ надъ рѣкой, предъ нимъ Хортица
 Якъ темная въ оцѣ зрѣница.

На березѣ повелѣвая
 Крѣпкій козакъ махнулъ весломъ,
 И зъ берега толпа ступая
 Съ Аванасомъ вошла въ порожъ.
 Розличны тамъ были люди:
 Были таки, що пнѣ печаль
 Могуци терзала груди,
 Нѣкоторыхъ прыгнала шаль.
 Вотъ къ пристани вже причалили,
 И путники всѣ выступили:
 Предъ ними Свѣчь, гвѣздо соколе!
 Среди Днѣпра шумящихъ водъ,
 Въ своей твердой розгульной волѣ
 Русскій его избралъ народъ.
 Тамъ дерзкое грѣется племя,
 Розтворивъ клювъ и острый шпонъ
 И быстры крыла подъемля
 Летитъ за Крымъ и Чорный Повтъ.
 И сильный Султанъ Цареграда
 Въ омиѣние паде, и зъ рукъ
 Роняетъ янтарный свой чубукъ,
 Коли взлетятъ степовы чада.
 Вѣвхали въ Свѣчь; вотъ на дорозѣ
 Лежитъ козакъ могучъ якъ левъ,
 Вале долгій чубъ въ берлозѣ;
 Пускае зъ устъ не храпѣ, но ревѣ.
 Надъ нимъ играе балагайка,
 Гудитъ якъ жукъ брюхагый басъ,
 И молодцовъ веселыхъ шайка
 Свой воздушный выводитъ плясъ.
 Отъ рукъ до рукъ проходитъ рюмка,
 Слышенъ говоръ, и кликъ, и смѣхъ,
 И якъ степный ураганъ шумка
 Вызываетъ до пляска всѣхъ.

Подальше тамъ лишь сѣлоусы

Въ пріятельскій собрались кругъ,
 Не выводятъ они турусы,
 Межь ними есть старый Явгухъ.
 Въ плѣну ему собачи Турки
 Выпалили очи огнемъ,
 Онъ попрощался вже съ мечемъ,
 И при звучной игрѣ бандурки
 Товарищей дѣла хвалить,
 И кровь козацку горячить.
 Тримаєсь крѣпко на лошади
 Далѣй ступалъ знакомецъ нашъ,
 И встрѣтилъ на скатѣ площади,
 Где большій всѣхъ торчалъ шалашъ,
 Трехъ козаковъ въ нѣзѣ покоя
 Ровнодушно глядѣвшихъ въ свѣтъ,
 На ихъ лицахъ смуглыхъ отъ зноя
 Ни радости, ни грусти нѣтъ.
 Между собой и не болтали,
 Но дымъ зъ малыхъ ложекъ пускали;
 Каждый подобенъ до вулкана,
 Въ коемъ горитъ внутренней жаръ,
 Вспомни ему имя султана,
 Иль за враговъ, или Татаръ, —
 Глади, рукой махне якъ—разъ
 И нахмуритъ презрѣнно глазъ.
 Одинъ изъ нихъ ловко схватившись
 Долгій рукавъ метнулъ на тылъ,
 И важнецько подбоченившись
 Аванасу путь заступилъ:
 Эй молодець куда, куда?
 Якій дѣволъ гонить тя?
 Чи молодець утекъ изъ школы
 Тому, шо больно бѣ нагай,
 И въ Сѣчь пришелъ жить въ своеволи?
 Ну, розскажи, и отвѣчай! —
 Рекъ Аванасъ: Козакъ почтенный!
 Нѣтъ, я изъ школы не утекъ,
 Не билъ мене нагай презрѣнный,
 Мене пригналъ несчастный рокъ.
 Зъ Покутья я; орда Бужацка
 И Акерманскій баша тамъ,
 Тамъ русска кровь плыне, а ляцка
 Только въ словахъ защита намъ.
 О Швеціи король думаетъ,
 Беззаботно шляхецтво пье,
 Своего свой вже оставляетъ,
 А лютый врагъ, охъ! больно бѣ.
 Мести хочу! охъ тамъ — тамъ въ дали,
 Где горделивый Акерманъ,

Обручница моя въ печали,
 Въ ногтяхъ держитъ ю бисурманъ.
 Атаманъ мигъ одинъ молчалъ,
 И наковецъ такъ отвѣчалъ:
 Да шо у васъ слабы руки?
 Не найдется желѣзо, сталь?
 Изломались списы, саблюки?
 Эхъ, я бы васъ! . . Оставъ печаль!
 Въ Бога имѣй вѣру твердую,
 Онъ крѣпость дастъ своимъ борцамъ,
 И за землю русску святую
 Ужасомъ будъ всѣмъ ворагамъ!
 Ты вже козакъ! не будъ же дурень,
 Ступай собѣ въ угодный курень.
 Тобѣ теперь товарищъ мой
 Славная Сѣчь буде женой,
 Свахою ладка, сватомъ конь,
 Брачной свѣчкой пожара огонь,
 Ложемъ волны, въ степи могила!
 Щожъ?! мати разъ на свѣтъ родила!

X.

Плюскомъ весель розбрызгивая
 Сребристую Днѣпра волну,
 Лодки словно лебедей стая
 Ко родному летятъ гнѣзду,
 То вереницей разтягнутся,
 То сровнявшись съ собою вновь
 Въ густую кучу всѣ собьются,
 И кажутся будто островъ.
 Откуда лодки? зъ Сизебола
 Воротились они назадъ,
 Вотъ твердая козацка воля
 Куда жене степовыхъ чадъ!
 Ухъ! тамъ осталасъ вже примѣта!
 Вотъ зъ града тамъ грустно торчитъ
 Лишь ожеванный стволъ минарега
 Слезами горькими облитъ.
 Роскинутыя по майданѣхъ
 Тѣла лежатъ безъ буйныхъ главъ,
 Тамъ головы въ бѣлыхъ турбанахъ
 Валяются въ гуцавѣ травъ;
 Лишь снаде ночь, прійдутъ шакалы
 И будутъ съ воемъ ихъ торгали.
 Надъ згарищемъ стане Кадуна,
 И отчаянно крикне: гой!
 Гой храброго вже нѣтъ Гаруна,
 Не маше саблюю кривой!

Нѣтъ Ахмеда, нѣтъ Сулеймана,
Его розшибъ булатъ шейтана.

Причалили. Крѣпкія руки
Выносили на брегъ сухой
Набиты добычью вояки,
Снарядъ турецкій дорогій:
Сѣдла, янчарки и булаты
И въ ящикахъ жолты дукаты.
Противу козакамъ на встрѣчу
Товарыщей вышла толпа,
И съ слезами, въ широкое
Цѣловаться пошли друзья:
Здоровъ, здоровъ дѣло счастливо?
Ходѣтъ сюда! вы развѣ всѣ?
Но козаки лишь молчаливо
Спустили взоръ къ сырой землѣ.
Где прочія? вздохнувши зѣ горя
Сказалъ старый удалецъ Хрѣтъ:
Крые однихъ пучина моря,
Другихъ враги займили въ плѣтъ;
Да стало такъ: настигла хмара,
Море покрылъ густой туманъ,
Вѣтръ загудѣлъ, и грозна чвара
Занесла насъ подъ Акерманъ;
Зѣ которъ надбрежныхъ будто дули
Пали на насъ пушечны кули.
Видно судьба вже такъ хотѣла!
Лодку одну розбили въ пухъ,
А другая на ибли сѣла
И досталась въ руки пся-юхъ.
Долго, долго и мы свитались!
Сквозь цѣпъ турецкихъ кораблей
Ночной порой едва продрались
И убѣгли сюда скорѣй.
Засуетилось все козацтво,
Тыхъ невидати козаковъ,
Которыми гордилось брацтво,
Тяжесть они движуть оковы.
Въ тюрьмѣ сидѣтъ тамъ Череватый
Степанъ Борецкій и Кимакъ,
Осипъ Делибашъ и Чубатый,
И сей и тотъ добрый козакъ!
Имъ хорошо были знакомы
Морская волна, сухая твердь,
Куда прошли, гремѣли громы
И блѣдная ступала смерть.
Що врагъ сѣлае съ молодцами?
Кожу живымъ онъ издере,
Тѣло велѣтъ бодсти саблами

И пламенемъ козгра сожже,
Или всадитъ на острый палъ,
О, Свѣч! дѣтей тобѣ не жалъ?! —
Въ толпѣ одинъ лишь слышенъ гласъ:
Мы превратились въ гречкосѣевъ,
Що не спѣшимъ бити злодѣевъ?
Товарыщи! выручимъ васъ,
Иль въ память вамъ, врагу въ обиду
Сѣлаемъ славу панихиду!
Где добошъ нашъ? най бѣе на сборъ!
Но гетманъ свой поднесши взоръ —
Угрюмый взоръ и величавый,
Сребряною махнулъ булавою,
Будьто Нептунъ, щобы умолкъ
Въ бурной толпѣ говоръ и толкъ,
И такъ сказалъ: Братья, неможно!
Дѣлати треба осторожно;
Вѣдъ тамъ теперъ подъ Очаковомъ
Въ строеніи къ борбѣ готовомъ
Стражу держитъ турецкій флотъ,
И лодки наши въ пухъ розбѣетъ.
Думалъ бы я игти степями,
Но вѣдъ тому вже не пора, —
Изгинемъ разомъ съ лошадями,
Но лишь рухне весной трава,
Вже погулемъ мы тогда!
Гетманъ умолкъ; въ толпѣ молчанье.
Будьто волна противъ заставъ
Глухо бурчитъ негодованье;
Но Гетманъ былъ твердый и правъ.
Помочь дати друзьямъ бы радъ,
Но щожъ? коли теперъ не въ ладъ.
Ту крикнулъ громко братъ Степана
Храбрый Борисъ: Нѣтъ, я пойду!
Мой братъ въ темницѣ Акермана,
А я здорово тутъ живу?
Мнѣ хочется знати конечно,
Живъ ли Степанъ мой дорогій,
Или скончилъ жизнь скоротечно?
Друзья! кто зѣ васъ поиде со мной?
Бѣшеною взоръ на югъ кидая
Вышолъ зѣ толпы панъ Аванасъ,
За нимъ толпу розпыхивая
Ишолъ могучъ козакъ Биндасъ, —
Чудный козакъ! всегда готовъ
Игти туда, где къ бою зовъ.
Вже молодцы лодку спустили,
Строену на турецкій ладъ,
Крымское платѣе приодѣли,

И рыбарскій взяли снарядъ ;
Падо весло, и якъ стрѣла
Помчалась лодъ русломъ Днѣпра.

XI

Полуявши вдоволь игриво
И разоривши бѣднѣй край,
Возвратился баша счастливо
Во Акерманскій свой сарай :
Тамъ плѣнниковъ якъ скотовъ стада
Межи Бужацкихъ мурзь роздалъ,
И къ Султану до Цареграда
Съ подарками чаушовъ послалъ ;
Послалъ сосуды серебряны,
Похищены зъ русскихъ святынь,
Фелоны золотомъ истканны
И множество русскихъ рабынь :
Сафѣра ихъ дорожили взоры,
Усточка якъ рубинъ горять,
И зубки станутъ за бисеры,
И гладкость тѣла за бархатъ.
Но не шибнули въ тѣмъ башу!
Изъ добычи найкрасшій перлъ,
Несчастную Прасковью нашу
Въ своемъ гаремѣ овъ заперъ.

Уже погасъ солнечный свѣтъ, —
Могучій баша Акермана
На подушкахъ сидитъ дивана,
Предъ нимъ ракипа и шербетъ,
Въ рудѣ чубукъ янтарный трубкой,
Въ кутѣ избѣ якъ пень стоитъ
Кисляръ-ага съ горящей губкой
И смиренно къ полу глядитъ.
Дымъ синими бьется клубами,
И паша въ клубахъ весь исчезъ,
А мысли борака крылами
Выше взнеслись надъ шесть небесъ :
Эдемскіи тамъ зрять дѣвицы,
Но всѣ счезаютъ будто тѣмъ
Предъ взоромъ русской красавицы,
Ему вже ждати никогда.
Що дѣлае моя гурисса?
Овъ вѣрно спросилъ слугу :
Оставилъ ю вже духъ Эблиса?
Отерла вже зъ лица слезу?
Якая дура! отказатись
Отъ роскошей моихъ обѣтъ,
И лити слезы, и терзатись,

Румяныхъ только жаль ланать!
И Кисляръ рекъ : На цвѣты рай
Най лишь возрѣть твой взоръ любви,
И сладостью всѣ восхищаясь
Будутъ лобзать твои слѣды!
О, ты хорошъ! ростъ минарета,
Лице якъ полная луна,
Ледва въ пророка Магомета
Полнѣйша была борода ;
Я увѣренъ, що въ дѣвъ очахъ
Тобѣ уступитъ падишахъ !
Баша толсты ростворивъ губы
И волчьи выскаливъ зубы,
Оставилъ мягкій свой диванъ,
Многоцѣнный надѣлъ кафтанъ,
Кипарійскимъ масломъ розовымъ
Издѣшно бреду помастилъ,
И лобъ прикрылъ фесомъ пивсовымъ
И съ агой въ гаремъ поспѣшилъ.
Толпа скопцовъ у караула
При вратахъ счастья и сластей
Услужно башѣ огдѣнула
Замки и тарасы аверей ;
Тамъ Гуристана и Кавказа
И дѣвы Эѳіопскихъ горъ
Отъ раняго чають намаза
На сладострастный башѣ взоръ ;
Отъ томного въ сердцѣ терзанья
Грудь подѣмлется и дрожитъ,
На щекахъ тайного желанья
Краска якъ жаръ огня горитъ.
Дальше отъ нихъ въ углу комнаты,
Обитой камкой близъ окна,
На шелковой парчѣ кровати
Сидитъ дѣвица молода ;
Платье изъ свѣтлой кисеи,
И волосъ жолтый расплетенъ
Златомъ полилъ близъизну шеи
И личка румяный тонъ.
Вотъ взоръ она грустный кидаетъ
Въ садъ на кусты роскошныхъ розъ,
И личко свое орошаетъ
Токомъ горячихъ гóрькихъ слезъ ;
И отдаленный край родимый
И мирный дворъ явились ей,
И молодецъ женихъ любимый, —
Все блаженство минувшихъ дней!
Но баша въ томъ приползъ якъ гадъ,
И на дѣвицу дунулъ халлъ, —

Сейчасъ явленье оглетѣло,
 Якъ безъ души осталось тѣло,
 Святомъ вѣры то́лько лучъ
 Ей засіялъ сквозь мракъ дремучъ.
 Приснувшись къ дѣвѣ съ-близка
 Баша сказалъ: Чого грустишь,
 Прекрасная моя гурисска?
 Чѣмъ ласкаво на мя не зришь?
 На сладострастїя кровати
 Забудешь ты свой льдяный край,
 Тебѣ достоятъ лишь желати,
 Я твой слуга, — повелѣвай!
 Хочешь алмазовъ Гиндустана?
 Шолковъ пересидскихъ, чи сластенъ?
 Твой рабъ — владѣтель Акермана
 Все для тебе сдѣлае онъ!
 И баша въ-томъ взоръ-сладострастный
 На дѣвы личенько вперилъ,
 Присунулся якъ гадъ напрасный
 И бѣлу рученку хватилъ;
 Дѣва вздрогнувшись крикъ изаала,
 Въ очахъ ей счезъ солнечный свѣтъ,
 Безъ чувствъ она на полъ упала
 У башы ногъ якъ вялый цвѣтъ.
 Онъ отступилъ, взоромъ сверкая,
 Долгій чубукъ рукой порвалъ
 И тѣло дѣвы ударяя,
 Якъ волкъ свирѣно зарычалъ:
 Тебѣ гуарыня то упряма!
 Пожду лишь то́лько до Байрама, —
 Тогда будешь въ моихъ волнахъ,
 Иль въ мутныхъ лимана волнахъ!
 Клянусь бородой Магомета,
 Не будешь зрѣти больше свѣта!
 Баша сердигъ якъ черный бѣсъ
 Не зрѣлъ на сборъ лестныхъ гуриссъ,
 И вышолъ вонъ.

XII

Пасмурная ночна ослона
 Покрyla вже лиманъ Днѣстра,
 На мрачныхъ сводахъ небосклона
 То сямъ то тамъ лосне звѣзда,
 И облаковъ летать толпы
 Якъ великанскїи совы.
 Покрyта ночной мглой докола
 Козацка лодь грудью порола
 Зыбкіи дробушки рывимъ,

И мчалась быстро якъ дельфинъ,
 Тихонько къ берегу все пыла,
 Не слышенъ даже плюскъ кормила.
 Зъ правой страны лиманъ широкій
 Дробныи волны колыхалъ,
 Изъ лѣвой берегъ самъ высокій,
 На немъ громада мрачныхъ скалъ;
 Надъ скалами башни торчала,
 И террасы каменныхъ стѣнъ
 Якъ струи въ брезгахъ мутныхъ пѣнъ
 Каскадою въ лиманъ спадали.
 Що за утесовъ то громада
 Торчитъ угрюмо сквозь туманъ?
 То не утесы, — стѣны града,
 То горделивый Акерманъ:
 Подъ мглаи ковромъ спокойно онъ
 Дремле въ роскошахъ первый сонъ.
 Въ камышъ якъ угка лодь порнула
 И скрылась въ гущавѣ травы,
 Котва въ мутной водѣ хлопнула,
 Выйшли на брегъ три молодцы;
 Быстро кругомъ кидая взоры,
 И увѣрившись, що никто
 Не будетъ зрѣти ихъ дѣло,
 Начали тихо разговоры.
 Затѣвалъ рѣчь Борисъ Борецкій:
 Думайте брагья, якъ бы намъ
 Достатись въ замокъ сей турецкій
 И бѣднимъ помочи друзьямъ.
 На то сказалъ имъ Аванасъ:
 По закону вѣдъ Магомета
 Позавтра буде врагъ въ мечетахъ;
 Проворный оже найъ Биндасъ
 Втиснувшись въ градъ вѣсть прине-
 сетъ...

Що тамъ друзья? добрый совѣтъ?
 На то они всѣ согласились
 И тишкомъ къ лодцѣ возвратились.
 Биндасъ холстанны шаравары
 Колѣнъ повыше закотилъ,
 Баранью шапку якъ Татаринъ
 На чубъ легонько намѣстилъ;
 Неводъ и съ рыбой взялъ корзину,
 Турецку пѣсню заспѣвалъ,
 Изъученну когда-то въ плѣну,
 И небрежно къ граду ступалъ,
 Свѣло, безпечно якъ рыбакаъ,
 Кто бы узналъ, що то козакаъ?
 Щожъ Аванасъ? чело змершенно

Склонилъ ему роздумья вѣсь,
 То глянe онъ на градъ бѣшенно,
 То потушить пламя очесъ;
 Вздыхаетъ грудь отъ страданья,
 Кто-то его бѣе по ногамъ,
 И онъ забывшись отъ думанья
 Пошолъ бродити по скалахъ.
 Долго бродилъ якъ съумасбродный,
 Незная самъ куда, за чѣмъ;
 Въ томъ подъ скалою подкопъ про-
 ходный

Явился предъ его липемъ.
 Саблей прилѣжно работая
 Отъ камней очистилъ входъ,
 И якъ козакъ страховъ незная
 Земнымъ шахтомъ пошолъ впередъ.
 Отъ выходъ вѣже; предъ нимъ замковый
 Баштанъ стѣною обведенъ,
 И замокъ крѣпкій гранитовый
 Въ углахъ башнями стережень.
 Тихо кругомъ, лишь вѣтръ отъ моря
 Съ цвѣтами спящими шутилъ,
 И въ свѣжомъ воздухѣ простора
 Розовый запахъ разносилъ.
 Зреть Аванасъ безъ остановки:
 Въ окнѣ явилась бѣлая статья,
 Видѣвъ очеркъ милой головки,
 Но личико не можъ узнать;
 Бѣлая рука личко скрывала
 И платкомъ очи обтирала.
 Наставилъ слухъ: знакомо слово
 Ему донесъ розгульный вѣтръ,
 Оно будто ядро-о слово
 Во глубину зарылось нѣдръ.
 Слово то, се дрожаще: ахъ!
 Купанное въ горькихъ слезахъ.
 Хотѣлъ итти за нимъ блаженнымъ,
 Но услышавъ шорохъ людей
 Ломомъ выходъ прикрылъ каменнымъ
 И счезъ опять шахтомъ скорѣй.

Слышите ось новое диво?

Сказалъ Биндасъ своимъ друзьямъ:
 Тото гулае врагъ игриво,
 Кончится днесъ у нихъ байрамъ!
 Плещуть, танцуютъ, бражничаютъ,
 И тверды татарски лбы
 Кобыльнымъ млекою усыпляютъ,
 Спать будутъ якъ чурбаны;
 Еще живы содруги наши,

Въ сѣрой башнѣ, смотрите, вотъ
 Палатка здѣ самого баши, —
 Въ печалехъ свой влекутъ животь!
 Проходитъ слухъ, що для забавы
 Отрѣжутъ имъ поутру главы.
 Любезными мои друзья,
 Каждая хвиля дорога:
 Другьямъ поутру для забавы
 Отрѣже врагъ буйными главы!
 Возьмите тряпки осмоленны!
 Распорядилъ такъ Аванасъ:
 Збрую, чеканы закаленны,
 Вѣе хорошо поведу васъ!
 Возьмите пороху боклагъ;
 И во горшку скрытый очагъ,
 Шепки и сяуры, — и со мною
 Ступайте стѣло въ супокою.
 Пролезли ходъ; — вѣе очутились
 Въ гушавѣ листвѣя кустовъ,
 Тамъ осторожно осмотрѣлись,
 Не видно ли где-будъ враговъ?
 Но всюда пусто, глухо было:
 Отъ крѣпкого кумиса пьянъ
 Твердо храпятъ весь Акериянъ.
 Къ стѣнамъ они подкрались смѣло,
 Въ окнѣ опять якъ прошлой ночи
 Дѣвица зреть ко небесамъ,
 Отирае платочкомъ очи,
 И жаль ввѣряетъ свой вѣтрамъ:
 Где я теперь? охъ, я далеко
 Отъ милой родной стороны,
 Куда мое лишь глянe око,
 Кругомъ стоятъ враги, враги!
 Нынѣ байрамъ! вѣе полночь близка,
 Онъ немедли сюда прѣидетъ;
 Моя звѣзда клонится низко,
 И ея згасне тусклый свѣтъ.
 Отче несчастныхъ! я возношу
 Сердце къ тобѣ и слезный взоръ,
 О смерти тебе усердно прошу,
 Солодша смерть, якъ жизнь въ позоръ!
 Въ томъ Аванасъ влезъ на плечо —
 Широкое плечо Бориса,
 На дужий стануль горбъ карниза,
 И щепнулъ къ лѣвѣ сквозь окно:
 Не бойся милая дѣвица,
 То Аванасъ, мой свѣтъ! то я!
 Только молчи! моя десница
 Вѣе выручитъ зѣ темницы тѣ!

Онъ скочилъ къ ней, за Аванасомъ
И прочіа влезли окномъ,
Шептали въ-тай о семъ, о томъ,
И спросили притухлымъ гласомъ:
Где баша вашъ? — Въ палатцѣ бани,
Сказала дѣва сквозь трепетъ
Поблѣдлыхъ устъ: хотай онъ пьяный,
Не немедля сюда прійдетъ.
У кого ключи отъ темницы:
На то сказалъ шепотъ дѣвицы:
Самъ Кисляръ-ага ихъ держитъ,
Но вѣрно пьяный давно спитъ.
Якъ къ замка вы вошли притворы?
Може завелъ святець якій?
Не обманяютъ мене взоры?
Ты истинно Аванасъ мой?
Но молодцы тряпки бросили
На досчатый комнаты полъ,
Вѣнецъ смоленый тожъ прибили
На позлащенъ потолка стволъ;
Зажгли смолу огнемъ очага,
Торгнули дѣву за уборъ,
И съ ней вступили въ корридоръ,
Где спалъ съ скопцами Кисляръ-ага.
При дверяхъ онъ рукой тримая
Привязанъ ретязомъ винжалъ,
И полными щеки вздымая
Пьянѣсенькій мирно дремалъ.
Крѣпкій одинъ штыкъ отъ Бориса
Послалъ его во край Эблиса.
Валяли ключи, дверь отворили,
И за собой заперли зловъ,
И скоро къ башнѣ поспѣшили —
Темницѣ храбрыхъ козаковъ.
Тамъ на гниломъ стѣнъ берлоги
Ихъ твердыи уды дежатъ,
Вотъ цѣпами тронули ноги, —
Полночь уже, они не спятъ!
Вѣрно о битвахъ и походахъ,
О замашкахъ своихъ друзей,
О всяднихъ ратныхъ непогодахъ.
Думы ихъ гонятъ сонъ зъ очей;
И молодцы заводятъ рѣчь
Про славную козацку Сѣчь!
Скрипнула дверь... они схватились,
Гордымъ окомъ въ двери всмотрѣлись
И кликнули: Падачъ, те ты?
Друзья сказали: Нѣтъ, те мы!
Разбійте цѣпи и оковы!

Ось чеканы, идемъ помочь,
Лишь будьте скоро всѣ готовы,
Треба бѣгати, доколь ночь.
Не минула одна минута,
Якъ полъ ударомъ молотка
Желѣзными прорвались пута,
И вольными вышли друзья.
Схвативъ ружья якъ бѣсноваты
Тиснулись къ грудямъ козаковъ,
И поднесли остры булаты,
Хотя летѣти на враговъ.
Собачимъ дѣти, молчѣте!
Шепнулъ сердито Аванасъ:
Каменей въ тюрьму нанесѣте,
Вже славно я помышу за васъ!
Самъ порохомъ бокалъ набитый
Поставилъ въ тюрьмѣ полъ стѣною,
Нагромоздилъ каменны пыты,
Замкнулъ въ дѣру фитиль рукою,
Свѣрю ниточку зажегъ,
И съ шайкою скорѣй убѣгъ.
Когда чрезъ стѣны пролазали,
Въ передъ доснулъ молвіи блескъ,
Потомъ роздался громъ и трескъ,
И дымъ сводъ небесъ закрыли, —
И поднеслось высоко пламя:
Козацкой то свободы знамя.
Отъ трескота, хотай и пьянъ
Очи протеръ весь Акерманъ.
И за стѣной друзья слышали,
Якъ въ городѣ враги кричали,
Якъ все смѣшалось въ грозный шумъ
И вопль и крикъ и ревы сурмъ.
По каменяхъ твердыхъ дороги
Ступали сѣвшо козакъ,
Не зная страха ни тревоги,
Легко летѣли мовъ орлы,
Пущенными зъ желѣзной кѣтти,
Быстро въ лету кидая взоръ
Въ необмеженъ степей просторъ:
Гнѣздо свое желаютъ зрѣти!
Въ стаѣ орловъ якъ голубица
Миленькая летитъ дѣвица,
И взгладомъ нѣжности она
На милого зрѣтъ молодца.
Скажи мнѣ храбрый Аванасъ,
Шепнулъ въ ухо ему Биндасъ:
Якая те съ тобою баба?
Хороша, ай! думаю, лаба

У ней мягкая якъ бархатъ, —
 Хе, хе, козакъ ты вижу хватъ!
 Но вѣдь не можъ таковы рѣчи
 Брати съ собой до славной Сѣчи!
 Онъ отвѣчалъ: Мой другъ, та дѣва,
 Быванна изъ когтей Эрева,
 Що съ нами вразъ рѣзво идетъ,
 Моя певѣста — милый свѣтъ.
 Не помогла ли та дѣвица
 Товарышей вывести прочь?
 Она теперь ваша сестрица,
 И славной Сѣчи вѣрна дочь!
 Якъ великанская лампада,
 Имъ присвѣщали надъ горою
 Заженныя палатки града,
 Щобъ не поткнулся кто ногою;
 Камнистый берегъ, тихій понть
 Сверкаль изъ дали якъ ахонтъ.
 Уже скорый бѣгъ наворотили
 Ко берегамъ на правый бокъ,
 И при криницѣ отпочили,
 Где струй журчащихъ лился токъ.
 Хвильку отдохнемъ у владыа!
 Сказали томныя друзья:
 Вста отъ вчерашняго намаза
 Вода въ устахъ намъ не была.
 Намъ въ дней долги промежутки
 Якъ псамъ давали хлѣбъ гнилый,
 И только разъ на двѣ насъ сутки
 Водой поили солоной;
 Силу томить намъ жажды адъ,
 Слава Богу, що естъ прохлада!
 Лева немножко освѣжились,
 Вотъ прискакаль и баша самъ,
 За нимъ враги шумно толпились,
 Далѣй убѣчи вже никакъ.
 Уже закричала бисурманъ:
 Поддайтесь гауры и шейтаны!
 Мы васъ теперь! . . . И не медля
 Взялись вспыльчиво до дѣла.
 Ихъ было сорокъ и излишкомъ,
 А только десять козаковъ,
 Твердо они стояли тишкомъ,
 Лишь въ жилахъ роззигралась кровь;
 Презрѣнно взоръ зъ подлобья зрять
 И съ саблею рука дрожить.
 Такъ царъ звѣрей могучій левъ,
 Коли собака притисне стая,
 Грозно зъ рота пускае ревъ

И гривой люто встрахивая,
 Куда быстрый сдѣлае прыгъ,
 На кусочки разорве въ мигъ.
 И козаки то львы, не трусы!
 Знаменаясь святымъ крестомъ,
 Погладили черныя усы
 И на враговъ пали якъ громъ.
 То сямъ то тамъ саблями машуть,
 На лбы врагамъ якъ рысы скачуть,
 И где спаде сильный ударъ
 Валится зъ ногъ якъ снопъ Татаръ.
 Смѣшались всѣ; — вже Аванасъ
 Близъ башы двоухъ подтялъ бимбашъ,
 Ту же за нимъ сильный Степанъ
 Желѣзные вносить кандалы,
 И где они звонко упали,
 Паде на землю бисурманъ.
 Бивдасъ плечистый торопился
 Въ отрѣзываньи толстыхъ шей,
 Зъ лица уже ему потъ лился
 А зъ многихъ ранъ крови ручей.
 Мурза одинъ тамъ великанскій
 Уже Бивдаса соблей хватилъ,
 И якъ лютый тигръ африканскій
 Зубы въ гортань ему вдавилъ;
 А помочь не было якъ, —
 И мертвый палъ старый козакъ.
 Вылетѣвши зъ крѣпкого тѣла
 Несомъ ангела крыломъ
 Душа въ рай прямо полетѣла,
 Щобъ вѣчно жила тамъ съ Христомъ.
 Кто не щадилъ за вѣру жизни,
 Того избраннымъ Онъ причте,
 Тутъ на земли борца отчизны.
 Бандуристъ въ пѣсняхъ воспое
 Отъ рода въ родъ, отъ вѣка въ вѣкъ
 Славный той буде человекъ!
 Эхъ молодцы! бійте, колѣте!
 Аванасъ громко закричалъ:
 Свою обиду отомстѣте
 И зло, що ворогъ вамъ сдѣлалъ;
 Не щадѣте братцы, пся-юхъ,
 Ни твердыхъ лбовъ, пузатыхъ брюхъ!
 И козаки збившиися въ кучу
 Будто ядро впали въ толпу;
 И нанесли ударовъ тучу
 То въ лобъ то въ грудь, то сямъ то ту.
 Не выдержали бисурманъ
 Отчаянный друзей нападъ,

Съ крикомъ: шейтаны, вай шейтаны!
 Розсѣявшись подали задъ.
 Мурза одинъ не отступае,
 Скреже зубами словно бѣсъ,
 Могучо саблей сверкае,
 Уже въ его рукахъ Борисъ!
 Борисъ раненъ на землю палъ,
 Мурза надъ нимъ вознесъ кинжалъ.
 Въ часъ той борьбы кровавой дѣва
 За стромый скрылася утесъ,
 И вся дрожить леда—шо жива,
 Не сводитъ отъ борьбы очесъ,
 И молится, щобъ добрый Богъ
 Быи враговъ друзьямъ помоги!
 Вотъ зрѣть она: ея спаситель
 Съ крикомъ прискочилъ якъ герой:
 Небойсь Борисъ, тобъ есть иститель!
 Лоснулъ саблей, начался бой;
 Силенъ Мурза, и сынъ Бескида
 Крѣпокъ якъ туръ лѣсистыхъ горъ,
 Чѣя буде въ борьбѣ побѣда?
 Уже на себе кинулъ взоръ;
 Мурза кинжалъ вже поднесенный
 Кинулъ, и станулъ якъ Голаеъ,
 И побѣдой двойной надменный
 Сіяющій поднесъ булатъ;
 Но Аванасъ согнуть дугою
 Ловко сдѣлалъ на лѣво скокъ,
 И крѣпкою своей рукою
 Саблю ему вонзилъ во бокъ
 Сквозь латы, ребра — на вылѣтъ.
 При багрянномъ свѣтлѣ пожара
 Вытарашивъ стекляный глазъ,
 Повалилось тѣло Татара,
 Надъ нимъ согнулся Аванасъ,
 Щобъ золотый взяти колпакъ
 И саблюку въ побѣды знакъ.
 Эй поднеси въ гору козацѣ!
 Вотъ надъ скалою баша стоитъ,
 Рве бороду, клене и плаче,
 И на тебе якъ змѣй онъ зрѣть:
 Рать прѣзываетъ зъ Аккермана
 Великъ рабу взнести бунчукъ,
 Самъ острый гротъ взялъ изъ колчана
 И натянулъ пружистый лукъ.
 Вотъ вотъ бряцне уже тетива,
 И мертъя упаде молодецъ,
 Но онъ не зрѣть! любезна дѣва
 Видитъ, якъ взялъ на цѣль подлещъ.

Скокомъ однимъ она вже была
 Близко своего молодца,
 Лилейной грудью ослонила
 И съ просьбою зрѣть на врага.
 Но врагъ жестокъ на просьбы дѣвы,
 Не знае онъ, що то любовь,
 Вотъ бряцнула жила тетивы,
 Дѣва дрожитъ, — багряна кровь
 Пушенная лютою стрѣлою
 Правый ея обдала бокъ,
 И дѣва пала якъ цвѣтокъ
 Сорванный дерзкою рукою.
 Врагъ хохоталъ, опять вспыхливо
 Съ несмѣтною гриме толвою;
 Но Аванасъ глянулъ гнѣвливо,
 Легко стрѣлу изторгъ рукою,
 Рану заткнулъ, дѣву поднесъ
 И съ друзьями въ камышъ исчезъ.
 Тамъ отъ кола лодъ отвязали
 И въ лимана волнахъ пропали.

ХIII.

Ко плетеной зъ трости лѣпанцѣ
 Задуманный вступилъ козацъ, —
 Вотъ на мягкой въ углу лежанцѣ
 Дѣва лежитъ якъ выдый знакъ;
 Миленькая ей головка
 Склонилась въ низъ, словно цвѣтка
 Сваренная жаромъ маковка,
 И шевелитъ свои уста:
 Крикъ, трескъ и стрѣлы, кровь багряна,
 Видите ли тамъ надъ скалою
 Проклятого ось бисурмана?
 Сягае долгою рукою!
 Горять два угля, когти, рога.
 Где добрый Богъ? Богъ въ небесахъ!
 Леги рука! лѣтайте ноги!
 Давитъ мене, мнѣ душно страхъ!
 Любезна мать, платье готово?
 Мнѣ зеркальце сюда подай,
 А шо въ вѣночку мнѣ яково?
 Ха, ха, ха, ха, хорошо, ай!
 Где Аванасъ? румяна рожа,
 Охъ якъ твое кольцо боде!
 Я улечу у воздухъ зъ ложа,
 Вотъ, вотъ ворогъ сюда иде!
 Такии то зъ горячки грѣзы
 Ночью и днемъ она бредитъ,

То хохоче, то ронитъ слезы,
 Или въ окно со вздохомъ зреть.
 У ея ногъ вѣдьма-старуха
 Холодно зреть въ ея лице,
 И молодцу шепче до уха:
 Юный козакъ! не хощо.
 Нѣтъ ніякой уже надежды!
 И мой напитокъ не помогъ,
 Стулитъ она небавомъ вѣжды,
 Къ собѣ прійме ю лобрый Богъ!
 Якая кроткая невѣста,
 Якъ агнячка! то не вашъ братъ,
 Шо въ горячцѣ прыгае зъ мѣста,
 Клене я съ кождымъ битись радъ.
 Съ улыбкой дѣва въ-томъ вперила
 Взоръ ясный въ око козака,
 И съ нѣжностью прошевелила:
 Ты Аванасъ? ходи сюда!
 Сидись при мнѣ, вотъ тутъ близенько,
 Чого твоя рука дрожитъ
 И сильно бьется такъ серденько?
 Душу твою печаль разить?
 Такъ должно намъ разстатись въ жизни
 На время лишь, короткій часъ,
 Въ краинѣ лучшей тамъ отчины
 Чаю тебе, мой Аванасъ!
 Не печались, шо оставляя
 Тебе, яду я въ лучшей свѣтъ,
 Ахъ! въ ясныхъ тамъ притворахъ рай
 Ни вороговъ, ни пѣней нѣтъ,
 Развѣ тоска лишь за друзьями!
 Когда буду любезный тамъ,
 Бога стану проситъ съ слезами,
 Щобы и ты прійшовъ ко намъ.
 Мнѣ жаль тебе! Въ-томъ притулила
 До серденька его рукою,
 И личико ему зрсила
 Горячою якъ жаръ слезою.
 Чого лежу я на кровати?
 Вынесѣте мене на дворъ,
 Мнѣ душно тутъ у кутъ хаты,
 Ная вольный я узрю просторъ!
 И вынесли ю на простынѣ,
 Поклали на берегъ Днѣпра.
 Свой взоръ пустила по ровнинѣ
 И на толпу друзей она,
 И спросила: Где сторона
 Моя родная? где Рокита?
 Родительскій где мирный домъ?

Ахъ! тамъ узрѣвъ лучъ первый свѣта
 Полъ теплымъ родичей крыломъ,
 Не знала я, шо то печали, —
 Вы золоты блаженны дни!
 По що вы скоро такъ пропала?
 Родна страна, прости, прости!
 Любезныи друзья простите,
 Прости, мой милый вѣрный другъ!
 Шо ангеловъ вы тамъ не зрите
 Надъ сводами ясныхъ радугъ?
 Ось тамъ они! мой Аванасъ,
 Дай поцѣлуй въ послѣдній разъ!
 На мене ждуть небесны силы,
 Божая мати зове мя. . .
 На словѣ семъ вздрогнулись жны
 И вялая пала рука,
 Изъ бѣдныхъ устъ вылетѣлъ: вздохъ
 И ея гласъ во вѣкъ заглохъ!
 Съ жестокими мужи сердцами,
 Твердыми якъ саблюки сталь,
 Стояли съ грустными лицами, —
 Козачки имъ сердешно жаль.
 Даже въ старого ассивула,
 Которому былъ пиромъ бой,
 Зъ-надъ бровь густыхъ слеза канула
 И оросила усь свѣдѣй.

XIV.

На берегъ Днѣпровского острова
 Во гущавъ ежевняныхъ кустовъ,
 Где вѣговка колыше калинова
 Ягодами багряними якъ кровь,
 Надъ каменемъ сумный стоитъ козакъ
 Якъ выросшій среди степовъ болякъ;
 Хотяи цвѣтокъ и полный и румяный,
 Но весь кругомъ кольцами лишь
 убранный, —
 А взоръ его? то гляне онъ на камень,
 Будъ щобъ на-сквозъ прозрѣти мрач-
 ный гробъ,
 То выстрѣлить изъ ока ясный пламень
 И морщявы покрывютъ грозный лобъ.
 Онъ смотритъ въ даль, думы летать
 съ орлами
 За синій поятъ подъ бисурманскій
 градь,
 Гуляе онъ уже тамъ съ молодцами,

Сіе сплсъ, искры сыпле булатъ,
И врагъ паде, божицы Магомета
Лютый пожаръ несмытныиъ зубомъ жре,
И алый блескъ якъ зарево розсвѣта
Бывшимъ въ лѣвну даръ свободы несе.

Къ берегу лодки причалили,
Скочилъ зъ берега Аванасъ,
И лодки въ доль Днѣпромъ поплыли,
Нехай плывуть во добрый часъ!

Весело молодцы гуляйте
По Черноморскихъ берегахъ,
Якъ громъ враговъ ошеломляйте,
Въ вражнихъ топите мечъ сердцахъ!
Нехай славы русскои страхъ
Въ далекии заходитъ страны,
Най ницъ падугъ всѣ бисурманы,
Бо съ нами Богъ, и русска кровь
О несть зове къ Творцу свѣтовъ!

Т. К. Блоньскій.

РУСЬ И ЕЙ ДѢТИ.

Русь. Сумно глядаю во свѣтъ сей широкій,
Сумно пытаюсь зъ-отки тяжкій жалъ?
Зъ-отки исходитъ источникъ глубокий,
Що розливае въ грудь мою печаль?

Хоръ. Жіють ще вѣрни славы Твоей дѣти,
Щобъ отдаляти отъ Тебе весь громъ,
Жіемъ, отперти всѣ вражески свѣти,
Тебе хранити станемъ всѣ челомъ.

Р. — Бо то лишъ Руси многи злони дары
Даютъ въ удѣлѣ и ужасный зракъ,
Мѣсто дней — ночи, мѣсто счастья — мары,
А невидимый есть истины знакъ.

Хоръ. Все минесъ съ часомъ, а сли къ Тобѣ слова
Облуды гидра главу поднесе,
Тогда мы духа умолимъ покровы,
Щобъ удержалъ намъ житѣ дороге.

Р. — Зоря все гасне, — а всѣ наши лѣта
Всегда намъ мрачный объявляютъ часъ,
Даютъ довольно изъ памятокъ свѣта,
Лишень обману, терпѣвній ужасъ.

Хоръ. А лежъ мы въ духа уповаемъ нынѣ,
Будучность нашу мы не отвержемъ,
Святу цѣль житѣ желаемъ въ сей диннѣ,
Тожъ въ каждой нуждѣ вѣрнитисъ будемъ.

Р. — Чи жъ намъ сполнити есть вже поручено
Горестну чашу полную всякихъ борбъ?
Чи жъ момъ дѣтемъ есть опредѣлено
Участвовати въ дѣлѣ всякихъ скорбъ?

Хоръ. Сли былъ бы далѣй взростъ Тобѣ запертый,
То Богъ надъ нами, Онъ потѣху дастъ,

Принесе славы намъ вѣнецъ безсмертный,
Пригорне въ гышу всемогущу власть.

Р. — Любовь палае, хоть мнѣ загинуть,
Галузка буде, хоть опаде цвѣтъ,
Такъ дары духа въ жарѣ не остигнутъ
Хоть справедливость взнесешь поладь свѣтъ.

Хоръ. Богъ намъ въ печалихъ зъ своей благодати
Черезъ звуки духа скрѣпить сердцець связь,
Изволитъ солнце истицы глядаги
Надъ врагомъ всяку отнести звитязь.

Р. — Тамъ хотяи нынѣ ще встрасяютъ тучи
Свѣтъ мого житья на морю нуждъ тутъ,
Духъ высихъ цвѣей ѳткрые мнѣ лучи,
Когда ше' дѣти рускіи жють.

Хоръ. А мы о Братья! ступаймо въ даль смѣле,
Зберѣмся нынѣ въ нашъ родинный кругъ,
Богъ намъ поможе трудъ привести въ дѣло,
Любѣмся мирно яко друга другъ. —

Іоаннъ Озаркевичъ.

СЛАВА БОГУ, СЛАВА НАМЪ!

Свѣткомъ Богъ и Его воля,
Якъ намъ рѳдний край нашъ милый,
Якъ чи зла, чи добра доля —
Мы спѣвали со всей силы:
Слава Богу, слава намъ,
Слава всѣмъ Русинамъ!

Бо где ухо притулити,
Чи до сердце, чи до землиць —
Грѳмгомонять старць, дѣти,
Живы, вмершы, звѣры, птиць:
Слава Богу и пр.

Плыла моремъ кровця шира,
Йшли достатки на розшибель, —
А лишилась въ сердцахъ вѣра —
Й не поѳшлисьмо. на погибель —
Слава Богу и пр.

Доки дѣтей жѣнкамъ нашимъ,
Доки полямъ стане жита,
Себе вѣшимъ, врагѳвъ встрашимъ,
И рознесемъ по край свѣта:
Слава Богу и пр.

И мы любимъ, хто насъ любитъ,
И подаемъ братню руку, —
А хто широко не голубитъ,
Заспѣвасемъ на розлуку:
Слава Богу и пр.

Тебе молимъ Пренебесный:
Спаси Огче, край нашъ бѣдний,
Ахъ такъ бѣдний, а чудесный —
А чудесный намъ, бо рѳдний. . .
Слава Богу и пр.

Не молимъ Тя о достатки; —
Мы ѳтвѣчны дѣти гора
Знаемъ, шо й для нашей Матки
Блѣсне своя власна зоря. . .
Слава Богу и пр.

Но дошу на поля тѣи,
Соньця на тѣи низки хатки, .
Серцямъ вѣры и налѣи,
И любви молимъ — для Матки. . .
Слава Богу и пр.

Якъ сѣю повну пѣмъ чашу,
Такъ всегда мы всё готови
Льяти кровь за Неньку нашу!
Сестры, братья, да здоровы!!
Слава Богу и пр.

А вамъ — котрымъ у могилѣ
Постель дала смерть кривава —
Богатырь, батьки милы,
Миръ вамъ, миръ и вѣчна слава —
Слава Богу, слава намъ,
Слава всемъ Русинамъ!

БЕЗДѢТНЫИ.

Колись Богъ подъ мою стрѣху
Слазь утѣху на утѣху. . .
Усмѣхалась жѣнка мила,
А дѣвора сваволила!

Одно въ мѣстѣ вше у школѣ,
Друге буяло на волѣ,
Третье сѣло вше при мисцѣ,
А четверте у колмисцѣ! . .

Жѣнка шіе, листы пише,
Пере, варить, то колыше,
То зганяе мя до мѣста. . .
Ахъ сердечная невѣста!

Росло сердце, якъ подъ лѣто
По тепленькомъ дощу жито, —
Росло сердце и достатки,
Ажъ не стало счастью хатки! . .

Жѣнка шіе, листы пише,
Пере, варить, то колыше —
А колмиска вше порожна. . .
И всѣхъ вѣлаъ смерть всеможна.

То си сяде задумана,
Усмѣхнесь гдѣ солнце зѣ-рана,
Ино тихо якъ погочокъ
Плыне пѣсня изъ усточокъ. . .

То новы ю зносятъ муки. . .
Заломаны вносятъ руки,
И кличе — а здаесь легѣти:
„Мои дѣти, мои дѣти!“

Ажъ заплаче, охъ горесно,
То си усмѣхне чудесно, —
И зновъ шіе, листы пише,
Варить, пере и колыше. . . .

Платонъ Костецкій.

ПѢСНЬ РУСИНА.

Наша земля хлѣбородна
И во всяке добро плодна;
Про то любо на нѣй жити
И на журбы позабыти.

Мы маемо власни хаты,
Въ чужи не будемъ ся пхаты,
Бо мы ту не въ коморницѣ,
Но на своей батьковщинѣ.

Власни поля мы оремо
И власне зерно сѣмо;
Богъ дае намъ собратьи,
Все есть о чешъ зимовати.

Мы не бажаемъ чужого,
Бо до волѣ маемъ своего,
Е й чимъ другихъ поживити,
Могутъ съ нами дружно жити.

Мы ся не боимъ никого,
Е у Руси силъ премного;
И орелъ злетитъ со страхомъ,
Якъ левъ зарычитъ надъ птахомъ.

Въ насъ дѣвчата якъ цвѣтъ краси,
Ихъ сердца якъ небо ясни;
И молодцѣ къ всему звинни,
Но во любви не измѣни.

А хоть ворогъ ся розлютитъ,
Ничого намъ не докучитъ;
Богъ батько, Пречиста Мати,
Не дадутъ намъ загибати.

Гей! кто Русинъ ставай съ нами,
Заспѣвай, тупни ногами:
Вонъ отъ насъ всё нужды свѣта,
А Русинамъ Много Лѣта!

Л. зѣ П.

ДУМКИ

I.

Славянски Карпаты
Я васъ ублажаю!
Вамъ пѣсни спѣвати,
Бажаю, желаю.

Крѣпости, могилы,
Нашей минулости,
Вы Славянъ хранили
Духа и ихъ кости.

Вы Славянъ хранили
Отъ чужеземщины,
Чтобы они жили
Духомъ своей жизни.

Вы намъ сохранили
Батьковъ вѣру, нравы,
Здравствуйте могилы!
Васъ любить сынъ Славы.

Любить, почитае
Правдѣловъ кладбище,
Вѣрно сохраняе
Народне огнище.

Любить, почитае
Милу родиноньку,
И одушевляе
Руску дружиноньку.

Родиноньку мою
Сердцемъ обнимаю,
Ей сердечно пою,
Душу посвящаю.

Для ней хочу жити,
Для ней працовати,
Руской жизни цвѣты
Для ней посвящати.

Вселенныя Отче,
Міровъ, человекѣвъ,
Русь славити хоче,
Тя во вѣки вѣковъ.

II.

Я въ Бескидскомъ краю
Родну маму маю,
Ей думки думаю,
Ей чувствомъ дыхаю.

Правдѣная Вѣра
Мене ободряетъ,
Моя руска гѣра
Вѣрно Руси граетъ.

Думаю, спѣваю
Моему народу,
А съ нимъ поздравляю
Славянску свободу.

III.

Руска мати ги вловица
горенько рыдала,
Яко безъ друга пташица
дѣти годовала.
Слезамъ насъ умывала,
въ слезахъ насъ купала,
Днемъ и ночью колысала,
Премило спѣвала.
Въ тепломъ гнѣздѣ оперены
благородны дѣти,
Рускииъ хлѣбомъ воскормлены,
лѣтали по свѣтѣ.
По чужихъ краяхъ лѣтали,
чужи чувства ссаили,
А враги ихъ наущали,
Чтобъ на Русь ругали.
Въ чужбинѣ чужими были
Руской немычки дѣти,
А чужинци оскверняли
наши нѣжны цвѣты.
Ужасны Славяноубицы
на нашъ родъ ругали,
Желали Мадаре, Нѣмцы,
чтобъ Славяне спали.
Немскусны Славы дѣти
врагамъ угажали,
Научившися хулити
свой родъ проклинали.
Флюхтали, теремтетали
дѣти съ ворогами,

Но руское сердце мали,
 были Славянами.
 Барана волкомъ саблати
 хотѣли чужинци,
 Но баранъ зачалъ бечати,
 Дайте покой Нѣмци.
 Бо славянске племя старе,
 Мы всѣ старовѣрци,
 Не смодарчатъ насъ Мадыре,
 не сѣмчатъ насъ Нѣмци.
 У Славянъ въ чести борода
 у нихъ вѣры много,
 Ненавидятъ чужи моды,
 держатся старого.
 Въ нашихъ церквахъ съ бородами
 малюваны Святы,
 Прото между Русинами
 попы бородагы.
 Бородагы попы наши,
 по руски дыхаютъ,
 Знаютъ руски Отче-наши,
 свой народъ кохаютъ.

А. И. Павловичъ.

ПОКУСА.

Тамъ на сторожи нашихъ Карпаты
 Стоитъ высока гора Сиону,
 А дѣней зъ далекихъ сторонъ спѣшать
 Люде молитись Богу святому.

Спѣшитъ и Семень на отпустъ тамъ
 За свою долю Бога умоляти,
 Счастья для дробныхъ дѣтей благи
 Спѣшитъ въ Гощѣвскій чудовный
 храмъ.

Уйшовъ дороги — а вже цымало,
 Занимъ сынъ старшій мечесь сгрѣловъ
 И доганяе зъ вѣстевъ таковъ,
 Же тамъ поломье дѣмъ ихъ обнало.

А батько сына поглядивъ свого:
 Най Богъ и шира душа гасить,
 А я зробивши Богу обѣтъ
 Уже вернути теперь не могу.

Уйшовъ дороги — а зновъ цымало,
 Бѣжить — то наймитъ любый его:
 Вертай господарь, спалилось все,
 Та щобъ живое ще не пропало!

И Семень знова поглядивъ го:
 Не можъ обѣтню Бога ломати,
 Богъ съ вами, любѣ, и Божа Мати!
 Я вже ажъ завтра верну въ село.

Настало завтра; — ще скоро свѣтъ
 На горѣ станувъ Семень Сиона,
 А исполнявши данный обѣтъ
 Теперь чѣмъ скорше спѣшитъ до дому.

Спѣшитъ — а сердце сумомъ стискало:
 Бо отъ, згорѣла хата моя —
 Може и души якої нестало —
 Боже великій! — помилуй мя!

Вернувъ до дому... все оглядае:
 Жена здорова, дѣти суть всѣ,
 Стоитъ и хата его цѣлая. . .
 Та! то покуса була тогдѣ!

ОЙ ТАМЪ У ПОЛЮ.

Ой тамъ у полю, широкому полю
 Неразъ съ врагами мѣрилась воля
 Неразъ тамъ саблядо Дибѣстра рвалась,
 Кровцѣ-водицѣ тамъ напивалась,
 Кровцѣ-водицѣ зъ сръбнои криницѣ,
 На тыхъ-то поляхъ вѣльной землицѣ.

Дѣта минули, минула доля,
 Погасло свѣтло въ довгой неволѣ,
 И мечъ-таблюка та заржевѣла,
 Недоля горы, степы займила,
 И Русь плѣнило тяжкое горе,
 Широке, довге, якъ руске море.

Гей гора того кобы незнати,
 Руской вдовицѣ не загигати,
 Вернути въ рѣдию, якъ изъ неволѣ
 Жиды вертали на вѣльной поля. . .
 Закластя царство Богу угодне
 И жити люду въ землѣ свободной!

О. II. Рафаловичъ.

ЗВЫЧАЙНАЯ ПОВѢСТЬ.

(Огарова — изъ російскаго.)

Была чудесная весна ;
Они на берегу сидѣли.
Рѣка была тиха, ясна ;
Вставало солнце, птиць пѣли ;
Тянулся за рѣкою долъ,
Спокойно, пышно зеленѣя,
Тамъ кустъ роскошной рожн цвѣлъ,
Тягулась темныхъ липъ аллея. —

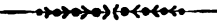
Была чудесная весна ;
Они на берегу сидѣли :
Во цвѣтъ лѣтъ была она,
Его усы ледва чернѣли.
О, еслибъ кто услышалъ ихъ
Тогда, при утренней ихъ встрѣчѣ,
И лица бъ высмотрѣлъ у нихъ
Или подслушалъ бы ихъ рѣчи,
Якъ былъ бы милъ ему языкъ —
Языкъ любви первоначальной

Тогда бы самъ онъ на той мигъ
Розцвѣлъ на днѣ души печальной.

Я въ свѣтъ встрѣтилъ ихъ потомъ :
Она была жена другого,
Онъ былъ женатъ и — о давномъ
Не было въ поминцѣ ни слова.
На лицахъ видный былъ покой,
Ихъ жизнь текла свѣтло и ровно,
Они встрѣчались межъ собой
Могли сѣяться хладнокровно.

А тамъ на берегу рѣки,
Где цвѣлъ тогда кустъ рожн милой,
Одни простымъ рыбаки
Ходили къ лодцѣ обветшлой
И пѣли пѣсни, и — во вѣкъ
Осталось для людей закрыто,
Що мовилъ тамъ любви языкъ,
И сколько было позабыто.

Н. П. Б — въ.

Р О Ч Н И Ц Я.

Въ Перемышляхъ на Подзамчу зазуленька куе,
А на селѣ отецъ, мати тяженько сумуе;
Ой, сумуе и горше, ажъ ся сордапе крае,
И зъ роспуки ломить руки, Ивась не вертае!
Ивасуню, пташко моя, чи ты спишь, чи чуешь,
А съ книжке ты Святоянску ноченьку ночуешь?
„Ось я дную и ночую въ холодной водицѣ,
Не плачь отче, не плачь мати, не плачь сестрицѣ.
Якъ рыбонька-ластовонька по тихомъ Дунаю,
Такъ свободно и я собѣ по Синю гуляю.
Сребрній фальщо-разъ далѣй несуть мя легонько,
Не плачь отче, не плачь мати, не плачь родиньонько;
Мовь слезонька чиста струя головъ ми полоче,
Дрѣбный пѣсокъ, бѣлесенькый промывае очи;
А дѣвочки Русалочки со мною танцюють,
А рыбоньки гей другоньки личенько пѣлюють;
Водне зѣлье — на вѣстѣе, пвѣтъ лѣтѣи — ложе,
Пращай отчо, пращай мати — потѣши васъ Боже!“

А. Лужецкый.

КРЕМУЦІЙ КОРДЪ.

Драма, сочиненная Н. Костомаровымъ.*)

Cornelio Cosso et Asinio Agrippa consulibus,
Cremutius Cordus postulaturo novo ac tunc
primum audito crimine, quod editis Annalibus
laudatoque M. Bruto C. Cassium Romanorum
ultimum dixisset.

Taciti Ann. L. IV. XXXIV.

Дѣйствующія особы:

Тиверій, римскій императоръ.

Сеянъ, его любимецъ.

Кремуцій Кордъ, историкъ.

Пинарій Натта, историкъ.

Сатрій Секондъ, поэтъ.

Фирмій, сенаторъ.

Вибій, старикъ, изгнанникъ.

Юній Вибій, сынъ его.

Сенаторы.

Помпидія) римскія гражданки.
Аврелія)

Дѣйствіе въ Римѣ, въ царствованіе Тиверія въ 25. году послѣ Рожд. Хр.

ДѢЙСТВІЕ I.

(Дююсчики).

II.

Салл во дворцѣ Сеяна. Стѣны обложены мраморомъ, приѣлка — жушлями; колюмны съ серебрянными завитками, кресла слоновой кости, столы бѣлого мрамора. У дверей стоятъ Сатрій, Пинарій, Юній Вибій и кѣлька зашникѣвъ Сеяна. — Придверный слуга ходитъ на пальцахъ.

- *) Драма сія — вскорѣ по изданію Костомароваго дѣла „Гетманство Ивана Выговского“ написана и въ великорусскомъ переводѣ напечатана 1862. г. въ Петербурзѣ (въ типографіи П. А. Кулиша) и посвящена Авторомъ: „Незабвенной А. Д. К. на память 14 Юнія 1847 г.“ Къ той-то незабвенной А. Д. К. относитъ авторъ слѣдующее четверостишіе А. Мицкевича изъ его „Валенрода“:

Lecz dotąd w mojem zachowałaś łonie
Też same oczy, twarz, postawę, szaty:
Jak motyl piękny, gdy w bursztyn utonie,
Na wieki całą zachowuje postać . . .

Ч. III и IV

6

Придверный. Тсъ, — иде! (Всѣ выпрямляются и готовятся на встрѣчу. Сеянъ выходитъ въ прозрачной шолковой туницѣ, въ бѣлой тозѣ съ золотыми брэнзлями, съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ. Толпа восклицаетъ: „Най здравствуе любянецъ богѣвъ!“ Всѣ кланяются до земли. Сеянъ отвѣчаетъ гордыми поклонами).

Сатрій (подходить съ подобострастіемъ и доручаетъ Сеяну ролю пергаминаую): Дозволь, достойный преемнику Мецената, свѣтлый покровителю наукъ и искусствъ, высокій любимче Аполлона, дозвожь со страхомъ благоговѣнія насладитися неизреченнымъ счастьемъ возрѣнія ласкавыхъ очей твоихъ на слабое дѣло моеи Музы, котора перестане завидовати Музѣ Виргилія и Горація, если звуки моеи тихой свирѣлки раздадутся подъ оживляющею тѣнью стопъ твоихъ.

Сеянъ. Хорошо, хорошо! (Бере пергаминаую ролю) Справдѣ, половина всѣхъ посланій Горація! Ты поэтъ плодовитый. (Переглядываетъ ролю) Фи! що то? Троянскіи герои, нимфы, боги?! Такъ и менѣжь ты выпровадишь отъ якого-то полубога?

Сатрій. По высокой душѣ твоей, — я мечталъ въ моемъ поэтичномъ восторгу, що се ты отрасль великого Діомеда.

Сеянъ. У поэтѣвъ за тымъ не долго глядати! — Дякую за усердіе, но я, мой добрый друже, не люблю лести въ очи . . . Возьми свое дѣло, читай его съ друзьями, знакомыми, — розширай его якъ-можъ найбільше . . . я дамъ тобѣ тысячь сестерцій на переписку . . . Треба піддержувати въ публици добрый вкусъ: въ наше время такъ мило добрыхъ поэтѣвъ . . . Но я не люблю лести, — повторяю тобѣ. Розширай, — продавай свое сочиненіе, и я прикажу эдиламъ предложити, абы продавали его гражданамъ, тобы ты одержалъ достойную нагороду за свой поэтичный трудъ. Но зновъ таки скажу — я не люблю лести. Впрочемъ, я всегда буду для тебе ласкавъ.

Сатрій. Ласка твоя вышена надъ всѣ твои благодѣнія!

Сеянъ. (обертаець къ Юнію Вибію): А ты що маешь?

Ю. Вибій. Донось на врага императора и отечества.

Сеянъ. А! на кого же?

Ю. Вибій. О, кобы языкъ мой присохъ до піднебѣнья моего прежде, нѣжь вымовитъ то страшное, колись такъ солодке моему сердцу имя! О, кобы сердце мое розорвалось на части отъ пожирающей его горести прежде, нѣжь погасне въ немъ чувство, вложенное природою! Но — присягаю на безсмертныхъ! — не ма для мене связей святѣйшихъ надъ тѣи, которыи вяжугъ мене вѣрностію къ цезарю! Се . . . донось на преступного отца моего.

Сеянъ. Скільки похвальный и удивленья достойный твой поступокъ, если донось справедливъ, стѣлько же страшный и лукавый онъ, если донось твой противится правдѣ, — чого я не хочу ани допускати. Твой отецъ былъ выгнанный за то, що не знаючи добре дѣла, ложно вступался въ донось

на Либона Друза; хотя Либонъ Друзъ оказался преступникомъ и доносчики получили достойную награду за свою ревность къ истинѣ и правосудію, но открылось, що твоѣ отецъ, не знаючи дѣла, събдчилъ на Либона едино изъ желанья, абы не утратити участія въ нагородѣ, яка ожидала правыхъ доносчикѡвъ. Цезарь, нагородивши прочихъ, укаралъ однако твоего отца, бо цезарь нашъ есть образецъ справедливости. Ты долженъ помнити тое, мой добрый друже . . . Що здѣлалъ твоѣ отецъ?

Ю. Вибій. Не удовлетворяюсь неизреченнымъ милосердіемъ цезаря, который оставилъ ему житье и по отечески укаралъ его выгнаніемъ въ Галію, онъ розсѣиваетъ преступныя и ложныя поголовки о тобѣ, — осмѣлился клеветати, обвиняючи тебе въ убійствѣ, прелюбоубійствѣ, — говорить, що Тиверіи держатъ Римъ въ оковахъ, а самъ находится въ рабствѣ у тебе, — и возмущаетъ дурными выдумками слѣдую толпу. Съ ними въ порозумѣнью есть Корнутъ, который прислалъ ему гроши для поднятія мятежа въ Галію.

Сеянъ. Страшенныя, вогрѣсающія душу, клеветы достойны за-пewно примѣрной кары. Я долженъ представить твоѣ доносъ цезарю. Но похваляючи твое усердію, мой друже, я не могу воздержатися, чтобы не здѣлати тобѣ выговора. Ты учинилъ примѣрное дѣло, не жалѣючи и рѡднаго отца для блага отчины, но . . . ты наполнилъ грудь мою тоскою. Я не истивный отъ природы и склонный болѣе простиати отца твоего, нежь преслѣдовати; но, къ несчастью, дѣло, дотыкаючи мене, дотычитъ цѣлого отечества, и тяжкій обовязокъ принуждаетъ мене подавити въ собѣ врожденную наклонность — забывать кривды. Впрочемъ я все-таки постараясь облегчити своею просьбою у цезаря участь отца твоего. (Обертаецъ къ Сатрію) Служеніе Музамъ есть похвально, а еще похвальнѣйше, коли съ нимъ соединяешь служеніе отечеству. Римъ полный розврата, лихоумства и тайныхъ замыслѡвъ противъ публичнаго порядка. Искоренати злыя насѣньи есть дѣло достойное каждого сына отечества, — также и поэта. Видишь ли, який Вибій? Для цезаря и отечества онъ не покалѣлъ и отца рѡднаго: его примѣръ, который я поставлю для наслѣдованья всѣмъ молодымъ гражданамъ Рима. Ты — поэтъ, бываешь въ кругу поэтѡвъ, ученыхъ, софистѡвъ; межи ними много злонасмѣренныхъ; будучи непоостережены правосудіемъ, они въ тайнѣ, якъ змѣи, извергаютъ вѣд своихъ мнѣній; открывати ихъ чѣмъ скорше и не дати возможности, абы вредили на-далѣ обществу, есть дѣло важне и спасительне. (Обертаецъ къ Пинарію) Ты — историкъ, и часто бываешь чей межи своими собратьями; къ сожалѣнью, они мало оказываются достойными протекціи, яку императоръ указуе искусствамъ и ихъ служителямъ. На примѣръ, менѣ досталась до рукъ исторія, подъ названьемъ „Анналы Римской Республики,“ Кремуція Корда . . . просто сказавши дѣло бунтовничое! Авторъ хвалитъ злочынника Брута и называетъ убійцу божественнаго Юлія Цезаря — Кассія — послѣднимъ изъ Римлянъ! Якъ же то?! Та за се одло належало бы отрубати

руку, котора осмѣлилась написати подобныи выраженія! Вся тая исторія, зъ начала до конца, наполнена — если не явно-преступными, то двозначными выраженными и неумѣстными похвалами прежней свободѣ, а отгакъ — неприязню къ настоящему порядку рѣчей. Цезарь не любитъ тыхъ голосовъ о свободѣ и правахъ гражданскихъ, о славѣ старого Рима, подъ которыми звычайно стараются укрыти побужденія къ необузданности и безначалію. Несомнѣнно, за подобныи выступки, Кремуція Корда належало бы передати судови сената. Злочинникъ, которого преступныи намѣренія не воплиъ раскрыты, одержитъ мало-значную кару — и стане еще смѣлѣйшимъ. Справедливость wymagaе, абы всѣ тайныи замыслы зломыслящего чловѣка были откриты, шобы можъ было истребити, такъ сказавши, саме ядро зла. Безъ сомнѣннѣя, если Кремуцій Кордъ, осмѣлившись написати подобныи строки въ своей исторіи, нагло похвалилъ убійцъ Юлія Цезаря, то конечно носился онъ съ злобою къ императору и существующему порядку рѣчей. Потребно сказати то яснѣйше: Императоръ желалъ бы, абы вся тайна души того зло-вредного чловѣка была открыта... розумѣся, ведля строгои правды и безъ примѣшанья клеветы, которую карають бѣльше надъ всѣ преступленія.

Сатрій. Молю богѣвъ, абы подали намъ возможность, заслужити на твою ласку! Но — скѣлько бы мы ни напрягали свои слабыи силы — всѣ наши заслуги не будутъ достойны единого ласкавого взгляду нашего цезаря.

Сеянъ. Прекрасно, мой добрый друже. Прощайте. Надѣйтесь на мою благосклонность. (Отходить. Толпа кланяется).

II.

Въ саду Кремуція Корда.

Сатрій, Пинарій, Фирміи — входятъ.

Сатрій. Тихше, тихше! шобы насъ не побачили зъ ѡкнѣ! Сѣдайте, друзья, межи деревами, та уважайте, — не испортѣтъ дѣла. Вы будете свѣдками, а для того напрягайте слухъ, коли буде говорити Кремуцій Кордъ. Ни одно слово не мае улетѣти мимо ушей вашихъ.

Пинарій. Я выльзу на той дубъ: онъ такъ конаристый, шо на немъ не увидать мене, хотъ бы пѣдойшли до него. (Лѣзе на дерево). Дерево такъ высоке, шо еслибы мене увидѣли зъ улицѣ, то уважалибы за орла.

Фирміи. Смотри, шобы кто ни-будъ не пустилъ въ тебе стрѣлу. А шо до мене, то я, наилучше, зѣрву собѣ одно индійское яблоко и залѣзу въ корчи. Хотя тамъ сидѣти неприятно, за-то лучше слышати и меньше небезпеченства: туда никто не полѣзе... а коли шпильки стануть мене колоти, то я буду прохоложатись яблокомъ.

Сатрій. Добре. Сидѣть тихо. Я иду. (Иде назадъ; потомъ вертае зъ другой стороны и пѣходитъ подъ ѡкно дома) Кремуцій, друже! .. Ахъ, боги! можна

ли... У тебе такой прекрасный садъ, теперь такой приятный вечеръ, а ты сидишь зарывшись въ своей дѣрѣ, где такъ душно и тѣсно. Я прійшолъ вызвати тебе зъ хаты и, чтобы легче того dospѣти, вбѣжалъ емъ въ твой садъ. Хочу и тебе завлечи сюда. Менѣ скучно, друже: я прійшолъ розбгнати скуку съ тобою. Выйди скорше.

Кремуцій (изъ дому). А, то ты, любезный Сатрій! Будь ласкавъ, — войди!

Сатрій. Куда? въ хату? Ни-за-що! Що за неволя жаритися въ стѣнахъ, коли заходящее солнце позволяетъ наконецъ отдыхнуть отъ убійственного жару? Кто войде въ такой садъ, той не скоро изъ него выйде. (Кремуцій входитъ) Що за прелесть! Якімъ роскошнымъ дерева! якімъ блестящимъ цвѣты. Сядьмо ту, друже.

Кремуцій. Сядьмо, изволь. (Сядаютъ)

Сатрій: Ты вѣчно занятый своею исторією; погрузилъ есь ся въ мнущбсть и знати не хочешь ничего, що вколо тебе дѣся. Правда, многое такъ душно, що скрылъ бысь ся отъ него — не только въ хату, но вже и въ могилу; однако все-таки то голубое небо нашей счастливой Авзоніи, та яркая зелень, тѣмъ красоты дарбвъ Флоры и Помоны — все тое, справдѣ, достойно того, абы пожити на свѣтѣ. Есть еще много на земли такого, що неволить, хотя на часъ, забывати и тиранбвъ, и доносчикбвъ, и лизунбвъ... Ну, якъ иде твоя работа?

Кремуцій. Я окончилъ свой трудъ.

Сатрій. Якъ то? Довелъ свою исторію до нашего времени?

Кремуцій. Я довелъ ю до Филиппинской битвы. Съ концемъ Республики кончится моя исторія.

Сатрій. А дальше не хочешь продолжать? Правда, друже, — и не совѣтую. Навѣтъ съ написаннымъ будь осторожнѣйшій; теперь часъ такой, що могутъ чепатись и за сказанье о временахъ давно прошедшихъ. Я о собѣ скажу: менѣ дуже дороги Музы, но часомъ приходитъ печальная мысль, розстатись съ ними.

Кремуцій. (въ сторону): Якъ бы Музы были задоволены... (къ Сатрію): Для чогожъ?

Сатрій. Ото для того... межъ нами най буде сказано... Музы тамъ лишь пребываютъ, где цвѣте свобода. Тираны не любятъ дарбвъ Аполона, хотя и приносятъ ему жертвы. Що такое поэтъ? Прежде — объяснитель воли богбвъ, возбуждатель смертныхъ къ добродѣтели, хранитель чувства прекрасного; — теперь — онъ самое жалкое созданіе. На его восторгъ наложены оковы: онъ — павецъ, забавляющій сильныхъ, рабъ, обязаннй усыпляти своего пана отъ бессонницы, послѣ жирного обѣда. Або хвали Ливію, Сяна, або — не пиши. Та що я говорю? и хвалити ихъ небезпечно. Скажутъ: „онъ подъ лестію хоча укрыти злыя замыслы“, а часомъ просто

скажутъ: „що то онъ хвалить теперѣшность и живыхъ? Онъ думаетъ о нихъ... а коли думаетъ, то що-нибудь и надумаетъ!“ А попробуй воспѣвать старину... „онъ не любитъ теперѣшности“ — закричатъ тогда — „онъ хочетъ возстановити минушность.“ Не тыкай ни старого, ни нового, — воспѣвай дуги, лѣсы, полѣвы нимфы... „А!“ скажутъ ту — „онъ удаляется отъ похвалъ цезарю, на-вѣрно не любитъ его; онъ не смѣе заговорити о теперѣшности, на-вѣрно боится проговоритись, на-вѣрно у него на душѣ есть такое, за що бы его укарали.“ А нѣ, то вынайдутъ — отъ-яку нибудь алегорію, якої николи поэтъ и не предполагалъ; та наконецъ онъ уже и тымъ виноватъ, що онъ поэтъ, а не всѣ поэты угодны цезарямъ. Захочетъ ли онъ розбити свою лиру и осудити себе на Пифагоровское молчанье, — и ту не уйти ему отъ подозрѣній: „для чого онъ прежде писалъ, а теперь молчитъ? Слѣдити за нимъ!“ А най только сильный скажетъ — слѣдити за такимъ-то, — и такой-то якъ-разъ попадетъ въ бѣду. Цезари и поэты не водятся въ одной державѣ.

Кремуцій. Съ тымъ я не соглашаюсь. Менѣ навѣтъ здається напротивъ, прийнятій — у насъ. Во времена Республики Муза латинска склонила голову передъ чужеземною, греческою Музою; только изъ временъ Августа услышали мы звучныи пѣсни Мантуанскіи, Сульмонскіи, на рѣдномъ языкѣ Лаціума.

Сатрій. Пѣсни Сульмонскіи!... А о пѣвцѣ Сульмонскомъ забываешь!? Хороша была ему ласка отъ покровителя Музъ. Бѣдняга заунуль въ чужой земли, посередѣ варварскихъ народѣвъ. А все отъ чого? Онъ долго не хвалилъ ни Августа, ни Мопевата, ни Агриппы, жилъ собѣ въ шірѣ богѣвъ, абе смѣялся надъ римскими прелестниками. „А!“ — говорили тогда при дворѣ Августа: „онъ человекъ недобремыслящій, онъ глядѣе покровительства сильныхъ, онъ вредный,“ — и все поставили ему виною, навѣтъ его элегій, для того, що они соблазнительны. Та у Горация бѣльше соблазнительного, но Гораций налилъ кадила Августу, и все было объяснено въ добрую сторону. Досыгъ, абы разъ нарекли тебе недобремыслящимъ, — не поправишь дѣла. Якъ ни льстилъ Овидій на Дунаю — все надаремно. Дурне, — говорили въ Римѣ, — онъ хочетъ только выдѣбаться зъ бѣды, а не думаетъ такъ, якъ пише.

Кремуцій. Дарованіе всюда пробѣе собѣ дорогу, и талантъ не угаснетъ подъ бременемъ несчастья; а безъ несчастій не можъ обійтися на земли. Поэтъ недаромъ сказалъ, що боги мѣшаютъ въ урну житья счастье и горе по-рѣвнѣ: не то буде, такъ другое, — а живучи на земли не уйти отъ горя: у одного такое, у другого иное, а вському зарѣвно тяжко свое горе; одинъ томится на изгнанью, пораженный неласкою владѣтеля; другій взнемогае отъ невылѣчимой болѣзни; житье третьето затруено семейнымъ несчастьемъ. . . . Есть одно самое страшное горе, передъ которымъ безсильны всѣ бѣдствія: то горе — нечистая совѣсть, и тяжесть чужои крови

и чужихъ слезъ. Ото истинное горе, любимый Сатрій! най сохранишь отъ него Юпитеръ насъ всѣхъ . . . Прочее все усолодится терпѣньемъ и чувствомъ власного достоинства; страданія добрыхъ подносятъ ихъ думу, а страданія злыхъ предають до ихъ пороковъ еще новый порокъ — малодушіе. Належитъ избѣгати того порока Не передавайся тосцѣ; помни, що властиво не горе, но тоска, походяща отъ горя, насъ мучить. Зарѣвно же не предавайся надто радости, — и легче перенесешь неприятность, коли она постигне тебе.

Сатрій. Ты справедливо говоришь, що не ма ничего горестивѣйшого, якъ нечистая совѣсть; но знаешь ли, нашъ вѣкъ такий, що человекъ честный може легко здѣлаться подлецомъ.

Кремуцій. То може быти только тогда, коли твоѣй честный человекъ не былъ честнымъ, а только здавался такимъ, — въ самомъ же дѣлѣ былъ всегда скрытый подлецъ. На свѣтѣ не ма силы, котора бы способна была поколебати честного человека.

Сатрій. Не говори того! А Сеянъ? а Тиверій? Скажу тебѣ про себе. Я спокойно занимался поэзією; на-разъ приходитъ до мене товаришь Сеяна и каже, що любимецъ цезаря желе, абы я написалъ ему що-нибудь.

Кремуцій (въ сторону): Проговорююсь — або подговорюся.

Сатрій (продолжае): Що здѣлаешь? не послухаешь — начне мститися. Обвиняють тебе о зломышленность, подслушаютъ двозначныи слова, перетолкують, — и ото домъ твоѣй окруженъ воинами, и тебе ведутъ на судъ, або до вязницъ . . . Розваживши всѣ послѣдства я увидѣлъ, що благородное wymagaе, исполнити волю Сеяна. И я написалъ ему оду. Ха, ха, ха! Ты собѣ представить не можешь, що за дурне созданье вышло изъ моей оды! Бавіевы творенія — Енеида передъ моею одою! Я выводилъ въ ней Сеяна отъ Диомеда, и Сеянъ принялъ ю благосклонно и велѣлъ розширять ради доброго вкуса! . . . Ну, скажи, друже мой, чи то не подлость? Я презираю любимца, а долженъ величати его въ стихахъ своихъ. Знаю, що тымъ я унижилъ себе въ очахъ цѣнителей искусства; а межъ тымъ — признашь то самъ — я не могъ поступити иначе. Що бы ты здѣлалъ на моемъ мѣсци?

Кремуцій. Я не поэтъ, я въ такомъ положеніи быти не могу.

Сатрій. Добре; ты — историкъ. Ну, що бы ты здѣлалъ, еслибъ Сеянъ на-разъ поручилъ тебѣ описати царствованье Тиверія?

Кремуцій. Мень того не предлагать, для того, що всегда найдутъ людей, больше отъ мене свѣдущихъ въ современной исторіи, которою я не занимаюсь.

Сатрій (помолчавши немного): Друге мой! Я прійшоль до тебе за важнымъ дѣломъ. (Съ таинственнымъ видомъ) Я прійшоль предъупредить и предостеречь тебе по дружбѣ.

Кремуцій. Отъ чего и отъ кого?

Сатрій. Да хоть бы отъ доносчиковъ, зложелателей, клеветниковъ.

Кремуцій. Я не боюсь доносчиковъ, для того, що не дѣлаю ничего противъ закона; презираю клеветниковъ, для того, що на то они клеветники, чтобы ихъ презирати.

Сатрій. Однако треба быти осторожнымъ. Поговорюють, будто въ твоихъ Анналахъ есть щось вольнодумного, будто ты надъ-мѣру хвалишь свободу. Я совѣтую тобѣ пересмотрѣти твою рукопись и не пускати ю въ свѣтъ, пока не замѣнишь где-якихъ мѣсць другими; для друзей, разумеется, ты можешь оставити все въ принадлежной формѣ и навѣтъ еще болѣе написать правды.

Кремуцій. Я готовъ тоеже саме читати передъ цѣлымъ Римомъ, що читаю съ друзьями. — Я не жию въ теперѣшности; я — историкъ; я — гробкопатель; мертвыи не потребууютъ отъ мене отчета. Въ Римѣ не ма закона, который бы судилъ историковъ, говорящихъ свободно о томъ, що уже унесено временемъ.

Сатрій. Не ма закона?! Та икій же есть въ Римѣ законъ, кромѣ самоволь тирана и его любимцевъ? Законъ подоптанъ, поруганъ; законъ исчезъ разомъ съ добродѣтелью: обманъ, рабство вопарилися на мѣсци прежнихъ добродѣтелей! О времена! о обычаи! восклицалъ Цицеронъ. Но що бы сказалъ ты, великій ораторе, еслибъ теперь поднялъ изъ могилы почтенную свою голову, котору принесъ ты въ жертву возникающему тиранству? Где форумъ? где комиция? где трибуны — охоронители слабыхъ?.. Ихъ замѣнили теперь доносчики! Доносчики! Нищо не може выразити весь ужасъ того слова, неизвѣстнаго въ старомъ Римѣ. Незадолго ремесники покинутъ свои варстаты, а купцы свои лавки, и начнутъ терзати другъ друга доносами, для того, що то выгоднѣе и легче. Доносъ здѣлался теперь средствомъ для достиженія почестей, якъ прежде храбрость и любовь къ отечеству. . . . Горе гражданину, если въ театрѣ онъ не посмѣется надъ фарсою комичнаго актора, коли той подобаеся Тиверію и Сеяну! Вечернеш ли ты съ друзьями — прикажи слугамъ посмотрѣти полъ столомъ, за колоннами, чи не скрылся где-нибудь доносчикъ. Если не найдутъ — страшись, остерегайся гостей твоихъ, особливо коли фалерское вино начинае путати языкъ твой; повтарай про себе стихъ Овидія: „Галлиуса погубило невоздержанье языка при уживанью вина.“ Выстерегайся жены твоей — если поганый оболститель найде дорогу до-ей сердца, -- оне донесе на тебе, жена подтвердитъ доносъ, и тебе отправятъ на выгнанье або въ тюрьму, а имѣнье твое выладутъ доносчику; и если ворогу твоему скоро надоѣсть твоя жена, онъ оженится съ нею, и дѣти твоя должны будутъ называти его отцомъ, а о тобѣ не посмѣютъ вспоминати. Выстерегайся власныхъ дѣтей твоихъ, которымъ ты даровалъ жизнь и дыханіе. Если донька твоя хоче выйти за отпущеннаго невѣльника, — не перепиняй ей: — иначе она донесе на тебе

Если смѣль твой впалъ въ розпусту, — не останавливай его, — иначе дѣнь донесе на тебе! Ты думаешь, — его укарають, якъ отцеубійцю, по обычаю старины, — куда тамъ! его поставлять въ примѣръ юношеству, яко образецъ вѣрности царю и отечеству. Выстерегайся рабѣвъ твоихъ и не карай ихъ, если они обкрадають тебе: — иначе они донесутъ на тебе! Не надѣйся на то, що по старымъ законамъ рабъ не смѣе свѣдчити на господина своего: законъ о оскорбленью величества не знае того права, для того, що передъ нимъ — всѣ рабы; а впрочемъ, у тебе купить раба твоего, такъ що ты не посмѣешь не продать его, отпустягъ — и все подъ законнымъ порядкомъ. Выстерегайся опущенныхъ невольниковъ твоихъ, — выстерегайся каждого, кому ты оказалъ яку ласку; теперь естъ звычай платити за добро доносами, и коли увѣдае императоръ, доносчику признается бѣльшою добродѣтелию его невдачность... Ого положенье римского гражданина подъ владѣниемъ тирана, который, въ рабство впрягаючи Римъ, достойно звѣдался самъ рабомъ! та еще чинимъ рабомъ?! Опущенного невольника, который выйшолъ на люди тымъ, що въ молодости продавалъ себе старикамъ, потомъ зводилъ бабъ, а на-конецъ подавалъ доносы — найвысшій источникъ его счастья! Всѣ знаютъ, що дѣнь убилъ Друза, жѣ съ его вдовою, — одинъ Тиверій того не знае, для того, що любимецъ утѣшае его вымыслами розпусты. Но скоро, здаецъ, прійде черга и на Тиверія: любимецъ вышле въ Елизейскіи поля сперва родину Германика, потомъ и Тиверія, — прикаже наречи его богомъ, а потомъ захватитъ власть, и мы падемъ ницъ чередъ новымъ владѣтелемъ, которого также колись поимѣстимо на Олимпѣ.

Кремуцій. Не прерываючи бесѣды твоей слухалъ я ея, — але по-нялъ зъ неи мало, бо ничего того не знаю и нищо зъ того мене незанимае. Впрочемъ, ты самъ собѣ прекословишь. Кѣлька разы ты восклицалъ: „страшися, выстерегайся!“ а самъ не выстерегаешься говорити о томъ, чога такъ греба выстерегатися. Изъ того я заключаю, що выстерегатися треба менѣ, а не тобѣ, и що для того менѣ небезпечвѣйше, тебе слухати, нежь тобѣ говорити.

Сатрій. Кремуцій! друже! шо ты говоришь? зачѣмъ холодностію отповѣдаешь на мою горячѣсть? Чи тобѣ не въ-далъ, шо я, уважаючи себе въ безопасности, держачи тебе за честного человека, правѣ-же единственного въ Римѣ, заговорилъ съ тобою по отвертому, выліялъ завѣтное горе о батькѣвщинѣ?... Ахъ, Кремуцій! Иняый бы подумалъ, шо и ты способный ешь прилучити свое ния къ числу доносчикѣвъ. Прости менѣ тое слово, вырванное огорченіемъ! Я далекий отъ такой мысли о тобѣ. Но мене дуже болитъ, шо я не найшолъ въ тобѣ друга... видно, я недостойнъ быти твоимъ другомъ.

Кремуцій. Я — другъ всѣмъ добрымъ людямъ, и лобре желаю якъ добрымъ, такъ и злымъ: послѣднимъ, розумѣется, не можь пожелати ничего лучшого надъ то, абы вернули на дорогу правды.

Сатрій. Ты стойкъ, — я то вижу. Люблю тебе огъ всего сердца, но признаюсь, менѣ не подобаесть суровая мудрость закона: ей послѣдователей честны, примодушны, но надто холодны.

Кремуцій. У насъ въ Италиі дуже жарко, а для того се не дурно, если внутрення холодность крови буде умѣряги витшній жаръ.

Сатрій. Такъ, — въ Италиі дуже жарко, — настояще пекло: Флегетонъ розливаесть изъ палаты Плутона; суть всѣ свойства пекла: и Мегера — Ливія Августа, и Тизифона — Ливія вдова Друза, и перевозчикъ душъ на муки — Сеянъ, и кривыи судія и Гарпіи — доносчики.

Кремуцій. Я хочу сказати не то, а то, що сонде у насъ пече — бѣльше ничего.

Сатрій. По дивному капризу Аполона, пече, а не грѣе; принаймнѣй скѣлько ни пробужала весна заумершой зелени, — свобода Рима спитъ непробудно.

Кремуцій. Сатрій! если ты хочешь быти со мною знакомъ, — не говори о теперѣшномъ порядку рѣчей; я не могу ни хвалити, ни ругати его, бо не знаю его; иначе, глядишь собѣ инныхъ товаришей, бѣльше способныхъ цѣнити твое красномовство.

Сатрій. Кремуцій! я тебе не понимаю. . . Ты хочешь, чтобы я, будучи твоимъ другомъ, здерживалъ передъ тобою свои чувства, якъ на площади?

Кремуцій (встае и подходитъ къ рокамъ): Якъ тобѣ подобаются тѣ бѣлыи рожи? Не правда, они дуже милы? То любимицѣ цвѣты моя: — якіи солодкій запахъ! Я для тебе зѣрву. Ахъ, нѣтъ! ото та краснѣйша. (Иде къ тому кушу, въ которомъ скрылся Фирміи) Ахъ! що то? Змѣя? Нѣтъ — подобіе челоуѣка! Въ куши! Злодіи! злодіи! Гѣй! люди! сюда! (Бѣгають рабы.)

Сатрій (въ сторону): О проклятый дуракъ.

Кремуцій. Що вижу? Сенаторъ Фирміи! Сенаторъ римскій въ куши, съ недоѣденнымъ яблокомъ! Сенаторъ залѣзъ въ чужій садъ, певно на то, абы красти яблока абѣ груши?

Фирміи. Осторожнѣйше! Если ты узналъ, що я сенаторъ, то не труби о томъ передъ своими слугами.

Кремуцій. Осторожнѣйше, сенаторъ. Ты порвалъ свою латикливію о тернье. Видно, ты малъ велику охоту до моихъ овощей, если захотѣлъ наслаждаться ними въ такомъ неприятномъ мѣстци; но за то, видно, они тобѣ дуже подобались, если ты не чувствовалъ, якъ тернья дранали твое тѣло. Чижь не лучше было прійти просто до мене и попросити: а бы далъ тобѣ изъ уваженія къ твоему сенаторскому достоинству. Слуги! Нарвѣтъ яблокъ, грушовъ, индійскихъ яблочокъ и наполнитъ ему всю тушику; завернѣтъ ю

въ-верхъ и завяжѣтъ около шія; наполнѣтъ овощам рукавы, а руки завяжѣтъ на-задъ, чтобы овощи удобнѣйше могли держатися. (Слуги исполняютъ то) Межъ тѣмъ, поглядѣйте по саду, чи не ма еще подобныхъ гостей. Та запрѣтъ ворота, чтобы кто ни-будь не уйшолъ отсюда.

Слуга. Господине! господине! еще ктось сидитъ на буку, а такъ высоко, що не достанешъ.

Кремуцій. Кто то? А — то Пинарій Натта, историкъ Недармо, що пришедши красти яблока, онъ добрался на букъ вмѣсто яблони: ему не въ первый разъ строити збытки; онъ и въ своей исторіи взялъ Сципіона Африканского за Азіятского. .. Звѣдай же зъ бука, историкъ! та сядь льпше подъ тѣнію бука и, якъ Титиръ, повѣдай намъ, якому богу ставишь олтарь?

Пинарій. О стыдъ! о соромъ! Нвгъ, Сатрій! горе тобѣ! Ты впровадилъ мене въ тую ганьбу! Я отомщу тобѣ! (звѣзаетъ).

Фирмій. Ахъ — задушусь! Кремуцій, умилосярдись, освободи мене, не безчести мене. . . .

Пинарій. Кремуцій! мы въ рукахъ твоихъ, и ты за-печно, можешь насъ обезчестити, — но яка тобѣ зъ того корысть? Пусти мене, — я отваячусь тобѣ.

Кремуцій. Чѣмъ? не исторією ли своего вымысла?

Пинарій. Смѣйся надъ моею исторією; сколько хочешь, но я не противляю ей на твою, для того, що твоя привела до саду гостей, подобныхъ намъ. Мы не злодѣи — мы доносчики; мы — свѣдѣки, призванныи Сатріємъ для подтвержденія доноса его на тебе. Сатрій научилъ насъ скрытиса межн деревами, а самъ вызвалъ тебе и завелъ съ тобою разговоръ о событіяхъ теперѣшняго времени для того, щобъ ты преговорился и такимъ способомъ попалъ въ розставленную сѣть. Всему виноватъ Сатрій. Пусти мене — и я донесу на него, вмѣсто тебе.

Сатрій. О подлость! зарада!

Пинарій. Я донесу на тебе, лукавче! Чого свѣдѣками можемъ мы быти теперь? Що слышали мы отъ Кремуція Корда, кромѣ неохоты отповѣдати на твои рѣчи? Мы дозвѣдали Кремуція Корда: онъ человекъ благомыслящій; но мы слышали отъ тебе дерзкіи слова о правительствѣ и не знаемъ, на що ты говорилъ ихъ: быти може, ты на-правду такъ думаешь! А если и не такъ, если ты хотѣлъ только извлечь историка, — чи думаешь, що божественный Тиверій стане потакивати твоему коварству? Може быти, Кремуцію и въ голову не приходило ничего подобнаго, а ты заронилъ въ него подозрѣнье. Розсвѣтелю ложныхъ слуховъ! клеветнику на власти! дрожи, — я донесу на тебе! Кремуцій буде свѣдкомъ: Фирмій подтвердитъ доносъ, бо великодушный Кремуцій умилосярдится надъ нимъ и пуститъ.

Сатрій. Умыслы наши открыты, но, Кремуцій! я не ворогъ тобѣ, а только другъ самому собѣ, якъ и ты, якъ и каждый человекъ. Все рѣвно, --

инный корысталь бы зъ твоего поблудженья и досталъ бы за то нагодору: такъ для чегожъ было не корыстати менѣ самбму? Для чего распустилъ ты въ публяку своя Анналы, которыя стѣлько же прекрасны, скѣлько недостойны настоящаго времени? Они возбудили подозрѣанье въ Сеянѣ и Ти-верію; тебе признали человѣкомъ недобронамѣреннымъ и неспріяющимъ правительству, для того що ты любишь старину и свободу, о которой навѣтъ не вспоминають при нашомъ дворѣ. Однимъ словомъ: тебе оголосили преступникомъ, но прежде хотѣли извѣдати твои мысли, и Сеянѣ выбралъ меле въ числѣ другихъ. Еслибъ я отказался, то заслужилъ бы на гнѣвъ Сеяна, а тобѣ не принесъ бы ніякои пользы: все рѣвно, — другій здѣлалъ бы тоже.

Пинарій. Ого новый доказъ преступности Сатрія Секонда. Онъ клеветше на любимца: онъ говоритъ, що Сеянѣ наустилъ его. Чи то возможно? Та и якъ осмѣлялись уста твои выразити клевету на того, кому ты вчера подносилъ стихи, где поровнивалъ его съ богами?

Фирмій. Ради боговъ, жалься надо мною, Кремуцій! Я могу услужити тобѣ.

Кремуцій. Слуги! перекиньте сенатора черѣзъ ограду сада. Най онъ тамъ, лежачи на улицѣ, вѣтъ плоды мои.

Фирмій. Кремуцій! Заклинаю тебе памягю отца твоего! Я не перенесу того сору, — я убью себе.

Кремуцій. Выполняйте, слуги, щовамъ приказано. (Слуги выкидають Фирмія.) Теперъ, слуги, вытягнѣтъ у Сатрія языкъ и дайте ему кѣлька щолчкѣвъ за краснорѣчивое описанье событій настоящаго времени; его языкъ привыкъ болтати, лгати и клеветати, — най на кѣлька дней припухне: то буде полезно для жителей города Рима.

Пинарій. О Кремуцій! благодарю тобѣ! Ты здѣлалъ доброе дѣло. Я напишу ни него доносъ, я тебе оправдаю и поставлю свѣдкомъ. Рабы твои также слышали.

Кремуцій. Ты и въ своихъ поступкахъ такій же дурень, якъ въ своей исторіи. Трое васъ замыслили погубити мене и при первой неудачѣ обернулись одинъ противъ другого; теперь каждый изъ васъ думаетъ только о самомъ собѣ и хоче выгнѣсти по плечамъ другого; но ты — зъ всѣхъ найподлѣйшій . . . Терзайтежъ теперь одинъ другого: се достойная вамъ заплата. Погуби Сатрія, погуби дурака Фирмія, погуби наконецъ самого себе. Доносѣтъ одинъ на другого и запутаите себе въ своихъ доносахъ такъ, щобы одинъ другому служилъ катомъ. Слуги звяжѣтъ ихъ вкупѣ: они теперь неотвязны пріятели. Выкиньте обохъ на улицу.

Пинарій. Кремуцій! Я донесу на тебе, если такъ; я скажу, що ты потакалъ Сатрію. Я донесу на васъ обохъ.

Сатрій. Лжешь, негодяю! Я признаюсь до всего и пойду на смерть, но не солгу на Кремуцій. Хотя онъ обезчестилъ мене, но я достоинъ того. Мы не здумѣли погубити его — погибнемъ сами! Я почитаю тебе, Кремуцій! (Слуги выкидаютъ за ограду обоихъ, до-купи связанныхъ).

Кремуцій. О Римъ! о несчастная Италия! бѣдная моя родина! Що бы ни сталося со мною, — ніякое горе, ніякая мука не зможе поконати тои горести, которая терзае менѣ сердце при мысли о твоємъ униженіи! Горестъ моя застарѣлая, затаенна на вѣки: я умру съ нею. Нѣтъ кому завѣщати ю! . . . За що людямъ хочется погубити мене? Прочь, прочь уйду отъ нихъ. Если здолѣю выдобртись изъ тои свѣги, — покину Италию, уйду въ Германію, даже въ Сармацію . . . Тамъ приняиный я не буду видѣти паденья моего народа, не услышу латинской бѣды въ устахъ злоинцевъ и предателей. (Отходить въ домъ).

ДѢЙСТВІЕ II.

(Тиракъ).

II.

Во дворцѣ Тиверіа. Стѣны обиты бронзовыми листами съ выпуклыми изображеньями рѣзныхъ мифологическихъ событій: хрустальными колуны, серебряными кресла и ливки. Тиверій лежитъ на богатомъ ложѣ, занавѣшенномъ съ одной стороны ковромъ. Подлѣ него Сеянъ.

Тиверій. Горестъ моя неизлѣчима, якъ невозвратима утрата моего друга. Ахъ, еслибы было справедливо, що тѣни умершихъ являются живымъ! Для чогожь бы сыну моему не посѣтити мене, хоть на мгновенье, въ легкомъ сновидѣніи? Я трачу вѣру въ богѣвъ, — я склоняюсь къ мудрости Эпикура: все есть дѣломъ случая; иначе, если бы боги существовали, они не отняли бы у мене передвчасно сына, а скорше повергли бы во мракъ могилы мене — знеможенного дѣтами и неудачами. Сеянъ! надаремны усилія твои, чтобы развеселити мене. Мовъ той потокъ, который, если его запирають, сильнѣе стремится розорвати преграды и ѣхится, — такъ тоска моя: чѣмъ болше ты хочешь погасити ю дружескимъ своимъ участіемъ, тѣмъ безпощаднѣе она терзае мене! Менѣ немилы воздухъ, свѣтъ . . . Я желалъ бы въ могилу, я желалъ бы не существовати! Все безсилно противъ моихъ страданій; одно ничтожество може излѣчити ихъ, ничтожество, образомъ которого дарованъ намъ сонъ! Ахъ, якая потѣха спати! А я такъ несчастливъ, що и сонъ убѣгае очей моихъ! Я мало спалъ сей ночи. Ахъ, Сеянъ! еслибы кто-нибудь здѣлалъ мене Эпименидомъ? Ухъ, якъ страшно, и невыносимо тисне мя въ груди!

Сеянъ. Перемагай себе, владѣтелю; удалий отъ себе черныи мысли Раномъ сильнѣйши твои напады; подъ вечеръ стане легче. Выпй оживляющога Вакха! (Подаетъ ему чашу).

Тиверій (пѣе съ жадностію): Да! що за жалкіи созданія былибъ мы, еслибы не существовало на свѣгъ вино? Но менѣ горше зъ дня на день. Я чувствую, тое вино не тѣлько не облегчае мене, — напротивъ, еще усиляе болѣзнь!

Сеянъ. Вспомни, що есть еще друга утѣшительница рода человѣческаго — добрая Афродита.

Тиверій. И она вскорѣ оставитъ менѣ одно томительное о собѣ воспоминаніе. Я, здается, скоро вовсе не буду въ состояніи пользоваться дарами Паеосской богини. Ты говоришь добрая Афродита? Она добра и щедра тѣлько для молодыхъ, а для насъ, стариковъ, скупа, невѣрна! Надаремно лѣкарь мой дае менѣ дары Эскулапа: чѣмъ частѣйше и ихъ принимаю, тѣмъ болѣше чувствую, шо силы мои слабѣють и охоложаея жаръ пожеланій. Иногда менѣ хотѣлось бы лучше быти жебракомъ, чѣмъ владѣтелемъ; жебракъ спокойно перенесе такіи недостатки, — и при здоровью, женщины отвертаются отъ его лахматевъ; но я, повелѣвающій миліонами, я, для которога найкрасшая матрона готова измѣнить мужеви, покинути дѣтей, позабыти встыдъ, я — якъ оный мученикъ въ адѣ, томленый голодомъ: смотритъ на вкусныи стравы и не може насладитись ними, для того, шо ротъ у него малый.

Сеянъ. Якъ власть твоя безгранична, такъ неизтощимы твои наслажденія. И чи у насъ, вѣрныхъ слугъ твоихъ, не достане вымысловъ, шо бы новыми роскошами утѣшати твое житье. . . .

Тиверій. Все надѣлае менѣ. Новизна займе на день — на два: потомъ одно и тоеже наскутитъ, а наковецъ ничего вже и не выдумаешь, чѣмъ бы приглушити гнетущую тоску.

Сеянъ. Нынѣ я приготовилъ тобѣ новое развлеченіе въ саду.

Тиверій. Шо такое? Шо съ чейже въ родѣ спянтрин або шо подобное?

Сеянъ. Не скажу. Неожиданность уболѣшае наслажденіе.

Тиверій. Хорошо, хорошо. Но таки здается, нишо не въ силахъ развеселити мене. Нынѣ менѣ дуже недобре.

Сеянъ. Быти може, то нъ слѣдствіе вчерашнои вечери. Кухарь съ невзычайнымъ вкусомъ жарилъ германского вепри. Не взяти ли тобѣ на прочисть, шо бы съ свободнымъ желудкомъ приступити нынѣ къ наслажденію?

Тиверій. Не хочу. Я дѣлаюсь суровымъ и жестокимъ. Шо еще могло бы развлекати мене — то сгряданія враговъ моихъ, слезы ихъ женъ и дѣтей! Сеянъ, я презираю родъ человѣческій, бо люди достойны презрѣнья, для того, шо ихъ легко обманывати и въ рабство подбивати. Римляне найгорши изъ всѣхъ!

Сеянъ. Благодаря вѣрности слугъ гвонхъ, враги гвонъ безсилны Се-
нагъ всегда осуждае ихъ на казнь, а ты милуешь и прощаешь.

Тиверій. Милую, говоришь ты. Нѣтъ, Сеянъ, — не милую я ихъ,
а удвою ихъ муки. Вогъ удовольствіе, дорожше сердцу, нежь Вакхъ и Ве-
неря! . . . оно менѣ не недоудне. Яка корысть убити врага своего? Мигъ-
ока, кѣлька годинъ — и его нѣтъ, и онъ спокоентъ, онъ счастлившій огъ
мене, для того, що не смотрячи на мое могущество, до мене все-таки на-
вернесь убивающа тоска! Яка корысть навѣтъ мучити его самими ужасными
орудіями? Кѣлька дней страданія — и онъ спокоентъ, а я все-таки страдаю!
Но отобрати его честь, обезславити его имя, отняти у него жену, дѣтей.
достояніе — и отдать доносчику, врагу его, а его самого заслати въ чу-
жую землю и давати ему жалкій кусокъ хлѣба, чтобы въ безсильной злобѣ
онъ долго терзался и проклиналъ каждую минуту своего существованія; или
запратити въ вязницю, отняти свѣтло и воздухъ, а вразъ съ тымъ не дати
еще ни вожа, яду — всего, чѣмъ можно скоротити житье, — приковати
его до стѣны, якъ собаку, и посылати ему изъ-середи жирущихъ на свѣтъ
тѣлько такіа вѣсти, которыа острѣйше всякого кинжала рѣжуть ему сердце:
то наслажденіе! А тутъ еще и другое: видѣти глупость пѣлого народа,
глупость тысячей, чувствовати себе высшимъ огъ нихъ и умнѣйшимъ . . .
такъ! . . . Я преслѣдую благородного человекъ и увѣряю всѣхъ, що онъ
негодяй, — а всѣ вѣрятъ тому и величаютъ мене наибольшимъ добродѣемъ
и найсправедлившимъ. Ты неразъ порицалъ мене, зачѣмъ я надто много даю
вогъ сенату, зачѣмъ ославляю слѣды старой республики; ты навѣтъ радилъ
менѣ — съ помочію войска утвердити самовластіе. Ахъ Сеянъ! ты знаешь,
що пріягнѣйше приготовлятись къ наслажденію Венерою, нежели тогда, коли
уже насытишь срасть свою; пріягнѣйше ловити звѣря на ловахъ, чѣмъ
поймати его. . . . Тѣлько голодный пролетарій — волкъ, поймавши добычу,
зѣдае ю; благородный тигръ перше, нежь задушитъ ю, потѣшитса надъ нею,
выпуститъ ю изъ лапъ, будьто дастъ ей свободу, но потомъ кинетса за нею,
и опять покрые убійственною лапою. Я люблю смотрѣти на своего пета, коли
онъ хватае пташку и оставитъ ей на стѣлько силы, шо она може поллѣтѣти;
коть выпуститъ ю изъ своихъ когтей разъ — другій, и якъ измученная
бѣдняжка рада! Но за каждымъ разомъ мучитель зновъ ловитъ ю и такимъ
способомъ доводитъ до смерти продолжительнымъ томленіемъ. Коли я смотрю
на подобную сцену, всегда думаю о собѣ и о римской республицѣ. Я не
лочу на-разъ уничтожити свободы Рима: я люблю — уничтожити ю! Тѣи
проблески сопротивленія моеї власти, тѣи порывы жаркихъ душъ, которы
легко уничтожаются доносами и работннцымъ судомъ — якъ то менѣ по-
добаеся! Тутъ есть якась борьба, въ которой я чувствую себе побѣдите-
лемъ. Мое положеніе подобно положенію пристрастного грача, которому
всегда саріе счастье въ игрѣ. . . . А стаи доносчиковъ, которыа менѣ слу-

жагъ, стараются отличиться подлостью, а потомъ нередко губить самыхъ себе тымъ же оружіемъ, — ахъ, якъ то весело, якъ то забавно! Римскій народъ глупѣе, подлѣе, самъ того не замѣчаетъ; — одинъ я тое замѣчаю, одинъ я разумѣю, що благородне, що низке; одинъ я почитаю тыхъ, которыхъ преслѣдую, и презираю тыхъ, которыхъ ласками возношу. Я терпѣливъ; я чувствую, що я высшій всѣхъ, для того, що вижу истину, обманываю всѣхъ и маю право смѣяться надъ всѣми. Уже въ Римѣ мало остается благородного и высокого: я начинаю подшучивати доносчиковъ межи собою, а коли тѣ собаки перегрызутся и забьютъ одянъ другого, я попушу узду своей власти, дамъ Римлянамъ подышати свободнѣйше, начну покровительствовать литературу, любовь къ истинѣ, для того, чтобы зновъ явились люди, а не безсмысленныи скоты, для того, чтобы зновъ было кого истребляти. То ловля! . . . Но займемся дѣломъ. Сеянъ! що нового?

Сеянъ. Въ сенатѣ производилось презабавное дѣло. Оно предъоставляется на твое окончательное рѣшеніе. Сенаторы ждутъ во дворцѣ. Дѣло началось по поводу Кремуція Корда.

Тиверій. А! по поводу историка, о которомъ ты говорилъ мнѣ. То человекъ благородный, и затѣмъ, недоброжелатель мнѣ. Ну що?

Сеянъ. Онъ якъ извѣстно тобѣ, цезарь, написалъ Анналы.

Тиверій. И въ нихъ росхвалилъ римскую республику.

Сеянъ. Росхвалилъ Бруга и назвалъ Кассія послѣднимъ изъ Римлянъ.

Тиверій. То одно не дозволяетъ ему жити на волѣ. Но того, казалось мнѣ, недостаточно, чтобы осудити его законнымъ порядкомъ. Я велѣлъ найти въ немъ вины больше.

Сеянъ. Такъ, цезарь. Я хотѣлъ поймати его на большемъ преступленіи и поручилъ сдѣлать то дѣло Сагрію Секонду, поэту, — т. е. приказалъ ему завлечь Кремуція въ разговоръ о настоящемъ времени; такимъ-образомъ, мы могли бы найти предлогъ осудити его за оскорбленіе величества.

Тиверій. Щожъ твой поэтъ?

Сеянъ. Повелъ дѣло надъ-звычай поэтически, т. е. якъ неможъ дурнѣйше: самъ попался въ сѣти.

Тиверій. А, дуракъ! Якимъ-образомъ?

Сеянъ. Вразъ съ историкомъ Пинаріемъ Наттою и сенаторомъ Фирміемъ, они зашли въ садъ Кремуція Корда. Пинарій и Фирмій скрылися межъ деревьями, а Сагрій вызвалъ Кремуція; но вмѣсто того, чтобы искусно привести до признанія господаря, онъ началъ чернати тебе и говорити дерзко о тавихъ предметахъ, о которыхъ вспоминати не належить. Кремуцій не подвѣлялъ его мнѣній и не отвѣчалъ на его помовки; потомъ пошелъ по саду и открылъ спрятавшихся. Пинарій, взбѣшонный неудачею и сердечисъ за безчестіе, которымъ ихъ нагородилъ Кремуцій, подалъ доносъ на Сагрія, про-

писалъ въ всѣхъ рѣчь его, и Сатрій, дуракъ, признался во всемъ и удвоилъ свою вину, додаючи, будто я наустилъ и настроилъ его.

Тиверій. Дурень! неголай! Онъ достоинъ приличной кары. Ты, разумеется, явился въ сенатъ и затребовалъ справедливости, — чи такъ?

Сеянъ. Такъ, — я требовалъ защиты противъ клеветы. — Желая спасти себе, Сатрій отказался отъ своихъ словъ, оскорбительныхъ для твоей особы, но тѣмъ не меньше говорилъ, що онъ хотѣлъ испытати Кремуція, по собственному желанію.

Тиверій. А Кремуцій? . . И на него доносили?

Сеянъ. Пинарій значаю увѣрялъ, що Кремуцій отвѣчалъ двосмысленными, возмутительными выраженіями, но Сатрій и Фирміи отвергли то, и самъ Пинарій отказался отъ своихъ словъ, а только доносилъ, що Кремуцій, въ своихъ Анналахъ, помѣстилъ возмутительныя обмовы, похвадилъ Бруга и называлъ Кассія послѣднимъ изъ Римлянъ.

Тиверій. Того не можь опровергнути. А Фирміи?

Сеянъ. Онъ зарѣзался, оставивши записку, що безчестіе, опозорившее его сенаторское достоинство, принудило его къ самоубійству.

Тиверій. Ну, щожь сенатъ? . .

Сеянъ. Призналъ Сатрія виновнымъ въ произнесеніи копристойныхъ бесѣдъ о императорѣ съ желаніемъ поймати Кремуція, и приговорилъ его на изгнанье въ Галлію безъ отобранія имущества. Пинарія Натту признали виновнымъ въ ложномъ доносѣ на Кремуція, будто бы послѣдній отвѣчалъ одобрительно на преступныя бесѣды Сатрія; но якъ другій его доносъ на Кремуція Корда, относительно Анналовъ, оказался справедливымъ, то рѣшили ограничить его укараніе коротковременнымъ заключеніемъ въ темницѣ. Що касается до Анналовъ, то дѣло о нихъ постановляли передати личному усмотрѣнію твоего величества.

Тиверій. Хорошо. До-сихъ-поръ я уменьшалъ кары, — теперь побольшу Потреба проучити доносчиковъ, чтобы они были умѣнши и осторожнѣйши; при томъ потреба, чтобы въ Римѣ не думали, будто мы по-такуюемъ доносчиковъ: напротивъ, най думаютъ, що мы для нихъ еще строжайши, нежели для другихъ. Строгость та не отниме охоты къ доносамъ: мы укараемъ двоухъ, а нагородимъ пятьдесятъ. А межъ тѣмъ — и черезъ укаранье двоухъ приобрятемъ въ народъ похвалу нашему правосудію. Щобы погубити Кремуція Корда, мы прежде приласнаемъ его, отдамо ему нѣтъе доносчиковъ, а потомъ придеремъ къ Анналамъ, и народъ буде говорить: „ого справедливость цезаря! за ложный доносъ на Кремуція онъ нагородилъ оскорбленнаго, а за вину покаралъ!“ — Я сирыюсь за ковромъ, а ты будешь играть мою роль. Въ-отчавніи, Сатрій скаже ще-нибудь такое, чого не должно ментъ слышати.

(Тиверій пише на сенаторскомъ приговоръ, потомъ прячется за ковромъ. Сеянзъ выходитъ, а потомъ вертае съ кѣлькома сенаторами; за ними Кремуцій Кордъ, Пинарій Натта и Сатрій Секондъ).

II.

Одинъ изъ сенаторовъ. Сенатъ римскій рѣшилъ дѣло о оскорбленіи величества гражданиномъ Сатріемъ Секондомъ; въ томъ дѣлѣ виновны граждане Пинарій Натта и сенаторъ Фирмій, сенатъ съ благоговѣніемъ ожидаетъ утвержденія рѣшеній его величествомъ.

Сеянзъ. Цезарь нездоровъ и не може васъ видѣти, огцы. Онъ поручилъ мнѣ, вѣрному слугѣ своему, передать вамъ приговоръ. Это подпись священной руки его. Належитъ сказать, що законъ *de lesu majestatis*, установленный сенатомъ и утвержденный императоромъ, мае тую цѣль, чтобы въ самомъ зародѣ подавляти преступныя замыслы и не допускати ихъ роспространятися во вредъ республики. Каждый обязанъ доносити, если услышитъ що-нибудь зловредное. Но главное достоинство доноса — истина. Объявитель о злѣ запобѣгаетъ злему, для того и достоинъ нагороды, якъ и всякій, кто окажетъ услуги отечеству; — отъ того отечество и награждаетъ доносителя. Но якъ похвально открывати передъ закономъ злоумышленія дѣйствительныя, такъ зновъ дурно и преступно доносить ложно на гражданина. Законъ *de lesu majestatis* установленъ не съ цѣлю умноженія, а съ цѣлю уменьшенія доносовъ. Императоръ желаетъ, чтобы добрыя граждане жили спокойно, вкушая плоды трудовъ своихъ, необезпокояемыми клеветниками. Що може быти горшъ клеветы? Клевета губитъ честь гражданина, розстрогаетъ его родинное счастье, чернитъ его заслуги отечеству. Цезарь бѣльше всѣхъ пороковъ ненавидитъ клевету. Милосердный ко всѣмъ преступникамъ, — къ однимъ клеветникамъ онъ неумолимъ. Пинарій! Ты не устыдился клеветати на гражданина Кремуцію Корда, и потомъ власными словами зрадилъ клевету свою.

Пинарій. Однако, высокій господине, то, що я сказалъ о Анналахъ — справедливо, и, затѣмъ, мой доносъ не вполнѣ ложный.

Сеянзъ. То, що говоришь о Анналахъ, не може относиться къ твоей особенной заслугѣ: сочиненіе, которое читаетъ всякій — не тайна. Но ты оклеветалъ Кремуцію Корда въ произнесеніи непристойныхъ бесѣдъ о цезарѣ. Сенатъ присудилъ тебе къ коротковременному вязничному заключенію, но цезарь, всегда смягчавшій приговоры сената, нынѣ змѣнилъ для тебе свое обычное милосердіе и убѣльшае тобѣ кару. По волѣ его, изъясненной въ написанныхъ власною его рукою словахъ, кромѣ вязничного заключенія, слѣдуетъ тебе отправить на житье въ отдаленную Пелестину, а имѣніе твое отдать оскорбленному тобою Кремуцію Корду, лишивши на него права жену твою и дѣтей.

Пинарій. Господине! Заступись за сиротъ моихъ передъ державнымъ цезаремъ.

Сеянъ. Не могу, Пинарій Натта, просити за тебе: цезарь дуже гнѣвний. Що до Сатрія, то злодѣяніе его выше всякого милосердія. Цезарю угодно было избрати мене вѣстникомъ его воли. Прежде всего, я повторю сказанное уже вамъ, почтенныя отцы, що я, по незлобію моему и всегдашнему нежеланію причинати зло даже врагамъ, прощаю его за клевету. На колѣнахъ я умолялъ цезаря о пощади его, но Тиверій непоколебимъ въ своемъ праведномъ гнѣвѣ. Сатрій, по власному признанію и показанію гражданъ Пинарія Натты, сенатора Фирмія и Кремуція Корда, обвиняется въ слѣдующомъ: онъ войшовъ ко Кремуцію Корду и началъ протнвозаконный розговоръ, съ цѣлію, завлечи Кремуція и услышати отъ него що-нибудь преступное. Но бесѣды его были такъ наглы и заключали въ собѣ стѣлько недоброго, що произнесеніе ихъ, — хотя бы съ цѣлію испытати другого, — есть уже наибѣльше преступленіе, и если допустити такія поступки для извѣдыванья мыслей гражданъ, то то все рѣвно, що оставити произнесеніе хульныхъ бесѣдъ безъ укаранія; такимъ-образомъ, роспросгранители зловредныхъ слуховъ и хулители властей будутъ прикрывати свои дерзости благовиднымъ предлогомъ испытанія другихъ; притомъ же, цезарь жае, чтобы каждый наслаждался спокойно подъ его правленіемъ, вовсе не страхаясь доносовъ, вынуждаемыхъ хитростію; а потому повелѣвае — Сатрія Секонда, въ примѣръ другимъ, подвергнути смертной казни, а его имѣніе также отдати оскорбленному Кремуцію Корду. лишивши на него правъ жену его и дѣтей.

Кремуцій. Я отказуюсь отъ представленного менѣ имѣнія Сатрія Секонда и Пинарія Натты, и отдаю его ихъ семействамъ.

Пинарій. Да ниспошлютъ тобѣ безсмертныя боги свои благодаренія!

Сатрій. Я иду на смерть, и послѣднее слово мое буде проклятіе тобѣ, Сеянъ — убійца, прелюбодѣй, заушникъ! Я унизился до-того, що рѣшился служити тобѣ и за то получаю достойную нагороду. Кремуцій Кордъ! Я хотѣлъ тобѣ зла... праведенъ судъ неба! Прости менѣ, Кремуцій, прости менѣ! (Его уводять; онъ кричитъ) Прости менѣ, душе благородная, прости менѣ! (Уводять Пинарія).

Сеянъ. Теперь поговоримъ съ тобою, Кремуцій Кордъ. Сенатъ предалъ на личное розсмотрѣніе его величества дѣло о твоихъ Анналахъ. Цезарю угодно было поручити напередъ менѣ прочитати ихъ, чтобы заключити: належитъ ли о нихъ производити дѣло судебнымъ порядкомъ или оставити ихъ безъ вниманія. Ты писалъ тѣхъ Анналы?

Кремуцій. Я.

Сеянъ. Я уже прежде читалъ ихъ. Нѣкоторые прекрасныя мѣста восхитили мене, и я представлялъ ихъ его величеству: цезарь удостоилъ ихъ милостивого своего воззрѣнія. Но за то другія мѣста, невольнo при-

вудили мене просити тебе, узяти менѣ объясненія. Я далекій отъ того, чтобы подозрѣвать въ тобѣ какое-нибудь злоумышленіе; но есть въ твоёмъ сочиненіи такіи двосмысленности, которыя показываютъ, будто ты предпочитаешь прошедшее настоящему. Конечно, ты писатель умный: ты понимаешь, що только со времени богоподобнаго цеваря отечество наслаждается спокойствіемъ и порядкомъ. Но вогъ, на примѣръ, почтенный писателю, объясни менѣ, якъ долженъ я понимать твои похвалы Бруту и выраженіе о Кассіи — що онъ былъ послѣдній изъ Римлянъ.

Кремуцій. То само-по-собѣ ясно. То относится къ Бруту и Кассію.

Сеянъ. Но Брутъ и Кассій были негодяи, возмутители! Не такъ ли?

Кремуцій. Брутъ и Кассій принадлежатъ исторіи, которая не знаетъ ни гавва, ни пристрастія партій. . .

Сеянъ. О, то мы знаемъ. . . Но я желаю слышать отъ тебе: якого мнѣнія ты самъ о Брутѣ и Кассіи? Тебѣ нравятся тѣи люди?

Кремуцій. Я не жилъ съ ними. Мое мнѣніе выражено въ моей исторіи, въ которой, однако, я судилъ о нихъ не такъ, якъ о живыхъ, а якъ о мертвыхъ.

Сеянъ. Однако, еслибы они были живы, то ты присталъ ли бы къ нимъ? Изъ одобрительнаго о нихъ мнѣнія я могу отъ тебе того опасатися.

Кремуцій. Кассій и Брутъ невозможны въ настоящее время. Еслибы я родился въ ихъ время, то не былъ бы такіи, якъ теперь, да и ты, господине, въ то время, не былъ бы тѣмъ, чѣмъ теперь. -

Сеянъ. Ты уклоняешься отъ прямого отвѣта на мои вопросы. . . Я не люблю того. . . Твои выраженія о Брутѣ и Кассіи указываютъ, що ты не спиришь Юлію-Цезарю, а затѣмъ и Августу-Цезарю, а затѣмъ и Тиверію-Цезарю.

Кремуцій. Я не могу спириати ни Юлію-Цезарю, ни Августу, — ихъ нѣтъ на свѣтѣ; я ничего не говорю и не смѣю говорить о Тиверію.

Сеянъ. Вся твои исторія наполнена возгласами, выраженіями, оказующими, що ты любишь старину и хотѣлъ бы ей возвращенія.

Кремуцій. Люблю отечество, люблю его исторію, потому-що занимаюсь нею; а желати возвращенія старины значило бы сдѣлаться безъумнымъ. Що прошло, то не може повернути: то всякій знаетъ.

Сеянъ. Ты рѣшительно не хочешь понимать мене, и скоро принудишь, противъ влаетнаго моего желанія, заговорити съ тобою суровѣйше.

Кремуцій. Въ какомъ преступленіи желаешь ты обвинити мене, господине?

Сеянъ. Желаешь! можно ли такъ говорить? Я никого не желаю обвинити. Твои поступки принуждаютъ мене, противъ моего желанія всѣмъ добра, обвинити тебе въ неблагоросположеніи къ твоему владыкѣ и благодѣтелю.

Кремуцій. Где доказательства, господине?

Сеянъ. Доказательства? онъ требуетъ доказательствъ! Да якихъ еще нужно доказательствъ, коли въ твоей книгѣ такіе возмугительныя рѣчи? Ты называешь Брута и Кассія послѣдними изъ Римлянъ! Оттакъ мы — що же? — не Римляне? Варвары — чи що? Ты хвалишь отцеубійцъ и злочынниковъ: оттакъ, ты самъ такой.

Кремуцій. Я не называлъ нигде и никогда варварами тѣхъ Римлянъ, которые жили послѣ Цезаря. Я не отцеубійца и не злочынникъ, бо я не здѣлалъ ничего такого, за що бы заслуживалъ тѣхъ наименованій. Вижу, що исторія моя не нравится тобѣ; не нравится она, быти-може, Тиверію-Цезарю; но то значитъ только, що я не имѣю на столько дарованій, чтобы написать иначе. Я не сказалъ ничего оскорбительного противъ Тиверія-Цезаря или его семейства, — однимъ словомъ — законъ о оскорбленіи величества не простирается на мое поведеніе.

Сеянъ. Слухай, мой добрый друже, — прийми мой искренній совѣтъ. Выкрыты твои ни на-шо не послужатъ, — увѣрю тебе. Похвала особамъ, которыхъ признають вредными, есть уже преступленіе. Твоя исторія написана съ хитрымъ намѣреніемъ, волновати умы: отъ-шо я тобѣ долженъ прямо сказать, мой добрый друже: По обязанности вѣрнаго слуги владѣтели моего и отечества, я долженъ представить твою исторію въ сенатъ съ объясненіемъ, що цезарь находитъ ю подлежащую суду. Но есть еще опособъ спасти тебе. . . Для мене собственно все рѣвно: я ничего не зысую, ни трачу, но я хочу добра тобѣ, и для того предлагаю тобѣ средство. Лучше всего, смиренно признайся своему владѣтелю (Сеянъ съ чувствомъ ударилъ себе въ грудь), що ты виноватъ и жалѣешь о томъ, що написалъ; можешь сказать, що то случилось неволью — отъ увязченія, а вовсе не отъ злонамѣренности. Увѣрю тебе, що все то тобѣ простится; цезарь милосердный для тѣхъ, которые искренно повергають къ стопамъ его свои заблужденія, а я, мой друже, на колѣнахъ попрошу его за тебе. Быти-може, его величество буде такъ милостивъ, що дозволитъ тобѣ вымазати тѣ мѣста, которые неволью выдаются въ очи и замѣнити ихъ новыми, и вообще, додаги въ твоей исторіи такіе мысли и выраженія, которые показывали бы въ тобѣ доброжелательство и искренность. Лучше такъ поступити: право, выиграешь, мой добрый друже.

Кремуцій. Я не здѣлалъ ничего противозаконного. Въ Римѣ нѣтъ закона, осуждающаго историка за изображеніе событій прошлаго времени. Я не признаю себе виновнымъ, бо никто не може быти названъ виновнымъ безъ суда, а я не коллежу суду, для того-що не здѣлалъ и не сказалъ ничего, що бы объявляло мое нерасположеніе къ настоящему правительству. Я готовъ оправдыватися въ сенатѣ, если тобѣ, господине, угодно буде представить на мѣле обвиненія за мои Анналы. Только воля цезаря — незаконъ — може погубити мене; най поступае цезарь, якъ ему угодно, но я никогда

не скажу, що я виноватъ, коли я правъ: того я не могу, хотя бы менѣ грозили смертію. Добрая слава менѣ дорожша надъ житіємъ, а ложію я не стану куповати собѣ спасенія. Сочиненія свого я не стану переправляти: оно написано такъ, якъ я не умѣю лучше написать. Есть другіи, бѣльше отъ мене достойныи люди: найъ цезарь поручитъ имъ написати достойнѣйшую исторію. Обвиненія твои, высокій господине, не дѣло закона, а просто — историческіи вопросы; но съ высокими особами я не смѣю владатися въ розсужденія о исторіи.

Сеянъ. Значитъ, ты хочешь, чтобы дѣло твое о Анналахъ поступило въ сенатъ? Дуже жалію, що не допускаешь менѣ удовольствія спасти тебе.

Кремуцій. Еслибы я былъ преступникъ, то при всей твоей силѣ и при всемъ твоємъ доброжелательствѣ, ты не мѣгъ бы спасти мене; ты бы извлекъ мене изъ-подъ орудій ката, но ты не властенъ былъ бы извлечь мене изъ-подъ мучительныхъ орудій совѣсти, которая казнить горше и на долшій часъ, нежели всѣ каты.

Сеянъ. Слухай, Кремуцій Кордъ! Ты ссылаешься на законъ: то похвально. Но не забывай, що есть законъ выше всѣхъ законовъ начертанныхъ въ сенатѣ; тотъ законъ есть вѣрность своему владѣтелю: онъ долженъ быти необходимо написанъ въ сердцахъ каждого.

Кремуцій. Я не нарушилъ твоей вѣрности. Такъ по-крайней-мѣрѣ говоритъ менѣ моя совѣсть.

Сеянъ. Добре, если тебя говоритъ такъ твоя совѣсть, желаю, чтобы и сенатъ сказалъ отповѣдно твоей совѣсти. . . Ты пренебрегаешь моими увѣщаніями: дуже жаль, дуже жаль! Прошу тебе принятьъ о одно: не думай, чтобы я хотѣлъ тебя зла; по волѣ цезаря и по твоему всласному упорству, я принужденъ сдѣлаться твоимъ обвинителемъ; но вразъ съ тѣмъ я употребляю всѣ мѣры къ твоему оправданію. Прощай, мой добрый друже!

(Кремуцій уходитъ, Сенаторомъ тоже).

III.

Тиверій (выходитъ изъ-за ковра):

Тотъ Кремуцій Кордъ долженъ погибнуть! Его безкорыстіе, его видная неохота корыстатися зъ нашихъ милостей, показываютъ въ немъ благородную душу: если такихъ буде много — наша власть не тверда. Якъ онъ опирается на законъ! Ты ему говоришь о моей волѣ, а онъ твердитъ о законѣ! И тотъ человекъ — историкъ! Историкъ — важное лице въ державѣ. Историкъ — истолкователь судьбы народа, объяснитель прошедшего и — предвѣстникъ будущаго. Такихъ историковъ, якъ Кремуцій Кордъ, мы уважаемъ, но они намъ ненужны. Намъ нужны историки, которые бы хвалили то, що намъ нравится, а порицали бы то, чого мы не любимъ; историки, которые — за горсть монетъ, за ласкавый взглядъ сильного человека,

перевертали бы на-выворотъ событія, даже безчестно сочпяли небывалыи. Чѣмъ привлечешь Кремуціи Корда? Золото — онъ презирае, милостей — онъ не глядае. Уважалъ ли ты, якъ рѣшительно и якъ ловко онъ отрекся отъ твоего предложенія — передѣлати исторію! О, то человекъ республики! То — опасный человекъ! То — ужасный человекъ!... Прелати его суду!.. Що за бѣда, що нѣтъ закона противъ него? Чижь неможъ толковити законъ въ рѣзныи стороны? Да що, въ-самомъ-дѣлѣ, они такъ ссылаются на законъ? Я покажу имъ, що уважаю законъ тѣлько для того, що менѣ хочется; законъ — для слабыхъ тварей, а для цезаря — нѣтъ иного закона, кромѣ его власного произвола. . . А яковы доносчики? Всѣ они достойны своего жребія! . . . О, Римъ, Римъ! О, народъ, жаждущій рабства, якъ игрокъ грошей, якъ сладострастный женщины! Ты самъ подяешь на себе бычь! Я бью тебе — и увѣряю, що я хранитель твоего спокойствія! Падайте, уподляйтеся, Римляне, — утѣшайте презирающаго васъ Тиверія!!

ДѢЙСТВІЕ III.

(Историкъ).

I.

Въ домѣ Кремуціи Корда. Кремуцій и толпа рабовъ.

Кремуцій. Обрядъ эманципациі совершенъ! Вы свободны, друзья мои. Благодарю боговъ, що я успѣлъ оказати вамъ благодареніе. Вчера я продалъ свою виллу: ото гроши, що я досталъ за ню. Жены и дѣтей у мене нѣтъ; родственниковъ близкихъ тоже нѣтъ; роздаю то вамъ по рѣвнѣй части. Прощайте и не забывайте вашего господина! . . . Вы служили менѣ вѣрно. . . благодарю васъ. Кажется, я ничѣмъ не заслужилъ вашихъ проклятій. Я обходился съ вами лагодно; вы не испытывали бича на своихъ плечахъ; вы были сыты и одѣты; я любилъ васъ, якъ дѣтей; есля же я дѣлалъ кому-нибудь изъ васъ неприятность — простѣтъ и забудьте!

Одинъ изъ рабовъ (кидается къ ногамъ его, обливаясь слезами): Господине нашъ! Отче, благодарителю нашъ! Не отойдемъ мы отъ тебе, поки не довернись ты намъ, вѣрнымъ своимъ. Я не Грекъ, — я не оставлю тебе, моего благодарителя, хотя бы ты билъ мене — я не отойду отъ тебе! У тебе на душѣ що-то недоброе. . . Чи враги хотятъ погубити тебе? Скажи, кто врагъ твой; да хоть бы онъ былъ кто-такій -- я умѣю владѣти кинжаломъ. Маленькимъ мене отняли отъ отца и матери; остались они, бѣдныи далеко, на Дунаѣ; — може - быти, ихъ убили Римляне, или куда-нибудь запродали. . . Мучилъ мене, якъ скотину, свирѣпый воинъ; неразъ я хотѣлъ

угопится. . . на счастье продалъ онъ мене тобѣ: ты мене приласкалъ, ты мене приголубилъ, а я не видѣлъ ни отъ кого другого ласки, съ тѣхъ поръ, якъ розлучился съ родиною. Нѣтъ у мене на свѣтѣ никого, у кого бы я могъ пріютиться. . . Що менѣ зъ грошей твоихъ? Въ нашей сторонѣ не знаютъ грошей, а живутъ счастливо. Не отпыхай мене отъ себе! . . . А коли, быти-може, цезарь на тебе разгнѣвался, — такъ уйди съ нами; насъ у тебе, Дунайцевъ, семь: уйдешь въ нашу далекую землю; тамъ мы будемъ тебе поити, кормити, якъ отца родного дѣлѣти. У насъ народъ добрый: пріймутъ тебе за своего. Убѣжимъ, отче ты нашъ!

Кремуцій. Добрый Дунаецъ! Ты знаешь, що я люблю народъ твой. Я всегда съ участіемъ слушалъ розказы твоихъ отцевъ. Ахъ, тамъ незрѣвиенно лучше, чѣмъ въ нашей Италіи!

Рабъ. Лучше, отче мой! сто-разы лучше! Ваша Италія — проклятая земля; а у насъ хорошо, мирно было, пока вы къ намъ не приходили. Но дальше къ сѣверу есть земля, где еще не была нога римская. Убѣжимъ туда! Правда, тамъ холоднѣйше, чѣмъ въ Италіи; но за то люди лучши.

Семь рабовъ (кидаются къ ногамъ Кремуція): Отче нашъ! убѣжи съ нами! на рукахъ понесемъ тебе!

Кремуцій. Даренный трудъ, друзья мои! Вы мене не спасете, а самихъ-себе погубите. У цезаря есть кому догнати. До вашей земли далеко. Пользуйтесь лучше свободою и скорѣйше уходѣтъ зъ Италіи. Вы надто простодушны. Вы говорите все, що вамъ прійде на умъ. . . вы не годитесь жити въ Италіи.

Рабъ. Такъ то цезарь, отче мой, то цезарь — врагъ твой? . . . Да чижъ онъ безсмертенъ?

Кремуцій. Молчи! Ни слова бѣльше. Идѣтъ отъ мене: я вамъ приказую.

Рабъ. Да кто жъ тобѣ буде служити? Оставь кого-нибудь. Вѣдь ты всѣхъ отпустилъ.

Кремуцій. Идѣтъ, повторяю вамъ! (Рабы удаляются.)

Рабъ (удалился): Цезарь, цезарь! щобъ тобѣ не дожити до вечера! Тронь толькo нашего доброго господина! . . . Мы не Греки, — мы зъумѣемъ жигнемъ заплатаги за нашего благодѣтеля. (Уходитъ.)

(Два други рабы, не изъ числа Дунайцевъ, идутъ въ уголь. Кремуцій сидитъ задумавшись.)

1-й Рабъ. Тотъ варваръ не любитъ Грековъ за то, що Греки умнѣйши всѣхъ народовъ. Другъ Филоктетъ, ото случай продергиса намъ въ перялочныи люди! Мы теперъ вольны. Донесемъ на того Дунайца!

2-й Рабъ. Добре, дуже добре: — донесемъ. (Уходитъ.)

Кремуцій (одитъ). Участъ мой рѣшена рано. Нѣтъ тому спасенія, кого сенатъ захоче погубити. Они для виду призовутъ мене къ оправданію,

и потомъ все-таки погубить. Погибнуть! во цвѣтѣ лѣтъ, не успѣвши даже и отвѣдати наслажденій жизни, погибнуть тогда, коли въ будущности усмѣхалась мнѣ слава, ожидала любовь! . . . Но для чего бы мнѣ не довериться моимъ добрымъ Дунайцамъ? . . . Ахъ! — суетная мысль. Мене поймають, и конецъ мой омрачится трусостію. Не послѣловати ли Катону? . . . (Задумывается.) Нѣтъ! Отомстимъ тирану власнымъ судомъ его! Если мене осудятъ — то буде ужаснѣйше, неправосуднѣйшее дѣло, какое когда-либо случилось въ Римѣ! Най мучитель совершае его и тѣмъ обезславить еще бѣльше свою память! Най нагромажаются его злодѣянія! Чѣмъ ихъ буде бѣльше, тѣмъ онъ вится лукавнѣйшій, — тѣмъ безпощаднѣйше обрушатся надъ нимъ судъ провидѣнія и сулъ потомства! . . . (Входитъ вдаль.)

Едилъ. Гражданинъ Кремуцій Кордъ! Сенатъ призываетъ тебе къ отвѣту.
Кремуцій Я готовъ. Идемъ. (Уходитъ.)

II.

Засѣданіе сената. Тиверій сидитъ на возвышенности.

1-й Сенаторъ. (подноситъ ему дѣло): Ого, цезарь, дѣло Вибія. Сынъ его, Юній Вибій, доносилъ на отца, будто онъ розсѣвае возмутительныя слухи и поноситъ гражданина Сеяна, пользующагося твоєю милостію, и сверхъ-того, будто бывшій преторъ, Цецилій Корнаутъ, прислалъ ему гроши для исполненія возмутительныхъ намѣреній. Рабы Вибія, подтвердили показанія сына его. — Сверхъ-того, истинна доноса Юнія Вибія доказывается еще и тѣмъ, що Цецилій Корнаутъ, конечно, чувствуя себя виновнымъ, успѣшилъ избавиться отъ кары — самоубійствомъ. Для того сенатъ признае Вибія виновнымъ и осуждае на смертную казнь; но Юнія Вибія лишае нагорода за доносъ и подвергае его временному удаленію изъ Рима, по причинѣ оскорбленія сказаннаго закона, предписующаго безграничное уваженіе къ родителямъ.

Тиверій. Постулокъ Юнія Вибія долженъ быти признанъ примѣромъ чести и вѣрности отечеству.

2-й Сенаторъ. Цезарь! повертаючи зъ допроса, Вибій былъ окруженъ яростною толпою народа и едва-было не лишился жизни. Толпа кричала: „отцеубійца! отцеубійца! свергнуть его зъ Тарпейской горы!“ Запобѣгая народному матажу, сенатъ уважалъ благорозумнымъ, не раздражаячи толпы показати, шо уваженіе къ родительской власти существуетъ.

Тиверій. Собраніе избранныхъ отцевъ должно презирати криками необузданной черни. Я прикажу отглядати зачинщиковъ волненія и укарати безжалостно. Пресвѣченіе злоумышленій не буде дѣйствительно, поки узы семейства будутъ связывати вѣрность цезарю и отечеству. Надобно уважати родительскую власть — я то уже показалъ, карая непокорныхъ дѣтей; но

отечество вышше и драгоцѣннѣйше надъ все. Огдати смну Вибіа все достояніе отца и, сверхъ-того, выдати ему десять тысячъ сестерціа въ награду за столь примѣрную звѣрность къ общому благу и спокойствію. Преступнику Вибію я смягчаю кару, и смертную казнь замѣняю изгнаніемъ на отдаленный островъ.

1-й Сенаторъ. Я предлагаю заключити его на островъ Донуу или Гиару.

Тиверій. Тѣ два острова лишены воды. Я хочу, щобъ самое наказаніе преступника было услаждено попечительностію правительства. Сослать его на островъ Алюргосъ. Объявити.

(Вводятъ Вибіа въ оковахъ. Входитъ смнъ его).

Вибій. Цезарь! Повели прежде всего выколоти менѣ очи, щобъ они не смотрѣли на стыдъ мой! Якое бы наказаніе мене ни ожидало, я достоинъ его за то, що далъ жизнь такому чудовищу. . .

1-й Сенаторъ. Молчи, преступникъ!

2-й Сенаторъ. Запирательство послужитъ къ удвоенію вины твоей. Роскайся!

Вибій. Я невиненъ.

3-й Сенаторъ. О, закоренѣлый злодѣятель!

4-й Сенаторъ. Вибій! за распространіе ложныхъ слуховъ о цезарѣ, за клевету на Сенея, почтенного милостию цезаря, и за попытки къ возмущенію Галліи, сенатъ признае тебе виновнымъ противу закона о оскорбленіи величества и осуждае тебе на смертную казнь; но цезарь, по неизреченному своему милосердію, смягчае тобѣ наказаніе, повелѣвая замѣнити смертную казнь изгнаніемъ на отдаленный островъ Алюргосъ.

Вибій. Цезарь! Не отвертай отъ мене высокихъ очей твоихъ, хотя я въ оковахъ. Я былъ одинъ изъ обвинителей Либона Друза. Въ то время, коли другіи получили награду, мене осудили томитися въ Галліи: то было менѣ нагородою за службу тобѣ! Теперь, единственно по доносу сына, злопавшого всѣ чувства человѣчскіи ногами, мене признають виновнымъ, безъ явныхъ доказательствъ. (Кидается на колѣна) Цезарь! великій отче римского народа! Я приношу тобѣ жалобу на сенатъ. Мене осудили несправедливо.

Тиверій. Я надто уважаю избранныхъ отцевъ и не хочу принимати на сенатъ жалобъ отъ бездѣльниковъ, недовольныхъ нашимъ милосердіемъ. Сенатъ не осуждае безвинныхъ. Уведите его прочь!

Вибій. О, судьба! достойно покарала ты мене за доносъ на Либона Друза! Я пораженъ власнымъ оружіемъ. (Къ смну) Оставляю тобѣ звѣчное проклятіе. Най сонъ убѣгае очей твоихъ! Най кожый кусокъ корма буде тобѣ повольнымъ ядомъ! Най жена твоя буде прелюбодѣйницею, а дѣти превзойдуть тебе преступленіями, и мене — несчастіями! Проклинаю весь родъ

твоѣй, все погостство твое! Най всѣ, въ которыхъ буде течи кровь Вибіевъ, обрѣкутся судьбою на болѣзни, мученія и всеобщее презрѣніе!

3-й Сенаторъ. Юній Вибій! Въ признательность за твои доносы, цезарь и сенатъ награждаютъ тебе всѣмъ достоинствомъ преступнаго отца твоего и, сверхъ-того, десятию тысячами сестерцій.

Юній (кидается на колѣна): О, великій цезарь!

Тиверій. Оставь чувства благодарности въ груди твоей и не выгоняй ихъ на свѣтъ. Постарайся вѣрностію твоею цезарю и отечеству заслужити оказанную тобѣ милость. Ступай! (Юній Вибій уходитъ).

1-й Сенаторъ. Теперь слѣдуетъ разсуждати о дѣлѣ Кремуція Корда.

2-й Сенаторъ. Напомню собранію отцевъ, що дѣло Кремуція Корда для того и было представлено на усмотрѣніе цезаря, що сенатъ не уважалъ себе вправѣ рѣшати его на основаніи существующихъ узаконеній. На зверненіи его въ сенатъ снова, мы находимся въ такихъ же обстоятельствахъ, якъ и прежде. Надобно въ-передъ надати законъ, подъ который бы подходило преступленіе Кремуція Корда.

3-й Сенаторъ. Подобный законъ необходимо издати; но судити по немъ Кремуція Корда мы не имѣемъ права: дѣло его поступило къ намъ передъ обнародованіемъ того закона. Правда, законъ о оскорбленіи величества не простирается на него врямо, но книга его може быти признана преступною по суду сената. При божественномъ Августѣ изданъ былъ сенатусъ-консултусъ, обязывающій преслѣдовати и уничтожать сочиненія, которые явно развращаютъ нравы. А що може больше развращати нравы, якъ не сочиненіе, возбуждающее къ безначалію, неповиновенію властямъ и неуваженію къ нимъ? Дерзкіи выраженія въ книгѣ Кремуція Корда, о Брутѣ и Кассіѣ, возбуждаютъ умы къ предпочтенію старому безначалію новой тишинѣ и порядку; при томъ сочинитель, хвалячи Брута и Кассія — отцеубійцъ и злодѣятелей — одобряе поступки такихъ преступниковъ. Сенатъ вправѣ осудити сочиненіе Кремуція Корда на публичное сожженіе, яко въ высшей степени беззавѣстное и возбуждающее къ безначалію и недовольству, вмѣннати здѣлать въ непрелѣтную обязанность, отобрати экземпляры той книги у частныхъ лицъ и въ лавкахъ, и предупредити всѣхъ гражданъ, що скрывши у себе то сочиненіе подвергнутся наказанію. Самого же автора предоставить волю императора, просячи однако его величество, чтобы Кремуцій Кордъ былъ лишень средствъ вредити общественному спокойствію зловредными сочиненіями на будущее время.

Тиверій. Я одобряю твое мнѣніе. Надѣюсь, що всѣ отцы примутъ его. Оно разумно и сообразно съ закономъ.

Сколько голосовъ. Мы подымаемъ голоса свои!

Тиверій. Составьте приговоръ сейчасъ!

2-й Сенаторъ. Судебный порядокъ требуетъ — осуждати преступниковъ, выслушавши ихъ оправданіе.

Тиверій. Его оправданія надаремны. Но ради святости закона, позовѣтъ его. Межи тѣмъ, изготовьте приговоръ.

(Въ то время какъ одинъ изъ членовъ пишетъ приговоръ, вводятъ Кремуція Корда, который поклонившись, стае въ отдаленіи съ спокойнымъ видомъ).

1-й Сенаторъ. Кремуцій Кордъ! Въ написанномъ тобою сочиненіи: „Анналы Римской Республики“, сенатъ, кромѣ многихъ неумѣстныхъ выраженій о старинѣ, объявляющихъ твое нерасположеніе къ настоящему правительству, нашолъ похвалы Бругу и выраженія о Кассіѣ, „що онъ былъ послѣднимъ изъ Римлянъ.“ Сенатъ признае твое сочиненіе преступнымъ, во-первыхъ, що оно оправдае отцеубійцъ и разбойниковъ; во-вторыхъ, що выхваляя убійцъ божественнаго Юлія-Цезаря, оно возбужае недоброжелательство ко всему его божественному дому, и затѣмъ къ его величеству Тиверію-Цезарю. Для того сенатъ почтаетъ твое сочиненіе развращающимъ добрыя нравы и возмущающимъ публичное спокойствіе. Що можешь сказать въ свое оправданіе?

Кремуцій. Отцы избранны! Вы обвиняете слова мои, а не дѣло: преступныхъ дѣяній вы за мною не знаете. Но слова мои не касаются ни Тиверія, ни матери его и никого изъ тѣхъ лицъ, которыми охраняются закономъ о оскорбленіи величества. Вы укоряете мене за похвалы Кассію и Бругу; но изъ всѣхъ историковъ, прежде мене писавшихъ, ни одинъ не упомянулъ о нихъ, не отдавши чести ихъ дарованіямъ. Титъ Ливій, вѣднѣ знаменитѣйшій изъ дѣписателей, какъ по краснорѣчію, такъ и по вѣрности, столько похвалъ рсточалъ Помпею, що Августъ называлъ его Помпейцемъ. И то однакъ, не нарушило жеги ними доброго согласія. Титъ Ливій не называлъ, подобно новѣйшимъ историкамъ, разбойниками и отцеубійцами ни Афонія, ни Сципіона, ни Кассія, ни Бруга: напротивъ, именовалъ ихъ людьми знаменитыми. Въ сочиненіи Азинія Полліона говорится о нихъ съ похвалою; Мессала Корвинъ называлъ Кассія своимъ полководцемъ — и оба они осыпаны были почестями и нагородами. Маркъ Цицеронъ вознесъ Катона до небесъ; що сдѣлалъ диктаторъ Цезарь? Онъ не позвалъ его къ суду, но отповѣлъ ему сочиненіемъ, въ которомъ опровергъ его мысли. Письма Антонія, бесѣды Бруга, оскорбляющія Августа, конечно — несправедливо, стихотворенія Тибулла и Катутла, полныя неудовольствія противъ Цезаря, не запрещены и читаются свободно. Божественный Юлій, божественный Августъ не преслѣдовали тѣхъ сочиненій — и какъ не превозносить ихъ умѣренность и мудрость? Если властелинъ пренебрегае оскорбленіемъ, то оно само-собою тратитъ всякую силу; напротивъ, оскорбленіе получае вѣру въ народѣ тѣмъ сильнѣйше, чѣмъ болше возбужае гнѣва въ томъ, на кого оно направлено. Не стану говорить о Грекахъ: у нихъ свобода достигала своевольства; вся-

кому, кого оскорбляли словомъ, предоставляли и справитися однимъ словомъ. Но и у насъ николи не огнивали права свободно говорити о тѣхъ, которыхъ смерть избавила отъ ненависти и пристрастія. Чи уже кто-нибудь подумаетъ, що я хочу возбудити гражданъ къ междоусобной войнѣ и привести Кассія и Брута съ оружіемъ въ рукахъ на поля Филиппинскіи! Чи думаютъ, що, по прошествіи шестидесяти лѣтъ, память ихъ не сохранится въ исторіи, якъ черты лицъ въ ихъ изображеніяхъ, которыхъ самъ побѣдитель не велѣлъ уничтожати? Потомство безпристрастно роздае каждому принадлежащую ему славу, и если мене постигне ваше осужденіе, -- потомство вспомнить не только о Кассіи и Брутѣ, но и обо мнѣ (*).

3-й Сенаторъ. Сенатъ признае оправдательную бесѣду Кремуціи Корда недостаточною. Сочиненіе его заключае выраженія, которыхъ смыслъ явно преступный — безъ всякихъ объясненій, и для того сенатъ осуждае его — яко розвращающее добрыя нравы и возмущающее общественное спокойствіе — на сожженіе и уничтоженіе, а Кремуція предае волю императора, просячи его величество приняти мѣры къ отнятію у него возможности вредити обществу роспространеніемъ подобныхъ мыслей — якъ письменно, такъ и словесно.

Тиверій. Желаю, по-возможности, соединити правосудіе съ милосердіемъ. Желаю, чтобы Кремуцій Кордъ увидѣлъ свое заблужденіе и раскаялся въ немъ! А для того карю Кремуціи Корда взычнымъ заключеніемъ на неопредѣленное время до нашего усмотрѣнія. Имѣніе его приказую взяти на скарбъ до освобожденія владѣльца, для сохраненія. Одобряете ли то рѣшеніе, отцы?

1-й Сенаторъ. Отеческое наказаніе!

2-й Сенаторъ. Гнѣвъ твой милосердъ, цезарю!

3-й Сенаторъ. Сенатъ приносить тобѣ благодарность за облегченіе трудовъ его твоею мудростію!

4-й Сенаторъ. То неизреченное милосердіе должно поколебати упорную душу преступника!

5-й Сенаторъ. И извлечи изъ очей его слезы раскаянія!

Кремуцій. Не слезъ, отцы избранныи, а смѣха должны вы ожидать отъ мене въ моемъ положеніи; смѣха — говорю, — для того що судъ вашъ показуе, що Римляне уже недостойны бѣльше слезъ! Якъ не смѣяться надъ тѣмъ, що рѣшившись мене погубити, вы изготовили зараньше приговоръ свой, — да еще призвали мене говорити оправдательную бесѣду, которая не могла спасти мене? Вы не боитесь доплати ногами правосудіе, — а стыдитесь зяти зъ вашего судилища одежду правосудія! Чи жъ власть, не превышающая короткой жизни одного человѣка може заглушити голосъ вѣ-

(*) Вся таа бесѣда действительно была произнесена Кремуціемъ Кордомъ.

ковъ? . . . О, великій цезарю! Я не имѣлъ ніякого прогнѣвъ тебе зложелательства; я гибну невинно, не осужденный даже и собственными твоими законами, пораженный единственно — твоимъ произволомъ! Ты великій и могучій: я ничтожный и безсильный. Легко тебѣ раздавить бѣднаго историка, истребить даже писанія его; никто не посмѣе заступиться за него и сказать тебѣ истину. Но и ты смертный, якъ я. И для тебе настане потомство . . . и тогда явится историкъ, который отомститъ за мене и отомститъ безжалостно. Онъ призве тебе передъ грозный судъ — не рабочаго сената, а холодной, неумолимой исторіи, — и никому не буде защищать тебе! Не страшась доносчиковъ, онъ передастъ имя твое и всѣ твои явные и скрыты дѣянія въ отдаленное потомство; онъ расскаже о судѣ надо мною всѣмъ народамъ до конца земли. Не стане, быти-можетъ, Римской имперіи, потоки времени унесутъ зъ лица земли и народъ Римскій, — но не погибнуть странницы грозного суди твоего, и чужіи племена черезъ тысячелѣтія будутъ произносить проклятія надъ убійцами Кремуція Корда!
(Уходитъ; за нимъ стражи.)

3-й Сенаторъ. Неслыханная дерзость!

4-й Сенаторъ. Удивительное долготерпѣніе цезаря!

Тиверій. Законъ осудилъ его — а я не шчу врагамъ моимъ: я презираю ихъ. Теперь, отцы избранныи, постановте законъ, который бы отнималъ у подобныхъ враговъ порядка и добронравія возможность оправдывать себе юридическими изворотами. (З-му сенатору.) Предложить отцамъ.

3-й Сенаторъ. Я предлагаю навсегда установити законъ, по которому всякій писатель: — историкъ, поэтъ, философъ, ораторъ, — за наименьшую похвалу тому, що несогласно съ настоящимъ порядкомъ, за наименьше нерасположеніе къ тому, що входитъ въ правила настоящего правительства, а рѣвно за всякое выраженіе, которое, прежде рассмотрѣнія его сенатомъ, было бы признано волею цезаря открывающимъ преступныя намеренія, подвергался бы суду по силѣ закона о оскорбленіи величества. Вразъ съ тѣмъ сочиненія преступника должны быти сожигаемы и навсегда уничтожаемы, а всѣ тѣ, которые, въ-противность судебному приговору, осмѣлятся хранить у себе такіи сочиненія, подлежатъ суду по силѣ того же закона.

Тиверій. Належагъ при томъ додати, що осужденіе ихъ должно послѣдовать не иначе, якъ послѣ явныхъ обличеній. Да сохранить насъ боги отъ несчастія, осудити коли-нибудь невинного, или самому виновному назначити наказаніе свыше его преступленія! Вредно для блага отечества допустить злоумышленныхъ людей избѣгати достойной кары; но мы всегда готовы скорше простити десять виновныхъ, чѣмъ подвергнути незаслуженной карѣ одного невинного!

4-й Сенаторъ. Мы принимаемъ единогласно предложеніе о новомъ законѣ.

Голосы. Принимаемъ совершенно.

3-й Сенаторъ. Сообразно обычному милосердію цезаря, я предлагаю сенату ограничить строгость постановленія включеніемъ условія, що подѣ той законъ будутъ подходить только такіи сочиненія, которыхъ противозаконное направленіе буде признано всеми голосами. Слова подвержены толкованіямъ. Надто строгій законъ совершенно убѣе всякую охоту къ литературѣ.

Тиверій. Условія путаютъ законы Чѣмъ законъ простѣйшій, тѣмъ яснѣйшій.

3-й Сенаторъ. Кто искренній и доброжелательный къ своему владѣтелю и отечеству, тотъ не испугается того закона. Законъ преслѣдуетъ злыхъ, а не добрыхъ. Добровравный и вѣрный гражданинъ лучше — нежь хотя бы великій поэтъ, но развратный или мятежный.

1-й Сенаторъ. Законъ состоялся. Теперь слѣдуетъ написать его на табулахъ и распространити обычнымъ порядкомъ.

Тиверій (всавая): Прощайте, отцы сенаторы; благодарю васъ за труды ваши въ соблюденіи правосудія и храненіи благосостоянія державы. (Выходитъ; за нимъ идутъ сенаторы; 2-й и 5-й сенаторы идутъ разомъ.)

2-й Сенаторъ (5-му, указывая на 3-го): Замѣтилъ ли ты, якъ онъ подбивается въ милость цезарю? Якъ онъ скорый ему услуговати! Его треба остерегатися. . . А вѣдай мы засудили совѣтъ безъ причины бѣднаго историка!

5-й Сенаторъ. Мало ли кого мы судили и засудили безъ причины? Я бы тобѣ не радилъ включати условія въ законъ, который заранѣе составленъ въ умѣ цезаря. Тиверій посмотрѣлъ на тебе сердито нынѣ. А на кого Тиверій посмотреть сердито, тому бывае лихо. Шо толковати о историкю! Мы два его защитити не могли. Будемъ лучше думати о себѣ.

2-й Сенаторъ. Пр: вѣда твоя. Неправедливость захватила-было мене нынѣ. . . Впрочемъ, кажется, я не сказалъ ничего рѣзкаго. Да, — лучше быти сенаторомъ и спокойно отдыхати въ своей виллѣ, послѣ судебныхъ занятій, чѣмъ томитися где-нибудь на изгнанію. . . Ходѣмъ.

5-й Сенаторъ. Розумѣется; намъ добре. . . будемъ же остерегатися, щобъ не было лихо. (Уходитъ. 3-й и 1-й сенаторы останавливаются.)

3-й Сенаторъ (указывая на 2-го): Уважалъ ты? . . Онъ пристально посмотрѣлъ на мене; потомъ заговорилъ шопотомъ. . . Нынѣ цезарь оказался вниъ недовольный. Завтра будемъ у Сеяна и донажемъ ему, шо тотъ, кто предлагае внести въ законъ такіи условія, которые явно клонятся къ ограниченію власти цезаря сенаторомъ, уже нѣкоторымъ-образомъ подлежатъ суду по силѣ закона о оскорбленіи величества.

1-й Сенаторъ. Ходѣмъ. (3-й сенаторъ уходитъ; 1-й останавливаетъ 4-го.)

1-й Сенаторъ (указывая на 3-го): Приглашае мене къ Сяеву — доносити завтра. . .

4-й Сенаторъ (съ живостью): Упередѣмъ его. Ходѣмъ нынѣ! (Уходитъ. Сала пустое).

III.

Улица въ Римѣ.

Помпилія, Аврелія.

Помпилія. День-добрый, Аврелія! Ты идешь зъ площади?.. Що то народъ собирается туда? Тамъ горитъ огонь, сказали менѣ, но не сказали для чего.

Аврелія. Ты не знаешь? Ну, такъ ты и не пойдешь туда, коли узнаешь. То сожигаютъ *Анналы Римской Республики*, — сочиненіе несчастного *Кремуція Корда*.

Помпилія. О, бога! до-чего мы дожили!

Аврелія. Тише! Подобныя восклицанія нетерпимы, особенно на улицѣ. У васъ въ домѣ есть то сочиненіе?

Помпилія. Эдакъ пыталъ о томъ вчера моего мужа. Мужъ отвѣчалъ, що у насъ его нѣтъ.

Аврелія. Зарыйте его въ землю, если оно есть у васъ. Иначе, твоего мужа бутутъ судити за оскорбленіе величества.

Помпилія. Бѣднѣйшій *Кремуцій*! Я не знала его лично, но сердце мое затосковало о немъ, якъ о другу, коли я услышала, що его посадили въ вазницю и, може быти, онъ просидитъ въ ней цѣлую жизнь. . .

Аврелія. Успокойси! Онъ — Римлянинъ и выбралъ смерть надъ неволю.

Помпилія. Онъ убилъ себе?

Аврелія. Его лишили возможности проколоти собѣ грудь: онъ отказался отъ ѣды. Даремно стражи грозили ему, — даремно даже поднимали на него бичъ, Якъ герой перенесъ онъ мучительныя девять дней, несмотря на то, що ѣдо стояло передъ его очима; на десятый — онъ испустилъ дыханіе и произнесъ послѣднее слово: „скажѣтъ Тиверію, що исторія отомститъ за историка.“

Помпилія. Великій человекъ! достойный служителю истинны! Най буде свѣтлая память твоя напечатлѣна въ сердцахъ Римлянъ! Най служишь ты предметомъ уваженія въ лучшія времена, если боги, сжалившись, пошлютъ намъ ихъ! Чи позволили принаймѣйшій передати трупъ его огню и погребенію?

Аврелія. Якъ преступника, его кидали недостойными руками въ безславную землю за Тибромъ!

Помпилія. Спытаемъ стражей, хоронившихъ его, о могилѣ страдальца; найдемъ землю, освященную его прахомъ, украсимъ ю цвѣтами, почтимо возліаніями.

Аврелія. Що за безуміе? Къ-чому губити самимъ себе, коли отъ того не буде нікому користі? Память Кремуція Корда украсится неувадаемими цвѣтами страданія за истину, а доброе слово, принесенное о немъ втихомолку честными гражданами, дорогоцѣннѣйше всѣхъ возліаній! . . .

КНЯЗЬ ЛАБОРЕЦЪ.

Историческая повѣсть изъ IX. вѣка.

I.

Фу! — якъ поганні часи були тѣ, зъ которыхъ випикуемъ мы повѣстку сію. Люди громадами, цѣли народы покидали свою колыбель и глядали лучшой на чужинѣ. — Мабуть вилазили вы, мои ласкавыи читатели, якъ то цыганска семья, коли наскучать собѣ въ одномъ селѣ, переноситса въ другое: вотъ, на переау ступаеъ поважна голова родины, старшій цыганъ, и ташить пару молотковъ, дуфадло и дѣржавый котель; за нимъ шанонна его жена съ поль-тупетомъ многонадѣйныхъ потомковъ Фараона на плечахъ; отъ, изъ плахты лише чорныи кудлатии головки видно, -- кругомъ мамы підскакують собѣ зо чотырехъ хлопчиковъ, такъ лише по-легку якъ то бывало Адамъ у раѣ, кождый изъ нихъ несеть то горнецъ, то миску, то скрипку, смыкъ и иньи орудки газдовства; ажъ наконецъ походъ заключаеъ пснѣ и мале поросѣ.

Знаю, подумаеъ собѣ неодиный изъ читателей: „а вотъ, где онъ васъ хочеть повести, просто подъ цыганскій шаторъ, брр!“ — Нѣтъ, борони Боже, я поведу у княжій дворъ: бо знайте, мали и мы Подкарпатскіи своихъ колисьто князей. —

А же первенство далъ цыганской родинѣ, то лише хотѣлъ ваше воображеніе перенести въ далекую минувшость, въ тѣ времена, коли отбывалосѣ такъ славное въ исторіи переходеніе вародовъ, отъ четвертого почти до девятого столѣтія; бо видите, сесе погребло нашу самостоятельность.

Не совсѣмъ гакъ мирно, якъ горѣнавведена, и не такъ малочисленно, якъ цыганска семья ходило то ся: но тысящами, а съ мечемъ.

895. голъ писали по Христвѣ, коли я прошу своихъ читателей, чотбы сопровождали мене у Уж-городскій замокъ князи Лаборца.

Земля, на которой мы теперь живемъ и боремся за свои права и народность, называлась въ тое время ще Панонія, — бо была вольна. — Обыватель горделиво показывалъ и казалъ на своего со-обывателя: *Панъ-онъ-и-я*, всѣ мы панове! — Нашими рускими предками володѣлъ старенькій Лаборецъ; по крутой Вагъ давалъ Словенамъ розказы великій Святополкъ. Межи Вагомъ, Дунаемъ и Тисою повелѣвалъ Болгарамъ Золянъ; отъ Мароша по Тису также Болгарамъ Гладъ. А Богъ знае, сколько еще дребныхъ владарей было на нашей землѣ. Всѣ они назывались Панами, а свою богатую землю Панонія. — Все минулося! — прійшли Гунны-Маджаре, та стали ей прозывать Гуннія, а теперь Венгрія.

Но сблизѣмся къ нашему старинному Ужъ-городу. — Городъ стоитъ будто предпотопный великанъ на круглой скалистой горѣ, а по-подъ него котить свои грубыи волюи шумный Ужъ, та реветъ мовь малый океаникъ. Изъ коминавъ города выносятся въ гору густой дымъ. Вечеръ есть, — оболони плывуть въ свѣтлой зарѣ. А ввутьр по дворѣ шумъ и крикъ, по всѣмъ кутамъ та сторонамъ лише трѣскъ и бряцанье оружія дается чути, а на лицѣ каждого сумъ и непокой. Во второмъ заборѣ города на обширной площади горитъ великанскій огонь: поломень досягаетъ синихъ облакъ, та розливаетъ свой тусклый блескъ по мохомъ зароснутыхъ стѣнахъ замка. На огни печется толстый быкъ; два бородатыи рыцарѣ обертають его на долгомъ рожнѣ, а якъ вдарить имъ объ носъ вкусная печеня, тогда мимовольно збѣгаетъ слинка на языкъ. Задубѣли бородача розложилися около огня, поподпирали стѣми головы локтями, и загрѣвають свои скостенѣлыи члены при огни, — бо знай, то время уже гдесъ ажъ около св. Дмитрія, та осень.

Въ сью пору выступаетъ одинъ трубачъ на забрало, и трубить на три перестанки: „Гей жураты, крайники и всѣ полковники! спѣшитъ, князь зоветъ на раду!“

И на данный розказъ князи сыплется въ замокъ череда журатовъ, крайниковъ и хоробрыхъ полковниковъ, вѣнначе пчелы изъ улія, — а у дверахъ радного терема стоитъ уже прекрасная Вѣра, дочь князи, и пріймаеть журатовъ, та частуетъ ихъ хлѣбомъ-солю.

Всѣ кланяются низенько княжой донцѣ, и цѣлуютъ ей щедрю руку.

Дверѣ отчинились, радцѣ вступили и заняли мѣстца свои. — О часнику надойшовъ и Лаборецъ съ дворнею, и усѣлъ на свой тронъ.

Князь поднялъ рѣчь:

— „Жураты, крайники, и полководцѣ! князь вашъ говоритъ до васъ! — Знамо вамъ, ожъ Половцѣ*) предъ дверьми. Вы чули уже, что то дикарѣ

*) Половцами называли въ тое время на Руси Маджаровъ. — Самъ Несторъ сіе прозваніе употреблялъ.

изъ широкихъ полей азійскихъ, немогучи противостати Монголамъ, накидуются теперь на нашъ край. Приближаются уже къ границямъ, несутъ мечъ и щпи. Что вамъ любитса: выбирайте!“ —

На слова тѣ князя всталъ Драгутинъ журагъ, найстаршій вѣкомъ, и промовилъ тако:

— „Великій княже! годъ намъ избрати мечъ, мы силою и числомъ слабы; завяжемъ съ ними союзъ: замѣсть ярма, будетъ миръ.“ —

— „Ніяко же миръ, будетъ рабство!“ — озвался Славолюбъ: „безкорыстный та стыдный есть миръ намъ христіанамъ съ поганиномъ. Буди такъ, сподружнися союзомъ, тогда поведетъ насъ Альмусъ на нашу братію христіанску, будемъ проливати родную кровь славянску на корысть Половцевъ, а на гибель намъ самымъ. — Половцѣ не сами идутъ; но идетъ съ ними множество Руссовъ. — Война, война!“ —

— „Власнѣ по-задъ-того, ожъ и Руссы суть съ ними; пристойно-ли будетъ намъ обокъ Половчей — и руску славянску кровь проливати?!“ —

— „Руссы пристанутъ до насъ, — покрѣпнися та помножимся, и Половцевъ побѣдимъ!“ отразилъ Славолюбъ.

— „Побѣдимъ,“ — сказалъ Драгутинъ съ негодованіемъ. — „Побѣдимъ, такъ якъ побѣдилъ Олегъ Кіевскій!“ —

Славолюбъ умолякъ на хвильку; радцѣ понурили головы и задумалися глубоко.

Поднялъ рѣчь жартовливый Властичъ:

„Щуръ та пекъ поганину! Подумайте собѣ: на кожаныхъ надутыхъ мѣхахъ переплыли Днѣперъ, стерлися съ Олегомъ, здупили Кіевъ, а теперька нападаютъ насъ: то богъ-ме не люде, а звѣрь. — Половецъ до коня приросъ, ѣсть сырое мясо, пѣ кобылье молоко и кровь изъ власного локтя, та кланяется якомусь-тамъ Гадуру. Ой погане, погане! смуткомъ бысь ся опоясалъ, недолею бысь ся приодѣлъ, несчастья бысь собѣ постелилъ, та бѣдою ся прикрылъ.“

Всѣ розсѣялися зъ такъ выцифрованной лайки легкомысленного Властича, которому едно было пи на радѣ, пи у гостинника.

Снову молчаніе.

„Ну, та чтоже?“ — перервалъ молчаніе старенькій князь.

— „Война!“ скричалъ Славолюбъ.

— „Война, война!“ загомонѣло нѣсколько голосовъ еще, стало быти — неснѣдо.

— „Покой та союзъ!“ отразилъ поважно Драгутинъ, что подтвердило и нѣсколько голосовъ изъ рады.

— „Но больша часть молчитъ; рѣшайте о судьбѣ своей, — я уже старый и клонюся до гробу,“ — говорилъ Лаборець, и стеръ слезу зъ лица.

„Завтра, завтра“ кричала молчащая сторона.

И рада розойшлася.

II.

Еще того дня надъ вечеромъ Мадяре перекрочили границу, и Верецкою тѣсниною зсыпались на Мукачевскіи равнины. — Не вшли жадного отпору; селяне обоудно приглядались азятскому каравану, который по домыслу письменныхъ малъ состоитъ изъ сорокъ-тысящъ семействъ. Альмусъ вдарилъ свой шаторъ на горѣ теперь называемой Чернецкой, а жрецъ Гадура розложилъ на томъ мѣстци, гдѣ теперь стоитъ городъ — Рано, коли восходящее солнце розлило свои багряныи лучи, Альмусъ вождь вышолъ изъ шатра, сталъ осматривати розстеляющуюся предъ нимъ равнину; смотреть, и видить: изъ круглой горы якъ яйце, стоящей будто великанска копа стѣна на широкомъ полѣ, выносятся густыи туманы дьму горѣ къ небесамъ.

Альмусъ замѣшался, думалъ бо, ожъ то Панонійскихъ войскъ огонь, запаленый по-тому же непріятель уже за порогомъ. — Борзо послалъ двоихъ конниковъ вызнаги дѣло, которые вернувшись казали: „Жрецъ за счастливое прибытіе жертву палить Гадуру, упитанного бѣлого коня.“ Альмусъ увидѣвши гору, дуже собѣ тую полюбилъ; просилъ жреца, чтобъ замѣнялъ съ нимъ гору за оную, на которой шаторъ его стоягъ; жрецъ оттягивался, ажъ на конецъ присталъ получивши въ додатокъ красного бѣлого коня. И такъ Альмусъ вступивши во владѣніе горы, доразъ перенѣсь свой шаторъ, и положилъ основаніе замка.

За сорокъ дней отпочивали тутъ Мадяре, и въ будовля города значно поступили. Горестна была то праця: воду, камѣня, дерево и прочіи запасы на раменахъ требало ташити на высокую скалу съ великимъ трудомъ; и отъ того-то труду, по ихъ языку шупка—трудъ, нарекли мѣстце то Мип-ка́с. А рускіи ихъ союзники отъ великой муки: М у к а ч е в о.

Въ Ужгородѣ, только на четыре мили отстоящемъ, все еще недоушнѣе, та нерѣшимость владѣтегъ; нѣтъ согласія въ радѣ журатовъ, князь уже старенькій, дармо выжидаетъ помощи отъ сосѣдовъ, — а дни минаютъ.

Альмусъ послалъ до него посла, одного молодого Украинца, Русина до руского князя, абы ся поддалъ и съ нимъ союзился.

III.

Красно течеть собѣ рѣка Свѣржава своимъ корытомъ, та качаеъ свои волны гевъ-тамъ десь ажъ у чужій край. Ночь поздна и холодна; свѣжій небесныи своды простыли; яркій поясъ млечного пути простирается по-надъ Ужгородскіи равнины, будто искрава завѣса, та освѣчаеъ своимъ блескомъ узенькій пѣшникъ, протягающийя берегомъ рѣки.

Зъ дна видно якесь чловѣче подобіе скорымъ крокомъ приближающеся, все ближе а ближе, ажъ наконецъ пѣкавое око видить старую женщину.

Баба и не останавливается отдыхнути, и назадъ не зиркнетъ, ци не гонить ей яка русалка, но жваво мѣрнегъ сухими босыми стопами узкій пѣшникъ;

все больше а больше исчезаетъ изъ ока, ажъ наконецъ пропадаетъ гдесъ тамъ подъ Ужгородскими окопами.

— „Кто тамъ?“

„Я, — отвори браму. —“

— „Кто я, ачей Половецъ?“

„Не дурися Юрію, отвярай скорше, бо замерзну; то я — Настья.“

— „Та пи дѣлько ты носить по ночи, не даешь людемъ спати,“ — сталъ негодовати Юрій-вратникъ устремивши ключъ у замокъ желѣзныхъ воротъ, и обернувши нимъ два разы, что ажъ квыкло. — „Что же хочешь?“ —

— „До княгини иду; а тобѣ что до того? ты вратникъ, лизай-миска; а я собѣ невпрокомъ познаемкина съ княгинею,“ стала собѣ покепковати наша баба, котру видѣлисте такъ швидко бѣжашу узкою стежкою; и о хвильку была уже у спальни княжой дѣньки.

Годѣ не побалакати о ней больше.

Настья, за оны благосклоннѣйшіи часы, коли на мѣстци поораныхъ вже бороздами лицахъ, еще каины пвили, — была служавкою у замку; мала довѣренность у княгини Дарины, пѣствовала маленьку Вѣру, и наслаждалась наибольшимъ поважаніемъ у прочой дворни. Часы змѣнились: Дарина померла, на Настью стала дворя нарывати, а ю прогнали. — Но про тое она не передалась розпупѣ: закупила малый домокъ налѣ Свѣржавою отъ рыбаковъ, та стала газдовати по своему; за якійсь часъ ожидала что-день жениховъ, но коли сіи не явилися, Настья потупила свѣтъ и всѣ его суеты, та лишила косу — сивѣти. Жила самотно, и про тое стали ю называти знахоркою-ворожкой. До замку часто ходила навидѣти княжу дѣньку, та и то не съ порожными руками, бо бывало разъ молодого пструга, нѣ-коли ягоды, грибки и иныи женски ласотки приношала; навѣтъ пригодилося и то въ погодное время, же и сама Вѣра причвалила на чолѣ до ея скромной хатинки на прогулку; а въ такой часъ Настья все отповѣла за себе, угостила Вѣру по княжески: на сколько бажанія тогдашнихъ госпожъ не были еще такъ утончены.

Якъ Настья вступила у спальню, Вѣра готовилась уже до постели, пріяла стару по людски, и завели межъ собою тайный совѣтъ, который держалъ майже полъ часа. Тогда Настья вернула въ своя-си.

Поль-ночь уже недалеко была: мѣсяць такъ красненько свѣтилъ, что ажъ мило было позирати; огонь на площади згорѣлъ; варта зѣвши вола и выпивши бочку вина, храпѣла на все горло.

Не минуло и четверть часа по отъѣздѣ Настьи, якъ скоро зъявился якійсь молодець на площади замка, весь узброенъ: лице закрыте шоломомъ, на грудяхъ желѣзный наперсникъ, а у боку простая шабля. Конюшій вывелъ ему коня изъ стайни, а молодець сѣлъ на него, тай погналъ буй-туромъ. — Вратникъ скоро отчинилъ желѣзныи ворота и пустилъ рыцаря на чотыре вѣтры.

О хвильку влиме уже его передъ хатиною Насты, котри учувши конскій топоть борзо выбѣгла зъ хижи, и во знакъ молчанія положила палець на уста. — Рыцарь порозумѣлъ тое, и не прорекъ и слова. Настыя увязила коня у стайню, а рыцаря завела до стѣней, отси же драбиною на поволу.

IV.

Неодолга изъ оконъ Настиной хатки отбивалася заря внутреннего свѣтла; бо то Настыя розложила огня у печи, та приставила мясо нль огню, которое правѣ что принесла изъ мѣста. Вѣроятно ожидала гостей.

Мясо варилось, а Настыя прjala кушѣль, тай часомъ-часомъ понизнула на оконюкъ.

По хвильцѣ ктось загучалъ подъ дверьми: они огчинилися, и вкочилъ Славюлюбъ.

„Та лише сама еси?“ —

— „Лише,“ — отповѣла Настыя.

„Чудуюсь, бо полночь уже минула.“

— „Минула, правда, но знакъ еще не даный.“

„Правду кажешь, бабо! Видишь, я о томъ цѣлкомъ забылъ.“ — Се сказавши вышелъ онъ на дворъ, тай задулъ у голосну софѣлку, которой врескливый свистъ прошибнулъ всю окрестность. На что вскорѣ на одномъ изъ поблизкихъ холмовъ розлился огненный блескъ смольной вѣхи, запаленой приверженцами Настиного гостя. То былъ знакъ.

„Насты! якъ я буду княземъ въ Ужгородѣ, а Вѣра моею княгинею, то ты будешь ключницею у городѣ,“ заговорилъ повернувшійся зъ подворья Славюлюбъ, поглядявши бабу по-подъ бороду.

— „Дякую паноньку!“ отвѣтила баба вергши на него подозрѣнный взоръ. „Только ци схоже, Вѣра быти княгинею твоею?“

„Завтра бабо, конечно розвижесе узелъ.“ —

На дворѣ задунило, прибыли ожиданныи гости.

Славюлюбъ вышелъ на дворъ, привѣтился съ прибывшими гостями, и запросилъ ихъ въ-дну. Ихъ было трехъ, одинъ панъ а два слуги; всѣ же изъ табору Мадаровъ. Начальникъ роздалъ имъ розказы чудовнымъ незрозумѣлымъ языкомъ, знать приказалъ имъ чуйными быти на вартѣ, и вступилъ въ хижину.

„Помагай-Богъ вамъ!“

— „Дай Боже здоровья! витайте паноньку,“ — вырекла съ немалымъ удивленіемъ Настыя, чуючи Половца по руски говорящего.

„Не чудуйся бабо, же чуешь рыцаря по руски говорящего, бо онъ Русинъ якъ и мы,“ — сказалъ Славюлюбъ до загрусившойся Насты.

— „Э, та якъ?...“ заговорила несмѣло баба.

„Та такъ, нене моя! же я отъ головы до пять Русинъ, тамъ зъ далека, зъ Украинны, зъ широкой русской земли, где Днѣпро буйный тече. Ци чули ты даколи про Кіевъ?“ —

— „Нѣтъ, нигда пановьку.“ —

„А якъ бы нѣтъ? ты мала чути, же наши крайники купчили съ Кіевлянами, да н съ Новгородовъ, коли тамъ еще покойнѣйше было,“ отразилъ ей Славолюбъ.

— „Та якже вы пановьку пришли сюды?“ —

„Ну та подружидисмеса съ Мадырами, або по вашому: съ Половцями, бо насъ есть много;“ -- отповѣлъ Украинецъ.

— „Э, та ци не лѣпше было дома? ма-бытъ ваши мамки не прійшли съ вами?“

„Ой прійшли; бо видишь нене, насъ мы любимъ: вы христіане, вашъ князь христіянинъ, а у насъ еще не роспространилося повсюды христіянство. Самъ Олегъ ще поганинъ.“

— „Досытъ Насъѣ, не будь такъ цѣкава. Бабы не мусять все знати,“ — оттиль ей Славолюбъ: „Доглядуй лише казана, ци уварене уже мясо?“

Настья покивнула головою и приступила къ горцю. Мясо уже уварене было; выклала го на блюдо, и поставила на столъ предъ рыцарѣвъ.

А рыцарѣ смачно собѣ вечеряли, посилюючися взаимно изъ полного виномъ збана. Курь запѣли на Настиной стрѣсѣ, и наши рыцарѣ повставали отъ стола.

— „Ну же бабо, отвори комору, бо мы маемъ съ собою бестду; а сама положися спати, бо ты сарака стара, а мы молоды, та ще побалакаемъ якъ то молодымъ людямъ игодится;“ — сказалъ Славолюбъ погласкуючи Настью, межн тымъ всунувши ей у жменю золотого гроша.

Настья отсунула дверь, и рыцарѣ вступили; — сама-же засунула огонь у печь и побѣгла до сѣней, отси же на повалу.

У самогъ рогу была затычка, закрывающа дѣру, чрезъ которую Настья выпускала дымъ. Она подняла ю, и призвала скрывающагося на подѣ рыцаря. Дѣра была досытъ велика, такъ, же можъ было перерѣйти всю комору, а тымъ больше чути, что тамъ говорилося. Баба и рыцарѣ легли ницъ, положили головы на дѣру, и стали слухати.

Славолюбъ и мадырскій рыцарѣ держали тайный совѣтъ. Они говорили по руски, бо Славолюбъ не понималъ мадырской рѣчи; а наши подслухачи все чули.

Настья, яко искусна баба, коли видѣла, же уже докончуся совѣтъ, борзо збѣгла до своей комнатки, и легши на постель зачала голосно храпѣти.

— „О, якъ солодко спатъ наша любя бабуся, бодай ей у царствѣ небесномъ вѣковати!“ мовилъ Славолюбъ, потрясуючи нею, чтобы пробудилася.

— „Бывай же здорова наша газдине! а мы брате, завтра вечеръ слову увидимеся.“

— „Прійду“, отповѣлъ Украинецъ.

V.

Якъ солнце взошло, собралъ Лаборецъ раду крайниковъ и жураговъ. Засѣданіе было шумное, борьба мнѣній горяча: одни хотѣли союза, а другіи опиралися та совѣтовали, взяти оружіе противо кочующихъ дикарѣвъ. — Къ общому несчастью Лаборецъ нерѣшимостью, — да такъ скажемъ -- не-
 возможностью, больше вредилъ, чѣмъ рада своимъ несогласіемъ. Въ такомъ
 положеніи требало мужа, который бѣ въ сознаниіи власти и поваги княже-
 ской былъ въ состояніи взводнованнымъ умамъ дати направление, соответствующее
 благородумію и обстоятельствамъ.

Слово старого Драгутина не стояло ничего; дармо робилъ онъ всякіи
 уваги, дармо протестовалъ, розгорячена толпа перекричала го; и стало на
 томъ, чтобы брати за оружіе.

„Добрѣ, соглашуюсь,“ — отповѣлъ князь. — „Но кто буде теперь
 вождемъ?“

— „Славолюбъ, Славолюбъ,“ — кричала рада одногласно.

„Я спротивляюся; если уже мае быти война, добрѣ, — я якъ самъ,
 долженъ повиноватися общей жадоستي; но на то снова не пристаю, абы
 Славолюбъ былъ вождемъ, — най буде кто инный.“

— „Нѣтъ, нѣтъ, только Славолюбъ!“

„Пристаешь-ли на тое рыцарю?“ — запросилъ князь.

— „Я со всею готовостью беру на себе должность наложену ми от-
 чиною,“ — отрекъ Славолюбъ: — „только желалъ бымъ, чтобы въ надгороду
 предпринимаемого подвига, къ возбужденію большой ревности, выполнилось
 мое давнее уже бажаніе, Вашему княжеству извѣстное.“ —

„Ото идать о руку моей дочери Вѣры?“ —

— „Такъ есть.“ —

— „Если она пристанеть, то я не противляюся.“ —

„Але я противляюся! Менѣ не статись супругою измѣнника!“ —

Всѣ постолпѣли, чуючи такъ поражающую отповѣдь. Вся рада обернула
 очи къ бочнымъ дверямъ, зѣ-отки выходила княжа дочь, роспламененна мовь
 втора Діанна, — ведучи за руку стару Настью. Она стала на середнѣй
 радной комнаты между отцемъ-княземъ и журатами, а Настья лишилася
 у дверей.

Славолюбъ потупилъ очи до земли.

„Благородна Рада! — я дочь княжа выступаю противо Славолюба яко
 обвинителька. — Онъ запродалъ отчину! — Такъ, запродалъ; я сама слышала
 на власны уши. — И прошу сейчасъ возложить на него, вмѣсто брачного
 вѣнца, — пута!“ говорила роспламененная Вѣра.

— „Доказательства, доказательства!“ кричала рада.

— „Тутъ есть Настья; она свѣдокъ,“ — отвѣтила съ погордою княжа дочь.

„Настье, говори!“ — велѣлъ князь.

И Настья стала говорить слѣдующе:

„Вчера передъ западомъ солнца пришолъ до моей скромной хатинки Славолюбъ, и всунувши мнѣ у жиеню двадцать сребрянниковъ жадяль присяги, же я, чтобудь случится у моей хатъ сего вечера, на вѣки замолчу. — Я не хотѣла присягати, и лише слово чести дала, же буду молчати. — Тогда онъ сповѣлъ, же хоче звидѣтися съ якимсь чужимъ чоловікомъ у моей хижі. Я пристаю, и онъ отойшоу; а на отходѣ казалъ, чтобуь для него и незнакомаго гостя добру вечерю зготовиламъ. Якъ смеркалося, я вышла начеряти воды у рѣку, абы застарити мясо на вечерю; но вразъ обачила я якихъ-то чужихъ узброеныхъ людей, тамъ по-подъгаемъ гуляющихся. Доразъ доторопалася, что то Половецъ, и же мой гость сего вечера вѣроитно — Половецъ буде. Такъ я покинувши ватру, горнецъ и мясо, борзо бѣгла до Ужгорода до молодой княгини, оповѣсти ей усе. — О дльшомъ розкаже вамъ сама дочь князя.“

„Говори княгине!“ загремѣла рада.

— „Якъ Настья мнѣ се сповѣла“, — полняла голосъ Вѣра: — „тогда я переодѣвшись въ рыцаря, сѣла на коня, бо то была уже близъ полночь, тай нуже до Настьи зобачити — гостя.“

Князь съ негодованіемъ покивнууль головою, и позрѣлъ сурово на Вѣру. — Она свои спустила очицъ, которми паляли огнемъ, и въ хвилю ободрившись, продолжала:

„Настья мене вывела на повалу, зъ-отки далась мнѣ способность подслухати тайный заговоръ.“

— „Чуйме!“ — кричали жураты.

— „Честна рада дозволитъ мнѣ уклонитисъ мало отъ предмету, абы больше пояснити себе. Славолюбъ больше разы предлагалъ мнѣ свои просьбы, абы я, князя дочь, была его супругою. Я бы ему того не отъязала, еслибуь не увѣрилася о его поганыхъ норовахъ и лукавствѣ уже предъ симъ. — Онъ завзялся, и стался докучливимъ, — а я непоколебимою. Да бывало одного разу, что говорилъ о мести! Я на се дуже добрѣ тямлю.“

— „Говори княгине! что говорилъ измѣнникъ Половцеви!“

— „Пойди сюди Настье, и кажи, что говорилъ Славолюбъ твоему гостю“, — рекла Вѣра повелительнымъ голосомъ.

— „Славолюбъ казалъ, вотъ такъ!“ — подняла рѣчь Настья: — „Завтра покушусь еще разъ, и если князь или дочь его погордятъ мною, тогда откажу тобуь, или самъ прійду обвѣстити та рыцарю, абы есте смѣло напали на Ужгородъ. — Да погибнетъ князь, дочь его и Ужгородъ! — Вы побѣдители, и Ужгородъ подъ ногнями вашими. Но часампередъ старайтеса Драгутиня витерти изъ числа живыхъ, за нимъ Ляборца и дочь его, которія не хотять покоритиса вашему великодумію. И тогда я во имени

покоренного народа злому вамъ свою союзническую присягу, полюбавъ ноги Альмуса, а вы мене вызовете княземъ Ужгорода.“ —

— „Есть-ли то истина?“ спросилъ князь.

— „Есть!“ отвѣла Вѣра.

— „Возложите на него оковы, и затворите до общей вязницѣ!“ — былъ строгій указъ мягкого князя.

VI.

Вечеръ, — тьма. Въ дали по вершинамъ холмовъ падаютъ мадарскіи огни. Славолюбъ у вязницѣ; жураты недармо негодуютъ, сумуютъ, та предвѣщаютъ лихо. Князь склонилъ голову та думаетъ Вѣра переодѣвается въ рыцаря, сѣдаетъ на вороного, та ну же до Настыи.

Темница, въ котрой сидѣлъ Славолюбъ, была тѣсна, темная дѣра о оденъ решетки вооруженій оболочъ. На рукахъ и ногахъ ланцы, — желѣзными дверъ... огромными замки... Нѣтъ спасенія! а ту высокопарныи мысли, славолюбіе! — Вмѣсто княжого скипетра . . оковы! О! видитъ синее небо, видитъ сквозь тухлыи стекла маленького оконца, якъ пернатыи пѣвціи швидко мигаютъ мимо него... вѣтеръ шумитъ собѣ свободно.. а онъ, онъ у оковахъ и вязницѣ!

„Спаси Богъ Настыи!“ —

— „Иой! Боженку мой, та то моя дорога княгиня Вѣра!“ — воскликнула Настыя съ удивленіемъ; но весьма нерозумно.

— „Вѣра? . . . княжа донька? . . . котру такъ часто прославляли, чулъ емь. — Не есть-ли то обманъ? або зрада?“ озвался за столомъ сидящій Украинецъ, ожидающій Славолюба, вмѣсто которого прибыла сама княжа дочь. — Онъ изъумился немало; онъ ждалъ своего поклонника, а тутъ зъявилася — княгиня, и то въ мужеской одежи, — что то такового?

— „Настыи! ты мене запродала! Ты нерозсудная старуха!“ стала тяжобити Вѣра. — И вергла шеломъ на лавку. Долгии жолгыи кучери рассыпались по плечамъ; зметала все одѣяніе: наперсникъ, зброю да все, что не было полу ей власного. — И предъ Украинцемъ стала дѣва во всей нѣжной красотѣ. . . .

Онъ остолпѣлъ, и придивлялся долго на ей уроду.

„Ты гостю нашей отчины, знаешь по руски?“

— „Знаю.“ — отвѣлъ чужинецъ.

— „Ты ждалъ Славолюба?“

— „Его.“ —

— „Онъ не прійшоу, и не прійдетъ; бо онъ взвѣяникъ, онъ у темницѣ.“ —

— „Якъ то можетъ быти?“ задивовался онъ.

— „Та такъ, же онъ настойчиво совѣтовалъ миръ, а самъ тайкомъ въ погибель отчины заговоръ держалъ съ ворогомъ.“

— „Нѣтъ княгине, — я не ворогъ; я посолъ Альмуса.“ —

— „Онъ требовалъ моей руки, бажалъ княжеского вѣнца . . . обсягъ оковы. Самъ непотребный, ничтожный, но тѣмъ больше возносимый. Простыиъ путемъ не удавалось, ужилъ лукавства: на радѣ совѣтовалъ войну, а передъ тобою нашу неприклонность къ союзу.“ —

Послышался топотъ: — за всѣхъ сторонъ стали сыпаться мадарскіи конники. — Тугугумъ вождь съ огромнымъ войскомъ приближался ко хатѣ. Вѣра перервала свою рѣчь.

Быль то вчера еще выготованный походъ на Ужгородъ. Альмусъ отягощенъ бременемъ лѣтъ остался на задѣ.

Вѣра быстротою молніи выбѣгла изъ хаты, сѣла на коня, и исчезла прямо къ Ужгороду.

VII.

Утромъ, коли солнце стало высунуваться за позаду высокихъ хребтовъ отвѣчнаго Карпата, Ужгородъ за всѣхъ сторонъ обступленъ былъ уже кочующими гостями..... Половцы добивались крѣпостныхъ муровъ, ставляли вежи за дерева, ломали стѣны огромными желѣзными баранами, и вергались на окопы.... Но изъ верху встрѣчали ненадѣйный отпоръ, споевъ съ отчаянною лютостью. Стрѣлы сыпались дождемъ.... Въ церквахъ заедно голосили звонъ гупымъ унылымъ воплемъ; Архіерей влячалъ у подножія престола, — дряхлыми трясущиися руки подносилъ горѣ къ небесамъ, прося о всевышнюю помощь.... Въ церкви и живого духа кромѣ него, онъ самъ на себе лишентъ; не окружаетъ его свѣтла свита причета церковного... Той теперь на валахъ бросаетъ тяжелыя скалы на непріятеля. — А звонъ заводятъ такъ жалостно, что ажъ сердце врется! Да не напрасно, весь бо Ужгородъ якъ-стой на ногахъ, на окопахъ. Дѣти, женщины таскаютъ камни, приносятъ кипятокъ, та сыплютъ на головы наѣздниковъ. — Но все таки неудачливо! Годѣ сбѣлати что противъ толикому числу....

На окопахъ отъ востока показываются уже пристриженныя половецкіи чубы... Рускіи львы вергаются на нихъ, и стремголовъ друмяютъ ихъ назадъ у глубину....

„Что?“ — кричитъ розъяшена толпа, — „мы падаемъ, а Славолюбъ покойно собѣ лежитъ у холодку? За нимъ! —“

И толпа погналася къ вязницѣ. Схватили Славолюба нѣсколько распаленныхъ воиновъ, тай вывели на площадь; маса черни съ жаромъ кинулася на него, желая живцемъ роздерти его. Но воины возбранили, они судили ему лютейшой кочивы: привлекли его къ окопамъ, тай струтили у позѣвующую глубину....

Но тогда уже Мадаре роемъ сыпалися у городъ... Вѣра опустила долу мечъ, стала столпомъ, тай склонила голову на груди стоявшего при ней старика отца.

— „Спасайтеса!“ кричали крайники. —

— „Спасайтеса, кажу и я,“ — озвался зъ-заду онъ Половецъ, извѣстный намъ уже Украинецъ. — „Приведѣте коней,“ — продолжалъ онъ посередѣ общаго замѣшательства. Привели чѣмъ скорше, но только два, больше не было часу. На одного сѣлъ Украинецъ и княжа донька, а на другого высадили старика князя... отчинилися сѣверныя ворота, тай наши бѣглецы мигли ними швидкостю блискавиць.

„Куды?“ — запросился Украинецъ Вѣры по хвили, но уже за Ужгородомъ, держа за поводы коня, на которомъ сидѣлъ старикъ князь.

— „Просто къ Землянскому замку, тамъ на сѣверь!“ — отрегла ему Вѣра. —

Между тѣмъ лукавый Славлюбъ, которого хотя струтили зъ валовъ, но однакожь не убили, бо упалъ онъ на ноги, — Славлюбъ замѣтилъ теперь бѣгство князя съ донькою, подмовилъ Половецъ, тай нужь на вздогонъ за ними.

Вѣра припадково обернулася ни закъ, и съ перепудомъ окричала: „Ахъ насъ прослѣдуютъ! конецъ намъ!“

Лаборець услышавши тое, звинулася, и упалъ подъ ноги коня... Мадире уже за пятами... Лаборець зловленный, но Вѣра исчезла! —

VIII.

Надъ крутымя струями рѣки Свѣржавы великанска толпа народу малярского! — Побѣдоносныя голоса розносятся по горямъ и дубровамъ; всюды прославляется имя Гадура... Тамъ стоитъ и измѣнникъ Славлюбъ. Но онъ теперь уже не Славлюбъ, а Губа: губою своею онъ згубилъ родъ свой, славянское свое племя!.... Другого дня діялъ и онъ кровь изъ локтя, яко обѣтъ вѣрности Арпаду сыну Альмуса, преемнику тогоже!...

А чо Лаборець?

Лаборець повѣшенъ на вербѣ, всѣтъ трупомъ надъ волнами Свѣржавы. Хищныя вороны лѣтають по-надъ его головою, та клювають ему у мертвый лобъ... Мадирская толпа суваеся къ Тарцалу, та лишаеъ по себѣ сумъ и опустошеніе!

Конецъ Ужгороду и княжеству рускому: — все пропало! —

На третій день прибыла Вѣра съ Украинцемъ и колько крайниками, отдали послѣдню почестъ послѣднему князю Ужгородскому. — Похоронили его на томъ же мѣстци надъ Свѣржавою, и нарекли несчастную рѣку Свѣржаву: Л а б о р ц е ю. —

Вѣра послѣ совокупилася бракомъ съ изряднымъ Украинцемъ; жили лѣта своя спокойно въ одномъ уединенномъ домику у подножїи высокаыхъ Карпатъ, догодовалися здоровыхъ лѣточокъ, та и въ глубокой старости переселилися къ отцамъ своимъ.

А въ Ужгородскомъ замку молодши гѣторосли Угорской Руси, питомци священническаго чина, — при конци девятьнадесяго столѣтїя, — труждаются, якбы поднести руску народность на Угорскомъ полѣ-Карпатѣ.

Марія-Повчъ, 10 Марта. 1863.

Анатолій Кралицкій.

С А Л Д А Т К А.

Іереміи Галиць (Н. Костомарову), на незабудь.

(Украинска повесть, вынята изъ „Основы“ зъ 5. кн. на 1861 годъ.)

I.

Товкачи съ радѣсть — Богъ давъ сына; двоико бѣгае, третье у колысцѣ — кричить. А Товкачи съ й байдужка: сидить край бина; думки та гади одолѣли. Любивъ, небога, мѣрковати самъ зъ собою, хочъ и голова ему не ровумѣла, про що думала.

„Якъ-же то — думаетъ — усе чудно та наче нерозумно на свѣтѣ постановлено: панѣ рожае паньча, Товкачи съ — перобка; одлому — холя-воля; другому — панщина. Огъ якъ невидно — ревизїя; неси, батько, за Товкаченки подушке, бо й Товкаченко дивится на божїй свѣтъ...”

Думавъ, думавъ, ажъ плюнувъ.

Лежить сынокъ у колысцѣ, пручаетъся. Ёго окрестили — ставъ Семенкомъ.

Семенко вже хлопчикъ чималый — старшїи брати догоничами.

Браты поженились, и Семенко вже парубокъ, бѣлошпий, чорнявий, та высокій. Батько й мати не надивлятыся на Семена.

Часомъ мати тужила, що найкращу дитину писано до муштры, — та ще бѣльшь пыльновала за нею: „Нехай, каже, хочъ у матерї на роскошї поживе: — споминати-ме.“

Товкачъ ходивъ до кума, зъ кумомъ до писаря: „Чѣ не можно сѣго мнновати?“

— Не можно, — каже.

„Нехай буде воля божа.“

II.

Нѣчь якъ день: ясна та тепла. Мѣсяць высоко стоитъ надъ левадою. Тихо. Хтось иде при мѣсяцѣ, спѣваетъ:

„Ой сонъ, мати, ой сонъ, мати, сонъ головоньку клонить...“

Товкаченковъ голосъ; его пѣсня. Легко на сердце молодой дитинѣ, — легко и весело.

Семенъ порѣвнявъ съ Солошиною хатою. У садку, подъ черешнею, щось стояло коло самой лѣси.

— Се ти, Катре?

— Я, — каже.

— Добрый-вечеръ. Кого выглядаешь?

— Се я такъ — никого... Мотря казала — прійде...

А сама почервонѣла. Семенъ ставъ передъ дѣвчиною.

— Катре, — почавъ Товкаченко, та й забудь що думавъ сказати...

„Катре...“

Катря мовчить. Семенъ одчинивъ дверь и ввійшовъ у городчикъ.

— Я... ты выйдешъ сѣгодні на улицу?

— Нѣ, въ мене голова болитъ, — каже Катря.

Семенъ глянувъ ёй прямо у очі. Катря рукавомъ закрылась. Товкаченко хотѣвъ узяти ёи за руку — не посмѣвъ, и вернувся на улицу.

— Я пойдю додому.

— Постривай! Я чула... Люде казали, що у восени хлопцѣвъ у мо-скалѣ брати-муть.

— Брати-муть, — каже, — и мене вѣзнуть.

Жаль стало Семена. Отяжали слѣзьми очидцѣ у Катрѣ... Вона хотѣла щось промовити... Семенъ тихенько узавъ ёи за руку. Катря стоить якъ укупана.

— А ты за мною тужити-мешъ?

— Тужити-му.

— И по Андриѣвѣй тужити-мешъ?

Катря мовчить.

— Прощай, Катре.

Катря заплакала.

— Хиба тобѣ мене жаль?

Катря мовчить.

— Не жаль?

— Жаль!

И ще дужче вона заплакала. Семенъ обнявъ ёи рукою коло стану. Катря одвела его руку.

— Пусти мене, — я пойдю.

— Катре, постривай, не втѣкай такъ скоро.

Вѣнь узавъ ёи за руку. Катря зновъ почервонѣла якъ макъ. Товкаченко стоявъ мовъ несамовитый.

— Катре!

Катря тільки глянула на его. Товкаченко нахилився и тихесенько поцілував ёи у голову. — А вона, мовь тая дитина, пригорнулась до Семена, хотїла де-що сказати — склепилися уста дитячі; обхопила рученятами ёго шию крїпко-крїпко поцілувала — и якь божевільна побїгла у хату.

Товкаченко прикипїв на мїстї, — не побїгъ за нею. Вонъ самъ не тямивъ, що зъ нимъ робилось.

Ту адьч на улицї не бачили Семена, не було й Катря.

III.

— Старый!

— А гбу?...

— Чи Семену-пакъ буде годѡвъ зъ двадцять?

— А тожъ! розмовляли помѣжъ себе Товкачъ съ Товкачихою, у не-
дїлю сидючи за ворѡтьми на призьбї. А далї впать обоє змовкли. Товкачъ
сидить та палѡчкою по пѣску пише.

— Старый!

— Що я тобѣ казати-му....

— А нужъ....

— Чи не часъ намъ Семена одружити?

— А що съ того?

— Що! хйба вѡвѣ не такій якъ усѣ люде?

— Звѣсно, що не такій. Не те ёму одвѣку написано. Семенко — не-
крутъ. — Хйба кому дурно свѣтъ завязати? шкода!... нехай Богъ боронить.

— Та дежъ-таки видано, щобъ дитина до двадцяти лѣтъ дружини не мала?

— Нѣ, стара, грѣхъ одъ Бога, грѣхъ и одъ людей; утопити дѣвчину
можно, та якъ то на тѡмѣ свѣтѣ держати-мешъ одвѣтъ передъ Богомъ... Се-
менковї зъ роду-вѣку така доля выпала, а чужу дитину страхъ зарїзати...
Така моя думка.

Товкачиха важко зѡтхнула.

— И хлопья жаль, — промовила стара: бѣдна дитина шо-дня вбива-
ється, и Катря плаче.

— Катря?

— Та Солохѡвна жѣ, Ивановны дочка.... Сохне и матерѣ суше.

— А нашъ?

— И нашъ тежъ саме: хочъ у пекло, каже, та зъ Катрею.

Стара перехрестилась.

Товкачъ довго сидѣвъ смутный-невеселый.

IV.

Судили-радили Товкачї помѣжъ себе, гадали и се и те, казали Семен-
ковї, щобъ подумавъ — не губивъ дѣвчини.... Уже старый и сюди й туди

умомъ роскидувавъ, и до пань-отця ходивъ, чи не розсудить ёго Письмомъ Свѣтымъ да разумнымъ словомъ, навѣдувавсь и до бабусъ Затѣрки, — такъ нищо не помогло. „Коли,“ каже, „мене не ожените, самъ на себе руки подѣйму, бо мѣнъ за одно проплати.“ — Старый Товкачъ и погрозились бына сына, може-бъ то де-чимъ и полякавъ его, та самому жалъ було хлопця. Опе часомъ якъ побаче ихъ у-купъ на улицѣ, почуе якъ Катря шебече, — подбѣжить до Товкачовой призьбы, любенько поздоровляється — „живеньки-здоровеньки дѣлую зъ бабусею,“ то Товкачевѣ й руки опустятца. А ще до того й стара просвѣтку ёму не давала: стогне та плаче, та на свою долю нарѣкае, що ажъ нудга взяла чоловѣка, свѣгъ ёму немилый, и очи нѣ на що-бъ не дивились. Инодъ гримне на нея, а далъ мерщій за шапку, та й поїде до кума тугу розважати. Чого-то вже вони не перебалакають, сидючи собѣ у хололочку подъ повѣткою: и якъ-то теперѣчки усе на свѣгъ дѣтца не по божому, и якъ-то важко стало чоловѣковѣ хлѣбъ заробляти... и чымало де-чого було згадають та недобрымъ словомъ вомянуть. Ото воно наче трохи й полегша послѣ такои розмовы, бо се таки воно бачъ лучається, що коли вже чоловѣковѣ не-въ-силу тяжка доля трапится, то якъ побаче, що й кругомъ ёго кожне зъ своимъ лихомъ, якъ москаль зъ орѣжыямъ бѣдакѣтся, що кожному той хлѣбъ гѣркій та свѣй панъ важкій, — то нѣбы й те лишенько не таке досадне буде и геть-геть одъ сердца одкотится.

Опе такъ якось вернувь старый одъ кума, та й каже: „Посылаймо, жѣнко, старосты до Солошихи, — хай Семенко хочъ рокѣвъ зо-два поживе чоловѣкомъ, поки ёго у некруты не взято; а тамъ — що Богъ дастъ, — Его свѣта воля.“

Послано. Старосты вернулись зъ рушниками. — „Тѣлько, — кажутъ, — стара Иванѣвна дуже вбивалась.“

А Товкачъ и каже: „Що то вже тѣ бабы поваднѣ плакати! Ото й моя — скѣлькѣ тыжнѣвъ очѣ терла та хлыпала, що Семенко байдяки бивъ, а теперъ обидѣвъ, и моя й Солошиха, распустились, що дѣтей до-купы звели!“

А кушь: „Опе, якъ бы свѣтъ та на жѣнкахъ сговявъ,“ — каже, — „то бѣ чудасія выйшла.“

Нѣ въ кого жъ-то такъ ясно та тепло на душѣ не було, якъ у Катрѣ. Мовъ тая ясочка дивилась вона въ очѣ старѣй вѣнцѣ, розважала ёи тугу шебеганьямъ щирымъ, любою ласкою дѣтячою.

— Мамочко моя рѣдна, нене моя любяя! не плачте, не журѣтца, мамо.

— Якъ мѣнѣ, доню, не плакати? Болить мое серденько, — тымъ и плачу.

— Мамо! якъ-бы вы знали ёго, — мого Семеночка, — якъ бы вы тѣлько знали!!

— Знаю его, дитино моя, знаю, серденько.

— Нѣ, мамочко, нѣ, моя возуленьки! не того Семенка вы знаѣте...

— Годѣ дочю, годѣ-бо.

- А хибя жъ, мамо, вѣвъ не гарный?
- Та гарный (каже), гарный.
- Того жъ, мамо, я казала...
- Яка ты дурна, Катрусю, — каже Солошиха.

Ого мати наче трохи й повеселѣшала, пригорнула до себе дитину свою любу, ширѣ поцѣловала и перекрестила. — Катря хутненько побѣгла до комнаты, зачинилась тамъ, щобъ ёй мати не бачила, одѣкнула малевану скриню, и стала вбѣратись та радитись, мовь на Великѣ-день: и те примѣрае — скине, и друге надѣне, — подивится. та зновъ скине, буцѣмъ мала дитина цапцѣками грається, — ажъ втомилась: личко ёй розкрасилось якъ макъ у городѣ, очинѣ мовь зѣроньки сѣють. Тамъ кинулось до дзеркальця, що ще мати молодою бѣла вѣконця вмазала; подивилась, осмѣхнулась, — та й засоромилась... „Яка я гарна... Семенко правду каже.“ — А далѣ, дурна дитина, заразы и засмутилась, зѣдхнула тяженько-тяженько — и головку повѣсила. Чогось страшно ёй стало пѣсля такой радости, защемѣло коло серденька, мовь воно що не-добре вѣшувало. Катря мерщѣй на-вколюшки, молятся — сама не знае про що. та ажъ заплакала сердешна дитина. Чи молилась вона, чи такѣ, бѣдна, плакала, — тѣлько чути було — шептала: „Мати Божа! нехай не беруть москалѣ ного Семенка...“

Коли ось увбѣйшла мати — зыркѣ, ажъ дочка вже плаче. Хитае стара головою, та:

— „Дурна, дурна дитина,“ каже. — „Не плачь, доню: такихъ якъ оцѣ ты, безневинныхъ дѣтей, самъ Господь доглядає.“

V.

Справили весѣлья. Катря молодницею стала — и яка то вже гарна молодичка була!

Любивъ ёй Семенъ надъ батька и неньку; любила й вона Семена бѣльшъ усѣго на свѣтѣ. И шо то вже, Боже, за коханья було!

Не минуло ще либонь такѣ и пѣвроку, якъ отъ прѣйшла зъ Москвы бумага: „Очередный наборъ треба призвести.“

И призвели.

Семень Товкаченко бувъ на очереди. — „Твоя черга, Пилиповичу,“ каже десятникъ Товкачевъ: „благослови,“ каже, „сына...“ И Семена призвели, — узияи десь съ поля — оравъ съ братами.

— Благословѣть, панѣ-оче.

Благословивъ... пѣднялась рука! — — —

Забражчали важкѣ кайданы у хатѣ: закували Семенка.

Стоить батько середъ хаты, а самъ бѣлый, бѣлый, якъ крейда. Важко ёму на серцѣ, такѣ важко, такѣ важко — одинъ Богъ знае. Не сподѣвавсь на останку лѣтъ дождати сѣго. — — —

— Боже милостивий, — каже, та й заплакавъ, — старий батько заплакавъ!

У-перше Семент побачивъ, якъ батько плаче... Свѣтъ ему наче туманомъ заволокло, нѣбъ темно у очахъ стало, ноги ему затрусилась. Сементъ перехрестивсь, та: „Тату, каже, не вбивайтесь.“

— Бога вы не боитесь, Пилиповичу, — озвався кумъ, бо и въ его сердце надрывалось, дивлячись на такий сумъ та слѣзы.

А Товкачъ мовъ нічого не чує й не бачить: стоить, понурился своєю головою, а слѣзы ему, одна за другою, якъ градъ на помѣстѣ капаять. А далѣ й промовивъ: „Дежъ,“ каже, „мати та Катря? Вони може не знають, що въ насъ робится.“

Катрѣ таки не було дома — пошла до матері навѣдаться; старои тежъ не видно у господѣ. Може й справдѣ нічого не знають.

Отъ и каже десятникъ: „Чи не часъ бува, Пилиповичу, до канторы рушати, — а то начальство гнѣвати-мется. Чуєте бо, Пилиповичу?“

Пилиповичъ нѣ пары зъ устѣ.

А той: „Ходѣть,“ каже, „панъ оче: може бува зайдете до церкви — помолитесь.“ — Шкода! — озвався Сементъ.

А батько нѣбъ прокинувсь та й каже: „Схаменись, сынку. Не гнѣви Бога: теперь твоя молитва доходивша до Господа.“

Отъ и пошли до церкви — а люди дивлягся, та плачуть, идучи за ними слѣдкомъ. — Идутъ такъ, та плачуть, — коли якъ закричатъ: „Лишенько жъ наше! то Катря бѣжить...“ А вона, Боженько мой милый! бѣжить якъ несамовита, мовъ нічого не бачить и не чує. Люде розступились. Вона до Семенка, та такъ и повисла въ его на шию, такъ и обомлѣла, и не плаче — хочъ бы тобѣ слѣзничка. Вѣнъ стоить тѣ трусится, а самъ бѣлий-бѣлий, якъ мертвецъ.

— Катре, — каже...

— Охъ, Семеночку! тебе берутъ!

— Беруть, матѣнко, — каже, та й обнявъ ёи, а вона заплакала, да такъ же гѣрко да невгѣшно, що Господи! На що вже старий десятникъ — не одну дитину на своѣмъ вѣку довелось одѣрвати одъ матері, — и той стоить та кулакомъ слѣзы вѣрае: „Оце, гаспидьска муха,“ каже: „якъже жъ жалко кусається!“ — а въ самого слѣзы тѣлько капъ, капъ, — десь вража муха саме за око вкусила...

Катря жъ, зний, плаче та обнѣмає Семена. А тамъ незабаромъ и деяки жѣночки заголосили, а за ними дѣти — то такий плачъ поднявсь, що ажъ сумно стало.

Сементъ и каже, якось гѣрко всмѣхаючись: „Не плачь, Катре, — салаткою будешь.“

Такъ его й привели до канторы.

VI.

А скільки-то тамъ було такихъ же, якъ ото Семенко, вязнівъ; якій-то тамъ гомонъ та галасъ, старе й мале, матері та дѣти, — плачъ та сумъ такий, шо Господи! И ніхто жъ то такъ не плакавъ, якъ тѣ матері. Молоде поплаче та й вѣшнтся, бо ёму ще надѣя зосталась: „Хочъ калѣкою колись, на деревяницѣ,“ думаетъ, „вернется до насъ роковъ черезъ двадцять, то все таки побачимо,“ — а старому — де вже пережити сін двадцять лѣтъ? Тымъ и вбиваються такъ матері, тымъ и плачуть.

Чи скільки тамъ тыжнівъ зоставались дома новобранцѣ, а треба було рушати до города. Припасли грошей одатчики. Пошили хлопцямъ кожуи нові, теплі, а де-які й нанкою або китайкою крыті; перевязали ихъ стрѣчками та хустяцями червоними, — да такъ, у пахмурній да холодній осѣній день, и стали выпроважати. -- Шо Боже мій! скільки міру рушило проводити ихъ та попрощатись геть за слободою, бо у кожного було свое, котре йшло у дальню незнаему сторону. За батьками та матерями уся дѣтворя высыпала. Одно кричить: „дядьника! якъ будешъ салдатомъ, приносъ менѣ яблучка;“ друге: — „братьку, вертайся икъ Рѣзаву або къ Великодню: у насъ тогдѣ корови отедитя и молочко буде;“ — трегье — „Василечку! зарѣжь скорѣйшъ Турка та приходъ хутко до дому, щобъ мати не плакала.“

А матері плачуть, плачуть!

А новобранцѣ, де-які молодші, которі нічого, окрѣмъ дѣвчатъ, не зоставили на родинѣ, йдуць по переду та голосно, голосно спѣвають:

Ой Боже мій, Боже, на шо я вродився?
 Кѣнь вороний, самъ молодий, та ще не женився!
 Треба менѣ, дѣвчино, матері спитати:
 Чи зведить мати коня продавати? —
 Не звелала мати коня продавати,
 Та звелала мати въ походъ выступати....

А матері такъ до нѣгъ и припадають та голосять, мовъ у домовину сибѣ опускають. И дѣвчата змовкли — не хихикають: одна бупѣмъ по дявливѣ тужить, шо горѣкъ вмерла; у другои очницѣ красній сусѣданной тѣгки жалко. А некруты голосно, та жалбно спѣвають:

Иди смну, за рѣднее братья,
 Дадуть тобѣ, смну, салдацкое платя;
 Иди, смну, за рѣдну дитину,
 Дадуть тобѣ, смну, салдацку ружину;
 Иди, смну, за рѣдну сестрицю,
 Дадуть тобѣ, смну, салдацку муницю.

А якъ выйшли геть за слободу та зближились до „прощальной могилы“ (бо у тїей могилы кожде було прощается зъ родичами, якъ коли выражають хлопцѣвъ у присуствїе, або хто йде въ городъ у судахъ тягаться), — якъ сближились до тѣй могилы, помолчались, стали опрощеья брать, — то вже

нѣбы й плачу не чути було, — така смута та-жаль мѣжь народомъ стала, що Мати Божа!

Попростились. Де-якй пѣйшли зъ хлопцями до городу, а другй вернулись до дому.

У слободѣ такъ-то сумно та невесело стало, — хочъ и не чути вже того плачу.

Катря пѣйшла за Семеномъ

VII.

И поцовешталась же сердешна Катря, чужй пороги оббиваючи та свою долю гѣрко проклинаячи.

Сказали Семенковй „добрѣ“, и стала Катря салаткою.

Що-ранку ходила вона дивитись на муштру, не такъ на ту муштру, якъ на Семенка, и немало ёи сераенько переболѣло, дивлячись на се муштрованья — така мука, — здавалось ёи, — що борони Боже! — Оце по-становлять ихъ лавою, а вони, соколики, стоятъ не живй, не мертвй. Ого старшй и почне ихъ рѣвняти, — а самъ сердитый, розсердитый та страшный. Господи, поки-то навчати ихъ ходити по московскй — щобъ-то й руками не махати и пѣдъ ноги не дивитись!

Семеновй Товкаченкову (се бачъ Товкаченко ставъ Товкаченковымъ) давъ Богъ груди высокй, — то оце коли старшй порѣвняе москалѣвъ, самъ и зайде зъ боку, дивится, та було оце й крикне: „Товкаченковъ! ховай груди... флангового не видно“, — той и посулится назадъ, щобъ грудей не було видно, та такъ и голову нехѣтъ схова за другого. А той зновъ: „Поддай“, гука, „голову до линй!“ — подасть голову, а груди собѣ внятъ упередъ выльзуть.

Якось вѣнъ разъ дуже сильно розлютовавъ, — такъ, що й не привела Господи! Разѣвъ шѣсть зачинавъ муштру, рѣвнявъ плечй та выпрямлювавъ ноги, а далѣ принявъ упять за Семенови груди — ажъ! скавучить. Що Боже мѣй милостивый — — — Сердешный Семень не встоявъ на ногахъ, упавъ.

Катря якъ кинется туди, якъ заголосить: „Паночку-голубчику!“

А вѣнъ и зопинивсь, та: „Хто смѣе нарушати порядокъ? Чого тобѣ треба?“ пытається.

— Семеночку... се мѣй Семенко! — каже вона, гѣрко плачучи.

— Се твѣй мужикъ? — зновъ пыгається, а въ самого очй такъ и загорѣлись, якъ у kota на сало.

— Мѣй, паночку.

Той нѣбы трохи втѣхомиривсь, та й каже: „Не плачь, душевѣка...“

Катря ему въ ноги: „Спасибѣгъ“, каже, „паночку;“ а той пѣднявъ ёи, та й заказавъ у-друге кланятись. „Коли“, каже, „твѣй чоловѣкъ слухати-ме муштры, то й кланятись не треба, бо я такй же чоловѣкъ, якъ и ты.“

Катря подивилась на ёго, та й нічого не сказала.
А Семень стоить блѣднѣй-блѣднѣй.

VIII.

Перебули вони такъ тыжнёвъ съ пять чи шѣсгъ у тому городѣ, та будцѣмъ трохи й попривыкли, — тѣлько часто згадували про свѣой рѣдъ и слободу, де росли й любились, де кожне ихъ знало и кожного вони знали. Часомъ було потужать, потужать, а Катря й поплаче нишкомъ, — то Семень ёй розважае, або вона ёго, якъ коли прійде зъ муштры смутнѣй та невеселѣй. Катря наче трохи зъ личка спала, а все жъ таки була гарна-розгарна, — ёй и Семену на горе....

Одного разу, надъ вечѣръ, сидѣть вони собѣ двѣйко та-такп журятся, коли у хату ввѣйшовъ леньщикъ, звычайно помоливсь та й позвавъ Катрю сорочки шити.

Довго отмовлялась Катря, казала, що не здужае и не вмѣе, а той приставъ, й мантиь та й мантиь ёй. Пѣшла сердешна. „Тѣлько, будь ласкова, моторишъ одягайсь,“ додавъ.

Одягається Катря, а у самой руки й ноги трусяться. Семень мовчить, не смѣе й дихнути, а коло серця мовь отрутою, палить такъ важко!

Одяглась Катря, попрощалась зъ Семеномъ, а сама холодна-холодна.... Семень ледве промовивъ: „швидче, любко, вертайся,“ та й свѣвъ на лавку, мовь пѣсля тяжкои працѣ заслабъ.

Переждавши такъ чимало, посумовавши, бачить — не йде Катря; погодивъ ще трохи — нема, мовь у воду впала. Вѣтъ и пѣшовъ такъ якъ бы супроти пѣвночи: „може,“ думае, „чи не зустрѣну де на дорозѣ.“ Выйшовъ на улицу — темно, холодно. Сухій та рѣзкій вѣтрець де-не-де свѣжокъ по дорозѣ зривае та крутить, а нѣ души людської не чути, тѣлько нѣбы Богъ зна звѣдки по вѣтру доносить, якъ собака у-ночѣ гавкае. Горолокъ маленькій усе спить. У-горѣ нѣ хмарки, нѣ мѣсяця, — тѣлько зѣрочки далеко у небѣ блимають: В ѓ зъ ставъ супроти пѣвночи; надъ хатами Чепѣга выяснилась.

Сумно у холодну нѣчь одному на улицѣ та ще въ кого журба пекуча. Усюди тихо якъ у домовинѣ, такъ тихо, що чути, якъ сердце колотится. Довго стоявъ вѣтъ на улицѣ якъ знавѣснѣлѣй; десь, десь на церквѣ, годинникъ прозвонивъ перву годину, — а Катрѣ нема та й нема. Ажъ острахъ обнявъ Семена.

„А може вона дома, — мене дождае,“ дума Семень, — та мерщѣй й побѣгъ до себе на квѣтирю.

Нѣ, не верталась Катря!... Такъ и нѣчь перейшла.

У досвѣтку вже вернулись вона, та на Семена й очей не зведе, — упала на стѣлъ — а сама плаче-плаче....

IX.

Саме під Різдво казано новобранцям у походъ выступати. Дали имъ казенну одѣжу — одягли й обули якъ слѣдъ велить. Сѣрй шапочки й свиточки та абы-яки чобѣтки — Богъ-зна-що, каже Катря: и холодно и узько, и мало и коротко.

Налагодилися у дорогу й Товкачєнки, а сами якъ у воду впущєны: де то дѣвалися Катрини жарты и смѣхи, скоки та свѣванья? Усе мовчить, не наче єм зиворожено. И Семень ставъ не той, якимъ колись єго люде зазнали, а найгѣршъ съ того часу зажуривсь.

Зѣбрали свою худѣбоньку — сорочечки, та хусточки, незбѣлшъ того якъ у згйвого цигана; помолились, написали листъ до своихъ у слободу, що оттакъ и такъ, тагу та мамо, выходимо до вѣйска, — та й рушили ранкомъ изъ города. Заверюха тава, що й свѣгу божого не видно... Якъ-то вже перемаались сонн пѣлий день, а нагдъ вечѣръ підъ Різдво, саме годъ, якъ кутя стоить на покутѣ, свнцемъ обложена, — увѣйшли у якась людне та багате село, що на шляху стояло. Розвели салдатѣвъ по дворахъ, и нашихъ постановляли до якихъ-сь добрыхъ, богобоязнихъ людей: — що то вже за щира та прїзна дѣмья!

Привѣтали Катрю якъ рѣдну дитину и до Семена були такй-то ласкавй та добрй: не знаютъ, куля й посадити, якимъ словомъ распытати.

— „Та яка жъ молоденька!“ каже стара бабуся: „звѣдки, добрй люде?“ пытається.

— Зъ Уласѣвки, бабуся, каже Катря.

— Чула, чула про Уласѣвку, моя рыбка. — А далеко!

— Далєко, бабусе.

— А се твѣй чоловѣкъ? друге пытається.

— Чоловѣкъ, тѣточко.

— „Охъ, лихо, лихо,“ каже бабуся: — „здаєка: та якйжъ то ще молоденькй обое. Огъ и въ мене Йвасичокъ дєсь на чужинѣ бѣдкається: рокѣвъ зо три вѣсточкы одъ єго немаемо... охъ, лихо, лихо! А то де-коли було й пише, — плачєтся на насъ, що оддали. Та якъ єго не оддаси, коли панъ велить? Се вже такъ намъ, чорнымъ людамъ, дєсь на роду написано, щобъ чужй слѣзы ковтати.“

— „Про се й я такъ, бабусе, думю,“ каже Катря: „та нйчимъ по-собити.“

— Нйчимъ, моя рыбка, нйчимъ, бо такъ воно зроду-вѣку ведєтся, —
— Усе отъ Бога, моя рыбка, — нйхтѣ єго писанія не змѣнить. — Отъ хвѣа чи не...

— „А дѣтей, бабуся, нѣхто жъ не ѣсть?“ пытаеця маленькій хлопчикъ, лѣтъ шести, що слявѣвъ собѣ у запѣчку та слухавъ, якъ бабуся розмовляла зъ молодичею. — „Адже-жъ людей, бабуся, не ѣдять?“

— Нѣ, мое дитятко, не ѣдять людей; а коли дитина неслухняна, то заразъ яга-баба у ступку посалагы.

Хлопчикъ сховався ще дальшь у запѣчокъ. А баба зновъ за свсе:

— „Охъ, лихо, лихо,“ каже: „оце мы усе журимось, що Йвась лавно не писавъ. Де вѣдъ, що зъ нимъ, нѣчого не знаемо: може хворый ле-не-будъ лежить, або на войнѣ вбито, то й поховати нѣкому... А чомъже мы своихъ любыхъ гостей не нагодуемо? Часъ вже вечеряти и кутю на стѣль ставити.“

Повечеряли. Горлива бабуся, якъ матчѣнка рѣдна, годила дорогимъ гостямъ — „и сѣго побъте, и тото покуштуйте,“ — тѣлько й чути, якъ стара лепече.

Скоро дѣвора полягала спати, а Семень зъ мужиками вийшовъ у другу хату опочити; невѣстки посѣдали за гребнѣв куделю прѣсти и стара зъ Катрею коло ихъ притулилась... И довго ще чути було, якъ веретена у хатѣ сюрчали, а бабуся зъ Катрею тихенько базѣкала та здыхала. А на дворѣ мете та сыпле такє, що Мати Божа!

— „Охъ, лихо, лихо,“ каже бабуся: „се бѣ то менѣ, молодиче, здаеця, що твого чоловѣка журба сушитъ: десь тужитъ сердешный по батьковѣ-матерѣ.“

— Такъ-то тужитъ, бабусенько, що дивитись на єго — такъ уся душа переболить... Отъ и въ мене зосталась стара матѣнка, одна нѣть персть, а все жъ то будѣмъ я не стаю жалкую та вбиваюся: оце коли дуже тужко стане на серцѣ, помолюсь, подлачу, то нѣбы й полегшає. А вѣдъ усе журится, усе журится.

— „О, лихо, лихо!“ каже стара, зѣтхнувши: „якъ-то чудно оце на божему свѣтѣ ведеться, коли подивлюсь. Люде-то хочъ и кажутъ, що у старовину було лучче жити — нѣ, не вѣрь, моя дитино: отъ уже девятый десятокъ очами на божий свѣтъ блимаю, а менѣ здаеця, що вѣдъ усе такий. „Батьки,“ кажутъ, „плакали у жменю, а дѣти — пригоршнями; батькѣвъ бито стоячи, а дѣтокъ и въ-лежку бьютъ...“ Охъ, лихо, лихо... Та може я тебе зтомила, молодичко: ты бѣ спочила трохи, бо може завтра мясь погонять, и не розговѣтєсь“.

— „Спасибѣгъ вамъ, бабусенько, за вашу ласку,“ сказала на се Катря, помолилась и лягла спати... та шось довго не спалось. Добры люде та ихъ щира ласка збудили Катрине горе. Усе тодѣ згадалось — и стара мати, садокъ коло хатки, и весѣнна нѣчь, єи дѣвованнѣчко, весѣлья, и муштра... Господи, такъ и згорѣла, якъ згадала єго.

X.

Чи довго, чи коротко вони тамъ плентались по бѣлому свѣту, сего не скажу, — може рокѡвъ зо три й буде; тѡлько Семень скоро Богу душу отдавъ: усе кашлявъ та хорѣвъ, до-того звѣвъ, що було намуштрѣ й ружиною не здужае брязнути. Усе ёму щось у грудяхъ болѣло. Було лѣкарѣ и лѣчать, и мятою наповаютъ, и бузиною, и липовымъ цвѣтомъ, такъ нѣщо не помогло. Кашлявъ, кашлявъ, та такъ весною объ теплому Олексѣвѣ и поховали ёго. Тымъ часомъ, тыжнёвъ за чотыри до ёго смерти, Катря привела дитину, — хлопчика Богъ давъ. А якъ умеръ Семень, то вона й загадала вернутись до дому. Узяла свого Пилипка, обгорнула свитиною, та саме у великодну субботу и вийшла ранкомъ изъ города, где ихъ полкъ стоявъ.

День бувъ теплый та ясный. Травка чи всцѣла-то й выткнулись изъ земли, а вже степъ зеленѣвъ, и вербы набростались. Надъ шляхомъ, високо, якъ паукъ, снуе жайворонокъ, весну стрѣчае, гнѣзда пѡдъ былинною шукае. Сонце такъ грѣе, що буцѣмъ видно, якъ травка сама до ёго тягнется зъ вохкою землѣю, густѣе та могилки вкрывае. И Катрѣ полегшало.

Чи скѡлько тамъ вона йшла, а поки, лиха не бачила. Сумно, було, и страшно стане середъ степу; округи тѡлько небо, та сонце пече, та могилки стоять по полю розсыпаны, а тутъ инодѣ шляхъ перестрѣчаютъ други шляхи, або дорога розходится, вона й не знае, якій шляхъ до дому доведе: то було, постоятъ, та й вѡзьме на ту дорогу, яка найбѡльшь верне на-скѡдъ сонця, або бѣжить до якого близького жилья. Инодѣ хто перестрѣне, чи обгонить, Катря спытае про шляхъ, то було добри люде й навчатъ. Часомъ бува притомится йлучи, сяде собѣ ле-небудъ у холодочку, коли трапится, пѡдъ дубкомъ коло якои гребельки, чи бѣля чумацькои криницѣ, або й такъ въ степу пѡдъ могилою, — нагодуе Пилипка, то й спочине. Ночувала инодѣ въ по-дорѡжныхъ селахъ, а часомъ трапилось й у подѣ въ пугаторѣвъ, якъ нѡчь середъ степу застагне. И на чужинѣ не безъ добрыхъ людей певне мѡжъ простыми та бѣдними.

За тыждень добрела Катря до якогось незнамого города. Городъ великій та гарный. Ще звѡдки чути було, якъ по церквахъ у дзвонѣ дзвонили, бо вечѣрна служба йшла. Увѡйшла Катерина въ городъ, та й сама не знае, де ёй дѣтись, бо тымъ часомъ смеркалось. Вона до якогось маленькои хатки — пѡдѡшла, та чуе, що гомонять, и каже:

— „Помагай-бѡгъ, люде добри: пустѣтъ странну у хату переночувати“.

— „А ты хто така? пытаются.“

— „Салдатка,“ каже: „мѡй чоловѣкъ умеръ, то я оце зъ дитиною до дому йду.“

— „Ә, шкода“, кажутъ: — „салатка, та ще десь зъ байстриаъ?“

— „Нѣ, люде добрѣ“, каже Катерина, та й засоримилась, а въ самомъ на серць стало тяжко, що Господи!

— „Знаемо мы“, кажутъ, „тыхъ салатокъ, якѣ вони есть. Иди геть одъ нашихъ ѳконъ.“

Пѣшла Катерина одъ тыхъ ѳконъ, слѣзы ковтаючи, — та до другихъ:

— „Добрый-вечеръ“, каже, „люде добрѣ: чи не пустите Христовымъ нямѣ убогу переночувати?“

— „А звѣдки ты, молодежи?“ пытаются. Та якъ почувли, що вона салатка, то заразы и обзвали негожимъ словомъ, урѣкаючи, що вона зъ себе вродлива та чорная, та ще й молоденька. —

„Иди собѣ, любко“, кажутъ, „до вишихъ.“

Ничого не сказала Катерина, — тѣлько большъ уже до ѳконъ и не пѣходила. Треба було десь пѣдъ тыномъ ночувати — и переночувала: такъ, зъ лѣтнюю на рукахъ, и заснула.

XI.

Сказано: „На кого люде гомонать, на того й свинѣ хрюкають.“ Такъ и Катрѣ. Не вспѣла вона очѣ протерти, якъ ось иде по улицѣ чоловѣчовъ, самъ мерзеныи, мѣдяни гулзники, на шапцѣ бляшка зъ доброго семигривечного. Пѣзнала Катрѣ, що воно таке е, та дуже злякалась, бо чувала одъ людей про якихъ гайдамаковъ, що по судахъ пишугъ та людей до смерти записують, — а се жъ вѣтъ и бувъ.

— Якого бѣса ты тутъ по-пѣдъ тынью валаешься? Що ты таке есть? пытае ѳн.

— „Я салатка, пане; иду зъ лѣтнюю на свою сторону.“ А сама боится, що Господи!

— Салатка. . . гмѣ. . . а билетъ маешь!

— „И билетъ, пане, маю“ каже.

— А ке ѳго сюди: — подивлюсь, чи твоѣ то билетъ?

Подала ѳму Катрѣ билетъ, а у самой руки й ноги трусятся — такъ-то боязно. — Ставъ вѣтъ той билетъ прочитувати, а самъ усе на ней очима скидае та щось собѣ шепче: „росту середнего“, каже: — „таакъ, невеличка; волосы темнорусны: — таакъ, чорная и гарна; пѣлбородокъ круглый: — гмѣ, недуже круглый! . . . Та се не твоѣ билетъ“, каже: „ты ѳго вкрала.“

Катрѣ ажъ похолонула. „Нѣ, паночку“, каже: — „нехай мене Богъ убье, коли я ѳго вкрала. Се мѣй.“

— „Школа“, каже: „тутъ прописано, що пѣлбородокъ круглый, а въ тебе острый, — га?“

— „Нѣтъ-бо, паночку: далѣбѣтъ я не вкрала. Оце я схудала трохи высохла, тымъ и борода остра стала.“

— „Овва! высохла. . . такъ бы й прописано було, що высохла; а то бачь пише — кругла — Ты, я бачу, бродяга, безъ письменного виду. Тебе въ турму треба посадити“.

У Катрѣ руки й ноги одвѣлись, побѣзѣла, якъ ряно, стоить и очей не зведе. А той и каже: „Жалко менѣ тебе, молодежи, отъ якъ Богъ святъ, жалко, — та що маю робити! Служба — святе дѣло. Отъ колибъ у тебе були гроши, то я бъ попрохавъ начальство, щобъ тебе у турму не садовили.“

— Охъ, паночку! а скількô начальству треба? може въ мене й достане.

— „Та скількô? — такъ й не мало. Якъ бы ты була безъ дитини. . . а то й цѣлкового намадъ. Служба — святе дѣло. . . Хиба цѣлкового та семигривенного: — я добрый чоловікъ, обороню тебе передъ начальствомъ.“

У Катрѣ й на души polegшало, що доброго чоловіка знайшла — заразъ ёму у ноги. „Спасибôгъ вамъ“, каже, „паночку, за вашу ласку“. Вытрусилла изъ калиточки того цѣлкового, знайшовсь и семигривенный. А той — такій добрый, та ширый, — узявъ та ще й дякуе: „спасибôгъ тобѣ“, каже, „молодице: теперъ иди зъ Богомъ, та нічого не бôйся.“

— Чимъ же васъ, паночку, дякувати? пытається Катря.

— „Мене Богъ наградить“, той каже. Съ тымъ и повѣявъ собѣ геть по улицѣ.

Перехрестилась Катря, и пôшла своєю дорогою: „Отъ же,“ думаетъ: „и въ городѣ знайшлась душа щара та богобоязна. Якъ бы бôльшь такихъ...“ А ихъ и такъ доволѣ. . .

- XII.

Довго йшла Катря, бо не близько була та Уласôвка. Притомилла нôженьки бѣли; натерпѣлась лиха й сирому, а бôльшь тымъ, що була салатка, та Бога боялась.

Коли якось у ранцѣ забованѣла геть-геть въ степу „прощальна могила“, замиготѣли въ очахъ хатки бѣли й зелені вербы знаёмі. Се жъ и була Уласôвка.

Згадала Катерина про Семена, и гôрько заплакала.

Дôйшла ото вона до могилы и сѣла спочити та дитину погодувати, бо хочъ и близько вже було до Уласôвки, та вона дуже втомилаась. Коли ось пауть шляхомъ, до Уласôвки жъ, який переходжъ: бабуся, старенька, а зъ нею дѣвчина, йдуть и помѣжъ себе тихенько розмавляють. Зближились до Катерины и „добрый-день“ сказали.

— „Спасибôгъ, люде добры, каже Катря: чи не въ Уласôвку Богъ несе?“

— Та въ Уласôвку жъ.

Тутъ стара стала пыльно придивлятися до Катрѣ, а дагъ й каже:

— Колибъ, молодежи, не опознаться оце на старости дѣтахъ. Здається менѣ, що ты Катря Солоховна, покойной Ивановны дочка?

— „Та Солоховна жъ була. . . А хибѣ моя мати вмерла?“ пытається, а у самы й дитина трохи зъ рукъ не выпала.

— Умерла, дочко. Ото то-рѣкъ, саме подъ Пречисту, поховали, нехай перствуе. А якъ по тобѣ моя голубочка вбивалась. . . .

Катря гѣрько, гѣрько плакала.

— „А дежъ твоѣ чоловікъ?“ пытають.

— „И Семена поховала,“ каже Катря, а сама плаче, плаче. . . .

— „Нехай ему земля перомъ: тамъ, може, лучче буде,“ каже бабуся, и перекрестилась, а дѣвчина, що була зъ нею, й заплакала. — „Годѣ тобѣ, доню, плакати, годѣ, серце. . . . Се, коли зазнала, Ясирубенкова дочка: ту весну була засватана, а ото у осени и ѣи жениха узято до муштры, такъ оце й ходили у городъ, — я — угоднику помолитись, а вона хлопця навѣдати. — Охъ, лиха година та несчастлива. . . Ходѣвъ, Катрусю, и ты зъ нами, вже недалечко. — А сежъ твое?“

— Мое, бабусе.

— А скѣлькѣ ему?

— Оце вчора третій мѣсяць пошовъ, и Семеновъ вже другій буде.

Прійшли въ Уласѣвку. Тяжко стало Катрѣ, Боже, якъ тяжко. Хочъ усе було нѣбы по старому, и левада съ зелеными вербами, и ставокъ, и липа кучерява бѣля церкви, и той садокъ, де уперве съ Семеномъ спѣзналась, — та на серцѣ вже не по-старому: сумъ та жаль такій, що, Господи, якъ важко!

Свекѣръ прийавъ ѣи до себе. Жила вона въ ѣго, а все така невесела. Товкачъ було частенько ѣи про Семена роспытуе, про муштру, про звичай салдацьки, про панѣвъ; а самъ, якъ хмара, сумный, сумный. Катря було плаче, якъ розказуе ѣму про все, що бачила, а старый мовчать, тѣлько слухае та шнодѣ головою хитае.

Такъ до смерти й осталась Катря салдаткою, а Пилипка дѣти звали салдатенкомъ, и мовъ цурилась.

Такій случай!

Д. Мордовцевъ.

(Украинска повесть Ф. Вернивова, начата во II. выпускѣ „Галичанина“ подъ заглавіемъ: „Пронаци люде“, прекратилась зъ powodu, же авторъ ея, сосланный въ Вологду, не змогъ прислати намъ ея доконченія. Для выполнения сей части избрали мы повѣсть Д. Мордовцева. — Прим. Изд.)

РОЗМОВА съ АРМЯНИНОМЪ.

(Изъ „Сборника фотографій гумористичныхъ и негумористичныхъ.“)

Розмововъка моя, прекрасный трупъ нсъ біючимъ пульсомъ и здорово отдыхаючими грудьми, сидитъ собѣ передо мною у фотелю и куритъ папѣросы. Онъ выгядае якъ яструбъ, якъ египетска Исисъ, або якъ человекъ звичайный нсъ отличнымъ носомъ. Онъ е Армянинъ въ полномъ того слова значенію... прихѣтрикъ хорошо удалый... мясистый, пульхный, кучеравый, и шобы не одна рѣчь, мѡгъ бы онъ прогопозомъ роду своего бути. Повѣтрѣе европейске, вѣрне централистичной засадѣ, зробило изъ чорного бѣле и осадило бѣлавый якъ яйце овалъ у рамы чорного волосья; противно же духъ европейскій, котрый ся бачу нсъ людьми по-людяному обходять и каждому слободу морального бытія лишае, не змінивъ донинѣ ничо у тѣсныхъ кастовыхъ понятіяхъ оріентального пришельця. А такъ оказался впливъ повѣтрѣя сильнѣйшимъ отъ духа Европы, — по може бути, якъ де-яки человекюлюбци розказують, що абы щось нсъ кѣмъ зробити, потребуе духъ европейскій приэзныхъ доколячностей. Втогда бы мы и не виновали его, бо не-то найнеутральнѣйша яка муха, бревъкаюча яку слободну пѣсеньку благобытію своему, але самъ букварь рускій, содержащій въ собѣ человекюлюбну науку о обовязкахъ подданныхъ; медви що ся поваживъ залетѣти у тотъ зломшца феодализму, где царствовала якъ исторична Фея реченна наша розмова вразъ съ ей подобными середъ злободышущихъ великанѡвъ, якими були нагай, атаманы и мандаторы... щожъ допѣро той духъ европейскій, такій загорѣлый и рѣшительный партизанъ просвѣшенія и бѣдныхъ рабѡвъ?!

И ось кажу я разъ до той моеи розмовы, переѣхавшися съ мною крашновъ порабощенновъ, такъ:

„То благородный, сочувствуете надъ недолею бѣднаго народа?“ Не знати, що онъ тогда чувствовалъ, найпевнѣйше огромну ненависть до мене, шомъ ся поваживъ пугати супокѡй его такимъ страшнымъ призракомъ, якимъ е народъ нашъ не токмо для Польши, но и для прочихъ людей, звязанныхъ нсъ нею солидарностію интересовъ. До той ненависти мавъ онъ собѣ для сатисфакціи сердца своего еще щось бѡльше почувствовать, на прикладъ щось о Голиатѣ и Давидѣ; я чувъ горяче и прудке сапанье у грудехъ его, я бачивъ, якъ звѣзды у очахъ его кружили высоко надо мною, а чувъ у собѣ мадѣськое и смиренное содержаніе муки, а даже бувъ нею у атмосферѣ, где онъ якъ досвѣдный яструбъ кокошился.

Но онъ таки все мовчить уперто, зѣваючи прекрасни клубы воинного дыму ротомъ и носомъ. А я пригадавъ собѣ, шомъ колѣсь учився у фанциѣ, що мраки и дымы прудкѡсть акустичныхъ филъ спиваютъ; отжежъ я забро-

дивъ таки заразъ рукою у дымъ, при чѣмъ на вѣки вѣчны забудь застосовати замахъ руки моею до его носа и... я омазавъ дѣломъ сей расовый неогродокъ.

„Ова... гмъ... тѣу...“ заворкнувъ ѓнъ: Тяжъ то вѣдай не настали еще часы совершенного рѣвноуправненія.“

Я бувъ побѣжденъ... совершенно побѣжденъ! Я чувствовалъ невинность его, я бувъ свѣдомый преступленія моего, а зъ сердца моего выскочивъ свѣдокъ, котрый все противко мене свѣдчатъ — встыдъ, и мене зъ горь: О ты неграбный вымахай-рука... дажь ты не мѣгъ пристойвѣйшого употребленія зъ физичного правила зрѣбити? Тыжь не знавъ, чога суть таки люди, котрымъ наветъ нехогачи пригадувати не можна то, чога они не любятъ?

На сию послѣдну увагу встыду моего мавъ я дещо примѣтити, однакъ не було часу на то: передо мною сидѣвъ грозный неприятель рѣвноуправненія, а сидѣвъ ѓнъ на такихъ самыхъ физичныхъ правилахъ, що и я, и вѣтый у ту саму терпашу и болящу чоловѣчу скѣру, що и я, хотяи впрочемъ праведный Montesquieu изнягѣ робитъ що до нашої руской скѣры и каже, що острый климатъ полуночный такъ притупилъ намъ нервы, що можъ намъ даже безъ великого болю скѣру изъ хребга дерти.

Правда, що дерли и друтъ; покойный мыслитель мавъ дещо о подобныхъ операціяхъ у давной Польщи зачуги, але чи ти притупленны нервы тое безъ болю зносили?... о, покойный не бувъ николи на рускихъ ланахъ, где такое множество слезъ и крови изъ земнымъ порохомъ помѣшалоса.

„О выбачайте благородный!“ — кажу я — „выбачайте; во истѣ не настали еще времена совершенного рѣвноуправненія, бо... бо...“ говъ!.. прръ!.. и не мѣгъ бѣльше казати. — Я хотѣвъ щось страшно непристойного сказати, я хотѣвъ речи, що нема еще рѣвноуправненія, бо ся коротки носы изъ долгими мѣрйти не смѣють. Мое счастье, що не бувъ я рускимъ ксьендомъ тогда, и що не связавъ я таке огромне дурачество. Бувъ бы я вже безъ презентъ усю Галицку Русь спутешествовавъ и на Всенощномъ змировавъ, бувъ бы десь подъ якимъ Бесквдомъ сидѣвъ страшно-романтично якъ Уголино, або... га... Духъ св. изъ нами... де може вже на Подольскихъ рѣвнинахъ струями пивъ ласку магнацку и политичну отраву, не насыщонными устами якого розгад-ного?! Кто знае?... кто знае?... бувъ бы я ся може уже перекинуть у таке совершенне естество и просивъ добрыхъ и совѣстныхъ людей: „Будьте ласкави, та не смѣйтеся изъ мене, бо смѣхъ е наибѣльша кара на мене сороку у павинныхъ перахъ.“...

„Ага... апропо!.. Вы пытали мене перше щось за... за... народъ... гмъ...“ казавъ побѣдитель мой зъ крѣсла.

Духъ вступивъ въ мене... мой соперникъ вымовивъ слово „народъ“, якъ на него, досеть гладко. Затявъ ѓнъ ся бувъ вправдѣ трохи, заки ся мовни его органы ѓтважили вымовити тото слово, котре у чувствахъ и понятіяхъ

его лежало не яко полний и управненный народъ, але яко статистична табеля рукъ, силъ, имѣнія и скѣры его. Но щожъ, тра було и се приймати, мѣркуючи, що волка говорищого о ягнятахъ, страшный кашель нападае.

„Я“ — кажу — „пытався и не пытавъ благородного мого, а властиве пытався я самъ себе, чи е то вѣроятно, щобъ наветь и Вы такой честный а славный Панъ чадъ недолею народа сочувствовали?“ При тыхъ словахъ учинився я такой солодкий гей макухъ, щобы ся королева насампередъ трохи пообзирала, нѣмъ мене зѣвсть.

„Хорошо“ каже онъ, а рисъ якогось — незнати ѓски — терпѣнья упавъ на его лице. Ись тымъ выглядывъ сердешный ложно, такъ ложно, якъ лицаръ любви, шо до мѣсяца присягае а на сонце ся дивить. „Хорошо!... кажугъ люде, щосьте трохи свѣтлый человекъ, я не розумѣю, якъ... то...“

„Вы не розумѣете, якъ може ся свѣтло у повседневной свѣточцѣ мѣстити, такъ на прикладъ у лоѣвцѣ?“ Влогда упали очи мои на него гей на яковый у крѣслѣ сидящій инсектъ, котрый ся дивовати хоче, якъ можна не-инсектомъ бути.

„Що разъ лѣпше! Вы тратите мою репутацію. Я гадавъ, шо Вы Milly, а Вы, якъ сами кажете лишь лоѣвка.... Ха, ха, ха!“

По тыхъ словахъ покляла розмова моя бурстинкову сигарничку на свое колыно и усмѣхалася до ней. Менѣ здавалося, шо у браку морального ровесника избрана була сигарничка представляти ему товариша, щобы ся разомъ ись нимъ зъ мене смѣявъ...

„У мене противно,“ кажу — „благородный набирають у мене ажъ теперъ бѣльше репутації, бо бачу свѣтять у покояхъ Вашихъ самими Milla-ми... Извольтежъ за-для того, най загасне моя лоѣвка и поверне у свою домашну тьму.... Пращайте...“

Я вставъ... я клонився низко... дуже низко ...

Е то огромне задовлетвореніе, клонитися передъ такимъ инсектомъ, и знати, шо той инсектъ не буде мати толькы терпѣливости, щобы вытримати стоично цѣле значеніе поклону такого.

Онъ такъ не вытримавъ...

„Ха, ха, ха!.. Вы ся дуже легко обрадуете, а не ма чого;“ — казавъ онъ, а жилага рука его тягла и не назадъ на мѣстце, у атмосѣеру ныхи, самолюбія и простой самопранности. Я дався затагнути граціозной руцѣ и кажу:

„О нѣ!... я не легко омразливый, я сохраняюся лишь отъ субъекціи...“ Голля! Я хотѣвъ сказати „отъ субъекціи, згорѣти ревнымъ гнотомъ у очахъ глупого человека...“ А я сказавъ, „отъ субъекціи, котру благородному не-погреблю чиню.“

Такихъ не-высказанокъ того, шо мышло, научила мя моя повѣствовательска судьба, бо если бы я легко-вѣрно передъ кѣмъ-будъ гоморивъ то,

що мышлю, тогды не перевѣдавъ бы я ся, що други мыслятъ. А шкода бы была велика, не знати, що де-яки люди мыслятъ, и не придивитися тымъ робачкамъ, що пѣдъ чашковъ чловѣчовъ свободно выгрѣваюгся, а коли выросутъ великими, то обѣймають волю чловѣка якъ вужи и погинають туда, куда самы потребуягъ.....

„Е то дуже некречно и даже неинтелигентно, заинтриговати когось чѣмъ и не розвизати того; —“ казала моя благородна особа: — „Вы мовили перше, щосьте мя пытали и не пытади. Е то огрошна мистификація.. гмъ... а таковий мистификаторъ выдаеся менѣ якъ степъ бесарабскій, що зъ-разу величѣмъ своимъ здуиляе, але безконечна нуднѣсть его не розвизае загадки.“

„Ей, то Господинъ були у Бесарабіи?“ утявъ я солодко, такъ солодко, що можъ; лишъ очи мои выпружились якъ вужи, когда высати хочутъ послѣдокъ крови... або молока — тугѣньки прекрасну фоторафію ... О було видѣти лице его!

Благородный встыдався за тое, що бувъ онъ колись неблагородный, коли у голубѣмъ кафтанику, нагавици у холявахъ, неизвѣстный еще краевымъ табулямъ и народови не прикрый, попасавъ тое, у що наветъ залюбленый Юпитеръ перекидатись не встыдався.

„Я бувъ мѣ тамъ... я... тамъ...“ Онъ мавъ сказати: „волы попасавъ.“ Ну! сердига утявъ: „я мечтагъ тамъ о слободѣ!“ —

„О воистину — кажу — достойне мѣстце слободнымъ роздумкамъ, тая безконечна Оаза, достарчающа геніальнымъ скотоводцамъ сѣна и отавы, надъ котровъ птахъ перо ронить зъ слободного крыла не наптянованого консулатскимъ Visum, и котру дикій табуль або опаслый вѣлъ конституційнымъ крокомъ мѣрить,.. многоцѣнне Vademecum для мечтающего о слободѣ пастыря!“

Я хотѣвъ ся смѣяти, и не мѣгъ; — лице его було милосердія достойне. Онъ порвався за нѣсъ и стрѣпая щось ѳттамъ: „Ахъ тѣмъ страшны мухи, кобы ихъ разъ на семь свѣтъ не було... чекай шельмо! згянешъ у зямѣ на апоплексію або изъ.... голоду.“

„Апропо... гмъ... о чѣмъ мы говорили... бачу о томъ... гмъ... томъ степѣ... По докладномъ описѣ Вашѣмъ того... гмъ... степу, пѣзнаю, що и Вы тамъ колись бувати мусѣли, запевне яко путешественникъ... бадачъ природы... туриста... гмъ... або щось подобного?“ казавъ ми благородный и закашлявся.

То мало означувати: „Я знаю, чога я тамъ бувъ, але ты голюколѣнику безъ волѣвъ, безъ предпринимчивости, безъ счастья, безъ рутинны сидѣвъ тогды на домашномъ припѣчку и тѣвъ боговѣйно свою облигатну галушку, и пѣвъ Дзюбѣ твоей пѣсни.“

А я не трачу духа и кажу: „О я тамъ бувъ!“

„Вы? . ха... ха... ха... А чи не надѣгали Вы тамъ до своего стада волѣвъ? Ха... ха... ха!.. Але жаргъ на бѣкъ . . прощу сигаро. . .“

О! побѣдитель мой не щадишь мене. Онъ належавъ до той сорты людей, котри лишь ругиновановъ простоговъ побѣдяти умѣють. . А тогда суть они неумолимы; они же знаютъ, що така побѣда е морально — совершенно програна.

„Я — кажу — бѣгавъ тамтуда, наумыслено, чтобы ся тамошнимъ пастирымъ дивовати, шо наутомивши собѣ прекрасне помещичье жительство, заблагають европейского на рускиихъ фельваркахъ.“

„А европейске жительство яке? Вчера абсолютизмъ, нынѣ конституція, а завтра — кто знаетъ — який соціальной иввелизмъ? .“

Мому солодкому соперникови выпало сигаро изъ губъ, а коли ся за нимъ схиливъ, мавъ онъ певне сказати: „А тебе голый шогле европейскій, чтобы усъ дѣвочки взяли изъ твоиихъ европейскимъ жительство!“

Усѣвши назадъ у креслѣ бувъ онъ такъ красный, якъ зъ початку розмовы . . . нѣсть его стоявъ непоколебимо, якъ рогъ у рукахъ надбалтійского Святовида, -- сигаро курило якъ поганскій жертвеникъ, а жрецъ-Армининъ жертвовавъ мене уже въ духу на якѣмъ-то народномъ торжествѣ.

О! онъ ся помстивъ на мнѣ! —

„Вы паньонку, пыгалися вѣдай перше мене щось за народъ?“

„О такъ!“

„Прошу; я Васъ уже хорошо зрозумѣвъ. . .“

„Богъ-заплатъ, коруно моя!“

„Сочувствую глубоко, сочувствую страшно надъ недолевымъ народа,“ казавъ властелинъ пяти рускиихъ селъ и патронъ трѣхъ церквей.

„O et praesidium et dulce decus meum!“ подумавъ я торжественно, а очи мои упали на него удивительно, гей на якого трибуна изъ часѣвъ голодныхъ римского народа.

А мой благородный пустивъ три лыки вонного дыму и загомонѣвъ:

„Здеморализованный . . . лайдацкій народъ! . . . сочувствую глубоко. . . . Лѣниество и зухвальство опановали массу: сочувствую страшно. — Прошу я моего коханого Пана, на лѣнь паньскій не выйде вамъ такой шельма-богачъ. . . Оногда посылаю моего Окомона грабити должниковъ моихъ, а тѣмъ гайдамаки не дали изъ себе сердяковъ поздерати, да ще ся и прозывали. . . До сто перунѣвъ! А я жъ ты не Панъ? шо? . . . О красна ми конституція, чтобы изъ гадюговъ — человекѣвъ робыла. . . . Шо конституція? . . . Скѣру дерти! . . . не конституція! . . .“

„Herz, was willst du mehr? . . .“

Я бувъ побѣжденъ . . . совершенно побѣжденъ! Я склонивъ голову отъ жалю, смѣху и дива. Я жалѣвъ П Министра статского, шо таки прости тамбурски пальцы вздали по конституціи его гей по бубнѣ. Я дивовався преогромной силѣ народа, шо такому центри-угальному вынщению животныхъ силъ, чести и имѣнія выдержати вѣровала, а я сѣвася самъ изъ себе, шо стався я достойнымъ вѣрникомъ такого товаришеского инсекта.

А наша гумористична фотографія? О! изъ неі учинилося щось дуже не-гумористичного. Щожъ робити? особа, когра намъ до портрету сидѣла, будить смѣхъ и жаль заразомъ. . . .

Кѣнчимъ словами Августа: *Varre Varre, redde mihi legiones meas!* А ты пришеде изъ Оріенту, найшовшій гостинный пріютъ у земляхъ нашихъ, верни газдамъ твоимъ честь и старшенство у прадѣльномъ дому ихъ, верни комѣрнику то, щось обманчиво у нихъ выманивъ, верни имъ — свѣтло ихъ неба и право благобытія! Я не клонився уже — я утѣкавъ, якъ корабли Помпея и Клеопатры перездъ Кесаромъ на египетскихъ водахъ. . .

В. Д. З.

ЧѢМЪ БЫ Я ХОТѢЛЪ БЫТИ?

(Гумористичная прелекція.)

Згадайте, сли хочете, добри люде, чѣмъ бы я хотѣлъ быти? Може ко-ролемъ где-якимъ, скажете. — Нѣтъ! На короля не маю анѣ уроды анѣ подобы, анѣ таланту анѣ охоты. Не конче то повабна мае быти рѣчь коро-левство, коли въ сказцѣ выпрошувался Иванъ, „же не вмѣю анѣ читати анѣ писати, а мене хотять крѣльемъ vybrати“ — ѳтъ того достоинства. — По-минувши рѣзни роды и степені королевски, то и ко-ролемъ стрѣльцѣвъ (Schützenkönig) не конче порадно быти, бо ѳтъ такого жадають, щобы траф-лялъ все въ сердце или въ центрумъ: одия пустый выстрѣлъ не-сердечный чи тамъ експ-центричный легонько позбавляе ты короны. — ѳтъ, чому не хочу и я ниякимъ ко-ролемъ быти. — Уже то природа Русина сама вообще не лакома на вѣяцы королевскіи.

Може бы ты военачальникомъ хотѣлъ быти? впроситъ кто. — Гле-тамъ! — Поминувши тягаръ оружія и крестѣвъ та ланцѣвъ за отлічїе, ко-торы треба двигати, не велика видитя и тамъ роскошь, коли вынѣ по всѣхъ газетахъ войсковыхъ лише нарѣканья здыблешъ, то на обтятый бюджетъ военный, то на слабый разумъ и повятія ошибочны послѣвъ державной Думы, которы непохвальной скупостію гѣрше руйнують (?) державу, якъ всѣ неу-дачны операціи финансови. Особенно-же не могутъ они простити выдѣлови финансовому, же гоі послѣдній своими гл. редукаціями поставилъ армію австрійску (що до жалованья) по-зи англійскою, францускою и прускою! Що тамъ овымъ панамъ до того, же Австрія не мае заморскихъ богатыхъ колоній, анѣ такъ счастливого географично-поднебесного положенья съ то-ликиими пристанями морскими, якъ Англія или Франція, кобы они лише платню побирали не меньшу, якъ поманутыхъ державъ войска. То не жолѣвска рѣчь бавитися въ таку политику; на тое суть адвокаты и д(армофды). Ведля на-

шого цивильного-же розуму, то рѣчь совсѣмъ понятна, бо коли богатѣи люде ходять въ аксамигахъ и шовкахъ, та ѣдятъ присмаки та лакѣтки, то бѣлымъ довольны мусятъ быти сѣракомъ, кашганомъ та борщомъ. А про того незнавъ кто бѣльше дармѣ, а кто робить!? Ну, може тамъ овми часопаси войсковы и маются чого жаловати; алежь-бо нынѣ не предконституційниш часы, бо могущій Цѣсарь Австрій захотѣлъ кромѣ строгои коменды войсковою послухати и смиренного гологу своихъ мирныхъ народныхъ заступниковѣвъ! Нехотячи треба такожъ признати, же где супокой не ошадять, тамъ война не доробить! Оже коли ся такъ рѣчь мае, то не хочѣ воиномъ быти.

Та чѣмъ же ему ся забягло быти? пытае кто нетерпѣливо. Безсомнѣнно якимъ духовнымъ достойникомъ, або и... попомъ сельскимъ; ой нема-то якъ попамъ!! И той разъ не угадалисте. — Бо при нынѣшномъ высокопарномъ а глубокоурающомъ (въ блудахъ всякого рода) образованью, видагъ въ духовныхъ высокихъ чи низкихъ лишъ счастливыхъ привлечѣваныхъ дармовдѣвъ, що ничого не робягъ, лишъ пасугъ черева и кѣшеню, недаючи зъ того анѣ облизати хочбы и лизунамъ где-якимъ, та горлатымъ крикунамъ, що ѣтъ до-свѣта до пѣлночи працюють, якъ тамтыхъ и явныхъ невинныхъ люлей красно помалювати на черно та гарненько въ ложномъ свѣтлѣ свѣтови показати! Где-котры тоненько рафинованы мудрагелѣ совѣтують, щобы ся можѣ обойти въ нынѣшномъ просвѣщенѣмъ (на-зскрѣзь) столѣтью безъ духовенства, а особенно тому, бо тотѣ попы любягъ ся мѣшати въ справы народныи, та поступъ тамуюгъ. А референтѣвъ роздаючихъ парохій — тыхъ уже со-всѣмъ непотребно! — Отъ видите, якъ тымъ ся дѣе; на що менѣ того, я не хочу быти достойникомъ духовнымъ, а найменьше изъ всего референтѣвъ парохій. А надѣвсе за нищо въ свѣтлѣ не буду попомъ рускимъ: таже то сами соціялисты, обскуранты, шизматыки..., платныи реакціонеры, лакомыи ненаѣстны вовколаки, щобы хотѣли пролкнути всѣ паньски лѣсы и пастѣвники, а зъ простого хлопа мати самыхъ Соломонѣвъ! По правдѣ уже и тому не чувсвую въ собѣ званія на Духовного, же санъ той вовсе не умѣ догодити требованіямъ нынѣшного свѣта. Бо если порядно ся одѣваюгъ и виступаюгъ Духовныи, то кажуть: Дивѣтъ, що за збытки! Чи то наслѣдники Апостолоѣвъ ѣдятъ каритами та одѣваюгъ въ порфиру!? Проповѣдаюгъ о зникомости и марности свѣтовыхъ рѣчей, а сами найбѣльше о нихъ ся убиваюгъ! На що тымъ маекѣвъ!?... Выступишь бѣдно, то будутъ показовати пальцями: Отъ якій дрантивый; першій лѣпшій послугачъ лѣпше ся носить; кобы порядный чоловікъ, тобы ся иначе предъ людьми показовавъ; то певно рускій пѣпъ! Въ прочемъ кажугъ, же тыхъ послѣднихъ доля бѣдна, если не мае котрый вуйка въ консисторіи, а я го таки не маю; тожь-то бымъ бѣдовалъ, а на що ми того! На конецъ повѣдаюгъ где-яки, же попомъ доничого, бо одни не умѣють а други не хотять спѣвати „*Voze soł Polske*," та що кому по такихъ людяхъ! Легко по томъ, щомъ за другими повторилъ,

спознаете добри люде, же не маю (и справедливо) анѣ-разъ охоты статися участникомъ повысихъ афоризмовъ; тому я хотячи всѣмъ догодити (я най-перше собѣ), всѣмъ ся приподобати и со всѣми въ згодѣ жити, такѣй не буду анѣ достойникомъ духовнымъ, анѣ референтомъ якимъ, тѣмъ меньше поруганымъ и опущенымъ отъ всѣхъ попомъ рускимъ!

Но коли анѣ тымъ, анѣ овымъ, то ты певно хочешь банкеромъ или капиталистомъ быти, ты дивный человекъ! Бодай то велики гроши мати! — И тое мне въ головѣ: а знаете чому? Бо на тыхъ весь свѣтъ кричить и зыомъ ся дивить, та хотѣлъ бы, чтобы людемъ жарнотравнымъ, легкодушнымъ банкеръ робили выгоду своимъ грѣшми за лхій пометъ 25 отъ ста! До того вынайшли нынѣ якійсь новомодный папѣрь изъ смѣтя кукурузяного; не тяжко, чтобы на такѣмъ не печатали и билетѣвъ банковыхъ, а то бачите, мае быти дуже слаба матерія! А, забылъ емъ о выдѣлѣ финансовѣмъ; той готовъ въ своемъ быстроумію и ревности внести якій новый великій податокъ на такихъ людей, що горько на грѣшъ прапюють, мозолячи деликатны руки обрѣзваньемъ запалыхъ купонѣвъ кожного полрочія! Томужь-то я, любячій супокѣй, далекій отъ всѣхъ мозоловъ и клопоту, хйба и банкеромъ та капиталистомъ не буду. — Пекъ-ну осина! то якійсь пройди-свѣтъ, онъ собѣ лише смѣшкуе; та чоґожъ ему ся забагае, скаже якій сангвинникъ. — Отъ простѣтъ, же я такъ згадавъ хоть разъ учинити по своей волѣ. Згадайте або нѣ, сераѣтся та сварѣтъ, то я такѣй на-перелъ скажу, же постдателемъ добръ анѣ великимъ анѣ малымъ не хочу быти, бо ся бою „душлягѣвъ“ тай граду, огню и повѣдья, которы то ненасытны гостѣ любягъ часто заходити по дворахъ и загородахъ, и такъ дѣймугъ христянинови, же по нихъ тяженько и опамятагнся бѣлагому гостепріемному газдѣ.

Такожь совсѣмъ невялячна рѣчь, нынѣ у насъ и купцемъ быти, бо никто далѣй и не иде до skleпу куповаги, лише оглядати; до того выдумали якійсь новый законъ на банкротѣвъ; — а публика!? уже я не мовъ ничого! бо одна часть не хоче дати своихъ грошей на „пропало“, а друга не купуе, лише оглядае тысячи блестячихъ непотребѣвъ, заполняючихъ мало не каждый sklepъ нашихъ купцѣвъ, которы устремивши взоръ на Западъ, хотять быти Ротшылдами, а не зачинаюгъ якъ тамъ-тотъ зъ малого, но отъ разу зъ горы; тому и не давно, же имъ зъ горы трафияся часто якъ овому звѣздареви въ байцѣ, котрый поглядаючи за звѣздами не видѣлъ болотнистой нмы прелъ собою и въ ню гарненько упалъ! Видите, чому я и до купечества не даюся змовѣти. — Ей, уже знаю, каже якійсь цѣкавый, онъ бы вѣроятно радъ по-этомъ быти, та му нестаетъ... погнчвой дурѣйки. Лѣтають по Парнассахъ и Олимпяхъ, а не маюгъ чѣмъ грѣшне тѣло поживити; такъ думаетъ оный человекъ. Дай си покѣй друже, скхай твое милосердное чувство на инный случай! Я человекъ практичный, не люблю бавитись идеалами; а же чулъ емъ, же поэты часто голодуюгъ та цепенягъ мимо западу въ головѣ отъ сту

дени въ неотрѣтой комнатѣ, то и безопасно не возьмуся до такого способу житья небезпечного!

Уже то онъ якійсь писарь, коли и теперь такъ богато понаписовалъ, каже ктось: а если не естъ публицистомъ, то си певно на такого учить. Ей, бо то не ма въ свѣтѣ якъ писателямъ дневникѣвъ, кажутъ многи: лишъ по-збирати та посписовати, що люде по свѣтѣ робять и бесѣдують, таи дневникъ готовый до розѣсланья на всѣ стороны свѣта, бо предплатителей нынѣ ачей досыть повсюду. А то не тяжка рѣчь, бо свѣтъ широкій и долгій, а люде на немъ живы та не любятъ дармовати, кобы здорови!

Однимъ ся добре дѣе та шукають си збытись напасги таи клопоту: иннымъ забабася другихъ за добъ водити; тѣмъ хотѣли бы овыми якъ волами таровати и послуговатись, а сами въ лѣннествѣ чужою працею си пасти; тамтѣ хотять спробовати новозобрѣгненыхъ пушокъ Аристронга на чашкахъ и костяхъ своихъ ближнихъ, и жадуъ ласо способности до того; еще инни якъ Coles Ericson вынаходять новыи системы, якъ сотни людей съ коштовными кораблями чѣмъ найборше затопити.

Суть таки, що видять чуже подъ лѣсомъ, а своего подъ носомъ не хотять видѣти; голосять свободу и справедливѣсть, и каждое ухибленіе противъ ней въ чужой державѣ представляютъ въ побѣльшенѣмъ розмѣрѣ, а своихъ ближнихъ и таки найблизшихъ давятъ що-мога. Свободно на пр. комусь-тамъ въ Индіяхъ тысящи людей губити то привязованьемъ до пушокъ, то спалвньемъ на стосахъ, а неопозволити бутнымъ завѣрхамъ безалаь робити въ Угрии либо Италиі, то нелюдскѣсть, деспотизмъ. — Нѣкоторые величаются, же готови для идея принести и найбѣльшии жертвы, а при томъ розумно попытуютъ, чи буде въ нагороду безъинтересовности ихъ яка богата провинція. Не мало и такихъ, що учать своихъ ближнихъ, якъ укладно ходити — за политичнымъ воловодомъ, а сами шпотаются и на ровной дорожѣ. Тутъ великодушны и трудолюбивы берутъ всю журбу за долю инныхъ на свои немочны плечи, а за тое не требуютъ отъ нихъ лишъ... послуху та... грошей!

Тамъ изъ шкодолобія и злосливой проворности шумють двоухъ противъ себе, и находятъ въ томъ задоволеніе, якъ тѣмъ неопытны, нерозважни сварягъ а оттакъ за волосы ся водять; дурнѣ, не знаютъ, же ктось третій зъ ихъ сваритъ хѣснуе. Ба и таки существуютъ, що зъ немочи другихъ користають; зъ одной стороны не дають хорому подужати, а зъ другой не допускають смерти, а то все для того, щобчъ лекше его маеткомъ орудовали. Полнолѣтнимъ сиротамъ кажутъ ждати еще другу капитуляцію, закѣмъ доспѣють, та зъ милосердія не даются самымъ рядпчи зъ обавы, чтобы не змарновали отпѣвзвину; а може боится, чтобы ся коли обряхунку зъ опѣкунства не до-магали; а може.... бо нащо имъ досвѣдчати можливои невядачности своихъ порученыхъ (властиве подручныхъ.)

Дивны дива вырабляють людкове на свѣтъ: одного по́днимають высоко багнетами та пушками и страшучи нимъ другихъ, кажутъ, же лѣтае, а онъ немогучи безъ крылъ по воздухахъ лѣтаги, боится, щобы го вѣтеръ революціи на землю не повалилъ; инного причепившись, держатъ за уха та за лобъ до землѣ придавленного, и хотѣ ся проситъ, не дають встати, бо ся боютъ, щобы вставши не о́гдалъ за свое. — Всѣ мыслятъ, думаютъ, выгадуютъ, промышляютъ, вынаходятъ; але бѣльше такихъ, що подають способы, якъ поповсати, скалѣчити, погубити, нѣжъ направити, та калѣкы и сирѣтъ заходити. Всѣ погребують грошей и то много, но мало зъ тыхъ дѣстанеса бѣднымъ сиротамъ и калѣкымъ. — Отъ, який-то няйтшныи свѣтъ! Богатыи матеріалъ до писанья правды! Великин можъ-бы коментары пописовати (кто умѣа и смѣа), але якого-то треба челоуѣка глубокомысляшого, доспѣлого, оборотного, мало нѣбы, але все знаючого, краснорѣчивого, ѳважного а заразомъ смиренного, чешного, трусливого, осторожного, щобы случайно не заблудилъ въ який лябиринтъ процесу карного, або не впалъ въ желѣза которого штучно укрытого параграфа прасового, особенно зрадливого артикула V.; въ яку-то онъ то все муситъ прибраги одежу, красну, рѣзноцвѣтну, не разящу, абы ся никому не покривилъ, до всѣхъ былъ лицемъ обернении, всѣмъ лестилъ, всѣмъ былъ послушныи, всѣхъ любилъ, а даже и почествовалъ, — а никто при томъ не спытаесь, чи можешъ и маешъ ѳтки, чи свободно всѣмъ правду сказати въ очи, чи она кого не уколе, чи возможно двомъ цинамъ служити, чи подобна рѣчь всѣмъ догодити, чи... чи... чи бѣ ты нынѣ и пр. и пр. ... Того всего жадають ѳтъ яясателя газетъ, а за тое мае въ перспективѣ, сли естъ и досытъ смѣлымъ, процесъ карныи та виктъ и станцію съ услугою дармо въ... извницѣ, або и поруганья та укорпзны ѳтъ своихъ собратіи, бо каже письмо съ, же никто пророкомъ мѣжъ своими. — Подявуется еще, чому меня и журналистика не до смаку?!

А щобы почтенныхъ ласкавыхъ читателѣвъ долше не нудити, а терпеливости ихъ на зле неупотребити, то скажу, же я держачися латиньской приповѣдки „omne bonum trinum perfectum,“ хотѣлъ бымъ быти: польскимъ райхсратомъ, австрійскимъ жидомъ (salva conscientia) и діето-бепирковымъ комиссаромъ, лише тымъ послѣднимъ не въ великомъ мѣстѣ, бо то кажутъ, же при мѣсяци въ повни гдекотрыхъ звѣздъ не видно. Правду сказавши (така-то натура людска дивна), то и до комиссарства бепиркового починаю тратети охоту, бо ся кажутъ (ту въ восточной Галичинѣ) учити по руски; та и базъ того перцю, знаете, же можъ смачнымъ обѣды поживати!

М. И. К.

зъ пѣдъ Кальваріи надъ Вагромъ.

ВЫСОТЫ ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЧИНЫ И БУКОВИНЫ.

По картѣ Кумерсберга.

Появившаяся недавно карта Галичины и Буковины Кумерсберга есть для насъ кромѣ заглавной своей цѣнности именно тому многоважною, что въ ней выказаны суть высоты премногихъ горъ и мѣстъ нашей отчины. Высоты эти вымѣренны въ часъ послѣдняго поизру г. 1850 тригонометричнымъ образомъ черезъ ц. к. инжинирство, и мають въ великомъ степени поруку точности за собою.

Зѣ выказанья оныхъ высотъ хоснеу знакомость нашего краю премного, и премноги, давнѣйше всеобще розпространенными дотычными ошибки нмѣть исправляюцца. — Зѣ него видимо на пр., що восточная часть нашихъ Карпатъ въ загалѣ не есть нижшою, но ще вышшою ътъ западной ихъ части: бо, хотя пѣсля упомянутой мапы гора Ваксмундска, положенная надъ жерелами бѣлого Дунайца, Чорну гору надъ жерелами Прута высотой о-дробнну переходить; то знову выказуе оная мапа въ западной части нашихъ Карпатъ ледво пять верховъ, надъ 5000 стопъ высокихъ; не менше и тое, що верхи эти на маленькій кутикъ коло жерель Дунайца обмеженны суть, а прочіи найвышшіи горы оныхъ сторонъ ледво 3000 до 4000 стопъ доходятъ; коли знову зѣ другой стороны въ восточной части нашихъ Карпатъ ътъ жерель Свицы до границъ Буковиньской 30 горъ, а въ Буковинѣ 9 горъ надъ 5,000 стопъ высокихъ въ оной картѣ находимо.

Зѣ той-то карты видимо дальше, що, коли найвышшіи верхи нашихъ Карпатъ надъ жерелами Дунайца 6,900 стопъ вѣденскихъ, а надъ жерелами Прута 6,500 вѣд. стопъ доходятъ, они надъ жерелами Вислоки и Вислока на 2,000 стопъ знижаюцца; — що дяловыи Галицкіи горы, ътъдвляющіи область водную Чорного Мѣря ътъ оной Балтицкаго моря, зѣ разу ътъ границъ Угорской по Хирѣвъ 3,200 до 2,000 стопъ высокѣи, коло Крукевичъ до 900 стопъ знижаюцца, пѣдъ Яновомъ и Львовомъ на 1,200 до 1,300, коло Бѣбри на 1,400, пѣдъ Золочевомъ на 1,300 стопъ пѣдносяцца, а дальше коло Радихова и Стоянова знову на 7,80 стопъ знижаюцца; — дальше, же сторона межъ Галицкими дяловыми горами на сѣверѣ, а Днѣстромъ на юзѣ есть высокою рѣвню, вознесенною 1,000 до 1,200 стопъ надъ море.

При настоящѣмъ списанью высотъ восточной Галичины тримался я слѣдующаго порядка: Галичина пѣдѣлена ту на обграниченныи природными границями ътъдѣлы, зѣ тыхже гдекотри на пѣдѣ-ътъдѣлы. ътъдѣлы (або пѣдѣ-ътъдѣлы) пѣдѣлены знову на пасма, широкіи мѣлю до двохъ мѣль, а протягающіи просто ътъ западной границъ ътъдѣла (або пѣдѣ-ътъдѣла) до восточной. Пасма южныи каждого ътъдѣла поставленны ту передъ сѣверными; въ самыхъ же пасмахъ идуть — съ малыми изъятіями — высоты западныи и южныи передъ восточными и сѣверными. Каждое пасмо творить въ настоящѣмъ списѣ окре-мѣшную колюмну, пѣдчерквенну лѣнійкою.

Межи Вислокою а Сяномъ.

а. Горы на граници Угорской, отъ запада къ юго-востоку.

Черемха, въ Грабъ, на в. Дубового верха, висока Вѣд. сяжней	348,9
Надъ тисовымъ, въ Цяханяхъ	370,6
Велика гора, на югъ Полянъ	381,5
Ольховчикъ, або Яворка, въ Ольховци	390,6
Студеный верхъ, въ Барвинку	366,2
Келю (?), въ Черемсѣ въ окр. Сяноцк.	359,7
Липовецка гора, на ю. Яслискъ	499,6
Вертишовъ, надъ жереломъ Яселя	387,6
Данава, або Пасъка, въ Должици	439,5
Буковецъ, надъ жереломъ Вислока	?
Радошицъ, на востокъ послѣдней	385,4
(Не много за границею Уг. Какачинъ ,	407,0)
Струпъ, въ Солянцѣ, надъ жереломъ Солянки	529,6
Уясель, въ Прислупью	604,5
Пташа, въ Смереку	609,8
Бабья скала, въ Ветлинь	612,2
Равка, надъ жереломъ Ветлины	683,5
Бескидъ волосатскій, въ Волосатомъ,	578,3
Галичъ, на граници Сяноцкого и Самбор. окр.	700,1
Кончикъ буковскій, въ Буковици	656,2
Ополонокъ, надъ жереломъ Сяна	538,7

б. Горы и мѣстца внутри Галичины.

Сенкова, въ с. Ветлинь, на сѣв. Бабьей скалы	534,8
Полонина париньска, въ Берегахъ горъши.	680,4
Вовки (Wilki), въ Стовпосънахъ	531,2
Широкій Верхъ, въ Волосатомъ	685,5
Лукове бердо, въ Звинячи гор.	688,5
<hr/>	
Палеть верхъ, въ Воля мѣховой	387,7
Село Воля мѣхова, надъ Ославою	284,4
Горлява, въ Солянцѣ	577,8
Кременна, въ Кальници надъ Ветлиною	490,2
Фалева, на сѣверъ послѣдней	505,2
Смерекъ, въ сѣверной части Ветлина	641,2
Полонина ветлинська, въ Ветлинь	637,3
Дверникъ, въ селѣ т. и.	525,6
Магура слупосънянска, въ Слупосънахъ	532,2
<hr/>	
Терпякъ на юго-в. горы Радошицъ	388,8
Село Ославица	290,2
Выростоки, въ Смольномъ надъ Ославою	462,4
Волосанъ, межъ жерелами Ославы и Гочевки	560,8
Лопѣвникъ, на вост. посл.	560,1
На каменяхъ, въ селѣ Радеёвой	512,6
Корбаня, въ Тасковой	467,6
Смоки, въ с. Криве	506,5

Дышова , въ Радошницяхъ	374,9
Прелуки , въ селѣ т. и. надъ Ославою	407,1
Высокій дѣлъ , на сѣв.-з. села Рабе	518,7
Пястки , на ю. Балигорода	408,7
Маркова , на в. Балигорода	390,5
Рыбне , въ селѣ т. и.	331,3
Завозъ , въ селѣ т. и.	290,9
Товста , въ Терку надъ Солянкою	390,9
<hr/>	
Горбки въ Липовици	360,8
Липовецка гора , на в. Липовца	449,6
Кичара , на з. села Вислокъ великій	354,7
Ганасѣвка , на ю. посл.	480,5
Яворникъ на в. посл.	347,2
Ржепедзь , въ селѣ т. и.	368,6
Солила , въ Турянску надъ Ославою	396,5
Погары , въ Середнихъ вел.	334,4
Габоръ , въ Цѣсовци	387,7
Закотье , въ Новосѣкахъ	296,1
Бобрка , въ Забродю надъ Сяномъ	299,4
<hr/>	
Жидовска , въ селѣ т. и.	371,2
Паючова , въ Полянкахъ	360,5
Ясеновъ , въ Ольховци	327,1
Пьетрожь , въ Далёвой	369,8
Задемчикова , въ Вислочку	397,8
Зрубань , або Буковиця на з. Буковска	406,5
Буковиця , на ю.-в. посл.	395,1
Токарня , на ю.-в. посл.	406,4
Дѣловъ верхъ , на ю.-в. мѣста Буковска	346,3
Шимонова гора , въ Чашинѣ, надъ Ославою	248,7
Грушка на в. посл.	303,3
<hr/>	
Черства , въ Святковой, надъ Вислокою	363,0
Данія , въ Хировой	363,4
Хирова , въ селѣ т. и.	362,6
Цергова гора , на ю. Дукля	374,3
Пржимярки , на в. посл.	333,8
Волтушова , на ю.-в. посл. въ селѣ т. и.	349,0
Верхъ , на с.-в. посл.	329,1
Одржехова , въ селѣ т. и.	246,2
Высоке поле , на в. посл.	202,2
Мѣсто Новотанецъ ,	198,3
Небещаны , въ селѣ т. е.	259,9
Загуржь , въ селѣ т. и.	195,4
Мѣсто Сянокъ , въ зап. его части	187,5
<hr/>	
Лазы , въ Лысой гора, надъ Вислокою	334,3
Горы , въ Лысой гора	273,7

Мѣсто Змигородъ,	155,8
Село Кобыляны, на в. посл.	183
Мѣсто Дукля	181,6
Гродиско, о милю на с. посл.	221,2
Пахновъ, $\frac{1}{2}$ милъ на с.-в. Дукля	226,6
Мѣсто Рымановъ	182,3
Село Воробликъ Королевскій, $\frac{3}{4}$ м. на сѣв. посл.	183,2
Беско, въ селѣ т. и.	148,8
Бажановка, $\frac{1}{2}$ м. на в. Ячмържа	220,4
Вроцица, на в. посл.	260,4
Ранна гора, миля на з. Мржиголода	278,2
Турій потокъ, м. $\frac{1}{2}$ на з. Мржиголода	270,1
<hr/>	
Токи, село надъ Вислокою	191,2
Цѣсовецъ, на в. посл.	227,2
Село Поднебылье, миля на с. посл.	187,7
Зренчикъ, въ Щепанцовой	147,1
Марцинковска, въ Кросценку выж.	170,3
Чорна гора, на в. посл.	234,3
Грабовка, на ю. посл.	276,3
Прислупъ, въ Гломчи надъ Сяномъ	233,4
<hr/>	
Середня бучина, $1\frac{1}{2}$ м. на в. Ясла	177,5
Вапянка, миля на с.-з. Кросна	168,5
Надъ-Сендзювка, $\frac{1}{2}$ м. на з. Кросна	149,8
Мѣсто Кросно	139,4
Кролевска гора, миля на с. посл.	281,7
Чорноржеки, $\frac{1}{2}$ м. на в. посл.	308,3
Комборня, на ю.-в. посл., при гостинци	230,0
Ручникъ, $\frac{3}{4}$ милъ на з. Бржозова	226,2
Старавесь, (церковь рожд. преч. Богор.)	151,6
Угосциня, на в. посл.	241,7
<hr/>	
Выромбиска, $\frac{1}{2}$ м. на ю. Колачвць	176,9
Бабя гора, на в. посл.	200,9
Югоржель, на в. посл.	197,2
Щачня, на в. посл.	191,3
Годовска, въ Годовой	244,6
Гродне, $\frac{3}{4}$ м. на з. Домарадза	245,5
Лютча, на сѣв. послѣдней	245,5
Уязды, на с.-в. Барыча, при гостинци	239,0
Лубно, въ селѣ т. и., при самомъ гостинци	222,1
<hr/>	
Мѣсто Бржостекъ, надъ Вислокою	124,4
Янушковиць, миля на с. в. Колачвць	209,2
Бржезина, миля на в. Бржостка	200,1
Холмъ, $1\frac{1}{2}$ милъ на в. Бржостка	289,3
Шуфнарова, въ селѣ т. и., на гран. окр. Тарновск.	229,5
Гоголовъ, въ селѣ т. и., миля на з. Фриштака	238,5

Верховина Чарновска, $\frac{3}{4}$ миль на в. мѣста Фриштака	246,1
Тропье, $\frac{1}{2}$ миль на с.-з. мѣста Стрижови	197,3
Мѣсто Стрижовъ	121,2
Каменне, въ селѣ Гвозниця	246,0
Село Гвозниця	165,3
Шонткова, на сходѣ границь Решовскаго, Сяноцкаго и Ясельскаго	217,9
Базары, $\frac{1}{2}$ миль на с.-в. Явбрыка	212,3
Бахурецъ, $\frac{3}{4}$ миль на з. Дубецка	186,6
Фигура, въ с. Лясковка, на гр. Реш. и Сяноцкаго окр.	217,4
Рачина, на гр. Решов., Перем. и Сяноц. окр.	232,6
На задѣ, на з. села Порохника	187,8
Ива, въ селѣ Порохнику	210,2
Воля венгерска, въ селѣ т. и.	205,7
Смѣговка, въ селѣ Тулиголовы	201,5
Кѣвѣ, $\frac{1}{2}$ на в. мѣста Кривчи	183,4
Качмарова, въ с. Ваповцѣ, надѣ Сяномъ	213,6
Въ надгородженомъ, въ с. Уйковницѣ	201,5
Гай, въ с. Дуяковички, при Вѣд. гост.	139,4
Вышатычи, село надѣ Сяномъ	111,1
На горахъ, въ селѣ Гнатковичи	138,4
Заболотцѣ, въ селѣ т. и., при гост.	116,6
Сосниця, село надѣ Сяномъ	105,7
<hr/>	
Горжеева, въ селѣ т. и.	199,1
Смаржовъ, на в. посл., надѣ Вислокою	232,7
Глиникъ, миль на ю. мѣста Чудца надѣ Вислокомъ	213,0
Любшеня, на в. посл.	221,0
Германова, $\frac{3}{4}$ м. на ю. мѣста Тычина	201,4
Рѣчки, $\frac{1}{2}$ м. на ю. посл.	202,1
Мѣсто Тычинъ (монастырь доминик.)	145,3
Борекъ, въ селѣ т. и., на в. посл.	193,5
Замчиско, миль на з. Канчуги	205,0
Доронъ, $\frac{1}{2}$ м. на с.-з. посл.	207,3
Рожнятовъ, на сѣв. посл.	128,6
Рожнятовъ, на ю. посл.	139,4
Гавловицѣ, въ селѣ т. и.	144,1
Воля розвенницка	129,7
Солювка, въ селѣ Рокитниця	137,4
Цминтаръ, въ селѣ Замховѣ	138,8
Мѣсто Радымно	107,5
<hr/>	
Подгородье, $\frac{3}{4}$ м. на в. Пильзнѣ	189,5
Гумниска, въ селѣ т. и.	206,8
Хехлы, миль на ю. Ропчицѣ	197,6
Велепольска, въ селѣ Навсье	233,1
Вийнева, або Зглобень, на сходѣ Тарнов, Решов. и Ясель. окр.	212,4
Нехобржъ, миль на в. посл.	201,8
Богухвала, надѣ Вислокомъ, на ю. Решова	111,1
Килиановка, $\frac{3}{4}$ м. на з. Решова	150,1

Мокра страна, $\frac{1}{2}$ м. на сѣв Тычина	189,2
Маява, въ селѣ т. и., $\frac{1}{2}$ м. на ю.-в. Решова	206,7
Альбинова, въ селѣ т. и., на в. посл.	132,2
Маркова, въ селѣ т. и., на в. посл.	130,5
Гуссовъ, въ селѣ т. и.	221,3
Мѣсто Канчуга	115,8
Могила, $\frac{1}{4}$ м. на в. посл.	135,4
Мѣсто Ярославль, церковь преч. Дѣвы	107,5
” ” самое мѣсто	106,1
Павлосѣвъ, въ селѣ т. и.	137,4
Цунавка, на ю. посл.	142,3
<hr/>	
Копалина, $\frac{3}{4}$ м. на ю.-в. Дембицы	194,3
Стобьерна, $\frac{1}{2}$ м. на в. посл.	195,3
Мѣсто Сендзишовъ	132,3
Бендземысль, миль на ю.-в. посл.	185,0
Домброва, $\frac{1}{2}$ миль на с.-в. посл.	170,3
Мѣсто Решовъ	98,4
Лонка, $\frac{5}{8}$ миль на с.-в. Решова	165,2
Крачкава, $\frac{3}{4}$ м. на з. Ланцута, при гост.	147,4
Воля кременецка, $\frac{1}{4}$ м. на ю.-з Ланцута	133,0
Новоселець, $1\frac{1}{2}$ миль на в. Ланцута, при гост.	127,7
Буды пшеворски (передмѣстье Пшеворска)	103,3
Мироцинь, $\frac{3}{4}$ миль на в. Пшеворска	125,8
Пелкинь, миль отъ посл.	112,2
Леснява, въ Нелипковицяхъ, надъ Сяномъ.	93,4
<hr/>	
Пацина, въ селѣ т. и. $\frac{5}{8}$ м. на с.-в. Дембицы	113,7
Сарчинскій лѣсъ, $\frac{1}{2}$ м. на с.-в. посл.	120,5
Борекъ, на в. посл.	120,5
Братковиць, на в. посл.	126,9
Мрувля, на в. посл.	111,5
Лѣсна воля, $\frac{1}{2}$ м. на с.-в. Глогова	127,8
Бохнакъ, $\frac{1}{2}$ м. на в. Глогова	116,9
Зофiявка, на в. посл., въ селѣ Стобьерна	130,8
Ясьонка, надъ Вислокомъ, на ю. Стобьернон	110,4
Бржезникъ, въ селѣ Ракшава	120,8
Жолыня, $\frac{1}{2}$ на с. мѣста т. и.	126,8
Бялобреги, въ селѣ т. и. надъ Вислокомъ	101,8
Мѣсто Гродзиско	124,3
Дембна, надъ Сяномъ	92,7
Шиловска, въ селѣ Вържавица	99,9
<hr/>	
Бѣсѣдка, миль на в. Мельца	113,2
Пшеленгъ, на в. посл.	126,2
Цорембы, на ю. посл.	120,9
Мѣсто Кольбушовъ	126,9
Липница, $1\frac{1}{2}$ м. на с.-в. посл.	116,8
Мѣсто Ранишовъ,	110,2

Мазуры, $\frac{1}{2}$ м. на в. посл., въ селѣ т. и.	126,1
Каменьскій, м. на с. посл.	112,3
Туржа, $1\frac{1}{2}$ м. на в. Раншова	126,4
Ненадовка, $\frac{3}{4}$ м. на ю. Соколова, въ селѣ т. и.	120,6
Мѣсто Соколовъ .	125,2
Доленга, $\frac{1}{2}$ м. на с.-в. посл.	123,4
Боръ, $\frac{1}{2}$ миль на с.-з. Дежайска	109,6
Същаржовъ дугъ, $\frac{3}{4}$ м. на з. Дежайска	120,7
Петрушковка, $\frac{1}{2}$ м. на ю. посл.	124,8
Гилерсгофъ, коло Дежайска .	118,1
<hr/>	
Цырановска гора, въ с. Цыранка надъ Вислокою	98,3
Дембякъ, на с.-в. посл.	100,4
Посънецъ, на с.-в. посл.	85,5
Острова, въ Островъ баранецкомъ .	130,3
Коморовъ, въ селѣ т. и. подъ Майдяномъ	121,2
Норембы, въ селѣ т. и.	108,9
Русиновъ, въ Русиновской волн	110,2
Корофальска гора, въ Волчой волн	100,5
Партъ, въ селѣ т. и.	115,3
Костельна гора, въ селѣ Іезувъ	98,6
Кобыла, на з. Тарногорода	98,4
Тресткова гора, въ Тарногородъ	90,5
Облесна гора, на ю, посл.	98,7
<hr/>	
Бржиетье, надъ Вислокою	87,0
Галушовиць, на с. посл.	82,7
Козловъ, въ с. Чайкова	87,2
Гута коморовска въ селѣ т. и.	119,3
Выгода, въ селѣ Гржондка	110,7
Ельчова гора, въ селѣ Станы	100,4
Мазаря, на в. посл.	92,6
Кобьеря, въ с. Зальсье	89,6
Яма, въ селѣ т. и.	104,8
Коньчиць, въ селѣ т. и.	88,4
Ежовъ, на ю. посл.	108,3
Седишова на в. посл.	96,1
Полка, на ю. Рудника	88,1
Мѣсто Рудникъ, надъ Сяномъ	86,8
<hr/>	
Низины, близъ входа Вислови въ Вислу	82,0
Надевъ, на в. посл.	83,5
Мѣсто Барановъ надъ Вислою	80,8
Хмѣлевъ, миль на в. посл.	82,7
Слензаки, $\frac{1}{2}$ м. на югъ послѣднаго	85,1
Грубка, миль на вос. послѣднаго	85,3
Дольный лясекъ, на в. Хмѣлева	80,3
Кляченска гора, на ю. посл.	96,4
Дуброва, на с.-в. посл.	99,1

Москаль, $\frac{1}{2}$ м. на з. места Низка	87,4
Домбкова новина, $\frac{1}{2}$ м. на ю.-з. Низка	85,6
Вархолъе, $\frac{1}{4}$ м. на ю. Низка	85,0
<hr/>	
Место Тарнобржегъ, надъ Вислою	87,6
Волча гора, миля на в. посл.	85,4
Гребовъ, миля на в. посл.	83,3
Вротня ямница, въ селѣ т. и.	100,5
Бродки, на з. села Пяво надъ Сяномъ	82,8
<hr/>	
Собовъ, $\frac{5}{4}$ миль на с.-в. Тарнобржега	84,4
Фурманы, на с.-в. посл.	78,1
Кордуля, $\frac{1}{2}$ миль на з. Розвадова	79,8
Место Розвадовъ	83,6
Пильховъ, надъ Сяномъ на с. посл.	79,7
Турбя, $\frac{1}{2}$ миль на с.-з. посл.	79,3
<hr/>	
Тржесь, въ селѣ т. и.	77,2
Залъсяны, село	87,1
Подсадзье, недалеко входа Сяна въ Вислу	76,1

II. Межи Сяномъ на западъ, границею Уг. на юзъ, Опбрешъ и Стрысь на востоцъ, Днѣстромъ, Стрважемъ (по Хирбвъ), Вырвою, Вагоремъ (Wiag) и Сяномъ на сѣверъ.*)

Бескидъ великій, на гран. Уг. и области водной Сяна и Днѣстра, въ Яворовѣ.	530,3
Кончикъ Гнильскій, на гр. Уг., а на ю. посл.	584,3
Старостина, на гр. Уг., а на ю. посл.	643,8
Рускій путь, на гр. Уг., а на ю.-в. посл., въ селѣ Либохора	687,4
Пѣкуй, на гр. Уг., а на ю.-в. посл., въ з. концы села Кривка	737,4
Надясенева, на гр. Уг., на с.-в. посл.	434,3
Козакова полянка, на гр. Уг., и гр. Самборского и Стр. окр.	473,7
Жупанье на гр. Уг. на ю.-в. Села Климца, по при гостинцы	436,1
Яворникъ великій на гр. Уг. надъ жер. Опбры и Стры	?
<hr/>	
Кичера, на с.-в. границы села Кривка	502,1
Добошь, на сѣверной гр. села Клименъ	546,4
Лыса (Liża), межъ Клименемъ и Жупанями	620,7

*) Сторону тую можъ бы назвати стороною подкарпатской части дѣловыхъ гбръ Галицкихъ. Дѣловыми Галицкими горами зову я ту той гбръ-хребтъ, котрый зачинаючися межъ жерелани Сяна и Стрыя, Сяноцкій, юго-восточную часть Перемисльского, Львбвскій и Золочевскій округъ переходить, и область водную моря Балтичкого бѣгъ ономъ моря Чорного бѣдѣае. Южная (подкарпатская) часть того гбръ-хребта находится на отповадной стороне. — Вмрва есть рака, пливушая по бѣдъ Добромль и Нове Место.

Дыса , въ с.-в. части Жупань, $\frac{1}{4}$ милѣ на в. посл.	628,4
Станесса , на в. границы села Жупанье	607,1
Рагошовъ верхъ, на с.-в. посл., въ селѣ Лавочне	454,9
Содотвина , на с.-з. посл. въ селѣ Тухолька	454,2
Тростянь , на в. посл., и ю.-в. гр. села Плавье	647,6
Салашица , на в. гр. села Грабовецъ	562,9
<hr/>	
Глива , въ селѣ Либогора, на в. Сторостиня	447,8
Ялина , на ю.-в. посл., а в. гр. Либохоры	494,4
Кардиноватка , на в. посл., въ Гусномъ ниж.	446,1
Крешова гора , въ Высоцкомъ выш.	436,4
Бердо , въ Мохнатомъ	413,8
Кичера , на ю.-з. Сморя, на границы Самб. и Стрыйского окр.	502,1
Довшки , на с. Сморя, надъ жереломъ Ильника	554,2
Довшки , на гр. села Аннабергъ, Орявы, Плава и Тухольки	554,2
Свинъвъ , на с. границъ села Орявы	519,4
Остра , на в. посл., на з. села Головецко	537,8
Даровице , на з. границы села Тухля	475,9
<hr/>	
Блыще , въ с. части села Гниле	548,3
Съчки , на в. посл., въ ю. части Бутля	489,7
Ольховате бутельске , въ з. части Бутля	540,5
Крокоша верхъ, на в. границы Бутля	418,0
Рогъ , въ Комарникахъ, надъ Стрємъ	419,6
Зеленье въ ю.-в. части Комарникъ	459,1
Магора , на ю. Задальска	520,3
Клива , на с. посл., а на з. села Завадка	471,8
Свинъвъ (Zwiniu?) , на ю. села Сухого потока	591,0
Козя , на с. села Орявчика	587,9
Кременецъ , на с.-в. посл.	644,1
Прибышинъ , на з. села Гребенова	594,2
Киевецъ , на с. посл., а с.-з. Гребенова	554,3
<hr/>	
Кичера Сокольска , въ Соколикахъ	437,7
Обочки *, на в. Соколикъ	404,9
Кичера сяньска , въ Сянкахъ	464,5
Щавинки або Яворовъ , въ Бутельцъ вышшой	488,8
Остра (Ostu) , въ с. части Бутельки выш.	409,0
Тисовецъ , въ з. части Боринъ	451,5
Нисовецъ , на ю.-в. посл., въ Высоцкихъ ниж.	436,3
Волча , на ю. Ильника	567,1
Кичера Ильницка , на ю.-в. посл.	461,5
Менчовъ Зубрицкй , на с.-в. Бахноватого	580,9
Цлай розениньскй , на в. Бахноватого	617,3
Погаръ , на с. посл.	588,7

*) Имена горъ не-границныхъ, написанными разстраденными буквами, означаютъ горы хребтовми дзювмихъ горъ Галицкихъ.

Стара шебеля, на гран. Самб. и Стр. окр.	640,1
Чорна гора, на гр. Самб. и Стр. окр., а на сѣв.-в. посл.	645,0
Нарашка, мила на с.-з. Скольёго	666,4
Корчинка, $\frac{1}{2}$ м. на з. Скольёго	618,5
Мѣсто Сколье	226,8
Добряны, на с.-в. Скольёго	432,5
<hr/>	
Шайнскіи Яблоньскіи, на з. Яблонки вышшой	?
Оленовате, въ Яблонць выш.	389,3
Шимунка, $\frac{1}{2}$ м. на ю. Турки	425,5
Медвѣдь, въ Ильнику	387,1
Менчовъ Радицкій, на в. посл.	546,8
Шимонецъ, въ вост. части села Радиче	593,5
Багна, оъ ю.-з. части Голоска	556,6
Широкій верхъ, на гран. Самб и Стр. въ Долгобъ	619,3
Додге, на з. села тогоже имени	465,3
Кобыла, на з. Крушельницъ	423,0
Шпинъ, межъ Крушельницею и Корчиномъ	359,7
<hr/>	
Высокій верхъ на з. Яблонки вышшой, близъ гр. Сяноцк. окр.	473,5
Шейка, на в. села Прислопа	361,2
Розлудка гора, на ю. Розлуча, надъ жереломъ Днястра	4-8,2
Кіевецъ, въ Яворъ надъ Стрыемъ	410,2
Студена гора, въ Яворъ, на правомъ берегу Стрыя	509,2
Звѣнонка, въ ю. части села Исаъ	416,1
Буковска, на ю.-в. Ясѣнки масѣвой	524,3
Щербинъ, въ Ластовкахъ	430,9
Хмельнична, въ Кропивнику новомъ	430,1
Товста, на з. границы села Уръче	468,8
Щоха дѣль, надъ жереломъ Тысмениць на гр. Стр. Самб. округовъ	493,0
Оровъ, въ с.-з. части села т. и.	406,2
Кобара, въ селѣ Ямельниця	404,6
Комарницка, на с.-з. Спневодска ниж.	357,6
Пѣновъ верхъ, въ Стынавѣ выш.	310,1
Любвиць, въ селѣ т. и. надъ Стрыемъ	157,7
<hr/>	
Гульске (Kulskie), $\frac{1}{2}$ м. на с.-з. Лютовискъ, въ селѣ Гульске	442,2
Лецаевъ дѣль, на с.-в. посл.	322,1
Отрътъ, на ю.-з. Лютовискъ	491,0
Боберка, въ селѣ т. и.	427,8
Кичера докоцка, въ селѣ Локоть	412,1
Кичера дзвиняцка, въ селѣ Дзвинячи	414,9
Высока, въ Шандровцы	473,3
Шайнѣска, въ Тарнавѣ ниж.	457,9
Хмѣлевате, въ Рыпанахъ	423,6
Сѣвка, на с.-з. гр. Волчи	434,0
Бзенець, въ в. части Рыпанъ	415,5
Даниска, въ в. части Гвоздця	400,8
Смерчинка, въ в. части Ясениць замк.	374,4

Матвѣевъ , въ Волосянцъ вел.	415,9
Подъ ланомъ , на в. Волосянки вел.	429,4
Малеванка , въ з. части Смѣльнон	445,1
Быстра , въ Кропивнику старомъ	439,4
Ратошина , або Котовичи, въ в. части Опаки	378,3
Городище , въ з. части Борыславля	338,7
Гулькова , въ с. части Тустановичъ	188,8
Доброгостовъ , на ю. села т. и.	216,6
Лыса гора , на с. Доброгостова	201,0
На поли , на в. Доброгостова	203,6
Улично , въ ю. части села т. п.	211,2
Курнѣ (Нигнѣ), въ селѣ т. и. надъ Стрыемъ	182,2
Конюховъ , въ селѣ т. и. надъ Стрыемъ	165,6
Голобутовъ , на с.-з. посл., въ селѣ т. и.	167,4
Мѣсто Стрый	156,0
Стожокъ , въ Соколомъ	359,4
Мокбѣтъ (?) , на ю.-в. посл., въ селѣ Росолинъ	352
Остре , въ селѣ Поляны	381,6
Остре , 1 ¹ / ₂ м. на с. Лютовискъ	420,2
Яворники , въ селѣ Рабе, на гр. Самборского и Сяноцкого окр.	347,2
Магора ломнянска , на ю. Гронзѣвон	530,3
Дѣлтъ , на с.-з. Головецка	394,6
Томенъ , на в. Головецка	350,3
Яворницка , въ Вѣцевѣ	476,8
Палчиньска , въ Лвнинъ малой	375,5
Катовня , на з. Лужка горашного	348,5
Вершки , въ Лопушанцъ хоминной	363,8
Острый верхъ , на с.-з. Тура	409,0
Кролики , на с. Тура	426,8
Отдѣлокъ , на с.-в. Недѣльной	451,0
Вороненка , на ю. Строинной	423,7
Лопушна , въ Подманастырку	337,9
Магора , въ Подбужи	384,9
Село Нагуевичи	198,1
Горбы , въ Нагуевичахъ	201,5
Каменка , въ Попеляхъ	213,5
Корка , въ Дерешахъ	191,8
Модрычъ , въ с. части села т. и.	196,3
Мѣсто Дрогобычъ	161,1
Могилка , ³ / ₄ милѣ на вос. Дрогобычи	178,4
Велика ялина , въ Гаяхъ ниж.	173,1
Гогеръ вергъ , въ Бригитау	166,6
Великій кутъ , въ Кавску	155,2
Угерско , въ з. части села т. и.	146,6
Кавчій кутъ , въ селѣ т. и. надъ Стрыемъ	141,2
Пятничаны , въ селѣ т. и.	140,3
<hr/>	
Яворъ , въ Телесниці ошваровой	387,4
Чульмя , ¹ / ₂ милѣ на ю.-в. мѣста Лиска	390,1

Стефкова , въ селъ т. и.	263,6
Голиця , въ з. части Устянова	398,2
Жуковъ , въ Телесниці ошваровой	390,2
На бучкахъ , въ селъ Мочары	379,4
Высѣвка , въ селъ Нанова, на Сяноцко-Самб. гр.	382,8
Орова , на ю. Нанчолки малой	398,4
Кобыла , на с. Лянины великой	393,4
Янковъ , на в. посл.	370,0
Осѣковоць , на в. Бусовйска	348,5
Кундиска , на з. Волъ коблянской	348,6
Льсы , въ восточной части Звора	324,4
Солярскій , въ ю.-з. части Спринъ	312,9
Помѣрки , въ ю. части Волъ блажовской	267,2
Ольшаникъ , въ ю. части села т. и.	181,6
Надъ коньскимъ , въ Медвежи	187,2
Дошка , на ю. Бронидъ	183,6
Гриневецъ , або Дубина, на с. Лѣтинъ	180,0
Линия , село	158,3
Липовець , въ Вороблевицяхъ	155,3
Село Вороблевичи	156,0
Долге , на ю.-в. посл.	159,5
Опары , въ селъ т. и.	162,0
Село Меденичи	148,4
Юсефсбергъ , колонія	169,1
Село Криница	154,3
Загуменки , въ Криницы	151,6
Дершовъ , въ селъ т. и.	139,8
Деменка , въ селъ т. и. на с.-з. Жидачева	132,3
<hr/>	
Салашиска , $\frac{3}{4}$ м. на с.-в. Лиска	235,8
Руденка , въ селъ т. и.	239,5
Ванькова , въ селъ т. и.	328,7
Каменна леорда , $\frac{1}{2}$ м. на с. Устрикъ	402,0
Высокій дѣлъ , въ Лешоватомъ	334,3
Кузмѣнь , въ Берегахъ дольшнихъ	325,0
Оратикъ , въ Кросценку	335,0
Кремень , въ Лѣсковатомъ	318,6
Вороновъ , въ Лопушницы, на гран. Сяноцко-Самб.	295,2
Волошинова , въ селъ т. и.	331,0
Свиній верхъ , въ Бѣличу	395,1
Комарки , въ Сушицы вел.	323,1
Гута , въ с.-з. части Бѣлича	380,5
Лыса гора , $\frac{1}{2}$ м. на з. Старосоли	344,0
Мѣсто Старасоль	182,2
Баранье (Bzanie) на ю. Старосоли, при гостиницы	257,7
Село Страшевичи , церковь преч. Богородици.	171,7
Стрѣлковичи , въ з. части села т. и.	191,6
Село Чуква	174,6
Гороховець , въ ю. части Угерездъ зашлатинскихъ	302,9

Пасѣка, на в. Угерецъ заплатинскихъ	165,9
Неука, въ Кульчицяхъ	184,0
Юровина, въ Кульчицяхъ	179,7
Село Сьлецъ	177,1
Село Лужокъ, надъ Быстрицею	173,3
Копань, въ Новошицяхъ	168,2
Село Дорошовъ	160,5
Село Грушовъ	152,0
Майначъ, въ ю. части села т. и.	139,6
Довга нивка, въ Майничи,	142,2
Село Водоца	141,9
Шіе, надъ Днѣстромъ	137,8
Угартсбергъ, колонія	141,9
Село Горуцко, въ вос. его части	140,6
На границѣ, въ с.-в. части Ределичъ	133,2
На дилици, въ селѣ Надятычахъ надъ Днѣстромъ	134,4
<hr/>	
Мѣсто Сянокъ, въ засянской части	162,1
Солоный вершокъ, на с.-в. Сянока	330,3
Грыневъ горбъ, на ю.-в. посл.	339,9
Руснякова пасѣка, на ю.-в. посл.	350,9
Станкова, въ с. части села т. и.	289,8
Хваневъ, въ Ропенцѣ	342,3
Мычкова долина, на ю.-в. посл.	352,5
Трушовскій верхъ	322,0
Илмо, въ с. части Старявы	326,6
Валиньска гора, на в. Старявы, на границѣ Сяночко-Самб. окр.	310,4
Мѣсто Хировъ	189,1
Село Ляшки мурованы	170,0
Башта, въ Бзковицяхъ, на с.-з. Самбора	177,7
Мѣсто Самборъ	159,6
Гордыня, въ ю. части села т. и.	149,1
Зузановка, на с. границы Гордынь	141,7
Забратовъ, въ Дублянахъ	161,3
Бѣлина велика село	150,5
За дубиною, на ю. Чайковиць и Днѣстра	138,3
Хмѣлиска, на ю. Сусулова и Днѣстра	137,4
<hr/>	
Дубровка, $\frac{1}{2}$ м. на с. Тыравы волосокъ	217,5
Маргель, въ селѣ Ростокъ	316,9
Медвежа гора, $\frac{1}{2}$ м. на ю. посл.	322,4
Бзяный верхъ, на с.-в. посл.	301,2
Ямна дольна, въ селѣ т. и.	297,4
Сухій обичъ, на в. посл.	333,6
Канасевъ, $\frac{3}{4}$ м. на ю. Рыботичъ	281,0
Кичера висока, въ Солотнику	302,1
Кальварія, въ Пацлавъ	241,4
Глиняшка, въ Кропивнику	265,5
Мѣсто Добромиль	173,4

Замокъ Добромильскій	291,4
Копанье, въ Губицяхъ, при гостинца	154,7
За окопомъ, въ Трушовицяхъ при гостинца	133,6
<hr/>	
Улучь, село надъ Сяномъ	176,9
Хрестовъ (Krzów), на в. Улучи	277,7
Ровеньскій верхъ, або На высокомъ, въ Доброй	307,6
Городокъ, 1/2 м. на ю.-в. посл.	308,8
Хоминьскій верхъ, 1/2 м. на ю.-в. Бърчи	244,2
Яворовъ, въ Троицы	261,3
Каменка, въ Троицы	254,9
Копытеньска гора, въ Копытень	284,0
Шибеница, 1/2 м. на з. Корманичъ	260,6
Хибъ, въ з. части Яскманичъ	222,6
Мъсто Нижанковичи	124,5
<hr/>	
Грошовка, або Буковина, въ Грошовцъ ва в. Сяна	258,3
Дълъ боднаревъ, въ Яблонку рускомъ	250,3
Надъ каменемъ, на с. Яблонка руского	262,5
Березки, въ Заготинъ	233,4
Босачка, въ Котовъ	238,4
Поремба, въ Ясеницы суфчиньской	214,9
Ниница, на в. Дынова, надъ Сяномъ	171,8
Ольшина, на в. посл., въ Даленговой	236,9
Допенька, въ Пятковой	235,4
Токарня, въ Новомселъ	227,4
Паненьскій чубъ, на ю. Гуты Бжуской	364,1
Сафчій лугъ, въ Бжусцъ,	211,3
Папортенка, въ Цъсовой	247,4
Подъ мазурами, въ Ольшанахъ	210,0
Гелиха, въ Витушицяхъ	218,9
Лишникъ, въ Кругелю	207,5
Конюшки, въ Даровичахъ	142,2
Купятиче, церковь св. Дмитрія	148,6
Мъсто Перемышль	123,8
Знесенье, въ Перемышли	181,1

III. Сторона межи Опѣремъ и Стрыемъ на з., Днястромъ на сѣв.,
Домницею на в., а Угорскою границею на юзъ.

Яблоникъ малый, на гр. Уг., а на вос. жерель Стрия	532,6
Блыще, на гр. Уг., а на вос. жерель Стрия	640,4
Чорна рѣпа, на гр. Уг., въ Рожанцъ выш.	675,8
Дихтовецъ, въ Рожанцъ выш.	575,2
Калиновецъ, близъ гр. Уг., въ Вышковъ	520,1
Менчовъ, на в. Вышкова, межъ Мъзуною и Свицею	763,0
Яйца, на в. посл., мля на в. Свицы	846,7
Горганъ илемскій, 3/4 м. на с.-з. посл.	854,5

Шеридовъ , $\frac{5}{4}$ м. на в. горы Яйца, надъ южными жерелами Чачвы	817,7
Шписъ (Schtis), на с.-в. посл., а на з. Ангелова	712,2
Горганъ вышковскій , на гр. Уг., надъ жереломъ Мизуна	757,5
Гичка , на гр. Уг., надъ жер. Свицы	?
Попада , на гр. Уг., надъ жереломъ Пятроса	915,2
Кепута , на гр. Уг., надъ жер. Домницы	847,3
Ялова клива , на в. Попада	820,0
Менчовъ , такожъ Канюкъ або Грофу, межъ рѣками Молода и Пятроса	920,6
Миана , на з. рѣки Молода	905,5
<hr/>	
Иза , на св. гран. Волосянки	558,7
Высокій верхъ , межъ Волосянкою и Рожанкою	653,1
Чиракъ , въ Рожанцѣ вижшой	673,2
Красна , $\frac{1}{2}$ милъ на в. посл. межъ рѣкою Соболеми и Мъзунею	595,7
Томнатикъ малый, на ю. посл.	631,4
Городыще , $\frac{1}{2}$ м. на ю.-в. посл., надъ жерелами Ильницъ	721,1
Гургулатъ , на с.-в. Городища, межъ Ильницею и Свицею	754,3
Пустошакъ , на в. посл., на в. берегу Свицы	749,0
Нягринъ , миля на ю. Велдѣра, межъ Илемкою и Свицею	623,2
Липовиця , на з. села т. и.	691,8
Верхній , въ с. части Липовиць	515,1
Вовканъ , въ ю.-з. части Перегиньска	386,5
Голече , на ю. Перегиньска, надъ Домницею	479,3
<hr/>	
Татаровка , на с.-в. села Славска, $\frac{1}{2}$ м. просто на ю. села Либохоры	803,3
Магора , на с.-в. посл., надъ южными жерелами Брязки	716,4
Щавна , миля на ю.-з. Новѣго Мъзуна	616,3
Холмъ , на ю. посл., $\frac{1}{2}$ м. на с.-з. Людвикѣвки	706,4
Лыса , межъ Новымъ Мъзунемъ и Жаклею	608,7
Долинъ , на ю. села т. и.	354,8
Спаска , въ з. части села Спасъ	346,9
Ченовата , на ю. села Княжовске	371,1
Решняте , село надъ Домницею	222,9
<hr/>	
Кондратъ , въ с. части Либохоры	607,2
Буковинець , на в. посл., а на ю. границы села Лужки	661,7
Яворникъ , на ю. границы села Липа	594,1
Люта , на ю.-з. села Мъзуна	572,7
Суездка (Zaziazda), $\frac{1}{2}$ м. на с.-з. Мъзуна	336,1
Кичерка , межъ Мъзунемъ а Велдѣремъ	300,4
Забой , на с.-в. границы Велдѣра	409,2
Куть , въ Лопяндѣ	292,8
Батынъ , въ ю. части мѣста Рожнятова	220,7
Место Рожнятовъ	199,1
Ровня , въ ю.-з. части села т. и.	200,7
<hr/>	
Зелемъ , на супротивъ входа Орявы до Олѣра	617,1
Новый мудъ , на в. границы Гребенова	661,2
Сужель , въ с. части села т. и.	471,0

Томнатикъ , въ с. части села Слобода	470,9
Монастырь , въ Гошовъ надъ Свицею	240,3
Гошовъ , въ ю.-з. части	309,7
Явора , въ ю. части села т. и.	234,6
Мѣсто Долина	206,9
Снѣжинѣ , въ в. части Долины	239,6
Замчиска , въ ю.-з. части Долины	269,5
Село Рахинъ , на с.-в. Долины	203,5
Задѣсье , на с. посл.	254,4
Рачиньска , на ю. села Ракова, по при гост.	230,4
За ставчищемъ , въ Брошневъ, надъ Ломн.	180,0
Село Брошневъ	181,3
Село Пойло , надъ Ломницею	157,8
Мѣсто Калушъ , надъ Ломницею	165,0
Копань , сѣв. часть Калуша	189,1
<hr/>	
Ключъ , миля на в. Скольѣго, а на ю. Труханова	685,0
Велерыбокъ (Welerabek), на с. Труханова	345,6
Сохла (Sechla), на с. Бубница	339,2
Мѣсто Болеховъ	194,4
Болеховска гора , $\frac{1}{2}$ м. на с. посл. при гостинцѣ	222,4
Скалки , на в. посл., надъ Свицею	182,0
Чолганьска , на ю.-в. посл. въ Тростянци	203,3
За шлюзою , на в. посл.	218,9
Шилиганичикова лѣня , на ю.-в. посл.	252,9
Куть великій , на ю.-в. посл.	243,9
Майданъ , на ю. села Завадка	211,8
Кропивникъ , на с. села т. и.	174,2
Шинкарска , на с.-з. Кропивника	190,9
Село Кропивникъ , на з. Калуша	168,5
Верхня , миля на с.-з. Калуша	155,8
Копянка , на ю.-в. границы села т. и.	191,3
Слободка , въ з. части села т. и. при гостинцы	184,8
<hr/>	
Нынѣвъ , на в. села т. и.	199,3
Дѣдушицѣ малыи , въ в. части села т. и.	175,7
Помѣрокъ , на в. Туръ великон	204,1
Баличи , на в. села т. и.	213,3
Болоховъ , въ с.-в. части села т. и.	203,1
Чертежъ , въ в. части села т. и.	191,4
Дубова , на в. села Гуменова	154,9
Нѣговцѣ , въ с. части села т. и.	143,7
Село Томашовцѣ	137,5
Мѣсто Войниловъ	151,3
Селиска гора , $\frac{3}{4}$ м. на с.-в. Войнилова	175,6
<hr/>	
Жулинъ , надъ Стрѣмъ,	172,5
Угельна , на з. села т. и.	208,3
Изидоровка , на ю. села т. и.	148,9

Село Ляховць подорожних	136,1
Мельники, въ Буяновъ	156,6
Перекосы, на ю. села Манастырець	183,4
Каплиця, преч. Давы, на с. Манастыриць	145,6
Протесы, въ селѣ Котарини	177,2
Дуброва, въ селѣ т. п.	177,3
Кульшовка, або Столпы, на ю. Луки	124,6
Колодѣвъ, въ с. части села т. и.	148,9
<hr/>	
Комаровъ, въ селѣ т. и., миль на в. Стрия	166,6
Басѣвка, на ю. Дашавы	174,5
Конелѣвка, въ Новѣмселѣ	146,1
Руда, въ с. части мѣста т. и.	136,2
Ловчиць, $\frac{3}{4}$ миль, на в. Руды	138,5
Село Жирана, $\frac{5}{4}$ м. на з. Журавна	137,7
Адамовка, $\frac{1}{2}$ м. на з. Журавна	130,7
Мѣсто Журавно	127,6
Лубша, $\frac{3}{4}$ на с.-з. Журавна	132,7
Смуговъ, $\frac{1}{2}$ м. на с.-з. посл.	131,9
Крижи, миль на ю. Жидачева, надѣ Стрыемъ	134,1
Жидачевъ, въ с.-з. части мѣста т. и.	151,7

IV. Сторона межъ Ломницею на з., Угорскою гр. на ю., бѣлымъ Черемошемъ и гр. Буковинскою на в., а Днѣстромъ на с.

а. Горы на границѣ Угорской.

Конецъ Горгана, одробину на з. жерель западной Быстриць	846,4
Сивуля, надѣ жер. западной Быстриць	955,4
Тоупичинка, на с.-з. жерель восточной Быстриць	788,7
Дервы, на з. жерель восточной Быстриць	97,5
Гропа	?
Братковска	?
Руска	?
Чорна Клива, на южи. жерелами восточной Быстриць	904,7
Плоска, надѣ в. жерелами вост. Быстриць	711,2
Довга стара, на ю.-в. посл.	713,2
Буковина, надѣ жер. Прутя, въ селѣ Яблонница	546,7
Форесокъ, або Кукуль, на с. жерель Прута	810,2
Говерля, надѣ з. жерелами Прута	1081,3
Шпиць, середній верхъ Чорной горы, надѣ головными жерелами Прута, на границѣ Станисл. и Колом. округа	?
Чорна гора, надѣ жер. Бѣлой Тисы, плывущою коло Угорского села Луги	1061,3
Стогъ, $\frac{5}{4}$ миль на ю. послѣднѣю	867,3
Ладескулъ, $\frac{5}{4}$ миль на ю.-в. послѣднѣю	833,9
Чивчинъ, миль на ю.-в. посл.	926,6
Лостунъ, $\frac{3}{4}$ м. на в. посл., 2 м. отъ гр. Буковины	869,7

6. Горы и мѣстца внутри Галичины.

Баба людова , на в. Ледескула, а на с. Лостуна	830,4
Гостинь , на с. жерель Бѣлого Черемоша, а на в. Лостуна	630,0
<hr/>	
Крута (Krenta), въ ю. части Жабьёго	709,0
Скупова , миля на з. Яблониць	828,9
Сенеца , на восточной граници Жабьёго	622,7
<hr/>	
Костричь , $\frac{1}{2}$ м. на з. Жабьёго, на граници Станисл. и Кол. окр.	833,6
Смѣцукъ , въ з. части Яблониць	572,
Магора , на в. Яблониць, близъ западнаго берега Прута	667,2
Ворохленскій , на в. Ворохты	696,3
Гордый , на в. посл., на гран. Станисл. Коломыйского окр.	776,8
Шекадѣвска , миля на з. Космача	677,6
Кругель (Gruhil), $\frac{5}{4}$ м. на ю. Космача	773,1
Зелень , въ Космачи	449,7
Рѣчецкій буковецъ , на ю. села Рѣчка	586,0
Клива , $\frac{3}{4}$ миля на с.-з. Коссова	327,3
Михалковъ , $\frac{1}{2}$ м. на ю.-з. Коссова	426,4
Нопадя , въ Старыхъ Кутахъ	174,0
Порубъ , миля на в. Коссова	209,9
<hr/>	
Полянська гора , на с. горы Пюскои	891,5
Добошанка , на с. горы Старои Довгои	923,4
Нова Довга , $\frac{1}{4}$ м. на ю.-в. Старои Довгои и надъ жер. Прутчика	721,2
Бабина ямна , або Синій Горганъ, миля на в. Старои Довгои	875,9
Бараня , $\frac{3}{4}$ м. на в. послѣдnoi	810,5
Яворникъ , $\frac{3}{4}$ м. на ю.-з. Ямны	772,1
Микуличинъ , $\frac{1}{2}$ м. на з. Микуличина	589,3
Лышневь , миля на ю. Микуличина	660,4
Клива , въ в. части села Ямна	517,6
Яворова , $\frac{3}{4}$ м. на с.-в. посл.	524,4
Рокита , миля на в. Микуличина, на гр. окр. Станисл. и Колом.	584,6
Рокита , $\frac{1}{4}$ миля на ю.-в. посл., на гр. окр. Стан. и Колом.	580,6
Ославовъ верхъ , на в. Ослава бѣлого, на гр. окр. Стан. и Колом.	402,4
Камънь , на ю.-з. мѣста Яблоница	314,8
Дубове , въ Ключовъ вел., миля на с.-з. Яблоница	371,8
Ивановка , $\frac{1}{4}$ м. на в. Яблоница	231,9
Лебединъ , на ю.-з. Пѣстыня	210,4
Кичера , $\frac{1}{2}$ м. на в. Пѣстыня	296,4
Красникъ , $\frac{3}{4}$ миля на с. Пѣстыня	253,3
Тереблиць , въ селѣ Испасъ	204,3
Пюска , миля на с.-в. Пѣстыня	238,4
Жмень , миля на с. посл.	202,9
Лисина гора , на з. села Тройца	185,9
Иванова гора , на с. села Хомчинъ	200,2
Лупинка , въ Хомчинъ	196,4
Телячки , $\frac{1}{2}$ м. на ю. мѣста Заболотова	179,1
Шпапуленьва , миля на ю. посл.	191,9

Каратура , въ селѣ Джуровъ	183,6
Любковцъ , $\frac{3}{4}$ м. на вос. Заболотова	125,8
Высокии обѣ , на з. Задуча, надъ Черемошемъ	154,7
Мѣсто Снятыиъ	140,9

Допушна , $\frac{1}{4}$ миля на с. горы Сивуль, на гран. окр. Стрыйск. и Стан.	966,6
Максимецъ , на ю.-в. посл., на з. берегу восточной Быстрицѣ	782,6
Леорда , миля на в. послѣднѣ	550,7
Пасѣчанка , $\frac{1}{2}$ миля на ю. села Пасѣчна	637,9
Черногорецъ , межъ селами Зелена и Дора	737,2
Дора , $\frac{1}{2}$ м. на з. села т. и.	505,7
Село Дора , надъ Прутомъ	265,3
Верховицъ , $\frac{3}{4}$ м. на с.-з. Делятына	275,2
Федоринчинъ , $\frac{3}{4}$ м. на ю. Ланчина	384,3
Вратекъ , миля на ю.-в. Ланчина	406,9
Печеньжинъ , $\frac{1}{2}$ м. на с. мѣста т. и.	242,2
Катарина , $\frac{3}{4}$ м. на ю.-в. Печевѣжина	215,5
Мѣсто Коломыя , въ восточной части	148,9
Бучачки , въ селѣ т. и.	160,9
Тулаковъ , миля на с.-з. Заболотова	158,2
Устье , въ с. части села т. и., на ю. Белелун	143,4
Руссовъ , въ селѣ т. и.	182,3
Стецова , въ селѣ т. и.	177,0

Высока , миля на с. горы Допушны, на границѣ Стр. и Стан. окр.	950,0
Середна , $\frac{1}{4}$ м. на с. посл.	892,8
Станомъръ , миля на с.-з. села Зелена	814,1
Чортка , миля на с. села Зелена	661,2
Дѣль , миля на с. села Пасѣчна	523,6
Строгоры , $\frac{1}{2}$ м. на з. села Лоева	463,6
Майданъ , въ селѣ Майданъ горъшныи	291,9
Чопенилоза , миля на с.-з. Ланчина	266,6
Село Ланчинъ , сѣверна часть	198,2
Брослинъ , $\frac{1}{2}$ м. на в. Ланчина	248,6
Маріягильфъ , на ю. села Каменка мала	162,1
Нодгайчики , на ю. села т. и. и гостинця	169,9
Турка , на в. села т. и.	182,7
Гвоздецъ , $\frac{3}{4}$ м. на с.-з. мѣста т. и.	204,1
Краковцъ , $\frac{1}{2}$ м. на в. мѣста т. и.	179,3
Торговиця , въ с. части села т. и.	147,3

Гринковъ , на з. села Пороги, и на границѣ Стрыйск. и Стан. окр.	659,3
Живорисъ , миля на ю. села Пороги	565,2
Вапъенка , $\frac{3}{4}$ м. на с.-з. Манявы	416,2
Дѣль , $\frac{3}{4}$ м. на ю.-в. Манявы, въ Бѣтковѣ	525,0
Пасовиско , въ Марковой	267,0
Зульковка , $\frac{3}{4}$ м. на з. Надвѣрною	315,3
Мѣсто Надвѣрна	224,9
Потоки , $\frac{3}{4}$ м. на с. Надвѣрною	305,5

На завѣсахъ , $\frac{3}{4}$ м. на с.-з. Надворнои	217,4
Парище , въ селѣ т. и.	205,7
Квасне поле , на ю.-з. села Парища	242,3
Коршовъ , въ ю. части села т. и.	201,7
Жукотинъ , въ селѣ т. и.	180,3
Каменка велика , въ селѣ т. и.	191,4
Рыло (Pita) , на с.-з. села Окно	159,9
Окно , въ селѣ т. и.	159,0
Гринюшка , въ селѣ Сороки, надъ гостин.	185,2
Городенка , $\frac{3}{4}$ миль на с.-з. мѣста т.-и.	173,2
Ясенѣвъ , въ ю. части села Ясенѣвъ польный	154,4
Бабя гора , въ мѣстци, гдѣ сходитсѣ Днѣстеръ, и гр. Колом. Буков.	162,2
<hr/>	
Клива , надъ жереломъ Луквы	457,8
Острогъ , $\frac{3}{4}$ миль на с.-в. мѣста Солотвины	274,4
Горехлиньска гора , въ ю. части села т. и.	230,3
Грабовець , въ селѣ т. и. надъ восточною Быстрицею	211,0
Струпковъ , $\frac{3}{4}$ м. на ю. Отынѣи	176,9
Мѣсто Отынѣи	150,8
Торговиця польска , въ ю. части села т. и.	181,1
Козинець , въ Хлѣбичевѣ лѣсномъ	169,1
Пужинки , $\frac{3}{4}$ миль на ю.-з. мѣста Хотимѣря	207,1
Ивасѣвъ , $\frac{1}{2}$ м. на с.-з. Обертина	187,7
Сѣркова , на с.-з. границы села Чорговецъ	190,0
Сѣмаковъ , въ селѣ т. и. по при-гостинци	184,6
Петочиска , въ селѣ т. и.	176,6
<hr/>	
Небыловъ , въ ю. части села т. и.	264,2
Село Небыловъ , надъ Ломницею	249,7
Космачова , на ю. посл., надъ Лувкою	398,9
Богородчаньске поле , на ю.-в. Богородчанъ	189,4
Тисьменичаны , на в. села т. и.	166,2
Бѣгана , мѣля на с.-в. Отынѣи	193,4
Грабѣла , (?) въ селѣ Чернолозцѣ	168,5
Бечова , въ селѣ Корольвка	166,5
Грушковска , на в. села Грушка	175,9
Живачовъ , на з. села т. и.	184,3
Вивача , на з. села Незвиска, надъ Днѣстромъ	165,6
Искровка (Wiszkriwka) , въ селѣ Далешовѣ	197,5
<hr/>	
Слобода , въ селѣ т. и.	284,2
Красна , на ю. села Петранка	306,2
Рѣги , въ Петранцѣ	241,8
Нивочинъ , въ ю. части села т. и.	233,8
Креховиць , въ селѣ Дрогомиръчанахъ	184,9
Радча , $\frac{1}{2}$ м. на в. мѣста Лысець	158,9
Хрыплинъ , въ селѣ т. и.	135,2
Хомяковка , въ селѣ т. и.	141,5
Толмачъ , въ ю. части мѣста т. и.	159,8

Горбъ , $\frac{3}{4}$ м. на с.-в. Толмача	176,9
Дублидо , на в. села Окняны	174,5
Торслея , въ селѣ Олеся	188,7
Могила , на ю. Горыгядъ и Днѣстра	165,6
<hr/>	
Хмелиньскій , въ селѣ Новица	189,3
Мѣсто Станиславовъ	132,3
Середна , при устью Вороны въ Быстрицю	161,7
Мѣсто Тысьменица	130,4
Могилки , $\frac{3}{4}$ м. на с.-в. посл.	177,7
Ольшаниця , на с.-в. посл., въ селѣ т. и. надъ Днѣстромъ	192,7
Квасциско , на ю. Буковной	162,5
Овеча гора , въ Братишевѣ коло Нижнева	184,8
<hr/>	
Катарина , въ Майданѣ, при гостинци	187,0
Плоскій , на с.-в. посл.	183,5
Ятрена гора , въ Угрыновѣ горѣш.	184,4
Ужинъ , въ селѣ т. и.	171,2
Середный горбъ , въ Стриганцахъ,	166,7
<hr/>	
Боднаровъ , въ селѣ т. и.	187,8
Бринь , въ с.-з. части села т. и.	181,9
Катаринка , на с.-з. села Сльця	172,5
Село Крылось , на ю. Галича	159,2
Св. Станиславъ , на з. Галича	151,3
Мѣсто Галичъ	114,6

V. Горбковатая середина Галичины т. е. сторона межи Галицкими горами дѣловыми на з. и с., Стрыпою на в., а Днѣстромъ и Стрвяжемъ на ю.

a. Межь западными Галицкими дѣловыми горами и рѣкою Верещицкою.

Радичъ*) , $\frac{3}{4}$ милъ на в. Добромия, на гран. окр. Саноцк. и Самб.	272,6
Св. Дмитро , въ Чижкахъ	161,5
Бучина , въ Чижкахъ	178,1
Конѣвъ , въ селѣ т. и.	178,3
Гатъ , въ с. части села Сусьдовичи	190,8
Быличи , въ селѣ т. и.	166,9
Доброшинъ , въ Рогозанѣ, на границѣ окр. Перем. и Самборс.	161,1
Рогозно , въ селѣ т. и.	161,5
Воютичи , въ с.-з. части села т. и. надъ Стрвяжемъ	160,4
Каниковъ , въ Садковичахъ надъ Блосевкою	158,8
Борецка , на ю.-з. Волѣ баранецком	172,0

*) Имена, печатанны тутъ розширенными буквами означаютъ горы хребтовми дотичного горъ-ряда.

Пяновичи , въ селѣ т. и.	170,2
Мѣстковичи , въ з. части села т. и.	157,8
Мѣстковичи , въ в. части села т. и.	145,0
Костева долина , въ Ковеничахъ	157,5
Вѣнцковичи , въ с. части села т. и.	153,1
Береги , въ селѣ т. и., надъ самымъ Стрвяжемъ	143,9
Островъ , въ селѣ т. и.	163,9
Наѣсники , въ Конюшкахъ снѣжавскихъ	163,1
Подъ дубомъ , въ Ковбаевницахъ	160,7
Чайковичи , въ селѣ т. и.	155,1
Конюшки тулиголовскіи , въ с. части села т. и.	159,3
<hr/>	
Вишенка , въ селѣ т. и., на в. Крукеничъ	171,4
Ванковичи , въ селѣ т. и.	157,9
Блозевъ дольшій , въ с. части села т. и.	165,8
Мокряны малыи , въ селѣ т. и.	168,1
Макунѣвъ , въ селѣ т. и.	165,0
Орховичи , въ селѣ т. и.	161,1
Купновичи , въ с. части села т. и.	163,3
Село Вошанць	147,9
Мѣсто Рудки	140,3
Подгайчики , въ с. части села т. и.	163,9
Горинава , въ ю. части Дубанѣвичъ	165,8
Гошаны , въ селѣ т. и.	170,9
Хлопы , въ с. части села т. и.	153,1
Завидовичи , въ селѣ т. и.	154,5
<hr/>	
Шоломѣнць , въ ю. части села т. и.	163,1
Могила въ Годвишны	?
Мѣсто Городокъ	143,3
Село Галичановъ	146,9
Турецка могила , въ Речичанахъ	166,1
Село Каменобродъ , лежитъ надъ моремъ	156,2
Зушиць , въ селѣ т. и.	157,2
<hr/>	
Село Малошковичи ,	157,8
Кертина , въ Добростани	176,1
Федоровиць , $\frac{1}{2}$ м. на ю.-з. Янова	198,6
Мѣсто Яновъ	162,8
Порохникъ , $\frac{1}{4}$ м. на с.-з. Янова	185,0
Дуброва , на з. Лелеховки, на гран. Перем. и Львовскаго окр.	181,0
На камени , въ в. части Старискъ	188,6
Пѣсочна , на ю.-з. Вишеньки	194,1
Вывшина , въ ю. части Вишеньки	202,9
<hr/>	
6. Межь Верещицкою рѣкою и Липою.	
Буковина , въ селѣ т. и., близъ входа Бобрецкой рѣки въ Днястеръ	131,5
Голешовъ , $\frac{3}{4}$ милъ на с. Журавна	138,9

Бакоцинь , $\frac{1}{2}$ миль на в. Журавня	183,6
Могила , въ селѣ Вишнева	173,6
Могила , въ Черемховѣ	172,6
Новосылецъ , въ ю. части села т. и.	153,7
Село Журовъ	124,6
Село Чернѣвъ , надъ Свѣрскою рѣкою	142,6
Мѣсто Букачовцъ	124,3
Село Мартиновъ новый, надъ Днястромъ	132,3
Часть восточна послѣднѣго села	149,3
Село Демешковицъ , на ю. Буртштина, близъ Днястра	120,8
Мѣсто Бурштинъ , надъ Липою	122,3
Дубъ , въ з. части села Насташчинъ, на гран. окр. Береж. и Стрыйск.	185,2
Зады , на с.-з. посл., на гран. округа Береж. и Стрыйск.	167,8
Село Бабуховъ , надъ Липою	136,3
<hr/>	
Горна , въ селѣ Крупску надъ Днястромъ	178,5
Крупско , въ с. части села т. и.	206,1
Мѣсто Роздоль	150,1
Марковка , въ селѣ Малеховѣ	180,7
Станьковицъ , $\frac{1}{2}$ миль на ю.-в. Броздовичъ	177,0
Село Зальсье , надъ Днястромъ	143,4
Мѣсто Ходоровъ	129,7
Голтовицъ , въ селѣ т. и.	165,9
Городыще цетнарское , въ селѣ т. и.	152,1
Княгиниче , въ з. части мѣста т. и.	173,3
Долиняны , въ з. части села т. и.	178,4
Бѣнковицъ , на з. села т. и.	186,1
Церковь преч. Дѣвы въ Таданяхъ, въ селѣ Любши	160,8
Лыса гора , на з. мѣста Подкаменя	175,3
Псары , въ селѣ т. и., на ю. Подкаменя	181,1
Могилка , въ Загбрю, $\frac{1}{2}$ м. на в. Княгиничъ	185,5
Залуже , въ селѣ т. и. на ю. Рогатына	157,2
Потокъ , въ селѣ т. и., на с. Рогатына	163,1
Печена гора , въ селѣ Залипѣ	173,4
<hr/>	
Лѣсничовка , въ Татарыновѣ, миль на ю. Комарна	149,0
Лапѣшки , тамже	146,8
Горожанка , въ ю. части Горожанки великом	160,1
Новосѣлки , въ селѣ т. и.	150,7
Гонятичи , въ селѣ т. и., надъ Турецкою рѣкою	146,6
Лубяна , въ селѣ т. и., при самомъ гостицѣ	175,5
Липа , въ ю. части мѣста Николаева	184,0
Передаманиця , въ Смудьску, на границѣ Львов. и Стрыйск. окр.	203,1
Медвѣдъ , на границѣ Львовск., Береж. и Стрыйского округа	208,2
Грабово , въ Пятничанахъ	188,0
Кнѣсело , въ селѣ т. и.	165,2
Кривецъ , въ в. части села Ваковца	210,5
Мыльна (Melna) , въ селѣ т. и.	223,4
Пасковецъ , въ Коралицяхъ, на с.-з. Фирдеѣва	201,3

Село Брюховиць	136,1
Нивки, въ ю. части послѣднѣго	154,5
<hr/>	
Мѣсто Комарно	158,7
Румно, въ ю. части села т. и.	155,5
Якимчичи, въ селѣ т. и.	149,7
Гуменець, въ селѣ т. и.	161,2
Мѣсто Щирецъ	159,9
Кобыляча гора, въ Полянѣ	211,7
Бенѣвки, въ Суходолѣ	192,2
Хлѣбовицка гора, въ Хлѣбовицкѣ	200,8
Щека (Szecka), четверть миль на в. Бѣбрки	202,1
Долге, въ селѣ Любшкѣ волохова	207,7
Гора Свѣрска, въ ю. части мѣста Свѣря	202,6
Кролъ (? — Krahle), въ селѣ Недѣлискѣ	219,1
Осталовиць, въ селѣ т. и.	205,7
<hr/>	
Бурче, въ селѣ т. и. надъ Верещицкою рѣкою	141,1
Середица, въ селѣ т. и.	167,7
Лѣсневици, въ ю. части села т. и.	156,9
Село Сѣмяновка	143,1
Деревачъ, при самѣмъ гостинцы, въ старѣмъ Хруснѣ	199,0
Смеречна, на в. посл.	194,8
Лопушна, въ селѣ т. и., на границѣ Львовск. и Береж. округа	194,1
Хомбургъ, (може Холмъ) въ селѣ Гринѣвѣ, миль на с. Бѣбрки	231,2
Кругликъ, $\frac{3}{4}$ миль на с.-в. Бѣбрки	230,8
Камуля, м. на с.-в. Бѣбрки, на гр. селѣ Подгородище и Романовѣ	248,6
Село Романовѣ	147,5
Каменная гора, въ послѣднѣмъ селѣ	226,8
Сильва, на востокъ посл., въ Ганачовцѣ	240,4
<hr/>	
Мельковѣ, четверть миль на с.-в. Любня великого	159,3
Мальковиць, въ селѣ т. и., на в. Любньского ставу	155,0
Керница, въ селѣ т. и., миль на в. Городка	165,3
Ставчаны, въ с.-з. части села т. и.	165,1
Наварія, въ з. части мѣста т. и.	176,0
Мѣсто Наварія	151,6
Людвиковка, въ в. части села Поршна при самѣмъ гостинцы	188,5
Пасѣвки, на в. границѣ села Зубря (на ю. Львова)	183,4
Давидовѣ, на в. посл., въ с. части села т. и.	183,5
Пробощъ (може Проборъ), на ю. посл., въ селѣ Черепинѣ	183,0
Монастырь, въ Шоломи	185,3
Село Коцуровѣ	138,1
Ваза врукъ, або Лагодовскій лѣсъ, въ селѣ Лагодова	231,7
Словитска гора, надъ жер. Липы	241,6
<hr/>	
Городецка гора, миль на в. Городка а $\frac{1}{2}$ четверти м. на с. гост.	164,0
Зушиць, въ селѣ т. и.	157,2
Село Мшана	165,0

Суха воля, въ селѣ т. и.	160,1
Гарбарска ленія, на в. посл.	166,6
Буковина, въ с. части села Оброшина	173,0
Село Рудно	165,0
Скниловъ, въ селѣ т. и. при самѣмъ гостиницѣ	175,1
Сокольники, з. часть села	182,6

Село Вороцовъ	149,0
Село Стречь	188,1
Козиць, въ ю. части села т. и.	172,9
Ръсна, въ ю.-в. части Ръсны польскою	167,9
Кортунова гора, на с.-з. Львова	196,4

Кубинъ, $\frac{3}{4}$ м. на с. Делеховки, въ селѣ Майданъ	200,7
Булава, $\frac{1}{2}$ миль на в. послѣдню	206,2
Середный горбъ, въ Ставкахъ	207,7
Воротиска, въ с. части Яснискъ	195,1
Гринѣвка, въ з. части Рокитна	198,8

Гарай, на границѣ Перемыск. Жолк. и Львовскаго округа	205,3
Заячій кутъ, въ Гутиску, $\frac{1}{2}$ миль на ю.-з. Крехова	204,6

г. Межь Липою и Золотою Липою.

Мѣсто Болшовць	121,8
Виногорска, $\frac{1}{2}$ миль на ю.-в. посл.	169,1
Межигорць, въ селѣ т. и., $\frac{3}{4}$ миль на в. Галича	188,7
Мѣсто Маріямполь	121,3
Бобровникъ, $\frac{1}{2}$ миль на в. мѣста Устье зелене	191,3
Ланы, въ селѣ т. и., миль на с. Маріямполя	185,4
Делевъ, въ селѣ т. и.	185,5
Каштанки, въ з. части Баранова, надъ золотою Липою	181,9
Село Товстобабы, надъ золотою Липою	190,9

Болшовъ, въ с. части села т. и.	175,5
Гербутовъ, въ селѣ т. и.	179,3
Юнашковъ, въ селѣ т. и.	185,2
Свистельники, въ селѣ т. и.	180,9
Дубниця, на ю. Яблонова	180,6
Гнильче, въ с. части села т. и.	201,1
Боковъ, въ ю. части села т. и.	200,8
Липина, въ с. части Бокова	27,2
Палки, въ с. части Носова	206,7
Хома, въ Славтинь	212,6
Попова гора, въ Литвиновъ	205,0

Надъ раемъ, въ Лучинцахъ	188,3
Липниця дольна, въ селѣ т. и.	186,7
Мѣсто Рогатинъ	110,8

Чортова гора , $\frac{3}{4}$ милъ на в. посл.	183,6
Глиняна гора , $\frac{3}{4}$ милъ на с.-в. Рогатина	222,1
Поляна , $\frac{5}{4}$ милъ на в. Рогатина	222,8
Попилиха , въ Мякчишовъ	232,6
Радятинъ , въ Котовъ, надъ золотою Липою	216,8
Бѣла гора , на ю. села Гутиска	225,9
Карманьска гора , въ с.-з. части села Ольховець, $\frac{3}{4}$ м. на ю.-з. Береж.	232,1
Чикеланы , въ в. части Ольховця	208,1
<hr/>	
Вовчій кутъ , на с.-з. мѣста Стратина	226,0
Задробнякова , $\frac{1}{2}$ м. на с.-в. Стратина	223,0
Захомецъ , $\frac{1}{2}$ милъ на в. Фирлеёва	216,3
Бручиha , $\frac{3}{4}$ милъ на ю.-з. Нараева	240,9
Янчинъ , надъ Липою	155,8
Колесо , межъ Подусовомъ и Болотнею	211,9
Болотня , въ с.-в. части села т. и.	210,4
Бекешинъ , въ селѣ т. и.	200,3
Мѣсто Бережаны	150,3
Сторожиско , $\frac{1}{4}$ м. на с.-з. посл.	207,6
Лыса гора , $\frac{3}{4}$ м. на с.-з. Бережавъ, при гостиницы	199,2
Холмъ (Chom) , въ Шумлянахъ малыхъ	195,9
Оберчиска , въ Вербовъ	211,3
Буще , въ селѣ т. и.	204,5
<hr/>	
Оброчовка , межъ Бѣлою и Плетеницами	223,8
Могилки , въ з. части Бѣлон	212,8
Ладанць , въ селѣ т. и.	209,9
Пнятинъ , въ селѣ т. и.	209,7
Птахъ , $\frac{1}{4}$ милъ на с.-в. Перемышлянъ	194,9
Птахъ , $\frac{1}{4}$ милъ на ю.-в. посл.	215,9
Тиханъ , въ Липовцяхъ, на границѣ Золоч. и Береж. округа	230,6
Язвичъ , въ в. части Липовиць	212,8
Высока гора , на в. границы Липовиць	211,3
Мокре , въ Чемерицяхъ	212,4
Надъ садками , въ селѣ Выгбѣ (Wigb)	223,7
На зрубяхъ , въ в. части села Выгбѣ	224,8
Нестюки (може Пястукки?) $\frac{3}{4}$ милъ на ю.-з. Поморянъ	212,6
Орне , на с. посл.	223,5
Липки , въ ю. части Ремжѣвця	211,1
Густе , въ з. части Ремжѣвця	214,3
<hr/>	
Гологоры , $\frac{1}{4}$ милъ на з. мѣста т. и.	212,0
Мѣсто Гологоры	184,6
Нова выгода , $\frac{1}{2}$ милъ на ю. Гологоръ	221,5
Кибановъ , на ю.-в. посл., на границѣ Береж. и Золоч. округа	212,1
Карпина , $\frac{1}{2}$ милъ на в. посл.	232,3
Гораетъ , $\frac{3}{4}$ милъ на в. Гологоръ	224,4
Старый Майданъ , въ селѣ т. и.	224,3

Дзбеканова гора, надъ жер. Зол. Липы, $\frac{1}{2}$ м. на ю. Золоч.	209,9
Вериняки, $\frac{1}{2}$ миль на югъ послѣднего	219,8

д. Межь Золотою Липою и Стрыпою.

Бовдрикъ, въ Ляцкѣмъ близъ входа Золотой Липы въ Днѣстеръ	178,7
На кію, въ Коропци, надъ рѣкою Коропецкою	190,9
Коропецъ, въ с. части села т. н.	205,4
Порохва, въ з. части села т. н., надъ Баричскою рѣкою	202,2
Сновидовъ, $\frac{1}{2}$ миль на з. села т. н.	181,8
Березина, $\frac{1}{4}$ миль на в. мѣста Потѣкъ	213,3
Соколовъ, $\frac{1}{4}$ миль на з. села т. н.	217,3
Долгій дѣсъ, въ Русиловъ, надъ Стрыпою	194,2
Круги, въ ю.-з. части Сорокѣвъ	182,4
Контроверсъ, въ с. части Сорокѣвъ	182,4
Церквиска, на ю. мѣста Бариша	208,2
Баришъ, $\frac{1}{4}$ миль на з. мѣста т. н.	210,7
Мытница, на в. посл., въ Жизномърѣ	209,8

Лазаровка, въ селѣ т. н.	192,6
Гауда, въ Березовцѣ, на югъ Монастырищъ	201,3
Ксендзова гора, въ Комаровцѣ	206,9
Копанье, $\frac{1}{4}$ миль на з. Манастирищъ	203,6
Завалиска, въ селѣ т. н., на с.-з. Манастирищъ	215,2
Вербятинъ, на в. границѣ села т. н.	202,2

Сливянка, на з. Голгоча, а в. Завалова	215,9
За ольхою, на в. Голгоча	210,3
Каменная гора, въ Угрюновѣ, миль на ю.-з. Подгаецъ	210,5
Обелискъ, въ мѣстѣ Подгайцяхъ	196,5
Курдвановка, въ селѣ т. н., на з. Петликовецъ старыхъ	195,2
Куйдановъ, на з. села т. н.	195,5
Котузовъ, въ селѣ т. н.	187,4

Климьтинъ, на в. Литвинова, надъ Липою	209,7
Каничокъ, въ Волощинѣ	205,2
Стефановъ, въ селѣ т. н.	212,4
Клинъ, въ Мужиловъ, на с. Подгаецъ	210,6
Гранична могила, межъ Мужиловомъ и Берексдорфомъ	206,0
Долна, на с.-в. Бьлокерницѣ	204,3
Новосѣлки, на с.-в. села т. н.	204,7
Крестъ, на в. границы Новосѣлокъ	197,3

Сокольча, въ Саранчукахъ	214,5
Лысоня, въ Шибалинѣ	209,4
Дубще, на в. Шибалина, въ селѣ т. н.	215,6
Мѣсто Козова	193,9
Козова, $\frac{1}{4}$ м. на з. мѣста т. н.	206,1

Кальне, въ селѣ т. и., на югъ Козовой	208,4
Раковецъ, въ Свѣтницяхъ надъ Стрыпою	184,6
<hr/>	
Замостова, на в. Бережаньского ставу	175,6
Заляцка гора, въ Гиновичахъ	174,2
Небылицко, въ ю. части Куропатникъ	217,4
Орловъ, въ селѣ Козовка	207,6
Теофилѣвка, въ селѣ т. и.	199,4
Слобода, въ з. части Денисова	194,6
Денисовъ, въ ю. части села т. и.	194,6
Село Плотычи, надъ Стрыпою	199,1
<hr/>	
Нова вѣра, въ Бришовъ, надъ Золотою Липою	210,2
Пѣсковиця, въ Конюхахъ	202,4
Конюхи, въ в. части села т. и.	209,3
Вымысловка, въ селѣ т. и., на с.-з. Плотыцкого ставу	203,8
Каменна гора, въ Золочѣвцѣ надъ Стрыпою	194,5
<hr/>	
Юзефовка, въ селѣ Годовъ	211,0
Августовка, въ селѣ т. и.	202,6
Богутинъ, на ю. границѣ села т. и., $\frac{3}{4}$ милъ на с. Поморанъ	211,5
Жабинъ, въ селѣ т. и.	217,9
Зарудь, на ю.-в. мѣста т. и.	205,3
<hr/>	
Рыковъ, въ селѣ т. и., на ю.-в. жерель Золотой Липы	216,4
Канева, въ Плюховъ, при самѣмъ гостинцѣ	214,2
На нетребѣ, въ Метенѣвѣ, при самѣмъ гостинцѣ	205,6
Могила, въ Подлинью, близъ (на з.) жерель Стрыпы	?

VI. Сторона межъ Стрыпою и Збручезь.

а. Межъ Стрыпою и Серетомъ.

Схибиньска гора, въ Хмѣлевой, надъ Дявстромъ	207,9
Паньска могила, въ Червоногородѣ	193,4
Клюска, въ Торскомъ	158,1
Вѣха, въ Звѣнчачи	163,9
Касперовцъ, близъ входа Серета въ Дявстеръ	142,6
Дуплава могила, на с.-в. мѣста Устьечка	190,3
Ворволинцъ, въ селѣ т. и. надъ Дупою	184,2
Солоне, въ селѣ т. и.	193,4
Головчинцъ, въ селѣ т. и.	172,0
Цаповцъ, въ селѣ т. и.	194,2
Свѣдова, въ селѣ т. и., милъ на в. Товстого	172,3
Кривоконы, $\frac{3}{4}$ милъ на ю.-з. Улашковецъ	159,0
<hr/>	
Баранова, $\frac{1}{2}$ милъ на ю. мѣста Язловца	192,3
Повосѣлки, въ в. части села т. и.	200,7
Попова могила, близъ входа Стрыпы въ Дявстеръ	203,4

Вѣла , въ Слободцѣ	177,2
Бураковка , на в. села т. п.	178,5
Базаръ , на в. села т. п.	179,0
Долина , $\frac{1}{4}$ миль на з. мѣста Ягольницѣ	174,4
Забѣлявцѣ , $\frac{1}{2}$ миль на с.-в. Ягольницѣ	160,6
<hr/>	
Зрукъ , на с. села Репъницѣ	192,1
Репъницѣ , въ в. части села т. п.	201,4
Половцѣ , на в. села т. п.	184,6
Чортковъ , миля на з. Чорткова	177,4
Подзамочокъ , въ в. части мѣста Бучача	195,8
Нышковцѣ , въ селѣ т. п.	191,8
Середній горбъ , въ Трибухѣвцяхъ	195,5
Джуринъ , въ селѣ т. п.	184,2
Романовка , въ селѣ т. п.	187,4
Звенигородъ , въ селѣ Пилава	191,4
Мазуры , на с.-в. послѣднего	192,1
Бѣла , на з. села т. п. и Чорткова	184,0
Бычковцѣ , въ з. части села т. п.	185,0
Св. Іоаннъ , въ с. части Быковецѣ	184,0
Звинячъ , въ ю. части села т. п.	189,1
Звинячъ , въ с. части села т. п.	184,0
<hr/>	
Бобулицѣ , въ селѣ т. п.	200,8
Зарванця , въ в. части села т. п.	200,6
Баба , въ Доброполи	205,8
Лашковцѣ , въ с. части села т. п.	127,7
Романовка , въ селѣ т. п.	189,1
Село Хмѣльвка	186,2
Золотники , въ в. части села т. п.	194,9
Дубина , въ Дароховѣ	180,7
Вербовецѣ , въ селѣ т. п.	187,6
Яновъ , миля на з. мѣста Янова	183,6
Подгайчики , на ю. села т. п.	183,6
Островникъ , въ Слободцѣ надъ Серетомъ	178,3
<hr/>	
Пивки , въ ю. части Бѣнявы	180,8
Бѣнява , въ с. части села т. п.	185,9
Папталиха , въ ю. части села Задрость	179,4
Фигура , въ Боднарѣвцѣ надъ Серетомъ	175,3
Ладичинъ , на з. села т. п., коло Микулинецѣ	178,3
Кривка , въ Ладичинѣ	187,6
Настасовъ , въ селѣ т. п.	195,0
<hr/>	
Св. Матѳей , въ Купчинцяхъ	186,1
На млынахъ , въ Городыщу	192,4
Тавровъ , въ селѣ т. п.	202,4
Мѣсто Козловъ	183,3
Касперокъ , $\frac{1}{2}$ миль на ю.-в. посл.	198,9

Клячиха , $\frac{3}{4}$ миль на с.-в. Козлова	197,5
Село Домаморичь	182,3
Драгановка , на з. села т. и.	190,2
Бучивъвъ , на з. села т. и.	189,7
Островъ , на з. села т. и.	191,9
Должанка , на ю. села т. и.	194,8
Кутковць , въ с. части села т. и.	194,4

За дубомъ , $\frac{1}{2}$ миль на ю.-в. мѣста Озърно	201,3
Осташовць , въ селѣ т. и.	220,0
За гаями , въ Нестеровицяхъ	206,1
Серединць , на з. села т. и.	202,9
Цебровъ , въ селѣ т. и.	193,4
Село Воробльвка	203,8
Пронятинъ , на з. села т. и.	169,4
Малашовць , въ селѣ т. и.	203,1

Ленія , въ Кубаровицяхъ надъ Стрыпою	215,7
Нерепельники , въ ю. части села т. и.	219,3
Выгопъ , въ Перепельникахъ	213,3
Клинъ , въ с. части Олѣва	207,6
Бзовиця , въ селѣ т. и.	210,0
Бѣлоголовка , въ Реневъ надъ Серетомъ	202,6

Лыса гора , $\frac{1}{2}$ миль на с.-в. Сасова	223,3
Подгорць , (церковь)	209,1
Заячій вусъ , надъ жереломъ Серета	204,6
Каменна гора , на в. посл.	?
Высокій камень , на в. посл., въ Голубицѣ	231,7
Лѣтовиско , на в. посл., въ селѣ т. и.	218,0
Пасѣвка , въ Пенякахъ	203,9
Село Пеняки	184,4
Липина , въ Звыжинѣ	204,4
Бариній садъ , $\frac{3}{4}$ миль на ю. мѣста Маркоподя	207,3
Подъ гаемъ , въ Маркополи	196,2
Злобы на с. Залозецъ	196,2
Гора въ Подкамени	232,8
Паликоровы , въ селѣ т. и., на ю. посл.	204,5

б. Межь Серетомъ и Збручемъ.

Худиковць , на с. села т. и., $\frac{1}{2}$ м. на с.-в. мѣста Устье бискупсь	156,4
Мѣсто Мельниция , надъ Дявстромъ	131,1
Могилки , $\frac{1}{2}$ миль на с.-в. посл.	159,0
Водковць , на с. села т. и. надъ Дявстромъ	120,8
Окопы , въ селѣ т. и. при выходѣ Дявстра зъ Галичины, найнижшое мѣстце Галичины	46,2
Пацеве зелене , въ с. части села т. и. надъ Збручемъ	140,9
Залѣсье , въ селѣ т. и., на с. мѣста Кудринць	162,6

Костюкова , на з. села Новосѣлка Костюкова	165,6
Шупарка , въ ю. части села т. и.	164,0
Кривче , на ю. мѣста т. и.	154,2
Сапоговъ , на в. села т. и.	165,8
<hr/>	
Королѣвка , на с.-з. мѣста т. и.	176,7
Борцовъ , на с.-в. мѣста т. и.	57,9
Турьльче , на ю.-з. села т. и.	149,2
Подфилипье , на в. посл. близъ Збруча	136,2
<hr/>	
Мушкаровъ , на с.-в. села т. и. надъ Серетомъ	160,2
Глубочокъ , на з. села т. и.	147,8
Поплавы , на в. Шершеневичъ надъ Серетомъ	161,7
Ланки , въ ю.-в. части Заболотовки надъ Серетомъ	165,3
Констанція , сельце	154,8
Вѣрняковцъ , на с. села т. и. надъ Наклавою	147,6
Ланове , въ селѣ Козачизна	164,0
Гробельки , на в. села Ланове	160,2
Циганы , на ю. села т. и.	145,8
Мушкатовцъ , на с.-в. села т. и.	155,4
Иванковъ , на ю. села т. и., на югъ мѣста Скала	150,2
<hr/>	
Качорова , въ Сосолъвцѣ на с. Улашковецъ	160,2
Озвряны , ва с. мѣста т. и.	160,1
Мерлаве , на с.-з. Пилашковецъ	171,0
Тарнавка , на в. села т. и.	154,6
Давидковцъ , на с.-в. села т. и.	170,1
Бурдяковцъ , на с.-з. границъ села т. и.	158,3
Листина (Liscina) , въ Бурдяковцяхъ	156,1
<hr/>	
Скала , въ Залъсю	169,8
Шиманьковцъ , на с.-з. села т. и.	157,3
Колядины , въ ю. части села т. и.	161,9
Пробужна , въ Черноконцяхъ малыхъ	167,6
Черноконцъ , на в. Черноконцевъ великихъ	160,5
Розбита могила , на ю.-з. Коцюбинчикъ	159,3
Коцюбинчики , на с. села т. и.	161,2
<hr/>	
Мѣсто Чортковъ	164,1
Пухля , на в. села Бѣла надъ Серетомъ	163,4
Гадыньковцъ , на з. села т. и.	156,6
Пробужна , на в. мѣста т. и.	167,0
Товстенъке , въ с. части села т. и.	160,9
Кривенька , на в. посл.	156,1
Чабаровка , на з. мѣста Гусятна	163,0
<hr/>	
Зарѣзы , на з. Яблонова	194,9
Домеду , на ю. Яблонова	191,1
Оришковцъ , на с. села т. и.	171,3

Коловка, на ю.-з. Копычинецъ, при гостиницѣ	171,4
Копычинцѣ, на ю. мѣста т. и.	171,0
Рудки, на с. Копычинецъ	178,1
Бакаиха, на ю. Нижборга нового	179,5
Нижборгъ, на з. Нижборга старого	164,0
Васильковцѣ, на ю.-з. села т. и.	174,3
Великій лѣсъ, на с.-з. Васильковецъ	182,3
Дичковцѣ, на ю.-з. села т. и.	163,4
Трыбуховицѣ, на ю. села т. и.	197,7
<hr/>	
Кобыловолоки, въ селѣ т. и.	198,5
Сухоставъ, на с. мѣста т. и.	189,3
Хоростковъ, $\frac{1}{2}$ милъ на ю.-з. мѣста т. и.	178,1
Мѣсто Хоростковъ	161,9
Увисла, на в. села т. и.	167,7
Городница, на з. села т. и.	166,4
Бугай, въ лѣсъ на в. Городница, близъ Збруча	219,1
<hr/>	
Долге, на с. села т. и. надъ Серетомъ	181,4
Зеленьче, въ селѣ т. и. надъ Серетомъ	167,9
Водиця, $\frac{1}{4}$ м. на ю.-в. Теребовлѣ	189,2
Мшанецъ, на в. села т. и.	188,6
Глубока долина, на в. Гавилова малого	170,0
Село Перемиловъ	166,1
Клювинцѣ, на с.-в. села т. и.	161,9
Солимиръ, на с. Сороки	183,6
Дубковцѣ, на з. села т. и.	163,1
Янцева, въ лѣсъ на в. села Бурки, а на ю.-в. мѣста Товсте	215,9
<hr/>	
Бучина, на ю.-в. Струсова	189,7
Поле, $\frac{1}{4}$ милъ на с.-в. Теребовлѣ	193,0
Водиця, $\frac{1}{2}$ милъ на ю.-в. Теребовлѣ	189,2
Выгода, на ю. границѣ села Илавче	188,5
Ивановка, на с.-в. границѣ села т. и.	184,7
Грималовъ, на ю.-з. мѣста т. и.	177,0
Мѣсто Грималовъ	164,7
Билетовка, на з. Лежановки	162,8
Волова, на с.-з. села Сажавки, а $\frac{1}{2}$ милъ на с.-в. мѣста Товсте	209,9
<hr/>	
Ковбасова, $\frac{1}{2}$ милъ на ю.-в. мѣста Микунинца	191,5
Смолянка, на в. села т. и.	178,4
За рѣковъ, на югъ села Козьбка	177,1
Бойкова, въ с. части Козьбки	180,3
Пошій данокъ, въ Гнилой Познанцѣ	180,5
Окно, въ с.-з. части села т. и.	188,7
Казарова, въ с. части села Окна	210,9
Остра могила, въ Городницѣ	209,3
Св. Рудольфъ, въ с. части Козьбиноцѣ надъ Збрученъ	182,9
Лука мала, на с.-з. границѣ села т. и.	181,3

Ромаховъ , на с. села Мышковичи	186,1
Прошова , на с. села т. и.	183,3
Кипячка , на ю.-в. села т. и.	182,6
Грабовецъ , на с. села т. и.	179,2
Костуся , на ю.-з. границъ Ходачкова	176,6
Село Ходачковъ	168,4
Сабариха , на югъ Жеребокъ королевскихъ	188,7
Скала , на в. границъ Жеребокъ шляхоцкихъ	218,3
Фольварокъ , на з. Старого Скалата	185,6
Мѣсто Скалатъ	168,5
Пасена (Passina) , въ Новосѣлахъ	209,9
Подкруглякъ , на ю. Ивановки	178,5
Св. Іоаннъ , въ Рожискахъ надъ Збручемъ	177,9
Чернѣловка , на с. села т. и., надъ Збручемъ	174,5
<hr/>	
Загора , въ с.-в. части Березовицы великой	194,2
Мѣсто Тарнополь	166,6
Щуръ , $\frac{1}{2}$ милъ на в. Тарнополя	193,1
Грель , на границъ Тарнополя, Березовицъ вел. и Смыковецъ	184,8
Борки великіи , зъ селъ т. и.	173,0
Подъ дубиною , въ Романовцѣ	171,3
Клодничка , въ Гадушинцахъ	220,0
Каменки , на в. села т. и.	193,4
Старемѣсто , на з. Старомѣщины надъ Збручемъ	172,4
Мѣсто Волочиска , за Збручемъ	162,0
<hr/>	
Волова долина , на с.-в. Бѣлон, миля на с.-в. Тарнополя	196,7
Шляхтинчи , на в. села т. и.	187,4
Сабашиха , на з. Чернѣховець	188,7
Кобаниста , на в. Чернѣховець	185,6
Монастырь , на с. границъ Куйданецъ	213,7
Богдановка , въ с.-з. части села т. и.	212,2
Пеньки , въ селѣ Яповцѣ	190,6
Надовый , на ю.-з. Куршѣвки	177,9
Климковцъ , на с. села т. и.	173,9
Снѣрики , на ю.-з. села т. и.	179,1
Дорофѣевка , на с.-з. села т. и. надъ Збручемъ	172,4
Мединъ , на с.-в. села т. и.	171,4
<hr/>	
Малашовцъ , на в. села т. и. надъ Серетомъ	203,1
Дуброва , на з. Стехниковецъ	202,4
Дубовцъ , на с.-з. села т. и.	224,2
Василиньска , въ Збаражи старѣмъ	213,4
Базаринцъ , $\frac{1}{2}$ милъ на с. мѣста Збаража	188,0
Розношинцъ , на югъ села т. и.	192,4
Лубянка , на ю.-в. Лубянки вышшомъ	202,7
Петриха , на з. Добромарки	194,4
Бѣлый озоръ , на ю. Шидыхъ	192,1
Щепляки , на ю. Лѣсичинець	193,1

Иордань, на с.-в. Лясичинець	195,9
Село Кошляки	172,6
Ярема, на с. Кошляковъ	182,1
Трохимова, $\frac{1}{2}$ миль на с.-з. села Токи	179,2
Токи, $\frac{1}{2}$ четверти миль на з. села т. и.	173,1
<hr/>	
Дѣтковецъ, на ю.-в. села т. и.	224,5
Зубова, на ю.-з. Доброводъ	227,3
Село Иванчаны	178,5
Курники, въ селѣ т. и., на границѣ Россіи	203,7
Выгода, на с.-з. Задужа, миль отъ Збаража	190,6
Капустинцъ, въ селѣ т. и.	192,5

VII. Сторона въ области водной Днѣпра (т. е. сторона надъ Иквою и Стыремъ и надъ потоками вливающимися до тыхже рѣкъ).

Гора Подлѣска, $\frac{3}{4}$ миль на с. Бѣлого камня	194,9
Гора Олеска, въ Олеску, миль на в. посл.	225,5
Мѣсто Олеско	134,2
Бѣлая гора, на ю.-в. границѣ посл.	200,5
Купанье на луковомъ, въ з. части Юшковецъ	130,1
Грабна, $\frac{1}{4}$ миль на з. мѣста Соколовки	136,2
Куты (Kouty), на с. села т. и.	126,7
Чишки, въ ю.-в. части села т. и.	136,4
Пташникъ, въ селѣ Заболотцѣ	146,3
Посередне поле, въ Дубью	130,1
Могилка, въ Суходолахъ при самомъ гостинцѣ	151,3
Боратинъ, въ с. части села т. и.	205,2
Подъ полемъ, въ з. части Черницъ	193,6
Лежова, въ с.-в. части Черницъ	189,1
Затерличина, въ в. части Гаевъ старобродскихъ	139,7
Макотра, въ с. части села Бучина	185,7
<hr/>	
Село Грабова, $1\frac{1}{2}$ миль на ю.-з. Топорова	132,2
Юліянка, на ю. села Столпинъ	134,1
Пачка (Paczka), на с.-з. села Турье	126,0
Турье, въ в. части села т. и.	127,6
Руда, въ в. части села т. и. надъ Стыремъ	116,5
Руда, $\frac{1}{2}$ миль на в. посл. въ лѣсъ	132,8
Гай смоленскій, $\frac{1}{2}$ миль на ю. Бродовъ	131,0
Коровій холмъ (Krowlichom), $\frac{1}{2}$ миль на ю.-з. Бродовъ	139,4
Подъ цегольнею, $\frac{1}{2}$ миль на з. Бродовъ	132,0
Язловчикъ, $\frac{1}{2}$ миль на с. Бродовъ	124,3
Пѣсковое поле, $\frac{1}{2}$ м. на с.-в. Бродовъ въ лѣсъ	128,2
<hr/>	
Холовъ, $\frac{1}{4}$ миль на в. мѣста т. и.	123,4
Дмигровъ, въ ю. части села т. и.	116,5
Павловъ, на ю.-в. границѣ села т. и.	131,5

Криве , на с. села т. и.	145,3
Криве , въ ю. части села т. и.	126,0
Середопольце , на ю. села т. и.	192,0
Пашчынська гора , $\frac{3}{4}$ миль на з. Берлина	134,0
Село Берлинъ	120,0
Конюшковъ , въ з. части села т. и.	117,0
<hr/>	
Станинъ , въ с. части села т. и.	129,6
Могила , въ с. части Юсифова	145,1
Стояновъ , $\frac{1}{2}$ миль на з. мѣста т. и.	129,8
Ператинъ II , на ю.-з. границѣ села т. и., $\frac{1}{2}$ м. на с.-в. мѣста Радохова	130,6
Ператинъ I , въ в. части села т. и.	126,3
Сеньковъ , въ ю. части села т. и.	132,3
Барыловъ , въ ю. части села т. и.	125,0
Дешивъ , $\frac{1}{2}$ миль на с. мѣста т. и.	130,2

VIII. Долина по правѣмъ боцъ Сана.

(Границы той долины суть: на з. Вурва (плывущая по подѣ Доброды), Вагоръ и Сякъ, на с. Россійская граница, на в. горы Жолковскія^{*)} и горы ладовыи Галицкіи, на ю. горы ладовыи Галицкіи.)

Нове мѣсто , надъ Вурвою	125,7
Остра гора , $\frac{1}{4}$ миль на с. посл.	145,3
Камениця , въ Пацьковицахъ	153,3
Магера въ Грушатичахъ	163,2
Глинсько , въ Гдешиняхъ	166,9
Корпаковка , въ Радохонцахъ	159,6
Доброшинъ , въ Боляновицахъ	166,1
<hr/>	
Льсковецъ , въ Стронёвичахъ	164,4
Могилка , въ Яскманичахъ	153,0
Мурована корчма , въ Гѳрку	168,4
Медика , на ю. села т. и.	138,6
Дупновъ , въ Новосылахъ	165,3
Сосновичи , $\frac{1}{4}$ миль на с.-з. Гусакова	136,8
Мѣсто Гусаковъ	118,8
Яночовъ , въ Балидахъ	153,0
Двориска , въ Мочерадахъ	156,5
Мыслятичи , въ селѣ т. и.	157,5
За сосниною , въ Тростяницѣ (Trzostiniec)	181,7
Гай , въ Тимановицахъ	156,8
Мѣсто Мостиска	114,1
Село Крисовичи , на ю. посл.	119,1

^{*)} Горыи Жолковскіи зову ту горы, котрии идутъ срединноу Жолковского округа быт ю. ко с., и водную область Сана быт ономъ Буга бытдалють. Хребтамы мерка тыхъ горъ печатаются ту розставленными бриваныи.

Липники , въ селѣ т. и.	142,8
Ляшки , въ Ляшкахъ гостинныхъ	144,6
За процкомъ , въ Подляскахъ	163,4
Стояницъ , въ селѣ т. и.	154,2
Буковецъ , на ю. Тулиголовъ	151,0
Мѣстина , на с. Волосткова	154,6
Мѣсто Судова вишня	132,1
Монастырь реформатовъ , въ посл. мѣста	153,7
Кульматичи , въ селѣ т. и.	155,2
Черничина , въ Никловичахъ	165,2
Долгомостиска , въ ю. части села т. и.	159,9
Милятинъ , въ селѣ т. и.	146,8
Мѣльчичи , въ селѣ т. и.	155,7
Волчуги , въ селѣ т. и.	161,5
<hr/>	
Село Поздзячъ	101,3
Туржина , въ Старевъ	111,3
Село Старево (Starzawa)	109,3
Бучки , въ Чернявѣ	127,9
Село Кальниковъ	101,7
Лукова , въ Малновѣ	128,2
Регбергъ , въ колоніи т. и.	130,0
Любвище , въ селѣ т. и.	130,1
На конци , на югъ посл.	135,4
Ива , въ Арламовской воли	112,4
Скоблѣвка , въ Арламовской воли	119,7
Боновъ , въ селѣ т. и.	145,0
Лыса гора , въ Боновъ	139,9
Рогозно , въ селѣ т. и.	148,9
Ожомля , на з. села т. и.	154,6
Бортятинъ , на в. села т. и.	144,0
Мѣлатинъ , на с.-в. посл. на границѣ Перем. и Львовского округа	156,5
Лупина , въ Тучапахъ	156,3
Чолгиня , въ селѣ т. и.	151,9
Село Брухналь	132,1
Маланковичи , на с. села т. и.	157,6
<hr/>	
Село Залѣска воля	116,6
Млыны , въ ю. части села т. и.	125,7
Мельники , на в. посл.	130,4
Мѣсто Краковецъ	109,8
Моранцъ , въ селѣ т. и.	127,3
Клинье , на югъ села Чернилява	146,4
Борокъ , $\frac{1}{2}$ милѣ на югъ Яворова	138,2
Мѣсто Яворовъ	122,9
Гряды , въ Скль	153,0
<hr/>	
Село Маковиско	99,0
„ Ветлинъ	93,7

Зодота гора, въ Ляшкахъ долгихъ	111,5
Карашовъ, въ Лазяхъ	98,7
Бурашовка, въ Тухли	112,7
Мѣсто Велики очи	123,8
Березникъ, $\frac{3}{4}$ миль на югъ Великихъ очей	125,2
Вишнѣвка, на с. Кохановки	128,8
Село Вулька Змыѣвска	142,4
Село Семеровка, въ з. части	137,4
Короликъ, на з. Старого Яжева	142,9
Збигно, въ ю. части Верблянъ	148,4
<hr/>	
Рышковскій, на в. Вязовницѣ	109,4
Цанска гора, въ Цятули	110,1
Рышкова воля, въ ю. части села т. п.	126,0
Жапаловъ, въ селѣ т. и.	106,8
Закопцъ, въ сельци т. и., надъ Любачевкою	106,8
Смеречина, на с. Новон гребля	119,7
Соулъ, въ в. части Бягалъ	125,7
Лукавецъ, въ в. части села т. п.	126,2
Щогковъ, въ селѣ т. и.	118,1
Ульсы, на в. послѣднего	128,9
Сѣницкого нивка, въ Майданѣ	139,7
Грушовъ, на югъ села т. и.	139,8
Завадовъ, въ ю. части села т. и.	143,0
Мѣсто Немировъ	134,7
Журавчина, $\frac{1}{2}$ миль на в. посл.	151,6
Пѣсочокъ, въ Тростяны	199,3
<hr/>	
Село Лежаховъ, надъ Сяномъ	92,4
Мѣсто Синява	98,0
Черче, $\frac{3}{4}$ миль на ю.-в. посл.	115,2
Бубнова гора, $\frac{5}{4}$ миль на в. Синявы	115,4
Цегольня, въ Молодичи	114,4
Сокирочка, на з. Сурмачовки	108,8
Дѣщина, на з. Сухон воля	119,5
Зальсье, на в. Старого села при гостиницѣ	127,0
Мѣсто Олешичи	115,8
Футоры, коло сельца т. и.	126,7
Любачовъ, $\frac{1}{2}$ миль на с. мѣста т. и.	112,5
Якубовицъ, на з. границѣ Башни	129,6
Церквиска, межъ Башнею и Боровою горою	131,3
Синявка, на ю. села т. и.	136,4
Гута, на югъ сельца Гута кришталева	138,4
Червѣнка, въ ю. части Кривого	130,8
Западиска, $\frac{1}{2}$ миль на с.-з. Немирова	143,3
Смородники, въ ю.-з. части Радружа	144,0
Вороблячинъ, въ в. части села т. и.	188,1
Качмарска, въ Гута обедыньской	137,8

Ягодники , на ю. Пискоровиць	92,4
Село Пискоровиць	88,5
Славна гора , на в. Снявы	116,0
Юрова гора , на в. посл.	117,1
Павловъ , въ ю.-з. части села т. и.	118,3
Съркове поле , въ с.-з. части Мълкова	132,5
Диковъ , на з. села т. и.	121,2
Гайдучина , въ с. части Дикова	122,6
Кубашина , на з. Дахнова въ лѣсъ	129,5
Дахновъ , на с. села т. и.	123,7
Новесело , въ ю. части села т. и.	125,0
Великій лѣсъ , на в. Новосела	125,1
Бабчина , на с. Новосела	120,9
Хотылюбъ на с. села т. и.	127,8
Дуброва , межъ Рудкою а Подымщиною	137,1
Церковь въ Горынци	132,6
Дубровиць , въ с.-в. части Радружа	124,5
Бучина , въ сельци Новины	187,4
Брусно , въ Бруснѣ старомъ	191,1
<hr/>	
Село Тарнавецъ , надъ Сяномъ	90,6
Горки , на югъ Воля бржиской	120,6
Яструбичи , на в. села т. и., на Росс. границѣ	126,2
Шнуръ , на ю. Ожанны	93,4
Котячій замокъ (Kozzy zamek), въ Тенлицяхъ	109,5
На водлицъ (?) , на в. Теплицъ	112,6
Филиха , на с.-з. Адамовки	112,6
За полкомъ , на с. Адамовки	118,0
Осовка , въ Майданъ	133,4
Могила , або Нѣмцовъ, на в. Павлового	129,8
Моцаниця , на с. границѣ села т. и.	126,5
Улазовъ , на с. села т. и.	118,3
Нѣмцовъ , на с. села т. и.	113,0
Мѣсто Чесановъ (Cieszanów)	114,5
Чесановъ , $\frac{1}{4}$ милѣ на с. мѣста т. и.	121,7
Черниха , въ Люблинцы новомъ	117,7
Тешлы , на с.-з. посл.	114,4
Рожанецъ , межъ новымъ Люблинцемъ а Рудою рожанецкою	113,7
Геранецъ , въ в. части села т. и.	127,1
Камѣнецъ , на с. Гуты рожанецкой	160,3
Надъ банахомъ , на в. Гуты рожанецкой	166,6
Ловча , въ в. части села т. и.	178,1
Беликій дѣлъ , въ Гутѣ старой	204,3
Крупецъ , $\frac{1}{2}$ милѣ на югъ мѣста Нароля	179,5
Мѣсто Нароль	142,1
Нароль , $\frac{1}{2}$ милѣ на с.-з. мѣста т. и., на границѣ Росс.	157,7
Великій дѣлъ , $\frac{1}{2}$ милѣ, на с. мѣста Нароля	162,5
Ялина , на з. сельца Хмше, близъ границъ Россійской	173,1
Бѣлина , на югъ села т. и.	108,0

Село Бѣлины , надѣ Сяномъ	89,3
Буковина , на в. посл.	104,5
Мѣсто Улановъ	85,4
<hr/>	
Заржице , на с.-в. села т. и.	97,8
Вулька таневска , на с. села т. и.	105,8
Борки , въ селѣ т. и.	103,1
<hr/>	
Пышница , на з. села т. и.	84,9
Село Пышница	82,8
Соломяный , на в. Пышницѣ	103,4
Село Гольце	107,1
Село Букока , или Домослава	106,4
<hr/>	
Мѣсто Радомышель	85,6
Млыниско , на с.-з. посл.	83,4
Пясочна гора , въ Рѣчицѣ округлой	80,3
Село Ятковичи	82,3
Лѣсъ Липовець , на с.-в. посл.	90,6
<hr/>	
Кобыля гора , на в. входа Сяна въ Вислу	98,4
Лыса гора , на вос. выхода Вислы зѣ Галицныя	80,7
<hr/>	
Мѣсто Завихость , въ російской Польщѣ	82,3

IX. Долина по обоу бокамъ Буга.

(Границѣ тои долины суть: на з. горы Жолковскіи, на с. Россія, на в. и ю. хребетъ Галицкихъ дяловыхъ горъ.)

Высокій замокъ , або гора Францъ-Юсифа во Львовѣ	206,6
Мѣсто Львовъ	141,6
Чортова скала , въ Лѣсеню, $\frac{3}{4}$ милѣ на в. Львова	217,3
Село Чишки , коло Винникъ	141,7
Миклашовъ , на ю. границѣ села т. и.	139,2
Березникъ , въ селѣ Газ	139,1
Село Городыславичи	137,2
„ Коцуровъ	138,1
Подъ вѣхоу , въ ю. части Подъяркова	209,0
Фрея , на с. границѣ Ганачева	190,3
Торкочинъ , на югъ границѣ села т. и.	209,0
Могила , въ Печеніи, при самѣмъ гостяницѣ	144,3
Озѣрна , $\frac{3}{4}$ милѣ на с. посл. въ Сухорѣчяхъ	144,0
Вѣтракъ , въ Журавникахъ, на ю.-в. посл.	133,4
Фелице , на ю.-в. границѣ Ляшокъ королевскихъ	130,7
Сенаторска могила , въ Полоховѣ	131,8
Темна , въ з. части Лагодова	202,3
Мазовъ , въ с.-з. части Словиты, надѣ рѣкою Яхторовскою	122,8
Замостье , $\frac{1}{2}$ милѣ на с. Глинянъ	130,2

Балучинъ, на с. Перегноева	136,1
Горка, въ Новосѣлахъ, при самомъ гостинцѣ	147,2
Новосѣлки (або Загалцины), въ селѣ т. и.	234,6
Лыса гора, на с. Стянки	219,4
Пробузъ (?), на з. границѣ Княжого	133,6
Березина, въ Княжомъ	140,7
Церковь св. Іоанна, въ Ляцкомъ маломъ	214,4
Старый камень, въ ю. части Хильчиць	143,4
Дуброва, на с.-в. границѣ Хильчиць	143,7
Мѣсто Золочевъ	143,7
Козакова, на с.-в. Струтына	202,0
Колтовска гора, въ Колтова	199,7
<hr/>	
Збоиска (церковь), $\frac{1}{2}$ миль на с. Львова	145,3
Мѣре, на с.-з. границѣ Збоискъ	170,0
Михаловщина, въ Грибовичахъ	187,0
Село Малеховъ	140,0
Камѣнополь, на с. границѣ села т. и.	151,0
Пѣвуловиць, на с. села т. и.	136,3
„ на с. села т. и., а на в. посл.	137,5
Подъ высокимъ, $\frac{1}{2}$ миль на ю.-з. Задворья	125,4
Задворье, въ ю. части села т. и.	122,5
Новосѣлки, въ ю. части села т. и.	131,2
Куткорь, на югъ села т. и.	116,3
Скиловъ, въ селѣ т. и.	124,7
Островець, на ю.-з. Островчика польного	131,9
Жулицъ, на с.-з. села т. и., а $\frac{1}{2}$ миль на югъ Бѣлого Камня	192,0
Высока гора, въ с. части села т. и.	189,3
Щолупъ, въ селѣ Поббчъ	191,0
<hr/>	
Гуменна гора, на з. Зарудецъ	191,6
Подлѣски, въ Подлѣскахъ малыхъ	141,0
Ременовъ, на югъ села т. и.	143,8
Коцурова могила, на югъ Жолтанецъ	149,3
Запустье, на с. Жолтанецъ	149,1
Цеперовъ, на югъ села т. и.	135,1
Книжполе, въ с.-з. части Дядилова	137,5
Банунинъ, на ю.-з. границѣ села т. и.	139,7
Могила, на с.-в. границѣ Банунина	140,2
Мѣсто Бускъ	116,0
Бускъ, $\frac{1}{2}$ миль на с.-в. послѣднего	116,6
Вербляны, на границѣ межъ селомъ т. и., Бускомъ и Гумнискамъ	115,9
Гумниска N. 1., въ ю. части села т. и.	116,8
Гумниска N. 2., въ с. части села т. и.	116,3
Розважъ, на з. села т. и.	125,5
Село Ожидовъ	116,2
<hr/>	
Червоный камень, въ Мервиць, на границѣ Жолк. и Львов. окр.	180,3
Волча, на югъ Глинска	193,7

Гарай, на з. Жолкви	181,9
Мѣсто Жолковъ	124,4
Глина, на з. границъ Передримѣховъ	159,8
Середне поле, въ Гребенцахъ, $\frac{1}{2}$ миль на с.-в. Кудикова	113,0
Село Зѣболки	149,2
Надъ-озерня, въ ю. части послѣднего	146,6
Могила, на з. Колоденця	144,3
Пѣсечна, на с. Печихвостовъ	122,0
Горбы, на с. Чистинь	117,7
Горпинъ, на з. села т. н., на границъ Золочевск. и Жолк. округа	130,4
Село Желеховъ малый	128,1
„ „ великій, въ восточной части	135,2
Репивъ, въ с. части села т. н.	137,3
На полику, на югъ Деревлянъ	122,2
<hr/>	
Мазуръ, межъ Щирцемъ и Магерою	181,1
Городище, въ Вышенцѣ	198,3
Мѣсто Магера	136,9
Яворники, $\frac{1}{2}$ миль на югъ посл.	160,8
Кунинъ, въ в. части села т. н.	126,8
Вязова, на з. села т. н.	116,8
Дисій пѣсокъ, на югъ Турьники	121,8
Желдець, въ с. части села т. н.	116,9
Дипина, на ю.-в. Воля Жолтанецкой	118,8
Батятыче, въ ю. части села т. н.	127,5
Шоломехи, $\frac{3}{4}$ миль на югъ посл.	121,0
Дипове, въ ю.-в. части Батятычъ	147,1
Сацѣжанка, $\frac{1}{2}$ миль на ю.-з. Каменки струмиловой	134,4
Спасъ, коло сельца т. н. надъ Бугомъ	112,9
Соколя, коло сельца т. н.	120,5
<hr/>	
Хомичина, въ Улицку, (на с.-з. Магеры)	189,7
Яжова гора, въ Рудѣ магеровской	158,4
Команиха, въ Рудѣ магеровской	148,0
Волковица, въ с.-з. части Каменки волоской	180,4
Дипницка церковь, въ Каменцѣ волоской	121,9
Клепацка або Овсяна гора, въ Каменцѣ вол., при гостинцѣ	134,4
Новины, въ Каменцѣ вол., межъ урочищемъ Дяникъ и Мошанна	122,0
Нѣдиха, въ Камницѣ волоской, коло Лукачевой фигуры	121,5
Станьки, въ Каменцѣ волоской, коло хать Станьки	119,5
Дѣсна церковь, въ Каменцѣ волоской	118,3
Цминтаръ, въ Добрусинѣ	124,5
Заполье, въ ю.-в. части Добрусина	113,9
Зақлинье, въ Замочку	119,2
Село Замочокъ	121,2
Семчиха, въ Бесадахъ	117,8
Кулява, въ с. части села т. н.	118,8
Село Деревня	110,9
Турьника, на з. села т. н.	117,2

Черное болото , въ в. сторону Турьнки	113,3
Боянецъ , на с. села т. н.	110,8
Обляски , на в. Боянца	112,1
Перехрестна , на югъ Купичволя	113,3
Волова гряда , миля на с.-з. отъ хать села Батятчи	112,6
Грушка , $\frac{1}{2}$ миля на с. отъ хать села Батятчи	113,9
Зубовъ-мостъ , въ село т. н.	111,6
<hr/>	
Товничка , въ з. части Потелича	181,9
Место Рава , (цвинтарь)	121,4
Рава , на с. мста т. н., за Реформатами	140,9
Лужки , межъ Гойчесь и Забръемъ	120,9
Гоецкій лѣсъ , въ лѣсъ на югъ Гойча	117,0
Вольчиха , въ Волькахъ мазовецкихъ	115,8
Высока соснина , на с. Волькъ мазовецкихъ въ лѣсъ	114,7
Навловска гора , на с. Пристани	112,7
За бѣлою , на з. Любель въ лѣсъ	113,9
Велика галина , на югъ Шимаковъ	113,0
Село Шимаки	114,3
Подъ лугомъ , на з. Станисловки	113,0
Чистый керхъ , на с. Волицъ	110,0
Мосты великіи , $\frac{1}{2}$ чв. миля на ю.-з. Мостовъ великихъ	111,2
Лисине болото , $\frac{1}{4}$ миля на ю.-з. Мостовъ великихъ	114,0
За конецьковъ , на с. Стременя	109,9
За грядовъ , на в. Стременя	108,3
Реклинецъ , на з. села т. н.	109,3
За лугомъ , на в. Реклинця	109,0
Перекопъ , на с.-з. Стриганки	106,0
Кіевска гора , $\frac{1}{2}$ миля на с.-в. Добротвора	117,3
<hr/>	
Завалидо , въ ю. части Верхраты	182,1
Котяча , въ Верхратъ самой	167,8
Дѣлокъ , въ с. части Верхраты	182,0
Круглый Гарай , межъ Верхратою и Любичею	204,4
Селиска гора , въ с.-з. части Селискъ	175,8
Кичера , на югъ Гребенова въ лѣсъ	161,6
Чорна , въ ю.-в. части Ръчокъ	141,9
Лакощина , въ Зеленомъ махновскомъ	120,7
Середне поле , на с. Хлѣвчанъ	148,5
Хороновщина , на в. Хлѣвчанъ, въ лѣсъ	112,0
Церковь преч. Дѣвы , въ Хлѣвчанахъ	104,7
Старець , на югъ Хлѣвчанъ, въ лѣсъ	112,8
За доломъ , на с. Дворецъ, въ лѣсъ	111,3
Чистый верхъ , на с.-в. Дворецъ, въ лѣсъ	110,0
Сѣлецъ , на югъ села т. н., при дорозъ	166,6
Горки , $\frac{1}{2}$ миля на в. Сяльця	109,9
Перекопъ , на с.-з. Стриганки, въ лѣсъ	166,6
Чернява , на ю.-з. Яструбичъ, надъ Бугомъ	106,9
Яструбичи , на в. села т. н.	144,5

Радванецъ , близъ села т. н.	122,6
Въ боровомъ , на ю.-в. границъ Радванецъ	113,5
Мѣсто Вѣтковъ новый	124,6
Вѣтковъ , на в. Старого Вѣткова	122,3
<hr/>	
Липье , въ сельцѣ т. н., $\frac{3}{4}$ миль на в. Липска	173,9
Миськове польце , въ сельцѣ Хиже, близъ границъ Росс.	166,1
Кулайцъ , въ селѣ т. н.	162,1
Село Любича князь	142,8
Белзецъ , на югъ села т. н.	165,6
Жиравецъ , на с. села т. н.	157,4
Махновъ , на с. села т. н.	148,4
Новосѣлки кардинальскіи , на с. села т. н.	129,8
Село Поддубецъ	113,5
Мѣсто Угновъ	113,0
Иосефинендорфъ , колонія, на югъ Угнова	130,4
Домашовъ , въ ю.-з. части села т. н.	119,4
Село Корчовъ	108,1
Стаѣ , на в. села т. н.	107,0
Мѣсто Белзъ	103,0
Гнилыи потоки , на в. Прусинава	111,2
Круглый лѣсъ , на в. посл.	110,3
Ванъвъ , на в. села т. н.	109,2
Грушовъ , межъ Ваневоиъ и Свѣлцемъ	104,0
Пархачъ , въ селѣ т. н.	103,5
Вороняки , на в. Пархача, за Бугоиъ	102,3
Кристинополь , $\frac{1}{2}$ миль на ю. мѣста т. н.	102,0
Волевинъ , въ ю. части села т. н.	107,6
Базатарня (?) , $\frac{3}{4}$ миль на в. Кристинополя	115,0
Могила Поздимѣрска , на с. Поздимѣра	112,9
Корчинъ , на с. села т. н.	117,1
Тернѣвъ , на ю.-в. Корчина	114,9
Романовка , $\frac{1}{2}$ миль на в. Корчина	118,1
Рожджаловъ , на с. села т. н.	114,6
<hr/>	
Мыслятинъ , на югъ Динискъ	123,2
Губинокъ , на с. села т. н.	129,6
Село Рѣчиця	115,3
За курганами , на югъ Щепятина	112,0
Щепятинъ , на с. села т. н.	118,7
Крѣвиця , на с. села т. н.	117,4
Переводовъ , на в. Василева великого	135,2
Великій шверъ , на с.-в. Будынина	137,4
Тушковъ , на с. села т. н.	108,5
Зальсье , на с.-в. Переислова	127,0
Знятинъ , село	180,7
Вѣтракъ , въ Лѣскахъ	143,7
Загороды , на с. Сулимова на границѣ Росс.	130,9
Загороды N. 2. , $\frac{1}{2}$ чв. миль на с.-в. посл.	132,4

Дуброва, на з. граница Русина	135,6
Село Жужель	108,2
Безевъ, на югъ Мурваного Жабча	137,1
Себечовъ, на югъ села т. и.	136,0
Грабова, на с. Себечова	141,1
Мешковъ, на с. села т. и.	135,2
Островъ, на с. села т. и.	110,0
Завишня, на з. села т. и.	119,9
Опольско, на югъ села т. и.	116,2
Конотопы, на югъ села т. и.	101,5
Мѣсто Сокаль	102,4
Сокаль, на ю.-в. граница мѣста т. и.	133,2
Кильева гора, на югъ Потурнца	108,2
Воленскій лѣсъ, на с. Зубкова	118,4
Остатна гора, въ ю.-з. части Тартакова	122,0
Тартаковъ, на югъ мѣста т. и.	128,2
Мѣсто Тартаковъ	112,6
Копытовъ, на с. села т. и.	113,5
Боръ, $\frac{3}{4}$ миль на с.-в. Тартакова	122,4
Переспа, на в. села т. и.	122,3
Спасовъ, $\frac{1}{2}$ миль на югъ села т. и.	127,4
Первятичи, на в. села т. и., на граница Росс.	131,8
Бышовъ, на с. села т. и.	137,1
Взовска гора, $\frac{1}{4}$ миль на ю.-в. посл.	152,3
Торки, на с.-в. села т. и.	123,1

Лубовъ, на с.-в. села т. и.	126,0
Село Хоробровъ	117,6
Хоробровъ, на с. села т. и.	126,0
Угрыновъ, на з. села т. и.	121,9
Тутурковичи, на з. села т. и.	118,2
Старо-городъ, на з. села т. и.	100,3
Городловичи, на з. села т. и.	105,3
Теляжъ, на с.-з. села т. и.	122,0
Ильковичи, на югъ села т. и.	115,4
Скоморохи, въ с.-в. части села т. и.	113,9
Цѣлецкій лѣсъ, на с. посл.	119,8
Перетоки, на з. Баранихъ Перетоковъ	122,2
Роятинъ, на югъ Стенятина	107,0
Стенятинъ, на с.-в. села т. и.	107,0
Молода, на в. Стенятина	125,5
Бобятинъ, на с. села т. и.	122,4
Лисіи ямы, на с. Лещатова	133,0
Герявецъ, на с.-в. Лещатова	135,5
Заановка, на з. Шарпанцевъ	135,0

Х. Буковина.

Пояна Татару, на с.-з. села Пояна стампи, близъ седмигор. гр.	534,4
Ушоръ, близъ входа Дорны до Зол. Быстрия на з. села Дорна Кувдрень	602,2
Сухарджель (верхъ горы Сухарль), $\frac{3}{4}$ миль на з. села Якобены	697,8
Мастеканестіе, $\frac{1}{2}$ миль на с.-з. Валепутны	697,4
Опсцинаре, $\frac{3}{4}$ миль на ю.-в. села Якобены	700,5
Бернариель, ю. верхъ горы Джумадеу, $\frac{1}{2}$ м. на с.-в. села Дорна ватра	696,8
Калду, середній верхъ горы Джумадеу, 2 миль на в. Якобень	977,2
Аллуна, с. верхъ горы Джумадеу, $\frac{3}{4}$ миль на в. Валепутны	875,6
Рареу, миль на югъ мѣста Кимполунгъ, на границѣ Седмигородской	868,1
Остра, на югъ села т. н.	726,3
<hr/>	
Тутурѣка, $\frac{1}{4}$ миль на з. села Кирибаба	707,8
Потешь, миль на ю.-в. Кирибабы	776,3
Мунчель, межъ селами Пошорита и Садова	673,9
Томнатикъ, $\frac{1}{2}$ миль на с. мѣста Кимполунгъ	680,4
Аскацита, $\frac{1}{2}$ миль на ю.-з. села Фрасинъ	533,8
Брустуросса, на югъ села Воронецъ, близъ границъ	374,1
Опщина валесака, на з. села Валесака	463,8
Магура, $\frac{1}{4}$ миль на югъ мѣста Гурагумора	431,4
Чунчурле, $\frac{1}{4}$ миль на с. хать села Капукодрулуи	834,9
Лукачестіе, $\frac{1}{4}$ миль на в. села Мазанаеште, при гостинцѣ	242,7
<hr/>	
Капуль, миль на с.-з. Кирибабы	873,6
Татарка, $\frac{1}{2}$ миль на с.-в. Кирибабы	815,7
Терра моска, $\frac{7}{8}$ м. на с.-в. Кирибабы, на зап. берегу Молдавы	732,8
Демба, $\frac{3}{4}$ миль на ю.-в. посл., на з. берегу Молдавы	657,5
Лиафа, миль на с.-з. Фундуль Молдавы	578,1
Магура, $\frac{1}{2}$ миль на с. Фундуль Молдавы	777,1
Бобейка, миль на с. села Вамя	634,1
Рогоза, миль на с. села Фрасинъ	564,9
Качика, $\frac{1}{4}$ миль на в. Гурагуморского монастыря	422,1
Гостихъ, $\frac{3}{4}$ миль на с. села Ступка, въ селѣ Илачестіе	245,6
Грабо ди люча, $1\frac{1}{2}$ миль на з. Сучавы въ Стоештіе	243,3
Чиритѣй, $\frac{3}{4}$ миль на ю.-в. Сучавы	237,4
Формозъ, $\frac{1}{4}$ миль на ю.-з. посл., при гостинцѣ	203,2
Могила, $\frac{1}{4}$ миль на югъ Сучавы	211,8
Редуль, $\frac{3}{4}$ миль на ю.-в. Сучавы	222,6
Гертополь, въ селѣ Плаваларъ, на ю.-в. Сучавы	228,2
<hr/>	
Стара опщина, надъ жер. Бъл. Черемоша и Кирибабы, близъ гр. Уг.	780,6
Шомнатикъ, надъ свв. жер. Бъл. Черемоша, $\frac{5}{4}$ м. на ю.-з. Шипота камер.	819,8
Лучина, надъ жерелами Молдавы и Сучавы	834,9
Аршицъ, $\frac{1}{4}$ миль на в. Шипота камер.	701,0
Великій вежи, миль на ю.-в. Извора, надъ жерелами Молдавы	783,3
Фередеу, $\frac{7}{8}$ м. на ю.-з. Рускои Молдавы, а $\frac{7}{8}$ м. на ю.-з. Извора	775,9

Туркулова , $\frac{5}{4}$ миль на з. Руской Молдавицы	659,9
Сергіева , $\frac{1}{2}$ миль на с.-з. Руской Молдавицы	640,7
Полонинка , на с. Руской Молдавицы	611,1
Розижней , въ с.-з. части Руской Молдавицы	606,4
Марелун , миль на с.-з. Руской Молдавицы	675,5
Дялу круче , $\frac{3}{4}$ миль на з. Сучавы	572,2
Зофая , на с. монастырской Гуморы	538,0
Нльшь , $\frac{1}{2}$ миль на ю.-в. Сучавы	539,8
На риниску , въ с. части Солки, при гостиницѣ	237,4
Дялу Луна , $\frac{1}{2}$ миль на в. Солки	261,7
Буги , въ с. части села Арбори	248,6
Іеринистіе , въ ю. части села Арбори	251,2
Аршицъ , въ ю. части села Ботушана	257,0
Гринцестіу , $\frac{3}{4}$ миль на в. села Арбори, въ селѣ Кешвана	247,1
Гератица , $\frac{1}{2}$ миль на ю.-в. села Солонепъ	248,9
Осой , въ селѣ Бергоуцъ, надъ Сучавою	220,9
Окупъ , въ селѣ Роменастіе	253,2
Гатна , въ селѣ т. и.	233,5
Колчанъ , миль на з.-с.-з. Сучавы	275,0
Змоуль , на в. села Гатна, въ Петроуцъ	243,1
Митока , на югъ села т. и., а на с. Сучавы	167,2
Лизаура , $\frac{1}{4}$ миль на в. Сучавы	169,2
<hr/>	
Гребенище , надъ Блынь Черемошемъ въ Іеличоръ	719,3
Лосова , въ Лосовъ, $\frac{1}{2}$ миль на с.-з. Шипота камерального	749,9
Ропочильска , въ с. части Шипота камер.	668,2
Плоска , $\frac{5}{4}$ миль на с. церкви въ Шипотъ камер.	593,2
Старый Лунгуль , $\frac{3}{4}$ миль на с. Улмы	725,0
Честіе , $\frac{3}{4}$ миль на югъ Балтина	442,9
Геица , $\frac{1}{2}$ миль на ю.-в. Балтина	608,5
Шлоя , $\frac{5}{4}$ миль на ю.-в. Балтина, а на с. Руской Молдавицы	647,8
Черна , $\frac{3}{4}$ миль на с. Балтина	643,4
Магура ваше , миль на ю.-з. села Стража	607,6
Скарбура , $\frac{1}{2}$ миль на югъ Стражи	521,6
Магура , $\frac{1}{2}$ миль на с.-в. Путны	417,7
Адоишь , $\frac{1}{2}$ миль на в. Путны	479,2
Івтросса , $\frac{5}{4}$ миль на ю.-в. Путны	457,2
Тотидуй , въ з. части Маржины	279,7
Лявудуй , въ нижшомъ Вьковъ надъ Сучавою	280,0
Предѣль , $\frac{1}{2}$ миль на ю.-в. нижного Вькова	248,3
Козлишь , въ новомъ Урадауцу, надъ Сучавою	216,7
Орее , $\frac{1}{3}$ миль на з. мѣста Радауцъ	250,3
Серопанъ , миль на югъ мѣста Радауцъ	268,6
Мѣсто Радауцъ	192,1
Крестная гора , въ Радауцъ	202,9
Митока , $\frac{3}{4}$ миль на с.-с.-в. Радауца	207,6
Гадикфалва , на в. Радауца надъ Сучавою	192,1
Явудя , въ в. части Гадикфалвы	215,1
Старка , въ Иштень Сегичъ, надъ Сучавою	250,9

Окушъ , въ Романештіе	255,2
Гаванацу , въ в. села Границестіе	223,4
Лазарц , въ Сербоуцъ, на Молдавской границѣ	262,2
Заранка , въ Калафиндештіе, близъ Молдавской границѣ	259,3
<hr/>	
Максимецъ , въ Яблонницъ, надъ Бълымъ Черемошемъ	705,8
Рѣжа , въ ю. части Путиль	540,8
Сена , въ с. части Путиль	674,9
Ванцинь , межъ Путилею и Шипотомъ	718,9
Травень , миля на с.-з. Шипота	641,4
Колачки , миля на с.-в. Шипота	531,3
Петрушка , миля на с.-з. Стражи	600,3
Будка Буколой , $\frac{1}{2}$ миля на с.-з. Стражи	580,3
Вежу , $\frac{3}{4}$ миля на с.-з. Краснопутны	591,3
Рунку басоли , въ с. части Стражи	315,0
Пояна буку , при гостинцѣ, миля на с. Стражи	293,8
Чудюль , въ селѣ т. п.	225,0
Тандарура , въ селѣ Бълочерница (Фонтина алба)	251,3
Мигуцка , въ селѣ Каменка, надъ Серетомъ	236,1
Люша (може Лоша?), миля на ю.-в. посл. надъ Серетомъ	219,2
Моносторкорецъ , $\frac{1}{2}$ миля на ю.-з. мѣста Серета	225,0
Каланештіе , надъ Серетомъ, где той выходитъ зъ Буковины	146,5
Буковецъ , $\frac{3}{4}$ миля, на с. посл., надъ Серетомъ	148,9
Дубова , $\frac{3}{4}$ миля на в. мѣста Серета	150,6
Балошо , $\frac{3}{4}$ миля на с.-в. мѣста Серета	197,4
Арнице , въ селѣ Стирче	234,2
<hr/>	
Почкуи , $\frac{3}{4}$ миля на в. входа Путиль въ бълый Черемошъ	650,4
Черешивъ , $\frac{1}{2}$ миля на ю.-в. Ростокѣвъ	459,3
Керница , миля на в. Ростокѣвъ	459,2
Кичерь , $\frac{3}{4}$ миля на з. села Бергометъ	411,6
Сторчокъ , на ю.-в. границѣ Бергомета	449,6
Дълочъ , въ селѣ Мигова	249,9
Трускова , въ с. части села Бергометъ	259,4
Слятина , на з. села Молдавска Бангла	415,9
Селистора , на з. границѣ села Давиденъ	248,4
Перетерзени , въ Шадовой надъ Серетомъ	248,0
Миндечію , въ селѣ Комарештіе	225,3
Руденицка гора , въ Бруеницы, при гостинцѣ	240,5
Коморія , на в. границѣ Буденицы	264,4
Каменный дълъ , въ ю.-з. части села Кучурмаре	249,2
Грамена , въ с.-в. части села Пресекареми	208,1
Герло , въ селѣ Преворокое	199,7
<hr/>	
Кругла , $\frac{1}{4}$ миля на ю. мѣста Вишницы	397,2
Забережь , $\frac{3}{4}$ миля на с.-в. Вишницы	239,1
Чеканинь , въ з. части села Вилавче	209,8
Майданъ , миля на югъ Вилавча	253,7
Сомъходра , $\frac{1}{2}$ миля на с. Комарештія	198,1

Дыса гора, мля на с. посл.	240,1
Опчина, мля на с.-с.-в. Комарештія	249,5
Греченова, мля на в. Комарештія	250,0
Льсковецъ, $\frac{1}{4}$ мля на в.-с.-в. посл., при гостинца	258,6
Ясень, въ селѣ Бобештіе	161,0
Черешекъ, на з. границѣ села Каменна	249,8
Спасска гора, на с.-з. границѣ Каменном	236,1
Щецина, $\frac{3}{4}$ мля на з. Черновець	280,9
Окру: $\frac{3}{4}$ мля на ю.-з. Черновець	167,5
Скатуля, въ в. части Черновець	131,1
Бомнска гора, $1\frac{1}{2}$ мля на ю.-ю.-в. Черновець	171,3
Липникъ, въ селѣ Магала	146,4

Паньска гора, въ Баніля слобода, надъ Черешомъ	121,7
Вашкоуць, въ с. части села т. и.	108,8
Вербовецъ, на югъ границѣ Вашкоуца	172,6
Слѣзка, на з. границѣ Глиницѣ, надъ Прутомъ	145,9
Вербова гора, $\frac{1}{2}$ мля на в. Колачна	134,5
Берляньскій, $\frac{1}{2}$ мля на в. посл.	135,8
Иванкоуць, въ селѣ т. и.	161,6
Коцманъ, въ ю. части села т. и.	149,5
Скабера, въ с.-в. части Коцмана	149,3
Рутке, въ селѣ Лужавъ	90,6
Могила, на с.-з. границѣ села Шубранецъ	159,6
Шанць-Фельдъ, $\frac{3}{4}$ мля на с. Садогуры, при гостинца	87,7
Дуброва, $\frac{3}{4}$ мля на с. Садогуры	132,8
Городестіе, мля на с. Садогуры	240,1
Бердо, на с.-з. границѣ Чернявки	267,8
Доцуко, на в. села Топороуць	142,8
Зауфа, на с.-з. Чернявки, на границѣ Молдавы	237,7

Куготова, $\frac{3}{4}$ мля на с. Колачна	177,7
Малетинець, въ селѣ Хлѣвстіе	158,8
Давидестіе, въ ю. части села т. и.	165,5
Копаниця, на югъ границѣ села Шашкоуць	149,1
Мазовичинъ, въ ю. части Верничанки	134,0
Выдубниковъ, на з. границѣ Верничанки	143,0
Серафинць, на в. гран. села т. и., и на гр. Галичины и Буковины	159,3
Прилипче, въ селѣ т. и., $\frac{1}{2}$ мля на з. Залѣщикъ	158,0
Свинячка, $\frac{1}{2}$ мля на югъ Залѣщикъ	163,7
Кулявска, $\frac{3}{4}$ мля на ю.-в. Залѣщикъ	148,2
Чинкеу, на в. границѣ села Кадобештіе	157,3
Каторъ, $\frac{3}{4}$ мля на в. посл., въ Дорошоуць	149,8
Путруска, на с. границѣ Заставном	150,4
Жорнисъ, на с. села Кучурикъ, въ селѣ Юркоуць	226,9
Опчина, въ Доброноуць, на Молдавской границѣ	238,0
Турливски, въ с. части села Боянчукъ	140,7
Калогора, на в. границѣ села Дорошоуць	145,6

Соптура, въ ю. части села Окна	143,7
Черный потокъ, въ селѣ т. н., на югъ села Онуть	139,0
Коло болота, въ селѣ Онуть, надъ Дивьстромъ	122,3

И. Г.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ

о древней Почаевской Обители Чину Св. Василія Великого и
Типографіи ея, съ росписью въ той печатаннымъ книгамъ,

написалъ А. С. Петрушевичъ.

Селеніе Почаевъ, съ обителью Чину Св. Василія В., построенною на прилежащей горѣ, находилось прежде въ давнѣмъ Волынскомъ воеводствѣ, въ Кременецкомъ повѣтѣ, въ Луцкой Епархіи, древняго Польскаго Королевства; нынѣ же лежитъ на самомъ западномъ предѣлѣ Россійской Имперіи въ Волынской губерніи, въ 24. верстахъ отъ уѣзднаго города Кременца. При подошвѣ Монастырской горы съ трехъ сторонъ располагается мѣстечко Почаевъ; на розстояніи трехъ верстъ отъ Монастыря лежитъ село Старый Почаевъ, самая же Почаевская обитель заимаетъ съ 1831. г. въ числѣ четырехъ въ Россіи существующихъ Православныхъ Лавръ послѣднее мѣсто подъ названіемъ „Почаевской Успенской Лавры.“

Первыи основатели Почаевской обители, кажется, были Кіевскіи иноки, поселившіися здѣсь въ пещерахъ горы, на которой стоитъ сія обитель, что вѣроятно послѣдовало послѣ безчеловѣчнаго опустошенія Кіева Батыемъ. Такимъ образомъ близкое созвучіе Почаева съ именемъ Кіевской Почаины — потока сдѣлывшагося спасительною купелію для дѣтей Св. Владимира, можетъ быть, не есть совсѣмъ случайное, но въ память оставленной мѣстности было, либо Кіевскими преемльцами новому поселенію ихъ при- дано, либо уже обрѣтенное ими произвело сильное вліяніе на выборъ ихъ новаго мѣстожителства. Эта часть Волыни, во времена Батыева нашествія, входила въ составъ княжества Галицкаго, и была, нашимъ храбрымъ и знаменитымъ княземъ Даниломъ Романовичемъ усѣбно защищаема, ибо Татары тщетно приступали къ Кременцу, въ окрестъ коего находилась Почаевская мѣстность, где избѣгшимъ Кіевскимъ инокамъ всего лучше можно было укрытиса въ Кременецкихъ лѣсахъ.

Впрочемъ что настоящая Почаевская Лавра, по крайней мѣрѣ въ видѣ малой отшельнической обители, въ XIII. вѣцѣ уже существовала, въ доказательство сего послужатъ нынѣ двѣ древнія книги, изъ коихъ одна

водъ названіємъ: „Памятникъ Монастыря Почаевского,“ первоначальное поселеніе инокѣвъ въ Горѣ Почаевской прямо относится ко 1240. г. а другая водъ заглавіемъ: „Небо новое съ новыми звѣздами,“ сочинена Іоанникіемъ Галатовскимъ, Ректоромъ Кіево-братского училища, напечатана 1665 года въ Львовѣ, явленіе Монаху на Почаевской горѣ Божіей Матери, въ столпѣ огненномъ, приурочиваетъ къ 1261. г.¹⁾

О древности Почаевской Успенской Церкви свидѣтельствуеетъ тоже грамота Сугизмунда Августа II, данная на имя владѣльца села Почаева

¹⁾ Подавая выше приведены и ниже слѣдующія историческія данныя, послѣдовалъ я безъименному сочинителю калой, но любопытной книжочки: „Описаніе Почаевскія Успенскія Лавры. Почаевъ. Въ Почаево-Лаврской Типографіи 1859.“ (стр. 70 съ 5-ти видами Почаевской Лавры). Безъименный сочинитель сей книжечки на стр. 13 говорить, что памятникъ Монастыря Почаевского утраченъ, но о немъ упоминается въ рукописной книгѣ Монастырскихъ исковъ и документовъ, въ 1661 году составленной, и нынѣ въ Лаврскомъ Архивѣ хранящейся. О той послѣдней книгѣ говорится въ сочиненіи: *Epitome historica de origine, antiquitate ac presertim de celebratissimo opere Coronationis Thaumaturgae is Poczaioviensi Monte imaginis B. V. Mariae . . . A. D. 1773 VI. Idus Septembris, impendio... Nicolai Comitis Potocki Palat. Belzen. Ord. Melitensium Equitis fundatoris longe Munificentissimi. Typis S. R. M. in mofast. Poczaioy. O. S. B. M. A. 1775 in 4to.* Сочинитель сей книги Іеронимъ Стрелецкій, подписавшійся при концѣ предисловія яко цензоръ книгъ и Монастырскихъ актовъ Нотарій, пишетъ на оборотѣ листа 4-го: „*Exprimit hujus prodigiosae Plantae vetustatem Codex, in quo series et argumenta causarum Monasterii hujus liciumque olim habitaram adnotantur, innuens expressionem Sedis Deiparae ab Annis quadringentis factam esse; Codex autem ille anno 1632 est conscriptus.*“ Слѣдовательно явленіе *prodigiosae Plantae* относилось бы къ 1262 году, а не къ 1240 году, какъ утверждаетъ сочинитель „Описанія Почаевской Лавры“ (стр. 13). Касательно утвержденія безъименного сочинителя книжечки: „Описаніе Почаевской Успенской Лавры,“ будто Іоанникій Галатовскій въ своемъ сочиненіи: „Небо новое“ . . . явленіе монаху на Почаевской горѣ Божіей Матери въ столпѣ огненномъ приурочиваетъ къ 1261 году, принужденъ я замѣтити, что въ упомянутомъ сочиненіи Галатовского, где говорится о явленіи монаху на Почаевской горѣ Божіей Матери, въ моемъ экземплярѣ: „Небо новое . . . Львовѣ 1665, листъ 99. Чудо двадцатое,“ нѣтъ ніякой выставки года, когда тое чудо совершилось, только читается что слѣдуетъ: „Іоаннъ Босмій, зъ села Почаева, видѣлъ на скалѣ стоячую Пречистую Дѣву Богородицу, предъ нею стоялъ законникъ, который въ скалѣ мешкалъ, и по-видѣлъ тому Іоаннови Босому, и хлопотомъ зъ села Почаева часуцимъ овцамъ на горѣ, близко той скалы, же Пречистая Богородица стояла на той скалѣ которой тамъ стопа есть вырита, и завшеса въ той стопѣ (т. е. слѣдъ правой ноги) вода чистая находится, которою розмятми хоробы узлѣчаются, на той скалѣ Церковь знаменитая мурованая, и при Церквѣ Монастырь знаменитый, муромъ въ коло обведенный, въ Землѣ Руской на Волиню находится, который Монастырь отъ села Почаева, называется Почаевскій.“ *Epitome histor. de orig. Coronat. Poczaioy. imaginis B. V. Mariae* говорить, что названіе о Іоаннѣ Босомѣ читается въ книгѣ напечатанной въ Львовѣ 1665: „*Novum Coelum Lib. 2. fol. 10. miraculo 20;* слѣдовательно было нѣсколько изданій сей книги. Местечко Почаевъ, за сонвлодеміемъ короля Польского Станислава Августа, было основано Іоанномъ Аморомъ графомъ Тарновскимъ 1778 года.

Богдановича Гойского въ 1557, которого тотъ польскій король, подтверждая грамоту своего отца Сигизмунда I. еще въ 1527 году, данную отцу тогоже Гойского, воспрещаетъ Кременецкому Старостѣ посылати къ Почаевъ своего намѣстника, для судопроизводства и пошяинного сбора во время ярмарки, и здрѣв ле бывающей здѣсь въ день Успенія Божіей Матери, къ которому двю на Почаевскую гору собирався въ множествѣ народъ, для полученія благодатныхъ даровъ Божіихъ отъ чудотворной Стопы Богоматери. Въ той же грамотѣ между прочимъ упоминается о давномъ существованіи при горѣ той каменной Успенской Церкви, которая, по свидѣтельству книги, именуемой: „Гора Почаевская,“ построена была обитающими въ горѣ монахами за милостію, отъ благодѣтелей вземлемую.²⁾ Поелику упоминаема въ той грамотѣ каменная Церковь называется и здрѣв ле существующою, то надобно полагати, что и она за долго до 1527. г. была построена, слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ въ половинѣ XIV. вѣка, когда передъ тѣмъ на мѣстѣ ея могла существовати обветшала деревянная церковь, сягающая своимъ началомъ XIII. столѣтія. Наконецъ въ 1700 году польскій король, Августъ II, подтверждая права и фундуши Почаевского Монастыря, особою грамотою, донынѣ въ Лаврскомъ Архивѣ хранящеюся въ подлинницѣ, между прочимъ монастырь сей называетъ древнимъ и чудотворнымъ, обряда Греческого, и обезпечивая ему свободное сохраненіе въ ры Восточной древней Церкви, отъ незапамятныхъ временъ непрерывно и безпрепятственно въ ономъ Монастырѣ содержимой, опредѣляетъ 10,000 червонцевъ грошевого высканія за нарушение сей привилегіи (*starożytny i cudotworny Manaster Ritus Graeci Poczajowsk nazwany, w Województwie Wołyńskim leżący, pod tytułem Wniebowzięcia Najświętszej Panny Maryi piis foundationibus ugruntowany i pobożnemi zakonnikami ritus Graeci pod posłuszeństwem Cerkwie wschodniej należycie ufundowany nie w Unii będący... liberum religionis orientalis antiquae Ecclesiae ab immemorabili tempore continuo usu licite odprawujące się exercitium, ceremonie, ustawy, kanony rituum, starożytne nabożeństwa, żadnej odmianie niepodległe, tychże wolne odprawowania nienaruszenie zachowujemy... idque sub vadio dziesięciu tysięcy czerwonych złotych, medietatem fisco nostro Regio, a drugą parti gravatae...*)³⁾

²⁾ См. Опис. Почаевской Успен. Лавры стр. 16, 17, и Epitome historica de Orig. Antiquit. Coronat. in Poczajoviensi monte imaginis B. V. Mariae p. 2.

³⁾ Приведенная Грамота короля польск. Августа II., утверждающая права Монастыря Почаевского въ пользу греческо-неуніятской Церкви, выписана изъ книгъ Городскихъ Кременецкого, повята, издана въ Варшавѣ 26. Юнія 1700 года, чтется напечатана въ „Памятникахъ изд. времен. ком. для разбора древнихъ актовъ,“ Томъ IV. Кіевъ 1859. стр. 56—62.

Такимъ образомъ такъ усное преданіе, якъ и письменныи документы и печатаныи книги, совокупно свидѣтельствуютъ о глубокой древности Почаевской обители, восходящей своимъ началомъ по всей вѣроятности до половины XIII. вѣка. Правда, что она до конца XVI вѣка еще въ ничемъ состояніи находилась, ибо доселѣ владѣла только пещерами въ горѣ, источникъ въ Столѣ Божіей Матери на горѣ и каменную церковь при подошвѣ горы; отъ сихъ же временъ при помощи благодѣтельныхъ лицъ, она быстро стала воздвигатися и приходити до внутреннего благоустройства и вишняго благолѣпія.

Первое значительное пособіе получила Почаевская обитель въ 1597 г., въ самое смугное время нападствованія на греческую Церковь, послѣ Брестскаго собора, и тѣмъ благодѣтельнымъ лицомъ была помѣщица мѣстечка Орли и Козина, къ коимъ и Почаевская мѣстность принадлежала, Анна Гойская, надѣляя обитель сію землями, лѣсомъ и людьми. Учредительною грамотою отъ 14. Ноября 1597 г. таа мужественная и прозорливая жена чыла оградити и обезопасити тое новое для Греко-неуниговъ убѣжище отъ неприязненныхъ нападений на оное. Впрочемъ тоуже грамотою подтверждается, что на томъ мѣстѣ, где съ умноженіемъ монашествующихъ, основанъ немъ въ семъ году общежителный Монастырь, находилась издревле при горѣ каменная церковь во имя Успенія Пресв. Богородицы.⁴⁾

⁴⁾ Учредительная грамота или фундушова записъ Анны Гойской на устройство Монастыря Почаевского по выписи изъ книгъ городскихъ Кременецкихъ, напечатанной въ „Памятникахъ изд. времен. ком.“ Т. IV. стр. 39—55, для важности содержанія ея, помѣщая здѣсь, по важнѣйшей части ея, яко древнѣйшій актъ относящійся къ исторіи Почаевской обители. „...Я Ганна Тыховна Козиньского Ярофеева Гойская судинная земная Луцкая, чиню явно и ознаймую симъ моимъ листомъ каждому кому треба вѣдати, albo чтучи слышати нынешнимъ и на потомъ будущимъ, ижъ иачюи я уставичне передъ очина повинность свою христіанскую, памятаючи на приказане Божое веде которого естли каждый человекъ съ повинности своей отдавати ест повинень,... прото и я з добрымъ а статечнымъ размысломъ моимъ... а то найбільше для розмноженя хвалы Божое... иачюи отъ давныхъ часовъ въ маенности моеи при селе Почаеве церковь каменную заложена Успенія Святое Пречистое Богоматере, при которой церкви ижъ бы уставичная хвала Божія была, умыслила еси Монастырь збудовати и его фундувати такимъ обычаемъ, абы у томъ монастыри Чернецовъ людей добрыхъ побожного живота, ни якого иншого закону, только Греческого восточной церкви послушенства личбою осимъ и дяковъ два и для выживени ихъ въ томъ монастыри будущихъ, на тую Церковь Успенія Святое пречистое и на Монастырь при ней будущій, надаю и надаю еси вечными часи николи одъ меня самое и потомковъ моихъ по мнѣ тую маенность мою именью Почаевъ держачихъ и ихъ потомство не порушно, то ест меновите в томъ именью моемъ Почаеве, подданныхъ осемъ на горѣ противко двора моего Почаевского человекъвъ шесть, меновите Калко, Антонъ Вирличъ, Васыко Бирличъ, Игватъ Дасчинъ, Лукашъ, Гриценя швецъ въ ихъ дворищани и до того тежъ грунту поля оремого и неоремого здубровою на

Кромѣ надѣленія Почаевской обители землями, одарила еще благочестивая Анна изъ Козинскихъ Гойская церковь толже обители неоцѣненнымъ сокровищемъ чудотворной иконы Божіей Матери, которую получила она снова въ даръ отъ пугешествующаго чрезъ Волинскую страну греческаго Митрополита Неофита, 1559 году, посѣтившаго домъ ея въ мѣстечку Орлѣ. Въ 1597 г. созвала Гойска пископа, иноковъ и священниковъ, которыхъ съ крестнымъ ходомъ, при многочисленномъ егеченіи народа, перенесли сію Святую икону на Почаевскую гору и поставили въ небольшой каменной церкви, издревле тамже существовавшей.

Тыхъ волокахъ будучою, всего волокъ десять на три руки, въ каждой руцѣ по десяти резовъ, къ тому лесъ, который веде тожь Церкви есть зъ полемъ и сеножатями по знакахъ певныхъ, то есть почавши отъ дороги гостинца, которая иде зъ Почаева мимо плесо мое дворное до Дунаева однимъ бокомъ отъ села Почаева, долиною зъ знаками и копцями, которыхъ копцовъ усыпано есть долиною семь, а отъ тыхъ копцовъ просто дорогою, которая идетъ черезъ лесъ усыпано копцовъ девять, а зъ лесу выхавши полемъ до тежь дороги и гостинца, которая идетъ зъ Почаева до Дунаева и тоєю дорогою и гостинцемъ ажъ до тое долины и тыхъ копцовъ усыпано копцовъ шестнадцать, всихъ копцовъ коло монастыря лесу поля сеножети копцовъ тридцеть и два. Кромѣ тыхъ десяти волокъ поля и нишого грунту, а особливе на каждый рокъ зо всихъ добръ моихъ до Орлеа належачихъ и на опатренье тое церкви и монастыря и чернецовъ, на каждый рокъ давана быти маєт сума пинензей по тридцети копъ грошей литовскихъ, до того тожь десятина зо всякого збожа дворного Почаевского на каждый рокъ тыхъ чернецовъ до монастыря давана быти маєт вечными часм... а тая церковь и монастырь и тые вси подданные и грунту и вшелякіе помитки мають быти взаведоване и державе даваны и злецонны завжди челоувькови игуменови въ ры христіанской послушенства Восточной церкви и святого росказавая закону нашего Греческаго въ побожномъ животе и во всякихъ справахъ учтивыхъ до свѣдчаноу... такъ то по моему животе мети хочу, zostавю и злецаю пріятеливи моему, который тую маєтностъ по мне держати будетъ и потомкомъ его вечными часм, абы онъ будучи однако владство и зчрницами оного монастыря сполечнеся згодивши тую церковь и монастырь с тыми всеми помитками и подданными челоувькови таковому и не инакшому послушенства Восточной Церкви закону греческаго Игуменови чернцови, якося выше поменило завжди вечными часм подавалъ и вшелякого порядку побожного христіанскаго догледалъ, и отъ кривдъ, утисковъ игумена и всихъ чернцовъ мешкающихъ в томъ монастыру такъ тыхъ подданныхъ грунту боронилъ, а есмьбы межи игуменомъ и черницами якая незгода въ кхъ справахъ чернецкихъ была, теди пріятель тотъ мой который тую маєтностъ мою держати будетъ маєт или на розсудокъ до Владыки, который бы не нишого закону только Греческаго Восточной Церкви былъ, одослати... и на то дала есси сей мой листъ добровольный фундушъ з моею печатю и сподписьомъ власной руки моее. при томъ были и того добре сведомы и заустною и очевистою прозьбою моею печати своее приложити и руки свое власные подписати рачили ихъ милость панове, а пріятели мои его милость панъ Маваръ Ледоховскій писаръ земскій Кременецкій, панъ Василій Малинскій, панъ Кодратъ Хорош ко, и панъ Григорій Баковецкій. — Писанъ въ Почаеве року по нарожю сына Божого тысяча патьсотъ девять десятъ сегого мѣсяца Ноябрья четвертогоадѣять днѣ.

Икона чудотворная Икона сія находится въ Успенскомъ Соборномъ храмѣ въ олтарной части въ особо устроенномъ кіотѣ.⁵⁾

По кончинѣ Гойской, сестринецъ ея Андрей Фирлей Каштелянъ Белзскій дѣлалъ Почаевскимъ иконамъ различныя паносги, и даже въ 1623 году 19. Юлія заграбилъ изъ Почаевской обители чудотворную Икону, и увезъ съ собою въ Козинскій замокъ, откуда не скорѣе якъ въ 1644 году была она перенесена опять на гору Почаевскую, и даже, въ слѣдствіе жалобъ, поданныхъ Почаевскимъ Игуменомъ Преподобнымъ Говомъ Зелезомъ въ разные судебныя мѣста, по приговору Любельского главного Трибунала, Монастырю въ 1647 году снова возвращена, съ частью похищенныхъ Фирлеемъ сокровищъ, уцѣлвшихъ отъ пожара, бывшего въ Козинскомъ замкѣ.

Въ послѣдствіи Почаевская обитель оставаясь при греческо-неуніатскомъ вѣроисповѣданіи претерпѣла много гоненій и насильствованія отъ графовъ Тарловскихъ, также наслѣдниковъ Гойской, дворянъ Гойницкихъ, Корчиковского, Сагурского, Искръ, наслѣдниковъ Древинского и другихъ изъ польской шляхты, подущенной латинскимъ Духовенствомъ, миссіонерующимъ по земляхъ рускихъ.⁶⁾

Около Почаевской обители заслужилъ особеннымъ образомъ такъ для обороны правъ ея, якъ и подвижническою жизнію своею, упомянутый Говъ,

У того листу печатей пять и подпису рукъ втѣ слова: Ганна Козинского рука власная; Макаръ Ледоховскій писарь земскій Кременецкій власною рукою; Василій Еловичъ Малинскій власная рука; Кондратъ Хорошко власною рукою; Григорій Макосевичъ Баконецкій в. рукою, который же то листъ на Монастырь Почаевскій належачій устныиъ очевиднымъ сознаниемъ ея милости пани Ярофеево Гойской во всемъ ствержонный до книгъ земскихъ Кременецкихъ записати казали, с которыхъ и сей выписъ подъ печатями нашими то есть мене Яна Горайна судьи, и Михаила въ Козельскія Пузыми подсудда и съ подписомъ руки мене Яна Больбаса Ростодкого писаря урядниковъ судовыхъ земскихъ Кременецкихъ в року теперешнемъ тысяча шестьсотъ чотыредесятъ первомъ подъ часъ суженя роковъ въ шесть недѣль по святомъ Михайли естъ выдать, писанъ въ Кременцу.“

5) Въ 1845 г. была риза сей Св. Иконы украшена тяжеловѣсными топазами, аметистами и другими камнями, вделанными въ серебрянную доску, а корона осыпана брилліантами. Въ 1850 г. по указу покойной Графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской, для Иконы сей угрозенъ серебрянный визолоченный кіотъ въ 7.586 руб. 67 к. сер. О чудесныхъ исцеленіяхъ и другихъ чудотвореніяхъ, истеншихъ отъ Иконы сей съ время перенесенія ея изъ мѣстечка Козина на Почаевскую гору по 1826 годъ повѣствуется въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Гора Почаевская,“ которая на рускомъ и польскомъ языкахъ въ разныхъ годахъ была перепечатываемая въ Типографіи Почаевской обители (см. Опис. Почаевск. Успенской Лавры стр. 32, 33.).

6) Ballński i Lipiński Starożyt. Polska, Warszawa 1846. Т. II. подъ артикуломъ: Poczajów. Козинъ въ городокъ близъ Почаева. — Король польскій Сигизмундъ грамотою, изданою 1538 г. 28 Юлія въ Краковѣ, соизволяетъ Олехови и Михайлови Гринковичемъ Козинскимъ „въ Козинѣ мѣсто садити“ (Опис. Почаевск. Лавры 50—53).

по прозванію Желѣзній. Онъ вызванъ былъ княземъ Константиномъ Острожскимъ изъ Преображенскаго Угорняцкаго Монастыря въ Дубенскій Крестный, и 20 лѣтъ управлялъ братією послѣдняго. Вельможи и народъ отдавали ему уваженіе, и приходили слушати наставленія его. Убѣгая отъ почестей, онъ тайно удался въ Почаевску гору; заѣсь также избрали его въ игумена, и прославившись остротью и святостью жизни своей, онъ переселился въ блаженную вѣчность 1651 года Октября 28 дня, по истеченіи своей столѣтней многотрудной жизни. Мощи его почитаютъ теперь въ пещерной церкви, и въ той самой пещерѣ, где угодникъ Божій во время земной своей жизни подвизался.⁷⁾

. Современникомъ и также сожителемъ въ Угорняцкой обители Преподобнаго Іова Желѣза былъ Преподобный Отецъ Іовъ (Іоаннъ) Книжничій, основатель славной Скитской обители Ставропиги, которой Игумены именовались Протоганами всѣхъ Монастырей Червоно-русскихъ.⁸⁾

Еще за жизни Преподобнаго Іова, въ 1649 году Θεодоръ и Евва Домашевскіи воздвигли надъ Стопою Божіа Матери большую каменную Церковь во имя Пресвятыя Тройцы, где благочестивая Строительница Евва, въ духовной своей 1665 году завѣщала похоронити тѣло свое.

Въ послѣдствіи времени, въ разные годы, были построены еще шесть малыхъ деревянныхъ церквей, и такъ:

1. Преображенія Господня.
2. Воскресенія Христова.
3. Благовѣщенія Пресв. Богородицы.
3. Св. Великомученика Θεодора, вѣроятно по желанію и при пособіи Θεодора Домашевского.
5. Побѣды Божіей Матери, кажется построена въ память избавленія обители отъ нашествія Турокъ и Татаръ, во время Збаржской

⁷⁾ Маякъ 1845. Т. 23. Истор. Іерарх. 5. 359. Жизнь преподобнаго Іова описалъ ученикъ его, Іеромонахъ Досмеей, въ особой книжцѣ, вѣроятно въ концѣ XVII. вѣка первоначально напечатаной. Іовъ родился около 1550 года, въ земли Галицкой, по фамилии Желѣзовъ, и нареченъ при крещеніи Іоанномъ. Въ 1659 году былъ гробъ его открытый Митрополитомъ Кіевскимъ Діонисіемъ Балабаномъ, 28. Августа, и нетлѣны останки преподобнаго Іова были торжественно перенесены въ большую Церковь Св. Тройцы. Въ 1842 году Графинею Анною Алексеевною Орловою-Чесменскою пожертвована для нихъ богатая серебрянная рака, а въ 1844 году на счетъ добротныхъ пожертвованій устроенъ надъ ракою довольно великолѣпный baldахинъ (см. Опис. Почаев. Лавр. 44.). Монастырь Угорняцкій, въ которомъ Іоаннъ Желѣзо въ 12 году отъ рожденія постриженъ былъ въ чинъ монашескій и нареченъ Іовомъ, находится въ селѣ сего имени въ Станиславскомъ округѣ.

⁸⁾ См. помѣщенную мною „въ Зорѣ Галицкой, яко Албушь на годъ 1860.“ (Львовъ.) стр. 225—251.: Жизнь преподоб. отца Іова, основателя Ставропигиальной Скитской обители чину Св. Василія В. близъ села Манды, въ Станиславскомъ округѣ.

войны, когда Турки, послѣ опустошенія окрестныхъ городовъ и селъ 1675 года Юлія 20. дня, окружили въ большомъ числѣ Почаевскій Монастырь, обнесенный слабою деревянною оградю, въ продолженіи трехъ сутокъ (добъ) дѣлала къ нему съ разныхъ сторонъ приступы, и наконецъ, будто отраженны невнятною силою, передались бѣгству.

6. Святителя и Чудотворца Николая, которы всѣ, кромѣ послѣдней, устроенной въ пещерѣ подъ Церквою, примыкали то съ той, то съ другой стороны ко главной Троицкой Церкви, а самый Монастырь обнесенъ былъ деревянною бревенчатою оградю съ четырьмя наугольными башнями, садъ же таковымъ же частоколомъ.

Изъ всѣхъ тыхъ церквей сохранилась до нынѣ только одна каменная, построена надъ Стопою Божіа Матери, Троицкая церковь, которая при томъ, болѣе нежели на половину уменьшеномъ видѣ вошла въ составъ нынѣшней по новому плану церковной постройки, вмѣстѣ съ огромнымъ братскимъ корпусомъ, въ 1771 году начатой, а въ 1785 году оконченной стараніемъ и отчасти издженіемъ Графа Николая Потоцкаго, Старосты Кацевского.⁹⁾

Въ семъ новомъ великолѣпномъ зданіи главная церковь, обнимающая собою и Стопу Божіей Матери, посвящена Успенію Пресв. Богородицы, а внизу при пещерѣ Преподобнаго Іова, устроенъ престолъ во имя Св. Великомученицы Варвары. Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ восьми церквей, теперь существуютъ только три, а именно Успенскія, Троицкая

⁹⁾ Опис. Почаевск. Успен. Лавры, стр. 23, 24, 27. — Успенская Церковь построена по плану Годфрида Гофмана изъ Слезин, основной камень положенъ 3. Юлія 1771 года; зданіе Церкви окончено 1791 года. Самая церковь построена въ видѣ креста, долгою 84, широтою 50 локотъ ваденскихъ. Фациата украшена двома вежами, съ куполомъ на серединѣ церкви. Цѣлебный источникъ находится внутри Успенской Церкви, почти при самихъ дверяхъ. Онъ огражденъ желѣзною рѣшеткою и покрытъ ковчегомъ, надъ которымъ поставленъ прозрачный стеклянный столъ. Церковное зданіе, по своей полу-византійской структурѣ, можетъ действительно назваться отличнымъ и образцовымъ, сообразивши притомъ чрезвычайныя трудности, которыя здѣшему надлежало побѣдить для крайне неровнаго и гористаго изстоположенія. Наконецъ есть оно единственнымъ великолѣпнымъ памятникомъ, созданнымъ для русскаго народа и обряда польскихъ пребогатымъ великолюемъ, хотя все таки только во свидѣтельство его раскаянія въ розгульной и своевольной жизни, якою по большой части польская шляхта въ Забранихъ Рускихъ Земляхъ отличалась. Судя по изображеніямъ видовъ сей церкви, по четырѣмъ сторонамъ ея, помѣщеннымъ въ Описаніи Почаевской Успенской Лавры, стрѣтъ она лицевой стороною къ югу, следовательно подобно Свято-Георгіевскому Собору во Львовѣ, строилась объ церкви иностранными архитекатами подъ вліяніемъ Запада, съ пренебреженіемъ греческаго обычая, обращати главныя жертвенники Церквей къ востоку, что наблюдати, можетъ быти, положеніе мѣстностей обохъ Церквей по части не дозволено (См. мое Истор. описаніе всѣхъ русскихъ Церквей и Монастырей во Львовѣ. Галиц. истор. Сборникъ, Львовъ 1854, I. стр. 31.).

и Варваринская, и четвертая Рождества Пресв. Богородицы, въ Монастыря построенная.

Въ послѣдствіи, въ память посѣщенія Почаевской Лавры покойнымъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ 1842 г. въ 25 день Сентября, устроено въ Успенскомъ Соборѣ, при Столѣ Божіей Матери, на хорахъ церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая, и тоже въ память посѣщенія тоже обители сыномъ первого и наследникомъ 3-го Октября 1859. года, предположено, на тѣхъ же хорахъ, только съ противоположной стороны, параллельно съ предѣльнымъ храмомъ Св. Николая, устроить совершенно подобный храмъ во имя Св. великого князя Александра Невского. Кроме того въ корпусѣ, занимаемомъ Священно-Архимандритомъ Лавры, создано вновь Церковь во имя Воздвиженія честнаго Креста.

Сами большіи опустошенія понесла Почаевская обитель въ первыхъ десяткахъ XVIII. вѣка, когда суждено было ей страдать такъ отъ чужихъ якъ и отъ своихъ. И такъ во время великой Сѣверной войны, Шведскій король Карлъ XII., ограбивши Львовъ, наложилъ тяжкую военную контрибуцію (подать) не только на Галицкую, но и Волынскую области, и Шведскіи войска, въ случаѣ неуплаты означеннаго налога, угрожали предати Монастырь разоренію. Въ такой крайности, Почаевскій Игуменъ Іосифъ Савицъ, въ 1704 году, былъ принужденъ искать покровительства у Малорусскаго Гетмана Ивана Мазепы, готовящаго въ сердцѣ своемъ измѣну Императору Россіи. По совѣту самого Мазепы вывезъ теперь Игуменъ Іосифъ важнѣйшіи монастырскіи документы и драгоценности въ городъ Батуринъ, где въ послѣдствіи все погибло.¹⁰⁾

Въ 1705 году Савсонскіи войска, проходя чрезъ Почаевъ и не обрѣвши въ монастырѣ никакихъ сокровищъ, росхитили прочее движимое монастырское имѣніе, т. е. хлѣбъ въ зернѣ, скотину, домовую посуду, и опустошили экономическіи заведенія. Наконецъ къ упомянутымъ бѣдствіямъ и опустошеніямъ присоединились и религіи гоненія, неуважая на привилегію польскаго короля Августа II. съ 1700. года, подтверждающую права и фундуши древняго и чудотворнаго Почаевского монастыря, и обряда Греческаго, которую то королевскою привилегіею обезпечалось „свободное сохраненіе вѣры Восточной, древней Церкви, отъ незапамятныхъ временъ безпрерывно и безпрепятственно въ семъ монастырѣ содержи мой,“ подѣ наказаніемъ 10,000 червонцевъ грошевого взысканія за нарушеніе сей привилегіи. Иначе быти не могло, ибо

¹⁰⁾ Въ Архивъ Почаевской обители сберегались бумаги и документы и другихъ русскихъ Монастырей, якъ на примѣръ большая часть документовъ Уневской Архимандріи туда вывезенныхъ, что все кажется теперь погинуло.

тотъ же король Августъ II. въ томъ же 1700 году, рескриптомъ на имя Львовскаго Епископа Шумлянскаго, изъявляя тому же благодарность за присоединеніе его съ Епархіею своею къ Уніи, признаетъ еще большія свободы и льготы Уніятѣмъ, т. е. предохраняетъ всѣхъ духовныхъ лицъ, принявшихъ Унію, отъ всякихъ притѣсненій и обидъ, и также отъ тягостнаго военного постоя. При такихъ обстоятельствахъ трудно было Почаевской обители не присоединиться къ Уніи, и когда въ 1712 году послѣ насильственнаго обращенія Збаражскаго Монастыря въ Унію, гонимы греческо-неуниатскіи монахи находили еще себѣ убѣжище въ Почаевской обители, то однако уже въ слѣдующемъ 1713 году и самъ Почаевскій Монастырь приступилъ къ соединенію съ Римомъ, кажегся, опасаясь испытати подобную участь, якая постигла Збаражскую обитель.

Около 118 лѣтъ находилась Почаевская обитель въ посяданіи монаховъ чину Св. Василія В., названныхъ теперь *Базиліанами*, стоящими въ соединеніи съ Римскимъ Апостольскимъ Престоломъ, пока тѣ же, принявши дѣятельное участіе въ польскомъ возмушеніи на русскіхъ земляхъ, не были снова насильственно уничтожены, и повелѣніемъ Императора Россіи Николая Павловича, 10. Октября 1831 года обитель сія возвращена въ вѣдомство греко-неуниатскаго Духовенства, и занимаетъ теперь послѣднее мѣсто въ числѣ четырехъ въ Россіи существующихъ такъ званныхъ *Лавръ*. Священно-Архимандритъ Почаевской Лавры есть нынѣ вѣдѣть управляющій Волынской Епархіею Варшавскій Архіепископъ, и число монашескихъ лицъ той же Лавры состоитъ изъ 1 Намѣстника, 1 Казначея, 1 Эконома, 1 Ризничого, 20 Иеромонаховъ, 10 Иеродіаконовъ, 10 Монаховъ и 45 Послушниковъ.¹¹⁾

Извѣстнѣйшіи изъ благодѣтелей Почаевской обители за польскаго владыки кромѣ основательницы общежитія въ сей обители, Анны Гойской, были
 Θεодоръ и Евва Домашевскіи, построившіи надъ Стоною Божія Матери Церкви во имя Святыя Троицы, и пожертвовавшіи, кромѣ драгоценныхъ вещей, около 20,000 золотыхъ на содержаніе Монастыря,
 Князь Вишневецкій Михаилъ и Адамъ,

¹¹⁾ Опис. Почаев. Успен. Лавры, стр. 62. Въ память отнятія Почаевской обители изъ рукъ униатовъ или по изреченію Грекороссовъ изъ плана Базиліанскаго, установлено Греконеуниатскою Церковью навсегда отправляти въ каждую Субботу въ Успенской церкви Соборной молебень съ Акаѣстомъ Божіей Матери предъ чудотворною ея Иконою. При всемъ томъ, съ прекращеніемъ даже Церковной Уніи на Волыни, посѣщаютъ численно Богомольцы католики лат. обряда сіе чудотворное мѣсто. Нѣкто католикъ Полякъ изъ простонародія встрѣченъ священникомъ того же вѣроисповѣданія и вопрошенъ, для чего онъ отправляется на богомоліе въ схизматическую обитель, возразилъ смѣло, что онъ по примѣру своихъ предковъ идетъ помолитися въ Почаевскую обитель, которой монахи суть теперь по истинѣ схизматиками, но Пречистая Дѣва Матерь остается нынѣ какъ прежде католическою.

Княжна Марія Збаржская,
Левчиня Волынская Хриницькая.

Изъ руского дворянства яко поспѣловители греческого вѣроисповѣданія и благодѣтели въ монастырскихъ актахъ упоминаются:

Малиаскій, Пузины, Сташкевичъ, Куликовскій, Ушковскій, Долинскій, Жабокрицкій, Червинскій, Ясногорскій, Миколай Цотоцкій Староста Каневскій, каясь своихъ грѣховъ, пришелъ на греч. кат. вѣроисповѣданіе, пособствовалъ къ торжественной коронаціи Почаевской чудотворной иконы Богоматери въ 1773 году 8 Сентября и скончался на 76 году своей жизни 13 Апрѣля 1782 года.

Съ временъ занятія Почаевской обители греко-униатами благотворными пожертвованіями ознаменовались Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, Полковница Марія Едингъ, Помѣщицы Харьковской губерніи Анна Шрамкова, Наталія Аммоса и другіи благотворители. Впрочемъ жертвами и подаваніями богомольцевъ весьма численно посвящающихъ се Чудотворное мѣсто, доходами изъ продажи восковыхъ свѣчь и флишечокъ съ водою изъ Стопы Божіей Матери удержуется здѣшній Настоятель и черное духовенство, сохраняя Церковь и монастырскіи зданія въ надлежащемъ порядкѣ и благоустройствѣ, для недостатка оклада изъ государственной казны.

Остается еще сказать намъ о здѣшней типографіи и въ ней печатанныхъ книгахъ, о сколько тое скудными наши источники дозволяютъ, чтобы по возможности выполнить совершенный недостатокъ въ библиографіи касательно церковно-словенскихъ книгъ, печатанныхъ въ Почаевской обители, о чемъ намъ ничего подробного нигдѣ читать не удалось, хотя о всѣхъ прочихъ церковно-словенскихъ типографіяхъ на Руси наши библиографы толкуютъ. Сочинитель Описанія Почаевской Успенской Лавры сѣла только нѣсколькими словами упомянулъ о здѣшней типографіи, когда говоритъ (стр. 22.), что Анна Гойская, надѣлая въ 1597г. обитель сію землями, лѣсомъ и крестьянами, сверхъ того дала способы къ учрежденію при обители Типографіи, но будто нарочно не сказалъ ничего о томъ, что изъ той типографіи произошло самое большее число церковно-словенскихъ книжокъ, кажется для того, что изданіе ихъ послѣдовало во временахъ Уніи, для которой здѣшняя обитель и богатая типографія ея была успѣшнѣйшею розсадницею на южнозаядой Руси.¹²⁾

¹²⁾ Сочинитель Опис. Почаев. Успенск. Лавр. стр. 14. упрекаетъ уніатскихъ Базилиановъ, что также отличались поддѣлкою, перелѣлкою и истребленіемъ древнихъ документовъ, дабы не видѣти въ нихъ слишкомъ рызкого для себе обличенія въ нововаріи, и въ самомъ дѣлѣ Почаевскіи уніатскіи монахи, въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ въ нѣте-

Впрочемъ чтобы ни было, начатокъ Почаевской типографіи отидется къ началу XVII. вѣка, къ временамъ паденія Острожской типографіи, ибо самую древнѣйшую извѣстную книгою здѣшней печати есть книжка: Зерцало богословія въ 4. долю листа напечатана 1618 года въ Почевѣ, быти можетъ, типами закупленными изъ Острога.

Сами Почаевскіи монахи въ своихъ тяжбахъ въ первой половинѣ XVIII. вѣка, доказывая прислуживающее имъ право типографіи и древность ея, кромѣ упомянутой книжки „Зерцала Богословія“, древнѣйшей отъ нея предложить не были въ состояніи, и даже признаютъ, что по 1618 году около сотни лѣтъ типографія ихъ, для большихъ смутъ въ нашемъ русскомъ отечествѣ, праздновала, и не скорше якъ въ первомъ десятиці XVIII. стала снова дѣйствовать.

Въ 1730 году, Почаевская обитель, желая обновити свою подлупающую типографію, призвавши словолитчика, стала заниматься отливкою церковно-словенскихъ буквъ. Ставропигіальное Успенское братство въ Львовѣ, которое въ томъ же году 20. Октября получило отъ короля польскаго Августа II. прувилей исключительно заниматься печатью и продажью русскихъ книжокъ въ королевствѣ польскомъ, увѣдавши о начинаніяхъ Почаевскихъ монаховъ, занесло на нихъ свою жалобу до папскаго Нунція въ Варшавѣ, въ слѣдствіе чего было Почаевской обители запрещено печатати рускія книги, и по оконченной въ томъ дѣлѣ тяжбѣ издала папская Нунціатура отъ 27. Октября 1733. слѣдующій приговоръ, что Почаевскимъ монахамъ не дозволяется ни въ монастырѣ ихъ, ни во всей Васильянской русской провинціи, заводити словенской типографіи.¹³⁾

ресь Уніи игноруютъ помѣщенную выше нами фундаціонную записъ Анны Гойской съ 1597. года, и первоначальное вѣроисповѣданіе Препод. Отца Іова, представляя упомянутого лица, будто бывшаго въ соединеніи съ Римомъ. Подобноже сочинитель Опис. Почаев. Лавры, упомянувши только однимъ словомъ о Почаевской Типографіи, не хочетъ ничего вѣдати о весьма великой дѣятельности тойже Типографіи, не менше прославившей своиими многочисленными изданіями различныхъ церковныхъ и богословскихъ книгъ Почаевскую обитель по всей давной уніатской Руси. Книги Почаевской печати отличаются чистотою и пріятностію шрифта для очей, корректурностію текста и прочностію бумаги, для которыхъ свойства до сихъ поръ Грекоуніатами предпочитаютъ всѣмъ прочимъ изданіямъ. Остальный запасъ церковныхъ книгъ Почаевской печати закупилъ Львовскій купецъ Госп. Михаилъ Динетъ и занимается ихъ продажью или выпискою изъ Почаева, по цѣнамъ выставленнымъ въ каталогъ ихъ на полуистѣ напечатанныхъ и обнимающихъ въ себя 44 сортовъ различныхъ церковныхъ книгъ, употребляемыхъ Уніатами.

¹³⁾ См. D. Zubrzyckiego: Historyczne badania o drukarniach ruskostowiańskich w Galicyi, Lwów 1836. str. 33. Зубричскій ошибочно утверждаетъ, что изъ актовъ тяжбы между Почаевскою обителью и Львовскимъ Ставропигіальнымъ братствомъ явствуетъ, будто даже по 1732 годѣ въ Почаевѣ жадной книги не издано, кромѣ Проско медіи на одномъ листѣ, и пастырскаго посланія Луцкаго Епископа.

Въ продолженіи упомянутой тяжбы пребывающей въ Варшавѣ Почаевскій Игуменъ Козубскій просилъ польскаго Короля Августа II. о привилей печатанія русскыхъ книгъ, и тойже получилъ 18. Октября 1732 года; но Почаевской обители удалось изхотатайствовати въ папской Нунціатурѣ уничтоженіе прежняго приговора ея съ 1732 года, не скорше якъ въ 1737 г., на томъ основаніи, что рѣшенія о правахъ изъ королевскихъ привилеевъ произходящихъ, къ вѣдомству мірскихъ королевскихъ судовъ, а не къ духовной власти принадлежатъ.

Почаевская обитель не уважая на королевскіи декрета съ самимъ началомъ второй половины XVIII. вѣка стала снова печатати церковныи книги, противу. чего Ставропигіальное Львовское братство занесло свою протестацію до Львовскаго Епископскаго суда дня 20 Сентября 1753 и 28 Января 1754г., а наконецъ подало свою жалобу къ надворному Королевскому суду. Тяжба продолжалась даже до 1771 года и приговоромъ короля Станислава Августа отъ 26. Ноября 1771. была слѣдующимъ способомъ рѣшена: что Почаевскій Монастырь подъ загроженіемъ конфискаціи въ пользу Львовской Ставропигіи не имѣетъ печатати всѣхъ тѣхъ книгъ, которыми приказомъ короля Августа III. отъ 31. Октября 1740 года Львовской Ставропигіи исключительно печатати дозволяются.¹⁴⁾

Впрочемъ приказано сіи книги, которыи Почаевская типографія до дня изданнаго королевскаго приговора напечатала, списати, оцѣнити и Львовской Ставропигіи отдати съ тою должностію, чтобы послѣдняя стоимость отданныхъ ей книжокъ Почаевской обители сорозмѣрными частями сплатила. Наконецъ приступлено къ исполненію королевскаго приговора, и Почаевская

¹⁴⁾ Zubrzyckiego Histor. bad. o druk. str. 34. Упомянутый приказъ былъ изданъ въ свѣдѣствіе подобной тяжбы между Львовскою Ставропигіею и Архимандріею Уневскою, въ немъ изчисляются всѣ церковныи книги, которыхъ печатаніи право исключительно признается Львовской Ставропигіи, именно: Evangelium magnum. Evangelium parvum. Apostoł alias Epistolae. Trifolój alias preces pro quolibet mense. Ochoťoj magnum alias preces S. Damasceni. Ochoťoj parvum alias Szestodnik. Itidem Triod ewitna alias cantus hilaris. Triod postna alias cantus jejunalis. Służebnik magnum alias missale. Służebnik parvum. Trebnik magnum alias Rituale. Trebnik parvum. Połustaw magnum alias Breviarium. Połustawiec alias diurnale. Molitweniczek. Akafist magnum alias officia varia. Akafist parvum. Psalterium magnum. Psalterium parvum. Czasosłow magnum alias preces diurnae de quolibet sancto. Czasosłowiec. Jermołoj magnum alias cantus S. Damasceni. Jermołowiec parvum. Gramatyczka. Proskomedia alias praeparatio ad Missam. Приведенная роспись обвиняетъ всѣ церковныи книги, слѣдовательно для Уневской Типографіи ничего не осталось, что она могла бы печатати, и по той причинѣ кажется продала Уневская Архимандрія свою Типографію Почаевской обители, о чемъ свидѣтельствуеть вѣнское сходство типовъ обихъ типографій.

типографія, подобно якъ прежде сего Уневская, была бы уничтожена, еслибы между тѣмъ не послѣдовало роздѣленіе Польши, въ слѣдствіе чего Черныя Русь досталась на долю Австріи, а Почаевъ при розграниченіи королевствъ Галиціи и Владиміринъ остался при польской Рѣчипосполитой, и такимъ способомъ спаслась Почаевская типографія отъ угрожающаго ей улака. Отъ сего времени стала Почаевская типографія сильно подноситься, сдѣлавши теперь съ Луцкимъ Епископомъ Силвестромъ Рудницкимъ въ Рожищахъ 3. Декабря 1772. письменный договоръ печатанія для Епархіи его всѣхъ церковныхъ и народныхъ книгъ, и получивши къ тому еще въ 1755. привилей отъ Римской Апостольской Столицы на печатаніе латинскихъ, польскихъ и даже русскихъ книгъ.¹⁵⁾

На мѣстѣ томъ надобно замѣтити, что Россійскіи Старообрядцы печатаютъ по большей части книги свои въ Клянковской типографіи, въ Черниговской Губерніи, выставляли ложно яко мѣсто печатанія ихъ: Варшаву, Вильно, Гродно, Несвижъ и самъ даже Почаевъ.

Самое богатѣйше собраніе книгъ Почаевской печати имѣеть находится въ богатомъ книгохранилищѣ покойнаго Поляка Константина Свидзинского, хотя касательно исторіи Почаевской типографіи и тамъ же издан-

¹⁵⁾ См. Sam. Bandke: Histor. drukarni w Polsce i Litwie II. str. 55. Baliński i Lipiński: Starożytna Polska T. II. str. 903—5. Uгода biskupa (Łuckiego Silvestra) Rudnickiego zawarta w Rozyszczach 3. Grudnia 1772. z Superiorem klasztoru. „JWX. Biskup widząc, że drukarnia Monasteru w dostarczaniu ksiąg koniecznie potrzebnych cerkwiom i ludowi, tej potrzebie z ukontentowaniem kleru i ludu i pożytkiem kościoła ruskiego w jedności Św. z kościołem rzymskim będącego, dotąd wystarczającą, a w r. 1771 na instancją strony interes sobie wiadomy mającej przez dekret sądów zadwornych co do drukowania najpotrzebniejszych ksiąg jest zatamowana; i zapatrzywszy się na dawne prawa Monasterowi co do drukowania wszelkich ksiąg służące: tudzież polegając tak na prawie duchowném synodu Trydentskiego, biskupom moc wystawienia drukarni pozwalającego, jako na przywilejach Monarchów polskich Bispupom Łuckim ritus graeco uniti, wystawienie drukarni w dyecezyi swojej łaskawie pozwalających; tegoż prawa sobie służącego użyć i drukarnią w dyecezyi swojej mocą wyrzeczonych alias zaniedbaną wskrzesić, odnowić i otworzyć umyśliwszy, a nie widząc indziej sposobniejszego miejsca, jak w Monasterze Poczajowskim, gdzie dotąd trwa dobrze rozrządzona drukarnia i wszelkie jej porządki, bez nowego kosztu gotowe, dla wygody dyecezyi takowe druki i używanie prawa swego wskrzesza i odnawia, wkładając obowiązek na superiorów, ażeby wszelkie księgi tak cerkiewne i do nabożeństwa należące, jako też inne którekolwiek czyli do zbudowania, czyli do nauk służące i potrzebne, ruskim, polskim i łacińskim językiem drukowali juxta obligationem przywilejów królewskich. A zaś mocą niniejszej umowy czyli konwencyi JWX. Biskup na siebie i na następców swoich hierze i wkłada obowiązek wszelki koszt drukarni Monasterowi wypłacać, w czym osobny kontrakt z specyfikacją taxy ma być ułożony i od obydwóch stron podpisany.“ — Сей договоръ былъ польскимъ королемъ затвержденъ въ Мартѣ 1773 года.

ныхъ книгъ, въ архивъ Почаевской обители, по всей вѣроятности сохраняется еще самъ богатѣйшій матеріалъ, который ожидаетъ своего изслѣдователя въ пользу русской библіографіи. Впрочемъ, чтобы, по возможности выолнитъ сей недостатокъ въ нашей библіографіи касательно книгъ печатаныхъ въ Почаевской обители, подаемъ здѣсь хотя неполный переченьъ книгъ, которыхъ намъ осматривати или о нихъ гдѣ-то читати удалось, зывая притомъ достопочтенныхъ читателей о благосклонное дополненіе или исправленіе нашей росписи всѣмъ книгамъ, печатанымъ въ Почаевѣ на церковно-словенскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ.¹⁶⁾

Хронологическая роспись книгъ печатаныхъ въ типографіи Почаевской обители на языцѣ

a) *Церковно-словенскомъ.*

ВѢКЪ XVII.

1. 1618 г. **Зерцало Богословія**, соч. Іеромон. Кипрїла Транквиліона, въ 4 долю листа (втор. изд. 1790 г.).
2. **Слово на Латиновъ** Максима Грека, безъ выхода въ 4 д. л. вѣроятно въ Почаевѣ, около 1618 г. 110 стр. (см. Хронолог. Росп. Славянск. книгъ. Н. Каратаева СП. 1861. стр. 30 Нр. 198).
3. — **Жизнь преподобн. Іова**, соч. ученикомъ его Іеромон. Доспеемъ, въ 8 д. л., безъ выхода вѣроятно въ концѣ XVII. вѣка первоначально напечатана.

ВѢКЪ XVIII.

4. 1700 г. **Молитвенникъ**, пѣнія и молитвы отъ великого Требника изятія въ 4 д. л.
5. — **Приложеніе на похвалу божію** къ Уставу церковному предложено чину духовному совѣтовательно року 1700. въ листъ 8 листовъ, безъ означенія мѣста печати (Въ бібліотецѣ Епископскаго собора въ Перемышля.).
6. 1704 г. **Трефологіонъ** въ листъ.
7. — **Величанія** въ 4. д. л.
8. 1708 г. **Послѣдованіе постригу двою** въ искусь Чина Св. Василя Вел., въ листъ; перепеч. изъ Супрасльск. изд. 1693 г.

¹⁶⁾ Далееми въ томъ предметъ замѣчанія и дополненія просимъ почтенныхъ любителей русской словесности, присылати въ Львовъ на ния редакціи „Слова“ или сочинителя сей статьи. Всякое и даже малѣйшее изъясненіе и дополненіе въ томъ предметъ будетъ съ большою благодарностью нами принято и до общей извѣстности доведено.

9. 1709 г. **Евангелія на вел. Страсти. седмицу въ листъ.**
10. 1710 г. **Алфавитъ духовный**, перв. изд. въ 8 д. л.
11. 1720 г. **Молитвословъ** въ 8 д. л. (большій 70¹/₂ листовъ).
12. — **Молитвословъ** въ 8 д. л. (средній 54 листовъ).
13. 1734 г. **Службеникъ** въ листъ (перв. издан.).
14. 1741 г. **Служба Пресв. Евхаристіи, Сострад. Пресв. Богород. и блаж. Иосафату**, въ листъ.
15. 1744 г. **Службеникъ** въ листъ, втор. изд.
16. 1747 г. **Тріодъ двѣтная** въ листъ.
17. 1750 г. **Часословецъ** въ 8 д. л.
18. — **Псалтирь.**
19. — **Послѣдованіе пострыга** въ малый и великій образъ чина Св. Василія Вел.
20. 1751 г. **Богословія правоучительная** въ 4 д. л. съ лексикономъ Славенско-польскимъ при концѣ книги.
21. 1755 г. **Службеникъ.**
22. 1756 г. **Краткій катехизмъ историческій** отъ ветхаго и новаго за-вѣта собранный, соч. Макарій Нероновичъ въ 4 д. л.
23. — **Богословія правоучительная** въ 4 д. л. съ лексикономъ славенско-польскимъ.
24. — **Образъ примиренія грѣшного человѣка съ Богомъ**, соч. Іосифъ Торжевскій Протопресвит. Лабунскій, въ 4 д. л.
25. 1757 г. **Празднѣя дневного ради и ночнаго церкви. пѣнія**, въ листъ.
26. 1758 г. **Откроехъ** въ листъ.
27. — **Псалтирь.**
28. 1759 г. **Евангелія чрезъ всю Св. великую страсти. седмицу**, въ листъ.
29. 1760 г. **Часословъ** въ листъ.
30. 1761 г. **Минея (12 мѣсяцев)** въ листъ.
31. 1762 г. **Служба пресв. Евхар., Сотрад. Пресв. Богород. и блажен. Иосафата**, въ листъ.
32. 1763 г. **Псалтирь.**
33. — **Величайникъ** въ 4 д. л.
34. 1764 г. **Өомы отъ Кемпися о подражаніи Христа** въ 12 д. л.
35. — **Чинъ діаконскаго служенія** въ 8 д. л.
36. 1765 г. **Слово къ народу католическому чрезъ Монаховъ Чину Св. Василія В. въ провинція Польской званію катехитичному прилежащихъ въ повѣтъ Кременецкомъ 1757 проповѣданое** — въ 4 д. л.
37. 1766 г. **Ірмологіонъ** въ листъ.
38. 1768 г. **Наредовѣщаніе**, слово къ народу католическому. втор. изд. въ 4 д. л.
39. — **Апостолъ** въ 8 д. л.

40. 1768 г. **Евангеліе** въ листъ.
41. — **Тріодъ** цвѣтная въ листъ (издан. по греческ. екземплярѣ 1738 въ Римѣ исправленному).
42. 1769 г. **Слово о Святомъ** между восточною и западною церковію соединеніи, иже Міхаилъ Мануилъ Олсавшкій Епископъ Россенскій, Мунканскій и Марамаросселскій славнаго царства Угорского и частей оному присовокупленнхъ Намѣстникъ Апостольскій святѣйш. кесар. Царс. Апост. Прест. совѣтникъ и прочая: вилою своего и Царскимъ повелѣніемъ посѣщенія, людей въ повѣтъ Шагмаринскомъ сущихъ, чрезъ Сараванту нѣкоего именемъ Софронія, къ расколу возмущенныхъ и отпадшихъ года 1761, къ воспріятію святаго соединенія, съ благополучіемъ тогожде, наказоваше. — По повелѣнію пречестнѣйшаго во отцѣхъ Упатія Бѣльскаго, Ч. Св. В. В. Протоархимандрита, Архимандрита уже тогда Лавровскаго, изъ латинскаго славянски преведеное. На церковнословенскомъ и латинскомъ языкахъ въ 4 д. л. 27 листовъ. Латинскій текстъ напеч. по изд. Вѣденскомъ изъ 1765 года.
43. 1770 г. **Молитвенникъ** умильтельныя нѣкія пѣнія и молитвы въ 16 д. л.
44. 1771 г. **Писмена** ся естъ начатки догмагоправоучительнаго богословія соч. Теодора Басарабского ректоръ Луцкой семинаріи, потомъ капуланскій Схоластикъ, въ 4 д. л. стр. 917 и 28.
45. — **Молитвословъ** въ 12 д. л. съ предисловіемъ о исправленіи его отъ Варлаама Кагайловича Іеромонаха.
46. — **Чинъ** въ навечеріяхъ Рожд. Христ. Св. Богоявленія и въ Свят. великій Пятокъ часовъ зовомыхъ царскихъ въ 16 д. л.
47. — **Евангелія** чрезъ всю Св. великую страст. седмицу, втор. изд. въ листъ.
48. 1772 г. **Сѣмя слова Божія** въ листъ.
49. — **Гора Пачаевская** въ 4 д. л.
50. — **Краткое потребнѣйшихъ** отъ грамматическаго художества вещей собраніе въ 8 д. л.
51. 1773 г. **Минейя** общая въ листъ.
52. — **Трефологіонъ** въ 4 д. л., двѣ части.
53. — **Тріодъ** постная въ 4 д. л.
54. 1774 г. **Величайникъ** въ 8 д. л.
55. — **Каноны Богородицы** съ малымъ повечеріемъ и канонами троячными осми гласовъ въ Недели на полунощницѣ пѣваемы изъ октоиха въ 4. д. л. (Повечерникъ).
56. — **Октоихъ** въ листъ.

57. 1774 г. **Поученіе о обрядахъ христіанскихъ** въ 4 д. л. (порепеч. изъ Народовщанія 1768 г.)
58. 1775 г. **Антоіне Богословіе** правоучительное въ 4 д. л.
59. — **Егхирідонъ о Священствѣ**, переводъ изъ италіанск. языка, въ 8 д. л.
60. — **Часословъ** въ листъ
61. — **Ірмологіонъ** въ листъ.
62. — **Октоихъ** въ 12. д. л. въ 4-схъ и двохъ частяхъ окончень 1776 г.
63. 1776 г. **Молитвословъ** въ 12 д. л.
64. — **Трефологіонъ** въ 4. д. л.
65. — **Акаѳистникъ** въ 4. д. л.
66. — **Тріодъ цвѣтная** въ 4. д. л.
67. — **Чинъ геройского наставленія въ пути вѣчныя жизни болѣзніющихъ**, съ приложеніемъ подробнаго по всемъ заповѣдемъ о грѣсѣхъ испытанія, вкупѣ же образъ наставленія осужденныхъ на смерть сузяковъ въ 8. д. л.
68. 1777 г. **Часословъ** въ листъ.
69. — **Трефологіонъ** въ листъ, большій 352¹/₂ листовъ.
70. — **Трефологіонъ** середный въ листъ, 255¹/₂ листовъ.
71. — **Трефологіонъ** въ 4. д. л.
72. 1778 г. **Требникъ малый** въ 16. д. л., 227 листовъ.
73. — **Народовщаніе** — третое изд. въ 4. д. л.
74. 1779 г. **Псалтирь** на церковно-словенскомъ и польскомъ языкахъ.
75. — **Поученіе о обрядахъ Христіанскихъ** въ 4. д. л.
76. 1780 г. **Уставъ церковного пѣнія** въ 8. д. л. перв. изд.
77. — **Послѣдованіе погребенія иноческаго** въ 4. д. л.
78. — **Евангеліе** въ листъ.
79. 1781 г. **Сѣмя слова Божія** въ листъ.
80. 1783 г. **Апостолъ** въ листъ.
81. — **Акаѳистъ** Св. Великомуч. Варварѣ въ 4. д. л.
82. 1784 г. **Тріодъ постная** втор. изд. въ листъ.
83. — **Тріодъ постная** въ 4. д. л. съ октоихомъ
84. — **Псалтирь** въ листъ.
85. 1785 г. **Собраніе отъ Молитвослова** нѣкотор. моленій въ 12. д. л.
86. 1786 г. **Тріодъ цвѣтная** втор. изд. въ листъ.
87. — **Тріодъ цвѣтная** въ 4. д. л.
88. — **Требникъ** въ 4. д. л.
89. 1787 г. **Богословіе** правоучительное въ 4. д. л. втор. изд.
90. — **Молитвословъ** въ 32. д. л.
91. 1788 г. **Чинъ** діаконскаго служенія въ 12. д. л. съ парастасомъ.

92. 1788 г. **Служебникъ** (малый) въ листъ (безъ всѣхъ рядовыхъ Недель и полного мѣсяцослова).
93. — **Książka o lekarstwach końskich**, заглавіе, предисловіе и послѣдняя часть книги на польскомъ, вся прочая на русскомъ языкѣ. Находится въ библіотецѣ Константина Свидзинскаго.
94. 1789 г. **Псалтирь толковая** въ листъ.
95. — **Бесѣды парохіальныя** переводъ изъ польскаго языка въ 8. д. л. (перепеч. Виленск. изд.)
96. — **Зборникъ содержащъ въ себѣ молитвы угреныя, Акаѣистъ Иисусу сладчай., пресв. Богородецъ и Параклисъ и проч.** въ 16. д. л.
97. — **Величанія** въ 4. д. л.
98. 1790 г. **Богогласникъ** (пѣсни благовѣйныя на нотахъ) въ 4. д. л.
99. — **Зерцало Богословія** Кирилла Транквилюна втор. изд. въ 8. д. л.
100. 1791 г. **Служебникъ** въ листъ съ изображеніями.
101. 1792 г. **Псалтирь** въ 4. д. л.
102. — **Катихизмъ** въ 8. д. л.
103. — **Требникъ малый** въ 8. д. л.
104. — **Ирмологіонъ** безъ нотъ съ канономъ Св. Недели Пасхи, чинномъ Погребенія Мирянъ и Типикомъ въ 8. д. л.
105. 1793 г. **Каноникъ** содержащъ въ себѣ различ. душеполезныя моленія въ 16 д. л.
106. — **Катехизмъ** въ кратцѣ собраный употребл. на миссіяхъ.
107. — **Акаѣистникъ** въ 12 д. л. съ изъясненіемъ десяти Заповѣдей и пр.
108. — **Гора Почаевская** въ 4 д. л.
109. — **Служебникъ** въ листъ.
110. — **Осмогласникъ** сокращенъ въ 4 д. л.
111. — **Молитвословъ** въ 12 д. л. (перепеч. изд. 1776 г.)
112. — **Богословіе нравоучительное** съ богословія Антвѣне, Турнели, Рейффенстудъ въ 4 д. л. втор. изд.
113. 1794 г. **Ирмологіонъ** въ листъ трет. изд.
114. — **Науки парохіальныя** съ славенорускаго на простій и посполитый языкъ соч. Юліана Добриловскаго въ 4 д. л.
115. — **Басни Талмудовы** въ 8 д. л.
116. 1796 г. **Проповѣдь** при нерочитомъ обхожденіи именованій Ея Превысочайшего и Непреодолимнаго Величества Самодержицы и Государини Императрицы всея Россіи Екатерины Вторыя. Говорена на польскомъ языкѣ проповѣдникомъ короля Станислава Августа Игнатіемъ Вѣтошинскимъ, переведена на славенорускій діалектъ Геромовахомъ Валеріаномъ Сіенъцикимъ Ч. Св. В. В. въ 4 д. л.

17. 1798 г. **Библія** срѣчь книги свящев. писаніи ветхого и новаго за-
вѣта — въ листъ.

ВѢКЪ XIX.

118. 1800 г. **Минея** общая въ 4 д. л.
119. — **Октоихъ** въ листъ, двѣ части.
120. 1801 г. **Часословъ** въ листъ.
121. 1803 г. **Евангелія** чрезъ всю Св. вел. страстную седмицу, въ листъ.
122. 1804 г. **Лексиконъ славенского языка** съ толкованіемъ (на поль-
скій) въ 12 д. л.
123. 1805 г. **Богогласникъ**, пѣсни благоговѣнныя въ 8 д. л. на нотахъ со-
кращеніе большого изд. 1790 г.
124. 1806 г. **Пѣсни благоговѣнныя** въ кратцѣ собранныя (русскія и поль-
скія) въ 8 д. л.
125. — **Псалтирь учебная** въ 4 д. л.
126. 1808 г. **Акаѳисты** съ каноны и прочія душеполез. моленія въ 4 д. л.
127. 1809 г. **Акаѳисты** въ 4 д. л.
128. 1811 г. **Часословъ** въ листъ.
129. 1812 г. **Часословъ малый** въ 8 д. л.
130. — **Чинъ діаконского служенія** въ 12 д. л.
131. 1813 г. **Молитвословъ** въ 12 д. л.
132. 1814 г. **Житія нѣкѣихъ святыхъ божіихъ угодниковъ** отъ
конхъ житій Святыхъ изятія въ 8 д. л.
133. 1816 г. **Псалтирь** въ 4 д. л.
134. — **Каноникъ** въ 16 д. л.
135. 1818 г. **Величанія** въ 4 д. л.
136. — **Евангеліе** въ листъ среднего формата.
137. — **Букварь** въ 8 д. л.
138. 1819 г. **Катехизмъ** въ кратцѣ собранный въ 12 д. л.
139. 1820 г. **Молитвословъ** въ 12 д. л. перепеч. изд. 1776 г.
140. 1821 г. **Наука христіанская**, въ 8 д. л. перепеч. изд. Будинское
1815 года, втор. изд.
141. 1825 г. **Богогласникъ** въ 4 д. л.

Безъ показанія мѣста изданія и года выхода печатано
въ обители Почаевской.

142. **Житіе блажен. Отца нашего Иова Желѣза** Игумена Св. чудотворныя общежительныя Лавры Почаевскія отъ Геромонаха Доснея учелика его списанное, по немъ игумена бывшаго тояже св. обители въ 8 д. л., было нѣсколько разъ напечатано.

143. **Правило церковное о Св. Пулхеріи** . . . написанъ Іеромонахъ Амплій Крижановскій 1780 г. въ 8 д. л.
144. **Краткое на краткіи вопрошы и отвѣты способомъ катихисма богословія правоучительного** избранное изъ книги Антоіне въ 4 д. л., на 24 листахъ.
145. **Послѣдованіе Святыхъ и спасительныхъ Страстей Господа нашего Иисуса Христа** въ 4 д. л.
146. **Седмодневникъ** содержащъ въ себѣ Службу вся Свѣтлая седмицы, въ 8 д. л.
147. **Чинъ общихъ и собственныхъ намѣреній дѣйствіемъ и моленіемъ церковнымъ весь день творимымъ приличныхъ,** къ симъ же присовокупляются Лиганія къ пресв. Дѣвѣ Богородицы и намѣреніе Іерейское предъ интургисаніемъ въ 12 д. л. (Добавокъ до молитвослова изъ 1813 года).
148. **Полѣтика свѣтска** въ 12. д. л.

б) въ польскомъ языкѣ.

Почаевскія обитель стала печатати книги на польскомъ и лагнскомъ языкѣ не скорѣ якъ по 1732 г., когда получила отъ польскаго короля Августа II. соизволеніе. И такъ издано въ

ВѢЦЬ XVIII.

1. 1739 г. **Wojtko serdecznych nowo rekrutowanych na większą chwałę Boską affektów.** — X. Hilaryona od Najświętszego Sakramentu Karmality bożego, in 4to.
2. 1748 г. **Josaphatides** sive de nece B. Josaphat Kuncewicz libri tres a fratre Josaphat Isakowicz Ordinis divi Basilii M. in 4to.
3. 1751 г. **Summarius reguł S. Ojca naszego Bazylego W.** z reguł obszerniejszych, z konstytucyj mniskich i nauk jego zakonnych w krótcie zebrany in 12., 173 стр.
4. 1754 г. **Medytacye albo rozmyślania na Ewangelie na wszystkie nie- i święta uroczyste całego Roku.** X. Józefa Piętkiewicza Zakonu św. B. W. in folio, 450 стр.
5. 1759 г. **Natret** sztuka napisana przez Wacława Rzewuskiego in 4to.
6. 1761 г. **Mowy i listy Wacława Rzewuskiego** in 4to.
7. 1762 г. **Hymn Akatyst do przeczystej Bogarodzicy Maryi P.** po cerkiewno-słowiańsku łacinskimi literami i po polsku wyłożony in 12 o.
8. — **Nauka Chrześcińska** o Bogu, stworzeniu świata i człowieka in 8-o przez X. Pant. Kulczyckiego.
9. — **Zabawki wierszopiskie** przez Józefa Rzewuskiego Starostę Drohobyckiego (t. j. Wacława Rzewuskiego) in 4to.

10. 1775 r. **Sława prześwieitnych w Polsce imion po zjednoczeniu ślubném Stanisława Potockiego chorążego Wiel. kor. z Józefą Miniszehowną**, Kasztel. Krak. od najobowiązniejszego klasztoru Umańskiego zakona S. B. W. na widok wydana in 4to (списокъ именъ).
11. — **Kalendarz polski i ruski** — przez X. Gimnazego Lewickiego Zakonu S. B. W. (wyrabiony do roku 2,006) in 4to.
12. — **Kazanie między oktawą uroczystej koronacyi N. Maryi P.**, przez Klemensa XIV. wprzecud. obrazie Poczajowskim, X. Gimnazego Lewickiego Zakonu S. B. W. in fol. 11 kart.
13. 1777 r. **Szkoła województwa wołyńskiego**. Wdzięczność przez powinszowanie Adamowi Xięciu Czartoryjskiemu in 4to.
14. 1778 r. **Opisanie historyczne obrazu niepokal. poczęcia N. M. P. w kościele paraf. Tartakowskim** in 8-o str. 394.
15. — **Gramatyka Rossyjskiego języka** przez M. Lubowicza in 4to.
16. 1789 r. **Menologium Bazyliańskie** t. j. żywoty Świętych Bożych obojej płci Bazyliańskiego zakonu na każdy dzień w roku rozłożone (przedruk z Wileńskiego wyd. 1771 r.).
17. 1790 r. **Pinamonti Jana Piotra Zwierciadło** in 8-o.
18. 1791 r. **Nabożeństwo różne od SS. Ojców złożone na polski język przetłumaczone** in 12-o, pierwsze wydanie.
19. 1792 r. **Katechizm**, nauki chrześcijańskie na dwie klasy podzielone in 8-o str 208.
20. — **Treść theologicznej nauki obyczajowej...** przez rozmowy na kształt katechizmu — przez Pantaliona Kulezyckiego Zakonu S. B. W. in 4to str. 435.
21. — **Pinamonti Jana Piotra Synagoga**, in 4to.
22. 1793 r. **Przetłumaczenie i ułożenie w wierszach łacińskich i polskich hymnu akatistowego N. M. P.** przez X. Ignacego Filipowicza безъ означенія мѣста печати, in 4to.
23. — **Kazania na Święta całego roku** miewane przez X. Waleriana Sienickiego Zak. S. B. W. in 4to, dwa tomy.

ВѢКЪ XIX.

24. 1805 r. **Mowa przy zaczęciu pierwszej lekcyi dnia 2. Października miana w Krzemieńcu przez Malawskiego** in 4to безъ означенія мѣста печати.

25. 1809 г. **Gramatyka języka Rossyjskiego** dla użytku młodziei polskiej w Gymnazyum Wołyńskim, przez Michała Rutowskiego **На російскомъ и польскомъ языкахъ** in 8-o 342, — 28 str.
26. 1817 г. **Nabożeństwo różne**, drugie wydanie in 12-o.
27. 1819 г. **Geografia starożytna** stosowana do dzisiejszej z krótką wiadomością o Chronologii dla młodzieży przez Józefa Uldyńskiego in 8 o, 221 str.
28. 1823 г. **Nabożeństwo rozmaite** krótko zebrane ku pożytkowi wiernych in 16. str. 203.
29. 1839 г. **Aniela tragedia** wierszem w 5 aktach - przez Józefa Korzeniowskiego.
30. -- **Klara** dramat w jednym akcie wierszem przez Józefa Korzeniowskiego.

Польскія книги печатаны въ Почаевѣ безъ означенія мѣста
и года выхода.

31. -- **Ministrantura** do służby Bożej in 12-o.
32. — **Gramatyka** (ruska) krótka (przez Strzeleckiego) in 8 o.

в) на латинскомъ языкѣ.

1. 1757 г. **Specimen Ecclesiae Ruthenae** — Ignatii Kulczyński OS. B. M. in 8o (перепеч. изд. Римское съ 1733 г.)
2. 1767 г. **Bullae et Brevia SS. Pontificum et Poloniae regum** privilegia congregationem Ruthenorum Ordinis S. Basilii M. conservantia in 12o.
3. 1772 г. **Constitutiones examinandae et seligendae** in futuris capitulis provincialibus materiae in 8-o.
4. 1775 г. **Epitome historica de origine, antiquitate ac praesertim de celebratissimo opere coronationis thaumaturgae in Poczajoviensi monte imaginis B. V. Mariae** A. D. 1773 VI. Idus Septembris edidit Hieronymus Strzelecki Ord. S. B. M. in 4to.
5. 1776 г. **Rhetorica ecclesiastica** authore D. Thoma Bazi sacerdote Campiensi olim Neapoli 1724 nunc reimpressa in 8o.
6. 1777 г. **Catalogus** Professorum Ord. S. Basilii Magni in 4to (въ 1779 г. и другихъ годахъ издаваемый).
7. 1788 г. **Indulgentiae, brevia, decreta SS. Pontificum nec non sancita Regis et reipublicae polonae clerum utriusque ritus lat. et grec. concernentia** — duae partes in 8o.

Сверхъ выше приведенныхъ на польскомъ и латинскомъ языкахъ изданныхъ книгъ, видѣли мы по равныхъ библіотекахъ еще много иныхъ книгъ, брошюръ и полулистовъ Почаевской печати, которыхъ однако по заглавіямъ ихъ описать не казалося намъ погребнымъ, не имѣя тогда намѣренія сочинити что либо въ томъ предметѣ, для того надѣмся, что со временемъ удастся намъ нашу роспись пропущенными сочиненіями значительно дополнить, при чемъ не оставимъ также подробно поговорити о различныхъ изображеніяхъ Святыхъ или на деревѣ и мѣди, отпечатанныхъ въ Почаевской обители.

ДАТА

къ исторіи Угорскихъ Русиновъ.

(По жереламъ Базиловича и Балудянского.)

Исторія угорскихъ Русиновъ яко униатовъ по настоящимъ достовѣрнымъ датамъ починается отъ л. 1490, тогда бо по первый разъ творится поминаніе въ декретахъ угорскихъ царей, именно въ декретѣ Владыслава царя о рускомъ епископѣ Іоаннѣ л. 1491, которымъ-то декрегомъ онъ соотвѣтно апостольскаго титула преимуществамъ сего, — якъ здается, первого угорско-русскаго епископа — защищалъ въ его церковныхъ правахъ я, по словамъ декрета, русскихъ священниковъ къ послушенству напоминалъ.

Но сіе естъ лише церковно-управительственный початокъ исторіи униі. Ибо частью большекратно доказано, что уже часомъ пришествія Мадяровъ находились въ семъ краю восточнаго обряда епископства; такъ съ другой стороны уже л. 1339 князь Литовскій Теодоръ Коріатовичъ, подъ Карломъ I. царемъ угорскимъ сюда съ 40,000 народомъ рускимъ поселившись, яко униатъ (?) збуовалъ на горѣ (теперь Чернецкою нареченой) близъ Мукачева монастырь для Василіановъ, подаровавши имъ больше селъ, десятины и инніи доходки изъ добръ, полученныхъ разомъ съ замкомъ Мукачевскимъ. Подлинникъ диплома учредительнаго сберегається въ архивѣ капитула Пресбургскаго. Самъ той учредъ большеразы нарушанъ бывалъ, и по той причинѣ дипломами больше угорскихъ царей (изъ которыхъ нѣсколько въ оригиналѣ находятся и по днесь, якъ дипломъ Маєін Корвина) на часть реченныхъ монаховъ подтверждается. — Документы сіи несомнѣннымъ творять сущность Русиновъ въ Угріи, такъ вразъ и уживанное покровительство царей угорскихъ.

Читаючи таже численныи сіи дипломы неможно невѣрити, что сіи восточнаго обряда Русины уже тогда соединены были, иначе бо тяжко бы были наслаждались защитою апостольскихъ царей. Да и по Іоаннѣ наслѣдующіи епископы по болшой части для своей защиты или подтвержденія выблагали собѣ отъ царей дипломы, хотя впрочемъ избирались единственно влирозъ и народомъ, якъ ниже увидиме.

Приклонность сїя угорскихъ царей взглядомъ церковного стана Русиновъ далеко выше сягаеть надъ времена Іоанна епископа и Коріатовича. Уже Бела IV. л. 1252 пишетъ папъ Інокентію IV: „dignemini reducere in memoriam, qualiter nos laboravimus in plantatione et ampliacione fidei catholicae, sicut manifestatum est ex sollicitudine nostra — in conversione Ruthenorum ad obedientiam sedis apostolicae, quorum legati vel jam accesserunt, vel sunt in proximo ad vos recenter accessuri.“ Пославники истинно были у Папы и условія уніи предложили, изъ нихже одно было, чтобъ власного обрада епископа имѣли.

Но исторія не записала послѣдствіе сего посольства; доста на томъ, что уже л. 1360. при Мукачевѣ монастырь будовався для соединенныхъ Русиновъ, и л. 1491. уже подъ царскимъ покровительствомъ видиме у Мукачевѣ первого руского епископа.

Правдоподобіе потверждати видится домысль, что соединенными до сего времени были подчинены латинскимъ епископамъ, насколько доказуетъ то одинъ документъ изъ р. 1333. въ корысть Ягерского лат. епископа.

Исторія первыхъ Мукачевскихъ епископовъ въ тѣсномъ союзѣ стоитъ съ исторією рускихъ монастырей. Се же отъ-туда походитъ, что по благочинію восточной церкви, епископы порядочно изъ чина св. Василя избиралися, да если случайно избранный епископъ не былъ членъ чина св. Василя, долженъ былъ предъ посвященіемъ своимъ изложить обѣты монашескіи. — Отъ-туда есть, что и реченный первый Мукачевскій епископъ Іоаннъ частью въ Мукачевскомъ, — частью же въ Грушовскомъ монастыри (у Мармароши) обыгалъ; который послѣдній былъ архимандрією титула св. Архистр. Михаила, которое заглавіе Чинъ Василянскій и до днесь задержуетъ собѣ, хотя тое мѣсто отъ больше десятилѣтій празное, да и самъ монастырь разруиованъ. — Царь Владыславъ р. 1498. повторительно потвердилъ во владѣніи сей архимандріи Іоанна епископа, который слѣдовательно былъ соединенный, якоже все священничество его и народъ руско-ромунскій въ Мармароши.

Второй Мукачевскій епископъ былъ Василій (у малярскихъ писателей упоминается László — Ladislaus, по пріятному бо обычаю Маляре любятъ называти Василя László-вомъ). Сей р. 1551. дипломомъ Фердинанда царя взятый подъ покровительство напротивъ нѣкоторыхъ священниковъ, отрехшихъ ему каноническаго повиненія. Обстоятельство сие, якоже и то, что отъ часу Владыслава до Фердинанда теченіемъ 60 лѣтъ, неваходимъ слѣда жадного епископа, то, видится, потверждаетъ, будыго чрезъ междувременіе сие, Мукачевскій монастырь, яко обыталише епископа, перенесъ нѣкое несчастіе, что въ овыхъ бурливыхъ часахъ не было рѣдкостью; такъ само не есть неправдоподобнымъ, что нѣкоторые отъ соединенія оторвавшіися священники отрехли повиненія. Изъ дипломовъ Фердинанда, изданныхъ на

часть и защиту сего епископа явствует, что въ оное время свѣтскія паны въ великой мѣрѣ мѣшались въ церковныя, особливо брачного союза дотмачающія рѣчи, часто—густо дозволяючи партіямъ безъ всякаго церковнаго разрѣшенія, безъ всякой важной причины и противу канонѡвъ — розойтиси, на толико, что ажъ царь апостольскій соотвѣтно апостольскому уряду, принужденъ былъ церковь руску въ ей правахъ обороняти, что доказуесть однимъ дипломъ данный въ Пресбургу л. 1552.

Третій епископъ приходитъ подъ именемъ Иларіонъ л. 1558, котораго парица Изабела, вдова Іоанна Заполя со всѣмъ клиромъ увольнила отъ ношенія общихъ бременихъ, изъ чего явно, что клиръ Мукачевской епархіи до тѣхъ поръ съ латинскимъ клиромъ не стоялъ на одномъ степеніи, а былъ земскими посядателями на всякія работы и дачки принуждыванъ; такъ Изабела дипломомъ увольнила ихъ отъ того. На часть тогоже Иларіона издаанный второй дипломъ отъ Іоанна II., якъ самъ себе называетъ, выбраннаго царя малярского, дальматского и хорватского; въ семъ даеетъ свободу Иларіонову наслѣдника избрати. Общеизвѣстно, что въ горѣшной части Угорцины въ тое время Іоаннъ Заполь, послѣже его вдова и сывъ владали, уживаючи разомъ царскихъ правъ и титуловъ, и оттуду походятъ и вышреченныи два дипломы.

Имя четвертого епископа невѣдомо. Но на часть его отъ Максимилиана II. два дипломы сберегаются, и въ одномъ изъ л. 1569. „reverendus N. episcopus“ титулуется. Сими дипломами епископъ сей защищается противу тѣхъ, которые его въ каноническомъ посѣщаніи и посядлости Мукачевского монастыря обезпокоивали.

Пятый епископъ былъ Ладиславъ II. (вѣроятнѣе Василій), о которомъ помянаніе творять Рудольфъ II. цѣсарь и царь и его братъ Маѡія Губернаторъ Угрін, въ дипломахъ подъ р. 1597, его въ церковныхъ правахъ отъ напастниковъ и непокоривыхъ защищающе.

Шестой епископъ былъ именемъ Сергій, котораго тойже архикнязь Маѡія дипломомъ зъ р. 1601. взялъ, якъ выражается, „подъ окрепѣшную защиту Его цѣс. царского величества.“ — Року же 1606 Стефанъ „Hungariae Transilvaniaeque Princeps, et Sicilorum comes“ дипломомъ на мадерскомъ язмицъ, въ Кошицахъ составленнымъ, взялъ подъ опѣку, въ которомъ повелѣвается: „Hagyjuk azért és parancsoljuk mindenknek serio, hogy senki ezután az felüb megh irt Sergius Püspök Clastromára hatalmasul s akarátja ellen ne szallyon, ötet az hoza tartozó Papokkal egyetemben se személyekben, se egyéb akar mi néven légyen nevezendő, Marhajótkban megh ne haborítsa, se megh ne karosítsa, — — recus non facturi.“

Седмій епископъ былъ Петроній, по доказательству диплома князя Гавріила Бетлена подъ р. 1623 составленого въ Мукачевскомъ замку и контраскрибованого Канцлеромъ Стефаномъ Ковачковичемъ. Опрочь сего диплома Бетлена касательно сего Епископа иннии дата не обрѣтаются; но

есть отъ сего же князя другій дипломъ зъ р. 1627. на часть Іоанна Грегоровича епископа Мукачевского, который т: ко :

О с м ы й епископъ былъ, подъ именемъ Gregory, или Іоаннъ Грегоровичъ, о которомъ въ наведеномъ дипломѣ кажется: „Ecclesiarum Religionis Graecae in de Beregh, Ungh, Zabolch nec non Zempliniensis, Matamorosiensis, et Saarosiensis Comitatus habitarum Episcopus.“ — И тутъ по первый разъ встрѣчаемъ ясное наименованіе оной обширной территоріи, котора надлежала духовному владѣнію Мукачевского епископа. Сей за шесть лѣтъ епископствовалъ, и по немъ

Девятый епископъ былъ Василій Тарасовичъ, о которомъ имѣемъ уже важнѣйшія дата, поелику судьба его съ Раковцянскими замѣшательствами и разпространеніемъ протестантизма тѣснѣе сповна была.

Василій Тарасовичъ снабженъ пашпортомъ Георгія Раковція отправился л. 1633 до Молдавіи, чтобъ тамъ отъ Митрополита восточного обряда пріялъ епископское посвященіе, откуда возвратившись отъ тогоже князя однимъ л. 1634. въ Карлсбургу изданнымъ дипломомъ подтвержденъ въ томъ достоинствѣ, и вскорѣ на то слѣдующаго року явля посѣщати обширну свою епархію. Сей Герархъ энергично брался, посередъ возбужденныхъ реформацію непокойствъ, своему званію отповѣсти, по которому вѣрниковъ своихъ въ единствѣ церкви католической подержати змался; тѣмъ стягъ на себя гнѣвъ Георгія Раковція, который изъ той причинъ не пересталъ его до самого конца найтяжше прослѣдовати. Раковцій про тое пособіемъ Іоанна Баллинга капитана Мукачевского замка всякія средства предпринялъ, абы сего владыку сперва отъ единства римской церкви оторвать; но се не удалось: хотя бо правда, что епископъ сей сперву единства съ католическою церковію притворно отгнался, но необавъ тѣмъ твердѣе призывался уни, за что его реченый Баллингъ капитанъ вооруженною силою отъ св. престола и дитургіи насильно оторвалъ, и въ архіерейской одеждѣ по улицамъ Мукачева волочилъ, послѣ въ темницу затворилъ р. 1640. Неволя его держала до р. 1642. Между тѣмъ Фердинандъ III. царь больше-разъ писалъ Раковціеву, дабы епископа выпустилъ, что больше и Сигисмунда Ершія поджупана Шопровского, яко посла къ нему отправилъ, абы сей отъ князя для епископа освобожденіе выробилъ. Поднимали слово въ користь епископа сего и Ягерскій капитулъ, Іоаннъ Другетъ *iudex curiae regiae*, и Стефанъ Шимавадій Седмиградскій лат. епископъ. Но Раковцій лишь такъ былъ склоненъ на волю пустити епископа, воли отречется епископства, и согласится на прилученіе добръ Мукачевского монастыря къ добрамъ его, на что епископъ не приставалъ. Напоследокъ забота вышреченныхъ перемогла, и Тарасовичъ получилъ свободу; но едва перенилъ снову престоль, едва началъ монастырь свой на ново организовати, разсѣянныхъ монаховъ и въ уни вѣрно позоставшихъ священниковъ собирати, слову напалъ на него помянутый Баллингъ,

и л. 1642 на вельміе Раковція вигнавъ зъ монастыря и позбавивъ всѣхъ добръ, належачихъ монастырю; — и хотя Фердинандъ III. снова вся возможная предпринялъ, абы епископа возвратити престолу, но сего немогучи вырбити у реформатской олигархіи, — вызначилъ мѣсто пребыванія для епископа у вел. Калловъ, престольномъ градѣ Саболчанского комитата, и зъ Кошицкой скарбони выписалъ ему 200 ренскихъ рочного жалованія. О семъ изданный р. 1643. царскій дипломъ послѣ звичайного титула и воведенія тако гласитъ: „Fideli nostro Basilio Tarasovits Episcopo Munkacsienſi Graecoritus, intuitu afflicti status sui, in quem ob Professionem Religionis Catholicae — incidisset etc.“ — Се свѣтло доказуеъ, что Тарасовичъ преслѣдованъ и престола позбавленъ былъ единственно за привлонность къ униі.

Теченіемъ бурливаго сего времени сталося, что головы лишеъ клиръ и народъ, гоненіями и обольщеніями протестантовъ обявъ, подекуда, а особливо на мадарскихъ околицяхъ перешолъ на реформацію; индѣ же, якоже на рускихъ и ромунскихъ околицяхъ, розпустивши узла униі, перешолъ на православіе. Изъ той причины Юрій Якушичъ Ягерскій епископъ, въ которого латинской епархіи вѣденыи были вѣрники Мукачевской епархіи, къ собѣ взявши оставшихъ при униі рускихъ священниковъ, весь сойтися могушій рускій клиръ созвалъ до Ужгорода (Unghvár), где въ замоцкой церкви, дня 24. Апрѣля 1649 р. 63. рускіи священники изъ комитатовъ Унгъ, Берегъ. Шаритъ, Земплинъ и пр. заключили унию съ церковію рамскою, что скорше обновленіемъ сдѣланной уже униі наречиси повинно, только что теперъ уже униа сформулована была письменно. То сталося за папства Иннокентія X.

Уловія униі оригинальнымъ начеркомъ суть слѣдующіи:

„Primo: ut Ritus Graecae Ecclesiae nobis servare liceat.“

„Secundo: Episcopum a nobis electum, et ab Apostolica sede confirmatum habere.“

„Tertio: Libertatibus Ecclesiasticis liberi fungi.“

Сей дипломъ соединенія р. 1652. дня 15 Января посланъ Иннокентію X. папѣ для подтвержденія, которое и наслѣдовало. — То была тѣснѣйше заокруглена засада и до днесъ невозмущено существующаго соединенія.

Вскорѣ затѣмъ р. 1649 по обновленіи униі, клиръ избралъ собѣ епископа, который яко

Десятый Мукачевскій Епископъ былъ Петръ Партеній монахъ Чина св. Василія, отъ папы и Леопольда царя подтвержденъ; которому отъ архидьяковъ забраніи Мукавувского монастыря добра р. 1660. сняты навернены. Тогожъ самого року заботою Паренія всѣ свободности, — якими владѣлъ латинскій клиръ, — поданыи суть примасомъ Юріемъ Липпаемъ и рускому клиру. — Сей епископъ присутствовалъ также и на ономъ славномъ народно-церковномъ Соборѣ въ Тирнавѣ, держаномъ л. 1661. — Онъ часто сдѣлывается въ гѣтописяхъ подъ именемъ „Петровичъ,“ — и „Ротошинскій.“

Въ се время Софія Баторій, вдова Юрія Раковція II., Іоанникія Зейкана, Мстичевского дядича выменовала на Мукачевского епископа, который святился не епископа въ Молдавіи; и онъ якъ здается только до заполнения епископского престола Парееніемъ, которае сталося р. 1660., епископствовалъ, и туюже епархію яко

Одннадцатый епископъ Іоанникій Зейканъ изъ Мстичева изъ монастыря Василянского, который и по днесь существуетъ, управлялъ. Подъ его правленіемъ збуовалася и деревянна церковь Мукачевского монастыря, — и видится, якъ онъ даже до р. 1684 подблялъ съ Парееніемъ управленіе епархію.

Дваннадцатый епископъ былъ Порфирій Арданъ, о которомъ, кромя одного надписа на камени, ничтоже обрѣтается. Такъ само и про

Тринадцатого епископа Меодія Раковецкого мало памятного находится. Но однакожь есть одна харти изъ р. 1689. подписана нимже на рускомъ языкѣ сие: „Меодій Епископъ Мукачевскій, Маковицкій, Спашскій, Краснобродскій, Мarmorошскій, и всей Угріи.“ Наслѣдникъ его Іосифъ называетъ го единственно Игуменомъ Мукачевского монастыря.

До тѣхъ поръ, — выявши отбывшееся въ присугствіи Якушича Ягерского епископа повторенное соединеніе, — состояніе и управленіе Мукачевской епархіи есть исторически весьма мрачное, бо и въ семь времени, при избранномъ на засадѣ второго пункта заключенной униі — Парееніи, встрѣчаемъ и Зейкана выменованого Софією; ибо двоихъ епископовъ въ одной епархіи. И отгуду заключати можно, что сей принадлежалъ къ оторвавшимся, посредствомъ реформациі и ей влыву, несоединеннымъ.

Точно тогда, сирѣчь р. 1689. подъ примасомъ Леопольдомъ Колоничемъ вымоталася Мукачевска епархіа отъ сущихъ займательствъ въ нѣбніи; ходатайствомъ бо реченного Примаса добра монастыря, Раковціанами захваченіи, вспять навернулася, хотя не всѣ.

Четырнадцатый Мукачевскій епископъ былъ Іосифъ Камелисъ, Колоничемъ принасомъ изъ Риму для того призванный, чтобъ нимъ, справа униі укрѣпилася. — Камелисъ былъ Итало-Грекъ изъ чина св. Василия который сперву на епископа Севастійского, поздыже же на Мукачевского выменованъ Леопольдомъ I, римскимъ же папою въ семь качествъ яко „Намѣстникъ Апостольскій“ подтвержденъ осталъ. — Епископъ сей съ наибольшою апостольскою ревностію яся до упорядженья епархіи, которой пространство такъ великое было, якъ самой Угріи, онъ будучи единственный гр. кавол. епископъ надъ всѣми греко-каволиками.

Первый трудъ его былъ путешествовати по епархіи, держачи при той способности Соборы, на которыхъ обучевалъ клиръ и въ униі утверждалъ, Записникъ его, который въ первописѣ и по днесь обрѣтается, все теченіе подвиговъ его живо доказуетъ. Такъ держалъ Синоды въ Мукачевѣ, Сатмарѣ.

Гевешу, Саболчу, Земплинь, Шаришу, Уигу, Угочи и Краснѣ — столицяхъ. На сихъ мѣстцахъ поставлялъ Намѣстниковъ, Подъ-архи-діаконовъ и Шароховъ; въ Ягру и Добровичѣ святилъ церкви, та боролся за вольность клира съ реформатскими и латинскими помѣщиками. — Особливо много терпѣлъ въ его время клиръ рускій отъ дѣлчовъ, которіи священниковъ гнали ни цанциму, съ ними непристойно поступовали, что больше сыновъ священническихъ по подобію рабовъ пролавали. Про что реченый епископъ, къ запрещенію подобныхъ надъужитій, отъ Леопольда I. патентъ зъ р. 1692. выхотатайствовалъ; что больше и вѣрникамъ, подъ монастыремъ Мукачевскимъ жиющимъ, увольненіе отъ подданчихъ должностей выробилъ.

Достославный сей Епископъ до р. 1704. и такъ за 15 лѣтъ епископствовавъ, въ збуреномъ ономъ времени, посередѣ наибольшихъ опасностей, что больше на перекоръ свѣтъ-тамъ приключившихся гоненій, непрерывно путешествующи по епархіи; и коли уже и въ Мукачевѣ не былъ безопаснымъ, перенесся до Пряшева, где и померъ р. 1704. Земниі останки его въ тамошномъ тогда миноритскомъ, — теперъ же въ кафедральномъ рускомъ храмѣ лежать, якъ говорятъ, непричастны тѣлю.

Пятнадцатый епископъ былъ Іосифъ Годермарскій, р. 1707. Іосифомъ Императоромъ именованый; и хотая владѣтель сей, якъ и его наследникъ Карлъ III. въ рѣчи его вся возможна дѣлали, все таки подтверженіе изъ Риму не обягъ. Причина была, что еще предъ выменованіемъ, на челѣ численныхъ своихъ вѣрниковъ, въ войнѣ за Цѣсаря участь бралъ, и чрезъ то повелъ въ неправильность (irregularitas). Наконѣцъ по изтеченіи 8. лѣтъ, зложилъ въ руки Христіана Августина Остригомского Архіепископа формально епископское достоинство, пріялъ титулъ Архимандрита Мукачевского монастыря, где и померъ. Онъ былъ послѣдній Архимандритъ Угорскихъ Василиановъ, которіи вмѣсто Архимандрита шѣють теперъ Протопгумена. Наслѣдникъ его

Шестнадцатый епископъ былъ Геннадій Бизанцій, на порученіе реченного Архіепископа Карломъ III. р. 1715. именованный, Климентомъ же XI. подтвержденный.

Посвященія ради отправился до Польши, и наверхувшись домогался подтверженія и въ дѣйство приведенія Леопольдинского диплома, въ свравѣ свободностей клира руского. Который дипломъ не лишъ Карлъ III, но и соймъ Пресбургскій р. 1721 подтвердилъ.

Сей епископъ сперву былъ въ Великомъ Каловѣ, столиці Саболчанской жужи, Архидіакономъ и Намѣстникомъ. Подъ нимъ стался въ Маріи-Пѣвчи (теперѣшномъ Василианскомъ храмѣ) овый чудовный случай, что р. 1715. для 1. 2. и 5 Августа икона Пр. Богородицы слезы изливала; которое событіе, тогдашнимъ Ягерскимъ Епископомъ Гавриломъ графомъ Ербдіемъ чиновственно изслѣдовано, и подтверждено. И отъ того часу чудотворна

икона Пр. Богородицы, обоюго обряда богомольцевъ, на 5 отпущы ежерочно отбываемыи приходящимъ, есть предметомъ особеннаго почитанія. — Визанцій еще тогоже року оставши епископомъ, сталъ въ Маріа-Новчи для тойже иконы великую церковь будовати, котора ажъ наслѣдниками его докончена была. Померъ сей епископъ р. 1733.

По смерти его клиръ, хотячи упражнати давнее свое право, абие избралъ Седмнадцатого епископа въ особъ Симона Ольшавскаго, который одобренъ Карломъ III., отъ Папы же въ епископствѣ яко „Намѣстникъ Апостольскій“ подтвержденъ. Сей епископъ продолжилъ будованіе Маріа-Повчанской церкви.

Осьмнадцатый епископъ былъ Гавріилъ Благовскій, избранъ клиромъ и папою подтвержденъ, а хотя лѣтами молодой, однакожъ яко изрядный Архіерей съ пользою епископствовалъ. До его времени епископы Мукачевскіи не имѣли ніякого жалованія отъ правительства, но жили частью изъ добръ Мукачевскаго монастыря, а частью изъ складокъ клира и народа. Онъ первый былъ, который изъ общаго фонда клира получалъ ежерочно тысящъ ренскихъ золотыхъ. Епископствовалъ отъ року 1738 до 1742., и когда нѣтъ сойма Пресбургскаго домовъ поверталъ, въ Мало-Березницкомъ монастырѣ померъ. Одинъ былъ изъ найревнѣйшихъ Архіереевъ.

Девятнадцатый епископъ былъ Мануилъ Ольшавскій, избранный клиромъ р. 1742., Марією Ферезією одобренъ, и р. 1743. Бенедиктомъ XIV. подтвержденъ. Сей небудучи изъ иноческаго чина, уже яко избранный пріалъ иноческую одежду и зложилъ обѣты, посвященіе же пріалъ въ Галичинѣ. Много старался о образованіе клира, котораго конца ради заложилъ систематичное училище въ Мукачевѣ, такъ само и въ Маріа-Повчи, которіи училища и дотычными Надзирательствами одобренны были. — Во время сего Епископа певный Софроній монахъ-сарабита народъ рускій въ Сатмарскомъ комитатѣ на православіе сталъ переводити, но Мануилъ явившись въ комитатъ порядокъ навернулъ. Подъ сего епископствомъ сталъ будоватися и Мукачевскій монастырь на Горѣ Чернецкой.

Епископъ Мануилъ выробилъ у Маріи Ферезіи для своего клира 2000., а для себе и своихъ наслѣдниковъ 4000 золотыхъ жалованія, и пристойну резиденцію въ градѣ Мукачевѣ, до сего бо часу епископы жили въ монастырѣ Мукачевскомъ. Мануилъ епископъ посвятилъ 5 епископовъ, и померъ р. 1767. въ 25 лѣто епископства своего.

Двадцатый Епископъ былъ Іоаннъ Брадачъ; получивши подтвержденіе папское, посвятился на епископа р. 1768. Подъ его правленіемъ начались большой шры споры между Епископомъ Мукачевскимъ и Ягѣрскимъ, который послѣдній правовладніе свое и на греко-католиковъ распространялъ, Епископа Мукачевскаго лишь яко своего обрядоваго „Намѣстника“ позираючи. Споръ сей досытъ огорченый былъ. Брадача подозрѣвано о шизму,

которое подозрѣваніе оны тѣмъ упрекалъ, что въ руки седмиградского епископа исповѣданіе католической вѣры торжественно изложилъ. Преставился р. 1772. За нимъ яко

Двадцать-первый епископъ слѣдовалъ Андрей Бачинскій. Сіе славное имя заслужить, абы при немъ долгое время застановится. — Если въ исторіи Угорскихъ Русиновъ яко униговъ Камелисъ особый періодъ составилъ: то епископство Андрея Бачинского цѣлкомъ нового и свѣтлого періода было основателемъ. — Сего Епископа еще яко каноника Брадачъ на доконченіе найгрудивѣйшихъ дѣлъ до Вѣдья высылаеъ, где способность получилъ познакомити себе; по чему Марія Ферезія съ радостью согласилась избранію его чрезъ клиръ, которое избраніе единогласно на него выпало р. 1772. Еще тогоже року получилъ подтвержденіе папское, въ слѣдствіе котораго я посвященъ р. 1773 въ Вѣдн въ придворной часовни въ присутствіи цѣлого двора и великодушнѣйшей царицы, котора его всеми церковными снарядами богато обдаровала.

Но пока продолжати будемъ росправу изъ житія сего великоименитого владыки, нужно нѣсколько годами назадъ вернуться, т. е. на существительный эпизодъ угорско-русской церкви, такъ на самостоятельность яку и на канонизацію епархіи Мукачевской.

Въ какой мѣрѣ стали епископы Мукачевскіи домогаться рѣшительнѣйше правовладѣнія своего, въ такой мѣрѣ разбуджалася и оная епископовъ Ягерскихъ жадость, чгобъ Мукачевскій епископъ не иначе яку „Намѣстникъ Апостольскій“ позирался, и да не будетъ лишь Ягерского епископа обрядовый Намѣстникъ.

Огъ туду слѣдовало въ позднѣйшомъ часѣ, что якоже Ягерскій епископъ Мукачевского лишь яку своего намѣстника позиралъ, такъ и латинскій клиръ русскихъ священниковъ лишь яку своихъ наамѣстниковъ увзглядяеъ. Стычки сіи тѣмъ большу мѣру брали, насколько тогдашня Ягерска епархія занимала въ себѣ всю руску Мукачевску епархію. — Непрїятности сей должно было конецъ положить, и такъ начался въ Римѣ процессъ касательно канонизаціи Мукачевской епархіи. Марія Ферезія Царица вставлялася сильно у престола римского, чгобъ вопросу епархію узнано самостоятелною Папа тогдашній Климентъ XIII. просилъ о мнѣніи Ягерского епископа графа Естергазія, который въ одномъ адресѣ зъ дня 31 Марта р. 1767. подвизался 113 пунктами противу самостоятельности вопросной Мукачевской епархіи, роспространеной въ 13 комитатахъ, числящей 858 церквей, 690 священниковъ, и больше яку 145,108 народа руского, — доказати усилуовался, будьто самостоятельность и канонизаціи епархіи нанесетъ вредъ св. уни. — Папа склонялся на мнѣніе сіе и просилъ Цѣсареву, абы залишила свое предпринягіе. — Монархия востину завѣсила справу, обоимъ сторонамъ миръ совѣтуючи, и отношеніе обомъ епископовъ пѣяко управлѣяючи. Но сраженія про тое

не переставали, что больше жарчайше выбухли тогда, коли на одномъ въ Ягрѣ держаномъ совѣтованіи Ягерскій епископъ отъ Брадача Мукачевского епископа пожадалъ присягу вѣрности, котору сей отгвалъ ссмылючсн на то, яко онъ подъ часъ своего посвященія зложилъ присягу вѣрности Папѣ, и такъ въ семь дѣлъ уже досытъ учинилъ. — И тако справа снову Царицѣ представлена, котора снову подняла вопросъ сей, и по другій разъ просила Папу канонизовати руску епархію. Наконецъ Климентъ XIV. р. 1771 рѣшилъ вопросъ, и по желанію Царицѣ и Русиновъ канонизовалъ Мукачевску епархію, Ягерского епископа тымъ задоволивши, чти далъ ему право, принуждати Мукачевскихъ епископъ на ежерочное предъ нимъ изложеніе исповѣданія вѣры каволической „ad confitmandam unione“; но отъ сего уволилъ епископовъ Пій VI.

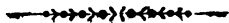
И такъ Мукачевская епархія была уорганізована, но Брадачъ епископъ лишь за рокъ наслаждался плодомъ симъ, передавши правленіе вольной епархії — наступившою смертію — въ руки наследника Андрея Бачинского.

Сей абіе ялся уряженія епархії. Успѣлъ за-правду обстаратися о первыхъ т. е. вѣщественныхъ потребностяхъ: на часть себе и своихъ наследниковъ 12 тысящ зол. грошевой платежи и Аббацію Теплицкую со вѣтми добрами — выробилъ. Для обитанія же и каведрального храма обсыгъ по-Іезуитскій монастырь и костель въ Ужгородѣ, и для сѣменища замокъ Ужгородскій. И яко Андрей епископъ р 1775. престолъ епископскій и капитулу перенесъ изъ града Мукачева до Ужгорода.

Въ теперѣшное время (1863) Мукачевская епархія распространяется по 11 комитатахъ, числитъ въ себѣ 58 деканатовъ, 715 церквей, 7 монастырей съ 40 иноками Чина св. Василія.

А что отъ временъ Бачинского случилось, то принадлежитъ къ новѣйшей уже исторіи, и не есть предметомъ настоящей статьи, цѣлю бо сей было преимущественно о началѣ и развои уніи нѣкогоріи извѣстія подати. Лише то примѣтимъ на концѣ, что епархія Мукачевска поздыѣ роздробилася, и повстала зъ ней Пряшевска руска — и Самошъ-уйварска ромунска епархія, а осталось Мукачевской 373 Парохій.

Сообщае Анатолий Кралицкій.

ПОСЛѢДНОЕ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ПОЛЬЩИ,

отъ 1764 по 1814 годъ.

(Короткій историческій очеркъ, — вынятый изъ 7 книги «Вѣстника югозападной и западной Россіи» за 1863 г.)

Sine ira et studio....

Послѣднее междуцарствіе, предъ выборомъ послѣднего короля польскаго (Станислава-Августа), продолжалось одиннадцать мѣсяцевъ — въ 4 Октября 1763 по 7 Сентября 1764 года. — Тогда Польша такъ уже низко упала въ очахъ Европы, що одинъ только кандидатъ явился на ей престолъ — сынъ умершаго короля, Саксонскій курфюрстъ, да и тотъ же по собственному желанію, но изъ угожденія своей честолюбивой супругѣ.

Благорозумѣвши Поляки хотѣли избрати королемъ природнаго Поляка изъ потомковъ Пяста, но не имѣя на свои силы, просили русскійскую императрицу Екатерину II прислать въ Польшу русскійское войско для подкрѣпленія ихъ намѣреній; — вотъ въ якомъ жалкомъ и безпомощномъ состояніи находились самыя благорозумныя изъ нихъ. — Императрица исполнила просьбу ихъ, и довела своимъ посланъ Кайзерлингу и князю Репнину предложить союзу въ короліа сгольника в. княжества литовскаго, графа Станислава Августа Помятовскаго.

Созывательный соймъ (Konwokasujny sejm) принялъ то предложеніе и вразъ съ тѣмъ сдѣлалъ еще одно превосходное постановленіе, щобы на будущее всѣ дѣла были рѣшаемы по большинству голосовъ, и — следовательно — прежнее буйное „не позволяемъ“ было усторовено, въ горькому сожалѣнію многихъ любителей того своеволія.

Избирательный (elekcujny) соймъ начался 27 Августа; а 7 Сентября 1764 года былъ избранъ королемъ Станиславъ-Августъ. — Всѣ были довольны, кромѣ графа Браницкаго, который самъ хотѣлъ быти королемъ. Не успѣвши въ томъ, онъ хотѣлъ-было взбунтовати в. литовское княжество; но коли и то не удалось, заперся въ своемъ замку, въ Бѣлостоку.

Що же принялъ Станиславъ-Августъ вразъ съ польскимъ скипетромъ?

Историкъ Польши, Нарушевичъ, лично говорилъ ему, во всеуслышаніе всего народа*), що „онъ съ тѣмъ скипетромъ принялъ несогласіе внутри

*) Ale cożes wziął, Panie, z tym berłem? to, co niegdyś Kazimierz: niezgody w domu, słabość kraju, ubóstwo skarbu, nierząd w drobney milicyi, zpuszczałe zamki, odarte

республики, слабость Польши, нищета державного скарбу, безправье въ мѣлкомъ войску, опустѣлыя замки, обнищавшія города, правленіе безъ связи и рады, безтолковыя соймы, и при тыхъ явленіяхъ, прелестующихъ страшному паденію государства, грозное вокругъ соседство! — Ежели (продолжаетъ Нарушевичъ) не могъ совладѣти съ такими безпорядками и потомственно-наслѣдственный король Казиміръ Великій, имѣвшій въ своихъ рукахъ право суда и законодательства, войско и скарбъ: то шо добраго може сдѣлать въ Польшѣ избирательная верховная власть, ограниченная въ правахъ и всегда подозрѣваемая?.. Ничога бѣльше, якъ только терпѣти за чужимъ грѣхомъ, и быти метою для выстрѣловъ ненависти, потому шо на высококомъ мѣстѣ стоитъ.* — „Трудно обманывати себе: мы (Поляки) николи не имѣли правленія, и николи не были счастливы“. — А позднѣйшій историкъ такъ описуе тогдашнюю Польшу*): „Не было тогда въ Польшѣ ни высшихъ постоянныхъ судебныхъ мѣстъ, ни порядка. Магнаты воевали межи собою, якъ будто въ XI, или XII вѣцѣ. Розстройство и безпорядокъ были повсемѣстны, и Польша была похожа на заѣздную корчму, въ которой всякъ, шо хотѣлъ, то и дѣлалъ“.

Послѣ коронаціи Станислава-Августа, бывшей 25 Ноября, послы дворовъ Петербургскаго и Берлинскаго и нѣкоторыхъ другихъ предложили сойму желаніе своихъ владѣтелей, щобъ всѣ диссиденты (инновѣрцы) пользовались въ Польшѣ свободою вѣроисповѣданія и были допущены въ государственную службу, и щобъ епископы греко-восточнаго исповѣданія имѣли мѣста въ польскомъ Сенатѣ, подобно католическимъ епископамъ. Казалось бы, нѣтъ ничего естественнѣйшаго, справедлившаго и даже необходимѣйшаго для благоденствія Польши, якъ исполненіе тыхъ требованій: — требовали, якъ видите, щобъ она была благорозумна и счастлива. Въ нынѣшнее время даже трудно вѣрити, по крайней мѣрѣ хотѣлось бы не вѣрити, щобъ такія справедливыя требованія могли быти отвергнуты — тѣмъ бѣльше, шо до 1717 года бѣлшою частію письменнымъ постановленіемъ польскихъ соймовъ были въ пользу диссидентовъ, и даже каждый король, при возшествіи на престолъ

miasta. rząd bez związku i rady, nieczynne seymy, przemoc w magistraturach, a przy tych poprzedzających zawsze straszną ruinę znakach, potęgę zagraniczną i groźne na około sąsiedztwo. Nie zdołał zaradzić co takim przeciwności ogromie dziedzic i monarcha, mający w ręku swoim sądy, woysko, skarb i legislacyę. Coż może uczynić u nas elekcya zwierzchność, prawami skrepowana, zawsze podeyrzana?.. Chyba cierpieć, gdy się źle dzieje, za cudze przewinienia, i być na celu postrzałom nienawisći dla tego, że wyżej siedzi...“ *Adama Naruszewicza Historia narodu Polskiego*. Tom VI. (1803) Str. 11. — „Трудно sobie pochlebiać, Najjaśnieyszy Panie: nigdyśmy nie byli narodem systematycznie rządnyim, a zatym i szczęśliwym.“ Tom VII. (1804.) do Króla... Str. 8.

*) Dzieje Królestwa Polskiego przez J. S. Bandtke. 1829. Tomъ II. стр. 515.

межи прочими раса conventa присягалъ соблюдать и права диссидентовъ ненарушимыми. Но — въ Польшѣ давно уже было такъ заведено, що одно писали, а другое дѣлали; и несчастны диссиденты, особенно со времени короля Сигизмунда III-го, были страшно преслѣдуемы и угнетаемы за ихъ вѣру. А съ 1717 года перестали даже и писати въ пользу диссидентовъ, но начали издавати притѣснительныя для нихъ законы: запретили имъ строити новыя церкви и поправляти старыя; перестали допускати ихъ на соймы, и наконецъ въ 1733 году рѣшили удалити ихъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей, якъ будто якихъ-нибудь отверженныхъ паріевъ... Если бы нужно было собрать въ одномъ словѣ всѣ тѣ причины, которыя погубили Польшу, то, безъ всякаго спора, то слово было бы — католицизмъ, такъ точно якъ теперь, для изображенія горестнаго состоянія нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ державъ достаточно одного слова индиферентизмъ.*) — А Европѣ то и любо, що Славяне ни въ чѣмъ не знаютъ мѣры: — одни изъ нихъ фанатики заклятыя, а другіи до того гуманны и терпѣливы, що — кто ни захочетъ, садится верхомъ на нихъ и погоняетъ ихъ, якъ лошадокъ.

По случаю заступничества Петербургскаго и Берлинскаго Дворовъ за несчастныхъ диссидентовъ, въ Варшавѣ 6-го Октября 1766 года начались бурныя засѣданія сойма. Служители олтара Господня, долженствующіи проповѣдывати миръ и христіанскую любовь, Краковскій епископъ Каетанъ Солтыкъ и папскій нунцій Висконти, грозно возстали противъ диссидентовъ и требовали уничтоженія ихъ правъ церковныхъ, служебныхъ и гражданскихъ. А защитники тыхъ несчастныхъ, желая вразумити гонителей, що отнятіемъ сихъ правъ у своихъ согражданъ они разрушаютъ собственное свое отечество, стали требовати самой грудябѣйшой уступки зъ ихъ стороны: чтобы восстановлено было буйное не позволяемъ“ въ прежней его силѣ. Къ удивленію исторіи и поможства, соймъ, руководимый духовенствомъ, согласился даже и на ту разрушительную уступку, лишь бы голько затопталъ всѣ права диссидентовъ.

Любопытно происхожденіе того польскаго „veto.“ До 1642 года всѣ дѣла на соймахъ вершились по большинству голосовъ, хотя для формы и была соблюдена раза о „одиноголасномъ рѣшеніи“. Но въ 1642 году депутатъ Упицкаго повѣта, нѣкто Сицивскій (знаменитый, якъ Геросграфъ), первый закричалъ на соймѣ „не позволяемъ!“ и остановилъ рѣшеніе сойма, или — якъ говорятъ Поляки — розорвалъ соймъ. Тогъ, новый тогда, родъ своеволия понравился панамъ и шляхтѣ; и хотя нѣкоторые благомыслиціи Поляки хотѣли-было противитися введенію того новаго своеволия, но оно всегда

*) Намекъ ту на индиферентизмъ или недостатокъ сочувствія для другихъ Славянъ изъ стороны Россіи. — Изд.

было поддерживаемо большинствомъ. Теперь же то своеволие было возстановлено въ противоположность уничтоженію всѣхъ правъ диссидентовъ, яко послѣднее, отчаянное средство для защиты ихъ. Могъ найтиса хоть одинъ добросовѣстный человекъ, который тымъ словомъ останавливалъ бы иногда опредѣленія сойма, клонившіяся къ окончательному истребленію диссидентовъ: другой защиты для нихъ уже не оставалось.

Потерявши свободу вѣроисповѣданія и права гражданства, диссиденты начали собиратиса въ вооруженныя конфедераціи, сперва въ Торунѣ и Слупску, и потомъ и въ рѣзныхъ другихъ мѣстахъ. Такихъ конфедерацій было тогда въ Польшѣ до 200. Предводители ихъ соединились въ Радомѣ, и избрали князя Радзивила головнымъ возждемъ всего возстанія. Противъ диссидентовъ вооружилась другая часть Польши, католическая. — Несчастному королю Станиславу-Августу жалко было и той и другой стороны; но якъ сторона диссидентовъ была обиженная и страдающая, то онъ, изъ состраданія къ своимъ подданнымъ, присталъ къ Радомской конфедераціи, и самъ просилъ російскую императрицу прислать ему войско для усмиренія крамоль въ погибавшемъ его королевствѣ. Трудно было вообразити собѣ состояніе больше жалкое, якъ состояніе польского короля.

Російское войско, подъ начальствомъ Салтыкова и Кретенникова, вошло въ Польшу; и подъ еге защитою король назначилъ въ Варшавѣ чрезвычайный соймъ на 5 Октября 1767 года. На томъ соймѣ, продолжавшемся по Мартъ мѣсяць слѣдующаго года, епископъ Солтыкъ свирѣпствовалъ противъ диссидентовъ и даже позволилъ собѣ говорить дерзко о рос. императрицѣ, покровительницѣ ихъ. Безрозсудному примѣру его подражали Куявскій епископъ Юсифъ Залускій, Краковскій воевода Вацлавъ Ржевускій и сынъ его Северинъ. Въ слѣдствіе чего, посолъ російскій князь Репнинъ принужденъ былъ принять рѣшительную мѣру: приказалъ арестовать тыхъ дерзкихъ фанатиковъ и отправилъ ихъ въ Россію*).

Прочіи фанатики смирились, и 11-го Февраля 1768 года саѣлаи на соймѣ постановленіе: 1) всѣ законы, изданныя съ 1717 года противъ диссидентовъ, отменить и предославити имъ право свободного богослуженія, — позволить имъ строить церкви, заводити училища, присугствовати въ сенатѣ, и участвовати въ совѣщаніяхъ сойма; 2) правленію въ Польшѣ быти избирательному, а дѣла рѣшати единогласнымъ приговоромъ сойма; 3) съ Россією

*) Неможъ не показати о томъ заблужденіи и фанатизмѣ, въ которомъ и теперь нѣкоторые отцы воспитываютъ своихъ дѣтей, обучая ихъ Польской Исторіи по той элементарной книгѣ, въ которой о Солтыку сказано такъ: „stanął na czele ю obronie Religii Soltyk Biskup i na żądanie dyssydentów, domagających się wolnego wyznania Religii, używania wszelkichъ praw, swobod i prerogatywъ obywatelskich, przystać niecheć!.... Чи то значить → захищати религію, а не розрушати отечество?....

заклучити вѣчный миръ и предоставити російской императрицѣ право оберегати и защищати якъ диссидентовъ въ Польшѣ, такъ рѣвно и самую Польшу. — Договоръ о томъ былъ подписанъ; соймъ закрытъ; російскому войску велѣно было возвратиться въ Россію.

Если-бы Польша остановилась на томъ договорѣ, она могла бы еще продолжить свое существованіе, могла бы со временемъ окрѣпнуги, усиливаться, развиться, и быти порядочнымъ гусударствомъ въ кругу другихъ державъ. Но — опять одинъ изъ служителей огаря, забывши заповѣдь мира и любви, возмутилъ Польшу: Каменецкій епископъ Адамъ Красняскій, перелѣтный, изъѣздивъ всю Польшу и всюду возбуждалъ ненависть къ диссидентамъ, къ Россіи, и къ своему королю. Единомышленникъ Красняскаго, староста Юсепъ Пулавскій, началъ собирать безпокойныхъ людей и составилъ изъ нихъ въ городѣ Барѣ вооруженную конфедерацію противъ короля Станислава-Августа. Подобное же возмущеніе противъ законной власти и противъ здравого розсудка объявилось въ Галичѣ, Люблинѣ, Краковѣ и въ другихъ мѣстахъ. Конфедераты огнемъ и мечемъ истребляли своихъ согражданъ-диссидентовъ, а преимущественно исповѣдниковъ греко-русской вѣры, — межн тѣмъ якъ жидаы по всей Польшѣ пользовались полною свободою своей вѣры, и смѣялись надъ христіанами, истреблявшими другъ друга..... Замѣтимъ къ стыду цивилизаціи, що отъ того времени еще не прошло и ста лѣтъ.

Началась ужасная религіиная война, рѣзня безъ пощады пола и возраста, убійство многихъ тысячъ ближнихъ, поклонявшихся одному и тому же Спасителю, распятому за всѣхъ на крестѣ; и — о горе! — то убійство было возбуждено въ Польшѣ епископами католическими, сперва Солгыкомъ и Залускимъ, потомъ Красинскимъ!!

Дворянъ исповѣдующихъ гонимую греко-русскую вѣру тогда уже мало было въ Польшѣ: правѣ всѣ, отъ страха гоненій, перешли сперва въ унию, потомъ въ католичество*). Оставался только простой народъ, не хотѣвшій отречися вѣры своихъ праотцевъ; но и среди того загнаннаго народа, заклейменнаго именемъ „хлоповъ“, нашлись свои предводители, которые вооруженною рукою начали защищати своихъ братьевъ и свою вѣру. Извѣтнѣйшіи изъ такихъ предводителей были тогда Гонта и Желѣзнякъ, о которыхъ память и теперь еще живе въ народѣ. За жестокость платили ужасною жестокостью; и Польша тогда была обагрена (буквально) своею собственною кровью ..

*) Правѣ всѣ нынѣшніи дворяне въ западныхъ и белорусскихъ губерніяхъ, именующіи себе Полаками и католиками, суть потомками русскихъ православныхъ жителей тѣхъ странъ, о чѣмъ нередко свидѣтельствуютъ собственными ихъ документами о дворянствѣ и метрикахъ предковъ ихъ.

Станиславъ-Августъ и нѣкоторые благомыслящіи сенаторы, не имѣя средствъ прекратить междоусобіе и кровопролитіе въ своемъ гибнущемъ отечествѣ, опять просили російскую императрицу прислать имъ войско, которое и не замедлило прійти въ Польшу. А епископъ Красвицкій обратился за помощію къ французскому Двору, и получилъ оттуда гроши, искусныхъ офицеровъ и генерала Дюмурье для предводительства надъ конфедератами. Сверхъ того французское правительство, чрезъ своего посла при Оттоманской Портѣ, склонило султана турецкаго Мустафу III къ войнѣ съ Россією, щобъ отвлечи силы той державы отъ защиты диссидентовъ.

Отряды російскаго войска, гоняясь за конфедератами по всему пространству Польши, загнали одну шайку ихъ въ пограничное татарское мѣстечко Балту, и по военной неосторожности сожгли то мѣстечко. Мало-важный тотъ случай былъ поводомъ, по которому турецкій султанъ, яко верховный покровитель Татаръ, въ 1768 году объявилъ войну Россіи.

Начавши воевати съ Турцією, Екатерина II приказала отряду своего войска, дѣйствовавшему въ Польшѣ противъ конфедератовъ, возвратитися въ Россію; но Станиславъ-Августъ упросилъ императрицу оставить при немъ кѣлька полковъ, тѣмъ бѣльше, що Барскіи конфедераты уже объявили его — лишеннымъ польскаго престола!!

Давно уже существовало въ Европѣ всеобщее убѣжденіе о невозможности существовати Польшѣ при такомъ безпокойномъ и буйномъ характерѣ ея жителей. Еще въ царствованіе Сигизмунда III. та мысль родилась въ умѣ Молдавскаго господара Михайла; а теперь та мысль часъ отъ-часу бѣльше и бѣльше дѣлалась настоятельнымъ требованіемъ времени. Даже и султанъ турецкій понималъ ту невозможность существованія, и въ 1770 году предлагалъ австрійскому посланнику Тугугу свергнуть, общими силами, Станислава-Августа съ престола, и раздѣлитъ Рѣчь Посполитую межъ Австрією и Турцією.

Со всѣхъ сторонъ была чувствуема погребность рѣшительныхъ мѣръ. Барскіи конфедераты, видя безуспѣшность своего приговора о низведеніи Станислава-Августа съ престола, рѣшили по своему: 3-го Ноября 1771 года напали на короля среди улицы, схватили его, и хотѣли-было увезти изъ Варшавы. Но онъ правѣ чудомъ спасся изъ рукъ своихъ убійцъ, получивши только рану въ голову.

Що оставалось тогда дѣлать сосѣднимъ державамъ, смотря на такое неистовство подданныхъ противъ своего короля?.. Пруссія и Австрія, хотя жестоко и больно, но достойно и праведно рѣшили: раздѣлити Польшу межъ собою!

Рѣшительная мысль о раздѣлѣ той несчастной державы, не умѣвшей существовати, теперь вышла изъ головы Фридриха II-го короля прусскаго, который склонилъ къ тому же и австрійскую императрицу Марію-Терезію.

Осталось только склонить третьяго союза, российскую императрицу, которая тогда блистательнымъ образомъ кончила войну съ Турціею, и въ вознагражденіе военныхъ издержекъ хотѣла присоединити къ Россіи Молдавію и Валахію. Австрійскому Двору чрезвычайно непріятно было предстоявшее присоединеніе Дунайскихъ княжествъ къ Россіи; а потому Нѣмцы и начали стараться, щобъ Россія, вмѣсто Молдавіи и Валахіи, согласилась присоединити къ себѣ часть Польши.

Первое раздѣленіе Польши началось съ того, що Марія-Терезія повелѣла своимъ войскамъ занять польскую область — староство Спизское съ соляными копальнями Велички и Бохни, подъ тѣмъ предлогомъ, що оно колись составляло часть угорского королевства, принадлежащего теперь Австріи. А король прусскій ввелъ свои войска въ воеводства Хелмское и Познанское, подъ предлогомъ кордона для охраненія своихъ областей отъ свирѣпствовавшей тогда моровой язвы, и вслѣдъ за тѣмъ отправилъ въ Петербургъ брата своего Генриха убѣждать Екатерину II, щобъ и она согласилась на раздѣлъ Польши. Екатерина видѣла, що mezi Австріею и Пруссамъ то дѣло уже улажено. Прогривитися имъ значило бы — начати съ ними войну изъ-за Польши. Россійская императрица позже всѣхъ согласилась, и при томъ не на совершенное уничтоженіе и раздѣленіе Польши, якъ хотѣли того Австрія и Пруссія, только на отдѣленіе отъ ней нѣкоторыхъ провинцій: тѣмъ слова нужно бы ставити вмѣсто эпитаграфіи надъ сочиненіями тѣхъ современныхъ, жаркихъ публицистовъ польскихъ, которыи, плохо зная исторію своего отечества, кричатъ, що Россія погубила Польшу.

И такъ — договоромъ изъ дня 25 Юлія 1772 года было постановлено: 1) къ Россіи отдѣлти землю mezi рѣками: Днѣпромъ, западною Двиною и Дручемъ, или такъ — называемую Бѣлоруссію, 2) къ Австріи — Галицію, 3) къ Пруссіи — Померанію, за исключеніемъ Гданьска и Торуня, и часть Великой Польши до рѣки Нотецы. Постановленіе то было объявлено Варшавскому Двору; а Станиславъ-Августъ имѣлъ прискорбную обязанность объявити о томъ Сойму, который послѣ бесполезного сопротивленія и криковъ, принужденъ былъ въ 1775 году окончательно согласиться на принатіе того наказанія отъ промысла Божія за свои безпорядки, самоуправство, и за униженіе власти своего короля. Отъ Польши отойшло 3, 925 квадратныхъ миль земли, а осталось еще у ней больше 10 тысячъ миль съ 8-ю милліонами народонаселенія. Всѣ три союзники ручались въ неприкосновенности остальныхъ ей областей, однакожъ съ условіемъ, ежели Поляки не будутъ прятѣсяти диссидентовъ. Охраненіе Польши приняла на себе Екатерина II. — Порядокъ правленія, съ согласія самыхъ Поляковъ, былъ установленъ такий: а.) право избирати короля осталось въ прежней своей силѣ; б.) положено было выбирати короля только изъ потомковъ Пяста; в.) дѣла рѣшати на соймѣ единогласнымъ приговоромъ; г.) при королѣ быти непремѣн-

ному совѣту, подѣ его предсѣдательствомъ, изъ колькохъ сенаторовъ по выбору сойма; д) диссидентамъ была предоставлена свобода богослуженія, съ правомъ поступати въ государственную службу и также въ депутаты сойма; е) войску польскому состояти изъ 30 тысячъ человекъ.

Хотя въ той конституціи, якъ и во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, были свои недостатки, но не смотря на то, Польша съ тою конституціею отъ 1775 по 1788 годъ, въ продолженіе цѣлыхъ дванадцати лѣтъ наслаждалась тишиною, безпримѣрною въ ей исторіи!— Промышленность и науки проснулись въ ней. Станиславъ-Августъ учредилъ кадетскій корпусъ, которого ни одинъ король не успѣлъ учредить, хотя каждый обѣщавъ при возшествіи на престолъ. Сверхъ того король — всѣ фундаши уничтоженного тогда ордена іезуитовъ обратилъ на воспитаніе юношества. Варшава украсилась прекрасными зданіями. Для соблюденія правосудія, канцлеръ Замойскій, по порученію короля, занялся новымъ собраніемъ законовъ. Польская литература, подѣ перомъ Нарушевича, Красицкаго и другихъ писателей, начала обращати на себе вниманіе Европы.

Еслибы Польша продолжала такимъ образомъ, подѣ родственнымъ покровительствомъ Россіи, совершенствовать свой внутренній бытъ, она скоро достигла бы цвѣтущаго состоянія, и подовольно могла бы поправляти свою конституцію. Но . . у Славянъ всегда было много недоброжелателей, которые, для своихъ выгодъ, всегда колотили ихъ межи собою и не допускали ихъ до соединенія и дружбы. Начиная зъ Карла Великаго, который дѣйствительно былъ великимъ недоброжелателемъ всей Славянщины, императоры нѣмецкіи Оттонъ I, Оттонъ III, Генрихъ II и многимъ другимъ позднѣйшимъ императорамъ, постоянно сѣяли роздоръ межи Славянами и старались или оиѣмчати ихъ, или окатоличити, или по крайней мѣрѣ поддерживать межи ними взаимную вражду, щобы не дати имъ соединитися въ одно цѣлое, страшное для германскаго міра. Въ слѣдствіе такого враждебнаго противъ Россіи направленія, сообщеннаго Полякамъ отъ Нѣмцовъ, польскій соймъ, собравшійся въ концѣ 1788 года, началъ оскорбляти російскую императрицу: отказавъ въ свободномъ переходѣ російскаго войска черезъ польскія владѣнія въ Молдавію и Валахію, по случаю бывшей тогда новой войны у Россіи съ Турціею, — не давалъ продовольствія той арміи вопреки обѣщанію и договору, — и сверхъ того, вмѣсто установленнаго числа 30 тысячъ, увеличилъ польское войско до 100 тысячъ человекъ. Того мало: соймъ заключилъ даже противъ Россіи союзъ съ королемъ прускимъ, державшимъ сторону Турціи, и даже съ Турціею поишолъ соймъ въ переговоры, желая помочи ей въ войнѣ съ Россіею.

Приготовившись такимъ образомъ къ возстанію противъ Россіи, безъ всякаго повода зъ ей стороны, Поляки сочинили и обнародовали новую конституцію 3-го Мая 1791 года, по которой наследство польскаго престола, послѣ будущей смерти Станислава-Августа, должно было перейти въ домъ

Саксонского курфюрста; дѣла вершити положено было по большинству голо-
совъ, а *liberum veto* было уничтожено, и непрежтвнный совѣтъ при королѣ
также былъ уничтоженъ. — Въ той конституціи было, безъ сомнѣнія, много
добра, но добра преждевременного и насильственного, которое въ политикѣ
почитается великимъ зломъ. Уничтожити безъумное *liberum veto* и сдѣлати
свой престолъ наследственнымъ, Польша легко могла бы въ свое время, не
роздажая Россію и не предпринимая противъ ней войну.

Конституція 3-го Мая раздѣлила Польшу на двѣ взаимно-враждебныя
части: одна часть восхвалялась нею и стояла за ню грудью, другая ненави-
дѣла ей отъ души. Члены одного и того же семейства были раздѣлены въ
мнѣніяхъ по тому предмету: такимъ образомъ Игнатій Потоцкій былъ голов-
нымъ виновникомъ и приверженцемъ той конституціи, а братъ его Феликсъ По-
тоцкій — непримиримымъ врагомъ ея. Къ Феликсу Потоцкому присоединились
Северинъ Ржевускій, гетманъ Браницкій и многіи другіи паны, и въ городѣ
Тарговицѣ составили вооруженную конфедерацію; а въ Вильнѣ составилась
другая такая же конфедерация. — Въ слѣдствіе просьбы Тарговицкихъ кон-
федератовъ, російская императрица приказала своему войску вступить въ
польскіи предѣлы. А Франція, Австрія и Пруссія поддерживали другую
сторону Польши: прусскій король даже обѣщаль объявити отъ себе войну
Россіи, если только Поляки уступятъ ему Гданьскъ и Торунь. Коли же Поляки
отказали ему въ томъ, то онъ — заключилъ противъ Польши союзъ съ Петер-
бургскимъ кабинетомъ, и свои войска также двинулъ въ польскіи предѣлы. —
Франція, сама тогда погибала отъ своей революціи, и только пышными фра-
зами хвалила распоряженія польского сейма, но помощи не прислала; а Ав-
стрія, подобно Пруссіи, соединилась съ Россією. Такимъ образомъ — со-
вѣтники Польши, вооружившіи ю противъ Россіи, не только оста-
вили ю одну безъ помощи, но еще и сами перейшли на сто-
рону той державы, противъ которой вооружили ю...

Отряды Поляковъ не могли долго противитися російскому войску,
и были разбиты по частямъ въ два мѣсяца. Станиславъ-Августъ просилъ
пощады, и самъ присоединился къ Тарговицкимъ конфедератамъ: примѣру
короля послѣдовали сенаторы и депутаты сейма, кромѣ Игнатія Потоцкого,
Колопая, Заіонька и не многихъ другихъ. — Подъ предсѣдательствомъ короля,
наконецъ 6-го Юнія 1793 года былъ составленъ въ Гроднѣ новый сеймъ
для устройства Польши.

Екатерина II, увѣрившись опытомъ, що Польша не умѣе пользоваться
благодѣяніями мира и ея покровительства, нашлась въ необходимости воз-
вратити ю въ тѣ границы, въ якихъ она была до соединенія своего съ вели-
кимъ княжествомъ русско-литовскимъ, т. е. розорвала ту насильственную
связь, посредствомъ которой Польша, въ прежніи годы, привязала къ собѣ
древнюю Русь, наследіе св. Владиміра — русскіи старинныи княжества,

оставшіся навсегда русскими, якъ ни старалась Польша полонизоваги ихъ и окатоличити. Въ слѣдствіе сего Гродненскій соймъ $11/21$ Юлія долженъ былъ согласитися на второй роздѣлъ Польши, по которому Волинская область, Подольская и Минская были уступлены Россіи; а Пруссія, при томъ удобномъ случаѣ, получила то, о чомъ давно хлопотала — Велікопольскія воеводства съ городами Гданьскомъ и Торунемъ. Отдѣленіе отъ Польши и прилученіе въ Россію древнихъ русскихъ областей, Волинской, Подольской и Минской, было для Польши важнымъ историческимъ урокомъ, изъ котораго она должна была бы научитися, що безъ соединенія съ Русью она николи не могла и не може существовати, но если и въ соединеніи съ Русью она, по необузданному самолюбію, захотѣла бы взяти на себе непринадлежащую и неприличную ей роль старшей сестры, то и то ни къ чому другому не повело бы, только хибанъ къ окончательному и совершенному ея уничтоженію.

Послѣ второго роздѣла, королевство польское имѣло только 4 тысячи квадратныхъ миль пространства и около четырехъ миліоновъ жителей. Препжній порядокъ правленія и непремѣнный совѣтъ при королѣ былъ возстановленъ, и положено было содержати Польшу постоянного войска 15 тысячъ человекъ. Для водворенія порядка въ королевствѣ, была оставлена въ немъ, на нѣкоторое время, часть російскаго войска, подъ командою генерала Игельстрома.

Вмѣсто должнаго смиренія предъ наказывающею и вразумляющею десницею Промысла, и вмѣсто раскаянія въ своихъ политическихъ грѣхахъ и неурядиствахъ, Польша прійшла въ отчаяніе, и всю ненависть свою обратила теперь на Россію, которая меньше всѣхъ виновна была въ сій несчастіи, и съ 1775 по 1788 годъ искренно старалась поддержати самобытность ея.

Сама существенная причина роздѣленія Польши заключалась въ несчастномъ (щобъ не сказати безумномъ) образѣ правленія ея, не допускавшемъ ніякого благоустройства (*rzecz pospolita, ale razem i królestwo*), — въ фанатизмъ духовенства ея, желавшаго истребити зъ лица земли Христіанскую Греко-восточную вѣру, — и въ самоправствѣ ея магнатовъ и шляхты, не уважавшихъ своего короля. Второю орудною причиною — были Берлинскій и Вѣденскій кабинеты, первоначально рѣшившія судьбу Польши, безъ предварительнаго сношенія съ Петербургскимъ кабинетомъ, а потомъ своими интригами вооружившія ю противъ Россіи. Впрочемъ Поляки не должны забывать, шо при роздѣленіи Польши, Россія взяла у ней не польскіи провинціи, населенныи польскимъ народомъ, но древніи русскіи области съ русскимъ народомъ, съ русскимъ языкомъ и русскою вѣрою. Русскій народъ тыхъ провинцій благословлялъ свою судьбу, избававшись отъ Поляковъ. Козацкіи войны прошлаго времени давно уже приготовляли отпаденіе тыхъ

областей отъ Польши. — Не такова была судьба польскихъ провинцій, доставшихся Нѣмцамъ.

Польша, къ удивленію и къ сожалѣнію не угадала, кто былъ и что было причиною раздѣленія ея, рѣвноумѣрно не угадала и тѣхъ спасительныхъ средствъ, якими, послѣ двухъ раздѣловъ, она могла бы еще сохранить свою самобытность: она ухватилась за совершенно-противоположныя средства. О несчастномъ ея состояніи ближе всего напоминалъ ей видъ отряда російскаго войска, квартировавшаго въ Варшавѣ и въ окрестностяхъ ея, для водворенія спокойствія: Поляки рѣшились вырвать тотъ огрядъ, и — временемъ для того братоубійства избрали страстную седмицу великаго поста. Напали на російскихъ солдатъ въ-роспяхъ на ихъ квартирахъ, и зарѣзали ихъ болѣе двухъ тысячъ человекъ: отчаянная, бесполезная и чрезвычайно вредная мѣра! Истребивши двѣ тысячи Россіянъ, они чрезъ то еще не истребили всю російскую армию, но только сами на себе наклали справедливое мшение Россіи. — Нашлись же писатели, впрочемъ, не польскаго, кажется; но нѣмецкаго происхожденія (Фалькенштейнъ, Форстеръ и др.), которые и то ужасное братоубійство не стыдятся называть „священнымъ долгомъ любви къ отечеству, и даже болѣе священнымъ (plus sacré), нежели поклоненіе страстямъ Господнимъ.“ „То было въ страстную Пятницу — пишутъ они — и въ тотъ день уже не христіанство, но свобода была религіею Папаяковъ.*“ Удивительно ли, що потомки такихъ братоубійцъ, наставляемы подобными учителями, и теперь не боятся богохульствовать — призывая религію и употребляя крестъ Спасителя для освященія своихъ постыдныхъ манифестацій противъ Россіи? Безъ всякой жолчи говоримъ о томъ, но единственно изъ состраданія къ заблуждающимъ.

Истребленіе отряда Игельстрома было началомъ всеобщаго возстанія Польши, предводителемъ котораго съ званіемъ диктатора, былъ объявленъ **Фаддей Костюшко**, храбрый Литвинъ, съ рѣдкими свойствами ума и сердца, и достойный лучшаго поприща, нежели на какое довелось ему выступити.

Костюшко вооружилъ польскій народъ, и выступилъ первоначально противъ прускаго войска, которое первое вошло въ Польшу и осадило Варшаву. — Домбронскій, возмущивши Познаньскую область, въ тылу Прусаковъ, заставилъ ихъ отступити отъ Варшавы. — Возстаніе распространи-

*) C'était le vendredi saint. En ce jour les Polonais visitent d'habitude pieusement dans les églises le sépulcre du Seigneur, et un morne silence règne dans la ville entière. Mais cette fois c'est la voix du pays, qui appelle les habitants au dehors, et de même que la foi catholique remplissait jusque — la tous les instants d'une journée aussi solennelle, plus sacré peut, être est encore pour eux le devoir de défendre contre l'ennemi les femmes, les enfans, le foyer domestique et la patrie. En ce jour leur religion est — la liberté. *Pologne, par M. Charles Forster, pages 154, 155.*

лось по всей Польшѣ, охватило Литву, поколебало Волынь, грозило Бѣлоруссін, и даже приближалось къ берегамъ Днѣпра. Впрочемъ „повстанцы“ торжествовали не долго. Кровь російскихъ воиновъ, убитыхъ въ Варшавѣ, вопіяла о отмщеніи. Екатерина II выслала въ Польшу свое войско, подъ командою Суворова и Ферзена, и приказала возстановити въ ней спокойствіе. — Суворовъ съ своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 7 тысячъ человекъ, быстро пройшолъ всю Волынь и обезоружилъ кѣлька десятковъ тысячъ повстанцевъ, не проливши капли крови. Потомъ подъ Брестомъ напалъ онъ на отряды Сѣраковского и Макрановского и разбилъ ихъ на голову; послѣ сего онъ сѣвшилъ соединити свой отрядъ съ отрядомъ Ферзена, чтобы вразѣ идти въ Варшаву. Но Костюшко рѣшился не допустить тѣмъ отрядамъ до соединенія, и 30 Септ. (10 Окт.) 1794 года, при Маціевцахъ (12 миль отъ Варшавы) вступилъ съ Ферзеномъ въ отчаянный бой. Поляки показали необыкновенную храбрость, достойную лучшей цѣли и участи, но были разбиты на голову; при чемъ и Костюшко попалъ въ плѣвъ. Кинувши свою саблю, онъ съ горестью сказалъ: *finis Poloniae!*. Поляки, яко „добрыя католики“, не могутъ не вѣрити въ безсмертіе и въ продолжающуюся за гробомъ любовь усопшихъ братій къ земной отчизнѣ. Чижъ они и своего благородного Костюшка хотѣли бы сдѣлать лежецомъ? Чи еще не *finis*?..

Соединившись съ Ферзеномъ, Суворовъ подступилъ къ Празѣ: три дни только приготовлялся, и 24 Окт. (3 Ноябрь.) 1794 года взялъ ю приступомъ, послѣ кровопролитной битвы, продолжавшейся только 4 часа. — Послѣ сего, головными зачинщиками польскаго возстанія, клявшися своимъ согражданамъ, погибнути съ оружіемъ въ рукахъ, бѣжали за границу похитивши касу, собранную зъ обманутого народа: безъ сомнѣнія, ними руководило известное іезуитское правило: *primo caritas ab ego*. Въ Варшавѣ остался только несчастный король, вѣрный своему долгу. — Варшава здалась на капитуляцію; за нею покорилась и остальная Польша.

^{15/25} Ноября 1795 года Станиславъ-Августъ отказался отъ польскаго престола; а вслѣдъ за нимъ и бывший вассалъ Польши, Курляндскій князь Петръ Биронъ отказался отъ своего достоинства. — Польша дойшла до невозможности управлять собою и быти независимою, — такъ точно якъ человекъ впавшій въ розстройство умственныхъ силъ, которому связываютъ руки, и которого, со всѣмъ его имѣніемъ, отдають на попеченіе родственникамъ или сосѣдамъ. — Бывали примѣры, що подобными люди иногда выздоравлиють; но вообще они всегда неизлечимы и опасны, и выздоровленіе ихъ всегда подозрительно.

Австрія, Пруссія и Россія окончательно раздѣлили большую Польшу слѣдующимъ образомъ: область Литовская и Гродненская и сверхъ того Курляндія были присоединены къ Россіи; воеводство Краковское, Сандомирское и Люблинское — къ Австріи; а осальная часть Польши съ го-

родомъ Варшавою — къ Пруссіи. — Жители всѣхъ присоединенныхъ къ Россіи областей были совершенно сръвнены въ своихъ правахъ съ прочими жителями Имперіи: полная свобода вѣроисповѣданія была предоставлена всѣмъ. — Въ началѣ 1796 года Австрійцы заняли Краковъ, а Пруссаки Варшаву.

Станиславъ-Августъ выѣхалъ сперва до Гродна, а потомъ въ С.-Петербургъ, где получалъ приличное содержаніе до смерти, постигшей 24 Янв. (2 Февр.) 1798 года, на 66-мъ году его несчастной жизни. — Надобно сохранить для потомства слѣдующую характеристическую черту изъ послѣднихъ годовъ жизни короля: у него осталось много бланкетовъ для патентовъ на ордены св. Станислава и Бѣлого Орла. Приближенныя, пользуясь старостью и слабостью эксъ-короля, открыли-было въ Петербургѣ особенный родъ торговли: продавали Полякамъ патенты на ордены, за подлиннымиъ подписомъ и печатью королевскою. Бывшіи сыны Рѣчи Посполитой, стоявшіи грудью за „ровенство и неподлежность“, съ жадностью покупали собѣ тѣи патенты, надѣвали ленты и звѣзды, и прегордо подписывались „кавалеры ордеровъ“...

Послѣ окончательного раздѣленія Польши, имя ея, зъ 1796 по 1807 годъ, было исключено изъ географіи. — Вся Европа была наполнена польскими эмигрантами, которые были похожи на овецъ немнѣющихъ пастыри. Наконецъ эмигранты начали строиться въ легіоны, и прикнули къ французской революціи, которая на своихъ кровавыхъ волнахъ выносила простыхъ солдатъ на степень маршаловъ и герцоговъ, а одного артиллерійскаго поручика вознесла сперва на высокое мѣсто первого консула французской республики, потомъ и — на императорскій престолъ. То было необыкновенное время, допущенное Богомъ для наказанія и вразумленія людей. Наполеонъ Бонапарте сперва произвольно рукою обращалъ завоеванными имъ государства въ республики, а потомъ, сдѣлавшись императоромъ, изъ республикъ дѣлалъ королевства, и подобно судьбѣ перемѣнялъ, уничтожалъ и возстановлялъ государства. Можно ли было и Полякамъ не увлечися надеждою, що творецъ Голандскаго, Вестфальскаго, Итальянскаго, Баварскаго и Саксонскаго королевствъ може, однимъ почеркомъ пера, возстановити и Польское королевство?...

Поляки съ благоговѣніемъ и надѣєю смотрѣли на Наполеона и были готовы пролить за него свою кровь до послѣдней капли: лишь бы онъ возстановилъ отечество ихъ. Коли онъ, бывши еще консуломъ, послалъ къ Севтъ-Доминго экспедицію съ 30 тысячами войска, подъ начальствомъ зятя своего, Леклерка, то въ тое войско поступило дуже много Поляковъ, изъ которыхъ немногимъ возвратились въ Европу. Послѣ того гибли Поляки въ Испаніи, сражаясь въ рядахъ французскаго войска, за честолюбивую мысль Наполеона, посадити на испанскомъ престолѣ одного изъ своихъ братьевъ. Но

головное поприще для воинственной дѣятельности Поляковъ открылось во время войны Наполеона съ Прусами въ 1806 и 1807 годахъ. Послѣ Иенской побѣды $\frac{2}{14}$ Октября 1806 года, Наполеонъ, завоевавши всю правѣ Пруссію, взволновалъ Польшу, желая поставити ю противъ Россіи, защищавшей Пруссію. Янъ-Генрихъ Домбровскій и Юсіѳъ Выбицкій, въ угодность Наполеону, сдѣлали воззваніе къ польскому царю, приглашая его къ поголовному вооруженію, чтобы подѣ командою Костюшки возстановити свое отечество. Хотя Костюшко, по слабости здоровья, и отказался прияти начальство, но не смотря на то, Поляки сформовали четыре полки въ Познани и примкнули къ французской арміи.— Подѣ Пултускомъ и Голыминномъ Поляки сражались противъ Россійянъ; но послѣ тѣхъ сраженій, не удовлетворившихъ Наполеона, онъ принужденъ былъ отвести свое войско на зимніи квартиры и самъ съ досадою возвратился въ Варшаву. — Сраженіе при Прайсшъ-Эйлау 27 Января (8 Февр.) 1807 года такъ же не удовлетворило Наполеона. Хотя же онъ, вслѣдъ за тѣмъ, и одержалъ надъ Россіянами побѣду подѣ Фриланомъ, но та побѣда надто дорого стоила ему, и онъ рѣшился покаместъ примиритися съ россійскимъ императоромъ Александромъ I-ымъ 25 Юнія 1807 года въ Тильзитѣ. Александръ I-й, вооружившись для спасенія Пруссіи, успѣлъ отстояти самобытность того королевства, которое Наполеонъ хотѣлъ-было исключить изъ числа европейскихъ державъ. Но при томъ случаѣ императоръ Французовъ отдѣлялъ отъ Пруссіи тѣ области, которыми она съ 1772 года присоединила къ собѣ отъ бывшего польскаго королевства, и изъ нихъ составилъ Варшавское княжество, въ зависяности отъ новонменованнаго тогда изъ курфирстовъ Саксонскаго короля, вѣрнаго своего союзника. Поляки восхищались, получивши щось похожее на самобытность подѣ именемъ княжества, пространствомъ въ 1,800 квадратныхъ миль: надѣя пререкала имъ въ будущемъ далеко больше, хотя Наполеонъ тогда же въ Тильзитѣ далъ слово императору Александру, не розширять того княжества и не содѣйствовать къ возстановленію польскаго королевства.

Въ Апрѣлѣ 1809 года австрійскій императоръ, выведенный изъ третѣнія властолюбиемъ Наполеона въ четвертый разъ поднялъ противъ него оружіе; но будучи побѣжденъ отъ него при Ваграмѣ 6-го Юлія, принужденъ былъ заключити съ нимъ мирный трактатъ, по которому отказался отъ многихъ своихъ владѣній — въ томъ числѣ и отъ западной части Галиціи, т. е. отъ воеводствъ Подляскаго, Люблинскаго и Сандомѣрскаго. Всѣ три тѣи воеводства Наполеонъ, вопреки своему слову, присоединилъ къ Варшавскому княжеству, розширивши его такимъ образомъ на 2,700 миль пространства. Поляки прійшли въ энтузіазмъ, и уже мечтали о возвращеніи къ нимъ всей Литвы и Волыни. Въ слѣдствіе чего Петербургскій кабинетъ требовалъ отъ Наполеона формальнаго обязательства, що онъ согласно прежнему своему обѣщанію, не буде больше обольщати Поляковъ несбыточными мечтами.

Наполеонъ уполномочилъ посла своего въ Петербургъ, Коленкура, увѣрити російское правительство, що онъ не только не думаетъ о восстановленіи Польши, но „даже согласенъ самое имя ей истребити изъ актовъ и исторіи,“ — однакожь онъ не утвердилъ договора, заключеннаго Коленкуромъ. — Замышляя войну противъ Россіи, Наполеонъ хотѣлъ привязати къ собѣ Поляковъ для того только, щобъ въ ихъ краю имѣти для себе постоянное дело рекрутѣвъ; а Поляки въ своемъ заблужденіи думали, що онъ буде спасителемъ ихъ, и — съ неописаннымъ восторгомъ услышали наконецъ о разрывѣ Наполеона съ Александромъ.

Началась необыкновенная, страшная война 1812 года. — При нашествіи Наполеона на Россію 700-тысячною армією, составленною изъ двадцати побѣжденныхъ нимъ народовъ, Варшавское княжество вооружилось поголовно, и, не смотря на свои скудные средства, доставило Наполеону 80 тысячъ храбрыхъ воиновъ, подъ командою Юсіа Понятовскаго, племянника послѣднаго короля польскаго. — Поляки дрались съ Россіянами подъ стѣнами Смоленска и на поляхъ Бородина; потомъ въ занятой Наполеономъ Москвѣ усередно попятали Французамъ истреблени священныя предметы народнаго російскаго благоговѣнія. Варшава блистательно торжествовала Наполеоновы побѣды, якъ будто свои собственныя, но... такое торжество продолжалось не долго

Наполеонъ, попавши въ сѣти, разставленныя ему Кутузовымъ, не зналъ, шо ему дѣлать въ Москвѣ, и самъ предложилъ Россіи миръ. Но императоръ Александръ I. объявилъ, шо онъ до того не положитъ оружія, пока хоть одинъ вооруженный непріятельскій воинъ буде въ Россіи. Послѣ напраздныхъ переговоровъ о мирѣ, Наполеонъ вышелъ изъ Москвы и изъ Россіи обратно во Францію, потерявъ по дорогѣ всю свою армію, которая была истреблена російскими багнетами, холодомъ и голодомъ, и якъ бѣглець возвратился во Францію. Вслѣдъ за нимъ, Александръ I. повелъ свое войско за границу, щобъ подписати миръ въ Парижѣ — Вся Германія, вооруженная Наполеономъ противъ Россіи, отстала отъ него и вошла въ союзъ съ російскимъ императоромъ; но Наполеонъ успѣлъ еще собрати новую армію въ 300 тысячъ человекъ, и опять выступилъ противъ Александра. Послѣ многихъ нерѣшительныхъ сраженій на поляхъ Германіи, наконецъ вся Европа, подъ предводительствомъ двоихъ своихъ представителей, Александра и Наполеона, раздѣлившись на двѣ арміи, вступила въ отчаянную битву при Липску. Ужасный бой продолжался три дни (4, 6 и 7 Октября 1813 г.); наконецъ — Наполеонъ былъ разбитъ и бѣжалъ зъ поля битвы. Остатки польскаго войска пребыли вѣрны ему, а предводитель ихъ, храбрый Понятовскій, при переправѣ чрезъ рѣку Эльстеръ, запечатлѣлъ бесполезную свою храбрость смертію своею.

1814 годъ, подобно двумъ предъидущимъ годамъ, былъ гакже исполненъ кровавыхъ битвъ и кровавой славы. Послѣ немощныхъ усилій наконецъ союзными владѣтелями принудили Наполеона отречься отъ французскаго престола, и занялись благоустройствомъ Европы, въ которой все было взволновано, якъ будто послѣ урагана. — Польское войско, сражавшееся за Наполеона, осталось теперь безъ предводителя, безъ отечества, и безъ всякой цѣли. Александръ благословенный сжалился надъ тѣми храбрыми, но заблудшими единоплеменниками своими, принявъ то войско подъ свое покровительство и поручилъ начальство брагу своему, царевичу Константину.

Варшавское княжество также не знало, що съ нимъ буде. Судячи по естественнымъ слѣдствіямъ войны и побѣдъ, Поляки ожидали, що отъ нихъ потребуютъ величайшой контрибуціи, нарядятъ надъ ними судъ и военную росправу, которая кончится казною, или по крайней мѣрѣ ссылкой многихъ изъ нихъ. Они ожидали еще горшой участи, думая, що союзными владѣтелями роздѣлятъ княжество на три части межи собою. А потому депутаты отъ всѣхъ воеводствъ княжества, тайно отъ Нѣмцевъ, прійшли ночью къ императору Александру, пали предъ нимъ на колѣна, хватали цѣловати ноги его, и со слезами просили его, щобъ онъ не отдавалъ ихъ Нѣмцамъ, но щобъ принялъ Польшу въ нераздѣльный составъ російской имперіи*).

Александръ рѣшился воскресити Польшу, хотя, къ сожалѣнію, надобно признаться, що обыкновенными людьми, хотябы даже и цари, не имѣютъ небесного дара и божественной силы воскрешати умершихъ ...

Въ концѣ 1814 года начался въ Вѣднѣ великій конгрессъ изъ владѣтелей и ихъ уполномоченныхъ. Надобно было перестроити Европу послѣ того всеобщаго розстройства, въ которое привелъ ю Наполеонъ. Межи многими предметами конгресса не послѣднее мѣсто занималъ вопросъ о Польшѣ: быти ли ей, или не быти? Австрійскій и англійскій уполномоченными предложили роздѣлити Варшавское княжество на три ровныя части межи Австрією, Пруссією и Россією; но Александръ I велѣлъ объявити конгрессу, що министры могутъ, якъ имъ угодно, дѣлити Польшу, — только напередъ надобно выгнати оттуда російскіи войска. Австрія, Франція, Англія и нѣкоторыя нѣмецкіи державы, забывши, чѣмъ они обязаны императору Александру, во время того же конгресса составили межи собою отдѣльный тайный договоръ, щобъ общими силами не допустить соединенія Польши съ Россією. (Теперь, коли уже прошло правѣ

*) То событіе въ связи съ другими обстоятельствами достойно вниманія для насъ, потому що оно было причиною, що юго-западная Россія была оставлена въ прежнемъ положеніи до 1831 г. — Очевидный свидѣтель того событія, покойный канцлеръ графъ Н. П. Румянцовъ, розказывалъ о томъ своимъ приближеннымъ, отъ которыхъ и мы сей разъ слышали. — Авт.

поль-столѣтія отъ того договора, не знаешь: радоватися ли, или сѣтовати должно на то, що тѣмъ державы не успѣли настояти на исполненіи своего намѣренія) Александръ исполнилъ то, що обѣщаль Полякамъ, и — Варшавское княжество (за исключеніемъ Познаньской области, отшедшей къ Пруссіи, и Кракова, объявленнаго вольнымъ городомъ) было присоединено къ Россіи подъ именемъ королевства, или говоря правильнѣе по — славянски, подъ именемъ царства польскаго*) Вѣднѣнскій конгрессъ рѣшилъ, що царство польское присоединяется къ російской имперіи съ неограниченнымъ правомъ всеросійскаго императора дати ему учрежденіе такое, какое онъ самъ заблагорозсудитъ.

Александръ I. имѣлъ полное право, раздѣливши Польшу на вѣлька російскихъ губерній, сплотити ю въ одно тѣло съ Россією, — и благороднѣйшіи Поляки, якъ то ни горько было имъ, сами тогда по-тихоньку признавались, що въ томъ состояло единственное средство сдѣлати ихъ счастливыми — хотя бы даже противъ ихъ воли. Но Александръ даровалъ Полякамъ, 12 Декабря 1815 года, учредительную хартію, и хотя за то получилъ отъ нихъ единогласное названіе „воскресителя Польши,“ однако въ самомъ томъ названіи Поляки сами собѣ произнесли приговоръ: ибо мертвыи воскреснутъ колисъ только на страшный судъ Божій, а иначе теперъ не воскресаютъ. — Якъ бы то ни было, но Поляки сами собѣ правѣ не вѣрили отъ радости и восторга, получивши новсе бытіе.

Александръ I. отказался отъ всѣхъ коронныхъ имѣній, принадлежавшихъ лично ему, яко королю польскому, и обратилъ ихъ въ государственныи: равномерно и всѣ доходы королевства предоставилъ въ пользу Польши. Для учрежденія въ Польшѣ національнаго банка, онъ даровалъ свои собственныи капиталы, и тѣмъ содѣйствовалъ быстрому развитію всѣхъ отраслей промышленности. Устроилъ въ Польшѣ армію, арсеналъ, университетъ, гимназіи и обводовыи училища. — Поля, осушенныи каналами, покрылись въ Польшѣ богатою жатвою; села и города обстроились, и по всему пространію царства возникли фабрики; обиліе и довольство сдѣлались въ царствѣ повсемѣстны. Законы, дарованныи Александромъ, водворили въ Польшѣ правосудіе, тишину и всеобщую безопасность. Въ 10 лѣтъ царствованія Александра благословеннаго народонаселеніе царства польскаго правѣ удвоилось.**)

*) Слово король *król, król*, произошло отъ имени Карла Великаго (*Carolus*). Собственное имя сдѣлалось нарицательнымъ. — Авт.

**) Императоръ Николай I. началъ свое царствованіе въ Польшѣ такимъ благодѣніемъ, на которое не рѣшился Александръ — еи воскреситель. Онъ призналъ, въ лицѣ Европы, еи автономію, торжественно короновавшись въ Варшавѣ короною польскихъ кордеи, и Польша за то отблагодарила ему 1831 годомъ. — Авт.

На исторіи позднѣйшого времени лежить обязанность розказаги : якъ воспользовалась Польша такимъ благосостояніемъ подъ мирною сѣнью своей единоплеменницы — Россіи, и якъ она опередила и превзошла даже Австрію въ благодарности за благодѣнія.

Также исторія должна буде розрѣшити и слѣдующій вопросъ : що то — за народъ такіи російскій, который все терпитъ и переноситъ отъ своихъ недоброжелателей, и неблагодарность и клевету, и ненависть, и брань, и даже выстрѣлы изъ-за угла, да не только переноситъ, но еще иногда и самъ якъ будто подтакиваетъ всѣмъ, устремленнымъ на него, оскорбленіямъ, — поглаживая свою бороду и говоритъ, осклобясь: „такъ-съ, такъ-съ, много благодарны за ваше вразумленіе, — мы дѣйствительно не стоимъ добраго слова, да и что добраго въ насъ есть? Вотъ вы, съ западной Европой такъ ужъ подлинно сказать — вы наши отцы и благоутѣли, вы и насъ наставите на путь истинный“

Що то такое? „простота ли хуже воровства?“ — или що либо-другое перозгаданное? . . .

Після И. Кулжинского.

ЧЕРВОНАЯ РУСЬ ВЪ ЧАСАХЪ ПРЕДЪ-ИСТОРИЧНЫХЪ.

Исторія Червоной Руси починается властиво съ ей удѣльнымъ княжествомъ, позавигнутымъ по смерти св. Владимира, а стоявшимъ черезъ довѣй чась въ бѣльшой или меньшей зависимости отъ прочой Руси.

Въ моей расправѣ: „Уваги на статію: Выводы о початку имени Русь“ старався я вывести неславянскость назвы „Русь,“ и указати на се, що она была бѣльше державною назвою для рѣзныхъ народѣвъ и народностей, вшедшихъ въ составъ варяго-русского государства. Но кромѣ сей чужой „русской“ исторіи, мала Червона Русь, вѣтъ була подбитою Рюриковичами, свою пигому, власну исторію, котру мы, яко неописану Несторомъ, относимо до часѣвъ предъ-историчныхъ, сягаючихъ ажъ до р. 1000 по Хр.

Лишень кѣлька и то глухихъ и неясныхъ споминѣвъ добѣгае насъ изъ той заслоны старины, а основной цѣлости еще не можна уложити; для того и престоющая статія не може бути чѣмъ иннымъ, якъ лишь грудкою до просторонѣйшихъ изслѣдованій.

I.

Нинѣже — ревнуйимъ тому вси, у сихъ земляхъ и передъ чужими языки дай имъ Богъ честь свою взяти.

В. князь Изяславъ.

Отколи народъ, зовущійся нинѣ Славянскимъ, переселился до Европы, отъ-тогда слывъ ѡнъ подъ загальною назвою Венетѡвъ или Гене-товъ въ исторіи. Назвою тою припоминае ѡнъ оную азійскую Индію — Гиндусъ, зъ котрой вылягся весь рѡдъ. человѣческой, и зъ котрой народъ Славянскій початокъ бере. Въ шестомъ доперва вѣцѣ по Хр появилося имя „Славянъ.“ Іорнандесъ, писатель сего вѣку, въ своемъ дѣльци: „De rebus Gothicis“ cap. 5. пише: Vinidarum natio populosa, quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutata, principaliter tamen Sclavini et Antes nominantur; а на инѡмъ мѣстци (cap. 23): Ab una stirpe profecti tria nunc nomina reddidere: Venedi, Sclavini, Antes. — Тымъ отже способомъ за часѡвъ Іорнанда (nunc), три були головні назвы Славянскіи въ 6. вѣцѣ: Venedi, Sclavini, Antes. Где лежали Venedi, где Sclavini, а где Antes? . . .

За Антѡвъ исторія знае. Мешкали они въ давной Даціи и Скнеи, надъ Днѣстромъ, Днѣпромъ около Чорного Моря: були про тое „Славяне восточні.“ Венеды були-то „Славяне западні,“ сусѣдующї съ Нѣмцями и Игаліянами, т. е. зѣмченї Славяне надъ-Лабяньскіи, зѣмченї Славяне нинѣшней Австріи (Vindo-bona) и наднѣмченї Славяне въ Чехіи, Моравіи, Ствріи, Корутаніи, Краинѣ и пр., знанї у Нѣмцѣвъ, по часи еще и доси, подъ именемъ „Вендѡвъ, Вѣндѡвъ.“ — По-середу межѣ Венедями и Антами жили самї „Славяне.“ Іорнадъ ихъ границъ такъ описуе: Sclavini a civitate Novi et Sclavino Rumunnense et lacu, qui appellatur Musianus usque ad Danastrum et in Boream Vistula tenus, commorantur. Ученї разбираючи тіи слова Іорнанда, выпускають выраженіе Sclavino Rumunnense и относятъ слова Civitate Novi надъ Дунай, а слова lacus Musianus до Мизіи. Іорнадъ вымѣняючи рѣки Danastrum, Vistula бувъ бы безсомнѣнно и рѣку Danubius замѣтивъ, еслибъ его мысль була, чертати южніи границъ Славянъ.

Мы, насупротивъ, его слова розумѣемъ о сѣверныхъ границяхъ Славянъ, и то въ смыслѣ наступуючомъ: „Славяне мешкають отъ Новгорода и Славянскаго Риму и отъ озера званого Муйско (Ильмень*) — ажъ до

*) Нынѣшне озеро „Ильмень“ звалось въ старовину „Ильмеръ.“ Несторъ пише: „Славяни же сѣдоша около езера Ильмеря прозвашася своимъ именемъ, и сѣлаша градъ, и нарекоша и Новгородъ.“ . . . и пр.

Дябстра и ѿгтакъ сѣверомъ ажъ по Вислу.“ Такъ отже Civitas Novi бувъ бы Новгородъ; Civitas Sclavino Rumunpensis бувъ бы Римъ, споминаемый въ летописяхъ на сѣверѣ Руси и для различїи отъ италїанскаго Риму званый Юрнандомъ „Римомъ Славянскимъ;“ а lacus Musianus було бы озеро „Муйско“ (Ильмень). П Костомаровъ въ одной изъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ „Основы“ за рокъ 1861 споминае, що нынѣшне озеро „Ильмеръ“ носило въ старовину назву „Муйска.“ Отжежь lacus Musianus не буде ничъ иного, якъ озеро Ильменское, тымъ болѣше, що некоторы списки Юрнанда вмѣсто Musianus, мають Halmuris т. е. Несгорове Ильмеръ.

Такимъ аломъ назва Славянь, возникшая въ шестомъ вѣдѣ, удомашнилася найперше въ той частї Славянь, мешкаючихъ межъ Вислою и Дябстроу на сѣверѣ ажъ до Новгороду; то есть, именемъ Славянь обдѣмалась нынѣшна Червона Русь, Волянь, Бѣла Русь, Мазовїи и пр. по Вислу. — Однакко Славяне тїи за Юрнанда рѣзнь прибрала именз: quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutata. Якии отже могли бути тїи nomina относительно мешканьцѣвъ Червонной Руси, Бѣлой Руси, Волянь, Мазовїи и пр? Отвѣтъ не трудный — На сѣверѣ отъ Карпатѣвъ знаходимо еще въ семомъ вѣдѣ два великїи, обширнїи края. Суть то Belo-Chrobatia и Belo-Serbia, лежащїи въ сусѣдствѣ, одно коло другого, а описанїи царемъ греч. Константиномъ Багрянороднымъ.

О Хробагахъ и Сербгахъ нынѣшнихъ за-Дунайскихъ пише Константинъ въ росправѣ De administrando imperio слѣдующе:

I) Chrobati, qui Dalmatiae partes nunc inhabitant, a Chrobatis baptismi expertibus, qui et albi appellantur, originem ducunt; qui saepe ultra Turciam prope Franciam incolunt, et Sclavis contermini sunt non baptizatis Serviis. Chrobati autem dicuntur lingua Sclavorum, id est terram multum (πολλήν χωρὰν) possidentes (caput 31). — Magna autem Chrobatia quae etiam alba cognominatur, in hodiernum usque diem sine baptismo est, quemadmodum et finitimi Servii... navigia ad mercaturam (non) habet, utpote a mari remota, a quo quidem triginta dierum itinere distat. Mare autem, a quo totidem dierum itinere distat, illud est, quod nigrum appellatur (caput 31). — II) Scien-dum est, Servios oriundos esse a Serviis non baptizatis, qui etiam albi cognominantur et ulteriora Turciae incolunt in loco ab illis (τοπον παρ' αὐτοῖς) Βοικι nuncupato, cui finitima Francia est, uti et magna Chrobatia baptismi expertes, quae etiam alba cognominatur. Illic igitur initio Servii hi habitabant. Principatu autem Serviae a patre ad duos fratres devoluto, alter sumpta populi parte dimidia ad Romanorum imperatorum Heraclium confugit, qui et excepto loco ad inhibendum, dedit in Thessalonicae themate, qui ex eo tempore (τα Σεβλιαν) nuncupatur. . . Czervulianos (Σεβουλιανους) vocamus, qui ita viliter ac pauperum in modum sunt calceati. . . ab Heraclis, cui subjecti erant, baptisati fuere. — (caput 42). — Zachlumi dieti sunt a monte, Chlumo nuncupato;

et alias Sclavorum dialecto Zachlumi dicuntur, ii qui post collem habitant... Venit autem posteritas proconsulis... a non baptizatis accolis fluminis Vislas, qui vero Ditzike cognominatur, habitavitque ad flumen Zachluma nuncupatum (caput 33).

Смысл оной реляціи есть слѣдующій: Такъ нынѣшніи Кроаты якъ и Сербы за-Дунайскіи походятъ огъ Хорватѡвъ и Сербѡвъ некрещеныхъ, жиющихъ зъ тамтой стороны Угорщины (ultra Turciam) на пограничю Фраккіи. Кроаты вийшли зъ Великой Хорваціи или Бѣлой Хорваціи (magna Chrobatia, quae etiam alba cognominatur), а Сербы зъ Бѣлой Сербіи, лежащей въ краю Бойкѡвъ коло Вислы надъ рѣкою Дичка. Сербы зовутся такожъ Сервляне, *Σερβουλιανοί*.

Где лежала Велика Хорвація, а где Велика или Бѣла Сербія? Хорваціи бѡльше було, а всѣ они по-при горахъ Карпатскихъ упоминаются. Знае ихъ бѡльше Константинъ Багрянородный, знае ихъ бѡльше Несторъ, знаютъ о нихъ западнй писатель, знаютъ о нихъ и угорски кронки. Дивнымъ способомъ Кроатѡвъ за-Дунайскихъ выпроваджують нынѣшнй писатель изъ нашей Восточной Галичины, зъ Червонной Руси, въ когрой колись-то мала лежати Хорвація Червона. А однако Хорвація Червона и не существовала на свѣтѣ. Иня то есть утворомъ пѡзднѣйшого часу, и здаеся выимпровизо-ване для того, абы назву Червонной Хорваціи вытолковати. И Несторъ знавъ Хорвацію въ нынѣшной Галичинѣ, пѡдбигу Олегомъ и Владимиромъ В., многократно борющуюся за свою самостоятельность противъ наѣзничихъ пѡдобоямъ князѣвъ Рюриковаго роду. Но кромѣ той Хорваціи Галицкой знавъ Несторъ еще и о иныхъ Хорватахъ Бѣлыхъ, а власне зъ той Бѣлой Хорваціи, отже не-Галицкой, походятъ Хорваты надъ-Дунайскіи. Тая Бѣла Хорвація простягалася на пѡвнѡчь огъ гѡръ Хорватскихъ или Карпатскихъ ажъ до жерель Лобы (Ельбы) и мала за свою столицю городъ Кракѡвъ. — Нынѣшнй писатель польскій мѣшають исторію свою зъ исторією Кракѡвскихъ Хорватѡвъ. Но Кракѡвъ исконно не бувъ польскій; ѡнъ навѣ свою ѡгробну исторію, дѣлавъ судьбу Чехѡвъ, Руси и Польши, и ажъ на коньци бувъ здобутый оружіемъ великопольскихъ князѣвъ, що Пражмовскій въ своей респравѣ „о дѣписателяхъ польскихъ“ стр. 31 такъ выводитъ: *Od początku Monarchii (podług Wincentego Kadłubka) Kraków był siedliskiem królów. Bogufał i późniejsi, którzy o Lechitach piszą, Gniezno pierwszą stolicą mienia. . . Marcin Gallus zaczynając historią od Ziemowita, poprzednikowi jego Popielowi II mieszkanie w Gnieźnie naznacza. Te dwie stolice nie każał się domyślać dwóch oddzielnych narodów? Gdy Chrobaci utracili udzielnych królów, przestali mieć u siebie stolicę i zaszczyt ten do zwycięzców się przeniósł.*

Хорватскій Кракѡвъ утративши свою самостоятельность пѡйшовъ подъ панованье разъ Чехѡвъ, разъ польскихъ Ляхѡвъ, и не ливъ, що исторія

Кракова, хотяї старши отъ исторіи Ческой и Польской, вѣйшла въ складъ тыхже найдавнѣйшихъ вѣрвань, якъ и. пр. исторія Премыслава, Ванды, и пр.

Зъ той отже Краковской Бѣло-Хорваціи, простилавшойся на западъ ажъ до жерель Лабы, походятъ за-Дунайскіи Хорваты.

Другій вопросъ есть, зъ-отки походятъ за-Дунайскіи Сербы, и гдѣ лежала за-Карпатска Бѣло-Сербія?

Бѣло-Сербія пѣсля Константина лежала за Угорщиною, въ краю отъ Сербовъ званомъ В. на грядицѣ Франкии, гдѣ рѣки Висла и Дичка плынутъ.

Край Бойковъ есть то нынѣшня Галиція Карпатска, гдѣ жиють еще останки, колишь-то може далеко на пѣвнѣчь розгягающейсѣ Бойкинии, и гдѣ пѣсля Вегилевича въ его стагій о Бойкахъ (въ Часописьмъ ческого музея) есть дѣйствію рѣчка: „Дича“, отповѣдаюча безсомнѣвно оной „Ditzike“ Константина Багрянородного.

Оная Бѣло-Сербія лежала въ сусѣдствѣ Бѣло-Хорваціи, и была за часѣвъ Константина некрещеною. Лежала отже по восточной сторонѣ Бѣло-Хорваціи, т. е. на востокъ отъ Кракова и Вислы, понеже на западъ Хорваціи, якъ и. пр. въ Чехахъ, Моравіи и пр. вѣра Христова меньше-больше уже была водворилась.

Оная Бѣло-Сербія лежала на пограничїю Франкии. Тогда держава Франковъ далеко сягала на востокъ. Константинъ цѣсарь самъ пише (caput 30): *Per aliquot vero annos etiam Dalmatiam incolentes Chrobati Francs subji- ciebantur, quemadmodum et antea, cum in ipsorum terra degerent. Tunc antea stagaes до Бѣло-Хорваціи. Если отже Бѣло-Хорвація съ Краковомъ лежала in ipsorum (Francorum) terra, тогда смѣло мѣгъ цѣсарь-историкъ ска- зати, що Бѣла или Велика Сербія, лежащая на востокъ Вислы, была на по- граничїю такъ Бѣлой Хорваціи, якъ и Франкии.*

Симъ способомъ до Бѣлой или Великой Сербіи належала и наша Чер- вонная Русь. Шафарикъ въ своихъ „Старожитностяхъ Слав.“ говоритъ: „Больше поводѣвъ маетъ, когдѣ первобытну огчину Сербовъ кажутъ намъ глядѣти далше на сѣверѣ по-за Карпатами въ сусѣдствѣ Литвы и Леговъ.“ Зваживши на се, що сербска мѣва много словъ въ собѣ посѣдае, когдѣ ли- товскимъ, старо-прускимъ, финскимъ и бѣлорускимъ языкомъ поясняются, то мы Бѣло-Сербію на велику простороню отъ горъ Карпатскихъ по Вислу, Литву и ажъ по Финляндію рѣстятнути должни. Слѣдовательно занимала таѣ Велика-Сербія въ собѣ: часть Мазовіи, Червону Русь, Володимирщину, Во- льву, часть Литвы, Бѣлу Русь, и може бути Полянщину, то есть, землю Украинно-Кіевскую.

Бѣла Русь сягае далеко ажъ пѣдъ самъ Новгородъ, ажъ до озера Иль- мерского, слѣдовательно границѣ Бѣло-Сербіи були бы тѣже самѣ въ семомъ

вѣцѣ, якъ були границѣ Славянъ въ шестомъ вѣцѣ описанѣ Иорнандомъ, то есть, Бѣло-Сербія приняла насампередъ назву Славянъ.

Бѣлый значить ту тѣлько, шо великій. *Magna autem Chrobatia, quae etiam alba cognominatur. — Chrobati (albi) autem dicuntur lingua Sclavogum, id est terram multum (πολλὴν χώραν) possidentes.* Буквы Б и В въ старославянскѣмъ часто перемежаются. Греки славянское В найотвѣтнѣйшешлишь буквою Б ѳтавати умѣли. Тымъ дѣломъ бѣлый, бѣлый значить тѣлько шо великий или великій, такъ якъ и. пр. Бугъ значить тѣлько, шо Волга, а слово волхвы тѣлько шо боже*). Буквы про тое Б и В собѣ отвѣтствуютъ. (Бугъ (Ungh.) — бугъ; Стере-вижъ — Стере-бугъ, а тое бугъ въ древне-славянскѣмъ посли Шафррика означе по просту тѣлько, шо вода).

Бѣла Сербія означуе отже Велику Сербію. Такъ якъ имя Великой Хорваціи по ей поѳбитью черезъ Польшу промѣнилось на Малу Польшу: такъ и имя Великой Сербіи по ей поѳбитью черезъ скандинавскую Русь промѣнилось на Малую Русь. Имя Сербіи перейшо на имя Руси, котре имя — Русь — сталося загальною, державною, правительственною назвою для рѳжнхъ, часто и несловянскихъ народѳвъ, поѳбитыхъ черезъ наѳзидичу орау норманско-руську и князѳвъ зъ Рюриковаго роду.

Посли славянскихъ понятій всегда державы бѳльши дѣлились на двѣ части, на велику и малу. Такъ була Хорвація Велика, були Хорваціи и Мала. Була Сербія Велика, була безсомѣнно и Мала; була Моравія Велика, була Моравія и Мала за-Дунайская; була Велико-Польша, була и Мала Польша; есть Велика Русь, есть и Мала Русь и пр. — Великій стигаеся всегда до краѳвъ поѳбивающихъ, Мала и до краѳвъ побѳжденныхъ. Не дивъ отже, шо Велика Хорвація, бувша колись поѳбивающею, приняла поѳзѳише, яко поѳбита Польщею, назву Малой Польщи, а Велика-Сербія, поѳбита Русію, назву Малой Руси. Лишь одна часть Бѣлой Сербіи, принявша имено Руса, затрѳмала свой эпитетонъ Бѣлый, и то есть озя три-миліонѳвая Бѣла-Русь.

Имена краѳвей Бѣла Русь, Волинь сугъ загробною надѳписію колишней Великой Сербіи въ тыхъ сторонахъ. Назвы городѳвъ, якъ Белзъ, Волинь, Бѣльскъ, Вильно, Вѣла, Бѣлогородъ и пр. также, здаеся, сугаютъ еще часѳвъ давней Великой или Бѣлой Сербіи, которой остаточный ударъ навѣвъ Володимиръ Великій. Преданья нынѣшней народній о великихъ людахъ, мешкавшихъ давно ще на Малой Руси, мають такожъ свою поѳставу. Дармо силкуются россіиски археологи въ могиллахъ Украинны ѳгребати оставы (шкелеты) великолюдоѳвъ; пусте и ѳкрытие Грабовского въ его „Україна“, шо такіи

*) Бугъ мае за корешъ блг, а Волга корешъ влг; волхвы (волшебники) означуе ворожѳтѳвъ, а слово богъ походитъ отъ санскритско-индіиского слова бга, котре означуе также ворожити.

кости великолюдовъ еще нынѣ обрѣтаются въ земли: — намъ преданье народне о великихъ людахъ (пѣдираючихся сосною), выдаеся огромною байкою, котра, здаеся, утворилась изъ зле зрозумѣлой старожитности, зъ забытыхъ часѣвъ.

Владѣтели Бѣликой Сербїи звалися великими жупанами; владѣтели Кїевскїи звалися великими князьями; царей росїйскихъ еще до днесь зове Московскїи людь „бѣлымъ“ т. е. великимъ царемъ: не дивъ отже, що давну велику Сербїю, давний Волинь, народъ заселивъ собѣ великолюдьми. Не велико-люди були причиною назвы краевой, н. пр. Волиня, але насупротивъ изъ Волиня, котра назва правильно зъ исторїи вывестися дасть, уросли байки о великолюдяхъ и смѣ подобныхъ чудовищяхъ.

Изъ всего доси сказаного явствуе, що Бѣла-Сербїя дотыкала самыхъ гѣръ Карпатскихъ; она занимала велику часть нынѣшней Галицкой Руси, занимала Волинь, часть Мазовша, часть Украины, и цѣлу Бѣлу Русь, котрой послѣдней свое имя зѣставила. — О Сербяхъ, Руси данъ платячихъ, звавъ и Константинъ Багр. пишучи въ главѣ девятой (de administrando imperio): Principes . . . Russorum . . . proficiscuntur — in Sclavica loca . . . Drugubitarum, Cribitarum, Serviorum et reliquorum Sclavorum, qui Russis tributarii sunt. — Servii суть ту вымѣнены по-при Кривичахъ и Дреговичахъ, мешкали отже гдесъ-то на литовской и на Бѣлой Руси. А въ тїи стороны кладе ихъ также греч. писатель Лавникасъ Халкокондиласъ, споминаемый Шафарикомъ, и оповѣдающїи такъ: „Трибаль (т. е. Сербы) прїишли далеко зъ краю, що зъ тамтой стороны Истру (т. е. Дунаю) на краю Европы лежить, зъ Хорваціи и зъ краю Прусъ мешкаючихъ надъ пѣвночнымъ моремъ, якоже и зъ Сармаціи, котру на нынѣшней добѣ зовемъ Русїю.“

Сербѣвъ зовуть рѣжнїи писателѣ Трибалими. И шожесть оная назва Трибалѣвъ? — Давно еще, а то передъ и по рождѣствѣ Ис. Хр. знаходимо въ давней Славяно-дацкой державѣ (Бессарабіи, Молдовѣ, Волощинѣ и пр.) племя дакїйское Трибалѣвъ. Коли по розгромѣ Дакїи черезъ императора Траяна, перекинулася люднѣсть Дакїи на сѣверо-востокъ Европы, тогды о Трибалихъ дакїйскихъ уже воспоминки не находимъ. Конечно по переселенью на сѣверъ, перенеслося и имя Трибалѣвъ туды. Переходячи рѣжнїи назвы племеннїи, пѣдъ якими Несторъ переселяючихся зъ полудня Славянъ вымѣняе, здаеся, що Несторовїи „Дрѣвляне“ отвѣтствуютъ онымъ давнѣйшимъ Трибалиямъ или Триваліямъ. Може про тое бути, що межї Сербями, переселявшимися зъ Бѣлой Сербїи за Дунай, находилися и тїи Дрѣвляне, и що такъ назва Тривалѣвъ или Трибалѣвъ назалъ воскресла. Здаеся, що нынѣшня область Сербска Тервунїя, есть отгомонѣмъ рускомъ Деревлянщини, такъ якъ области Сербскїи Захлюмїя, Дукляньско и пр., на Холмъ, Дуклю и пр. пригадують.

Після Константина Багрянородного зъ Бѣлою Сербію за Дунай перейшла *populi pars dimidia*: то есть половина людности краевой.

Тимъ способомъ, якъ зъ одной стороны цѣхи племеннй Сербовъ и Русиновъ повиннй еще до днесъ доховатися вѣдѣльними, такъ зъ другой стороны должны Мала Русь и Бѣла Русь по выходѣ половины людности значно вылюднитися, — що и указати можно.

Г. Лавровскій, Професоръ университетскій въ Харьковѣ, въ своемъ „Обзорѣ“ указавъ на нарѣчевій подобія мало-русской и сербской мовы. Исторія Малой-Руси и Сербіи, есть безпрестанною борьбою за вольность, народность и вѣру, ведена довги вѣки Русію противъ наѣздничой Польщи, а Сербією противъ Турціи, а ведена народомъ самимъ. — Но бѣльша цѣха вѣдѣльной, колишною національности лежить въ неписаной литературѣ обоухъ племенъ. Щобы довго верозправляти, приводимъ тутъ мнѣніе писателя *ex professo*, трудившогося порѣвнаньемъ сербскихъ пѣсенъ, приповѣдокъ и загадокъ съ вашими рускими. Въ II. ч. „Вѣнна“ стр. 274, 277, 279 знаходимъ сіи весьма примѣчательнй слова: „Шожъ коли и приповѣдки, ба й загадки тоти сами находимо у Сербовъ (якъ у насъ): та сама гадка, тотъ самый образъ, ти сами слова, ба и та сама недокладность що въ однихъ и въ другихъ.... одна и тотя пѣсня находится у Сербовъ и у насъ; — сіе срѣвнаніе само собою для любителей Славянщины занимательне буде, особливо, же сіи племена мимо долговѣкового роздѣловія и розличныхъ вліаній, столь разительное подобіе въ своихъ прирожденныхъ, простонародныхъ словесностяхъ развили;... що ся сербскихъ загадокъ дотыче, то они и мысляю, словами и образомъ до нашихъ такъ подобни, що думалъ бы-сь, сіи племена и положеніемъ и вліаніемъ окрестностей дуже близки; а однакожь въ истинѣ ни одно (?) ни друге (?), — но якась глубшая неизгѣраема всѣмъ Славянамъ питома одноплеменность вліяла на розвиваніе ихъ ума!“

Двоєкии суть Сербы на нынѣшной добѣ. Суть Сербы за-Дунайскіи и суть Сербы Лужицкіи (*Lausitzer-Serben*). Однй и другіи суть собѣ со всѣмъ неподобни, коли насупротивъ Русины и Сербы во всѣмъ собѣ суть сходнй. Тое подобенство не есть по просту выпльвомъ ихъ вѣдѣльной Славянскости, але скорше давномъ тожсамости и вѣдѣльного пожиття подъ однимъ небомъ.

Що дотычить людности Малой и Бѣлой Руси, то тая по выходѣ Сербовъ была дуже незначна. Такъ и. пр. що до Червоной и Волинской Руси была тутъ тѣлько одна майже велика пустыня о огромныхъ лѣсахъ, непереэриемыхъ поляхъ и дикихъ борахъ. Коли по завоеванью славянскихъ земель черезъ Рюриковичей князь по людныхъ мѣстцахъ оствѣдали, до Галицвой и. пр. Руси князь не квапилися панувати. Були тутъ лише овьи таинственныи Червеньскіи города, нѣбы розбитки якогось незнамого въ исторіи Чер-

венського люду. Першіи Галицько-руські князь, Володарь, Василько^{*)} и прочіи, вели наемними и домашними дружинами битвы съ заходною Польщею, порывали людность чужихъ земель и осаждали яко пльнниковъ на своихъ земляхъ. Поробываючи безлюдий край Милой и Бѣлой Руси съ залюдненными краями сусѣднои Польщи, конечно припустити повиннисьмо, що тутъ на Руси якась бурная эпоха край зъ людности поглотила. И гдѣжь она затратилась?

W ówczas (około czasów Kazimierza W), powiadae Шайноха въ статіи: „Zdobycze pluga Polskiego:“ cała przestrzeń szerokiego państwa Piastów i Jagiellonów dwa dziwnie różnobarwne ma lica. Zachodnie strony krakowskie, sędomierskie, Mazowsze, Wielkopolska i Prusy zasiane są wsiami i miasteczkami, roją się tłumną ludnością, brzmia gwarem pracy we wszystkich zawodach życia. W porównaniu z odwieczną mnogością tych zachodniopolskich siół i miasteczek cóż za pustynia we wszystkich stronach państwa — w tak zwanej Rusi Czerwonej, na Podolu i w Ukrainie! Tam oprócz kilkunastu starodawnych grodów stołecznych załedwie tu owdzie rzadkie miasta i zamki, opasane niewielkimi wyspami nieco osiadlejszej krainy. Zresztą puste wszędzie obszary, nieprzejrzane blonia o czerwcowym krzewie w Rusi halickiej, odludne jary z tatarskimi gdzie niegdzie zgliszczami na Podolu i trawne oczerety a stepy ukraińskie. Ztąd kiedy władającemu tu królom polskim przyszło wydzielać darowiznę ziemską w tych stronach, był to zazwyczaj ogromny kawał pustego kraju, na którym później stanąć miały przemogie wsie i miasteczka. — Z trzynastu obwodowych miast dzisiejszej austriackiej Galicyi, które niegdyś należały do województwa ruskiego, belzkiego i podolskiego, tylko trzy stare grody Lwów, Przemyśl i Sanok znane były jako miasta za Kazimierza W. Wszystkie inne nastaly dopiero za dalszych rządów polskich, po większej części na całkiem pustym gruncie etc.

Тую безлюдность русскихъ сторонъ тогда лишь собѣ вытолковать зможемъ, если повесть Константина о выходѣ Сербовъ зъ Бѣло-Сербіи отнесемъ до Руси сусѣднои съ Польщею и Литвою.

III.

Однакомъ, що то були за Червеньскіи города? Що значить назва Червонои Руси? и якіи поводи були до битвъ, котріи довгий часъ велися межъ Русію и Польщею о посѣданье Червеньскихъ городовъ?.. На тімъ важніи вопросы приходитъ намъ отповѣдати предовсѣмъ.

*) Слова князя Василька: „Зиною виступю, ятотъ завуюю Польшу. Земля у насъ не богата жителями: пойду на Дунайскихъ Болгаръ и пльнниками населю ся пустынь.“

Мешканць нинѣшной Червоной Руси обрѣгаюся на той земли огь незапамтныхъ временъ. Несторъ, вымѣняючи рѣжны племена Славянски зъ полудня на пѣвнѣчь, переселяющися до Польщи и Россіи, не мѣстятъ жадныхъ переселяющихся Славянъ на нашей Червоной Руси. Суть про тоє Славяне Галицкіи гугъ aborigines и уже яко таѣи знаѣи Геродотови, котрый всю майже Русь зрѣвъ замешкану Скигами, окрѣмъ мешканьцѣвъ около жерель Днѣстра, котрыхъ зове Неурями, а Неурями тѣи или Нуриями суть племена Славянскаго.

Несторъ вымѣняе вправдѣ новыхъ поселенцѣвъ нядъ Днѣстромъ, зовучи ихъ „Тиверцями и Угличами“, но тѣи мешкали далше къ Черному Морю въ такъ званої (огь Грековъ) великой Скуфии или Скифии. Тиверцѣ отповѣдають Геродотовымъ Тири-гетами, то значить Гетамъ (Антамъ?) зъ нядъ Днѣстра (Tiras). Где лежали Угличи? неизвѣстно. Баварскій географъ зъ 9. вѣку зове ихъ „Unlizi“. Беручи назву „Угличѣвъ“ въ сѣ происхожденью огь слова „уголь-кутъ“, може бути, що край Угличѣвъ сходится съ нинѣшнымъ „Покутьемъ“, когре въ другѣмъ вѣцѣ принадлежало до Славяно-Дацкой державы, и за Траяна принаймѣи, завоевателя Дації, принадлежало до складу римской имперіи, що и рѣзнии въ тыхъ сторонахъ выкопаны монеты римскіи стверджають.

Въ другѣмъ и третѣмъ вѣцѣ по Хр. орды Кельтицкіи пѣдъ именемъ Боевъ зъ крайного Западу съ огнемъ и мечемъ посувалися на всхѣдъ Европы, и доперли досыть скоро ажъ въ околѣцъ Днѣстра и дольного Буга. По нихъ то ослались назвы: Воjo-heria (Чехи), Воjo-aria (Баварія), и Галицкіи Бойки. Нинѣ число Бойковъ считаемъ на 60.000; конечно оно колясь бѣольшое було. Ихъ знавъ императоръ Константинъ, зъ краю Бойковъ вышшли нинѣшніи Сербы, осады кельтицкихъ Боевъ розкиненіи скрѣзь по цѣлой Галичинѣ. — Чи нинѣшніи Бойки суть исконно Славянами, чи суть то поселенць Кельтовъ? не знати. Бойки скорше всѣхъ, а нежъ себе самыхъ зовуть тымъ именемъ; имя Бойка есть ненавистне и ругательне въ краю. Бойки съ Гуцулами стоятъ въ родовой ненависти; типъ Бойка а Гуцула есть о много розличный; — съ тымъ всѣмъ тримають Бойковъ за поселенцѣвъ Кельтицкихъ. Нинѣшніи Галицкіи осады: Кенты, Конты, Куты, также пригадують намъ стародавнихъ Кельтовъ. На яскинѣ Розгорецкой (Розгѣрче, въ наѣстничествѣ Болахѣвскомъ) розчитавъ якийсь дописователь до „Часописма Ческого Музея“ кельтицкіи буквы и слова. Зъ того видно, що напиль Кельтовъ и Боевъ до нинѣшной Галичины мусѣвъ бути великій и мѣгъ на Галицкихъ Бойкахъ свое имя позѣоставити. Найправдоподобѣише вяжеса имя Покутъя до оныхъ Кельтовъ. Гдекотри выводятъ имя Покутъя отъ выразу „покутовати“, якобы тутъ було мѣстце выгнаныя въ римской имперіи. На Покутъю также маеса знаходити Овидова гора, и пѣсла гдекотрыхъ, проживавъ римскій поегъ Овидій тутъ на заточенію. — Но тоє

маїніе не естъ имовѣрне. Мѣсце выгнанья въ римской державѣ була сторона надъ Чорнымъ Моремъ. Гѣръ Овидовыхъ имемъ бѣльше въ Славяньщитѣ; здаеся, давне слово „овидъ“ ознячало тѣлько, що „видѣть, проздрѣ“, ожежь гора Овидова естъ то гора далековидна, прозорна.

Сусѣды Бойковѣ сугь Гуцулы. Имя Гуцуловѣ выволятъ глекотрѣ отъ слова „кочуль (?),“ якобы Гуцулы ознячали народѣ кочовничій (?), инны отъ старинного несловянского народу Узѣвъ, явлюющогося въ исторіи за часѣвъ князей рускихъ — и то уже въ досытъ пѣздномѣ времени. Но тѣи гипотезы не сугь вѣроятни.

Людѣ Гуцульскій, мешкаючій въ Галичинѣ и Буковинѣ, сягае своимъ числомъ до 100.000. Така группа народна, стояча на сторожѣ Славявъ противъ румынского элементу и обороняюча границѣ славянскихъ передѣ напоромъ румынской стихіи, муситъ бути исконно славянська. Люднѣсть стотысячна, явлючяся нынѣ на-вскрѣзь славянскою, не могла на-скоро зѣсловяньщитися, и стѣ-разу оборонитися отъ иноязычной навалы. Еще до днесѣ селенія Гуцуловѣ добѣгають Мольдавской Сучавы. Колясь може и дальше доходили. На такой пространи розложена славянська люднѣсть, муситъ мати свой историчный початокѣ.

Давна Дація пѣсля новѣйшихъ изслѣдованій була безсомнѣнно славянскою. По ей пѣдбитью черезъ Траяна помѣшлася римска люднѣсть зѣ Славянскою и утворила съ часомъ румынску (волоску) національнѣсть. Но давна Дація сягала дальше, а нежь нынѣшній румынскій элементъ. Часть нынѣшней Галичины, Подолье, Украина, часть Херсону слухали господства вождя Дакійского Декебала. До Даціи належали Карпы, обывателѣ гѣръ Карпатскихъ. Дацѣе племя „Бессѣвъ“ зѣоставило имя свое въ Бескидахѣ. Коли Дація покорилаь Траянови Римскому, Римѣ заволѣдѣвъ частію восточною нынѣшней Галичины, частію Подѣлья и частію Украинѣ. Около Канева въ Украинѣ еще до днесѣ естъ огромный валъ земный, зовеся валомъ Траяна. Въ людѣ украинскомѣ доховалася памятка о Траянѣ, королю Ермлянскѣмѣ, се естъ Римлянскѣмѣ. Въ нынѣшномѣ Покутью Галическѣмѣ знайдени монеты пригадуютъ римскихъ владѣльцѣвъ въ тыхъ сторонахъ. Сама назва „Коломыя“ пѣсля глекотрыхъ мала ознячати римску „колонию“ т. е. городъ розсадный.

Зѣ того видно, що Буковина и часть Галиціи (Покутье, Гуцулы) принадлежали до давного составу Дацкои державы. Даки звался также Гетами. Имя Дакѣвъ и Гетѣвъ мѣшаеся черезъ всю исторію давной Даціи. Здаеся, що имя Гетѣвъ було народовѣ. А назва Гетѣвъ буде лишь варіаціею давныхъ славянскихъ назвъ: Генетѣвъ, Венетѣвъ, Антѣвъ, Вѣндѣвъ, Вятичей (у Нестора) и пр. Назва Гуцуль повстае зѣ кореня Гуц- и изъ румынского артикулу: -уль или уль, отповѣдающогореческому о', ѣ, тс. Здаеся, що назва Getuli отповѣдае назвѣ „Гупулѣвъ.“ О тыхъ Гетуляхъ знаемъ

зь исторіи, що они съ Гепидами воювали около шестого вѣку близь мѣста Galtis. Galtis отповѣдає мѣстови Галичъ. Галичѣвъ було три въ исторіи: нынѣшнє мѣсто Галичъ въ Словаччинѣ, зване Мадярами Гачъ, нынѣшній Галичъ въ Червоной Руси, и малый Галичъ, или такъ теперь званый Галачъ въ Молдавіи. Битва сточена Гетулями коло Галича, дає намъ домышлятися, що давній народъ Гетульовъ, есть нынѣшній людь Гупульскій, — а на оборотъ, що Гуцулы суть Гетулями, то есть единымъ народомъ, доховавшимъ назву Гетовъ, хотяи въ збсуптой формѣ, ажъ до нынѣшного дня.

По-при старожитныхъ назвахъ Бойковъ, Гуцуловъ и Покутъя еще добгають насъ и инны назвы племенныи що до мешканцѣвъ нашего краю. Уже Геродотъ знає племя Нуриянь близь жерела Днѣстра, по-при Нуриянахъ знає Сабаровъ, а надъ Днѣстромъ еще и народъ Гализоновъ. Давна гипотеза относила початки мѣста Галича до того народу Гализоновъ. — Чась основанія Галича неизвѣстный; онъ споминаеся въ лѣтописи подъ р. 1141. Нашъ лѣтописецъ обвѣщавъ оповѣсти о початкахъ Галича, однако или не писавъ, или его повѣсть не дійшла нашихъ часовъ. Онъ споминає лишень о „Галичиной могилѣ.“ Въ приобвѣщаной черезъ него росправѣ о Галичу, бувъ бы безсомнѣнно основаніє Галича отиѣсь до той „Галичиной могилы,“ до якоїсь историчной особы „Галичина,“ котрый бувъ якимсь-то може княземъ, або хоробрымъ рыцаремъ; такъ якъ-то Несторъ споминає о Кію основателю Кіева, а польски кроняки о Краку основателю Кракова. Подобныи мнѣи опѣвалися всѣми середновѣчными писателями. Такъ и. пр. о Французахъ (франконьской державѣ) розсправляли, що ю заложивъ якійсь родоначальникъ Франкъ, коли насупротивъ подъ тымъ именемъ Франка, скрывався народъ франковъ или якъ Греки писали *φράγγων*, а послє рускихъ лѣтописцѣвъ Варяги. Такъ подъ именемъ давного Руса скрывався народъ скандинавскій Русеовъ, подъ именемъ Леха (родоначальника-князя польского) скрывалася орда набзанича Ляховъ-Скандинавцѣвъ и пр.

То само тримати належитъ о Галичинѣ закладнику Галича, о Кію закладнику Кіева, и о Краку закладнику Кракова. Не отъ Кіева поїшла назва Кіянъ (Кіевлянъ), не отъ Кракова назва Краковянъ, не отъ Галича назва народна Галичанъ; але насупротивъ Кіяне, Краковяне и Галичане були закладниками своихъ городовъ Кіева, Кракова и Галича. Вопросъ толькю заходить, кто були Кіяне, кто Краковяне, а кто Галичане?

Мацѣвскій розставивши своихъ Ляховъ по цѣлой Европѣ, думавъ, що польска провинція Куявы, а область Кіевска будутъ одного и тогоже самого проихожденія. Но се байка. — Мѣсто Кіевъ, писалося въ старину также Chіoba. Греки въ давной Скитіи мали свои колоніи, особливо островаи греч. посѣдали свои розсадны городаи далеко надъ Чорнымъ Моремъ. Еще до нынѣ близько Кіева выкопують въ земли розныи греч. роботы. Зваживши на то, яко и на выраженъє Chіoba, признаемъ, що Кіевъ бувъ осадюю

греческого острову Хіосъ, що отже підъ именемъ личнымъ Носторового Кія, скриваєся ния народне Кіянъ или Хіянъ, то остъ осадниківъ острова: Хіосъ. — Такъ само підъ именемъ Крака скриваєся народъ Краковскій или Хорватскій, а підъ именемъ Галичина, основателя Галича, скриваються Галичане или овми Геродотовіи Гализонн.

Може такожъ бути, що Сабары були основателями Самбора, помеже вьвдѣ Самбора отъ „борѣвъ“ не выднеся имовѣрнимъ бути.

Нынѣшня назва Червоной Руси, наложена на Галичину, не есть властива. Червона Русь властиво простягалася межъ Днѣстромъ и Сяномъ и занимала часть Западного Волянн. Такъ, якъ Галичане мали свою столицю Галичъ, Краковнне (Хорваты) свою столицю Краковъ, Воляннне столицю Волянн, такъ мала Червона Русь свою столицю Червень. Зъ гдекотрыхъ датъ историчныхъ, можна положенне давного Червеня опредѣлити. — Лѣтопись упоминае Червень по-при Перемышлю, а списуючи подъ р. 1172 интрига, повставшій межъ Галицкимъ Ярославомъ а его женою Ольгою и его сыномъ Владиміромъ, прибавляе, що Владимиръ, бувшій тогда въ Польщи за позволѣннемъ князя Владиміро-Воляннскаго, переселився въ Червень, и зъ-ѣтсѣ противъ отца своего Ярослава Галическаго агитаціи розпочавъ. — Зъ сего видно, що давне, колись-то славне мѣсто Червень, лежало во Владиміро-Воляннскомъ княжествѣ на пограничю Галицкой державы, недалеко отъ Перемышля и близько границъ польской, отже гдѣ-то межѣ Перемышлемъ а Холмомъ — слѣдовательно давна Червона Русь занимала якусь часть нинѣ такъ званого царства польского, сѣгала про тое ажъ до Вислы.

Зѣстае до рѣшеннѣя, яке племя словянське замешкувало тую Червону Русь, зѣ-ѣтки назва Червоной Русіи походить, и якимъ дѣломъ сталася Червона Русь, а особливо Перемышль и пр. поводомъ до довгихъ борѣбъ, вѣдѣныхъ межъ Польщею а Русію о посѣданнѣ того краю?...

Нынѣшній писателъ предовѣстѣ ломать собѣ головы надъ выводомъ рѣжныхъ племенныхъ назвъ славянськихъ. Почавши отъ греч. Цѣсари Константина лопили собѣ голову надъ выясненнемъ назвъ цѣлыхъ десять столѣтій. Отъ того облуду не бувъ вѣльный и самъ Несторъ, пѣсля П. Бѣлѣвскаго Полякъ, котрый легшимъ назвы, якъ н. пр. Полявъ, Дрѣвявъ натягавъ на свое копыто, выводачи ихъ отъ поля (??), дѣрева (!) и пр.; не бувъ вѣльный отъ того и польскій Длугошъ, котрый въ наивной своей исторіи неслыханъ байки о Кашубахъ, Дулѣбахъ, Рутѣвахъ и пр. наплѣвъ; но въ нынѣшнихъ часахъ тая манія дѣйшла до крайности. Такъ н. пр. назву Славянн выводять то ѣтъ якоїсь богинѣ индійско-славянской „Слава“ (якъ Коляръ), то отъ якогось несуществовавшего краю „Славія“, то отъ „слова“, то отъ „слава.“ Гримнѣ здаєся найлѣпше указавъ на вѣдѣльный коренъ въ выраженнѣяхъ „Слав-яне“ и (германскихъ) „Свев-яхъ.“ — Лихѣвъ выводять разъ ѣтъ Лѣха (якъ Шлещеръ, котрый за свою байку и надгороду дѣставъ),

разъ зъ Илврiи зъ краю „Lynkites,“ разъ отъ слова норманьскаго „lagen“ (якъ Шайноха), а Мацѣвскiй Ляховъ въ своей землени розставивъ по цѣлой Европѣ. — Сербовъ выводятъ разъ отъ якогось-то неизвѣстнаго слова „србъ,“ котре мае означати низку болотинисту околицю (якъ Енгель), инни выводили туу назву зъ мовъ ориентальныхъ — азiйскихъ, где „срб“ означае только, що „текучая вода,“ инни отъ „Сарматовъ,“ инни отъ Прокоповыхъ „Споровъ,“ инни отъ „серпа,“ инни отъ санкритскаго „serim,“ Шафарикъ изъ польскаго: *ra-sierbica*; Дубровскiй наконецъ уживъ до выслѣженя той назвы всю свою ерудицию и мотаючися по всѣхъ языкахъ на свѣтѣ, выповѣвъ властивую правду, що при всей своей баданинѣ стойного выясненя до назвы „Сербъ“ найти не могъ.

Признаемъ, що хотяи о Сербяхъ и намъ прiйде еще не разъ говорити, однако въ слѣжене назвы „Сербъ“ нѣ на волосъ не запустимося. Славяне безпрестанно мѣняли свои назвы племеннiй, принимали имена своихъ побѣдителейъ: може про тое бути, що имя Сербъ такженъ початково вяжесе до якогось не-славянскаго народу.

Теперь намъ дѣло о Червоной Руси. Назву „Червоной Руси“ рѣжно выводятъ или отъ давной Червоной Хорватiи, или отъ Червеньскихъ городовъ. Нѣмцы, котри о всемъ и о ничомъ писати всегда суть готовiй, робили по нашомъ краю, званомъ *Bärenland*, науковiй проѣздки, абы открити той Червоный край (*Roth-Russland*) и тыхъ таинственныхъ червоныхъ людей, котрыхъ они загадково зовуть *Roth-Reussen*. Ти учени зъ самой середины Европы, вернувши зъ своей науковой проѣздки до дому, расповѣдали своимъ нетерпчивымъ землякамъ, що магическiй край червонорускiй зъ-отти взявъ свою назву, що тамъ росте богато червоной калины, инны, же тамъ обрѣтаесе огромна масса *Hollunder*, инны, же тамъ растутъ *rothe Rüben* и пр. Ученiй Шайноха расправляе знову богато „*o czerwcowém krzewie w Rusi halickiej.*“

Зъ всѣхъ писанинъ есть ипотеза тая найвѣрнѣйша, котра вяже назву Червоной Руси до Червеньскихъ городовъ и до ового таинственного мѣста Червень. Незаперечимымъ также есть, що назва Червоной Руси повсталала изъ назвы Червоней или властиво Червеньскои Руси. Вопросъ заходитъ, що то значить выражене: „Червоный, Червенный, Червеньскiй“. — Говоримъ и. пр. рускiи города, польскiи города и пр., здаесе про тое, що Несторовiи слова: „Червеньскiи города“ означаютъ только, якъ города народу (*sic*) Червеньскаго: народу, котрый зваесе „Червеньскими, Червеньскими“. Иными словами: въ старовину мешкавъ народъ „Червеньскими“ званый, и по немъ то осталась назва „Червоной Руси.“

Тое мнѣнiе мае богато за собою и годится съ понятьемъ давныхъ Славянъ. Мали Хорваты (Краковяне) свою столицю Краковъ, Волянне или (якъ ихъ Несторъ и арабскiй писатель Массуди зовуть) Вельянне столицю

Волынъ, Лучане столицю Луцкъ, Будины столицю Будинъ: то могли мати Червяне столицю Червень. Выраженъе Несторове „Червеньскім города“ незбито доказуе, що тутъ мешкавъ якийсь „Червеньскій народъ“. — Посмотрѣтъ теперъ, що намъ исторію о тѣхъ Червлянѣхъ повѣсти умѣе.

Після повѣсье сказано, належала Червона Русь до складу Бѣлой или Великои Сербїи. Сербѣвъ зове Константинъ Σέρβλοι, а на однои мѣстци дуже дикимъ выраженъемъ Σερβουλαινοι. Тѣм, що по латински писали, выражались всегда или по большой частм словомъ: „Servii.“ Греки буквы „W, V“ не мають, а лишъ заступали ю черезъ букву „Б.“ Може бути, що Константинові Σέρβος значать „Сервы“, а омыи Σερβουλαινοι значать „Сервяне“ (такъ, якъ его Κριβιταινοι означуе наше „Кривичи“, его Δροφυουβιτοι наше „Дреговичи“, его οττροβουσι наши острова и пр.)

Есть бѣльше причинъ, котри намъ кажуть домышлягися, що початково имя Сербѣвъ, було „Сервяне“ или „Сервы;“ не для того, що буквы Б и В въ старославянскомъ выговорѣ часто мѣшаються, але зъ инныхъ еще важнѣйшихъ причинъ.

Баварскій землеписецъ безименный, пишучій въ девятомъ вѣцѣ, вымѣняе рѣжнїй плѣмена славянскїи. Посуваючися въ своей землици чѣмъ разъ дальше по-за Вислу, вымѣняе ѡнъ народъ: Zeriuvani, quod tantum est regnum, ut ex eo cunctae gentes Sclavorum exortae sint ei originem, sicut affirmant, ducant. — Баварскій землеписецъ обнявъ именемъ Zeriuvani велику часть восточной Словянщины, котру зове tantum regnum, ut ex eo cunctae gentes Sclavorum originem ducant. Майже такъ само выражаеся Константинъ о Бѣлой Сербїи; такъ само выражаеся арабскій писатель Массуди о Волыню, котрый, якъ есьмо замѣтили, принадлежавъ до составу Бѣлой Сербїи. Пише бо Массуди, що найголовнѣйшимъ народомъ Славянъ сугъ „Великана.“ Були они хоробры и сильнїи, имѣли своего короля именемъ „Маджекъ“, а той король бувъ найславнѣйшїи и отбиравъ голды отъ инныхъ владѣтелей славянскихъ. Однако, додае Массуди, жили Славяне въ незгодѣ и роздробилися на поменьши княжества, межъ собою бувшїи въ независимости. — Всѣ три реляциї зѣ собою сходнїи и стягаются до оной Константиновои Бѣло-Сербїи; слѣдовательно выраженъе „Zerivani“ у Баварского землеписца выражае то само, що нынѣшне „Сербы“ а Константинові Σερβουλαινοι т. е. Сербяне.

Лелевель дивуеся, для чога Баварчикъ имя Сербѣвъ перекрутивъ на имя Zerivani. Мы насупротивъ дивуемся, для чога цѣсарь Константинъ имя Zerivani перекрутивъ на имя „Сербяне,“ однако нашъ дивъ уеньшася, если зважымъ, що Греки анѣ буквы „Z“ анѣ буквы „V“ въ своемъ письмѣ вѣрно отдати не умѣють. Съ тѣмъ всѣмъ выраженъе „Zerivani или Зервяне“ беремъ за правильне, тѣмъ бѣльше, що Баварчикъ даючи подробну розписъ Словянщины мавъ о тѣхъ Zerivani добру вѣдомѣсть, засягнугу отъ самыхъ Славянъ, о котрыхъ выражаеся: sicut affirmant.

Дивнымъ способомъ имя „Зерване“ стверждается рѣжными давними писателями и документами, въ котрыхъ назва „Сербъ“ пишется или черезъ початково „З, Ц (Ч)“ или черезъ концевую „в“ г. е. „Зервъ, Цервъ, Червъ.“

Вибіюсъ Секвестеръ (зъ шестого вѣку) въ росправѣ: „De fluminibus etc.“ пише о Надлабннскихъ Сербахъ: *Albis (Ельба, Лаба) Suevos a Cervetiis dividit, mergitur in Oceanum. Cervetii* суть го Сербы, Серблане Зервяне или Червяне, слѣдовательно назва Сербѣвъ есть новѣйша.

Надъ-Лабннскіи Сербы безсомнѣнно такожь вышли изъ Бѣлой или Великой Сербіи. Издатель „*Pjesniczki hornych a dolnych Łužiskich Serbow*“ повѣдають межъ инными: *Eine merkwürdige Verwandtschaft sowohl der oberwie der niederlausitzischen Mundart mit der russischen Sprache findet in Rücksicht der Vocalisation statt.* Изъ пѣсней тамъ помѣщенныхъ многи сходятся съ Бѣло-рускими и Мало-а особливо Червоно-рускими. Назвы про тое, подъ якими въ старовину Лужницкіи Сербы выступаютъ, суть добрымъ мѣрломъ и для назвы мешканцевъ нашего краю.

Западніи латинскіи писатель зовуть Сербѣвъ: *Cervitii* а ихъ край *Ciervisti, Cieruisti; Zirbi, Zyrgia* и пр.; здаея отже, що властива назва буде найблизшою до оногo *Cervetii* и *Zerivani*, слѣдовательно выраженъе „Зервяне“ найвѣрнѣйшее. — Посмотрѣмъ теперъ, подъ якимъ именемъ являлися Сербы на нынѣшней Червоной Руси. Сама назва Червоной Руси дае намъ дорожуватися, що тутъ мешкали Зервяне, Червяне. На Подѣлюю знаходящися два села давни: Червоно-городъ, Зерванця, кажуть намъ вѣрити, що тутъ жили: Червяне. Зервяне. Въ Львовѣ Сербы-купцѣ и Греки мали свою улицу, котра до нынѣ зовесе улицю Зерваньскою или Зарванницею и пр. Изъ всего слѣдуе, що на нынѣшней Червоной Руси мешкавъ дѣйстно людъ званый „Зервяне или Червяне,“ що тойже мавъ свою столицю „Зервень или Червень“ и що до того люду вяжесе назва „Червоной Руси.“

Сусѣды Червоной Руси зовутся Мазурами. Мы уже выше поставили доказы, що Мазурщина принадлежала до составу „Бѣлой Сербіи.“ Теперъ зробимо пробу зъ противной стороны. — Що то значить назва „Мазуръ, Мазовще? . . .“ Гдекотрі хотять въ Мазурахъ видѣти за-Дунайску Мизію; инні хотять назву тую выводити отъ слова „мазь,“ котре мало означати тѣлько, що мужъ.

Илучи за землеписцемъ Баварскимъ, котрый великій обшаръ краю восточной Славянщины числять до головного народу *Zerivani* - Зервяне, мы и Мазурщину въ той край вчисляемо. Назва Мазуръ, судячи зъ назвы Мазовще, есть правильно Ма-зурвъ. Въ томъ „Ма-Зурвъ“ второй слогъ Зурвъ отповѣдае назвѣ Сербъ или Зерв-анъ, слѣдовательно Ма-зуровще или Ма зовще означало бы Малу Сербію въ противоположнѣсть Великой или Бѣлой Сербіи, лежащей на востокъ отъ Вислы и Мазовща.

Тѣмъ нашѣмъ выслѣдки будутъ сильно посвяати исторію „Червоной Руси“ въ пѣзданійшихъ періодахъ; разомъ сполученій зо скудными извѣстіями Нестора що до часѣвъ Руси предъ-историчныхъ, они досытѣ яснѣ свѣтло кинуть на становище Малой (а особливо Червоной) Руси такъ историчнѣ, якъ и племеннѣ или межѣ-славянскѣ.

Но перше всего еще намъ дѣло, усторонити одну несообразность историчну: якимъ способомъ сталася Червона Русь поводомъ до вѣчныхъ претенсій Польщи до того краю? . . .

Замѣтили мы передже, що на сѣверъ отъ Карпатъ простиралася двѣ великіи державы, на западъ Бѣла Хробація, а на востокъ Вѣла Сербія. Властива Бѣла Хорвація съ столицею Краковомъ сягала ажъ по Лабу и имѣла такъ якъ Велика Сербія своихъ окремыхъ владѣтелей. *Crovari et Servii Zachlumi et Terbunistae et Canaleitae et Diocletiani et Pagani*, говоритъ Константинъ, *ex cunctis Romani imperii habenis, liberi suisque, non alienis legibus usi sunt. — Habent . . . zupanos senes, quemadmodum etiam reliqui Sclavonum populi etc.* — Рѣжніи були въ старину Хорваціи; всѣ они слухали господства Бѣлой (или Краковской, потомъ Моравской, Ческой а наконецъ Польской) Хорваціи, однако по народности Хорваты були рѣзніи. Були чески Хорваты, були польскіи Хорваты, були червянскіи Хорваты въ нынѣшней Червоной (Червеньской, Зервянской, Сербской) Руси. Изъ зле зрозумѣлой исторіи утворили польскіи ученіи на нашей Червоной Руси: „Червону Хробацію“, якобы въ противоположность Бѣлой Хробаціи, тримаючи люднѣсть давной Хорваціи за одну народнѣсть; а предѣльнѣ назва Хробаціи не есть народовѣ, лишъ краевѣ, якъ назва и пр. Австріи, Россіи, котріи суть складовыми державами рѣзныхъ народностей. Для того не можъ безъусловно потакнути Морачевскому въ его „*Dzieje Rzeczypospolitej Polskiej*“, ч. 1. стр. 208, котрый такъ росповѣдае: *Przemysł, Czerwień i inne grody, jak świadczy Nestor, były łaskiem i zdobył je na Lachach Włodzimierz wielki r. 981. Odzysło więc w Polakach starożytnie do tych ziem prawo...*

Суть слѣды, що наша Галицка Хорвація вразѣ съ Перемышлемъ и пр. принадлежала до складу Бѣло-Хорватской (Краковской) державы. Здаеся, що назва „Перемышля“ вѣжеся до Краковского князя Премыслава. Коли по упадку Бѣло-Хорватской державы, тая роздѣлилася межъ Чехѣвъ и наѣздничихъ Ляхѣвъ, такъ ческіи якъ и польскіи лѣтописецѣ присвоили собѣ давну исторію Бѣлой Хорваціи, зовучи и Премыслава своимъ княземъ. Тымъ способомъ заложенъ Перемышля относитъ Длугошъ до польского князя Премыслава. Шкода, що передъ Несторомъ не появился якій лѣтописецъ на Червоной Руси, котрый бувъ бы исторію Бѣлой Хорваціи впливъ въ исторію руску: а тогды зъ Хорватского Премыслава мали бысьмо трохъ: ческого, польского и руского. — Кромѣ Премыслава еще въ народѣ Галичскихъ Хорватѣвъ знаходимо преданъе о Попелю, о котромъ вѣстятъ польскіи хроникѣ, же го

мыши зѣли гдѣсь ажъ въ Великой Польши. Байки Галическіи о Попелю рѣзно гласятъ. Игнатій зъ Никловичъ одну такую въ своей зборцѣ наводитъ: „Бувъ то одинъ царь, мавъ трехъ сынѣвъ; два разумни а третій дурный. звали го Попелюхомъ, бо все у попелѣ сидѣвъ, та ся бавивъ и пр.“ Того Попеля зовуть въ байкахъ „Коршбуримъ Попелюхомъ.“ Эпитетонъ „Коршбурый“ стягають до міеологическаго лица: божка Хорса, бога вѣтру или соньця. Пѣсла Г. Бѣлевскаго назва Попель няжеса до князѣвъ неудольныхъ; народъ рускій помѣстивъ ихъ въ попелѣ и назвавъ дурными. Повѣсть, що Попеля и мыши зѣли, може бути, що вийшла изъ перекрученой назвы „Мазуръ, Мазовше.“

Г. Вагилевичъ въ „Часописьмѣ чешкаго музея“ упоминае о какойсь особѣ историчной, доховавшойся межи Бойдами, именемъ Ванчъ. Арабскій писатель 10 вѣку Массуди знае Дулѣбскаго короля „Ванджъ — Слава.“ Ванджъ, може бути, стягаеся на давну Краковскую Ванду; скорше однако на короля чешкаго Вячеслава. Врѣштѣ имя „Ванды“ не вылаеси бути историчнымъ. Може бути, що за симъ именемъ скриваеся давна назва славянскы „Венеды.“

Наконецъ пѣсня о „Жельманѣ“ звучитъ по цѣлой Хорваціи. Есть она въ нынѣшней Червоной Руси, обрѣтаеся въ Краковскомъ, розлягаеся по всей Моравин, даеся чути и на угорской Руси, а особливо на Словачинѣ. Межь инными Славянами ей нема. Конечно до ей утворенья причинилася исторія, и мы будемъ мали способнѣсть за ню говорити.

Приведеній тутъ свидѣтельства про „Премыслава, Попеля, Ванду, Жельмана“ дають намъ домышлятися, що Червона Русь, хотїи по національности ѣтрубна, належала таки до складу Бѣлой Хорваціи, до Краковской державы.

Коли Краковская держава упала, выступаютъ одна за другою державы Моравска, Ческа, Польска а наконецъ Руска. Такъ Моравяне, якъ Чехи, Поляки (Велико-Польша) и Русь добиваються о посѣданьѣ давной Хорваціи. Давна Велика Моравія, воздвигнута на грузахъ Великой Хрваціи, занимала часть Червоной Руси. Чехи були довгїи часъ въ посѣданьѣ Кракова, слѣдовательно и Червоной Руси. Границѣ Пражской а потомъ Моравской діецезіи досягали ажъ Стыру, рѣки Червоно-русской. Панованьѣ церкви, розумѣеся, доти сягало, доки ишла власть политична. — Пѣсла „Vozcek monumenta T. I. pag. 172“ Моравска діецезія: *ad orientem hos fluvios habet terminos: Bug scilicet et Ztir cum Krakovia civitate, provinciaque cui Wag nomen est, cum omnibus regionibus, ad praedictam urbem pertinentibus, quae Cracow est.*

Краковъ стався споромъ о посѣданьѣ межъ Чехами, Поляками а Русію. *Graniciae Russe extendente usque in urbe Cracoa*, повѣдають памятники, а одновременно оная высше наведеная provincia, cui Wag nomen, прибереае назву Ruzia, Russia и стаеся частію руской державы.

При томъ спорѣ о Велику Хробацію поїшла Червона Русь на якійсь часть пѣдъ папованье Польщи. Но коли погомки скандинавско-рускихъ князѣвъ розбили и пѣдъ свою кормигу займили Велико-сербскій край, тогда князь рускїи допомнулася о постѣданье Червонной Руси, яко складовой части давнѣйшой Великои Сербїи, и отобрали ю Полякамъ. Тымъ способомъ распалася (Велика) Хорвація на три части, и границѣ чески, польски и рускїи зѣйшлися въ Краковской области. Несторъ повѣдае, що Владимиръ Великій проживавъ въ мирѣ съ околными князьями: Болеславомъ лянскимъ, Стефаномъ угорскимъ и Индрихомъ ческимъ. — Такъ рунули двѣ державѣ: Велика Хорвація и Велика Сербїя, а на ихъ мѣсци наставъ новый ладъ. Розгромцами тыхъ державъ були Ляхи и Руссы. Оба тїи племена суть скандинавско-германскими. Потрясли Скандинавцѣ цѣлою Европою, розбили свободнїи паньства и були творцами середнѣвчнои неволѣ. Нестало уже тои Великои Сербїи, о котрой дивахъ замѣтили три майже современники: Баварскїи землеписецъ, арабскїи Массуди и греческїи Константъячъ. — Константинъ говоритъ, що Хорваты и Сербы суть *liberi suisque, non alienis legibus usi sunt* По ихъ пѣдбитью черезъ орду Норманскихъ Руссовъ, поїшла Сербїя Велика на службу ненавистныхъ Рюриковичей, на дупъ дружины Скандинавской, а на мѣсци *liberae suae, non alienae legis* дѣстала въ замѣтъ оную несчастную „рускую Правду,“ выдану для „Изгоевъ Холопѣвъ, Челяди, робѣвъ“ т. е. погомковъ невольничихъ давнѣйшой вольной и Великои Сербїи.

Зъ грузѣвъ тои Сербїи доховалися лишъ назвы поетичнїи: Бѣла Русь, Волянь, Червона Русь, — и мы перейдемъ съ часомъ до подробиѣйшого розсказу исторїи передъ- и по-Рюриковыхъ времянь ажъ до р. 1000.

О. Партыцкїи.

О ПЕРВЫХЪ КНЯЗЯХЪ НА ОСТРОГУ ОСТРОГСКИХЪ.

По утратѣ сомогостоятельности Галицко-Володимирского княжества набирае великой ваги въ руской исторїи рѣдъ князей Острогскихъ. Початокъ того рода виводять дѣписателѣ отъ динїстїи Романовичей, пановавшей надъ Галицко-Володимирскою Русїю отъ р. 1199 — 1337.

Романъ сынъ короля Данила ожененый по первый разъ съ Гертрудою княгинею Австрїйскою, по вторый разъ съ донькою пѣдручника Литвы князя Глѣба, мае быти предкомъ князей Острогскихъ*). Романъ участвовалъ на челѣ

*) Dwa wielkie swiatla na horyzoncie Połockiem Stebelskiego r. 1782. Tomik II.

Волыньскихъ полковъ въ р. 1259 въ родовой борьбѣ межн Лядскими князями¹⁾. Сказуютъ²⁾, що города Острогъ, Заславъ и Дубно вразѣ съ прилежащою областію становило отцѣвство Романа Даниловича. Еще въ р. 1261 предъ смертію Данила погабъ Романъ забигый отъ Литовцевъ, розкаторившихся съ рускими князями. О его потомкахъ не ма въ рускихъ лѣтописяхъ ни слова. Ажъ о 80 лѣтъ позднѣйше являся Данило князь зъ Острога (потомокъ Романа), который вразѣ съ Димитріемъ Деткомъ (дяткомъ), призываетъ Татаръ и за помочию тыхже выгание залогн Казимира за Вислу зъ рускихъ земель. Въ р. 1349 покориляся онъ вразѣ съ иными рускими князями королю Казимиру Великому, нашедшему вторично Русь переважными силами. Снова долго о князяхъ Острогскихъ не находится ничего въ лѣтописныхъ памятникахъ, ажъ по вступленію на еронъ польскій Владислава Ягайлы сложили годъ Ягайлы обѣтовали послушенство Феодоръ Даниловичъ съ братомъ Михаиломъ князь Острогскій р. 1386. Феодоръ Даниловичъ вбиралъ Ягайла въ борьбѣ съ рѣдкими литовскими князями. Ягайло потвердилъ Феодору Даниловичу всѣ его города и земли и додалъ еще зверхъ тыхже города Корецъ, Заславъ и Хлопотинъ. По томъ о Острогскихъ снова ничего не вспоминаеся — ажъ въ р. 1410 подъ Дубровномъ являся въ числѣ приданомъ королеви до сражи рыцарей Данилко Русичъ, потомокъ, якъ домиѣваются, Острогскихъ³⁾. Той Данилко носилъ стрѣлы предъ королемъ и наведенъ ость въ почетѣ тыхъ пановъ и достойниковъ, въ пригемности которыхъ давалъ Ягайло послать майстра пруского Улрика въ таборѣ послухань⁴⁾.

Въ р. 1430 являся на сторонѣ Свидригайла Феодоръ Острогскій (пѣсля Гвагнаина сынъ Данила, пѣсля Ньесецкого сынъ Василья Острогского). Читателей, которые бы ближе хотѣли познакомиться съ тымъ славнымъ рускимъ героемъ отсылаю до III. отѣлау II. періода мосіи исторіи Галицко-Володимирской Руси.

Намъ сказуютъ историки⁵⁾, що Свидригайло якимъ-го злополучнымъ подозрѣньемъ веденый приказалъ Феодора Острогского увазнити. Поляки вступились за тымъ славнымъ воеводою и увѣльнили его, а тогда Феодоръ огорченый поступкомъ Свидригайла отступилъ отъ него и поддалъ королю Владиславу замки Брацлавъ и Кремянецъ (стоитъ вмѣсто Каменецъ).

Тое поданье основуютъ наши историки на грамотѣ зъ р. 1434, которой извлеченье до нашихъ временъ заховалосл⁶⁾. Однакожъ въ той гра-

1) Długosz L. VII.

2) Stebelski u. s.

3) Stebelski u. s.

4) Moraczewskiego dzieje rzeczy polskiej, Poznań 1851. ks. VII. strona 39.

5) Зубричскій въ повѣсти о Червоной Руси, а Стадницкій въ сынахъ Гедимина.

6) Crommeri Inventarium.

моть Ѳеодоръ голдуючій Владиславу княземъ Нѣсвязскимъ называеся. Подносимъ вопросъ, чи князь Ѳеодоръ Нѣсвязскій есть съ княземъ Ѳеодоромъ Острогскимъ една и тая сама особа, чи нѣтъ? Нѣсвѣжъ лежалъ въ давнѣмъ воеводствѣ литовскѣмъ Новгородскѣмъ, а познѣйшой губерніи Минской на рѣцѣ Уши. Встрѣчаемъ князей Нѣсвѣжскихъ уже въ XIII столѣтію. Въ року 1224 погибъ помежи инными рускими князими надъ Калкою князь Юрій Нѣсвѣжскій. Въ р. 1388 вспоминаются два князь Нѣсвѣжскіи Григорій да Иванъ. Они належатъ подъ верховную власть Димитра Курыбута пануючого на Сѣверщинѣ за Днѣпромъ, и на документѣ, упевняючомъ вѣрность Владиславу Ягайлѣ и Явизѣ, приложили печати свои обѣчь печатей инныхъ бояръ сѣверскихъ. До сихъ поръ не видко оже жадного сходства межи князими Острогскими и Нѣсвѣжскими. Могъ вправдѣ познѣйше Свидригайго— а може еще Витольдъ надати Ѳеодору Острогскому Нѣсвѣжъ, но тое предположене еще до нынѣ на жадныхъ документахъ не операетя.

Однакожь никто иный, тѣлько Ѳеодоръ Острогскій могъ ѡтдати Брацлавъ Владиславу, бо не въ чинхъ рукахъ, тѣлько въ его той городъ находился. Рѣкъ подданычой грамоты 1434 очевидно мыльниий, бо еще р. 1436 находился Брацлавъ въ рукахъ Ѳеодора Острогского¹⁾, который ѡттакъ въ жерелахъ бѣльше не упоминаеся. Оже если Ѳеодоръ Нѣсвѣжскій и Ѳеодоръ Острогскій есгъ тая и една особа, и если то Ѳеодоръ Острогскій подъ именемъ князя Нѣсвѣжского поддался королю польскому, тогда тое подданье не скорше ажъ р. 1436 або 1437 королю Владиславу Ягайлончику, оже давно по смерти Владислава Ягайла послѣдовало. Ини историки²⁾ розумѣють подъ княземъ Ѳеодоромъ Нѣсвѣжскимъ поддавшимся року 1434 воролю Владиславу современному Ѳеодору Острогскому князя Ѳеодора Корыбутовича.

Однакожь и Ѳеодоръ Корыбутовичъ еще р. 1435 участвуетъ въ битвѣ подъ Волькомпромъ на сторонѣ Свидригайла противу Польщи и ея поплечнику Сигисмунду. Такъ обохъ князей Ѳеодора Корыбутовича и Ѳеодора Острогского розличити годѣ. И Ѳеодоръ Корыбутовичъ посѣдае на Подолью области по Сигисмундѣ Корыбутѣ, князю на Подолью и славнѣмъ Гуссатскѣмъ воеводѣ. Онъ по битвѣ подъ Волкомпромъ, по свѣдоцтву литовского историка³⁾, отпераетъ Ягайлѣ (должно стояти Владиславу Ягайловичу, бо Ягайло умеръ еще въ Маю 1434), побѣдженъ поддае Каменецъ, Брацлавъ, а самъ на самѣмъ Збаражу, Клодиѣ и Змулинцахъ попристае. Хиба ту иними городами того самого имена Брацлавъ и Каменецъ розумѣются, когоры стояли подъ властію речевого Ѳеодора Корыбутовича.

1) Długosz L. XII. p. 692.

2) Narbutt i Strykowski.

3) Strykowski.

Ляхи до битвы противу королеви на лобъ, порядкуючи снаряже для людій и лошадей. Къ тому мали они майстрѣвъ розличного заводу. Мѣщанъ и поселенцѣвъ около Снятына кривдили дуже, такъ, що Русины наши немогучи знести той бѣды, дали знати возикамъ до Садагуры, которые тамъ на стациі были подъ начальствомъ атамана своего Чораша. Въ 100 коней выршила помощь козацкая вечеромъ до Снятына, где о полуночи стали (подъ сотникомъ Павлюкомъ). Ляхи незнаючи ничего за козакі, пили и гуляли у старого Янкля въ коршнѣ. Тую коршму почали казаки приступомъ брати и оттакъ однихъ Ляховъ выкололи, а другихъ въ лѣнѣ забрали. Рымаря Барановского, въ которого варштатъ великій засобъ сѣдель и пинныхъ ршгункѣвъ найшли, потовкли козаки и хотѣли его съ прочими лѣнниками до Садагуры брати — лядво жена его выпросила. Вотъ великій розрухъ зробился въ мѣстѣ: — Твардовскій, который въ замку мешкаль, учувши, що козаки въ мѣстѣ, крикнулъ: коня! и шо-могъ скоро утѣкъ доломъ и въ плавъ черезъ Прутъ, а за нимъ и прочіи Ляхи, которымъ убѣгчи удалося. Около 200 Ляховъ собралося съ Твардовскимъ за Прутомъ въ ольховѣмъ лѣсѣ и такъ рушивши далѣй ажъ въ Кутахъ ся сперли. Но и тамъ ихъ козаки догнали — били, кололи и брали въ лѣнѣ. Мали они тамъ велику роботу — но побѣдили Ляхѣвъ. Твардовскій съ немногими утѣкъ въ горы ажъ до Криворѣвнѣ, а оттуда до Микуличина; другіи еще до 60 убѣгли зъ Кудѣвъ черезъ Рожень, Яворѣвъ и Рѣчку, до Брустуръ. Пріѣхали ранкомъ покалѣчены, раны позавязовали хустами. Оттакъ призвали вѣйта, кинули травы на пашу конемъ, для себе зарѣзали добру яловицу и зачали варити мясо въ котлахъ и мамалигу, — потомъ поживившиися лягли спати. Громада, котра коло коршмы стояла, зачула, що хтось въ середнѣмъ груни спѣвае, дивится, ажъ тутъ шось ѣде, — призираются близше — а то 2 козаки спускаются спѣваючи на рѣчку Брустурску. Громада дае Ляхамъ знати, що козаки въ середнѣмъ груни. Зъочивши ихъ Ляхи, перепудилися дуже и крикнувъ оденъ изъ нихъ вже старый Ляхъ: Вгасіа па коі! Въ томъ нашъ вѣйтъ Брустурскій — Дудникъ каже: Не ма панове страху, бо лише ихъ два. — Отповѣдае старый Ляхъ: *Diabła dwa — tam ich jest więcej; to szelmy kozaki!!* и духомъ утекли на Космачъ.

Приходятъ нарештѣ и козаки, — лише двоухъ — піяными, и пытаются: Кому варите мясо? где Ляхи? — Вѣйтъ отповѣлъ, що поуѣвали. — Давайте горѣлки, кажуть козаки, будемъ ѣсти, и такъ всю страву съ людми спожили.

Тіи два козаки называлися оденъ Хомушка, а другій Яремушка. Поживившиися зачали оба спѣвати:

Яремушка да Хомушка були братья родны,
Отца-матя не одной,
Чтожь мы будемъ братья дѣлать?
Будемъ чѣснокъ продавать;

Яремушка сѣлъ собѣ въ чолно,
А Хомушка въ лодку,
Яремушка запалять шупака,
А Хомушка плотку.

Якъ ся разомъ кинули,
 Въ Яремушки не купують,
 А въ Хомушки не торгують.
 Брате мой родной,
 Отца-матя не одной,
 Чтожь мы будемъ братья дѣлать,

Будемъ рыбку лапаты.
 Такъ ся разомъ звернули:
 Яремушка впавъ на дно,
 А Хомушки не видно.
 Чтожь мы будемъ братья дѣлать,
 Будемъ разомъ гдесъ погибать.

Тѣи два козаки забавили въ Брустурахъ пару день. — Одинъ изъ нихъ бувъ кумомъ при крещенію и давъ рубля Попови Илькови Левинковскому, а три окрещенной дѣтинѣ. Потомъ отъѣхали до Садагуры и больше въ Брустурахъ не видко було козаковъ.

Твардовскій черезъ Микуличинъ, Делятынъ, Надвѣрну ажъ до Скита пересмыкнулся горами. Такожъ и тѣи Ляхи, которые черезъ Брустуры угѣкали, прійшли до Скита, монастыря православныхъ Монаховъ чина св. Василія. Тутъ злучилися Ляхи, и почали чернцямъ шквду робити, муку, мясо, будженицю жадати, пивницю източили, нарештѣ худобу рѣзали и контрибуцию велику на монастырь наложили. Въ той нуждѣ дали чернцѣ знати козакамъ въ Гвѣздци стоящимъ, що Ляхи въ Скитѣ, и яку кривду монастыреви чинять. Пять козаковъ пустилися вечеромъ изъ Гвѣздца въ помѣчь монастыреви, а рано вже були въ Надвѣрной. Вступили заразъ до коршмы, напилися горѣлки въ Шаѣ, и рушили до Пнѣва, где еще коло 90 Ляховъ на поли обозомъ стояло. Почали козаки колоти прапорами Ляховъ и побили ихъ геть! Одинъ Ляхъ выхватився на бѣлого коня и счезъ межи маржиновъ, котору пастыръ изъ Пнѣва на пашу выгнавъ. Шукали его довго, бо то бувъ самъ Твардовскій, но дармо — не могли его нигде найти. Ажъ одинъ козакъ приближившись до пастуха, приперъ му прапоръ до груди, и тотъ показавъ подъ корчемъ въ млиновцѣ стерчащу голову Твардовского. Пѣимали козаки Твардовского. Той просить, дабы собѣ козаки его коня и все, що въ кульбацѣ находится, взяли, а его пустили. Хутко почали козаки проти кульбаку, червонцѣ и все шо варгивѣше забрали, а Твардовского разомъ съ другими плѣнниками займили.

Въ Толмачи, черезъ которое то мѣсто козаки съ плѣнниками верталися, столпився народъ видѣти того славного Твардовского. Выйшовъ такожъ тамошний протоіерей Левинковскій въ соломяномъ капелюхѣ, видѣти Твардовского, который передъ кѣлькома роками протоіереєви въ пысокъ давъ. Узрѣвши его Твардовскій, который съ голою головою стоявъ на сонпи, сказавъ до него: „Ojczy duchowny, zmiłuj się nademną grzesznym — przepraszam cię za zniewagę, którą tobie wyrządziłem — daruj mnie proszę cię twój kapelusz słomiany, i pokryj moją głowę, gdyż słońko dopieka mnie do żywego.“ Протоіерей здоймивъ капелюхъ, накрывъ ему голову и сказавъ: „Богъ да простить тобѣ, и азъ прощаю тобѣ.“ Оттакъ заѣхала кибитка на

двохъ колесихъ съ однимъ конемъ, всадили ряеного Твардовского на ню и потаскали до Каменца Подольского. Но не добравъ Твардовскій туда — умеръ въ слѣдствіе ранъ коло Городенки.”

Сообщилъ А. Петрушевичъ.

КОТОРИ ПРИЧИНЫ ОПРАВДАЮТЪ

основну и подробну науку

въ матернѣмъ Языцѣ и его словесности.

Die Sprache eines Volkes ist das Volk selbst, ist sein Ich. Ist sein Wesen, ist auf das Innigste mit den heiligen Interessen seiner geistigen und sittlichen Entwicklung verbunden.

Leo Gr. Thun.

Для ршенія сего взъ такъ многихъ взглядовъ важнаго вопроса нужно буде существо или свойство матернѣго языка ближе опредѣлити, т. е. нужно буде дефиницію тогоже поставити. Языкъ матерній есть то той языкъ, которымъ чловѣкъ отъ дитинства говоритъ, въ которѣмъ мыслити учился и который ему способность подае, себе черезъ цѣле житіе яко принадлежащаго до одного великаго, черезъ связь тогоже языка совокупленого семейства чувствовати. Матерній языкъ и его словесность есть духовне добро, которе у каждого народа отъ рода въ родъ распостороняеся, различнымъ внутреннимъ и вѣшнимъ, поспѣшествующимъ или замедляющимъ вліяніямъ подлягае, и по попеченію, которе ему удѣляеся, на цѣль подвысшаеся или упадае.

Доки але далѣй пойдемо, можемоще на передь выраженія — народность и народный языкъ — ближе узгляднати. „Народность есть (якъ одинъ изъ ученыхъ каже) совокупность вѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ, произведенная для того, щобъ народъ довершилъ на земли свое чловѣческое назначенье. Въ народнѣмъ обявляеся чловѣческое, а въ чловѣческѣмъ божественное“ (Шевыревъ).

Прекрасно каже такожь въ томъ отношенію Головацкій (см. Три вступ. преп. стр. 3): „Народность! се душа племенного бытія, которымъ народъ дае ознаку житія своего родимаго; народность, се добро завѣгне, придане вѣно отцѣвъ, старанно хоронене и переховуване внуками; народность, се скарбъ дорогій, которого цѣліп народы хоробрими грудьми защищають; народность, се родиме пятно, которымъ чловѣкъ належитъ до своего народ-

ного тіла, разомъ съ кровію и душею, съ житіємъ предківъ и потомківъ своихъ; народность; се обичіе народне, котрымъ народъ въ цѣломъ объемѣ чловѣчества выказуєся."

Народность оже основуєся на походженію народа отъ одного и того самого пня. — Каждый народъ має свои розличительніи знямена, такъ въ отношеніи духовномъ якъ въ физическомъ, має свій собствєнный характеръ, котрый звичайно такъ въ чергахъ лица, якъ въ духовныхъ дарованіяхъ отражаєся. „Чия ає найбільше виражаєся, чимъ обьявляєя тая народность, якіи стигіи оживляють ю? Языкъ народный се слово, дане чловѣкови Богомъ для вираженія и выказанія духа людского, найлучше виражає пигоменну жизнь народа: его вѣру во Всевишнього, понятія о надсмисленнихъ рѣчахъ, — его умственне розвитіє въ наукахъ по всѣхъ безконечныхъ видахъ ихъ, — его обычайное состояніє и моровственну дѣятельность, — его законоуложеніє и общественніи уставовы, — его успѣхи въ краснорѣчію и поезіи, яко выразъ горожаньского и есигитического житія народного“ (Головацкій).

При выше наведенѣмъ состояніи сущєства или свойства матернего языка и его словєсности не могутъ такожъ и причины, оправдаючи основну и подробну науку тогоже, далеко лежати.

Єсть бо матерній языкъ той языкъ, котрымъ чловѣкъ отъ дитинства говорилъ и въ которѣмъ мыслити училєся, — що ту єсть выобразование въ немъ много, якъ не укрѣплєніє знаходячояся въ чловѣцѣ отъ дитинства силы духовной? Най основне изученіє якого иного языка, нежели матернего, для духовного просвѣщенія чловѣка ше такъ сообразне съ цѣлю выдаєся, оно єсть и зостає все лишъ до дерева привитая вѣтвь, коли образование въ матернемъ языкѣ укрѣплєніємъ пня того дерева єсть. Єсть то далій рѣчь извѣстна, що въ томъ токмо языкѣ докладно мыслимъ или розсуждаємъ, котрый найлучше розумѣємъ. Си оже кто якіи иной языкъ, нежели матерній, учитися начинає, то онъ все въ послѣднѣмъ мыслити будє; при образованію ає въ матерномъ языкѣ ѳпадає тая роздвоенна духовна дѣятельность, изъ чого слѣдствує, що основне образование въ матерномъ языкѣ певнѣйше до цѣли провадитъ, якъ въ инѣмъ языкѣ, си образование въ якомъ языкѣ яко средство просвѣщенія уважаєся.

Въ прочємъ єсть кожда наука, розумѣєся, не механична, тѣлько тогда возможна, си мыслитєся; но мыслити не можъ безъ понятій; послѣдніи творимо собѣ въ молодости въ томъ языкѣ, котрымъ наши родичи говорятъ и ти, которіи нашимъ воспитаніємъ занимаються. Якъ долго мы оже лишъ языкъ матерній розумѣємо, то лишъ въ томъ мыслити и для того такожъ учитися намъ возможно єсть. Далій состоитъ кождое образование въ основнѣмъ познанію наукъ, и съ объемомъ основного познанія сообразуєся такожъ объемъ просвѣщенія или образования.

Есть то але задача воспитанія молодежи тая, абы якъ наибльше основныхъ знаній въ одномъ и б льше предметахъ осягнути, а тое ино тогда возможнымъ есть, сли наука или наставленіе на матерномъ языкѣ основуеся, въ которомъ понимаемъ и розсуждаемъ или мыслимъ.

Положить въ прочемъ, що дитя по 7. роцѣ якійсь иный языкъ въ школѣ учитися начинае, то не легко буде, черезъ многіи лѣта при самомъ ученію, въ школѣ и для школы, якъ долго ще въ житію першій языкъ преобладе, абы дитя въ новомъ языкѣ мыслиги умѣло. Сли але тое отъ него вымагаеся, то инымъ способомъ се статися не може, якъ толькы тымъ, що дитя посредствомъ ему вѣдомыхъ понятій матернего языка мыслити буде, и тѣ мысли потому въ одѣжи чужого языка убере; бо въ семъ не мае оно понятій такъ гоговыхъ, якъ въ томъ, которого черезъ многіи лѣта училося и въ которомъ безпрестанно въ житію знаходилося. Ту оже повстане досязаніе и поровнываніе чужого языка съ матернимъ, котора робота токмо формальною есть и съ ущербомъ предметогово ученія дѣеся; тое саме поровнываніе продолжаеся але такъ долго, доки чоловікъ съ чужимъ языкомъ не обзнакомленъ есть. А понеже основне образование въ основномъ познанію рѣчей состоить, не може оно хѣсна такъ долго имѣти, доки способъ той продолжаеся; а понеже далѣй непрерывное поровнываніе съ ущербомъ розширенія знаній никто за правдивое ученіе уважати не може, то слѣдуе зъ того необходимо, що первая наука лишь въ матерномъ языкѣ быти повинна.

. Горше ще дѣеся, сли кто на подставѣ чужого языка еще якій другій языкъ учитися мае, бо ту суть препятствія двоякія. Есть то совершенно нерозуміе, сли вымагаеся, абы кто правила чужого языка понялъ и ихъ поровывалъ съ языкомъ, которого онъ такожъ не знае; даремно стараеся молодой чоловікъ щось научитися; сью дѣятельность уживаеся для блудного поровныванія несвѣдомой рѣчи съ несвѣдомою другою, знанія точнія, положительніи или позитивніи остаются, а все научене належить по наибльшой части до памяти. Основно образованнымъ такій назватися не може, повеже вещи не основно понялъ, и такожъ онъ не есть въ состоянію, изъ того, що учился, всюда достаточно ужитокъ зробити, где ся щось подобного придаритъ. Кто въ одной науцѣ основно изслѣдовати учился, той тое самое дѣлае при другой; а кто неосновательно, той тое самое учинитъ при иной. А понеже ученіе незнаемой рѣчи основному познанію рѣчи пособствовати не може, то слѣдуе зъ того, що такое ученіе до неосновательности и легкодушія провадитъ, — до легкодушія не токмо въ науцѣ, але такожъ въ дѣлахъ, повеже одно съ другимъ въ связи знаходится. Такія людє мусятъ на умѣ совершенно застояться.

Цѣлой той рѣчи не поможется такожъ, сли ученику втискатися буде, абы внѣ школы практично въ чужой бесѣдѣ упражнялся, бо не можъ предполагати, абы хлопецъ тамъ, где скоро удѣлятися и забавлятися хоче, до-

перва великій труд досяганія ему незнаемой рѣчи на себе предпринявъ, коли ему легко приходить, свободно и докладно изъяснитися на своемъ матернѣмъ языкѣ.

Матерній языкъ, казалисьмо, подае каждому чоловіку способность, себе черезъ цѣле житіе яко принадлежащего до одного великого, черезъ связь подобного языка совокупленного семейства чувствовати.

Но якже але, чи не перестае кто членомъ того семейства быти, сли пересталъ участникомъ того семейству общественного добра себе чувствовати? Последне мало бы мѣстце, сли бы основное образованіе въ матернѣмъ языкѣ залишилося. Въ такомъ случаю треба бы себе яко не имѣющего отечества уважати и яко такого, который семейству принадлежащее добро не докладно удостоити и той отъ давныхъ временъ принесенный и приданный духовный памятникъ якогось народа не отвѣтно употреблять умѣль.

Каждый бо народъ мае свой собственный языкъ, и навѣтъ каждая вѣтвь тогоже народа говоритъ особеннымъ нарѣчіемъ.

Языкъ есть то найблагороднѣйше и найдрагоцѣннѣйше добро чоловіка; черезъ той есть онъ возвышенный надъ инни сотворѣнія, дерезъ той есть онъ здобнымъ выобразоватися и въ обществѣ жиги. Тойже языкъ, который намъ природа дала, который, такъ скажу, съ молокомъ матернимъ высалисьмо, въ которѣмъ духъ нашъ на самъ передъ выразался, въ которѣмъ уста наши першія слова лепетали, полъ которого звукомъ матери наши и кормилицы наши насъ до сну заколысывали, который народъ одинъ яко велике множество лицъ до одного семейства привязуе, есть найадрожше наслѣдство нашихъ отцев, найсилнѣйшій союзъ народа. Все може народъ пострадати, онъ самъ може изъ своен отчины въ отдаленніи егороны завлеченымъ быти, но любый и пріятный матерній языкъ лишаеся въ устахъ его и слѣдуе скитальцу въ горы и пустынь. Языкъ переживе даже и народъ.

Греки и Римляне давно вже зникли зъ подола сего свѣта, который правъ цѣлый собѣ подчинили были, коли мовы ихъ ще теперъ въ цѣлой Европѣ изъучаються, яко время пренебрегающімъ памятники ихъ существованія и образованія, и они передъ нами стоятъ, и такожь яко неизчерпаемое жерело для образованія инныхъ народѣвъ служить.

Языкъ есть стихія, въ которой каждый народъ жиє и образоватися може и должень; такъ якъ рыба тѣлько въ водѣ жити, пшеница токмо въ природной землѣ успѣвати може, такъ такожь и просвѣщеніе народа тѣлько въ его собственнѣмъ языкѣ съ успѣхомъ статися може, въ томъ бо гадки его съ словами зрослися. Въ прочемъ каждому чоловіку матерній языкъ пріятный есть, для того пріятно и мило гомонять ему звуки тогоже, сли отдаленный отъ отечества посередъ якогось чужого народа знаходится.

А пречѣнь уже часто стаеся, що матерній языкъ оставляють, запускають и его навѣтъ встыдаються. Но яка правдива мати оставитъ свое власне.

дѣтя и прійме чужое? Пытаемъ также, яку благородную причину можь до того имѣти? Есть бо якій языкъ выобразованый, то имѣть причины, тогоже встыдаться; сн снъ але въ образованію отъ иныхъ языковъ ниже стоитъ, то есть то нашимъ найсвятѣйшимъ обовязкомъ, руки до него приложить и дѣя его возавягненія работати, иначе бо сугь потомки негодни отпрыски народа якогось, неплодоносне дерево на земли своихъ отцевъ: матерній языкъ залишити або тогоже встыдаться значило бы, съ оставшимся и наслѣдствованнымъ имѣніемъ неблагородно поступати, даже себе извинникомъ на найблагороднѣйшомъ природы добрѣ зѣблати. Со всѣмъ ясно оже явствуе изъ того основна и подробна наука въ матерномъ языкѣ и его словесности.

Матерній языкъ есть можь сказати медіумъ, черезъ которое представленія или понятія воздвигаются и посредствуются. Якъ узко понятія съ словами, ихъ означающими, совокуплены сугь, доводитъ тое обстоятельство, що не токмо дѣти, но также вже подростли въ супокійномъ состояніи ума говорятъ, сн що мыслятъ. Въ состоянію замѣтательномъ тое звычайно правильно мѣстце мае, сн кто способъ пригворства собѣ не присвоилъ.

Особенно узко зрослися отвлеченніи понятія съ уживанными для нихъ выраженіями языка, зъ чого слѣдуе, що нове понятіи образованіе, которому вже знаходящися понятія за подставу служиги мусать, тѣлько помочію вѣдомого языка т. е. матернего возможно есть. Розумѣся само собою, що еще не совершенно развити представленія або неясніи понятія въ молодомъ умѣ тѣлько за помочію матернего языка дополнены и усовершены быти могутъ: або иными словами, духовне образованіе, которе не дѣшь самымъ тресированіемъ или поверховнымъ прикрашеніемъ быти мае, есть токмо посредствомъ матернего языка возможно.

О кѣлько докляднѣйше по содержанію и объему ту въ общихъ очерганіяхъ изъображеное правило послѣдуе, о тѣлько яснѣйше будутся представленія и понятія выраблѣти, о тѣлько легше буде умѣ на такой способъ образованый собѣ понятія въ память прикликвати або новіи представленія принимати. Онъ легше поїме приѣтгы представленныхъ рѣчей и соединитъ по потребѣ то сіе, то тое въ рѣшеніе съ предметомъ представленымъ. Образованіе рѣшеній на такой способъ улегчаеця, и въ подобный способъ прозводится совокупленіе множайхъ рѣшеній въ одно заключеніе; сіе черезъ долгій часъ сн продолжается, приде бяглость и здѣбность въ мысленію.

Но межи тымъ наука безъ воспитанія со всѣмъ не есть возможна. Вопросъ нашъ достае оже дидактическу и педагогическу сторону. Мы хочемо на самъ передъ первую, а потому втору близшому разбору подтягнути.

При нашихъ народныхъ обстоятельствахъ два случая сугь возможны: матерній языкъ може на гимназіяхъ, на которіи на самъ передъ вниманіе наше звернути мусимо, языкомъ выкладовымъ быти, або онъ не есть тымже.

Въ черпкахъ случаю можъ бы закинути, що ученики матернѣго языка при винныхъ предметахъ достаточно учатся, и въ немъ упражняются черезъ ясну и докладну вымову учителя и при повтаранью черезъ исправленіе ошибокъ учениковъ изъ стороны учителя. Но того не можъ уйти, що ученикъ не всегда понимаетъ докладно словъ учителя навѣтъ при точномъ тыхже произношенію, сли основніи части слова ему не суть вѣдомы. Онъ не понимаетъ такожь, для чого слово такъ уживается и такъ управлено быти має, сли ему сіи и тая будовля положенія не докладно изъяснена и розложена. Многократне таке изъясненіе, н. пр. при исторіи, не тілько дотычному предмету вредъ принесло бы, но могло бы такожь причиною быти, що ані на языковній ані рѣчовой сторонѣ ничъ порядного не здѣлало бы ся, а учителю и ученику охота до того отойшла бы. Но не зважаю на тоє, должень ученикъ такожь матернимъ языкомъ писати умѣти, що токмо тогда статися може, сли онъ ясне свѣдѣніе будовлѣ языка посѣдати буде. Каждый языкъ складаеся изъ словъ, тіи зъ пней и окнчаній, а пнѣ зновъ изъ корпей и слоговъ образованія или наростковъ. Абы оже ученикъ ясне свѣдѣніе будовлѣ языка получилъ, то нужно, щобы съ склоненіемъ и спряженіемъ словъ обѣзнался. По томъ разборъ слова могутъ положенія поставленія быти, положенія могутъ выобразоватися, розширатися и складатися, абы ученикъ правдивіи конструкція познати умѣлъ. При той науцѣ уважае ученикъ, або онъ уважнимъ робится, що часто имя и глаголь по части подобно звучать, що они однакій корень мають. Можъ але наука языка тымъ окончатися має? Или може якому любопытному ученику на який его вопросъ, который онъ въ томъ взглядѣ ставитъ, отвѣта отказать? Тое было бы дидактически и педагогически дуже ошибочно. Дидактическимъ блудомъ было бы тоє, понеже основательность першою задачею каждого обученія быти и зостати муситъ. Сли бо якась рѣчь лишъ по половинѣ учитися має, то есть лучше, дабы не зачинати съ тымъ ніякою науки.

Лишь изъ основно наученого можна всегда и всюду ужитокъ зроби ти а власне на такомъ употребленію, которое изъ каждого слова счетъ здати може, дуже много залежитъ при языцѣ матернѣмъ. Ясность и докладность выразу отъ каждого жадаеся, который церкви и державѣ служити має, и справедливо тоє вымагаеся.

Основательность есть оже потребна, — до основательности але належитъ при каждомъ языцѣ, абы входити въ стихіи его, такъ якъ до основного знанія хеміи наука первоначальныхъ матерій и разборъ тыхже потребный есть.

Стихія словъ, изъ которыхъ вообще языкъ составленъ есть, суть звуки, высшій ступень корней, потому пнѣ. Розумѣеся само собою, що наука языка ту тілько методъ аналитичной посѣдавати може. Она муситъ оже отъ словъ до пней, а отъ тыхъ до звуковъ переходити; при томъ должна ова взглядъ имѣти на силу расположения духа а на языкъ образованія ходъ,

особенно на ровновременне заняті ученіе языковъ классичныхъ, — коротко она о тое старатися має, абы вниманіе и увагу все живу утримати.

Сли оже потреба переходу на стихіи языка безъ всякого сомнѣнія поставлена есть, то такожь явствуо, що на древне состояніе языка, на историчне ученіе языка взгляды имѣти належитъ и такожь сродныи языки для поровныванія притягати; лишь такимъ способомъ науковому обработыванію языка путь углядится, що зяову изъ своей стороны наукамъ етнографіи, исторіи и права поспѣшествуе. Тымъ самымъ думаемо такожь, щосьмо основну и подробну науку въ матеріи языкѣ и его словесности оправдали.

Сли але матерій языкъ не есть языкомъ выкладовымъ, то высше наведеніи причини ще въ большомъ ступени важнѣйшіи суть, бо тогды не можь тое обстоятельство наводити, абы ученикъ языка народногo при нивыхъ предметахъ учился. Тое натурально толькo въ школахъ середнихъ наступити може, и ту навѣтъ оно съ многими ущербами соединено есть, якъ щоденно досвѣдченіе учитъ. Въ школахъ народныхъ не только кожде природне образованіе есть въ опзности, но оно со всѣмъ парализуеся; въ молодыхъ умахъ возбуждаеся невкусъ и неохота, або порожене чванство, состояще въ розкиданью фразъ по половинѣ толькo зрозумѣлыхъ, коли противид зерно самого властивого предмета науки цѣлкомъ нетронуто зостало.

Правдиве и успѣшне образованіе народа оже толькo черезъ народный языкъ осягнеться, и тое есть перель всѣмъ задачею школъ народныхъ; сей преважный органъ духовнои связи не толькo выобразовати, но такожь въ той способъ до значенія привести, абы онъ всѣмъ перствамъ краевыхъ жителейвъ средствомъ до взаимного порозумѣнія и въ дальшомъ слѣдствію до взаимного споспѣшествованія соціального и интелектуального образованія стався.

Въ прочемъ такожь щоденное досвѣдченіе учитъ, що особенно у насъ въ Галичинѣ угѣшительный оборотъ народной науки отъ того часу датуеся, коли элементарному ученію природно матерій языкъ яко подстава положень зостасть.

Наука или наставленіе, казалисьмо высше, послѣ изреченія Гербарта, не може отъ воспитанія роздѣлена быти.

Щожъ есть воспитаніе и що вознаѣряе тоеже?

Воспитаніе має видъ внутренности чоловіка дати, который въ релативно сильному средоточію мыслей и стараній состоитъ; дѣйствованіе тогоже має норовственне состояніе или образъ жиятя обезпечити.

А що есть норовственно?

Чоловѣкъ має обовязки напротивъ себе, сли не хочѣ мячемъ или пилюкою игры страстей и похотей стався; онъ долженъ внутренность свою въ порядокъ привести и старатися, роздоръ внутрія уничтожити и единство или

согласіє возстановити. Нижшія чувства должны высшимъ подчинитися. Но онъ не самъ стоить тутъ. Онъ долженъ съ ближнимъ въ розположенію мыслей соглашатися, съ нимъ для того благосклонно обходитися и обязанности права и справедливости докладно исполняти. Тое благоволеніе повинно чимъ-разъ бѣльше общимъ ставатися и всѣ пользы или интересы прочіихъ своими власными дѣлами старатися. Пользы чловѣчества николи зъ очей трагити чловѣкъ не повиненъ; такіи бо вымаганія ставяе ему етика. Якъ можно але до того прійти, абы ихъ исполнити?

Треба натурально старатися такъ дѣлати, абы росторонность и волю въ соединеніе привести и вольность внутренню возстановити. Треба всѣ средства для образованія благоволенія и высшихъ интересовъ ужити и по тому уважати, якъ они совокупно дѣйствовати мають.

Понеже оже дѣло рѣшено естъ, що молодой чловѣкъ до поровсвенности воспитаннымъ и образованнымъ быти долженъ, зъ другой стороны але, образованіе до поровсвенности на образованію права и розума основуеся, то будемо при вопросѣ о основномъ и подробномъ обработыванью матернего языка и его словесности тѣи точки узгляднати, котѣри на житіе права морально образуочи дѣйствуютъ; все бо педагогическое муситъ на психологій основуватися.

Подъ явномъ розумѣемъ совокупность чувствъ, интересовъ и намѣреній или стараній чловѣческой воли. Образованіе тогоже але мае двѣ стороны, одну позитивну, а одну негативну.

Первая старася благоволеніе и высшіи интересы взбудити, укрѣпити и затримати, ихъ докладно переплести, въ правдивіи отношеніи положити и ихъ ажъ до найбѣднѣйшихъ нюансовъ или оттѣнковъ выробити. Другая старася должное оцѣненіе назначенія и склонности по части отвергати, по части вытиснутц.

Зачаею образованія права вообще естъ, благоволеніе зашепити, етичными, естетичными и религійными чувства розвѣсти.

Годовнымъ же средствомъ образованія права суть мовы, а межѣ тыми мовы или языкъ матерній съ своею словесностію. То, що мовы для образованія права а особенно вкусу дѣлати могутъ, мовить Гербартъ, содержитъ головну причину, для чого мовы для каждого высшего образованія необходиміи и ничѣмъ инымъ заступленными быти не могутъ.

Въ матерномъ языкѣ и его словесности приходитъ духовне житіе того народа, до которого кто принадлежить и до которого наибольшій интересъ мае, до полного выраженія. Его религійніи и етачніи мнѣнія, етепень его истинного образованія суть въ немъ сложеніи.

Тѣи муситъ выростающая молодежь повнати, такъ для своего собственного образованія и усовершенствованія, якъ такожь абы вже разъ знайдене другій разъ не гадати и о кѣлько возможно усовершенствовати.

Найвысшее, що чоловічество въ кождомъ моментѣ своего продолженія здѣлать може, есть, чтобы оно цѣлого генія своихъ доселѣ бывшихъ опытовъ молодому поколѣнію сосредоточенно предложило, чи то яко науку, чи яко увѣщаніе (Гербартъ).

Мы будемо оже подробности при обработыванію словесности не въ экстензивномъ, но интензивномъ смыслѣ разумѣти.

Сли ту о словесности мовится, то выключается натурально словесность отдѣльна или фахова, а токмо той роль словесности разумѣется, который якійсь общій интересъ подае, оже поэзія, исторія, краснорѣчіе. Для образованія нрава и вкуса есть поэзія найуспѣшнѣйша. Такъ мовить Гораць: (Ер. II. I. V. 126 и пр.)

*Os tenerum pueri balbumque poeta figurat,
Torquet ab obscenis jam nunc sermonibus aurem
Mox etiam pectus praeceptis format amicis
Asperitatis et invidiae corrector et via.
Recte facta refert orientia tempora notis
Instruit exemplis, inopem solatur et aegrum.*

Вже дитя, котре на поетяхъ свій языкъ образуе, возбуждается черезъ нѣжныхъ выраженія и достойность мыслей, и направляется черезъ тое, до доброго и хорошего (Квинтиліанъ). О кільки больше хлопецъ возрастаетъ, о тільки больше дѣйствуетъ на его сердце стихотворецъ и образуе тое пріятными науками.

Намѣреніемъ образованія вкусу есть, всѣ виды представленія внугреннего житія въ ихъ нѣжныхъ розличіяхъ познати и зрозумѣти, докладно опѣнити и ними обладати умѣти. Образование вкуса улучшаетъ чувствениость, возвышаетъ духа и отвергаетъ его отъ простого и обыкновенного. Мнѣніе, що той, который для правдиво-хорошого влеченіе чувствуетъ, такожъ и для правдиво-доброе одушевленный есть, має свою полную подставу и есть совсѣмъ вѣрное.

Цѣна естетична же не состоитъ въ множествѣ, но въ доборѣ предмета, и не на примѣченомъ, но на способѣ примѣчанія вкусу основуется. Наше расположение духа не есть для ничего такъ повреждено, якъ для хорошего.

Понеже вкусъ, по изреченію Гербарта, въ фантазіи пребываетъ, то легко можъ поняти, якую помощь тая ему удѣлити може. Въ такѣмъ и овомъ поступованію бо змѣняются обстоятельства, а межи многими обстоятельствами находятся такожъ тѣ, которія своимъ дѣйствіемъ внимательность плѣняютъ и вокругъ себе ний образы группиють.

Задачею синтетичного образованія вкусу было бы оже тое, хорошее въ фантазіи питомця возбудиити. Треба о кільки возможно напередъ предметъ или матерію навести, потому черезъ разговоръ фантазію затрудняти, а потому ажъ саме дѣло искусственце передъ очи поставити. Треба напередъ

содержанье классическаго драмату оповѣсти, обстоятельства событій подробно разложить, ихъ иначе совокудиги, и ту и тамъ лучше изобразити, а на концы поэтъ дополнитъ тое, що бы намъ тяжко оповѣсти выпало.

Що ся касаетъ исторіи, а особливо исторіи своего отечества, то выше сказано я для той относительно значеніе має; черезъ то можна досягнути узшее совокупленіе до своего народа, большее познаніе народу принадлежащихъ судьбъ, а вообще можна черезъ тое до патриотизму возбудити и дѣло народне вскрѣпити и поднести.

Токмо таке уживанье образцевыхъ словесности сочиненій може на естетичное чувство способомъ образующимъ дѣйствовать. Учитель долженъ уже тую или иную дорогу ужити, если не хоче время безуспѣшно промотати, але молодежи истинно въ образованію споспѣшествовати. Самое чтанье не было бы токмо потерей времени, но тое подпирало бы безсмысліе и возбуждало бы скуку, а при дальшому продолжанію такожь и обмерзаніе. Сли оже сочиненія литературніи въ школьъ обрабатываются, то они повинни основно и подробно обработанными быти; тое мае значеніе еще больше относительно до матернего языка.

Классични образцеви дѣла содержатъ окрѣмъ того, що они наведеннымъ способомъ до образованія права причиняются, еще изобиліе религійныхъ идей и чорвственныхъ правдъ и приводятъ тѣи дуже понятливымъ способомъ до воззрѣнія. Не тяжко то выпаде, религійніи идеи на якѣмъ образцеvomъ сочиненіи словесности показати. Правды же егичніи должны до нашего воззрѣнія прійти, понеже таке сочиненіе, въ др. драма, значную долю життя людскаго, норовственный свѣтъ въ маломъ представляе. Изъ каждой стычки правилъ норовственныхъ въ житію можна полезніи науки тягнути. Натурально молодому чоловіку, который до норовственности воспиганымъ быти долженъ, толькы такіи дѣла можъ въ руки давати, которіи съ норовственностію не стоять въ противорѣчію.

Сли оже на такой способъ черезъ умственное и норовственное присвоеніе великихъ образцевыхъ сочиненій вкусъ образованымъ есть, то лежитъ въ томъ найпевѣйша охорона отъ розвращенія и злого образованія норову; въ томъ бо сильна, смысловая мѣра сужденія дана есть, черезъ котору полезне отъ непотребного чувствомъ, хоть не яснымъ свѣдѣніемъ различити можна. Наклонность до грубого и простаго не буде могла потому вкоренитися такъ, якъ охота до страннаго и фантастичнаго; опасности безсмысленнаго многочитанія для неосновательности и оскорбленія житія права не треба буде больше боятиса; сочиненія теперѣшной словесности будутъ здорово, самостоятельно и вообще добре осужденными; знаніе же тыхъ, которыи пытки и мѣлки суть, перестане общежительною потребою быти и яко знанія высшего образованія значити.

Закончился цѣлый ходъ, каже Гербартъ, при противоположеніи жеи въкомъ и идеаломъ розума того, чимъ чловѣчество бытъ повинно, съ посредствующимъ розсужденіемъ, чимъ оно быти могло, и що для того поедмнокій дѣлати мае.

I. A. Бурачинскій.

СБОРНИЧОКЪ СЛОВЪ

и выраженій чисто-народныхъ, назначенный матеріаломъ до
русского Словаря.

(Авторъ сего Сборничка, Г. И. Магура, родомъ изъ Угн ова, вѣстечка въ Жолковскомъ округѣ, населенного на-скрѣзь жителями чисто-русской породы и бесѣды, которми искѣни майже всь занимаются гарбарствомъ и шевствомъ яко и торговлею своихъ предметовъ широко по Галичину. Потому-то терминологія относительно къ ихъ рукодѣліямъ и занятіямъ въ словарѣ Г. И. Магуры, будучи вполнѣ докладна и вѣрна, заслуге на особенное уваженіе изъ стороны лексикографовъ и языковедовъ, вразъ же и цѣлый трудъ сей многоцѣнный достоинъ послужити призаомъ для укладанья подобныхъ сборничковъ и въ другихъ сторонахъ нашей Руси. — Изд.)

Ангапка, *Handhabe*.

Бабка, *Dengeseifen*. — Бабъи, *Weibernarr*.

Бавница, бавничка, *Kopfbinde M.**)

Баламугъ, 1. *Schwindelkopf, Verführer*, 2. *Futtersack* (denn man an die Deichsel bindet, um die Pferde zu füttern).

Барышѣвно, *Mäflerlohn*. — Барышѣвникъ, *Mäfler*.

Барышѣвныи дѣла, *Mäflerei*. — Барышковати, *mäfln* (als *Mäfler*); *schafern*.

Безногавичникъ, *der ohne Unterhosen ist*.

Безпалькій, *fingerlos*. — Безхвѣстый, *schwanzlos*.

Безъ дому и везъ дому, *ohne Dach und Fach*.

Безъ суда, *unzählig, zahllos*, и. пр.: у него безъ суда грошества, *er hat eine unzählige Menge Geld*.

Берегулька, *Uferschwalbe* — Близоздркіи, *kurzstädtig*.

Бичевно, батожиљно, *Weitschenstiel*. — Блѣгъ, *g. блогъ, Brachfeld*; *Trift*.

Бичевный, (на бичевницѣ) кѣнь, *Beisferd*. — Блѣсканка, *Wachstelze*.

Близень, *adv. sehr nahe, ganz nahe*. — Бѣбки, *pl. Schafforber, -koth*.

Бѣлдуръ (долбуръ), *Block*; *Rümmel*. — Бѣмокъ, *Bremse*.

Бѣчлостый, *weißseitig* и. *W. Kuh*. — Бѣчуля, *weißseitige Kuh*.

Бѣзъ, яте, *junges Störchlein*. — Бѣчиня, *Ochsenhaut*.

*) М. значить село: Мужиловица, — К.: Коло мия.

- Бѣльмакъ, бѣльмачъ, Starrblinder.** — Бѣльматый, starrblind.
Бѣлюга, Lafen. — Безпалець г. везпалека, Fingertlofer.
Варениця, gekochtes Pfäfflein.
Ватрѣти, zu Asche brennen, veraschen. — Великдановатый, lümmelhaft.
Великданникъ, -иця, великданъ, -ка, Lümmel. — Вѣлптенъ, велптъ, Niese
Велицезный, велицестый, riesengroß.
Вѣличъ, indecl. groß, и. пр.: то вѣличъ хлопѣе, das sind große Kerle.
Верѣтяжъ, das Thürkettel, das Kettenhäkchen an der Thüre in Bauernhäusern.
Вергола, -лиця, Pfußer, -in. — Верголати, pfuschen.
**Вортоухъ, 1. Weibkeule, 2. Person, die sich unaufhörlich bewegt, nicht still
 sitzen kann.**
Видно (видъ), lichter Ort; Ansicht; Schaup. — Вѣлиско, Gabelstiel.
Вѣнникъ, 1. Branntweimbrenner, 2. Aschenbrödel.
Вѣнниця, 1. Branntweimbrennerei, 2. schmutziges Weib.
Вѣсникъ, Galgendieb. — Вѣсунка, Zwirnftern, -wickel.
Водило, Zügel. — Воджкѣ, pl. Lenkseil.
Воджакѣи, наводжати, (Das Lenkseil an den Zügel) anbinden.
Возильникъ, Fuhrmann. — Воловина, Ochsenhaut.
Воловитый, schwerfällig, langsam. — Волоконникъ, Fingermurm. M.
Волокъ, г.-у, 1. Grünes, Grünzeug, 2. Speise von Grünem.
Волуйко, Ochsentopf. — Волуйковатый, ochsendumm.
Волосянка, Sânger (Vogel). — Волоцюжникъ, -ця, Landstreicher, -in.
Волчій недогрызокъ, недокусокъ, недоблокъ, wolfbeißiges Vieh.
Ворва, Beutelschneider. — Ворволя, g. ворволя, Hautblase.
Ворозка (шайка), Schlinge, Scheife (bei der Weitsche) M.
Воробати, оборобати, wenden, umwenden, fig. enthülßen (просо); stampfen (лубъ).
**Воскрѣсъ, Lebensfrische; и. пр.: онъ ни безъ якого воскресу, er hat kein
 Leben in sich.**
Востявати, зюфтиген. — Восчяги (чоботы), wischen.
Всклезъ, ня-веклезъ, adv. durch und durch. — Выгина, Biege.
**Выгонистый (и. пр. поле), der Viehtritt, dem Viehwege am nächsten gelegen;
 hervorgewachsen, hoch aufgewachsen.**
Выдощина, Gutgeld, Gutlohn. — Вымпаати, außlecken.
Выѣ, Gabelbeißfel (am Ochsenwagen). — Выпорный лубъ, Lohfuchen, -fäse.
Выпарати (отъ перти, drängen), mit Zudringlichkeit etwas erlangen.
Выобрный приказокъ, Lohfuchentuse. — Выпоръ, Lohfuchen, -fäse.
Вѣрыскати, -рысчати (кого), durchprügeln. — Вѣскепанникъ, Ausreißer.
Высляти, 1. außfädeln, 2. außschöpfen (и. пр. выпоръ зъ приказка).
**Вѣскепати, herausspalten; außreißen; wecken; anfechten; außtilgen; выске-
 патися, ent schlüpfen, entwischen, sich befreien; и. пр. ворва ну выске-
 павъ гроши съ шабатурою, ein Beutelschneider hat ihm das Geld mit**

der Schatulle geraubt; вже та немудрий по заранки до насъ выскепавъ, Gott-wei = bei = uns hat dich schon am frühen Morgen zu uns geneckt; буда ще ты и въ своей хатѣ выскепав, ein böses Wesen wird dich noch in eigenem Hause anfechten. (beunruhigen); тую нечестъ зъ нечелка выскепавъ, diese Thiefsen (das Gestindel) werden wir unvermerkt ausfilgen; ктось ся выскепавъ зъ тюрьмы, jemand ist aus dem Gefängnisse entflüpfst; ты ся выскепавъшъ отъ своихъ вороговъ, du wirst dich von deinen Feinden befreien.

Выскепъ и. Выскепа, Schinderei; Anfechtung, Angriff; Beunruhigung, н. пр. новый выскепъ людѣмъ, eine neue Leuteschinderei; доистный выскепъ мой ся домъ осливъ, eine wahre Anfechtung (hat mein Haus ntschlungen d. i.) ist über mein Haus gekommen.

Выслиця (отъ выслити, ausschöpfen), Regenbogen K.

Высолопити, высолопити (языкъ), heraustrecken; (einem) zeigen.

Высоцѣный, высокоцѣный, sehr hoch. — Вытѣпки, Ausgebräuf.

Выпухъ, ein unehelicher Sohn, ein Bastard.

Выпуша, ate, ein uneheliches Kind.

Выпушка, eine natürliche, uneheliche Tochter, eine Bastardin.

Выстѣти (зъ якого мѣстца), austreten.

Выстѣпка, Auspostierung, Wattirung.

Выцѣкти, nach und nach in kleinen Posten auszahlen.

Выцѣкъ, Auszahlung in kleinen Posten; выцѣкомъ платитъ, er läppert seine Schuld ab, zahlt nach und nach in kleinen Posten.

Въиць, pl. Hals (am Topfe).

Вѣръ, Borg: на вѣръ брати, давати, auf Borg nehmen, geben.

Вѣсѣнь, бути (о чомъ), wissen (von etwas); онъ ни о чѣмъ не вѣсѣнь, er weiß von nichts.

Вязъ, Band; Bloßensuhl; вязи скрутити, den Körperbau beschädigen, den Hals brechen.

Гай, г. гая, l. zeit tödtender Mensch, 2. Verlust; гай часу, Zeitverlust; гай работы, die Versäumnis der Arbeit.

Гайворонъ, die Rabenkrähen fig. die Narren.

Галаватый, галайковатый, schwatzhaft. — Гайливый, zeitraubend.

Галай, галайко, Schwätzer, — Гапка, Festschen.

Гиль, Stel; на гиль переходити, zum Stel werden d. i. verachtet, verabscheuet werden; на вѣчный гиль перейти, ewig d. i. immer verachtet, verabscheuet werden.

Гиза (зѣвращъ), Schieler. — Гирявецъ, haarstreibiger Mensch.

Гичъ, гичка, гичье, Kräuterich, Blätterwerk.

Гляляти (опыхати, толчи по пересѣяню), enthüllen (просо); stampfen (дубъ).

Гладова, schöne Frau. — Глухая улица, Sadgasse.

- Глиняникъ, глинянокъ, глинякъ (судья съ глиною до мазанья).
 Глодати, fig. drücken, pressen (als enge Schube).
 Гнидавецъ, ein Mensch mit unreinen Säfteu.
 Гнилоба, гнилобаникъ, -ца, гнилоба, Knäuser, -in.
 Гнилобани, -бсти, 1. knäusern, 2. durch Knäuserei vergeuden.
 Гиддѣти, bräunen, braun machen; гиддѣтисъ, braunroth werden.
 Гивауля, braune Kuh. — Говнякъ, Roth.
 Говтати, уговтати (коня) zahm machen, bezähmen.
 Годъ, Jahr; чорный годъ, schwarzes d. i. unglückliches Jahr; кому чорный годъ справити, einem ein schwarzes (unglückliches) Jahr bereiten d. i. drohen, Schlechtes zuzufügen: чорный годъ мати, ein schwarzes (schlechtes) Jahr haben; болай го чорный годъ напавъ, möge ihn ein schlechtes Jahr treffen (daß ihn der Teufel hole.)
 Годованикъ, Mastochъ, -schwein. — Голикъ, Brandstätte.
 Голова, harte Korngattung. — Головати, feilen, einfeilen.
 Головдсь, adv. in Stiefeln ohne Strümpfe. — Головачъ, Kaufkopf.
 Голоднѣ, 1. Hungerstoth, 2. Ausgehungerte; голоднѣ бере зъ огня, Roth bricht Eisen.
 Голомна, 1. hordeum nudum, 2. fig. ein armer Mensch.
 Голомшити, bloß oder nackt machen. — Голоснюкъ, Klawer.
 Голопупецъ, Nacktnabel, nackter Mensch. — Голунъ, nackter Kerl.
 Голотечъ, голотечина, Freie; онъ сидитъ на голотечи (на chyлу), er wohnt (d. i. sein Haus steht) auf dem vorragenden Orte.
 Гоны, Feldweg. — Горá, Dachboden.
 Горбобьяна, Hügelgegend. — Горка, Heuboden.
 Горный (горнѣській) letzt; онъ го горнѣській разъ видѣвъ, er hat ihn das letzte Mal gesehen; я маю горныхъ пять крейцаровъ, ich habe nur fünf Kreuzer; горный сидитъ въ хатъ, er wohnt allein im Hause.
 Горный (горнѣській) съ душею, mütterseelen allein.
 Гороэжитисъ, sich brüsten. — Гороэжиство, Prahlerei.
 Гороэжливый, prahlsüchtig. — Гороэжникъ, -ня, Prahler, -in.
 Гороэжный, prachthast. — Горопашити, habfüchtig sein.
 Горопашливый, habfüchtig. — Горопашникъ, -ца, habgieriger Mensch.
 Горопашный, habgierig. -- Горуля, eine Art kleiner Fische.
 Горобшковатый (ромѣнь), Leder, welches eine erbsenähnliche Außenseite hat.
 Грабарка, Schindanger. — Грабляско, Rechenstiel.
 Громовица, Donnerwetter. -- Грубаръ, -ка, Großbauch.
 Грошиство, eine Menge Geld; у него грошиства бозъ судá, er hat eine unzählige Menge Geld.
 Грудниця, Brustbein; Bruststück. — Грѣпнути, грѣпнути, bauen.
 Грѣпати (голову, шапку на голову), (die Mütze) aufsetzen.

- Гупало, Rohrdommel. — Гушавина, гушавникъ, гушакъ, Dickscht.
 Дарный (н. пр. корова), fehlerlos (bei den Juden: koscher.)
 Двойникъ и двойняки, Zwelltopf. — Дервенѣти, holzig werden; erstarren.
 Деревня, Bauholz. — Дереза, streifchtige Person.
 Держало (у ложки) Handhabe. — Довжастый, sehr lang.
 Довжень и довжина, Länge. — Доловка, Handmühlgestell.
 Догаряги, догорѣти (кому), jemandem zusetzen.
 Дотыркаги, доткнутися, anrühren, leicht berühren.
 Дранье, Lumpen. — Дубница, Bohbeizwasser.
 Дрѣска, Sprung (з. В. auf dem Feder), Ritze; Splitter.
 Дрѣскати, дрѣснути, ritzen, verletzen; дрѣскати, — дрѣснутися; сѣх ritzen
 verletzen; сѣх splintern; (ремень) springen.
 Дубное решето, ein Bastsieb, womit man Bohle durchsiebt.
 Дубный прикладокъ, Bohlfuse. — Дужий, gesund; stark.
 Дубъ, d. дубу, 1. Eisenrinde (дубова кора), 2. Bohle (толчена кора), 3. Boh-
 beize (причійнокъ), 4. Weizbohle (причійняный, пересыпный дубъ), 5. Boh-
 fischen (выпѣрный дубъ, выпѣръ).
 Дудия (на капелюхъ) Strohhalm.
 Дурация, Wahnsinn. — Дурбаръ, Dummkopf.
 Душа (у записки), Satz (bei der Schürze). — Дядяна, Tante, Muhme.
 Еднолѣтець, — лѣтица, einer, der (eine, die) mit einem (mit einer) andern
 von gleichem Alter ist.
 Едносталковецъ, Gabelpferd. — Едносталковый, einspannig.
 Едносталокъ, Einspanner, Gabelwagen.
 Едносталь, Einförmigkeit; въ едносталь, gleichförmig; einförmig.
 Едностальный, gleichförmig, einförmig. — Елопъ, Narr.
 Жвяка, langsamer Kauer. — Жвякати, langsam kauen.
 Жельзъе, Eisenwerk. — Жердяти, mit Stangen zäunen.
 Жилавти, zähe werden. — Жмѣнда, Knicker, Geizhals.
 Жмѣндавий, knickerig. — Жмѣдати, knausern.
 Жмѣнь, Dreck, не маю жита на жмѣнь (я жмѣну), ich habe nicht ein Handvoll Korn.
 Жмутъ, Gebüdel, Bund. — Жопнути, сѣх niederhocken
 Жопѣти, hocken; हुकेद sitzen. — Жорювка, Quirl.
 Завѣрта головы, Schwindelkopf. — Завѣзъ, Zufuhr.
 Завѣйница, Lähmung; завѣйница го подвѣля, er ist gelähmt.
 Завѣяти (кого), lähmen. — Завязковатый, kernhaft, kernfest.
 Загайгися, verdreht im Kopfe sein. — Загайчастый, gebogen.
 Загнетця, Fingerwurm. — Заголовѣти, verfeilen, vernieten.
 Задѣрчастый (нось), aufgeworfen. — Задникъ, das hintere Stiefelbrett.
 Зазубецъ, Angelhaken. — Зако́та, Stumpfnase.
 Зайклицецъ (икавецъ, ика, икало), Stammlex. — Закрышка, Würze.

- Займа, Pfand; въ займу брати, pfänden; въ займу давати, класти, verpfänden;
 въ займъ быги, лежати, verpfändet sein.
- Закутати (шо), wohin verlegen. — Заложникъ, Löffelbehälter.
- Зелѣнухъ, 1. schliefger Streifen im Brot, Schließ, 2. schliefiges Brot, 3. Krüppel.
- Зелѣпушити (хлѣбъ), nicht recht ausbacken lassen.
- Зѣличокъ, 1. Wacke, 2. Kinnbackenleder; зѣлички, Wackenbart.
- Залѣхати, залѣхнути (за чимъ), verschmachten.
- Запрѣ, Todtengespenst; Mensch (wie Leiche). — Запрѣлецъ, Sauertopf.
- Запрѣмый, düstet, finstet; sauertöpfisch. — Замязній, wohlbeleibt, massiv.
- Занѣкъ, Pflock am Fische. — Запѣка, 1. Schmiele, 2. Starrkopf.
- Запарайти (перги, drängen), mit Zudringlichkeit etwas verlangen, begehren.
- Запника, Schurzfell; Schürze. — Заплешити, verkeilen, vernieten.
- Заплювати, — нутися 1. (куска), sich einnigsten, 2. keimen (vom Hühnchen im Ei).
- Запѣлка, запѣлочина, Wörtuch. — Заполокъ, Bauchleder.
- Заполье, 1. запѣльная стѣна, Scheidewand, 2. засѣкъ, Banse.
- Заполяти, — полѣти, einhüllen; кожухомъ заполятися, sich in einen Pelz einhüllen.
- Запортокъ, bebrütetes, faules Ei. — Заслинивецъ, Geisertmaul.
- Заранокъ, Morgenfrühe, fig. Morgenbesuch; по заранокъ (по заранки) при-
 ходимъ до кого, Jemandem einen Morgenbesuch machen; они прийшли
 до мене по заранки, sie haben mir einen Morgenbesuch gemacht.
- Застѣяный, steif; въ застѣяны чоботы обути, steife Stiefel anziehen.
- Затулъ, Ofenthür. — Затылокъ, Hinterhauf.
- Затулка (душа у запники), Satz, Fleck z. B. der Schürze.
- Заузокъ, Hinterleder; чоботы — заузки, Stiefel vom Hinterleder.
- Злоровецъ, Kerngesund. — Зимѣха, kaltes Fieber.
- Злива (порѣсний, порѣсливый дощ), Platzregen. — Зливка, Pollution.
- Злиновати, leiden, darben. — Зовиця, Schwägerin, des Mannes Schwester.
- Зола, Aschbeizwasser (bei den Gärbern). — Зоплѣтъ, Schusterdraht.
- Золини (скѣры), ästern; (хусты) beuchen. — Зъ-разъ Schnitt (Schuster).
- Зѣльникъ, зѣльниця, 1. Weichfaß (на хусты), 2. Ästet (на скѣры).
- Зѣльный прикалокъ (зѣльникъ, зѣльниця), Ästet.
- Зѣляникъ, назѣляникъ (который назѣлюе скѣры т. е. перосыпае вапною або
 попеломъ) Ästbeizer.
- Зъ-ненемка, adv. unvermerkt, unversehens. — Зсвѣдѣмый (сыръ), ranzig.
- Зръзка, Streich (auf dem Leder). — Зъ-укѣсний, quer, schief.
- Зставляти, — ставити, — стѣяти (чоботы), vom Leisten abschlagen.
- Зъ-укѣсъ, Quere; менъ все иде на зъ-укѣсъ, es geht mir alles in die Quere;
 онъ ми робить все на зъ-укѣсъ, er macht alles mir zum Troß.
- Зѣвная перепонка, Riemenhaut. — Зѣвы, Riemen.
- Зѣкратый, schielend. — Зѣкратъ, Schieler; Мошнѣopf.
- Зѣкры, schielende Augen; зѣкрами глянуги (на кого), jemanden anschielen.

- Зябá, зяблá, Winterbrache; зяблѣю (зябѣю) лежати, winterbrach liegen.
 Зябѣти, зяблѣти, für den Winter pflügen. —
 Калапу́тати, rühren. — Калапу́тка, Rührbrei.
 Кальнѣ́къ (судина съ глиною до мазня). — Калѣ́нка, Ofenstöpfel.
 Камáкъ (кямáкъ), kleines Stöckchen; камáчы, Braum.
 Капарáти, verschwenden, stümpern; капарáтись, vergehen, schwinden, nach ein-
 ander verschwinden, untergehen.
 Капарнѣ́къ, Glender; Stümper. — Капарнѣ́й, elend.
 Кáпарь, -ка, veramteter Mensch; въ кáпарь, на кáпарь переходить, zu nichts
 werden, verarmen.
 Кáпшца (узыца), Kappe am Dreschflegel. — Кáкôть, Daumen.
 Катúлька, Kloss u. пр. замѣсити двѣ катульцѣ локшинѣ.
 Кваснѣ́ця (лѣснѣ́ця), Walbapfel, -birn.
 Керѣ́ннѣти, verletzen; stümpern; verschwenden; beschmutzen, (Коломыя).
 Керѣ́ня, Schmutz, Rehricht. — Класти (и. пр. хату), bauen.
 Кѣ́бавка (гѣбавка), Kopfreif (bei den Bäuerinnen).
 Китъ, кѣтиця, Büschel; Rispe; кѣтичка, кѣчка, Strohbündel (на поштѣ).
 Клепáчь, á, Klopfeule. — Ключáкъ, Glätter.
 Клинúти (зубы), an einander pressen; заклинúвъ зубы, er hat die Zähne an
 einander gepresst.
 Клôпôть, 1. Lappen, 2. Flocke; Büschel ꝛ. В. Feu.
 Клопоухѣ́й (вислоухѣ́й), Klapphörig. — Ковязну́ти, starren.
 Ключовáти, glätten: ключуе подошву ôстакомъ (ключакôмъ), er glättet die
 Sohle mit dem Glätterholze.
 Кôблѣ́ця, 1. bogenförmige Krümmung, Bogen, 2. (bogenförmig ausgeschnit-
 tenes) Bankbein.
 Кôблѣ́ннѣця, 1. Schabebaum, 2. Schneidebank.
 Ковертáти, коверну́ти, lenken; fehren; wenden; leiten.
 Ковертѣ́ти, wimmern, jammern, winseln, klagen.
 Коворôтливѣ́й, коворôтнѣ́й, lenksam. — Кôворôгъ, Richtung; Leitung.
 Ковязá, der leicht erfriert. — Ковязнѣти бѣду, Noth leiden.
 Ковязливѣ́й, der leicht friert. — Кôзли́на (на столôдѣ), Bock.
 Кожиáрь, -ка, Kürschner, Kürschnerfrau. — Кôзу́ла, kleine Kuh.
 Кôзѣ́лецъ, Gestell (unter den Zwirnsten). — Кôлáчнѣкъ, Flechtentring.
 Колбáнь и. Колбáня, Wasserchlund. — Кôлôгáвка, Holzschelle.
 Кôлôть, Bund Stroh, Schütte; кôлôгы, кôлѣ́е, Schütten, etliche Bund Stroh.
 Кôлѣ́е, Pfähle; кôлѣ́е (клинѣ́е) на головѣ кому тесати, Holz auf einem Hacken.
 Кôлѣ́нá, Fuhrmannsßiß, Bock. — Кôлѣ́чѣ́тись, feimen.
 Комáха, Insekt. — Кôмѣ́тъ, kopfüber. — Комлá, ein Fischerneß; Zuggarn.
 Конопа падае (кого), еъ ју́къ, не́къ; вже ты конопа на двôрь падае, ју́къ
 dich schon hinaus?

Конопити, falschern; reizen, necken; конопитися, vor langer Weile vergehen; вже ти нечесь на двір конопитъ, lößt dich das Gesindel schon hinaus; его вже сконопило выйти, es juckte ihn schon hinaus; я ся горный сконоплю, allein werde ich vor langer Weile vergehen.

Конопливый, neckisch. — Конопникъ, Locher.

Копаниця, (natürlicher), полóзье (gebogener) Schlittenbaum.

Копатися, sich tummeln, geschäftig sein; sich eifrig woran machen; schnell laufen, springen.

Копелó (сгравъ), Schlittenstolle. — Копливый, eifertig.

Копный, 1. eilig 2. grubig. — Корéчникъ, oberflächtiges Rad.

Корманъ, Bauerkittel vom groben Tuch. — Корвákъ Wurzelstumpf.

Корóвица, 1. Kuh, 2. Mistkäfer. — Корокулюватый, knorrig.

Корокуля, Knorren (am Baum). — Корóсья, Fischeamen.

Коротати (свой вэкъ), mühsam zubringen.

Костриця, 1. langes Holzschit, 2. abgehauene Fichte von mittlerer Größe.

Кострубáчъ, —буля, haarsträubige Person. — Кóсье, Sensenbaum, -stiel.

Кóськóмъ, adv. auf die Seite, u. пр. его занесло кóськóмъ зъ лавки, er fiel von der Bank auf die Seite.

Котати (нось), aufwerfen. — Когникъ, когнюхъ, Preßwurf.

Кóликъ, Kratz, Fleck z. B. auf der Sohle.

Кóцька, Raße; кóцька ся мѣже, die Raße schwänzelt.

Кóцький, wie groß? wie klein? кóцько, wie viel d. i. wie wenig.

Кóчка, Hinterwagen. — Кóшениця, Heufutter.

Кóшель (кубеля), Lindenbastkörbchen. — Кошавый, hager, mager.

Кóязитися, sich zusammenrollen; sich schmiegen; sich krümmen.

Кравальникъ, Zuschneidmesser, Kneif. — Красуля, scheckige Kuh.

Кравальница, Zuschneidbrett der Schuhmacher. — Крайки Anschrote.

Крадаёмкий, heimlich, по крадаёмко, по крадаёмци adv. verstohlener Weise.

Краляльничъ, Zuschneider (Schuster). — Кроничины, Quellengebiet.

Кривуля, Kruttholz. — Криновка, Bratpfanne.

Крїяти, gesund und stark werden. — Круть, Maulwurf.

Крóмити, theilen, trennen; in Theile theilen (вало); entzweien; крóмитися, u. einig sein; nicht zusammen essen, wohnen, leben.

Крómъ, Abgesondertes; въ крómъ сляти, abgesondert, einzeln wohnen; въ крómъ всти лавати, jedem einzeln zu essen geben.

Кружати, 1. на перéкругъ рубати, quer hauen, 2. збóже, sichten.

Кружёлка, 1. Reckenstock, 2. (капусты) Krautscheibe.

Кружóлы, pl. Bretterschlitten. — Кряка, Frosch.

Крутёлъ, ein Strohwiß zum Umwickeln der Füße.

Крышити, закрышити, würgen. — Кудóльчити, zausen, zottig machen.

Крюць, крjúцько u. крjúцькъ, lendenlahmer Mensch.

- Курня (окопглан хага), Rauchloch. — Курній зубъ, Backenzahn.
 Куръй, 1. Henne, welche kräht, 2. Fiederviehwächter (bei den Juden).
 Куска, Ungeziefer; въ кальной сорочкѣ куска ся заплюнула, in schmutzigem Hemd hat sich das Ungeziefer eingestestet.
 Кутати, bewirken, bewerkstelligen; кутатсь (съ чимъ) sich tummeln, geschäftig sein.
 Кучма, Pelzmütze. — Кучонъръ, Fledermaus (Любачёвъ).
 Ладовати, ein Hochzeitlied singen. — Лаза, fauler Landstreicher.
 Лайня, лая, (Hunde-) Heze; Хаузен. — Лемешякъ, Kleibodengrund.
 Лепуховатый, nicht ganz ausgebacken; etwas schliefzig, gebrechlich.
 Лѣпухъ, 1. Schließ, 2. schliefziges Brot, 3. gebrechliche Person.
 Лѣя, Лѣмця, der vordere Theil des Stiefelschaftes.
 Лѣпати, лѣпнути, 1. blinzeln mit Augenlidern, 2. (Feuer) flackern.
 Лоборскій, spißbubisch. — Лоборъ, -ка, Spißbub, -in.
 Логая, Gerstengraupe. — Лодийякъ, Schmiertalg (Schuster).
 Ложнякъ, Bettdecke. — Лопатень, Rabenbohrer.
 Лохати, лошати, in Schrecken setzen, scheuchen; лохати, -штись, sich fürchten, erschrecken.
 Лохати, (кого) sigeln; (шо) schlucken; schlucken; (за чимъ) begierig verlangen; лохатсь, brünstig, geil, lustig sein; лохаеси, impers. wird lange.
 Лохачка, Kiesel; Kiesel. — Лохливый, furchtsam, schüchtern, scheu
 Лохникъ, -ця, gieriger, habgieriger Mensch.
 Лохнути, hungern; schwachen; lechzen; gierig auf etwas werden, sein; Бангigkeit, lange Weile haben, sich sehnen; лохне ми ся, impers. es ist mir bange.
 Лохный, begehrend, gierig; bang; менъ лохно, es ist mir bange.
 Лохня, Bier. — Лохъ, Schrecken; Begierde, лохн. pl. tolle Streiche.
 Лубъ (запятакъ), das Hackenstück, Hackenleder im Stiefel.
 Лупай, -ка, Abdecker, Abdeckerweib; Leuteschinder, -in.
 Лъвцунъ, -ка, eine Person, die links ist. — Лъса, Flechtwerk.
 Лѣттепльий, lauwarm. — Люби-мене, Liebestrank.
 Любунъ (любуненько), любуня (любуненька), Liebchen, Herzen.
 Лягма лжати, (von Kranken und Faulen) hart und fest liegen.
 Магдалка, Quarzkrase. — Мазянка, einfarbiges Oesterei.
 Мазкйй, fett; schmierig. — Майно, Habe, Vermögen.
 Макотра, Reibschüssel. — Малѣня, kleines Kind.
 Мандякъ, Bauerkittel. — Матерія, linke Flugsterze.
 Манякъ, 1. Schwindelkopf, Verföhler, 2. Futtersack (den man an die Deichsel bindet, um die Pferde zu füttern).
 Матеріянина, mütterliches Gut, Vermögen.
 Матия, 1. Mutterwurzel, Herzwurzel, 2. Mittelneßsack.

- Мѣточина** (колѡбака), Stabe (am Rade). — **Мѣткій**, schnellfüßig.
Мѣрга, мѣргало, Grübler, Grübelpopf. — **Мѣчикъ**, Flachsflinge.
Мѣтъ, Гестѡбер; мѣтъ мѡтѣ, еѡ стѡберт; люди идуть до церкви якъ мѣтъ мѡтѣ, die Leute (wimmeln) strömen in Haufen in die Kirche.
Мягкій, glänzend, schimmernd. — **Мягъти**, schimmern.
Мѣза, Maul. — **Мизунъ**, -ка, Schmeichler, -in; Buhler, -in.
Мѣзати, мѣзати, mit dem Maul rühren; lecken; мѣзаться, sich rußen, schmei-
 geln; schmeicheln; schwänzeln; buhlen, н. пр. корѡвица тѣля мѣжѣ, die
 Kuh leckt das Kalb; пѣся са мѣзало, das junge Hündchen schwänzelte.
Мѣзѣнка, rechte Pfugsterze. — **Мѣвѣый** (голосъ), dumpf, schwach.
Мѣзѣти, намѣзѣтись, schmolten. н. пр. она ся мѣзѣтъ, sie schmollet.
Мѣа, alles, was von einander leicht geht, nicht dauerhaft, sehr schwach, müde-
 ist, н. пр. та нѣтка рвѣся якъ мѣа, dieser Faden reißt sehr schnell; кар-
 тофля, якъ мѣа, die Kartoffeln sind nicht nahrhaft.
Мѣвѣти (мясо), gar werden. — **Мѡлѡдушка**, junge Henne.
Мѡрѣмухъ, Fliegenflamme. — **Мѡго**, kleine Elle; Zaspel Garn; Gebinde.
Мѡтовѣзѣти, sitzen. — **Мѡтовѣзѣникъ**, Seiler.
Мѡтовѣзокъ, Fiße; Bindfaden. — **Мѡтузѣникъ**, Seiler.
Мѡтовѣзъ, Strick, Strang; мѡтовѣзѣе, Stricke, Stränge.
Мѡтѡлитѣ (мотѡлѡшѣти), zusammenbrücken; verwirren.
Мѡтѡшатѣ, hin, - und her ziehen, herumreißen; zupfen; мѡтѡшатѣся, sich
 herumzerren.
Мѡтузѡлитѣ, sitzen; verwirren. — **Мѡтузѡлокъ**, Fiße; Bindfaden; Angelschnur.
Мѡчѣвѣтѣый, dauerhaft. — **Мра**, Traumgesticht, Gespenst.
Мрѣй, г. мрѣя, Nachtgespenst; finsterner Mensch, Griesgramm.
Мрѣитѣ, träumen; dunkel machen, н. пр. они мрѣятъ о счастѣю, sie träumen von
 dem Glücke; хмѣры мрѣятъ свѣтъ, die Wolken verdunkeln die Welt.
Мрѣй, ая, ѡе, trübe, düster; finster; мрѣй день, ein trüber Tag; на дворѣ
 мрѡ, draußen ist düster; дѣти мрѣи, die Kinder sind abgezehrt; сонѣце
 мрѡе, die Sonne ist umdüstert.
Мрѣитѣ, leise schlafen, schlummern; Staubregen fallen; wimmeln; düster werden;
 дѣтя мрѣю, das Kind schlummerte; сонѣце мрѣе, die Sonne umdüstert
 sich; дощякъ мрѣе, еѡ fällt ein Staubregen; дѣти помрѣи, die Kinder
 sind abgezehrt; бана мрѣе, die Kuppel schimmert; ярмарокъ мрѣвъ людьми,
 der Jahrmarkt wimmelte von Menschen; на дворѣ мрѣе, draußen wird
 düster.
Мрѣя (мрѣява, мрѣявица), leiser Schlaf, Schummer; Gewimmel; Schwarm;
 Dusterwerden.
Мудѡ, Fode. — **Мудрѡ**, Kunst, Erfindung. — **Мудруля**, Klüglerin.

Мулька, Fingerfeige, Nichts и. пр. будешь ся скѣпати при табарку, то мульку, стеребишь, wenn du nachlässig wirst bei der Aufgabe, so bekommst nichts zu essen; мульку достанешь не гроши, du wirst kein Geld bekommen.

Мукаги, brüllen. — Мулявица, junge Fischbrut.

Муровиць, Leichenbläße. — Мурогъ, Nasenplatz.

Мытель, г. и. Waschwasser. — Мытникъ, -ця, Mäsker, in

Мѣдци, Spitzmauß. — Мѣньба, Tausch. — Мѣстѣй, Nachgeburth; Fetthaut.

Мязкѣй, dicht dick; massiv и. пр. той ремень есть мязкѣй, dieses Leder ist dichter.

Мязнути (мязшамъ ся робити, мязшъин), dick werden, dicker werden, an dicke zunehmen.

Мязокъ, Mart; Kern; das Beste. — Мязкѣй, saftig

Мязъ, der körperliche Inhalt, die körperliche Masse, die Dichtigkeit, Dicke; Beleibtheit, Festigkeit; Splint; мязъ дерги, das Fleisch reißen, fleischen и. пр. той ярошь мязъ эъ вась поарѣ, dieser grausame Mensch wird euch zerfleischen.

Мискá мясчина, Baumsaft; Milchsaff; außgepreßter Saft, Essenz; мяски, мясчины набирати, въ мяску, мясчину иги, in den Saft gehen.

Мясчится (дерево), in den Saft gehen. — Мязникъ, мячь, Gärber.

Нáморозень (у самѣй), Latte. — Насѣрдница, innerer Krampf.

Нáрожень, der Schlittenständer (die Seitenfüße eines Schiffes auf dem Schlitten).

Наставляти, -вити, -стоати, über die Leisten schlagen, онъ наставляе чоботы, er schlägt die Stiefel über die Leisten; настóявъ (наставивъ) чоботы, er hat die Stiefel über die Leisten geschlagen; настóяным чоботы, geleistete Stiefel; пословица: На едно правило настóяный, über einen Leisten geschlagen, die von einerlei Art.

Нáстрóмъ, ein Fuder, ein Wagen voll; онъ купивъ нáстрóмокъ кошениць, er hat ein kleines Fuder Heufutter gekauft.

Настягати, schnüren; онъ настягáе чоботы, er schnüret die Stiefel.

Настягъ, Schnüren; зóплеты на настягъ, Schußdraht.

Наутка, Leistenleder beim Schuh. — Ночвѣдъ, Fledermauß.

Неохрястанецъ, der nicht zugeknöpft, ordentlich angezogen ist.

Непрáвесникъ, -ця, 1. unrectmäßiger Erbe; unehelicher Sohn, unrectmäßige Erbin, uneheliche Tochter.

Нéчечь, нéчечина, Sumpfboden. — Новолѣтникъ, Neujahrsgratulant.

Новолѣтовати, zum Neujahr gratuliren. — Нуль, Übelkeit.

Новолѣточина, Neujahrsgeld, Neujahrsgeschenk. — Ночляжѣвикъ, Nachthirt.

Нѣза, Weichling, Zärtling; Faulenzet. — Нязекъ, Grube, Tasche.

Нѣзра, der (die) undeutlich, unverständlich spricht.

Нѣзрати, undeutlich, unverständlich sprechen.

Обрáзливикъ, Schabelen (Gärber). — Омязина, Kofetterin.

- Обгáва (орудіе до котораго подóзье загинаеся). — Омíзница Kofette.
 Обира́ти (вовну), das Haar abschaben. — Ожеле́да, Schneeregen, Glatteis.
 Ожопъги, ожопнути, hochend erstarren; она ожопъла, (ожопла) на стóльци,
 sie ist sitzend erstarret.
 Омíзовати, омíзати, belecken; омíзоватись, schmeicheln; schön thun; lieben;
 buhlen.
 Омизъ, Schönthun; Liebelei. — Опилко́къ, Schwarte.
 Опаде́тъ, Unfall; на два опады до кого ходити, zu einem zweimal gehen
 Опла́въ, въ опла́въ, zerstreut. — Опóлка, опóльчина, Wortuch.
 Опóлокъ, Bauchleder. — Оря́ба, Eberesche. — Осло́нь, Lehnbank.
 Óсьнякъ, Schneide, Schnitzmesser. -- Острожи́на, ein Stecken.
 Óсьта́къ, Gláttholz; вы́ключовавъ подошвы óсьтакомъ, er hat die Sohlen mit
 dem Gláttholze ausgeglättet.
 Открíяти, wieder gesund werden, sich von der Krankheit wieder erholen.
 Отро́ка (манякъ), Futtersack, — Отторóсати, abschütteln.
 Очку́ръ, ein Schnürchen zum Binden der Unterhosen.
 Очна, Gegenstellung, Confrontation; до очны ити, confrontiren, sich stellen.
 Палъ́й,-ка, Brandstifter,-in. — Пасе́имый, voll Streifen.
 Пара́й,-ка (отъ перти, drängen), Pladerer,-in; lästiges Weib.
 Пара́йна, u. парáйна, etwas Dringendes; Zwang.
 Парня́ (до котораго обдае гнеся). — Пёкная дѣжка, Backtrog.
 Пáсемникъ (перевязка мотка), Fiße. — Пёкная пёчь, Backofen.
 Первóсны, pl. g. первóсыпь, der erste (tiefe) Schlaf; въ сами первосны, im
 ersten (tiefen) Schlafe.
 Пáшейка, (ungefähr 6 Ackerbeete) Feldmaß M.
 Передня́къ, das vordere Stiefelbrett. — Перекрéстье, Scheideweg, Kreuzweg.
 Перéкругъ, Durchschnitt. — Перéвозье, Querschnitt (am Schlitten).
 Перéспа, Aufschütt n. пр. двѣ переспѣ проса опыхати, zwei Aufschütte
 Hirse enthüllen.
 Перéчка, Querschnitt, Quernaht, (Schuster); Zweifel, н. пр. и не перéчка,
 що гибъла, ohne Zweifel mußte sie darben; боэъ перечки горной лóжне
 ся сидѣти, ihr allein ist ohne Zweifel bange zu wohnen.
 Перешивáльникъ, ein Schusterlehrling, der die Schäfte nähet.
 Перéшивка, das Nähen (der Schäfte), Lehrlingsarbeit (Schuster.)
 Пáвати, summeln (Schuster). — Писáчка, Fummelholz (Schuster).
 Питучка, Dorf (Любачевъ). — Пáстовецъ, dichter Schneefall.
 Пáшка Holzspan. — Пленíтый (шяло), brüchig (Schuster).
 Пленíтися (шяло), brüchig werden. — Пáнка (у шяла), Bruch.
 Пáшка, Keil, Nietnagel. — Побдчн́й, Seitenbretter z. B. an der Bredse.
 Побдчнця, Leiste. — Пóвсть (полсть), Filz (Золочевъ).
 Подб́итье, Rist (Schuster). — Подб́ийникъ, unterschlächtiges Rad.

- Подгорлица, der untere Theil des Joches. — Подробы, Gefröse.
 Поджопка и. поджопокъ, Hinterbacken, Hinterkeule; на поджопку състи, nieder
 hocken и. пр, не маешь стѣльци, то съдь на поджопцъ, hast du keinen
 Schämel, so hocke dich nieder.
 Подклонъ, Seitenholz (am Wagen). — Подсакъ, kleines Sackneß.
 Подкріяти, wieder gesund werden, sich von der Krankheit wieder erholen.
 Подставляти, — ставити, — стѣнти, befohlen; подстѣнвъ (подставивъ) чоботы
 слушцевымъ подошвами, er hat die Stiefel mit den Streifsohlen befohlt;
 подстѣяный чобѣтъ, befohlter Stiefel.
 Подставка, Befohlung. — Подчинки, ausgeiebte Körner.
 Подчесь, 1. erste Kohl-Krautblätter, 2. Kohlblätterspeise.
 Подшивальникъ, Schustergesell, der die Sohlen unternähet.
 Подшивка, das Unternähen der Sohlen, Gesellenarbeit.
 Покѣренокъ, Nachkomme. — Покѣреньство, Nachkommenschaft.
 Полѣтокъ (солонины), Speckseite. — Полиця, Pflugohr; Schüßelbrett.
 Половникъ, Spreuboden. — Полѣникъ, Schaßgeist.
 Пѣлюша, ате, маленя въ пѣлкахъ (пѣлюхъ, пѣлюшени хлѣпецъ; пѣлюшка,
 пѣлюшена дѣвчина) Wickelkind.
 Попѣръ, Weihülfe. — Порѣска, Sprung, Rize.
 Поросъ, поросокъ, glühende Asche, Loderasche. — Порѣсникъ, Wütherich.
 Порплиця, 1. Kopfschuppe, 2. Mühleisen, worauf der obere Mühlstein läuft.
 Поруха, das Verheben. — Потерча, ате, unzeitige Leibesfrucht; Wechselbalg.
 Потерчукъ, Wechselbalg. — Потылье, Rücken.
 Потягачъ, Kriegeriem. — Почерѣвниця, rothe Ruhr.
 Пѣтоухъ, Brut, — Поученець, ein Abgerichteter. ж. В Soldat.
 Похрѣбтина, Rückenstück (zwischen den Schulterblättern).
 Похрѣбтиця, Rückenstück; Rückenborsten. — Починокъ, eine Spindel Garn.
 Прабштыи, eng и. пр. чоботы прабштыи, enge Stiefel.
 Прабѣсь, adv. in Stiefeln ohne Strümpfe; на прабѣсь, gänzlich, ganz und
 gar, и. пр. ѡнъ обувъ стѣяный чобѣтъ прабѣсь, er hat steife Stiefel
 ohne Strümpfe angezogen; аты на прабѣсь си розбило, das Kind hat
 sich ganz und gar zerschlagen.
 Прабѣсьный, bloß и. пр. ѡнъ обувъ прабѣсьну ногу, er hat den bloßen Fuß
 beschuht.
 Приконопа, Lockspeise, Anlockung. — Приконопати, anlocken, anreizen.
 Припѣкъ, Hölle (bei, hinter dem Ofen); Ofenniesche.
 Припѣнъ, hanfener Strick, woran die weidenden Pferde gebunden werden.
 Прятрачка, Galantholz (Schuster). — Прятула, Ofenniesche.
 Причинникъ, причиняникъ, Weizer, Asch, Lohbeizer.
 Причинный, причиняный дубъ, Weizlohe. — Пуголовиця, Kaulkopf.
 Причинный, причиняный прикладокъ, Weizkufe. — Прѣсть, Tiefe.

Причинъ, причинокъ, Weize; Lohbeize (дубъ); въ причинъ, причинокъ класти, in die Weize legen, beizen; lohen.

Причинати, — чинити (скóры), beizen, in die Weize legen; въ дубъ причинати, lohen; въ золу причинати, äßchern.

Прóтычка, Pfseifenkäumer. — Прохíра, Raseweiß. — Прощáва, Pöbel.

Прощки, Stoppel und Feld; прощками, на прощки ити, durch Stoppel und Feld gehen.

Пругъ, g. á, scharfe Kante, Ecke; Seitenrand des Bettes.

Пуля, яте, alles Junge. — Пуплѣкъ, Knospe. — Пушина Mulm.

Пустопóлция, пустопóлье, Heibeland. — Пушка, Fingerring, Fingerspiße.

Ранпéвка, Osterlied. — Ранпéвщина, OSTERGESCHENK (Мужиловицъ).

Резажъ, Kette; Thürkettel. — Руанкъ, Rothkopf.

Розхрястанепъ, der sich losknüpft, nicht ordentlich anzieht.

Румъ (попелъ зъ вапноу), Äscher. — Рысна (гла щетини), Borste.

Ряба, Sommersproße. — Ряда, Kräcker, Krittler; Tadelsucht, Quengelei.

Рядати, kritteln. — Рядница, Kleidung.

Салóха, Fettwanstige. — Самóтяжки, pl. Handschlitten.

Самóтяжъ, — тяжки, adv. selbst ziehend; самóтижъ до лѣса вхати, mit dem Handwagen in den Wald fahren.

Сведени, Halbblind; сведенята, pl. Halbgewisser.

Свѣсть, der Frauen Schwester, Schwägerin. — Свидай, taub, ungekocht.

Свидай, hoher Zustand. — Сгóнины, Abgetriebenes vom Getreide.

Сгóникъ, Treiber, Schweinhändler. — Скобóта, Kegel.

Склезъ, на склезъ adv. durch und durch; подъ склезъ, gegen den Strich, н. пр. онъ колить подъ склезъ ремень, er sticht das Leder gegen den Strich. (Schuster).

Скóворотъ, Wendung, Richtung; Umlenkungsplatz. — Скорлáтъ, Windriemen, Скорóзрий, frühreif. — Слѣпанка, Irrweg, Schleifweg.

Слупецъ, Streif; слупецъ подошовъ, Sohllederstreif; слупецъ пришовъ, Oberlederstreif.

Слупцевый, Streifen; слупцевыи подошвы, Streifensohlen; днъ му под-стóявъ чоботы слупцевыми подошвами, er hat ihm mit Streifensohlen die Stiefel besohlt.

Смыкавка (рзóватка) die Kresse. — Снóтъ (колеша), Maißbrot (Станиславовъ).

Сóлта (жѣза), Schlacke (Валява). — Сопухъ, Dunst.

Сонгъ, der hintere Theil des Stiefelschaftes. — Сóшка, Gabelstange.

Снасъ, g. и, Viehschaden. — Спеколáтъ, — ка, Tyrann, — nin.

Сплавéцъ, Schwimmbölgchen (an der Angelschnur).

Спúскальникъ, Rutschel. — Спúскавка, Rutschplatz.

Спúстъ, ein Draht Garn; два спúсты зóплетóвъ, zwei Draht Garn.

Стёрно, Abgrund, Abhöflichkeit.

- а) стёрмо бере гроши, das Geld schwindet; стёрмо взяло ми силы, meine Kräfte sind verschwunden d. i. ich bin entkräftet; бери го стёрмо, hol ihn der Teufel.
- б) грати стёрмо (кому), aufreiben, Niederlage beibringen, zu Grunde richten; Schläge geben; zu Tode martern, н. пр. грайте стёрмо ворогамъ, laßt die Feinde aufreiben; наши заграли имъ цѣломъ стёрмо, die Unsrigen haben ihnen eine gänzliche Niederlage beigebracht; мы всемъ стёрмо заграемъ, wir werden alle zu Grunde richten; грай му стермо, сн дѣти скѣпае, gib ihm Schläge, wenn er die Kinder reizet; не передрогайся, бо ти стермо цѣломъ заграю, streite nicht, sonst schlage ich dich todt (werde dir Todtschläge geben); за тебе днѣ ми стермо шо день грае, für dich martert er mich täglich zu Tode; межи ними, видятея, стёрмо грае, еѣ scheint unter ihnen eine Zwietracht zu sein; въ его домъ грае великое стёрмо, in seinem Hause herrscht eine große Zerrüttung.
- в) дати въ стёрмо, verlieren, verschwenden, н. пр. днѣ свѣи гроши лавъ въ стёрмо, er hat sein Geld verloren (verschwendet).
- г) мати стермо, einen heftigen Verweis, Schläge bekommen, она мала стёрмо дѣт матери, sie hat von der Mutter einen scharfen Verweis (Schläge) bekommen.
- д) приходити въ стермо, aufgerieben werden, Niederlage erleiden, zu Grunde kommen; Schläge bekommen, н. пр. злодѣянн прійшла въ стёрмо, die Diebsbande ist aufgerieben werden; вороги прійшли цѣломъ въ стермо, die Feinde haben eine gänzliche Niederlage erlitten; съ тобою вже въ стёрмо приходжу, mit dir komme ich schon zu Grunde; мѣрае табарокъ, то въ стёрмо прійшовъ, weil er die Aufgabe langsam macht, so hat er Schläge bekommen; кѣпняся до роботы, бо въ стёрмо цѣломъ прійдешъ, mach dich eifrig an die Arbeit, sonst kriegst du Todtschläge; зъ вами выспухи, вжемъ цѣломъ въ стёрмо прійшла, mit euch Bastarden bin ich schon ganz wahnsinnig.
- е) пускаги въ стёрмо, verschwenden; верѣбен, ausplündern н. пр. цѣлыи побстороны пустивъ врагъ въ стёрмо, die ganze Umgegend hat der Feind verēbet; онъ пустивъ свое майно въ стёрмо, er hat sein Vermögen verschwendet; она пустила дѣти въ стёрмо, sie hat die Kinder zu Schanden gemacht; онъ пускае домъ въ стёрмо, er zerrüttet sein Haus; ты пустивъ межи насъ стёрмо, du hast zwischen uns eine Zwietracht erregt.
- ж) ходити, нти въ стермо, zu Grunde gehen, verschwinden, н. пр. вороги поїшли цѣломъ въ стёрмо, die Feinde sind ganz zu Grunde gegangen: моя парайка поїшла въ стёрмо, mein lästiges Weib ist verschwunden; я ся горный конѣпивъ, а ты въ стёрмо ходишь, allein vergieng ich vor langer Weile, und du gehst herum.
- з) ваши гроши стермо великое, euer Geld ist ein großes Unglück; отой побюхъ буде моимъ стёрмомъ, diese Brut da wird mein Untergang sein.

Стóгна, Faulenzer. — Стóлба (у плуга), Pflughaupt.

Стóяти, stehend machen, steifen; стóяться, steif werden; я стóю чоботы, ich steife die Stiefel; óнъ стóявъ чоботы, er steifte die Stiefel; я застóявъ чоботы, ich habe die Stiefel steif gemacht; чоботы застóялись, die Stiefel sind steif; стóянный (застóянный) чобóтъ, steifer Stiefel; стóяными (застóянными) чоботы обути, steife Stiefel anziehen.

Стриговáти (скóру), schlichten. — Стригóль, Schlichteisen.

Стырно (пáчелко), Stirnleder (Schuster) — Суншень, Dünkel, Spelt.

Стягáти, 1. Schnüren; стягáными чоботы, geschnürte Stiefel, 2. einen Hieb mit der Peitsche geben.

Стягéль, Ziehband; стягáль, Ziehbänder. — Сýголовокъ, der vordere Theil.

Стяговáти, schleifen, н. пр. óнъ стягуе сокиру, er schleift die Art; я настяговáвъ нóжь, ich habe das Messer geschleift.

Стягъ, das Schnüren; зóплеты на стягъ, Schnürdraht.

Сýржица, Menggetreide von Korn und Weizen.

Сыркэжь, сыркэжка, сыркэжи, сыркэжины, Käsewofe.

Табáръ, табáрокъ, Abrede, Bedingung; fig. Aufgabe н. пр. я своѣ табáрокъ вже упéкавъ (укóтавъ), ich habe meine Aufgabe schon bewerkstelliget.

Текъ, Reißaus; въ тéки ити, пóйти, Reißaus nehmen.

Тельмóмъ, adv. im vollen Lauf, spornreich. — Тéрло, Vaichzeit

Творíлко, Badform, Badgeschirr. — Тереметьé, Acheln.

Тертáкъ (фóрсаъ на подкарпатской Руси), Schneide, Sägemühle.

Тóкъ, zerlassenes Fett; тéсто въ тóцъ плавáе, die Mehlklöschchen schwimmen im Fette.

Топéць, Nixe, Wassergespens. — Торóка, торóчка, krause Faser, Franze.

Торопáта, Plapperin. — Торóкати, внуги, рóнути, стоен; anrühren.

Торóвъ, Stoß; кому торонá дати, jemanden einen Stoß beibringen.

Трáтъ, Lederabschnittel (Schuster). — Трясаница, Krummstroh, Rüttstroh.

Тыкóтъ, Stummel, Stumpf. — Тыца, тыцало, Schläger.

Увязица, увязъ, alles, was zum Binden dient, der Riemen, das Band, die Schnur.

Угóдь, угóля, Favorit, in. — Угóлье, Schoßkind. — Ужéвка, Bindgerete.

Ужиско, ужище, Strick. — Узиця, Kappe an dem Dreschflegel.

Уйма, Abgetriebenes vom Getreide. — Улеть, Bergplateau (Стрýйски горы).

Умóръ, heftiges Bestreben auf Tod und Leben, н. пр. оя на умóръ пэе, er trinkt auf Leben und Tod; она ся на умóръ смýяла, sie lachte sich todt.

Устéлка, Strohwiß.

Ушиéкъ, Nackenleder; Schlag an den Nacken; чоботы-ушійки, Stiefel vom Nackenleder.

Фáговáти (скóру), abtragen (Gärber). — Фáговникъ, Kragmesser.

Харашайко, харашайникъ, der castrirt. — Харашáти, castriren, wallachen.

Хлопéнь, hoher kräftiger Kerl; то хлопé якъ дубéе, das sind hohe (kräftige) Kerle wie Eichen.

- Хлющъ, Pfüße; мокрый якъ хлющъ, pfüßennaß.
 Ходячникъ, Schuhlicker. — Хоркавый, räusperrnd, röchelnd.
 Холзало, холзто, das Mundstück an einem Pferdezaume; Gebiß.
 Хорка и. хорало, Räusperec. — Хрюнь и. хрюнька, Schweinsrüssel.
 Хребтухъ, Futter sack (den man an den Hals bindet).
 Царокъ, Hühnerzwinger; Hühnersteige (Стрый). — Цыльць, Schütze.
 Цыка, цыкало, der nach und nach in kleinen Posten zahlt.
 Цыканина, цыканка, Zahlung in kleinen Posten; цыканиновъ, цыканкою платитъ, er läppert seine Schuld ab, zahlt nach und nach in kleinen Posten.
 Цылити, ganz machen. — Цылушка, Kasten (Brot). — Цыльць, Jungfererde.
 Цыпильно, Dreschfegelspiel. — Цылокъ, Stock. — Цыпка, Tröpfchen.
 Червица, Wurm. — Черевичникъ, Schuhmacher (besonders Frauenschuhmacher).
 Черель, и, Feuerherd. — Чертакъ, Gränzwachhaus. — Чобарка, Trinkschale.
 Чиколотокъ, Fingergelenk. — Чисгиско, Nachgeburt.
 Шепецъ, шепетухъ, Rispeler. — Шепчи́на, saules Holz.
 Шепогъ, seichte, rauschende Bachströmung. — Швайка, Pfriem.
 Широ́уга, широпутникъ, Landläufer. — Широ́езный, широ́естный, sehr breit.
 Широ́чень, широчина́, Breite. — Шипакъ (у хлѣба, лоду) Brot, Eiszapfen.
 Шкапина, Pferdehaut. — Шоломокъ, Calotte, Käppchen.
 Шлй́ка (ворозка у бича), Schlinge, Schleife; Hosenträger.
 Шпиковати (чоботы), mit etwas Fetttem beschmieren. — Шутка, Palme.
 Шу́лькъ, и. ту́лька, Maiskolbe. — Шу́ликъ, Stoßvogel.
 Шуляй g. шуляя, der den andern Stöße gibt.
 Шулякъ, Stoß; кому шуляка́ дати, jemanden einen Stoß beibringen.
 Шупо́ня, Suppe von Erbse und Gerstengraupen.
 Ъстовитый (неперебодливый), eßgierig.
 Юрь, юрокъ (дѣръ, дѣрокъ), Schlinge.
 Ябедникъ. Verläumder. — Яара, pl. Buchweizenkleie. — Язя, Furie.
 Ядуха, Engbrüstigkeit. — Ядухъ, welcher an Engbrüstigkeit leidet.
 Яловчи́на, Kuhfleisch; Kuhhaut. — Ясмѣцъ, durchsichtiges Eis.
 Ялоскати, mit Fett beschmieren, beschmußen; дитя ся заялоскало, das Kind hat sich beschmußt.
 Ярошъ, ein grausamer, wilber, unbarmherziger Mensch. — Ярига, Säuser.
 Ятро́ха, Frau von des Mannes Bruder, Schwägerin.

Илія Ивановичъ Мазура.

КОЛѢКА СЛОВА О ЦѢЛОСТИ УСТАВА СВЯТОЙ ЛИТУРГІИ.

„Облацѣтса ко вса ерѣжіа Божіа,
иже возмоути вамъ стати протѣвъ ко-
знемъ діаволскимъ.” Къ Бѣс. зач. 233.

I.

Христосъ установивъ ино саму матерію и форму „тайны своая вечеря“ — „тайны своего честнаго тѣла и своая честныя крови.“ Всѣ тайны нового за-вѣта суть источники, коглыми благодать Христова на вѣрныхъ сплывае, для того тайны тѣ безъ отповѣднаго богослуженія преподавати — кромя случаевъ прикрыхъ — було бы крайною невдячностію. Тому заразы таки въ первыхъ початкахъ рѣшила церковь св. тайны тѣ съ отповѣднымъ набоженствомъ совершати. Кажу отповѣднимъ, бо того и рѣчь сама собою и зо взгляду на вѣрныхъ вымагала, абы и благодать Божую прославити и вѣрныхъ о ней поучити. Тайна св. вечера не ино сама собою естъ найсвятѣйша, але заразы естъ она и повседневнымъ, безкровнымъ поновленіемъ жертвы Христовой на крестѣ, Спаситель бо приказавъ: „Сіе творите въ мое воспоминаніе.“ Тому яко жертва новой благодати сталаси она отъ самыхъ першихъ часовъ вѣнцемъ христіанского Богослуженія — литургією *per excellentiam*. Головну мысль ея рѣшили сами св. апостолы. Докажемъ на се естъ то обстоятельство, же найшлося около 12 текстовъ литургіинныхъ, а всѣ въ головныхъ рѣчахъ сгаджаятся.

Намноженье бѣльше текстовъ св. литургіи произошло безсомнительно такъ: Апостолы отправляли Богослуженіе зъ книгъ ветхого завѣта якъ и жиды. Новозавѣтній пѣсни и молитвы понаставали ажъ съ часомъ въ теченію столѣтій. Всѣго на-всѣго рѣзницъ межи ними а жидами було тѣлько, же они ветхозавѣтныхъ книгъ уживали по своему ладову, т. е. ветхозавѣтній молитвы доберали и отмаивали они отповѣдно до вѣры новой благодати. Що недо-ставало, предстоятель „сколько силы ему“ було, зъ глубины сердца своего воз-сылать молитвы и благодаренія; народъ прислуховався такимъ импровизаціямъ и пражлашавъ имъ: аминь. То були часы вдохновенія — молитвы христіански родились тогда. Такимъ импровизаціямъ не ино никто не противився, але супротивно, они були цѣлкомъ на часѣ и будили запажъ. Отже то, що мы уставомъ апостольскимъ св. литургіи называемъ, бувъ то ино послѣдній порядокъ св. литургіи. А въ духу того порядка составити вмѣсто жидовскихъ молитвъ чистого христіански пѣсни и молитвы, подобрать до всего найотповѣднѣйшія псалмы и стихи зо старого завѣта, зоставили св. апостолы часови и побожности поединконыхъ церквей.

Порядокъ св. литургіи, постановлений св. апостолами, удержовався въ церквѣ силою изустного преданія, якъ и вся вѣра христіанска преданіемъ

самымъ зперва ширилась и удерживалась. Доказъ що до литургіи есть то обстоятельство, же въ самомъ Римѣ уставъ тамошней литургіи ажъ доперва въ 5. столѣтіи папою Гелазіемъ I. зоставъ списанный.

Зо всѣхъ, по апостольскому порядкови выробленыхъ текстѡвъ св. литургіи найдавнѣйшій есть: Литургія Іерусалимска. По общому преданію походить она отъ св. Іакова апостола. Есть то перша цвѣтка христіанского благоговѣнія. Показуется, же она многимъ ишимъ текстамъ за образецъ служила. Пытаются, чому она не зостала всѣми церквами исключительно принята, значило бы, бути мало освѣдомленнымъ съ исторією церкви христіанской въ первыхъ вѣкахъ. То була весна, где все що-нио прозябало. Сношеній частыхъ межи церквами тогда не було. Врештѣ безъ св. литургіи нигде отъ самыхъ першихъ часѡвъ не було, и закъ св. Іаковъ що составилъ, повывраблялися вже по поединкоихъ церквахъ въ духу порядку апостольского якъсь конче особни чины св. литургіи. Врештѣ тогда уважано ще бѡльше нио на саму рѣчь. Ажъ коли настали для церкви свободнѣйшимъ времена, тогда доперва була пора помислити о отвѣднѣйшомъ вѣщномъ порядку; — такъ дѣялося во всѣмъ, та таке було и съ конечнымъ устроеньемъ устава литургійного. И годѣ дѡстно не минуло литургію св. Якова то, що ей ся належало. Тодѣ постараноя о ню майже до всѣхъ церквей.

Перенятися правилами вѣры и нравственности и выразити то, належить вже до свойственности чоловіка. Тому видимо вже личнѡсть и въ спискахъ св. Евангелія и въ посланіяхъ апостольскихъ. Одни правила вѣры и нравственности всюда, а способъ выраженья ишимъ всюда. Не тожь бы литургія св. Якова не мала на собѣ носити уломности силы людской и часу. Отже хотѣти було тую литургію въ общее употребленье впровадити, грѣба було конче то, що въ ней показовалось бѡльше личнымъ и мѣстцевымъ, тымъ скорѣйше исправити, же то, якъ вже сказано, була нио перша цвѣтка христіанской богоговѣности. Врештѣ христіанско вѣро- и нраво-ученіе спершу преподавалося бѡльше урывково и не по вымогамъ умѣтности. Въ борьбѣ многолѣтнѡй съ жидами, язычниками, философами и еретиками перекоанояся ажъ надто, же такій способъ не выстарчае — богословіе поднеслося до умѣтности, тому оно въ св. литургіи муѣлося яко побожне чувство докладнѣйшимъ способомъ выразити. Отже якъ въ первыхъ часахъ мыслено надѣ тѣмъ, якъ бы порядокъ апостольскій уставомъ отдати, такъ тецерь приложено руку до того, якъ бы чинъ литургіи св. Якова усовершити. Повстали рознымъ комбинаціи то зъ мѣстцевыхъ преданій церквей, то зъ уставу реченои литургіи. Найшаслившій бувъ въ томъ взглядѣ св. Василій, „небоявленный, преподобный Отець, царское священіе, явился степень недвижимъ церкви, подая всѣмъ некрадомое богатство земнымъ, запечатлѣя своими учени“, — зъ другой же стороны „всеблаженный, преподобный Отець Іоаннъ Златоустій, съ небесъ приѣмъ божественную благодать, научилъ всѣхъ поклонитися въ Троици

единому Богу.“ Литургіями тыхъ отцѣвъ урадовались майже всѣ церкви на востоцѣ, и приняли ихъ вмѣсто своихъ давнѣйшихъ, — съ ними и Русь, ба послѣ нихъ т. е. пѣсля чину литургій Константинопольской исправивъ въ 6. вѣцѣ св. Григорій Великій, Двоесловъ, папа Римскій, такожъ и давну римску литургію, котра снова розширилась на западѣ мало не всюда.

Въ любовь Христовой, ревнуючи едино въ славѣ Божой — не пытались чіе? зт-ѣтки? — па па поучився у нишихъ спискѣвъ на востоцѣ, а восточній церкви приняли снова отъ него Литургію Преждеосвященныхъ Даровъ, и употребляютъ еи въ роцѣ ажъ 15 разъ, а латиняки ино разъ въ великій Пятокъ. Щастливыи були отже ониі часы, алежъ тогда ино смотрено на тое, якъ бы Всевышнему найдостойнѣйшу хвалу отдать, якъ бы ту вчинити и зарадитись, абы св. литургія була достойнымъ „воспомянаніемъ Іисуса Христа.“ Тожъ въ Христѣ всѣ единились. Св. Василій переробивши чинъ литургій св. Якова, написавъ въ крайной покорѣ передъ благословеніемъ сознание: „Исправися и совершися, еликѣ по силѣ нашей, Христе Боже нашъ Твоего смотренія Тайна“, — а св. Іоаннь Златоустій на томже мѣстці: „Исполненіе закона и Пророкъ самъ сый Христе Боже нашъ, исполнивый все отеческое смотреніе, исполни радости и веселія сердца наша“, — наконецъ св. Григорій Двоесловъ: „Совокупивъ насъ словесному твоему стаду и наследники покажи царствія Твоего — Господи Боже нашъ.“

Якъ же то ись вѣсмъ инакшіи часы повѣйшии!

Нынѣ не вѣрятъ смотренію Божому, не вѣрятъ силѣ любви, ино однимъ кабанамъ! Нынѣ не иде о тое, абы всякій, выслушавши Службы Божои, принужденній бувъ въ серцѣ своемъ связати: „Имавъ смерти Христовыя воспомянаніе, видѣхъ образъ Воскресенія Его, насытхся неистопаемаыя Его пища“, — але о тое, абы выйшовша кто будь зъ церкви, мѣгъ до себе промовити: „Переконавъ емь ся, же латинскій обрядъ надъ греческимъ господствуе, же той послѣдній пѣдъ напоромъ первого вже ледви шо дыхае; видѣвъ емь, же служебникъ на щось то сюда то туда переносили; насытивъ емь ся отъ слуханья органовъ не заплативши ничего!“

Перше любовь соединяла и зносила безпотребныи рѣзницѣ, нынѣшня метода отъ шо робить? заледви неповныхъ 4 миліонѣвъ насъ Русинѣвъ зостало католиками, и тѣмъ маемо 4 головныхъ уставѣвъ: оденъ на Уграхъ, другій въ Холмской епархіи, третій въ Галичинѣ, четвертый на Буковинѣ, а пѣдъ-уставѣвъ безъ кѣнца.

Но доста примѣчаній на томъ мѣстці. Идемъ далѣ по заложенію нашему.

III.

Въ попереднійшомъ уступѣ доказано, же повстанье отъмѣнныхъ чинѣвъ св. Литургіи есть фактомъ историческимъ нікому ніщо невиннымъ. О Римской литургіи есть ино обще преданіе, же она походитъ зъ часѣвъ апостольскихъ; кто ея авторомъ, преданіе на певно нічого не каже. Константинопольска литургія походитъ зъ Іерусалима, и по согласному преданію церковей восточныхъ составлена первоначально св. Яковомъ апостоломъ.

Такожь вже сказано, же первымъ вселенскимъ литургистомъ бувъ св. Григорій Великій, Двоесловъ, Папа Римскій, „Православію Наставникъ, благочестію учитель и чистотѣ, вселенній свѣтлицякъ, Архіереомъ Богодухновенное удобреніе, цѣвница духовная, ученіемъ своимъ вся просвѣтившій.“ Якже онъ о вопросѣ литургійномъ мысливъ? Ото онъ исправивъ литургію Римску пѣсля Константинопольскою. А ше выразнійше говоримъ отсе обстоятельство: Онъ первый упорядковавъ службу Предеосвященныхъ Дарѣвъ. Его въ томъ дѣлѣ рѣшеніе приняла вся церковь католическа, и литургію ту и латиняки и восточні до нынѣ правятъ по его ладови. Но отъ дивнѣвъ: мѣжь предеосвященною латинскою а нашою въ подробностяхъ есть крайна рѣзница, ино одно „да исправится“ и „Отче нашъ“ находимъ ту и тамъ, а рѣшта все отъмѣне. Тѣлько ино головна мысль и тѣ, и тамъ одна: Литія або процессія съ св. дарами и звычайный чинъ св. причастія. Для той процессіи, понеже у латиняковъ престолъ звычайно пѣдъ стѣною стоитъ, та про те нѣ въ округъ него, нѣ отъ него куда на церковь обхѣдъ и съ св. дарами йти не може, — заносятся у нихъ св. дары попереднійшого дня по освященіи на який боцный престолъ; потому въ день предеосвященной по укѣнченію стациі „ad sanctam crucem in Jerusalem“ йдугъ процессійно по св. дары, спроваджають ихъ на великій престолъ, спѣваючи пѣдчасъ цѣлой процессіи пѣснь „Vexilla Regis prodeunt“ — щось поподобного, якъ наше: „Нынѣ силы небесніи съ нами невидимо служатъ“, — а положивши ихъ тамже, обкаджють сперва ихъ, потому престолъ, и пѣдъ часть того обкаджованья престола мовить священникъ зъ тиха безъ спѣву стихи: „Да исправится — Господи возвахъ — Положи Господи — Не уклони“ одиъ по другѣмъ просто. И заразъ „Pater noster“ — роздробленіе, спожитье — и копецъ. У насъ то саме священнодѣйствие, однакожь ладъ цѣлкомъ отъмѣнный. По отслуженіи чина вечернѣ включно по чтенія (стихиры стиховий взялися на „Господи возвахъ“ — оставилися ино ектеніи: сугуба и просительна — яко приходящии такожь и на литургіи) стихи „да исправится“ и другии съ назидательнымъ краснопѣніемъ и кадженіемъ служатъ зъ одной стороны заключеніемъ „кадильной жертвы вечерной“, — зъ другой же вступомъ до литур-

гій предеосвященныхъ даровъ; по нихъ идутъ ектенія литургійніи огъ „Рцемъ вси“ ажъ по „великій входъ“ — дадъ литія съ свлтими дарами — ектенія „исполнѣмъ“ — „Огчо нашъ“ — роздробленіе — причастіе — и закѣнченіе якъ у звычайнѣй литургій.

Исторія не каже, будьто бы св. Григорій Двоесловъ той огмѣнній ладъ „по жестосердію восточныхъ“ учинивъ. Нѣ! Онъ то зъ власного переконанья таке усмотрѣвъ. Мусить отже въ рѣчи самѣй шось такого бути шановного и для христіанско-каголической церкви дуже важного, же той „свѣтлынкѣ вселеннѣй“ двоякій характеръ св. литургій зъ умыслу тамъ поставивъ, де бѣзъ крайню одностайность мѣгъ завести.

И дѣстпо застановившися добре надъ чинами литургій Римской и Константинопольской переконуемъ до крайнѣго, же нѣ оденъ нѣ другій — свѣтлый характеръ „жертвы нового завѣта“ вполнѣ не представляе — але оба доповняютъ и велику идею всесгоронно изображають. Римскій чинъ св. литургій представляе намъ прекрасно та и и ст в е н н ѳ сть безкровной жертвы, Константинопольскій же малюе намъ удивительно удачно и поражающе в е л и ч і е Б о ж о г о С м о т р е н і я. Свѣтлый Григорій Двоесловъ не на дармо студіовавъ Константинопольску литургію, закъ свою Римску исправивъ и упорядковавъ. Дуже бымъ радъ коли читати чинъ св. Римской литургій, якъ она выглядала передъ тымъ, закъ ю св. Григорій Двоесловъ исправивъ. Чи той характеръ таинственности въ нѣй вже первоначально такъ выразно находився, якъ теперъ, чи доперва св. Двоесловъ такъ рѣзко го поставивъ? Христіанство дѣстпо повне естъ таинственности, зъ другой же стороны вѣнецъ Божого откровенія; отже увидѣвши послѣдній его характеръ крайне отданный въ литургію Константинопольскѣй, мѣгъ Онъ всѣ свои усилія на то обернути, абы въ Римскѣй литургію отдати характеръ таинственности, не думаючи, абы то коли мало послужити поводомъ до малодушныхъ интригъ, съ якими мы нынѣ боргься мусимо.

Для поясненія необходимо ту додати, же хочъ бы огмѣнній чинъ св. литургій и не конче себе взаимно доповняли, праведный Христіанинъ розлчѣемъ не повиненъ ся страхати, але овшѣмъ тѣшити. Крайня одностайность формы умертвляє духа. Що бы то було, сли бы всѣ квѣтки не инакшій иво бѣли, або синій, словомъ той самой барвы були? Отповѣдное розлчѣе будить духа и спроваджае похвальне ревнованье. Тому подѣливъ Богъ оденъ людскій рѣдъ на народности, котрѣ въ исторіи образованья на велику скалю то саме значать, що зъ одной стороны такъ „зовимый подѣлъ працѣ“, зъ другой же ревнованіе школярѣвъ въ школѣ публичнѣй. Каждому педагогови вѣдомо, же дѣтина въ такѣй школѣ бѣльше розвинется, нѣмъ при самотнѣй науцѣ. Таке саме и въ обрядѣ Нынѣ зъ того, правда, вывязалася которганина крайне перерелігійна и неморальна. Но въ чѣмъ же не дѣвгься злоупотребленія? На тое естъ совѣсть и розумъ: *tollatur abusus et fiat rectus usus.*

Взявши латинскій службникъ до рукъ, найдемъ въ нёмъ до найменшого движенія тѣла во обще, а рукъ, очей и головы въ особенности все выразно и неотмѣнно опредѣлене. Навѣтъ въ томъ, що священникъ не въ-голосъ свѣвати, ино тихо отмавлати мае, означено всюда, що выразнѣйше а що тихше повинно ся отправляти. И такъ оно въ кождомъ болослужебномъ уставѣ бути повинно, абы отправу по можности независимую сдѣлати отъ личности служителя. Ся бѣ у насъ на тое отъ давна буля настоятель старанно уважали, николи бы не було прійшло до того соблазна, отъ которого нынѣ такъ тяжко страждаемо. Но годѣ! *Herreudienst vor Gottesdienst!*

III.

И Римска и Греческа литургія згаджуются въ томъ, же въ обохъ перше читается слово Боже, а послѣ приносится безкровна жертва. Такъ до первого яко и до другои приготавлиють обѣ вѣрныхъ отповѣдныи моленіяи. По тому иде предложеніе жертвы, освященіе, приготвленіе до св. причащанья, причащеніе, благодаренье и отпушенье вѣрныхъ. — А именно такимъ ладомъ не ино обѣ повывши, але и всѣ намъ вѣдоми литургія отправляюдся, тому мы той ладъ называемъ установленіемъ апостольскимъ. Но отъ дивѣмъ, якъ той ладъ на востоцѣ, а якъ снова на западѣ въ головныхъ литургіяхъ, то естѣ въ греческой и римской конечно осуществився.

Греческа литургія розкрывае цѣлу идеу христіанства яко осуществленье отвѣчного таинства спасенія рода чловѣческаго. Та оттакъ мае двѣ головнй части: Проскомедію або приготвленье, п властиву литургію при престолѣ; перва представляе отвѣчный совѣтъ Божій, вгора осуществленье того совѣта посередъ землѣ; на проскомедіи поминае священникъ мало не самй ино пророчества, относящіяся до спасенья роду людского, а при престолѣ благословится вже царство Отца и Сына и святаго Духа.

Намъ иде головно о тое, що на явѣ при престолѣ дѣется, тожъ поговоримо особливе о литургіи при престолѣ. Она не розпамятуе дѣло спасенія просто по нитцѣ историчной; нѣ! она прославляе въ томъ дѣлѣ найвысшіи доказы Божои Благости, Святости, Справедливости и Милосердія. Благость спѣвается отъ начала ажъ до малого входа; Святость отъ малого входа ажъ по „Рцемъ вси“; — далѣ Справедливість ажъ по конецъ великого входа; а отти далѣ Божое Милосердіе.

а) Ще передъ розпочатьемъ отправки въ-голосъ розходится кадильная воня въ олгарѣ и на церквѣ — въ знакъ готовности Господа Вышнего на выслуханье моленій рабовъ своихъ и въ память словъ Христовыхъ: „даже два или три соберется во имя мое, тамо и азъ есмь посередъ васъ!“

Подъ впечатлѣннѣмъ такою вѣры и такою згадки прославляе врештѣ священикѣ „Царство Отца и Сына и св. Духа“ яко благословенно, яко благое — и завозывае насъ, абысно миромъ, се бы то съ всякимъ завѣреннѣмъ Господу помолился, Ему о вѣсѣхъ нашихъ потребахъ исповѣлся, и „сами себе и другъ друга и весь живогъ нашъ“ на Христа Бога такъ заали, якъ се Владычица наша Богородица и Присно-Дѣва Марія и вѣсѣ святѣи чинили, бо Богу въ Тройцѣ единому подобае всяка слава, честь и поклоненіе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Мы умоляемъ небесного Подателя всякого блага за нашѣ и всего міра потребы дѣстно съ подымнѣ упованнѣмъ на Его неизреченну благость — бо коротко; не въ тѣи мысли, будь то бы Онъ о нашихъ погребяхъ не хотѣвъ знати, поки Го не будемъ о нихъ молити, але едино ино про те, абы Его благость къ намъ оправдати, же намъ она не належится, ино мы еи собѣ упрощаемъ. Но чоловікови и то рѣдко коли придастся, абы благодать Божую не то заслугою, але бодай просьбою упередивъ. Нѣ! Богъ отъ вѣка насъ возлюбивъ и для спасенія нашего все приагодивъ. Дарма чоловікови благость Божую бодай просьбою упередити; наибѣльше лишається ему ино за тую благость Всевышнему благодарити: тожъ увѣдннѣвши прошеніе великом ектеніи, радуячися зъ самои найдостойнѣйшои способности, наливаються сердца нашѣ въ благодареніяхъ за всю милость Божую, котра отъ вѣка и до вѣка на рѣдъ людскій утвердилась.

Звычайно упогребляемъ ту псалмы 36. и 145., „Изобразительными зовини“ про те, же они „благодать Божую спасительную вѣсѣмъ чловѣкомъ“ дуже удачно опѣвають. Псалмы тѣ: „Благослови душе моя Господа“ и „Хвали душе моя Господа“ писанѣ въ началѣ Обѣдницъ спѣваемъ стихами на два влиросы просто оденъ по другѣмъ, въ конецъ „Слава“ и „Нынѣ“ и пѣснь „Единородный“ опѣвающу „вѣнецъ Божомъ благости“, Иисуса Христа, котрый „безсмертенъ съи изволивъ спасенія нашего ради воплотитися, смертію своею смерть поправъ,“ и намъ вѣчнѣ блага приспособивъ.

Такъ берется въ Недѣлѣ кромѣ цѣвтнои: во вѣсѣ свята, що не мають своихъ особныхъ антифонѣвъ; во вѣсѣ попраденства и отданія празникѣвъ, хочъ празникѣ и мае свои антифоны, тѣ бо спѣваются ино на самѣ празникѣ; далѣ во вѣсѣ дни, коли святой мае полчелей, и ще не въ много иншихъ випадкахъ, котри въ трифологїонѣ и трїодяхъ всюда есть выразно сказанѣ, именно сли ино пише „на Литургїи на блаженныхъ,“ то вжѣ беругся и Изобразительнѣ, бо тѣ благость Божую обширно опѣвають, такъ якъ на значнѣйшій день подобае. Въ цѣлкомъ будный день спѣваются тутъ антифоны: „Благо есть“ и „Господь воцарися;“ — смыслъ тотъ самъ, що и въ Изобразительныхъ, тѣлько же коротше взято: всего ино шесть стихѣвъ. Нового есть ту ино тѣлько, же въ первѣмъ антифонѣ для короткости нашего славословія, зсмыається прочее на молитвы нашей молитвенницѣ и Заступницѣ, чистом

Присно-Дѣвы Маріи; а во вторѣмъ на молитвы святыхъ. — Въ праздники Господски вся душа наша исполнена празднуемою памятою, отже на томъ мѣсци прославляемо тѣ пророчества, котрыми памятка празднуема отъ вѣка або буда проречена або прообразована. Зъ такихъ пророчествъ звычайно составленъ первый и второй антифонъ праздника. Такихъ пророчествъ до одного праздника, разумѣется ще съ выразнымъ характеромъ благодати Божой, очевидно не много буває, сберается ихъ на 6, 7 або 8 стихѣвъ. А же мы, якъ вже сказано, лучшого славословія за такі пророчества не знаємъ, бо ту саме дѣло славится, отже и ту про короткѣсть того славословія зсылаємося такожъ въ первѣмъ антифонѣ на молитвы пречистой Дѣвы, у вторѣмъ же воздыхаемъ ко самому Спасителю нашему; въ праздникъ же сошествія св. Духа къ тому Утѣшителю благому, абы прочее благодію своею дополнилъ.

Видимо оже ясно всю причину церемѣвъ, яки въ той части св. литургіи выдараются.

Черезъ пѣльй той выводъ о благодати Божой, т. е. отъ початку св. литургіи по „Единородный“ влючно, стоять царски врата затворені — для видного увѣренія, же Богъ каждого часу то, що намъ до спасенія потреба, намъ дае — безъ розличія одному якъ другому „да не увѣсть шуица, что творить десница твоя“ — же въ томъ взглядѣ благодѣть Божа независимо отъ житія и дѣлъ нашихъ насъ посѣщае, бо она намъ и тогда не омалѣла, коли про грѣхъ прародителей райскіи дверѣ були намъ затворені. И тогда не отвернувся Богъ отъ насъ созданий своихъ на вѣки, котры въ благодати своей сотворивъ; и тогда не забудь дѣла рукъ своихъ, но посѣщавъ насъ многообразно и многочасно въ милости своей; посылавъ пророки; сотворявъ силы святыми своими; говоривъ къ намъ устами слугъ своихъ, предвозвѣщающіи спасеніе, котре для насъ малоси сповнити; законъ давъ намъ въ помѣчь; поставивъ ангелѣвъ хранителями нашими; а коли наступило „исполненіе временъ“, глагола намъ въ самомъ Сынаъ своемъ, ниже и вѣки сотворилъ есть, иже сый образъ славы Его, и начертаніе состава Его, носяже всяческая глаголомъ силы своея, невохищеніе непшева еже быти равенъ Богу-Отцу, но Богъ сый, предвѣчный на земли явися, и со человекѣи поживе, и отъ Дѣвы святыи вочеловѣчився, истоши себе, образъ раба пріемъ, сообразенъ бывъ тѣлу смиренія нашего, да насъ сообразныхъ сотворить образу славы своея.“

И прямо, для тымъ живѣйшого испоминѣня оногo просвѣщенія и спасенія рода человекѣского „да узрять нищии и возвеселится“ — отвераються подъ конецъ пѣсни „Единородный“ царскіи врата яко дверѣ райскіи, бочными съверными дверцами выходятъ изъ олтаря впередъ свѣщеносцѣ, яко пророки приготовлявшіи народъ на пришествіе Христове, за ними священникъ ись св. Евангеліемъ, изображающіи самого Христа „Архіерея грядущихъ благъ“, — мы зазрѣвши го на церквѣ воздымаемъ къ „упованію нашему“ —: „Въ царствіи Твоемъ сгда прійдеши помани насъ Господи!“

б) Но отъ вамъ саме достопочтенивѣйше и спасительне встрясеніе для мыслей нашихъ — „не всякъ глаголай ко мнѣ: Господи! Господи! ввійдетъ въ животь вѣчный, но творяй волю пославшаго мя Отца. — Имугъ Мойсея и Пророки, да послушаютъ ихъ.“ Священникъ не отвѣдае намъ на наше прошеніе нічого, ино дае книгу св. Евангелія по черзѣ цѣловати, а зъ к ли р о с а читають: „Блаженни ящии духомъ, яко гѣхъ есть царствіе небесное“ — и прочіи блаженства до кѣнца — пригалуючи намъ такъ слова Христовы: „отъ времянь Іоанна Крестителя царствіе небесное пудится, и нуждницы похищаютъ е.“ Благодать Господа Вышняго не есть то слабодушіе, но „милость и Истина“, -- котра „пробываесть во вѣки. Небо и земля мимоидеть, отъ закона же того ни юта едино, ни едина черта имагъ мимоити, но вся пребудуть во вѣки“. Пѣсля того закона, коли прародителѣ наши согрѣшили, zostали дверѣ райскіи имъ и ихъ потомству затвореніи, и не були пазадъ отвореніи, доки Сынъ Божій единородный въ подобіи челоувѣчскѣмъ слухнянностію своею „даже до смерти, смерти же крестной“ не удовлетворявъ обиженной истинѣ. Законъ тотъ мае свои неотгѣнныи стороны, же все добре неотбудир любить, а про те все ящии духомъ, плачущии, кроткии, ачущии и жаждущии правды, милосивии, чистии сердцемъ, миротворцѣ — царствія небесного непохибно доступагъ; такъ снова онъ глушается всѣмъ злымъ, отже кто правду на тѣлько не полюбитъ, абы си не ино сповнявъ, але и за тую въ кождѣмъ разѣ все претерпѣти бувъ готовъ, тотъ даремно спасенія наадѣтся. Тому Богъ не отъ разу намъ пѣславъ „благодать спасительную“ — но впередъ „многочастнѣ и многообразнѣ глаголавъ къ отцемъ нашимъ въ пророцѣхъ“, — абы мы „въ разумѣ истинный прійшли“, бо инакше „судьбы Его не могли бы намъ були помочи.“ А п „егда прійде исполненіе времянь“, Сынъ Божій не претерпѣвъ отъ разу спасительной смерти, хотъ тая ще въ колыбели Его за Нимъ гонила, але впередъ просвѣщавъ мѣръ „наказующи насъ, да отвергшеса нечестія и мѣрскихъ похотей, цѣломудрно, праведно и благовѣрно проживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ. И завѣстивши впередъ завѣтъ такий, тогда ажъ далъ есть себе самого за ны, дабы избавилъ насъ отъ всякого беззаконія, и очистилъ себѣ люди избранныи, ревнителя добрымъ дѣломъ. Бо и Онъ самъ не на сіе пришовъ къ намъ, да совершитъ волю свою, но волю пославшаго Отца. Онъ самъ не вѣнчався славою и честію, поки вся не совершится. Та такъ покн и наша правда не презбудетъ паче книжнякъ и Фарисей, не имами вынѣти въ животь вѣчный.“

Тому со страхомъ цѣлуемъ чинно книгу того свитого завѣта: а по перечитанью послѣднего блаженства „Блаженни изгнании правды ради; блаженни есте, егда поносятъ вамъ, и ижденуъ вы, и рекутъ всякъ золь глаголь на вы луже мене ради: радуйтеся и веселѣтесе яко мзда ваша многа на небестѣхъ“ — цѣлуе св. Евангеліе и священникъ самъ, яко Христосъ возлюбившій вѣчну Истину даже до смерти крестной, и прославленный за те свѣтлымъ воскре-

сеніємъ; — подноситъ тоє св. Евангеліє передъ царскими вратами во увидніе всѣхъ, та звернувши на ту вѣчну правду ще разъ увагу нашу словами: „Премудрость! Прости!“ отходитъ изъ св. Евангеліємъ торжественно царскими вратами во св. Олтарь, якъ Христось, що вознісся во славу на небеса, абы сѣсти о десную престола Величествія на високихъ „хотій нимъ въ день онъ еще разъ явитися во славу, дабы судити живымъ и мертвымъ правдою и истиною, бо Отець небесный судъ весь далъ естъ Сынови, да вси чтуть Сына якоже чтуть Отца.“ Мы страхомъ святымъ проникненій поклоняємся отже Царю Славы спѣваючи: „Прійдѣте поклонѣмся“ и проч.

Только глубокою правды и таки спасительный воспоминанія родитъ той входъ въ сердцахъ нашихъ. Особливе, коли Архіерей священнодѣйствуетъ, тогда — по занесеню св. Евангелія назавдъ на престолъ — трикратный обходъ престола съ пѣльмъ причтомъ, безустанное обкаджуванье престола, и развразъ повторяющийся спѣвъ: „Спаси насъ Сыне Божій“ въ конепъ благословенье народа горящими свѣщами. — все то крайню назидательно воображає намъ небесное торжество про удовлетворенье сдѣланное вѣчной Истинѣ, и обновленіе естества человѣческаго.

Есть то отже самое трогательнѣйше засвѣдительство ованье святости Провидѣнія Божого.

Церемоніаль входа того все однакій, ино въ словной отправѣ буває отмінна якъ до часу. Блаженна — въ повышій способъ — читаются заедно въ тѣ дни, коли стихословятся Изобразительный, о когрыхъ вже подъ а) сказано. Розглянувшись въ тыхъ Блаженнахъ переконаємся легко, же они выражаютъ постепенно шо разъ труднѣйшій повинности наши почавши отъ смиренія ажъ до крайной готовности, за правду все зумѣти вытерпѣти: тому першія легшія читаются звычайно ино сами просто одно по другомъ. Труднѣйшія подобно якъ и на похоронахъ читаются съ приданіємъ до каждого стихарь або тропарѣвъ то въ поносеніе, то въ розраду, то для всказанія, же Богъ намъ исполненіе должностей нашихъ заедно улегшає святымъ содѣйствіємъ своимъ, же Господь людемъ своимъ дастъ крѣпость и поблагословитъ насъ миромъ, абы мы ино правду рѣшительно злюбили. Зъ той причины послѣднєе найтяжше блаженство дѣлится ажъ на три стихи: Блаженни изгнанны правды ради — Блаженни есте — и Радуйтєся и веселѣтєся — абы съ нимъ гадка наша всесторонно освоилась.

Въ пѣлкомъ будніи дни не читаются Блаженна, ино спѣвается для короткости третій антифонъ: „Прійдѣте и возрадуемъ“ и проч., мысль та сама — святость спасенія исповѣдуется прилаткомъ: „дивенъ сый во святыхъ своихъ,“ — отже судьбы Божіи кождымъ опѣкуются, но не кождому помогаютъ

Въ великій Господски праздники вся душа наша исполнена воспоминаніємъ, тожь замѣсть „Блаженныхъ“ читаются, пророчества относящіяся

до того праздника зо становища святости, и по кождомъ пророчествѣ спѣвается тропарь праздника. Переглянути ино таки стихи и порѣвнати ихъ въ цѣлости съ тропарами праздниковъ, легко переконаемса, же и въ такихъ случаяхъ намѣреніе входа, то есть: возбудити впечатлѣніе отъ святости Провидѣнія Божого на нашихъ умыслахъ, сірого наблюдается.

Въ такихъ случаяхъ и на возгласъ: „Премудрость! Прости!“ не спѣваемъ обще поклоненіе: „Прійдите поклонѣмса“, — але такожъ читается отповѣдне пророчество и спѣвается тропарь праздника. Но порѣвнавши стихъ тотъ съ тропаремъ, легко такожъ переконаемса всюда, же и тутъ загальный выразъ есть поклоненіе — *mutatis mutandis* въ мысли праздника.

По входѣ кѣнчимо прославленіе дневной памятки або спѣваемъ тѣ тропарѣ, котри относятся до того намѣренія або прошенія, о котромъ безкровна жертва совершати ся мае, бо священникъ вступивши въ олтарь передъ престолъ Бога святого „иже на свитыхъ почивай, иже трисвѣтымъ гласомъ отъ Серафимовъ воспѣваемый, и отъ Херувимовъ благословимый, и отъ всѣхъ небесныхъ силъ поклоняемый“ — такъ самъ про себе воспоминаніями св. входа пораженный, яко и абы удовлетворити прошеніямъ вѣрныхъ, котри го благали, абы помянувъ ихъ „егда прійдетъ въ царствіе“ небесне, се бѣ то во святая свитыхъ передъ престолъ Всевышняго — умоляе беззотлагательно тогожъ трисвятого Царя, абы Онъ „отъ несущаго въ бытіе приведеъ всяческава, создавый человека по образу своему и по подобію, и всякимъ дарованіемъ своимъ украсивый; даый просящему премудрость и разумъ, и не презырай согрѣшающаго, но полагаый на спасеніе покаяніе; — сподобивый его смиренного и недостойного раба своего въ часъ сей стати передъ славою святаго своебо жертвенника, — пріймивъ отъ устъ нашихъ грѣшныхъ трисвятое цѣніе, постѣвивъ насъ въ благодсти своей, простивъ намъ всякое прегрѣшеніе вольное и невольное, освятивъ наши души и тѣлеса, и давъ намъ Ему въ преподобіи служити во вся дни живота нашего.“

Помолившись такъ о словесидій жертвѣ нашій, коли и мы отспѣванье тропарѣвъ та кондаковъ вже укѣнчили, возглашае онъ врештѣ самъ торжественно святѣсть Божую: „Яко святъ еси Боже нашъ и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и святому Духу“. Та такъ не ино насъ потѣшае, же вже о нашій славословію помолился по желанію нашему, але заразомъ отъ себе запечатлѣвае наше розпамятованье о Божій святости, тому при послѣднихъ словахъ: „Ныиѣ и присно и во вѣки вѣковъ“ — обертается къ намъ лицемъ, абы на отъ-ино выгодошенное исповѣданіе свое увагу всѣхъ звернути, и затвердити въ памяти нашій, же „свато и страшно есть имя избавленія Божого, наказующее насъ, да отвергшеси нечестія и мірскихъ похотей цѣломудрно, праведно и благовѣрно проживемъ во ныишнемъ вѣцѣ, ждуще блаженного уповаія славы великого Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, иже дадеъ

есть себе самого за ны, дабы избавилъ насъ отъ всякаго беззаконія и очистилъ себѣ люди избранныя, ревнителя добрымъ дѣломъ“.

Мы приобщаемся его исповѣданію и славословію словомъ: Аминь — изо своей стороны яко старшія во Христѣ упоминаемъ новопросвѣщенныхъ: „Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь. Адаиуа“ — або поклоняемся святости Христовой, котру и сама безвинна смерть на крестѣ не заколебада, та котра про те и намъ заповѣла: „Иже хощетъ по мнѣ жити (се бѣ то за мною до славы вѣчной выити), да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ“, — отже спѣваемъ: „кресту Твоему поклоняемся Владыко и святое воскресеніе Твое славимъ“; — въ иншія же часы рахуючися исъ своимъ сумлѣньемъ воззываемъ: „святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный помилуй насъ!“

Коли тотъ спѣвъ кѣнчится, отходитъ священникъ за престолъ на горнее сѣдалище, гоноря въ тай молитву: „Благословенъ грядый во имя Господне. — Благословенъ еси на Престолѣ Славы Царствія Твоего, сѣдай на херувимѣхъ нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ“. И зъ горного сѣдалища возывае къ вѣрнымъ: „Вовымѣмъ! Миръ всѣмъ! Премудрость вовымѣмъ!“

Абы сѣмя Слова Божого въ сердцахъ нашихъ плодъ духовный: „любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣру, кротость и воздержаніе“ произвело, треба було не иначе впередъ въ умыслахъ нашихъ разбудити переконанье, же то слово есть даръ благодати Божией для нашего добра, а вкупѣ и вѣчно неотмѣнный выразъ неотбудной святости Господа Вышнего. Теперь пора, то Боже слово читати. Но мы вже зъ дотыхчасовыхъ увагъ увидѣли, же лядъ моленій нашихъ на всѣ стороны обдуманый, та не есть то моленіе слѣпного чувства, но заразомъ и исповѣданіе вѣры нашей: „вѣровахъ, тѣмже и возглаголахъ“ — та такъ ось хочъ бы й тое читанье слова Божого. Христось препоручивъ апостоламъ святымъ: „идѣте въ мѣръ весь, и научайте вся языки, учаще ихъ благодати вся, елика заповѣдахъ вамъ.“ Начальство церковне отже есть учителемъ вѣрныхъ. Много науки Божественной зѣстало святыми апостолами списано. Отже то есть непосредственнымъ основаніемъ для наукъ церковныхъ. Книги тіи однакожь може всякій рѣзно розумѣти. Начальство церковне есть отже толкователемъ едино вѣрнымъ тыхъ книгъ; оно не ино дбати мае о праведне розумѣнне слова Божого, але такожь и о тое, абы ту Христову науку въ сердцахъ нашихъ зацепити, оно мае за те Христови „отвѣтъ отдати“. Така есть вѣра наша, и тую вѣру отдали Отцѣ святы въ церемоніалѣ, по якому слово Божое на литургіи читается.

Якъ вже сказано, священникъ отходитъ изъ-передъ Престола позадъ его на горнее сѣдалище — пригадующе собѣ, же, „грядетъ во имя Господне“ начальствовати — въ имя того, що сидитъ „на херувимѣхъ на престолѣ славы

Царствія своего“ — и взывае вѣрныхъ яко стадо свое пасоме : „Воньмимъ! миръ всѣмъ! Премудрость воньмимъ!“ Закъ всѣ утихомирятся, и каждый свои мысли сбере, спѣвають прокименъ — отповѣдне пророчество або по-божне переконање зъ псалмѣвъ — яко отголосъ исторіи, учительницѣмъ благоправія и вѣри, — тому прокименъ спѣвается двакратно цѣлый, третій же разъ ино отъ половины — сказано яко ехо, отголосъ исторіи. Апостоля читае все кто иншій, не священникъ — для изображенія подручныхъ чинѣвъ церковныхъ, — священникъ — владыка держитъ надзоръ и дае при-водъ: тому кто апостоля читае, стоитъ на амвоѣ на церковъ плечима а до священника лицемъ обернень, бо священникъ голосячи: „воньмимъ“ — сказавъ, же и онъ буде слухати першій яко намѣстникъ Христовъ, который такожь не отъ себе говоривъ и не свою волю чинивъ, но волю пославшого Его Отца. По апостоля иде Аллилуя и кажене — въ узмысловлене того, же Духъ святий верховно наблюдае за чистотою науки и разумнїя слова Божого — и далѣ иде читане св. Евангелїя. Розумвется, же сли священникъ самъ то Евангелїе читае, то вжежь на иначе, ино до народа обернень повиненъ читати — не ино про те, абы го вѣрнїи тымъ лучше чули, але вже про те саме, же онъ начальство и ученїе церковне представляе. Що иншого, сли діаконъ читае, тогды онъ обернень до священника за престоломъ — бо не онъ ученїе заступае, ино священникъ, але начальство-священнодѣйствующій заступае учительство церковне, ему въ томъ разѣ никто не начальствуе — онъ учитель самъ, а яко учитель до народа обернень читае, иннакше цѣла мысль устава хиблена, и святѣсть слова Божого вже въ самѣмъ читанью не ушанована. Сказано бо, онъ передъ читаньемъ ще того слова Божого заводывавъ всѣхъ „воньмимъ“ — отже сли „воньмимъ“, то и онъ брався слухати, очевидно онъ першій, якъ кто; бо по якомужь бы то було иннакше? Сли же онъ подъ часъ апостола, где про н его чтець до престола лицемъ обернень читае, — священникъ кажу до читающого плечима обернень стоитъ, то выходитъ на те, що онъ першій для слова Божого пошанѣвку немае, о надзорванью подрядныхъ чинѣвъ церковныхъ вже нема що й говорити. Саме сли онъ, читаючи св. Евангелїе, до престола лицемъ обернень стоитъ, — кому же читае? таже то не молитва, ино наука. У латинниковъ не заводывается народъ „воньмимъ“ — ту цѣлкомъ инша мысль. Дѣстно переходить всяке воображене, якъ можъ въ томъ щось злого видѣти, сли начальство-священнодѣйствующій слово Боже читае, плечима до народа обернень. Вилко, же противники того свѣй уставъ не зъ книгъ святыхъ, нѣ зъ рѣчи самой, ино зъ якогось иншого натхненїя беруть.

в) Такий що-ино розвиненый вылъ безпоустной святости Божой може всякого мыслящого вже самъ собою до переконанья привести, що дѣло спасенїя, совершенное на крестѣ посредѣ земли, само собою чоловікѣва зъ горы безъ соотвѣтного приновленья воли въ пользу никакъ прїйти не може, ино

овшѣмъ великіи должности на нысь вкладае, та ажъ по исполненіи тыхже мы можемъ „миръ имѣти къ Богу Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ.“

Тую гадку теперъ чинъ литургии въ цѣломъ соборѣ возбуждае. Богъ призываютъ насъ: „Рцемъ вси ко Господу отъ всея души и отъ всего помышленія нашего рцемъ.“ Всѣ безъ изыатія должны подъ волю Божу поддаватися, бо Богъ не зрѣтъ на лица, лишь на одну доброту душевну, а та въ соображеніи Божой святости не виша, ино обща и совершенна бути муситъ, истинная бо ширьость и милость не уймае, но радѣйше, кобъ можъ, додае, тожъ отъ всея души и отъ всего помышленія нашего должно волѣ Божой поддаватися.

Далѣй: „Господи Вседержителю, Боже Отець нашихъ, молилтися услыши и помилуй.“ — Повиновение волѣ Божой должно буги правильне по узавоженіямъ святыхъ Отець единой, святой, соборной и апостольской церкви, и во обще „всяка душа властемъ придержащимъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и стропотнымъ — Бога ради — да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть — въ огмщеніе убо злымъ, въ похвалу же благотворцемъ, и за то они Богу отвѣтъ отдати имугъ“ — и во обще со всѣми соблюдати „соединеніе духа въ союзъ мира“ — не бути самолюбнымъ, но почитати весь міръ православныхъ Христіанъ яко „едино тѣло“ — а себе въ особености „яко уаь того тѣла, которого главою есть Іисусъ Христоръ.“

По той мысли иде екенія „Помилуй насъ Боже“ — о видимомъ начальствѣ вселенской церкви, тожъ о главѣ мірской по учрежденію Божому, далше о начальствѣ областной церкви и епархіи, о нашихъ Оцѣхъ духовныхъ и во Христѣ братѣн, въ конецъ о всѣхъ предстоящихъ людехъ, чашущихъ отъ Господа великія и богатыя милости, а гворящихъ намъ милостыню, и о всѣхъ православныхъ Христіаняхъ. — И тугъ мы такъ по правилу апостольскому: „да прилѣжащія добрѣ пресвитеры сугубыя чести сподоблятсѣ“, яко и по изрядной Христовой заповѣди взаимной любви, составляющей саме найвѣрѣйшее знамя православного Христіанина, молимся Господеви сугубымъ, удвоеннымъ а властиве утроенымъ „Господи помилуй.“

Розарыви такъ загальну идею Христіанства, що оно лишь о тѣлько цѣлого роду людского дотычтсѣ, по-за-кѣлько „Богъ всѣмъ челоувкомъ хоцетъ спастисѣ и въ разумъ истинный прійти“, що однакомъ спасеніе то на дѣлѣ правильнымъ образомъ по справедливости ино тогдѣ може послѣдовать, коли челоувкъ удовлетворитъ звѣснымъ внутреннимъ и вишнимъ условіямъ свыше поставленнымъ, а оттакъ, що спасеніе во Христѣ есть „завѣтне“ въ тѣснѣмъ смыслѣ слова того: „Мнози званны, мало же избранны“ — звертне теперъ рѣчь къ тымъ, що самымъ первѣйшимъ условіямъ доси ще не удовлетворили: „Помолитсѣ оглашеними Господеви.“ Поти стояла церковь для всѣхъ отворомъ прямо зъ причины, яко „Богъ всѣмъ хоцетъ спастисѣ и въ разумъ

истинный прїїти," — абы „никто не имѣтъ вины о грѣсѣ своемъ," — сн въ конецъ спасенїя не улучшить. Но понеже теперь мае совершатисъ сама найсвятѣйша Тайна Завѣта „въ исцѣленїе душъ и тѣлесъ“ самыхъ вѣрныхъ, тому оглашенны должны отдаитисъ зъ церкви, абы присутствующи ей „недостойнѣ не стались повинны Тѣлу и Крови Господни.“ Для нихъ мае соборъ вѣрныхъ ино одно слово Боже и споспѣшествующи моленїя, абы ихъ Всевышній чѣмъ скорше „огласилъ словомъ истины, открылъ имъ Евангелїе правды, и соединилъ ихъ святѣй своей соборнѣй и апостольской церкви," — абы такъ отъ той святѣйшой гайны не муслись отлучаги, но „ба- него пакибыгїя сопричтены святому и избранному стаду могли съ нимъ до конца вкулъ славити пречестное и великолѣпне имя Отца и Сына и свя- таго Духа нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.“ А поки то не послѣдуе „Елицы оглашенны изыдите, оглашенны изыдите, елицы оглашенны изы- дите, да никто отъ оглашенныхъ, слпы вѣрныи“ до дальшого служенїя нъ церкви останутся.

Страшна то хвѣя и для самыхъ тыхъ, що вже на лонѣ церкви почи- ваютъ. Вотъ оглашенны за саме недополненье виѣшнихъ условїй отъ Престола благодати извергаются, о колькожь строжайшїи судъ жеде того, що внутренимъ условїямъ не удовлетворилъ, та чїя „вѣра не превзы- ваетъ паче книжнїкъ и Фарїсѣй?“ — Будь якъ будь слѣдующи моленья со всѣмъ туда направленны, щобъ у вѣрныхъ таки поканны чувства и страхъ передъ неминуемою справедливою Божюю возбудити. Въ соображенїи бо що-ино послѣдовавшего выдаленья оглашенныхъ зъ церкви чѣмъ промавляе къ намъ двократный призовъ: „Паки и паки миромъ Господу помолимся“ — съ двократнымъ продолжительнымъ „Господи помилуй“; и двократное тайное моленье священнослужителей съ голоснымъ умиловителнымъ закѣченїемъ: „Заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ Боже Твоею благодатию;“ — двократный призовъ: „Премудрость“ и возгласъ: „Яко подобаетъ Тебѣ вся- кая слава, честь и поклоненїе — и — Яко полъ державою твоею всегда хра- нимы“ — чѣмъ кажу промавляе то все къ намъ, акъ не внушенїемъ, що намъ всякому въ высокомъ степени той праведности не достае, котору мы передъ лицемъ праведнѣйшого Судїи мати повинны? Не чому священнослу- житель въ конецъ самъ просебе молагся: „Никтоже достоинъ отъ связавших- ся тѣлесными похотьми и слястми приблизитися или служити Тебѣ Царю славы, еже бо служити Тебѣ велико и страшно самѣмъ небеснымъ силамъ.“ Онъ тому не принимается за гую службу по якому тамъ переконанїи о своемъ достоинствѣ, но единого про гое, що небесный Царь славы „за неиз- реченное свое человеколюбїе, непреложно и неизмѣнно бывъ человекъ, слу- жebníи сея и безкровныи жертвы священнодѣйствїе предалъ естъ намъ яко Владыка всяческїихъ;“ съ трепетомъ наполняе церковь кадильнымъ благовономъ называющимся покаянїи псалмомъ: „Помилуй мя Боже“ — и выносячи въ

конецъ приготовленныхъ дары изъ предложенія сѣверными вратами на церковь, а отъти царскими на престолъ, благословигъ насъ проникательнымъ возрженіемъ: „и всѣхъ васъ православныхъ Христіанъ да помянетъ Господь Богъ въ царствіи своемъ.“ — Мы на маломъ входѣ благали вкупѣ съ оглашенными: „Въ царствіи Твоемъ егда прійдеши, помяни насъ Господа“, — намъ тогда простого отвѣта не дали, но возразили „Блаженными“ всказуючи такъ на святость и опѣсла на справедливѣсть Божу: „Не всякъ глаголай ко мнѣ: Господи, Господи! вылетъ въ живогъ вѣчный, но творий волю пославшаго мя Отца.“ Тому оглашенны отойшли не учувши усчащивляющаго отвѣта, а кто зъ нихъ бѣльше дерзосный нежели совѣстный съ вѣрными дагъ приостался, то дѣломъ переконался, що „Мнози званны, мало же избранны.“ Христось при всѣмъ своемъ челоуѣколюбіи, умераячи на крестѣ за насъ, вправдѣ за всѣхъ и за вороговѣ своихъ молился, а таки зъ двоихъ, вкупѣ съ Нимъ повѣщенныхъ разбойниковъ ино одного увѣрилъ: „Днесъ со мною будещи въ рай.“ Тому и жрецъ не отважился дары предложить о всѣхъ во обще, ниже о всѣхъ въ церкви находящихся, лишь только за „всѣхъ васъ православныхъ Христіанъ.“ Ино „имущему везѣ дано будетъ, отъ немущаго же, и еже мнѣтся имѣти, взято будетъ отъ него. И неключимый рабъ вверженъ будетъ во тму кромѣшнюю, тамо будетъ плачь и скрежетъ зубовъ.“

Тутъ мѣстце сказать слово къ тымъ, шо зъ нашего восточнаго чину святой литургіи рады бѣ выкинути, по ихъ мнѣнію вже анахроничными призовы: „Помолитесь оглашенными Господеви“ — и — „Елицы оглашенными изыдите.“ Нынѣ правда дорослыи оглашенны у насъ на литургіи рѣдко бувають, а хочъ гдѣяки и находятя, то ихъ вже бѣльше не сидуетя, на жертвоприношеніе изъ церкви выходити. Но чи и Христова заповѣдь вже обветшала, силою которой ино тогъ, „ниже вѣру иметь и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметь вѣры и не крестится, осужденъ будетъ?“ — Нынѣ оглашенныи зъ церкви на время жертвоприношенія ино про то самыи мѣ призовомъ выдаются, бо дѣйствіе выдаиванье при численности нашихъ соборовъ, людскимъ способомъ говорачи, вже не дастся перепровадити. Лучитя, же прійде до церкви и такой, шо го въ цѣломъ соборѣ никто не знае шо бѣ за одинъ, а тымъ менше, чи онъ православный Христіанинъ, чи лишь только оглашенный, або отступникъ? Треба бѣ хѣба ажъ нарочно выпытоватися, а таки въ конецъ можъ бути обманенымъ. Тому кромѣ приговора до ихъ совѣсти, съ оглашенными нынѣ ничего бѣльше не предпринимается: „Елицы оглашенными изыдите,“ — если не изыдете, знайте, шо дерзостно грѣшите. То не есть нетерпимость, но сама найискреннѣйша любовь къ оглашеннымъ, дабы присутствіемъ не грѣшили. Оглашенный може собѣ зъ того не робити ничего, но вѣрными свою вѣру, где и коли лишь потреба, всегда и всюду исповѣдати должны. А зъ того слѣдуе, шо оныи призовы нынѣ скорше нежъ коли голо-

ситись повинны — въ восточномъ чинѣ святой литургіи. Въ западномъ шо иного, якъ се познѣйшо на своемъ мѣстци увидимъ.

г) Входъ той великій опять наводитъ на гаку нашу пришествіе Христове на сей свѣтъ, именное внесеніемъ честныхъ даровъ зъ церкви царскими вратами на св. Престолъ звертае увагу нашу на торжественный входъ Христовъ въ Іерусалимъ на вольную страсть и смерть для удовлетворенія небесной справедливости за грѣхи сего міра, тому погледу да при томъ входѣ несутся знамена страсти Христовой, а въ часъ зложенія честныхъ даровъ на престолъ мовить священнослужитель: „Благообразный Іосифъ съ древа снемъ пречистое Тѣло Твое“ и проч. тропаря на погребеніе Христове.

Смертію своею стался Христосъ нашимъ ходатаемъ у Бога, дабы къ тому не помянулъ на грѣхи наши и наши невѣжествія. Въ соображенія того отже зачинаются царскіи врата и засуваются завѣса: „рукописаніе грѣховъ нашихъ растерзаніе, и намъ положено покаяніе во спасеніе.“ Въ полнѣмъ упованіи на милосердіе Боже мы должны любовію и вѣрою; именное любовію ближняго Богу небесному прильпяться, а Онь намъ въ Тайнахъ святыхъ свою милость и благодать благовременную помощь буде ниспосылати, дондеже „прійдетъ судити мірови по благовѣстію своему.“

Тому мы, вручивши предложенныи честныи дары о святѣмъ храмѣ нашѣмъ, и же со вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ входящихъ въ оны, о еже избавитися намъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды; — предлагаемъ Богу небесному въ полнѣмъ завѣренія весь животъ нашъ, дабы намъ подавъ: День весь совершенъ, святъ, миренъ и безгрѣшенъ; щобы ангелъ хранитель насъ не опускавъ, но мирно и вѣрно къ всему доброму обучаючи, души и тѣлеса наши отъ всякой скверны сохранявъ; щобъ мы достойнымъ покаяніемъ на прощеніе грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ, и на все тое собѣ заслужили, що для душъ и тѣлесъ нашихъ есть истинно добре и полезне, и каючися не только нынѣ, но и все прочее время житія нашего, возмогли по христіански, безболѣзненно, непостыдно и мирно на землѣ скончатися, и на страшномъ онѣмъ судѣ добрый отвѣтъ отдачи. Далѣ исповѣдуемъ е явно сущиую и нероздѣльную Троицу взаимнымъ духовнымъ тѣлованіемъ „прощающе другъ другу, аще кто на кого имать пореченіе, — ижеже и Христосъ простилъ есть намъ,“ — а въ конецъ исповѣдуемъ явно и согласно двери премудрости, правила православной вѣры по извѣщеніямъ святыхъ вселенскихъ соборовъ.

Ктось звертавъ нашу увагу въ „Словѣ“ на то обстоятельство, що коли оного разу въ Вѣднѣ въ церкви св. Варвары литургіи присутствовалъ, оный гр. као. румунскій Владыка, тогда ни „Вѣрую“ ниже „Отче нашъ“ не спѣвали зъ крилоса, ино Епископъ самъ поднесшия отъ своего сѣдалища отмавлялъ велегласно одно и друге, а всѣ прочіи собранны за нимъ. — Звычай тотъ не есть ино румунскій; но греческому обряду общій, только що не

всюда его належито опѣняютъ, та тому по-где-куда не уважають. У насъ и пр. и до нынѣ стоитъ бѣ въ литургіконахъ выразно wskazаный, когда бо при иныхъ такъ зовимыхъ респонзоріяхъ всюда wskazuje на „Ликъ“ яко на предводителя сѣву, при „Вѣрую“ и „Отче-нашъ“ опредѣлительно поставленно, що священнодѣйствующій, распростерши рукѣ, отмавляє одно и друге въ тай, велегласно же глаголють — а не поюгъ, людіе — а не ликъ. И кто лишь крышки застановится надъ цѣлостію уставу св. литургіи по греч. обрядови, спѣзнае вѣрно, що се такъ, а не иначе бути должно. Означаетъ то единство и вселенскость вѣры нашей, за которой неспорченности Духъ святой наблюдаетъ. Та тому на „Вѣрую“ поднимають „Воздухъ“ зъ честныхъ даровъ и поднесши го распростерго горѣ погрусають нимъ въ знакъ Духа святого, Утѣшителя, Духа Истины, Сокровища благихъ. Именно же, коли священнодѣйствуетъ Владыка, то бѣ приклоняетъ голову, и такъ понадъ нимъ перетягають сослужащій тотъ „Воздухъ“ въ знакъ, що Духъ святой презрѣдно на апостолахъ и ихъ наслѣдникахъ-епископахъ почиваетъ. Коли то у насъ соблюдается, то и отмавлины „Вѣрую“ должно бути все-народне, бо одно и друге въ неразрывной связи стоятъ. Не менше и при „Отче нашъ,“ — все мы зарѣвно всиновленны, и дерзновение къ Отцу зарѣвно мати должны.

Зъ того, що тутъ о „воздухѣ“ сказано, видно со всемъ ясно, що теперѣшне употребленіе, по которому на великомъ входѣ діаконъ воздухъ перель собою распростертый обвручъ несетъ, есть крайню неслѣпе. Уставъ, до нынѣ въ службникахъ выразно wskazуемый, опредѣляетъ, що начальносвященнодѣйствующій долженъ воздухъ діаконски на лѣве рамя вложить, и такъ має бѣ нести. Знакъ тому, бо ту вся гадка наша скупляется въ страданіи и смерти Христовой, якъ Божественный Спаситель „нося крестъ свой изыде въ глаголаемое лобное мѣсто.“ Діаконъ тутъ безсомнительно пригадуе одного Сімона Киринейского, которому Христовъ крестъ завдали на ремена, абы го помагалъ нести „изнемогающему Иисусови. На лѣве рамя покладается воздухъ, о кѣлько „шуи“ во обще означаетъ крестъ, неудобности житья сего. Воздухъ же узмысловляетъ намъ тутъ цѣлкомъ удачно Господа животворящего, который „людемъ своимъ крѣпость“ подалъ, тѣ „шуи“ поносити. — Коли священникъ самъ одинъ литургісуетъ, закидаетъ собѣ воздухъ на плечи на томъ великомъ входѣ. И то цѣлкомъ понятно.

Во время „Вѣрую“ отсувають завѣсу вратную во зримое исповѣданіе, яко мы „вѣрую ходимъ а не вѣдѣниемъ,“ а оттакъ що наше вѣдѣніе есть вѣра, що мы Бога въ Троицѣ и Его милость на насъ вѣрою понимаемъ. По „Вѣрую“ завѣса назадъ засувается, дабысмы святое возношеніе съ полною вѣрою приносили.

Именно отдавшись несъ всеми потребностями житья сего и его кончины неизреченному Божому милосердію: простивши другъ другу духовнымъ цѣ-

лованіемъ всѣ пореченія, и возбудиши въ сердцахъ нашихъ вѣру, черезъ котору едино милосердіе Боже на насъ во святыхъ тайнахъ изливается, приступаемъ къ поклоненію наибольшей и найсвятѣйшей тайнѣ новаго завѣта, тайнѣ вечера Христовой, тайнѣ, котора есть Евхаристія, милосердіе надъ милосердіями, даръ небесъ по-надъ всѣ дары, Тайнѣ, въ которой всѣ прочія святыи тайны сосредоточаются.

Священнослужитель зове къ намъ: „Станимъ добръ, станимъ со страхомъ, воньнимъ святое возношеніе въ мирѣ приносить,“ — въ мирѣ, въ онже завѣтнмъ „причащаніемъ отъ единого хлѣба и званны бысте въ едино тѣло. — Началникъ вѣры нашея и совершитель Иисусъ Христосъ въ ночь, въ нюже себе предаше за міра живогъ, воставъ отъ вечера, положи ризы, приеъмъ лентіонъ препоясая, погомже влія воду въ умывалницу, омываше нозѣ ученикомъ, и отераше лентіемъ, имже бѣ препоясанъ. Егда же умы ноги ихъ, пріяты ризы своя, возлегъ паки, рече имъ: Всѣ ли, что сотворихъ вамъ? Вы глашате мя Учителя и Господа, добръ глаголеге, есмь бо. Аще убо азъ умыхъ нозѣ ваши, Господь и Учитель, и вы должны есте другъ другу умывати нозѣ: образъ бо дахъ вамъ, да якоже азъ сотворихъ вамъ, и вы творите. Аще сія вѣсте, блаженны есте, аще творите я.“ Се предстоитъ намъ тое превеліе событіе любви свягой священнодѣйствительно воспоминаuti; воспоминаuti смерть Бого-человѣка, волею претерпѣтую для избавленія нашего отъ работы враждой; — тожъ радуемся духомъ о Бозѣ-Спасѣ нашомъ, яко „щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ; не до конца прогнѣвается, ниже во вѣкъ враждуетъ; не по беззаконіемъ нашимъ сотворилъ есть намъ, ниже по грѣхомъ нашимъ воздалъ есть намъ; яко по высотѣ небеснѣй отъ земли, утвердилъ есть Господь милость свою на боящихся его; елико отстоятъ востоцы отъ западъ, удалилъ есть отъ насъ беззаконія наша; якоже щедритъ отецъ сыны, ущедрн Господь боящихся Его; яко той позна созданіе наше; Благослови душе моя Господя, и вся внутренняя моя имя святое Его; благослови душе моя Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его; очищающаго вся беззаконія твоя, и исцѣляющаго вся недуги твоя, избавляющаго отъ истлѣнія живогъ твой, вѣнчающаго тя милостію и щедротами“ — радуемся кажу такъ духомъ о своемъ избавленія не кажѣтъ въ сердцахъ вашихъ: „добръ намъ здѣ быти, сотворѣмъ себѣ тутъ снѣгъ,“ — но „благодарны бывайте, и по образу истощившаго себе за насъ, отложѣмъ вся: гнѣвъ, ярость, злобу, хуленіе и срамословіе отъ устъ нашихъ, не лгати намъ на другихъ; — кротость наша разумна да будетъ всѣмъ чловѣкомъ; — сердца наша да воспламеняютъ святою любовію къ ближнимъ, дондеже время имамы, немощи немощныхъ носить, и не себѣ угождати, но благотворити всѣмъ. Станѣмъ отже такъ добръ, станѣмъ со страхомъ, воньнѣмъ святое возношеніе въ мирѣ приносить, милость бо мира жертва хваленія.“

Въ совершаніи тайной вечери Христовой церковь восточна отъ начала усмотрѣла найсильнѣйшее и николи не ослабѣвающее побуженіе до любви ближняго, яко и Христось при той вечери любовь ближняго надовсе намъ заповѣвъ. По той причинѣ у насъ зъ давнѣ-давна уставъ приказуе, святое возношеніе стоячи приносити „обувши нозѣ въ уготованіе благовѣствованіи миру, — прости другъ другу, якоже и Христось простилъ есть намъ; — и пріяти другъ друга, якоже и Христось пріятъ насъ во славу Богу.“ — И то есть причина, чому мы за сохраненіемъ того звычайя обстаемъ, а не, якъ-то гдєкаторы насъ укоряють, будь-то бѣ мы зъ нашего отвращенія отъ колѣноприклоненій се чиними. Они хотять намъ, по ихъ словамъ нашу нечисту гадку тымъ доказати, що по свѣдѣтельству пасьма святого ще апостола свои найусердѣйшіи моленія съ колѣноприклоненіями отправляли. Доказъ тотъ бувъ бы дѣйстно самымъ найсильнѣйшимъ, сли бѣ на дѣлѣ то доказававъ, що обвинители наши намъ доказати хотять. Колѣноприклоненія во обще, а колѣноприклоненія въ часъ приношенья святого возношенья, то таки не все одно. Церковь восточна має колѣноприклоненія и завсѣгда мала, но не подѣ часть святого возношенія. У насъ каякали давно на малый входъ и на великій, мало то свой смыслъ, который легко отгадати, взявши на увагу то, що мы о обохъ тыхъ входахъ выше сказали. Но тіи колѣноприклоненія знесено изъ самыхъ вымышленныхъ причинъ, а завели тамъ, где ихъ не бувало, именно же где они цѣлосъ устава кривлять.

Христось при тайной вечери любовь ближняго намъ израдно на совѣсть вложивъ. Именноже умытіемъ нѣгъ учениковъ своихъ, то есть исполненіемъ имъ, якъ на оныи времена, самой унизительнѣйшой прислуги, подавъ намъ образъ любви ближняго безпредѣльной, котора не достоинствомъ, мно одною потребою должна мѣрится. Христось даже и Юдѣ, своєму предателєви умывъ ноги, и въ конецъ сказавъ: „образъ дахъ вамъ, да якоже азъ сотвори хъ, и вы творите. Аще та вѣсте, блаженны есте, аще творите я.“ Тому и церковь святая передъ воспоминаніемъ той завѣтной вечери взывае насъ: „Станѣмъ добрѣ, станѣмъ со страхомъ, вонѣмъ святое возношеніе въ мирѣ приносити.“ А коли мы отвѣтили, що памятаемъ на Христове завѣщаніе, яко: „Милосъ мира, жертва хваленія“ — благословитъ насъ священнослужитель словами Апостола: „Благодать Господа нашего Исусъ Христа, и любви Бога-Отца, и причастіе святого Духа буди со всіми вами“ — то одно, що й слова Христовы: „Аще та вѣсте, блаженны есте, аще творите я.“

Та вознесши сердца наши горѣ, покланяемъ, яко достойно и праведно есть, святой Тройцѣ; творимъ святое воспоминаніе, освящаются предложенны дары и приносятся благовонія кадильного, а звонъ самый наибольшій зове ближнихъ и дальнихъ: „Грядѣте, яко уже готова вся!“ Священникъ же, со страхомъ разсуждая предлежащее Тѣло Господне, которому все причащающєся, въ едино тѣло призываемъ, дабы миръ Божій, превосходяй всякъ

умъ водворялся въ сердцахъ нашихъ, — припадае къ безконечному милосердію: „И даждь намъ единѣми усты и единѣмъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпное имя Твое, Отца и Сына и святаго Духа иныѣ, присно и во вѣки вѣковъ,“ — благословитъ насъ на таке соединеніе духа милостями великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. — взывае Всевышняго усиленно умолати, дабы принесенныи и освященныи дары принявъ во святый свой пренебесный и мысленный жертвенникъ, и вознизпославъ намъ благодать и даръ святаго Духа, вся въ насъ дѣйствующаго, даръ премудрости, розуму, совѣта, крѣпости, вѣдѣнія, благочестія и страху Божого, — та якъ Христось всего себе предавъ за насъ, и мы весь животоу нашъ ему абы предали и до кончины житія достойныи чадами Отца небеснаго явились, и сподобились неосужденно смѣти Его Отцемъ нашимъ призывати и глаголати: „Отче нашъ. . .“ Въ конецъ приклоненіемъ головъ поодаемъ подъ волю страшнаго Бога, и создавшись такъ, „въ обиталище Божіе духомъ приступаемъ ко престолу благодати, да пріймемъ милость, и благодать обрщемъ въ благовременную помощь — во оставленіе грѣховъ и во жизнь вѣчную. Аминь.“ Та поблагодаривши Бога „яко сподобилъ есть насъ причащатися святымъ своимъ, пречистымъ и животворящимъ тайнамъ“ просимъ, абы насъ сохранилъ во своей святини вся дни поучатися правдъ „Его.“ Священникъ же, яко служитель „Архіерея Великаго, прошедшаго небеса,“ — теперь же вступившаго въ сердца наши, выходитъ къ намъ на церковь, и тутъ посреда церкви по сказанному: „се азъ и дѣти, яже далъ ми есть Богъ“ — воспѣвши милость Господа вышняго, благословящаго и освящающаго всяческая, предае весь міръ Христіанскій небесному Отцу свѣтовъ, отъ котораго всяко даваніе благо и всякъ даръ совершенъ исходитъ, и отступивши послѣ въ царскіи врата, благословитъ насъ благословеніемъ Господнимъ, и отпускае съ радостнымъ увѣреніемъ, яко Христось, истинный Богъ нашъ, спасетъ и помиуетъ насъ яко благъ и человеколюбецъ.

Звычай, по которому у насъ св. причащеніе стоячо, а не на клѣчкахъ совершается, есть ино послѣдствіемъ того, щосьмо о стоянью въ часъ св. возношенія сказали, и означае такожъ готовость къ дѣйствителному „благовѣствованію мира,“ — готовость къ отслужѣ любви Божой на нашихъ ближнихъ.

IV.

Чинъ св. Литургіи по западному сводови не чинитъ ніякихъ выводовъ о идеи Христіанства, ино по просту ставитъ паралелю до словъ св. Іоанна Богослова: „Въ началѣ бѣ Слово, — свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго чловека грядущаго въ міръ. И Слово Плоть бысть и вселися въ ны. И видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца, и сполниъ благодати и истинны.“ Звычай, заведеный тутъ въ 16. вѣцѣ, що реченное благовѣстіе отъ св. Іоанна іереемъ въ самомъ конці св. литургіи въ тай читается, без-

сомнительно має на цѣли, паралелю лат. литургіи съ тымъ благовѣстіемъ проуказати.

Лат. литургія въ голосной отправъ не ставить въ первой своей части або началѣ ни на що иншого натискъ, ино на чтеніе слова Божого, все прочее змѣняется тутъ безъустанно послѣ отправки, а оттакъ не относится непосредственно до самой литургіи, ино до дневного богослуженія. И такъ первое, що священникъ лат. при св. литургіи голоситъ, есть часами: *Gloria in excelsis Deo* — часами *Dominus vobiscum* — часами же ино: *Oremus*. — Постоянне есть тутъ ино чтеніе св. писанія. Межъ тымъ чтеніемъ св. писанія а прочією литургією нема такожъ постоянной выразной связи. *Per evangelia dicta deleantur nostra delicta* — говорится втай и незавсѣгды. Въ голосъ послѣдуе тутъ: *Credo*, часами ино: *Dominus vobiscum* — и: *Oremus* безъ голосной молитвы, бо *Offertorium* отбувается втай. Впрочемъ *Credo* заразъ по Евангеліи передъ *Offertorium* не значить то, что у насъ „Вѣрую“ ажъ передъ возношеніемъ. Но тахомъ *Offertorium* слѣдуе въ голосъ *Præfatio* до святого возношенія, которе снова не оглашается, ино втай отбувается. Ся бы не голосъ звѣночка, оно бы отбулося майже незамѣтно, противно же той голосъ звѣночка возбуждае въ вѣрныхъ чувство поклоненія великому и страшному, но таинственному дѣйствию, та тымъ производится и колѣноприклоненіе. Причастіе, такожъ ино звѣночкомъ оглашается, прѣзидущее бо: *Præsertis salutariibus muniti* до причастія выразно не относится. Не оглашается такожъ и совершеніе причастія, хибя перенесеніемъ литургіикона на тую сторону Престола назадъ, где стоялъ зъ начала. — Бѣльше о томъ уставѣ толковати нема для насъ тутъ потребы, бо вже зо сказанного видимо достаточно, що восточный чинъ св. литургіи зъ иншого, а западный снова зъ иншого стновища на св. безкровну жертву поглядають, однакомъ не такъ, абы собѣ взаимно противились, то есть, абы то, що одинъ о той св. жертвѣ насъ собою увѣряе, супротивлялось представленіямъ другого, ино оба представляютъ двѣ отличны стороны той жертвы, которы она дѣйстно має, а оттакъ уставы тіи съ собою мѣшати, було бы дѣломъ цѣло неблаго-
розумнымъ и чисто пристрастнымъ.

И. М. Г.

У В А Г И

надъ брошуркою Пана А. П. Подбрусняненъка:

„О книгахъ Богослужебныхъ особенно же о Литургіиконѣ,“

изданною во Львовѣ 1863 года.

Панъ Подбрусняненъко написавъ свою брошурку, и досадивъ въ ней неукамъ дякамъ, що перекачуютъ слова при святомъ Богослуженію. Та оно

и не даво, що дяки — неуки; колись оно и дяки були лѣпше учени якъ теперь, а то отъ тогда стали дяки неукраи, якъ нашъ обрядъ ставъ западати, та никто о него не дбавъ. Одни украшали его латинщиною, и такъ го перекрасили, що теперь онъ бѣльше латинскій якъ рускій; а други скорочовали его на всѣ способы, та такъ поподтнали, якъ мовлявъ той, зъ руского поважного кафтана зробили нѣмецкій фракотъ. Такъ святая правда, и не можъ заперечити, що на всяки способы скорочують Утреню и Вечерню, и правлять въ-кратцѣ римски службы; а дяки собѣ уже научилися мовити въ-кратцѣ: Отче нашъ, иже еси отъ лукаваго. Якій панъ, такій крамъ. Та ужежъ мы дяки не гнѣваемся, що панъ Подбрусняненко сказавъ намъ правду за перекручованье, але и намъ треба оборонитися, и показати пану Подбрусняненко, що то уже тое перекручованье отъ часѣвъ Униі у насъ стало загальнымъ звичаемъ.

Панъ Подбрусняненко доказують изъ греческого Служебника, що не належится читати „Господу помѣлимся, Господя прѣсимъ, Рцемъ вси,“ ино „Господу помѣлимся, Господя прѣсимъ, Рчимъ вси.“ То правда, але то не треба було указовати ажъ на греческій Служебникъ и зъ него выводити, якобы наши святіи Отци, що переводили литургію изъ греческого на руске, кепско перевели, та якобы оно таке изъ давнихъ рускихъ Служебникѣвъ до насъ перейшло. То не такъ пане Подбрусняненко! Мы прѣстї люде, не умѣемъ по гречески, та намъ не можъ о томъ судити, якъ оно въ греческомъ, чи такъ чи инакше; але мы умѣемъ добре по руски, и мы стаемъ въ оборонѣ рускихъ святыхъ Отцѣвъ, що намъ уже изъ греческого добре переведене подали, а що потому, уже за униі, чи умысле, чи иже зъ невѣжества перекрутили. По церквахъ нашихъ е Служебники и иніи церковніи книги старіи, а въ нихъ е всякая наша правда, що мы и безъ греческого Служебника о ней доконатися можемъ. Повѣдаете, що эле читати: „Господу помѣлимся, Господя прѣсимъ, Рцемъ вси,“ якъ то у насъ въ цѣлой Галичинѣ во всѣхъ церквахъ читаеся: то Вамъ треба було заглянути не до Почаевскихъ, або новшихъ Львовскихъ униятскихъ книгъ, але до старыхъ рускихъ. А такъ були бысте переконалися, що въ томъ Служебнику старѣмъ, въ-четвертицѣ, що е по нашихъ церквахъ, а которого я не знаю, въ которѣмъ роцѣ онъ изданыи, бо онъ у мене е подертый и зачинаеся ажъ отъ 2-ой картини, вырази е всюда: „Господу помѣлимся, Господя прѣсимъ, Рцемъ вси.“ Ба въ немъ ніякихъ пропущеній, якъ въ пѣзднѣйшихъ униятскихъ, на примѣръ: Въ службѣ св. Іоанна Златоустого на картѣ 146. стоить вырази по Изряднѣ: „О свягомъ Іоаннѣ пророцѣ, прѣдтечи и пр.“ що отповѣдае цѣлому смыслови: „о еже въ вѣрѣ усопшихъ праотцехъ, отцехъ, патріарсѣхъ, пророцѣхъ, — о пресвятой чистой преблагословенной Дѣвѣ Маріи, — о свягомъ Іоаннѣ пророцѣ прѣдтечи;“ не такъ якъ въ нашихъ униятскихъ, та и въ найновѣйшомъ Перемыскомъ стоить сторона 330: „Свя-

таго Іоанна пророка,“ безъ связи съ прочимъ. Еще гѣрше оно выдаея тое самое мѣсце въ службѣ св. Василія Великого. Въ старѣмъ рускѣмъ Службнику стоить на картѣ 224: „Со святымъ Іоанномъ пророкомъ и предтечею и пр.“, що ѡтповѣдае словамъ передѣйшимъ: „да обрящемъ милость и благодать,“ съ кимъ? „со всіми святыми отъ вѣка тебѣ благоугодившими Праотцы, Отцы — и со всякимъ духомъ праведнымъ въ вѣрѣ скончавшемся — изряднѣ со пресвятою . . . Дѣвою Марією — со святымъ Іоанномъ и пр.“

Отже я взявъ найдавнѣйшій, якій лишъ у насъ е, и найновѣйшій Службникъ, а теперъ перейдѣмъ, якъ оно ѡгъ часѣвъ уни въ различныхъ Службникахъ все перемѣнялося. Теперъ составимъ въ тыхъ точкахъ, о котрыхъ спѣмнувъ панъ Пѣдбрусняненко, всѣ службники наши, порѣвняваючи съ старимъ въ четверицѣ.

1. Старый въ четверицѣ: Господу помолѣмся, Господа просѣмъ, Рѣцѣмъ вси. О святомъ Іоаннѣ — со святымъ Іоанномъ.
2. Львѣвскій изъ 1712 года: Господу помолѣмся, Господа прѣсѣмъ, Рѣцѣмъ вси. О святомъ Іоаннѣ — со святымъ Іоанномъ.
3. Уневскій изъ 1733 года: Господу помолѣмся, Господа прѣсѣмъ, Рѣцѣмъ вси. О святомъ Іоаннѣ — со святымъ Іоанномъ.
4. Львѣвскій изъ 1780 года: Господу помолѣмся, Господа прѣсѣмъ, Рѣцѣмъ вси. О святомъ Іоаннѣ — святого Іоанна (!).
5. Перемыскій изъ 1840 года: Господу помолѣмся, Господа прѣсѣмъ, Рѣцѣмъ вси. Святого Іоанна — Святого Іоанна.

Изъ того порѣвнанія слѣдуе, що чѣмъ старшіи службники, тѣмъ лучшіи, и що изъ тыхъ всѣхъ тутъ наведенныхъ наилучшій найстаршій, печатаный передъ униєю, бо той ѡтповѣдае цѣлкомъ греческому и здоровому смыслову.

Если же познѣйше перекрутили „Господу помолѣмся“ на „Господу помолѣмся,“ а потому ажъ на „Господу помолѣмся,“ и оно такъ спѣваея во всѣхъ церквахъ и по монастыряхъ Василянѣвъ и въ каедряхъ рускихъ и въ церквѣ Ставропигійской, где мае бути прихѣръ для насъ; если нынѣ безъ связи чигаетя „святого Іоанна“ изъ Перемыского службника въ службахъ святого Іоанна Златоустого и Василія Великого всюда, и никто на тое не звернувъ уваги, ажъ Вы, пане Пѣдбрусняненко, ѡгъ часѣвъ святой Унии перши; то не дивуйтеся и дикамъ, що и они пѣють якъ умѣють — отъ абы борше. Та не кажѣтъ, що службникъ Почаевскій, изъ которого перепечатаный Перемыскій, считаея наилучшимъ, хибя тыми считаея наилучшимъ, що не знаютъ, що Почаевски Василянѣе були колись—то сами найтвердѣйши Поляки, котри найгѣрше обрядъ перекрутили.

Того вы выписали тѣлько що троха, що перекрутили; якбы я хотѣвъ вамъ выписати, що опустили, то бы треба написати грубу книжку, а кто бы хотѣвъ читати таку книжку, що написавъ неукъ—дякъ? Отже я вамъ лише напишу, що ся стало съ нашимъ рускимъ мѣсяцесловомъ, якъ то ето поподѣнали

та підскубали що аж сумъ. Але жебысьте не мыслили собѣ, що я шизматиць, то я вамъ выписавъ изъ Часослова уніятского, печатаного въ Львовѣ 1726 года, изъ такого Часослова, где уже поминаеся Папа римскій, а которому Часослову тогды еще не вѣдали ничего рускіи Святія. Колько то ихъ потому изъ церкви нашої выгнали, и зо Святыхъ покасовали!

Але напередъ, закѣмъ тое выпишу, то мушу яко простій чоловікъ и неученый признатися, що я не розумѣю, для чого тыхъ Святыхъ покасовали. Естѣ жеми ними такіи правда, що уже на-певно були шизматики, але пишеша на примѣръ о нихъ, що они були Чудотворць. Если шизматики ѓтъ Бога ѓтверженни, то чією же силою они творили чуда? — того я яко простій чоловікъ не могу розумѣти, и того не розумѣю, що написавъ якийсь ученый, нашъ ксендзъ, противъ нашего Панъ-отца Наумовича и противъ мене въ Dzienniku polskim, що потому выдруковавъ въ книжочцѣ „O obrząd-kach grecko-unickich w Galicyi wschodniej“ на сторони 98: „ . . . udział uniatów w nabożeństwie szyszmatyckim (за Шевченъка) w najlepszym razie niema sensu: bo jużciż my katolicy modlimy się za żywych pogan, niewiernych, kacerzy, odszczepieńców, aby jednych Bóg światłem wiary oświecić, drugich z prawdziwym kościołem zjednoczyć raczył — ale nie modlimy się za tego rodzaju umarłych, bo są za kościołem, i przeto w żadnym związku duchownym z nimi nie zostajemy.“ Ну, менѣ простому даковин противу ученой головы не ма що казати, але просивъ бы я о науку, бо я того ученія добре собѣ не порозумѣвъ. Я бо собѣ неукъ такъ думаю по просту: На пр. въ селѣ якомъ на Волиню, на Украинѣ або на Буковинѣ есть ниякъ шизма. Если бы ся такъ стало, що певного дня стала бы въ томъ селѣ унія, и такъ: въ Понедѣлокъ була еще шизма, а во Второкъ унія, якъ то у насъ не иначе бывало, що ѓтъ якогось певного дня, коли першій разъ стали споминати Папу римского, стала унія. Въ томъ селѣ въ Понедѣлокъ исповѣдався на смерть чоловікъ передъ шизматицкимъ попомъ, яко твердый запечевый шизматиць, и того дня умеръ. На другій день стала унія, подѣ ставъ уніятомъ, а церковь уніятскою. Що теперъ робити съ тымъ трупомъ шизматицкимъ? Чи вольно го во Второкъ або въ Середу поховати, чи нѣ? На той способъ, если ѓвъ истинно есть за коściołem, то выпадало бы его выкинути, або закопати гдебудъ якъ собаку, а до уніятской церкви не вольно его ввезти. — Ба еще не такъ: Въ томъ селѣ въ рѣкъ, два або и десять по принятію унії приходитъ парафіанинъ до священника, дае на Службу Божу за усопшихъ своихъ родичей, сродникѣвъ, братей, котори всѣ померли яко тверди шизматики, а ѓтъ часѣвъ унії никто въ томъ родѣ не померъ. Чи можна пріймати на Службу Божу? — просивъ бы я неукъ, чтобы менѣ тое изъяснити, бо я не учився Богословія, лише тѣлько изъ рускихъ нашихъ Богослужбенихъ книгъ, а по латинѣ ни слова не розумѣю. Однакомъ менѣ здаеся, що можна, и навѣтъ, що не годило бы ся ѓгмовити, бо бы така тверда унія

касовала любовь христіяньскую, а повѣдае святыи Апостолъ Павелъ: „аще имамъ вѣру, во еже и горы преставаги, любви же не имамъ, ничтоже есмь.“ Такъ ничтоже есть и унія наша безъ любви. И менѣ простому неучови видится, що въ томъ не було любви, касовати нашихъ Святыхъ, которіи зъ початку приняті були до уніятского мѣсяцослова, а потому выкинени. Може бути, що я того добре не понимаю, то най менѣ просіятъ, моему невѣжеству. Но понеке я выпишу изъ старого мѣсяцослова, уміщеного въ старомъ Часословѣ зъ года 1726., отже изъ уніятского, о памяткахъ и о Святыхъ рускихъ, то я чиню тое яко уніятскій чоловѣкъ и яко Русинъ, и менѣ видится, що то не е грѣхомъ, що намъ Русинамъ наймилиши наши руски Святіи. Поляки почитають собѣ святымъ Казимира, за тое, що ѓнъ Полякъ, та воєвавъ мечемъ и кровь проливавъ руску, а намъ бы не почитати нашихъ Святыхъ рускихъ Чудотворцѣвъ, що не мечемъ воєвали на чужіи народы, а словомъ Божиимъ просвѣщали нашу святую Русь? Отже валежить намъ старатися, абы оновили ихъ святую память, чи придасться оно теперь на що чи нѣ, чи помилюють тыхъ Святыхъ, чи нѣ.

Списъ праздниковъ и именъ Святыхъ Угодниковъ Божихъ на Руской земли зъ Руского роду угодившихъ Богу, которыхъ Рускіи Святители и Рускій Рѣдъ и Руская Церковь причислили къ лику Святыхъ, которіи суть въ Часословѣ Львовскомъ уніятскомъ печатаномъ 1726. года, а которыхъ то именъ мы не находимъ теперь въ новѣйшихъ Часословахъ:

1. *Мѣсяца Ноемрія дня 4.* Освященіе Храма святыя Софіи иже въ Кіевѣ отъ Князя Ярослава созданный.
2. *Мѣсяца Ноемрія дня 26.* Освященіе Церкви Святаго Великомученика Георгія иже въ Кіевѣ у златыхъ вратъ, еже бысть въ лѣто 1000. въ время Ярослава Рускаго.
3. *Мѣсяца Декемрія дня 21.* Успеніе иже въ святыхъ Отца нашего Петра Митрополита Кіевскаго и всея Руси, иже бысть отъ Волиня, и паслъ есть церковь Рускую лѣтъ 18, поживе въ лѣто 1198.
4. *Мѣсяца Януарія дня 29.* Святаго Лаврентія зъ монастыря Печерскаго затворника, емуже бѣсъ повѣда, яко тридесять есть монаховъ zde, иже мя словомъ изгнати могутъ, со прочими же борюся, къ пещерѣ же не сѣю.
5. *Мѣсяца Февруарія дня 10.* Святаго пророка Черноризца Печерскаго, иже отъ бытія глаголемаго Лобода, молитвою хлѣбы творяше, отъ пепела же соль.
6. *Мѣсяца Февруарія дня 13.* Преподобнаго Отца Симеона Сербскаго, новаго Мироточца.
7. *Мѣсяца Февруарія дня 24.* Преподобнаго Ерасма Черноризца Печерскаго истощившаго имѣніе свое на украшеніе Церкви иконами: сегоже ради явшея ему пресвятѣй Богородици съ преподобнымъ Автономъ и Θεодосіемъ предъ тремя деньми отшествія Его; Спасеніе обрѣго.

8. *Мѣсяца Марта дня 24.* Чудо бывшее въ монастыри Печерскомъ: о Іоаннѣ, Сынѣ его Захаріи, и Сергій, клявшемся за сребро и злато.
9. *Мѣсяца Марта дня 27.* Преподобнаго Евстратія Печерскаго, иже плѣненъ бывъ съ нинѣми и преданъ жидомъ въ дни Пасхи. Распятъ бывъ огъ нихъ на крестѣ и копіемъ прободенъ, духъ свой предаде въ лѣто 1110.
10. *Мѣсяца Марта дня 29.* Успеніе иже въ свитыхъ Отца нашего Іоны Митрополита Кіевскаго и всея Руси, иже былъ въ лѣто 1461.
11. *Мѣсяца Апрелья дня 8.* Преподобнаго Отца нашего Нефодія, Епископа Новгородскаго иже пришелъ въ монастырь Печерскій и видѣвъ въ видѣніи преподобнаго Θεодосія, преставился въ лѣто 1157, въ царство Мануила, княженія же Рускаго Изяслава.
12. *Мѣсяца Апрелья дня 13.* Святыхъ новоявленныхъ Мученикъ Антонія, Іоанна и Евстратія въ царствующемъ градѣ литовствѣ Вилни, пострадавшихъ отъ князя Олгерда въ лѣто 1342, въ царство Греческое Іоанна Палеолога съ Іоанномъ Кантакузиномъ.
13. *Мѣсяца Апрелья дня 27.* Преподобнаго Ісаакія монаха Печерскаго. Егоже прельсти диаволь, пакиже онъ укрѣпился, побѣди диавола, пожитже въ лѣто 1069, въ царство восточное Романа Диогена, Рускаго же Изяслава.
- *14. *Мѣсяца Мая дня 2.* Пренесеніе мощей святыхъ князей Рускихъ Бориса и Глѣба иже по убіеніи своемъ въ лѣто 60. пренесенни сугъ мощи Чудотворныя огъ Церкви древянія въ каменную, отъ Изяслава князя сооруженную, въ Вышеградъ въ лѣто 1072, въ царство греческое Михаила Седмаго, князя же рускаго тогожде Изяслава; бяхуже преносяще раку отъ князей Изяславъ, Святополкъ и Всеволодъ, отъ Священнаго же Сана Георгій Митрополитъ, Петръ Переславскій, Махань Порскій Епископъ, Θεодосій Игуменъ Печерскій и нинѣхъ множество.
- *15. *Мѣсяца Мал дня 3.* Успеніе Преподобнаго Отца нашего Θεодосія, первоначальника общему житію въ русской земли: Игумена Честнаго обители Печерскія. Еже бысть въ лѣто 1074, въ царство на востоцѣ Седмаго Дуки.
16. *Мѣсяца Мал дня 12.* Освященіе Храма пресвятыя Богородици въ Кіевѣ Десятинныя. Юже съверши Владимиръ въ лѣто 1006 въ свою монархію.
17. *Мѣсяца Мая дня 14.* Святаго Никиты Затворника Печерскаго, бывшаго по семъ Епископа Новгородскаго, въ дни Преподобнаго Нікона Игумена Печерскаго въ лѣто 1078, въ Царство греческое Нікифора Богоніята.
18. *Мѣсяца Мая дня 14.* И святаго Ісідора Христа ради Юродиваго, Ростовскаго Чудотворца.
19. *Мѣсяца Мая дня 26.* Святаго Стратотерпца Георгія Новоявленнаго, пострадавашаго въ Средци Градѣ Болгарстемъ отъ безбожнаго Царя Селима Турскаго въ лѣто 1118, въ Царство Алексія Комнина.

20. *Мѣсяца Мая дня 27.* Пренесеніе Честныхъ мощей иже въ святыхъ Отецъ нашихъ преосвященныхъ Митрополитовъ Кипріяна, Фотія, и Іоны Кіевскихъ и всея Руси Чудотворецъ иже быша въ лѣто 1379.
21. *Мѣсяца Юлія дня 26.* Святаго Діонісія Архієпископа Суздальскаго, иже въ Нижнемъ Новгородѣ созда монастырь печерскій: преставися въ Кіевѣ и положенъ есть въ пещерахъ Кіевскихъ: въ лѣто 1180 въ царство восточное Мануила.
- *22. *Мѣсяца Юлія дня 10.* Память преподобнаго Отца нашего Автонія Печерскаго иже въ Кіевѣ бывшаго начальника всѣхъ рускихъ монаховъ, нача убо иночествовати въ Кіевѣ въ лѣто 1013, въ Царство Романа третого, въ княженіе же Рускаго Володимира, преставися въ лѣто 1070 въ царство Романа Діогена третого: въ пещерахъ потрудися лѣтъ 56, поживе лѣтъ 90.
23. *Мѣсяца Юлія дня 12.* Успеніе Блаженныя Ольги княгини Рускія, нареченныя въ святомъ крещеніи Елены, Бабы святаго великаго князя Владимира, жены же Игоря князя всея Руси. Яже родомъ Псковитинка сущи: крестися въ лѣто 952, въ царство Константина осмага, успеже въ лѣто 978, въ царство Василя и Константина.
- *24. *Мѣсяца Юлія дня 15.* Успеніе Великаго князя Владимира нареченнаго въ святомъ крещеніи Василя, иже просвѣтивъ святымъ крещеніемъ всю землю рускую и сокрушивъ идолы въ лѣто 996, въ царство Василя и Константина преставися же въ лѣто 1024, въ царство Михаила перваго, и положенъ бысть въ церквѣ своей десятиной пресвятой Богородицы, иже въ Кіевѣ.
25. *Мѣсяца Юлія дня 18.* Преподобнаго Отца нашего многотерпеливаго Іоанна Затворника Печерскаго иже въ Кіевѣ, иже пребысть въ великомъ воздержаніи лѣтъ 35 въ Пещери святаго Антонія; по семъ же исповавъ яму вшедь въ ню, и своимъ руками до раму обсыпая въ ней преставися.
- *26. *Мѣсяца Юлія дня 15.* Успеніе святыхъ страстотерпцевъ князей Рускихъ обоихъ Братей въ плоти Бориса и Глѣба нареченныхъ въ святомъ крещеніи Романа и Давида пострадавшихъ отъ Брата своего Святополка: Борисъ убодевъ бысть копіи на Алтцѣ рѣцѣ Мѣсяца 24 Сентября, Глѣбъ же ножемъ закланъ Сентября 5. въ лѣто 1016.
27. *Мѣсяца Августа дня 11.* Преподобныхъ Отецъ нашихъ Θεодосія и Василя Печерскихъ, пострадавшихъ въ Кіевѣ отъ князя Мстислава Святополчика сокровища ради.
- *28. *Мѣсяца Августа дня 14.* Пренесеніе Честныхъ мощей Преподобнаго Отца нашего Θεодосія, Игумена Печерскаго иже въ Кіевѣ. Еже бысть въ лѣто 1091, при великомъ князѣ Всеволодѣ Сынѣ Ярослава, и игуменъ Іоаннъ изъ пещеры положенъ бысть въ Церквѣ пресвятыя Богородицы, юже самъ основа.

29. *Мѣсяца Августа дня 17.* Преподобнаго Отца нашего Алимпія Іконника святаго обители Печерскія Кіевскія, иже постриженъ бысть Нікономъ Ігуменомъ, много потрудиша въ добродѣтелехъ, прокаженнаго исцѣли помазаніемъ струпь Его на лиці фарбами, иже іконы писаше, представися, положенъ бысть въ пещерѣ святаго Антонія.

30. *Мѣсяца Августа дня 34.* Пренесеніе мощей иже въ святихъ Отца нашего Петра Митрополита Кіевскаго и всея Руси въ лѣто 1419.

Такъ отже зъ 30. такихъ Рускихъ памятокъ лишила намъ уніа всего а всего лише шѣсть — означенныхъ звѣздочками, — а именно: 1) пренесеніе мощей святихъ Бориса и Глѣба, 2) успеніе Отца нашего Θεодосія Печерскаго, 3) память Отца нашего Антонія Печерскаго, 4) успеніе Великаго князя Володимира, 5) успеніе святихъ Бориса и Глѣба, 6) пренесеніе мощей Θεодосія Печерскаго. За тое прибула память святаго священномученика Іосафата Кунцевича и праздникъ Божого Тѣла. Не знаемъ мы, що мы глубоко не учей, для чого бы не могли остати у насъ святии наши рускіи навѣтъ и тогда, еслибы они певно були шизматиками або православными, коли шизматикамъ або православнымъ не вадить ничего, що въ ихъ мѣсяцословѣ е святии Папы, на пр. Григорій, Левъ, Агаеонъ и пр. пр., хога на Востоцѣ нинѣ въ Паповъ не вѣруюгъ.

Що до памяти успенія Великаго князя Володимира являеся въ новѣйшихъ часахъ перемѣна тропаря и кондака, которіи такъ кѣнчилися давно: „Моли спастися державы ти Росскія началникомъ, христолюбивымъ княземъ и множеству владомыхъ“. Въ пѣзвѣйшихъ читаеся: „Моли спастися державы Россійскія началникомъ, христолюбивому Императору, и множеству владомыхъ“; а въ найновѣйшихъ, уже за владѣнія Австрійскаго изданныхъ, а именно въ Службнику Перемыскѣмъ: „Моли Христа Бога доровати велию милость“, а въ новомъ трифологіонѣ Львовскѣмъ не ма уже св. Володимиру ніякой окромѣшвой Службы, но отсылаеся до общины. — Мы не знаемъ, чому то такъ измѣняеся, и нашъ народъ якъ бувъ, такъ есть и буде вѣрный свѣтлѣйшому Дому Австрійскихъ Императоровъ, но ливно намъ, що за Польши не измѣняли тыхъ тропаровъ, ажъ теперъ ихъ измѣнили въ остатныхъ лѣтахъ. Чи теперъ Россійскій Императоръ уже переставъ буги наслѣдникомъ святаго Великаго князя Володимира? Чи шкодить то що, помолитися за все множество нашихъ рускихъ братьей, жиющихъ подъ владѣніемъ Россійскимъ? Може они молятся за насъ, за всю о Христѣ братію, а про тое они не бунтуются на своего Императора, такъ и мы найвѣрѣйшій Австрійскій народъ молился за нихъ, а николи Русинъ ни оденъ не бунтовався на своего возлюбленнаго Цѣсаря, но проливавъ за Австрію кровь, где ю тѣлько треба було прельяти.

Такъ я, пане Подбрусняненко, скажу лишъ коротенько, що не ино мы дяки перекручуемъ поединчіи слова, але що въ нашихъ книгахъ многое

перекручено и що перекручованью сему нема кѣнца и мѣры. Зъ перекрученыхъ книгъ розумнѣи головы отиравали зъ давна и отирають доннѣ, та за тое не дивуйтеса и намъ неукрама.*) Така-то наша доля, — все намъ перекрутили, Церкви изъ востока на западъ, та ледаво въ десятой Церквѣ въ нашихъ сторонахъ знайдете Царскіи Врата и Иконостасъ, за тое въ каждой е мосгранція и фигурки розмаити, хотьбы и фелона не було цѣлого, лише сами лахи. А скажи шо на тое, то ти заразъ скажугъ, щось шизматикъ. — Може колись прійде и наша правда, и теперъ можемъ ся сподѣвати, та очи наши всѣхъ поглядають якъ на чистое соньце на нашего славного Владыку, шо за благословеніемъ Божиимъ всему неладови старому зрѣлять конецъ, кобы Богъ продолживъ вѣка и здоровля на многая лѣта, на славу рускому родови, на укрѣплєніе вѣры святой католической и нашей богоспасаемой державы Австрійской.

Написавъ З. А. Завалицкій, дякъ Львовской архієпархіи.

ЧУВСТВА РУСИНА

по поводу заключенной въ Римѣ конкордіи достославного г. 1863.

Пріятнимъ звукомъ рознеслясь по Руси вѣсти о благоуспѣшныхъ подвигахъ путешествовавшихъ въ Римъ дражайшихъ Высокодостойняковъ нашихъ. Слава Имъ! яко не поползулися въ прикрохъ путешествія своемъ, и сохранивши неповрежденно совѣсть свою послужили честно въ благій пожитокъ святого обряда нашего. Слава Имъ! яко возлюбили и вѣрѣкамъ словомъ боронили Иравду. Слава Имъ, слава! яко не вѣйшли упоромъ противу всеобщому движенію боголюбивой Руси, и ростолковали вѣрно и ясно передъ лицемъ всего Христіянського міра розумніи и праведніи гадки ея.

*) Часомъ не конечно и умисне перекручено, але зъ недогляду. Такъ видится въ литургіи Преждеосвященныхъ въ Перемискомъ свужебнику стоить: Елицы оглашенныи измйдите, оглашенныи измйдите, елицы къ просвъщенію „измйдите,“ вѣсто: „приступите.“ И такъ оно и отправаляса, якъ въ печатни зле выпечатали, хотя въ томъ не ма смысла, бо если уже выйшли „иже къ просвъщенію“, то якже можна потому ихъ, якъ ихъ уже въ церквѣ не ма, взывати: иже къ просвъщенію главы ваша Господеви приклоните. Та чи одно то таке, шо никто и не бачить, та всѣ отправаляють. А таки тото доказъ, шо отъ 1600 року не свѣтло, а темнота у насъ на Руси настала, та така темнота, шо наветь никто не умѣвъ розсудити, чи е въ Богослуженію всюда хотъ з д о р о в ѣ й с м ы с л ь, не то чистота а красота.

Русь велика и честна не дрѣмае нынѣ, но тверезымъ окомъ взираючи въ свѣтлу будущность свою певнымъ крокомъ ступае на пути спасенія своего, и соромится нечестивыми и крутыми стежками, которыми „во время оно“ приголомшена ходила. — Мило намъ было читати розличніи дописи въ „Вѣстнику“ и „Словѣ“, толкующія о добрыхъ успѣхахъ высокихъ путешественниковъ нашихъ. Радуеться сердечно и ублажаемъ Святителей нашихъ добръ потрудившихся около блага Богомъ повѣреннаго собѣ стада своего. Ублажаемъ Святѣйшаго Отца Нія IX., и благодаримъ Его, яко благоволилъ все-ласкавѣйшимъ принятіемъ своимъ Высокодостойниковъ нашихъ почтити весь народъ рускій, — благодаримъ сердечно Его Святость, яко не приклонилъ уха своего клеветающимъ на насъ, и посрамилъ ихъ благоразсудивши прю нашу. Имя Его хвадно и прославлено въ родѣ рускомъ, приноворяющомъ къ Нему слова св. писанія: „Вознесу тя Господи, яко подъялъ мя еси, и не возвеселилъ еси враговъ моихъ о мнѣ (Псал. 29. с. 2).“ Мы днесъ съ полнымъ упованіемъ взираемъ ко св. пресголу римскому, и надѣемся и просимъ сильной защиты всеславнаго обряда нашего противу поврежденію его. Надѣемся и просимъ яко кречніи, — а Римъ буде вже столь благорозумный, же исполнитъ всецѣло желаніе наше. Не знаемъ мы въ правдѣ, якую то конкордію наши Святитель со Святителями латяно-польскими въ Римѣ уложили, но мы думаемъ, же она будетъ по мысли нашей. — Она будетъ такового рода, же не дозволитъ жадною шѣрою латинскому обряду на вредъ и уничтоженіе Руси розширатись — нашему же обряду подасть поле все тое отыскати, що ся во взглядъ красоты, высоты и полного господствованія его на Руси утратило; или иными словами: конкордія тая буде въ собѣ такіи права заключати, якіи обомъ обрядамъ справедливо ся належать: Она буде всецѣлѣйшою для латинского обряда, яко пѣзвѣйше польскихъ политическихъ комбинацій ради на Русь во вредъ ея введеного, а всеобщирѣйшою для праотцевскаго обряда нашего, съ которымъ ся тѣсно получаетъ все благосостояніе и можливість процвѣтанія народности нашей, — то есть: конкордія тая выскаже ясно, который обрядъ на Руси есть чужимъ, а котрый природно-собственнымъ господиномъ и благодарѣемъ. — которому обряду процвѣтати и возноситися подобаетъ.

Такового рода конкордіи буде Руси милою и всеславною свѣдѣтельскою справедливости, благоразумія, чистыхъ намѣреній и истинно-католическою любви ко намъ св. престола римского: тогда восплещемъ радостно во славу св. престола римского и восликнемъ словами святого пророка (Псал. 33 и пр.): „Благословлю Господа на всякое время, выну хвала его въ устѣхъ моихъ. Вся кости моя рекутъ: Господи, Господи, кто подобенъ тебѣ? избавляи нища изъ руки крѣпшихъ его, и нища и убога отъ разхищающихъ его. Воставши на мя свидѣтеле неправедніи, яже не вѣдяхъ вопрошаху мя. Воздаша мнѣ лукавая возлагава, и безчадіе души моея. Азъ же, вегда они

стужаху мнѣ, облачахся въ вретяще, и смирахъ постомъ душу мою, и молитва моя въ нѣдро мое возвратится. Яко ближнему, яко брату нашему тако угождахъ: яко плача и сѣтуя, тако смирахся. Искусивша мня, подражннша мни подраженіемъ, поскрежегаша на мня зубы своими. Огъ всѣхъ врагъ моихъ быхъ поношеніе, и сосѣдомъ моимъ зѣло, и страхъ знаемымъ моимъ: видящій мя, вонъ бѣжаша огъ мене. Азъ же рѣхъ въ испуленіи моемъ: отверженъ есмь отъ лица очію твоєю; сего ради услышалъ еси гласъ молитвы моея, внигда возвахъ къ тебѣ: Въ руку твоєю жребій мой, избави мя изъ руки врагъ моихъ, и отъ гонящихъ мя. Господи, да не постыжуся, яко призвахъ тя: да постыдятся нечестивіи, и снѣдугъ въ адъ. Нѣмы да будутъ усты льстивыя, глаголющія на праведнаго беззаконіе гордынею и уничиженіемъ (Псал. 30. ст. 4). Возрадуюся и возвеселюся о милости твоей, яко призрѣлъ еси на смиреніе мое, спаслъ еси отъ нужды душу мою: и вѣси мене затворилъ въ рукахъ вражихъ, поставилъ еси на пространіи нозѣ мои. Обратилъ еси плачь мой въ радость мнѣ, разгерзалъ еси вретяще мое, и препоясалъ мя еси веселіемъ.“ — Еще разъ мовимъ: такого рода конкордія буде веселіемъ для Руси, славою для Рима, непоколебимою подставою вѣчно-нерозрываемаго соединенія. Она потягне весь Востокъ ко згодѣ и соединенію съ св. престоломъ римскимъ. — Инного рода конкордія — слабша отъ сего — слабо задоводить Русь, и тѣлько неудачи оwoци привесе, — не привлече, но отстрашитъ Востокъ отъ соединенія съ св. римскимъ престоломъ.

Не мало насъ радуе и тоє, же Высокопреосвященніи Архієреи и Всочестивіиши Крылошане наша св. римскимъ престоломъ отличені зѣстали изряднѣйшими почестями, медаліонами, достоинствами и привилегіями. Они пріукрашенія столь многими и преиззящными цвѣтами и благоуханіями, не будутъ уже мати потреби отличатся отъ прочого священничества гордостію и надменностію, но овшѣмъ поважнимъ нязходительствомъ и сердечною зречностію своею.

Еще бѣльше радуе насъ тоє, же якъ кажутъ, будущій нашъ Всеславный Митрополитъ буде мати право прибрати собѣ во Су-ѣраганъ найпопулярнѣйшого и найвозлюбленнѣйшого Русн человека. Возрадованная Русь оглядаєсь сквадно за своимъ любимцемъ, и восклицаетъ: „Здравствуй, здравствуй милый Кузевскій, милый Гнилевичъ! Одного изъ Васъ всесвѣтлѣйши скрини украситъ въ-коротцѣ яснымъ вѣнецъ архієрейскій!“ — Если же Господь не судилъ Вамъ епископскихъ чиновъ, то однакожь не меньше Васъ Русь любити буде, яко и прежде. Возлюбимъ я того мужа многозаслуженна, о которомъ изрекли Вельможни наши (Прм. Сол. Г. 2. с. 15, 16): „Тяжекъ намъ есть и къ видѣнію, яко не подобно есть инымъ житіє его, и отнѣнымъ суть стезы его, и удаляется отъ путей нашихъ, яко отъ нечистотъ. Досажденіемъ и мукою мстяжимъ его, да увѣимъ крогость его я искусимъ без-

злоство его. Насиліе сотворимъ убогу праведному, не пощадимъ старца, ниже устидимся сѣднѣ многолѣтнихъ. Уловимъ праведнаго яко непогребенъ намъ есть, и противится дѣломъ нашимъ, и поноситъ намъ грѣхи закона, и злословитъ намъ грѣхи ученія нашего.“ — И за тымъ мужемъ обыраеся сквапно Русь боголюбива глаголя (ПП. Г. I. и пр.): „Возвѣсти мнѣ егоже возлюби душа моя, гдѣ пасещи, гдѣ почиваеши? въ полудне, въ покровѣ каменнѣ, близъ предстѣнія? Се еси добръ братъ мой, и еще красенъ. Яко яблонь посредѣ дравесъ лѣсныхъ, тако братъ мой посредѣ сыновъ: подъ стѣнь его воскохѣхъ и сѣдохъ, и плодъ его сладокъ въ гортани моемъ. — Се сей стоитъ за стѣною нашею, проглядаяя оконцами, проникаяя сквозѣ ирежи. Востани, прійди: Яко се зима премае, дождь отъиде, отъиде себѣ: Цвѣты явишася на земли, время обрѣзанія приспѣ, гласъ горлицы слышанъ въ земли нашей: Востани и прійди, яви ми зракъ твой, и услышанъ сотвори мнѣ гласъ твой: яко гласъ твой сладокъ и образъ твой красенъ. Сотъ искапаютъ устаи твои, медъ и млеко подъ языкомъ твоимъ, и благовоніе ризъ твоихъ, яко благоуханіе Ливана. Обратися, обратися, и узриши въ тебѣ. — Въ малѣ наказанъ бывше, великими благодѣтельствованъ будеши, яко искуси тѣ, и обрѣте тѣ достойна себѣ. Благихъ бо трудовъ плодъ благословенъ, и не отпадающъ корень разума (Прм. Сол. Г. З. с. 5.). Видящій смягугся страхомъ тяжкимъ, и ужаснутся о преславномъ спасеніи твоимъ. И рекутъ себѣ кающеса, и въ твою дѣла въздыхающе: сей бѣ, егоже имѣхомъ ижегда въ посѣхъ, и въ причту поношенія. Безумніи житіе его вѣднхомъ неистиво, и кончиму его безчестну. Како вѣднися въ смѣхъ Божіихъ, и въ святыхъ жребій его есть?! —“

Щоже найбільше насъ радуе, то тая вѣсть, же повернеся обряду нашему прежня чистота и лѣпота: Устане неприятное рускому уху брапаніе звоночками подъ часъ нашего святого, каждому Русину весьма зрозумѣлого Богослуженія. Звоночки тѣ, що то намъ въ церквахъ нашихъ такъ живо пригадуютъ незносное рабство и мерзкую подчиненность нашу, зашлемо въ Народный Домъ нашъ, въ славную Льва столицю, и выліемъ величавый Звонъ, который громогласнымъ звукомъ своимъ рознесе широко, высоко и глубоко радостную вѣсть про здоровое житіе и полную независимость отъ недруговъ народности нашей. — Залишимъ, якъ дальше кажутъ, весьма непотребное переносеніе служебника, що те намъ такъ живо перенесеніея русскихъ вельможей до польского табора припоминае; та и сельскій священникъ (шо ся часто-густо трафяе, немающій кромѣ одного лихого цѣвца иного служащего въ церквѣ) не буде прииужденъ подъ часъ святого богослуженія, когда то ояъ самого Исуса Христа, приносящего найвысшую жертву Отцу своему небесному, представяе, тую понамарскую службу своимъ власными руками отбывати. — Честная борода *ad libitum* буде. Наши священники не будутъ принужденными голитися, которое то голеніе такъ живо пригадывае

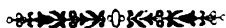
намъ пре обнаженіе церкви руской отъ первобытныхъ богатыхъ фундацій и привилеевъ ей. Священники нашій радуются и гродятя немало въ надеждѣ на будущу бороду свою, которую въ знаменіе старшинства своего на Руси, якоже и въ памягъ веседого собыгїя того, же Дражайшія Святителїи Крылошане наши незасмученїи зъ Рима повернули, неповредимо по вся дни свои носити обѣщаваются. — Нашимъ священникамъ буде призовлено вмѣсто тѣснои латинской реверенды, шо то намъ такъ живо про велику тѣсноту нашу. (на которую Честный Дописователь римскїй въ дописяхъ своихъ до Вѣстника такъ жалостно нарѣкае) припоминае, обширнїи и поважнїи ризы восточного кроу носити. Такожъ призовлено має быти священникамъ нашимъ вмѣсто папафеи, шо то намъ такъ живо про давнюю жельманьщину за Загмундовъ, яко и про телсрѣшную въ Перемышлянахъ пригадуе, украшати священную голову свою колпакомъ благоподобнымъ!

Такъ увидѣхомъ вконецъ, яко аще кто ищетъ, найдетъ; аще толчетъ, отворится ему. Толкла и пукала Русь наша до Риму сперва черезъ свое Слово, нѣ не отверзая дверь обѣтованїя, яко гласъ малый бѣ, отъ малыхъ и нищихъ исходящъ; велїя убо дверь токмо велїимъ міра сего отверзается, и токмо между равными и для равныхъ себѣ великановъ творится. на плечїю малыхъ лѣствица до высотъ, яко наречется конкордїя. Отъ неяже изыдетъ милость велїя и Invito-sacro для Польщи, а очищенїе обряда по здешному обычаю для святой Руси. Послѣдуеъ же въ свое время такожде и автономїя церковей сихъ, которыи о ню добиваются, а повинованїе онымъ, иже надобѣсть есть повиноватися. Слава во вышнихъ Богу, роду же рускому спасенїе!

Не можемо ся воздержати, щобы еще разъ не поблагодарити сердечно Любезнѣйшаго Отца нашего Святѣйшаго Папу Пія IX., о которомъ память со похвалами переходывати буде многима вѣками сердечный нашъ народъ рускїй за тую любовь и почтенїе, которое преуказалъ ко нашему святому обряду и всему народу рускому. Да жиетъ намъ Святѣйшїй Ахіерей Пії IX Папа римскїй во многая и счастлиая лѣта! — Да живетъ намъ здраво и счастливо во многая лѣта нашъ Высокопреосвященный Архіерей Спиридонъ! до негоже святїи слова Исая прииновляемъ: „Благовѣстїи нищимъ посла гя Господь и исцѣлїти сокрушенїя сердцемъ, проповѣсти плѣннымъ отпушенїе, и слѣпымъ прозрѣнїе, угѣшити вся плачущая.“

Най жиетъ намъ нашъ Преосвященный Архіерей Куръ Ома многая лѣта! Най жиютъ всѣ Всечестнѣйшіи Крылошане обохъ нашихъ св. Престоламъ римскимъ потвердитися имѣющихъ Капитулъ! Сотвори Имъ Господи многая лѣта, во здравїе и спасенїе, многая лѣта!

Ъ. Б. Б.

СОБОРЪ ЗАМОЙСКІЙ

и Уставъ Божественной Службы по обычаю великой Церкви и Святой Горы бываемый.

„Голосъ зъ народа въ вопросѣ обрядовомъ“ высвѣтлилъ въ семи статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Словъ“ 1863 г.*), що поборники чистоты и правильности обряда стоятъ на везбитой основѣ Соборовъ, Отець св. и бревъ папскихъ; що рѣшенія провинціального руского Собора ЗамоЙского, подтверженными конгрегаціями римскими и папою, суть для Русиновъ-каволяковъ понынѣ ничѣмъ необезсиленной нормою; що только перемены, заведенными Соборомъ ЗамоЙскимъ при литургіи, могли бы еще законными узнаватися, а що всякіи другіи, позднѣйше сдѣланныи, узаконенія въ Собору противоставляющіися перемены суть злоупотребленіемъ, ругающимъ зъ поваги церковной законодательной власти; що рѣшенія Собору ЗамоЙского шо-до литургіи вошли въ житіе церковное въ первыхъ заразѣ лѣтахъ по уконченію его, очѣмъ свидѣтъ „Лейтургіаріонъ, си есть, Служебникъ литургій Божественныхъ св. Василя В., Иоанна Зл. и Предеосвященная. Тщаніемъ и иждивеніемъ Братства Успенія пресв. Богородица Ставропигіонъ Львовскаго типомъ изданный. Въ Львовѣ. Року отъ Рожденія Христова 1712“, бо въ Лейтургіаріонѣ семь новыдраны картки, на которыхъ уставъ або молитвы не отповѣдали рѣшеніямъ Собору, а заступлены новыми, также въ Ставропигіи друкованными; шо для разрѣшенія вопросу обрядового се дуже важная книга, бо такъ якъ рѣшенія Собору ЗамоЙского понынѣ важны, то во всѣхъ Служебникахъ нынѣшнихъ уставъ согласенъ повиненъ быти съ уставомъ Лейтургіаріона помянутого. А же книга рѣшеній Собору ЗамоЙского и помянутый Лейтургіаріонъ нынѣ у насъ на Руси рѣдкость надзвычайна, посему думаю прислужитисъ соотечественникамъ, если оголошу печатью Уставъ Литургіи зъ вышесказанного Лейтургіаріона, поправленного 1712 г. отповѣдно рѣшеніямъ Собору.

Голосъ зъ народа въ вопросѣ обрядовомъ.

ОУСТАВЪ БОЖЕСТВЕННЫЯ СЛУЖБЫ ПО ОБЫЧАЮ ВЕЛИКІА ЦѢРКВЕ И СТОИ ГОРЫ БЫВАЕМЫЙ.

Хотѣ Іерей, Бжекиное сокращати Тайнодѣйствіе, дольженъ ёсть прѣдъке оубо мирно быти съ ксѣми, ни имѣти что на когò, ниже на нѣ кто да имать что, ѿ сердце вѣлика сила, ѿ лѣкавыхъ влѣсти по-

*) Числа: 7, 8, 10, 12, 14, 20 и 22.

мыславъ, въздержати же съ мало съ вечера, и бѣжти. даже до
врѣмени сльжемы.

Врѣмени же пришѣшъ, покнигда сътворити ѡбщное Прѣстатілю
митаніе, вхѡдитъ въ цѣрковь, ѿ совокупивсѣ съ діаконѡмъ, творита
въ кѡпѣ къ востоку предъ самыми Браты поклоненіа три ѿ къ
шеѣма ликома по єдинѡмъ.

Также глѣтъ діаконъ тихимъ гласомъ: Бѣви Владыко. Іерей же:
Бѣвѣнъ Бѡгъ ѿшъ. . . . Діаконъ: ѿмнѣ.

И начинавѣтъ глѣти къ себѣ тихо: Црю немый. Трговъ: по Очѣ нашъ:
Іерей: Шкъ твоѣ ѡтъ црѣво:

Тажъ глѣтъ тропарѣ сіа: Помѡви насъ Гдѣ: Слава: Гдѣ помѡви насъ:
И мнѣ: Бѡгосерда двѣри:

Тѣе поклоншасѣ ѡ, ѡхѡдита и прѣ Иконою Спаса Хрѣта поклонъ-
шасѣ в. цѣлѣвета ю, глаголюща тропарь сѣи: Прчѣомъ ти ѡбразъ:

И цѣловѣвша ѡбразъ, поклонѣветасѣ ѡ, Тажъ прѣ Бѡгородиченъ
пришѣши ѡбразъ, ѿ подобѣнѣ поклоншасѣ бѣ, цѣлѣвета ѡгѡ глѣща тропарь
сѣи: Мѡрда сѡщи истѡчникъ:

И по цѣлованіи поклоншасѣ ѡ станѣта прѣ свѣтѣми Браты,
ѿ поклонѣветасѣ г. глѣща къ себѣ: Бжѣ мѡтнѣхъ мнѣ грѣшномъ.

И приклонъша глѣвы глѣта Мѡткѣ сѣю: Гдѣ послѣ рѡкъ: И поклонъ-
шасѣ къ Вѣстѡкѡмъ а, глѣта Мѡткѣ сѣю: Ослави, ѡстанѣи, прѣсти Бжѣ прѣ-
грѣшенѣа моѡ: И ѡбѣвѣ ѡбращшасѣ ѿ къ ликома поклоншасѣ, глѣта:
Прѣстите ми Шци ѿ братѣ всѣхъ ѡанѣхъ сѡгрѣшнѣхъ въ всѣ дни животѣ моѡго, ѿ въ
сѣи день ѿ въ сѣю нѡщѣ, дѣломъ, словомъ, немѡшлѣнѣемъ ѿ всѣмъ моѡиѡ чѣвѣтѣмъ
ѿ помѡлитѣсѣ ѡ мнѣ грѣшнѣмъ.

Людѣи ѿли Ликъ: Бѣ да прѣститѣ ѿ помѡлитѣтъ тѣ, тѣже помѡлитѣсѣ ѡ насъ
Шци свѣтѣи.

И ѡбѣвѣ вхѡдита въ стѣнѣи, глѣща къ себѣ: Бнидъ въ Дѡмъ твоѣ,
поклонѣсѣ къ цркви стѣи твоѣи въ страхѣ твоѣмъ, Гдѣ настѣни мѡ въ правдѣ твоѣи,
крагѣ моѡхъ ради исправи прѣ тоѡю нѣтъ моѣ.

Вшѣдшима же ѿма поклонѣветѣсѣ трижды прѣ стѡю трапѣзою,
глѣща къ себѣ: Бжѣ мѡтнѣхъ бѣди мнѣ грѣшномъ.

И цѣлѣвета Сѡцѣи ѿ св. Трапѣзѣ, прѣемша къ лѣвѣмъ рѡки своѡ
кождѡ стѣхѡръ своѡ творита поклоненіа три къ востоку глѣща въ
себѣ: Бжѣ мѡтнѣхъ бѣди мнѣ грѣшномъ.

Тажѣ приходѣтъ къ Сѡщенику діаконъ держа къ десной рѡцѣ
стѣхѡръ съ ораремъ ѿ поклонѣвъ къ немъ глѣкъ, глѣтъ: Бѣви Бѡго стѣ-
хѡръ съ ораремъ.

Іерей же бѣвлѣмъ ѡгѡ десницю, глѣтъ: Бѣвѣнѣ Бѣгъ нашъ, всѣгда мнѣ:

И ѡхѡдѣтъ на ѡсобное мѣсто діаконъ, къ єдинѡй стѣнѣи
стѣнѣи, ѿ ѡблѣчитѣсѣ въ стѣхѡръ, мѡлѣсѣ сѣце: Возрадѣветѣсѣ дѣи ѡ Гдѣ:

Цѣловакъ же зрарь, полагають ѿ на лѣвомъ рамени. Наракенцѣ
ковагам на рѣки, цѣловакъ, на деснѣи оубо глеть: Десница твоа Гди:
На лѣвой же цѣловакъ, глеть: Рѣцѣ твои отворишеть:

Тажь ше въ Проскомидію ѿмыкаа рѣцѣ глеть: Оумню къ непо-
киннухъ рѣцѣ мои. ѿ ѿмыкаа батаре твои Гди. Тажь ѿтеръ рѣцѣ ѿ поклонител
Г. прѣ сѣнними съсѣды, глеть: Бже матиель бѣди: ѿ оукрашаетъ сѣни-
наа. Стый оубо десносъ, цѣловакъ, поставлають ѿ шѣва страны себѣ,
стый же Потиръ, цѣловакъ, поставлають ѿ деснымъ. Покровцы оубо
ѿ св. звѣздъ по ѿбычаю чинно цѣловакъ поставлають. Ложицъ же
такоже цѣловакъ ѿноситъ ѿ полагають ю на стѣи Трапезѣ. И тако
ѿжидають времени.

Іерей же облачася въ стихарь, глеть: Возрадуются дша: Ёже ѿ
діаконъ ѿ пріемъ епитрахиаль, баклаа ѿ цклаа егò глеть. Блвнъ Бгъ
познкая:

Тажь вземъ поасъ блвнкъ цѣлають, ѿ ѿпоасѣася, глеть: Блвнъ
Бгъ препосѣай и пр.

Наракенцы же налагаа, тоже глеть, ёже ѿ діаконъ.

Ише ли же бѣдетъ Ірхимандритъ сажай, пріемъ ѿпогонать,
сирѣчь набѣдрникъ. блвлаа ѿ цклаа, глеть: Пріпоашъ оубже твоё по
вѣдрѣ твоамъ силе:

Тажь пріемъ филонъ баклають егò ѿ цѣлають, глѣ: Іерей твои
Гди:

Тажь приходитъ къ Проскомидію Іерей, ѿ ѿмыкаетъ рѣки, глѣ:
Оумню къ непокиннухъ рѣцѣ:

И такъ ѿтеръ рѣки лентивъ, ѿ шедъ къ Проскомидію, съ діа-
кономъ теорита метаніе Г. предъ жертвенникомъ, глѣща: Бже ми-
лостивъ: И воздѣкша оба рѣцѣ къ высотѣ глѣта, держащъ діаконъ
къ рѣцѣ десной блюдо анафорное: Исхвнла нѣ еси: И пакы поклонител
трижы. Тажь глеть діаконъ: Блвнъ Блго. Іерей же: Блвнъ Бгъ ншъ. Діа-
конъ: Іминъ.

И вземъ Іерей къ лѣвую оубо рѣку Прѣсфоръ, въ десню же св.
кѣпѣ, знаменша имъ Г. верхъ къображеніа прѣсфорнаго надъ блю-
домъ анафорнымъ, ѿ діаконѣ съ оаремъ въ десници держащимъ, глѣ:
Въ воспоминаніе: Г. И бже къдржяють кѣпѣ къ десню страну къ-
ѿбраженіа, на нейже начертано естъ йма ІС. ѿ долъ ѿ рѣжа ѿ себѣ
къ горѣ глеть: Мкв оуба: на лѣвой же странѣ ѿ нейже начертано ХС.
такоже рѣжа глеть сѣв: ѿ ѿкв ѿгнецъ. На горнѣи странѣ къѿбражі-
ніа рѣжа глеть: Въ смиреніи: На долнѣи же странѣ: Родъ же:

Діаконъ же на ковѣждо рѣзаніи глеть: Гдѣ помолнмса. Тажь глеть:
Возамъ Владыко. Іерей же клѣжъ св. кѣпѣ ѿ рѣверъ лѣвымъ страны прѣс-
форы, взымаетъ св. хлѣбъ глѣ сѣце: Мкв взыматса:

Просфоръ оубо ѡложивъ на блюдо анафорное, стѣи же хлѣвъ полагають взнакъ, на св. дискосѣ, и рекшъ діаконъ: Пожри блг. Іерей рѣжить егѡ крестаобразну, глѣмъ: Жрѣца агнеца:

И ѡбращаетъ и на дрѡгѡю странѣ, на нейже есть крестъ, и ѡбѣ глѣтъ діаконъ: Проводи блгко. Іерей же проводи и на лѣвой странѣ св. копѣемъ, и дѣже начертано есть Хрѣтосъ, глѣтъ. Ѣди и ѡ винѣ:

Діаконъ же ѡбѣ глѣтъ къ Іерѣю: Благослови блгко соудниче. Держи ѡ вино и воды ѡсобѣ, въ двѡхъ сосѣдѣхъ и первѣе кланяеть ко стѣю чашѣ вино, потомъ же мало что ѡ воды, сирѣчь двѣ или три капля. Іерей же бѣвалъ рѣкою крестаобразно глѣтъ: и ѡбѣ ииже: Слѣ же Іерѣю глѡщѣ, діаконъ ѡбѣ единою кланяеть ко св. потѣрѣ и вино и вода, аще и не соудниче къ единомъ съсѣдѣ.

Тѣже Іерей прѣмъ первѣю просфорѣ, глѣтъ: Въ честь и въ пѣмать: И взѣмъ часть стѣмъ копѣемъ, полагають ѡдѣсеню стѣю хлѣва, клѣтъ срѣдне егѡ, полагаю же глѣтъ: Предста Цѣна ѡдѣсеню:

Тѣже Іерей взѣмъ вторѣю просфорѣ, рѣжа глѣтъ: Чтѣмъ нѣмъ знаѣ Безплѣтнѣхъ. и взѣмъ первѣю часть, полагають ю на лѣвой странѣ св. хлѣва творѣ начало первѣго чѣна.

Тѣже глѣтъ: Честнѣгѡ и славногѡ Пророка Предѣча: и взѣмъ вторѣю часть и полагають подѣ первѣю блгочинѣ.

Тѣже пакн глѣтъ: Стѣмъ славнохъ и всехвалнѣхъ Явлѣ: и взѣмъ третѣю часть, полагають подѣ вторѣю, съвершаю первѣи чѣнѣ.

Тѣже глѣтъ: Иже въ стѣхъ Оцѣ нашѣхъ Іохѣрѣхъ, Василѣ Великагѡ, Григорѣ Бгослова, Іѡанна Златѡстагѡ, Яданѣста, Курѣла, Николаѣ иже въ Мѡртѣхъ, и стѣхъ трѣхъ Свѣтитѣлѣи, Митрополитѣхъ Кѣвскихъ Петра, Павла и Іѡны, Россѣйскихъ Чѣдотворѣцѣхъ, Сѣмѣна Яхѣвѣнскагѡ Ѣздѣльскагѡ и прочѣхъ иже къ пѣтери, и всѣхъ стѣхъ Іерѣрѣхъ. И взѣмъ четвѣртѣю часть полагають ю прѣмо первѣи части горѣ, творѣ вторѣо начало.

Тѣже глѣтъ: Св. Апѣстола Первоѡчѣнника и архидѣкона Стефѣна и стѣхъ Великомѡчѣнникѣхъ, Геѡргѣа, Дѣмитрѣа, Ѣвдѡра и Іѡанна новѣгѡ иже въ Сѡчѣхъ, и Россѣйскихъ чѣдотворнѣхъ Стратѣотѣрѣнцѣхъ, Кѣвскихъ князѣи Ромѣна и Дѣвида и Антонѣа, Ѣвстаѣта, и Іѡанна въ Еѣлѣни Хрѣста ради страдавшѣхъ, и Сѣмѣномѡчѣнника Кѣвѣи и Пѣмина Печѣрскихъ, и всѣхъ стѣхъ Мѡчѣнникѣхъ и Мѡчѣницѣхъ. И взѣмъ пѣтѣю часть и полагають ю подѣ первѣю, същѣю началомъ чѣна.

По сѣмъ глѣтъ: Прѣподобнѣхъ и Бгословнѣхъ Оцѣхъ нашѣхъ, Янтѣона, Ѣвдѣмѣа, Сѣвы, Ѣнѣфрѣа, Яданѣста Ядѡвѣскагѡ, и прѣподобнѣхъ Оцѣхъ нашѣхъ Янтѣона и Ѣвдѡста Печѣрскихъ, и ихъ оучѣникѣхъ Николаѣ, Іѡанна многострадалнагѡ, Ісаѣкѣа и Мѣрка Печѣрнѣхъ, Прѡхѣра Чѣдотворѣа и Мѡвсѣа Оугрѣна, дѣствѣа ради страдавшѣагѡ, и прочѣхъ, и всѣхъ прѣподобнѣхъ Оцѣхъ и Мѣтерѣи. И взѣмъ шѣстѣю часть полагають ю подѣ вторѣю ко исполнѣнѣе вторѣаго чѣна.

И по сѣхъ глѣтъ: Свѣтѣхъ врачѣхъ всезѣрѣнникѣхъ, Кѡзмѣ и Дѣмѣтана, Курѣа и Іѡанна: Пантѣлеѣмона и Ѣрмѣолаѣа, и стѣао блаженнагѡ Ягѣпѣта всезѣдѣнагѡ врачѣ

Пенірекагѡ, ѿ всѣхъ стѣхъ безсѣбришникѣ. И тако взіемъ сѣдмю часть, полагають ю горѣ, творѣ третєе начало по чинѣ.

Таже пакѣ глеть: Стѣхъ Оцѣ нашихъ Іудеѣ и Синопѣ и прочіихъ Христѣ ради Юродивыхъ, Свѣтѣгѡ, Імѣркѣ, вѣже памать съвершавѣмъ, ѿ вѣже єсть храмѣ. И взіемъ осмю часть, полагають ю подѣ перкою благочиннѣ.

Таже глеть: Св. праведныхъ Бѣотѣцѣ Іоакима и Іоаннѣ: И тако взимѣмъ двѣдѣтѣю часть полагають ю въ концѣ въ наполненіѣ третїаго чина.

Таже взіемъ третїю глеть: Помани Владѣко человекѡлюбче всѣковъ єпископство православныхъ: Зѣ же ѿ вѣже хощитѣ Єпископа точію прославленѣгѡ поминѣть, ѿ полагають части ихъ подѣ св. хлѣбомъ починаѣмъ радѣ живыхъ по вѣмчю: Честновъ Пресвитѣрство: ѡ Христѣ діаконство, ѿ всѣхъ священническїхъ чинѣ; благочестивѣгѡ и Христолюбивѣгѡ Царѣ нашего Імѣркѣ. И тако взимѣмъ части, полагають подѣ св. хлѣбомъ чинѣ.

Зри Іерію.

Всѣхъ єпископовѣ поманнѣкѣ єдинѣ точію часть ѿнимѣи ѿ подѣ св. хлѣбомъ полагаѣи. Такоже ѿще ѿ царѣ и царїцѣ, ѿ чадѣ ихъ поманѣши, єдино ѿнимѣи. И за Ірхїмандрїта ѿнѣ Игѣмена ѿ кратїю єдинѣ, да не многими частями наполнїши безчинно діакосѣ. Тоже твори ѿ прочіихъ живыхъ поминѣмъ, точію да чинѣ исполнїши радѣ до концѣ. Можїши вѣ надѣ єдиною частїю многовъ множество єанко хощїши ѿменѣ поманнѣти. Сїѣ ѿ ко кторомѣ радѣ твори. Ёще же много вѣдетѣ священниковѣ служїщихъ, тѣ начальствѣнѣи остави мѣсто въ радѣхъ, да ѿ онѣ свои части полагають ѡ всѣхъ живыхъ на єдиной части надѣ кождо ихъ, кторой же мертвыхъ, на третїѣ же сѣѣ да поминѣть.

Таже прїемъ четвѣртѣю прѣсфорѣ, поминѣть всѣхъ, ихъ же ѿмать живыхъ, по ѿменѣ всѣхъ, глеть: Гдѣи Іисусѣ Христѣ: И тако полагають части подѣ св. хлѣбомъ въ тотѣ радѣ.

По сїхъ прїемъ пѣтѣю прѣсфорѣ глаголетѣ: О блаженнѣи памати: И полагають части подѣ св. хлѣбѣ, начинаѣмъ кторый радѣ. Поминѣть ѿ Постакальшаго ѿ Ірхїверѣмъ сїце, ѿще ѿже престѣкнѣмъ. Ёще же живѣ єсть съ живыми, а не зде: Помани Гдѣи ѡсѣпшагѡ рака твоѣгѡ ѡтца нашего Ірхїѣпа, ѿнѣ вѣпа, Імѣркѣ. И дрѣгїѣ всѣ, єанкихъ ѿмать ѡсѣпшихъ поминѣть, глѣ: Помани Гдѣи ѡсѣпшагѡ рака твоѣгѡ, (Імѣркѣ): При концѣ же глеть сїце: И всѣхъ въ надѣждѣ воскресїнѣ: Полагають же ѡ ѡсѣпшихъ на долнѣишомѣ радѣ, вѣже єсть вторымѣ подѣ св. хлѣбомъ.

Таже прїемъ шестѣю прѣсфорѣ глеть: Помани Гдѣи по многимъ щедрѣтѣмъ: И полагають на концѣ первагѡ радѣ подѣ св. хлѣбомъ, сѣ єсть живыхъ.

Дїаконѣ же прїемъ гдѣсѣ сѣпрѣтѣть, ѿже на св. діакосѣ части подѣ св. хлѣбомъ, да вѣдетѣ къ ѡпасномѣ сѣпрѣтанїѣ, ѿ ни-

чтоже ѿ нихъ ѿпастн. Таже пріеждь кадѣлицѣ ѿ диміамъ, глѣтъ къ Іерію: Благослови Бже кадѣло. Іерій же влѣваетъ рѣкою крестообразну глѣ: Кадѣло тѣ приносима:

По влѣвѣніи ѿ Іеріа вложивъ діаконъ кадѣло въ кадѣлицѣ, глѣтъ: Гдѣ помолѣмса. Іерій же покладивъ зкѣздъ полагаєтъ ю верхѣ св. хлѣба глѣ: ѿ пришедиши зкѣзда:

Діаконъ: Гдѣ помолѣмса. Іерій покладивъ первыи покровецъ ѿ вѣвѣкъ покровцемъ кадѣлицѣ ѿ исполнивъ конѣ диміамъ, покрываєтъ св. хлѣвъ съ дискосомъ глѣ ѡгаломъ чѣ. Гдѣ коцарѣмса:

Діаконъ: Гдѣ помолѣмса. Покрый Бже. Іерій же такожде покладивъ вторыи покровецъ, покрываєтъ св. Потиръ глѣ: Покрый негеса:

Діаконъ: Гдѣ помолѣмса. Покрый окомъ Бже. Іерій же такожде покладивъ третій покровъ, ѿже наричетса ѿиръ, покрываєтъ ѿмъ окомъ, глѣ: Покрый насъ Бже.

Таже взявъ Іерій кадѣлицѣ, дары предложенныа кадѣтъ трижды глѣ: Блѣвѣ Бже насъ сице изколивый. Діаконъ же за кождо разомъ, навѣдитъ глѣ: всегда, ѿмѣтъ:

По семъ ѿдавъ Іерій діаконѣ кадѣлицѣ поклонѣтася ѿка съ благоговѣніемъ г. ѿ авѣв діаконъ глѣтъ: О предложенныхъ: Іерій же молитвѣ предложеніа: Бже, Бже насъ: Таже Іерій: Слава тебѣ Христе: Діаконъ: Слава: ѿ нынѣ: Гдѣ помолѣмъ г, благослови. ѿ творить Іерій ѿпвѣтъ.

По ѿпвѣтѣ же кадѣтъ діаконъ перже св. предложеніе на жертѣвницѣ. Таже ѿходитъ ѿ кадѣтъ св. Трапезѣ крестообразну глѣ въ сѣвѣ: Въ грѣтъ поотскн: Таже ѡгаломъ ѿ. Помолѣмъ ма Бже: вѣсь до конца, ѿ немже ѡтарь оубо ѿ всю церковь покладивъ, вхѣдитъ къ св. ѡтарю ѿ пакн кадѣтъ св. Трапезѣ ѿ кѣсь св. ѡтарь ѿ Іеріа.

Таже кадѣлицѣ оубо ѿлагаєтъ на мѣсто своѣ, самъ же прихѣдитъ къ Іерію, ѿ ставше ѡба къ кѣпѣ прѣдъ св. Трапезою поклонѣтася г. къ сѣвѣ молѣшася ѿ глѣюща: Царю негесный: Слава въ вѣмннхъ: Гдѣ оуетнѣ мой: ѿ цѣлуетъ Іерій оубо стѣв ѣвангеліе, діаконъ же св. трапезѣ, ѿ посѣмъ приклонивъ діаконъ глѣвѣ свою Іеріеки, держа ѿ ѡрарь трѣма перстн десныа рѣки, глѣтъ: Врѣмѣ ѣже сътворити: Іерій знаменіа ѣгѣ глѣтъ: Блѣвѣ Бже насъ: ѿ проч.

Діаконъ же рѣкъ: ѿмнѣ, ѿ поклонѣмса ѿсходитъ ѿ ѡтарю, ѿ ѿверзѣмъ великаа Брата глѣтъ: Премѣдрость. Ликъ: Честнѣйшю хлѣвѣмъ: ѿмнѣмъ Гдѣмъ блѣнъ ѡтче. Іерій: Бже оубодрѣи нѣ ѿ блѣнъ нѣ. Ликъ: Слава: ѿ нынѣ: Гдѣ помолѣмъ, г. блѣнъ. Іерій отпѣтъ.

Подобавъ вѣдати ѿкѣ діаконшмъ проскомисати возбранѣно ѣсть святѣмъ ѿже къ Никѣнъ первымъ собѣромъ святѣхъ ѿ богонобныхъ Оцѣ, ѿкѣ же рѣчѣмъ правиломъ нѣ. Діаконшмъ никакоже приношеніа приносити, сирѣчь просфоры нѣ проскомисати, нѣ давати

привѣтуютъ божественнаго причащеніа ни прежде тѣхъ прикасати-
ся но по привѣтѣхъ такою Евхаристію воспримати ииъ, или
ѿ Епископа или ѿ пресвитера. Ниже посредѣ пресвитеръ сѣдати, да
не сѣдѣше вышше ихъ честиѣиши мнѣтса быти, еже бѣсть безчинно.
Ииъ кто не ѿстанетса того, правиломъ симъ да извержетса. Но про-
скомисающъ пресвитеръ приходитъ діаконъ и приноситъ двѣ про-
сорѣ и длетъ Іерію. Іерій же на первой оубо поминаетъ прежде жи-
вѣхъ, ихже хошетъ діаконъ ксѣхъ, на второй же просфорѣ мѣртвѣхъ,
ихже хошетъ поманѣть ксѣхъ, и оубо Іерій части изимаетъ, самъ
же діаконъ имена да глетъ.

Подобаетъ вѣдати и се, ѿкѡ аще слышится быти съкѡръ ска-
щенникѡмъ мнозѣмъ на стѡи антѣргіи, первый ѿ нихъ единъ точию
да проскомисаетъ, даже до: и ксѣхъ въ надеждѣ воскресѣна: Тажъ ѡтолкъ
вси дозѡдѣ прочѣтше къ кратцѣ идѣтъ единъ по единомъ, и помина-
ють живѣхъ и мѣртвѣхъ блѣнцѣхъ и иматъ. Послѣднже и діаконъ тѣмъ
же образомъ приходѣтъ къ единомъ пресвитеръ, иже предначальствѣ-
етъ: ѡнже поминаетъ и діаконѡмъ блѣно требують живѣхъ и мѣр-
твѣхъ, ѿкоже предречѣса: Тажъ глѡтъ вси: И ксѣхъ иже въ надеждѣ вос-
кресѣна: и прочѣе по ѡбычаю, ѿкоже вышше писано бѣсть. И тако
поклонѣннса ѡходѣтъ.

БОЖЕСТВЕННАА АНТѢРГІА ВЪ СВѢТЫХЪ ОТЦЯ НАШЕГО ІО- АННА ІРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНА ГРАДА ЗЛАТОУСТАГО.

По изреченіи ѿ Іеріа ѡнѡстѣ, приходитъ діаконъ на амконъ и
стѣкъ на ѡбычнѣмъ мѣстѣ предъ св. двѣрми, поклонѣетса съ бла-
гоговѣніемъ трижды, глѡ къ себѣ: Гдѣ оустнѣ .. и возглашѣетъ ве-
дегласнѡ: Блѣнъ Блѣно. Іерій же начинѣтъ: Блѣно царство: Анкѣ, иимнѣ.
Діаконъ: Миромъ Гдѣ помолѣннса. Анкѣ же ксѣкомъ діаконскомъ моленію
ѡкѣшѣетъ: Гдѣ помолѣннѣ. Поѣтса первый Антифонъ ѿ пѣкцѣвъ, діаконъ
же поклонѣнса, оустѣнѣетъ мѣста своегѡ, и шѣдъ стѡитъ предъ иконою
Христѡкою, зрѣ къ западѡмъ, держа и ѡраръ трѣма пѣрсти дѣсныа рѣки.

Подобаетъ вѣдати, ѿкѡ егда глетъ діаконъ діаконства, тогда
Іерій глетъ молитѣсъ къ тѡи. Ииъ же нѣсть діакона, то самъ Іерій
въ ѡтари да глетъ къ всѣмъ скащеннодѣйсткіи.

По скончаніи же перваго Антифона, приходитъ пакн на ѡбычное
мѣсто діаконъ, и соткорнѣвъ поклонѣннѣ, абѣе глетъ: Пакн и пакн.

Поѡмомъ же ѿ пѣкцѣвъ второмъ Антифонѣ, діаконъ тамже сто-
итъ идѣже прежде. И по скончаніи Антифона, пакн восходѣтъ на
ѡбычное мѣсто, и поклонѣннса глетъ: Пакн и пакн.

Пѣваемъ же третїимъ Антифонъ ѿ пѣвецъ или Блаженншмъ, ѣще ѣсть Надѣла, или Святшмъ, діаконъ поклонься вхѳодитъ въ св. ѳатаръ, и станитъ ѿ лѣвой странѣ св. Престола и творитъ покло-ненїа три прѣдъ св. Престоломъ и цѣлуетъ ѣгѳѳ, и покланяется Іерію, и стоить тамъ. Книгда же начинѳтъ пѣти Главы: Іерій съ діакономъ творятъ поклоненїа три прѣдъ святою Трапезою благочиннѳ: тажъ взѣмъ Іерій скатѳе Ѣвангелїе даѳтъ діаконъ: діаконъ же прїимъ цѣлуетъ ѣгѳѳ въ рѳкъ и ѳвращается на правѳю странѳ и исхѳодатъ къ малымъ двѳремъ. Изшедшмъ же имъ ѿ сѣвернмъ и прѣидѳшема има двѣма лампадома, творятъ малый вхѳодъ. И ставшмъ имъ на ѳвѳычѳемъ мѣстѣ прѣдъ святымъ двѳрми покланяютъ ѳба главы своѳ и діаконъ рѣкъшъ тихо: Гдѳ помѳлимса, вкѳпѣ и ѳрарѣ держашѳ тремъ пѳрстмъ дѣснмъ рѳки, Іерій глѣтъ молитвѳ вхѳодншю тайно: Еѳко Гдѳи Бже нашѳ:

Молитвѣ ѳубо скончанѳи вышѳи, стоить Іерій срѣди цѳрквѳ зрѳ къ востѳкъ, діаконъ же съ стѳымъ Ѣвангелїемъ ѳвращается къ Іерію и сътвориѳ поклоненїе глѣтъ тихимъ гласомъ. Еѳви Еѳко стѳий вхѳодъ. Іерій же цѣлуетъ стѳѳе Ѣвангелїе и творитъ крѳстъ на главѣ діаконъ, гла тай: Еѳвѳнѣ вхѳодъ: Ѵще ѳубо вѳдетъ тѳ Святїтель, прїихѳодитъ діаконъ съ Ѣвангелїемъ къ Святїтелю, и цѣлуетъ св. Ѣвангелїе Святїтель, и еѳблаетъ діакона. Іерій же къ ѳлтарѣ цѣлуетъ Ѣвангелїе прѣжде вхѳода. И прїихѳодитъ діаконъ прѣдъ св. двѳрн, воздвигъ мало св. Ѣвангелїе, велигласнш возгласаетъ: Премѳдрѳсть прѳсти. Іерій же поклонься съ задн ѣгѳѳ, вхѳодатъ къ св. ѳлтарѣ, и діаконъ ѳубо полагаѳтъ св. Ѣвангелїе на св. престѳлѣ. Пѣвцы же поѳтъ: Прїидѣте:

Егдаже начинѳтъ глаголати Главы: И нынѣ: послѣднїй кондакъ или богородиченъ, глѣтъ діаконъ къ Іерію тихимъ гласомъ преклоня главы своѳ и ѳрарѣ въ рѳцѣ держѳ ѳкоже прѣдрекѳомъ: Еѳви еѳко крѳма Трѳтаго. Іерій же ѳвращѳся къ западѳ, знаменѳм глѣтъ возгласъ: Ѵко святѳ еси: діаконъ гланш святыхъ двѳрїи стоѳ и показѳм рѳкою съ ѳрарїемъ пѳрвѣе ѳубо къ иконѣ Христѳѳ глѣтъ: Гдѳи спасїи благочестїнѳхъ и ѳчлшшїи насѳ. Тажъ наводитъ гла къ внѣ стоѳщимъ велигласъ: И въ вѣки вѣкомъ. Амѳнъ, яминъ. И поѳтъ Трѳтоѳ. Повѳмъ же Трѳтомъ ѿ пѣвецъ Іерій и діаконъ глѳютъ ѿ самн всѳѳѣ ктай Трѳтоѳ трижды. Творѳщи вѣкѳпѣ и поклѳновъ три прѣдъ святою Трапезою.

По скончанїи же Трѳтаго глѣтъ діаконъ Іерію: Повѳли Владимко. Іерій же ѳхѳода къ горнемъ мѣстѳ глѣтъ: Благословѳнѣ граднѳ въ имѳ Гдѳнѳ. Дїаконъ глѣтъ: Благословѳнѣ Владимко горнѳе сѣдѳлшшѳ. Іерій же: Благословѳнѣ на престѳлѣ.

И покланяютъся къ горнемъ сѣдѳлшшѳ ѳба равнѣ трижды. И по скончанїи Трѳтаго діаконъ шѣдъ прѣдъ святымъ крѳты, зрѳ къ запа-

ДВМЪ ГЛѢТЬ ВЪЗГЛАШНО: КѢНІАМЪ ІЕРІИ: МІРЬ ВСѢМЪ. ЧТІЦЪ ЖЕ: И ДѢХОВИ ТВОЕМЪ. И ДІАКОНЪ ПАКИ: Премѣдрость кѢНІАМЪ. ЧТІЦЪ ЖЕ РѢКЪ ГЛѢТЬ ПРОКІМЕНЪ. Скончанъ же вѣкишъ прокїменъ, паки дїаконъ: Премѣдрость. Ищеже ипостолъ чтомъ вземъ дїаконъ кадїло и ѳумїамъ прихѳодитъ къ Іерїю гла. Благослови владїко: Іерїю же ѱкїчнѣкѣ вѣившъ и молитесъ кадїаншю рѣкшъ, дїаконъ кадїтъ скатїи престола съ прѣди и ѳкрестъ, таже и скатїи жертѳоникъ, на немже скатїамъ, и ѳлтарь всѣхъ и двѣри царскїа и на цѣркокъ. И паки престола и Іерїа и ѱдаѣтъ кадїло. Ище ли Іерїи ѳдинъ сажитъ, кадїтъ самъ по чинъ ѳкоже ѳказася.

Тажъ дїаконъ стѣкъ прѣдъ скатїимъ престоломъ, творитъ три поклѳны и вземъ скатѳов ѳвангелїе прихѳодитъ къ Іерїю и преклѳны прѣдъ нимъ глакъ свою, держа съ ѳвангелїемъ и ѳрарь тремя персты дѣснымъ рѣки, глѣтъ тихѳ: Бѣки вѣко благожестїтелеа: Іерїи возложъ рѣкшъ на глакъ ѳгѳѳ, глѣтъ молитесъ сїю: Бѣкъ молитвами: и вѣвѣмъ ѳгѳѳ, дїаконъ же рѣкъ: и мїишъ, и поклѳнѣсѣ и сѳходитъ скатїими двѣрми прѣхѳодѣшима ѳмъ и лампадома дѣкма, и припѣдъ стѣнетъ на ѳмкѳнѣ. Ище же вѣдѣтъ тѣ ѳппїскопъ, ѳшъ да глѣтъ молитесъ и вѣвѣмъ. Іерїи же стоѣ сѣвѣди свѳтѳой Трѣпїзы зрѣ къ лѳдїемъ възглашѣтъ: Премѣдрость: Дїаконъ глѣтъ: ѳ нѣмъ скатѳого ѳкїнгелїа чтїнїе. Лїкъ: Глакъ текѣ гдї Іерїи же: кѢНІАМЪ. Ище ли сажитъ дрѳгїи дїаконъ, то глѣтъ дїаконъ: премѣдрость прѣсти, тажъ и: кѢНІАМЪ.

Скончанъ же вѣкишъ скатѳомъ ѳкїнгелїю, прихѳодитъ Іерїи ѳ горнего мѣста и стѣкъ къ скатїихъ дрѣрѣхъ, прїемлетъ ѳ дїакѳна скатѳов ѳкїнгелїе, тихѳ гла ѳмъ: Мїрѣ ти благожестѣющемъ. И цѣлѣветъ скатѳов ѳкїнгелїе. Ище ли вѣдѣтъ и ишїи сажїаишїи, цѣлѣютъ кѣи статѳов ѳкїнгелїе. И поставлѣветсѣ на скатѳомъ престола позади литона. Ище же ѳсть дрѳгїи дїаконъ, то ѳнъ ишїдѣтъ, и стѣнетъ на ѳвѣчнѣмъ мѣстѣ, прѳтїкъ скатїихъ двѣрїи, и глѣтъ ѳктїнїю сїце: Рѣмъ всїи: Іерїи же глѣтъ молитесъ прилїжнѣгѳ молитїа въ тан. Ище ли вѣдѣтъ ѳ ѳсѳпшїихъ приношенїе, дїаконъ, или ѳрїи глѣтъ ѳктїнїю сїю: Помнїашї насѣ Бже: Іерїи глѣтъ молитесъ за ѳпокой. Дїаконъ: Помолїтсѣ ѳглашѣннїи: И прѳстїраѣтъ илїтѳнъ Іерїи.

Ище же сѣтъ дїакѳни двѣ или вѣщїе, то первыи вѣнѳръ ѳлтаря да глѣтъ: ѳлицы ѳглашѣннїи ишїдѣте. Втѳрый же по немъ: ѳглашѣннїи ишїдѣте. Трѣтїи же: ѳлицы ѳглашѣннїи ишїдѣте. И иже на ѳмкѳнѣ: Да нїкто ѳ ѳглашѣннїихъ, ѳлицы кѣрїи, паки и паки мирѳмъ гдѣ помолїмсѣ. И прѳчѣмъ дїакѳнѣстѣа. Ище ѳсть ѳдинъ, то самъ кѣ глѣтъ. Молїтѣа вѣрнїихъ перѣа, покнїгда распрѳстрѣти илїтѳнъ. Молїтѣа вѣрнїимъ вѳторѣа.

Дїаконъ же вѳодитъ къ скатїи ѳлтарь и творитъ ѣ. поклѳны прѣдъ скатїимъ Престола и поклѳнѣветсѣ Іерїю. Таже прїемъ кадїло и ѳумїамъ прихѳодитъ къ Іерїю: и вземъ ѳвѣчнѳо кадїла владї-

гослокініє, кадїть сватый престо́ль ѿ свата́м ѿ ѿлтарь кісь ѿ Іерієм, ѿкоже преди о́казася, гла҃м ѷлаомъ ѿ. Іерієй же гл҃еть моли́твѣ въ сѣбѣ преди сваты́мъ престо́ломъ, хрѷсті́ской пѣсни пѣкѣвмой. ѿще нѣсть діакона, то́ самъ Іерієй кадїть. По кажде́ніи же діаконъ ста́нетъ ѿ лѣвѣмъ страны́ свата́го престо́ла съ вса́кимъ благоговѣ́ніемъ, ѿжди́а съверші́ніа моли́твѣ. Той же съверші́нной, ста́вши кѣспѣ, гл҃ета въ сѣбѣ хрѷсті́скую пѣсь: ѿже хрѷсті́мъ: ѿ гла҃юще сѣ ꙗ́. по ко́емъждо сконча́ніи покланя́ются по а́. преди сваты́мъ престо́ломъ ѿ локва́ютъ сватый крѣсть ѿ престо́ль, ѿ ѿхѣдѣтъ къ жертѣвникѣ, преди́дѷшъ діаконъ съ кадїломъ: ѿ не́гоже Іерієй кадїльницѣ взѣмъ кадїть свата́м ꙗ́-крати, съ прикрати́ною моли́твою сѣю ѿ трикрати́нымъ покло́номъ: Бже́ мѣлостивѣ гд҃и мнѣ грѣ́шномъ.

Отда́въ кадїло діаконъ, діаконъ же Іерією покади́къ, гл҃еть къ не́мъ: возми́ е́лко. Іерієй же взѣмъ возду́хъ возлагѣтъ на лѣвое ра́мо діаконъ гла҃м: Въ ми́рѣ воздержѣ́те рѣки ва́ша въ свата́м, ѿ ба́вити гд҃а; ѿ па́ки діаконъ гл҃еть: возми́ е́лко. Іерієй же сватый дѣско́къ покровѣ́нъ взѣмъ, поставлѣ́тъ на вѣрхъ главы́ діаконъ, ѿмѣже прѣѣмшъ съ стра́хомъ ѿ вса́кимъ внимані́емъ ѿ благоговѣ́ніемъ то́жде гла҃м: Въ ми́рѣ воздержѣ́те: діаконъ же подне́сь дѣсню́ своѣю рѣкъ тре́ма ѿмъ бо́льшими пѣрсты приде́ржитъ, ѿмѣ́жже кѣспѣ ѿ кадїльницѣ ѿ примѣ́зніаго то́жде рѣки пѣрста въ ты́ль ла́ктѣ вѣса́щъ, ѿсхо́дитъ съверны́ми двѣрми, преди́дѷще́ма ѿмъ лампа́дома двѣ́ма; Іерією съ свато́ю Ча́шею ѿбѣ́ма рѣка́ма дрѣжїмо́ю послѣ́дѷшъ ѿ та́къ твѣорѣтъ вели́кій въхѣ́дъ. ѿсхо́дъ же діаконъ ѿзъ двѣрїѣ съверныхъ, пѣкѣ́емъ о́молкши́мъ, вѣлегла́сно гл҃еть: вѣсѣ́хъ ва́съ правосла́вныхъ: Та́же Іерієй гл҃еть: сватѣ́йшаго, вѣса́нскаго архїе́рѣа ѿмъ:

вше́дшъ же діаконъ кнѣ́тър ѿлтарѣ сваты́ми двѣрми, ста́нетъ ѿ дѣснѣмъ страны́ преди́ свато́ю тра́пезою ѿ ро́га, ѿ вхѣ́дѷшъ Іерією въ ѿлтарь, гл҃еть къ не́мъ діаконъ ти́хо: да́ поманѣ́тъ гд҃а бже́ Іерієство твоѣ въ ца́рствѣи своѣ́мъ. Іерієй же къ не́мъ гл҃еть: да́ поманѣ́тъ гд҃а бже́ Іеродіаконство твоѣ: вше́дши́ма же ѿма въ ѿлтарь, Іерієй поставлѣ́тъ сватый потї́ръ на свато́й тра́пезѣ на антїмі́сѣ, протїѣ́с дѣснѣи своѣ́и рѣки гла҃м: Въ грѣ́сѣкъ пла́тскѣи: сватый же дѣско́къ снѣ́мъ съ главы́ діакона, поставлѣ́тъ ѿ сѣ́го на то́мже антїмі́сѣ, ба́нзъ ѿ лѣвѣмъ страны́ свата́го потї́ра гла҃м: ѿко́ живѣо́сѣцъ:

діаконъ о́убо затворѣ́тъ ца́рскїа двѣрїа, Іерієй же снѣ́мъ покровѣ́цы ѿ свата́го дѣско́са ѿ ѿ сваты́а Ча́ши, полага́тъ на е́диной ко́ви лю́бо странѣ́ сваты́а Тра́пезы гла҃м: прїѣ́де же ѿтѣ́нъ Пѣ́тър: (Сѣѣ о́убо не́ зъ грѣ́чѣскаго, но́ зъ словѣ́нскихъ дрѣ́внихъ зкѣдовѣ́ приложї́са, та́йны ра́ди свѣщѣ́ннодѣ́йствїа ѿкровѣ́нію). Пѣ́ръ же зъ ра́мина діакона взѣ́мъ ѿ покади́къ ѿго́ покрѣ́аѣтъ ѿмъ свата́м гла҃м: благоѣ́разный

Іосифъ: И взѣмъ кадѣянницѹ изъ рѣкъ діакона, кадѣтъ Святѣмъ трижды глѣ: Оубо ѿ Гдѣ: Тѣмъ ѿдаѣтъ кадѣянницѹ и ѿпсѣствѣ фелѣнѣ, приложитъ рѣки крѣстообразнѹ къ персѣмъ своимъ и глѣвѣ преклонѣ глѣтъ къ діаконѣ: Поманѣ ма: Тѣмъ и діаконъ преклонѣ глѣвѣ свою держѣ крѣпѣ и ѡрарѣ трѣма персты десныя рѣки, глѣтъ къ Іерію: Помолѣса ѿ мнѣ: И поклонѣса и цѣловѣтъ десницѹ Іеріювѣ и сѹхѣдѣтъ сѣверными двѣрми, и стѣтъ на ѿбычнѣмъ ѡмвона мѣстѣ предѣ святыми двѣрми глѣтъ: Исполнимъ молитвы:

Молитва по поставленіи на св. трапезѣ божественныхъ Даровъ. Возгласѣ. Миръ всѣмъ. Діаконъ: Возлюбимъ дрѣгъ дрѣга: И оубо Іеріи поклонѣса трижды и глагола трижды: Возлюблю тѣ Гдѣ: Цѣлѣтъ Святѣмъ тако ѿкоже сѣтъ покровѣнна перѣкѣ верхѹ святѣго діскоса, тѣже верхѹ святѣи Чѣши и край святѣя трапезы предѣ собою. Ище ли едѣтъ въ соборѣ слѣжѣищихъ священниковъ два или множѣе, то ѿни любѣютъ вси настоѣтели въ оубѣ, настоѣтель же глѣтъ: Христѣса посредѣ насъ, и ѿкрѣпѣтъ цѣловѣвый: естѣ и едѣтъ. И стѣватѣса ѿ него по чинѣ, любѣютъ же и самѣ дрѣгъ дрѣга. Тѣкоже и діакони ище едѣтъ два или три поклонѣса кѣпно съ Іеріями любѣютъ кѣждѣ ѡрарѣ свой и дрѣгъ дрѣга къ лицѣ, тѣже глѣще, бже и Іеріе. Тѣкоже и діаконъ, иже на ѡмвонѣ, поклонѣса трижды и любѣтъ ѡрарѣ свой и дѣже естѣ крѣста ѿбразѣ. И тѣкѣ возгласѣтъ: Дѣри дѣри.

Іеріи же воздѣнѣтъ воздѣхѣ и держитъ надѣ святыми дѣрами. Ище же и инии едѣтъ священницы слѣжѣиши, тѣкоже воздѣнѣютъ святѣи воздѣхѣ и держѣтъ надѣ святыми дѣрами глѣще къ сѣбѣ ѿкоже и людѣе: Вѣрѣю во единаго бга: Пѣ окончѣни же святѣго символѣ возгласѣтъ діаконъ благогласно: Стѣнѣмъ добрѣ: И оубо рѣи снѣмаѣ ѡрѣ съ святѣхъ даровъ глаголетѣ: Святѣи бже: И цѣловѣтъ и ѿлагѣтъ на мѣсто своѣ.

Діаконъ же поклонѣса вѣхѣдѣтъ къ святѣи ѡтарѣ и благогласѣтъ святѣи ѡрѣ, бже положѣтъ на святѣи Трапезѣ съ покровѣци, ѿшѣю Іеріемъ стѣнѣтъ, и взѣмъ рипѣдѣ ѡмаѣтъ Святѣмъ благоговѣишѣ, блюдыи ѿпаснѣ да ниже мѣха ни ино что впадетѣ въ святѣи потѣръ, ниже прикоснѣтъса божественныхъ даровѣ, внимѣмъ глѣмымъ ѿ Іеріемъ.

Іеріи же возгласѣтъ: Благодѣтъ Гдѣ: рѣцѣ и ѿцѣ кѣспрѣ вознѣсъ крѣпѣ и мысль глѣтъ благогласнѣ: Горѣ: Распростѣртыми рѣкама преклонѣса глакою къ божественнымъ даршѣмъ возгласѣтъ: Благодаримъ: преклонѣ глѣвѣ низко, глѣтъ молитѣвѣ: Достѣйно и правѣдно: Возгласѣтъ: Последнюю:

Діаконъ же взѣмъ св. звѣзду съ св. діскоса творѣтъ крѣста ѡбразѣ, верхѣ егѣ, ѡдарѣмъ краями звѣзды ѿ чѣтыри стрѣны діскоса, и ѿтѣръ край ѿ ѡнтимѣсъ, и любѣтъ и полагаѣтъ на сложѣн-

номъ воздвѣсѣ, и шедъ стѣнетъ на дѣсной странѣ, и вземъ рипидъ ѿмажетъ тихо съ всѣмимъ вниманіемъ и страхомъ верхъ св. Дѣршевъ, ѣкѣ не сѣсти мѣхамъ ни иномъ чesомъ такокомъ. Иши же нѣсть рипиды, творить сіе ѣдинѣмъ покровцемъ.

Ѣбѣ Іерей прекаонъ главѣ съ оумиленіемъ, и всѣмимъ вниманіемъ, помышлѣмъ ѣже претворитисѣ св. хлѣбъ къ тѣло распѣтаго Христа Бѣа нашего, прилагѣмъ къ немѣ и своѣ произволѣніе, въздвигъ дѣсницю свою сложивъ персты ѣки блвиги, и зрѣ на св. хлѣбъ, показвѣмъ надъ нимъ и блвѣмъ ѣго, возглашѣтъ глѣ: Пріимѣте: Сѣмѣ же глаголамъ, діаконъ приклонъ и самъ главѣ свою держѣ и браръ трѣма персты дѣснѣмъ рѣки показвѣтъ Іерію св. Дѣскосъ, Іерей же нѣзко поклонѣсѣ божественномъ Христовѣ Тѣлѣ ѣ. глѣтъ тайно: Тѣкожде и Чѣшѣ по Вечѣрѣ, глаголамъ: Паки Іерей прекаонъ главѣ съ оумиленіемъ и всѣмимъ вниманіемъ, помышлѣмъ ѣже претворитисѣ св. кинѣ къ кровѣ Христа Бѣа нашего, ѣ св. рѣнѣ ѣгѣ ивлѣннѣмъ, прилагѣмъ къ сѣмѣ и своѣ произволѣніе, въздвигъ дѣсницю свою надъ св. Чѣшю, сложивъ персты, и зрѣ въ св. Чѣшѣ на св. винѣ показвѣмъ и блвѣмъ; возглашѣтъ глѣ: Пийте ѣнаѣ: Діаконъ такожде прекаонъ главѣ свою держѣ и браръ трѣма персты дѣснѣмъ рѣки показвѣтъ Іерію св. Потѣръ. Іерей же нѣзко поклонѣсѣ ѣ. божественнымъ Тайнамъ главѣмъ поклонѣ, глѣтъ молитвѣ сѣю: Помниѣющѣ оубо: и ѣбѣ възглашѣтъ: Твоѣ ѣтъ твоѣхъ:

Глаголющъ же Іерей молитвѣ сѣю, діаконъ ѣлагѣтъ рипидѣ, и стѣвъ ѣдѣснѣю Іерѣмъ, и сотворъ оумиление поклонѣніе къ св. Тайнамъ, прилагѣтъ рѣцѣ крѣтаѣобразно, и прѣблѣтъ дѣсною верхъ лѣвѣмъ сѣшю св. Дѣскосъ, лѣвою же св. Чѣшѣ, и возглашѣющъ Іерію: Твоѣ ѣтъ твоѣхъ: подноситъ св. Тайны ѣ св. Трапѣзы. И скончѣвшъ Іерей възглавѣмъ полагаѣтъ и той Сѣмѣтѣмъ на иѣрковъ ихъ мѣсто. Иши же вѣдетѣ двѣ діакона, то стоѣи ѣ лѣвѣмъ страны прѣблѣтъ св. Потѣръ, ѣ дѣснѣмъ же стоѣи прѣблѣтъ св. Дѣскосъ, ѣмѣ дѣснѣмъи рѣкамѣмъ прѣложша ѣ крѣтаѣобразно, на верхъ сѣшой дѣсницѣ св. Дѣскосъ подѣблѣмъшю. То сѣтворъ діаконъ ѣходитъ на лѣвѣю странѣ, и поклонѣсѣмъ прѣдъ св. Трапѣзою, ставѣтъ ѣбокѣ Іерѣмъ. Іерей прекаонъ главѣмъ глѣтъ молитвѣ сѣю тайно: ѣши приѣснѣмъ тѣбѣ:

Ѣбѣ приходитъ діаконъ блѣзъ Іерѣмъ и поклонѣветѣсѣмъ ѣмѣ г. прѣдъ св. Трапѣзою молѣвшѣмъ въ сѣвѣ и глѣща: Гдѣ прѣсѣватѣго своего Дѣха: Тѣже главѣмъ мѣло поклонѣ діаконъ, и ѣбѣмъ восклонѣ, показвѣтъ дѣсною съ брарѣмъ св. хлѣбъ, глѣмъ тихо: Блѣни Блѣко св. хлѣбъ. Іерей же въздвигъ рѣкъ знаменѣтъ г. св. хлѣбъ глѣмъ: И сотворѣ хлѣбъ: И паки діаконъ: Блѣни Блѣко св. Чѣшѣ. Іерей же блвѣмъ глѣтъ: и ѣже къ Чѣши: И паки діаконъ показвѣмъ и ѣбокѣ Сѣмѣтѣмъ глѣтъ: Блѣни Блѣко и ѣбокѣ. Іерей же блѣгослѣмъ глѣтъ: Прѣложивъ ѣ Дѣшю:

И гла҃въ преклонѣ діаконѣ, Іерейи рѣкаѣ: Помани мѧ: Іерей же бѣлаветъ ѿгѡ рѣкою глѧ: Помани мѧ: Діаконѣ приходитъ на немже перекѣ стоаше мѣстѣ, и взѣмъ рипидѣ, ѡмлаветъ Свѣтаѧ, ѡкѡ и прѣжде, Іерей же преклонѣ гла҃въ глѣтъ молитвѣ сію тайно: Шкожи бѣти причащѡущимса:

Діаконѣ пріѣмлетъ кадило съ Оиліаѡмомъ и бѣленіѣ ѡ Іеріѧ и спрощѣ, кадитъ ск. Трапезѣ и кѣск ѡлтарѣ. Ище ли ѿдинъ Іерей кромѣ діакона савжитъ, точию испрѣди кадитъ ск. Трапезѣ: и возглашаветъ: Израдѣте ѡ прескѣтѣ: Ликъ же поетъ: Достойно естъ: Діаконѣ ѡубо поминаветъ къ себѣ создателіи храма илѣ огнѣан, живѡухъ и ѡсѡпшиухъ, бѣликиухъ хошетъ. Іерей преклонѣ гла҃въ молитса тайно: О скѣтѣмъ Іѡаннѣ: Здѣ Іерей поминаветъ и хуже хошетъ ѡсѡпшиухъ, глѧ: Помани Господи дѣшв: Діаконѣ ѡубо ѡбращса къ двѣремъ ск. ѡлтарѧ и держѧ ѡрарѣ крайни трѣхъ перстоку глѣтъ: И всѣхъ и всѧ: Ликъ же поетъ: И всѣхъ и всѧ: Іерей ѡубо живѡухъ, и хуже хошетъ. поминаветъ. Діаконѣ же четѣтъ Поманикѣ живѡухъ, поминѧ создателіи Храма, илѣ огнѣан, и и хуже хошетъ живѡухъ. Ище ли къ Монастыри: Ирхімандрита илѣ Ирѣмена и кратію и ѡ приносѡщомъ ск. дары сѧ благоговѣннѣишомъ Іерейи. Іерей же преклонѣ гла҃въ молитса тайно: Помани Господи глѧдъ сѧ: возглашаветъ: И дѡждѣ намъ ѿднѣмъ ѡустѣ:

Іерей ѡбращса къ царскимъ двѣремъ и бѣлава люди глѣтъ велгласно: И дѧ вѣдѣтъ милости: Діаконѣ пріѣмъ времѧ ѡ Іеріѧ, и ишѣдѣ стѣвъ на ѡбычномъ мѣстѣ глѣтъ: Вся свѣтаѧ поманиши: Сію ѡубо діаконѣ возгласно глаголющъ, Іерей преклонѣ гла҃въ, глѣтъ молитвѣ сію тайно: Тесе предлаганѣ живѡтъ нашѣ: возглашаветъ: И сподоби насѣ Блго: возглашаветъ: Шко твоѣ естъ царство: Мирѣ всѣмъ. Діаконѣ: Главы дѣши Глѣви преклонитѣ Іерей же преклонѣ гла҃въ глѣтъ молитвѣ сію: Благодаримъ тесе Царю: И авѣе возглашаветъ: Благодаритю и щедрѡтами: Ликъ: илѣина. Іерей же преклонѣ гла҃въ съ ѡумилѣніемъ глѣтъ молитвѣ сію: Бонѣмъ Глѣ: И икѣе поклонѣтса Іерей, и діаконѣ такожде, на немже стѡитъ мѣстѣ г. глѣра къ себѣ молитвѣ сію: Бже милостиѣвѣ бѣди:

Іерей ѡубо творитъ св. возношеніѣ, діаконѣ же ѿгдѧ ѡзритъ Іеріѧ прѡстираюша рѣцѣ и прикѣсаюшасѧ ск. хлѣбѣ къ ѡже сотворити св. возношеніѣ, возглашаветъ: Бонѣмъ. Іерей же возносѧ св. хлѣбѣ возглашаветъ: Свѣтаѧ свѣтѡмъ, Ликъ: ѿдинъ свѣтъ: Таже поютъ Лици Чичастенѣ днѣви илѣ свѣтомъ.

Бѣстѡмъ вѣди, ѡкѡ ище двѧ діакона вѣдѣта савжаща: ѿдинъ ѡ ико начѣцѣ ѡ принесеніѧ ск. даршѣ, даже до сѣлѣ, ѡ дѣсныѧ страны стѡѧ, прѣбывѣтъ ѡмѣкамъ Свѣтаѧ. Ище же вѣдѣтъ иподіакони, тѣм то ѡбѡстранно творити вѣдѣтъ. Діаконѣ же ѣктѣиѧ на ямѡнѣ дѣйствѡвакѣи, приносѣтса ѡрарѣмъ своимъ крѣстѡобразно и вхѡдитъ

къ св. олтаръ. И ставъ ѿдѣсною Іеріа держащаго св. хлѣбъ глеть :
Раздробѣ Еѡко св. хлѣбъ. Іерій же раздроблѣтъ ѿ на четыры части съ
вниманіемъ ѿ благоговѣніемъ глѣ : Раздроблѣтса, ѿ раздѣлѣтса :

Егда же вознесѣтъ св. Ігнецъ глѣ Свѣтаа свѣтымъ, раздѣ-
лѣтъ сѣй на четыры части, ѿ полагаѣтъ ѿ на св. дѣскоѣ крестообразно,
таже прѣемъ едина часть, влагѣтъ въ св. Чашѣ, прочѣа ѿли сама
къа потреблѣтъ, ѿли ѿ сѣхъ ѿныхъ презкителѣтъ, діаконѣтъ аще
вѣдѣтъ причащѣтъ ; прочѣа же людіѣ, аще причащеніа желѣти вѣдѣтъ,
причащѣются ѿ частей несквщенныхъ въ чѣсть Пресв. Богородици,
дѣлѣти Чинѣтъ ѿ иныхъ, таже за живыхъ ѿ оубошнихъ поло-
женныхъ.

Еѡдати же подобѣтъ Іерію, ѿкѣ подѣ грѣхомъ смѣртнымъ
долженъ естъ ѿмѣти нераздѣльнов намѣреніѣ несквщѣти всѣ сѣа
части, ѿкоже ѿ сама великій Ігнецъ.

Покнегда же раздробитса Ігнецъ, діаконъ показѣтъ брѣрѣмъ
св. потѣръ глѣ : Исполни Еѡко св. Чашѣ. Іерій же взѣмъ горѣ лежащѣю
часть, творитъ нею крѣсть верхѣ св. чашѣ глѣ : Исполните свѣтаго Дѣха.
ѿ таѣк влагѣтъ въ св. чашѣ, діаконъ же глѣтъ : ѿмѣнѣ. Іерій же,
аще вины ради коѣа ѿжданѣмъ, молитѣ прѣдѣ причащеніемъ ѿвы-
чныхъ несквершилъ вѣдѣтъ, во исполненіѣ ѿхъ, глѣтъ молитѣ сѣю,
преклонъ главѣ : Множество ради : Господи ѿсѣмъ достѣнѣ : Бѡже нашъ ѿслаѣмъ :

ѿще же совершилъ вѣдѣтъ Іерій прѣдпричастнымъ молитѣ въ
ѿвѣчномъ ѿмѣ прѣдѣ св. Литѣргіѣю по правѣлѣ : ѿставѣа молитѣ
сѣа три, глѣтъ къ діаконѣ : Діаконѣ пристѣпѣ. ѿ пристѣпѣа діаконъ тѣо-
ритъ низков поклонѣніѣ съ благоговѣніемъ божественнымъ тайнамъ
глѣ : Еѣ пристѣпаю къ вѣсмертномъ царю : Іерій же подаѣ ѿмѣ св. хлѣбъ
глѣтъ : Чѣстнов, ѿ прѣск. ѿ причѣстов тѣло : Діаконъ оубѣ рекѣ : ѿмѣнѣ, дѣвшѣю
ѿмѣ прѣск. хлѣбъ рѣкѣ лѣзѣтъ ѿхѣдѣтъ вѣдѣтъ св. трапѣзы ѿ при-
клонъ главѣ молитѣ : тоже глѣ, еже ѿ Іеріѣ. Іерій же благоговѣно,
низко поклонѣтса, взѣмѣтъ двѣма перѣстѣи дѣсною рѣки, часть св.
хлѣба глѣ : Чѣстнов, ѿ прѣск. ѿ причѣстов тѣло. Іерій оубѣ съ прѣди, діаконъ
же съ задѣ св. Трапѣзы, лицѣмъ дрѣгѣ къ дрѣгѣ ставѣше на брѣзѣ еѣ рѣкѣ
дѣсною съ св. Хлѣбомъ положѣше къ Свѣтомѣ ѿже въ дѣсници, главѣ
преклонѣша молитѣ глѣща : Вѣрѣю Гдѣ ѿ ѿповѣдѣю : Владѣко чѣловѣколюбѣ
Гдѣ Іисѣсѣ : Мѣ ко приѣпѣлѣтса тѣѣ Бѡгови : Посѣмъ зрѣше на держимѣ
въ дѣсници Свѣтов глѣ : Чѣстнов, ѿ прѣск. ѿ причѣстов тѣло : Діаконъ же
тоже къ себѣ глѣтъ. Таже Іерій возвѣдѣ ѿ низко съ благоговѣ-
ніемъ поклонѣтса, ѿ подѣ брѣдѣ покрѣвѣтъ подложикѣ, ѿ взѣмѣтъ
ѿвѣма рѣкама св. Чашѣ, ѿ причащѣтса единощи точію ѿзѣ неѣ,
глѣ : Чѣстнѣа ѿ прѣск. ѿ причѣствѣа : ѿ дѣвѣ оубѣтѣ своѣ добрѣ ѿсѣмѣтъ
ѿ оубѣ ѿсѣвѣ глѣтъ : Еѣ прикоснѣтса оубѣтѣамъ моѣмъ : ѿ поклонѣтса ѿ благо-

говѣнно, призываетъ діакона гл҃а: Діаконъ пристѣпнѣ. И діаконъ пристѣпнѣ низко покланяется благоговѣнно единою гл҃а: Прости ми Бже: Іерей же приподѣл ѣмъ св. Чашѣ, гл҃еть: Честна и пресв. причиста крове: Діаконъ же причастится, гл҃еть: Яминь, и ѡсмоктавъ ѡстижѣ и ѡсѣмъ иссѣкъ и покровцемъ ѡтерѣ, Іерей же даѣтъ ѣмъ локзати св. Чашѣ, гл҃а: Сѣ прикоснѣса ѡстнамъ твоимъ: И посѣмъ ѡбѣе локзаетъ діаконъ Іереѣмъ къ дѣсню ланитѣ. Іерей гл҃еть къ немъ: Христѣсъ посрѣдѣ насѣ. Діаконъ же ѡвѣщавъ: Бѣтъ и ѣдетъ. Яшлѣи во дни скѣтлымъ недѣли въ того мѣсто гл҃еть Іерей: Христѣсъ воскресъ, діаконъ же ѡвѣщавъ: Воистинѣ воскресъ. Таже ѡбѣе на мѣсто свое поставилъ св. Чашѣ къ кѣпѣ съ діакономъ творита ѣ поклоненіѣ благоговѣнно, и приклонъша къ св. Тайнамъ главѣ своѣмъ, въ ѡмиленіи сѣрдца гл҃еть благодареніе сѣе: Благодаримъ теѣ Владыко:

По совершеніи же кнѣтрнаго Екащеннхъ причащеніѣмъ, Іерей перстми дѣсною рѣки ѡмѣтаетъ ко св. чашѣ кѣмъ поскащеніѣмъ части на дѣскокѣ ко причащенію людей ѡставленіѣмъ. Таже взѣмаетъ св. чашѣ, и ѡвращивъса ѣмъ къ людемъ, діаконъ глаголетъ величаво: Го страхомъ божимъ: И выѣдетъ причащеніе ѡбщое сицевымъ образомъ: Діаконъ стѣкшъ къ царскихъ дѣверѣхъ и ковгласивъшъ: Го страхомъ божимъ: Іерей взѣмъ ѡ него св. чашѣ, и стѣкъ самъ посрѣдѣ царскихъ дѣверей, ѡвѣма рѣкама благоговѣнно божественнѣю держитъ чашѣ, причастити же са хотѣшии пристѣпаютъ близъ и стѣкше чинно, глаголютъ вси прокожающѣ имъ Іерею: Бжею Господи и исповѣдью: По слончаніи же сѣхъ молитѣ, прихѣдитъ единъ по единомъ со кѣкимъ благоговѣнїемъ и страхомъ божимъ съ ѡмиленїемъ же, и аще мѣчно и со слезами, и кождо ихъ покланяется единому до землѣ, и ковденгса слагаетъ рѣцѣ крѣстаобразно къ персемъ, и локзаетъ прежде честный крѣстъ; поддержавши же великій покровецъ клирци подъ св. чашею подлагаютъ причастити са хотѣшемъ покровецъ подъ брѣдѣ, ѡнъ же ѡткѣрзѣ ѡста своѣмъ благолѣпно. И аще ѡсѣмъ имать, прежде скрѣтитѣ ѣ ѣже никакоже ѡмочити са имъ въ божественной кровѣ, и ѡчи горѣ зрѣ съ вѣрою и страхомъ прїемлетъ божественнѣмъ тайны ѡ рѣки Іерейскіѣ. Іерей же кождо причащѣмъ, гл҃еть: Честна и свѣтѣа и причиста: И ѡтираѣтъ ѣгѡ св. покровцемъ, ѡнъ же локзаетъ край св. чашѣ, Іерею глаголющъ: Сѣ прикоснѣса ѡстнамъ твоимъ: Причастникъ же покланяса съ благоговѣнїемъ низко ѡхѣднѣтъ, внѣтръ дѣши своѣмъ хвалѣ и благодарѣ Бже, ѡ толнїей благодати ѣже сподобисѣ.

Посѣмъ Іерей благословляетъ люди св. чашею, величаво гл҃а: Спасѣи Бже люди твоѣ: ѡбѣе же Іерей съ діакономъ обращаетъса къ св. Трапѣзѣ, держѣи же божественнѣмъ Тайны, полагаетъ св. чашѣ на св. трапѣзѣ на мѣсто свое на немъ же стоѣши прежде, и ѡба ѡбѣе низко со благоговѣнїемъ покланяетъса единому.

Нѣдомо же бѣди, ѡкѡ ѡце ѡставленіи выша части на св. дѣскоѣ прежде возношеніа, діаконъ ѡткрѣивъ св. чашѣ, ѡ со всѣмъ вниманіемъ взѣмъ св. дѣскоѣ надъ св. чашю, зѣло ѡпасно ѡ сохрѣнно ѡмѣтавъ всѣ крѣпца ко св. чашѣ, влѣднѣи да ничтѣже ѡнѣдѣ ѡстанѣтъ на св. дѣскоѣ, ниже падѣтъ нигдѣже. Поче же низпала бѣдѣтъ на антимискѣ ѡ св. крѣпца часть нѣкла, согладивъ ѡпаснѣ, ѡмѣтавъ ю на св. дѣскоѣ, со св. дѣскоѣ къ св. чашѣ. Бегдѣ оѣко, бѣдѣ сѣжитъ Іерей, ѡнѣ діаконъ снѣе ткѣрнѣтъ, влѣднѣи ничтѣже ѡ св. крѣпца на антимискѣ ѡстанѣтъ никогдаже, ѡбѣе же соткрѣивъ, покрывѣтъ покрѣцемъ св. чашѣ, на св. же дѣскоѣ звѣздѣ, покрѣвѣтъ ѡнѣръ положивъ ѡстѣпнѣтъ ѡ взѣмъ каднѣицѣ съ днѣиомѣ подаѣтъ Іереею лѣвѣмъ дѣснѣцѣ бѣгѣ: Іерей же каднѣтъ св. трижди, покланѣвѣмъ низко, ѡ глаголѣ тихѣ: Вознесѣса на нексѣ бѣе: Посѣмъ же приближнѣса діаконѣ, глаголѣтъ къ Іереею: Бѣнѣ бѣко. Іерей же взѣмъ св. дѣскоѣ, возлагѣтъ ѡ на глакѣ бѣгѣ глаголѣ тихѣ: Бѣвенѣ Бѣгѣ нашѣ: діаконъ же взѣмъ ѡ съ благоговѣніемъ ѡ обратѣмъ къ дѣснамъ своѣмъ къ двѣремъ, ничтѣже глаголѣ, ѡхѣднѣтъ къ жертѣннѣи ѡ полагаѣтъ ѡ на нѣмъ: Іерей же покланѣса низко разѣ, взѣмѣтъ ѡбѣма рѣкамъ св. потнѣръ ѡ прѣмо своѣго лицѣ поднѣсѣ ѡбращѣветѣса къ двѣремъ, зрѣ на люди, ѡ глаголѣтъ кѣлгласнѣ: Бегдѣ нѣнѣ ѡ прнѣнѣ:

И нѣшедѣ діаконъ ѡ стѣвъ на ѡбычномъ мѣстѣ, глаголѣтъ: Прѣстѣ прѣвѣмѣ: И шѣдѣ діаконъ стѣвъ прѣдѣ образѣмъ Спасѣвымъ зрѣ къ бѣжѣрѣ прѣклѣнѣ глакѣ съ бѣрѣмъ, ничтѣже глаголѣ съ благоговѣніемъ стѣнѣ ѡнѣдѣа скончанѣа молнѣкѣ. Іерей же нѣшедѣ нѣзъ Олтарѣ нѣдѣтъ ѡ дѣснѣмъ своѣмъ стѣрѣнѣ за нѣмѣнѣ ѡ стѣвъ за нѣкѣномъ, глаголѣтъ снѣю молнѣкѣ кѣлгласнѣ: Бѣвалѣаи Благѣсловѣннѣа: Анѣкѣ: ямнѣ. Тѣже: бѣдѣи нѣмѣ гѣнѣ ѡ нѣ ѡлѣомъ ѡг. Бѣвалѣ гѣа: Іерей оѣко вшѣдѣ св. двѣрѣи ко св. олтарѣ прѣклѣнѣ глакѣ глаголѣтъ молнѣкѣ снѣю: Молнѣва внѣгда потрѣкнѣи скѣтаж: Исполнѣнѣе законѣа:

Діаконъ же кшѣа съ бѣжѣрнѣи двѣрѣи потрѣблѣтъ св. со стѣрѣомъ ѡ со всѣмъ ѡпаснѣомъ, ѡкѡ ничѣсомъже ѡ ѡ дроѣнѣннѣхъ ѡнѣсти, ѡнѣ ѡстѣнѣса крѣпца; влѣкѣ ко св. чашѣ ѡ винѣ ѡ водѣ, потрѣвнѣтъ, ѡнѣтѣрѣ сѣдарѣмъ бѣлымъ слагѣтъ св. соѣдѣ въ кѣпѣ ѡ поставлѣтъ ѡ на ѡбычномъ мѣстѣ, глаголѣ: Нѣнѣ ѡнѣнѣннѣ: ѡкоже Іерей, ѡ ѡмыкѣтъ рѣцѣ на ѡбычномъ мѣстѣ. Іерей же нѣшедѣ даѣтъ людемъ нѣнтѣдорѣ. По скончаннѣю же ѡлѣа, ѡ раздѣаннѣи нѣнтѣдорѣ стѣвъ въ Царскнѣхъ двѣрѣхъ глаголѣтъ: Благѣсловѣннѣе гѣнѣ: И бѣвѣтъ сокрѣшннѣи ѡнѣстѣ.

Анѣкѣ оѣкѣ многѣктѣтѣвѣтъ корѣа, прѣхѣрѣа, ѡнѣже по врѣмнѣи потрѣбно бѣдѣтъ. Іерей же кшѣдѣ къ св. Олтарѣ совлѣчнѣтъса св. ѡдѣждѣ глаголѣ: Нѣнѣ ѡнѣнѣннѣ: Трѣкѣтѣе: ѡ пѣ Отѣчъ нашѣ: Трѣпѣрѣ

ГЛ: Н. Оустъ твоихъ: Слава: Кондакъ: гл. 5. Под: Ёже ѿ насъ: Отъ насъ прїама ёси: И нѣтъ: Богородичень, подобень тоже: Застѣнице Христїанства: Или аще хоцши, рци днѣи, или се: О тѣбѣ рабуетса шерадованна. Таже: Гди помилуй нѣ. Слава: И нѣтъ: Чистѣйшю хрѣвнѣмъ: И тѣбрить шпѣсть. Поклонѣжса и благодаривъ Ёга за всѣ исхѣдитъ.

Конецъ Божественна Литургіа св. Іванна Златоустаго.

Въ семъ уставѣ Литургіа упоминается лишь на одномъ мѣстци о замыканью царскихъ вратъ, и не говорится подробно, коли тѣже замыкати а коли отворати. И истинно имянное указанье на каждомъ мѣстци, що чинити належить, причинялобъ ся много къ ясности и не довелобъ може было до недѣлицъ обрловыхъ, на якіи съ сожалѣньемъ ннѣ давитися мы принуждены. Впрочемъ зъ початку Литургіаріона нашего встрѣчаемъ примѣчанье, которое досытъ ясно указуе, коли замыкати а коли отворати царски врата належитъ*). Вотъ оно примѣчаніе дословно:

Бѣсно бѣди, ѣкѡ св. крата никогдаже ѡвѣрзаетса, токмо
 а) къ началѣ великіа вечерня не бѣнїи, ёгда кадитъ токмо Іерей;
 б) на кхѣды всѣ, си ёсть вечернїи, и на кхѣды свѣтагѡ Ёкѡнгѣліа на Литургіи;

у) ѡ ёже „Пристѣпите,“ даже до исполнѣнїа Божественна Литургіи.

БИБЛИОГРАФІЯ

Галицко-русская съ 1772 — 1848 года.

Съ сорокъ восьмимъ годомъ началась новая эпоха въ развитїи галицко-русской письменности. Наступившіи событія вдохнули въ народъ русскїй новую жизнь, ободрили прежнихъ писателей и возвали еще больше новыхъ подвижниковъ на поприще литературы, одушевленныхъ ревностію къ просвѣщенію и образованію своего отъ долголѣтнаго ига освобожденного народа. Съ той поры появилось въ одномъ году больше сочиненїй, чѣмъ прежде печатане было въ продолженїи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Насталъ новый бытъ, новые усилїя и стремленїа. Давная письменность забыта до того, что многїа думаютъ, будто бы у насъ до рокового 1848 года не было ніякого движенїа въ словесности, а одинъ изъ нашихъ писателей на правду утверждалъ, будто бы въ слѣдствїе различныхъ обстоятельствъ случился у насъ такий застой,

*) Не отъ рачи было бы тутъ упомянути, що въ церкви св. Гарвары въ Вади до 1848 г. затворилиса царскїи врата, и только по сѣмѡ управному приказу тогдашного настоятеля отмененъ тотъ давнїи обичай съ не малымъ соблюномъ варныхъ.

что въ продолженіи цѣлыхъ 25 лѣтъ не издана была ни одна и малѣйшая брошюра руская въ Галиціи*). Однакоже такъ худо не было. — Наша словено-руская литературная дѣятельность, имѣючи начало и источникъ свой въ старинной письменности южной Руси, тагнулась непрегторженнымъ пасмомъ съ 1772 по 1848-ый годъ, удерживая и подъ австрійскимъ владѣніемъ историческое право употребленія руского слова и письма въ церкви, въ школахъ и въ литературѣ. Въ доказательство тому хотимъ представить по возможности полную библиографію всѣхъ съ 1772 года до 1848 г. въ Австріи (преимущественно въ Галиціи) вышедшихъ словяно-русскихъ книжочекъ и брошюръ, съ выставленіемъ пробочъ языка важнѣйшихъ сочиненій**). Изданія наши печатаны послѣ 1848 года больше извѣстны, чѣмъ прежніи первенцы словесности. О тѣхъ извѣщали газеты и другіи часописи, а въ 1862. году напечаталъ г-нъ Владимиръ Измайловичъ Межовъ довольно полный „Указатель Галицко-русской литературы“ въ Основѣ (м. Іюль) и въ особомъ оттиску въ С. Петербургѣ. — Перечень изданій нашей письменности важнѣйшій для насъ, якъ можетъ кому здаться. Мы убѣждаемся, что при всемъ равнодушіи къ народности руской въ высшихъ слояхъ общества старались одинокии рускии люде языкъ рускій где можно было хотя и самыхъ первоначальныхъ сельскихъ въ школахъ завести. Въ важнѣйшихъ случаяхъ отзывались святители наши хотя и рѣдко къ народу и подчиненному собѣ духовенству роднымъ словомъ. Изъ давнего дѣлопроизводства руского въ нашихъ консисторіяхъ осталась еще ставленная грамота на рускомъ языкѣ. По временамъ издавались одинокии проповѣди и цѣлыи собранія ихъ въ свѣдѣтельство, что въ церквахъ нашихъ руская бесѣда никогда не умолкала. При достопримѣчательныхъ горжествахъ и въ почтеніе знаменитымъ лицамъ появлялися время отъ времени больше или меньше удачныи стихотворныи изліянія чувствъ радости или скорби именемъ народа произнесенныи. Не рѣдко были то первыи покушенія въ родномъ языкѣ, позднѣйшихъ нашихъ писателей. Въ мѣлкихъ тѣхъ проповѣдяхъ слова объявляющихъ народню мысль связуется нерозрывнымъ союзомъ наше прошедшее съ настоящимъ подаючи залогъ будущности. Межъ ними сугъ поетическіи и прозаическіи сочиненія, суть назидательныи, поучительныи и практически учебныи книжки — словомъ — во всемъ сдѣлали опыты удовлетворяючи всѣмъ главнѣйшимъ потребностямъ общества руского. Ровнымъ образомъ важнѣйшій бы былъ полный списокъ библиографическій въ отношеніи языка, видовъ

*) Юсифъ Левицкій въ своей статьѣ: Судьба Галицко-русского языка и литературы, въ Дневникѣ П. Дубровского изд. въ Варшавѣ 1843. года, мѣс. Мартъ и Апрель и въ Jahrbücher der slav. Literatur v. Jordan. Leipzig 1844. 5 und 6 Hft. Das Schicksal der galizisch-russischen Sprache und Literatur.

***) По причинѣ поспѣшнаго печатанія не можемъ на сей разъ привести выписокъ.

граматическихъ и правописанія. Мы примѣняемъ въ сихъ произведеніяхъ родной словесности издаваемыхъ во Львовѣ, Перемышляхъ, Вѣднѣ, Буднѣ или Черновцахъ безпрестанныи боренія съ формою. Всѣ отгѣнки отъ тяжелаго церковно-словенскаго слога до шаткаго неопредѣленнаго мѣстнаго просторѣчья отбиваются въ нихъ якъ въ зеркалѣ. Тутъ очевидно представляются стремленія разныхъ писателей, иногда видно недостаточное знаніе рускаго языка, увлеченіе теоріями или страсть къ нововведеніямъ, которыя показались несбыточными въ практицѣ, не удержались въ письмѣ и неповторены никѣмъ. Тутъ увидимъ, якъ языкъ книжный рускій образовался безъ школьнаго обученія, прибиралъ все больше постоянный, опредѣленный видъ. Нынѣшніи писатели наши нашли бы въ такомъ обзорѣннѣ знаменательныи точки для соображенія, подѣлили бы иногда образцы въ послѣдованію, но больше предостереженій отъ недостатковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что перечень всей нашей литературной дѣятельности былъ бы важный и полезный. Однакоже трудно самому одному исполнить задачу тую, понеже ни въ одной изъ библіотекъ нашихъ ни частныхъ ни публичныхъ не находимъ полнаго собранія всѣхъ книжочекъ, брошюръ или летучихъ листковъ издаваемыхъ у насъ на славяно-рускомъ языкѣ. Сего ради и настоящій опытъ библіографіи не совершенный. Просимъ для того почтенныхъ родимцевъ о благосклонномъ сообщеніи всякихъ рѣдкихъ книжочекъ и брошюръ въ славянскомъ или рускомъ языкахъ изданныхъ, или хотя библіографическое извѣстіе о нихъ, чтобы мы пополняя нынѣшній трудъ, могли его привести къ желаемому совершенству.

Я. О. Головацкій.

1762-1779. Оустави сирѣчь Артікулди Братскіи (для церковныхъ братствъ при церквахъ приходскихъ, которыи предписалъ) Яданасій на Шептицахъ Шептицкій Єпіпъ Перемискій, Самборскій и Єаноцкій. (безъ выраженія года и мѣста печати) въ листъ, 8. стр. не помѣченныхъ. Содержить: А. Благословеніе Єпіпа, и Оуставы братства къ 10. артикулахъ. Б. Арт. а. О пріятіи къ союзъ братскомъ. в. О совѣтованіяхъ. г. О казнѣннѣи братіи скаранихъ. д. О повинности братіи къ службѣ Бжой. е. О вспоможеніи братіи оубогихъ. ж. О избраніи братіи старшихъ. з. О секретници братскомъ. и. О погриваніи братіи оуспошнихъ. љ. О ѡказахъ сѣнникови и братства. і. О рѣстрахъ братскихъ.

1772. Апостоли сѣвсть книга новаго завѣта содержащая въ сѣбѣ дѣланія и посланія стѣхъ Апоствалъ по древнему стѣмъ правосл. восточнымъ цѣрккѣ оуставъ ко оупотребленія чтеній на прѣвнѣхъ цѣрккныхъ расположенна при храмѣ. Оусп. Прѣмъ Кѣмъ

ко Лѣвоѣ къ тѣмъ. Ствар. совершенно издадеа къ лѣто ѿ Сотв. міра яси ѿ коплещіиѣмъ Бѣа Слова лѣшовъ. (ѿ листъ) 12 и 258 листовъ.

1773 — 1777. Слѣжба за царя и люди во время врани. (на славянскомъ и латинскомъ языкахъ) во Лѣвоѣ тѣмъ. Стѣкроп. (1773 — 1777). въ листъ 8 стр.

1779. Яданасія съ Шептичь Шептицкаго и Самборскаго созваніе протопресвитеровъ на ежегодовый соборъ генеральный протопресвѣтерскій въ Калакъ. (Безъ выраженія года и мѣста печати на отвѣстномъ полулистѣ).

1780 — 1785. Маѣиміліана Рилла, Еписѣпа Хѣлмскаго и Белзскаго адм. епархіи Перем. наданье оустава Братскаго. Притисловъ къ. въ листъ 4 стр. безъ выраженія года и мѣста печати.

1780. Лейтѣргіконъ сіестъ слѣжѣнникъ содерѣиць къ себѣ по чинъ стѣмъ восточнымъ цѣрккѣ лѣтѣргіи. иже во стѣхъ оцѣхъ нашихъ Іѡанна Злат. Касіліа Кел. Грѣгоріа Двоуслова папы Рим. со кѣмъ слѣжбамъ недѣльнымъ и праздничнымъ при цѣрккѣ храма Оусп. преск. Блнцы нашихъ Бѣы, второе тѣпомъ изданъ къ Лѣвоѣ року Божіа лѣш. новембр. 4 (въ листъ.) 3 и 177 листовъ.

1786. Овцихъ и вестѣвѣнныхъ Подчїниі хрїстіанскаго богочестіа Часть первая, первой части книжици на чтїніе для народныхъ оучилищъ, ко оупотрївлїнію Рѣскимъ оучилищамъ въ цѣсарекролевекскихъ областехъ. (на оборотѣ) ѿ. Малая книжица на чтїніе для оучащихся въ народныхъ оучилищахъ въ ц. к. областехъ. Часть первая Навъкъ ѿ богочестїи къ Лѣвоѣ тѣпомъ братства храма Оуспїніа преск. Бѣы року Божіа лѣш. с. (на стр. 33. опять заглавіе). Собраніе великаго катехїзма безъ питанїи, съ доводащими словесы писма стѣаго. Часть вторая книга до читанїа для школъ народныхъ. (8) стр. въ обоихъ частяхъ 250.

1790. Бѣкваръ языка славенскаго чтїніа и писанїа оучащима, къ полезное оубожеденїе тѣпомъ изданъ при храмѣ Оуспїніа прѣтѣмъ Бѣы въ бѣгоспасїаеомъ градѣ Лѣвоѣ. Року Божіа лѣш. мѣа Октоврїа 4 днѣ. (8) 104. стр.

1790. Матѣа Данненмѣгра Богословїа. Дра и Істор. Цѣрк. къ Оуниѣ. Бїндѣв. Проф. публ. орд. Наставленїа Істор. Цѣркѣи н. з. лат. изд. Огодоромъ же Захарїасѣвичомъ Істор. Цѣркѣи. къ Оуниѣ. Лѣвоѣ къ Рѣскомъ языцѣ проф. публ. пресент. Лѣвоѣ. дїц. на Рѣскїи языкъ переведеннаа. Во Лѣвоѣ къ тѣмъ. цѣрккѣ храма Оусп. пр. Бѣы Стѣвропѣгїи лѣта лѣш. (8) Часть первая 10 и 676 стр.

Часть вторая 4 и 676 стр.

1790. Часословъ малый (8) Лѣвоѣ.

1790. Христіана Бадмейстера слакнхъ Герлицкихъ оґчи-
лищъ оґправителя Наставленія люкомъдріа правосчитѣл-
наго, содержаща люкомъдріе практическое, ксеюшїе право встѣт-
вннов, идікс и політикъ съ латинскаго на російскій языкъ переведѣна
ѡ Петра Лодіа, къ оґникерсентетк Лвовскомъ люкомъдріа оґмозрительнаго
и дѣйствителнаго ксареву царскаго народнаго профессора. Въ Лвовѣ
твномъ цркви храма Прев. Бѣы Ставропигїи Лкта лшїї. (8) 14 и 438.
стр. *Посвящено: Его Превосходительства Высокопріосвященнѣйшиму*
Господиу Андрію Бачинскому епис МѢнкачєкскому св. Ап. Петра
ѡ Таполцы Авкѣ в. к. корол. Величества ввстроному сана совѣтнику.

1793. Катакасіа безъ нотъ Лвовъ 1793 (12).

1793. Мартурологіонъ. Лвовъ 1793. (4)

1794. Зборникъ илїи паче нѣкоторыхъ на всѣкъ днѣ потреб-
ныхъ молїиї собранїе, мїрскимъ и дѣховнымъ къ оґгодишнїмъ
оґпотребленїю прилїчнїи Напечатася къ Тип. Лвовской при цркви Оусп.
Прев. Бѣы року кожїа лшїїд (32) (св мѣслїесловомъ) 240 листкова.

1794. Зворникъ. и проч. таїїже безъ мѣслїеслова. Тамже 1794
(32.) 102. листки.

1795. Чинъ моленїї во время Іовїаеа на мѣстѣхъ на сїѣ
ѡпредѣленнхъ (во Львовѣ напеч. къ тип. Ставроп.) 1795? (въ мѣстѣ
4 стр.

1796. Чинъ поставленїа Епископа Прѣвѣщеннымъ Его
мѣтїю Гднѡмъ Петромъ Бїлланскимъ Епис. Лвовскимъ, Галїцкимъ
и каменцкимъ Его Імп. королевскому и Ап. Вели. дѣйств. тайн. Ста-
нїеѣ Совѣтникомъ, вдовствующа впархїи Перемїскїа, Самб. и Са-
ноцкїа Генералнимъ Адмѣнїстр. властїю мѣтрополїтальною делегован-
нимъ свѣтителемъ и Пріосв. Его мѣтї Г-лми Іаковомъ ТѢманокїномъ
лїппомъ Арменскимъ Лвовскимъ и Порфїріемъ Скарбкомъ Бажинскимъ
Епискомъ хѣлмскимъ и Белзскимъ сръкопалагателями оґпотребленъ въ
посвященїи Пріосв. Его мѣтї Антонїа Ангелокїча, Еписпа Перемьскаго,
Самб. и Сан. въ цркен столїчной стаго великомѣч. Георгїа Лвов-
ской мѣца Февр. днѣ 7. року кожїа лшїїчз вѣбпоспѣшнїи совершен-
номъ. (Безъ выраж. мѣст. и года печ.) безъ сожн. во Львовѣ т. Ставр. 1796.
(въ листѣ) 8 стр. иепомѣченъ.

1808. Шалтырь вѣннаго пророка и Царя Давїда съ
пѣсньми и шѣлмы извѣранными на праздники Гдскїи съ параклисомъ
и Пасхалїею, помощїю Бжїею и тшанїемъ Надстоителїи цркви Ставр.
Лвовскїа советвннхъ Царскимъ благоволенїемъ заширеннаго на-
печатася. Во Лвовѣ при храмѣ Оусп. Кжїа Мѣро Року Бжїа лшїїи,
(4) 6 и 235 листова.

1808. Євѣжевикъ малый Львовъ 1808 (къ л.)

1814. Тупикъ Львовъ. 1814 (8).

1815. Надка хрїстіанскаѣ по рѣдѣ катихїзма нормалнаго къ ползкѣ дѣтей парафіалныхъ за каѣвнїемъ С. пр. курь Міхайла Левѣцкаго Єпископа Премыскаго, Гамбюрок. и Ганоцк. составленнаѣ, тѣпомъ изобразеннаѣ. Въ Бѣдинѣ градѣ писмени кралѣв. ксїєчилнща Пшанскаго 1815. рокъ (8) 8 и 166. стр. *Содержитъ (1-11) катихїзисъ для наименишихъ дѣтей и (15) большой катихїзисъ.*

1816. Ърмологіонъ содержашъ въ себѣ различнаѣ пѣніѣ црквицнаѣ Октоуха, Минїи и Трїодїонокъ къ совершінномъ тѣхъ развѣжнїю и согласїю ѣже къ пѣніи сличнїишамъ, ѡпачи по вѣдѣмплѣремъ грѣцескимъ исправленнаѣ, помощїю божіею, тїранїемъ же и ѡжидкїніемъ братства цркви Стакропигїалнаѣ Льковскїѣ, прилѣжнїке по новонапечатнымъ книгамъ црквицнымъ исправленъ и тѣпомъ изданъ. Въ Льковѣ въ тѣпогр. кншшѣ рѣчиннаго братства Лѣта ѡ Рождества Хѣа лавшї (въ листѣ) 10 и 213 листовъ.

1816. Осмогласникъ изъ великаго Ърмологіона извѣтнїи оудовнѣишаго рѣдїи оучащихса оупотребленїѣ, въ немже Догматы, Степїна, Ърмосѣ воскресны и великимъ праздникомъ Гѣдеснѣ и Ъгроднїч. таже подобны осми гласѣвъ и ѡнаѣ благопотребнаѣ црковнаѣ пѣніѣ содержатса и напечатасѣ. Въ Льковѣ тѣп. крат. цркви оусп. Пр. Бїцы лѣта ѡ Рѣствѣ Хвѣ. лавшї. (4) 12 и 152 листовъ.

1816. Бѣкварь славено-рѣскаго ѡзыка за благословенїемъ и повелѣнїемъ С. Пр. курь Міхайла Левѣцкаго Єпископа Львовскаго Митрополита Галицк. Єпископа Каменїцкаго, Пермскаго (sic) Гамб. Ганоцк. къ повчїнію посполитаго юношества къ школахъ парафіалныхъ изданъ. Въ Бѣдинѣ градѣ, Писмени кралѣвск. Оуниверсітѣта Пшанскаго 1816. (8) 64 стр.

1817. Повїнности подданныхъ къ нѣхъ монарствѣ во оупотребленїѣ оучилищъ парафіалныхъ. Въ Льковѣ писмени Іосифа Пїллера кс. крал. гвѣборн. тѣпографа 1817 года. (8) 46 стр.

1817. Катехизисъ малый для оучилищъ парафіалныхъ. Во Льковѣ писм. Іосифа Пїллера 1817 года. (8) 48 стр.

1817. Правїла школнаѣ для оучилищъ парафіалныхъ къ дїецїи Перемыской. Во Льковѣ писмени Іосифа Пїллера 1817. года (8) 15 стр.

Правїла школнаѣ для оучилищъ парафіалныхъ (на отвѣртомъ листѣ, безъ выраженїѣ года и мѣста печати, предположит. напечатано. Во Львовѣ оу І. Пиллера 1817.) *Содержанїе*, I. Ѡ захѡванїемъ предъ школою II. Ѡ захѡк. въ школѣ. III. Ѡ захѡк. въ цркви. IV. Ѡ захѡв. кромѣ цркви и школы.

1818. Чѣства чадъ Галицкихъ рѣскихъ въ день торжественнаго возшествія на престолъ Митрополита Галицкой сирѣчь въ день дѣ мѣся лавны года Гро Пр. куръ Мѣхана Левѣцкаго Митрополита Галицк. Явѣа Львовск. вѣпа Камѣцк. С. Цес. крол. Яп. кѣл. дѣйств. тайн. сов. досѣлѣ вѣпа Премѣск. Самб. и Глоцк. вышшаго, чрезъ предстоѣтелей народа рѣскаго и ктиторовъ цѣркве Станропигіанскія Львовскія въ засвидѣтельствованіе достоѣйнаго гласочайшаго почтѣнія ѡкровенна. Въ Львѣкъ къ тупогу. Станропигіанской (4) (12 стр. не отмѣченыхъ.)

1819. Бѣкваръ славенорѣскаго языка, за благосл. и повелѣніемъ Гро Пр. куръ Мѣхана Левѣцкаго Явѣа Львовск. Митроп. Гал. Сѣпа Камѣцк. Гро кес. крол. Кѣлнч. дѣйст. тайнаго совѣтника къ наставаінію юности на въ школахъ парафіалныхъ. Кторов изданіе. Въ Львѣкъ тупомъ Іѡсифа Шалара к. к. тупографа 1819. (8) 64 стр. Первое изд. (8) 48 стр. 1817.) *Содержаніе. азбука церковная и слоги, (4) польское абецадло и слоги, (6) продолженіе русскихъ слоговъ (8—9) польскія упражненія и великое прописное абецадло, (11) русскія упражненія въ чтеніи, (32) Перѣстороги дѣтѣмъ, (34) Навки дѣтѣмъ съ писма св. — Молитвы, (38) главнѣйшаа правила ѡрдогеніи просодіи, (42) Глози словесъ подъ тѣтлами, (43) Числа, едишь кратъ едишь, (49) Swięzenia w czytaniu polskiem*

1819. Бѣкваръ языка славенскаго чтеніа оучающимъ въ полѣзнов рѣководеніе, къ нѣмже молитвы, славеніе до Гласжеъ Бжїа и ѣныа правды кѣры кадеблнч. отрочати хрістіанскомъ благопотребныа ѡвертлуются, тупомъ изданъ тѣпаніемъ Предстоѣтелей Народа Рѣскаго и ктиторовъ цѣркве Станропигіанскія Храма Оусп. Пресв. Бѣы. Въ Львѣкъ року Бжїа лавды мѣца Новавріа дна гї. (8) 88 стр.

1822. Оучающимъ младенчествомъ народа словено-рѣскаго жертвуетъ сондатѣль І. А. (Іосифъ Левичій). Напечатано въ Кѣнѣ оу Ормановѣ. (8) стор. *Содержитъ три стишки: одинъ безъ заглавія, 2. Домоволіе проклатыхъ, 3. Правило житїа.*

1825. Молитвословъ кѣи ноцноднѣкное послѣдованіе, Іеріемъ мѣрскимъ и ѣнокомъ же прислаждающев, съ тронарами и кондаками трѣодѣйными, предпразднествій, праздникевъ и изащнѣйшихъ стѣхъ, съ приложеніемъ на кїждо день Рѣмскаго календара стѣхъ, восхода же и захода солнѣчнаго на весь годъ тупомъ изданъ. Въ Львѣкъ къ тупогу. Інст. Ставр. при Ц. Оу. Пр. Б. року Божїа лавкв. (16) 4. и 273. листки.

1826. Молитвы для отрочатїи. Львовъ 1826 (8).

1826 Чынъ молѣній во время Іовілея на мѣстѣхъ на сіе
впередѣленныхъ (во Львовѣ въ тип. Ставр. 1826 ?) (въ листѣ) 4 ст.

1827. Букварь языка славяно-русскаго Львовъ 1827. (8)

1830. Богъ ода Державина. Львовъ 1830. (8)

1830. Прирѣчный Словарь Славяно-польскій или собраніе не-
здѣбъ разумѣтельныхъ шектающихся, въ книгахъ церковныхъ на
языкъ польскій толкованныхъ. Лвигорода тупомъ и иждивеніемъ Ін-
ститута Ставроп. 1830. (8) 8 и 147 стр.

1830. Рѣка Дамаскіна изъ тьмы завѣнія изъята съ 16
литогр. изображеніями. Львовъ Тупомъ Инст. Ставроп. 1830. (8)

1831. Умно народный съ музыкою на семи языкахъ т. е.
нѣмецкомъ, славяно-русскомъ, польскомъ, чешскомъ, оугорскомъ, ита-
ліанскомъ и латинскомъ. Львовъ тупомъ Инст. Ставроп. 1831. (16)
(печаталось только 200 экз.).

1831. Молитвенникъ, содержащій благопотребныя моленія,
краткій катихизисъ и главныя воинскаго поведенія правила, ко стану
и званію благовѣрныхъ Славяно-русскіхъ или греко-католическіхъ Ав-
стрійской арміи воиновъ приспособленнымъ. І. Ф. (Фогороши) гр. оун. па-
роухъ въ Виеннѣ. Тиеннъ во Бѣдинѣ зашла 1831 (12) 102 стр. Содер-
житъ: Глава 1. азбука церковная и молитвы оутреннія и при. бо-
жественной службы или літургін, (стр. 17) Чинъ ск. поканія, изглад
или испыт совѣсти, молитвы предъ и по испокѣданіи, ко чае коины,
по койнѣ исраженіи, и т. д. (53) гл. 2. краткій катихизисъ, (стр. 92)
гл. 3. Главныя хрістіанскаго воина обязанности, ко Богу, ксарю
и началникомъ, ко товаришамъ, ко дѣламъ службы, и ко самому
себѣ.

1831. Церковныя Бесѣды на всѣ недѣли рока на повчѣніе
народное, къ церкви парохіальной Оунгварской казаны Михайломъ
Лучкай, парохомъ и намѣстникомъ Оунгварскимъ Его царск. Высоч.
Карла Лдовика ѿ Бурбон Инфанта Испанск. и воеводы Лучанскаго
придворнымъ архіпресвѣтеромъ. В Бѣдинѣ тупомъ кр. Вегсч. Пеш-
танскаго 1831. (8) Часть первая XII и 337. Часть вторая 308 стр.

1832. Собраніе различныхъ молитвъ ко употребленію оучи-
щагося юношества (съ дозволѣніемъ практическствующихъ) Въ Бѣ-
динѣ градѣ печат. писемны крал. ввсч. Оунгарск. 1832 (8) 24 стр.
по одной сторонѣ отъмеченыхъ.

1833. Азбука великая (на отвертомъ листѣ) Львовъ тупомъ
Инст. Ставроп. 1833 (?)

1833. Прескомидія (на отв. листѣ). Львовъ Тупомъ инст. Ставр.
1833 (?)

1833. Молитвы по св. причащеніи, (на отв. листъ) Львовъ Тупомъ инст. Ставроп. 1833 (?)

1833. Тупікъ сіѣсть оубавъ недѣламъ іаже по всѣхъ стѣхъ даже до нѣди ѿ Митаріи и Фаріси. Присовокупляютьжеа столпы Бѣгій оѣтрини, недѣланыхъ, такожде прокімени воскр. літѣргійнымъ съ аллилуіарами, подобнѣ и днѣвнымъ прокімина на свѣта наршчитымъ, два такожде стѣмъ мѣнцы. Въ Львовѣ Туп. Инст. Ставр. при цѣрк. Оусп. Пр. Бѣцы Р. Бжїа лавлг. (8) 82 л.

1833. Надка христіанская по радѣ катихізма нормалнаго къ ползѣ дѣтїи парафіалныхъ и пр. въ Перемышан 1833 (8).

1834. Канѡнъ воскрѣснїи илїи послѣдованіе во стѣзю и великю Надѣлю Пасхи. Въ Львовѣ Туп. Инст. Ставр. при цѣрквн Оусп. Пр. Бѣцы лавлд (8) 40 стр.

1834. Пѣсни навѣжныа изъ Богогласника Почаевскаго передрѣкованныа. Въ Перемышан къ дръкарни Бїекопеской при сов. храмѣ рожд. св. Іоанна Крїст. и Предтечи. 1834 (8) 136 стр.

1834. Молитвы для отрочатїи Львовъ. 1834. (8)

1835. Осмогласникъ подъ ноты. Львовъ 1835.

1835. Голосъ Галичанъ къ прїсвѣтлїи прїрадѣстнїи вѣ. днѣ рождѣства Бгѡ Императорскагѡ Величества Франца І. Цѣсара Австрїйскаго короля и хъ наймилостившагѡ. Въ Книгородѣ тупомъ Инстит. Ставроп. 1835. (8) стр. 3. (Первое сочиненіе Маркіана Шашкевича.)

1835. Печалное слово чїстїтѣйшимъ и Бисоко-прїподѣбнымъ Господїномъ Грїгорїемъ Шхїмокичїемъ, вогословіа оѣчителемъ (докторомъ), благочїстїа лювоудрствєннаго при всѣчїлици (Оунїверситѣтѣ) Львовскомъ наставїтелемъ всенарѣднымъ (публичнымъ), таже при здѣшнїи грїческагѡ исповѣданїа совдїненнаго цѣрквн собѣорной крїлошаниномъ почѣтнїмъ, 18. днѣ мѣсца Мѣрта 1835 гѣда, іако въ днѣ печалнагѡ благоговѣнїа ѿ дѣши оѣпокобнїи Бгѡ Величества Францѣшка І. Кїсара Австрїйскаго, всѣчїлишемъ выше поманѣтымъ совершаемагѡ, кѣшанное Стефаномъ же Бїемашемъ изъ лѣзыка нѣмецкаго на рѣскїи, къ вѣчнои пѣматїи ѿ влажїннѡ оѣсопшамъ, за своа землѣны перїкѣдїннов. Въ Львградѣ, печатїю заведїнїа Ставропнгїйскагѡ 1835. (8) 16. стр.

1835. Образцы чїстописанїа издани Іаковомъ Нероновичемъ. Львовъ лт. у Пиллера 1835. (7 листковъ прописей рускихъ)

1835. Печалнаа чѣвствїа Львовскаго высѣкагѡ оѣчилица ѿ смїрти Бгѡ Величества Францѣшка І. Кїсара Австрїйскаго. (Стефанъ Бїемашъ прїводчїи). Львовъ Печатанїемъ и иждивенїемъ заведїнїа Ставропнгїйскаго (4) 4. стр.

1836. *Слезѣ на гробѣ Его Высокаго препода. и Всечестнаго Господина Михаила Барона от Нейштернъ Гарасевича Прхипресвѣтера Крылоса Митрополитаго Львгородскаго обр. гр. кад., командора орд. Леополда, доктора и вышшаго оучителя св. Богосл. к. к. комисаря публ. пописовъ въ Оунив. Львгородскомъ, конс. Митр. обр. гр. к. совѣтника и проч. въ память вѣчною великодѣшию Его Питомцами генералнаго Семінаріѣмъ Львгородск. издавна. В Львградѣ печат. заведеніѣ Ставропигійскаго 1836. (4) 4 стр. (соч. Н. Устіановичемъ.)*

1836. *Отзѣвъ жалю изъ Бѣдна по смѣрти настѣпнѣшей днѣ 29. цвѣтна 1836 Его Выс. препода. и ксѣч. Г. Михаила бар. де Нейстернъ Гарасевича Дра. св. Богосл. Прхипр. крылоса Митропол. Львовск. об. гр. кад. командора орд. Леополда, Члена становъ краевыхъ, бывшаго оучителя св. Богосл., к. к. комисаря публичныхъ пописовъ въ Оунивер. Львов. евоже дѣйствительнаго члена, конспет. Митр. обр. гр. кад. совѣтника и пр. произведенъ питомцами ц. к. кенѣкта такъ Прхидѣвцезіи Львовскон шко и дѣвцезіи Перемышльскон обр. гр. кад. Бѣ Бѣдню, печатано въ тип. конгр. ОО. Мехитарпствоу 1863. (8) 8. стр. непомъченныхъ.*

1836. *Умнѣ народный (съ нотами) переведенъ изъ нѣмецкаго Стефаномъ Сіемашемъ. Въ Львградѣ печатію заведеніѣ Ставропигійскаго. (8) 4 стр.*

1837. *Орологіюмъ сѣрѣчь Часословъ ползѣтавный імѣай къ сѣбѣ слѣжеѣ церковнѣю съ мѣсѣцослѣкомъ и прочими оуказаньми всеіпапаго Бѣа благодѣтію въ Лѣокѣ тѣпаніемъ нжд. и тупомъ Инст. Ставр. при храмѣ Оуспен. Пречист. Богоматери издавъ въ лѣто гайлаз. (въ листѣ) 4 и 586 стр.*

1837. *Букварь славяно-рускій Львовъ 1837. (8)*

1837. *Стухъ во чѣсть Іего Преосв. Куръ Іоаннѣ Енѣгѣрско-мъ вѣскѣпови Перемъ. Самбѣр. и Сан. Дрови св. богословіѣ, бывшому дѣк. фак. богосл. при Бсѣч. Бѣдиньскѣмъ, јогоже членови, дѣректорови Инст. философскаго Перем. и т. д. мнлостивѣйшомъ добродѣјоки въ дѣнь св. Ивана Богослова днѣ 8. мѣсѣца Маја, рокъ 1837. во Баллѣвѣ, јакѣ во дѣнь Іего высокого тивенминитета Іосифомъ Лѣвѣцкимъ парохомъ Школьскимъ, оу подѣшојѣмъ Іего престола съ највѣдѣшимъ оушанованьјомъ сложеннѣй. Дрѣковано въ дрѣкарни Ставропигіјаньскѣй во Львовѣ. (4) 13 стор. (Примъчанія напеч. граждакск. писъмъ. въ первый разъ въ Львовѣ). Тотже стихъ напечатанъ въ евоже переводѣ на нѣмецк. язѣцъ въ Перемышль.*

1837. *Русалка Дѣвстрѣвая. У Будинѣ письмомъ короі всеучилища Пештанскаго 1837 (8) XX. и 133 стор.*

1838. *Evangelie sirfčy blagovčstie bogoduxovennyx Evag-
gelist'.* Къ Лѣткѣ тѣраніемъ, иждивеніемъ и тупомъ Инст. Сѣавр.
при Цѣрквѣ Оуспен. Прескѣат. Богоматери издадѣся въ лѣто 1838.
(въ листъ) 2 и 293 листовъ.

1838. Стіхъ во чѣсть Свѣ Превох. Преосвященнѣйшомъ
куръ Михайлѣ Лѣвицкомъ Митроп Галицк. Архиепископови Львовскомъ,
епископови Камінца Подольского, Свѣ Имп. вел. дѣй. тайн. совѣтнику
корн, докторови св. богословца и т. д. во днѣ св. Архистр. Михаила
днѣ 8. Ноемвриа 1838. яко во днѣ Свѣ кысорого тезоименитства,
Іосифомъ Лѣвицкимъ парухомъ Школьскимъ днѣцїи Перемыск. оу
пѣдъножиш Свѣ престола съ наибѣльшимъ оушаноканомъ сложннѣй. Къ
Перемышлѣ дрѣкочано къ дрѣкарнѣ рѣсского епископа 1838. (4) 10. стор.

1838. Стіхъ во чѣсть Свѣ Преос. куръ Василию Поповичѣ,
Епископови Мѣнѣчювскомъ, Архимандритѣ Теплицкомъ сс. Пѣ. Петра
и Павла, вѣльныхъ художествъ и любомѣдрїа докторови и т. д. во
днѣ поставленїа Свѣ Преоск. на Епископа во свѣто-Георгской Ар-
хикадѣдральной Цѣрквѣ Львовской днѣ 18. Марта 1838. Свѣ Ексцел-
ленциѣю Митр. Галицк. Михайломъ Лѣвицкимъ во присутствїи Свѣ
Екс. лат. Архїеп. Львовск. Францішка де Павла Ништека, Ормань-
ского Прихивиск. Львовск. Самвила Стефановича и Іоанна Енкрѣр-
ского рѣсского епископа Перѣм. Самбѣр. и Самецк. сложннѣй Іоси-
фомъ Лѣвицкимъ парухомъ Школьскимъ днѣцїи Перѣм. съ наибѣль-
шимъ вѣчтенїемъ. Къ Перѣм. дрѣкочано къ дрѣкарнѣ рѣсск. епископа
1838. (4) 4 стр.

1838. Вънецъ высокопо благодаренїа во чѣсть свѣтло празду-
ющаго Рождества Его Вел. Фердинанда I. кесара Аустрїйского, короля
Угерского, Ческ. Галицк. и Володимирского, Дѣмб. и Вен. Илїрїй. Кроат.
Далм. Славонск. Ерцгерцога Аустр. и проч. со всякимъ высокопочтенїемъ
днѣ 19. цвѣтня 1838. одъ кес. корол. конвїкта питомцовъ Гаврїиломъ Серичков-
скимъ тогожъ конвїкта питомцѣмъ сочиненнѣй. Въ Вѣднѣ содзволенїемъ кес.
к. цензури печатано въ типогр. ОО. Мехитаристовъ 1838. (4) 10. стор.

1838. Брѣлкенїлѣ Лѣтого переведѣнъ на мѣло рѣсскїи ѣ-
зыкъ и назканъ вѣгннїю Іосифомъ Лѣвицкимъ во Шкла 1838. Къ Пе-
ремышлѣ. (8) *тоже по нѣмецки стр. 7.*

1838. Возврѣнїе страшилища во Пестъ и Будѣ наступающаго
нѣсацемъ мартомъ 1838. года во время разлитїа Дуная, Сумеономъ Теофіл.
Лисенецкимъ Галицїанннѣмъ тецерь кес. корол. сожителїа Вѣдѣвскаго пи-
томцемъ въ мѣло-русскимъ языку изображенѣе. Въ Вѣднѣ со вѣзволенїемъ
кес. кор. цензуры печатано въ книгогаскарнѣ ОО. Мехитаристовъ 1838.
(8) 15. стр.

1838. Звукъ радостотворнаго гласа днемъ 8. Ноемврія 1838. г. яко во праздникъ торжествен. тезоименитства Его Превосх. Выс. преосв. и всечестивѣй. Госп. Г. Михаила Левицкаго, Митр. Галицкаго, Архiep. Львовскаго, еписк. Каменца Подольск. Его кес. кор. Апост. милости дѣйств. таин. совѣтъ. докт. св. богосл. и проч. питомцами ц. к. сожителца Вѣденскаго Архидіецезіи Львовской гр. кат. обр. разширенъ. Въ Вѣдѣ со изв. кес. кор. цензури печатано въ книготискарнѣ ОО. Мехитаристовъ 1838. (4) 10 стр.

1839. Молитвословъ содержащій Часы правилныхъ и прѣчла на каждыя дѣнь дѣшепасителнаго моленія, съ тропари и кондаки недѣльными, седмичными и всегò лѣта праздничными. Въ Львѣ тѣщаніемъ, иждивеніемъ и тупомъ Інст. Ставр. при цѣркв. Оусп. прич. Богом. изд. въ лѣто гдѣмъ (8) 4 и 676. стр.

1839. Радостное привѣтаніе Его цѣсарско-королевскаго Высочества Ери-Горцога Францишка Карля во Львовѣ мѣсяца Септемврія 1839. (Львовъ тип. Инст. Ставр. (4) 4. стор. Написалъ Антоній Мозильницкій. Первое сочиненіе напечатаное гражданскимъ письмомъ во Львовѣ.)

1839. Звонъ Шильера въ нѣмецкаго на языкѣ Галицко-Русскій переведенъ Іосифомъ Лѣвцикомъ во Шкал. Въ Перемышлѣ 1839 (8) 16. стр.

1840. Лейтургионъ сирѣчь свѣдѣнникъ содержащій къ себѣ лѣтургїи иже во стѣхъ оцѣ нашихъ Іоанна Златоустаго, Касилія Кел. и Григоріа деовслова Папы рим. со кѣми свѣдѣлами недѣльными, днѣкными, праздничными и обещными стѣмъ къ Перемышлѣ къ типографіи Епископской при храмѣ Рождества стѣго Іоанна крестителя. Р. Б. гдѣмъ. 1840. (въ листѣ) 4 и 693. стор.

1840. Чинъ вожѣственнаго лѣтургїи (ск. Іоанна Златоустаго) въ Перемышлѣ 1840. (въ листѣ) 44. стор. (особенный оттискъ изъ Лейтургиона).

1840. Внець благодарной милости днемъ 8, Ноемврія 1840 г. яко свѣтлоторжественный праздникъ тезоименитства Его Выс. преосв. Госп. Г. Михаила Левицкаго Митрополита Галицк. Епископа Львовскаго и пр. Теофиломъ Лисенецкимъ Питомцемъ ц. к. сожителца Вѣденскаго изъ гр. к. Архидіецезіи Львовской уплетенъ, весело приносятъ питомцы тогошъ ц. к. сожителца изъ гр. к. Архидіецезіи Львовской. Въ Вѣдѣ со извол. ц. к. цензури напеч. озъ книготиск. ОО. Мехитаристовъ 1840. 4 (8) стор.

1840. Молитвословъ для кыгѣды парафіанъ Шкѣльскихъ, выданный Іосифомъ Лѣвцикомъ свѣщенникомъ при цѣрквѣ Шкѣльскѣй. Въ Перемышлѣ къ друкѣрни Епископской при Храмѣ Рожд. св. Іоанна Крестителя 1840. (16) 161 стр.

1841. Трефологіонъ содержащій въ себѣ службы праздничномъ Господскимъ, Богородичнымъ и нарочитымъ стѣмъ въ прибавленіи-емъ Окціи Миніи службы ради повседневныхъ такожде и со тупи-комъ ѿ св. оцъ озаконынмъ. Къ Львовѣ тупомъ и нжд. Інст. Ставр. при Храм. Оусп. Прес. Богоматери къ лкто ѿ Рож. Хр. лѣтма (въ листа.) 6 и 888 стор.

1841. Часословъ малый. Львовъ 1841 (8).

1841. Архіерейское ѡкрестное посланіе (Михаила Левницкаго Митрополита) изъ латінскаго перекадннов р. в. лѣтма. Къ Перемышли въ тупогр. Епископской при соборн. храмѣ Рожд. св. Іоанна Крест. Р. Б. лѣтма. (8) 40 стр.

1841. Галицкіи приповѣдки и загадки збравн Григоріемъ Илькевичомъ. У Вѣдн напечатано черенками О. О. Мехитаристовъ 1831. (8) VI. и 124. стр.

1841. Мотыль на малорѣскѣмъ ѡзыцѣ, соч. Рудольфомъ Мохомъ. Къ Львовѣ тупомъ Ставропигіанскимъ 1841. (8) 40 стр.

Содержитъ поезіи: Выпрака для мотыла, Богъ, Гіло, добре тамъ да насъ нма, Чолокѣкъ, Пчолы, Дѣвъ. На докраночъ, До пріятелъ, Баба, Школяръ въ дорозѣ.

1841. Стіхъ во чѣсть Его Преосв. куръ Григоріа Шхмб-вича еписк. Помпѣнополтанского, Дра. св. Богосл. Любомѣдріа и вѣль-ныхъ штѣкъ, кѣстоша канітѣлы свато-Георгеской Львѣвск., и Ректора Генер. Семінаріи, бывшого схолѣстика, профіессора навки релігійной и Педагогін и дікана при всѣхч. Львов. ѡтъдѣленіа філософск. и т. д. во день поставленія Его епископы дна (21) 9. Новембрѣа 1841 р., во Архітадар. цѣрквен Львѣв. св. кланк. Георгіа и Его Преосв. Кысокопріос-сващеннѣишимъ Михаиломъ Лѣвницкимъ Митр. рѣскимъ Галицкимъ веп. Львѣв. во прісѣтствіи. Его Екц. Кысокопріосв. Фр. де Павла Пиштека лат. вейпа Львѣвск. Ихъ Преос. Самуила Стефановича орм. вейпа Львѣв. Іоанна Енѣгѣрек. рѣского вейпа Перім. Саме. и Сан. и Фр. Кса. Захаріасѣвича лат. вейпа Перім. сложннй Іосифомъ Лѣвницкимъ п. Школѣск. зъ рѣской діец. Перім. съ наибѣльшимъ почтеніемъ. Львовъ къ туп. Ставр. (4) 12 стр. Тоже все въ нѣмецкомъ ѡзыцѣ.

1841. Чувствія любви и благодаренія къ отечеству Буковинской Семінаріи питомцовъ на новій годъ 1841. Въ пользу въ скулости стражду-щихъ священническихъ вдовъ грек.-восточной церкви Буковинской епархіи жертвуютъ слухатели третіяго года Богословія. (Въ Черновцѣхъ) Тоже все на румынск. и нѣмецкомъ ѡзыкахъ. (Рускій и румынскій текстъ напечатаны гражданскимъ шрифтомъ).

1842. Літэргія іже въ сѣхъ оца нашегѡ Іоан. Златовстагѡ съ саджками крскрсною, Богородицы, за ксаков прошііѡв ѡ ѡсѡпшнхъ ѡдобнѣйшагѡ рѡди ѡупотребленіѡ изъ Літэргіаріѡна великагѡ изъѡта. Въ Львовѣ тшаніѡмъ, іжднкшійѡмъ и тшномъ Інет. Стар. при цѣрквн Оусп. Прск. Богоматѣри издѡдѡса въ лѣтѡ 1842. *въ листѡ 2 и 46 стр.*

1842. Надки парохіѡальныѡ на всѣ недѣли цѣлаго рѡку сочинѣныѡ Гаврїіѡмъ Паслѡвскимъ парохѡмъ Рѡвскимъ. Чѡстѣ пѣркаж. Въ Перѣмышлн въ тшпогр. Епископскѡй и пр. Р. Б. 1842. (8) 332 стр.

1842. Шїльѡера Борѡа со смѡкомъ (Рѡманчнкѣ) ѡ Порѣка (Бальѡлда) съ нѣмцкѡго на изыкѣ Гѡланцкѡ-Рѡсскїй перѡвѣдѣны Іѡснфѡмъ Лѣвїцкнмъ зѡ Шклѡ. Въ Перѣмышлн въ тшпографїн Епископскѡй при Собѡрн. Хр. Рожд. Св. Іѡанна Крест. 1842. (8) 16 стр.

1842. Бѣкварь новымъ спѡсѡвомъ ѡуложеныѡ для домашнѡн навѣн. Въ Львовѣ чернками заведѣнїѡ Стѡропнлїгїйскѡго 1842. (8) 34 стр. (Авторѣ Іѡсафѡтѣ Кѡбрынскїй). *Первыѡ разѣ азбѣка граждѡн. въ бѣкварѣ.*

1842. Спѡсѡбъ борзо выучнті читатн. *Въ Львоѡ чернѣк. завед. старѡп. 1842 (сочнн. Іѡсафѡта Кѡбрынскѡго) 43. стр. (Мѡдѡдъ ѡбученїѡ чтенїю пополовншъ гражд. пополовншъ цѣрк. бѣквѡма).*

1843. Катѣхїсѣмъ малыѡ. Львовѣ 1843 (8).

1843. Ѡѡвѣщѣнїе ѡпѡстѡльскагѡ Послѡнїѡ Свѡ скѡтѣйшества Грнгорїѡ XVI. папы Рїмскагѡ. Въ Перѣмышлн въ тшпогр. Епн. при собѡрн. Храмѣ Рожд. св. Іѡанна Крестнт. Р. Б. 1843. (8) 19 стр.

1843. Рѡковѡдство ко рахѡвнкамъ для дѣтѣѡ почннѡющнхъ вчїтнса въ трїѡвїальнѡѡ школѣ во Шклѣ рахѡвѡтн, наплсѡлѣ Іѡснфѣ Лѣвїцкїй. (Въ Перѣмышлѣ 1843?) (8) 40 стр.

Сѡдержнтѣ: Введѣнїе (стр. 2.) Вѡтдѣленїе перѡвѡ. О цѣлѡхъ вѡднакѡвѡ-нменѡванныхъ числѡхъ. Гл. I. ѡ нѣмерѡцін (численїн), гл. II. ѡ сложенїн числѡ, гл. III. ѡ вчїтанїн числѡ. гл. IV. ѡ повѣрцѣ сложенїѡ и вчїтанїѡ, гл. V. О ѡмноженїн числѡ, гл. VI. ѡ дѣленїн числѡ; гл. VII. ѡ повѣркахъ (прѡвѡхъ) ѡмноженїѡ и дѣленїѡ (31) Вѡтдѣленїе вторѡв, ѡ цѣлѡхъ вѡднакѡвѡ-нменѡванныхъ числѡхъ гл. I. О рѡздрѡбленїю вѡлшнхъ на нѣнѡвѡнїѡ на мѣншнѡ, та прѡвращенїн мѣншнхъ на вѡлшн гл. II. ѡ чѡтырѡхъ спѡсѡбахъ рахѡванѡ вѡднакѡвѡ-нменѡванныхъ числѡ.

1843. Изѡѡдка рѡсскаѡ для наймѣншнхъ дѣтѣѡ почннѡющнхъ ходнтн до школѡ. (сочнн. Іѡснфѡмъ Левнцѡгѡ въ Перѣмышлн 1843?) (8) 16 стр.

1844. *Извѣстка рѣсская для наименьшихъ дѣтей починающихъ ходити до школы трівіальной къ Школѣ. Выдѣржкована къ Перемышлан надѣ Еваномъ 1844 року. Написалъ Іосифъ Лѣвчикій. (кажется 2 издание.)*

1844. *Апостоли и Євѣнгеліи на весь годъ недѣламъ, праздникамъ и пѣматн стѣхъ прилична. Во Львовѣ Печатію Інститута Статуоп. законд (8) сѣд (294 стр.)*

1844. *Шіллера Нѣрокъ або Бодолѣзь (валладда), Ходъ до залѣзнои гѣты (каладда) и Рскавичка (казка) съ нѣмецкого языка на Галицко-рѣсскаій переведены Іосифомъ Лѣвчикимъ во Школ. Перемышля надѣ Еваномъ къ типогр. Єпп. при Храм. Рожд. св. Іоанна Крест. Р. Б. 1844. (8) 16. стор*

1844. *Рѣководство ко оумноженію и годованію садовины по слахъ и мѣстечкахъ, написанное К. Гавришкевичомъ парохомъ Новосельскимъ. Къ Перемышлан къ типографіи Єпископской при соверш. Храмѣ Рождества св. Іоанна Крестителя законд. VII и 86 стор.*

1844. *Слово на праздникъ Покрова Пресв. Богородицы говоренне къ церккѣ перкопрестольной Львовской св. великом. Гевргіа Іеремъ Михаиломъ Малиновскимъ року 1843. Къ Львовѣ въ книгопечатни Статуопигіанской 1844. (8) 24. стор.*

1844. *Молитва ѿ еже во стѣмъ соединеніи непоколебимо стати. (8) 4. стор.*

(безъ выр. мѣст и года печ.) во Львовѣ 1844?

1844. *О оумиреніи церкви (прибавл. на проскомидіи и службѣ Къ Перемышлан къ Єпп. типогр. около 1844. г.) въ листѣ 2 стор.*

1845. *Изъясненіе на вожествовнню Літвргію списанное священникомъ Михаиломъ Малиновскимъ. Во Львовѣ иждивеніемъ и типографіею Інститута Статуоп. при Храмѣ Оупенія Пречист. Богоматери года 1845. (8) VI, 216 стор.*

1845. *Грамматика нѣмецкого языка. для студентѣкъ першои и дрѣгой классы, по школахъ трівіальныхъ и парафіальныхъ во королевствахъ Галиціи и Лодомеріи, Державѣ Австрійской подѣданныхъ ко выгодѣ народа Галицко-рѣсского, написалъ Іосифъ Лѣвчикій священникъ при церкви Школьной. Продаваема неоправна по 19. кр. въ срѣблѣ, оправна по 25 кр. срѣблѣ. Въ Кѣдин 1845, иждивеніемъ ц. к. книгъ школьныхъ админістраціи при св. Аннѣ на св. Іоаньской оулиці (8) IV, и 228 стор.*

1845. *Бѣлѣйна. Исторія новаго завѣта на потребъ главныхъ оучилищъ въ ц. к. Австрійскихъ державахъ съ кинманіемъ на юношество*

рѣсков школь парафіалпныхъ или еласкихъ и съ приклявініемъ краткаго содержанія догматыки кадальческой перекедіна съ нѣмецкаго языка Іеріемъ крыл. В. А. П. и Б. Оу. А. (Венедиктома Левицкимъ Профессоромъ правоучит. богосл. въ Универзит. Львовск.) Перемышль въ типографіи Епископской при соборномъ Храмѣ свѣта Іоанна крестит. Р. Б. 1845 (8) 166. стор.

1845—1846 (?) Библійнаи Исторія ветхаго завета. Въ Львовѣ.

1845. Запросины до предплаты на I. часть сочиненія: Вѣнок Русинам на обжинки удеген издаванему к поэтѣ и запомозѣ поводнею в убожество приведенныхъ Галичскихъ селян. у Вѣдн 1845. изд. Иванъ Б. О. Головацкій. (На отвертѣ листочку).

1845 — 1846 (?) Пѣсни съ нотами, соч. Басиліа Фрлтевича пароха православнои вси Тавтрѣкѣ впархіи Бѣковинской напеч. въ Черновцахъ оу Екхарда (8).

1846. Богъ, ѡда Гаврііла Романовича Державина на рѣскома, польскома и нѣмецкома языцѣ. (Тоже по польски и по нѣмецки) (Львовъ 1846) (8) 15. стр.

1846. Надки парохіалпныхъ на всѣ недѣли цѣлаго рѣка сочиненныхъ Гаврііломъ Паславскимъ парохомъ Рѣскимъ. Часть вторая. Въ Перемышлѣ въ типогр. Епископской и пр. Р. Б. 1846 (8) 209 стор.

1846. Стіхъ во чѣсть и залогъ всеблагодѣрственной любви Свѣ Проксехудитѣствъ куръ Міханіа Левицкома (Антр. Гал. архіеписк. Львов. еписк. Камінца Подѣлскаго, Свѣ Імпер. Бел. дѣи. тайн. сов. знаменитаго ордина Австрийск. Імпер. Леопольда великаго крестѣ калѣрѣ, Дрѣ св. богосл. и пр. оуложенъ въ нарочитый день тизенменнитетка, питѣмцами семінаріи Сен. Ср. кад. Льв. и. го Ноемврѣ 1846) (4) 11. стр.

1846. Молѣтва задтренаа ѡ ѣже день въ трезвѣніи прити, 2. ѡ ѣже во крѣма йскъшіа ѡ опійлетка сохранитиса, и 3. на сонѣ градѣшнимъ, ѡ ѣже калгодарити за день въ трезвѣніи, совершентъ. (8) 3. стр. (Безъ влр. мѣст. и года печати) во Львовѣ 1846 (?).

1846. Вѣнок Русинам на обжинки уплѣтъ Иванъ Б. О. Головацкій. Часть первая, к пользѣ и вспоможенію Галицкихъ селян через поволень вторѣчну подупалыхъ. У Вѣдн черенками О. О. Мехитаристѣвъ 1846. (16) 215. стр.

Посвящено: Его кор. Выс. Каролю Людовику изъ Бурбон Іяванту Шпаніи и проч. самодержавному Воеводѣ Луки).

1847. Вѣнокъ Русинамъ на обжинки уплѣтъ Иванъ Б. О. Головацкій. Часть вторая. У Вѣдн черенками О. О. Мехитаристѣвъ 1847. (16) XII. и 396 стр.

(Посвящено: Его Превосх. Высокопреосв. Высокодостои́йшему Г. Юсифу Раяичу правосл. восточн. церкви Архієпископу Карловецкому и всего въ цѣс. кор. державахъ обрѣгающагося славено-сербского и волошского народа Митрополиту, Его цѣс. вл. дѣйств. тайн. сов. благодѣтельнѣйшему челоуѣколюблю, ревнительнѣйшему защитителю благочестія, великодушному покровителю просвѣщенія народнаго.

1847. Чинъ оутрени и вечерни во оупотребленіе ѿношества парафіалнаго, изключеніемъ пракительствующихъ. Въ Пермьшан въ типографіи Єпископской при соборномъ Храмѣ Рожд. св. Іоанна Крестителя и Предтечи Рокъ Божіа 1847 (8) 64 стр.

1847. Гласопѣснецъ малый въ немже пѣніе весношное, самогласни, колгарстін, тропари воскрес. и кондаки, подоби пркѣмени воскресни и лѣтсргійни, и иная пѣніа церковная содержатся. Сочинитель (собствен. составитель) Козмакъ. Во Львовѣ тип. Інст. Ставроп. 1847 (8) 4 и 146 стр.

1847. Умнѣ Благодѣтельными (стишокъ въ память заложения села Немеровки, напеч. кажется во Львовѣ 1847 (?) въ тип. зав. Ставр. кириловскими и потомъ тоже польскими буквами). (8) 4 стр.

1847. Благоговѣйнаа размышленіа, русскимъ чадомъ къ чтенію ѿпредѣланнаа сочинительницею пѣматки по доброй мѣтери, изъ подлинника англійскаго на языкъ польскій, изъ того же на швейцарско-славенскій перекаданнаа Стѣфаномъ Єімашиемъ. Во Львѣградѣ печатію завѣд. Ставроп. 1847. (съ изображеніемъ) (12) VI и 78 стр.

1847. Лѣственца къ влаженному животу, или наѣка спасительнаа на свѣта всего лѣта сложеннаа Александромъ Мингаліичемъ, парохомъ и наѣкстникомъ Євклоушскимъ. Въ Бѣдинѣ градѣ писмѣны краал. Всѣшчланца Пештанскаго 1847. (8) X и 232 стр.

Посвящено: Высокопочт. и Превосв. Архієрєю курь Елсидію Целовичу Єпису Мѣнкачѣвскомъ, Якии сс. ла. Петра и Павла ѿ Тылицы, вольныхъ художествъ и любомѣрїа доктороки.

1847. Наѣки парохіалныа на недѣлы всего лѣта, изданныа Ѡсодоромъ Бѣтѣцкимъ парохомъ Далешивн и тогоже наклѣдомъ на користь вдовъ и сиротъ капланскихъ напечатаны. Во градѣ Чернокцухъ, лѣта ѿ копа. Бѣа Глока 1847. Книга перкал. (8) 4 и 476 стр.

1847. Наѣки парохіалныа и проч. Тамже. Книга втораа (8) 507. стр.

1847. Наѣка о Оуправѣ тютюну для Галиціанѣвъ, иждивеніемъ правительскимъ издадѣса. Въ Бѣдиню 1847 въ цесар. краал. надворнои и краіокон типографіи (8) IV. и 34. стр.

Содержаніе: Предисловіе, Введеніе, гл. 1. Шкъ ходити коло розсадинокъ, гл. 2. Шкъ грѣитъ шеврати на тютюнъ и шкъ го оуправлати, гл. 3. Шкъ тютюнъ садити и що коло него робити, нимъ достигне, гл. 4. Шкъ зеврати тютюнъ и дальши коло него робити.

1847.. Радостная пѣснь Рѣсина Галичанина въ день праздника св. Архистр. Михаила, а именинъ такожь Его Превосходительства Провсвѣщеннаго Архіепіскопа Метрополиты Львовского, Галицкаго и Епископа Каменецкаго куръ Михаила къ сѣлк Оуникѣ дна и новѣкріа лѣта Божого лавмъ (4) 4. стр. (Сочин. А. Петрушевичъ).

1847. Надгробное поѣма Его Превосх. блаженнопочиеннаго куръ Іоанна Енѣгѣрскома Епископа Перемыск. Самб. Сан. и проч. Его ц. к. Апост. вел. дѣйств. тайн. сов. и св. богосл. очитіаю и пр. сопамініниками благодарными къ вѣчной памати посвѣщеннов: во время же благоговѣнія во оупокоеніи дѣши блаженно оупошаго 1го дна мѣсца Листопада 1847 г. во храмѣ Ставропигіи. оуп. Преск. Богор. совершаемаго присѣнимъ тѣмъ подаваемое. Соч. Стефанъ С. (Сѣмашъ). Въ Львѣградѣ печатію зав. Ставроп. 1847 г. (4) 7. стр.

1847. Стіхъ печальный блаженной памати Его Превосх. и Превосх. куръ Іоанна Енѣгѣрсаго Еписк. Перемыскаго, Самб. и Сан. Его Имп. вел. дѣй. тайн. сов. св. Богосл. доктора и проч. преставаинаго въ Сент. лавмъ года оупоженъ питомцами Семінаріи Ген. Ср. кад. Львов. (безъ выраженія мѣста печати, безъ сомн. во Львовѣ въ тип. Ставр. (4) 4. стр.)

1847. Глаза посвѣщенна памати Его Превосх. Превосх. куръ Іоанна Енѣгѣрсаго тайн. сов. Его Имп. кор. вел. Еписк. Перем. Самб. и Сан. докт. св. богосл., директ. школы философскон въ Перемышлн и т. д. оупошаго въ Перемышлн 23/12 септ. 1847 року съ польскаго (Богумила изъ Ветланна) на Галицко-рѣсскій языкъ перевѣлъ Іосифъ Лѣвѣцкій зъ Грѣшкон. Въ Перемышлѣ 1847. (8) 8. стр. не помѣченыхъ.

1847. Глаза посвѣщена памати Его Превосх. Іоанна Енѣгѣрсаго Еписк. Перем. Самб. и Сан. Его Имп. вел. дѣй. тайн. сов. Дра св. богосл. и т. д. дна 24 Септ. 1847 оупошаго черезъ Богумила зъ Ветланна, перевѣлъ изъ польскаго Янт. Лѣвѣцкій, (безъ выраженія мѣст. печ. безъ сомн. въ Перем. въ еписк. тип. (4) 4. стр.)

1847. Глаза надъ гробомъ Іего Превосх. и Превосх. куръ Іоанна Енѣгѣрсаго Еп. Пер. Самб. и Сан. Іего Н. ц. Ап. вел. дѣй. тайн. сов. св. бог. докт. отдѣла философскаго въ Лицѣзмъ Перем. директ. и про. оупошаго дна 12/24 врсня 1847 року изъ польскаго черезъ Боголюбѣ зъ Ветланна перевѣдена Теодоромъ Л. (Лонтовичемъ)

(безъ выраженія мѣста печати; безъ сомн. во Львовѣ тип. Ставр.) (4)
8. не помѣченъ.

1847. Плъчь на гробѣ Свѣ Превосв. ѿ Превосв. кврѣ Іоанна
Снягѣрскаго Єпископа Пермьскаго, Слмв. и Слн. Свѣ Имп.-царскаго
Ип. вѣл. дѣйств. тайнаго совѣтника. св. вогосл. дѣктора и проч. и пр.
и пр. оумршаго ¹³/зъ Сеп. а погребеннаго ¹⁸/зъ тогоже мѣсца 1847 рокѣ
(безъ вырж. м. печати. кажется во Львовѣ въ тип. Ставр.?) (4) 4.. стр.

П О П Р А В К И:

на стр.	243	въ	10	стр.	зъ	горы	стоятъ:	Вортухъ	вм.	Вертухъ
"	"	"	"	24	"	"	"	Schelle	вм.	Schleife
"	"	244	"	13	"	"	"	Выслиця	вм.	Veseliya, Regenbogen
"	"	"	"	20	"	"	"	Выстенка	вм.	Vystenka
"	"	"	"	4	"	"	долу	haarstreibiger	вм.	haarsträubiger
"	"	245	"	15	"	"	"	Головити	вм.	Goloviti
"	"	"	"	16	"	"	"	Головсь	вм.	Golovs
"	"	"	"	10	"	"	"	prachthast	вм.	rauhhaft
"	"	246	"	4	"	"	"	streifschichtige	вм.	streifschichtige.
"	"	"	"	8	"	"	"	доткнутися	вм.	dimirknutis
"	"	"	"	4	"	"	"	Заголови	вм.	Zagoloviti
"	"	247	"	13	"	"	"	sich einnigten	вм.	sich einnigten.
"	"	248	"	4	"	"	"	Ofenstüpfel	вм.	Ofenstüpfel
"	"	"	"	8	"	"	"	Zwirnfäden	вм.	Zwirnfäden
"	"	249	"	13	"	"	"	Fischfäden	вм.	Fischfäden.
"	"	"	"	17	"	"	"	замесло	вм.	zneslo
"	"	250	"	13	"	"	"	Лупай	вм.	Lupaj
"	"	"	"	8	"	"	"	Quarzkäse	вм.	Quarzkäse
"	"	251	"	1	"	"	"	Stabe	вм.	Rabe
"	"	252	"	16	"	"	"	die	вм.	d. i.
"	"	"	"	4	"	"	"	Низекъ	вм.	Nizekъ и низько. Höhle, Stube, Hof; Nische.
"	"	"	"	1	"	"	"	Schabeilen	вм.	Schabeifen.
"	"	"	"	1	"	"	"	Kolletterin	вм.	Kolletterie.
"	"	253	"	1	"	"	"	Омизинца	вм.	Omisinca

СОДЕРЖАНІЕ.

	стор.
ПОЕЗІИ. А. Заклинського: Памятникъ надгробный Митрополита Киръ Григорію Яхимовичу	—
Н. Устмановича: Смерть (зъ хорватскаго)	1
Сироты зъ Украини: Братиямъ на Украину. Споною рабскаго не хочу я. До старон моеи неньки. Родилась ты убогою. Последній день. Пророкъ. До П. М. Ар. До себе.	2 - 5
Данила Млаки зъ Буковины: То наши дѣби високи Карпаты. Розлука козака. Козакъ и зазуля. Чему Русинъ плаче. Где сердце мое. Мельника дочка. Фата-коргана. Мое сердце безъ весновки	5--8
Ө. Г—го: Душка	8
Т. К. Блоньскаго: Акерманская пльаница (поема)	9
І. Озаркевича: Русь и ей дѣти	35
П. Костецкаго: Слава Богу, слава намъ! Бездѣтныи	36
І—го зъ П.: Пѣснь Русина	37
А. И. Павловича: Душка І. П. Ш.	38
О. П. Рафаловича: Покуса. Ой тамъ у полю	39
Н. П. Б—ва: Звычайная повѣсть (зъ російскаго)	40
А. Лужецкаго: Рочница	40
ДРАМА. Н. Костомарова: Кремуцій Кордъ	41
ПОВѢСТИ. А. Кралицкаго: Князь Лаборець.	73
Д. Мордовцева: Салдатка	85
В. Д. З—го: Розмова съ Армяниномъ	100
М. И. К—мъ зъ-подъ Кальваріи: Чымъ бы я хотѣлъ быти	105
ЗЕМЛЕПИСЬ И ИСТОРИЯ. И. Р—ча: Высоты восточнои Галичини и Буковины	110
А. С. Петрушевича: Историческое извѣстіе о Почаевской Обители ч. св. В. В. и типографіи ея	158
А. Кралицкаго: Дата къ исторіи Угорскихъ Русиновъ	181
И. Кулжинскаго: Последное пятидесятилітіе Польщи отъ 1764 по 1814 г.	191
О. Партицкаго: Червоная Русь въ часахъ предъ-историчныхъ	208
И. Шараневича: О первыхъ князяхъ на Острогу Острогскихъ	226
А. Петрушевичемъ сообщенное: Приключеніе зъ 1771 года	229
ЯЗЫКОСЛОВІЕ. І. А. Бурачиньскаго: Котори причины оправдуютъ науку въ матернои языкъ	232
И. И. Магуры: Сборничокъ словъ яко матеріалъ до рускаго Словаря	242
ОБРЯДЪ. И. М. Г—и: Колька словъ о цѣлости устава св. литурги	259
З. Г. Завалицкаго: Уваги надъ брошурою Пана А. П. Подбрусняненъа: „О книгахъ Богослужбенихъ особеннеже о Литургилахъ“	280
Ъ. Б. Ъ: Чувства Русина по поводу заключеніи въ Римъ конкордіи 1863	288
Голосъ зъ народа: Соборъ Замойскій и Уставъ Божественной Службы по обычаю великой Церкви и Святой Горы бываемой	293
БИБЛОГРАФІЯ съ 1772 до 1848 г. Я. Ө. Головацкаго	309

